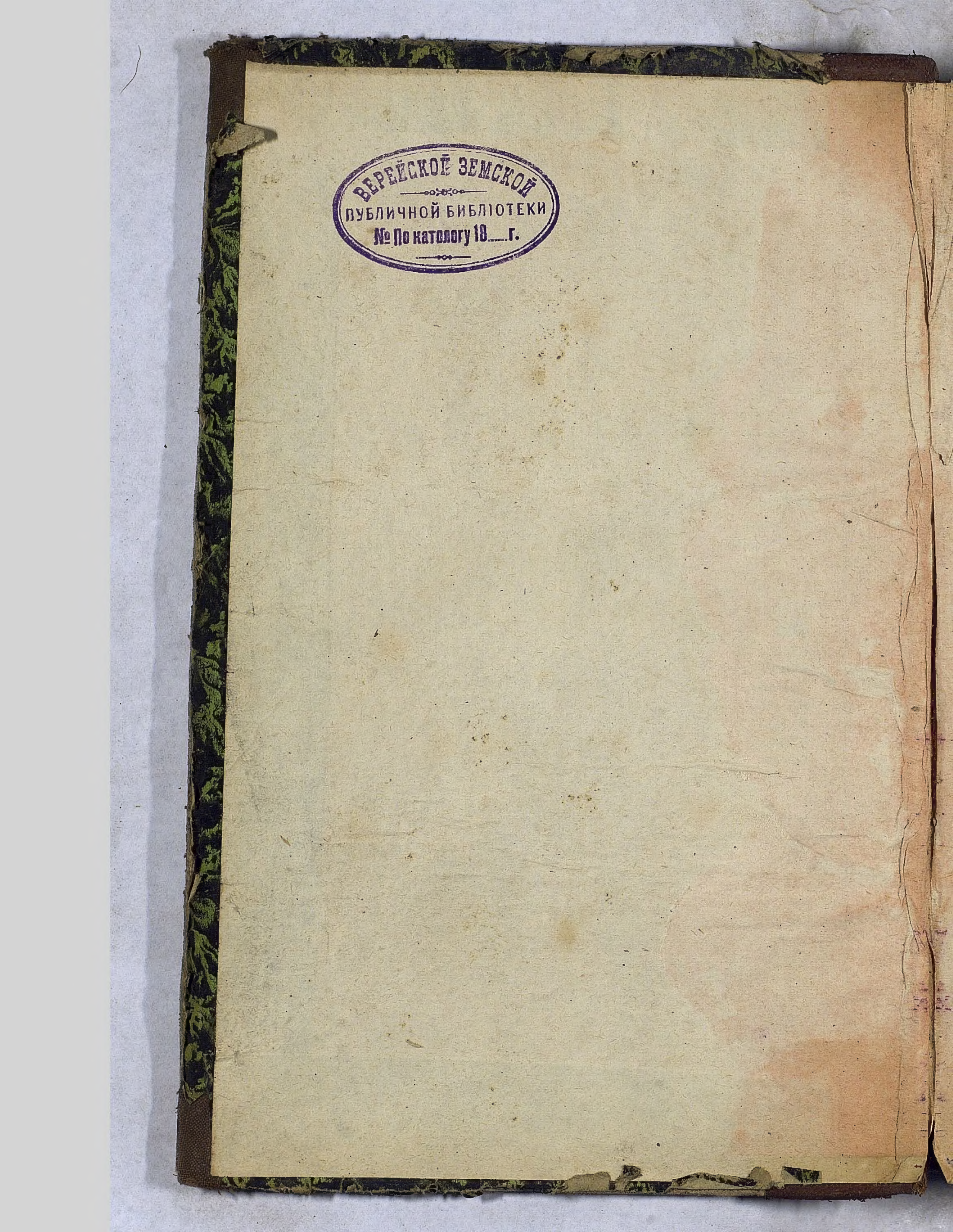

ВЕРЕЙСКОЙ ЗЕМСКОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛIОТЕКИ
№ По катологу 18.....г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. **ІЮЛЬ.** 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера**, 1808—1858. Гл. I—X. Сообщ. А. Лопатинскій . . . 1

II. **Дневникъ Александра Васильевича Никитенко**, 1830—1832 гг. . . . 27

III. **Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ**, 1861 г. Сообщ. проф. Н. А. Ѳирсовъ . . . 61

IV. **Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ**, 1804—1873. Гл. VI. . . . 81

V. **Къ литературной и общественной исторіи** 1820—1830 гг. Сообщ. В. Е. Якушкинъ . . . 111

VI. **Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.** Письма къ нему Боева, Баклановскаго и Леонтьева въ 1677 г. Сообщ. А. Востоковъ . . . 129

VII. **Свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ** въ 1820—1843 гг. Сообщ. С. И. Погодина 137

VIII. **Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ** въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ . . . 163

IX. **Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ.** Записка, представленная имъ ген.-адм. е. и. в. вел. кн. Константину Николаевичу въ 1850 г. 177

X. **Къ вопросу о болгарскомъ ополченіи** 1877—1878 гг. Сообщ. Д. Г. Анучинъ . . . 195

XI. **Археологическій институтъ** въ 1888—1889 учебномъ году . . . 205

XII. **Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства**, 1800 г. . . . 211

XIII. **Матеріалы, замѣтки и стихотв.:** Историч. могилы въ г. Березовѣ (133).—Огаревъ (110, 128, 162, 210).—Вилія, стихотв., переводъ изъ Мицкевича (203).—В. А. Каратыгинъ (159).—В. Ѳ. Лауниць (183).—Бѣлая монахиня въ Пензѣ (193).—Т. П. Пассекъ (187).—Общество Красн. Креста (190).

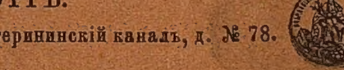
XIV. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Константина Ивановича Домонтовича**, гравиров. художникъ И. И. Матюшинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1889 г.

Исторія Тверской духовной семинаріи. Ко дню 150-лѣтняго юбилея семинаріи. Сост. препод. Владиміръ Колосовъ. Изд. иждивеніемъ архіепископа Саввы. Тверь, 1889, въ б. 8 д., стр. X+464.

Празднованіе 150-лѣтняго юбилея Тверской духовной семинаріи 16-го февраля 1889 г. Состав. преподав. семинаріи, В. Колосовъ. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 96.

Почтенный трудъ одного изъ усердныхъ и весьма свѣдущихъ членовъ Тверской ученой архивной комиссіи «Исторія тверской семинаріи» заключаетъ въ себѣ множество интересныхъ свѣдѣній, имѣющихъ значеніе не только по отношенію къ этому только учебному заведенію, но и вообще для исторіи хода духовно-учебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ; книга г. Колосова по справедливости можетъ служить образцомъ для такого рода изслѣдованій.

Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи. Изданіе Спб. губерн. земства. Спб. 1882—1889, въ б. 8 д. Десять выпусковъ.

Превосходное изданіе Спб. губ. земства, во главѣ управы котораго издавна стоитъ И. А. Горчаковъ—высокоуважаемый земскій хозяинъ и обществ. дѣятель. Изданіе вмѣщаетъ въ себѣ массу данныхъ о крестьянскомъ и частновладѣльческомъ хозяйствѣ въ большинствѣ уѣздовъ этой губерніи; всѣ свѣдѣнія собраны на мѣстахъ, при личныхъ объѣздахъ земскихъ статистиковъ, и сведены въ строгую систему трудами А. В. Гизетти (завѣд. статист. работами Петерб. губ. земства), Н. Дроздова и Я. Абрамова.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Сост. В. Зелинскій. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Москва, 1887—1888 гг. Цѣна 3 р.

Русская критическая литература о произведеніяхъ графа Л. Н. Толстаго. Состав. В. Зелинскій. Три части. Москва, 1888. Цѣна 3 р.

Вполнѣ полезныя книги—въ особенности для среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, какъ хорошее пособіе при изученіи творчества этихъ великихъ русскихъ писателей и отношеній къ нимъ русской критики различныхъ періодовъ ихъ дѣятельности.

Проф. Мих. Бобржинскій. Очеркъ исторіи Польши. (Dzieje Polski w Zarysie). Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго университета Н. И. Карѣева. Спб., 1888 г., томъ I, въ 8 д., стр. II+292. Изд. Ф. Пантелѣева. Цѣна съ билетомъ на второй томъ 5 р.

Прекрасный переводъ очень хорошаго сочиненія, польза и необходимость котораго для читающаго русскаго общества несомнѣнна. Въ русскомъ обществѣ бранятъ зачастую Польшу и поляковъ, много предубѣждены противъ нихъ, а между тѣмъ исторія этого столь родственнаго намъ народа—почти намъ невѣдома. Въ первомъ томѣ названнаго изданія она изложена по отношенію къ первоначальной и средневѣковой Польшѣ.

Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія.—Монографіи и критическія статьи А. П. Пятковскаго. Въ двухъ частяхъ. Второе дополненное изданіе. Спб., 1888, въ 8 д., стр. 298+355.

Почтенный издатель-редакторъ двухъ журналовъ «Народная школа» (XXI г.) и «Наблюдатель» (VIII годъ изданія) принадлежитъ къ опытнымъ писателямъ, подвизающимся въ области серьезной литературы болѣе тридцати лѣтъ. Извѣстный педагогъ, А. П. Пятковскій составилъ себѣ имя нѣсколькими замѣчательными трудами въ области исторіи русской литературы. Нѣсколько изъ лучшихъ монографій, ему принадлежащихъ, вошли въ составъ названнаго сборника, который положительно долженъ занять мѣсто въ библіотекахъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и у каждаго интересующагося исторіей литературнаго и общественнаго развитія въ Россіи. Такъ, въ этой книгѣ мы, между прочимъ, находимъ: о жизни и сочиненіяхъ фонъ-Визина. Цензурный проектъ Магницкаго.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

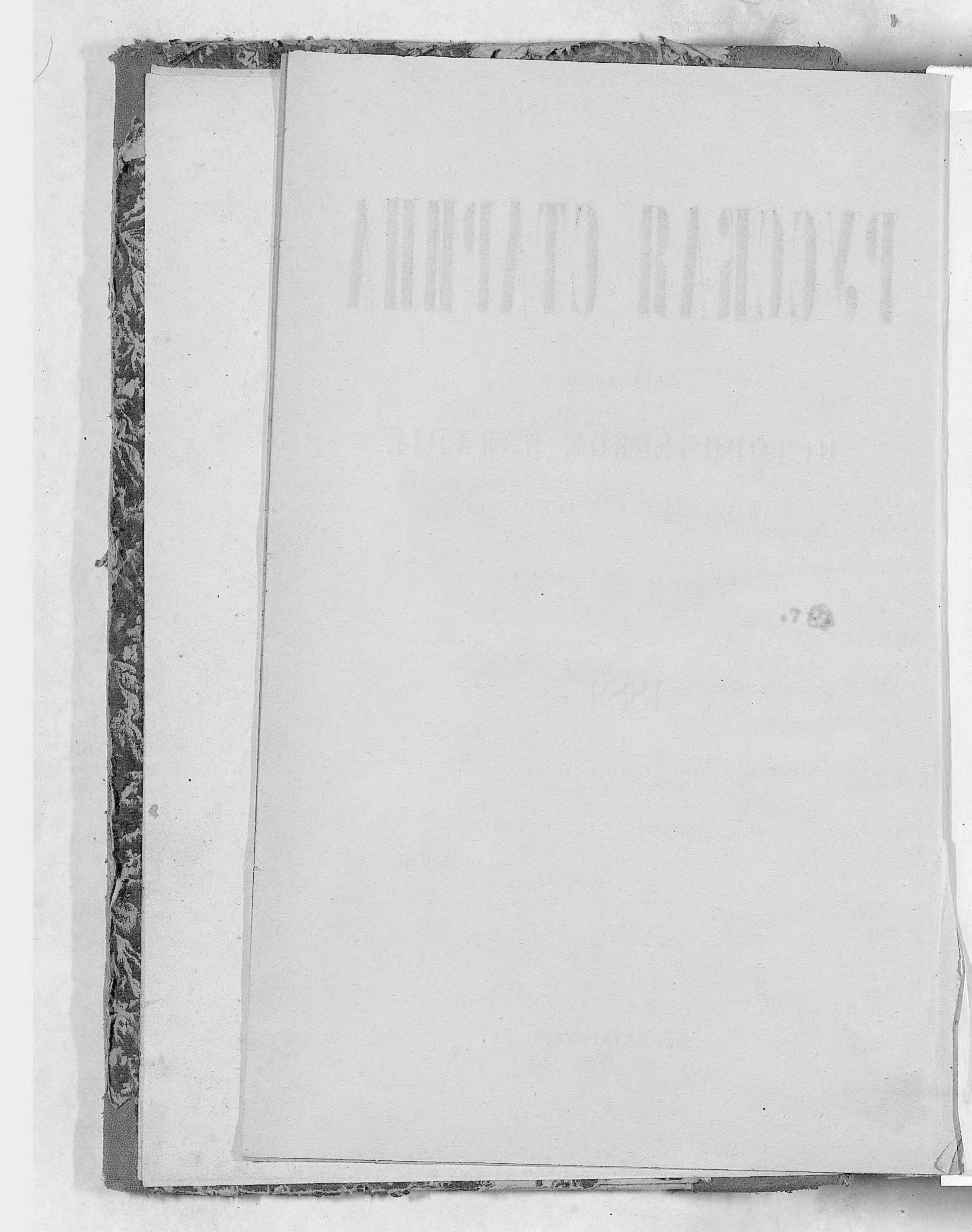
1889 г.

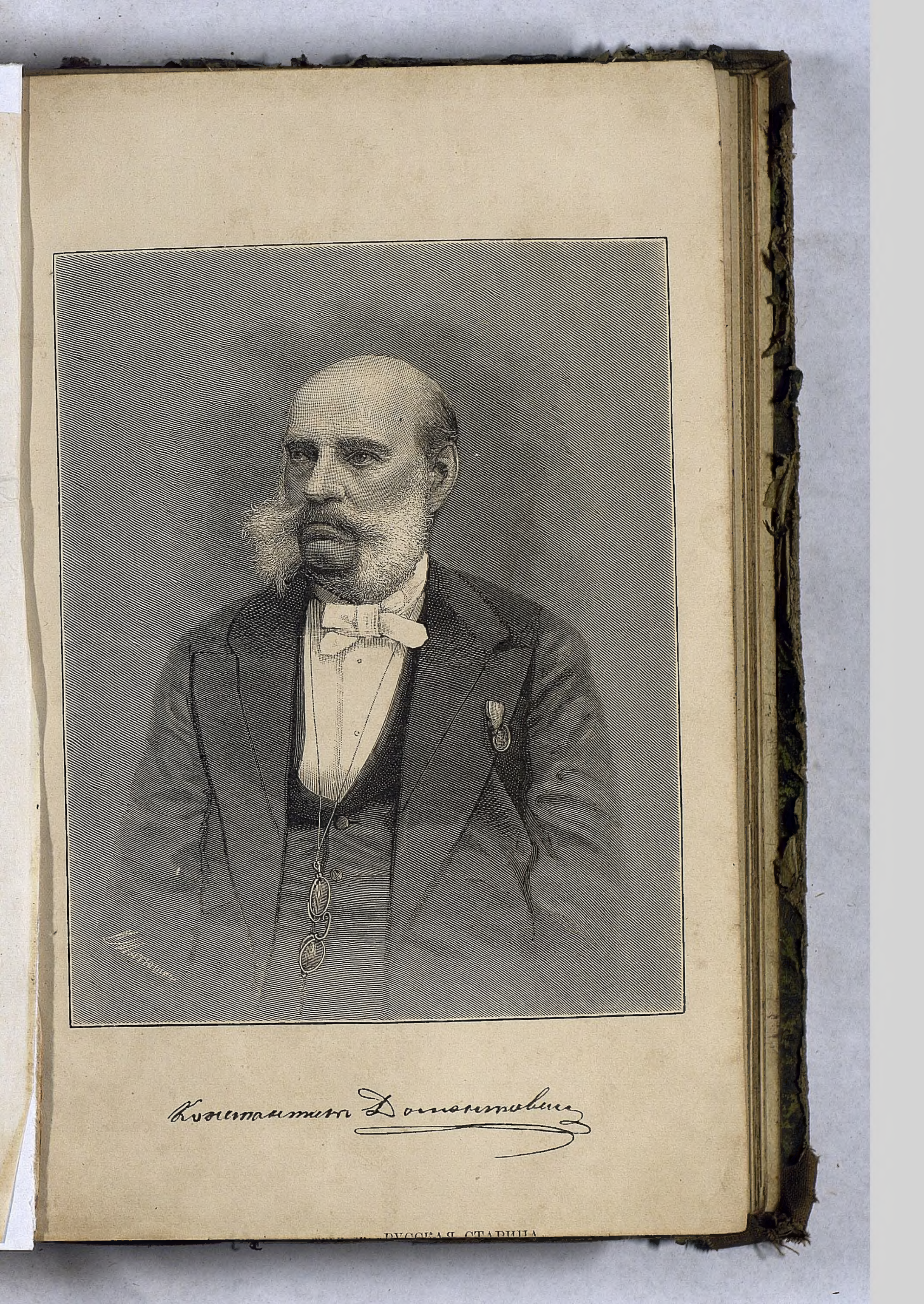
ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1889.

Константинъ Домонтовичъ

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМІРА ТЕРЛЕЦКАГО,

бывшаго греко-уніатскаго миссіонера

1808—1858.

Предлагаемыя записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, доктора богословія и медицины, любопытны во многихъ отношеніяхъ. Изображая въ послѣдовательномъ разсказѣ бурную жизнь бывшаго польскаго революціонера, затѣмъ уніатскаго агитатора, протекшую, главнымъ образомъ, въ Парижѣ, Римѣ, въ продолжительныхъ странствованіяхъ на востокѣ, въ Галичинѣ и Угорщинѣ, наконецъ, архимандрита—въ лонѣ православной церкви мирно окончившаго жизнь въ Россіи, записки Терлецкаго представляютъ грустную картину безплодныхъ попытокъ одного человѣка достигнуть того, о что тщетно разбивались, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, усилія многихъ святителей церкви,—соединенія западной и восточной церквей. Въ запискахъ этихъ разъяснена понятная только для западно-русскаго человѣка метаморфоза одного изъ дѣятелей польскаго возстанія 1831 года, яраго католика, чрезъ посредствующее звено уніи, въ монаха греко-россійской церкви, православнаго архимандрита и убѣжденнаго русскаго патріота. Поучительна судьба архимандрита Владиміра не только для всѣхъ колеблющихся въ своихъ убѣжденіяхъ умовъ западной и югозападной Россіи, но и для немногочисленной, правда, но все-таки заявляющей о своихъ притязаніяхъ, польской интеллигенціи въ западной окраинѣ,—этомъ паростѣ на здоровомъ ядрѣ искони русскаго края.

Архимандритъ Владиміръ, на склонѣ своихъ лѣтъ, проживалъ на покоѣ въ Одессѣ. Находясь съ этимъ многоиспытавшимъ старцемъ въ дружескихъ отношеніяхъ и зная съ давнихъ поръ, не только на основаніи личнаго съ нимъ общенія, но и продолжительной переписки, всѣ болѣе или менѣе выдающіяся обстоятельства его жизни, я рѣшился, по его просьбѣ, принять на себя трудъ редактировать записки нынѣ уже покойнаго о. Владиміра и предложить ихъ на судъ русской публики, помѣстивъ оныя на страницахъ уважаемаго изданія «Русской Старины».

Л. Лопатинскій.

Пятигорскъ, 11 января 1889 г.

I.

Дѣтство.—Кременецкій лицей.—Виленскій университетъ.

Я родился въ 1808 году, въ селеніи Волицѣ-Дубиской, Волынской губерніи, Староконстантиновскаго уѣзда, отъ отца Андрея Васильевича и матери Франциски изъ Оснѣскихъ Терлецкихъ. Фамилія Терлецкихъ принадлежитъ къ древнему червоно-русскому дворянскому роду, выводящему свое происхожденіе изъ села Терло, близь Перемышля, стольнаго города Перемышльскаго княжества, входящаго теперь въ составъ Галиціи. Къ этой фамиліи принадлежало нѣсколько уніатскихъ епископовъ, и, между прочимъ, печальной памяти Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, одинъ изъ самыхъ главныхъ поборниковъ уніи, кромѣ того, Меѳодій Терлецкій, епископъ Холмскій и другіе. Въ настоящее время многіе представители фамиліи Терлецкихъ проживаютъ въ Галиціи; одни, придерживаясь уніи, остались вѣрными русской народности, а другіе, измѣнивши родной вѣрѣ и окатоличившись вполнѣ, превратились въ настоящихъ поляковъ. Къ разряду послѣднихъ принадлежали и мои родители, вслѣдствіе чего я получилъ св. крещеніе по римско-католическому обряду: имя мнѣ было наречено Ипполитъ. Мнѣ пошелъ 9-й годъ и уже должно было подумать о моемъ воспитаніи. Между тѣмъ, у моихъ родителей не было средствъ для того, чтобы меня отправить въ лицей. Къ счастью, въ это время родной братъ моего отца, Стефанъ Терлецкій, содержалъ въ г. Кременцѣ пансіонъ, въ которомъ воспитывались сыновья богатыхъ польскихъ помѣщиковъ; онъ взялъ меня къ себѣ, и я сталъ посѣщать тамошнюю гимназію, преобразованную впослѣдствіи въ лицей.

Кременецкій лицей сдѣлался въ то время умственнымъ центромъ для всего юго-западнаго края. Духъ этой школы, закрытой вслѣдствіе польскаго мятежа 1831 года, былъ либерально-шляхетскій; культъ польской народности былъ на первомъ планѣ, а религіозно-нравственная сторона въ воспитаніи юношества была въ полнѣйшемъ загонѣ. По какой-то непонятной близорукости тогдашняго русскаго правительства, а главнымъ образомъ подъ вліяніемъ князя Адама Чарторыйскаго, сперва министра иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ попечителя виленскаго учебнаго округа, вся западная Россія, край искони русскій, съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, съ небольшой литовской примѣсью въ сѣверо-западной окраинѣ, былъ отданъ въ руки польскаго шляхетства, составляющаго ничтожное меньшинство, но сильнаго богатствомъ, дарованными ему привиллегіями и крупною земельною собственностью. Что же представляло изъ себя подавляющее своимъ числомъ большинство русскаго элемента? Это были чуть ли не исключительно закрѣпо-

щенные крестьяне, почитаемые польскимъ шляхетствомъ «быдломъ», а тогдашней русской интеллигенціей—разновидностью польскаго племени. Въ силу подобныхъ взглядовъ правительства и русскаго общества, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго учебнаго округа всецѣло царилъ польскій языкъ, онъ былъ языкомъ преподаванія и особенное вниманіе обращалось на польскую исторію и литературу. Польша представлялась въ умѣ учениковъ земнымъ раемъ, идеаломъ свободы, просвѣщенія, всеобъемлющей любви и всеобщаго благоденствія, къ которому должны стремиться ихъ молодыя сердца и всѣ ихъ помышленія. Русскій же языкъ, съ литературой, и исторія Россіи занимали, въ числѣ преподаваемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ предметовъ, если не меньшее, то во всякомъ случаѣ и не болѣе значительное положеніе, чѣмъ другіе иностранные языки, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что за послѣдними признавалось высокое культурное значеніе, тогда какъ Россія съ ея языкомъ считалась чѣмъ-то варварскимъ, грубымъ, достойнымъ всякаго презрѣнія. Вотъ какимъ направленіемъ отличался Кременецкій лицей! Подобные взгляды были результатомъ польской исключительности и нетерпимости, но главнымъ образомъ они были привиты этой школѣ ея основателемъ Ѳаддеемъ Чацкимъ, однимъ изъ самыхъ главныхъ полонизаторовъ южно-русскаго края. Онъ сумѣлъ подобрать для школы учителей, вѣрно придерживающихся даннаго ей направленія. Вотъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ: въ законоучители низшихъ классовъ былъ имъ назначенъ уніатскій священникъ Собкевичъ, человѣкъ честный и прямодушный, но не отличавшійся знаніями. Итакъ, когда онъ когда нибудь говорилъ или читалъ о страстяхъ Іисуса Христа, то онъ вспоминалъ, что часто случалось, и о покойной Рѣчи Посполитой, Польшѣ, и при томъ всенепремѣнно заливался горькими слезами, что, разумѣется, не могло не производить глубокаго впечатлѣнія въ сердцахъ дѣтей. Весь учебный годъ дѣтямъ не приходилось слышать что бы то ни было про Россію, напоминающее имъ о томъ, что они живутъ въ русскомъ краѣ,—въ умахъ и сердцахъ учащихъ и учащихся царила Польша; только къ концу учебнаго года, на публичномъ актѣ, во время чтенія рѣчи, нѣсколькими лестными словами вспоминалось о государѣ императорѣ. Такіе же или приблизительно такіе порядки господствовали и во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ западной окраины Россіи, и потому не удивительно, что этотъ край высылалъ столь многочисленный контингентъ польскихъ мятежниковъ. Когда же послѣ 1820-хъ годовъ въ школьномъ управленіи ненадежные элементы были замѣнены другими,—болѣе испытанной вѣрности, то это не принесло желаемыхъ плодовъ, такъ какъ учителя остались почти тѣ же самые, а вкоренившійся въ учащейся молодежи духъ шляхетско-польскій перешелъ по преемству отъ одного поколѣнія къ другому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ польско-патріотическое направленіе въ воспитаніи молодежи какъ въ Кременецкомъ лицеѣ такъ, какъ кажется, и въ другихъ учебныхъ

заведеніяхъ западнаго края, сопровождалось другимъ еще болѣе вреднымъ направленіемъ, — религіознымъ индиферентизмомъ. Правда, ученики были обязаны ходить въ костелъ въ будни на тихую мшу, а по воскресеньямъ и праздникамъ на спѣваную, но вся окружающая ихъ, такъ сказать, атмосфера дышала непростительнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ религіозно-нравственнымъ вопросамъ, которое незамѣтно проникало въ душу неопытныхъ юношей. Всѣ заботы учебнаго начальства были направлены къ умственному развитію учащейся молодежи; религіозное же воспитаніе ограничивалось въ низшихъ классахъ двумя уроками въ недѣлю, весьма недостаточно преподаваемыми о. Собкевичемъ, а въ высшихъ классахъ, называемыхъ курсами, одной лекціей для всѣхъ курсовъ вмѣстѣ, читаемой по воскресеньямъ даровитымъ проповѣдникомъ лицея, іеромонахомъ ордена капуциновъ. Могла ли эта крупица, бросаемая отъ времени до времени на неблагодарную почву религіознаго индиферентизма, противодѣйствовать внѣдрившемуся глубоко въ сердцахъ юношей злу? Потому неудивительно, что какая нибудь антирелигіозная книжка, или насмѣшка надъ религіознымъ чувствомъ какого нибудь вольнодумца окончательно разрушали въ средѣ учениковъ основанную на шаткихъ убѣжденіяхъ вѣру. Это случалось съ большею частью молодежи, и, разумѣется, должно было случиться со мною. Прочтенная мною книга Вольнея (Volney) «Руины Пальмиры», любезно сообщенная мнѣ однимъ польскимъ помѣщикомъ-патріотомъ, разбила всю мою вѣру, расшатанную всей антирелигіозной обстановкой, и повела меня на бездорожья, изъ которыхъ выбраться на путь, болѣе здравый и правильный, было уже очень трудно. Послѣ удаленія Чарторыйскаго отъ занимаемой имъ должности попечителя и назначенія на его мѣсто Новосильцева стали вводить болѣе цѣлесообразное преподаваніе Закона Божія, но было поздно: зло пустило уже слишкомъ глубокіе корни!

Въ 1825 году я окончилъ съ хорошимъ успѣхомъ курсъ наукъ въ Кременецкомъ лицеѣ, и, благодаря денежному пособію, которое мнѣ выдавалъ дядя Стефанъ, я отправился въ Вильну для поступленія въ тамошній университетъ. Тотъ же самый польско-патріотическій духъ, что и въ Кременцѣ, господствовалъ и въ виленскомъ университетѣ; той же ненавистью и такимъ же презрѣніемъ ко всему русскому дышала бо̀льшая часть преподавателей и почти вся учащаяся молодежь. Въ университетѣ поступилъ я на второй курсъ медицинскаго факультета, такъ какъ окончившіе курсъ въ Кременецкомъ лицеѣ освобождались отъ слушанія естественныхъ наукъ, преподаваемыхъ на первомъ курсѣ медикамъ. Въ университетѣ пробылъ я до конца 1830 г., въ которомъ я окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ. Вспыхнувшій въ это время польскій мятежъ воспрепятствовалъ мнѣ сдать строгія испытанія (ригороза) на полученіе степени доктора медицины.

II.

Польскій мятежъ.—Сраженіе при Боремлѣ.—Перевозка раненыхъ.—Заговоръ въ Дубнѣ.

Изъ Вильны я отправился въ Волынскую губернію не безъ тайнаго намѣренія примкнуть къ мятежу. По прибытіи на родину, я навѣстилъ въ мѣстечкѣ Радомыслѣ, Луцкаго уѣзда, богатую польскую помѣщицу Гущинскую, къ которой я ѣздилъ обыкновенно на вакаціи съ ея сыновьями еще изъ Кременца.

Излишне прибавлять, что вся шляхетскопольская стихія относилась съ полнымъ сочувствіемъ къ мятежу. Принимали участіе въ немъ только самые рьяные, примыкая къ мятежникамъ то отдѣльными единицами, то небольшими отрядами; большинство же сомнѣвалось въ успѣхѣ возстанія, сохраняло наружный видъ покорности русскому правительству и ограничивалось только тайной поддержкой мятежнаго движенія. Сначала власти относились къ движенію довольно индиферентно; но, наконецъ, правительство рѣшилось съ своей стороны принять нѣкоторыя мѣры: арестовано было нѣсколько болѣе горячихъ головъ и усилены вообще полицейскія строгости. Съ первымъ проявленіемъ дѣятельности правительства польское дворянство всполошилось: всѣ безпокоились за свою личную безопасность. Точно также и упомянутая выше помѣщица Гущинская, опасаясь за себя, забрала съ собой дочерей и младшаго сына и уѣхала въ Галицію, предоставивъ старшимъ сыновьямъ надзоръ за хозяйствомъ. Осталась въ домѣ одна молодежь. Въ одну ночь послышался необыкновенный стукъ въ двери господскаго дома. Всѣми нами овладѣлъ какой-то необъяснимый страхъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго; но вскорѣ страхъ смѣнился неистовою радостью, когда мы увидѣли входящихъ кракусовъ. Это былъ патруль отряда генерала Дверницкаго, которому удалось пробраться на Волынь и занять позицію въ Боремлѣ, отстоящей 14 верстъ отъ Радомысля. Съ кракусами и я отправился въ Боремль и представился Дверницкому, который, узнавъ отъ находящихся уже тамъ моихъ товарищей по Вильнѣ, что я окончилъ курсъ медицины, назначилъ меня врачемъ при своемъ отрядѣ.

На слѣдующій день началось сраженіе. Польскій отрядъ былъ расположенъ въ весьма выгодной позиціи; артиллерія заняла высоты надъ рѣкой Стырьемъ какъ разъ у дворца гр. Михаила Чацкаго. Русскія же войска занимали низменный берегъ съ противоположной стороны рѣки. Весь день продолжалась пальба орудій и ружейная перестрѣлка. Тутъ и тамъ падали раненые; ихъ уносили въ дворецъ Чацкаго. Осмотромъ раненыхъ занимался

я, вмѣстѣ съ другими бывшими въ отрядѣ врачами. Вечеромъ того же дня призвалъ меня къ себѣ генералъ Дверницкій и велѣлъ перевезти способныхъ къ передвиженію раненыхъ въ мѣстечко Гороховъ, недалеко отъ галиційской границы, принадлежащее графу Ивану Тарновскому, куда уже раньше отправлено было нѣсколько больныхъ и раненыхъ изъ его отряда. Я назначенъ былъ врачемъ при тамошнемъ временномъ лазаретѣ.

Другой день сраженія рѣшилъ судьбу мятежниковъ. Русская конница, переправившись ночью чрезъ рѣку, ударила во флангъ мятежникамъ и нанесла имъ полное пораженіе. Дверницкій принужденъ былъ быстро отступать, придерживаясь границы Галиціи. Однако, русскія войска, наступая со всѣхъ сторонъ тѣсною цѣпью, все болѣе и болѣе сжимали желѣзное кольцо вокругъ него, и, наконецъ, заставили его искать спасенія въ предѣлахъ Галиціи.

На пути слѣдованія Дверницкаго находился уніатскій Почаевскій монастырь. Разскажу нѣсколько словъ о немъ. Въ описываемое мною время въ Почаевской лаврѣ сосредоточивалось главное управленіе греко-уніатскаго монашества чина св. Василія,—базиліанъ, давно уже въ ловкихъ рукахъ іезуитовъ ополяченныхъ до мозга костей и сдѣлавшихся орудіемъ къ латинизаціи и ополяченію западно-русской окраины. Почаевскіе монахи, въ значительной части даже польскаго происхожденія, твердо вѣря, что Дверницкій съ своими ничтожными силами нанесетъ смертельный ударъ Россіи, приняли его съ большимъ радушіемъ, снабдили деньгами и всякими припасами, а многіе даже изъ болѣе молодыхъ вступили въ ряды мятежниковъ. Вскорѣ, однако, ихъ радость смѣнилась печалью: послѣ разгрома мятежа, Почаевскій монастырь былъ закрытъ, уніатскіе монахи были выдворены, а ихъ мѣста заняли православные иноки.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу о судьбѣ порученныхъ мнѣ раненыхъ. Благополучно доставилъ я ихъ въ мѣстечко Гороховъ, гдѣ нашелъ я и прежде оставленныхъ Дверницкимъ больныхъ и раненыхъ, вмѣстѣ съ которыми я помѣстилъ и вновь прибывшихъ. Всѣхъ было слишкомъ 60 человѣкъ. Лазаретъ содержался отчасти на средства графа Тарновскаго, примкнувшаго къ Дверницкому съ снаряженнымъ имъ отрядомъ въ 30 или 40 человѣкъ, отчасти же на добровольныя пожертвованія жителей мѣстечка.

Въ Гороховѣ не имѣлось никакихъ извѣстій о судьбѣ Дверницкаго и его отряда. Отъ времени до времени небольшіе русскіе отряды посѣщали мѣстечко и всякій разъ осматривали лазаретъ. Наконецъ, по истеченіи трехъ съ небольшимъ недѣль, вступила туда бригада русской кавалеріи. Генералъ, фамиліи не помню, призвалъ меня къ себѣ и сообщилъ мнѣ, что лазаретъ долженъ быть перемѣщенъ въ Дубно. На мое возраженіе, что въ немъ есть тяжело раненые, генералъ, какъ бы сомнѣваясь въ правдивости моихъ словъ, отправилъ для осмотра лазарета своихъ врачей. Оказалось девять человѣкъ такихъ раненыхъ, которымъ перевозка могла бы повредить. Въ виду ихъ

немногочисленности, на слѣдующій день были приготовлены подводы и раненые были отправлены, подъ эскортой ахтырскихъ гусаръ, вмѣстѣ со мною въ качествѣ военноплѣннаго, въ г. Дубно. Благополучно мы прибыли въ городъ Дубно, гдѣ было собрано изъ перевезенныхъ изъ Горохова и другихъ мѣстъ свыше 200 человѣкъ раненыхъ мятежниковъ, при коихъ состояло четыре фельдшера. Мнѣ велѣно было исполнять должность врача этого госпиталя, конечно, безъ жалованья и съ оставленіемъ подъ надзоромъ полиціи.

Тѣмъ временемъ въ окрестностяхъ Дубна затѣвалась новая вспышка. Помѣщики съ ихъ офиціалистами стали сговариваться съ цѣлью напасть на Дубно, овладѣть городомъ, а затѣмъ распространить мятежъ по всей Волыни. Къ этому заговору примкнули также и нѣкоторые поляки, находившіеся на русской штатской и даже военной службѣ. Объ этомъ заговорѣ я ничего не зналъ; мнѣ сказано было только не выписывать, по возможности, выздоравливающихъ. Я не могъ не слѣдовать данному мнѣ указанію, что и навлекло на меня подозрѣніе; состоялось распоряженіе осматривать почаще раненыхъ русскими врачами, и отправлять выздоравливающихъ партіями въ 20 и больше человѣкъ, кажется, на Кавказъ. Готовившійся мятежъ не вспыхнулъ, такъ какъ значительное большинство польскаго элемента стало уже сомнѣваться въ успѣхѣ польскаго дѣла, и поэтому во-время отшатнулось отъ рискованнаго предпріятія. Однако, болѣе скомпрометированные, всего семь человѣкъ, въ числѣ которыхъ было пять офицеровъ, одинъ юнкеръ и одинъ чиновникъ, рѣшились бѣжать за границу; а такъ какъ и меня увѣряли, что съ послѣднимъ транспортомъ выздоровѣвшихъ раненыхъ буду и я отправленъ на Кавказъ, то и я примкнулъ къ нимъ.

III.

Бѣгство за границу.—Обратный переходъ чрезъ границу Царства Польскаго на театръ военныхъ дѣйствій.—Переправа чрезъ Вислу.

Въ назначенный для бѣгства день мы всѣ вышли подъ вечеръ изъ города. Шли мы, конечно, не толпой, но по одиночкѣ или по два вмѣстѣ. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ сосѣдній съ городомъ лѣсъ. Въ этомъ лѣсу ждала насъ уже повозка одного полковаго врача, на которую мы и усѣлись и отправились дальше по направленію къ границѣ. Въ лѣсу мы встрѣтили одного помѣщика, нарочно выѣхавшаго намъ на встрѣчу. Онъ забралъ насъ всѣхъ въ свой большой возъ, запряженный четырьмя лошадьми, и отвезъ насъ въ пасѣку одного шляхтича, находящуюся въ лѣсу близъ австрійской границы. Здѣсь мы оставались цѣлый день, а съ наступленіемъ ночи двинулись къ границѣ. Договоренный раньше проводникъ перевелъ насъ благо-

получно чрезъ границу. Такимъ образомъ, мы очутились на территоріи другаго государства, въ предѣлахъ Галиціи. Отдохнувши нѣкоторое время въ ближайшей корчмѣ, расположенной вдали отъ селенія, въ полѣ, мы нашли пріютъ въ домѣ мѣстнаго помѣщика, графа Комаровскаго. Здѣсь случилась довольно смѣшная исторія: въ имѣніи графа были минеральныя воды, кажется желѣзистыя. На другой или на третій день нашего пребыванія на этихъ водахъ намъ предложили принять ванны въ купальномъ заведеніи, куда мы и отправились. Не успѣли мы войти въ ванны, какъ раздался голосъ: «бѣгите, прячьтесь, васъ ищутъ австрійскіе солдаты въ домѣ графа». Мы, какъ были нагіе, такъ и выскочили, бросившись въ огороды, чтобы скрыться въ высокой тычинѣ фасоли. Тамъ мы наскоро одѣлись и, прикорнувши, кое какъ просидѣли до глубокой ночи. Уже ночью насъ провели задами въ усадьбу, гдѣ мы для большей безопасности спали на сѣновалѣ. Имѣніе графа Комаровскаго хотя находилось и въ Галиціи, но входило въ черту вольноторговаго округа (порто-франко) города Бродовъ. Ввозить въ этотъ городъ можно было что угодно, но при вывозѣ приходилось уплачивать пошлины, притомъ, всѣ уѣзжающіе изъ черты города подвергались осмотру. Нужно было и намъ принять мѣры, чтобы какъ нибудь перебраться чрезъ таможенную границу. Мы прибѣгнули къ слѣдующей уловкѣ: графъ съ женой выѣхали въ каретѣ подъ предлогомъ посѣщенія сосѣдняго помѣщика, живущаго по ту сторону таможенной черты. На козлахъ сидѣлъ кучеръ, а на запяткахъ два лакея, все это были переодѣтые бѣглецы. Двухъ другихъ взялъ къ себѣ въ повозку въ качествѣ слугъ состоящій при имѣніи графа мандаторъ (вотчинный судья), а я ѣхалъ въ бричкѣ съ сосѣднимъ врачемъ, приглашеннымъ для этой цѣли накапунѣ графомъ, въ качествѣ его фельдшера. Такимъ образомъ, мы очутились внѣ этой черты. Въ какомъ-то мѣстечкѣ, названія не припомню, мы распростились съ графомъ Комаровскимъ. Оттуда насъ отправили на подводахъ, отъ одного помѣщика къ другому, къ границѣ Царства Польскаго, гдѣ еще возстаніе было въ полномъ разгарѣ. Изъ этого видно, что два театра войны сообщались между собою чрезъ австрійскую территорію; этимъ путемъ перевозились также и бѣглецы изъ Волыни въ Конгресовку. Не задерживаемые никѣмъ, мы прибыли въ имѣніе Нароль гр. Лося. Пока было еще свѣтло, мы оставались на пасѣкѣ въ лѣсу и только вечеромъ насъ провели въ усадьбу, гдѣ мы нашли человѣкъ тридцать, желавшихъ, подобно намъ, присоединиться къ мятежникамъ. Всѣмъ намъ роздали ружья, снабдили всѣмъ необходимымъ, дали проводниковъ,—однимъ словомъ, снарядили въ походъ. Мы двинулись къ близкой границѣ. Пограничная австрійская стража не сдѣлала никакихъ препятствій, потому ли, что она руководилась какими нибудь секретными инструкціями, или потому, что нашъ отрядъ былъ довольно внушительный;—теперь этого вопроса рѣшать не берусь. Австрійцы ограничились только тѣмъ, что послѣ совершеннаго уже нами вполнѣ благополучно перехода чрезъ гра-

ницу подняли крикъ, стали кричать «вэр-да»? (кто идетъ?), а такъ какъ съ польской стороны не было никакой стражи, то мы безпрепятственно добрались до первой деревушки. Было уже далеко за полночь. Утомившись отъ продолжительнаго перехода по разнымъ бездорожьямъ, мы всѣ чувствовали настоятельную необходимость подкрѣпиться чѣмъ нибудь. Съ этою цѣлью мы отправились въ ближайшую корчму, разбудили шинкаря-еврея и стали требовать чего нибудь съѣстнаго. На это еврей заявилъ намъ, что нѣтъ ни водки, ни хлѣба, ни даже молока, такъ какъ проходившій наканунѣ чрезъ деревню отрядъ казаковъ истребилъ всѣ его припасы снѣди и напитковъ. Вѣсть о появленіи казаковъ сильно насъ всѣхъ смутила. Наше смущеніе увеличилось еще извѣстіемъ, сообщеннымъ намъ евреемъ, а затѣмъ еще однимъ крестьяниномъ,—что войска мятежниковъ оттѣснены за Вислу, и что, такимъ образомъ, весь правый берегъ этой рѣки занятъ русскими. Мы находились въ недоумѣніи, какъ поступить въ этомъ затруднительномъ положеніи. По совѣту знающихъ мѣстность людей мы рѣшились взять проводника и чрезъ лѣса, придерживаясь австрійской границы, пробираться до Вислы. Путь этотъ мы дѣлали частью пѣшкомъ, частью же на подводахъ. На пути намъ встрѣтился небольшой польскій отрядъ, скрывавшійся въ лѣсу; въ другомъ же мѣстѣ, отдыхая недалеко отъ большой дороги въ чащѣ лѣса, въ какихъ нибудь двадцати шагахъ отъ насъ, мы имѣли случай видѣть разъѣздъ русской кавалеріи. Наконецъ, послѣ различныхъ мытарствъ и всевозможныхъ приключеній, намъ удалось добраться ночью до берега Вислы. По сю сторону этой рѣки виднѣлись костры русскихъ карауловъ, а съ другой стороны, подъ Завихостомъ, стояли войска мятежниковъ. Какъ намъ ни хотѣлось перебраться скорѣе на ту сторону, но приходилось дожидаться разсвѣта. На зарѣ подали паромъ и мы стали переправляться на тотъ берегъ. Мы уже были въ срединѣ русла рѣки, когда къ намъ подскакали казаки и дали по насъ нѣсколько выстрѣловъ, не причинившихъ, впрочемъ, никакого вреда.

IV.

Корпусъ генерала Шептицкаго.—Конница Ружицкаго.—Переправа русскихъ войскъ чрезъ Вислу.—Приключеніе въ Опатовѣ.

Лѣвый берегъ Вислы занималъ отрядъ мятежныхъ войскъ, принадлежавшій къ небольшому, впрочемъ, корпусу генерала Шептицкаго, котораго вскорѣ смѣнилъ генералъ Самуилъ Ружицкій. Весь корпусъ состоялъ изъ одного полка пѣхоты, изъ баталіона такъ называемой «легіи литовско-русской», изъ конницы (язды) подольской и конпаго полка (язды) Волынскаго. Всего насчитывалось около 5,000 человѣкъ.

Полкъ язды волынской былъ сформированъ на Волыни капитаномъ наполеоновскихъ войскъ Карломъ Ружицкимъ и состоялъ приблизительно изъ 300 всадниковъ и 100 пѣхотинцевъ; все это были малороссы, крестьяне и дворовые, которыхъ ихъ помѣщики поляки заманили принять участіе въ возстаніи; офицерами, разумѣется, были тѣ же помѣщики. Этому Ружицкому удалось пробраться, на пути изъ Волыни къ Вислѣ, чрезъ цѣпь русскихъ войскъ, сдѣлать нѣсколько удачныхъ нападеній на небольшіе русскіе отряды, и, наконецъ, проникнуть въ крѣпость Замостье. Тамъ Ружицкій рѣшился дать своему конному отряду продолжительный отдыхъ, одѣлъ его въ мундиры и наименовалъ «яздой русской». Въ награду за это, революціонное правительство назначило его полковникомъ сформированнаго имъ полка и повелѣло ему отправиться за Вислу для пополненія небольшаго корпуса генерала Шептицкаго. Между прочимъ, въ этомъ полку былъ поручикомъ шуринъ Ружицкаго Михаилъ Чайковскій, впослѣдствіи одинъ изъ выдающихся польскихъ беллетристовъ, а затѣмъ турецкій сановникъ Садыкъ-паша, о которомъ намъ придется говорить много разъ. Въ тотъ же полкъ я былъ опредѣленъ врачемъ, какъ уроженецъ той провинціи, гдѣ онъ былъ набранъ.

Не долго спустя, русскій корпусъ, подъ начальствомъ, если не ошибаюсь, генерала Ридигера, началъ свою переправу чрезъ Вислу. Напрасно пытался отрядъ генерала Ружицкаго воспрепятствовать этой переправѣ; онъ караулилъ всю ночь на лѣвомъ берегу, но русскіе переправились въ другомъ мѣстѣ, и ему пришлось отступить безъ боя. При отступленіи въ мѣстечкѣ Опатовѣ случилось грустное приключеніе. Поздно ночью вступилъ туда отрядъ генерала Ружицкаго, мы отдохнули немного, и еще до утренней зари получили приказъ къ выступленію. Вслѣдствіе этого, Волынскій полкъ, который стоялъ за городомъ въ аріергардѣ, перешелъ чрезъ городъ и расположился въ оврагѣ, по ту сторону города. Полковникъ уѣхалъ въ мѣстечко къ генералу. Въ томъ предположеніи, что стоявшая по сю сторону города пѣхота еще не сняла карауловъ, позволено было слѣзть съ лошадей. Усталый до крайности народъ уснулъ. Тѣмъ временемъ подкрался потихоньку взводъ русской конницы, кажется, казаки и стали стрѣлять и рубить проснувшихся волынцевъ. Пошла тревога, и казаки, увидѣвши значительный отрядъ, ускакали казадъ. Погнались волынцы въ догонку за ними, но уже не успѣли нагнать русскихъ. Волынцы поплатились за свою безпечность относительно значительнымъ числомъ раненыхъ: выбыло изъ строя 2 офицера, одинъ вахмистръ и нѣсколько солдатъ.

V.

Мятежъ клонится къ паденію.—Стычка подъ Илжой и Липскомъ.—Случай со мною.—Вступленіе отряда Ружицкаго въ Галицію.

Мятежъ видимо сталъ клониться къ паденію. Отрядъ Ружицкаго, тѣснимый подавляющими русскими силами, избѣгалъ большихъ сраженій. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ настигнутъ подъ мѣстечкомъ Илжой русскимъ отрядомъ. Не смотря на храбрый отпоръ, со стороны волынцевъ, атаки драгунъ, Ружицкій долженъ былъ отступить, успѣвши едва увезти съ собою своихъ раненыхъ, около 60 человѣкъ. Въ скоромъ времени послѣ этого сраженія пришли грустныя для мятежниковъ вѣсти объ осадѣ Варшавы, бѣгствѣ Чарторыйскаго въ корпусъ Ромарина и объ отступленіи этого корпуса по направленію къ австрійской границѣ. Вслѣдствіе этого, и отрядъ Ружицкаго сталъ приближаться къ той же границѣ чрезъ краковское воеводство (нынѣ Кѣлецкая губернія). Однако, русскіе еще разъ настигли нашъ отрядъ недалеко отъ мѣстечка Липска. На пространствѣ какихъ нибудь десяти верстъ онъ отступалъ съ соблюденіемъ величайшаго порядка, прикрываясь своей конницей и отстрѣливаясь, въ каждой удобной для этого мѣстности, артиллеріей, состоявшей всего изъ шести пушекъ. Все это измѣнилось, когда мы подошли къ мѣстечку, миновать которое не было никакой возможности. Итакъ, по случаю, какъ утверждали нѣкоторые, неточной передачи приказаній генерала, въ тѣснотѣ улицъ замедлилось отступленіе, начатое съ такимъ порядкомъ; вслѣдствіе этого, русскій отрядъ, который былъ отъ насъ на почтительномъ разстояніи, сталъ насѣдать все болѣе и болѣе и, наконецъ, съ разстоянія не болѣе 100 шаговъ принялся изъ своихъ 16 пушекъ громить картечью прикрывавшую отступленіе кавалерію, выстроенную въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окружавшей мѣстечко ограды. Картечныя пули такъ и сыпались, поражая людей и лошадей. Я стоялъ первымъ на правомъ крылѣ, а въ то мгновеніе, когда я хотѣлъ о чемъ-то доложить полковнику, я вдругъ повалился на земь вмѣстѣ съ лошадью. Сначала я не могъ сообразить, что̀ со мной сталось, но вскорѣ я почувствовалъ гнетущую меня тяжесть: сраженная картечною пулею лошадь привалила меня своимъ тѣломъ такъ, что я не могъ изъ-подъ нея высвободить правой ноги. Въ эту минуту раздается команда отступать, а между тѣмъ не кому было мнѣ помочь выкарабкаться изъ-подъ лошади. Послѣ продолжительныхъ усилій удалось мнѣ, наконецъ, извлечь свою ногу, но уже безъ сапога, оставшагося подъ лошадью. Поднявшись, я увидѣлъ на не далекомъ отъ себя разстояніи русскихъ, а нашего отряда и слѣдъ простылъ. Бѣжать по дорогѣ въ мѣстечко было далеко и при томъ опасно: въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ меня я замѣтилъ высокій заборъ. Страхъ придалъ мнѣ силъ— и однимъ прыжкомъ я очутился на заборѣ; перекинувшись на ту сторону, я повисъ въ воздухѣ, такъ какъ портупея сабли зацѣпилась о гвоздь. Съ большимъ трудомъ я отстегнулъ ее и повалился всею тяжестью на землю. Въ страхѣ я быстро вскочилъ на ноги; оказалось, что я во дворѣ корчмы. Мигомъ я бросился въ отпертыя ворота и выбѣжалъ на улицу. Тутъ же бродило безъ своихъ ѣздоковъ нѣсколько лошадей: я вскочилъ на первую изъ нихъ; однако, она оказалась раненой. Я долженъ былъ соскочить съ нея и бросился бѣжать изо всѣхъ ногъ въ поле. За мѣстечкомъ я уже нагналъ свой полкъ.

Это было послѣднее сраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ пораженіе Ружицкаго. Не тревожимый русскими, онъ двинулся къ Вислѣ, чрезъ которую и переправился возлѣ села Баторская Воля и вступилъ въ предѣлы Галиціи. На границѣ отрядъ былъ обезоруженъ австрійцами. Сейчасъ же отдѣлили солдатъ отъ офицеровъ; послѣднихъ оставили въ деревнѣ, а солдатамъ велѣли стать лагеремъ по близости. Въ непродолжительномъ времени ихъ отправили обратно въ Россію, а офицерамъ опредѣлили жалованье по одному цванцигеру въ день (около четвертака). Томимые бездѣйствіемъ, офицеры предались азартной игрѣ, спускали свои деньги и австрійское жалованье: все это попадало въ руки налетѣвшимъ со всѣхъ сторонъ шулерамъ по своей професіи

VI.

Отъѣздъ въ Краковъ.—Знакомство съ домомъ профессора Шугта.—Дипломъ на доктора медицины.

Наше положеніе вдругъ улучшилось. Нѣкоторые офицеры получили разрѣшеніе отправиться во Францію, остальныхъ же до рѣшенія ихъ судьбы перевели въ Подгорье (Podgorze), предмѣстье Кракова по ту сторону Вислы, принадлежащее Австріи, между тѣмъ какъ Краковъ былъ свободнымъ городомъ, управляемый сенатомъ съ президентомъ во главѣ.

Посѣщая Краковъ, я познакомился въ кофейнѣ съ двумя учениками тамошней гимназіи братьями Шугтами, сыновьями профессора краковскаго университета. Разговорившись съ ними, я намекнулъ, что въ моемъ теперешнемъ положеніи нѣтъ другаго выхода, какъ искать убѣжища за границей, въ качествѣ эмигранта, на что я рѣшусь неохотно. «Отчего же вамъ не остаться здѣсь»? спросили они.—«Да, оттого, сказалъ я въ отвѣтъ, что у меня нѣтъ средствъ къ жизни и притомъ нѣтъ знакомыхъ въ Краковѣ». Наши родители, безъ сомнѣнія, примутъ васъ съ большимъ удовольствіемъ въ свой домъ; мы сейчасъ объ этомъ съ ними поговоримъ.—Сказавъ это, молодые люди ушли и,

спустя полчаса, возвратились съ приглашеніемъ отъ родителей, явиться въ ихъ домъ. Лишившись съ убитою лошадью всѣхъ своихъ пожитковъ, я, въ чемъ былъ, явился въ домъ Шугтовъ, гдѣ былъ принятъ съ искреннимъ радушіемъ.

Семейство Шугта состояло изъ старика профессора, уроженца прирейнскихъ провинцій, переселившагося еще въ молодые годы, вслѣдствіе французской революціи, въ Галицію. Здѣсь онъ женился на дворянкѣ, знатной польской фамиліи, Ѳеклѣ Ромеръ, переселился въ Краковъ и получилъ каѳедру римской и греческой словесности въ Ягеллонскомъ краковскомъ университетѣ, которую уже занималъ 20 лѣтъ. Кромѣ жены, у него было два сына и три дочки, изъ которыхъ старшая Анна не только отличалась красотою среди краковскихъ дѣвицъ, но и своимъ образованіемъ. Потому не удивительно, что я съ перваго знакомства почувствовалъ къ ней сердечное влеченіе; въ свою очередь, я замѣтилъ, что и она не равнодушна ко мнѣ.

У Шугтовъ проживалъ въ то время польскій эмигрантъ графъ Старжинскій, человѣкъ уже не первой молодости, который былъ принятъ родителями Анны, польщенными графскимъ титуломъ и мнимымъ его богатствомъ, какъ женихъ, не смотря на полное нерасположеніе къ нему самой Анны. Въ числѣ польскихъ офицеровъ, находившихся еще въ Подгорьѣ, были товарищи и знакомые Старжинскаго. Они-то однажды, посѣщая древній Вавель (старинный замокъ польскихъ королей) вмѣстѣ со мною и братьями Анны, проговорились, что Старжинскій женатъ и что онъ все свое имѣніе уже промоталъ. Объ этомъ братья Анны сообщили своимъ родителямъ и по ихъ просьбѣ я пригласилъ одного изъ этихъ офицеровъ, чтобы онъ высказалъ это ему прямо въ глаза. Старжинскій былъ изобличенъ; съ большимъ смущеніемъ онъ призналъ правдивость этихъ фактовъ и вслѣдъ затѣмъ поспѣшилъ уѣхать.

Мои отношенія къ семейству Шугта стали мало по малу выясняться. Оставалось только пріобрѣсти болѣе прочное общественное положеніе и достигнуть ученой степени, которой я не успѣлъ запастись въ виленскомъ университетѣ, вслѣдствіе сообщенной раньше причины. Къ счастью, у меня завязались кое-какія связи съ краковскимъ университетомъ. Въ это время въ въ немъ состоялъ профессоромъ Михаилъ Вишневскій, бывшій прежде учителемъ Кременецкаго лицея, близкій другъ моего дяди. Онъ-то меня натолкнулъ на мысль держать экзаменъ на доктора медицины въ Краковѣ. Конечно, это входило въ мои планы, но у меня не было никакого свидѣтельства объ окончаніи курса медицинскаго факультета въ Вильнѣ, а пріобрѣсти таковое нормальнымъ путемъ не было возможности по понятной причинѣ. Изъ этого затрудненія меня выручило другое знакомство. Итакъ, профессоромъ анатоміи въ краковскомъ университетѣ былъ д-ръ Бирковскій, пріѣзжавшій съ дипломомъ, кажется, берлинскаго университета въ Вильну, чтобы подвергнуться тамъ повѣрочнымъ испытаніямъ для полученія русскаго докторскаго диплома. Я былъ

тогда на пятомъ курсѣ и мы часто встрѣчались въ клиникахъ. Онъ сейчасъ же, при первой встрѣчѣ, узналъ меня и вызвался вмѣстѣ съ профессоромъ Вишневскимъ поручиться предъ университетской конференціей (сенатомъ) въ томъ, что я дѣйствительно окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ. Этого было вполнѣ достаточно, и меня допустили къ испытаніямъ (ригорозамъ) на пріобрѣтеніе степени доктора медицины. Мои занятія по приготовленію къ экзаменамъ прерваны были серьезной болѣзнью—тифомъ, сопряженной съ кровохарканьемъ, послѣ которой я выздоравливалъ весьма медленно. Такимъ образомъ, только въ началѣ 1834 года я добился докторскаго диплома.

VII.

Женитьба на Аннѣ Шугтъ.—Польская поэтесса «Анна изъ Кракова».—Преждевременная смерть жены.—Безпорядки въ вольномъ городѣ Краковѣ и прекращеніе его политическаго существованія.—Выдвореніе эмигрантовъ.—Отправка въ Тріестъ.

Пріобрѣтши ученую степень, съ упроченнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, я уже могъ добиваться руки Анны. Желанной цѣли я достигъ на слѣдующій годъ. Повѣнчавшись съ Анной Шугтъ, я къ зимѣ того же года уѣхалъ одинъ въ Галицію для пріисканія себѣ мѣста. Мѣсто нашлось въ восточной (русской) части Галиціи, гдѣ я и поселился и сталъ заниматься врачебной практикой. Весной я намѣревался перевезти жену на мѣсто моего жительства, какъ вдругъ извѣстіе объ ея внезапной болѣзни отозвало меня въ Краковъ.

Кстати будетъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о моей женѣ, до замужества Аннѣ Шугтъ. Это не будетъ нескромностью съ моей стороны, въ виду того, что она какъ украшающими ее нравственными качествами, такъ и своими замѣчательными умственными дарованіями пользовалась въ это время широкой извѣстностью. Итакъ, она была выдающейся польской поэтессой, извѣстной подъ псевдонимомъ «Анны изъ Кракова». Въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ появлялись ея стихотворенія и читались на расхватъ: они дышали какой-то плѣнительно-нѣжной, въ высшей степени симпатичной искренностью чувства, хватающей поневолѣ за душу и оставляющей поэтому неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ читателя. Ея поэтическое дарованіе сказывалось также и въ умѣньи импровизировать на какую угодно тему. Въ противорѣчіи въ этими богатыми сокровищами ея ума и сердца была слабость ея физическаго сложенія и какая-то нервная чуткость и напряженность всего ея организма. Между прочимъ, это проявлялось въ одномъ странномъ явленіи ея душевнаго міра, а именно въ сновидѣніяхъ. Итакъ, во всѣхъ важныхъ случаяхъ ея жизни, начиная съ ранняго дѣтства, ей являлась во снѣ старушка, которую она

величала «бабушкой»; она предсказывала ей все, что должно было случиться съ ней или съ близкими ей людьми. Предсказанія эти исполнялись всегда съ необыкновенною точностью. Всѣ члены семьи, не исключая и отца, вовсе нерасположеннаго къ вѣрѣ во что нибудь сверхъестественное, или даже къ суевѣрію, а также и знакомые не сомнѣвались въ правдивости этихъ предсказаній. Между прочимъ, бабушка предсказала Аннѣ, въ первые дни послѣ моего прибытія въ Краковъ, что я буду ея мужемъ; она же и предсказала ей кончину. Анна записала это грустное предсказаніе, не сказавъ никому ни слова и только послѣ ея смерти нашли между ея бумагами это предсказаніе. Являясь ей во снѣ, бабушка разрѣшала иныя предсказанія сообщать другимъ, а иногда запрещала сказывать кому бы то ни было. Эти велѣнія имѣли неотразимую власть надъ душою Анны: она ихъ слушалась, да и, по воспріимчивости своей впечатлительной натуры, не могла не слушаться.

Чрезъ годъ послѣ женитьбы моя жена послѣ трудныхъ родовъ скончалась отъ внутренняго (кровотеченія) кровоизліянія, едва успѣвши прижать къ груди новорожденнаго младенца. Потрясенный до глубины души, я оставилъ Краковъ, поручивъ единственнаго сына на попеченіе бабушки и дѣда. Должность я получилъ домашняго врача у князя Адама Сапѣги, принимавшаго участіе въ польскомъ мятежѣ и, вслѣдствіе этого, переселившагося изъ Россіи въ Галицію. Спустя полгода, я получилъ другое болѣе выгодное мѣсто, въ Крешовицахъ, имѣніи вдовы графа Артюра Потоцкаго.

Однако, не суждено мнѣ было найти мирный пріютъ послѣ столькихъ испытанныхъ мною тревогъ. Въ это время Галиція и преимущественно вольный городъ Краковъ кишѣли польскими эмигрантами, которые съ свойственнымъ ихъ народу легкомысліемъ увлекались несбыточными мечтами возстановленія Польши отъ моря до моря при помощи Франціи и Англіи. Эти мечты находили свое выраженіе въ образованіи многочисленныхъ тайныхъ обществъ массоновъ и карбонаріевъ, въ которыя вовлекли и меня, хотя моя вѣра въ цѣлесообразность этихъ заговоровъ уже начала пошатываться. Стоять въ сторонѣ отъ этого движенія мнѣ и нельзя было: участіе въ мятежѣ налагало на меня извѣстныя обязанности. Ко мнѣ, въ Крешовицы, навѣдывались отъ времени до времени эмигранты, преимущественно демократической партіи; пользуясь нѣкоторою отдаленностью этого богатаго имѣнія Потоцкихъ отъ наблюденій иностранныхъ консуловъ, искали даже пріюта личности, болѣе скомпрометированныя. Къ тому времени стряслась бѣда надъ Краковымъ. Въ 1836 году случилось политическое убійство, найденъ убитымъ коммисаръ полиціи. Какъ это возмутительное преступленіе, такъ и сумасбродное поведеніе эмигрантовъ, поддерживаемыхъ жителями вольнаго города и терпимыхъ мѣстными властями, показалось покровительствующимъ державамъ опаснымъ для спокойствія смежныхъ съ Краковымъ провинцій и поэтому, послѣ предварительныхъ переговоровъ, союзныя войска вступили въ городъ, предоставивъ эмигрантамъ

отправиться въ пограничное мѣстечко Галиціи, а оттуда на свой счетъ, въ случаѣ же неимѣнія средствъ—на издержки австрійскаго правительства во Францію. Не сознавая за собою какой нибудь вины въ возникновеніи послѣднихъ смутъ и будучи далекъ отъ прямаго участія въ безпорядкахъ, вызвавшихъ строгія мѣры покровительствующихъ державъ, я обратился къ австрійскому консулу съ запросомъ, не могу ли я остаться на своей должности подъ покровительствомъ австрійскаго правительства? Съ такой же просьбой обратились также къ консулу и крестьяне изъ деревень, пользовавшихся столь часто моею врачебною помощію; но все это ничего не помогло! Я долженъ былъ отправиться въ Австрію, и вмѣстѣ съ другими я былъ препровожденъ подъ военной эскортой въ г. Тріестъ и водворенъ въ тамошней цитадели. Сынъ же мой, которому еще не было года, остался въ Краковѣ, на попеченіи родителей моей покойной жены.

VIII.

Заключеніе въ Тріестѣ.—Отправка эмигрантовъ въ Марсель.—Буря на Адріатическомъ морѣ.—Прибытіе во Францію.—Переѣздъ въ Монпелье.—Религіозныя сомнѣнія.—Новое направленіе религіозныхъ взглядовъ.—Янскій.

Изъ Тріеста австрійское правительство отправило эмигрантовъ моремъ во Францію. По неизъяснимой для меня причинѣ, нѣсколько заключенныхъ, занимавшихъ высшее положеніе, какъ по образованію, такъ и по общественнымъ условіямъ, оставлены долѣе всѣхъ въ крѣпости; въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Нѣсколько разъ подвергали насъ допросамъ; наконецъ, кажется, въ началѣ августа мѣсяца того-же года, отправили насъ на тосканскомъ парусномъ суднѣ въ Марсель.

При противномъ вѣтрѣ мы отплыли въ Адріатическое море. Впередъ мы подвигались очень медленно; сильные порывы вѣтра насъ бросали то къ берегамъ Италіи, то къ Далматійскимъ островамъ. При входѣ въ Средиземное (Іоническое) море поднялся ужасный штормъ. Это было вечеромъ. Сѣверный вѣтеръ, хотя и попутный намъ, ударилъ съ такой силой и такъ неожиданно, что матросы не успѣли стянуть верхняго малаго паруса: буря сорвала его и понесла въ море. Ужасное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественное зрѣлище, которое представляла буря, было для меня ново; мнѣ хотѣлось посмотрѣть опасности прямо въ глаза, и я остался на палубѣ, крѣпко прижавшись къ большой мачтѣ (флагмачтѣ). Всѣ обуревавшія меня въ эту минуту ощущенія описать трудно. Точно также не поддается описанію и картина разъяренной стихіи: сверкающая то тутъ, то тамъ молнія освѣщала вершины пѣнящихся водяныхъ горъ, на которыя нашъ корабль то поднимался, то опять погружался, точно въ преисподнюю. Насъ гнало чрезвычайно быстро, — больше

16 морскихъ миль въ часъ. Буря стала стихать, когда мы повернули къ сицилійскому берегу. При входѣ въ Мессинскій проливъ намъ пришлось три дня дожидаться попутнаго вѣтра. Наконецъ, оказалась возможность войти въ проливъ. Однако, все какъ будто сговорилось противъ насъ; подойдя къ Мессинѣ, мы встрѣтили полнѣйшій штиль. Такимъ образомъ, намъ пришлось почти недѣлю простоять, въ обществѣ нѣсколькихъ десятковъ кораблей, въ виду Сициліи и Калабріи, наслаждаясь видомъ совершенно неподвижной, точно зеркальной поверхности моря. Послѣ 33-хъ-дневнаго плаванія, истомившись духомъ и тѣломъ, мы достигли цѣли путешествія—Марсели, столицы Средиземнаго моря. Единственнымъ развлеченіемъ въ этомъ продолжительномъ и скучномъ путешествіи были мои бесѣды съ капитаномъ и матросами везшаго насъ судна. Все это были далматинцы изъ Бокки-Каторской, сосѣдней съ геройской Черногоріей. Они къ намъ, какъ къ славянамъ, относились въ высшей степени дружелюбно, а когда узнали, что я врачъ, то не отходили отъ меня съ уговорами посвятить свои силы служенію славянской странѣ и поселиться на Черной горѣ.

По прибытіи въ Марсель, мы явились къ французскимъ властямъ. Правительство опредѣлило намъ поселиться въ южной Франціи въ городѣ Валансъ на Ронѣ. Я подалъ прошеніе о разрѣшеніи мнѣ заниматься врачебной практикой. Случилось то, что я и предвидѣлъ: мнѣ вмѣнили въ обязанность отправиться въ Монпелье, чтобы въ тамошнемъ медицинскомъ факультетѣ подвергнуться вторично испытаніямъ и защитить диссертацію на степень доктора медицины. Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, не признаются иностранные дипломы врачей, а для пріобрѣтенія правъ на практику приходится держать экзамены въ мѣстныхъ факультетахъ. Я отправился въ Монпелье. Безбѣдное существованіе мнѣ было обезпечено: какъ бывшему польскому врачу-эмигранту правительство французское назначило пенсію въ 60 франковъ въ мѣсяцъ. При такихъ условіяхъ можно было съ большимъ удобствомъ предаться научнымъ занятіямъ. Однако, вскорѣ меня отвлекли отъ труда мечты, волновавшія въ это время меня и всѣхъ моихъ товарищей.

Живя на чужбинѣ, среди чуждыхъ намъ интересовъ страны, хотя дружественно къ намъ расположенной, но не имѣющей съ нами ничего общаго, какъ по образу жизни и привычкамъ, такъ и по языку, мы всѣ увлекались мечтами о скоромъ осуществленіи нашего политическаго идеала, разсчитывая на ожидаемое въ близкомъ будущемъ европейское столкновеніе. Я и мои товарищи по путешествію примкнули къ демократической партіи эмиграціи. Приверженцы этой партіи составили въ Монпелье общество, въ число членовъ котораго мы и вписались. Однако, въ скоромъ времени, вслѣдствіе внутреннихъ несогласій, это общество распалось на два довольно враждебно относящихся другъ къ другу лагеря: одно съ оттѣнкомъ крайнихъ убѣжденій, а другое, хотя и исходящее изъ демократическихъ началъ, но съ болѣе умѣреннымъ

направленіемъ; къ послѣднему примкнулъ и я. Понятно, что, среди броженія политическихъ страстей, нельзя было сосредоточиться на научномъ трудѣ, требующемъ полнаго равновѣсія умственныхъ и нравственныхъ силъ. При томъ, какъ я сказалъ выше, моя душа обуреваема была религіозными сомнѣніями, зародившимися еще на школьной скамьѣ и пустившими глубокіе корни въ водоворотѣ послѣдующей жизни. Но не къ тому веду я рѣчь. Дѣло было не въ научныхъ занятіяхъ, тѣмъ болѣе, что я, два года спустя, все-таки достигъ своей цѣли. Я хочу, излагая всѣ эти подробности, дать заглянуть читателю въ свою душу, чтобы онъ могъ понять, какимъ образомъ одно неважное съ виду обстоятельство могло дать моей жизни совсѣмъ другое направленіе. Это тѣмъ болѣе удивительно, что избавленіе отъ угнетающихъ мою душу сомнѣній я нашелъ на чужбинѣ.

Возвращаюсь къ изложенію причинъ, повліявшихъ на зарожденіе во мнѣ религіознаго индиферентизма. При томъ не боюсь повтореній, такъ какъ все это весьма важно для объясненія моей послѣдующей дѣятельности.

Кременецкій лицей, какъ я говорилъ раньше, охлаждалъ, мало по малу, вынесенное изъ родительскаго дома религіозное чувство. Чтеніе французскихъ энциклопедистовъ, а въ числѣ ихъ и Вольтера, примѣръ равнодушныхъ и невѣрующихъ товарищей поколебалъ еще болѣе всѣ основы вѣры и подготовилъ почву для полнаго невѣрія. Знакомство съ упомянутымъ выше сочиненіемъ Вольнея довершило дѣло разрушенія. Но какъ странно: въ этой разрушительной работѣ, опрокидывающей стройное зданіе религіи, въ тайникахъ моей души теплился все-таки слабый огонекъ невольнаго влеченія къ поэтической сторонѣ обрядностей церкви, и это-то необъяснимое чувство вызвало къ жизни послѣдовавшую только теперь реакцію. Впрочемъ, если вѣра въ авторитетность проповѣдниковъ отрицательныхъ началъ поколеблется, то и эти начала теряютъ свою привлекательную сторону.

Разскажу сначала. За годъ или за два до окончанія курса наукъ въ Кременцѣ я отправился на вакаціи къ моей матери, овдовѣвшей уже въ это время; она арендовала небольшой участокъ земли у польскаго помѣщика, бывшаго капитаномъ польскихъ войскъ, недалеко отъ Староконстантинова; я счелъ своимъ долгомъ его посѣтить. Онъ меня принялъ весьма дружелюбно; его патріотизмъ и либерализмъ дѣйствовали на меня съ неотразимой силой, и я сталъ его ежедневнымъ гостемъ. Я пользовался книгами изъ его библіотеки, состоявшей, по большей части, изъ польско-патріотическихъ и французскихъ книгъ, антирелигіознаго направленія. Онъ далъ мнѣ въ руки «Руины Пальмиры» Вольнея. На первыхъ порахъ, не смотря на мою холодность къ религіи, я не былъ въ состояніи прочитать втораго тома этого сочиненія, отрицающаго всякую религію; но любопытство преодолѣло: я взялъ книжку опять въ руки и прочелъ ее. Помимо всякой бездоказательности и даже несостоятельности его аргументаціи, она произвела глубокое впечатлѣніе на молодой и не

окрѣпшій въ своихъ убѣжденіяхъ умъ, и, такимъ образомъ, уничтожила во мнѣ окончательно всякое религіозное чувство. Тѣмъ не менѣе, помѣщикъ-либералъ палъ низко съ своего пьедестала и я потерялъ къ нему всякое уваженіе. Причина этому была слѣдующая: за какую-то пустячную провинность онъ велѣлъ нещадно бить кнутомъ своего крестьянина, весь домъ оглашался воплями бѣднаго «хлопа», а эти вопли раздавались въ моемъ сердцѣ отголоскомъ протеста противъ явной неправды. Перехожу къ виленской жизни.

Среди университетской молодежи господствовали матеріалистическія убѣжденія и вполнѣ равнодушное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ. Конечно, и я раздѣлялъ эти взгляды. Однажды я присутствовалъ на похоронахъ лучшаго друга, Лучинскаго, студента-медика. По неловкости гробовщиковъ, опускавшихъ гробъ въ могилу, тѣло покойника выпало и покатилось на дно могилы. Я вскочилъ въ яму, чтобы вложить тѣло въ гробъ, и тогда только поразила меня мысль или скорѣе недоумѣніе: можетъ-ли быть, чтобы послѣ этого столь любимаго мною человѣка не осталось ничего болѣе, кромѣ этихъ подвергшихся уже тлѣнію останковъ? Научныя занятія и атмосфера окружающей меня среды заглушили, правда, эту мимолетную мысль, но зародышъ поворота къ лучшему сталъ все-таки шевелиться отъ времени до времени въ глубинѣ моей души. Въ Краковѣ я сталъ уже читать святое Евангеліе, и меня стала поражать высоко нравственная сила изложеннаго въ немъ ученія; но божественной стороны этого ученія я еще въ немъ не усматривалъ: мой умъ еще не прозрѣлъ! Живя въ Монпелье, какъ я сказалъ выше, въ чуждой для меня средѣ, духъ и стремленія которой мнѣ были несимпатичны, среди поляковъ, разбитыхъ на партіи и ненавидящихъ другъ друга, съ ихъ несбыточными мечтами и легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу, на меня нашло уныніе и моею душою овладѣла какая-то неопредѣлимая тоска. Въ минуту такого тягостнаго настроенія я проходилъ какъ-то вечеромъ мимо костела и, услышавъ женское пѣніе, зашелъ туда. Совершалось вечернее богослуженіе. Пѣніе, довольно стройное и весьма трогательное, возбудило во мнѣ воспоминаніе чего-то знакомаго съ ранняго дѣтства и какъ будто роднаго, и навѣяло на меня какое-то раздумье, въ которое я погрузился до такой степени, что забылъ обо всемъ. Народъ уже вышелъ изъ церкви, стали тушить свѣчи, а я все продолжалъ стоять какъ-будто въ какомъ-то оцѣпенѣніи, опершись о колонну. Ко мнѣ подошелъ сторожъ и разбудилъ меня изъ моей задумчивости, сказавъ, что пора запирать церковь. Тогда я спросилъ его, нѣтъ ли въ церкви священника, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, отправился въ ризницу. Найдя тамъ священника, я попросилъ его выслушать мою исповѣдь. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ: до такой степени казалось ему страннымъ, что интеллигентный мужчина выразилъ желаніе исповѣдываться. Въ это время во Франціи только немногіе бывали у исповѣди и пріобщались Святымъ Тайнамъ, предоставляя эту христіанскую обязанность только женщинамъ. Онъ попросилъ меня зайти

на слѣдующій день утромъ. Больше 16 лѣтъ не былъ я у св. исповѣди, да если и былъ предъ вѣнчаніемъ, то святотатственно и только для вида, потому что это требовалось по закону. Припявъ исповѣдь, священникъ, подвергая меня испытанію, долго не давалъ мнѣ разрѣшенія отъ грѣховъ, и только послѣ двѣнадцатаго, кажется, посѣщенія его онъ разрѣшилъ меня и я могъ причаститься Св. Тайнамъ.

Не скажу, чтобы этотъ случай сдѣлалъ меня уже вполнѣ вѣрующимъ человѣкомъ. Не смотря на всю искренность моего обращенія, у меня не было еще той непоколебимой, твердой вѣры, не допускающей никакого сомнѣнія. Пока еще она у меня сливалась съ политикой, рисовалась въ моихъ мысляхъ какъ бы самымъ крѣпкимъ ея двигателемъ, однимъ изъ могучихъ средствъ для образованія и поднятія простаго народа. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ поръ всѣ эти политическія партіи польской эмиграціи, съ ихъ несбыточными мечтами, казались мнѣ уже дѣтской игрушкой: я сталъ къ нимъ равнодушнымъ. Случилось, что въ это время заявилъ о себѣ еще другой сподвижникъ на томъ же религіозномъ поприщѣ. Нѣкто Янскій, человѣкъ честный и умный, поднялъ среди польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ знамя религіознаго движенія. Онъ не примкнулъ ни къ одной политической партіи, и, оставаясь со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, собралъ вокругъ себя нѣсколько человѣкъ разныхъ партій. Среди болѣе молодыхъ изъ числа своихъ приверженцевъ онъ подыскивалъ подходящихъ лицъ для образованія изъ нихъ эмиграціоннаго духовенства; съ этою цѣлью онъ выслалъ двухъ изъ нихъ въ Римъ для обученія богословію. Почти вся демократическая партія обрушилась съ ненавистью на это религіозное движеніе. Не многимъ лучше было отношеніе партіи князя Чарторыйскаго; не смотря на нѣкоторую предупредительность, она отнеслась къ нему съ недовѣріемъ. Я вошелъ въ сношенія съ Янскимъ и его товарищами. Съ тѣхъ поръ всѣ мои дѣйствія ознаменованы были религіознымъ характеромъ, а высказываемыя мною политическія убѣжденія носили уже христіанскую подкладку. Хотя всѣ проживающіе въ Монпелье эмигранты относились къ дѣламъ вѣры равнодушно, если не сказать,—съ пренебреженіемъ, но все таки мое выступленіе въ роли явнаго католика, смутившее сначала всѣхъ и даже поразившее, вслѣдствіе уваженія, которымъ я пользовался среди польскихъ выходцевъ, не навлекло на меня вражды съ ихъ стороны.

IX.

Французскій дипломъ на доктора медицины.—Поѣздка въ Парижъ. — Отъѣздъ въ деревню.—Рѣшеніе сдѣлаться священникомъ. — Поступленіе въ духовную академію въ Римѣ.—Конгрегація Змартвыхвстанцевъ.

Въ 1838 году я сдалъ всѣ экзамены на степень доктора медицины, и, защитивъ диссертацію, получилъ дипломъ, съ правомъ заниматься медицинской практикой. Однако, всѣ мои помыслы были направлены на религіозные вопросы. Чрезъ своихъ знакомыхъ я выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе отправиться въ Парижъ, куда я и уѣхалъ. По прибытіи туда, желая укрѣпиться въ вѣрѣ, я принялся за чтеніе богословскихъ сочиненій, главнымъ образомъ, догматическихъ и полемическихъ. Само собою разумѣется, что и кругъ моихъ знакомствъ значительно расширился: всѣ выдающіяся личности польской эмиграціи, а также нѣсколько представителей французскаго общества были въ числѣ моихъ знакомыхъ, какъ, напр., польскіе поэты Мицкевичъ и Богданъ Залесскій, глава польско-аристократической партіи князь Чарторыйскій и вождь французской католическо-клерикальной партіи графа Монталямберъ (Montalambert) и многіе другіе.

Хотя мои мысли получили совершенно иное направленіе и въ моемъ умѣ рисовался другой родъ дѣятельности, нежели тотъ, къ которому я приготовлялся своими научными занятіями, но все-таки я не могъ сидѣть безъ дѣла. Въ Парижѣ видовъ на медицинскую практику не было никакихъ, и поэтому я рѣшился, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, поселиться въ деревнѣ, въ одномъ изъ департаментовъ средней Франціи. Тамъ я сблизился съ сельскимъ священникомъ и нашелъ въ немъ не только друга, но и весьма образованнаго человѣка. Въ его домѣ я столовался и былъ поэтому его ежедневнымъ собесѣдникомъ.

Разскажу при этомъ одинъ забавный случай, который имѣлъ весьма печальныя послѣдствія.

Однажды батюшка (кюрэ) отправился въ гости къ одному изъ своихъ сосѣдей. На обратномъ пути онъ нашелъ въ лѣсу множество красныхъ грибовъ и, думая, что они годятся въ пищу, чѣмъ бы могли воспользоваться бѣдные его прихожане, онъ набралъ ихъ полную корзину. По возвращеніи домой, онъ велѣлъ своей сестрѣ, управлявшей домашнимъ хозяйствомъ, женщинѣ уже немолодой и болѣзненной, приготовить ихъ къ ужину. Когда я вечеромъ пришелъ къ нему, то онъ меня встрѣтилъ радостнымъ возгласомъ:

— Я набралъ въ лѣсу грибовъ; сдѣлаемъ опытъ, не годятся ли они въ пищу?

На мой вопросъ, не было ли на нихъ бородавокъ или пятенъ, онъ отвѣтилъ, что нѣчто въ этомъ родѣ было, но при томъ прибавилъ:

— У тебя, вѣдь, есть рвотное; стало быть, помочь себѣ можемъ въ случаѣ надобности; когда же грибы окажутся хорошими, то подумай, сколько пользы мы принесемъ бѣднымъ! Этими грибами лѣсъ почти усѣянъ.

Подали ужинъ; привлекательный запахъ грибовъ возбудилъ аппетитъ и мы принялись за ѣду. Сестрѣ, страдавшей желудкомъ, кюрэ далъ только съѣсть одинъ небольшой грибъ, а мы скушали таки довольно, запили хорошимъ виномъ, а затѣмъ, выпивши по чашкѣ кофе, принялись играть въ шахматы. Сыгравъ двѣ партіи, я ушелъ на свою квартиру. Вдругъ я почувствовалъ себя дурно: опьяненіе было столь сильно, что я позабылъ о рвотномъ; едва успѣвши раздѣться, я бросился на кровать и уснулъ мертвецкимъ сномъ. Разбудилъ меня сильный стукъ въ дверь; протеревъ глаза, я услышалъ голосъ священника:

— Живъ ли ты?

Я отвѣчалъ: «кажется, живъ», и отворилъ дверь. Солнце стояло уже высоко. Кюрэ разсказалъ мнѣ, что скоро послѣ моего ухода его сестра почувствовала себя дурно, явилась рвота и она пришла въ себя. Вскорѣ послѣ этого и онъ почувствовалъ себя дурно и, вложивши палецъ въ ротъ, вызвалъ рвоту, послѣ чего дурнота прошла.

— Но что съ тобой было? продолжалъ спрашивать батюшка.

— Какъ видишь, я спалъ великолѣпно!

— Ну, сказалъ онъ, нечего и говорить—сѣверный медвѣдь!

Грибы оказались просто мухоморами.

Селеніе, въ которомъ я проживалъ, было, правда, не богатое, но все-таки я зарабатывалъ своею практикою столько, что я могъ имѣть скромное, но вполнѣ достаточное для одинокаго человѣка содержаніе. Однако, вскорѣ этотъ утомительный, при томъ весьма однообразный, родъ жизни мнѣ сталъ надоѣдать. Жизнь въ глуши, при томъ на чужбинѣ, стала терять для меня всякій смыслъ. Моя душа жаждала другой дѣятельности, имѣющей нѣкоторую связь съ интересами родины, болѣе замѣтной и плодотворной по своимъ результатамъ. Кромѣ того, примѣшалось еще мое тщеславіе, отъ котораго я не могъ избавиться и въ болѣе поздніе періоды своей жизни. Тутъ была и частичка честолюбія, которое страннымъ образомъ мирилось во мнѣ съ религіознымъ направленіемъ моей души. Не безъ вліянія оказались и совѣты друзей. Всѣ эти обстоятельства влекли меня къ принятію духовнаго званія, тѣмъ болѣе, что мнѣ казалось, что я скорѣе буду въ состояніи быть полезнымъ обществу, соединивши съ призваніемъ врача обязанности священника. Вслѣдствіе этого, я отправился въ Парижъ и, пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ цѣлью приготовиться къ предстоявшей мнѣ дѣятельности, въ 1839 году уѣхалъ

въ Римъ для поступленія въ духовную академію (коллегію), съ цѣлью изученія богословскихъ наукъ.

Въ Римѣ я нашелъ нѣсколько поляковъ, жившихъ тамъ для той же цѣли и учившихся богословію въ римской коллегіи, а именно Семененка, Кайсовича, Дунскаго и Казановскаго. Въ этой коллегіи всѣ профессора были іезуиты и между ними извѣстный богословъ Пэронэ. Средства къ содержанію доставлялись богачами изъ числа польской эмиграціи и заѣзжими путешественниками. Съ самаго начала нашего совмѣстнаго обученія въ академіи мы устроили между собою общежитіе съ монастырскими порядками. Когда же Семененко и Кайсовичъ были уже рукоположены въ священники, то мы занялись мыслію составить новую конгрегацію, нѣчто въ родѣ монашескаго ордена. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній мы занялись редакціей устава, написали его въ окончательной формѣ и приняли названіе для вновь созидаемаго ордена «Змартвыхвстанцы». Къ тому времени прибылъ въ Римъ Янскій, но уже съ зачатками грудной болѣзни, сведшей его вскорѣ въ могилу. Настоятелемъ вновь образовавшейся конгрегаціи былъ избранъ Семененко.

Уже въ это время какое-то внутреннее, неопредѣленное чувство меня влекло къ восточному обряду. Быть можетъ, это было послѣдствіемъ воспоминаній ранняго дѣтства, когда я часто ходилъ въ деревенскую церковь, не сознавая особенной разницы между обрядностью римско-католической и греко-православной и привязавшись къ послѣдней, какъ къ незабвенному забытку дорогой родины; быть можетъ, въ этомъ сказывалась привязанность къ простому народу въ южно-русскомъ краѣ, который былъ сплошь православнаго вѣроисповѣданія; наконецъ, не безъ вліянія были и мечтанія проявить на этой почвѣ свою дѣятельность. Все это послужило мотивомъ для сдѣланнаго мною предложенія образовать въ конгрегаціи змартвыхвстанцевъ два отдѣленія: латинское и греко-уніатское; однако, мое предложеніе не было принято.

X.

Посвященіе въ священники.—Пріобрѣтеніе ученой степени доктора богословія.—Отъѣздъ въ Вѣну.—Прибытіе въ Парижъ.—Священническое служеніе.—Хлопоты по устройству пріюта.—Кончина Наполеоновскаго генерала Малаховскаго.

Въ 1842 году я окончилъ курсъ духовной академіи и былъ рукоположенъ въ священники; въ слѣдующемъ же году я достигъ ученой степени доктора богословія. Въ томъ же году съ графиней Ледоховской, матерью извѣстнаго архіепископа Познанскаго, а послѣ кардинала, привезшею въ Римъ своего сына для опредѣленія его въ духовную академію, я отправился въ Вѣну. Цѣлью моего путешествія было посѣтить Краковъ и взять съ собою

воспитывавшагося тамъ моего сына. Въ Вѣнѣ я помѣстился въ домѣ княгини Виртембергской, родной сестры князя Адама Чарторыйскаго, гдѣ я прожилъ три недѣли. Въ то время въ Австріи господствовали большія полицейскія стѣсненія: безъ спеціальнаго разрѣшенія полиціи нельзя было отправиться въ Краковъ. На мое прошеніе министръ полиціи сообщилъ мнѣ, что онъ не можетъ ни подъ какимъ предлогомъ разрѣшить мнѣ эту поѣздку, и что я долженъ немедленно оставить Австрію. Не понятно, чѣмъ руководствовались австрійскія власти, не давая мнѣ позволенія навѣстить роднаго сына. Я даже былъ стѣсненъ въ исполненіи священническихъ обязанностей. Итакъ, я, имѣя разрѣшеніе отъ вѣнскаго архіепископа служить обѣдню, не могъ имъ воспользоваться: чрезъ двѣ недѣли оно было взято назадъ. Только папскій нунцій князь Альтіери позволилъ мнѣ служить обѣдню въ своей домашней церкви. Въ концѣ концовъ, приходилось покидать Австрію, чтобы отправиться снова во Францію, а между тѣмъ у меня совершенно не было средствъ. О состояніи моихъ финансовъ зналъ только домашній священникъ княгини Виртембергской, монахъ ордена маріанитовъ, Дзевульскій. Желая помочь горю, онъ собралъ среди знакомыхъ ему поляковъ нѣсколько сотъ австрійскихъ гульденовъ. Это дало мнѣ возможность отправиться въ дальній путь. По дорогѣ я остановился на одну недѣлю въ Мюнхенѣ. Здѣсь я свелъ знакомство съ двумя выдающимися дѣятелями клерикальной партіи въ Германіи съ Гэррэсомъ (Görres) и Дэллингеромъ (Döllinger), основателемъ нѣмецко-католической партіи и другими. Чрезъ Швейцарію, Базель и Страсбургъ я благополучно прибылъ въ Парижъ.

Члены конгрегаціи змартвыхвстанцевъ, жившіе въ Парижѣ, находились въ вѣдѣніи парижской епархіи. Имъ разрѣшалось епархіальнымъ начальствомъ служить для польской эмиграціи обѣдню и проповѣдывать по праздникамъ и воскресеньямъ въ костелѣ св. Роха, въ назначенные для этого дни. Эмигранты, по преимуществу изъ партіи Чарторыйскаго, довольно въ большомъ числѣ посѣщали эти богослуженія. Особеннымъ краснорѣчіемъ въ своихъ проповѣдяхъ отличался Кайсевичъ. И мнѣ приходилось служить въ этой церкви отъ времени до времени. Однако, меня влекло къ болѣе дѣятельной жизни. Поэтому я, съ согласія своихъ товарищей, предпринималъ лѣтомъ 1844 и 1845 годовъ миссіонерское путешествіе по разнымъ городамъ Франціи, чтобы проповѣдывать и будить религіозное чувство среди поляковъ, разбросанныхъ по всему пространству пріютившаго ихъ края. Результаты были утѣшительные. Въ каждомъ изъ посѣщаемыхъ мною городовъ послѣ нѣсколькихъ проповѣдей являлись къ исповѣди, а затѣмъ и пріобщались святымъ тайнамъ болѣе или менѣе значительная группа вѣрующихъ, доходившая иногда до нѣсколькихъ десятковъ. Зимою же я раздѣлялъ, какъ сказано было выше, труды товарищей, совершая богослуженіе и проповѣдуя по воскресеньямъ и праздникамъ въ самомъ Парижѣ. Кругъ моихъ знакомствъ, какъ среди эмиграціи, такъ и французскаго

общества, само собою разумѣется, значительно расширился. Благотворительное общество польскихъ дамъ, подъ предсѣдательствомъ княгини Чарторыйской, пригласило меня въ число своихъ членовъ; какъ кажется, мои связи съ болѣе бѣдной частью польской эмиграціи были мотивомъ моего избранія. Какъ членъ благотворительнаго общества, я сталъ собирать среди эмиграціи посильную лепту на устройство пріюта для вышедшихъ уже изъ больницы, но съ неокрѣпшимъ еще здоровьемъ и временно, до полнаго выздоровленія, не могущихъ заняться какимъ нибудь трудомъ. По положенію, реконвалесценты должны были заниматься какимъ нибудь легкимъ рукодѣліемъ. Мои хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ: пріютъ былъ открытъ и сталъ дѣйствовать не безъ пользы для страждущаго человѣчества.

Случилось мнѣ какъ-то быть у генерала Малаховскаго, жившаго въ окрестностяхъ Парижа въ какомъ-то мѣстечкѣ, названіе котораго теперь не припомню, какъ разъ въ день его ангела. Это былъ старикъ, 84 лѣтъ, дослужившійся въ арміи Наполеона отъ простаго солдата до ранга генерала и бывшій подъ конецъ мятежа 1830—31 г. главнокомандующимъ польскихъ войскъ. Я не былъ съ нимъ ближе знакомъ, но какая-то внутренняя симпатія влекла насъ другъ къ другу. Генералъ страдалъ старческой чахоткой и все предвѣщало его близкій конецъ. Возвращаясь послѣ его посѣщенія въ Парижъ, я просилъ одного изъ проживающихъ тамъ поляковъ дать мнѣ знать, если болѣзнь приметъ неблагопріятный оборотъ. Спустя нѣсколько недѣль я получилъ извѣстіе объ опасной болѣзни генерала и сейчасъ поспѣшилъ взять мѣсто въ дилижансѣ; желѣзной дороги еще не было. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ. Пріѣхавши въ мѣстечко въ 10 часовъ вечера, я, прежде чѣмъ направиться въ домъ генерала, зашелъ въ сосѣднюю лавочку и оттуда послалъ предупредить генеральшу о своемъ пріѣздѣ. На это чрезъ бывшаго адъютанта Малаховскаго она попросила меня отложить посѣщеніе до утра слѣдующаго дня, такъ какъ старикъ слишкомъ слабъ и она боится, чтобы мое позднее посѣщеніе не отразилось гибельно на его здоровьѣ. Не ѣвши весь день, я отправился къ одному знакомому, чтобы съѣсть чего либо, и лишь только я успѣлъ откушать стаканъ чая, какъ явился отъ генерала посланецъ съ приглашеніемъ явиться къ нему. Вотъ что случилось. Послѣ моего пріѣзда больной сказалъ своей женѣ, чтобы она напомнила ему утромъ слѣдующаго дня о какомъ-то важномъ дѣлѣ, о которомъ онъ ей хочетъ сообщить. «Зачѣмъ откладывать? Сообщи сейчасъ же»! отвѣчала жена. Сначала старикъ упрямился, но спустя нѣсколько минутъ сказалъ, что чувствуетъ себя весьма слабымъ и что поэтому слѣдуетъ исполнить предсмертную обязанность. «Когда только проснешься», добавилъ старикъ, то напиши о. Терлецкому (именно я пришелъ на мысль умирающему), чтобы онъ пріѣхалъ какъ можно скорѣе»! «Онъ здѣсь; онъ только что пріѣхалъ», было отвѣтомъ жены. Послали сейчасъ за мною. Когда я вошелъ, то умирающій обратился ко мнѣ сейчасъ

съ вопросомъ, будетъ ли онъ имѣть время приготовиться достойнымъ образомъ къ смерти? Я его успокоилъ и выслушалъ его исповѣдь, къ которой онъ былъ хорошо приготовленъ. Вслѣдъ затѣмъ я поѣхалъ къ приходскому священнику, чтобы онъ явился къ умирающему съ святыми тайнами, по принятіи которыхъ я самъ совершалъ елеосвященіе. На слѣдующій день, въ полдень, генералъ Малаховскій тихо скончался.

Вл. Терлецкій.

Сообщ. **А. Лапатинскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1830 г. [1]).

ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ.

Январь 3. Университетъ предложилъ мнѣ на нынѣшній годъ каѳедру политической экономіи, которую буду занимать въ качествѣ помощника ординарнаго профессора Бутырскаго, а вчерашній день я началъ преподавать въ пансіонѣ Курнанда, сверхъ правъ и статистики, русскую словесность по два часа въ недѣлю.

15. Я получилъ первый томъ «Исторіи русскаго народа», соч. Н. А. Полеваго.

Еще до появленія въ свѣтъ этой книги, она уже была осуждаема и превозносима. Такъ называемые патріоты, почитатели добраго Карамзина, не понимаютъ, какъ можно осмѣлиться писать исторію послѣ Карамзина. Партія эта состоитъ изъ двухъ элементовъ. Одни изъ нихъ царедворцы, вовсе не мыслящіе или мыслящіе по заказу властей; другіе, у которыхъ есть охота судить и рядить, да не достаетъ толку и образованія, въ простотѣ сердца вѣруютъ, что Карамзинъ, дѣйствительно, написалъ «Исторію русскаго народа», а не исторію русскихъ князей и царей. Конечно, есть также люди благомыслящіе и образованные, судъ которыхъ основывается на размышленіи и доказательствахъ. Но ихъ немного. Эти послѣдніе знаютъ, чѣмъ отечество обязано Карамзину, но знаютъ также, что его твореніе не удовлетворяетъ требованіямъ идеи исторіи столько, сколько удовлетворяетъ требованіямъ вкуса.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; томъ LXII, апр.; стр. 107—130; іюнь.

Какъ бы то ни было, а Полевой написалъ исторію Россіи. Онъ посвятилъ ее Нибуру и тѣмъ самымъ какъ бы отказался отъ перстня. И это тоже ему ставятъ въ уголовную вину. Написалъ онъ также предисловіе къ своей исторіи — и послѣднее плохо. Въ немъ кучею накиданы всѣ новыя французскія и нѣмецкія мысли объ исторіи, но безъ логической связи и ясности. Впрочемъ, не время еще изрекать судъ о его сочиненіи: надо прежде видѣть его вполнѣ оконченнымъ. Очевидно, однако, что онъ смотритъ и на исторію, и на Россію съ высшей точки зрѣнія. Онъ философскимъ духомъ слѣдитъ за событіями и старается примѣтить, какъ образовали они судьбу народа. Это заслуга важная.

Я думаю даже, что недостатки его творенія, сколько бы ихъ ни было, будутъ искуплены сею заслугою предъ нелицепріятнымъ судомъ потомства.

30. Воейковъ, въ первомъ номерѣ «Славянина», напечаталъ стихи: «Цензоръ», въ которыхъ досталось какому-то Г..... ханжѣ и невѣждѣ. Мы получили повелѣніе спросить у цензора, разсматривавшаго эти стихи, какъ онъ осмѣлился пропустить ихъ, а у Воейкова: кто именно просилъ его напечатать оныя? Я цѣлый день почти отыскивалъ Воейкова, чтобы отобрать отъ него показанія, но не нашелъ его. Цензурный уставъ предписываетъ не преслѣдовать писателей: хорошо было бы не только въ теоріи, но и на практикѣ держаться этого благаго правила.

Въ заключеніе Воейковъ отвѣчалъ, какъ и слѣдовало ожидать, что онъ не помнитъ, кто доставилъ ему для напечатанія вышеупомянутые стихи. Цензоръ Сербиновичъ, что онъ не могъ знать, что стихи эти содержатъ въ себѣ личность, тѣмъ болѣе, что это переводъ съ французскаго.

31. Воейковъ посаженъ на гауптвахту. Въ одно время съ нимъ посажены Гречъ и Булгаринъ, будто-бы за неумѣренныя и пристрастныя литературныя рецензіи. Въ Москвѣ цензоръ, Глинка, также заключенъ на двѣ недѣли. Бѣдное сословіе писателей!

У насъ жалуются на недостатокъ хорошихъ писателей. Есть люди съ дарованіями, но имъ не достаетъ развитія. Послѣдняго и вообще немного у насъ. Отчего? Причины очевидны.

Мы можемъ быть настолько развиты и просвѣщенны, насколько то позволяютъ условія нашей жизни.

Февраль 5. Въ городѣ очень многіе радуются тому, что Воейкова, Булгарина и Греча посадили на гауптвахту. Ихъ беззастѣнчивый эгоизмъ всѣмъ надоѣлъ.

Такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава.

6. Сегодня я присутствовалъ на выпускномъ экзаменѣ въ Смольномъ монастырѣ и никогда не забуду впечатлѣнія, оттуда вынесеннаго. Какое очаровательное пѣніе этихъ милыхъ созданій, одѣтыхъ въ бѣлыя платья—прощальное пѣніе, послѣдняя дань тихой обители; гдѣ они провели первые дни юности.

Я такъ былъ увлеченъ величіемъ этого зрѣлища, что не хотѣлъ ни на что смотрѣть глазами критика. Ни тѣснота, ни давка, ни духота на меня не дѣйствовали. Я даже не особенно старался протискаться побольше впередъ, довольствовался тѣмъ, что мнѣ удавалось видѣть сквозь промежутки дамскихъ шляпокъ, тянувшихся передъ нами длинной стѣной. Я весь былъ поглощенъ пѣніемъ.

Послѣ экзамена и прощальнаго пѣнія волны публики хлынули въ залу, гдѣ выставлены работы воспитанницъ. Есть отличныя произведенія калиграфіи, рисунки, шитье и проч.

Здѣсь стройными рядами проходили мимо посѣтителей всѣ воспитанницы и въ томъ числѣ выпускныя. Какъ видѣнія поэтической фантазіи, они мелькали передо мной въ своихъ бѣлыхъ платьяхъ съ лиловымъ кушакомъ.

Выходя изъ института, я претерпѣлъ жестокую давку. Съ часъ отыскивалъ человѣка, которому отдана была моя шинель. Долго не забуду я всего, что видѣлъ сегодня въ Смольномъ монастырѣ.

14. Обычный годовой праздникъ нашего выпуска изъ университета. Всѣ товарищи собрались къ ресторатѣру Андріё. Мой любезный Полѣновъ распоряжался на сей разъ пиршествомъ. Шампанскаго не жалѣли. Первый тостъ, по обычаю, былъ посвященъ Государю и отечеству. Три тоста были питы за мое здоровье. Полѣновъ всѣхъ усердно угощалъ; Гебгартъ искрился не меньше шампанскаго, Сорокинъ написалъ милые стихи, которые были читаны при громкихъ рукоплесканіяхъ товарищей.

18. Сегодня читалъ первую лекцію русской словесности дѣвицѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Зиновьевой. Ей лѣтъ семнадцать. Это блѣдное, эфирное, голубоокое маленькое существо.

24. Читалъ первую лекцію политической экономіи въ университетѣ. Слушателей было много. Присутствовали также два профессора философско-юридическаго факультета, Шнейдеръ и Бутырскій, и попечитель. Говорятъ, я съ честью вышелъ изъ этого перваго испытанія. Но я самъ недоволенъ. Я чувствовалъ смятеніе говорить передъ большимъ собраніемъ точь въ точь, какъ и въ прошломъ году, когда я на публичномъ университетскомъ актѣ говорилъ краткое, похвальное

слово покойному профессору Лодію (оно напечатано, кажется, въ іюньскихъ листкахъ «Сѣверной Пчелы» за 1829 годъ).

Іюль 2. Вчера былъ на великолѣпномъ Петергофскомъ праздникѣ. По утру, въ семь часовъ, заѣхалъ ко мнѣ Д. В. Полѣновъ, и мы на дрожкахъ отправились съ нимъ въ Петергофъ. Вдоль всей дороги уже тянулись непрерывною цѣпью экипажи—отъ Петербурга до самаго Петергофа. Разнообразіе этихъ экипажей, лицъ, пестрота одеждъ представляли занимательную картину. Въ Петергофѣ мы съ трудомъ отыскали домъ училища, гдѣ намъ отведена была квартира и квартира прекрасная, какой многіе могли намъ позавидовать въ этотъ день.

Кажется, весь Петербургъ нахлынулъ въ Петергофъ и запрудилъ его маленькія улицы. Окрестныя поля были усѣяны экипажами и палатками.

Вслѣдъ за нами пріѣхали дѣвицы Полѣновы, сестры моего товарища, и мы вмѣстѣ отправились въ садъ. Нельзя сказать, чтобы тамъ было большое оживленіе. Пестрая толпа чинно, почти угрюмо бродила по дорожкамъ; нигдѣ веселья, а вездѣ только одно любопытство. Гуляющіе казались не живыми лицами, а тѣнями, мелькающими въ волшебномъ фонарѣ. Нѣсколько больше движенія замѣчалось у палатокъ, надъ входами въ кои виднѣлись надписи: Лондонъ, Парижъ, Лиссабонъ и проч. Но и тутъ извѣстныя особы въ голубыхъ мундирахъ спѣшили приводить въ надлежащія формы каждое свободное движеніе.

Къ вечеру забрызгалъ дождикъ и прогналъ насъ въ нашу квартиру. Въ праздникѣ, между тѣмъ, оставалось главное: иллюминація. Мы уже отчаявались видѣть ее, ибо дождь не переставалъ.

Наконецъ, къ девяти часамъ онъ утихъ и мы поспѣшили въ садъ. Иллюминація была великолѣпна—для меня, впрочемъ, не новое зрѣлище: ибо я видѣлъ подобное же въ Петергофѣ въ 1825 году. Зрѣлище это, дѣйствительно, поражаетъ. Моя дама, недавно выпущенная смолянка, горѣла въ восторгахъ, зажженныхъ въ ея сердцѣ этими великолѣпными огнями. Подъ конецъ она мнѣ уже даже надоѣла восклицаніями на всевозможныхъ языкахъ: «какъ это божественно, прелестно, очаровательно, мило!» и т. д. Такъ продолжалось до полуночи. Въ первомъ часу мы пустились въ обратный путь, но только въ три часа выѣхали изъ заставы петергофской: такъ было трудно прорваться сквозь хаосъ экипажей. Между тѣмъ облака болѣе и болѣе сгущались; скоро сплотились въ тяжелую тучу и, наконецъ, хлынулъ проливной дождь, который сопровождалъ насъ до самаго Петербурга. Жалко было смотрѣть на бѣдныхъ пѣшеходовъ. Усталые, промокшіе

до костей, покрытые грязью, возвращались они къ себѣ—и все это для удовольствія сказать: и мы тоже были на Петергофскомъ праздникѣ. Немало также встрѣтили мы по дорогѣ переломанныхъ экипажей. До дому мы добрались только въ восемь часовъ утра.

Сентябрь 5. Ужасная болѣзнь, холера-морбусъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ свирѣпствовала въ Астрахани, оттуда двинулась въ Саратовъ, Тамбовъ, Пензу и нынѣ посѣтила Вологду, какъ доноситъ о томъ мѣстное начальство министру внутреннихъ дѣлъ. Въ столицѣ сильно безпокоятся. Болѣзнь сія, въ самомъ дѣлѣ, всего опаснѣе въ большомъ городѣ: здѣсь настоящая ея жатва, а можетъ быть и колыбель. При томъ климатъ петербургскій и безъ того, особенно осенью, порождаетъ много болѣзней.

Между тѣмъ какъ на сѣверѣ Европы ростетъ и развивается чудовище, готовое поглотить массу человѣческихъ жертвъ, на западѣ и югѣ свирѣпствуютъ болѣзни политическія. Франціи удалось оттолкнуть отъ себя руку, готовившуюся сковать ее цѣпями. Въ три дня въ ней остались однѣ развалины отъ безумнаго деспотизма, который стремился въ ней водворить Карлъ X. Примѣръ Франціи пробудилъ отъ сна южную часть Нидерландовъ. Въ Брюсселѣ происходили кровавыя схватки. Въ Испаніи также умы волнуются. Въ Португаліи начинаютъ скучать жестокостями Донъ-Мигуэля.

Что у насъ говорятъ о сихъ событіяхъ? У насъ боятся думать вслухъ, но, очевидно, про себя, думаютъ много.

9. Никита Ивановичъ Бутырскій, ординарный профессоръ политической экономіи и экстраординарный россійской словесности. Изъ духовнаго званія; воспитывался въ бывшемъ педагогическомъ институтѣ и, въ числѣ другихъ студентовъ, былъ отправленъ для усовершенствованія заграницу. У него тонкій, быстрый умъ, вѣрное эстетическое чувство и даръ слова. Его предметъ собственно эстетика и словесность; политическая экономія досталась ему по одной изъ тѣхъ прихотей судьбы, которыя насильственно навязываютъ людямъ извѣстныя роли. У него нѣтъ ни той глубины ума, ни того постоянства въ мышленіи, которыя необходимы для того, чтобы овладѣть истинами, столь перепутанными различными житейскими отношеніями, столь шаткими среди борьбы общественныхъ стихій.

Въ преподаваніи словесности онъ держится середины между строгимъ классицизмомъ и новыми требованіями вѣка, или, лучше сказать, онъ держится системы здраваго разсудка, который знаетъ, что формы въ изящныхъ искусствахъ не значатъ ничего, если онѣ не оживотворены духомъ, но знаетъ и то, что духу потребны формы и формы строгія. Бутырскій очень пріятно излагаетъ свой предметъ;

онъ говоритъ не сильно, но плѣнительно: его краснорѣчіе проникнуто чувствомъ и потому нравится, хотя и не можетъ вполнѣ служить образцомъ. Его счастливая наружность, пріятная манера, голосъ гибкій и звучный всегда готовы помочь ему тамъ, гдѣ измѣняютъ ему чувство или воображеніе. Въ немъ, однако, одинъ недостатокъ, который сильно вредитъ полнотѣ его лекцій: это частое повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ, оборотовъ, примѣненій и проч. Но это не отъ недостатка воображенія или слишкомъ однообразнаго хода его ума, а отъ другаго недостатка, которымъ одержимъ сей любезный профессоръ—недостатка, не столь обиднаго для самолюбія, но не менѣе вреднаго, а именно лѣнью. Часто приходитъ онъ на лекціи, вовсе не приготовивъ плана, о чемъ намѣренъ читать и, по необходимости, ищетъ убѣжища въ повтореніяхъ или говоритъ милыя бездѣлицы, довольно пріятныя, чтобы не наскучить, но слишкомъ безсодержательныя, чтобы учить.

Въ основѣ нравственнаго характера Бутырскаго много доброты и благородства, но мало твердости, и потому въ немъ быстро совершаются переходы отъ радости къ скорби, отъ ласки къ гнѣву. Самое ничтожное подозрѣніе, какой нибудь пароксизмъ житейскаго горя способны превратить его дружбу въ ненависть...

25. Холера уже въ Москвѣ. Это извѣстно оффиціально. Говорятъ, что она уже и въ Твери. Мы сегодня получили отъ министра предписаніе доносить ему ежедневно о больныхъ воспитанникахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, съ означеніемъ кто чѣмъ боленъ. Отъ полиціи предписано то-же самое всѣмъ жителямъ столицы.

Итакъ, мы не на шутку готовимся принять сію ужасную гостью. Въ церквахъ молятся о спасеніи земли русской; простой народъ, однако, охотнѣе посѣщаетъ кабаки, чѣмъ храмы Господни; онъ одинъ не унываетъ, тогда какъ въ высшихъ слояхъ общества царствуетъ скорбь. По московской дорогѣ, въ Ижорѣ, учрежденъ родъ карантина: ибо вчера пріѣхавшій туда курьеръ умеръ, говорятъ, отъ холеры. Всѣ спрыскиваются хлоромъ, запасаются дегтемъ и уксусомъ. Вездѣ движеніе; жизнь, почуявъ врага, напрягается и готовится на борьбу съ нимъ. Но что, дѣйствительно, можемъ мы противупоставить холерѣ? Бодрость духа, покорность необходимости...

29. Троицкій, изъ казенныхъ студентовъ, окончившій курсъ въ нынѣшнемъ году, молодой человѣкъ съ отличными дарованіями. Попечитель хотѣлъ оставить его въ Петербургѣ, чтобы онъ могъ больше усовершенствоваться. Но министръ рѣшилъ иначе: онъ посылаетъ его учителемъ въ Могилевъ. Троицкій въ отчаяніи. Все было истощено въ его пользу. Но начальство не понимаетъ, что въ Петербургѣ

рѣдкость хорошіе преподаватели русской словесности и что такими людьми надо дорожить. У бѣднаго молодаго человѣка еще другое горе: онъ обрученъ съ милою, образованною, молодою дѣвушкою, которую страстно любитъ, и теперь долженъ съ нею разстаться. Мы вмѣстѣ совѣтовались, придумывали разныя мѣры, но что значатъ наши слабыя силы противъ власти начальника, не согрѣтаго ни чувствомъ патріотизма, ни чувствомъ человѣколюбія?

31. Вотъ стихи, напечатанные въ послѣднемъ нумерѣ «Литературной газеты»:

France, dis moi leurs noms? Je n'en vois point paraître,
Sur ce funèbre monument.
Ils ont vaincu si promptement,
Que tu fus libre avant de les connaître [1]).

По поводу сихъ стиховъ мы сегодня получили отъ Бенкендорфа бумагу съ строгимъ требованіемъ увѣдомить его: какъ цензоръ осмѣлился пропустить сіи стихи и кто далъ ихъ издателю для напечатанія? Отвѣты заготовлены ужъ. Подобныя происшествія часто случаются въ нашей цензурѣ.

Декабрь 2. Меня приглашаютъ занять мѣсто преподавателя русской словесности въ высшемъ или, такъ называемомъ, бѣломъ классѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ. Инспекторъ заведенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Германнъ, присылалъ за мной, и я вчера вечеромъ былъ у него. Онъ изъ числа тѣхъ профессоровъ, которые были Магницкимъ и Руничемъ изгнаны изъ университета. Этотъ человѣкъ уменъ и ученъ. Говоритъ по русски худо, но охотно. Онъ долго меня продержалъ, былъ привѣтливъ и порѣшилъ опредѣлить меня въ институтъ.

3. Сегодня поутру я былъ въ институтѣ. Помощникъ инспектора Тимаевъ представилъ меня начальницѣ, г-жѣ Кремпиной. Мнѣ объяснили планъ преподаванія, которому я долженъ слѣдовать. Дѣвицамъ остается годъ до выпуска. Онѣ почти ничего не знаютъ изъ словесности и въ этотъ годъ надо сдѣлать то, на что обыкновенно полагается три года. Жалованье невелико: 1050 р. за девять часовъ преподаванія въ недѣлю. Впрочемъ, мѣсто это считается почетнымъ и представляетъ обширное поле для учебной практики. Сверхъ того, пріятно бесѣдовать съ милыми, цвѣтущими существами; пріятно все-

---

[1]) Францiя, скажи мнѣ ихъ имена? Я ихъ не вижу на этомъ памятникѣ. Они такъ скоро побѣдили, что ты была свободна прежде, чѣмъ успѣла ихъ узнать.

ить хоть одну изъ своихъ идей въ сердцѣ матерей будущаго поколѣнія и, содѣйствуя ихъ образованію, содѣйствовать успѣхамъ русскаго общества.

10. Сегодня читалъ первую лекцію въ первомъ отдѣленіи (ибо и верхній классъ, по успѣхамъ дѣвицъ, раздѣленъ на три отдѣленія, изъ коихъ первое есть высшее). Меня ввела въ классъ начальница г-жа Кремпина. Всѣ дѣвицы уже на возрастѣ. По близорукости, я не могъ видѣть сидящихъ на заднихъ скамьяхъ, но изъ тѣхъ, которыя впереди, многія прелестны. На всѣхъ отпечатокъ тихой непорочности, еще не омраченной страстями свѣта.

Я нѣкоторыхъ экзаменовалъ. Онѣ немного успѣли въ два года. Я началъ мою лекцію изложеніемъ плана, коему намѣренъ слѣдовать въ преподаваніи, потомъ приступилъ ко введенію, или общему обозрѣнію словесныхъ наукъ и изящнаго, какъ основанія оныхъ. Начальница пробыла въ классѣ до конца лекціи и въ заключеніе выразила свое полное удовольствіе. Итакъ, начало сдѣлано, кажется, успѣшно.

30. Подарокъ русскимъ писателямъ къ новому году: въ цензурѣ получено повелѣніе, чтобы ни одно сочиненіе не допускалось къ печати безъ подписи авторскаго имени.

Истекшій годъ, вообще, принесъ мало утѣшительнаго для просвѣщенія въ Россіи. Надъ нимъ тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія. Многія сочиненія въ прозѣ и стихахъ запрещались по самымъ ничтожнымъ причинамъ, можно сказать, даже безъ всякихъ причинъ, подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники... Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ. Намъ пришлось удостовѣриться въ горькой истинѣ, что на землѣ русской нѣтъ и тѣни законности (1830 г.). Умы болѣе и болѣе развращаются, видя, какъ нарушаются законы тѣми самыми, которые ихъ составляютъ; какъ быстро одни законы смѣняются другими и т. д. Въ образованной части общества все сильнѣе возникаетъ духъ противодѣйствія, который тѣмъ хуже, чѣмъ онъ сокровеннѣе: это червь, подтачивающій дерево. Якобинецъ порадуется этому, но человѣкъ мудрый пожалѣетъ о политическихъ ошибкахъ, конецъ коихъ предвидѣть не трудно.

Внутреннія условія нашей жизни, промышленность, правосудіе и проч. тоже не улучшились за этотъ годъ... Да сохранитъ Господь Россію!

Конецъ лѣтописи за 1830 годъ.

1831 годъ.

Январь—декабрь.

Январь 1. Новый годъ встрѣтилъ у Деля. Собраніе было большое и всѣ, кажется, веселились. Старинный обычай являться въ маскахъ еще держится. Многіе и сюда въ нихъ явились. Дамъ было мало красивыхъ. Инспектриса Екатерининскаго института, г-жа Штатникова, пышна, величава, но уже зрѣлыхъ лѣтъ. Моей поэзіей на нынѣшній вечеръ была сама хозяйка, Анна Петровна Дель. Она нехороша собой и не первой молодости: ей лѣтъ подъ тридцать. Но эта женщина меня очаровываетъ своимъ нѣжнымъ женскимъ умомъ, своею сердечною любезностью и невыразимо милымъ простодушіемъ. Все это сообщаетъ ея лицу такое выраженіе, что ее предпочтешь всякой красавицѣ.

Поутру въ новый годъ я былъ осажденъ поздравителями. Никогда еще не бывало у меня такой толпы разнородныхъ лицъ—знакъ, вѣроятно, что и меня начинаютъ считать за человѣка. Самъ я былъ съ визитами у институтскаго начальства, у князя Голицына. Вечеръ провелъ у Троицкаго, который сегодня праздновалъ обрученіе свое съ невѣстою.

6. Былъ на балу у генерала Германа, инспектора классовъ въ въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ. Всѣ наши бальныя собранія одинаковы. Разница только въ убранствѣ комнатъ, да въ большей или меньшей роскоши угощеній. Три рода людей обыкновенно присутствуютъ на балахъ: танцующіе, бостонисты и зрители, въ свою очередь раздѣляющіеся на зрителей игры и танцевъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ устарѣвшія дамы—матушки героинь французскаго кадриля и котильона, или мужчины, приглашаемые для счета. Меня танцы всегда плѣняютъ. Я люблю наблюдать за игрою физіономій танцующихъ паръ.

Женщины особенно доставляютъ для того благодарный матеріалъ; что же касается мужскихъ лицъ, они очень рѣдко бываютъ выразительны. На этомъ балѣ я нашелъ не больше трехъ, четырехъ; къ нимъ, безспорно, принадлежитъ физіономія пріятеля моего Ивана Карловича Гебгардта. На лицѣ его удивительно отчетливо напечатлѣны двѣ отличительныя черты его характера: легкая, граціозно лукавая тонкость ума и благородство. Лицо его кипитъ игрою жизни цвѣтущей, прекрасной. Оно свѣтло, открыто, благородно. Но бойтесь встрѣтиться съ его улыбкою: тонкая, аттическая иронія явится въ ней, какъ шипъ возлѣ розы.

Праздники миновали; въ канцеляріи масса работы. Правду сказать, я одинъ работаю. Помощникъ мой худо мнѣ помогаетъ. Начальникъ мой, частію по довѣрію ко мнѣ, а частью по неохотѣ заниматься вещами, которыя въ сущности ни чьему благу не содѣйствуютъ, оставляетъ все на мое попеченіе. Между тѣмъ меня каждый день осаждаетъ толпа просителей, изъ которыхъ есть люди, вполнѣ достойные помощи. Но при нашихъ порядкахъ весьма немногимъ удается помочь.

7. Сегодня опять начались мои лекціи въ институтѣ. Мои милыя слушательницы встрѣтили меня радостно.

Между ними нѣкоторыя, особенно въ первомъ отдѣленіи, съ большими дарованіями. Есть и красивыя лица. На всѣхъ институткахъ своя особенная печать. Лица ихъ выразительны не такъ, какъ у дѣвушекъ, воспитанныхъ дома, т. е. въ гостинныхъ.

16. Сегодня экзаменовали моихъ студентовъ изъ политической экономіи. Они отвѣчали, кажется, плохо, впрочемъ, не хуже, чѣмъ слушатели профессора Бутырскаго. Легко можетъ случиться, что мнѣ не дадутъ адъюнктства.

Баронъ Дельвигъ умеръ послѣ четырехъдневной болѣзни. Новое доказательство ничтожества человѣческаго. Ему было 33 года. Онъ былъ, кажется, крѣпкаго, цвѣтущаго здоровья. Я не такъ давно съ нимъ познакомился и былъ имъ очарованъ. О немъ всѣ сожалѣютъ, какъ о человѣкѣ благородномъ.

18. Вечеръ провелъ у Полѣнова, гдѣ дѣвица Княжнина доставила всѣмъ живое эстетическое удовольствіе своими прелестными танцами. Какое благородство, какая грація, непринужденность во всѣхъ ея движеніяхъ! Всѣ другія барышни угасли передъ ней, какъ звѣзды передъ солнцемъ.

19. Сегодня профессоръ Бутырскій изъявилъ мнѣ свое удовольствіе за экзаменъ моихъ студентовъ въ политической экономіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что я уже внесенъ въ списокъ преподавателей университета на нынѣшній годъ. Профессоръ Шнейдеръ тоже хорошо отозвался о моемъ экзаменѣ. Значитъ, надежда на адъюнктство не совсѣмъ еще исчезла.

20. Сегодня былъ маленькій экзаменъ моимъ ученицамъ въ институтѣ. Начальница показывала заведеніе инспектору одесскаго института, который хочетъ запастись здѣсь образцами для подражанія.

Дѣвицъ спрашивалъ изъ словесности самъ инспекторъ Германъ. Дѣвицы отвѣчали очень хорошо, особенно Быстроглазова, Воейкова и графиня Соллогубъ.

Вызывая дѣвицъ, я, по незнанію еще ихъ способностей, вызвалъ

нѣкоторыхъ изъ слабыхъ. Начальница замѣтила мнѣ это и посовѣтовала затвердить въ памяти лучшихъ, чтобы, при случаѣ, показывать ихъ чужимъ людямъ.

21. Былъ въ театрѣ и видѣлъ новую піесу: «Кровавая рука», трагедія Кальдерона, переводъ Каратыгина. Пьеса эта по идеѣ своей ниже обычной кальдероновской высоты: она заключена въ предѣлахъ одной человѣческой страсти, раскрытой, однако, со всею геніальностью великаго писателя. Изступленія ревности, вотъ основа всей трагедіи. Наша публика довольно холодно приняла пьесу, не смотря на превосходную игру Каратыгина. Оно естественно: мы не умѣемъ любить, слѣдовательно, и ревновать. Намъ непонятна ярость испанца, честь и сердце котораго одновременно оскорблены. Увы, понятіе о чести для насъ слишкомъ рыцарское.

24. Вечеръ провелъ у Михайловыхъ. Генералъ замучилъ меня своими ультра-мистическими взглядами. Онъ вѣритъ духамъ, пророчествамъ, наитіямъ, видѣніямъ и всѣмъ нелѣпостямъ, какія воспламененная, религіозная фантазія хотѣла въ послѣднее время превратить у насъ въ предметы народнаго вѣрованія. Чудные люди эти мистики! Они во всемъ находятъ причины утверждаться въ своемъ заблужденіи. Если вы имъ говорите о законахъ природы, явно противорѣчащихъ ихъ положеніямъ, они приписываютъ эти противорѣчія случаю. Источникъ ихъ заблужденія въ односторонности: они слишкомъ легко поддаются чувству, избѣгаютъ разума.

Михаилъ Кузьмичъ Михайловъ человѣкъ умный, а между тѣмъ разсказываетъ, какъ о святыхъ дѣлахъ, о нелѣпыхъ поступкахъ и пророчествахъ какого-то Архипа Сидоровича, вѣроятно, архи-плута, который достаетъ себѣ насущный хлѣбъ тѣмъ, что морочитъ добрыхъ, но легковѣрныхъ людей.

28. Публика въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа, который за помѣщеніе въ «Литературной газетѣ» четверостишія Казиміра Делавиня назвалъ Дельвига въ глаза почти якобинцемъ и далъ ему почувствовать, что правительство слѣдитъ за нимъ.

За симъ и «Литературную газету» запрещено было ему издавать. Это поразило человѣка благороднаго и чувствительнаго и ускорило развитіе болѣзни, которая, можетъ быть, давно въ немъ зрѣла.

Февраль 6. Обыкновенное наше годичное празднество. На сей разъ дурно было выбрано для него мѣсто—гостинница въ домѣ Балабина. Обѣдъ оказался изъ рукъ вонъ плохъ, хотя стоилъ дорого. Вина были хороши, потому что мы ихъ сами покупали. Но если вещественная сторона нашего торжества была неблистательна, за то

нравственная сіяла радостнымъ свѣтомъ. Взаимное довѣріе одушевляло всѣхъ. Жаръ чести, свойственный юности, еще не угасъ въ нашихъ сердцахъ. Никто изъ членовъ нашего братства еще не очиновничился. Первый тостъ я предложилъ за успѣхи русскаго образованія. Въ слѣдующую пятницу будетъ у меня, такъ называемое, отданіе праздника.

Изъ ближайшихъ моихъ пріятелей Полѣновъ,—человѣкъ съ здравымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Онъ способенъ къ дѣламъ благороднымъ, но надо, чтобы онъ былъ одушевленъ постороннимъ убѣжденіемъ. Онъ твердо пойдетъ по пути, который для него проложатъ, и къ цѣли, которую ему укажутъ, хотя бы успѣхъ стоилъ тяжкихъ пожертвованій.

Армстронгъ. Онъ толстъ, но такъ легокъ, что, какъ пухъ, гонимый вѣтромъ, то и дѣло мѣняетъ направленіе своихъ мыслей.

Врядъ ли онъ когда нибудь выработаетъ въ себѣ характеръ и, должно быть, кончитъ тѣмъ, что будетъ хорошимъ начальникомъ отдѣленія и рабомъ своей жены. Онъ сложенъ немного неповоротливо и физически, и нравственно. Онъ смотритъ въ глаза другихъ, чтобы угадать мысль, которая освободила бы его отъ необходимости самому до чего либо домыслиться. Но у него истинно прекрасное сердце. Онъ не способенъ ни на какое добровольное зло, а если будетъ для кого нибудь вреденъ, то не иначе, какъ подобно ядру, непроизвольно стрѣляющему изъ пушки.

Михайловъ. Эпиграфомъ къ его біографіи могутъ служить слѣдующіе стихи:

Какъ вѣтеръ, мысль его свободна,
За то, какъ вѣтеръ, и безплодна.

Я бы скорѣе покусился повѣсить фунтовую гирю на паутинѣ, нежели ввѣрить ему надежды мои. Однако-жъ, въ немъ благородныя чувства и въ минуту энтузіазма онъ можетъ насказать много мужественнаго и рѣшительнаго. Но онъ легче дыма улетитъ отъ васъ, когда одумается. Онъ и опять прилетитъ къ вамъ, съ убѣжденіемъ человѣка мыслящаго для того, чтобы убѣдиться, что надо снова оставить васъ. Онъ пріятенъ, какъ легкая, милая игра фантазіи. Это мечта, сновидѣніе благороднаго, но столь легкая, что оно разлетается, лишь только вы захотите его обнять. Онъ кончитъ тѣмъ, что будетъ камергеромъ или камеръ-юнкеромъ. Чего же больше?

Лингвистъ. Въ головѣ его романическія затѣи о величіи. Герой его—Наполеонъ. Онъ способенъ къ возвышеннымъ идеямъ и даже соображеніямъ. Жаль только, что онъ не понимаетъ самъ себя. Отъ

всѣхъ великихъ мужей Плутарха онъ отрываетъ по лоскутку ихъ характера, взглядовъ и убѣжденій и изъ всего этого представляетъ смѣсь, въ которой недостаетъ только одного — самого Лингвиста. Однако, о нёмъ не такъ легко предвидѣть, какъ о другихъ, чѣмъ онъ кончитъ: онъ принадлежитъ судьбѣ; другіе—обстоятельствамъ и отношеніямъ свѣта.

9. Наконецъ, послѣ блистательнаго начала въ институтѣ, я начинаю испытывать непріятности на этомъ новомъ поприщѣ. Таковъ ходъ вещей на свѣтѣ. Вчера былъ я у Германа и тотчасъ замѣтилъ, что обращеніе его со мной перемѣнилось: онъ сдѣлался какъ-то суше и принужденнѣе. За ужиномъ, впрочемъ, онъ, какъ и всегда, посадилъ меня около себя, но это оказалось не безъ умысла. Онъ прочелъ мнѣ длинное наставленіе о томъ, что лекціи мои въ институтѣ должны быть, сколь возможно, кратче; что, читая ихъ, я не долженъ слишкомъ вдаваться въ теоретическія изслѣдованія и блистать высотою или новизною идей; что съ дѣвицами надо, сколь возможно, избѣгать учености и т. д. Что-же? Достопочтенный господинъ Германъ можетъ быть и правъ, но въ словахъ его противорѣчіе. И онъ, и помощникъ его, Тимаевъ, сначала требовали, чтобы въ первомъ отдѣленіи я не стѣснялся, распространялся, какъ хочу. Первая лекція, прочитанная мною въ этомъ духѣ, была одобрена и имъ, и Тимаевымъ. Изъ этого заключаю, что мнѣ не лишнее подумать объ отставкѣ.

Еще другая непріятность. Я былъ вчера у Бутырскаго. Нынѣшній годъ я, кажется, не буду представленъ къ адъюнктству.

— Надобно, сказалъ онъ, чтобы прежде были успѣхи по вашему предмету.

Въ итогѣ: я не удовлетворилъ ни политико-экономовъ, ни словесниковъ.

11. Я объяснялся сегодня съ инспектриссою Штатниковой. Она объявила мнѣ, что не только въ институтѣ всѣ довольны мною, но что самъ г-нъ Виламовъ, который три раза былъ на моихъ лекціяхъ, поздравлялъ институтъ съ пріобрѣтеніемъ меня.

— Васъ понимаютъ, продолжала она, — вы заботитесь не объ одномъ томъ, чтобы дѣвицы умѣли проболтать на экзаменѣ нѣсколько выученныхъ наизусть правилъ риторики и піитики. Но вы хотите направить ихъ вкусъ, ввести въ духъ литературы. Это-то и не нравится нашимъ здѣшнимъ ученымъ.

— Вы, какъ и господинъ Плетневъ, какъ и законоучитель нашъ, слѣдовавшіе одной методѣ съ вами, будете не разъ подвергаться непріятностямъ. Но, ради Бога, не смотрите на это: идите

своей стезей; васъ понимаютъ совершенно. Вы возбудили энтузіазмъ вашихъ ученицъ и съ этимъ и экзаменъ вамъ не страшенъ.

Слова сіи заставили меня пока умолчать о намѣреніи моемъ на счетъ отставки. Однако, съ Тимаевымъ я долженъ объясниться.

Г-жа Штатникова совѣтовала мнѣ познакомиться съ Плетневымъ. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ въ институтѣ и можетъ сообщить мнѣ нужныя свѣдѣнія о механизмѣ здѣшнихъ дѣлъ.

Германа, очевидно, не любитъ женская партія и состоитъ съ нимъ въ болѣе или менѣе открытой враждѣ. Невольно и я очутился въ средѣ всѣхъ этихъ сплетенъ. Надѣюсь благоразумнымъ выполненіемъ своего долга поставить себя выше этихъ мелочей. Если же нѣтъ, у меня всегда наготовѣ отставка.

15. Былъ по утру у Плетнева. Въ его обращеніи простота. Въ чувствахъ и рѣчахъ больше мягкости, чѣмъ силы. Онъ поразсказалъ мнѣ объ институтскихъ порядкахъ такую правду, что хуже всякой лжи. Свѣдѣнія, которыя онъ мнѣ доставилъ, ничего, однако, не измѣнили въ системѣ моихъ дѣйствій. Одно только считаю я теперь лишнимъ, это ѣхать съ кѣмъ бы то ни было объясняться.

Говорили мы съ нимъ также и о литературѣ нашей, т. е. оплакивали ея ничтожество. Онъ просилъ меня поддерживать своими статьями «Литературную газету», въ которой видитъ наслѣдіе благороднаго барона Дельвига. Мы разстались, кажется, друзьями. Онъ просилъ меня посѣщать его по середамъ вечеромъ и, между прочимъ, обратить въ институтѣ вниманіе на племянницу Жуковскаго, Воейкову, и на графиню Соллогубъ.

16. Былъ въ театрѣ на представленіи комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». Нѣкто остро и справедливо замѣтилъ, что въ этой пьесѣ осталось одно только горе: столь искажена она роковымъ ножомъ Бенкендорфской литературной управы. Игра артистовъ также нехороша. Многіе, не исключая и Каратыгина большого, вовсе не понимаютъ характеровъ и положеній, созданныхъ остроумнымъ и геніальнымъ Грибоѣдовымъ.

Эту піесу играютъ каждую недѣлю. Театральная дирекція, говорятъ, выручаетъ отъ нея кучу денегъ. Всѣ мѣста всегда бываютъ заняты и уже въ два часа наканунѣ представленія нельзя достать билета ни въ ложи, ни въ кресла.

25. Надняхъ я съ удовольствіемъ прочиталъ романъ знаменитаго Бенжамена Констана: «Адольфъ». Въ немъ разобраны сплетенія человѣческаго сердца и изображенъ человѣкъ нынѣшняго вѣка, съ его эгоистическими чувствами, приправленными гордостью и слабостью, высокими душевными порывами и ничтожными поступками. Байронъ

сказалъ въ «Донъ-Жуанѣ»: для мужчины любовь есть эпизодъ,—для женщины исторія. «Въ «Адольфѣ» эта идея развита со всѣми ея тончайшими оттѣнками.

Адольфа перевелъ князь Вяземскій: цензура затруднялась пропустить этотъ романъ, потому что онъ—сочиненіе Бенжамена Констана! Сколько труда стоило мнѣ доказать предсѣдателю цензурнаго комитета, человѣку, впрочемъ, образованному, что одно имя автора еще не есть статья, оскорбляющая правительство или грозящая Россіи революціей. Вотъ подъ вліяніемъ какихъ понятій должны мы совершенствоваться сами и совершенствовать молодое поколѣніе.

28. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у Полѣнова. Здѣсь встрѣтилъ я дѣвицу Поганато, недавно выпущенную изъ Смольнаго монастыря. Она гречанка и это доказываютъ вполнѣ греческія формы ея лица, блѣднаго, умнаго, очень выразительнаго, украшеннаго черными, какъ вороново крыло, волосами и озареннаго лучезарнымъ блескомъ такихъ же глазъ. Она бѣдная сирота. Ее принялъ къ себѣ въ домъ священникъ иностранной коллегіи. Бѣдная дѣвушка! Какъ тяжело, должно быть, ея положеніе: съ такимъ образованіемъ и состоять въ рабствѣ у самыхъ мелкихъ житейскихъ нуждъ. Женщина, еще дитя, безъ покровителя, безъ помощи, она возбуждаетъ невольное участіе.

Мартъ 6. Читаю курсъ литературы Лагарпа. Какой онъ рабъ Аристотеля! Аристотель, Баттё, Блсзъ, Лагарпъ—всѣ эти господа разсуждаютъ о литературѣ, какъ о какомъ-то ремеслѣ. Вотъ такъ и такъ изготовляются сочиненія: трагедіи, комедіи, рѣчи и проч., какъ башмаки, платья, мебель. Они не смотрятъ на словесное произведеніе, какъ на проявленіе духа человѣческаго, стремящагося ко всестороннему развитію въ истинномъ, благомъ и изящномъ. Правило: подражай природѣ, относится къ самой низкой сторонѣ искусства и заключаетъ въ себѣ лишь малѣйшую часть его. Это то, что мы читаемъ въ піитикахъ и реторикахъ въ статьѣ: о правдоподобіи. Другими словами сказать: пиши для человѣка по человѣчески. Но безъ идеаловъ нѣтъ изящныхъ искусствъ. А если бы они и были безъ нихъ, то немного оказали бы услугъ человѣку. Нашему вѣку предоставлена честь возвратить поэзіи права ея, т. е. показать, что она есть жизнь и лучшая жизнь человѣческаго сердца и что ея назначеніе не суетная забава праздныхъ людей, но пробужденіе въ человѣкѣ всего божественнаго, положительное, прямое развитіе всего благороднаго въ его духѣ.

Читалъ «Послѣдній день приговореннаго къ смерти» Гюго. Этого сочиненія нельзя читать безъ содраганія, особенно главу, гдѣ несчастный прощается съ малюткой дочерью. Справедливо-ли упре-

каютъ нынѣшнихъ романистовъ за то, что они выбираютъ сюжеты столь мрачные? Мнѣ кажется—нѣтъ, принявъ въ соображеніе воодушевляющую ихъ идею. Эти писатели заслуживаютъ, напротивъ, благодарности. Въ самыхъ мрачныхъ глубинахъ сердца человѣческаго, среди тяжкаго напряженія страстей они отыскиваютъ искры нравственной красоты и спасаютъ отъ отчаянія душу человѣческую, которая безъ сего ужаснулась бы самой себя, при видѣ нѣкоторыхъ пороковъ и злодѣяній. Это-то и есть поэтическая сторона произведеній, въ которыхъ играютъ роль убійцы и всякаго рода злодѣи и преступники. Въ этихъ произведеніяхъ, кромѣ того, обращается вниманіе читателя на причины кровавыхъ событій, гдѣ человѣкъ является такъ низко падшимъ. Они указываютъ въ сердцѣ злополучнаго свѣтлую точку, которая была зерномъ добрыхъ наклонностей, но въ заключеніе подернулась, какъ тиною, томленіями нищеты, ранними, незаслуженными страданіями, презрѣніемъ, которымъ свѣтъ многихъ обременяетъ при первомъ появленіи ихъ на сцену жизни. Но для чего это? спросятъ. Для того, чтобы содрогнулись притѣснители и пробудились угнетенные.

16. Обѣдалъ вчера у отставнаго директора морскаго департамента, г-на С. На этотъ разъ и здѣсь царствовала убійственная скука, которая большею частью всегда царствуетъ въ такъ называемыхъ «хорошихъ обществахъ». Я пришелъ къ г-ну С. въ три часа. Объ обѣдѣ еще и не думали. Екатерина Лукьяновна была уже въ гостиной. Она встрѣтила меня съ восторгомъ. Изъ устъ ея полилась рѣка сладкихъ рѣчей съ обычными ей декламаторскими восклицаніями.

Она принадлежихъ къ числу тѣхъ широковѣщихъ, впрочемъ, неглупыхъ дамъ, которыя болтаютъ обо всемъ: о погодѣ, шляпкахъ, философіи, французской революціи, о дѣлахъ Бельгіи, о Дибичѣ, о польской войнѣ и проч. Я достался ей на жертву почти на полчаса и въ это время вынесъ цѣлый градъ восклицаній. Наконецъ, гостинная наполнилась чающими движенія къ суповой чашкѣ. Здѣсь было нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ съ рѣшительнымъ видомъ, этимъ отличительнымъ признакомъ нашихъ рыцарей гвардейскихъ и не гвардейскихъ; нѣсколько департаментскихъ чиновниковъ, съ лицами, застывшими въ покорномъ равнодушіи ко всему, что не текущія дѣла ихъ департамента. Нѣсколько дѣвицъ усѣлись на диванѣ, а возлѣ нихъ размѣстилось нѣсколько любезниковъ въ мундирахъ и во фракахъ.

Послѣдніе усиленно работали умами: они припоминали все, когда либо читанное ими во французскихъ романахъ, или слышанное отъ французскихъ дядекъ, и изливали это въ видѣ каламбуровъ, анекдотцевъ, разныхъ возгласовъ о томъ, о семъ, а болѣе ни о чемъ. Милыя

дѣвицы очень смѣялись и казались искренно довольными своими кавалерами.

20. Вечеромъ былъ у Плетнева. Здѣсь познакомился съ издателемъ «Литературной газеты», Сомовымъ. Физіономія его неказиста. Разговоръ не обличаетъ ни пылкости, ни остроумія. Но я не нашелъ въ немъ и той заносчивости, какою отличаются иныя изъ его журнальныхъ статей. Я поздно пріѣхалъ и недолго пробылъ у Плетнева. Разговоръ былъ общій о литературѣ: это былъ плачъ Іереміи надъ развалинами Сіона.

Апрѣль 8. Сегодня я въ первый разъ видѣлъ близко государыню императрицу Александру Ѳедоровну. Она была въ институтѣ и пришла прямо въ мой классъ. Здѣсь пробыла она болѣе сорока минутъ. Поздоровавшись съ воспитанницами, она привѣтливо поклонилась мнѣ, сказала: «продолжайте», и сѣла съ г-жею Кремпиной за столикъ, гдѣ обыкновенно сидитъ классная дама. Я, стоя, спрашивалъ дѣвицъ. Она внимательно слушала ихъ отвѣты, иногда говорила нѣсколько словъ г-жѣ Кремпиной. Дѣвицы отвѣчали очень хорошо (разумѣется, спрошены были самыя лучшія). Особенно отличились Быстроглазова, Калиновская вторая, Милорадовичъ. Воейкова сконфузилась. Послѣ, ея величество, поговоривъ съ Калиновскою и Воейковой, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Давно вы служите здѣсь?»

— Четыре мѣсяца, ваше императорское величество.

— «Довольны вы воспитанницами вашими?»

— Очень доволенъ, ваше имп. в-ство, онѣ весьма прилежны.

Она ласково поклонилась, раскланялась съ дѣвицами и ушла.

У императрицы стройная, величественная фигура, какихъ, я думаю, не много есть; лицо блѣдное, но также величественное съ оттѣнкомъ добродушія; въ пріемахъ ея и обращеніи много привѣтливаго и ласковаго. Она, кажется, осталась довольна воспитанницами.

Мои милыя дѣвицы пришли въ большое смятеніе, услышавъ о пріѣздѣ государыни. Она давно уже не была въ институтѣ и теперь пріѣхала неожиданно.

— «Меня не спрашивайте, пожалуйста, меня не спрашивайте», или: «спросите вотъ то-то и то-то». Но я спрашивалъ безъ профессорскаго подлога все, что было нами пройдено изъ теоріи прозы.

22. Праздники. Какъ водится, дѣлалъ визиты въ первый и второй день. Смѣшно видѣть, какъ люди скучаютъ иными свѣтскими обязанностями и между тѣмъ съ такою суетливостью спѣшатъ исполнять ихъ — одни даже не безъ тайнаго удовольствія, другіе съ важностью, точно священнодѣйствуютъ.

У Михайлова познакомился я съ Воейковымъ, отцомъ моей институтки.

Онъ благодарилъ меня за нее и вообще наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ по поводу моихъ институтскихъ лекцій.

Сегодня же былъ подъ качелями и, между прочимъ, въ балаганѣ Лемана. Шутовскія выходки этого полу-артиста довольно забавны. Пляска на канатѣ, ходьба на рукахъ, кувырканье черезъ голову, хотя и свидѣтельствуютъ о большой гибкости тѣла и гимнастическомъ искусствѣ, мнѣ не полюбились. Тутъ человѣкъ какъ-то слишкомъ себя порабощаетъ — чему? самъ не знаю чему — желудку что-ли? Довольно ловко продѣланъ слѣдующій фарсъ. Паяцъ ѣстъ яйцо. Вдругъ схватываетъ его сильная боль въ животѣ. Онъ корчится по паяцовски, стонетъ и проч. Приходитъ докторъ, дѣлаетъ ему во рту операцію и вытаскиваетъ оттуда пребольшую утку, которая движется точно полу-живая.

Къ Леману нелегко пробраться. У дверей его храма удовольствій такъ тѣсно, какъ въ церкви въ большой праздникъ до проповѣди.

Я съ трудомъ досталъ билетъ, еще съ бòльшимъ трудомъ пробрался къ дверямъ.

Многія дамы кричали, что имъ дурно; одинъ офицеръ, сопровождавшій молодую дѣвушку, храбро состязался съ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати. Послѣдній, стиснутый толпой, толкнулъ локтемъ въ плечо красавицу, которая глупо улыбалась, когда рыцарь ея бранился съ мальчикомъ, стараясь запугать его своимъ офицерствомъ.

Былъ я также и въ звѣринцѣ Лемана. Молодой слонъ очень милъ. Онъ съ точностью исполнялъ всѣ предписанія хозяина; щеткою чистилъ себѣ ноги, смахивалъ себѣ со спины пыль платкомъ, звонилъ въ колокольчикъ, плясалъ, т. е. передвигалъ въ тактъ переднія ноги и топтался на мѣстѣ. Не безъ любопытства разсматривалъ я также обезьянъ. Невольно вспомнилось мнѣ здѣсь, недавно прочитанное мною, замѣчаніе Гердера, который придаетъ такъ много цѣны прямому тѣлосложенію человѣка, чего лишены другія твари.

Я не могъ здѣсь не согласиться съ нимъ.

Май 22. Опять цензурное гоненіе. Въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатана юмористическая статья Булгарина: «Станціонный смотритель», гдѣ, между прочимъ, человѣкъ сравнивается съ лошадью, для которой нуженъ только хорошій хозяинъ и кучеръ, чтобы она сама была хороша. Нашъ министръ, князь Ливенъ, увидѣлъ въ этой статьѣ воззваніе къ бунту. Онъ сдѣлалъ докладъ государю, чтобы отрѣшить цензора (В. Н. Семенова) и наказать автора. Сегодня былъ у меня первый. Онъ очень встревоженъ. Впрочемъ, Бенкендорфъ обѣщалъ за него

заступиться. Въ городѣ удивляются и негодуютъ. Говорятъ, что министръ разсердился, полагая, что статья написана на него. Странный способъ успокоивать умы и броженіе идей! Мѣры рѣшительныя и насильственныя—какая разница! Ихъ смѣшиваютъ.

28. Дѣло о цензорѣ Семеновѣ рѣшено благоразумно: оно оставлено безъ уваженія. Бѣдный Семеновъ, однако, сильно натерпѣлся въ эти дни. Нынѣ не многіе могутъ похвалиться твердостью духа не на словахъ только, но и на дѣлѣ.

Іюнь 19. Наконецъ, холера, со всѣми своими ужасами, явилась и въ Петербургѣ. Повсюду берутся строгія мѣры предосторожности.

Городъ въ тоскѣ. Почти всѣ сообщенія прерваны. Люди выходятъ изъ домовъ только по крайней необходимости, или по должности.

20. Мы учреждаемъ для своихъ чиновниковъ лазаретъ. Сегодня я цѣлый день хлопоталъ съ попечителемъ объ этомъ. Ѣздилъ къ Кайданову просить совѣта о докторѣ.

Въ столицѣ мало докторовъ, и теперь ихъ трудно достать.

Въ городѣ недовольны распоряженіями правительства, государь уѣхалъ изъ столицы. Члены государственнаго совѣта тоже почти всѣ разъѣхались. На генералъ-губернатора мало надѣются. Лазареты устроены такъ, что они составляютъ только переходное мѣсто изъ дома въ могилу. Въ каждой части города назначены попечители, но плохо выбранные, изъ людей слабыхъ, нерѣшительныхъ и равнодушныхъ къ общественной пользѣ. Присмотръ за больными нерадивый. Естественно, что бѣдные люди считаютъ себя погибшими, лишь только заходитъ рѣчь о помѣщеніи ихъ въ больницу. Между тѣмъ туда забираютъ безъ разбора больныхъ холерою и не холерою, а иногда и просто пьяныхъ изъ черни, кладутъ ихъ вмѣстѣ. Больные обыкновенными болѣзнями заражаются отъ холерныхъ и умираютъ наравнѣ съ ними. Полиція наша, и всегда отличающаяся дерзостью и вымогательствами, вмѣсто усердія и дѣятельности въ эту плачевную эпоху, только усугубила свои пороки. Нѣтъ никого, кто бы одушевилъ народъ и возбудилъ въ немъ довѣріе къ правительству. Отъ этого въ разныхъ частяхъ города уже начинаются волненія. Народъ ропщетъ и, по обыкновенію, вѣритъ разнымъ нелѣпымъ слухамъ, какъ, напримѣръ, будто доктора отравляютъ больныхъ, будто вовсе нѣтъ холеры, но ее выдумали злонамѣренные люди для своихъ цѣлей и т. под. Кричатъ противъ нѣмцевъ, лекарей и поляковъ, грозятъ всѣхъ ихъ перебить. Правительство точно въ усыпленіи: оно не принимаетъ никакихъ мѣръ къ успокоенію умовъ.

21. На Сѣнной площади произошло смятеніе. Народъ остановилъ карету, въ которой везли больныхъ въ лазаретъ, разбилъ ее, а ихъ

освободилъ. Народъ явно угрожаетъ бунтомъ; кричитъ, что здѣсь не Москва, что онъ дастъ себя знать лучше, чѣмъ тамъ, нѣмцамъ, лекарямъ и полиціи. Правительство и глухо, и слѣпо, и нѣмо.

Мы съ попечителемъ осматривали наши учебныя заведенія; благодаря судьбѣ, въ нихъ еще не появилась холера. Мы дѣятельно озабочены скорѣйшимъ окончаніемъ лазарета.

Былъ сегодня у ученаго секретаря медико-хирургической академіи, Чаруковскаго, просить его о докторѣ и о двухъ студентахъ изъ академіи для нашей больницы. Онъ отослалъ меня къ главному доктору, Реману. Здѣсь также наслышался о бездѣятельности правительства. Больные отданы на жертву холеры. Все дѣлается только для виду.

22. Въ часъ ночи меня разбудили съ извѣстіемъ, что на Сѣнной площади настоящій бунтъ. Одѣвшись наскоро, я уже не засталъ своего генерала: онъ, вмѣстѣ съ Блудовымъ, пошелъ на мѣсто смятенія. Я прошелъ до Фонтанки. Тамъ спокойно. Только повсюду маленькія кучки народу. Уныніе и страхъ на всѣхъ лицахъ.

Генералъ вернулся и сказалъ, что войска и артиллерія держатъ въ осадѣ Сѣнную площадь; но что народъ уже успѣлъ разнести одинъ лазаретъ и убить нѣсколькихъ лекарей.

23. Три больницы раззорены народомъ до основанія. Возлѣ моей квартиры чернь остановила сегодня карету съ больными и разнесла ее въ щепы.

— Что вы тамъ дѣлаете? спросилъ я у одного мужика, который съ торжествомъ возвращался съ поля битвы.

— Ничего, отвѣчалъ онъ, — народъ немного пошумѣлъ. Да не попался намъ въ руки лекарь, успѣлъ, проклятый, убѣжать.

— А что-же бы вы съ нимъ сдѣлали?

— Узналъ бы онъ насъ! Не бери въ лазаретъ здоровыхъ вмѣсто больныхъ! Впрочемъ, ему таки досталось камнями по затылку, будетъ долго помнить насъ.

Завтра Ивановъ день; его-то чернь назначила, какъ говорятъ, для рѣшительнаго дѣла.

Полиція, разсказываютъ, схватила нѣсколько поляковъ, которые подстрекали народъ къ бунту. Они были переодѣты въ мужицкое платье и давали народу деньги.

* * *

Государь пріѣхалъ. Онъ явился народу на Сѣнной площади. Нельзя добиться толку отъ вѣстовщиковъ: одни пересказываютъ слова государя такъ, другіе иначе.

Извѣстно только, что взяты мѣры къ водворенію спокойствія.

26. Вотъ и возлѣ насъ холера сразила нѣсколько жертвъ. Профессоръ физики, Щегловъ, пространдавъ около шести часовъ, умеръ. Кастелянша въ пансіонѣ сегодня занемогла и черезъ пять часовъ тоже умерла. Умеръ и профессоръ исторіи Роговъ.

27. Поутру въ семь часовъ. Тяжелъ былъ вчерашній день. Жертвы падали вокругъ меня, пораженныя невидимымъ, но ужаснымъ врагомъ. Попечитель до того растревожился, что сдѣлался боленъ: а теперь болѣзнь и смерть синонимы. По крайней мѣрѣ, такъ думаютъ всѣ. Въ сердцѣ моемъ начинаетъ поселяться какое-то равнодушіе къ жизни. Изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, живущихъ теперь въ Петербургѣ, всякій стоитъ на краю гроба—сотни летятъ стремглавъ въ бездну, которая зіяетъ, такъ сказать, подъ ногами каждаго.

28. Болѣзнь свирѣпствуетъ съ адскою силой. Стоитъ выйти на улицу, чтобы встрѣтить десятки гробовъ на пути къ кладбищу. Народъ отъ бунта перешелъ къ безмолвному, глубокому унынію. Кажется, настала минута всеобщаго разрушенія, и люди, какъ приговоренные къ смерти, бродятъ среди гробовъ, не зная, не пробилъ ли уже и ихъ послѣдній часъ.

30. Вчера умершихъ было 237 человѣкъ.

Іюль 1. Хотѣлось бы мнѣ узнать, что происходитъ въ институтѣ. Я просилъ Анну Петровну Дель написать къ г-жѣ Штатниковой. Она, вѣрно, увѣдомитъ ее, если холера и туда проникла. Въ Смольномъ монастырѣ, говорятъ, уже умерло три дѣвицы.

3. Вчера былъ у меня докторъ Гассингъ. Онъ говоритъ, что холера начинаетъ нѣсколько ослабѣвать. Третьяго дня умершихъ было 277 человѣкъ, вчера 235.

Сейчасъ получилъ записку отъ Деля, въ которой онъ извѣщаетъ меня, что въ институтѣ умерли отъ холеры четыре дѣвицы; изъ нихъ двѣ моего класса—одна Львова, другая Якубовская изъ втораго отдѣленія.

30. Давно уже не писалъ я ничего въ моемъ дневникѣ. Между тѣмъ холера почти прошла. Меня судьба пощадила—для чего? Я объ этомъ также мало знаю, какъ мало размышляла она, выдергивая наудачу имена тѣхъ, которымъ надлежало погибнуть.

Сентябрь 3. Сегодня открытъ институтъ, и я началъ снова въ немъ мои лекціи.

23. Былъ вечеромъ у Плетнева. Я думалъ найти тамъ А. С. Пушкина, однако, его тамъ не было. Вмѣсто себя онъ прислалъ ѣдкую критику на Булгарина и Греча и нѣсколько новыхъ стихотвореній для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ».

Здѣсь въ первый разъ видѣлъ я барона Розена, автора нѣсколь-

кихъ весьма пріятныхъ стихотвореній, въ которыхъ выражается душа, страстная къ идеаламъ. Былъ неизмѣнный нашъ собесѣдникъ по средамъ, Сомовъ, который теперь очень озабоченъ, по случаю изданія «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». Я обѣщалъ ему, по его просьбѣ, отрывокъ изъ моего «Леона».

Октябрь 21. Уже нѣсколько недѣль продолжается въ университетѣ дѣло о моемъ адъюнктствѣ. Я представилъ сочиненіе. Факультетъ разсмотрѣлъ его и сдѣлалъ заключеніе: «что сочиненіе сіе доказываетъ не только большія познанія автора, но и большія дарованія и притомъ написано краснорѣчиво».

Одинъ изъ профессоровъ, Пальминъ, возсталъ противъ общаго мнѣнія и утверждалъ, что сочиненіе написано некраснорѣчиво. Завязался споръ, и дѣло отложено до слѣдующаго засѣданія. Все это не иное что, какъ игра мелкихъ страстей. Сначала я велъ себя дурно: негодовалъ, оскорблялся, грустилъ.

Ноябрь 7. Вчера былъ на литературномъ обѣдѣ у Василія Николаевича Семенова. Тамъ были: Гречъ, Сомовъ, баронъ Розенъ, Вердеровскій; ожидали Погодина и Каратыгина, но имъ что-то помѣшало. Гречъ блисталъ неистощимымъ остроуміемъ. Онъ чрезвычайно любезенъ въ обществѣ. Послѣ стола у всѣхъ раскрылось сердце и развязались уста. Я, между прочимъ, былъ осыпанъ отъ всей литературной братіи преувеличенными комплиментами. Сомовъ принесъ мнѣ отъ А. С. Пушкина поклонъ и сожалѣніе, что въ послѣдній разъ у Плетнева не сошелся со мной.

Подъ конецъ нашей бесѣды пристали къ Гречу, чтобы онъ разорвалъ свою связь съ Булгаринымъ, котораго всѣ при томъ не очень-то вѣжливо называли. Гречъ соглашался только въ томъ, что онъ сумасшедшій.

10. Сегодня подалъ я въ университетъ просьбу объ увольненіи меня отъ преподаванія политической экономіи.

Задушевныя предположенія мои, святая цѣль дѣйствовать на ученомъ поприщѣ рушились. Мнѣ казалось, что я призванъ къ этому дѣлу; я готовился къ нему. Всѣ говорили, что я имѣю къ тому дарованія. Сочиненіе мое одобрено факультетомъ. Одинъ человѣкъ изъ всего университетскаго совѣта, профессоръ философіи, Пальминъ, отнесся къ нему неодобрительно. Удивительно, почему онъ, въ началѣ моего студентства такъ ласкавшій меня, теперь на каждомъ шагу ставитъ мнѣ препятствія. Онъ подалъ въ университетъ возраженіе на мое сочиненіе: его осмѣяли, но уважили и меня отвергли—по крайней мѣрѣ выразили нѣкоторую склонность къ тому, чтобы отвергнуть. Мнѣ остается одно: подать въ отставку, и я это

уже сдѣлалъ. Мнѣ тяжело сегодня, очень тяжело, ибо планъ цѣлой моей жизни рушился.

26. У меня кончились экзамены въ институтѣ въ первомъ отдѣленіи. Я получилъ благодарность за успѣхи дѣвицъ отъ инспектора и начальницы.

Дѣло мое объ адъюнктствѣ было разсматриваемо въ совѣтѣ университета. Мнѣніе Пальмина отвергнуто и положено баллотировать меня въ слѣдующее засѣданіе. Профессоръ Сенковскій сильно защищалъ мое сочиненіе противъ возраженій Пальмина. Онъ своими ѣдкими замѣчаніями сдѣлалъ послѣдняго смѣшнымъ.

Декабрь 1. Вчера былъ на представленіи Кребильоновой трагедіи: «Атрей», которую перевелъ и поставилъ на сцену нашъ Сорокинъ. Эта піеса выкроена по мѣркѣ французскаго классицизма и я боялся, чтобы Сорокина не ошикали за дурной выборъ. Для предупрежденія этого, мы, его бывшіе товарищи, составили заговоръ поддержать піесу. Во всѣхъ почти рядахъ креселъ засѣдалъ кто-нибудь изъ нашихъ. Публика равнодушно отнеслась къ трагедіи, но мы захлопали, закричали, увлекли другихъ и переводчикъ былъ вызванъ.

7. Сегодня Дель былъ у меня съ извѣстіемъ, что я избранъ единогласно совѣтомъ университета въ адъюнкты по каѳедрѣ политической экономіи. Десять шаровъ бѣлыхъ, одинъ черный и тотъ Пальмина.

25. Совѣтъ университета призналъ меня достойнымъ адъюнктства на основаніи (какъ сказано въ его представленіи): «отличныхъ дарованій, успѣшнаго чтенія сей науки (политической экономіи) въ теченіи двухъ лѣтъ и представленной мною диссертаціи, которая, по познаніямъ и по изложенію заслуживаетъ полное одобреніе». Это все и больше, чѣмъ требуетъ законъ въ такихъ случаяхъ. Попечитель, на основаніи всего этого, сдѣлалъ представленіе министру. Но сей послѣдній—чего никогда прежде не дѣлалъ—потребовалъ мою диссертацію къ себѣ. Вчера мнѣ объ этомъ сказывалъ Д. И. Языковъ. Министръ хочетъ отдать ее на разсмотрѣніе въ академію наукъ. Тутъ добра не ждать. Академія не благопріятствуетъ русскимъ ученымъ. Министръ говорилъ попечителю, что затрудняется утвердить меня въ адъюнктствѣ потому, дабы не подумали, что мнѣ дали это званіе изъ уваженія къ моему посту при попечителѣ.

Я думалъ, что уже достигъ берега, а на дѣлѣ выходитъ, что опять брошенъ въ пучину политическаго и общественнаго хаоса. Самое адъюнктство мнѣ, наконецъ, опротивѣло. Точно оно не право мое, а милость, мнѣ оказываемая.

1832 г.

Январь 1. Что дастъ новый годъ? Въ истекшемъ судьба часто вызывала меня на бой. Адъюнктство мое все еще не утверждено. Въ Екатерининскомъ институтѣ дѣла мои за то шли успѣшно. Расположеніе моихъ ученицъ ко мнѣ не охладѣваетъ. Я успѣлъ, какъ мнѣ кажется, передать имъ нѣсколько истинъ, которыя помогутъ имъ со временемъ сдѣлаться полезными членами общества.

14. Я не ошибся въ моемъ предположеніи. Министръ и безъ академіи почти открыто далъ замѣтить вчера попечителю, что обходитъ меня адъюнктствомъ только потому, что я не нѣмецъ. Диссертацій моихъ онъ никуда не отсылалъ: онѣ смиренно покоятся у него въ кабинетѣ. Я обязался попечителю еще нѣсколько дней не предпринимать ничего рѣшительнаго.

16. Сегодня состоялась репетиція экзамена въ институтѣ. Внѣшность доведена здѣсь до высокой степени эстетическаго совершенства. Впрочемъ, дѣвицы—разумѣется избранныя—очень хорошо отвѣчали изо всѣхъ предметовъ и изъ моего. Весь парадъ кончился въ четыре часа и я остался обѣдать у начальницы.

Бурный вечеръ. Я перечитывалъ «Макбета» Шекспира. Мнѣ кажется, что изо всѣхъ трагедій великаго поэта эта—самая быстротечная по ходу дѣйствія. Но не въ этомъ дѣло, а въ характерѣ героя ея. Душа Макбета была бы совершенная бездна ада, если бы порой дикое угрызеніе совѣсти, подобно блеску молніи, не сверкало въ ея мрачной глубинѣ. Это душа сильная, героическая. Страсти непоборимыя таятся въ изгибахъ ея: это стихіи всего великаго, но и всего ужаснаго. Если бы разумъ былъ зодчимъ въ этой душѣ, могло бы произойти нѣчто великое. Что я говорю разумъ? Если-бъ другой случай, а не адское предсказаніе вѣдьмъ, встрѣтился у него на пути и пробудилъ въ немъ эти страсти—Макбетъ былъ бы другимъ. Такъ грозный, всесокрушающій фатализмъ налагаетъ свою желѣзную руку на волю человѣка и порабощаетъ его. Имѣлъ ли Шекспиръ въ виду это, создавая Макбета? Его леди не подходитъ подъ эту категорію: въ ней видна уже свободная рѣшимость на злодѣйство. Правду кто-то сказалъ, что по Шекспировымъ твореніямъ можно учиться эмпирической психологіи. Мало того: въ нихъ содержится полный курсъ

ея. Такъ велико разнообразіе нравственныхъ образовъ, созданныхъ этимъ великимъ человѣкомъ.

25. Сегодня былъ экзаменъ въ институтѣ, въ присутствіи императрицы Александры Ѳедоровны. Дѣвицы отвѣчали очень хорошо, но я плохо дѣлалъ вопросы: былъ нездоровъ и голосъ мнѣ не повиновался. Германъ и Тимаевъ то и дѣло подходили ко мнѣ, съ увѣщаніемъ говорить по громче. Государыня, впрочемъ, благодарила меня.

Я и забылъ записать въ моемъ журналѣ, что меня, наконецъ, утвердили въ званіи адъюнктъ-профессора политической экономіи. Если я его достоинъ, зачѣмъ было тормозить дѣло, а если не достоинъ, зачѣмъ дали мнѣ его теперь?

Февраль 6. Обыкновенный нашъ годичный праздникъ, по случаю выпуска изъ университета. Мы обѣдали въ трактирѣ Гейне на Васильевскомъ острову. Праздникомъ распоряжался Гебгардтъ и устроилъ все прекрасно. Мы всѣ были одушевлены. Печеринъ написалъ къ этому дню и прочелъ прекрасные стихи. Это человѣкъ съ истинно-поэтическою душею. Въ немъ всѣ задатки доблести, но еще нѣтъ опыта въ борьбѣ со зломъ. Выйдетъ ли онъ въ заключеніе побѣдителемъ изъ нея? Полѣновъ пѣлъ, плясалъ, шалилъ, но такъ оригинально и мило, что невольно срывалъ улыбку. Михайловъ былъ менѣе обыкновеннаго говорливъ. Тосты были питы за успѣхи русскаго образованія, за здоровье поэта, воспѣвшаго настоящій праздникъ, за распорядителя пира и, какъ водится, за мое. Наконецъ, каждый пилъ за то, что ему всего дороже. Въ 12 часовъ все было кончено.

10. Сегодня въ институтѣ присутствовалъ при послѣдней репетиціи, а потомъ поѣхалъ къ Шуленникову, который просилъ учить дѣтей его словесности. Тамъ приняли меня не только любезно, но съ почетомъ. Я начинаю входить въ моду: какая нелѣпость!

Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ засталъ Пушкина. «Европейца» [1]) запретили. Тьфу! Да что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжко, и стыдно, и грустно!

14. Два минувшіе дня, пятница и суббота, были для меня полны поэзіи. Въ институтѣ состоялся публичный экзаменъ XI выпуска дѣвицъ. Я экзаменовалъ изъ своего предмета въ пятницу и получилъ горячую благодарность отъ предсѣдателя совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Тутолмина. Противъ обыкновенія я даже самъ былъ доволенъ собой.

---

[1]) Журналъ, который издавалъ въ Москвѣ Ив. Вас. Кирѣевскій. Ред.

20. Вчера между моими прочими пятничными посѣтителями былъ мой новый знакомый Шипулинскій, двоюродный братъ моей блестящей ученицы Быстроглазовой. Это весьма образованный молодой человѣкъ. Онъ и въ литературѣ извѣстенъ небольшой комедіей: «Проказы ревнивыхъ», въ которой если не много комическаго таланта, за то очень хорошій, легкій стихъ, характеры благородные и ничего изысканнаго или пошлаго. Онъ очень серьезенъ и на лицѣ его печать меланхоліи.

Михайловъ (Владиміръ) смѣшилъ насъ до слезъ своими фарсами, дѣйствительно забавными и граціозными. У него необыкновенная способность передразнивать всѣхъ. Онъ совершенно воплощается въ изображаемое имъ лицо—и при томъ живо, натурально, изящно. Я самъ съ удовольствіемъ, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ въ немъ нѣкоторые мои любимые пріемы и жесты.

25. Я утопаю въ канцелярскихъ заботахъ. Дѣлъ накопилась масса. Душа мертвѣетъ среди этого административнаго хаоса, въ сущности ничего не производящаго. Впрочемъ, какъ ничего? Вѣдь мы такъ или иначе все же поддерживаемъ государственную машину. Но это могъ бы сдѣлать всякій, у кого есть глаза, руки и желудокъ.

28. Сегодня начальница института, госпожа Кремпина, вручила мнѣ брильянтовый перстень отъ государыни за экзамены, съ весьма лестнымъ привѣтствіемъ. Но для меня готовилась лучшая награда, которой я, къ сожалѣнію, не воспользовался. Дѣвицы сговорились въ день выпуска—въ прошлый четвергъ—поднести мнѣ въ подарокъ и въ знакъ памяти разныя свои рукодѣлія. Быстроглазова, между прочимъ, вышила лавровый вѣнокъ. Но за мной не послалъ тотъ, кому это было поручено, и мои милыя ученицы разъѣхались, не исполнивъ своего намѣренія.

Мартъ 2. Сегодня Пушкинъ разсказывалъ у Плетнева весьма любопытные случаи и наблюденія свои во время путешествія своего въ Грузію и въ Малую Азію въ послѣднюю турецкую войну. Это заняло насъ очень пріятно. Пушкинъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ стычкахъ съ непріятелемъ.

21. Недавно выслушалъ я прелюбопытную лекцію опытной психологіи—у квартальнаго надзирателя. Онъ пришелъ въ канцелярію по какому-то дѣлу. Я началъ съ нимъ разговоръ о предметахъ его званія. По его словамъ, величайшій развратъ царствуетъ въ классѣ низшихъ чиновниковъ, мѣщанъ и купцовъ, которые позажиточнѣе. Мой квартальный наблюдатель полагаетъ этому двѣ причины: необра-

зованность и жажду роскоши. Каковъ! Не правъ ли онъ? Молодая женщина, говоритъ онъ, спокойно продаетъ себя за новую шляпку, платье или другое болѣе или менѣе цѣнное украшеніе. Мужъ ея съ своей стороны, несетъ куда не слѣдуетъ свои деньги и здоровье. Опытныя старухи стерегутъ молоденькихъ, невинныхъ дѣвушекъ, увлекаютъ ихъ и бросаютъ въ объятія тому, кто дастъ за нихъ дороже.

— Хороши у насъ такъ-же правосудіе и администрація, продолжалъ квартальный. Вотъ хоть бы у меня въ кварталѣ есть нѣсколько отъявленныхъ воровъ, которые уже раза по три оправданы уголовною палатою, куда представляла ихъ полиція. Есть нѣсколько другихъ воришекъ, которые исправляютъ ремесло шпіоновъ. Есть нѣсколько промышленниковъ, доставляющихъ пріятное развлеченіе превосходительнымъ особамъ: промышленники сіи также пользуются большими льготами.

— А какова полиція? спросилъ я.

— Какой ей и быть надлежитъ при общемъ положеніи у насъ дѣлъ. Надо удивляться искусству, съ какимъ она умѣетъ, смотря по обстоятельствамъ, изворачивать полицейскіе уставы. Мы обыкновенно начинаемъ нашу службу въ полиціи совершенными невѣждами. Но у кого есть смыслъ, тотъ въ два, три года сдѣлается отмѣннымъ чиновникомъ. Онъ отлично будетъ умѣть соблюдать собственныя выгоды и ради нихъ уклоняться отъ самыхъ прямыхъ своихъ обязанностей, или же, напротивъ, смотря по обстоятельствамъ, со всею строгостью примѣнять законы тамъ, гдѣ казалось бы они не примѣнимы. И при этомъ они не подвергаются ни малѣйшей отвѣтственности. Да и что-же прикажете намъ, полиціи, дѣлать, когда нигдѣ нѣтъ правды.

И онъ подтвердилъ все сказанное весьма и весьма краснорѣчивыми фактами.

Апрѣль 3. Сейчасъ былъ у меня Сомовъ и Якубовичъ. Сомовъ печатаетъ свои повѣсти. Онѣ очень сухи; въ нихъ нѣтъ ни поэтическаго созданія характеровъ, ни энергіи въ разсказѣ. Плавно, чисто, правильно—и все тутъ.

Читалъ Хомякова трагедію «Димитрій Самозванецъ». Нѣтъ, Хомяковъ рѣшительно не имѣетъ драматическаго таланта. Ни одинъ характеръ не созданъ, какъ должно; дѣйствія нѣтъ; одни разговоры, которые можно бы на половину сократить, безъ всякаго ущерба для цѣлости піесы. Стихи очень хороши. Но драма требуетъ не словъ, а дѣла.

20. Въ настоящее время у насъ въ Россіи есть, такъ сказать, средній родъ умовъ. Это люди образованные и патріоты. Они составляютъ родъ союза противъ иностранцевъ и преимущественно нѣмцевъ. Я называю ихъ средними потому, что они и довольно благородны, и довольно просвѣщенны: по крайней мѣрѣ, они уже вырвались изъ тѣсной сферы эгоизма. Но они сами себѣ не умѣютъ дать отчета: хорошо ли безусловное отверженіе нѣмцевъ? Они односторонни и, дѣйствуя по страсти, разумѣется, увлекаются дальше надлежащихъ границъ. Большая часть людей этихъ изъ ученаго сословія.

Нѣмцы знаютъ, что такая партія существуетъ. Поэтому они стараются, сколь возможно тѣснѣе, сплотиться, поддерживаютъ все нѣмецкое и дѣйствуютъ столь же методически, сколько неуклонно. При томъ дѣятельность ихъ не состоитъ, какъ большею частью у насъ, изъ однихъ возгласовъ и воззваній, но въ мѣрахъ. Эта борьба можетъ при случаѣ имѣть вредныя послѣдствія. Она будетъ у насъ не между сословіями и партіями, какъ во Франціи, сражающимися за идеи, а будетъ племенная, что всего хуже для Россіи многоплеменной.

По сердцу и чувствамъ мы, русскіе, богаче всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Но по твердости духа мы ниже ихъ: вотъ почему такъ много несообразности въ нашихъ страстяхъ и понятіяхъ.

22. Былъ на вечерѣ у Гоголя-Яновскаго, автора весьма пріятныхъ, особенно для малороссіянина, «Повѣстей пасечника Рудаго Панька». Это молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, пріятной наружности. Въ физіономіи его, однако, доля лукавства, которое возбуждаетъ къ нему недовѣріе.

У него засталъ я человѣкъ до десяти малороссіянъ, все почти воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи. Между ними никого замѣчательнаго. Ромашевичъ, правда, не безъ дарованій, но, вспыхнувъ маленькимъ огонькомъ, онъ уже быстро гаснетъ. Онъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ писателей, которымъ никогда не приходитъ въ голову, что для того, чтобы быть поэтомъ, надо учиться, много учиться въ школѣ жизни, опыта, природы и исторіи человѣчества.

Май. У насъ новый товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Онъ желалъ меня видѣть; я былъ у него сегодня. Онъ долго толковалъ со мной о политической экономіи и о словесности. Мнѣ хотятъ дать каѳедру послѣдней. Я самъ этого давно желаю.

Уваровъ человѣкъ образованный по европейски; онъ мыслитъ

благородно и какъ прилично государственному человѣку; говоритъ убѣдительно и пріятно. Имѣетъ познанія и въ нѣкоторыхъ предметахъ даже обширныя. Физіономія его выразительна. Онъ давно слыветъ за человѣка просвѣщеннаго. Съ помощью его въ университетѣ принята и приводится въ исполненіе «система очищенія», то есть увольненія неспособныхъ профессоровъ. Толмачеву и Боголюбову уже велѣно подать въ отставку. Пальминъ отрѣшенъ.

Іюнь 6. Опять былъ у товарища министра. Разговоръ съ нимъ во многомъ вразумилъ меня относительно хода нашихъ политическихъ дѣлъ, нашего образованія и прочее. Онъ опять выразилъ намѣреніе дать мнѣ каѳедру словесности, въ качествѣ экстраординарнаго профессора. Конечно, мнѣ это пріятно, но я этого не искалъ. Бутырскій же разглашаетъ въ публикѣ, что я хочу лишить его каѳедры съ тѣмъ, чтобы самому сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ. Мнѣ и въ голову не приходила такая мысль. Я сегодня впервые услышалъ отъ Уварова, что Бутырскаго дѣйствительно удаляютъ изъ университета и на его мѣсто назначаютъ Галича. Вечеромъ попечитель послалъ меня къ послѣднему съ приглашеніемъ занять каѳедру русской словесности.

8. Былъ сегодня свидѣтелемъ страшнаго зрѣлища. Пожаръ, какого не запомнитъ Петербургъ, истребилъ почти всю Ямскую до самой Лиговки. Около двухсотъ зданій, говорятъ, сдѣлалось жертвою пламени. Всего три дома и небольшой огородъ отдѣлялъ сцену этой бурной драмы отъ нашего университета. Спасеніе послѣдняго зависѣло отъ того, прекратится или нѣтъ вѣтеръ, который съ утра свирѣпствовалъ. Нѣтъ ничего ужаснѣе, но и величественнѣе, какъ бурный потокъ огня, охватившій обширное пространство. Я видѣлъ, какъ пожаръ зарождался все въ новыхъ центрахъ. Въ клубахъ дыма сверкнетъ молнія, другая, третья, и всѣ три сольются въ кровавый языкъ, который точно лизнетъ зданіе, другое и волны огня польются отъ одного къ другому. Толпы народа, шумъ, крикъ, трескъ разрушающихся зданій.... Но я не замѣтилъ отчаянныхъ лицъ. Какая-то безпечность и равнодушіе выражались на физіономіяхъ тѣхъ даже, которые тащили на плечахъ и въ рукахъ остатки своего скуднаго имущества. Богатые вѣрно больше сокрушались.

Сейчасъ опять выходилъ посмотрѣть на пожаръ. Онъ утихаетъ. На нашей улицѣ догораютъ два дома. У Лигова канала еще пылаетъ зарево, но гораздо слабѣе. Толпы людей скитаются по улицамъ, загроможденнымъ остатками имуществъ. Я учредилъ стражу изъ кан-

целярскихъ служителей и самъ легъ, не раздѣваясь: пожаръ легко можетъ опять усилиться.

17. Я рѣшился совѣтывать отдать каѳедру словесности не Галичу, а Плетневу. Послѣдній гораздо для нея пригоднѣе. Совѣтъ мой уваженъ. Я ѣздилъ къ Плетневу съ предложеніемъ: онъ согласился. Я буду при немъ адъюнктомъ. Такимъ образомъ мнѣ, конечно, труднѣе будетъ достигнуть ординарнаго профессора, но дѣло отъ того выиграетъ. И потому личные виды въ сторону: всякая жертва, которую можно принести нашему бѣдному просвѣщенію, священна.

Галича же я предложилъ сдѣлать профессоромъ теоріи общихъ правъ. Съ этою каѳедрою онъ гораздо лучше справится, чѣмъ съ русскою словесностью, къ которой не подготовленъ.

Умственная жизнь начинаетъ быстро развиваться въ нашемъ поколѣніи. Но пока это еще жизнь младенца. Все въ ней не зрѣло: только порывы къ благородному и прекрасному. Понятія о важнѣйшихъ задачахъ человѣчества зыбки и неопредѣленны: нѣтъ еще самостоятельности въ умахъ и сердцахъ.

27. Сегодня мы получили по секрету сообщеніе отъ министра о появленіи снова холеры въ Петербургѣ. Говорятъ, нѣсколько человѣкъ умерло въ продолженіи трехъ часовъ.

Кажется, уже рѣшено дѣло о переводѣ меня на каѳедру русской словесности, въ качествѣ адъюнкта Плетнева. Конечно, это гораздо ближе къ сердцу моему, чѣмъ политическая экономія.

Іюль 5. Сегодня я простился съ Д. В. Полѣновымъ. Онъ сдѣланъ секретаремъ при нашей миссіи въ Греціи и теперь отправился въ Константинополь, откуда вскорѣ долженъ переѣхать въ Наполи-ди-Романія, столицу юнаго греческаго царства. Это одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей и благороднѣйшихъ посѣтителей моихъ пятницъ. Я былъ въ войнѣ съ его сердцемъ, которое готово было истощиться и погаснуть въ любви къ одной дѣвушкѣ, недостойной его. Уже онъ готовъ былъ обвѣнчаться съ ней: это было бы его нравственной и матеріальной гибелью. Я употребилъ весь мой нравственный кредитъ, всю власть моего разсудка и сердца надъ нимъ, чтобы отвратить его отъ этого и спасти его благородную, прекрасную душу для высшей дѣятельности. Оставалось одно средство: удалить его изъ Петербурга. Это удалось. Надо отдать ему справедливость: онъ доблестно выдержалъ борьбу съ своимъ сердцемъ и не возненавидѣлъ меня за то, что я такъ сильно возставалъ противъ него.

Августъ 26. Сегодня читалъ я въ университетѣ первую лекцію

изъ русской словесности, или, лучше сказать, рѣчь, въ которой хотѣлъ изложить духъ моего преподаванія. Слушателей собралось много не однихъ студентовъ, но и постороннихъ. Въ результатѣ долженъ сказать, что я читалъ дурно. По крайней мѣрѣ я чувствую глубокое недовольство собой. Мнѣ совѣтовали написать рѣчь и читать ее по тетради, но я, по обыкновенію, хотѣлъ импровизировать, а для этого я былъ слишкомъ взволнованъ и у меня не хватило присутствія духа. Вышло слабо и блѣдно и я сошелъ съ каѳедры съ весьма непріятнымъ чувствомъ.

Сентябрь 1. Новыя непріятности въ институтѣ. Вчера видѣлся съ Германомъ и опять получилъ отъ него намёкъ, въ родѣ прежняго, что дѣвицамъ не надо учености. На другой день объяснялся съ начальницею и Тимаевымъ. И та, и другой удивлены поступкомъ Германа. Опять выражали свою благодарность за успѣхи дѣвицъ. Въ заключеніе оказалось, что я обязанъ этимъ неудовольствіемъ сплетнямъ одной классной дамы, которой я не имѣлъ счастія понравиться. Она гдѣ-то, кому-то говорила обо мнѣ что-то недоброжелательное. Это дошло до Германа и тотъ счелъ нужнымъ вмѣшаться. Въ сущности вышелъ вздоръ, но инспектору слѣдовало бы быть осторожнѣе и учтивѣе.

10. Вторая лекція моя въ университетѣ была удачнѣе первой, а третья еще больше удовлетворила меня, но четвертая была опять нѣсколько слабѣе. Я выражался не совсѣмъ опредѣленно и у меня не доставало полноты идей. Главное, что я до сихъ поръ не могу преодолѣть нѣкоторой застѣнчивости при появленіи на каѳедрѣ и отъ того бываю не ровенъ. Со временемъ, вѣроятно, это пройдетъ и я, вмѣстѣ съ равнодушіемъ, пріобрѣту и развязность, отъ недостатка которой теперь страдаю.

Октябрь 8. Въ нашемъ кругу случилось очень печальное происшествіе. Былъ Петръ Поповъ, молодой человѣкъ 23-хъ лѣтъ, съ отличными способностями, блестящимъ умомъ и богатой фантазіей. Онъ застрѣлился. Что же могло побудить его къ такому шагу? Онъ не оставилъ никакихъ разъясненій. Въ началѣ нашего знакомства я замѣтилъ, что эта многообъемлющая душа не имѣла ни опредѣленной цѣли своихъ стремленій, ни сосредоточенности въ силахъ, чтобы положительною дѣятельностью спасти себя отъ внутренняго недовольства. Мы часто говорили съ нимъ объ этомъ. Я не терялъ надежды, что мало по-малу онъ успокоится; что какая нибудь идея возстанетъ въ немъ, какъ знамя соберетъ вокругъ себя всѣ силы его души и дастъ ему работу. Но, къ несчастью, недовольство собой все росло.

Онъ пытался искать отвлеченія во внѣшнемъ мірѣ, но былъ слишкомъ благороденъ, чтобы искать его въ грязной сторонѣ жизни и обратился—къ любви. Ему понравилась одна дѣвушка. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе; она отвергла его. Тогда онъ подумалъ, что надъ нимъ совершился актъ отверженія отъ всего человѣческаго. По подробностямъ, которыя теперь до насъ дошли, видно, что онъ въ теченіи двухъ недѣль хладнокровно обдумывалъ свое намѣреніе—и съ твердостью, достойною лучшаго дѣла.

Замѣчательно еще одно обстоятельство: его отецъ тоже лишилъ себя жизни, а именно 23-го сентября. Сынъ избралъ для себя тотъ же самый день. Бѣднаго юношу съ пятницы повсюду искали, ибо онъ не возвращался домой. Мы съ Печеринымъ томились тяжелымъ предчувствіемъ. Наконецъ, на четвертый день нашли свѣжую могилу близь дачи Ланскаго, у самой дороги. Плащъ, фракъ и жилетъ покойнаго, тутъ же найденные, показали, кто онъ.

Поповъ застрѣлился двумя пулями въ ротъ, какъ разсказали тѣ, которые его подняли и дали ему могилу. Это происходило въ пятницу въ то самое время, когда друзья его бесѣдовали между собой у меня. Многіе освѣдомлялись:

— Гдѣ Поповъ?

Онъ былъ самымъ постояннымъ посѣтителемъ нашихъ пятницъ. Въ четвергъ, то есть наканунѣ своей смерти, онъ, вмѣстѣ съ нами, пробылъ у Михайлова часу до втораго ночи и ничто не обличало въ немъ въ этотъ вечеръ даже грусти, не только отчаянія. Онъ былъ веселъ, остроуменъ, пѣлъ.

Онъ пользовался репутаціей одного изъ лучшихъ учителей Пажескаго корпуса и первой гимназіи. Въ обоихъ заведеніяхъ его очень любили. Предметъ его былъ исторія. Но онъ имѣлъ, кромѣ того, много разнообразныхъ свѣдѣній. Онъ зналъ языки: греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій, датскій. На новѣйшихъ онъ говорилъ какъ на своемъ собственномъ. Кажется, не было такого литературнаго произведенія, съ которымъ бы онъ не былъ близко знакомъ. Все это взяла могила.

10. Новое печальное событіе! Умеръ отъ воспаленія въ мозгу, вслѣдствіе сильной простуды, Владиміръ Козьмичъ Шипулинскій, одинъ изъ близкихъ сердцу моему, благороднѣйшихъ и высоко образованныхъ людей. И этому тоже едва минуло 26 лѣтъ. Ему и по службѣ везло: онъ былъ уже начальникомъ отдѣленія. Жизнь простирала къ нему объятія, но одно дуновеніе вѣтра унесло отъ насъ его прекрасную душу со всѣми ея благородными начинаніями.

На прошедшей недѣлѣ въ субботу я провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ въ задушевной бесѣдѣ. Онъ былъ полонъ жизни и надеждъ, а духъ разрушенія уже виталъ надъ нимъ. Мы видѣлись въ послѣдній разъ. И какъ только хватаетъ у человѣка еще легкомыслія суесловить о счастіи, о величіи!

Трупъ Попова былъ найденъ возлѣ дороги, до половины съѣденный собаками и волками. Ему дали тѣсную и неглубокую могилу, полагая, что его будутъ отрывать для производства слѣдствія. Между тѣмъ кусокъ человѣческаго тѣла соблазнилъ животныхъ. Они добрались до него ночью и полиція нашла его уже вполнѣ обезображеннымъ. И это, двѣ недѣли тому назадъ, еще называлось человѣкомъ, носило въ своемъ обширномъ умѣ столько мыслей, въ сердцѣ столько страстей!..

Въ Пажескомъ корпусѣ особенно любили Попова. Пажи хотѣли сдѣлать подписку въ пользу его бѣдной матери, которая осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію—запретили.

Сегодня Быстроглазовъ, двоюродный братъ Шипулинскаго, приглашалъ меня на его погребеніе завтра. А въ воскресенье я долженъ быть шаферомъ у Бороздина, который женится на дѣвицѣ Богдановой. Высокое и смѣшное, трагедія и комедія, кровь, слезы, смѣхъ—все смѣшано, скомкано, сбито въ одну кучу—толку не доберешься. А отъ человѣка такъ много требуютъ. Посылаютъ его въ жизнь, какъ на вольность, и запираютъ въ кругъ педантическихъ обязанностей, одѣваютъ въ кандалы. Все, что онъ можетъ съ достовѣрностію—это только говорить вечеромъ: «мой день», о томъ, который прошелъ.

26. Новое гоненіе на литературу. Нашли въ сказкахъ Луганскаго какой то страшный умыселъ противъ верховной власти и т. д.

Я читалъ ихъ: это не иное что, какъ просто милая русская болтовня о томъ, о семъ. Главное достоинство ихъ въ народности разсказа. Но люди, близкіе ко двору, видятъ тутъ какой то политическій умыселъ. За преслѣдованіемъ дѣло не станетъ. Больно, истинно больно честному человѣку видѣть, какъ этими странными мѣрами шевелятъ страсти, которыя безъ этого или спокойно дремали бы, или обращались къ полезнымъ цѣлямъ. Отними у души возможность раскрываться передъ согражданами, изливать передъ ними свои мысли и чувства, это заставитъ ее погружаться въ себя и питать тамъ мысли суровыя, мечту о лучшемъ порядкѣ вещей. Въ смыслѣ политическомъ это опасно.

Я послалъ въ «Пчелу» краткое жизнеописаніе Шипулинскаго. Мнѣ говорятъ, что и здѣсь многое надо измѣнить; напримѣръ: «Среди за-

нятій своихъ по должности онъ не покидалъ литературы. Дѣла службы не погасили въ немъ чистой благородной любви къ литературѣ— любви, которая, возвышая душу, не только не препятствуетъ исполненію другихъ обязанностей, но, напротивъ, питаетъ въ насъ рвеніе къ подвигамъ правды и чести».—Чиновнику вмѣняется въ преступленіе заниматься литературою—и этого мѣста нельзя напечатать. О tempora! O mores!

А. В. Никитенко.

Сообщ. **С. А. Никитенко.**

СТУДЕНЧЕСКІЯ ИСТОРІИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ГЛАВА IX [1]).

Начало формальнаго слѣдствія надъ участниками въ безпорядкахъ. — Назначеніе университетской комиссіи для изслѣдованія этихъ безпорядковъ.—Назначеніе особой, общей комиссіи по этому дѣлу, по распоряженію казанскаго губернатора и составъ ея.—Переписка между нимъ и попечителемъ по этому поводу.

Но начальству нужно было, какъ уже сказано выше, изслѣдовать безпорядки. Для этой цѣли, 9-го октября 1861 г., попечитель дѣлаетъ предложеніе ректору университета объ образованіи при университетѣ комиссіи. Въ нее онъ предложилъ прикомандировать синдика В. Траубенберга и помощниковъ инспектора Зоммера и Гине: все, что этой комиссіей будетъ развѣдано, она должна сообщить въ совѣтъ «для соображенія при обсужденіи поступковъ студентовъ». Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 10-го октября, конечно, исполнилъ это предложеніе попечителя [2]). Университетская комиссія для изслѣдованія безпорядковъ была организована. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ признано было совѣтомъ университета необходимымъ открыть виновныхъ въ безпорядкахъ, «съ цѣлью предать ихъ уголовному суду», должна была быть образована особая комиссія, на общихъ для всѣхъ основаніяхъ. Образованіе такой комиссіи сопровождалось подробностями, не лишенными интереса. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ народн. просв., предложилъ казанск. военному губернатору образовать комиссію для

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 557 — 576; т, LXII, апр., стр. 85—106; іюнь, 623—640.

[2]) Дѣло канц. попеч., 10.

изслѣдованія послѣднихъ безпорядковъ, произведенныхъ студентами. Военный губернаторъ не замедлилъ составить такую комиссію, въ которую вошли: совѣтникъ губернскаго правленія Ѳедоровъ (предсѣдателемъ), штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, губернскій уголовныхъ дѣлъ стряпчій и приставъ 5-й части города. Обо всемъ этомъ военный губернаторъ увѣдомилъ попечителя, съ присовокупленіемъ, что онъ желаетъ имѣть въ составленной имъ комиссіи синдика Траубенберга, въ качествѣ депутата и члена ея отъ университета [1]).

Попечитель на это отвѣчаетъ, что онъ не можетъ безъ согласія своего министра назначить депутатомъ и членомъ синдика Траубенберга въ комиссію, составленную для изслѣдованія «послѣднихъ безпорядковъ», такъ какъ неизвѣстно, «какіе именно эти безпорядки». «Я, говоритъ попечитель, согласно опредѣленію совѣта казанскаго у—та, просилъ г. министра народнаго просв. произвести чрезъ ваше превосходительство формальное слѣдствіе надъ студентами, сдѣлавшими 8-го октября шумъ въ квартирѣ инспектора студентовъ, и на основаніи полученнаго мною разрѣшенія сообщилъ объ этомъ вашему превосходительству для зависящихъ съ вашей стороны распоряженій» [2]).

Князь П. П. Вяземскій полагалъ, что участіе университета по разслѣдованію дѣла должно было ограничиться безпорядками, случившимися въ квартирѣ инспектора.

Что же касается послѣднихъ безпорядковъ, заключаетъ попечитель бумагу, вчерашняго (9-го) числа (на улицѣ, предъ квартирой попечителя), то они университета не касаются [3]).

На это военный губернаторъ, 11-го октября, пишетъ попечителю два отношенія, въ которыхъ онъ обращаетъ вниманіе князя Вяземскаго, во-первыхъ, на то, что обѣ комиссіи тождественны [4]), а во-вторыхъ на то, что «производство отдѣльнаго слѣдствія объ одномъ отдѣльномъ безпорядкѣ не повело бы ни къ какимъ результатамъ [5])». Въ виду такихъ соображеній губернатора, князь Вяземскій поспѣшилъ назначить Траубенберга въ комиссію, образованную губернаторомъ, какъ депутата отъ университета и члена ея [6]), при чемъ весьма подробно сообщилъ ему исторію его назначенія; сообщилъ ее и совѣту университета [7]), и военному губернатору, которому она понадобилась

---

[1]) Дѣло канц. п., 47 и 48.
[2]) Тамъ-же, 49.
[3]) Тамъ-же, 49.
[4]) Тамъ-же, 50.
[5]) Тамъ-же, 51.
[6]) Тамъ-же, 54.
[7]) Тамъ-же, 14 и 15.

на тотъ предметъ, чтобы ему можно было донести «о причинахъ замедленія слѣдствія [1])». Въ отвѣтъ на это отношеніе военный губернаторъ въ бумагѣ къ попечителю выразилъ желаніе видѣть Траубенберга присутствующимъ въ обѣихъ комиссіяхъ—въ университетской и въ образованной имъ, губернаторомъ [2]). Съ дѣятельностью, такимъ образомъ, образованныхъ двухъ слѣдственныхъ комиссій мы познакомились впослѣдствіи довольно близко, главнымъ образомъ съ дѣятельностію второй—собравшей очень много данныхъ о порученномъ ея разслѣдованію дѣлѣ.

Дѣятельность университетской комиссіи несложна; по крайней мѣрѣ, о ней въ нашемъ распоряженіи довольно скудныя извѣстія, каковыя мы и сообщимъ въ слѣдующей главѣ; но предварительно обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ эпизодамъ, связаннымъ со студентскимъ дѣломъ. Они необходимы намъ для болѣе яснаго пониманія главной картины студенческихъ волненій и ихъ послѣдствій.

ГЛАВА X.

Дѣятельность университетской слѣдственной комиссіи и совѣта университета, по поводу ея донесеній. — Дѣло о бывшихъ студентахъ Маккавѣевѣ и Линдеманѣ и прозекторѣ Загайновѣ. — Дѣла о докторантахъ Петровѣ и Песковѣ. — Донесеніе университетской слѣдственной комиссіи. — Постановленіе совѣта университета 21-го октября объ исключеніи 46 студентовъ.—Отдѣльное мнѣніе профессора Вагнера. — Новый докладъ комиссіи и постановленіе совѣта университета 12-го ноября объ исключеніи участниковъ въ безпорядкахъ 8-го и 9-го октября.

Въ скопѣ, бывшемъ 7-го октября 1861 г. у попечителя, оказались замѣшанными и лица, не принадлежащія уже къ числу студентовъ, именно Маккавѣевъ и Линдеманъ. Относительно ихъ было назначено особое слѣдствіе черезъ судебнаго слѣдователя [3]). Эти лица, по мнѣнію университетскаго начальства, «принимали живое участіе въ демонстраціи противъ одного изъ профессоровъ». Дѣло это кончилось тѣмъ, что судебный слѣдователь, за неимѣніемъ «положительныхъ данныхъ», нашелъ необходимымъ упомянутыхъ лицъ освободить изъ подъ ареста. Оно было передано въ слѣдственную комиссію, составленную губернаторомъ, гдѣ было рѣшено въ томъ же смыслѣ [4]); эти

---

[1]) Дѣло к. п., 52.
[2]) Тамъ-же, 57.
[3]) Тамъ-же, 10.
[4]) Тамъ-же, 93.

господа были, однако, высланы изъ города. Тутъ же мелькаетъ небольшое дѣло Загайнова, прозектора анатоміи, который допустилъ проживать въ комнатѣ нижняго этажа зданія анатомическаго театра бывшимъ студентамъ Олигеру, Линдеману и Маккавѣеву. Экзекуторъ сообщилъ объ этомъ ректору, который задалъ Загайнову вопросъ: «на какомъ основаніи?» Послѣдній отвѣчалъ ему такимъ образомъ: «Маккавѣевъ жилъ у него въ качествѣ учителя изъ математики для его сына, и не сообщилъ онъ объ этомъ экзекутору, исходя изъ предположенія, что мѣстопребываніе его, какъ студента, извѣстно университетскому начальству; Олигеръ же и Линдеманъ перешли къ нему въ послѣднее время, около двухъ недѣль. Предполагая, что г. экзекутору университета должны быть извѣстны лица, проживающія въ зданіяхъ университета, онъ объ этомъ и не увѣдомлялъ его, тѣмъ болѣе, что этого прежде не было никогда; отдавались ему только виды нижнихъ чиновъ». Все это сообщаетъ ректоръ попечителю, въ заключеніе выражая мнѣніе, что не худо бы г. Загайнову сдѣлать внушеніе, «за уклоненіе его отъ принятаго законнаго порядка». Попечитель пишетъ резолюцію. Ея смыслъ—внушить г. Загайнову, а экзекутору объявить, чтобы онъ рачительнѣе слѣдилъ за живущими въ зданіи университета [1]). Одновременно съ приведеннымъ дѣломъ возникло дѣло о докторантахъ Петровѣ и Песковѣ. Здѣсь также, какъ и въ предъидущихъ, для насъ интересна, главнымъ образомъ, та оффиціальная переписка, которая возникаетъ по поводу постановленія совѣта относительно этихъ лицъ. Она намъ извѣстна: совѣтъ опредѣлилъ, «по вредному вліянію ихъ на студентовъ, выслать ихъ изъ города и ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о дозволеніи имъ окончить свои экзамены на степень доктора медицины въ другомъ университетѣ». Министръ докладывалъ объ этомъ Государю Императору, которому «не благоугодно было соизволить на дозволеніе докторантамъ Пескову и Петрову окончить экзаменъ на степень доктора въ другомъ университетѣ, такъ какъ нравственное направленіе ихъ не представляетъ ручательства въ томъ, что они не будутъ имѣть вреднаго вліянія въ другомъ университетѣ [2])». Военный губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи ихъ изъ города. Попечитель увѣдомляетъ объ этомъ министра, при чемъ прибавляетъ: Петровъ и Песковъ, «по производимому слѣдствію, не изобличаются въ участіи въ студенческихъ безпорядкахъ, и даже ко-

---

[1]) Дѣло к. п., 56.
[2]) Тамъ-же, 18.

миссія не находитъ причинъ для привлеченія ихъ къ слѣдствію [1])». Министръ спрашиваетъ: «что именно послужило основаніемъ совѣту университета для обвиненія Пескова и Петрова въ вредномъ вліяніи ихъ на нравственность студентовъ». Совѣтъ у-та объясняетъ свое постановленіе въ томъ смыслѣ, что коноводами были Петровъ и Песковъ, но, благодаря своему умѣнью скрываться за спинами другихъ, они не были пойманы на мѣстѣ. Вотъ выраженія бумаги: «Совѣтъ университета, приступивъ къ рѣшенію дѣла о прекращеніи безпорядковъ, нарушившихъ спокойствіе университета, единогласно рѣшилъ, прежде всего, удалить изъ города тѣ лица, въ которыхъ скрывалась иниціатива этихъ безпорядковъ. Между этими лицами докторанты Петровъ и Песковъ не могли быть не замѣчены совѣтомъ, потому что членамъ его, а также и г. исправляющему должность попечителя было извѣстно, что убѣжденія гг. Петрова и Пескова, распространяясь между ихъ товарищами, постоянно порождали тѣ волненія, слѣдствіемъ которыхъ были безпорядки, происшедшіе въ у—тѣ въ послѣднее время». И далѣе: «Что касается до того, что гг. докторанты Петровъ и Песковъ не могли быть привлечены къ слѣдствію комиссіи, то это обстоятельство прямо объясняется тѣмъ, что гг. Петровъ и Песковъ дѣйствительно не были замѣчены, какъ непосредственные участники въ безпорядкахъ, происшедшихъ 7-го, 8-го и 9-го октября сего года [2])». Обращаемся отъ частнаго къ общему.

Между тѣмъ университетская слѣдственная комиссія 20-го октября представляетъ въ совѣтъ результаты своего изслѣдованія студентскихъ безпорядковъ въ видѣ списка студентовъ, бывшихъ 7-го октября у попечителя съ просьбами: объ удаленіи съ каѳедры профессора физики Больцани и о неудаленіи изъ города бывшаго студента Олигера. Таковыхъ, по ихъ собственному признанію, оказалось 46 человѣкъ [3]).

21-го октября состоялось засѣданіе совѣта у—та подъ предсѣдательствомъ попечителя князя Вяземскаго.

На немъ выслушали рапортъ слѣдственной комиссіи, представленный Траубенбергомъ, и постановили: исключить всѣхъ лицъ, показавшихъ, что они были 7-го октября скопомъ у попечителя съ

---

[1]) Дѣло к. п., 252.

[2]) Дѣло к. п., 267 и 268. Въ маѣ Петрову и Пескову было потомъ дозволено держать экзамены, каковые они и выдержали.

[3]) Дѣло—85, причемъ 7 челов. историко-филолог. фак.; 11 математич. разряда математ. наукъ, 8 разряда естественныхъ наукъ, 7 юридич., разряда юридич. наукъ, 3 разряда камеральныхъ наукъ, 10 медицинскаго факультета. **Н. Ѳ.**

принятіемъ ихъ въ у—тъ черезъ годъ, если 1) «по слѣдствію, производимому нынѣ особой слѣдственной комиссіей, эти лица не окажутся особенно виновными, и 2) если по свѣдѣніямъ, доставленнымъ совѣту, ихъ поведеніе въ теченіе года не будетъ предосудительно. Затѣмъ, ни одинъ изъ поименованныхъ исключенныхъ студентовъ не можетъ пользоваться правомъ на полученіе стипендій, пособій и т.п.» [1]).

На этомъ-же засѣданіи слушали отдѣльное мнѣніе профессора Вагнера. Содержаніе мнѣнія слѣдующее: Профессоръ Вагнеръ, совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ совѣта объ исключеніи студентовъ, желаетъ, кромѣ того, удаленія исключенныхъ изъ города на томъ основаніи, что онъ отдѣляетъ наказаніе отъ мѣры, служащей къ предотвращенію дальнѣйшихъ безпорядковъ. Исключеніе—это наказаніе, удаленіе изъ города—мѣра. Видя «въ тишинѣ и мирѣ» поддержку «эрудиціи», въ «гарантіи полнаго спокойствія и законности»—возможность «умственнаго развитія», профессоръ Вагнеръ выражаетъ опасеніе, чтобы «горсть исключенныхъ», «въ минуты увлеченія способныхъ на самыя крайнія мѣры, не употребила «всѣ свои силы» помѣшать спокойному окончанію дѣла». Впрочемъ, профессоръ Вагнеръ даже соглашается и съ тѣмъ, что удаленіе изъ города не только мѣра, но и наказаніе, «ибо я готовъ», говоритъ онъ, «на всѣ жертвы, какъ-бы тяжелы онѣ ни были». Въ заключеніе онъ увѣряетъ, что его стремленія «чисты» и цѣль ихъ «возвышенна», такъ какъ, «если нѣтъ другаго пути, говоритъ профессоръ Вагнеръ, то, не боясь ничьихъ осужденій, смѣло и открыто встаю на ту сторону, которая мнѣ даетъ средства достигнуть этой цѣли, которая мнѣ даетъ снова возможность служить честно и спокойно дѣлу того у—та, которому я обязанъ образованіемъ» [2]). Выслушавши это мнѣніе, совѣтъ опредѣлилъ: записать его въ протоколъ [3]).

Тутъ-же рѣшили и о томъ, чтобы просить Траубенберга о сообщеніи полицеймейстеру списка неявившихся въ комиссію для отвѣта, съ присовокупленіемъ, «что тѣ студенты и вольные слушатели, которые до 29 октября не явятся въ комиссію дать отвѣтъ о томъ—были они или нѣтъ участниками происшедшихъ безпорядковъ, будутъ признаны соучастниками и будутъ исключены» [4]). Предъ этимъ днемъ засѣданія Совѣта, гдѣ произошло сейчасъ разсказанное, министръ черезъ телеграфъ спросилъ у попечителя: «открыты или нѣтъ

---

[1]) Дѣло 91 и 92.
[2]) Дѣло 88, 89 и 90.
[3]) Дѣло 92.
[4]) Дѣло 93.

лекціи въ у—тѣ [1]), на что того-же числа вечеромъ и получилъ въ отвѣтъ: «чрезвычайныя мѣры, принятыя для охраненія спокойствія въ у—тѣ, я нахожу необходимымъ продолжить» [2]). Между тѣмъ университетская комиссія продолжала доискиваться, кто участвовалъ въ безпорядкахъ 8-го и 9-го октября.

Результаты своихъ изслѣдованій она представила опять въ видѣ списка студентовъ, бывшихъ, по ихъ собственному показанію, у инспектора 8-го октября, и списка бывшихъ 9-го октября предъ квартирою попечителя. При этомъ изъ перваго списка Совѣтъ усмотрѣлъ, что въ квартирѣ инспектора были тѣ, которые, оказавшись виновными въ посѣщеніи попечителя, уже исключены въ засѣданіи 21-го октября, и что кромѣ этихъ еще четверо посѣтили только квартиру инспектора [3]). Изъ втораго списка [4]) мы усматриваемъ, что въ университетской комиссіи относительно 9-го октября даны показанія 13-ю студентами, изъ которыхъ только двое—Берви и Констансовъ—говорятъ о своемъ сочувствіи случившемуся въ это число. Такъ, Берви заявляетъ, что онъ обращался къ полицеймейстеру съ просьбою увидать попечителя [5]). А. Г. Констансовъ, выясняя цѣль, съ какою студенты собрались передъ зданіями у—та и которую хотѣли осуществить «криками», прибавляетъ, что онъ хотя «съ своей стороны не кричалъ, но вполнѣ раздѣляетъ это съ тѣми, кто это дѣлалъ» [6]). Прочіе-же 11 человѣкъ дали показанія, смыслъ которыхъ сводится къ выраженіямъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; попалъ-же случайно: кто шелъ на почту и попалъ, кто въ университетъ для слушанія лекцій—и тоже попалъ и проч.

Для характеристики этихъ показаній мы приведемъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, Бургеръ Александръ своимъ показаніемъ доказалъ, что онъ человѣкъ очень любопытный. Подойдя къ у—ту 8-го окт. вечеромъ, онъ увидалъ нѣчто необычайное: солдатъ, толпу народа, и очень удивился, сильно желая узнать—что это такое? Онъ спрашиваетъ у одного господина, но тотъ тоже не знаетъ—что это такое. Онъ идетъ въ корридоръ у—та, гдѣ обращается съ тѣмъ-же вопросомъ къ студентамъ. Ему отвѣчаютъ: у—тъ закрытъ, по какой причинѣ—не знаютъ. Удовлетворивши отчасти любопытство, замѣчено въ показаніи, «онъ вышелъ изъ университета».

---

[1]) Д. канц. попеч. 104.
[2]) Тамъ-же, 105.
[3]) Тамъ-же, 96.
[4]) Тамъ-же, 205, 206, 207, 208.
[5]) Тамъ-же, 207.
[6]) Тамъ-же.

Такъ какъ любопытство было удовлетворено только «отчасти», то на слѣдующій день (9-го октября) онъ опять отправился его удовлетворять; но такъ и не удовлетворилъ его вполнѣ, ибо не слыхалъ, что полицеймейст. Витте говорилъ со студентами, такъ какъ стоялъ довольно далеко...

Затѣмъ, «замѣтивши на площади противъ у—та г. губернатора, разговаривающаго съ какими-то студентами, онъ подошелъ къ нимъ», чтобы послушать ихъ разговоръ, который, впрочемъ, «онъ уже забылъ» [1]).

Овсяниковъ Гавріилъ показалъ, что 9-го числа октября «онъ былъ на Воскресенской улицѣ; когда уже все утихло, видѣлъ мимоходомъ губернатора, десятка два казаковъ около него и гуляющихъ по улицѣ и болѣе ничего» [2]).

12 ноября совѣтъ въ своемъ засѣданіи, выслушавъ оба списка, сдѣлалъ постановленіе объ исключеніи изъ университета еще пяти студентовъ, какъ сознавшихся въ участіи въ безпорядкахъ, произведенныхъ въ квартирѣ инспектора; студентовъ университета Берви и Констансова (вольнослушателя), какъ бывшихъ 8-го октября у г. инспектора и 9-го предъ квартирой г. испр. д. попеч. и подтвердившихъ о томъ, что они были, своими подписями—исключить изъ университета, съ тѣмъ, что они могутъ быть приняты черезъ годъ, если по слѣдствію, производимому особой слѣдственной комиссіей, эти лица не окажутся особенно виновными и если по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Совѣту, ихъ поведеніе въ теченіе года не будетъ предосудительно. Затѣмъ они уже навсегда лишаются всякихъ льготъ: стипендій, пособій и проч. [3]).

---

[1]) Д. к. п. 207.
[2]) Д. к. п. 106.
[3]) Дѣло 97.

ГЛАВА XI.

Дѣятельность общей слѣдственной комиссіи. Запросъ ея попечителю учебнаго округа. Признаніе его со стороны князя Вяземскаго неправильнымъ. Переписка его по этому случаю съ казанскимъ губернаторомъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Планъ при изложеніи показаній, данныхъ этой комиссіи студентами.

Общая слѣдственная комиссія въ первый разъ подаетъ о себѣ голосъ 12-го октября, когда отъ ея имени предсѣдатель ея, совѣтникъ губернскаго правленія, Ѳедоровъ, пишетъ на имя попечителя бумагу слѣдующаго содержанія: [1])

«Слѣдственная комиссія, приступивъ къ производству слѣдствія о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами, находитъ, что при дѣлѣ нѣтъ свѣдѣній: кто именно изъ студентовъ приходили только 7-го окт. къ вашему сіятельству, 8-го числа къ инспектору, предъ этимъ были въ читальной комнатѣ, а 9-го числа собирались на улицѣ предъ вашею квартирою и производили манифестацію. Равнымъ образомъ, изъ дѣла не видно, гдѣ и съ какою цѣлью, предварительно этихъ происшествій, собирались скопища студентовъ, за участіе въ которыхъ уволенъ изъ у—та и удаленъ изъ города студентъ Олигеръ»... Затѣмъ въ бумагѣ перечисляются опредѣленія совѣта, состоявшіяся 10-го октября: это извѣстно комиссіи, какъ сообщенное начальникомъ губерніи. Но она совершенно не знаетъ: «въ чемъ заключалось вредное вліяніе этихъ лицъ на студентовъ, какими способами и съ какого времени оно проявилось, а также лично-ли они принимали участіе въ манифестаціи, произведенной студентами въ квартирѣ инспектора, или только по уговорамъ къ тому другихъ». Такимъ образомъ: «слѣдственная комиссія совершенно не имѣетъ въ виду тѣхъ данныхъ, на которыхъ Совѣтъ у—та, опредѣлившій, по своимъ правиламъ, мѣру отвѣтственности этихъ лицъ, основалъ эти обвиненія, подлежащія, однако, за назначеніемъ по этому предмету слѣдствія, разслѣдованію со стороны слѣдственной комиссіи».

Исходя изъ всего этого, Ѳедоровъ въ заключеніе объявляетъ, что слѣдственная комиссія постановила: просить объясненій на вышепоставленные вопросы. Г. попечитель отвѣтилъ въ такомъ родѣ [2]).

Онъ извѣщаетъ слѣдственную комиссію, что изъ бывшихъ у него

---

[1]) Д. к. п. 60 и 61.
[2]) Д. к. п. 63, 64, 65.

7-го октября ему извѣстны: Умновъ и бывшіе студенты Маккавѣевъ и Линдеманъ. Это онъ, однако, сообщаетъ «только для свѣдѣнія». «Что касается до 8-го октября, то я, говоритъ онъ, получилъ разрѣшеніе отъ г. министра народнаго просвѣщенія, согласно ходатайству совѣта ут—а, просить г. губернатора нарядить формальное слѣдствіе о демонстраціи, произведенной студентами въ квартирѣ инспектора, почему я не наряжалъ слѣдствія объ этой демонстраціи, такъ какъ случай этотъ долженъ быть обслѣдованъ комиссіею. Манифестація, собравшаяся передъ университетскими зданіями, вовсе вѣдѣнію у—та не подлежитъ, какъ бывшая внѣ стѣнъ университета».

Затѣмъ, относительно Олигера и другихъ исключенныхъ слѣдственной комиссіей нечего и спрашивать, такъ какъ они уволены «на основаніи опредѣленія совѣта у—та, не подлежащаго контролю комиссіи». О Петровѣ и Песковѣ было сообщено только «для свѣдѣнія, единственно на случай могущей встрѣтиться въ томъ надобности, при изслѣдованіи студентскихъ безпорядковъ, буде они (Петровъ и Песковъ) окажутся прикосновенными къ дѣлу». Беневитскій удаленъ изъ города, какъ лицо, подчиненное попечителю, «съ тѣмъ, чтобы выслать ему документы, если по слѣдствію или судебному приговору не окажутся основанія къ лишенію его права на дипломъ».

Олигеръ, Маккавѣевъ и Линдеманъ уволены изъ у—та «по распоряженію начальства»; Христофоровъ «по предписанію министра народнаго просвѣщенія»; всѣхъ поименованныхъ опредѣлено удалить изъ города, какъ лицъ «вредныхъ», по мнѣнію совѣта. «Вредное ихъ вліяніе выразилось преимущественно въ томъ, что они позволяли себѣ рѣзко обсуживать достоинство профессоровъ и отзываться съ рѣзкостью о мѣрахъ, принимаемыхъ у—томъ. Участвовали-ли они лично въ манифестаціи, «это прямо подлежитъ изслѣдованію комиссіи и я, заявляетъ попечитель, исходатайствовавъ у г. министра народнаго просвѣщенія разрѣшеніе просить г. начальника губерніи произвести по этому случаю формальное слѣдствіе, тѣмъ самымъ отказался отъ изслѣдованія этого факта съ моей стороны». Что-же касается «данныхъ, на основаніи коихъ совѣтъ у—та, опредѣливши мѣру отвѣтственности этихъ лицъ, основалъ свои обвиненія, то я выше выразилъ, что опредѣленія совѣта не могутъ подлежать разслѣдованію со стороны комиссіи». Въ заключеніе попечитель сообщаетъ, что онъ поручилъ Траубенбергу разъѣдать административнымъ порядкомъ: кто изъ студентовъ участвовалъ въ тѣхъ или другихъ безпорядкахъ. Изъ всего приводеннаго легко можно усмотрѣть, что господинъ попечитель остался очень недоволенъ первыми шагами слѣдственной комиссіи, такъ какъ увидалъ въ нихъ намѣреніе подвергнуть «повѣркѣ

опредѣленія совѣта и распоряженія начальства у—та». Объ этомъ онъ поспѣшилъ сообщить военному губернатору, прося его возстановить комиссію въ надлежащихъ для слѣдствія границахъ [1]). Генералъ Козляниновъ поспѣшилъ отвѣтить кн. Вяземскому: «я предложилъ производить слѣдствіе только о безпорядкахъ, учиненныхъ студентами, не подвергая повѣркѣ опредѣленія совѣта и распоряженія начальства университета» [2]).

Дѣло въ томъ, что въ сказанной «повѣркѣ» попечитель видѣлъ попытку «нарушить принципъ авторитета совѣта»; это свое мнѣніе онъ высказывалъ министру слѣдующимъ образомъ: «я вынужденнымъ нахожусь представить благоусмотрѣнію вашего сіятельства, что при неуясненіи цѣли и предѣловъ комиссіи, составленной г. губернаторомъ, веденіе дѣла въ таковомъ видѣ, въ какомъ оно теперь находится, можетъ, по моему крайнему убѣжденію, привести скорѣе къ нарушенію принципа авторитета совѣта у—та, чѣмъ служить къ желанному водворенію спокойствія въ ономъ» [3]).

Но того, чего боялся кн. Вяземскій, не случилось: комиссія была возстановлена въ желанныхъ для него границахъ. Затѣмъ она приступила къ своей дѣятельности. Она начала призывать исключенныхъ студентовъ и отбирать отъ нихъ показанія относительно участія ихъ въ безпорядкахъ. Теперь эти показанія представляются намъ главнымъ матеріаломъ для дальнѣйшаго изложенія. До сихъ поръ мы знакомились съ изображеніемъ безпорядковъ оффиціальными лицами, не исключая и унтеръ-офицера Козловскаго, служителя инспектора; пришло время обратиться къ студенческимъ показаніямъ и посмотрѣть, какъ сами студенты изображали безпорядки и разъясняли ближайшія причины ихъ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ изображеній всякій будетъ въ состояніи самъ уяснить себѣ настоящее положеніе дѣла. Мы, конечно, не будемъ приводить всѣхъ показаній цѣликомъ, но возьмемъ изъ нихъ то, что существенно для характеристики случившейся студенческой исторіи. Для большаго удобства мы раздѣлимъ показанія на три категоріи; такъ, къ первой категоріи отнесемъ показанія относительно посѣщенія попечителя 7-го октября; ко 2-й относительно безпорядковъ въ квартирѣ инспектора и, наконецъ, къ 3-й относительно случившагося 9-го числа передъ квартирой попечителя.

Къ этимъ категоріямъ показаній примкнутъ различныя добавоч-

---

[1]) Д. к. п., 66.
[2]) Д. к. п., 73.
[3]) Д. к. п. 87.

ныя объясненія студентовъ, необходимыя намъ для вышепоставленной цѣли.

ГЛАВА XII.

F) Показанія студентовъ, данныя общей слѣдственной комиссіи. Показанія относительно посѣщенія ими 7-го октября попечителя. Показанія студентовъ относительно причинъ ихъ вторженія въ квартиру инспектора. Фактическія подробности этого событія по показаніямъ студентовъ. Показанія студентовъ о причинахъ, вызвавшихъ сходку студенческую 9 октября предъ квартирою попечителя, и о томъ, что̀ на этой сходкѣ происходило.

Большинство студентовъ, спрошенныхъ комиссіей, что́ побудило ихъ явиться къ попечителю 7-го октября, дало отвѣтъ такой:

«7-го октября былъ у Вяземскаго для того, чтобы узнать отъ него объ удаленіи Олигера, и для того, чтобы передать ему о дѣлѣ Больцани [1])». Такъ объясняетъ причину посѣщенія студентъ Викторъ Умновъ; такъ объясняютъ и другіе, привлеченные къ слѣдствію, съ тою только разницею, что нѣкоторые изъ нихъ, не слушавшіе Больцани, указываютъ только на дѣло Олигера. Только весьма немногіе не ограничиваются такимъ лаконизмомъ и разъясняютъ причину своего посѣщенія попечителя довольно подробно. Вотъ, напримѣръ, показаніе Соколова: «Г. Янишевскій обѣщался оставить этотъ разговоръ въ стѣнахъ читальной комнаты (разговоръ между студентами и Янишевскимъ о Больцани, въ который вмѣшался и Олигеръ). Къ вечеру 6-го октября Олигеру объявлено было приказаніе оставить Казань; когда его спросили о причинахъ, то онъ отвѣчалъ, что за посѣщеніе читальной комнаты. Я не вѣрилъ въ основательность такой причины, вслѣдствіе чего и отправился 7-го окт. къ г-ну попечителю [2])».

Студентъ Лысовъ сообщаетъ, что онъ пришелъ къ попечителю сказать о своемъ неудовольствіи на профессора Больцани, такъ какъ «вслѣдствіе незнанія имъ русскаго языка, говоритъ Лысовъ, я не могу понимать его лекціи». И продолжаетъ: «это я сдѣлалъ на томъ основаніи, что г. ректоръ, именно Бутлеровъ, выразилъ студентамъ такую мысль: каждый студентъ, недовольный чѣмъ-бы то ни было профессоромъ, можетъ изъявить это неудовольствіе г. ректору; если-же

[1]) Д. с. к., 40.
[2]) Д. с. к., 71.

онъ не уважитъ эту просьбу, то обратиться къ самому попечителю». Онъ, Лысовъ, видя, что ректоръ каз. у—та «не принимаетъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія», помимо его и отправился 7-го октября къ попечителю [1])».

А у попечителя происходило слѣдующее, какъ показалъ вольный слушатель Затмиловъ: «Я заявилъ попечителю, что Больцани читаетъ неудовлетворительно». «Г. попечитель отвѣчалъ, что профессоръ Больцани пользуется европейскою славою; на это я ему сказалъ, что въ учености Больцани никто не сомнѣвается, но, къ сожалѣнію, г. профессоръ не можетъ передать свои знанія и тѣмъ лишаетъ меня возможности слушать физику [2])».

По показанію Соколова присходило у князя Вяземскаго такое съ нимъ объясненіе: «князь утверждалъ, сообщаетъ Соколовъ, что онъ (попечитель) прежде спросилъ Линдемана о фамиліи, а потомъ объявилъ ему, что его просьба о поступленіи въ у—тъ принята не будетъ. Между тѣмъ это было наоборотъ, что и подтвердили бывшіе здѣсь студенты». Князь на это сказалъ: «стыдно, господа, стыдно». На это ему кто-то отвѣчалъ, что не стыдно утверждать правду, а лгать въ глазахъ нѣсколькихъ студентовъ стыдно. Между прочимъ, князь сказалъ, что онъ въ первый разъ видитъ Линдемана, а слышалъ о немъ какъ о дурномъ господинѣ. Вслѣдствіе этого князя спросили: на этихъ слухахъ должно быть вы основываете собственное мнѣніе о Линдеманѣ? Отвѣтъ былъ: «да». Но какъ-же вы можете основывать свое мнѣніе только на слухахъ? Ваше мнѣніе есть мнѣніе оффиціальное, слѣдовательно должно основываться на оффиціальныхъ данныхъ. Князь сказалъ, что мнѣніе, выраженное г. Янишевскимъ, есть оффиціальное данное». «Отсюда студенты заключили, — выводитъ Соколовъ, что Янишевскій сообщилъ о невыгодныхъ сторонахъ Линдемана Вяземскому». И привосокупляетъ такъ: «объ этомъ, мы, т. е. кто-то одинъ сообщилъ князю». «Далѣе, продолжаетъ Соколовъ, разговоръ перешелъ къ Больцани, гдѣ, разумѣется, студенты говорили, что хотятъ избавиться отъ слушанія его лекцій, а слѣдственно и отъ его экзаменовъ».

«Князь говорилъ, что студенты не хотятъ слушать Больцани или по лѣности, или по недостаточной подготовкѣ. На это получилъ возраженіе: отчего, слушая другихъ профессоровъ, мы оказываемся и достаточно подготовленными, и прилежными? Отвѣта на это не было», ибо, по мнѣнію Соколова, «и нельзя дать его [3])».

---

[1]) Д. с. к., 225.
[2]) Д. с. к., 221.
[3]) Д. с. к., 71.

Намъ кажется, что приведенныхъ показаній совершенно достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ посѣщенія студентами попечителя 7-го октября, насколько онъ выясняется ими самими. Переходимъ къ показаніямъ второй категоріи, самымъ подробнымъ, такъ какъ, повидимому, въ отношеніяхъ студентовъ къ инспектору и наоборотъ, и желали дѣлавшіе показанія студенты найти причину произведенныхъ ими безпорядковъ.

«Основываясь на слухахъ, говоритъ студентъ Кириловъ, что въ у—тѣ студенты раздѣлились на три партіи: одну, которая рѣшилась дѣйствовать противъ инспектора, къ числу ея принадлежу и я; другую оппозиціонную и третью нейтральную». И болѣе ничего не прибавлено: періодъ не конченъ; а далѣе: «Я, дѣйствительно, ходилъ въ квартиру инспектора, въ числѣ другихъ студентовъ, мною не замѣченныхъ, съ предложеніемъ такимъ, что не желаю имѣть его инспекторомъ. Я пошелъ одинъ къ инспектору и впередъ, а за мною толпа, изъ среды которой я слышалъ голоса: «вонъ, вонъ!» [1]).

Викторъ Умновъ объясняетъ свой поступокъ слѣдующимъ образомъ: «Янишевскій давалъ намъ слово, когда мы говорили ему о дѣлѣ Больцани, что онъ не передастъ ни одного слова Вяземскому, но потомъ передалъ, что подтвердитъ Вяземскій. Находя подобные поступки неприличными честному человѣку, я хотѣлъ узнать подтвержденіе (?) или отрицаніе этихъ фактовъ и многихъ другихъ, которые я теперь не могу припомнить, но инспекторъ отказался говорить со мной, то я, дѣлаетъ выводъ Викторъ Умновъ, принявъ молчаніе за знакъ согласія, передалъ ему мое желаніе не имѣть его инспекторомъ» [2]). Такъ какъ Кириловъ началъ говорить о партіяхъ, то вопросъ о нихъ былъ предложенъ и Виктору Умнову, но онъ «о существованіи партіи ничего не слыхалъ» [3]). И изъ другихъ показаній видно, что тоже ничего не слыхали, такъ что вопросъ, отъ кого Кириловъ узналъ о нихъ, остается открытымъ. Конради пошелъ къ инспектору, «чтобы объясниться съ нимъ вотъ по какому поводу». «За день до того, разсказываетъ Конради, г. инспекторъ сказалъ, что ему инспекторская должность въ тягость, при чемъ постоянно встрѣчались противорѣчія,—истинныя или нѣтъ,—это все равно [4]), между словами

---

[1]) Дѣло с. к., 30.
[2]) Дѣло с. к., 40.
[3]) Дѣло с. к., 41.
[4]) Что онъ хочетъ сказать этимъ вводнымъ предложеніемъ—неизвѣстно.
Н. Ѳ.

инспектора, что ставило его въ натянутое положеніе со студентами, поэтому я хотѣлъ сообщить ему мое желаніе, чтобы онъ оставилъ такъ непріятную для него должность инспектора». Что же касается того, «кто кричалъ, не видалъ, самъ не кричалъ [1])». Весьма подробно разсказываетъ о распряхъ студентовъ съ инспекторомъ вольный слушатель Золотовъ. Онъ начинаетъ съ 5-го октября, когда инспекторъ пришелъ въ студентскую читальню и началъ разговаривать со студентами относительно чтенія лекцій профессоромъ Больцани.

«При этомъ, сообщаетъ Золотовъ, г. Янишевскій говорилъ, что Больцани читаетъ понятно. На это г. Олигеръ ему замѣтилъ, что онъ назадъ тому нѣсколько времени, по выходѣ съ лекціи г. Больцани, сказалъ, что Больцани читаетъ такъ, что профессоръ съ трудомъ можетъ понять его лекцію, не говоря о студентахъ, у которыхъ нѣтъ такихъ познаній математическихъ. Этимъ замѣчаніемъ Олигера г. Янишевскій оскорбился, потому что оно выказывало противорѣчіе въ словахъ самого Янишевскаго» [2]). А далѣе дѣлается слѣдующій выводъ: «Узнавши, что г. Янишевскій не любитъ правду, что онъ измѣнилъ своему слову, сказанному имъ самимъ въ читальной комнатѣ, я рѣшился идти къ нему и сказать, что я не желаю его имѣть своимъ инспекторомъ» [3]). Это заключительное заявленіе, встрѣчающееся, какъ припѣвъ, почти въ каждомъ показаніи, съ очень незначительными варіаціями, послужило вступленіемъ въ показаніи Александрова: «Я пошелъ къ Янишевскому, говоритъ онъ, объявить ему, что не желаю имѣть его инспекторомъ», а мотивы вотъ: «во первыхъ, потому, что г. Янишевскій, 6-го числа, въ читальной комнатѣ объявилъ, что чрезвычайно тяготится инспекторскою должностью и очень желаетъ ее оставить: слѣдовательно, я, заключаетъ Александровъ, поступилъ сообразно его желанію, во вторыхъ, на основаніи тѣхъ фактовъ, которые на него имѣю, а именно: г. Янишевскій оскорбилъ студентовъ 6-го числа тѣмъ, что заставилъ замолчать Олигера, когда тотъ уличилъ его во лжи. Олигеръ, съ согласія студентовъ, былъ библіотекаремъ читальной комнаты студентовъ, а обидѣть довѣренное лицо, значитъ обидѣть довѣрителей; а обидѣвшій гостя, обидѣлъ и хозяина. Если онъ, Янишевскій, не хотѣлъ говорить съ Олигеромъ, какъ съ частнымъ лицомъ, не принадлежащимъ къ у—ту,

[1]) Дѣло с. к., 52.
[2]) Дѣло с. к., 138.
[3]) Дѣло с. к., 139.

то для чего же онъ въ то-же время противорѣчилъ себѣ, говоря съ Линдеманомъ и Маккавѣевымъ, съ лицами, также не принадлежащими къ у—ту. Кромѣ того, г. Янишевскій не трогалъ Олигера, зная, что онъ находится въ у—тѣ и посѣщаетъ читальную комнату, до тѣхъ поръ, пока Олигеръ не уличилъ его во лжи. Этимъ г. Янишевскій выказалъ чрезвычайно дурную и опасную для студентовъ сторону своего характера—мстительность; такимъ образомъ нельзя ручаться, что г. Янишевскій изъ личности не можетъ надѣлать много худаго для своихъ подчиненныхъ. Затѣмъ г. Янишевскій, во время посѣщенія 7-го числа, оклеветалъ Олигера». Далѣе онъ перечисляетъ разныя вины г. Янишевскаго, по отношенію къ студентамъ, откуда видно, что Александровъ считаетъ Янишевскаго человѣкомъ лживымъ. И заключаетъ свое показаніе [1]) слѣдующими словами: «наконецъ, безпрерывныя, непонятныя метаморфозы г. Янишевскаго изъ частнаго лица въ оффиціальное и обратно, и часто такъ, что частное лицо противорѣчитъ оффиціальному—вотъ причина» того, съ чего Александровъ началъ свое показаніе: «что я не желаю имѣть его инспекторомъ». По показанію Соколова, мы можемъ наблюдать, 7-го октября, въ студенческой читальной комнатѣ слѣдующую сцену. Студенты объясняются съ Янишевскимъ. Какимъ же образомъ? А вотъ какимъ: «Г. Янишевскому, сообщаетъ Соколовъ, доказывали, что онъ лжетъ по поводу дѣла Олигера и рекомендаціи Линдемана, а г. Янишевскій доказывалъ, что онъ никогда не лжетъ» [2]). Только вдругъ Соколову пришли на память слова г. Янишевскаго, сказанныя имъ наканунѣ:

— «Мнѣ, господа, въ тягость инспекторство, я не дорожу этою должностью».

Я подумалъ, говоритъ Соколовъ, и рѣшилъ сказать Янишевскому такую вещь:

— «Вы, г. инспекторъ, видите, что отношенія наши натянуты. Во вчерашнемъ разговорѣ, да и, какъ я слышалъ отъ старыхъ студентовъ, въ прежнихъ разговорахъ вамъ хотятъ доказать, что вы дѣйствительно недобросовѣстны, вы увѣряете въ противномъ. Отсюда ясно, что при такихъ отношеніяхъ вамъ оставаться нельзя. При томъ вы тяготитесь, какъ вы сказали вчера, должностью инспектора, такъ оставьте ее, во избѣжаніе столкновеній впослѣдствіи» [3]).

Составивши мысленно такую рѣчь, Соколовъ, 8-го октября, отпра-

---

[1]) Дѣло с. к., 98 и 99.
[2]) Дѣло с. к., 72.
[3]) Дѣло с. к., 72.

вился въ квартиру инспектора, съ намѣреніемъ тамъ ее произнести, но мы знаемъ, что ему не удалось исполнить своего намѣренія. А вотъ какимъ образомъ разсказываетъ студентъ Дмитрій Каракозовъ [1]):

— «Г. Олигеръ, говоритъ онъ, замѣтилъ инспектору, что въ бытность Наслѣдника въ Казани, въ то время, какъ Больцани читалъ для него свою лекцію, г. Янишевскій самъ отозвался о Больцани, какъ о профессорѣ, который рѣшительно не способенъ для каѳедры, т. е. что его лекціи рѣшительно непонятны. Г. Янишевскій не имѣлъ, слѣдовательно, никакого основанія стараться объ удаленіи г. Олигера, который высказалъ только мнѣніе самого г. Янишевскаго».

«Такимъ образомъ, заключаетъ Каракозовъ, (онъ) самъ подготовилъ себѣ то удовольствіе, которое высказали ему студенты» [2]). Можно было бы привести еще столько же и даже больше выдержекъ изъ студентскихъ показаній относительно ихъ поступка съ инспекторомъ; но то предпріятіе кажется намъ совершенно лишнимъ, такъ какъ, за исключеніемъ выраженій, они тождественны, тѣмъ болѣе, что мы старались привести то, что наиболѣе изъ нихъ обрисовываетъ взгляды студентовъ на ближайшую причину ихъ вторженія въ квартиру инспектора. Теперь посмотримъ, какъ сами студенты изображаютъ здѣсь случившееся. Вотъ сообщеніе Платоникова: «Они пришли и попросили доложить. Служитель доложилъ. Въ это время, говоритъ Платониковъ, вышелъ Янишевскій въ халатѣ и объявилъ, что онъ не станетъ говорить съ толпой, зажалъ уши и, не внимая словамъ впереди стоявшихъ студентовъ, вышелъ и захлопнулъ дверь; тогда нѣкоторые закричали, чтобъ онъ выходилъ въ отставку, что не хотятъ имѣть его инспекторомъ» [3]).

Ждановъ лаконичнѣе:

«Г. Янишевскій, заявляетъ онъ, вышелъ въ халатѣ и тогда ему было объявлено, что мы не желаемъ его имѣть инспекторомъ» [4]).

«Янишевскій и ушелъ, со своей стороны замѣчаетъ Александровъ, захлопнувъ двери. На эту выходку раздался крикъ: «вонъ!» [5]).

Германъ говоритъ: «никакого шуму я тамъ не слыхалъ, кромѣ какъ въ толпѣ студентовъ былъ слышенъ крикъ: вонъ! вонъ! кто кричалъ—не знаю, самъ не кричалъ» [6]).

---

[1]) Тотъ самый, который впослѣдствіи, 4-го апрѣля 1866 г., сдѣлалъ покушеніе на жизнь государя императора Александра II.

[2]) Дѣло с. к., 207.

[3]) Дѣло с. к., 123.

[4]) Дѣло с. к., 99.

[5]) Дѣло с. к., 116.

[6]) Дѣло с. к., 87.

Что касается сего послѣдняго пункта: «самъ-то кричалъ ли?» то въ показаніяхъ вы не найдете ни одного, гдѣ было бы сказано, что и самъ кричалъ. Всѣ говорятъ: «кто кричалъ, не знаю, самъ не кричалъ». Нѣкоторымъ, вѣроятно, и неудобно было кричать, если принять во вниманіе слѣдующее показаніе Некрасова, слышавшаго крикъ изъ-за дверей.

Онъ говоритъ такъ:

«Я вышелъ и уже за дверьми услыхалъ крики: вонъ, кто кричалъ, разумѣется, я не могъ знать и разумѣется, что я самъ не кричалъ; потому что глупо было бы кричать «вонъ» изъ-за дверей [1]).

Обращаясь къ показаніямъ 3-й и послѣдней категоріи, можно заранѣе сказать, что причины ихъ необычайнаго прихода къ квартирѣ попечителя объясняются ими въ весьма общихъ выраженіяхъ: «Хотѣлъ, показываетъ большинство изъ нихъ,—отъ самого попечителя узнать причину закрытія университета».

Но были и такіе изъ привлеченныхъ къ слѣдствію лицъ, которые не ограничились подобными краткими отвѣтами. Въ своемъ показаніи вольный слушатель Золотовъ выясняетъ причину своего посѣщенія улицы предъ квартирой попечителя такимъ образомъ: «Все видѣнное и читанное, говоритъ онъ, возбудило во мнѣ вопросъ: что подало поводъ къ закрытію университета? Неужели это—слова, сказанныя г. Янишевскому: «Я не желаю васъ имѣть своимъ инспекторомъ». «Стоило начальству изъ-за такихъ словъ поднимать скандалъ, закрывать у—тъ, наполнять его солдатами, конечно, не для слушанія лекцій, но для охраненія у—та отъ кого-то». «Странно, какъ это начальство дѣлаетъ изъ мухи слона! Оскорбительно, когда начальство считаетъ 26-ти-лѣтнихъ юношей за какихъ-то барановъ, лишенныхъ всякихъ человѣческихъ чувствъ, какъ то: чувства товарищества, во имя котораго былъ защищаемъ ни въ чемъ не виноватый Олигеръ, барановъ, съ которыми будто бы нужно поступать по своему личному произволу, не сообразуясь съ законами справедливости! Непонятно, зачѣмъ это начальники, считающіе себя людьми, а не скотами, рѣшаются управлять стадомъ барановъ, неужели, молъ, въ этомъ взглядѣ на студентовъ въ 20 лѣтъ наши начальники не видятъ ничего унизительнаго для себя, если не для студентовъ!?» И вольн. слушатель Золотовъ отправляется къ попечителю, желая узнать «почему начальники, считающіе себя людьми, а не скотами, рѣшаются

[1]) Дѣло с. к., 130.

управлять стадомъ барановъ, или почему они закрыли у—тъ?» Дѣйствительность двукратнаго входа г. Витте къ попечителю съ вопросами: 1) можетъ ли онъ объясниться со студентами, 2) можетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, принять для объясненія депутацію отъ студентовъ,—всѣ привлеченные къ слѣдствію совершенно подтверждаютъ въ своихъ показаніяхъ. Подтверждаютъ и то, что кн. Вяземскій въ обоихъ случаяхъ отказалъ исполнить это желаніе.

«Тогда, сообщаетъ Соколовъ, всѣ встали передъ домомъ и стали громко звать его. Князь показался въ окнѣ. Его продолжали звать и махали ему руками» [1]).

А онъ, по словамъ «Умнова, смотрѣлъ на насъ очень хладнокровно, что и вызвало крикъ: «п......» [2]).

Вызывать продолжали. И во время вызововъ Конради слышалъ, какъ нѣсколько голосовъ кричали: подлецъ [3]).

Вольнаго слушателя Золотова этотъ крикъ: «..... . Вяземскій» — очень удивилъ; «не смотря на то, говоритъ онъ, что въ продолженіе всего крика: Вяземскій, Вяземскій, Вяземскій — на разные тоны, — г. Вяземскій, кажется, съ большимъ удовольствіемъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на движущуюся толпу студентовъ, безсильную вызвать его изъ теплыхъ комнатъ на холодный воздухъ» [4]). А холодный воздухъ, вѣроятно, оказывалъ свое вліяніе. Студенты пошли прочь отъ квартиры попечителя. «Я видѣлъ какъ толпа шла къ клиникѣ», сообщаетъ Соколовъ [5]).

«Слышу, какія то пѣсни поютъ, впереди ихъ идетъ полицеймейстеръ», сообщаетъ Золотовъ [6])

Мы закончили обзоръ студентскихъ показаній о безпорядкахъ [7]),

---

[1]) Дѣло с. к., 74.

[2]) Дѣло с. к., 41.

[3]) Дѣло с. к., 52.—Такая дерзость по отношенію къ кн. П. П. Вяземскому, пользовавшемуся и въ обществѣ казанскомъ, и среди учащейся молодежи репутаціей просвѣщеннаго и гуманнаго администратора, вызвала всеобщее неодобреніе и негодованіе въ Казани, почему никто изъ кричавшихъ тамъ и не отважился заявить, что выкрикивалъ такую оскорбительную брань. Н. Ѳ.

[4]) Дѣло с. к., 141.

[5]) Дѣло с. к., 75.

[6]) Д. с. к., 141.

[7]) Но мы должны, въ видахъ полноты и точности, отмѣтить еще одинъ элементъ, встрѣчающійся въ двухъ, трехъ показаніяхъ и являющійся, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я на первомъ допросѣ сказалъ, что я былъ у г. попечителя и инспектора, объясняю это тѣмъ, что

имѣющій цѣлью указать, какъ сами студенты разсказывали о безпорядкахъ и какъ они ихъ объясняли. И изъ него мы также узнаемъ, въ чемъ состояло слѣдствіе: оно состояло въ отборѣ показаній, даваемыхъ на заданные вопросы.

Н. А. Ѳирсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

носился слухъ, чтобы подписываться всѣмъ „былъ", но такъ какъ я вижу, что подписывается только треть или еще меньше, то считаю лишнимъ наговаривать на себя, чего не было [1])".

[1]) Д. с. к. 117. Н. Ѳ.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

VI [1]).

Еще 29-го іюля 1858 г. кн. А. И. Барятинскій, представляя на высочайшее воззрѣніе соображенія свои относительно занятій и дѣйствій войскъ Кавказской арміи съ осени 1858 г. по осень 1859 г., между прочимъ, писалъ слѣдующее:

„Въ этой части края (на лѣвомъ крылѣ) совершены въ послѣдніе два года изумительные успѣхи, изъ которыхъ мы должны извлекать самые существенные результаты, подвигаясь безостановочно къ предположенной цѣли. Рѣшительныя дѣйствія, предпринятыя въ нынѣшнее лѣто, укажутъ, что̀ останется исполнить въ теченіи предстоящей осени и зимы. По всѣмъ вѣроятіямъ, необходимо будетъ заняться окончательнымъ приведеніемъ въ покорность и порядокъ Галашевскаго и другихъ меньшихъ обществъ, которыя, можно сказать, остались нынѣ въ тылу новой нашей линіи по Аргуну, и, не смотря на то, все еще сохраняютъ свою необузданную независимость.... Затѣмъ предстоитъ сдѣлать большую рекогносцировку въ нагорную часть Большой Чечни, съ проложеніемъ просѣкъ черезъ хребетъ Черныхъ горъ къ открытымъ мѣстамъ, лежащимъ у подошвы Андійскаго хребта, при чемъ можетъ быть встрѣчена надобность построить времен-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXII, май, стр. 357—387; іюнь, стр. 641—660.

ное укрѣпленіе при подошвѣ Черныхъ горъ, или въ одномъ изъ ущелій.

Въ теченіи же будущаго лѣта (1859 г.) можно будетъ продолжать рекогносцировку безлѣснаго нагорнаго пространства между Черными горами и Андійскимъ хребтомъ, дабы положительно опредѣлить пункты, какіе необходимо будетъ занять, чтобы окончательно вытѣснить непріятеля за Андійскій хребетъ и упрочить положеніе наше по сю сторону этихъ горъ. Предполагаемой со стороны Чечни рекогносцировкѣ будутъ содѣйствовать и войска Прикаспійскаго края наступательнымъ движеніемъ отъ Буртуная" [1]).

Мы видѣли изъ предшествовавшей главы, что всѣ дѣйствія, предполагавшіяся на лѣвомъ крылѣ, въ теченіе осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ 1858-го года, исполнены были согласно видамъ кн. Барятинскаго, и нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ успѣхъ этихъ дѣйствій даже превзошелъ его ожиданія. Такія же отрадныя неожиданности суждено ему было испытать и въ наступавшемъ 1859-мъ году, такъ какъ успѣхи, достигнутые въ продолженіе онаго, еще болѣе заслуживали названіе „изумительныхъ", нежели тѣ, которые были одержаны въ предшествовавшіе два года.

Проникнувъ, къ концу декабря, до аула Агашты, Н. И. Евдокимовъ началъ новый годъ рекогносцировкою внизъ по Басскому ущелью, а 2-го числа приступилъ къ рубкѣ просѣки назадъ, до Бассымъ-Берды. На слѣдующій день присоединился къ главнымъ силамъ отрядъ кн. Мирскаго, стоявшій дотолѣ на Мичикѣ. Рубка лѣса продолжалась и, къ 14-му января, открылась возможность для войскъ двигаться на очищенномъ участкѣ безпрепятственно.

Между тѣмъ и Шамиль не терялъ времени и, собирая вооруженныя партіи изъ всѣхъ еще покорныхъ ему обществъ, даже самыхъ отдаленныхъ, довелъ свое скопище до 12-ти тысячъ. Съ напряженною дѣятельностію трудились противники надъ устройствомъ новыхъ укрѣпленій при входѣ въ Таузеньскую долину, изъ которой открывались относительно удобные пути не только въ нагорныя общества, но и къ самому Веденю.

---

[1]) Воен. Уч. арх., отд. II, № 6606.

Простая фронтальная атака непріятельской позиціи, усиленной природными и искуственными препятствіями, не только не могла обойтись безъ значительныхъ потерь, но даже и за успѣхъ ея нельзя было ручаться. Вслѣдствіе этого Н. И. Евдокимовъ, который, по вырубкѣ тыловой просѣки, рѣшился немедленно идти дальше, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Командиръ Тенгинскаго полка, полк. Баженовъ, съ отрядомъ изъ 6-ти баталіоновъ и 2-хъ сотенъ, при 6-ти орудіяхъ, долженъ былъ въ полночь съ 14-го на 15-е число подняться съ бивуака, возвратиться по прорубленной просѣкѣ на хуторъ Хачерой; затѣмъ направиться горами, лѣвѣе высотъ Даргенъ-Дука и, обойдя лѣвый флангъ непріятельской позиціи, выйти прямо въ тылъ построенныхъ горцами укрѣпленій.

Генералъ-маіору Кемпферту приказано было, оставивъ на позиціи у Агашты 2 баталіона, двинуться съ остальными силами прямо по ущелью, но не предпринимать атаки, пока не появится въ тылу у противника обходная колонна.

Не успѣли наши главныя силы продвинуться и 3-хъ верстъ, какъ уже были встрѣчены выстрѣлами изъ-за передовыхъ непріятельскихъ заваловъ, и вскорѣ открылась вся линія ихъ, расположенная въ нѣсколько рядовъ, по отвѣснымъ почти скатамъ горъ и поперегъ долины Басса, образующей ущелье шириною до 60-ти саженъ, открытое и изрѣзанное рукавами рѣки.

Согласно данному ему приказанію, ген.-маіоръ Кемпфертъ остановился передъ непріятельскою позиціею и сталъ обстрѣливать ее, поджидая появленія обходной колонны. Уже около двухъ часовъ продолжалась перестрѣлка, когда вдругъ по всей линіи непріятельскихъ укрѣпленій замѣчены были нами какое то необычайное смятеніе и суета. Генералъ Кемпфертъ, догадываясь, что это вызвано извѣстіемъ о появленіи, въ тылу позиціи, отряда полк. Баженова, рѣшился воспользоваться смущеніемъ противника и немедленно двинулся въ атаку. Горцы не выдержали натиска и, оставивъ свои завалы—частію безъ сопротивленія—бросились бѣжать въ аулы Хатунъ и Таузень, куда, почти на плечахъ ихъ, ворвались и наши войска. Въ это же время появился на вершинѣ сосѣдней горы отрядъ полк. Баженова, задержанный въ движеніи своемъ необычайно глубокими снѣгами и разными мѣстными препятствіями.

Занятіе Таузеня, отстоящаго не далѣе 12—14 верстъ отъ Веденя и бывшаго узломъ дорогъ, ведшихъ какъ къ послѣднему аулу, такъ въ Андію, Чарбили и Шатой, имѣло большую важность въ стратегическомъ отношеніи, и для предстоявшихъ дѣйствій Чеченскаго отряда представляло значительныя выгоды. Кромѣ того, послѣ овладѣнія нами Таузеньскою поляною, непріятель принужденъ былъ бросить свои укрѣпленія на Даргенъ-Дукѣ, надъ которыми трудился такъ долго и усердно. Авторитету Шамиля нанесенъ былъ новый, сильный ударъ. Напрасно распространялъ онъ слухи, будто отступилъ лишь для того, чтобы заманить русскихъ въ глубь Ичкеріи, гдѣ ихъ ожидаетъ погибель,—никто уже не вѣрилъ ему съ прежнимъ, безотчетнымъ ослѣпленіемъ.

Занявъ Таузень, войска стали рубить просѣку назадъ, къ мѣстамъ прежнихъ позицій, и устраивать около аула укрѣпленіе, которое должно было служить промежуточнымъ этапнымъ пунктомъ при дальнѣйшемъ движеніи къ Веденю. По окончаніи этихъ работъ главныя силы отряда двинуты были къ лежащему на пути въ Ведень аулу Алистанжи и расположились въ виду этого аула, подожженнаго непріятельскими партіями. Затѣмъ началась обычная рубка просѣкъ и устройство колеснаго сообщенія. Во время работъ этихъ, продолжавшихся съ 28-го января по 6-е февраля, непріятель не дѣлалъ противъ насъ никакихъ серьезныхъ попытокъ.

Успѣхи, одержанные за послѣднее время войсками лѣваго крыла, вызвали нѣкоторыя измѣненія въ общемъ планѣ предначертанной лѣтней экспедиціи въ Андію. Мы стали теперь въ Чечнѣ въ такое положеніе, что пріобрѣли новое, обширное и выгодное основаніе для будущихъ движеній нашихъ въ долину Андійскаго Койсу. Лучшіе доступы открылись намъ туда уже не изъ Салатавіи, какъ было прежде, а отъ Веденя (овладѣніе коимъ было лишь вопросомъ времени) и изъ Аргунскаго ущелья. Соображенія свои по этому предмету Н. И. Евдокимовъ высказалъ еще 20-го января, въ нижеслѣдующемъ письмѣ начальнику главнаго штаба Кавказской арміи:

„Занятіе Таузеня и рекогносцировка, произведенная мною къ Алистанжи, дали мнѣ новую мысль относительно предполагаемой лѣтомъ экспедиціи въ Андію. Таузень въ 30-ти верстахъ отъ

Бердыкеля и въ 25-ти отъ Воздвиженской. Превосходная колесная дорога тянется до самаго аула Алистанжи, и только оттуда до Веденя придется разработать ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на протяженіи 8 или 10 верстъ. Отъ Веденя въ Андію всего 25 верстъ. Если, какъ я надѣюсь, удастся мнѣ покорить и выселить народонаселеніе Чечни между Бассомъ и Хулхулау, мы получимъ тогда кратчайшую и безопасную колесную дорогу до Веденя, гдѣ могли бы образовать второй складочный пунктъ съ тѣмъ, чтобы направить войска въ Андію не по одной дорогѣ, черезъ Буртунай, а по двумъ—и черезъ Ведень. Движеніе это, отдѣливъ чеченцевъ и ичкеринцевъ отъ горъ, вынудитъ покориться окончательно и тѣхъ, кои не принесутъ ея (покорности), зимою; послѣ чего мы будемъ имѣть въ тылу своемъ вновь покоренныя племена и два пути для нашихъ подвозовъ,—что безъ сомнѣнія весьма облегчитъ всѣ дѣйствія въ Андійской долинѣ.

„Вѣроятно, что г. главнокомандующій предпочтетъ присутствовать при войскахъ лѣваго крыла. Тогда со стороны Буртуная за глаза довольно 9-ти баталіоновъ, а здѣсь можно собрать 12 или 13.

„Все это, конечно, предположеніе; но если оно будетъ сколько нибудь согласно съ мыслями его с—ва, то я желалъ бы знать ихъ заблаговременно. Тогда, не измѣняя сдѣланныхъ уже по сему предмету распоряженій въ Прикаспійскомъ краѣ, согласно первому предположенію,—мнѣ было бы необходимо принять мѣры къ заготовленію большаго запаса сухарей и овса и, вообще, всѣ зимнія дѣйствія приноравливать къ тому, чтобы отвратить затрудненія для движенія на Ведень, въ случаѣ, если будетъ угодно это г. главнокомандующему“ [1]).

Насколько сочувственно отнесся кн. Барятинскій къ этимъ предположеніямъ, видно изъ слѣдующаго письма его, отъ 26-го января 1859 г.:

„Вы не перестаете радовать меня на каждомъ шагу, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Занятіе Таузеня и, вѣроятно, уже и Алистанжи открыло вамъ непреложныя соображенія, съ которыми я не только вполнѣ соглашаюсь, но которымъ я съ радостію сочувствую и вижу въ нихъ самые положительные залоги

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 60.

къ осуществленію нашей надежды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что все вновь предположенное можетъ только осуществиться съ занятіемъ Веденя и съ устройствомъ отъ нашей линіи туда хорошаго колеснаго сообщенія. Вотъ задача, которую слѣдуетъ рѣшить до начала апрѣля нынѣшняго года, покуда лѣса не одѣнутся листомъ. Само собою разумѣется, что я не вижу надобности давать вамъ въ исполненіи этого предпріятія указанія: ваша опытность служитъ мнѣ лучшимъ ручательствомъ во всякаго рода успѣхѣ; но я предлагаю вамъ, если для исполненія моего желанія вамъ недостаетъ какихъ либо средствъ, то просите, чего вамъ нужно, и я поспѣшу исполнить вашу просьбу.

„Настала та минута для васъ, почтеннѣйшій и многоуважаемый Николай Ивановичъ, когда однимъ ударомъ вы дорѣшите великій вопросъ къ совершенному умиротворенію Чечни и съ тѣмъ вмѣстѣ положите начало къ покоренію Дагестана. Возвышая ваше имя, вы вмѣстѣ съ тѣмъ дадите мнѣ утѣшительный для моего сердца случай—утвердить въ мысляхъ великаго государя нашего то высокое понятіе, которое я имѣю о васъ.

„Въ ожиданіи скораго отвѣта обнимаю васъ дружески и со всею теплотою сердечнаго моего расположенія къ вамъ. Благословляю васъ на грядущія ваши побѣды и посылаю въ распоряженіе ваше 50 Георгіевскихъ крестовъ, которыми вы, по усмотрѣнію и на мѣстѣ, наградите сотрудниковъ вашихъ, когда они совершатъ ожидаемый мною подвигъ, а вождя ихъ наградитъ достойно царь“ [1]).

„Содержаніе почтеннѣйшаго письма вашего с—ва, отъ 26-го января—такъ отвѣчалъ Николай Ивановичъ—до того милостиво и лестно для меня, что я не умѣю выразить достойнымъ образомъ моей благодарности. Я чувствую, что вниманіе ваше награждаетъ меня гораздо выше моихъ заслугъ, и боюсь того: достанетъ ли моихъ способностей, чтобы оправдать высокое обо мнѣ мнѣніе вашего с—ва. Смѣю лишь увѣрить васъ, что употреблю всѣ мои силы доказать вамъ мою преданность полнымъ, искреннимъ усердіемъ.

„Алистанжи въ нашихъ рукахъ. Дремучій лѣсъ, отдѣлявшій его отъ Таузеня, непріятель отдалъ почти безъ выстрѣла и въ

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 96.

срединѣ его стоятъ теперь главныя наши силы. Дня черезъ три или четыре лѣсъ исчезнетъ и я, съ Божьей помощью, двинусь къ Веденю, куда отступилъ Шамиль и тотчасъ же началъ отправлять всѣ свои пожитки въ Карату [1]). Сборы его велики, но видимо потеряли бодрость, и едва ли Шамиль успѣетъ возстановить упавшій духъ, чтобы отстаивать резиденцію имама [2])".

По занятіи Алистанжи, Н. И. Евдокимовъ, принимая во вниманіе чрезвычайные труды, понесенные его войсками въ предшествовавшее время, намѣревался дать своему отряду трехъ-дневный отдыхъ; по извѣстія, полученныя въ ночь съ 5-го на 6-е февраля, вызвали нѣкоторую перемѣну въ его намѣреніи. Лазутчики доносили, что Шамиль, для усиленія своего 12-ти тысячнаго скопища, вытребовалъ еще 6 тыс. человѣкъ, которые и должны прибыть на дняхъ. Состоявшій при Николаѣ Ивановичѣ, въ качествѣ переводчика и проводника, маіоръ милиціи Бата Шамурзаевъ выразилъ мнѣніе, что слѣдуетъ двинуться къ Веденю безотлагательно, дабы придти туда ранѣе ожидаемыхъ непріятелемъ подкрѣпленій, и что, кромѣ того, нужно послать особый отрядъ въ обходъ Веденя съ юга, съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы онъ прибылъ на назначенный ему пунктъ одновременно съ появленіемъ главныхъ силъ противъ сѣверной стороны аула.

Доводы Баты совпадали съ мыслями самого Н. И. Евдокимова. Онъ разсчитывалъ, что обходное движеніе, угрожая сообщеніямъ противника съ Андіею, заставитъ его обратить туда свое главное вниманіе и очистить прямую дорогу на Ведень, по которой предстояло идти главнымъ силамъ. Рѣшившись на этотъ маневръ, онъ, не отлагая дѣла въ долгій ящикъ, 6-го же числа вечеромъ приказалъ полк. Баженову двинуться, съ отрядомъ изъ $5^1/_2$ баталіоновъ, при сотнѣ казаковъ и 6-ти горныхъ орудіяхъ, къ Веденю, дальнимъ обходомъ черезъ горы.

Въ 8 ч. вечера полк. Баженовъ поднялся съ бивуака, а къ полуночи занялъ, безъ выстрѣла, правый берегъ Алистанжійскаго оврага, откуда сторожившіе его горцы еще заранѣе ушли въ сосѣдній лѣсъ. Дальнѣйшій путь по горамъ,

---

[1]) Карата—аулъ въ Андіи.

[2]) Арх. гр. Евдокимова, № 96. Письмо кн. Барятинскому отъ 31-го января 1859-го года.

по колѣно въ снѣгу, представлялъ неимовѣрныя трудности; однако, уже къ 8-ми часамъ утра 7-го февраля, головные два баталіона обходной колонны заняли вершину между двумя рукавами р. Хулхулау, надъ головами изумленныхъ защитниковъ Веденя. Непріятельскія партіи, занимавшія прямую дорогу отъ Алистанжи къ Веденю, немедленно отступили въ послѣдній аулъ, какъ только узнали о нашемъ обходномъ движеніи.

Хотя, такимъ образомъ, путь для наступленія нашихъ главныхъ силъ [1]) былъ очищенъ, но, за неимѣніемъ противника, самая мѣстность представила намъ такія препятствія, которыхъ, повидимому, и самъ Николай Ивановичъ не могъ себѣ представить и которыя заставили его пережить одинъ изъ самыхъ тревожныхъ дней его боевой жизни. Помимо частыхъ спусковъ и подъемовъ черезъ многочисленные балки, самая дорога (одноколейная), вслѣдствіе наступившей къ утру оттепели, обратилась въ рѣку глинистой грязи, въ которую повозки обоза и орудія уходили на полъ-аршина. Колонна страшно растянулась, такъ что въ полдень [2]), когда передовой отрядъ нашъ поднялся на гору, въ 3-хъ в. отъ Веденя, арьергардъ еще не трогался съ мѣста. Если бы непріятель, провѣдавъ о нашемъ затруднительномъ положеніи, воспользовался имъ и обрушился всѣми силами на отрядъ Баженова, мы не имѣли бы никакой возможности помочь ему. Мысль объ этомъ страшно тревожила Н. И. Евдокимова, и онъ, при наступленіи вечера, отправилъ къ Баженову шестерыхъ гонцевъ, одного за другимъ, съ приказаніемъ немедленно отступать. Къ счастію, опасенія его не оправдались [3]).

По мѣрѣ прибытія войскъ и обозовъ, они располагались на бивуакѣ, около оставленнаго аула Джантемиръ-Юртъ. Хвостъ колонны подошелъ лишь въ 2 ч. ночи. Съ сосредоточеніемъ главныхъ силъ на новой позиціи, къ сѣверу отъ Веденя, начальникъ отряда немедленно озаботился вырубкою лѣса на пройденномъ нами пространствѣ и приведеніемъ дороги въ болѣе удоб-

---

[1]) 14 баталіоновъ, 8, слишкомъ, сотенъ казаковъ и милиція, 8 горн. орудій.

[2]) Войска главнаго отряда выступили съ позиціи въ 5 ч. утра (7-го числа).

[3]) Любопытныя подробности о томъ, какъ провелъ Н. И. Евдокимовъ день 7-го февраля и ночь съ 7-го на 8-е, находятся въ письмѣ графинѣ Евдокимовой, отъ бывшаго сподвижникомъ ея покойнаго супруга, ген. маіора Бѣлика, проживавшаго въ 1888 г. въ г. Грозномъ (бывшей крѣпости). (См. приложеніе а).

ное состояніе. Для этихъ работъ, кромѣ войскъ, оставленныхъ у Алистанжи, назначенъ былъ отрядъ Баженова, которому, по благополучномъ отступленіи съ занятой имъ позиціи, велѣно остановиться на оврагѣ Арджи-Ахкъ. Кромѣ того, для лучшаго обезпеченія лагеря главныхъ силъ и для болѣе точнаго ознакомленія съ окрестною мѣстностію, Н. И. Евдокимовъ приказалъ частью войскъ занять гребень высотъ праваго берега праваго притока р. Хулхулау, на которыхъ расположились отступившія изъ Хулхулаускаго ущелья партіи Даніэль-Султана. Предпріятіе это было исполнено 8-го числа, послѣ горячей схватки съ противникомъ, стоившей намъ 3-хъ офицеровъ и 36-ти нижн. чин., выбывшихъ изъ строя. Занятіе названныхъ высотъ лишило непріятеля возможности тревожить лагерь огнемъ артиллеріи и прерывало прямое сообщеніе Веденя съ дальними ичкеринскими аулами.

О томъ, какъ заинтересовано было наше высшее начальство, въ Тифлисѣ, послѣдними дѣйствіями Чеченскаго отряда и съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ за ними слѣдило, свидѣтельствуютъ нижеслѣдующіе документы:

Въ письмѣ отъ 10-го февраля, начальникъ главнаго штаба кавказской арміи, между прочимъ, говоритъ: „Послѣ послѣднихъ вашихъ писемъ, по занятіи Алистанжи, главнокомандующій ожидаетъ новыхъ отъ васъ извѣстій съ особеннымъ нетерпѣніемъ. Ваше п—во сами можете судить, какъ занимаетъ князя Александра Ивановича мысль о настоящемъ вашемъ рѣшительномъ предпріятіи и какъ радуется онъ впередъ, надѣясь вскорѣ торжествовать громкій подвигъ, которымъ увѣнчаются ваши двухлѣтніе неимовѣрные труды [1]“.

„Опять спѣшу благодарить васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, за ваше успѣшное дѣйствіе (такъ пишетъ уже самъ кн. Барятинскій, 13-го февраля). Да благословитъ васъ Господь въ славномъ предпріятіи вашемъ. День и ночь буду ждать извѣстій, и мысленно постоянно, во снѣ и на яву, нахожусь съ вами. Разрѣшаю вамъ наградить храбрыхъ солдатъ, за прошедшія дѣла, высланными вамъ 50-ю крестами. Посылаю еще сегодня сто

[1] Арх. гр. Евдокимова, № 50.

крестовъ въ запасъ, для раздачи по предстоящимъ вамъ подвигамъ. Обнимаю васъ дружески [1])".

Въ тотъ же день, 13 февраля, начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи отправлено было къ Н. И. Евдокимову письмо слѣдующаго содержанія:

„Адъютантъ г. главнокомандующаго, шт.-капит. кн. Орбельянъ, привезъ вчера пріятное извѣстіе о благополучномъ движеніи вашемъ до самаго Веденя. Дай вамъ Богъ докончить эту блестящую экспедицію счастливымъ и конечнымъ ударомъ; дай Богъ, чтобы не слишкомъ долго протянулась „осада", къ которой вы готовитесь.

„Хотя главнокомандующій и не теряетъ надежды, что непріятель не будетъ долго и упорно защищаться въ Веденѣ, однако же, на всякій случай приказалъ сдѣлать два распоряженія, согласно съ вашими желаніями: 1) ген.-ад. барону Врангелю положительно предписано княземъ Александромъ Ивановичемъ немедленно собрать отрядъ въ Салатавіи и оттуда произвести движеніе къ Ауху, не по собственному соображенію, но такъ, чтобы встревожить сколь можно непокорное населеніе того края и отвлечь отъ Веденя силы непріятеля. 2) Начальнику артиллеріи приказано со всею поспѣшностію отправить къ вамъ двѣ мѣдныя 2 пуд. мортиры»... и т. д. (слѣдуютъ соображенія по артиллерійской части)...

„Великая минута настала для лѣваго крыла и для всего Кавказа. На васъ устремлено теперь всеобщее вниманіе. Если нужна еще въ чемъ нибудь помощь,—напишите скорѣе и все будетъ исполнено безъ замедленія.

„Барону Врангелю предписано главнокомандующимъ войдти въ прямыя съ вами сношенія, чтобы содѣйствовать всѣми силами войскамъ Лѣваго крыла и не прекращать сбора отряда въ Салатавіи, пока вы не нанесете окончательнаго удара [2])".

Н. И. Евдокимову, конечно, не менѣе тифлисскаго начальства желательно было скорѣе покончить съ Веденемъ; но ему, поставленному лицомъ къ лицу съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ, приходилось вооружиться терпѣніемъ. Мы знаемъ, что онъ

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 96.
[2]) Арх. гр. Евдокимова, № 50.

постоянно держался правила: не увлекаться впередъ, не обезпечивъ своего тыла и сообщеній. Въ настоящемъ случаѣ, принципъ этотъ являлся особенно важнымъ: операціонная линія наша значительно удлинялась, а между тѣмъ имѣлись въ виду значительные подвозы не только продовольственныхъ припасовъ, но и осаднаго матеріала; а потому, помимо всего прочаго, надо было обратить особенное вниманіе на устройство удобной дороги,—чему почва, мѣстность, да и погода постоянно мѣшали.

Еще 19-го февраля онъ, на письмо генер. Д. А. Милютина, отъ 10-го числа (см. выше), отвѣчалъ слѣдующее:

„По прибытіи къ Веденю я писалъ г. главнокомандующему, что дней черезъ 10 можно будетъ приступить къ осадѣ. Я ошибся въ этомъ: бездорожное пространство, изрытое балками и покрытое лѣсомъ, потребовало больше времени. До сей поры мы успѣли прорубить только лѣсъ и сдѣлать половину дороги. Необходима, по крайней мѣрѣ, еще недѣля, чтобы положительно упрочить наше сообщеніе, лежавшее до сего времени тяжелымъ грузомъ на нашемъ сердцѣ.

„Впрочемъ, по моему мнѣнію, намъ нѣтъ и нужды особенно торопиться. Мы заняли пунктъ, гдѣ должно утвердиться во что бы то ни стало; а непріятель дѣлаетъ большую ошибку, что, удерживая силы свои на защиту безполезнаго уже ему мѣста, отнимаетъ у себя же средства устроить сильныя преграды для дальнѣйшихъ нашихъ наступленій, при которыхъ ему придется бѣжать отсюда неизбѣжно.

„Не лишайте меня тѣхъ средствъ, которыя имѣются въ настоящее время, а именно: оставьте въ моемъ распоряженіи баталіоны Бѣлевскаго полка, покуда подойдутъ головные баталіоны резервной дивизіи. Вы сами знаете, какъ много мнѣ предстоитъ теперь работы. Въ народной молвѣ горцевъ появились толки: принять ли Шамиля, если онъ не удержится въ Чечнѣ? Болѣе всего говорятъ объ этомъ въ Аваріи,—что̀, безъ сомнѣнія, и вынуждаетъ Шамиля держаться здѣсь до послѣдней крайности. Всѣ силы горцевъ здѣсь, а потому необходимо и для меня не имѣть въ нихъ недостатка.

„10-го числа депутація изъ почетныхъ горцевъ убѣдила Шамиля выѣхать изъ Веденя. Шамиль принялъ предложеніе и живетъ теперь въ Эрсеноѣ; въ Веденѣ остается сынъ его, Кази-Магома.

„Наступившая оттепель сильно вредитъ нашимъ подвозамъ; грязь невыразимая; но, съ Божіею помощію, постараемся одолѣть всѣ эти препятствія [1])“.

По полученіи этого письма генер. Милютинъ немедленно отвѣчалъ Н. И. Евдокимову слѣдующее:

„Получивъ сейчасъ съ курьеромъ письмо ваше отъ 19-го февраля, поспѣшаю увѣдомить ваше п—во, что г. главнокомандующій не только согласенъ оставить еще на нѣкоторое время въ распоряженіи вашемъ баталіоны Бѣлевскаго пѣхотнаго полка, но поручилъ мнѣ повторить вамъ, что его с—во готовъ доставить вамъ всѣ средства, какія только могутъ быть нужны и которыя состоятъ въ его распоряженіи, о чемъ князь Александръ Ивановичъ самъ писалъ уже въ одномъ изъ своихъ писемъ къ вашему п—ву. Его с—во считаетъ такъ важнымъ рѣшительный ударъ, который предстоитъ вамъ нанести въ Чечнѣ, что не будетъ жалѣть никакихъ пожертвованій для облегченія успѣха, особенно, если бы можно было надѣяться однимъ разомъ произвести сильный нравственный переворотъ въ умахъ горскаго населенія [2])“.

Не смотря на единодушныя старанія старшихъ и младшихъ начальниковъ, не смотря на напряженные труды солдатъ,—дѣйствіе непосредственно противъ Веденя оттянулось долѣе половины марта. Безпрерывное ненастье заставляло иногда совершенно прерывать работы по устройству колесной дороги между Алистанжи и Джантемиръ-Юртомъ, гдѣ расположенъ былъ нашъ главный лагерь; не представлялось никакой возможности подвозить необходимую для осады артиллерію; даже доставка продовольствія сдѣлалась крайне затруднительною. Кромѣ того являлись заботы по охраненію сѣверной части нашей операціонной линіи (до Шалинскаго укрѣпленія) отъ всякихъ враждебныхъ покушеній со стороны Шамиля, содѣйствовать переселенію новыхъ выходцевъ изъ Черныхъ горъ на плоскость, и т. п. Все это вызывало массу хлопотъ, требовало много времени,—и безъ всего этого, какъ безъ прочной основы для будущихъ дѣйствій, обой-

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 50.

[2]) Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо ген. Д. А. Милютина отъ 25-го февраля 1859 года.

тись было невозможно. Это, впрочемъ, хорошо сознавалъ и самъ кн. Барятинскій: ему было извѣстно, что начальникъ лѣваго крыла даромъ и безъ цѣли времени терять не станетъ; къ тому же, и изъ донесеній Николая Ивановича онъ могъ заключать, сколь цѣлесообразны были всѣ его мѣропріятія.

„Сообщаемыя вами извѣстія—писалъ Н. И. Евдокимову ген. Милютинъ—радуютъ князя Александра Ивановича. Каждый новый фактъ служитъ какъ бы новымъ, торжественнымъ подтвержденіемъ непогрѣшимости и прочности принятой вами системы движеній. Успѣхи ваши должны болѣе и болѣе укрѣплять насъ въ намѣреніи и на будущее время продолжать дѣйствовать столь же основательно и методически, не дѣлая ни одного шага на авось [1])“.

Работы, производившіяся Чеченскимъ отрядомъ въ февралѣ и первой половинѣ марта, не ограничивались рубкою лѣса и устройствомъ дороги на Алистанжи. Такъ, имѣя въ виду отрѣзать прямое сообщеніе Веденя съ Чарбелоевскимъ обществомъ, откуда начались подвозы въ эту крѣпость провіанта и фуража, Н. И. Евдокимовъ, 23-го февраля, приказалъ возвести два отдѣльные редута на высотахъ, лежащихъ къ западу отъ Веденя; кромѣ того, на гребнѣ горы Дегенъ-Дукъ устроены были нами засѣки; а 10-го марта, подъ выстрѣлами изъ непріятельскихъ редутовъ, заложено было, на правомъ берегу лѣваго притока Хулхулау, новое укрѣпленіе, верстахъ въ $1^1/_2$ ниже Веденя. Въ виду безповоротной рѣшимости нашей—стать твердою ногою на занятомъ пространствѣ, укрѣпленіе это должно было служить основою для будущей штабъ-квартиры Куринскаго пѣхотнаго полка.

Непріятель, съ своей стороны, за все это время, проявлялъ весьма мало дѣятельности въ наступательномъ смыслѣ. Двукратныя покушенія его овладѣть вышеупомянутыми засѣками (въ ночи съ 10-го на 11-е и съ 12-го на 13-е марта) кончились полнымъ неуспѣхомъ.

Къ 15-му марта, дорога до Алистанжи оказалась уже настолько разработанною, что Н. И. Евдокимовъ счелъ своевременнымъ начать дѣйствія непосредственно противъ резиденціи имама.

---

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо ген. Милютина отъ 7-го марта 1859 г.

Укрѣпленный аулъ Ведень, гдѣ въ послѣднія 14 лѣтъ постоянно пребывалъ Шамиль, лежитъ между двумя рукавами Хулхулау, при выходѣ этой рѣки изъ лѣсистаго, почти неприступнаго ущелья. Западная и восточная стороны аула, огражденныя отвѣсными обрывами овраговъ, укрѣплены были, сверхъ того, брустверами изъ плетней и туровъ, засыпанныхъ землею,—мѣстами же устроены палисады. Сѣверная сторона, обращенная къ веденской полянѣ, была прикрыта двумя толстыми параллельными валами изъ глины, въ разстояніи 3—5 шаговъ одинъ отъ другаго; наружный валъ, одѣтый плетнемъ, увѣнчивался двумя рядами туровъ; промежутокъ между валами блиндированъ бревенчатою настилкою, устланною фашинами въ 7 рядовъ и сверху засыпанною землею. На сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ углахъ возвышались туръ-бастіоны, фланкировавшіе ровъ передняго фаса и овраги. Въ разстояніи 40—50 саж. отъ сѣвернаго фаса узкое пространство между оврагами было перерѣзано широкимъ и глубокимъ рвомъ, который фланкировался съ особаго редута. Съ юго-западной стороны аула тянется гребень высотъ, постепенно понижающійся отъ вершины горы Леня-Кортъ и отдѣленный отъ аула оврагомъ. Гребень этотъ былъ занятъ шестью отдѣльными редутами весьма сильныхъ профилей и вмѣщавшихъ, каждый, по 500—600 чел. гарнизона; редуты эти, кромѣ того, связывались между собою промежуточными постройками. Сильнѣйшимъ изъ всѣхъ редутовъ былъ нижній, лежавшій на одномъ уровнѣ съ сѣвернымъ фасомъ Веденя. Онъ занятъ былъ андійскимъ ополченіемъ (а потому и названъ нами „андійскимъ“), состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ, неправильныхъ, глиняныхъ фортовъ, окруженныхъ широкими и глубокими рвами; внутри фортовъ были устроены блиндажи.

По самымъ умѣреннымъ показаніямъ, Кази-Магома и 14 наибовъ, защищавшихъ Ведень, имѣли въ сборѣ слишкомъ 7 тыс. чел. тавлинцевъ, изъ коихъ половина составляла гарнизонъ аула, а другая была распредѣлена по редутамъ [1]).

Ключемъ непріятельской позиціи былъ Андійскій редутъ, съ потерею котораго нельзя было успѣшно держаться въ аулѣ. Съ другой стороны, осаждающія войска, занявъ его, получали воз-

---

[1]) В.-уч. арх., отд. II, № 6607 д.

можность расположиться болѣе сосредоточенно и отдѣлить особую колонну для занятія горы Леня-Кортъ, чѣмъ отрѣзывали бы непріятелю единственное, остававшееся для него свободнымъ, сообщеніе съ Андіею. Въ виду такихъ соображеній, первою задачею въ предпринимаемой осадѣ, Н. И. Евдокимовъ поставилъ овладѣніе Андійскимъ редутомъ. Вообще же, для обложенія и осады Веденя, имъ назначено было $13^1/_2$ баталіоновъ, раздѣленныхъ на три осадныхъ и двѣ резервныхъ колонны, подъ общимъ начальствомъ ген.-маіора Кемпферта.

Въ ночь съ 16-го на 17-е марта поручено было маіору Гейману [1]), съ двумя ротами кабардинцевъ и одною 20-го стрѣлковаго баталіона, осмотрѣть оврагъ лѣваго притока Хулхулау, противъ самаго Веденя, а также мѣстность, прилегавшую къ передовому непріятельскому редуту. Порученіе это было исполнено успѣшно и необходимыя свѣдѣнія добыты.

17-го числа, по приказанію Н. И. Евдокимова, полк. Баженовъ заложилъ редутъ на лѣвомъ берегу праваго притока Хулхулау, въ 450 саженяхъ отъ передоваго непріятельскаго редута.

Въ ночь съ 17-го на 18-е число правая колонна (3 бат. подъ начальствомъ флигель-адъютанта полк. Черткова) была направлена для обложенія Веденя съ западной стороны, и въ ту-же ночь начала вести траншеи, приближаясь къ оврагу.

Средней колоннѣ ($2^1/_2$ бат., подъ начальствомъ генер.-маіора бар. Розена) велѣно было подойти на возможно близкое разстояніе къ Андійскому редуту, съ фронта, и заложить противъ него брешь-батарею.

Лѣвой колоннѣ (4 батал. и 4 ор., подъ начальствомъ ген.-маіора Ганецкаго) назначено было обложить Ведень съ восточной стороны и отрѣзать непріятелю ближайшія и лучшія дороги въ Ичкерію и Андію. Крутизна восточной покатости хребта, на которомъ были расположены непріятельскіе редуты, не позволяли съ этой стороны производить траншейныя работы и заложить батареи.

Резервы были поставлены: въ оврагѣ лѣваго притока Хулхулау (2 бат.) и на развалинахъ аула Дыхны-Ведень (тоже 2 бат.).

---

[1]) Впослѣдствіи ген.-отъ-инфантеріи, извѣстный своими дѣйствіями въ Аз. Турціи, въ войну 1877—78 гг., и умершій отъ тифа, подъ Эрзерумомъ.

26-го марта войска полк. Черткова довели свои траншеи на разстояніе 50 шаговъ отъ оврага, ограждавшаго Ведень съ запада; а 27-го устроили двѣ батареи: одну на 6 орудій, а другую, позади, на 2 полупудовыя мортиры.

Въ колоннѣ бар. Розена траншейныя работы начались въ ночь съ 22-го на 23-е марта, а къ 31-му числу устроены были 4 батареи, вооруженныя 8-ю батарейными орудіями, 1-мъ единорогомъ и 6-ю мортирами разныхъ калибровъ.

Колонна ген.-маіора Ганецкаго, занявъ 22-го числа, опредѣленное ей мѣсто (при выходѣ праваго притока Хулхулау изъ Хорачаевскаго ущелья), устроила, для обезпеченія своего лагеря, нѣсколько засѣкъ и вырубила около себя лѣсъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Непріятельскія партіи пытались два раза напасть на нашихъ рабочихъ, но были отбиты.

Въ ночь съ 30-го на 31-е марта охотники Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ своего безстрашнаго командира, подпоручика Коленко, подползали къ самому Андійскому редуту и не только ознакомились съ расположеніемъ его построекъ, но даже успѣли измѣрить глубину и ширину рва.

Такимъ образомъ, 31-го марта, всѣ осадныя работы были окончены, всѣ батареи вооружены, оставалось приступить къ развязкѣ дѣла.

1-го апрѣля, въ 6 час. утра, открытъ былъ артилерійскій огонь противъ Андійскаго редута, а къ 1 ч. пополудни въ главной постройкѣ его пробита брешь; но Н. И. Евдокимовъ, еще не считая штурмъ достаточно подготовленнымъ, велѣлъ продолжать канонаду до 6-ти ч. вечера, дабы окончательно разгромить противника и поставить его въ невозможность защищать свое укрѣпленіе. Тутъ снова обнаружилась его нелюбовь къ напрасному пролитію крови своихъ храбрыхъ солдатъ.

Во время бомбардированія непріятельской твердыни, на вершинѣ горы Леня-Кортъ показались, около 1 ч. пополудни, толпы непріятельской конницы и пѣхоты. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ Шамиль, пріѣзжавшій изъ Эрсеноя. Въ послѣдній разъ пришлось ему взглянуть на свое гнѣздо! Съ полъ-часа наблюдалъ онъ за дѣйствіемъ нашего артилерійскаго огня; потомъ спустилъ пѣхоту въ Ведень, а самъ, съ конницею, удалился.

Въ 6 ч. вечера, по данному сигналу, всѣ батареи обратили

свой огонь противъ аула, а три баталіона, подъ начальствомъ полк. Баженова, двинулись на штурмъ Андійскаго редута; въ резервѣ за ними шло еще два баталіона. Непріятельское укрѣпленіе, въ которое было брошено болѣе 1,000 ядеръ, гранатъ и бомбъ, представляло собою уже груду развалинъ; тѣмъ не менѣе, уцѣлѣвшая часть защитниковъ его, укрываясь въ полуразрушенныхъ блиндажахъ, встрѣтила штурмующія войска огнемъ и почти вся погибла подъ штыками нашихъ солдатъ.

Одновременно съ началомъ штурма, Н. И. Евдокимовъ приказалъ полк. Черткову, взявъ баталіонъ и 2 горныхъ орудія, показать видъ движенія въ ущелье лѣваго притока Хулхулау. Согласно ожиданіямъ начальника нашего, эта демонстрація произвела самое рѣшительное дѣйствіе. Защитники Веденя, опасаясь быть обойденными съ юга, подожгли ввѣренный ихъ защитѣ аулъ (начиная съ дома Шамиля) и бросились отступать по уступамъ горы Леня-Кортъ, скаты которой вскорѣ покрылись огнями множества костровъ, зажженныхъ уходившимъ непріятелемъ. Въ 10 ч. вечера ни въ аулѣ, ни въ редутахъ не осталось ни одного противника. Важный успѣхъ этотъ достался намъ—благодаря выдержкѣ начальника—невѣроятно дешево: убито 2 рядовыхъ, ранено: 1 оберъ-офицеръ (флигель-адъютантъ баронъ Корфъ [1]), пулею въ ногу) и 23 чел. нижнихъ чиновъ.

Съ занятіемъ Веденя окончательно утверждено было завоеваніе всего края по сѣверному склону Андійскаго хребта. Оглянувшись назадъ и возобновивъ въ своей памяти все, что было сдѣлано войсками Лѣваго крыла за послѣдніе 3 года, нельзя было не проникнуться къ нимъ полнымъ уваженіемъ. Кн. Барятинскій цѣнилъ ихъ по достоинству и, 6-го апрѣля, привѣтствовалъ ихъ слѣдующимъ приказомъ:

„Войскамъ Лѣваго крыла.

„Господь Богъ за великіе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдою: неодолимыя доселѣ преграды пали, Ведень взятъ и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ Великаго Государя“.

---

[1]) Нынѣ (1889) генер.-адъютантъ и ген.-губернаторъ Приамурскаго края.

„Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его!“

На другой же день кн. Барятинскій написалъ виновнику торжества слѣдующее письмо:

— „Дайте обнять и крѣпко прижать васъ къ моему сердцу, почтенный Николай Ивановичъ. Тифлисъ наполненъ радостными восклицаніями, пушки второй день гремятъ, и ваше имя въ устахъ каждаго. Великій день былъ для меня вчерашній, когда графъ Ферзенъ объявилъ мнѣ о взятіи Веденя. Онъ ѣдетъ сегодня съ донесеніемъ къ Государю Императору, благоусмотрѣнію и щедротамъ котораго я повергаю достойно наградить доблести вождя и славнаго его отряда. Сегодня на разводѣ, послѣ большаго молебствія въ соборѣ, войска кричали ура! генералу Евдокимову и Чеченскому отряду. Посылаю вамъ еще 200 знаковъ отличія для храбрыхъ воиновъ вашихъ. Полк. Тромповскій передастъ вамъ мое воззваніе войскамъ Лѣваго крыла. Поблагодарите ихъ еще сердечно за меня. Обнимаю васъ дружески [1]“.

Выходящія изъ ряду вонъ заслуги Н. И. Евдокимова увѣнчаны были и особенно высокими наградами. Взятіе Веденя доставило ему орденъ св. Георгія 3-й степени, а за долговременную и доблестную боевую службу его онъ возведенъ въ графское достоинство. Императоръ Александръ II, въ самый день рожденія Своего, подписалъ слѣдующій рескриптъ на имя начальника Лѣваго крыла Кавказской линіи:

— „Графъ Николай Ивановичъ. Двухлѣтніе безпримѣрные труды храбрыхъ войскъ Лѣваго крыла Кавказской линіи побѣдоносно увѣнчались взятіемъ сильно укрѣпленнаго аула Веденя. Овладѣніе этимъ мѣстомъ, которое, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, было пребываніемъ главнаго предводителя непокорныхъ намъ горскихъ племенъ, упрочиваетъ пріобрѣтенные оружіемъ нашимъ успѣхи во вновь завоеванной странѣ,—и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была доселѣ главная опора враждебной намъ силы, воздвигается нынѣ штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка. Относя столь отличное выполненіе, предводительствуемыми вами войсками, предначертанной для нихъ цѣли военныхъ дѣйствій, къ боевой вашей опытности и превосходной воинской распорядительности, — я

[1]) Арх. гр. Евдокимова, № 96.

пожаловалъ васъ, указомъ сего числа капитулу орденовъ даннымъ, за взятіе Веденя, кавалеромъ ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія третьей степени, и въ воздаяніе долговременной отличной боевой службы вашей на Кавказѣ и важныхъ воинскихъ заслугъ, сему краю оказанныхъ, возвелъ васъ, указомъ сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, въ графское Россійской Имперіи достоинство, съ нисходящимъ потомствомъ. Пребываю къ вамъ навседа благосклоннымъ и искренно доброжелательнымъ.

Александръ".

«17-го апрѣля 1859 г. С.-Петербургъ».

Такимъ-то образомъ сынъ темнаго армейскаго солдата, не имѣвшій никакихъ сильныхъ связей, достигъ одного изъ высшихъ почетныхъ званій въ государствѣ. Зависть и недоброжелательство должны были смолкнуть предъ неотразимою силою фактовъ, обратившихъ на Николая Ивановича вполнѣ благосклонное вниманіе Государя Императора [1]. Кн. А. И. Барятинскій могъ гордиться прозорливостью, выказанною имъ въ выборѣ исполнителя своихъ предначертаній. Труды всѣхъ чиновъ Чеченскаго отряда существенно способствовали къ возвеличенію славы самого главнокомандующаго, и, конечно, онъ болѣе, чѣмъ кто нибудь, былъ радъ передать имъ Царское „спасибо" въ слѣдующемъ воззваніи:

„Кавказскія войска!

„Возвѣщаю вамъ новую радость: Государь Императоръ, въ Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ ко мнѣ, благодаритъ васъ за взятіе Веденя. Передаю вамъ собственныя выраженія Его Величества:

---

[1]) Благосклонность эта обнаружилась еще до полученія Государемъ извѣстія о взятіи Веденя. Такъ, въ письмѣ Зотову отъ Д. А. Милютина, послѣдній, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «Главнокомандующій получилъ на дняхъ письмо отъ государя, въ отвѣтъ на первое увѣдомленіе о подступѣ къ Веденю. Государь изволитъ отзываться въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о генералѣ Евдокимовѣ, выражаетъ большія надежды на взятіе Веденя и цѣнитъ вполнѣ великія заслуги какъ самого Николая Ивановича, такъ и сотрудниковъ его и войскъ». (Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо Д. А. Милютина П. Д. Зотову отъ 15 апрѣля 1859 г.).

«Скажи моимъ кавказскимъ молодцамъ, что они лучшаго подарка не могли мнѣ сдѣлать на день моего рожденія, что я ими горжусь за новый подвигъ, которымъ они себя ознаменовали въ самыхъ нѣдрахъ нашихъ враговъ».

Примите, храбрыя войска, сердечное мое поздравленіе [1])".

Препровождая высочайшій рескриптъ начальнику Лѣваго крыла, кн. Барятинскій писалъ ему:

„Какъ радостно для меня, любезнѣйшій графъ Николай Ивановичъ, называть васъ титуломъ, Всемилостивѣйше пожалованнымъ милостію царскою за заслуги ваши. Не хочу лишать фельдъегеря, привезшаго вамъ рескриптъ и Георгіевскій крестъ,— вручить ихъ вамъ лично; но вмѣстѣ съ тѣмъ я посылаю къ вамъ сына родной сестры моей, чтобы васъ сердечно поздравить отъ меня. Онъ вручитъ вамъ и милостивыя слова государя къ войскамъ, вспомоществовавшимъ въ великомъ подвигѣ вашемъ [2])".

Прошелъ почти мѣсяцъ со дня взятія Веденя, пока извѣстія о милостяхъ Царскихъ дошли къ войскамъ Чеченскаго отряда и ихъ доблестному начальнику. Во все это время они не отдыхали на лаврахъ, но продолжали трудиться надъ окончательнымъ искорененіемъ враждебнаго элемента во всѣхъ уголкахъ Большой Чечни, гдѣ онъ еще гнѣздился.

Пять дней ушло на разрушеніе воздвигнутыхъ непріятелемъ укрѣпленій. Затѣмъ, начальникъ отряда предполагалъ двинуться далѣе, въ глубь Ичкеріи, съ цѣлью полнаго умиротворенія этой страны, куда, послѣ взятія Веденя, отступили партіи тавлинцевъ. Неимѣніе въ горахъ подножнаго корма и крайняя затруднительность въ подвозѣ продовольствія заставили его, однако, отказаться отъ этого намѣренія. Онъ рѣшился, напротивъ того, спустить большую часть Чеченскаго отряда на плоскость; въ Веденѣ же и окрестностяхъ онаго оставлено было семь съ небольшимъ баталіоновъ, при 6-ти орудіяхъ. Кромѣ того, два баталіона отправлено было въ Аргунское ущелье, въ распоряженіе полк. Кауфмана, который, въ это время, долженъ былъ поддерживать разныя верхне-аргунскія общества, возставшія противъ власти Шамиля и заявившія покорность русскому пра-

---

[1]) Приказъ по Кавк. арміи, 29-го апр. 1859 г.

[2]) Арх. гр. Евдокимова, № 96.—Письмо кн. Барятинскаго отъ 29 апрѣля.

вительству. Самъ Николай Ивановичъ, изнуренный чрезвычайными трудами послѣдняго времени, захворалъ; долженъ былъ временно оставить свои войска и даже не могъ прибыть въ Тифлисъ, куда приглашалъ его главнокомандующій.

Съ 11-го апрѣля по 6-е мая 1859 г. войска Чеченскаго отряда, спущенныя на плоскость Большой Чечни и ввѣренныя начальству ген.-маіора Кемпферта, частію прикрывали переселеніе мѣстныхъ жителей, частью же рубили просѣку, прокладывая дорогу отъ Хоби-Шавдона къ Веденю; на встрѣчу имъ, направляясь на аулъ Эрсеной, рубили лѣсъ войска изъ отряда, оставленнаго въ Веденѣ. Подобными же работами заняты были и войска полк. Кауфмана.

Такимъ образомъ, въ началѣ мая можно было считать, что все населеніе отъ Аргуна до р. Аксая окончательно намъ покорилось, за исключеніемъ лишь части Ичкеріи,—дни которой, впрочемъ, тоже уже были сочтены.

9-го мая депутація отъ жителей ичкеринскихъ ауловъ: Белетли, Саясанъ, Алерой, Шуаны и Гурдали, явились къ ген. Кемпферту, съ изъявленіемъ покорности и просьбою о помощи противъ Кази-Магомы, который, появившись въ Ичкеріи съ крупною партіею тавлинцевъ, требовалъ выдачи аманатовъ. Согласно заявленной ему просьбѣ, ген. Кемпфертъ, 10-го числа, двинулся къ Гурдали и заставилъ тавлинцевъ, завязавшихъ было перестрѣлку съ мѣстными жителями, удалиться въ Дарго. Вслѣдъ затѣмъ началась рубка просѣки до горы Кетишъ-Кортъ, которая была занята 12-го числа и куда направлены были, съ другой стороны, части войскъ, занимавшихъ Эрсеной. Теперь всѣ остальные ичкеринскіе аулы тоже поспѣшили заявить покорность. Кази-Магома, съ своими тавлинцами, ушелъ въ Андію. Недоступная доселѣ Ичкерія, столь обильно политая русскою кровью, могла считаться окончательно умиротворенною, и только въ лѣсахъ, окружавшихъ аулъ Беной, рыскали кое гдѣ шайки отчаянныхъ абрековъ, не надѣявшихся на помилованіе.

Покореніе Ичкеріи и одновременное съ нимъ движеніе Дагестанскаго отряда на аулъ Алмакъ оказали благопріятное для насъ вліяніе и на остальную часть ауховскаго общества, скитавшуюся въ лѣсахъ, по верховьямъ рѣкъ Яманъ-Су и Акташъ.

Теперь она тоже заявила покорность и стала переселяться въ наши предѣлы.

Съ окончательнымъ утвержденіемъ нашимъ въ Черныхъ горахъ наступило время для дальнѣйшаго движенія въ Андію и Аварію, куда концентрически направлялись войска наши изъ Чечни, Дагестана и съ Лезгинской линіи. Самъ главнокомандующій рѣшилъ быть при Чеченскомъ отрядѣ, и 16-го іюня, находясь еще въ Петербургѣ (куда ѣздилъ послѣ взятія Веденя), писалъ гр. Евдокимову:

«19-го числа сего мѣсяца выѣзжаю я изъ Петербурга, чрезъ Таганрогъ и Ейскъ въ Грозную. Разрѣшаю вамъ встрѣтить меня тамъ, гдѣ, по обстоятельствамъ, вы найдете для себя это удобнѣйшимъ. При особенно спѣшныхъ вашихъ занятіяхъ къ приготовленію отряда не хочу отвлекать васъ слишкомъ далеко отъ центра вашей дѣятельности, слѣдовательно, находитесь тамъ, гдѣ прямая польза этого требуетъ.

«Я остался какъ нельзя болѣе доволенъ свиданіемъ моимъ съ Государемъ Императоромъ. Его величество весьма милостиво расположенъ къ вамъ и вполнѣ цѣнитъ ваши достоинства и службу... Я на словахъ передамъ вамъ весь нашъ разговоръ и лестныя выраженія его величества на вашъ счетъ, въ надеждѣ на будущее и милостивое его вниманіе къ вамъ. Вчера утвердилъ его величество проектъ вашего герба [1]), копію котораго я привезу вамъ, также и печать, которую прошу принять въ память отъ меня. Итакъ, до свиданія, любезнѣйшій графъ Николай Ивановичъ. Между 1-мъ и 5-мъ іюля я буду въ Грозной» [2]).

Еще до полученія этого письма оправившійся отъ болѣзни гр. Евдокимовъ, 20-го іюня, прибылъ въ Ведень и на другой же день, во главѣ 4-хъ баталіоновъ, при 4-хъ горн. орудіяхъ, двинулся вверхъ по Хорачаевскому ущелью на перевалъ черезъ Андійскій хребетъ. Сдѣлавъ рекогносцировку окрестной мѣстности, онъ оставилъ отрядъ у аула Хорочай, для разработки подъема въ гору. Остальныя части Чеченскаго отряда, сосредоточеннаго къ Веденю, усиленно занимались устройствомъ пути оттуда къ Андійскому хребту и, по мѣрѣ окончанія занятій, при-

---

[1]) Описаніе герба см. въ приложеніи № 2.

[2]) Арх. гр. Евдокимова, № 96.

соединялись къ передовой части, остававшейся у Хорачая и подчиненной ген.-маіору Кемпферту. Авангардъ этой части, ввѣренный начальству Баженова, выдвинутъ былъ на вершину хребта, къ урочищу Япи-Амъ. Сюда же, 13-го іюля, перешли и остальныя части Чеченскаго отряда, въ составѣ 12½ баталіоновъ, дивизіона драгунъ, 10-ти сотенъ казаковъ, 2-хъ сотенъ милиціи, 8-ми горныхъ орудій, 4-хъ полупудовыхъ мортиръ и 8-ми ракетныхъ станковъ.

14-го іюля прибылъ въ Чеченскій отрядъ главнокомандующій Кавказскою арміею. Съ его пріѣздомъ роль гр. Евдокимова, какъ самостоятельнаго дѣятеля, должна была временно прекратиться, но не подлежитъ сомнѣнію, что и при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ его совѣты, внушенные прирожденною практичностію, рѣдкою боевою опытностію и знаніемъ характера горцевъ, имѣли выдающееся значеніе для кн. Барятинскаго.

Въ заключеніе описанія блестящихъ дѣйствій гр. Евдокимова, въ концѣ 1850-хъ годовъ, считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь отзывы о Николаѣ Ивановичѣ двухъ лицъ, имѣвшихъ честь служить подъ его начальствомъ въ помянутую эпоху.

«О покойномъ графѣ (такъ пишетъ одинъ изъ бывшихъ его подчиненныхъ) солдаты говорили, что это—генералъ «незадорный, но кремень». Въ этихъ двухъ выраженіяхъ, дѣйствительно, заключалось все, что можно сказать о главныхъ качествахъ и особенностяхъ Николая Ивановича. Онъ употреблялъ всѣ ухищренія, чтобы обойти драку: отвлекалъ непріятеля, обманывалъ его ложными диверсіями, надувалъ имъ самимъ распространяемыми ложными же слухами; словомъ, вводилъ въ дѣло тѣ уловки, которыя иной, такъ называемый „бонтонный“, генералъ всегда бы призналъ нѣсколько унижающими его генеральское достоинство. Покойный же Евдокимовъ не считалъ униженіями и отвергалъ личныя достоинства тамъ, гдѣ дѣло шло, во первыхъ, о пользѣ государства, во вторыхъ, о спасеніи жизни десятковъ и сотенъ людей и въ третьихъ, гдѣ того и другаго, въ войнѣ съ народомъ исключительнымъ, нельзя достигнуть иначе, какъ жертвуя нерѣдко не только генеральскою бонтонностію, но даже, пожалуй, и личнымъ достоинствомъ.

„Оттого-то, при многихъ недостаткахъ, свойственныхъ человѣку, не воспользовавшемуся высшими идеями вѣка, заслуги

Евдокимова, какъ воина, какъ руководителя битвъ, были достойно оцѣнены и вполнѣ достойно награждены.

„При своей военной снаровкѣ, которая далась ему на Кавказѣ вслѣдствіе долгой и личной опытности и менѣе всего вслѣдствіе какого либо подражанія,—потому что Евдокимовъ былъ самъ представителемъ и родоначальникомъ особой школы—онъ, дѣйствительно, былъ генералъ незадорный. Бывало, сколько можно и кого можно—Шамиля или его наиба—надуетъ и двигается потихоньку впередъ, принимая бой лишь тамъ, гдѣ его избѣжать невозможно, гдѣ ужъ „некуда податься“, по кавказскому выраженію. Справился—и сѣлъ на этомъ мѣстѣ, потому что оно ему было нужно; но, разъ усѣвшись, утверждался уже такъ прочно, что четыре Шамиля съ двадцатью четырьмя Кази-Магомами не сдвинули бы его одной ноги съ занятой позиціи.[1])

Насколько мѣтокъ этотъ отзывъ—можно убѣдиться, сопоставляя его съ тѣмъ, что изложено въ предшествующихъ главахъ о дѣйствіяхъ Николая Ивановича тамъ, гдѣ дѣйствія эти могли быть имъ ведены болѣе или менѣе самостоятельно.

Другой старый кавказецъ, въ письмѣ своемъ къ вдовѣ бывшаго его начальника, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

„Первоначально объясню вамъ, графиня, нравственныя достоинства графа Николая Ивановича, изученныя мною за пять лѣтъ службы, изъ которыхъ четыре года неразлучно проведенные въ войнѣ въ Большой и Малой Чечнѣ и Ичкеріи. Такъ, напр., онъ обладалъ въ высшей степени добротою души; никогда онъ не сердился, никогда не кричалъ, не махалъ руками, не топалъ ногами, какъ это дѣлали многіе изъ его предмѣстниковъ на Лѣвомъ крылѣ; былъ доступенъ одинаково какъ для бѣднаго, такъ и богатаго. Приказанія отдавалъ всегда точно, ясно и безъ всякихъ недомыслій; въ войнѣ дѣлалъ распоряженія съ невозмутимымъ спокойствіемъ души, какъ бы сидя въ палаткѣ и куря трубку съ длиннаго чубука. Войну велъ по собственной инціативѣ, даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ онъ не прибѣгалъ къ чужимъ совѣтамъ. Успѣхами дѣлъ въ войнѣ никогда онъ не восторгался, а смотрѣлъ на то, какъ на дѣло обыкновенное. Донесенія дѣлалъ безъ всякихъ иллюстрацій — просто, ясно и

[1]) См. «Кавказскій Сборникъ», т. III, стр. 461.

коротко; замѣчательно, что во всѣхъ своихъ донесеніяхъ онъ старался избѣгать выраженія слова „я", а всегда относилъ успѣхъ дѣла къ достоинству войскъ и ихъ начальниковъ. Графъ быстрыми успѣхами своими въ войнѣ пріобрѣлъ много завистниковъ, а слѣдовательно и враговъ, которые вымышляли на графа всевозможныя небылицы, оскорблявшія достоинство графа, и эти небылицы, въ формѣ зла, доходили даже до Петербурга... Одинъ князь А. И. Барятинскій не допускалъ вѣроятія ко всѣмъ такимъ сплетнямъ, вѣрилъ графу безгранично и просилъ даже графа не возмущаться и презирать подобными сплетнями [1])".

И. И. Ореусъ.

Приложенія къ главѣ VI.

1.

Извлеченіе изъ письма генер. Бѣлика графинѣ Евдокимовой, 25 марта 1888 г.

«Окончивъ постройку укрѣпленія Таузень, на р. Бассѣ, и вырубивъ лѣсъ, сколько было воможно, по направленію къ Веденю (14 в.), графъ намѣренъ былъ дать войскамъ трехдневный отдыхъ, а потомъ идти къ Веденю. Такъ думалъ графъ 5-го февраля, а ночью съ 5-го на 6-е явились лазутчики съ такими свѣдѣніями: Шамиль, для усиленія своего отряда (12 т.), потребовалъ еще 6 т., которыя и ожидаются наднихъ. Свѣдѣніе такое ни чуть не повліяло на желаніе графа дать войскамъ отдыхъ, но состоявшій при графѣ переводчикъ, онъ же и вожакъ маіоръ Бата Шамурзаевъ [2]) убѣдилъ графа отложить отдыхъ и немедленно двинуться къ Веденю, дабы быть тамъ ранѣе прихода ожидаемыхъ Шамилемъ 6-ти тысячъ. Мало этого, онъ убѣдилъ графа, какъ необходимость, послать отрядъ войскъ въ тылъ Веденя, съ южной его стороны, т. е. на ту гору, у подошвы которой расположенъ Ведень, и съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы отрядъ тотъ явился на назначенномъ ему пунктѣ въ одно время съ главнымъ отрядомъ, долженствующимъ стать у Веденя съ сѣверной стороны. Теперь далѣе: имѣя въ виду, что отряду, слѣдующему въ обходъ, предстоитъ совершить путь очень трудный, на гору верстъ 7, по глубокому снѣгу, чрезъ балки и овраги,—графъ послалъ таной отрядъ съ генераломъ (полковникомъ) Баженовымъ въ 6 вечера, 6-го февраля, а самъ графъ съ главнымъ отрядомъ выступилъ 7-го февраля, въ 5 ч. утра.

---

[1]) Изъ письма ген. Бѣлика графинѣ Евдокимовой.

[2]) Онъ былъ прежде (1842) прапорщикъ милиціи; потомъ бѣжалъ къ Шамилю, гдѣ былъ долго наибомъ, а въ 1852 году явился къ намъ обратно и получилъ прощеніе.

Дорога была одноколейная и проходила между пеньками порубленнаго лѣса; снѣгъ лежалъ глубокій; ночной морозъ былъ 3°; до 9-ти часовъ утра обозъ кое-какъ тянулся, съ 9-ти повѣяло теплымъ вѣтромъ, солнце грѣло какъ весною, снѣгъ сталъ таять и образовалась по дорогѣ грязь глинистая, вязкая и глубокая на ½ аршина; въ 11 ч. вьюки еще тянулись кое-какъ, а колесный обозъ, пушки и лазаретныя фуры потребовали солдатской помощи, ибо лошади уже не везли. Я шелъ въ авангардѣ съ милиціею; за мною слѣдовалъ князь Д. Н. Мирскій съ двумя баталіонами кабардинцевъ и шесть пушекъ. Я поднялся на гору, изъ которой, на трехверстномъ разстояніи, красовался Ведень, расположенный на большой, чистой полянѣ между двухъ рѣчекъ, Хорочой-Хулхулау и Хулхулау; а на горѣ, надъ Веденемъ, на снѣжной бѣлизнѣ чернѣла небольшая точка—то былъ отрядъ Баженова.

Графъ подъѣхалъ ко мнѣ, слѣзъ съ лошади и, черезъ посредство зрительной трубы, долго смотрѣлъ на Ведень и всѣ окрестности его; потомъ поворотилъ трубу на укрѣпленіе Таузень и увидѣлъ, что арріергардъ еще и не трогался, а на часахъ было уже 12. Это обстоятельство сильно встревожило графа, который тутъ же рѣшилъ не продолжать наступленія, и послалъ объявить по всѣмъ частямъ войскъ, что ночлегъ назначается на оврагѣ Аржи-Ахкѣ; мнѣ же приказалъ остановиться на позиціи, занятой мною, до времени, пока не получу отъ него приказанія объ отступленіи; затѣмъ графъ сѣлъ на коня и уѣхалъ къ отряду, а чрезъ полчаса графъ снова подъѣхалъ ко мнѣ, съ переводчикомъ Батою, но уже сильно встревоженный. Бата говорилъ съ графомъ по татарски, и долго говорилъ. Потомъ графъ обратился ко мнѣ и въ полголоса сказалъ: «вы знаете, въ какомъ я положеніи нахожусь или, лучше сказать, въ какую западню попалъ благодаря своему довѣрію къ этому... (фамиліи не сказалъ)? Представьте себѣ такую картину: если я останусь на ночлегѣ при Арджи-Ахкѣ, то Шамиль можетъ обрушиться всѣми своими силами на отрядъ Баженова, какому я съ этого мѣста не могу оказать никакого содѣйствія; если же я двинусь къ Веденю, то я спасу отрядъ Баженова, но за то подвергаю нападенію, во время ночи, обозъ, который, судя по этой распутицѣ, долженъ слѣдовать всю ночь; прикрытія для него хотя и достаточно, но, слѣдуя ночью по одноколейной дорогѣ, онъ неизбѣжно долженъ растянуться на много верстъ, а потому войска для прикрытія его съ обѣихъ сторонъ окажется недостаточно».—Бата тутъ же стоялъ и, слыша всѣ слова графа, вновь началъ говорить съ графомъ, и долго говорилъ; послѣ чего графъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ мнѣ: «Садитесь на коня и продолжайте наступленіе».

«Садясь на коня, я посмотрѣлъ на часы, гдѣ было ½ 2-го. Начавъ движеніе по дорогѣ, лежавшей на полугорѣ, какая шла болѣе версты, потомъ круто повернула направо, подъ гору, по лѣсистой мѣстности, гдѣ идетъ она до самой р. Хулхулау зигзагами. На переправѣ черезъ эту рѣчку ко мнѣ подъѣхалъ графъ съ сотнею казаковъ. На часахъ было 3½ часа. Здѣсь, подождавъ подхода князя Мирскаго съ баталіонами, графъ приказалъ мнѣ двигаться далѣе, а за мною шла пѣхота. Подойдя къ Веденю на пушечный выстрѣлъ, изъ Веденя вывезли два орудія и начали стрѣлять; но кабардинскія стрѣлковыя роты мѣткими выстрѣлами прогнали тѣ пушки въ Ведень. Смерклось. Войска, по мѣрѣ прибытія, становились на мѣстахъ, указанныхъ имъ въ лагерѣ. Снѣгъ лежалъ глубокій, дровъ близко не было, а палатки находились далеко въ обозѣ; а потому солдаты ложились прямо на снѣгъ и спали крѣпкимъ сномъ. Графъ и часть отряднаго штаба помѣстились въ 4—5 сакляхъ, стоявшихъ на правомъ берегу р.

Хулхулау; въ одной изъ нихъ помѣстился графъ Николай Ивановичъ. Было уже 6 часовъ, когда графъ слѣзъ съ лошади, вошелъ въ саклю, сѣлъ на походное свое кресло и тяжело вздохнулъ. Онъ, видимо, былъ сильно утомленъ деннымъ трудомъ и тяжкими думами о положенiи отряда Баженова, къ которому, какъ только смерклось, то ту же минуту отправленъ былъ милицiонеръ съ запискою о немедленномъ его отступленiи; а въ виду той опасности, что посланный можетъ быть убитымъ, или въ плѣнъ взятымъ, то вслѣдъ за нимъ, и другимъ уже путемъ, былъ отправленъ другой нарочный съ дубликатомъ записки, черезъ 10 минутъ; потомъ—третiй, четвертый, пятый и шестой. И что замѣчательно, что изъ шести посланныхъ явились только 1-й и 4-й; а всѣ прочiе были побиты. Ночь была темная, а погода была тихая. Ровно въ 7 часовъ вечера послышался необыкновенный шумъ, слѣдовавшiй отъ сѣвера и сопровождавшiйся трескомъ, гуломъ, даже похожимъ на стонъ и грохотъ громовой. Всѣ въ лагерѣ обратили вниманiе на такое необыкновенное явленiе и съ чувствомъ страха ожидали развязки. Шумъ этотъ съ каждою минутою дѣлался яснѣе и яснѣе, и вдругъ на лагерь налетѣлъ ураганъ; козла ружей стали валиться, кони на коновязи—биться; поднялся шумъ и крикъ въ лагерѣ, точно на пожарѣ. Графъ вышелъ изъ сакли и, увидя въ ставкѣ своей людей въ страшномъ смятенiи, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «Не гнѣвъ ли Божiй на меня?» ...Къ счастiю, ураганъ такой продолжался не болѣе 10-ти минутъ, послѣ котораго все въ лагерѣ пришло въ спокойствiе и погода установилась тихая и теплая. Послѣ бури графъ вошелъ въ саклю и началъ пить чай; а по окончанiи его, видя графа крайне изнуреннымъ, я предложилъ ему лечь и уснуть и тѣмъ подкрѣпить свои силы. Графъ на это мнѣ сказалъ: «Нѣтъ, въ такомъ положенiи, въ какомъ я теперь нахожусь, я не могу уснуть, и вамъ не совѣтую ложиться спать; а будемъ, съ упованiемъ на Бога, ожидать развязки этой страшной для меня ночи».

Графъ не спалъ и часто выходилъ изъ сакли, смотрѣть на вьюки, проходившiе мимо его ставки. Онъ у иныхъ фурштатъ спрашивалъ о положенiи слѣдовавшаго обоза и получалъ отвѣты отъ иныхъ удовлетворительные, а отъ иныхъ грубые. Такъ, напр., графъ спросилъ у солдата, слѣдовавшаго съ вьюкомъ: "Ты, землякъ, какого полка?»—«Ни якого»—и продолжалъ слѣдовать. Графъ улыбнулся и сказалъ: «Ну, съ этимъ солдатомъ нельзя говорить, ибо, видимо, что онъ уморился до озлобленiя».—Я побѣжалъ къ этому солдату и, когда сталъ требовать отъ него удовлетворительнаго отвѣта, то онъ такимъ же грубымъ тономъ отвѣтилъ мнѣ: «я антерелистъ, чого еще тоби треба?»

Въ $^1/_2$ 11-го графъ получилъ отъ генерала Кемпферта записку, въ которой говорилось, что весь обозъ благополучно перешелъ Аржи-Ахкъ (глубокiй оврагъ и съ труднымъ спускомъ и подъемомъ). Графъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «Слава Богу! и на душѣ стало легче.»—Въ 2 ч. явился баронъ Розенъ съ докладомъ о благополучномъ прибытiи всѣхъ вьюковъ и обоза, кромѣ части, оставленной, по усталости лошадей, въ засѣкѣ на Аржи-Ахкѣ. Графъ былъ чрезвычайно доволенъ благополучнымъ исходомъ такого важнаго дѣла, сталъ бодро ходить по саклѣ и безпрестанно курилъ трубку; а въ $2^1/_2$ ч., даже позже, явился генер. Кемпфертъ съ докладомъ, что арьергардъ прибылъ благополучно. Графъ опять снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: «Благодарю тебя, Господи, за всѣ твои ко мнѣ милости!»

Не смотря на благополучный приходъ обоза и арьергарда, графъ всетаки былъ сильно озабоченъ положенiемъ отряда Баженова, въ особенности послѣ

свѣдѣній, полученныхъ въ 3 ч. черезъ лазутчика, лично извѣстнаго графу; онъ говорилъ такъ: 1) требуемые Шамилемъ 6 т. чел. изъ Дагестана уже прибыли, 2) отрядъ русскій (Баженова) хотя и расположился на горѣ надъ Веденемъ, но ядра изъ пушекъ его далеко не долетаютъ до Веденя, а ближе стать къ Веденю, по крутизнѣ горы, онъ не можетъ, и 3) Кази-Магома съ шестью наибами дѣлалъ совѣщаніе о нападеніи на русскій отрядъ (Баженова), но чѣмъ на совѣтѣ рѣшили—лазутчикъ не знаетъ.

Было 4 ч. ночи. Графъ, при невозмутимой ночной тишинѣ, ходилъ въ саклѣ и курилъ трубку,—когда сдѣланы были три ружейные выстрѣла: первый въ Веденѣ, второй на р. Хорачай-Хулхулау, и третій на горѣ Харачой. Графъ призналъ эти выстрѣлы сигнальными и вслѣдствіе того онъ болѣе получаса времени оставался на дворѣ, въ томъ предположеніи, не возникнетъ ли, послѣ этихъ сигналовъ, перестрѣлка въ отрядѣ Баженова.

Взошла заря, когда я пришелъ къ графу и засталъ его сидящимъ и спящимъ, склоня голову на столъ. Я ушелъ; а въ 7 ч., когда солнце еще не всходило, графъ потребовалъ меня и сказалъ: «Полѣземъ на саклю и посмотримъ, что дѣлаетъ Шамиль».—Къ саклѣ были приставлена лѣстница; мы по ней взошли на крышу, гдѣ графъ, усѣвшись на табуретъ, началъ осматривать въ зрительную трубу Ведень; но міракъ утренній не позволялъ видѣть ясно предметы,—что графа сильно безпокоило. Востокъ освѣтился восходящимъ солнцемъ; графъ вновь сталъ смотрѣть въ трубу и, къ великой его радости, онъ увидѣлъ слѣдующую картину: отрядъ Баженова отступалъ безъ преслѣдованія непріятелемъ, а въ Веденѣ, точно въ муравейникѣ, народъ трудился надъ укрѣпленіемъ стѣнъ веденскихъ. Графъ всталъ, снялъ шапку, поднялъ глаза къ небу, перекрестился и сказалъ: «Благодарю Тебя, всевышній Творецъ, за всѣ Твои милости ко мнѣ!»—Потомъ, обратясь ко мнѣ, и, съ выраженіемъ чувства радости, сказалъ: «Славу Богу, Баженовъ отступаетъ благополучно, а Шамиль думаетъ не о нападеніи, а о защитѣ; а мнѣ этого только и надо (смѣхъ). Я былъ въ капканѣ, но ты не умѣлъ меня поймать; а теперь ты сидишь въ капканѣ, и я тебя доканаю». (Слова эти относились къ Шамилю).

Въ ту минуту, когда графъ, стоя на саклѣ, обнажилъ голову и приносилъ благодарность Богу, я былъ пораженъ такимъ необыкновеннымъ явленіемъ: графъ имѣлъ на головѣ волосы темно-сизые, а теперь вся его голова была бѣлая. Я обратилъ вниманіе графа на такой странный съ нимъ случай. Графъ на это отвѣтилъ: «Я не видѣлъ себя въ зеркалѣ; но я такому явленію не удивляюсь, если принять во вниманіе всѣ тѣ душевныя мои страданія, какія я перенесъ за эту страшную для меня ночь. Можно заболѣть, можно съ ума сойти, можно даже умереть».

Я стоялъ съ отрядомъ въ Шаляхъ. Графъ, послѣ взятія Веденя, 7-го апрѣля ѣхалъ въ Грозную больнымъ и, будучи у меня въ палаткѣ, я замѣтилъ на головѣ его, бѣлой, много волосъ появившихся цвѣта темнаго; а черезъ 4 мѣсяца графъ, будучи остриженъ, имѣлъ на головѣ волосы опять сизые. Пусть бы психіатры такую быструю перемѣну волосъ у графа изслѣдовали научно,—что для науки было бы очень интересно.

Писалъ бы о графѣ много, много; но я чувствую себя сильно больнымъ, а потому, заканчивая это письмо, я прошу васъ прочитать его и что найдете нужнымъ и заслуживающимъ помѣщенія въ біографію графа, то сообщите г. автору біографіи графа».

28 марта 1888 г. Г. Грозный.

2.

Описаніе герба гр. Евдокимова.

Щитъ увѣнчанъ графскою короною. На правой сторонѣ его, въ красномъ полѣ, полуразрушенная батарея; а на лѣвой, въ голубомъ полѣ, золотая земледѣльческая борона. Щитъ съ лѣвой стороны поддерживаетъ филинъ, а съ правой—черкесъ въ полномъ вооруженіи, имѣя въ рукѣ значекъ, на красномъ полѣ котораго изображено лѣвое орлиное крыло: внизу же щита, на красной лентѣ, самъ государь начерталъ девизъ «съ бою» въ память того, что Н. И. Евдокимовъ съ бою получилъ графское достоинство.

Надъ щитомъ расположены три рыцарскіе шлема съ опущенными забралами; надъ среднимъ изъ нихъ паритъ двухглавый орелъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLV [1]).

Ночь.

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ,
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ.

***

Посмотрю-ль въ окошечко—
Все темно кругомъ,
Не видать и улицы
Въ сумракѣ ночномъ.

***

Звѣздочки попрятались,
На небѣ темно,
Тучами подернулось
Черными оно.

***

Вѣтеръ воетъ жалобно
Подъ моимъ окномъ,
И мятель суровая
Все стучитъ по немъ.

***

Страшно мнѣ смотрѣть туда
Въ сумрачную даль,
И ложится на душу
Тайная печаль.

***

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ,
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ.

Н. Огаревъ.

Москва. 1839 г.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

1820—1830 гг.

LIV [1]).

Ѳ. В. Булгаринъ.

19 марта 1826 г. Спб.

М. г. Александръ [2]) Андреевичъ! Зная многотрудныя ваши занятія, я не смѣю васъ безпокоить моими посѣщеніями въ минуты вашего отдохновенія. Но если бы, проѣзжая по Офицерской улицѣ, заѣхали ко мнѣ на двѣ минуты, вы бы крайне меня обязали. Съ безпредѣльною преданностью и душевнымъ, истиннымъ уваженіемъ есмь на всю жизнь и проч. Ѳ. Булгаринъ.

LV.

Баронъ Ашъ.

29-го іюля 1826 г. Москва.

....Москва совершенно преобразовалась со дня прибытія двора императора и представляетъ необыкновенную картину всеобщей суматохи; театры, олимпическіе цирки, турниры и разныя другаго рода представленія, все это каждый день наполнено народомъ, такъ что въ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LIX, октябрь, стр. 149—168; ноябрь, стр. 311—332; декабрь, стр. 583—600; изд. 1889 г., т. LXI, февраль, стр. 319—330.

[2]) Неизвѣстно, былъ ли у Андрея Андреевича Ивановскаго братъ Александръ; повидимому, просто Булгаринъ ошибся въ имени. Письмо относится ко времени слѣдствія надъ декабристами; извѣстно, что Булгаринъ тогда сильно трусилъ за себя; вѣроятно, онъ хотѣлъ переговорить объ этомъ съ Ивановскимъ, какъ съ участвовавшимъ въ слѣдствіи, знавшимъ весь его ходъ, положеніе всего дѣла. В. Я.

италіанской оперѣ иначе нельзя имѣть билетъ, какъ надо абонироваться на 10 или 20 спектаклей, а то получишь въ 13-мъ или 14-мъ ряду.

Съ Ровинскимъ не имѣлъ случая познакомиться, но если увижу его, то исполню ваше порученіе. Творецъ «Горя отъ ума» имѣлъ на меня такое впечатлѣніе какъ и на васъ; я нашелъ въ немъ всѣ тѣ достоинства, которые вы ему приписываете, и потому невольно къ нему привязанъ. Я познакомлюсь со всѣмъ семействомъ его при первой возможности выступить на воздухъ, но до сей поры не могъ передать ему отъ васъ поклона, ибо не видалъ его. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что также хвораетъ и было чуть-чуть не разсыпался, общая участь со мной....

27-го числа представлялось знаменитое духовенство государю и 29-го назначенъ былъ смотръ всѣмъ войскамъ, находящимся въ Москвѣ, но по причинѣ дождливой погоды отмѣненъ впредь до приказанія. Вотъ всѣ наши новости.

Указъ о преобразованіи питейныхъ сборовъ порадуетъ прежнихъ откупщиковъ, но чѣмъ замѣнятъ сей главный источникъ государственнаго дохода?.... Отъ души и сердца вамъ преданный Ашъ.

LVI.

Военный министръ А. И. Татищевъ.

14-го августа 1826 г.

Г. надворному совѣтнику и кавалеру Ивановскому. По случаю отъѣзда со мною въ Москву правителя дѣлъ слѣдственной коммиссіи статскаго совѣтника Боровкова и помощника его 8-го класса Карасевскаго рекомендую вашему высокобл. принять въ завѣдываніе ваше канцелярію упомянутой коммиссіи со всѣми находящимися при оной чиновниками и дѣлами, и въ отсутствіе мое въ особенности заняться окончаніемъ составляемаго вами алфавита, который по приготовленіи и отправить ко мнѣ. Бумаги, имѣющія поступать въ коммиссію на имя мое, извольте отсылать ко мнѣ чрезъ почту въ Москву впредь до предписанія. Сверхъ того, если изъ числа чиновниковъ, при коммиссіи остающихся, вы признаете кого-либо болѣе ненужнымъ, то я предоставляю вамъ отпустить таковыхъ къ своимъ командамъ и мнѣ въ то-же время донести. Военный министръ Татищевъ.

LVII.

А. П. Бочковъ.

1826 г. октября 30-го.

Письма Бестужева, мой любезнѣйшій другъ, я читалъ почти со слезами. Мысль, что онъ погибъ навсегда для насъ и что эта потеря не скоро вознаградится, убивала меня. Его заслуги важны для нашей словесности. До него наши молодые поэты были въ какомъ-то раздѣленіи; возникающій отъ любви къ отечественному [взглядъ] хотя изрѣдка и начиналъ уже пробиваться, но они дѣйствовали безъ всякихъ видовъ и только тѣшились сами собою. Бестужевъ первый привелъ ихъ къ одному алтарю, показалъ имъ благороднѣйшую цѣль: славу Россіи,—и средство: пламенную любовь къ родинѣ и знаніе старины. Но «Полярная Звѣзда» скоро закатилась. Бестужевы, Рылѣевъ, Корниловичъ, Кюхельбекеръ, — сколько надеждъ погибло! Безразсудные! зачѣмъ вы поставили свой жертвенникъ подъ дерево вольности?

Бѣдный Жуковскій, бѣдные наши писатели! Какъ немилосердо клюетъ васъ цензура! Святая наша инквизиція! Не могу удержаться, чтобъ не сказать тебѣ похвальное слово въ семинарскомъ вкусѣ, украшенное безпрерывною метафорою, сирѣчь аллегоріею.

«Когда перунъ изъ когтей двуглаваго орла грянулъ и раздробилъ древо вольности, тогда и кумиру Паллады, поставленному подъ сѣнію онаго, нанесенъ мимолетомъ страшный ударъ. Со шлема богини отломленъ огневласый, лучезарный гребень, разливавшій около главы ея благотворное сіяніе. Осталась одна сова (вамъ извѣстенъ этотъ атрибутъ Минервы). Нетерпящая свѣту, зловѣщая птица, видя себя на свободѣ и во мракѣ, распустила свои мохнатыя крылья и гукнула такъ ужасно, что сама Минерва содрогнулась. Эгидъ выпалъ изъ ея рукъ и она осталась безъ защиты. Еще ударъ и . . . . . . [1]) горе намъ!!!... пророчество кн. Вяземскаго сбудется: наша словесность учинится какимъ-то отдѣленіемъ министерства просвѣщенія [2]). Эта грозная сова—наша . . . . не хочу осквернять устъ повтореніемъ

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

[2]) См. выше письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. А. Бестужеву, I, № XXII. Изъ словъ письма А. П. Бочкова мы видимъ, что интересное письмо кн. П. А. Вяземскаго было извѣстно въ литературныхъ кругахъ. В. Я.

ея ненавистнаго имени. Ахъ! даруй, небо, чтобы это похвальное слово сдѣлалось погребальнымъ. Аминь! И вы, вѣрно, то-же скажете?

Кстати о, о, о, о цензурѣ! Слышали ли вы анекдотъ презабавный? Его разсказывалъ Булгаринъ гг. Гусеву и Іовскому. Вы, я думаю, припомните, что недавно въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатана была статья о Сѣверной Америкѣ. Между прочимъ, сказано было (это переводъ), что свиньи въ Филадельфіи очищаютъ улицы, подбирая выброшенную картофельную кожу и всякій соръ [1]). Сихъ животныхъ тамъ такое множество и они такъ невѣжливы, что одна изъ нихъ толкнула типографскаго наборщика, тотъ упалъ и разсыпалъ литеры цѣлой страницы журнала (кажется, что такъ). На другой день, когда журналъ появился съ ненапечатанною страницею, издатели сложили всю бѣду на свинью, извинились тѣмъ передъ своими читателями. Цензоры наши, прочитавши это, совѣтъ сотворили и, разсмотрѣвъ, нашли, что эта свинья на нихъ похожа, какъ двѣ капли воды. Шишкову сдѣлали донесеніе о поруганіи, учиненному въ лицѣ ихъ всему министерству народнаго просвѣщенія. Но вотъ что удивительно: имъ воспослѣдовалъ отказъ и съ выговоромъ, что этого, чему я очень удивляюсь, имъ къ себѣ примѣнить нельзя и будто бы она на нихъ не похожа. Какая несправедливость! Письмо мое я началъ слезами, а теперь не могу кончить отъ смѣха. Ха, ха, ха! Ай да цензоры!

Назначьте свободную минуту, когда я могу побезпокоить васъ и вашихъ любезныхъ гостей, пріѣхать къ вамъ съ вашими письмами и съ моею благодарностію. «Не засижусь, войду, всего минуты двѣ». Нельзя ли вамъ самимъ ко мнѣ пожаловать? Вашъ А. Бочковъ [2]).

Если письма вамъ надобны, тотчасъ пришлю.

---

[1]) «Сѣверная Пчела» 1826 года, № 92. «Американскіе нравы». Чистота, скотъ, лошади, собаки. — Съ Фр—инъ. — Послѣ цензурныхъ измѣненій,—если только весь разсказъ не выдуманъ Булгаринымъ, — остается лишь фраза: «на улицу не выкидываютъ ничего, кромѣ картофельной кожуры; ею питается большая часть бродящихъ животныхъ».

[2]) Свѣдѣнія объ Алексѣѣ Поликарповичѣ Бочковѣ см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., № 2, стр. 395—6 (замѣтка А. А. Ивановскаго) и № 3, стр. 566, а также изд. 1889 г., книга февраль—замѣтки А. А. Чумикова.

В. Я.

LVIII.

А. П. Бочковъ.

Ноября 1826 г.

Вы успокоились, пишете вы, услышавъ, что здоровье моей бѣдной жены оправляется. Ахъ, мой любезнѣйшій другъ, это, вѣрно, спекуляціонныя сказочки нашего лейбъ-медика. Какъ мнѣ непріятно разувѣрять васъ. Болѣзнь часъ отъ часу становится хуже и я пріѣду къ вамъ сегодня на совѣтъ съ извѣстіями самыми печальными, самыми досадными. Повѣрите ли, что я рѣшаюсь даже съ нимъ распроститься.

Очень радъ, что мои замѣчанія заслужили одобреніе ваше. Я знаю, что вы любите критику, и если моя вамъ нравится, то я сообщу еще нѣсколько на лету схваченныхъ мыслей о Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ и Алекс. Бестужевѣ. Можетъ быть, лѣтъ чрезъ 50, когда, съ очками на глазахъ, вы будете перешаривать нашу корреспонденцію, скажете вы: «въ свое время мы не мимоходомъ наслаждались поэзіею; не краямъ только сосуда съ усладительнымъ питьемъ касались мы; нѣтъ, выпивши его до капли, послѣ, какъ записныя лакомки, облизывали еще губы».

Я думаю, мудрено сыскать такихъ страстныхъ, какъ мы съ вами, любителей литературныхъ конфектъ, только у васъ всегда свѣжія— изъ тѣхъ, которыя иногда отъ времени дѣлаются черствыми, и самыя лучшія (т. е. самыя вѣрныя, напр., «Войнаровскій») — изъ тѣхъ, которыя никогда не мокнутъ и не сохнутъ, и еще не бывавшія въ тискахъ у цензуры, этой таможни, съ позволенія сказать. У васъ больше средствъ роскошничать, но вы не любите наслаждаться одни и помните французскую поговорку: «всякое удовольствіе имѣетъ двойную цѣну, когда мы можемъ его раздѣлить». Какъ я вамъ благодаренъ за это, мой любезнѣйшій Андрей Андреевичъ!

Французскія письма я переведу еще не такъ скоро и вотъ причина: мóю и глажу теперь свое старое бѣлье, именно повѣсть, которую выпросилъ у меня изъ ревельской котомки бѣднякъ Измайловъ для помѣщенія въ своемъ глупомъ Альманахѣ. Никогда бы я ее не рѣшился напечатать (страхъ, какъ глупа!), но не могъ не сжалиться на его христарадничество. Пускай и моя черствая корка лежитъ въ его нищенской сумѣ.

Знаю, что вамъ не время писать и отвѣчать; напрасно вы извиняетесь; я же люблю до смерти писать, потому что на бумагѣ могу

изъясниться вѣрнѣе и съ меньшимъ легкомысліемъ, нежели на словахъ. Простите до вечера. Вашъ А. Бочковъ.

LIX.

А. П. Бочковъ.

[1826 г.].

Повѣсти Бестужева—удивленье и заглядѣнье. Хочу представить въ иносказаніи его заслуги нашей словесности. Куча сравненій въ моей головѣ, выбираю на удачу, и мнѣ думается, что оно вѣрно.

Карамзинъ ввелъ насъ, нашу поэзію и нашу прозу, изъ густаго лѣса, который въ его время начинали уже подстригать по французски, въ садъ, имъ самимъ воздѣланный и обработанный. Гладки, ровны были его дорожки, деревца обстрижены и цвѣтки въ куртинахъ; не зная, что его окружаетъ высокая стѣна, мы за нимъ вслѣдъ. Какъ понравилось намъ гулять и отдыхать въ этомъ чистенькомъ паркѣ; мало по малу, забывши о своей отчизнѣ, мы въ немъ совсѣмъ обжились; а выбрести изъ него и не думали. Такъ прошло много лѣтъ. Старички и выходъ позабыли, а подростающей молодежи скучно становилось жить хоть въ довольствѣ, да не на привольѣ. Стѣна были закрыта мохомъ давно принятыхъ мнѣній и сорокалѣтнею древностію. Глядь, поглядь повсюду, молодежь догадалась по сказкамъ и по преданіямъ, что есть какая-то благословенная страна, хоть не такъ гладка и ровна, да за то обширная и великолѣпная и куда съ давнихъ временъ и тропы не пролегало. Старичекъ хозяинъ (Карамзинъ) также объ этомъ зналъ и самъ хоть иногда за ограду и хаживалъ и двери за собой не затворялъ, только за нимъ худо смотрѣли, съ мѣста не трогались и нѣкоторые даже такъ приросли къ чужой землѣ, что ихъ теперь не выдернешь, развѣ съ корнемъ. Особливо подъ конецъ Карамзинъ ходилъ въ этотъ обѣтованный край для своей исторіи, тамъ былъ для него и воздухъ чище, и внѣшній вѣтерокъ такъ и грѣлъ грудь старика. Молодцы подростали и начинали въ даль заглядывать; нѣкоторые и [проложили] слѣдъ; Жуковскій, вышедши изъ французскаго сада, попалъ въ англійскій паркъ и на нѣмецкую аренду и за собой многихъ сманилъ. И Пушкинъ выпрыгнулъ; зашелъ было въ свою родимую землю, сталъ ею любоваться, да побоялся совсѣмъ потерять дорогу домой, бродилъ то около своей стѣны, то около сосѣднихъ: нѣмецкой и англійской. Наконецъ, и Бестужевъ соскочилъ молодцомъ со стѣны и попалъ не на окольную, а на прямую дорогу къ нашей

милой отчизнѣ; удивился ея красотѣ, хотя еще не обработанной, но могущественно прекрасной. Долго онъ стоялъ въ онѣмѣніи; посмотрѣлъ на звѣздочки, чтобы и ночью прямо на сѣверъ дороги не потерять. Друзья! товарищи! возопилъ онъ, я нашелъ выходъ, оставьте стариковъ сидѣть на лавочкахъ и ходить по желтенькому песку; ступайте за мною, дальше и дальше, — а самъ пошелъ напереди. Нужно ли говорить объ открытіяхъ, ими сдѣланныхъ.... Вотъ только бѣда: теперь, какъ вожатый пропалъ, чтобы, грѣхомъ, опять назадъ не воротились. Помилуй Богъ, какъ это будетъ худо.

Вотъ моя аллегорія. Прошу васъ, ради самого неба, любезнѣйшій Андрей Андреевичъ, для славы родины сохранить все, что осталось отъ нашего молодца вожатаго; если бы мы и вздумали своротить опять назадъ, тогда покажите намъ этотъ маякъ, и мы кое-какъ авось опять слѣдъ найдемъ. Клянусь вамъ, имя ваше для насъ не погибнетъ. Вы такъ любите нашу словесность; ради Бога, не тушите этотъ свѣточъ, пламенѣющій въ душѣ вашей. Хотя бы вы ничего не писали, но васъ другіе, благодарные и признательные на плечахъ вынесутъ въ потомство.

Желая не въ шутку перевѣдаться съ Грибоѣдовымъ, я хочу на всякій случай (въ удачѣ и неудачѣ Богъ воленъ) исповѣдаться и васъ выбираю отцомъ духовнымъ. Вчера я сотворилъ хотя нечаянный, но смертный грѣхъ: похулилъ 4 прекраснѣйшихъ стиха изъ Ермака Дмитріева. Каюсь; въ тѣ самыя секунды, когда мой языкъ ихъ произносилъ и когда, слово за словомъ вылетая, представило моему воображенію картину прекрасную, я было и хотѣлъ спятиться, да было поздно. Теперь вижу ясно (утро вечера мудренѣе), что это не такъ, что тутъ истинная поэзія; слова: крутятся, стопами землю роютъ—удивительны.

Виноватъ, простите, Христа ради, грѣшнаго А. Бочкова.

P. S. Возьмите предосторожность. Надняхъ я думаю отказать своему магу, такъ приготовьте ему увѣщаніе, чтобы онъ тово воно, такъ оно не взялся бы съ горя за стаканчикъ. Скажите ему, что въ случаѣ дескать, если ты имъ опять понадобишься, то ужъ сдерешь же съ нихъ тысячъ сотни съ три, а теперь, молъ, пускай ихъ харахорятся.

Боюсь, чтобъ за это у меня грѣхъ на душѣ не лежалъ.

Повѣсть моя, грѣхъ моихъ ради, выпрошенная Измайловымъ, теперь показалась мнѣ противу Бестужевскихъ какъ сморчокъ противу высокаго подсолнечника. И вотъ бѣда! русскія прибаутки и

поговорки и у меня есть въ моемъ мараньѣ; вижу теперь, что, не хотя (потому что не смогá) и не думая, столкнулся съ Бестужевымъ, только отъ этого толка далеко я втюрился въ грязь.

Постараюсь перекроить ее à la Karamsine. Тѣмъ хороша, что коротенька! [1]).

LX.

Ѳ. Н. Глинка.

26-го іюня 1826.

Почтенный, любезный и благодѣтельный Андрей Андреевичъ! Вотъ уже пять дней какъ я не тамъ, гдѣ пробылъ 13 недѣль. Но судьба моя не менѣе странна, не менѣе неизъяснима. Со мною дѣлается что-то очень загадочное. Отъ 16-го іюня отдано въ приказѣ, что Глинка 1-й (т. е. я) переименовывается въ коллежскіе совѣтники для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Дежурный генералъ объявилъ мнѣ, что я долженъ быть отправленъ на службу въ Олонецъ немедленно. Я посему писалъ къ государю письмо, послѣ коего мнѣ сказали: «Вамъ выдадутъ прогоны, на мѣстѣ, государь будетъ давать жалованье», а съ симъ на исправленіе моихъ дѣлъ дали три дня. Въ сіи дни я переодѣлся по статскому, дѣлалъ, что могъ, чтобы изготовиться къ отъѣзду, а ночевать ходилъ подъ арестъ. Вдругъ сегодня получаю приказъ, печатный же, отъ 16-го же іюня, въ коемъ все есть по прежнему, кромѣ статьи обо мнѣ. Въ семъ новомъ приказѣ, уничтожающемъ старый, и имени моего не помянуто; теперь, кто же я? статскій ли я или военный? отставной ли я или еще служащій? А между тѣмъ мнѣ велѣно сегодня быть уже непремѣнно готовымъ къ отъѣзду (куда же?). По прежнему меня имѣли везти въ Олонецъ. Признаюсь, мой милый, мой благодѣтельный Андрей Андреевичъ, грустно. Противувольный отъѣздъ мой отсель есть такое событіе, которое однимъ ударомъ отсѣкаетъ меня отъ всего знакомаго, милаго, родного и привычнаго; разлучаюсь и съ вами!.. 13 недѣльное сидѣніе безъ свѣта и воздуха и снятіе двухъ чиновъ не столько огорчаетъ, какъ сей отъѣздъ.

Увы! какъ бѣдный пѣшегонецъ
Отъ васъ, по сердцу мнѣ родныхъ,

---

[1]) Въ «Календарѣ Музъ» 1827 г., изданномъ А. Измайловымъ, находимъ: «Красный яхонтъ, повѣсть XVI столѣтія», подпись: Л. С., смотри дальше письмо № XII. В. Я.

Скачу, скачу на почтовыхъ
Въ какой-то городокъ Олонецъ!
Признаться, грустно! я томлюсь,
Что съ вами быть лишусь свободы;
Но тамъ желѣзныя есть воды,—
Авось и я ожелѣзнюсь....

Шутки на сторону, а я, право не знаю, кто я, что я и куда меня... Неизвѣстность тошнѣе прежняго жилища. Возвращаю вашъ янтарь съ трубки: онъ распался, какъ и все мое былое. Я не вижу васъ лично потому, что весь тону въ суетѣ, и васъ дома, вѣрно, нѣтъ. Какъ мнѣ васъ благодарить? Ну, ужъ!.. Милостивой государынѣ Александрѣ Егоровнѣ цѣлую ручки; скажите ей о семъ, если она здѣсь. Прощайте, обнимаетъ васъ вашъ Ѳ. Глинка.

NB. Шпага мнѣ отдана, и комендантъ (Петропавловской крѣпости) Сукинъ расцѣловалъ и поздравилъ меня съ свободою; и я еще....

LXI.

Ѳ. Н. Глинка.

1827 г., августа 17-го дня, г. Петрозаводскъ.

Что сказать вамъ, мой любезнѣйшій Андрей Андреевичъ, на ваше милое, ласковое письмо? При первыхъ строкахъ я вскрикнулъ отъ радости и сказалъ самъ себѣ: «вотъ землякъ, вотъ добрый человѣкъ: нигдѣ своихъ не забываетъ». Изъ прекраснаго письма вашего вижу, что вы всегда сохраняли меня въ своей памяти. Это для меня утѣшительно. Повѣрьте, и вы часто, часто являлись моему воображенію въ странѣ воспоминаній о быломъ, о невозвратномъ. Много минутъ свѣтлыхъ, романтическихъ провели мы вмѣстѣ. Я помню прелестный лѣтній вечеръ въ Смоленскѣ, когда, среди нѣги природы и юныхъ возвышенныхъ ощущеній, мы читали вмѣстѣ письмо Руссо къ Сесиліи. Ахъ! такія минуты похожи на сладкія сновидѣнія, которыя одинъ только разъ могутъ присниться въ жизни. Вы, какъ я вижу изъ письма вашего, желаете узнать, какъ я провожу здѣсь мое время или мой день. Охотно опишу вамъ, если это стоитъ описанія. Я встаю въ 7 часовъ. Въ 8 уже занимаюсь (по обязанности старшаго совѣтника губернскаго правленія) чтеніемъ журнальныхъ статей или постановленій. Эта матерія вамъ знакома по прежней вашей службѣ. Въ 10 я въ правленіи. Развитіе гражданственности ознаменовывается и въ сихъ полудикихъ странахъ необычайнымъ множествомъ

бумажнаго дѣла. Въ почтовые дни (понедѣльникъ и вторникъ) мнѣ приходится подписывать большія кипы бумагъ печатныхъ и писаныхъ: нарядовъ, указовъ, меморій—и т. п. Недавно въ одно утро, для одной почты, подписалъ я ровно тысячу сто девять бумагъ! За механическимъ трудомъ подписыванія слѣдуетъ большій—трудъ прочитыванія: на каждый день, круглымъ числомъ, достается прочитывать до 100 большихъ страницъ. За недостаткомъ низшихъ чиновниковъ у насъ совѣтники работаютъ вполтора. Такъ проходятъ законные часы. Въ три часа иду обѣдать; иду, ибо у себя, по моей бѣдности и здѣшней дороговизнѣ, стола держать не могу. Часу въ 5-мъ возвращаюсь въ свою квартирку. Тутъ, чтобъ имѣть болѣе власти надъ часами ночи, немножко дремлю. Въ 6 часовъ опять считаю обязанностію заняться чтеніемъ какой-нибудь толстой журнальной статьи. Это трудно, но я услаждаюсь мыслію, что на той точкѣ земли, гдѣ поставила меня державная рука моего государя, я служу ему вѣрно, ревностно и, смѣю сказать, не безъ пользы. Къ 7-ми часамъ вечера иду на пустынные берега Онѣги; къ 8-ми часамъ куда-нибудь захожу на часокъ, ибо, не играя въ бостонъ, нигдѣ не засиживаюсь. Часовъ въ 9 я уже дома, и тутъ мое время! У меня двѣ комнатки, просто, но очень чисто прибраны. Всѣ предметы и вещи разставлены и развѣшены съ мыслію, по размѣру, въ большомъ порядкѣ. Это очень способствуетъ къ успокоенію и порадованію чувствъ. Пылкость и жизнь мыслей, утоленная, заморенная холоднымъ чтеніемъ безобразной приказной прозы, начинаетъ оживать въ сіи часы глубокаго вечерняго уединенія. Тутъ внѣшній міръ мало-по-малу отслоняется, и промежутокъ между имъ и душою занимается какою-то высшею стихіею. Въ такомъ расположеніи работаю я что-нибудь въ прозѣ, иногда пишу и въ стихахъ, напр., «Іова». Сіе бдѣніе продолжается часовъ до 2-хъ и далѣе. Однако, въ 3-мъ и въ три часа я уже сплю и — странное дѣло!—чѣмъ горестнѣе положеніе и состояніе души, тѣмъ прелестнѣйшія вижу сновидѣнія: иногда снятся совсѣмъ невиданныя страны, чудесный климатъ, цвѣтущія долины, такъ что, будучи разбуженъ, очень живо чувствую услажденіе, которое ложится на горесть бытія моего, какъ позолота на жесткій, безобразный металлъ. Вотъ вамъ мой день и ночь! Завиднаго въ судьбѣ моей нѣтъ! Три несчастія тяготѣютъ постоянно надо мною: бѣдность, политическое уничиженіе и одиночество.

Съ отъѣздомъ отсюда въ столицу здѣшняго почтеннаго губернатора Тимофея Ефремовича Фанъ-дер-Флита, его ангельской супруги и милаго семейства я лишился послѣдней опоры, послѣдняго

утѣшенія. Но есть всевидящее око и незримая десница царя небеснаго! И земной нашъ царь, государь мудрый, правдивый, привлекаетъ все мое уваженіе, всю преданность къ особѣ своей. Его портретовъ у меня, въ моемъ мирномъ уголкѣ, два; но я люблю его тройственною любовію: какъ благодѣтеля, какъ государя и какъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ превосходною душою. Его резолюціи, кои иногда получаемъ мы въ бумагахъ, истинно восхитительны по краткости и вѣрной логикѣ.

Мой милый, признаюсь, меня удивило, что «Опыты» [1]) мои были чрезъ васъ приняты такъ ласково Вл. Ѳед. Адл. Мнѣ казалось, въ извѣстное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, что онъ имѣлъ какъ будто какое-то враждебное противу меня чувство; радъ, восхищаюсь, если я ошибся. Но скажу вамъ, любезный А. А., что я, слава Богу, ни противъ кого не имѣю ничего, ничего, похожаго на чувства злобы. И сіе состояніе совершеннаго беззлобія производитъ удивительное дѣйствіе. Когда скажешь себѣ: «я всѣхъ люблю!», то, кажется, какое-то солнце входитъ въ грудь и наполняетъ ее утѣшительною свѣтлостію и теплотою.

Благодарю васъ за похвалу «Іову». Это ободряетъ меня продолжать. Чѣмъ далѣе, тѣмъ въ текстѣ (французск., нѣмецк., польск., итальянск. и славянскомъ) болѣе темноты и единообразія; однако, въ нѣкоторомъ расположеніи души, когда она упитана собственною скорбію, когда слезы мѣшаются съ чернилами, можно угадывать тайны скорби многострадальнаго. Я стану усиливаться выразить что можно и сколько можно проще и яснѣе, не гоняясь за піитизмомъ, но за вѣрностію.

Вижу, что вы были вмѣстѣ съ И. Н. Глинкою и Ернъ-Гроссомъ, прошу усердно поклониться имъ отъ земляка, занесеннаго бурею на дикія скалы. То, что вы называете затѣею, можетъ быть очень хорошимъ литературнымъ подаркомъ. Съ вашимъ вкусомъ можно собрать прекрасный букетъ. Не знаю только, подойдутъ ли къ другимъ мои пустынные цвѣтки. Я, однако-жъ, въ скоромъ времени вышлю вамъ три, четыре изъ самыхъ миловидныхъ моихъ піесокъ и одну въ тонѣ болѣе важномъ.

Впрочемъ, желая въ семъ случаѣ и всегда быть вамъ сколько можно болѣе пріятнымъ, я обязуюсь и дополнить, и замѣнить другими

---

[1]) Въ 1826 году Ѳ. Глинка напечаталъ два изданія, подъ названіемъ опытовъ: 1) Опыты священной поэзіи и 2) Опыты аллегорій или иносказательныхъ описаній въ стихахъ и прозѣ. В. Я.

тѣ изъ піесъ, которыя могутъ найтиться не совсѣмъ годными.... Вашъ пустынный другъ Ѳ. Глинка.

[Адресъ: Андрею Андреевичу Ивановскому. Въ канцеляріи военнаго министра. Въ С.-Петербургѣ].

LXII.

Ѳ. Н. Глинка.

Ноября 27-го, года 1827-го. Въ г. Петрозаводскѣ.

Ваше письмо посѣтило меня какъ гость нежданный. Оно принесло съ собою надежду: судите же, сколь должно быть драгоцѣнно! Такъ, любезно-почтенный Андрей Андреевичъ, вижу, что вы добрый человѣкъ и любите любящаго васъ. Радость, навѣянная на душу отъ вашего письма, умѣрена нѣсколько случившеюся простудою, стиснувшею мою физическую оболочку. Полученіе вѣрнаго извѣстія, что бывшій здѣшній губернаторъ, мой утѣшитель, уже не возвратится, меня огорчило внутренно. Въ это время душа, занявшаяся тѣмъ, что ее трогало, не успѣла отразить внѣшняго вліянія стужи, и я простудился. И сіи строки пишу больной, поэтому извинительно написать какъ-нибудь. Что это вамъ пришло на умъ заниматься мною и до такой степени, что даже хотите передать мое письмо (я ужъ не помню, что въ немъ было писано) потомству?! Печальная повѣсть существованія бѣднаго человѣка для кого можетъ быть любопытна? Вы справедливо оцѣнили мои чувствованія къ государю рѣдкому, государствующему единственно. Бывшій губернаторъ оставилъ мнѣ на память очень хорошій бюстъ государя, формованный съ раухова подлинника съ пьедесталомъ. Теперь, въ моихъ глазахъ, между двумя лимонными деревьями, стоитъ сей бюстъ, и двѣ зеленыхъ вѣтви образуютъ надъ нимъ осѣненіе вѣнца. Это эмблема моихъ желаній, чтобы и глава подлинника красовалась подъ вѣчною зеленію лучшаго изъ благъ.

Какъ я вамъ благодаренъ за разувѣреніе меня на счетъ Влад. Ѳедор. Въ первый разъ, когда я его увидѣлъ въ его дому, онъ мнѣ очень понравился. Впослѣдствіи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, я думалъ видѣть въ немъ то, чего, къ счастью, не было. Въ то же еще время, въ мѣстахъ и обстоятельствахъ, отъ которыхъ содрогнется мысль человѣческая, я видѣлъ, однажды, его во снѣ въ положеніи для него не безвыгодномъ, но эмблематическомъ, и тогда же, по какому-то сочувствію, я примирился съ нимъ въ душѣ.

Нельзя скорѣе исполнить порученія вашего, ибо на сей же почтѣ отпрявляю и прозу, и стихи, не смотря па то, что все еще сыро, не вызрѣло, не улажено, не углажено; но я боленъ и неволенъ по обязанностямъ службы, потому и посылаю что есть и какъ есть. Въ первой піесѣ вы найдете слова Павла Пустынника или Павла Өиваидскаго. Ими (извлекши ихъ изъ житія его) уже пользовался незабвенный нашъ Н. М. Карамзинъ въ своемъ «Островѣ Борнгольмѣ». Только прошу васъ усерднѣйше не цѣнить моихъ бездѣлокъ никакою вещественною оцѣнкою: это лептъ дружбы въ вашу сокровищницу. Насчетъ же коммиссій я вамъ, пожалуй, дамъ цѣлыхъ три: 1) пришлите мнѣ нововышедшую главу изъ Онѣгина; 2) если не дороги, Остолопова апологи [1]), и 3) когда выйдетъ вашъ альманахъ, одинъ экземпляръ доставьте отъ меня, чрезъ И. С. Сибирякова, въ Пантелеймоновскій переулокъ, въ домъ Небабиной, е. п. Тимофею Ефремовичу Фанъ-деръ-Флиту, бывшему нашему губернатору. Вотъ вамъ и коммиссіи. Когда увидите А. С. Пушкина, скажите, что я мысленно его цѣлую съ уваженіемъ къ его таланту, съ любовію къ нему. Онъ былъ живой волканъ, внутренняя жизнь била изъ него огненнымъ столпомъ. Теперь пріостылъ и, какъ обыкновенно водится около волкановъ, окруженъ изобиліемъ, цвѣтомъ и плодами. Надежда Андреевна мнѣ ничего не писала о чудностяхъ, бывшихъ въ Харьковѣ. Е. п. милостивой государынѣ Александрѣ Егоровнѣ съ почтеніемъ цѣлую ручки. Вопросъ на счетъ наименованія альманаха и меня ставитъ въ тупикъ. Но если вы хотите назвать его Зарею какою нибудь, то почему-жъ не назвать «Сѣверною Зарею»? Нынѣ на сѣверѣ, разумѣя царствованіе и дѣла Николая Разумнаго, точно занимается заря и заря великолѣпная..... Дивъ и Пери получены и прочтены. Что сказать? Это прелестное, воздушное явленіе въ самыхъ легкихъ очертаніяхъ; много радужности, есть роскошь, много миловидности. Почти жаль, что она писана хореями, хотя прелестными. Если стихи, какъ обертку мыслей, можно сравнить съ тканью, то въ ямбахъ сія ткань плотнѣе, гуще и потому надежнѣе удерживаетъ мысль и чувство; хореи какъ-то сквозны, сѣтчаты, и мысли въ нихъ не довольно остепенены. Скажете: «но ямбы не такъ легки»; посмотрите-ка на Пушкина: его стихи легки какъ пухъ и полновѣсны какъ золото. По стихамъ я очень полюбилъ стихотворца Подолинскаго, познакомьте меня съ нимъ заочно. Что-жъ сказать вамъ о

---

[1]) Апологическія стихотворенія П. Остолопова съ присовокупленіемъ его же сочиненія поэмы: «Привидѣніе». Спб. 1827 г. В. Я.

себѣ? Всѣ, бывшіе здѣсь отъ высшаго правительства (фл.-ад. Лазаревъ, Масловъ и друг.), меня полюбили и обо мнѣ жалѣли. И самъ достопочтеннѣйшій сенаторъ Д. О. Барановъ изъявляетъ благоволеніе и жалость. Если несравненный Батюшковъ изъ Неаполя, изъ средоточія чудесныхъ красотъ природы, писалъ: «здѣсь, на чужбинѣ, надобно имѣть нѣкоторую силу душевную, чтобы не унывать въ совершенномъ одиночествѣ», то что долженъ писать вамъ тотъ, кто находится въ такомъ мѣстѣ, о которомъ Дим. Осип. Барановъ сказалъ: «здѣсь (т. е. у насъ), если не имѣть книгъ, должно или съума сойти, или застрѣлиться»? Препровождаю вамъ аттестатъ, данный мнѣ губернаторомъ; нынѣшній же управляющій губерніею также аттестовалъ меня въ сенатъ отлично. Прощайте, милый! Весь вашъ Ѳедоръ Глинка.

LXIII.

Графъ Д. И. Хвостовъ.

22-го декабря 1827 г.

Пользуясь лестнымъ обѣщаніемъ, даннымъ мнѣ сегодня почтеннымъ благодѣтелемъ моимъ Андреемъ Андреевичемъ Ивановскимъ, прилагаю у сего мои стихи къ Дмитрію Максимовичу Княжевичу, прося, какъ вы мнѣ то обѣщали, напечатать ихъ въ прекрасномъ Альманахѣ вашемъ, хотя на послѣднемъ листѣ. Вы симъ меня много одолжите, тѣмъ болѣе, что, признаюсь въ родительской слабости, они мнѣ нравятся и хочется видѣть ихъ напечатанными подъ покровомъ вашимъ. Долгомъ себѣ ставлю засвидѣтельствовать, о чемъ и вы заявите доброму и почтенному Константину Степановичу Сербиновичу, что они уже были имъ одобрены, но я листъ, имъ подписанный, то есть одобреніе, утратилъ. Вотъ моя просьба. За исполненіе оной много буду вамъ благодаренъ и есмь съ истиннымъ почтеніемъ вашъ, милостивый государь мой, покорный слуга графъ Хвостовъ [1]).

(Кромѣ подписи все чужою рукой).

---

[1]) Въ «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ» на 1828 г., изданномъ А. А. Ивановскимъ, находится только одна піеса гр. Хвостова: «Къ 30-лѣтней Эрминіи». В. Я.

LXIV.

А. П. Бочковъ.

(1827 г.).

Отвѣтъ моему обольстителю.

Прочь! прочь, языкъ людей, безчувственный и хладный!
Я прибѣгать къ тебѣ ужъ больше не хочу.
Я слышу голосъ!... слухъ мой жадный
Къ нему стремится.... я лечу!

[И т. д., всего 27 строкъ въ отвѣтъ на призывъ друга писать стихи, затѣмъ]:

Буду поэтомъ, если вы того желаете. Пусть вырвутся изъ груди доселѣ ее задушавшія чувства. Вашъ А. Бочковъ.

Не печатайте моего Демона, т. е. піесу, подъ названіемъ: «Таковъ нашъ Геній»; нужно его поправить. Завтра или послѣ завтра я пришлю къ вамъ замѣчанія. Теперь у меня въ головѣ «Моя правда» я окончилъ ее ужъ начерно.

Все таки Л. С.

(Адресъ: Андрею Андреевичу г. Ивановскому).

LXV.

Ѳ. Н. Глинка.

[Въ началѣ 1828 г.].

Дѣйствительно, я вошелъ было въ нѣкоторое сумнѣніе, но письмо ваше (отъ 23-го января), любезнѣйшій Андрей Андреевичъ, объяснило мнѣ и причину вашего молчанія, и участь нѣкоторой части посланнаго мною запаса. Странныя похожденія были съ статьею прозаическою! Однако, не надлежало и не надобно тянуться за тѣмъ, что изъ рукъ уходитъ.... Впрочемъ, статья (которую прошу приберечь) заимствована мною изъ одной имѣвшейся у меня старинной рукописной книжечки. Такія книжечки здѣсь часто обращаются въ рукахъ народа, особливо у старообрядцевъ. Тамъ кратко сказано, что одинъ пустынникъ (кажется, авва Савва) достигъ до такой святости, что могъ молиться за ангеловъ. Два путника (сказано тамъ), проходя къ святому, увидѣли мужа бѣлообразнаго, который объявилъ имъ, что

онъ ангелъ, наказанный за жестокій судъ надъ людьми одной деревеньки, истребленной имъ за грѣхи, и просилъ прохожихъ убѣдить пустынника помолиться за него. Пустынникъ молился, и ангелъ получилъ разрѣшеніе. Вотъ и все. Радуюсь, что вашъ альманахъ, наконецъ, вскорѣ покажется. Онъ выйдетъ въ свѣтъ въ такое время, когда суеты нѣсколько поулягутся, и болѣе будетъ досуга читать, т. е. въ великій постъ. Вы просите прислать что-нибудь для занятія оказавшейся пустоты; что-жъ дѣлать?... Посылаю вамъ для замѣщенія пустоты—пустоту. Сами пеняйте на себя, мой милый, что желали имѣть что нибудь еще отъ меня, ибо я посылаю недозрѣлое, не выработанное. Я теперь занятъ, по порученію сенатора, большимъ учетомъ здѣшней градской думы. Судите-жъ, сходны-ли съ поэзіею сіи цифирно-прозаическія занятія?! Да какъ попалъ къ вамъ Златоустъ? Я, право, не знаю. Прошу, потрудитесь прислать мнѣ списочекъ, что вы отъ меня получили и что у васъ въ печатаніе пошло [1]), дабы я могъ отмѣтить въ моихъ домашнихъ тетрадяхъ; иначе я совсѣмъ потеряю счетъ своимъ піесамъ. Итакъ,... вашъ «Альбомъ Сѣверныхъ музъ» скоро появится. Пожалуйте, отошлите одинъ экземпляръ бывшему нашему губернатору Фанъ-дер-Флиту, а другимъ экземплярцемъ, надѣюсь, надѣлите вашего пустыннаго друга. Прощайте! Обнимая васъ заочно, желаетъ вамъ всего, всего лучшаго и пр. Ѳедоръ Глинка.

LXVI.

В. П. Андроссовъ.

Москва, сентября 12-го 1828 г.

Я невольно вѣрю турецкому року, по крайней мѣрѣ, въ перепискѣ моей съ вами. Видно, суждено мнѣ начинать мои письма къ вамъ извиненіемъ прошлаго молчанія и обѣщаніемъ (преступнымъ, каюсь) исправиться. Для подкрѣпленія меня въ исполненіи обѣщаннаго, я желалъ бы, чтобы вы назначили мнѣ и время, и предметъ, о чемъ я долженъ писать къ вамъ. Смѣло берусь отвѣчать на каждый вашъ вопросъ, увѣренный, что вы, зная хорошо мои силы, не положите ига неудобоносимаго. Въ ожиданіи же бремени позвольте (выражаясь складомъ письменнымъ) обременить васъ покорнѣйшею моею просьбою. Въ Петербургъ на-дняхъ пріѣхалъ одинъ молодой

---

[1]) Въ «Альбомѣ Сѣверныхъ музъ» Ивановскій напечаталъ семь стихотвореній Ѳ. Н. Глинки и, между прочими, Златоуста. В. Я.

человѣкъ, сынъ почтеннаго человѣка, хорошаго моего московскаго пріятеля, профессора Петрова, для опредѣленія, кажется, въ военную службу. Добрый отецъ, часто слышавшій о васъ, просилъ меня порекомендовать сына его вамъ и побезпокоить васъ помочь ему, при случаѣ, добрымъ совѣтомъ. Зная васъ, я не затруднился просьбою. Надняхъ онъ къ вамъ, вѣроятно, явится, и вы, если не поскучаете, найдете въ немъ молодого человѣка, хорошо учившагося (онъ кончилъ науки въ университетѣ по отдѣленію физико-математическихъ наукъ), съ прекрасными правилами и совершенно дѣтской неопытностію, что особенно заставляетъ отца его о немъ заботиться.

Теперь о литературѣ. Не думаете ли чѣмъ подарить насъ? Не издаете ли чего? Если.... то прошу увѣдомить меня; я хотѣлъ бы имѣть честь быть вкладчикомъ: у меня есть прекрасная основа для русской повѣсти à la Walter Scott; а къ этому и еще что либо. Нынѣшній годъ я болѣе читаю; еще осталось нѣсколько твореній, кончу,—и прощай книги—мыслей вообще немного въ оборотѣ. Если житейство позволитъ, то вы не упрекнете меня бездѣйствіемъ. Вы знаете очень, очень хорошо, какъ у насъ практическая жизнь враждуетъ съ литературною. До отвѣта. Вашъ навсегда Андроссовъ.

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVI [1]).

Въ тюрьму я былъ брошенъ, отосланъ въ изгнанье,
Изведалъ я горе, изведалъ страданье,
Но все же я звалъ изъ печальной глуши
Свободу, владычицу твердой души.
Пришла, наконецъ, будто светъ среди тьмы,
Какъ воздухъ прохладный средь душной тюрьмы,
И голосъ мне вдругъ пробежалъ близь ушей:
«Вотъ ключъ отъ затворовъ тюремныхъ дверей,
Я дамъ его женщине, тебе ихъ она
Отворитъ; я буду тебе отдана».
Растворены двери и что-жъ вижу я?
О Боже! Она, то подруга моя,
Она растворила тюремную дверь,
И веселъ я съ ней и воленъ теперь.
За волю, за волю тебе, Провиденье,
Подругой мне данною—благодаренье.
Но есть еще воля!... то воля моя
Стремиться къ добру—неизмененъ ей я.

Н. П. Огаревъ.

Москва. Сентябрь 1839 г.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388, 692.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ

Письма къ нему Боева, Баклановскаго и Леонтьева.

въ 1677 г.

1.

Государю, боярину, князю Василью Васильевичу холопъ твой Матюшка Боевъ челомъ бьетъ. Въ домѣ твоемъ государевѣ на Москвѣ и въ вотчинахъ іюля въ 12 д. все далъ Богъ здорово. Изъ помѣстнаго, государь, приказа князю Алексѣю Васильевичу государеву грамоту на дикое поле къ писцу Ивану Нащокину на четыреста на пятьдесятъ четей взялъ въ Соловскомъ и Чернскомъ уѣздѣхъ на Ситовѣ Мечи, подлѣ твоихъ государевыхъ дачъ; а писецъ Иванъ Нащокинъ по се число еще съ Москвы не поѣхалъ. Да по указу великаго государя посланъ къ тебѣ со здоровьемъ и съ наказомъ стольникъ, князь Андрей, княжъ Андреевъ сынъ, Хилковъ; да къ тебѣ-жъ, государь, грамота: велѣно полчаномъ твоимъ, которые пріѣхали въ Путивль преже твоего пріѣзда и которые пріѣзжали къ тебѣ въ дорогу, имъ вычесть и милостиво похвалить. Да и къ товарищу, государь, твоему къ Ивану Васильевичу Бутурлину посланъ со здоровьемъ и съ наказомъ Ѳедоръ Павловъ сынъ Языковъ; а по се, государь, число съ Москвы они не поѣхали, выправливаются изъ розряда. Да іюля государь, въ 5 д., вверху предъ государемъ и при боярѣхъ былъ шумъ большой у Ивана Михайловича съ Иваномъ Савостьяновичемъ за будные лѣса Андрея Васильевича Толстаго. По отпискѣ, государь, твоей указалъ великій государь за безчестье твое Брянскаго воеводу Луку Зубова бить батоги и выслать его къ тебѣ въ полкъ служить; а о наказаньи и о высылкѣ государевъ указъ посланъ во Брянескъ къ

стрѣлецкому и казачьѣ головѣ, къ Леонтью Шакловитому съ розряднымъ подъячимъ, и городъ велѣно вѣдать ему, а на Лукино мѣсто сказано князь Ѳедулу Волынскому, и нынѣ онъ отлеживается, ѣхать не хочетъ. Да іюля, государь, въ 10 д., на праздникъ Ризы Господней, сказано окольничество Петру Тимоѳеевичу Кондыреву, Андрею Ивановичу Чирикову; у сказки стоялъ думный Дементій Башмаковъ. Да іюня, гоударь, въ 29 д., въ день рожденія царевича Петра Алексѣевича, государь указалъ быть для дня того вверхъ Кириллу Полуэктовичу, а нынѣ по прежнему съ двора не съѣзжаетъ. Да того жъ дня отъ царицы государыни ходилъ къ нему истопникъ съ подачею въ Троицкія ворота Каменнымъ мостомъ и по вѣдомости великому государю за гнѣвъ учинилось: истопникъ тотъ сосланъ въ ссылку, а Троицкія ворота и по се число заперты, не пропускаютъ ни коннаго, ни пѣшаго.

2.

Государю, боярину, князю Василью Васильевичу холопъ твой Матюшка Боевъ челомъ бьетъ. Въ домѣ твоемъ государевѣ на Москвѣ и въ вотчинахъ августа въ 9 д. далъ Богъ здорово. Приказы стрѣлецкіе, Максимъ Лупандинъ, Матвѣй Вешняковъ къ тебѣ, государю, пошли августа въ 6 д.

Да августа-жъ въ 8 д., по государеву указу, приведенъ былъ Иванъ Кирилловъ сынъ Нарышкинъ въ городъ къ рундуку, что передъ Грановитою палатой и около его сотникъ съ стрѣльцами, и челъ вины ему думной Василій Семеновъ, а у сказки стоялъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ. А въ винѣ ему написано: говорилъ-де ты, Иванъ, державнику своему Ивану Орлу на Воробьевѣ и въ иныхъ мѣстѣхъ про царское величество при лѣкарѣ Давыдкѣ: «ты-де Орелъ старый, а молодой Орелъ на заводи ходитъ, и ты его убей изъ пищали, а какъ ты убьешь, и ты увидишь къ себѣ отъ государыни, царицы и великой княгини Наталіи Кирилловны великую милость и будешь взысканъ и отъ Бога тѣмъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ!» И державникъ твой, Ивашка Орелъ, тебѣ говорилъ: «убилъ бы я, да нельзя, лѣсъ тонокъ, а заборъ высокъ!» И Давыдка-де въ тѣхъ словахъ пытанъ и огнемъ и клещами сженъ многижда, и передъ государемъ, и передъ патріархомъ и передъ бояры и отцу своему духовному въ исповѣди сказывалъ прежнія-жъ свои рѣчи, какъ ты Ивашкѣ Орлу говорилъ, чтобъ благочестиваго царя убить. И великій государь указалъ и бояре приговорили за такія твои страшныя вины и воров-

ство тебя бить кнутомъ и огнемъ и клещами жечь и смертью казнити. И великій государь тебя жалуетъ, вмѣсто смерти велѣлъ тебѣ дать животъ, а указалъ тебя въ ссылку сослать на Рязань въ Ряжской городъ и быть тебѣ за приставомъ до смерти живота твоего, а въ приставѣхъ у тебя указано быть Ивану Полуэктову, а изъ Ряжска тебя никуда и въ деревни свои безъ государева указа ѣздить не велѣно.

А вины его написаны столбцахъ будетъ на двадцати. А брату его, Аѳонасью, указано съ нимъ же быть, а Ѳедоровѣ женѣ Полуэктовича и съ сыномъ указано быть въ Алаторской ихъ старой деревнѣ, а въ приставѣхъ у нихъ Данило Чернцовъ. Да писалъ къ тебѣ, государю: изъ Арзамасской твоей вотчины села Стиксова священникъ Корнилій, іюля-де въ 15 д., волею праведною Божіею, сгорѣло въ селѣ 37 дворовъ крестьянскихъ, и таможенная изба, и квасной амбаръ и погребъ, и изба квасная, и ряды, и лавки и полки, все безъ остатка; а пишетъ, чтобъ ты, государь, пожаловалъ нынѣшній годъ подымныхъ денегъ съ лавокъ и полковъ съ арзамасцевъ и съ уѣздныхъ со всѣхъ людей для строенья полковъ и лавокъ имать не велѣлъ, а тѣхъ, государь, денегъ сбиралось въ годъ по тринадцати рублей слишкомъ, и о томъ, государь, что укажешь? А какъ ты, государь, ихъ тѣми деньгами на нынѣшній годъ пожалуешь, имать не укажешь, и они-де, посадскіе люди, лавки и полки на твоей сторонѣ, что по роздѣлу досталось, хотятъ строить собою. А учинился, государь, пожаръ: прогорѣла въ печи горнушка на дворѣ крестьянина твоего, Авдюшки Федотова.

3.

Государю, боярину, князю Василью Васильевичу Ивашка Баклановской, Ѳедька Левонтьевъ челомъ бьютъ. Подай Господь Богъ тебѣ, государю, многолѣтно здравствовать на многія лѣта; а про насъ, государь, изволишь вѣдать, и мы іюля по 10-е число живы.

Въ приказѣ, государь, и на пушечномъ дворѣ все далъ Богъ здорово и большая пищаль на сверлѣ ходитъ, а не дойдено попильнымъ сверломъ безъ трехъ вершковъ аршинъ. А у подъемщика, государь, большой Успенской колоколъ поднятъ былъ въ каменные своды и ушми дошелъ было до взруба, что на столбахъ и поверхъ ушей увѣкшъ (sic); іюля въ 6 числѣ канаты подорвались и колоколъ осѣлъ на срубъ аршина на три, только, государь, все цѣло и подъемщикъ канаты окрѣпилъ вновь и подъемъ будетъ іюля въ 11 числѣ.

А князь Семеновы княгини Львова дѣло вотчинное съ Ивановыми

отослалъ въ сибирскій приказъ къ боярину, къ Родіону Матвѣевичу Стрешневу. А что государь, у князь Ивана, княжъ Никитина сына, Засѣкина дѣло съ Петромъ Апраксинымъ, и о томъ дѣлѣ прислана память изъ посольскаго приказу; а иныя, государь, дѣла изъ приказовъ переносятъ къ тебѣ, боярину, вновь.

А пушкаремъ, государь, государево жалованье соль на нынѣшній годъ дана и изъ сибирскаго приказа мягкія рухляди треть на нынѣшній годъ на жалованье взято; а объ деньгахъ и о сукнахъ по се число указу нѣтъ. А о прутовомъ желѣзѣ великаго государя указъ на Тулу и на заводы посланъ, велѣно полтораста пудъ отпустить въ Сѣвескъ съ Тулы на ямскихъ подводахъ; а впредь, государь, что учнетъ дѣлаться, и мы вѣстно чинить станемъ.

По семъ тебѣ, государю, много челомъ бьемъ.

Да писалъ ты, государь, ко мнѣ, о Давыдовѣ дѣлѣ Бахерехта, чтобъ его не отпустить въ иной приказъ; и Собакинъ, государь, подписалъ челобитную, что дѣло взять отъ тебя, боярина, къ боярину, ко князю Михаилу Юрьевичу Долгоруково въ казанскій дворецъ, и ты, государь, учини намъ извѣстно, какъ изволишь.

Сообщ. **А. Востоковъ.**

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОГИЛЫ ВЪ ГОРОДѢ БЕРЕЗОВѢ

кн. Меншикова и гр. Остермана.

I.

Въ началѣ іюня мѣсяца 1886 г. мнѣ случилось быть въ г. Березовѣ. Хотя это время тамъ считается весною, но было похоже больше на осень: сильный холодъ, дождь и вѣтеръ не позволяли плыть въ лодкѣ дальше на сѣверъ, а сухопутныхъ дорогъ лѣтомъ тамъ нѣтъ, поэтому, поневолѣ, пришлось просидѣть нѣсколько дней въ комнатѣ. Но какъ ни была плоха погода, все-таки быть въ Березовѣ и не видать могилъ Меншикова и Остермана, окончившихъ здѣсь свою жизнь было бы почти преступленіемъ, поэтому, разспросивши хозяина, я отправился на кладбище.

Подходя къ церкви, выстроенной на высокомъ мысу надъ р. Сосвой—здѣсь, почти внутри города, помѣщается кладбище,—еще издали я замѣтилъ простой, старый, деревянный крестъ, выкрашенный черной краской, поставленный въ головахъ могилы, обнесенной полуразвалившейся деревянной рѣшеткой. Подойдя ближе, я осмотрѣлъ его подробно. Крестъ, вышиною въ три аршина, состоитъ изъ двухъ перекладинъ, какъ у католиковъ и лютеранъ. На пересѣченіи сдѣлана надпись «20-го мая 1747 года», а подъ ней тонкими бѣлыми чертами нарисованъ осьмиконечный крестъ. На другой сторонѣ, на пересѣченіи, прибиты двѣ вырѣзанныя изъ бѣлой жести буквы: «А. О.» и надъ ними такая же, грубой работы, корона. Это и есть могила графа Андрея Ивановича Остермана.

Могила князя Александра Даниловича Меншикова находится за оградой другой церкви, гдѣ другихъ могилъ нѣтъ. Она также огорожена простой рѣшеткой, но выкрашенной черной краской, и въ головахъ поставленъ такой же крестъ, какъ у Остермана, и при-

бита буква «М», съ короной наверху, сдѣланной очень плохо. За лѣвую палочку буквы засунутъ, наискось, маленькій мѣдный образокъ Божіей Матери, съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ. Крестъ и рѣшетка возобновлены въ 1885 году. Говорятъ, что тѣло Меншикова почти сохранилось, такъ какъ на глубинѣ могилы земля не отмерзаетъ.

Глядя на эти бѣдныя могилы, поддерживаемыя какими-то добрыми людьми, невольно является мысль: отчего же не позаботятся о нихъ прямые ихъ потомки? Кто бы ни были умершіе въ отношеніи государства, ихъ судитъ исторія; а все-таки, безъ этихъ предковъ, потомковъ нынѣ не зналъ бы никто. Ежели они не могутъ или не хотятъ увезти ихъ гробы отсюда, то хотя на мѣстѣ поставили бы какіе-нибудь памятники.

И. Воропай.

II.

По поводу замѣтки о могилѣ князя Меншикова, этого «безроднаго баловня счастія» — напомнимъ разсказъ историка Д. Н. Бантыша-Каменскаго о вскрытіи имъ въ 1827 г. этой исторической могилы. Разсказъ этотъ находится въ его Запискахъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., каковаго изданія давно уже нѣтъ въ продажѣ, такъ какъ оно въ томъ же году сполна разошлось (томъ VII, іюнь, стр. 744—746).

«Я пріѣхалъ въ Березовъ 6-го января 1827 г. на разсвѣтѣ и того-жъ числа обревизовалъ присутственныя мѣста, а послѣ обѣда осмотрѣлъ гробницу Меншикова, любимца Петра Великаго, бывшаго генералиссимуса россійскихъ войскъ. Мерзлая земля, принявшая останки сего знаменитаго изгнанника, сохранила ихъ отъ порчи въ теченіи ста лѣтъ. Городничій березовскій, г. Андреевъ, при самомъ вступленіи его въ сію должность, получилъ отъ меня словесное приказаніе открыть мѣсто погребенія Меншикова, если оно неизвѣстно. Принявъ слово сіе буквально, г. Андреевъ сталъ рыть землю на косогорѣ, въ десяти саженяхъ отъ берега рѣки Сосвы и близь фундамента сгорѣвшей, въ 1806 году, церкви, самимъ Меншиковымъ построенной; нашелъ гробницу, длиною въ сажень, совершенно сохранившуюся. По снятіи крышки оказалось, что тѣло усопшаго, покрытое на вершокъ льдомъ, не имѣло ни малѣйшаго поврежденія. Гробъ Меншикова тогда же былъ засыпанъ прежнею землею. Городничій не приказывалъ поднимать его на поверхность и я то-же сдѣлалъ 6-го

января, желая удостовѣриться, дѣйствительно ли тѣло, найденное г. Андреевымъ, было Меншикова [1]).

При первомъ взглядѣ, я узналъ его по фамильному портрету, бывшему у меня, съ котораго снятый рисунокъ помѣщенъ въ изданныхъ мною біографіяхъ любимцевъ Петра Великаго. На усопшемъ не было уже льда, но тѣло его, по увѣренію г. Андреева, чрезвычайно почернѣло, вѣроятно, отъ прикосновенія воздуха, между тѣмъ какъ въ 1825 году находилось въ томъ видѣ, въ какомъ погребено. Сукно, покрывавшее гробъ, позументъ, шелковое покрывало, стеганная шапочка на головѣ усопшаго, вѣнчикъ, платье, башмаки съ острыми носками и высокими каблуками также пострадали отъ перваго раскрытія и частію истлѣли, частію перемѣнили цвѣтъ [2]).

При освидѣтельствованіи гробницы Меншикова не было стеченія народа и сіе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на жителей Березова. Я пригласилъ тамошняго протоіерея отслужить панихиду по немъ. Та-же насыпь покрыла въ тотъ же день мѣсто, гдѣ покоятся останки одного изъ ревностнѣйшихъ слугъ Петра Великаго, того любимца фортуны, который имѣлъ счастіе, для славы Россіи, спасти жизнь монарха, благодѣтеля своего; строилъ вмѣстѣ съ нимъ корабли, обучалъ войско, побѣждалъ враговъ, управлялъ кормиломъ государства въ царствованіе Екатерины I; помолвилъ дочь за императора Петра; намѣревался сочетать бракомъ сына съ великою княжною, проложить потомкамъ своимъ дорогу къ престолу,—низвергнутъ въ прежнее ничтожество, лишился вдругъ всѣхъ надеждъ, нѣсколькихъ милліоновъ рублей, болѣе ста тысячъ душъ, княжескаго достоинства, чиновъ, знаковъ отличій, жены, дочери, имъ любимой, и въ несчастіи побѣдилъ самого себя, умѣвъ сносить оное съ христіанскимъ терпѣніемъ! На могилѣ Меншикова сдѣлано возвышеніе изъ дерна въ

---

[1]) Князь А. Д. Меншиковъ скончался 22-го октября 1729 г.; гробъ его былъ открытъ чрезъ 97 лѣтъ и три мѣсяца послѣ погребенія: почти столѣтняя давность не спасла, однако-же, Бантышъ-Каменскаго отъ пересудовъ, нареканій и извѣтовъ, вызванныхъ вскрытіемъ могилы кн. Меншикова. Ред.

Въ числѣ указавшихъ Андрееву могилу Меншикова, на коей не имѣлось даже насыпи, былъ казакъ Иванъ Андреевъ Шаховъ, 57 лѣтъ, который узналъ объ оной отъ умершаго на 107 году, въ 1797 году, березовскаго мѣщанина Матвѣя Баженова. Сей послѣдній опускалъ въ 1729 году гробъ Меншикова въ землю. Б. К.

[2]) Въ моемъ собраніи нѣкоторыхъ достопамятныхъ вещей сохранился лоскутокъ сукна, которымъ былъ обитъ гробъ кн. А. Д. Меншикова. Лоскутокъ этотъ, оторванный отъ его гроба Андреевымъ, былъ подаренъ имъ А. Н. Креницыну, а симъ послѣднимъ отданъ мнѣ въ 1864 г. Ред.

полтора аршина; деревянная, выкрашенная рѣшетка окружаетъ сіе мѣсто».

«Альбертъ, продолжаетъ Бантышъ-Каменскій, спускался въ могилу Меншикова и, по моему порученію, снялъ крестъ съ усопшаго, бантикъ изъ ленточки, находившійся на груди его, также частицу волосъ съ брови, смѣшанную съ приставшею къ нимъ мерзлою землею. Крестъ, бантикъ, нѣсколько лоскутковъ сукна, шелковаго покрывала, позумента и кусокъ гроба изъ кедроваго дерева были мною отправлены, 15-го февраля 1827 года, къ князю Александру Сергѣевичу Меншикову, правнуку знаменитаго изгнанника. Волоса (положенные Альбертомъ въ стклянечку, наполненную спиртомъ, для того, чтобъ они отдѣлились отъ земли) намѣревался я лично вручить князю, но не исполнилъ сего по той причинѣ, что письмо мое осталось безъ отвѣта. Стклянечка хранится доселѣ у г. Альберта (1834 г.)».

Д. Н. Бантышъ-Каменскій.

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ

въ 1820—1843 гг.

Свѣтлѣйшій князь Д. В. Голицынъ род. 29-го октября 1771 года; трехъ лѣтъ отъ рожденія онъ былъ записанъ въ л.-гв. Преображенской полкъ, въ 1789 году былъ уже поручикомъ л.-гв. Коннаго полка; за участіе въ штурмѣ Праги (1794 г.) получилъ орденъ св. Георгія; въ 1798 г. ген.-маіоръ; участникъ великихъ войнъ съ Наполеономъ и войны со Швеціей въ эпоху Александра I. Пройдя всѣ степени военной службы до чина генералъ-отъ-инфантеріи и начальника корпуса, кн. Д. В. Голицынъ въ 1820 году назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Москвы, съ управленіемъ и гражданскою частью. 27-го марта 1843 г. князь (съ 1841-го года свѣтлѣйшій) Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ скончался въ Парижѣ, куда отправился изъ Москвы для поправленія здоровья; онъ оставилъ по себѣ память сановника умнаго, администратора энергическаго, человѣка, любившаго науку и ея подвижниковъ.

Печатаемая нынѣ о немъ рукопись сообщена «Русской Старинѣ» покойною вдовою М. П. Погодина—Софьей Ивановной, изъ бумагъ ея мужа. Составитель приводимыхъ разсказовъ былъ воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона и одинъ изъ лицъ, довольно долго служившихъ при кн. Д. В. Голицынѣ; фамилія этого лица на рукописи не обозначена.

Ред.

Московскій генералъ-губернаторъ свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ представляетъ личность человѣка, воспитаннаго подъ вліяніемъ французскаго либерализма, начавшаго свои служебныя дѣйствія въ Александровское царствованіе и перенесшаго въ Николаевскую эпоху рыцарское благородство, со всѣми пороками и достоинствами вельможи Екатерининскихъ временъ; а между тѣмъ о такой личности нѣтъ полнаго жизнеописанія, многія обстоятельства его жизни, дѣйствія его, подвиги,

обрисовывающіе его характеръ и значеніе, не записаны въ лѣтописи; теперь они еще живутъ въ памяти многихъ, но современемъ забудутся, изгладятся, исчезнутъ и такая личность, какъ личность Дмитрія Владиміровича Голицына, достанется исторіи въ одной офиціальной формѣ.

Если не нашлось еще человѣка, которому были доступны семейные факты, преданія, документы, который посвятилъ бы свой трудъ на собраніе и разработку этихъ матеріаловъ, то въ виду облегченія труда будущему историку свѣтлѣйшаго князя, этого любимца Москвы и двухъ императоровъ, игравшаго двадцать три года важную административную роль въ Россіи, долгъ каждаго записать все, что этотъ каждый знаетъ изъ жизни князя, хотя бы и мелочи, и тѣмъ сохранить живой матеріалъ для его біографіи; стыдно будетъ тому, кто этого не сдѣлаетъ.

Съ такимъ убѣжденіемъ, при личномъ уваженіи къ памяти этого истаго вельможи и аристократа не по одному названію, но и по возвышенности чувствъ и мыслей, человѣка благороднаго въ высшемъ значеніи этого слова, пишущій эти строки накидываетъ свои воспоминанія, съ сожалѣніемъ, что не можетъ прослѣдить цѣлой жизни князя Дмитрія Владиміровича, высказать все политическое и человѣческое значеніе его для Россіи и долженъ ограничиться только нѣсколькими случаями, анекдотами, ему извѣстными, но и они могутъ современемъ послужить фактами къ очертанію высокаго характера князя Дмитрія Владиміровича Голицына.

Пишущій эти строки тринадцать лѣтъ служилъ при свѣтлѣйшемъ, но изъ этихъ тринадцати лѣтъ надо выкинуть первые годы начинанія службы въ младшихъ должностяхъ, — годы вѣтренности; онъ пользовался потомъ довѣріемъ и любовію князя, но только въ служебныхъ отношеніяхъ и не былъ домашнимъ человѣкомъ, не могъ знать всего, а потому и нельзя отъ него требовать чего-нибудь глубокаго, послѣдовательнаго, біографическаго.

I.

Въ Москвѣ доживалъ свой вѣкъ нѣкто статскій совѣтникъ Францъ Александровичъ Юни. Человѣкъ ученый, образованный, бывшій въ Китаѣ, іезуитъ по душѣ, если не агентъ іезуитовъ.

Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Андреемъ Ивановичемъ Полемъ и какъ Поль былъ домашнимъ докторомъ и приближеннымъ человѣкомъ супруги свѣтлѣйшаго князя, княгини Татьяны Васильевны (урожденной Васильчиковой), то Юни избралъ Поля проводникомъ для опредѣленія меня, воспитанника бывшаго благороднаго университетскаго пансіона, на службу къ князю. Княгиня, олицетворенное милосердіе, женщина безукоризненная, самыхъ честнѣйшихъ правилъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ порывахъ своего добраго сердца хлопотала тогда объ устройствѣ благотворительныхъ заведеній. Поль далъ перевести мнѣ съ французскаго жизнь св. Викентія Поля, это было совершенно à propos; переводъ былъ посвященъ и лично поднесенъ мною княгинѣ, въ ея кабинетѣ.

Меня поразили тонкія, благородныя черты этой старушки; онѣ обличали ея добрую душу и прежнюю красоту; она была окружена облагодѣтельствованными ею воспитанницами и пила кофе; князь пришелъ пожелать ей добраго утра, какъ онъ это всегда дѣлалъ. Княгиня приняла благосклонно мой трудъ и князь, подойдя ко мнѣ, спросилъ: чего я желаю въ благодарность? „Служить при вашемъ сіятельствѣ“.—„Очень радъ открыть вамъ дорогу, подайте завтра просьбу“. Я отблагодарилъ и откланялся. Вотъ первое мое знакомство съ ними.

II.

На другой день день былъ не пріемный; я сказалъ швейцару, что мнѣ приказано, и меня впустили; въ залѣ никого почти не было; только по серединѣ стояли три господина въ карикатурныхъ мундирахъ съ красными воротниками при треугольныхъ шляпахъ и шпагахъ съ самыми кислыми физіономіями, одинъ худой, длинный, другой настоящій арбузъ на двухъ огурцахъ, третій среднепропорціональный. Около нихъ суетился и шептался чиновникъ особыхъ порученій князя Ѳедоръ Ивановичъ Евреиновъ, добрый простой старичекъ; я его зналъ и, улучшивъ минуту, спросилъ, что это за люди? Для меня съ студенческой лавки это было новость.

— „Это члены (или секретари, не помню) Сиротскаго суда, отвѣчалъ Евреиновъ, я производилъ ревизію и открылъ много продѣлокъ, князь призвалъ ихъ распечь".

Адъютантъ отворилъ двери и князь изъ кабинета подошелъ прямо къ нимъ очень близко, вставилъ въ глазъ лорнетъ, онъ былъ очень близорукъ, и прищурясь разсматривалъ ихъ сперва, а потомъ тихо началъ:

— „Это вы мошенники, вы грабители сиротъ", и тому подобное; оборотясь къ длинному, онъ добавилъ: „ты честнѣе ихъ, дуракъ, я знаю, зачѣмъ же ты ихъ слушаешь?" и началъ ругать другихъ скверными словами, которыя произносилъ по своему, неправильно. Толстый обидѣлся и напомнилъ, что онъ титулярный совѣтникъ. Нельзя было удержаться отъ смѣха, видя эту толстую, красную, неуклюжую рожу и типъ благородной фигуры князя,— когда онъ, отступивъ два шага и поднимая ногу, закричалъ: „какъ я тебѣ въ пузо-то дамъ титулярнаго совѣтника!" онъ разразился въ ругательствахъ и угрозахъ; окончилъ тѣмъ, что, выталкивая ихъ буквально въ шею,—простилъ. Онъ терпѣть не могъ предавать суду и дѣлать несчастье; вотъ фактъ этому, хотя не лично, но доподлинно мнѣ извѣстный.

III.

Во второмъ департаментѣ Московскаго уѣзднаго суда служилъ по выборамъ молодой человѣкъ, надворный совѣтникъ Николай Ивановичъ Степановъ, дѣятельный, умный, но дерзкій и рѣшительный на все.

У него въ судѣ былъ споръ двухъ значительныхъ лицъ, въ 70 тыс.; дѣло рѣшено было въ сенатѣ противъ того лица, руку котораго держалъ князь Дмитрій Владиміровичъ. Дѣло перенесено было въ комиссію прошеній; только нужно было задержать выдачу денегъ. Князь призвалъ Степанова и просилъ его отъ своего имени замедлить выдачу, такъ какъ скоро исполненіе будетъ остановлено; Степановъ обѣщалъ, но взялъ 10 тыс. и деньги выдалъ. Князь сказалъ только: „онъ не уважилъ моей просьбы, но коли это по закону, онъ правъ".

Вскорѣ послѣ этого Степановъ, имѣя къ Святой надобность въ деньгахъ на коляску, сдѣлалъ въ судѣ фальшивую выдачу выморочныхъ денегъ, но обдѣлилъ одного засѣдателя и тотъ сдѣлалъ доносъ.

Когда это дошло офиціально до князя, онъ сказалъ: „если бы Степановъ не продалъ моей просьбы, я бы ему простилъ; это заблужденіе молодости, но въ немъ безнравственныя начала, пусть дѣло идетъ законнымъ порядкомъ, а засѣдатель подлецъ, изъ 200 погубилъ 5 человѣкъ; при первомъ проступкѣ предать суду". Засѣдатель былъ скоро преданъ суду, а въ дѣлѣ Степанова князь былъ вполнѣ безпристрастенъ. Степановъ избавился солдатства женитьбой на побочной дочери оберъ-секретаря, у котораго было его дѣло.

IV.

1830 и 1831 годы памятны Москвѣ. Это года холеры, но эти годы отмѣчаютъ блестящія страницы на поляхъ исторіи князя. Онъ явилъ себя тутъ благоразумнымъ, предусмотрительнымъ распорядителемъ; дѣйствія его извѣстны изъ газетъ того времени. При господствовавшемъ убѣжденіи, что холера заразительна какъ чума, онъ былъ въ необходимости—устроивать карантины и оцѣплять городъ подъ вліяніемъ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ графа Закревскаго. Впрочемъ, отъ этого ли, по другимъ ли причинамъ холера свирѣпствовала въ столицѣ, но не разлилась въ уѣзды.

Городъ терпѣлъ дороговизну, лишенія, строгости, но не было ропота на князя; всѣ были убѣждены въ его благоразуміи и благонамѣренности; спокойствіе не нарушалось, только чернь искала отравителей. Первою мѣрою князя была высылка изъ Москвы чернорабочихъ и фабричныхъ до 40 тыс., потомъ устройство на пожертвованія больницъ и раздачу бѣднымъ хлѣба. Что князь лично не вѣрилъ въ прилипчивость холеры, доказывается тѣмъ, что онъ безбоязненно посѣщалъ больницы. Въ этой мысли его поддерживалъ генералъ Карлъ Густафьевичъ Сталь (умершій комендантомъ въ Москвѣ); этотъ старикъ всѣми личными дѣйствіями внушалъ безбоязненность заразы. Какъ бы то ни было, безъ всякихъ крутыхъ мѣръ, князь Д. В. Голицынъ сохранилъ въ Москвѣ тишину и спокойствіе въ такое трудное критическое время; по одному его слову являлись дѣятели, помощники, жертвователи; его нравственное вліяніе на всѣ классы было безгранично. Я только что начиналъ службу и потому, къ огорченію моему, не могу сказать подробнѣе о холерѣ.

V.

Около князя группировалась вся аристократическая молодежь того времени и число чиновниковъ сверхъ штата доходило до полутораста. Валуевы, Топильскіе, князья Урусовы и многіе другіе, воспитанные въ его школѣ, занимали послѣ важныя государственныя должности. Свою канцелярію князь считалъ разсадникомъ, изъ котораго замѣщалъ всѣ должности въ губерніи; онъ это говорилъ вслухъ, и когда одинъ уже опытный чиновникъ просился къ нему, онъ написалъ въ резолюціи: я беру къ себѣ молодежь, чтобъ училась, а г. N опытенъ, можетъ найти другое мѣсто. Князь, воспитанный въ Парижѣ, плохо зналъ рускій языкъ, писалъ мелко, не четко, не дописывалъ и съ ошибками противъ языка; поэтому когда ему приходилось писать большія резолюціи, высказать идеи или дать дипломатическій отвѣтъ, въ чемъ онъ очень былъ искусенъ, онъ писалъ отлично по французски и чиновникамъ оставалось только перевести. Напрасно обвиняли его въ недостаткѣ ума, даже опытъ въ дѣлахъ въ послѣднее время былъ совершенно удовлетворителенъ; онъ былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, особенно противу высшихъ (надѣюсь представить нѣсколько фактовъ), за то былъ снисходителенъ къ подчиненнымъ и выслушивалъ всѣ возраженія безъ горячности, и хотя дѣйствовалъ по своему убѣжденію, но послѣ добросердечно сознавался въ своихъ ошибкахъ. Былъ дѣятеленъ и никогда не задерживалъ дѣлъ.

Онъ просыпался въ 5 или 6 часовъ и лежа распечатывалъ новыя бумаги, пилъ чай, читалъ доклады; въ 9 часовъ вставалъ и одѣвался; въ 10, сходивши къ княгинѣ, принималъ правителя канцеляріи и близкихъ чиновниковъ; въ 12 въ пріемной залѣ собиралось московское начальство и всѣ лица, имѣвшія до него надобность по службѣ; а три дня въ недѣлю принималъ просителей, впрочемъ, въ случаѣ надобности, онъ всегда былъ доступенъ. Передъ обѣдомъ онъ ѣздилъ съ визитами, осматривать войска, заведенія, ревизовалъ присутственныя мѣста лично, даже и въ уѣздахъ; потомъ обѣдалъ въ семействѣ, принимая своихъ приближенныхъ; послѣ обѣда немного отдыхалъ и если не вы-

ѣзжалъ, занимался подписью бумагъ, дѣлами, одинъ или по назначенію своему съ кѣмъ было нужно, занимался долго, иногда до часу, до двухъ. Лѣтомъ онъ уѣзжалъ въ свой майоратъ, въ 12-ти верстахъ за Калугу, и важныя бумаги и дѣла посылали ему туда; разъ въ годъ, зимой, ѣздилъ въ Петербургъ. Вотъ общій очеркъ его времяпровожденія.

VI.

Кн. Д. В. Голицынъ былъ самостоятеленъ и не признавалъ надъ собою власти, кромѣ царской. Однажды въ мое дежурство явился чиновникъ министра внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ, съ Владиміромъ на шеѣ. Я доложилъ. Князь сейчасъ вышелъ и молча подошелъ, смотря на него вопросительно. Тотъ подалъ конвертъ. Князь велѣлъ мнѣ распечатать и прочесть, пока я читалъ—чиновникъ объяснилъ, что онъ присланъ министромъ обревизовать московскіе надворные суды. Князь взялъ у меня бумагу, велѣлъ позвать оберъ-полицмейстера полковника Цынскаго. Когда тотъ взошелъ, князь ему сказалъ: «наблюдите, чтобъ этотъ господинъ въ 24 часа выѣхалъ изъ Москвы, а вы скажите своему министру, пока князь Голицынъ въ Москвѣ, никто Москвы ревизовать не будетъ», и, измявъ бумагу, бросилъ ее. Чиновникъ сконфуженный пошелъ вонъ; князь не его хотѣлъ оскорбить, а дать плюху министру, поэтому:

— «Постойте, добавилъ онъ, можетъ быть у васъ есть собственныя дѣла, родные въ Москвѣ?—вамъ нужно здѣсъ пробыть?»

Есть, ваше сіятельство.

— «Долго-ли разсчитываете здѣсь остаться?»

Недѣли двѣ.

— «Мнѣ очень пріятно видѣть васъ гостемъ, можете остаться, а министру я напишу».

VII.

Князь не всегда былъ счастливъ въ выборѣ людей, но былъ очень привязчивъ. При немъ давно служилъ по особымъ порученіямъ Ѳедоръ Михайловичъ Тургеневъ, который завѣдывалъ у него раскольниками, секретными дѣлами и конфиденціальной дипломатической перепиской князя. Онъ былъ недобросовѣстенъ съ одной стороны, угождая князю посредничествомъ по части клубнички, до которой князь страшно былъ лакомъ. Тургеневъ продавалъ его по службѣ и страшно нажился! Напрасно намекали князю; онъ не хотѣлъ вѣрить такой черной неблагодарности, со стороны человѣка, получившаго черезъ него генеральскій чинъ и груду орденовъ, не считая нажитыхъ 3-хъ тыс. душъ, но что было ждать отъ человѣка развратнаго, не пощадившаго родной дочери.

Когда устроились жандармство и тайная полиція, Тургеневъ написалъ письмо къ графу Бенкендорфу, вызываясь на основаніи своей приближенности къ князю быть шпіономъ при своемъ благодѣтелѣ. Этотъ поступокъ несправедливо приписывали адъютанту Петру Петровичу Новосильцеву; Новосильцевъ не былъ способенъ на это и до конца жизни князь сохранилъ къ нему расположеніе, чего не могло быть—послѣ такого дѣйствія.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ—по благородству своей души, не смотря на холодныя свои отношенія къ князю, прислалъ ему это письмо Тургенева въ оригиналѣ. У князя было въ этотъ день какое-то совѣщаніе и къ нему собрались всѣ московскія власти. Во время жаркаго разговора Тургеневъ взошелъ по обыкновенію нагло безъ доклада. Князь не обратилъ на него вниманія. Тургеневъ приближался и повторялъ поклоны.

Князь, наконецъ, оборотился и не поклонился; онъ всегда его называлъ по имени, но тутъ, вынувъ изъ подъ бронзовой собачки роковой конвертъ, сказалъ холодно: «г. Тургеневъ, прочтите это вслухъ»; тотъ схватилъ и вдругъ лицо его вытянулось, онъ узналъ свое письмо; разумѣется, языкъ не шевелился, руки дрожали; князь приказалъ бывшему тутъ чиновнику прочесть и бумагу графа, и письмо Тургенева. Послѣ чтенія взялъ, положилъ подъ собачку и не сказавъ ни слова Тургеневу—отвернулся и

заговорилъ съ членами собранія о другомъ предметѣ. Тургеневъ былъ уничтоженъ, онъ пятился, пятился и провалился въ двери, чтобы больше не являться. Презрѣнный всѣми, еще долго шатался онъ по Мясницкому бульвару, думая только о развратѣ— и умеръ забытый всѣми.

VIII.

Учрежденіе жандармства не нравилось князю Д. В. Голицыну, не потому, чтобы это былъ тайный контроль въ его управленіи и гордость его оскорблялась, но по боязни того неуловимаго вліянія, того неотразимаго зла, которое могли дѣлать въ обществѣ, въ частной жизни. члены тайной полиціи, по влеченію своихъ личныхъ отношеній; онъ не могъ составить прямой опозиціи государственному учрежденію и требовать для себя исключенія, но сейчасъ задумалъ парализировать дѣйствія жандармовъ и ввести ихъ въ тѣсную рамку политическаго круга дѣйствія и достигъ своей цѣли.

Подъ предлогомъ размноженія дѣлъ о раскольникахъ, секретной и дипломатической переписки и необходимости имѣть въ губерніи по дѣламъ неполитическимъ тайныхъ агентовъ, князь исходатайствовалъ учрежденіе при своей канцеляріи секретнаго отдѣленія и испросилъ штрафную сумму за просрочку въ Москвѣ адресныхъ билетовъ въ безотчетное свое распоряженіе (до 70 тыс. ассигн. въ годъ) на содержаніе тайныхъ агентовъ. Управленіе этою канцеляріею и агентами онъ ввѣрилъ служившему при немъ князю Ивану Ѳедоровичу Голицыну, человѣку жестокому, но хитрому и вполнѣ сочувствовавшему мысли дяди. Предположенія князя Дмитрія Владиміровича скоро оправдались на дѣлѣ; жандармы не только слѣдили нѣтъ ли заговоровъ и бунтовщиковъ, но проникали въ семейныя тайны, касались администраціи, доносили на частныхъ лицъ и присутствіе тайнаго надзора посѣяло во всѣхъ страхъ и стало отзываться въ общественной жизни, ибо изо всего могли сдѣлать поводъ къ непріятностямъ враги тайные, безотвѣтственные, но скоро обозначились и дѣйствія Ивана Ѳедоровича Голицына; едва только жандармы что нибудь доносили и графъ Бенкендорфъ сообщалъ князю

Дмитрію Владиміровичу для распоряженія или предупрежденія, князь имѣлъ уже данныя отвѣчать, что это вздоръ, если это былъ вздоръ, или что онъ уже принялъ свои мѣры къ предупрежденію зла, если была правда; при этомъ почти всегда дѣйствія жандармовъ представлялись ихъ начальству безполезными, запоздалыми, преувеличенными и часто князь Дмитрій Владиміровичъ прямо писалъ, что они вмѣшиваются не въ свое дѣло. Это породило сильное неудовольствіе между шефомъ жандармовъ и генералъ-губернаторомъ, отстаивавшимъ спокойствіе ввѣренной ему столицы; его полиція была такъ дѣятельна, что вездѣ предупреждала жандармовъ, а онъ самъ, гдѣ только могъ, уничтожалъ или ослаблялъ ея дѣйствія. Позже помирилъ князя Дмитрія Владиміровича съ графомъ Бенкендорфомъ и военнымъ министромъ княземъ Чернышовымъ чиновникъ его Барышниковъ, вступившій на мѣсто умершаго князя Ивана Өедоровича Голицына; они, т. е. кн. Д. В. Голицынъ, Бенкендорфъ и Чернышевъ сдѣлались истинными друзьями и единомысленниками.

IX.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, въ какомъ духѣ князь Дмитрій Владиміровичъ противодѣйствовалъ тайной полиціи.

Какъ человѣкъ образованный, онъ желалъ образованности, общественнаго мнѣнія, гласности и даже доходилъ до представленія проекта объ открытіи въ Москвѣ, въ видѣ опыта, публичнаго судопроизводства. Въ канцеляріи былъ чиновникъ Семенъ Ивановичъ Стромиловъ; онъ писалъ очень хорошо стихи, но преимущественное направленіе его таланта было сатирическое, никто не ускользалъ отъ его насмѣшекъ; когда князь Дмитрій Владиміровичъ выдалъ свою любовницу актрису Лопухину за глупаго князя Х...ва, польстившагося на камергерскій ключъ, Стромиловъ написалъ эпиграмму и князь Дмитрій Васильевичъ первый хохоталъ. Потомъ, когда сгорѣлъ въ Петербургѣ Зимній дворецъ — Стромиловъ написалъ на князя Волхонскаго басню, которая начиналась такъ:

Волъ, конской сбруею украшенный, стоялъ, и пр.

Сатира была и зло, и мѣтко написана. Чрезъ нѣсколько времени графъ Бенкендорфъ сообщаетъ князю особое повелѣніе, что такъ какъ авторъ живетъ въ Москвѣ, то отыскать его и, заковавъ, доставить въ Петропавловскую крѣпость. Князь зналъ автора. Онъ призвалъ Стромилова и показалъ ему бумагу, тотъ помертвѣлъ. «Вотъ, сказалъ князь, Богъ даетъ вамъ, молодымъ, таланты, а вы обращаете ихъ себѣ во вредъ! Пиши на меня, а это . . . . не тронь. Ну, что если я тебя пошлю? ты погибъ и изъ за чего? изъ за краснаго словца! ступай сейчасъ домой, у тебя вѣрно есть еще что запрещенное, уничтожь; могутъ накрыть жандармы, тогда и я не спасу, ступай скорѣй!»

Тѣмъ и кончилось; на бумагѣ онъ велѣлъ донести, что авторъ не отысканъ. Вообще онъ сердился, когда ему приходилось исполнять строгія мѣры, по доносамъ жандармовъ; онъ говорилъ: „они губятъ людей, а я отвѣчай и передъ людьми, и передъ Богомъ“.

X.

1834 годъ огненными чертами записанъ въ лѣтописяхъ Москвы; два мѣсяца пожары истребляли городъ; 8 іюня сгорѣло Лафертово; 11 августа 290 домовъ; на 11 милліоновъ погибло отъ огня въ Рогожской; пожары были по нѣсколько разъ въ день, команда обезсилила, лошади замучились, Цынскій нанималъ извощичьихъ по 5 и по 6 р. ас. въ день. Ясно было видно, что это не случайность, что тутъ злоумышленность! Народъ волновался, обвинялъ внѣшнихъ враговъ, во всѣхъ видѣлъ поджигателей и стало опасно ходить по улицамъ! Волненье выходило изъ границъ общественнаго спокойствія и угрожало бунтомъ. Жандармы оказались безсильны! Но князь Дмитрій Владиміровичъ является и тутъ отличнымъ администраторомъ! Чѣмъ успокоить народъ, предупредить насилія? Нужны очистительныя жертвы для спасенія жертвъ—отъ волненія черни.

Первыхъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ судятъ военнымъ судомъ и подвергаютъ публичной казни безъ ясныхъ уликъ, но пожары не прекращаются, народъ волнуется—нѣсколько жертвъ безъ вины пали отъ его подозрительности (въ томъ числѣ полковникъ Сомовъ). Князь испрашиваетъ разрѣшеніе государя при-

нять сильнѣйшія мѣры и князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ открываетъ слѣды — шайки разбойниковъ-поджигателей, ловитъ 17 человѣкъ и находитъ у нихъ грабежныя съ пожаровъ вещи, но только двое изъ нихъ сознаются, остальные запираются, а съ ихъ арестомъ пожары прекратились. Сильное обвиненіе. Князь Иванъ Ѳедоровичъ прибѣгаетъ къ формальной пыткѣ и истязаніемъ вынуждаетъ сознаніе. Виновные наказаны, 400 тыс. жителей успокоены, но князь Дмитрій Владиміровичъ узнаетъ чѣмъ Иванъ Ѳедоровичъ достигъ этого, ѣдетъ осмотрѣть орудія пытки (въ сводѣ вдѣлано было кольцо, допрашиваемаго привязывали внизъ головой и били нагайками, или голандской бичевкой, перетягивали руки и вѣшали за веревку на гвоздь и т. п.) и, убѣдясь въ ихъ жестокости, удаляетъ князя Ивана Ѳедоровича Голицына отъ дѣлъ.

Напрасно ему доказывали, что всѣ наказанные кромѣ поджоговъ давно заслужили кнутъ. Его чистая душа не выносила насилія.

XI.

Но не надо думать, чтобъ князь Дмитрій Владиміровичъ потакалъ преступленіямъ и былъ слабъ; нѣтъ—онъ потачки не давалъ, но не терпѣлъ жестокости. Когда 22-го августа 1832 г. его агентами открытъ былъ заговоръ Сунгурова, Гурова и Козлова, онъ энергическими мѣрами предупредилъ исполненіе, назначенное въ кремлевскомъ саду; во время гулянья въ Кремлѣ, экзерцисъ-гаузѣ, вездѣ были войска, пушки, патрули, а народъ гулялъ себѣ и ничего не зналъ; въ ту-же ночь забраны заговорщики.

Зачинщики оказались п — ми: подъ видомъ политической цѣли они привлекли человѣкъ 70 пылкой молодежи, имѣя отъ нихъ тайный замыселъ, если удастся смятеніе, ограбить опекунскій совѣтъ и ускакать. Голицынскій агентъ втерся въ кругъ заговорщиковъ и только за нѣсколько часовъ до исполненія дозналъ ихъ гнусный планъ.

Князь Д. В. Голицынъ съ перваго раза отдѣлилъ зачинщиковъ отъ завлеченныхъ и первыхъ предалъ всей строгости содержанія, но когда надъ ними былъ исполненъ приговоръ, князь смягчился

и прежде отправленія ихъ на каторгу далъ имъ устроить свои семейныя дѣла, а молодежь сильно отстаивалъ у государя Николая Павловича и многимъ выпросилъ прощеніе.

XII.

Его состраданіе проявлялось вездѣ! Онъ умѣлъ разграничивать строгость закона и жестокость мѣръ. Такъ, въ 1839 году (или около, не помню) черезъ Москву пересылались графомъ Паскевичемъ до 150 поляковъ, замѣшанныхъ въ какомъ-то польскомъ заговорѣ. Эти несчастные были схвачены лѣтомъ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ везлись на почтовыхъ со всѣми жандармскими строгостями въ Сибирь. Бѣлье и платье, на многихъ больныхъ, истлѣли въ содержаніи, у многихъ вовсе не было верхней одежды и изъ Варшавы до Москвы они не отдыхали. Князь, узнавши это, выбранилъ Паскевича и сейчасъ велѣлъ ихъ задерживать для отдыха въ Москвѣ, снабжать бѣльемъ, платьемъ и теплой одеждой въ приличномъ видѣ изъ секретныхъ суммъ, и мало этого, онъ позволилъ имъ написать письма къ роднымъ.

Они его благословляли и было за что. Жестокость отправленія изъ Варшавы этихъ арестантовъ всего разительнѣе отразилась на двухъ графиняхъ, матери и дочери лѣтъ 20-ти, обвиненныхъ въ заговорѣ. Эти свѣтскія женщины, безъ перемѣны платья, провели $2^1/_2$ мѣсяца въ казаметахъ Варшавы и прямо изъ тюрьмы, въ лѣтней одеждѣ, на почтовыхъ телѣгахъ, привезены въ Москву, для заключенія въ монастырь (онѣ поступили въ Новодѣвичій). Княгиня Татьяна Васильевна Голицына заплакала, услыхавъ о ихъ ужасномъ положеніи, сейчасъ прислала имъ съ своими воспитанницами бѣлье, платье, все, что было нужно, и ихъ повезли въ монастырь уже вымытыми и прилично одѣтыми.

XIII.

Князь простиралъ свою доброту далѣе, особенно если видѣлъ явную несправедливость; вотъ одинъ случай его самостоятельности: какой-то иностранецъ графъ, образованный, богатый человѣкъ, съ австрійскимъ паспортомъ пріѣхалъ въ Москву. На дорогѣ онъ ударилъ станціоннаго смотрителя; донесли государю; его паспортъ потребовали въ Петербургъ, учредили за нимъ секретный надзоръ, и потомъ, безъ объясненія причинъ, графъ Бенкендорфъ сообщилъ повелѣніе: сослать его въ Сибирь. Князь остановился въ исполненіи такого приговора, и написалъ графу, что этотъ иностранецъ не нарушилъ русскихъ законовъ въ такой степени, чтобъ подвергнуться ссылкѣ; но между тѣмъ все таки не могъ не арестовать иностранца.

Эта мѣра, при всѣхъ деликатныхъ предосторожностяхъ, такъ поразила арестованнаго, что у него хлынула ртомъ и носомъ кровь! Графъ Бенкендорфъ отвѣтилъ князю, что паспортъ этого человѣка по сношенію съ Вѣной оказался фальшивымъ и что онъ не смѣетъ о немъ передокладывать государю. Между тѣмъ иностранецъ просилъ аудіенцію у князя. Князь его принялъ, онъ явился въ черномъ фракѣ со звѣздой, наружность, видъ, манеры являли высшаго сановника. Князь принялъ его наединѣ въ кабинетѣ, потребовалъ опечатанный у него при арестѣ портфель, тамъ были къ нему письма царственныхъ германскихъ особъ, объяснявшихъ его личность. Кто онъ былъ, никто не зналъ, кромѣ князя, только князь проводилъ его съ почетомъ до сѣней, тотчасъ былъ написанъ всеподданнѣйшій рапортъ, гдѣ рѣзко объяснялось все дурное впечатлѣніе, которое произведетъ на европейскіе дворы такая неоправданная жестокая мѣра, а для объясненія, кто это лицо, было оставлено въ бумагѣ мѣсто, которое князь пополнилъ своеручно и запечаталъ своею печатью. Послѣдовала высочайшая воля отправить иностраннаго графа въ Одессу, откуда князь Воронцовъ сейчасъ посадилъ его на пароходъ и отвезъ въ Константинополь. Нечего говорить, что во время ареста съ этимъ лицомъ обходились съ почетомъ и, сколько можно было, смягчали его положеніе, но онъ и самъ понималъ, что большаго требовать нельзя. Кажется, это былъ одинъ изъ

высшихъ участниковъ революціи 1830 г. и чуть-ли не его имя упоминается въ запискахъ Сильвіо Пелико.

XIV.

1840 годъ принесъ Москвѣ новое бѣдствіе—голодъ, запасы хлѣба истощались, цѣны возвысились до 45 р. ас. за куль, подвозу не ожидалось, ибо неурожай былъ повсемѣстный. Что было дѣлать? выслать рабочихъ и фабричныхъ, но они будутъ умирать съ голоду въ деревняхъ, надо и деревнямъ помочь. У князя зарождается великая мысль, обширная мѣра благотворительности. Онъ приглашаетъ первостатейныхъ купцовъ, капиталистовъ и оптовыхъ хлѣбныхъ торговцевъ, всѣ являются на его зовъ;

— „Господа, говоритъ князь, вы знаете бѣдствія Москвы, передъ нашими глазами люди умираютъ съ голоду; а что впереди? у насъ хлѣба только до февраля; въ такое время долгъ русскаго гражданина помочь своему городу; но я не требую отъ васъ жертвъ, вы не можете столько пожертвовать, чтобъ спасти всѣхъ отъ нужды и гибели. Вотъ что я предлагаю, господа: собрать взаймы капиталъ, послать сейчасъ на Волгу и скупить и привезти хлѣбъ и продавать его безъ барышей. Я всѣхъ васъ бѣднѣе, господа, у меня на лицо денегъ 70 тыс. ас.; я 60 тыс. ас. даю въ займы Москвѣ“, и онъ положилъ ихъ на столъ.

Общія восклицанія отвѣтили на такой благородный вызовъ, Куманины, любимцы князя — Рохмановы, Алексѣевы. Рахмановы спѣшили подписаться на это великое человѣколюбивое дѣло и въ нѣсколько минутъ на листѣ подписки цифра выросла до 1.300,000. Тутъ же былъ составленъ изъ складчиковъ комитетъ (князь страшно любилъ комитеты); выбраны повѣренные и отправлены въ разныя мѣста для закупки хлѣба. Между тѣмъ оптовые торговцы по уменьшенной цѣнѣ и даже даромъ сами вызвались отпускать бѣднымъ хлѣбъ, а князь выпросилъ у государя взаймы 50 тыс. кулей, которые сплавлялись въ с.-петербургскіе магазины и были съ дороги поворочены на Шошу.

Князь постепенно сталъ понижать цѣны и скоро довелъ ихъ до 22 руб. за куль; хлѣбъ отпускался и въ деревни; губернія и столица были сыты, крестьяне въ деревняхъ не ѣли мякины,

коры и навозу, какъ въ другихъ губерніяхъ, и смертность не возвысилась надъ обыкновенной.

Великая заслуга передъ царемъ, отечествомъ и человѣчествомъ! За это князь получилъ титулъ свѣтлѣйшаго. Капиталы обернули два раза; при всей безкорыстности принесли по 10% хозяевамъ и черезъ годъ воротились къ нимъ въ цѣлости.

XV.

Купечество свою привязанность, любовь и уваженіе къ князю пожелало увѣковѣчить монументомъ. Составились подписка и рисунки; избрали рисунокъ архитектора Быковскаго: на малахитовомъ съ серебряными орнаментами пьедесталѣ (работы Сазикова) грудной бюстъ князя (работы Витали) изъ бѣлаго мрамора, съ приличными надписями. Намѣревались поставить монументъ въ биржевомъ залѣ, созданномъ княземъ. Но императоръ не позволилъ воздвигнуть монументъ при жизни и разрѣшилъ поднести его князю для храненія дома въ потомствѣ. Этотъ изящный и цѣнный, въ матеріальномъ и нравственномъ смыслѣ, памятникъ такой любви, какой не пользовался ни одинъ главнокомандующій въ Москвѣ, при жизни свѣтлѣйшаго стоялъ у него въ маленькой гостинной, на Тверской, въ казенномъ домѣ, а послѣ смерти его перенесенъ въ маіоратъ, имѣніе князей Голицыныхъ, находящееся въ 12 верстахъ налѣво отъ Калуги.

XVI.

Маіоратъ князей Голицыныхъ расположенъ на прекрасной мѣстности, но въ 1841 году былъ запущенъ, въ строеніяхъ не было особенной роскоши, все было прилажено для простой семейной жизни; тамъ лѣтомъ князь Дмитрій Владиміровичъ отдыхалъ отъ своихъ трудовъ въ патріархальной жизни; за строеніями далеко простирается паркъ; каждый владѣтель насаживаетъ двѣ или три десятины рощи, съ дорогами; въ центрѣ памятникъ и жизнеописаніе каждаго владѣльца; первая роща сосновая, строевой лѣсъ, 2-я липовая, 3-я опять хвойная, роща князя Дмитрія Владиміровича березовая и уже очень крупная.

Я пріѣхалъ съ важными бумагами и прямо явился къ князю на курьерскихъ по страшной колоти; калужская глиняная дорога засохла колеями. Князь велѣлъ мнѣ прежде отдохнуть; я остановился въ квартирѣ товарища своего В. Д. Серебрякова во флигелѣ; сейчасъ принесли кофе и закуску. Къ обѣду я одѣлся въ вицъ-мундиръ и по звонку пошли въ столовую въ 3 часа, гдѣ уже собралась вся семья; княгиня уже не могла ходить, ее возили въ креслахъ; тутъ были сыновья князя, воспитанницы, дочери предсѣдателя Смирнова, прокуроръ изъ чиновниковъ князя и еще кое кто. Князь встрѣтилъ меня вопросомъ:

— «Куда ты пришелъ?»—Я не понялъ вопроса.

— Къ вашему сіятельству.

— «Знаю, да куда?»

— Въ столовую.

— «А гдѣ эта столовая?»

— Въ имѣньи вашего сіятельства.

— «Въ деревнѣ?»

— Точно такъ.

— «Такъ для чего форма, развѣ нѣтъ сюртука? Поди переодѣнься».

Три дня князь откладывалъ докладъ и когда я рѣшался напомнить, что бумаги нужныя, онъ отвѣчалъ: «развѣ тебѣ у меня скучно?»

Наконецъ, разрѣшилъ вопросы; я въ ночь сочинилъ бумаги. Серебряковъ переписалъ и утромъ я подалъ князю.—«Вишь торопится, сказалъ онъ, такъ вотъ не уѣдешь, бумаги отправь съ курьеромъ, а самъ останься». Никогда не забуду я этихъ двухъ недѣль, проведенныхъ въ теплотѣ семейной, радушной, простой жизни князей Голицыныхъ. Мы всѣ были какъ дѣти съ отцемъ, начальника не было, князь шутилъ, ѣздилъ съ нами на прогулки, мѣшался въ игры, подставлялъ барышнямъ ногу въ горѣлкахъ и былъ очень веселъ. Пришелся храмовой праздникъ, собралось тьма народу; по приказанію княгини, были привезены воза пряниковъ, орѣховъ, которые она сама бросала въ народъ. И тутъ ясно выражалась народная любовь къ князю и его семейству: крикамъ, возгласамъ, непритворному веселью не было конца. Потомъ устроились театры, прогулки, игры и время пролетѣло незамѣтно.

XVII.

Серебряковъ былъ одинъ изъ сыновей честнѣйшаго и благороднѣйшаго генерала, начальника комитета снабженія войскъ сукнами. Когда старикъ умеръ, разумѣется, у него, какъ у честнаго человѣка, ничего не осталось; братья все отдали сестрамъ, а сами потеряли даже мѣста въ комитетѣ. Серебряковъ попалъ въ канцелярію князя, но какъ хорошій калиграфъ обреченъ былъ на 600 р. ас. жалованья и на вѣчные писцы. При поѣздкѣ князя въ Петербургъ его взяли какъ хорошаго писца; князь замѣтилъ его, полюбилъ и приблизилъ къ себѣ; Серебряковъ былъ скромный, даже робкій, но очень нравственный молодой человѣкъ. Онъ жилъ у князя, былъ всегда при немъ, даже ѣздилъ съ нимъ за границу и могъ бы оставить о свѣтлѣйшемъ очень интересныя подробности, онъ былъ при смерти князя въ Парижѣ и по завѣщанію получилъ 3 тыс. пенсіи.

Послѣ смерти отца, главнымъ средствомъ жизни четырехъ сестеръ Серебрякова была аренда; она кончилась въ 1841 году; князь обѣщалъ выхлопотать продолженіе, но Серебряковъ не смѣлъ напомнить. Я взялся за это; за столомъ шутя сказалъ князю, что онъ забываетъ обѣщанія. Князь вспылилъ; онъ свое слово ставилъ выше всего; я шутя опять объяснилъ дѣло; князь разбранилъ Серебрякова и велѣлъ мнѣ написать письмо принцу Ольденбургскому. Аренда въ 5 тыс. дана еще на 6 лѣтъ.

Готовность князя Дмитрія Владиміровича на добро никогда не обманывала тѣхъ, кто прибѣгалъ къ нему. У меня былъ братъ, молодой, семейный человѣкъ, проигравшій все состояніе; онъ былъ военный, ему хотѣлось поступить въ кадетскій корпусъ офицеромъ, но онъ не имѣлъ права по воспитанію. Я прибѣгъ къ князю, описавъ бѣдственное положеніе брата. «Я его не знаю, отвѣчалъ князь»; я ручался; князь подписалъ письмо къ великому князю Михаилу Павловичу и черезъ мѣсяцъ братъ былъ опредѣленъ.

Князь Д. В. былъ безукоризненной честности и взятокъ для него не существовало; никто не осмѣлится упрекнуть его въ лихоимствѣ; если онъ и бывалъ неумышленно пристрастенъ, то по вліянію близкихъ по сердцу или по службѣ людей. Но и у

его приближенныхъ не было безнравственнаго, чернаго взяточничества, тяготѣющаго надъ личностями; не скажу, чтобы правитель канцеляріи П. Ф. Степановъ, Г. М. Барышниковъ не нажили состоянія, но твердо удостовѣряю, что въ канцеляріи между секретарями и чиновниками безкорыстіе и честность были развиты въ высшей степени; одинъ чиновникъ Комаровскій взялъ 200 р.; въ тотъ же день товарищи, узнавши, заставили его выдти въ отставку; если грѣшили еще, то нѣкоторые чиновники особыхъ порученій, дѣла которыхъ были тайна. Князь Д. В. ежегодно выпрашивалъ у государя для всей канцеляріи, въ которой было много бѣдныхъ людей, годовые и полугодовые оклады и раздавалъ сверхъ того остатки суммъ. Нѣкоторымъ давалъ у себя квартиры и помогалъ отъ себя.

XVIII.

Князю много приписывали фаворитокъ; нельзя отрицать, чтобъ онъ не былъ любострастенъ, особенно когда жена захворала и состарѣлась; Москва приписывала ему связи съ П—вой.

Дѣйствительно, онъ очень любилъ эту женщину и она имѣла на него безграничное вліяніе; онъ велѣлъ ее пьянаго мужа — подвести подъ публичное изобличеніе въ развратѣ; это было сдѣлано. П—ва накрыли, какъ говорится. Жена стала просить формальнаго развода, но всѣ боялись, что князь (онъ уже овдовѣлъ въ это время) женится на П — вой и въ синодѣ зять его, графъ Протасовъ, помѣшалъ разводу; П—въ былъ отданъ въ монастырь. Но кажется достовѣрно, что это была клевета и тутъ была другая любовь—любовь отеческая. Всѣ знали, что нѣкогда князь былъ въ связи съ женой своего управляющаго А — ва; двухъ его сыновей и дочь (П — ву) называли дѣтьми князя, и это вѣроподобно, онъ о нихъ пекся, какъ отецъ. Серебряковъ свидѣтельствуетъ, что обхожденіе князя съ П — вой было отеческое, а Серебрякову можно вѣрить, онъ былъ интимный въ домѣ. Кромѣ того вотъ фактъ, опровергающій подозрѣніе на князя. Командиръ карабинернаго полка С—й былъ въ явной связи съ П — вой; князь не могъ не понять этого, но любилъ С — го и бывалъ часто у него. Разъ, получивъ экстренную

депешу, я отыскалъ князя у полковника. Князь сидѣлъ развалившись на большихъ креслахъ, П — ва и Столповской чуть не обнявшись на диванѣ. Какъ же могъ князь быть въ такой степени чуждъ ревности, чтобъ допускать это.

XIX.

Но все таки любострастная жизнь была причиной смерти князя; хотя онъ умеръ 73 лѣтъ, но эта крѣпкая натура могла существовать долѣе. При ослабленіи силъ—онъ прибѣгалъ къ разнымъ крѣпительнымъ средствамъ и неумѣренные пріемы шпанской мухи породили ракъ въ мочевомъ пузырѣ, который доктора приняли за каменную болѣзнь. Въ 1843 году въ послѣдній разъ проводили мы князя Д. В. за границу; онъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобъ больше не возвращаться. П — ва умерла передъ этимъ отъ сильнаго пріема (лекарства) на пароходѣ. Въ Парижѣ были приглашены лучшіе доктора; ихъ было пять. Орфила понялъ болѣзнь князя и возсталъ противъ операціи, но его пересилили — и сдѣлали операцію; князь умеръ чуть не подъ ножемъ. Тѣло его привезено въ 1843 году въ Москву. Не было объявлено о времени пріѣзда, но у заставы дожидалась толпа народа, купцовъ и чиновниковъ; только что показались печальные дроги — всѣ безъ приготовленія, по единомысленному стремленію, выпрягли лошадей и на себѣ повезли бренные остатки нѣжно любимаго начальника; это было вечеромъ, не вѣсть откуда явились факелы. Въ грустной торжественной тишинѣ потянулась импровизированная процессія, улицы запрудились народомъ, никакой полиціи не было — но тишина была поразительная; многіе плакали; черезъ Дорогомиловскій мостъ по Арбату и бульварамъ везли на себѣ дроги и сняли гробъ въ церкви Димитрія Солынскаго, возлѣ Страстнаго монастыря, гдѣ онъ и стоялъ до торжественныхъ похоронъ. Какого еще памятника? Три дня площадь была залита народомъ. Торжественное погребеніе испортила погода и нераспорядительность; колесница не прошла въ Иверскія ворота и должно было обвозить вокругъ.

Тѣло князя предано землѣ въ семейной церкви князей Голицыныхъ, въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ прахомъ его достойной супруги Татьяны Васильевны. Участвовавшимъ въ похоронахъ розданы золотыя кольца.

На другой день мы, чиновники его канцеляріи, сложились деньгами и въ главахъ усопшихъ поставили богатую икону, въ серебряной ризѣ — съ неугасаемой лампадой. Чѣмъ больше могли мы выразить всю вѣчную любовь свою къ такому безпримѣрному начальнику?

Сверхъ этого, остались еще деньги. Рѣшили назначить премію за лучшее біографическое сочиненіе о жизни свѣтлѣйшаго князя. Премія досталась бывшему секретарю его, а потомъ директору опекунскаго совѣта В. Н. Драшисову, но она составлена кратко, изъ однихъ оффиціальныхъ фактовъ и можетъ только служить канвой для будущей полной біографіи.

Вотъ пока все, что врѣзалось въ моей памяти и сердцѣ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Прибавлю къ тому, что онъ пользовался неограниченною довѣренностью и любовію императора Николая Павловича. Князь Дмитрій Владиміровичъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ другимъ послѣднимъ представителемъ боярства въ Москвѣ, любимцемъ Москвы—княземъ Сергіемъ Михаиловичемъ Голицынымъ, также съ митрополитомъ Филаретомъ; князь Дмитрій Владиміровичъ совѣтовался съ нимъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ и слушался его. Къ этимъ лицамъ, встрѣчавшимъ государя въ Кремлѣ, императоръ самъ дѣлалъ визиты при первомъ выѣздѣ, а сыновья ѣздили къ нимъ первые.

Между этими тремя главными лицами Москвы существовала, кромѣ личнаго уваженія и дружбы, какая то государственная тайна, кажется, относившаяся ко времени распечатанія духовнаго завѣщанія императора Александра I.

Сообщ. въ 1876 г. С. П. Погодина изъ бумагъ М. П. Погодина.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ КАРАТЫГИНЪ,

I.

Первый дебютъ В. А. Каратыгина на сценѣ.

Письмо барона Вл. Ив. Штейнгейля.

С.-Петербургъ, 6-го мая 1820 г.

Съ праздникомъ! Ты ждешь описанія о новомъ дебютантѣ. Удовлетворю любопытству твоему кратко. Лишь показался, то громкія рукоплесканія раздались со всѣхъ сторонъ, и минутъ пять продержали его на половинѣ сцены, въ наклоненномъ положеніи. Голова и лицо прекрасны, станъ величественъ, ростъ больше твоего, но ноги жидки и вообще видно, что онъ не состроился. Едва началъ говорить твердымъ голосомъ—и всѣ услышали Яковлева. Удивительное сходство. Но когда горячился, то голосъ измѣнялъ ему и видно было, что говоритъ юноша. Послѣ каждаго акта со всѣхъ сторонъ начинались сужденія; но общій результатъ оныхъ былъ тотъ, что онъ много обѣщаетъ. Теперь еще произношеніе неправильно, жесты неловки и часто неприличны; излишнее мотаніе головою, неумѣстная горячность и пр. недостатки весьма примѣтны. Однакожъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произносилъ онъ стихи превосходно. Напр., тутъ, гдѣ онъ, описывая смерть Тоскара, говоритъ: могила храбраго отечеству священна. При концѣ трагедіи онъ зарыдалъ какъ юноша, а не какъ герой, ужаснымъ бѣдствіемъ сраженный. Его, однако-жъ, вызвали съ Колосовою и наградили громкимъ рукоплесканіемъ.

Потомъ мы были съ сестрицей на Маломъ театрѣ, при представленіи Роллы. Чортъ вѣдаетъ, какъ исказили эту трагедію. Вообрази, что старика слѣпаго игралъ Величкинъ—и тутъ, гдѣ надобно было бы плакать, отъ умиленія, всѣ хохотали. Борецкій не на Аталибу, а на булошника болѣе походилъ. Эльвиру—Яковлева играла бездушно:

роль совсѣмъ не по ея лицу и характеру. Максинъ харахорился и вралъ препорядочно—и тоже возбуждалъ смѣхъ, короче, во всей трагедіи одна Валберхова играла хорошо и съ чувствомъ прямымъ и еще Каменогорскій; тоже можно сказать о Толченовѣ. Вызвали Валберхову съ Максинымъ. Перегородка очень хороша, но мнѣ показалось, что нѣсколько растянута. Монруа пѣла дурно и не умѣла сѣсть за арфу; поставила ее къ себѣ наоборотъ и заставила хохотать. При томъ же вмѣсто арфы мы слышали три дурныя скрипки. Хоть бы подъ качелями!

Забылъ сказать, что Тюфякинъ иначе не дозволилъ явиться Каратыгину въ бенефисъ отца его на сцену, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ четыре раза сыгралъ въ пользу дирекціи—и онъ скоро будетъ играть роль Эдипа царя, въ траг. соч. Грузинцева. Когда же обязанность свою выполнитъ, то на три года еще останется безъ дѣйствія, и очень благоразумно!

Сегодня гулянье на Крестовскомъ. Моимъ хочется видѣть. Не знаю, удастся ли достать билетъ. Прости. Будь здоровъ къ удовольствію любящихъ тебя, отъ нихъ же первый баронъ В. Штейнгейль

12-ть часовъ вечера. Сейчасъ пріѣхали изъ театра. Видѣли много пріятнаго для глазъ въ гуляньѣ на Крестовскомъ. Малютка Месъ удивила своимъ искусствомъ. Чудо!—французскій кадриль и казацкій танецъ насъ плѣнили. Жаль только, что, сидя въ бенуарѣ, своротили шеи... Но, пора спать. Прости. Добра ночь!

В. Ш.

Помѣта: Получено 8-го числа.

Сообщ. 10-го декабря 1884 г. **В. Надпорожный.**

II.

Послѣдніе дни жизни В. А. Каратыгина.

Письмо А. М. Каратыгиной къ директору театровъ А. М. Гедеонову.

12-го марта 1853 г. Спб.

Я лежу въ постели, Александръ Михайловичъ, иначе пріѣхала бы у ногъ вашихъ умолять помочь мужу моему.

Онъ умираетъ! — его лечитъ Буяльскій и я не смѣю ни дочь моя предложить ему сдѣлать скорѣе консиліумъ: позвать Пеликана, Кареля и кого онъ еще назначитъ.

Я знаю ваше сердце, знаю, какъ вы цѣните моего мужа и всегда любили насъ съ дочерью—и потому смѣло прошу васъ о томъ, чего не посмѣлъ бы никто другой: съѣздите къ Буяльскому, онъ живетъ въ своемъ домѣ въ Итальянской, близь Лиговки, или Петръ Андреевичъ Каратыгинъ скажетъ вамъ, въ которомъ часу Буяльскій будетъ у насъ, я еще этого не знаю — какъ онъ назначитъ: скажите ему, Христа ради, что вы должны доложить государю о положеніи отчаянномъ Каратыгина, и что онъ вѣрно спроситъ, былъ ли консиліумъ, кто, кто и кто его лечитъ. Васъ онъ послушаетъ, не разсердится и не броситъ лечить моего мужа.

Я такъ знаю нашего ангела царя, что даже его святое имя употребляю безъ его вѣдома. Простите меня, поймите мое положеніе: я и дочь его у ногъ вашихъ и государя, помогите, спасите Каратыгина, и жена и дочь его за васъ молятъ и будутъ вѣчно молить Бога.

Буяльскаго мы ждемъ сейчасъ, ради Бога Господа пріѣзжайте скорѣе и вы его застанете у насъ.

Помѣта А. М. Гедеонова: Получено 12-го марта въ 6 ч. вечера.

Сообщ. **Александръ Александр. Кирѣевъ.**

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVI [1]).

Молдаваны [2]).

Ночь луною озарило,
Подъ снѣгами спитъ земля
И бѣлѣются уныло
Безконечныя поля.
Ѣдемъ... тройка удалая
Снѣгъ копытами мятетъ,
И ямщикъ, кнутомъ махая,
Пѣсню грустную поетъ.
У дороги, средь поляны,
Разложенные костры,
Кочевые молдаваны
Здѣсь раскинули шатры.
Собрался передъ огнями
Отвратительной толпой
Съ распущенными власами
Рядъ старухъ полунагой;
И на палку опираясь,
Въ хитрыхъ замыслахъ, старикъ,
Молча, злобно улыбаясь,
Головой на грудь поникъ;
Дѣти въ рваномъ одѣяньи
И съ запачканнымъ лицомъ
Съ крикомъ просятъ подаянья,
Обступивъ меня кругомъ.
Стала тройка удалая
И испугана храпитъ;—
Молдаванка молодая,
Смуглоликая стоитъ,
Освѣщенная огнями,
Освѣщенная луной,
Съ ярко черными глазами
И разметанной косой,
Хочетъ смуглою рукою
Руку взять мою она
И сказать какой судьбою
Жизнь моя надѣлена.
Прочь, коварная смуглянка!
Ну, ямщикъ, пошелъ живѣй!
Страшно очи молдаванки
Блещутъ въ сумракѣ ночей.

1839 г. Н. П. Огаревъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.
[2]) Кочуютъ около Москвы и по Рязанской дорогѣ.

ДРУЗЬЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

въ ихъ къ нему письмахъ.

Ю. Ѳ. Самаринъ.—Ѳ. В. Чижовъ.—М. П. Погодинъ.—А. В. Никитенко

въ 1836—1847 гг.

Въ своей извѣстной книгѣ «Записки о жизни Гоголя», г. Кулишъ приводитъ изъ «Life of Cowper» Сутея не лишенное основанія мнѣніе, что «часто характеръ человѣка мы можемъ узнать вѣрнѣе изъ писемъ, писанныхъ къ нему, нежели изъ его собственныхъ писемъ». Раздѣляя этотъ взглядъ, авторъ «Записокъ» даетъ въ своемъ трудѣ мѣсто небольшимъ выдержкамъ изъ писемъ разныхъ лицъ къ Гоголю. Но онъ вынужденъ сознаться, что этотъ біографическій источникъ у него очень скуденъ и что развѣ современемъ могутъ найтись новые матеріалы, которые дадутъ возможность пополнить допущенный по необходимости пробѣлъ. Съ тѣхъ поръ прошло больше тридцати лѣтъ, но матеріалы отыскиваются туго и, повидимому, самая надежда сберечь угасающіе отголоски прошлаго грозитъ уступить мѣсто опасенію, чтобы они не замерли вовсе. Поэтому, кажется, не преждевременно извлечь изъ-подъ спуда то, что еще сохранилось и может быть опубликовано въ настоящее время.

Намъ нѣтъ нужды говорить о самостоятельномъ интересѣ писемъ Ю. Ѳ. Самарина и Ѳ. В. Чижова къ Гоголю для ближайшаго ознакомленія съ личностями обоихъ этихъ видныхъ дѣятелей славянофильства 1840-хъ годовъ, ни о томъ, что они цѣнны также въ качествѣ матеріала для характеристики восторженно-благоговѣйнаго отношенія къ Гоголю представителей мыслящей части общества того времени. Обратимъ лишь вниманіе на нѣкоторыя любопытныя данныя при опредѣленіи роли Гоголя, какъ нравственнаго руководителя лицъ, избиравшихъ его судьей и повѣреннымъ завѣтныхъ своихъ помысловъ.

Нравственный авторитетъ Гоголя обусловливался для его почитателей какъ исключительно высокимъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ литературѣ, такъ и его заботами о совершенствованіи и готовностью принимать на себя отвѣтственное бремя наставничества. Но отношенія его къ жаждущимъ духовной помощи были не одинаковы. Съ увлеченіемъ бесѣдовалъ Гоголь съ Віельгорскими и особенно съ Смирновой, охотно вращался въ кругѣ Толстыхъ и Апраксиныхъ, но далеко не столь же охотно отзывался на душевные запросы

Самарина и Чижова. Разница въ степени нравственнаго сближенія была здѣсь главной, но не единственной причиной. Въ то время, какъ аристократическія поклонницы Гоголя были преимущественно воодушевлены религіозными интересами и съ чисто женскимъ увлеченіемъ возводили его на идеальную высоту непогрѣшимой мудрости и нравственнаго величія,—у Самарина и Чижова то-же благоговѣніе передъ авторитетомъ Гоголя имѣло иную окраску: они видѣли въ немъ опытнаго и умнаго наставника, совѣтами котораго дорожили, но больше въ примѣненіи къ вопросамъ практической жизни и нравственности, нежели религіи. Эта постановка дѣла, повидимому, была менѣе по душѣ Гоголю.

Ю. Ѳ. Самаринъ, безъ сомнѣнія, встрѣчался съ Гоголемъ въ московскомъ кружкѣ славянофиловъ въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ Москву въ началѣ сороковыхъ годовъ. Самаринъ уже раздѣлялъ со всей интеллигентной молодежью преклоненіе передъ Гоголемъ; Юрій Ѳедоровичъ видѣлъ въ немъ первостепенное свѣтило литературы, вождя всего русскаго общества, но самъ онъ былъ для Гоголя пока только хорошимъ знакомымъ его друзей. Когда Гоголь снова уѣхалъ въ Италію въ маѣ 1842 года, онъ, вѣроятно, не помнилъ, среди совершенно иныхъ впечатлѣній и артистическаго упоенія любимой страной, многихъ, имѣвшихъ въ его глазахъ гораздо больше значенія, чѣмъ его даровитый поклонникъ-юноша. Но во всякомъ случаѣ, даже при первомъ весьма поверхностномъ знакомствѣ съ Самаринымъ, онъ своимъ проницательнымъ и искусившимся въ познаніи людей взглядомъ успѣлъ замѣтить живой, блестящій умъ послѣдняго, какъ это совершенно ясно изъ письма къ К. С. Аксакову, писаннаго годъ спустя послѣ отъѣзда изъ Москвы,—не смотря на то, что въ немъ только вскользь, случайно упомянуто о Самаринѣ (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, VI, 14). Отношенія ихъ возобновились, когда А. О. Смирнова вернулась изъ-за границы въ Петербургъ и тамъ встрѣтила недавно переселившагося изъ Москвы талантливаго славянофила. Хотя первое впечатлѣніе, произведенное имъ на Александру Осиповну, было не безусловно благопріятное и въ его увлеченіяхъ звучало для нея что-то неубѣдительное и несочувственное, но любовь его къ Гоголю нашла въ ней задушевный, родственный откликъ. Она не устаетъ твердить Гоголю въ письмахъ: «Самаринъ ужасно васъ любитъ», «Самаринъ вашъ ужасный аматеръ». При своемъ умѣ и впечатлительномъ характерѣ, Александра Осиповна не замедлила оцѣнить и перенести свое благородное увлеченіе на Самарина, подобно тому какъ всегда и въ другихъ случаяхъ она съ пламеннымъ энтузіазмомъ своей южной натуры отдавалась новымъ, сильно поразившимъ ее впечатлѣніямъ. И вотъ она уже лестно отзывается о Самаринѣ, какъ объ «удивительной жемчужинѣ въ молодежи». Вскорѣ Самарину представился случай написать небольшое письмо Гоголю при посылкѣ ему своей диссертаціи,—письмо, вѣроятно, не сохраненное Гоголемъ, но о существованіи котораго узнаемъ изъ переписки (см. Соч. Гог., изд. Кул., т. VI, стр. 140, и «Русск. Стар.» изд. 1888, т. X, стр. 137). Въ этомъ намѣреніи поощрила его, конечно, Смирнова,—такъ предполагалъ Гоголь. Но не совсѣмъ доволенъ остался онъ началомъ новой переписки и даже сердито, хотя, конечно, вполнѣ въ дружескомъ тонѣ, выговариваетъ Смирновой: «Мнѣ чѣмъ дальше, тѣмъ больше набирается работы, и время до того занято, что и схандрить даже некогда. Самыхъ нужныхъ вещей не успѣваю сдѣлать, а вы мнѣ еще и Самарина приплетаете». Гоголь, однако, соглашался вести переписку съ Самаринымъ, но на томъ условіи, чтобы не считаться письмами и чтобы онъ какъ можно подробнѣе описывалъ всѣ свои обстоятельства и излагать свои мнѣнія («чтобы я слышалъ са-

мую жизнь»—выражался онъ). Подобныя же условія предлагалъ Гоголь и Чижову (изд. Кул. VI, 364) и всѣмъ, кто былъ больше заинтересованъ въ перепискѣ, чѣмъ онъ; но это отнюдь не было только вынужденной данью приличіямъ, что доказывается однимъ изъ писемъ къ Смирновой, гдѣ такое же требованіе поставлено относительно трэтьяго лица, именно Перовскаго. (Сравни въ изд. Кул., VI т., стр. 75, 140 и 364).

Послѣ того Гоголь написалъ письмо и Самарину, приложенное для передачи послѣднему въ письмѣ къ Смирновой. Было отъ него и другое письмо къ Самарину, судя по собственнымъ словамъ Гоголя, что онъ послѣ долгаго перерыва въ перепискѣ первый написалъ ему «вызовъ», не получая отъ него ни строки. Это второе письмо Гоголя къ Самарину до сихъ поръ не было въ печати и даже неизвѣстно, сохранилось ли; первое же письмо помѣщаемъ ниже.

Гоголю казалось, очевидно, что Смирнова черезчуръ хлопочетъ о Самаринѣ, тогда какъ это было совсѣмъ лишнее: «Самаринъ человѣкъ умный», и «ему нужны» только «покамѣсть, труды, забота и совершенное отсутствіе празднаго времени». Смирнова думала, напротивъ, что Гоголь «дичится» съ Самаринымъ, неучтивъ къ нему.

Остается прибавить, что впослѣдствіи Гоголь причислялъ Самарина къ довольно близкимъ людямъ, на что указываютъ съ его стороны неизмѣнныя приглашенія Самарина принять участіе въ празднованіи именинъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ въ саду Погодина, всякій разъ, когда Гоголь проводилъ этотъ день въ Москвѣ. (См. Соч. Гог., изд. Кул., VI, 485).

Отношенія Гоголя къ Чижову были гораздо сложнѣе и неопредѣленнѣе. Для тѣхъ читателей, которые знакомы съ статьей о Чижовѣ И. С. Аксакова, гдѣ отмѣченъ фактъ довольно продолжительнаго сожительства Гоголя въ 1843 году въ Римѣ подъ одной кровлей съ Чижовымъ (но въ разныхъ этажахъ), странными и непонятными покажутся выраженія въ его письмахъ, относящихся къ позднѣйшему времени, въ родѣ: «я васъ почти не знаю», или напоминаніе въ концѣ письма своего отчества, очевидно, забытаго или перепутаннаго Гоголемъ. Между тѣмъ все это было дѣйствительно такъ, и всѣ свѣдѣнія, сообщенныя И. С. Аксаковымъ, вполнѣ вѣрны. Для объясненія же этой странности довольно будетъ напомнить нѣсколько строкъ изъ воспоминаній Чижова о Гоголѣ въ «Запискахъ Кулиша»: «Видались мы съ Гоголемъ ежедневно. Съ Языковымъ мы жили совершенно побратски, какъ говорится, душа въ душу, и остались истинными братьями до послѣдней минуты его; съ Гоголемъ не сходились. Почему?—я себѣ опредѣлить не могъ. Я его глубоко уважалъ, и какъ художника, и какъ человѣка..... Это, пожалуй, могло случиться очень просто: Гоголь могъ не полюбить меня, да и все тутъ. Такъ нѣтъ же: едва бывало мы разъѣдемся, не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ Гоголь пишетъ ко мнѣ и довольно настойчиво проситъ съѣхаться, чтобы потолковать со мной о многомъ». Но слѣдовъ оживленной переписки Гоголя съ Чижовымъ (разумѣя собственно письма Гоголя) не сохранилось и подтвердить это показаніе трудно. Вѣроятнѣе всего, признавая за Чижовымъ многія достоинства и особенно уважая его умъ (что отчасти видно изъ писемъ Гоголя къ Иванову), Гоголь все-таки мало сравнительно интересовался его личностью и не выдѣлялъ его изъ множества людей, съ которыми приходилось ему встрѣчаться въ жизни. При частыхъ ихъ встрѣчахъ, при общей имъ благородной страсти къ Италіи и къ искусству, можно было бы ожидать болѣе тѣснаго сближенія. Говоря о Чижовѣ, было бы вопіющей несправедливостью не помянуть признательнымъ словомъ его безкорыстной

дѣятельности по изданію сочиненій Гоголя (И. С. Аксаковъ и Чижовъ много облегчали труды и заботы наслѣдниковъ Гоголя, не отклоняя отъ себя подчасъ даже корректуры; послѣднее относится особенно къ Чижову)—единственно по высокому побужденію служить памяти Гоголя.

(См. о Чижовѣ особенно статью И. С. Аксакова: «Өедоръ Васильевичъ Чижовъ» въ «Русскомъ Архивѣ», 1878, I, 129—137; статью В. В. Стасова живописяхъ «Александръ Андреевичъ Ивановъ» («Вѣстникъ Европы» 1880, I и слѣдд.) также въ «Запискахъ о жизни Гоголя», т. I, стр. 326—331, и т. II, стр. 240, наконецъ, въ письмахъ Гоголя къ Иванову въ «Вѣстникѣ Европы», 1883, XII, стр. 649).

В. И. Шенрокъ.

Отвѣтъ Н. В. Гоголя на первое письмо Самарина.

Благодарю васъ много за ваше письмо. Я его читалъ съ большимъ любопытствомъ. Отвѣтъ на письмо будетъ вамъ потомъ неожиданнымъ образомъ, а до того времени мой совѣтъ (хотя и не знаю, любите-ли вы совѣты и при томъ еще такіе, которые нужно принять на вѣру, при которыхъ они сдѣланы, нижѐ разумныхъ логическихъ выводовъ, на которыхъ они основаны),—мой совѣтъ заняться, впродолженіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, какимъ-нибудь дѣломъ черствымъ, положительно и совершенно существеннымъ, которое ближе всего къ вамъ въ буквальномъ смыслѣ, хотя и не близко къ душѣ или къ сердцу. Займитесь вотъ чѣмъ: очертите мнѣ кругъ и занятія вашей нынѣшней должности, которою вы теперь заняты, потомъ кругъ занятій всего того отдѣленія или департамента, котораго часть составляетъ означенное отдѣленіе или департаментъ по числу восходящихъ инстанцій. Все это въ самомъ сжатомъ существѣ самаго дѣла и при томъ въ томъ именно видѣ, какъ вы сами разумѣете, а не такъ, какъ кто-нибудь другой. Потомъ объясните мнѣ, въ чемъ именно состоитъ неповоротливость и неуклюжесть всего механизма, и отчего она происходитъ, и какіе отъ этого бываютъ плоды въ нынѣшнее время, какъ вокругъ и вблизи, такъ и подальше отъ центра. Само собой разумѣется, что по поводу этого предстоитъ премножество знакомствъ съ чиновниками вашего вѣдомства, отъ которыхъ въ этомъ случаѣ никакъ нельзя вамъ ускользнуть, потому что, не знавши лично самихъ двигателей и даже ихъ собственныя существа, вамъ будетъ открыта только одна половина. Словомъ, вотъ какого рода дѣло, вамъ непріятное, но вамъ нужно его сдѣлать. Чтобы вамъ лучше подвинуть себя на это, вы поступите вотъ какъ: прежде всего вообразите себѣ, что вы меня любите и что подвигъ этотъ дѣлаете совершенно для меня, а не для себя, и что я будто бы при этомъ плохо увѣренъ въ вашей способности на самопожертвованіе, и что это-то именно нужно доказать, а я васъ впередъ уже за это обнимаю и говорю, что не будете, вѣрно, раскаиваться.

Васъ дѣйствительно любящій Гоголь.

I.

Ю. Ѳ. Самаринъ—Н. В. Гоголю.

1.

(1846 г.).

Хорошо, что вы первые ко мнѣ написали, ибо я, кажется, не рѣшился бы начать переписки съ вами. Я давно отъ души желалъ съ вами сблизиться, еще прежде чѣмъ, познакомился съ А. Ос. Я желалъ этого не изъ любопытства или изъ тщеславія, а потому что внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что вы можете сдѣлать мнѣ много добра [1]). Вы не могли этого не замѣтить. По нѣскольку разъ брался я за перо и бросалъ не оконченныя письма; меня удерживало то самое, что выговорили вы въ началѣ вашего письма. И вы, и многіе другіе считали меня ненадежнымъ, что, разумѣется, не могло отъ меня укрыться—я очень ясно видѣлъ, что на меня смотрѣли съ чувствомъ какого-то холоднаго соболѣзнованія, какъ на больнаго, осужденнаго на смерть, и котораго никто не берется лечить, зная, что труды пропадутъ даромъ. Хорошо ли это было съ ихъ стороны и съ вашей, не мое дѣло разбирать. Можетъ быть, для меня нужно было провести нѣсколько лѣтъ подъ бременемъ всеобщей недовѣрчивости; можетъ быть, борьба съ общимъ мнѣніемъ, находившимъ отголосокъ во мнѣ самомъ, укрѣпила меня и принесла мнѣ пользу; но она оставила во мнѣ непріязненное чувство къ нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ и къ вамъ, и мнѣ нужно было все это вамъ высказать, чтобы раздѣлаться съ нимъ разъ навсегда. Какъ бы то ни было, это тяжелое для меня время прошло. Я никогда не забуду, какою радостью наполнилась душа моя при первыхъ одобрительныхъ привѣтствіяхъ; каждое слово, сказанное въ мою пользу и доходившее до меня, хранится въ моей памяти вмѣстѣ съ дорогими именами тѣхъ немногихъ, которые первые рѣшились ихъ вымолвить, наперекоръ общему мнѣнію. Наконецъ, и отъ васъ я услышалъ, что я спасенъ, что вы не боитесь за меня. Вы сами вызвали меня сказать вамъ все то, что хотѣлъ бы я сказать родному брату въ смыслѣ душевномъ.

---

[1]) Это письмо относится, вѣроятно, къ началу 1846 года и служитъ отвѣтомъ на то письмо Гоголя, о которомъ онъ говорилъ Смирновой, что, не получивши отъ Самарина ни строки, написалъ ему надняхъ самъ вызовъ (Соч. Гог., изд. Кул., VI, 234). В. Ш.

Многое хотѣлъ бы я сказать, и не знаю, съ чего начать; начну съ того, чѣмъ душа болитъ. Болѣзнь моя принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ въ наше время, хотя врачеваніе противъ нихъ не найдено: это одностороннее развитіе ума, погасившее чувство и подорвавшее волю; цѣльность нравственнаго бытія, согласіе душевныхъ силъ и способностей нарушены во мнѣ исключительнымъ преобладаніемъ быстро и уединенно развившейся мысли и усыпленіемъ другихъ способностей. Я думаю, говорю, защищаю на словахъ одно, а на дѣлѣ покоряюсь другому; у меня есть убѣжденія, но нѣтъ ни вѣры, ни любви. Я это сознаю и не страдаю отъ этого; я живу довольно спокойно, я могу позабывать, что половина души моей отсохла и онѣмѣла. Я знаю, какъ это случилось. Въ дѣтствѣ и въ первой молодости моей я жилъ, какъ и всѣ, цѣльною, полною жизнью. Все, что уважали и чему поклонялись въ семейномъ кругу моемъ, казалось мнѣ естественнымъ, неприкосновеннымъ и святымъ; съ каждымъ новымъ понятіемъ, пріобрѣтаемымъ мною, измѣнялась настроенность души моей; одно религіозно нравственное мѣрило служило мнѣ для повѣрки всякаго моего поступка и всякой мысли, такъ что малѣйшее отступленіе отъ него, даже невольный соблазнъ, даже дерзкое слово, не мною сказанное, но услышанное, наполняло меня раскаяніемъ. Изъ этого первобытнаго состоянія я вышелъ не самъ собой, не вслѣдствіе внутренняго побужденія, а вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, и потому, кажется мнѣ, вышелъ изъ него преждевременно. Случайно попались мнѣ въ руки нѣкоторыя произведенія современной французской литературы; я помню, какъ сильно они потрясли меня. Горделивое возстаніе личнаго духа противъ міроваго порядка предстало мнѣ въ идеальномъ образѣ современной поэзіи; его неотразимый соблазнъ плѣнилъ меня. Я понялъ вдругъ возможность, не нарушая отношеній, среди которыхъ я былъ поставленъ, оторваться мыслью отъ всего, чему я безсознательно покорялся, испытать одиночества и душевнаго безначалія, вкусить невѣдомыхъ высокихъ страданій, и все, что скрыто отъ другихъ. Съ этого времени обращеніе мое перемѣнилось, прежняя моя откровенность исчезла, но причины никто не угадалъ. Искусственно возбужденная мысль работала день и ночь; я умышленно убивалъ въ себѣ всѣ непосредственныя движенія души, подвергая ихъ строгому анализису и стараясь опорочить ихъ въ собственныхъ моихъ глазахъ. Это удалось мнѣ сверхъ чаянія. Въ жизни моей ничто не измѣнилось; я исполнялъ, по-прежнему, всѣ предписанныя мнѣ обязанности, но я успѣлъ откинуть отъ себя всѣ сочувствія, врожденныя и привитыя воспитаніемъ, всю покорность къ религіознымъ началамъ, къ семейнымъ обычаямъ; мало по малу,

все сдѣлалось для меня вопросомъ, предметомъ внутренняго спора; одно допущенное сомнѣніе влекло за собой другое и, разъ ступивши на эту дорогу, я уже не могъ остановиться. Говорятъ, что сомнѣніе находитъ на человѣка безъ его вѣдома и произволенія, какъ болѣзнь неизбѣжная при переходѣ въ извѣстный возрастъ. Я не вѣрю этому, по крайней мѣрѣ, по собственному опыту я знаю, что бываетъ минута свободнаго сомнѣнія, въ которую человѣкъ добровольно подпускаетъ къ себѣ соглашенія и даетъ ему власть надъ собою. Въ моемъ развитіи преступное желаніе сомнѣнія и внутренняго разрыва было началомъ, а не слѣдствіемъ, или, лучше, оно было для меня желанною цѣлью Такимъ образомъ былъ я приготовленъ, когда я встрѣтился съ нашими общими знакомыми; мысль моя, развившись односторонне на счетъ другихъ способностей, пріобрѣла ту непреклонную, холодную послѣдовательность, ту безпощадную строгость развитія, которая позволила мнѣ стать съ ними въ уровень и принять самостоятельное участіе въ безконечныхъ спорахъ. Я не стану подробно разсказывать вамъ, какое вліяніе они на меня имѣли, скажу вамъ только вообще, что они помогли мнѣ быстрѣе пробѣжать весь кругъ философскаго отрицанія.

Вотъ въ двухъ словахъ исторія моей мысли. Христіанство заключаетъ въ себѣ не одно ученіе, но вмѣстѣ начало жизни, творчество; мы привыкли отдѣлять эти двѣ стороны, тогда какъ онѣ нераздѣльны; ихъ единство въ Томъ, Который ставитъ норму, даетъ законъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ человѣку способность понять его и силу исполнить. Поэтому христіанство воспринимается не однимъ умомъ, а всѣмъ существомъ человѣка. Тотъ, кто хочетъ понять его логически, какъ понимаемъ мы всякое другое ученіе, никогда не пойметъ его, ибо самое требованіе ложно, ибо понять живое можетъ только тотъ, кто живетъ его жизнью. Отстранивъ живое сочувствіе и приступивъ къ Христіанству съ требованіями логическаго постиженія, я долженъ былъ дойти до того же, до чего дошла новѣйшая философія, т. е. до совершеннаго отрицанія не только христіанства, но вообще всякаго бытія первоначальнаго, независимаго отъ знанія. За этимъ крайнимъ предѣломъ отрицанія возникаетъ требованіе возсоздать разрушенное и это требованіе остается неудовлетвореннымъ; уничтоживъ бытіе, мысль оказывается несостоятельною сотворить отъ себя что-либо живое. Начало творчества вступаетъ въ свои права, какъ самобытное, отъ мышленія независимое, начало. Послѣдствія ясны. Такимъ образомъ, пройдя весь этотъ путь, я дошелъ до признанія живой истины и необходимости живаго ея постиженія, но самое это признаніе было результатомъ науки; это было только убѣжденіе, тощее твореніе мысли. Повидимому, я пришелъ къ тому же, отъ чего

я отправился, но тутъ только я понялъ всю цѣну утраченнаго или, лучше, отвергнутаго мною. Я самъ обезсилилъ въ себѣ душевный органъ живаго постиженія; я былъ равнодушенъ къ найденной истинѣ. Впрочемъ, и это я понялъ не скоро.

Сильно возбужденная дѣятельность мысли, раздражаемой безпрестаннымъ противорѣчіемъ, скрывала отъ меня мертвенное усыпленіе другихъ способностей; я могъ не чувствовать, что убѣжденіе и вѣра, что понятіе о любви и дѣйствительная любовь, что слово и дѣло—не одно и то-же. Изрѣдка пробуждалось во мнѣ темное сознаніе односторонности моего развитія при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который въ умственномъ отношеніи стоялъ ниже меня, не выговаривалъ и не отстаивалъ своихъ убѣжденій, но который не боялся моихъ возраженій, котораго мои вопросы не смущали—но все это были мимолетныя впечатлѣнія. Только съ переѣзда моего въ Петербургъ пріобрѣло это для меня всю достовѣрность и ясность пережитаго опыта. Здѣсь все мнѣ было чуждо, если не прямо враждебно; но спора, въ которомъ бы я отстоялъ свое убѣжденіе, не могло быть. Я имѣлъ дѣло съ безмолвнымъ, неосязаемымъ врагомъ; не опроверженіями онъ подрывалъ мои убѣжденія; онъ грозилъ пересоздать меня съ ногъ до головы, приманками онъ склонялъ меня на уступки. И къ стыду своему, я понялъ, какъ много я могъ уступить и какъ легко, понялъ, какъ слабо одно холодное убѣжденіе противъ давленія свѣта. Это была самая опасная минута—спасла и поддержала меня встрѣча съ А. О. (Смирновой). Она оцѣнила во мнѣ именно то, чего свѣтъ не цѣнилъ, надъ чѣмъ онъ смѣялся; ея участіе вознаградило меня за всѣ мои страданія; я сдѣлался равнодушенъ къ свѣту и ко всѣмъ его приманкамъ; я совершенно отсталъ отъ него и навсегда. Не осуждайте меня за это. Чувство нравственнаго самосохраненія склонило меня на это; можетъ быть, когда-нибудь я окрѣпну духомъ, но теперь я еще не могу безнаказанно жить въ свѣтѣ. Я не могу быть полезенъ, ибо не преподаваніе истины пробуждаетъ въ человѣкѣ усыпленныя способности души; пробудить къ жизни можетъ только живое. Я это знаю по опыту; всѣ меня слушали съ любопытствомъ, но никогда ни на кого я не имѣлъ вліянія; и какъ имѣть мнѣ вліяніе на другаго, когда во мнѣ самомъ жизнь и сознаніе въ такомъ разладѣ! Я сказалъ вамъ, въ чемъ заключается болѣзнь души моей; она такъ извѣстна, такъ распространена въ наше время, что одного указанія вамъ достаточно, чтобы понять ее. Къ несчастію, она такого рода, что трудно придумать для нея образъ леченія. Мысль развивается сама собой, безъ всякаго видимаго побужденія, и пробѣгаетъ свой путь по законамъ логической необходимости; одно убѣжденіе смѣ-

няется другимъ, имъ же условленнымъ, но никогда убѣжденіе само собою не породитъ вѣры, понятіе о любви не согрѣетъ души, знаніе не перейдетъ въ творчество. Все живое, творческое не пріобрѣтается, а падаетъ съ неба—я вѣрю, что оно падетъ на каждаго, но я даже не смѣю самъ ни просить, ни желать его.

Это недописанное письмо пролежало въ моемъ столѣ болѣе мѣсяца. Различныя хлопоты развлекли меня. Я перемѣнилъ службу, перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и прикомандированъ былъ къ комитету по лифляндскимъ дѣламъ: теперь я заваленъ дѣломъ. Я снова перечиталъ то, что написалъ съ мѣсяцъ тому назадъ, многое хотѣлъ бы прибавить, но лучше отложить это до другаго раза. Это письмо объяснитъ вамъ главное и будетъ основою всѣхъ послѣдующаго. Теперь я буду писать къ вамъ всякій разъ, когда почувствую потребность исповѣди, не дожидаясь отвѣтовъ.

Вы сами знаете, когда будетъ нужно отвѣчать, но вы должны знать еще, что ни чьему наставленію я не послѣдую такъ охотно, какъ вашему; я готовъ слушаться васъ и къ вамъ имѣю полное довѣріе. Вотъ вамъ мой адресъ: Юрію Ѳеодоровичу Самарину, по Моховой улицѣ, въ домѣ Мелиховой. Вѣроятно, черезъ мѣсяцъ или два, я поѣду въ Ригу, но во всякомъ случаѣ пишите въ Петербургъ; я распоряжусь такъ, чтобъ всѣ письма мнѣ пересылались. Отъ всей души васъ благодарю. Вашъ Юрій Самаринъ.

2.

6-го іюля 1846 г. Петербургъ.

Я отправляю брата за границу и, пользуясь случаемъ, хочу вамъ кое-что написать. Мои внѣшнія отношенія, семейныя и дружескія связи запутываются и со дня на день становятся труднѣе. Отчего это такъ? Кажется, какъ будто самымъ естественнымъ, самымъ необходимымъ отношеніямъ и связямъ есть пора возрастанія, укрѣпленія и неизбѣжная пора паденія. Нѣтъ вины ни съ моей стороны, ни со стороны другихъ, нѣтъ даже законнаго повода, а между тѣмъ чувствуетъ душа какое-то отчужденіе. Вы не знаете моего отца, но такъ какъ я долженъ и хочу быть вполнѣ откровеннымъ съ вами, я не могу не сказать вамъ о немъ хоть нѣсколько словъ. Онъ пожертвовалъ для меня своимъ положеніемъ въ свѣтѣ и при дворѣ, видами честолюбія, оставилъ навсегда Петербургъ и, поселившись въ Москвѣ, занялся исключительно моимъ воспитаніемъ. Это была великая жертва и притомъ жертва выдержанная, ибо до послѣдняго дня его попечительность,

доходившая до мелочей, его ежечасныя заботы, не оскудѣвая, проводили меня чрезъ всѣ ступени ученія и воспитанія. Многимъ обязанъ я воспитанію, если не всѣмъ; я обязанъ ему тѣмъ, что многія вредныя и суетныя наклонности, которыхъ сѣмя во мнѣ было, не развились во мнѣ; наконецъ, оно сдѣлало меня способнымъ принять и сродниться съ такимъ образомъ мыслей, который при другихъ обстоятельствахъ, другомъ образѣ жизни и воспитанія, вѣроятно, остался бы мнѣ чуждымъ. Сосредоточивъ на мнѣ свои надежды, свои попеченія и виды честолюбія, отъ которыхъ онъ отказался для себя, отецъ мой привыкъ смотрѣть на меня, какъ на свое созданіе; это было почти неизбѣжно но тѣмъ не менѣе вредно. Чрезмѣрною взыскательностію и строгостью онъ подавилъ во мнѣ свободу непосредственныхъ движеній сердца, откровенность, прямоту и силу воли. Къ несчастію, онъ никогда не понималъ меня и теперь понимаетъ менѣе, нежели когда-нибудь. Онъ предполагалъ во мнѣ строптивый нравъ, неукротимыя страсти и необыкновенныя способности для практической жизни, которыхъ я вовсе не имѣю. Но такимъ онъ самъ былъ въ своей молодости, и повтореніе самого себя онъ видѣлъ во мнѣ. Я ужасно много перетерпѣлъ въ дѣтствѣ. Ничто мнѣ не спускалось даромъ; малѣйшее сопротивленіе, самое робкое оправданіе вмѣнялось мнѣ въ вину; меня наказывали безпрестанно и заставляли каяться, вынуждали слезы и раскаяніе, когда я вовсе не былъ виноватъ. Заступаться за меня было некому; мало-по-малу безусловная покорность вошла въ привычку. Съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ университета, жизнь моя была рядомъ пожертвованій. (Вы понимаете, что я это говорю отнюдь не въ похвалу себѣ). Сильное желаніе влекло меня на ученое поприще; занимать каѳедру казалось мнѣ тогда и кажется теперь самою лучшею долею— я отказался отъ нея и вступилъ въ службу; для этого всякое другое мѣсто казалось мнѣ лучше Петербурга — я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ; наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ, почти потерянныхъ, проведенныхъ за самыми безплодными занятіями, я просился за-границу — и въ этомъ получилъ отказъ! Но это было бы еще ничего; моимъ образомъ жизни я всегда пожертвую охотно, теперь отецъ мой ставитъ мнѣ въ вину самый мой образъ мыслей. Подозрительнымъ взоромъ смотритъ онъ на друзей моихъ и вашихъ, на Хомякова, Аксакова, Погодина и другихъ. При каждомъ удобномъ случаѣ осыпаетъ ихъ самыми несправедливыми и обидными упреками и ясно требуетъ отъ меня разрыва съ ними. Разумѣется, я этого никогда не сдѣлаю, и неудовольствіе его съ каждымъ днемъ возрастаетъ, отравляетъ жизнь его, нарушаетъ семейный миръ. Трудно мнѣ ладить. Пріучивъ отца къ безусловной покорности съ моей сто-

роны, я не могу теперь перемѣнить нашихъ отношенiй; не могу измѣнить его образа мыслей, уничтожить предубѣжденiй и предразсудковъ, неразлучныхъ съ его лѣтами. Мнѣ остается по-возможности избѣгать случаевъ къ спорамъ о щекотливыхъ предметахъ и уступать, когда только можно. Но чувствую я при этомъ, что уступчивость мнѣ не вмѣняется, онъ принимаетъ ее холодно, безъ любви, ибо самъ я уступаю холодно, безъ любви, по чувству долга и по привычкѣ давнишней. Онъ самъ прiучилъ меня въ дѣтствѣ затаивать негодованiе, чувство оскорбленной справедливости, плакать и просить прощенiя, когда не было вины съ моей стороны. Я не оправдываю себя, виноватъ и я, но виновато въ особенности установившееся отношенiе, котораго измѣнить нельзя.

Въ то же самое время тотъ кругъ людей, съ которыми я связанъ образомъ мыслей, ученою дѣятельностiю и всѣми убѣжденiями и сочувствiями, видимо осуждаютъ меня и уклоняются отъ меня. Аксаковъ пишетъ мнѣ письма, въ которыхъ грозитъ разрывомъ, если я не приму его образа мыслей, запечатлѣннаго исключительностью и потому только извинительнаго, что происходитъ отъ незнанiя людей и жизни. Онъ не умѣетъ вглядываться въ физiономiю человѣка; онъ видитъ въ немъ не живое цѣлое, сложенное изъ противоположныхъ свойствъ и началъ самыхъ разнообразныхъ, а строгiй силлогизмъ на двухъ ногахъ, такъ что, узнавъ одно свойство, онъ выводитъ изъ него цѣлый рядъ выводовъ и безъ оглядки навязываетъ ихъ лицу. Весь родъ человѣческiй для него распадается на безусловно бѣлыхъ и безусловно черныхъ. Такъ, въ послѣднее время, въ письмѣ ко мнѣ, онъ разругалъ Александру Осиповну (Смирнову) за то, что она знакома съ людьми, которыхъ онъ называетъ подлецами и подлячками. Предвижу я, что и съ нимъ я долженъ буду разойтись, и тѣмъ болѣе досадно и грустно мнѣ это, что нѣтъ законной причины къ разрыву. Какъ жаль, что васъ нѣтъ; вы одни могли бы имѣть смягчающее миротворное влiянiе на насъ всѣхъ.

3.

12-го iюля (1846 г.).

Неожиданно получилъ я ваше письмо наканунѣ отъѣзда моего брата. Не понимаю, къ чему клонится вашъ совѣтъ. Не менѣе того я его выполню, ибо чувствую совершенную готовность слушаться васъ. Впрочемъ, сухаго, черстваго, положительнаго дѣла эти два года я имѣлъ вдоволь.

Составленiе реэстровъ, записокъ въ сенатѣ, сводъ постановленiй о лифляндскихъ крестьянахъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и проч. Довольно трудно мнѣ выполнить то, чего вы отъ меня требуете;

въ 1-мъ департаментѣ сената я пробылъ не долго, въ общемъ собраніи еще менѣе, а теперь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ я не занимаю штатнаго мѣста. Я напишу обо всемъ, что знаю, что дѣлаю самъ и что видѣлъ. Это будетъ черство и сухо, повѣрьте. Черезъ недѣли двѣ я ѣду въ Ригу съ Ханыковымъ заниматься ревизіею городскаго управленія и статистикою городскихъ доходовъ—тоже сухо. Для себя я занимаюсь теперь исторіею сельскаго сословія въ Россіи. Дошелъ-ли до васъ «Московскій Сборникъ»? Послѣдняя статья о «Тарантасѣ»—моя.

Отъ Александры Осиповны я получилъ письмо вчера. Она живетъ на дачѣ подъ Калугою; была очень нездорова, жалуется на слабость головы, — но теперь ей легче; деревенскій воздухъ помогъ ей.

Рекомендую вамъ брата; онъ ѣдетъ лечиться; а больше для развлеченія. Онъ нездоровъ и тѣломъ и душою. Разстройство нервовъ, происходящее отъ болѣзненной напряженности религіознаго чувства, отъ какого-то ежеминутнаго наблюденія за самимъ собой — вотъ его недугъ. Ему нужно развлеченіе, движеніе, участіе къ предметамъ внѣшнимъ, которое бы позволило ему забыть о себѣ и отвлекло бы его отъ мрачныхъ думъ.

Отъ всей души благодарю васъ за участіе и обнимаю. Ю. Самаринъ.

4.

Любезнѣйшій Николай Васильевичъ, если бы я собрался слушать васъ, съ намѣреніемъ критиковать и подмѣчать недостатки, кажется, и тогда, послѣ первыхъ же строкъ, прочтенныхъ вами, я забылъ бы о своемъ намѣреніи. Я былъ такъ вполнѣ увлеченъ тѣмъ, что слышалъ, что мысль объ оцѣнкѣ не удержалась бы въ моей головѣ. Вмѣсто всякихъ похвалъ и поздравленій, скажу вамъ только, что я не могу вообразить себѣ, чтобы прочтенное вами могло быть совершеннѣе. Но вы непремѣнно требуете замѣчаній, а мнѣ хочется исполнить ваше желаніе—и потому посылаю вамъ нѣсколько придирокъ, касательно не художественной стороны, а исторической вѣрности. Обращаюсь къ вступленію Тентетникова въ службу и къ впечатлѣнію, которое она произвела на него.

Т—въ—человѣкъ, получившій ученое образованіе; на службу опредѣляетъ его дядя, дѣйств. стат. совѣтникъ; поэтому должно полагать, что онъ принятъ былъ въ министерство на тѣхъ же правахъ, на которыхъ поступаютъ всѣ молодые люди, прошедшіе полный курсъ наукъ и не лишенные вовсе протекціи. Но отъ такихъ людей

теперь уже не требуютъ изящнаго почерка; ихъ не сажаютъ за переписываніе бумагъ. Ихъ опредѣляютъ прямо въ столоначальники, или въ помощники столоначальниковъ, а помощникъ столоначальника и столоначальникъ занимаются тѣмъ самымъ, чѣмъ занимаются начальникъ отдѣленія и директоръ.

Нелѣпость настоящаго устройства всѣхъ нашихъ департаментовъ и канцелярій заключается совсѣмъ не въ томъ, что образованнымъ людямъ задаются механическія занятія, что участіе ихъ въ дѣлопроизводствѣ ограниченно, а совершенно въ противномъ. Вспомните ходъ дѣлъ: министръ распечатываетъ пакетъ, и если бумага не касается какихъ-либо личныхъ его отношеній, почему либо для него значительныхъ, онъ передаетъ ее директору; директоръ—начальнику отдѣленія; начальникъ отдѣленія—столоначальнику. Здѣсь она останавливается и начинается надъ нею работа умственная. Столоначальникъ сочиняетъ отвѣтъ, кладетъ рѣшеніе. Онъ долженъ вникнуть въ содержаніе бумаги, задать себѣ вопросы такого рода: съ какой стороны взяться за дѣло? Какое дать ему направленіе? Приступить къ рѣшенію, или оттолкнуть отъ себя на цѣлый годъ подъ предлогомъ новыхъ справокъ, соображеній и т. п. Вообще участь дѣла въ его рукахъ; приступъ къ нему зависитъ отъ него, а этотъ первый шагъ есть самый важный. Заготовленный столоначальникомъ проектъ отвѣта идетъ на разсмотрѣніе начальника отдѣленія, который не изучаетъ сущности дѣла, а ограничивается разсмотрѣніемъ того, что сдѣлалъ столоначальникъ, т. е. нѣтъ ли въ подсунутой ему бумагѣ чего-либо противнаго закону, или такого, что бы могло не понравиться директору. Такъ какъ онъ только критикуетъ трудъ другаго, то сравнительно съ столоначальникомъ (хотя и подчиненнымъ ему) дѣятельность его не такъ значительна. Далѣе, директоръ точно также смотритъ, не вкралось ли въ бумагу одно изъ тѣхъ словъ, къ которымъ не благоволитъ министръ, и пущено ли хоть одно изъ тѣхъ, которыми можно его подкупить. Итакъ, направленіе дѣла, если только постороннія обстоятельства и личныя соображенія не перебьютъ его хода,—почти всегда зависитъ отъ низшихъ чиновниковъ, т. е. столоначальниковъ. Бумага, написанная ими, проходя снизу вверхъ до министра, смягчается, сглаживается, сокращается, теряетъ постепенно характеръ, цвѣтъ, силу, иногда смыслъ; но почти никогда ничего не выигрываетъ, ничего не прибавляется къ сущности ея.

Потому мнѣ кажется, что впечатлѣніе, произведенное на Тентетникова его служебною дѣятельностію, не также совсѣмъ вѣрно, именно потому, что самая эта дѣятельность представлена у васъ слишкомъ ничтожною и ограниченною.

Я встрѣчалъ на службѣ молодыхъ людей трехъ разрядовъ (не считая пріобрѣтателей). Большинство, поступая прямо изъ училища, не имѣя яснаго понятія о практической дѣятельности, очень скоро втягивается въ служебный формализмъ и усвоиваетъ себѣ всѣ взгляды и понятія нашихъ столичныхъ учрежденій, то есть они пріучаются къ мысли, что всякое министерство существуетъ само по себѣ и само для себя, что всякое дѣло въ его стѣнахъ начинается и въ нихъ оканчивается и что вся задача въ томъ, чтобы провести его благополучно и не задѣвъ никого, отъ перваго стола до министра. Эти люди проникнуты сознаніемъ своей важности и отмѣнно довольны службою.

Тѣ, которые стоятъ выше ихъ, впадаютъ въ тоску. Ихъ мучитъ именно эта отрѣшенность отъ жизни, эта отвлеченность ихъ дѣятельности. Имъ совѣстно рѣшать дѣла по бумагамъ, изъ которыхъ ничего не видно, на бумагѣ, которая въ жизнь не перейдетъ. Чѣмъ значительнѣе обязанность, на нихъ налагаемая, тѣмъ совѣстнѣе. Ихъ сокрушаетъ не ничтожность предмета занятій, а ничтожность, ограниченность взгляда на предметъ, преступная легкость, съ которою оно обдѣлывается. Въ этомъ случаѣ страждетъ не самолюбіе, а другая, лучшая потребность. Эти люди или бросаютъ службу, или—какъ Тентетниковъ—пріучаются смотрѣть на нее, какъ на дѣло второстепенное.

Наконецъ, нѣкоторые, испытавъ все это, продолжаютъ, однако, служить, но смотрятъ на службу уже не какъ на средство дѣйствовать на жизнь, приносить пользу, а какъ на предметъ достойный во всей его мерзости изученія..... какъ на одну изъ коренныхъ болѣзней нашего времени.

Вообще первое соприкосновеніе съ службою почти всегда бываетъ рѣшительною минутою въ жизни человѣка и опредѣляетъ его на долго, если не навсегда. Въ характерѣ Тентетникова эта тема, конечно, не главная и вы должны были коснуться ея слегка; поэтому все, что я сказалъ, можетъ быть, вовсе некстати; но все же мнѣ хотѣлось указать на предметъ знакомый мнѣ и который, можетъ быть, вы когда нибудь разработаете. Другихъ замѣчаній я рѣшительно сдѣлать не могу, и мнѣ остается только пожелать отъ всей души, чтобъ вы благополучно совершили дѣло, важность котораго для насъ всѣхъ болѣе и болѣе обнаруживается.

Преданный вамъ Ю. Самаринъ.

Сообщ. В. И. Шенрокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АДМИРАЛЪ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ РИКОРДЪ.

Записка, представленная имъ генералъ-адмиралу Е. И В. Великому князю Константину Николаевичу

въ 1850 г.

[о сношеніяхъ съ Японіею].

Мысль о возможности вступить въ сношенія съ Японіею и о тѣхъ выгодахъ, какія могутъ послѣдовать отъ того для нашего отечества, постоянно занимающая меня въ теченіи многихъ лѣтъ, заставляла неутомимо слѣдить за всѣми событіями, имѣющими отношеніе къ этой отдаленной отъ всѣхъ европейскихъ державъ и намъ сосѣдственной странѣ, и соображать всѣ выходившія въ свѣтъ ея описанія. Мысль эта еще болѣе усиливалась во мнѣ отъ тѣхъ попытокъ, которыя дѣлали почти всѣ морскія державы въ тѣхъ видахъ и намѣреніяхъ, посредствомъ неоднократныхъ экспедицій. Попытки сіи не могли быть успѣшны, что должно неоспоримо приписать совершенному незнанію обычаевъ, понятій, духа и характера жителей этой богатой и весьма многолюдной страны, о которой одни только голландцы, по продолжительнымъ своимъ съ нею сношеніямъ, имѣли возможность собрать подробныя и точныя свѣдѣнія, но таковыхъ свѣдѣній они никогда не рѣшатся сообщить свѣту, опасаясь, что другія націи извлекутъ изъ нихъ выгоду въ ущербъ ихъ чисто меркантильныхъ правилъ, руководящихъ единственно всѣми ихъ дѣйствіями. Между тѣмъ дозволю себѣ сказать, что не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, едва-ли кто можетъ соперничать со мною въ свѣдѣніяхъ объ Японіи.

Съ той самой эпохи, когда Провидѣнію угодно было избрать меня орудіемъ для освобожденія изъ тяжкаго плѣна достойнаго друга моего, незабвеннаго В. М. Головнина, то есть въ продолженіе

тридцати семи лѣтъ, я не упускалъ никакого случая, чтобы дополнять и повѣрять свѣдѣнія, какія первоначально получилъ я чрезъ продолжительныя бесѣды съ бывшимъ со мною неразлучно въ теченіи цѣлаго года умнымъ, образованнымъ, свѣдущимъ и добросовѣстнымъ японцемъ Татая-Кахи. То-же благое Провидѣніе, которое доставило мнѣ случай захватить его при самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ въ попыткахъ моихъ къ освобожденію драгоцѣннаго для флота и отечества офицера, сблизило меня съ этимъ достойнымъ человѣкомъ. Изъ дружескихъ разговоровъ съ нимъ я почерпнулъ наиболѣе свѣдѣнія объ отечествѣ его, породившія во мнѣ мысль, которую я здѣсь намѣренъ объяснить. Эта мысль есть плодъ неослабныхъ наблюденій и строгихъ соображеній, и на приведеніе ея въ исполненіе я рѣшаюсь предложить мою готовность, пользуясь назначеніемъ въ тамошній край военнаго судна. Въ этомъ случаѣ на исполненіе предпріятія не потребуется никакихъ особыхъ со стороны правительства издержекъ, потому что все касающееся до этого исполненія будетъ заключаться въ одномъ моемъ лицѣ. Теперь мнѣ остается объяснить тѣ основанія, на которыхъ я осмѣливаюсь надѣяться на совершенный, по всѣмъ вѣроятіямъ, успѣхъ.

Въ одномъ новѣйшемъ англійскомъ сочиненіи прочелъ я, между прочимъ, извѣстіе о преимуществѣ японцевъ предъ китайцами, какъ въ любознательности, такъ и въ моральномъ отношеніи, и нашелъ одно для меня весьма замѣчательное обстоятельство. Сочинитель, описывая попытки разныхъ націй къ заведенію сношеній съ японцами, коснулся до посольства въ ихъ страну Рѣзанова и плѣна капитана нашего Головнина. Говоря о послѣднемъ, онъ упоминаетъ, что въ числѣ попечителей, назначенныхъ для надзора за нашими плѣнниками, былъ сынъ одного изъ тамошнихъ министровъ Мура-Калитійски, который, поощряемъ будучи своею любознательностію, самъ вызвался принять на себя эту обязанность, выучился у Головнина русскому языку, и издалъ краткое сочиненіе о Россіи, почерпнувъ содержаніе его изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ посредствомъ разспросовъ своихъ собралъ у нашего капитана. Этого японца я зналъ самъ. Если онъ еще находится въ живыхъ (1850 г.), то очень можно предполагать, что достигъ высокой въ тамошнемъ краю степени. Онъ тогда уже принадлежалъ къ партіи приверженцевъ къ нашему отечеству, что много содѣйствовало къ освобожденію нашего капитана. Мура-Калитійски, прощаясь со мною, съ сожалѣніемъ сказалъ мнѣ, что я только въ половину достигъ успѣха въ великомъ дѣлѣ, ограничившись освобожденіемъ нашего капитана и бывшихъ съ нимъ, что онъ успѣхъ этотъ полагалъ тогда только полнымъ, когда бы сбы-

лось его предположеніе, что за этимъ освобожденіемъ послѣдуетъ и учрежденіе постоянныхъ сношеній нашихъ съ Японіею.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ, которыя имѣли вліяніе на успѣхъ предпріятія для освобожденія Головнина и другихъ бывшихъ съ нимъ нашихъ соотечественниковъ, была рѣшимость моя выдать себя въ глазахъ японцевъ за военнаго губернатора Камчатки, что подѣйствовало на умы ихъ и польстило ихъ честолюбію. Къ такой рѣшимости побудила меня счастливая мысль, родившаяся въ послѣдствіе бесѣдъ моихъ съ умнымъ Такатая-Кахи, и безъ этой рѣшимости нельзя было бы питать себя даже какою-либо надеждою на успѣхъ, потому что, по неимѣнію у японцевъ военныхъ судовъ, они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о важности званія начальника военнаго судна; а шкипера торговыхъ судовъ, въ глазахъ ихъ, ничего не значатъ.

Не смотря на то, что я объяснялъ японскому моему знакомцу съ чрезвычайнымъ даже, признаюсь, преувеличеніемъ важность настоящаго моего званія, онъ отвѣчалъ мнѣ: «все этого мало, — а вотъ, если-бы пріѣхалъ сюда иркутскій губернаторъ, тогда требованія его были-бы, по важности его сана, немедленно удовлетворены безъ малѣйшаго замедленія. Но и съ тобою, какъ губернаторомъ Камчатки, непремѣнно вступятъ въ сношенія».

Поэтому я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что при вступленіи въ переговоры съ японцами подѣйствовало бы чрезвычайно много на умы ихъ и понятія званіе Сибирскаго военнаго генералъ-губернатора—званіе начальника обширной и для нихъ не совсѣмъ безъизвѣстной страны.

Въ бытность мою въ Англіи я встрѣтился съ бывшимъ тогда въ Портсмутѣ консуломъ Грейгомъ, роднымъ братомъ нашего адмирала, умнымъ и весьма образованнымъ человѣкомъ. Онъ спросилъ у меня, живъ ли еще Рѣзановъ, и получивъ въ отвѣтъ, что онъ уже скончался, сказалъ мнѣ: «видно судьбѣ было угодно, чтобъ этотъ человѣкъ не пережилъ свою славу». При этомъ разсказалъ онъ мнѣ подробно, съ какимъ пламеннымъ желаніемъ императоръ японскій, узнавъ о прибытіи Рѣзанова, готовъ былъ склониться на вступленіе въ сношенія съ Россіею, но голландцы, желая удержать за собою исключительно всѣ выгоды торговли съ Японіей, употребили всѣ возможныя мѣры, чтобы тому воспрепятствовать. Англія въ то время вела войну съ Голландіею: на взятомъ англичанами голландскомъ кораблѣ, между прочими бумагами, которыхъ не успѣли истребить, найдено было донесеніе голландскаго въ Японію консула къ своему начальству. Въ этомъ донесеніи, описавъ расположеніе японцевъ

къ русскимъ, которое заставляло его и всѣхъ голландцевъ опасаться, что они готовы вступить въ сношеніе съ нашими соотечественниками, говорилъ, что онъ употребилъ всѣ силы и способы, чтобы отвратить это и разстроить всякое домогательство къ тому русскихъ — и это онъ ставилъ въ высокую себѣ предъ отечествомъ заслугу. Въ успѣхѣ голландцевъ въ этомъ случаѣ не малымъ для нихъ пособіемъ было одно обстоятельство: Рѣзановъ имѣлъ неосторожность въ переговорахъ своихъ употребить переводчикомъ самого директора голландской компаніи.

Это показываетъ, какъ необходимо войти въ предварительное сношеніе съ голландцами, и убѣдить ихъ въ томъ, чтобы они не старались препятствовать видамъ нашимъ на установленіе мирныхъ сношеній съ Японіею; необходимо также внушить имъ, что съ нашей стороны эти сношенія не послужатъ ни къ малѣйшему вреду въ ихъ собственныхъ сношеніяхъ; что мы будемъ дѣйствовать только на сѣверѣ, продоставивъ имъ по прежнему исключительно дѣйствовать въ другихъ частяхъ Японіи. Устранивъ такое препятствіе, можно было бы надѣяться, почти несомнѣнно, что со стороны японцевъ несогласія не будетъ.

Если бы японцы, паче чаянія, рѣшительно сдѣлали отказъ, то представляется еще одно средство: въ Японіи еще у всѣхъ сохранилось въ памяти то событіе, при которомъ они такъ неправильно поступили съ нашимъ Головнинымъ, они постигаютъ всю важность и предосудительность такого дѣла, при которомъ они вѣроломнымъ образомъ захватили начальника военнаго судна; они боялись отмщенія, когда я подходилъ со шлюпомъ къ берегамъ ихъ. Страхъ ихъ не прошелъ и донынѣ, и этотъ-то самый страхъ можно употребить въ пользу. Изъ разговоровъ съ упомянутымъ выше японцемъ, однимъ изъ приставовъ при русскихъ плѣнникахъ, я узналъ о великости такого страха между его соотечественниками и о полной ихъ увѣренности въ томъ, что рано или поздно русскіе отмстятъ имъ, и что мщеніе это будетъ продолжительно, тѣмъ болѣе, что оно не сопряжено для насъ ни съ какими издержками, и даже не подвергаетъ насъ опасности. Хотя у нихъ есть артиллерія, но они вовсе не умѣютъ (1850 г.) управлять ею, а это обстоятельство немаловажное въ случаѣ необходимости сдѣлать отпоръ. Правда, что они умѣютъ отличнымъ образомъ дѣйствовать бѣлымъ оружіемъ, а потому, принявъ въ уваженіе многочисленность ихъ народонаселенія, нечего и думать о высадкѣ, ибо, не смотря ни на мужество наше, ни на знаніе военнаго дѣла, ни на предпочтительность нашихъ способовъ, ни на преимущество огнестрѣльнаго оружія предъ бѣлымъ, которымъ только од-

нимъ умѣютъ они владѣть, не взирая даже на всѣ возможные со стороны ихъ уроны, все таки рано или поздно верхъ останется принадлежностію превосходства въ числѣ.

Здѣсь нельзя упустить изъ виду, какъ мало японецъ дорожитъ жизнію: въ случаѣ пожара онъ кидается съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ въ огонь, на явную гибель; стремится къ ней, какъ на веселый пиръ, какъ на высокій военный подвигъ; при собственномъ своемъ внутреннемъ сознаніи въ какомъ бы ни было проступкѣ, лишаетъ себя жизни самымъ ужаснымъ образомъ собственнымъ своимъ оружіемъ—самъ распарываетъ себѣ саблею брюхо. Къ тому же народонаселеніе ихъ такъ многочисленно, что трату людей они считаютъ за ничто, а самую эту многочисленность бременемъ для имперіи. Въ бесѣдахъ моихъ съ Такатая-Кахи я узналъ, что у нихъ ежегодно смерть похищаетъ многія тысячи отъ оспы, которая тамъ свирѣпствуетъ ужаснымъ образомъ; при этомъ случаѣ сообщилъ я ему о томъ, какъ полезно было бы ввести у нихъ прививаніе коровьей оспы, и предложилъ снабдить его наставленіемъ о способѣ прививанія, но онъ, къ изумленію моему, отвѣчалъ: «Оборони Боже! да если этотъ способъ уменьшитъ смертность отъ болѣзней, намъ тогда некуда будетъ дѣвать народа, котораго число съ каждымъ днемъ увеличивается, совсѣмъ несоразмѣрно съ нашими способами, — спрячь свое наставленіе, и не говори о немъ никому!»

Но тутъ представляется другой способъ, не требующій ни издержекъ, ни дѣйствій прямо враждебныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ могущій несомнѣнно поставить японцевъ въ необходимость согласиться на дружественныя съ нами сношенія, и указать имъ сколько, въ противномъ случаѣ, отъ упорства ихъ можетъ произойти вредныхъ для нихъ послѣдствій, въ которыхъ они не будутъ имѣть права укорять насъ, имѣя въ виду свой поступокъ съ Головнинымъ, по собственнымъ ихъ понятіямъ и сознанію заслуживающій отмщенія съ нашей стороны, и потому вполнѣ оправдывающій наши дѣйствія.

Для доставленія изъ одного пункта ихъ пространной страны въ другой какъ жизненныхъ припасовъ, такъ и другихъ потребностей, въ Японіи нѣтъ сухопутныхъ дорогъ, и потому всѣ перевозки дѣлаются посредствомъ каботажныхъ судовъ (1850 г.). Достаточно будетъ пребыванія у Матцмайскаго пролива нашего военнаго судна, для содержанія ихъ въ безпрерывномъ страхѣ, и для того, чтобы отъ времени до времени производить въ высочайшей степени далекія отъ прямой непріязненности нападенія на ихъ каботажныя приходящія и отходящія суда съ припасами, останавливать ихъ и брать съ нихъ грузы, оставляя неприкосновенными самыя суда, и находящихся на

нихъ людей: ни суда, ни люди ихъ намъ не нужны. Тутъ будетъ для насъ и та выгода, что мы будемъ, безъ всякихъ издержекъ, пріобрѣтать самые свѣжіе и лучшей доброты припасы, которыхъ они должны лишиться единственно по причинѣ своего упорства.

Вотъ мѣра, которая, въ случаѣ крайности, по моему мнѣнію, не можетъ не имѣть успѣха въ дѣлѣ, представляющемъ большія выгоды для отечества нашего, снабженіе отдаленнаго края Камчатки и всей восточной Сибири всѣми потребностями, которое теперь сопряжено съ такими затрудненіями. Эти затрудненія, если не совсѣмъ отвратятся, то, по крайней мѣрѣ, значительно будутъ облегчены чрезъ посредство сношеній нашихъ съ Японіею, не говоря уже о другихъ выгодахъ отъ торговли съ нею, которыя голландцы такъ хорошо постигли и такъ высоко цѣнятъ. Адмиралъ Рикордъ.

ВАСИЛІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ФОНЪ-ДЕРЪ ЛАУНИЦЪ

† 1863 г.

Замѣтка къ его характеристикѣ.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд 1889 г., въ воспоминаніяхъ Теобальда, стр. 363, приведенъ довольно рѣзкій отзывъ объ одномъ изъ дѣятелей прошлаго времени, В. Ѳ. фонъ-деръ-Лауницѣ († 1863 г.).

Не берусь быть біографомъ генералъ-адъютанта Василія Ѳедоровича фонъ-деръ-Лауница, умершаго въ Харьковѣ отъ сотрясенія мозга, при паденіи съ лошади на какомъ-то смотру въ 1863 году, но то, что помню изъ его жизни и служебной дѣятельности, постараюсь изложить на страницахъ уважаемой «Русской Старины» для провѣрки, по моему мнѣнію, пристрастнаго отзыва г. Теобальда о покойномъ военномъ служакѣ и военномъ администраторѣ Василіи Ѳедоровичѣ фонъ-деръ-Лауницѣ.

В. Ѳ. Лауницъ былъ человѣкъ умный и образованный, личность замѣчательная своею энергіею, силою воли и настойчивостью, но выдававшаяся своею неумолимою строгостью и безпощадностью какъ къ самому себѣ, такъ и къ его окружающимъ, и тѣмъ болѣе къ подчиненнымъ, что, впрочемъ, совпадало съ духомъ и служебными требованіями того времени, въ которомъ онъ прошелъ свою службу; темперамента онъ былъ вспыльчиваго и горячаго, раздражительность въ немъ была непомѣрная, къ чему много способствовала съ годами все болѣе усиливавшаяся его глухота, вызывавшая въ немъ и подозрительность; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ проявлять себя чрезвычайно любезнымъ какъ въ обществѣ, такъ и въ отношеніяхъ къ служащимъ; способныхъ и усердныхъ по службѣ выдвигалъ и награждалъ по справедливости, безъ пристрастія, что ему удавалось,

такъ какъ онъ пользовался постоянно неограниченнымъ довѣріемъ лицъ, коимъ самъ былъ подчиненъ [1]).

В. Ѳ. фонъ-деръ-Лауницъ былъ сыномъ евангелическо-лютеранскаго пробста въ г. Грабинѣ, Курляндской губерніи; изъ трехъ братьевъ его: одинъ заступилъ мѣсто отца, другой умеръ въ Петербургѣ, въ 1884 году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта и третій умеръ въ 1846 г., въ чинѣ маіора. В. Ѳ. началъ службу, если не ошибаюсь, въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку, съ которымъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 года, затѣмъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту графу Толю, съ переводомъ въ гвардію; назначеніе это послѣдовало оттого, что Лауницъ, будучи назначенъ безсмѣннымъ ординарцемъ къ Толю во время польской кампаніи 1831 г., обратилъ на себя вниманіе ловкостью, пунктуальностью и хорошимъ почеркомъ. По тогдашнимъ отзывамъ о служебной требовательности гр. Толя, быть имъ замѣченнымъ—имѣло большое значеніе; онъ былъ крутъ въ обращеніи и безцеремонность его, по слухамъ, доходила до того, что онъ требовалъ къ себѣ въ кабинетъ дежурнаго адъютанта свисткомъ, чего Лауницъ себѣ впослѣдствіи никогда не позволялъ; но весьма вѣроятно, что отъ Толя онъ невольно усвоилъ себѣ очень многое и этимъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя негодованіе и даже ненависть многихъ.

Вскорѣ послѣ польской кампаніи, Лауницъ былъ причисленъ къ образцовому кавалерійскому полку, гдѣ былъ замѣченъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и разъ особенно обратилъ на себя вниманіе на маневрахъ мастерскою разстановкою цѣпи ведетовъ; былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Одесскаго уланскаго полка, расположеннаго въ глухой мѣстности Херсонской губерніи; штабъ полка квартировалъ въ мѣстечкѣ Новая Одесса. Составъ офицеровъ полка, по словамъ Лауница, былъ «ужасный» — преобладало пьянство, при полной служебной распущенности; поэтому первою задачею Лауница было расчистить полкъ, чѣмъ онъ и пріобрѣлъ славу: кто въ другихъ армейскихъ кавалерійскихъ полкахъ желалъ скорѣе схватить чинъ, просился въ переводъ въ Одесскій

---

[1]) Послѣднее совершенно вѣрно: графъ Д. А. Милютинъ въ личныхъ бесѣдахъ въ сентябрѣ 1888 года, сообщилъ намъ, что генералъ Лауницъ, между прочимъ, явился съ самого вступленія его, Д. А., на постъ военнаго министра весьма полезнымъ сотрудникомъ въ реформахъ по военному вѣдомству, именно Лауницъ былъ чрезвычайно полезенъ своими обширными свѣдѣніями въ военномъ хозяйствѣ и своею громадною опытностью; онъ скоро снискалъ полное довѣріе военнаго министра. Ред.

уланскій полкъ, потому что Лауницъ разогналъ почти всѣхъ прежнихъ офицеровъ безпощаднымъ, крутымъ обращеніемъ; такъ, напримѣръ, разсказывали, между прочимъ, что, отославши однажды во время ученія полка, провинившагося офицера за фронтъ, онъ приказалъ трубачамъ играть «сквозь строй». Лауницъ самъ высказалъ, что онъ первое время въ отношеніи офицеровъ полка былъ въ такомъ положеніи, что принималъ ихъ у себя по службѣ не иначе, какъ имѣя на столѣ заряженные пистолеты. Но и враги его отдавали ему справедливость въ томъ, что полкъ былъ имъ доведенъ, по тогдашнимъ требованіямъ, до совершенства во всѣхъ отношеніяхъ; генералъ Герштенцвейгъ ставилъ Одесскій полкъ въ примѣръ всѣмъ другимъ полкамъ его дивизіи; содержаніе и обмундированіе людей было образцовое, такъ, напримѣръ, разъ при осмотрѣ людей, посланныхъ для пополненія гвардіи, великій князь Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, что какого-то полка люди были отлично одѣты, но, не видавъ еще одесскихъ уланъ, сказалъ: «но я увѣренъ, что—Одесскаго полка будутъ лучше», какъ и оказалось, за что Лауницъ получилъ благодарность.

Во время царскаго смотра, въ 1845 году, въ числѣ войскъ, собранныхъ подъ Елисаветградомъ, находился и Одесскій уланскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Шевичъ, а Лауницъ былъ тогда начальникомъ штаба 2-го кавалерійскаго корпуса; когда проѣхалъ церемоніальнымъ маршемъ Одесскій уланскій полкъ, государь потребовалъ къ себѣ Лауница и благодарилъ его за отличное состояніе полка, приписывая заслугу эту Лауницу, а не командиру полка Шевичу.

На должность начальника штаба вообще назначались люди, выдающіеся своими способностями, и корпусный командиръ баронъ, впослѣдствіи графъ, Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ былъ въ восхищеніи отъ Лауница, узнавъ его по должности начальника штаба. Въ короткое время Василій Ѳедоровичъ вникъ въ хозяйственную часть тогдашнихъ округовъ военныхъ поселеній, искоренилъ много злоупотребленій, пересоздалъ дѣлопроизводство въ корпусномъ штабѣ и вообще обратилъ на себя вниманіе генералъ-инспектора резервной кавалеріи и начальника всѣхъ южныхъ военныхъ поселеній графа Никитина, который имъ и замѣнилъ своего начальника штаба, князя Василія Андреевича Долгорукова, при назначеніи послѣдняго на должность военнаго министра.

Послѣ упраздненія военныхъ поселеній и реформы состава резервной кавалеріи, Лауницъ былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, который при немъ совершенно былъ преобразованъ въ мѣстныя войска; при созданіи военныхъ округовъ,

Лауницъ участвовалъ въ комиссіяхъ, выработавшихъ означенную и многія другія военныя реформы, и былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а затѣмъ командующимъ войсками харьковскаго военнаго округа, гдѣ скоро и послѣдовала его кончина.

Даже изъ этого краткаго очерка вполнѣ можно вывести заключеніе, что покойный В. Ѳ. фонъ-деръ-Лауницъ оказалъ несомнѣнныя заслуги государству вообще и русской арміи въ особенности, и исключительно своимъ заслугамъ, личной энергіи и безпредѣльной преданности долгу службы и всѣмъ ея, иногда весьма суровымъ, требованіямъ, какъ понимались они въ его время, генералъ этотъ обязанъ тѣмъ высокимъ служебнымъ положеніемъ, каковаго достигъ послѣ долголѣтней службы.

В. Ф. Зеге-фонъ-Лауренбергъ,

одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ Лауница.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ПАССЕКЪ.

ЗАМѢТКА КЪ ЕЯ ХАРАКТЕРИСТИКѢ.

24-го марта 1889 г. въ ночь не стало Татьяны Петровны Пассекъ. Къ этой мысли трудно и больно привыкать. Многіе узнали ее только съ тѣхъ поръ, какъ она стала писать; а тѣ, которые ее давно знали какъ русскую, широкую, даровитую натуру, въ которой не было мѣста разнымъ женскимъ мелочамъ, тѣмъ еще тяжеле эта утрата! Привѣтливая, любящая, она поражала съ перваго раза своей простотой, горячимъ, любящимъ сердцемъ. Никогда не видавши ее, я ее знала уже по разсказамъ А. П. Герцена и Н. П. Огарева.

Въ 1860 году я была въ Гейдельбергѣ съ сестрой Еленой Алексѣевной Сатиной, когда Татьяна Петровна тоже пріѣхала туда съ семействомъ. Она пришла къ намъ сама, сказала, что была съ дѣтства близка съ Огаревымъ и рада познакомиться со мной. «Мы не чужіе», говорила она мнѣ съ перваго нашего свиданья. И дѣйствительно мы сблизились и видались каждый день. Если я не бывала дня два у нея, она приходила за мной и уводила къ себѣ. Она мнѣ передавала все, что ее въ то время занимало и тревожило, много разсказывала мнѣ про покойную Наташу Герценъ, память о которой мнѣ была дорога, я слушала ее съ восторгомъ; ея гостепріимство, свѣтлый умъ дѣйствовали благотворно на все окружающее.

По возвращеніи моемъ въ Англію, я была какъ-то осенью въ Теркеѣ съ своей дочерью и дѣтьми Герцена, когда пришла вѣсть о пріѣздѣ Татьяны Петровны въ Лондонъ. Герценъ поѣхалъ ей на встрѣчу; мы ожидали ее съ большимъ нетерпѣніемъ, наконецъ, она пріѣхала и провела съ нами два дня. Это были свѣтлые, безоблачные дни, она сама описываетъ свое посѣщеніе въ Теркеѣ; могу только прибавить, что намъ было всѣмъ такъ хорошо, такъ отрадно

и легко съ ней, и такъ грустно, что ей нельзя было остаться долѣе съ нами.

Когда Татьяна Петровна узнала, что я возвратилась въ Россію, она написала мнѣ сочувственное, горячее письмо и просила меня не забывать, что я ей близкая навсегда. Она разсказывала мнѣ о кончинѣ сына своего Владиміра, о всемъ, что было такъ тяжело и больно, писала и о своемъ утѣшеніи: о внукѣ; разсказывала о томъ, что̀ побудило ее начать писать: съ одной стороны необходимость придумать средства для воспитанія внука и для своей жизни, съ другой: горячая любовь, живой интересъ къ дѣтямъ, къ ихъ развитію. И вотъ главная причина успѣха «Игрушечки» — она создалась любовью къ дѣтямъ, къ юношамъ.

Мы часто стали переписываться; въ одномъ изъ своихъ писемъ Татьяна Петровна говоритъ: «я люблю простую жизнь деревни и сельское хозяйство, я два года сельскимъ хозяйствомъ была занята въ имѣніи дѣтей въ Малороссіи; славно: близь ничего не видно кромѣ полей, нивъ, лѣса........ свободно. Себѣ я ничего не взяла — отказалась. Обнимаю васъ, моя милая Натали, всегда старый другъ Татьяна Пассекъ».

Воспоминанія свои она стала писать для того, чтобъ ярче запечатлѣть образы людей, слишкомъ рано сошедшихъ въ могилу, не совсѣмъ понятыхъ современниками и уже почти забытыхъ. При составленіи третьяго тома «Изъ дальнихъ лѣтъ» Татьяна Петровна спрашивала меня о многомъ, разныя подробности о семействѣ Герцена, о Тучковыхъ, я отвѣчала ей съ готовностью, переписывала для нея дорогія письма и посылала ей. Мало по малу Татьяна Петровна заставила меня набросать для нея отрывки изъ моихъ воспоминаній. Безъ нея, убитая послѣднимъ тяжкимъ ударомъ, я никогда бы не принялась за свои воспоминанія, я не была въ состояніи что либо припомнить. «Попробуй писать, писала мнѣ Татьяна Петровна, тебѣ легче будетъ, это своего рода жизнь, все воскресаетъ, порой катится слеза, порой свѣтится улыбка. Не дивись, что въ 75 лѣтъ работаю—въ работѣ жизнь—а безъ дѣла пропадешь,—такъ и стала писать». И она была права: какъ будто переживая прошлое, я стала спокойнѣе, терпѣливѣе жить въ ожиданіи конца....

Въ другомъ письмѣ она говоритъ: «отецъ Сатиныхъ съ 16 лѣтъ былъ однимъ изъ близкихъ друзей въ домѣ Пассекъ, и очень любилъ Вадима и меня. Многое, слишкомъ многое перешло передо мной и въ душѣ моей, съ этими, тогда едва вышедшими изъ дѣтской хризолиды, юношами, и представь себѣ, все живо, юно; порой, особенно какъ возьму перо, они уже тутъ и просятся въ міръ, въ жизнь,

которую слишкомъ рано покинули, въ которой, пожалуй, и сдѣлать то не съумѣли, что хотѣли и могли бы».

Разъ Татьяна Петровна писала мнѣ: «какъ бы твое Яхонтово поближе было, мы бы съ Сережей (ея внукъ) непремѣнно навѣстили тебя, мы вѣдь не избалованы, намъ былъ-бы кусокъ черного хлѣба да стаканъ воды, вотъ все, что намъ нужно».

Татьяна Петровна Пассекъ рѣдкое явленіе въ русской жизни: уже весьма пожилая она стала писать, талантъ ея развивался, она стала энергично трудиться, мучимая страшной болѣзнію. Только въ послѣднемъ письмѣ сорвалось у нея признаніе своихъ страданій—она диктовала: «слѣды множества несчастій, утратъ, огорченій, лишеній—вотъ онѣ и высказались на склонѣ жизни, ну да и восемьдесять лѣтъ не благодать, должны дать себѣ чувствовать». Она не только трудилась, но умѣла заставить трудиться и другихъ, въ ней была подталкивающая сила, вызывающая энергію другихъ. Миръ ей и да сопутствуютъ ее благословенія всѣхъ любившихъ и понимавшихъ ее.

Н. А. Огарева-Тучкова.

Когда и гдѣ положено основаніе Общества Краснаго Креста.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Въ прошломъ 1888 году исполнилось двадцатилѣтіе существованія христіанскаго международнаго Общества Краснаго Креста, главныя основанія котораго—помощь раненымъ и больнымъ, какъ своимъ, такъ и врагамъ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій—были оглашены женевской конвенціей 1868 года.

Къ этой конвенціи, въ числѣ почти всѣхъ европейскихъ державъ, присоединилась, какъ извѣстно, и Россія, вслѣдствіе чего организовалось и у насъ это высокоблагодѣтельное частное учрежденіе, принятое подъ высокое покровительство высочайшихъ особъ и не замедлившее оказывать свою братскуюблагодѣтельную помощь раненымъ и больнымъ во время бывшихъ съ тѣхъ поръ войнъ съ тѣмъ же самоотверженіемъ и съ тою же ревностью какъ и при севастопольской оборонѣ.

Благодаря международной санкціи этого гуманнаго учрежденія, проникнутаго идеей полнаго братскаго космополитизма въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ, — благодаря оффиціально организованному у насъ благотворительному Обществу Краснаго Креста, и прибавлю я—благодаря чисто русской скромности, точно стыдящейся напомнить о своихъ подвигахъ благотворенія и дѣятельной любви,—въ нашемъ обществѣ вкоренилось убѣжденіе, что эта христіанская идея облегчить ужасы войны, выразившаяся въ постановленіяхъ женевской конвенціи 1868 года, зародилась на западѣ и всецѣло принадлежитъ ему и мы лишь присоединились къ ней.

Между тѣмъ это далеко не такъ, и я пріемлю радостную для русскаго сердца обязанность утверждать, что это укоренившееся мнѣніе—плодъ незнанія фактовъ нашего недалекаго прошлаго.

Первообразъ Краснаго Креста и его дѣятельности, хотя, конечно, и не въ той широкой формѣ, какъ нынѣ,—возсіялъ впервые въ нашемъ отечествѣ и призывъ къ этой дѣятельности любви и милосердія раздался съ высоты русскаго престола въ незабвенную годину славной Севастопольской обороны.

Уже съ самаго начала осады его императорское высочество великій князь генералъ-адмиралъ Константинъ Николаевичъ послалъ на театръ войны, въ Севастополь, особую комиссію, возложивъ на нее задачу: оказывать морскимъ чинамъ пособія, въ дополненіе къ тѣмъ небольшимъ средствамъ, которыми могло располагать морское вѣдомство, и, такимъ образомъ, благодаря высокогуманной иниціативѣ генералъ-адмирала Константина Николаевича, всегда заботившагося о судьбѣ столь любимыхъ имъ моряковъ,—многіе раненые, больные и нуждающіеся доблестные защитники своего роднаго города были призрѣны и удовлетворены въ своихъ нуждахъ въ той мѣрѣ, въ какой, при всемъ желаніи, не могло бы сдѣлать морское вѣдомство безъ этого высокохристіанскаго почина его высочества.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1855 года, по иниціативѣ въ Бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Александровны, эта идея получила бо́льшое и всестороннее примѣненіе. Акты любви и милосердія распространились не на однихъ моряковъ, а и на всѣхъ воиновъ и не только своихъ, но и на плѣненныхъ враговъ.

Съ соизволенія въ Бозѣ почившаго государя императора, ея величество, въ началѣ 1855 года, тоже избрала особую комиссію, которая отправлена была въ Крымъ для оказанія помощи раненымъ, больнымъ и нуждающимся и принятія и распредѣленія пожертвованій, изобильно притекавшихъ, по призыву государыни, со всѣхъ, иногда самыхъ отдаленныхъ, уголковъ нашего отечества.

Я былъ осчастливленъ назначеніемъ меня въ составъ этой комиссіи (являвшейся, такъ сказать, прототипомъ будущихъ уполномоченныхъ Краснаго Креста), во главѣ коей находился графъ М. М. Віельгорскій-Матюшкинъ, павшій жертвою исполненія своего христіанскаго долга и скончавшійся, зараженный тифомъ, въ ноябрѣ 1855 г. въ Симферополѣ.

Посылая насъ на театръ войны и выражая свою волю, чтобы пожертвованія распредѣлялись въ средѣ раненыхъ, больныхъ и просто нуждающихся воинскихъ чиновъ, государыня при этомъ изволила начертать слѣдующую программу будущей нашей дѣятельности:

«Оказывать вполнѣ равномѣрныя пособія и всякую помощь всѣмъ больнымъ и раненымъ безъ различія по отношенію къ совѣсти и принадлежности къ лагерю».

Комиссія въ точности исполнила волю императрицы и при всеподданнѣйшемъ моемъ окончательномъ отчетѣ, какъ и въ ежемѣсячныхъ отчетахъ, были приложены подробные списки лицъ, получившихъ пособія, и въ этихъ спискахъ можно встрѣтить почтенное число тогдашнихъ враговъ—«союзниковъ»—французовъ, англичанъ, итальянцевъ и турокъ — которые воспользовались пособіями весьма разнообразными.

Еще ранѣе назначенія названной комиссіи, болѣе 200 лицъ женскаго персонала сердобольныхъ и сестеръ Крестовоздвиженской Общины отправились, по предложенію въ Бозѣ почившихъ императрицы Александры Θеодоровны и великой княгини Елены Павловны, на театръ военныхъ дѣйствій для ухода за ранеными и больными. Многія изъ этихъ подвижницъ были убиты, многія ранены, многія погибли отъ заразныхъ болѣзней, но всѣ положили душу свою при исполненіи этихъ святыхъ обязанностей, которыя 13 лѣтъ спустя были регламентированы женевской конвенціей.

Я взялся за перо съ единственной цѣлью напомнить русскому обществу это давно прошлое, и, опираясь на вышеизложенные факты, снова повторить, что первообразъ Краснаго Креста впервые засіялъ на русской землѣ отъ русскаго почина.

На основаніи этого мнѣ бы казалось, что Общество Краснаго Креста исполнило бы святой долгъ и не погрѣшило бы противъ скромности, если бы, на стягѣ своемъ, вмѣсто года 1868 поставило 1855 годъ, въ память того, что идея братской помощи во время войны и ея примѣненіе впервые явились въ Россіи.

А. О. Таборовскій.

Бѣлая монахиня въ Пензѣ

въ началѣ 1860-хъ годовъ.

Много лѣтъ тому назадъ къ пензенскому женскому монастырю подъѣхала великимъ постомъ дорожная карета, на козлахъ которой сидѣлъ жандармъ. Путешествующими были очень старая и дряхлая особа, замѣчательная тѣмъ, что, одѣтая по монашески въ куколѣ и рясѣ, все имѣла на себѣ изъ бѣлой матеріи, что, какъ извѣстно, нашимъ монашескимъ уставомъ не допускается; старушку сопровождала послушница, тоже старая, которая держала клѣтку съ попугаемъ. Вѣсть о такомъ необычайномъ посѣщеніи женскаго монастыря сію минуту облетѣла маленькій городъ и любопытство общества его еще болѣе усилилось, когда узнали, что на бѣлой монахинѣ былъ надѣтъ большой наперсный крестъ, на оборотѣ котораго значилось, будто бы, Царица Анна. Эта новость, облетѣвъ всѣ слои общества, вскорѣ дошла и до уѣздовъ, въ одномъ изъ которыхъ жили мы въ нашемъ имѣніи, и живо помню со всею свѣжестью дѣтскихъ впечатлѣній, какъ пріѣхавшій гость за обѣдомъ разсказывалъ всѣ подробности эпизода.

По водвореніи въ келіи бѣлой монахини, не замедлили къ ней пріѣхать преосвященный, кажется Варлаамъ, извѣстный суровостью жизни и обращенія и губернаторъ графъ Е. П. Толстой. Дѣло было въ началѣ 1860-хъ годовъ. Конечно, все то, что говорилось этими лицами, осталось непроницаемой тайной; многія въ то время лица, бывшія въ хорошихъ отношеніяхъ съ гр. Толстымъ спрашивали его наединѣ открыть имъ кто и за кого считать бѣлую монахиню, но получали всѣ одинаковый отвѣтъ: «не знаю».

Черезъ нѣсколько дней бѣлая монахиня, призвавъ игуменью, объявила ей, что, чувствуя приближеніе смерти, проситъ положить ее въ простой дубовый гробъ, непремѣнно обитый бѣлымъ атласомъ внутри.

Въ опредѣленное ею время скончалась: немедля опять пріѣхали вышепомянутыя лица, преосвященный и губернаторъ, собрали какіе-то документы, бывшіе при покойной, а также наперсный крестъ и всѣ эти вещи отправили, какъ о томъ тогда разсказывали, въ синодъ. Тѣло усопшей предали землѣ въ монастырской оградѣ около теплой церкви, и на чугунной доскѣ, служащей памятникомъ, написали:

«Старица Анна, скончалась въ 186.....» (не помню).

Покуда тѣло лежало въ ожиданіи погребенія, было позволено всѣмъ желавшимъ входить въ келію и смотрѣть на покойную. Всѣмъ приходившимъ послушница разсказывала, что ихъ привезли изъ Тамбовскаго женскаго монастыря, гдѣ онѣ жили долго, а передъ тѣмъ путешествовали по востоку и были въ Св. землѣ.

Надо сказать, что въ оградѣ Пензенскаго женскаго монастыря, который находится въ центрѣ города, хоронятъ только игумень или лицъ, платящихъ очень дорого за мѣста, сестеръ же выносятъ въ загородное кладбище.

Всѣ эти обстоятельства такъ взволновали Пензу, что порѣшили единогласно считать бѣлую монахиню вдовою цесаревича Константина Павловича.

Много лѣтъ спустя случай сблизилъ меня съ одной изъ сестеръ монастыря, живущей тамъ уже слишкомъ сорокъ лѣтъ и, не смотря на очень большіе годы, сохранившую отлично память и наблюдательность; эта инокиня, изъ рода Обуховыхъ, подтвердила мнѣ все слышанное мною въ моемъ дѣтствѣ.

У читающихъ этотъ разсказъ, конечно, явится желаніе узнать истину; для этого слѣдуетъ вспомнить, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ по разводѣ съ В. К. Анной Ѳедоровной, поселившейся въ Швейцаріи и тамъ скончавшейся уже въ царствованіе Александра II, состоялся бракъ съ княгинею Ловичъ, которая скончалась и погребена въ Царскомъ Селѣ; поэтому, перебравъ въ памяти все, что могло бы быть подходящимъ къ открытію тайны, и отбросивъ мысль о высокомъ происхожденіи бѣлой монахини, можно остановиться на предположеніи, что бѣлая монахиня была или Е. Ѳ. Татаринова, сосланная въ одинъ изъ монастырей внутреннихъ губерній, или кто нибудь изъ ея ближнихъ. На эту возможность объясненія направляетъ бѣлый цвѣтъ, любимый сектою хлыстовъ; но какъ совмѣстить строгость заточенія въ монастырѣ съ поѣздками по востоку?

Александръ Александровичъ Кирѣевъ.

4 февраля 1889 г.
С. Дьячевка, Саратов губ.

КЪ ВОПРОСУ О БОЛГАРСКОМЪ ОПОЛЧЕНІИ

1877—1878 гг.

Въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г. помѣщена интересная статья «Болгарское ополченіе и его сформированіе». Авторъ ея, И. С. Ивановъ, описывая свое участіе въ формированіи ополченія, указываетъ на неточности и ошибки, сдѣланныя мною въ помѣщенномъ въ томъ же изданіи (іюль 1888 г.) очеркѣ «Князь В. А. Черкаскій какъ устроитель Болгаріи».

Въ моемъ очеркѣ я два раза упомянулъ имя г. Иванова. Сперва, въ дословномъ приведеніи, изъ моего дневника, разсказа князя Черкаскаго о заигрываніи князя Богориди съ болгарскими ополченцами въ Плоэштахъ, а потомъ, перечисляя поименно вице-губернаторовъ, назначенныхъ при князѣ Черкаскомъ. Въ первомъ случаѣ я сказалъ, что князя Богориди сопровождалъ «нѣкто Ивановъ, кишиневскій исправникъ и предсѣдатель тамошняго болгарскаго благотворительнаго комитета», а во второмъ упомянулъ, что сливенскимъ (это ошибочно, надо было сказать филиппопольскимъ) вице-губернаторомъ былъ «болгаринъ Ивановъ, служившій въ Бессарабіи». Оба упоминанія, мною сдѣланныя, были таковы, что даже не устанавливали точно, объ одномъ ли и томъ же г. Ивановѣ идетъ рѣчь, что и было сдѣлано потому, что собственно о г. Ивановѣ и его дѣятельности по болгарскому дѣлу я не намѣревался говорить, а фамилію его, разъ не исключилъ изъ цитированнаго мною разсказа князя Черкаскаго, а потому помѣстилъ въ спискѣ служащимъ.

Разсказъ князя Черкаскаго, цитированный въ моей статьѣ, я вписалъ въ дневникъ не изъ вторыхъ рукъ, а прямо со словъ князя и въ немъ собственно мнѣ не принадлежитъ ни одного выраженія. Назвавъ г. Иванова исправникомъ и предсѣдателемъ благотворительнаго комитета, я назвалъ его именно такъ, какъ слѣдовало, ибо въ то время онъ дѣйствительно былъ и исправникомъ, и предсѣдателемъ. Выраженіемъ «нѣкто» я не имѣлъ желанія умалить достоинства г. Иванова, человѣка, какъ мнѣ извѣстно, весьма по-

чтеннаго, и очень жалѣю, что онъ далъ этому слову совершенно превратное толкованіе.

Во всякомъ случаѣ, исправлять моего дневника не требуется и самый инцидентъ слѣдуетъ считать оконченнымъ, такъ какъ по поводу моей замѣтки И. С. Ивановъ имѣлъ возможность лично и весьма обстоятельно разсказать о своей вполнѣ почтенной дѣятельности на пользу болгарскому дѣлу.

Я бы, впрочемъ, не написалъ и вышеприведенныхъ строкъ, если бы «Замѣтки и воспоминанія» И. С. Иванова не дали мнѣ повода остановиться на нихъ по другимъ, весьма серьезнымъ основаніямъ, которыя я выскажу дальше, а теперь обращусь къ указаніямъ этихъ «замѣтокъ» на сдѣланныя мною ошибки.

1) Замѣтки говорятъ, что приведенныя мною цифры о числительности болгарскихъ дружинъ неточны. Такъ, мною напечатано, что къ 16 мая 1877 г. въ шести болгарскихъ дружинахъ было на лицо: 1 генералъ, 9 штабъ-офицеровъ, 72 оберъ-офицера, 7,206 строевыхъ и 238 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, между тѣмъ, какъ по свѣдѣніямъ г. Иванова даже къ 31 мая 1877 г. болгаръ было всего 5,000 чел., съ которыми ополченіе и перешло за Дунай. Кромѣ того, по «замѣткамъ» русскій кадръ ополченія былъ «въ числѣ не болѣе 100 чел. нижнихъ чиновъ русскихъ».

2) Г. Ивановъ говоритъ, что въ ноябрѣ 1877 г. начальникъ болгарскаго ополченія, «вслѣдствіе большихъ убылей его въ бояхъ подъ Ески-Загрой съ Сулейманомъ-пашой и на Шипкѣ, признавая необходимымъ не только пополненіе убыли, но и увеличеніе численности его до 12-ти дружинъ, т. е. до размѣра дивизіи, обратился съ рапортомъ къ начальнику полеваго штаба, прося его объ исходатайствованіи разрѣшенія великаго князя главнокомандующаго о произведеніи набора молодыхъ болгаръ въ занятыхъ уже частяхъ Болгаріи, съ тѣмъ, чтобы для производства этого набора была составлена комиссія изъ подполковника Кессякова и д-ра Бонева, подъ моимъ (т. е. г. Иванова) предсѣдательствомъ». Далѣе въ «замѣткахъ» поясняется, что «ходатайство это было одобрено и разрѣшено» и начальникъ ополченія обратился къ князю Черкаскому съ письмомъ о зависящемъ съ его стороны распоряженіи къ начатію набора и командированію г. Иванова въ комиссію. Однако, ни набора, ни командированія г. Иванова князь Черкаскій не сдѣлалъ;

и 3) Князь Черкаскій, не пожелавъ разсматривать привезенный докторомъ Боневымъ проектъ «устава о привлеченіи молодыхъ болгаръ къ исполненію воинской службы въ болгарскихъ дружинахъ»,—направилъ его ко мнѣ, но я «такъ его (т. е. д-ра Бонева) принялъ, что онъ сѣлъ на коня и отправился обратно, ничего не добившись».

Отвѣчу на всѣ три замѣчанія.

По первому замѣчанію. Показанныя мною цифры о наличномъ составѣ болгарскаго ополченія къ 16 мая 1877 г. взяты изъ оффиціальнаго источ-

ника, а именно изъ напечатаннаго въ 1884 г. «Отчета полеваго штаба дѣйствующей арміи 1877—1878 гг.». Тамъ, на стр. 100—101, численность болгарскаго ополченія къ 16 мая 1877 г. показана такъ:

	по штату положено	по списку состоитъ	на лицо	противу штата недостаетъ	противу штата излишекъ.
Генераловъ	1	1	1	—	—
Штабъ-офиц.	10	9	9	1	—
Оберъ-офицеровъ.	101 (sic)	72	72	28 (sic)	—
Строевыхъ нижн. ч.	6012	7206	7125	—	1194
Нестроев. нижн. ч.	204	238	237	—	33

Эти же цифры, безъ измѣненій, показаны въ «отчетѣ» къ 1 и 16 іюня 1877 г. Въ нихъ замѣчательно то, что не только говорится о 7,206 нижн. ч. но и добавляется, что въ этомъ числѣ состояло лишнихъ противу штата 1,194 ч. За симъ сомнѣваться въ правильности показанія численнаго состава ополченія не было основаній—число это разъ показано общей цифрой (7,206), а потомъ количествомъ своего излишка противу штата (1,194).

Приводя въ моей статьѣ эти цифры, я отступилъ отъ нихъ въ томъ, что списочное число назвалъ наличнымъ; сдѣлалъ же это потому, что вся разница заключалась въ 74 больныхъ и 8 командированныхъ. Ихъ я не исключилъ, ибо для меня были важны именно цифры, опредѣлявшія число нижнихъ чиновъ, поступившихъ въ ополченіе при его сформированіи.

Объяснивъ, что мои цифры не выдуманы мною, а оффиціальныя, и сославшись на печатный источникъ, я могъ бы считать это достаточнымъ опроверженіемъ и этимъ окончить возраженіе по первому замѣчанію, но не дѣлаю этого. Разбираясь въ массѣ документовъ и желая кромѣ нихъ имѣть еще и личныя показанія людей близко стоявшихъ къ болгарскому ополченію, я просилъ о сообщеніи мнѣ данныхъ и замѣчаній, во первыхъ, генерала Столѣтова, перваго начальника ополченія, а во вторыхъ, генерала Корсакова формировавшаго шесть дружинъ второй серіи (№№ 7—12). Оба они, первый словесно 14 декабря 1888 г., а второй письменно 12 ноября 1888 г., т. е. гораздо ранѣе появленія замѣтокъ И. С. Иванова, сообщили мнѣ, что 7,206 нижнихъ чиновъ въ болгарскомъ ополченіи не было, и самый большой составъ, ко времени перехода черезъ Дунай, не превышалъ 5,000 чел. Итакъ, по оффиціальнымъ данымъ въ дружинахъ было 7,206 чел., а по частнымъ всего 5,000. Съ этою послѣднею цифрою сходится и показаніе г. Иванова. Гдѣ истина? Разъясненіе этого разногласія крайне интересно. Добавляю, что напечатанный отчетъ, на который сдѣлана мною ссылка, составленъ временною коммиссіею для окончанія дѣлъ и счетовъ бывшей дѣйствующей арміи и ограничивается инспекторскою частью и порядкомъ довольствія войскъ.

Что касается до указанія г. Иванова, что русскіе кадры въ дружинахъ

ополченія состояли всего изъ 100 нижнихъ чиновъ, то это не вѣрно. Въ кадры для дружинъ назначено было и сведено въ Кишиневѣ въ три роты— 270 чел. нижнихъ чиновъ [1]). Въ моментъ сформированія первыхъ шести дружинъ, къ 270 чел. кадровъ было добавлено 285 чел. для образованія нестроеваго состава; такъ что русскихъ чиновъ въ болгарское ополченіе (говорится о дружинахъ первой серіи) поступило всего 555 чел. [2]). Кромѣ того въ тѣ-же дружины должны были поступить всѣ нижніе чины болгарскаго происхожденія, состоявшіе въ войскахъ Одесскаго военнаго округа. Ихъ было 230 чел. Поступили ли они въ дружины [3]). Если, какъ имѣются всѣ основанія полагать, поступили, то въ шести первыхъ дружинахъ было до 785 нижн. чин., взятыхъ изъ состава нашихъ войскъ.

По второму замѣчанію. Формулируя вторую мою ошибку, И. С. Ивановъ совершенно перепуталъ факты, что и доказывается подлиннымъ представленіемъ генерала Столѣтова къ начальнику полеваго штаба отъ 23 сентября 1877 г. № 4 [4]). Въ этомъ представленіи нѣтъ рѣчи о наборѣ, а говорится о вербовкѣ добровольцевъ и въ предсѣдатели комиссіи указано другое лицо, а не г. Ивановъ.

Первыя шесть дружинъ болгарскаго ополченія (№№ 1—6), перейдя Дунай, поступили въ составъ передоваго отряда арміи и съ того времени до самаго плѣненія турецкой арміи на Шипкѣ, участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ съ войсками генераловъ Гурко, Радецкаго и Скобелева. Отправляясь въ военный походъ, генералъ Столѣтовъ выдѣлилъ до 1,000 чел. болгаръ для формированія, въ Систовѣ, шести дружинъ второй серіи (№№ 7—12) подъ начальствомъ полковника Корсакова. Эти дружины второй серіи (въ сущности роты) разведены были по городамъ для содержанія карауловъ и мѣстной полицейской службы, въ помощь гражданскому вѣдомству. Всѣ 12 дружинъ, имѣя русскій кадръ, пополнялись исключительно болгарами-добровольцами. Гражданскія власти Систовскаго, Тырновскаго и Тульчинскаго санджаковъ всюду дѣятельно вызывали добровольцевъ и направляли ихъ въ ближайшія дружины. Начальники дружинъ, съ своей стороны, тоже пріискивали охотниковъ и вербовали ихъ въ дружины въ мѣстахъ расположенія.

Вскорѣ послѣ первыхъ сраженій за Балканами и на Шипкѣ, численный составъ дружинъ первой серіи значительно уменьшился и не столько отъ потерь въ бояхъ, сколько отъ чрезмѣрнаго дезертированія. Обстоятельства эти

---

[1]) Дѣло военно-ученаго комитета № 5,772. Для конныхъ болгарскихъ сотенъ кадры были отдѣльные изъ 48 нижн. чин. отъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ. Дружины 2-й серіи получили отдѣльный русскій кадръ.

[2]) Предписанія полеваго штаба бессарабскому губ. воинск. нач. отъ 6 и 7 апрѣля 1877 г. №№ 3,350 и 3,357. Дѣло инс. отд. пол. штаба № 61, часть 3.

[3]) Дѣло в. уч. арх. № 5,772.

[4]) Дѣло инсп. отд. полеваго штаба № 61, часть 3-я.

обратили на себя особенное вниманіе князя Черкаскаго и онъ началъ дѣятельно ходатайствовать объ упорядоченіи дѣла комплектованія дружинъ. По невозможности приступить къ правильному набору въ странѣ, нами еще не освобожденной, онъ полагалъ ограничиваться, по прежнему, зачисленіемъ въ ополченіе однихъ добровольцевъ, но требовалъ, чтобы, способствуя приливу въ дружины новыхъ силъ, были приняты мѣры къ удержанію въ дружинахъ охотниковъ уже поступившихъ. Дружинники-добровольцы не были связаны ни срокомъ службы, ни присягой, ни, наконецъ, страхомъ наказаній за своевольное оставленіе рядовъ ополченія. Доходилъ такой братушка до своей деревни, или не хотѣлъ долѣе подчиняться строгостямъ военной службы и случайностямъ войны, или, наконецъ, просто усталъ, изголодался и обносился —онъ преспокойно уходилъ, куда хотѣлъ, оставляя ружье, аммуницію, а нерѣдко и форменную одежду. Число такихъ дезертировъ быстро увеличивалось, превосходило число вновь поступающихъ и было причиною, что дружины таяли. Указывая на эти факты, князь Черкаскій доказывалъ, что какъ бездонную бочку нельзя наполнить, такъ нельзя укомплектовать и болгарскія дружины, не остановивъ органическими мѣрами сильно развившагося дезертирства. Подобныя заявленія князя Черкаскаго вели къ самымъ горячимъ пререканіямъ съ начальникомъ полеваго штаба, но практически ничѣмъ не разрѣшались.

Между тѣмъ, видя недостаточность строевой подготовки дружинъ второй серіи, состоявшихъ въ отдѣльномъ командованіи, генералъ Столѣтовъ вошелъ, 23 сентября 1877 г., съ представленіемъ къ генералъ-адъютанту Непокойчицкому, прося его разрѣшенія: уничтожить отдѣльное завѣдываніе шестью послѣдними дружинами и свести ихъ вмѣстѣ въ Габрово, гдѣ онъ надѣялся не только поднять строевое ихъ образованіе, но и укомплектовать все ополченіе до штатнаго состава, т. е. до 12 тыс. человѣкъ. «Въ Габровѣ и окрестностяхъ, писалъ онъ, находится множество болгаръ, спасшихся отъ турокъ; они съ радостью пойдутъ въ ополченіе и изъ нихъ въ 1—2 мѣсяца можно сдѣлать боевыхъ солдатъ. Что касается добровольцевъ въ другихъ нами занятыхъ мѣстностяхъ, то его возложить на особую комиссію, предсѣдателемъ коей я полагалъ бы назначить полковника Кесякова, родомъ болгарина, горячо сочувствующаго дѣлу; къ нему назначить еще медика и чиновника гражданскаго управленія, по выбору князя Черкаскаго. Комиссія будетъ вербовать и направлять въ Габрово людей». Такимъ образомъ и самъ начальникъ ополченія говорилъ только о вербованіи добровольцевъ и не заявлялъ о принятіи мѣръ къ прекращенію дезертирства.

3-го октября 1877 г. за № 183, состоялся приказъ по войскамъ арміи, коимъ дружины №№ 7—12 вливались въ первыя три бригады ополченія, поступая въ полное завѣдываніе начальника ополченія. Предписаніемъ отъ того же числа № 10578, генералъ Непокойчицкій разрѣшилъ генералу Столѣтову свести дружины вмѣстѣ, притянувъ къ себѣ тѣ, которыя стояли

въ Систовѣ и Тырновѣ. «Что касается, наконецъ, говорилось въ № 10,578, дальнѣйшаго набора для ополченія охотниковъ-болгаръ изъ занятыхъ уже нами мѣстностей, то организація этого дѣла вполнѣ предоставляется вашему усмотрѣнію».

Князь Черкаскій, случайно узнавъ объ этомъ, доложилъ главнокомандующему, что выводъ дружинъ изъ Систова и Тырнова, впредь до замѣны ихъ тамъ обѣщанными гражданскому управленію резервными батальонами, совершенно невозможенъ, такъ какъ губернаторы останутся безъ всякой мѣстной вооруженной силы. При этомъ случаѣ, князь Черкасскій снова высказался за принятіе давно уже предлагавшихся имъ мѣръ охраненія внутренняго въ ополченіи порядка, говоря, что ѣздящая комиссія ничему не поможетъ, такъ какъ и безъ нея всѣ желающіе болгарскіе охотники немедленно сдаются въ дружины. Все это производится гражданскими властями и впредь будетъ ими дѣлаться, но что разумѣется ничто не мѣшаетъ, по бывшимъ примѣрамъ, самимъ болгарскимъ дружинамъ вербовать охотниковъ въ мѣстахъ расположенія ополченія. Депешею 10 октября, приказъ о выводѣ дружинъ изъ Систова и Тырнова отмѣненъ; ихъ велѣно «оставить временно на своихъ мѣстахъ для карауловъ и полицейской службы».

Ѣздящая комиссія, никѣмъ неутвержденная, не получила осуществленія, хотя о назначеніи въ нее г. Иванова генералъ Столѣтовъ просилъ князя Черкаскаго особымъ письмомъ.

На стр. 157 г. Ивановъ заявляетъ, что ни князь Черкаскій, ни я, «какъ говорится, и руки до этого ополченія не приложили», но подобное удостовѣреніе опровергается фактами. Въ томъ же дѣлѣ полеваго штаба № 61, часть 1-ая, на стр. 94—114, имѣются представленія завѣдывающаго гражданскими дѣлами о первомъ призывѣ подъ знамена 9,000 молодыхъ болгаръ и объ упорядоченіи внутренняго устройства дружинъ. Оповѣщая, кого слѣдуетъ, о повелѣніи великаго князя главнокомандующаго: обязать болгаръ дружинниковъ срокомъ службы; приводить призываемыхъ къ присягѣ и разработать правила о наказаніяхъ для нижнихъ чиновъ болгарскаго ополченія за самовольное оставленіе ими рядовъ ополченія,—генералъ-адъютантъ Непокойчицкій увѣдомлялъ, что мѣры эти принимаются вслѣдствіе представленій исправляющаго должность завѣдывающаго гражданскими дѣлами. Поздно, но всетаки было сдѣлано то, надъ чѣмъ такъ настаивалъ покойный князь Черкасскій.

Первый призывъ былъ оконченъ $^{11}/_{23}$ мая 1878 г. и къ 16 мая, т. е. восемь дней спустя послѣ вступленія въ должность Императорскаго коммисара генер.-ад. князя Дондукова-Корсакова, въ 12 дружинахъ болгарскаго ополченія, по спискамъ числилось 12,349 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а на лицо ихъ состояло 11,430.

По третьему замѣчанію. Параллельно составленію проектовъ вообще по гражданскому управленію Болгаріи, князь Черкаскій обсуждалъ общія

основанія устройства и будущей вооруженной силы Болгаріи. Въ совѣщаніяхъ по этому предмету принималъ участіе и генералъ Обручевъ, во время своего пребыванія въ Боготѣ. Съ какимъ проектомъ являлся ко мнѣ докторъ Боневъ— не знаю, такъ какъ и г. Ивановъ говоритъ, что я «не взялъ даже въ руки этого проекта». Но полагаю, что дѣло могло быть такъ: если г. Боневъ составилъ проектъ устава о пополненіи существовавшихъ уже дружинъ — то онъ не подлежалъ разсмотрѣнію гражданскаго управленія, высказавшаго уже свой взглядъ на это дѣло, и я не принялъ его правильно; если же проектъ относился до устройства будущей болгарской милиціи, о чемъ многіе говорили, ставя въ примѣръ швейцарскую военную систему, то тѣмъ болѣе проектъ не подлежалъ моему разсмотрѣнію, потому что и я, и князь Черкаскій считали для Болгаріи необходимымъ не милицію, а постоянную военную силу, при общеобязательной воинской повинности и съ короткими сроками службы для возможности проводить чрезъ постоянно содержимыя войска большее число молодежи. Такъ впослѣдствіи и сдѣлано. Во всякомъ случаѣ, какъ-то странно допустить, чтобы князь Черкаскій, отказавшись разсмотрѣть проектъ г. Бонева, указалъ ему обратиться ко мнѣ. Если князь уклонился отъ личнаго разсмотрѣнія проекта, то потому, что считалъ его не нужнымъ для гражданскаго управленія и засимъ не было никакихъ поводовъ направлять г. Бонева ко мнѣ. Впрочемъ, все это замѣчаніе не важно.

Прочитавъ написанное выше, нельзя не придти къ заключенію, что оффиціальныя данныя и частныя свѣдѣнія и разсказы о событіяхъ минувшей войны 1877—1878 г., совершавшихся, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, не сходятся между собою и по самымъ существеннымъ вопросамъ. Чтобы разъяснить дѣло, невозможно ограничиваться тѣми или другими матеріалами; необходимо пользоваться источниками обоихъ родовъ, подвергать ихъ критикѣ, сопоставлять между собою и тогда уже дѣлать выводы. Чѣмъ большее число очевидцевъ приметъ участіе въ такомъ разъясненіи, тѣмъ лучше. Вообще крайне желательно, чтобы тѣ изъ очевидцевъ, которые вели дневники, журналы или просто замѣтки, напечатали ихъ или, по крайней мѣрѣ, привели въ порядокъ, дабы они, хотя бы впослѣдствіи, могли служить общему дѣлу въ видѣ свидѣтельскихъ показаній, всегда столь драгоцѣнныхъ для историковъ.

Занимаясь въ настоящее время описаніемъ дѣятельности гражданскаго управленія при дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг., я убѣдительно прошу всѣхъ служившихъ въ гражданскомъ управленіи или имѣющихъ о немъ какія бы то ни было данныя, будь то собственныя наблюденія, записки, дневники и замѣтки или документы оффиціальные, дать мнѣ возможность ознакомиться съ этими свѣдѣніями и воспользоваться ими для моего труда. Особенно желательно получить сообщеніе о дѣятельности чиновъ гражданскаго управленія по сбору

въ сѣверной Болгаріи реквизиціи, храненію реквизиціоннаго зерна до передачи его интендантству и, наконецъ, о самой этой операціи.

Всѣ документы, по снятіи съ нихъ копій или сдѣланіи выписокъ, будутъ мною возвращены въ полной сохранности. Адресовать же свѣдѣнія слѣдуетъ: въ С.-Петербургъ, Дмитрію Гавриловичу Анучину, Бассейная, 25.

Д. Г. Анучинъ.

4 апрѣля 1889 г.
С.-Петербургъ.

ВИЛІЯ.

(Переводъ изъ «Конрада Валленрода», поэма Мицкевича).

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., томъ LXII, май, стр. 500—501, напечатанъ переводъ названнаго здѣсь стихотворенія славнаго польскаго поэта; для полнаго соотвѣтствія польскому подлиннику — необходимо переставить строфы этого перевода, именно въ томъ порядкѣ, какъ дѣлаемъ мы это въ настоящей книгѣ этого изданія. Кстати замѣтимъ, что достоинство этого перевода состоитъ въ его близости къ подлиннику съ сохраненіемъ не только мыслей, но и самыхъ выраженій онаго. Смотри переводы того же стихотворенія у Л. А. Мея и В. С. Курочкина.

Z.

Вилья, рѣкъ родныхъ царица,
Вилья славится давно;
Ликъ ея свѣтлѣй денницы,
Золотое кроетъ дно...
У литвинки ликъ нѣжнѣе,
Сердце чище и свѣтлѣе (припѣвъ).

***

Вилья ковенской долиной
Протекаетъ межъ цвѣтовъ.
Предъ литвиночкой-богиней
Цвѣтъ литовскихъ молодцовъ:
Всѣ красивѣй и милѣй
Розъ, тюльпановъ и лилей.

***

Отъ цвѣточковъ отдалилась,
Вилья къ Нѣману спѣшитъ,
А литвинка загордилась,
Нашихъ юношей бѣжитъ:
Чужеземецъ ей по сердцу,
Предалася иновѣрцу.

***

Нѣманъ Вилью принимаетъ,
Мчится съ ней черезъ скалы,
Къ груди хладной прижимаетъ,
Плещутъ мутные валы.
И вотъ оба мчатся дружно
Въ море съ пѣною жемчужной.

***

Такъ литвинку молодую
Чужеземецъ увлечетъ
Въ страну дальнюю, чужую,
Въ бездну горя и заботъ.
И въ забвеніи, въ слезахъ
Ты потонешь, какъ въ волнахъ.

***

Но грозитъ напрасно рокъ;
Глухо сердце и потокъ:
Сердце любитъ и страдаетъ...
Вилья къ Нѣману спѣшитъ,
Нѣманъ Вилью принимаетъ,
Лаской, нѣгою поя.
Дѣва плачетъ и страдаетъ,
Въ кельѣ грусть свою тая.

Л. А. Кавелинъ.

(1840 г.).

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ

въ 1888—1889 учебномъ году.

Въ воскресенье, 14-го мая 1889 г., состоялся торжественный актъ въ археологическомъ институтѣ, въ С.-Петербургѣ, по случаю новаго выпуска его питомцевъ архивистовъ-археологовъ. При значительномъ стеченіи любителей науки, между которыми было много академиковъ, профессоровъ и членовъ института, профессоръ Н. В. Покровскій прочелъ отчетъ совѣта археологическаго института.

Изъ доклада видно, что къ концу отчетнаго года, 1888—1889 г., въ составъ этого учено-учебнаго учрежденія входили 87 почетныхъ, 31 дѣйствительныхъ членовъ, 11 профессоровъ и преподавателей, 14 сотрудниковъ и 57 слушателей на обоихъ курсахъ института (къ началу учебнаго 1888—1889 года, за исключеніемъ прошлаго года выпускныхъ, оставалось слушателей 21).

Во главѣ учрежденія, по прежнему, стоитъ достойнѣйшій преемникъ основателя и перваго директора института Н. В. Калачева—профессоръ, тайный совѣтникъ И. Е. Андреевскій; затѣмъ въ составѣ профессоровъ и преподавателей, независимо отъ почтеннаго директора, мы видимъ весьма авторитетныхъ въ наукѣ лицъ, каковы: академикъ А. Ѳ. Бычковъ, профессора: В. И. Сергѣевичъ, Н. В. Покровскій, Д. И. Прозоровскій, А. К. Марковъ и четверо молодыхъ преподавателей изъ бывшихъ слушателей института: А. П. Вороновъ, А. Л. Смирновъ, С. М. Гольдштейнъ и графъ Н. С. Ланской.

Весьма пріятная особенность этого ученаго учрежденія состоитъ въ томъ, что не только составъ его дѣйствительныхъ членовъ и сотрудниковъ, но и преподавателей усиливается время отъ времени,

такъ сказать, изъ нѣдръ самаго института; изъ его питомцевъ, обыкновенно лицъ, окончившихъ, еще до поступленія въ него, курсъ наукъ въ одномъ изъ высшихъ учрежденій, каковы университетъ и т. п., и затѣмъ прекрасно прошедшихъ курсъ археологическаго института, совѣтомъ института приглашаются достойнѣйшія лица на открывающіяся вакансіи преподавателей въ это самое учрежденіе.

Совѣтъ института составляли академики А. Ѳ. Бычковъ и П. И. Савваитовъ; почетные члены А. Н. Труворовъ и Н. Н. Селифонтовъ и весь составъ профессоровъ и преподавателей, съ директоромъ во главѣ.

Дѣятельность совѣта института выражалась въ особыхъ собраніяхъ, на которыхъ обсуждались, между прочими, вопросы, касающіеся педагогической и ученой части: избранія почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и сотрудниковъ института, преподаванія наукъ въ институтѣ, лучшей постановки архивнаго дѣла въ Россіи, снаряженія археологическихъ экскурсій, сношеній по вопросамъ археологіи и архивовѣдѣнія съ разными учрежденіями и лицами, открытія и направленія дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и охраненія памятниковъ отечественной старины. По порученію совѣта института, директоръ И. Е. Андреевскій принималъ участіе въ спеціальныхъ собраніяхъ, устроенныхъ императорскою археологическою комиссіею, для обсужденія мѣръ къ охраненію памятниковъ отечественной старины. Въ отчетномъ году вышелъ 7-й выпускъ институтскаго журнала «Вѣстникъ Археологіи и Исторіи» и готовится выпускъ 8-й.

Дѣятельность профессоровъ по отношенію къ институту выражалась, главнымъ образомъ, въ чтеніи лекцій. Профессоръ И. Е. Андреевскій читалъ, въ отчетномъ году, науку объ архивахъ, проф. В. И. Сергѣевичъ—юридическія древности, проф. Н. В. Покровскій—церковныя древности, Д. И. Прозоровскій—славяно-русскую палеографію до XVI в. и древне-русскую метрологію, А. К. Марковъ—византійскую нумизматику, А. П. Вороновъ руководилъ практическими занятіями слушателей по описанію архивовъ, А. Л. Смирновъ преподавалъ греко-латинскую палеографію, С. М. Гольдштейнъ—польскую палеографію, графъ Н. С. Ланской обучалъ слушателей чтенію древнихъ актовъ.

Занятія слушателей института состояли въ слушаніи институтскихъ лекцій и практическомъ ознакомленіи съ разборомъ и описаніемъ архивныхъ документовъ, также въ ознакомленіи съ музеями и архивами и въ самостоятельныхъ ученыхъ упражненіяхъ, результаты которыхъ сообщаемы были въ вечернихъ собраніяхъ; нѣкоторыя изъ этихъ работъ помѣщены въ «Вѣстникѣ археологіи и исторіи».

Одинъ изъ слушателей института, А. В. Половцевъ, въ виду ожидавшихся чтеній по церк. археологіи, предложилъ въ институтѣ рядъ бесѣдъ для ознакомленія слушателей съ памятниками искусства. Бесѣды эти посѣщаемы были не только слушателями института, но и дѣйствительными членами, даже посторонними лицами, и возбуждали живой интересъ. Для нагляднаго ознакомленія съ наиболѣе цѣлесообразными пріемами археологическихъ раскопокъ слушатели института, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ дѣйствительныхъ членовъ, въ концѣ мая прошлаго года, командированы были въ имѣніе князя Еникѣева Боровичскаго уѣзда, гдѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго спеціалиста по кургановѣдѣнію, генералъ-маіора Н. Е. Бранденбурга, произвели раскопку кургановъ. Такъ какъ главнѣйшая цѣль этой экскурсіи состояла не въ находкахъ и открытіяхъ, но имѣла педагогическое значеніе, то изъ обширной группы кургановъ раскопаны были только три кургана—одинъ траншеей и два колодцемъ, при чемъ обращалось самое строгое вниманіе какъ на процессъ работы, такъ и на находки. Составленный слушателями подробный и точный дневникъ раскопокъ, а равно и всѣ найденные въ курганахъ предметы древности доставлены въ институтъ. Отчетъ объ этихъ образцовыхъ раскопкахъ предложенъ былъ участникомъ экскурсіи г. Коленскимъ, въ одномъ изъ публичныхъ собраній института.

Въ отчетномъ году, по примѣру прежнихъ лѣтъ, происходили въ институтѣ публичныя и частныя вечернія собранія. Публичныхъ собраній было шесть: число предложенныхъ на нихъ сообщеній простиралось до 14-ти. Референтами были: И. Е. Андреевскій, Д. Е. Чубиновъ, Н. Е. Бранденбургъ, Н. В. Покровскій, М. И. Семевскій, Е. Е. Замысловскій, А. Н. Труворовъ, А. Н. Львовъ, А. А. Ильинъ и В Н Коленскій. Предметами публичныхъ сообщеній служили: ученая дѣятельность архивныхъ коммиссій, отчеты объ археологическихъ экскурсіяхъ, изслѣдованія, относящіяся къ области археологіи и архивовѣдѣнія. Въ вечернихъ собраніяхъ частныхъ, происходившихъ еженедѣльно, подъ предсѣдательствомъ директора института, участвовали почетные члены, профессора, дѣйствит. члены, сотрудники и слушатели. Въ этихъ частныхъ собраніяхъ разсматривались труды губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, обсуждались вопросы, касающіеся веденія архивнаго дѣла, разбирались ученыя изданія русскихъ археологическихъ обществъ, равно какъ и отдѣльныя сочиненія и статьи современной журналистики, имѣющія болѣе или менѣе близкое отношеніе къ спеціальнымъ занятіямъ археологическаго института. Такихъ частныхъ собраній въ отчетномъ году было 22.

Библіотека и институтскій архивъ въ отчетномъ году пополнены

нѣкоторыми новыми пріобрѣтеніями книгъ и архивныхъ документовъ. Число книгъ въ институтской библіотекѣ въ настоящее время простирается свыше 5,000 наименованій и до 500 рукописей, кромѣ архивныхъ документовъ.

Въ музей института поступило вновь нѣсколько предметовъ древностей, отчасти найденныхъ слушателями института во время прошлогоднихъ археологическихъ раскопокъ, отчасти пожертвованныхъ разными лицами. Число всѣхъ предметовъ институтскаго музея простирается до 3,500.

Чтеніе отчета закончено было выдачею, по опредѣленію совѣта археологическаго института, атестатовъ шести слушателямъ института, окончившимъ нынѣ полный курсъ институтскихъ наукъ и выдержавшимъ удовлетворительно испытанія по всѣмъ предметамъ; таковыя лица были: окончившій курсъ спб. университета г. Адамовъ; кандидатъ спб. университета г. Половцевъ; кандидатъ спб. духовной академіи г. Розинъ; окончившій курсъ наукъ во 2-й спб. военной гимназіи г. Панкратьевъ; коллежскій секретарь г. Соловскій и бывшій студентъ спб. университета г. Сивицкій; сему послѣднему постановлено выдать атестатъ, по представленіи имъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ университетѣ.

Выдача каждому изъ поименованныхъ лицъ атестатовъ сопровождалась единодушными рукоплесканіями всего собранія.

Вообще же, какъ выяснено было въ прочитанномъ отчетѣ совѣта института, отличительною чертою истекшаго года въ дѣятельности сего учрежденія было значительное расширеніе учебной дѣятельности института. Заботясь о широтѣ и цѣльности преподаванія и въ то-же время не имѣя въ виду стороннихъ спеціалистовъ, которые бы могли восполнить пробѣлы въ этомъ преподаваніи, институтъ пришелъ къ счастливой мысли подготовить такихъ спеціалистовъ изъ числа бывшихъ слушателей института. Одинъ изъ слушателей, гр. Н. С. Ланской, съ этою цѣлію командированъ былъ за границу для ознакомленія съ памятниками древности и для изученія палеографіи въ вѣнскомъ университетѣ, подъ руководствомъ бывшаго профессора института, Игнатія Викентьевича Ягича; другіе—гг. Вороновъ, Гольдштейнъ и Смирновъ—занялись избранными спеціальными предметами здѣсь; такимъ образомъ, институту удалось ввести преподаваніе по четыремъ предметамъ и тѣмъ значительно расширить учебную институтскую программу. Полагая, затѣмъ, что наглядное ознакомленіе слушателей института съ памятниками древности на мѣстахъ ихъ нахожденія совершенно необходимо въ интересахъ яснѣйшаго представленія о нихъ и успѣховъ будущихъ изслѣдованій, институтъ

командировалъ одного изъ бывшихъ слушателей, г. Коленскаго, въ Полтаву, для ознакомленія съ документами оставшейся здѣсь части архива малороссійской коллегіи, другаго, г. Селиванова, на Кавказъ, для ознакомленія съ памятниками кавказской старины. Такъ какъ вещественные памятники русской старины тѣснѣйшимъ образомъ соединены съ памятниками древности византійской, и необходимо должны быть изучаемы въ связи съ ними, а между тѣмъ эти послѣдніе обслѣдованы еще очень мало и, по большей части, хранятся въ монастырскихъ библіотекахъ, ризницахъ и публичныхъ библіотекахъ Европы, то одинъ изъ профессоровъ института, именно Н. В. Покровскій, извѣстный спеціалистъ по церковной археологіи, командированъ былъ въ Константинополь, на Аѳонъ, въ Солунь, Аѳины и другіе пункты для изученія памятниковъ византійскихъ.

Послѣ доклада отчета, при громѣ аплодисментовъ, взошелъ на каѳедру высокоуважаемый директоръ археологическаго института И. Е. Андреевскій и, съ обычнымъ ему одушевленіемъ и искусствомъ, прочелъ превосходную статью: «О первыхъ шагахъ дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія»,—рефератъ, составленный г. директоромъ на основаніи архивныхъ документовъ.

Этотъ весьма интересный очеркъ будетъ напечатанъ въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Русской Старины», изд. 1889 г.

Въ пять часовъ пополудни того же дня, за дружеской трапезой, сошлись бывшіе и нынѣшніе слушатели археологическаго института, съ своимъ уважаемымъ директоромъ, профессорами, преподавателями и нѣкоторыми членами института. Обѣдъ сопровождался одушевленною бесѣдою, тостами, рѣчами и однимъ изъ питомцевъ института, г. Потѣхинымъ, прочитано было весьма прочувствованное и вполнѣ хорошее стихотвореніе, посвященное дорогому для всѣхъ собравшихся учрежденію — археологическому институту. Въ числѣ тостовъ былъ провозглашенъ и принятъ съ одушевленіемъ тостъ за упроченіе и развитіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, этихъ разсадниковъ историческихъ знаній по всему лицу земли русской.

Ред.

14-го мая 1889 г.
Петербургъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVII [1]).

Желаніе покоя.

Опять онѣ мои мечты
О тишинѣ уединенья,
Гдѣ въ сердцѣ столько теплоты
И столько грусти и стремленья.
О! Хороши мои поля
Лежатъ спокойны и безбрежны...
Тамъ протекала жизнь моя
Какъ вечеръ ясный, безмятежный....
Хорошъ мой тихій, свѣтлый прудъ!
Въ него глядится мѣсяцъ блѣдный,
И соловьи кругомъ поютъ,
И робко шепчетъ кустъ прибрежный.
Хорошъ мой скромный, бѣлый домъ!
О сколько сладостныхъ мгновеній,
Минутъ любви я прожилъ въ немъ,
Минутъ прекрасныхъ вдохновенья.
Опять туда манятъ мечты,
Все прочь отъ жизни шумной,
Отъ этой пошлой суеты,
Отъ этой праздности безумной.
Опять душа тоски полна
И проситъ прежняго покоя;
Привыкла тамъ любить она,
Тамъ гробъ отца, тамъ все родное.
Опять онѣ мои мечты
О тишинѣ уединенья,
Гдѣ въ сердцѣ столько теплоты
И столько грусти и стремленья.

1839.

Н. П. Огаревъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388, 682; т. LXIII, стр. 128 и 162.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

1800 г. [1]).

24-го августа. Артиллеріи фуражмейстеръ Ракѣевъ за исправный приводъ ремонту произведенъ въ обозные (№ 68).

— Вооружить немедленно изъ здѣшняго флота 25 кораблей съ пристойнымъ числомъ фрегатовъ и авизъ и вывести на рейдъ.

— Дѣвицѣ Фаустинѣ Нововейской объявляется, что по присланной отъ нея на высочайшее имя просьбѣ, на французскомъ языкѣ писанной, не докладовано е. и. в. потому, что она, по совершенному незнанію языка, не объяснила чего проситъ.

— Продается книга: „Бѣдная Лиза", извѣстнѣйшее соч. г. Карамзина, прекрасное изданіе съ аллегорическимъ эстампомъ, изображающимъ памятникъ чувствительности и нѣжнаго вкуса многихъ читателей и читательницъ, на бѣлой бумагѣ 1 р.

28-го августа. По высочайшему повелѣнію статсъ-секретарь дѣйствительный камергеръ графъ Кутайсовъ объявляетъ: отставному маіору Дедонскому, просившему о принятіи его паки въ службу, отказывается съ извѣщеніемъ, что есть-ли бы нужна была его служба, то бы его не отставили. Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Воронцову прошеніе возвращено съ наддраніемъ и со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ (№ 69).

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1874 г., т. XI, стр. 187 — 190, 589 — 590, 787—788; т. XII, стр. 231—236, 451—452, 663—664, 830—832; т. XIII, стр. 457—458; изд. 1882 г., т. XXXV, стр. 425—432, 653 — 664; изд. 1883 г., т. XL, стр. 449—456, 645—648; т. XLI, стр. 363—370, 619 — 626; т. XLII, стр. 279 — 280, т. XLIV, стр. 625 — 634; изд. 1885 г., т. XLVII, стр. 336 — 345; изд. 1886 г. т. L, стр. 451—458; изд. 1887 г., т. LVI, стр. 197—210; изд. 1888 г., т. LVIII, стр. 593—600: Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при Академіи Наукъ, 1797—1800 г., въ IV-ю долю.

31-го августа. Продаются книги: „Струя сладостнаго источника", соч. славнаго Герарда въ 4 част., въ пер. 1 р. 40 к. „Викторъ или дитя въ лѣсу", соч. Дюкре-Дюминиля, автора „Лалотты и Фанфэна", „Яшеньки и Жеоржетты" и проч. Цѣль книги сей есть доказать, что добродѣтель превыше всѣхъ происшествій, добродѣтель всегда высока, всегда величественна, даже и тогда, когда по несчастію падаетъ подъ усиліями порока. Соотвѣтственно сей цѣли авторъ обработалъ сей романъ съ толикимъ искусствомъ и успѣхомъ и старался сдѣлать его столь занимательнымъ и пріятнымъ, что чтеніе его не можетъ не подавать поводу къ размышленіямъ, къ сладостной меланхоліи философу-другу человѣчества, а по всему тому и заслуживаетъ одобренія отъ публики, съ картинками, въ 4 частяхъ, въ пер. 5 р. 50 к. (№ 70).

4 сентября. Политическія обстоятельства, заставляющія е. и. вел—во думать, что послѣдуетъ разрывъ дружбы съ Англіею, вслѣдствіе чего высочайше назначается армія подъ командою генерала отъ кавалеріи графа фонъ-деръ-Палена, состоящая изъ 5 корпусовъ (№ 71).

— Изъ Парижа, отъ 12-го августа. Въ словахъ «Révolution Françoise», Французская революція, найдена странная анаграмма. Вотъ какъ она дѣлается: переложивши первыя буквы, составляется прежде всего veto (слово, извѣстное въ прежде бывшей Польшѣ, т. е. не позволямъ); по уничтоженіи же онаго слова veto, составится изъ прочихъ буквъ сія рѣчь: un corse la finira—корсиканецъ окончитъ оную. NB. Бонапарте родомъ изъ Корсики.

— Отъ импер—ой театральной дирекціи объявляется, что, въ соотвѣтствіе высочайшаго изволенія, нѣмецкая театральная труппа, содержимая въ Санкт-Петербургѣ Іосифомъ Маре, присоединена подъ вѣдомство сей дирекціи съ 1-го числа сентября сего 1800 года.

7-го сентября. Сентября 1-го дня подошли внутри и около Гатчина къ стоявшимъ тамъ уже кавалергардамъ, лейбъ-гусарамъ, лейбъ-казакамъ, батальону гвардіи е. и. выс—ва вел. кн. и наслѣдника Александра Павловича, гвардіи егерскому батальону, съ командою финляндскихъ егерскихъ батальоновъ и гренадерскимъ полкомъ Кербица,—конногвардія, е. и. выс—ва Константина Павловича лейбъ-кирасирскій полкъ, флигель-гренадерскаго батальона, 4 батальона гвардіи е. и. вел—ва, 2 батальона вел. кн. Александра Павловича и 3 батальона гвардіи е. и. выс—ва Николая Павловича съ полками лейбъ-гренадерскимъ Седморадскаго и Ефимовича и съ отрядомъ артиллеріи съ 60 пушками, для произведенія маневровъ въ 2 корпусахъ подъ начальствомъ гг. генераловъ Кутузова и графа фонъ-деръ Палена 4-го, 6-го и 7 числъ.

Армія сія такимъ образомъ расположена была е. и. вел—вомъ, что одинъ корпусъ состоялъ изъ лейбъ-гусаръ, конной гвардіи, 11 гвардейскихъ батальоновъ и гвардіи егерскаго батальона, а другой изъ лейбъ-казаковъ, лейбъ-кирасирскаго полку, финляндской егерской команды, лейбъ-гренадерскаго полку, гренадерскаго полку Кербица, мушкетерскаго полку Седморадскаго и Ефимовича, которые съ ихъ гренадерами тоже составляли 10 батальоновъ, и каждый корпусъ имѣлъ 30 артиллерійскихъ орудій и двѣ конныя пушки. Генералъ долженствовалъ, по приказанію е. и. вел—ва, метать жребій, какимъ имъ корпусомъ управлять должно, и такимъ образомъ генералъ Кутузовъ получилъ

корпусъ, состоящій изъ генералъ гвардіи, а графъ фонъ-деръ-Паленъ корпусъ, составленный изъ прочихъ полковъ.

Е. и. вел—во соизволилъ расположить главный планъ сего маневра такъ, чтобы г. генералъ гр. фонъ-деръ-Паленъ занялъ позицію у Малой Загвоздки, а генералъ Кутузовъ учинилъ бы нападеніе на оную съ той стороны лѣваго флигеля, которую только атаковать возможно. Но какъ положеніе фонъ-деръ-Паленова корпуса было весьма выгодно и оной противу лѣваго флигеля Кутузова корпуса сдѣлалъ сильную диверсію, то принужденъ былъ сей корпусъ ретироваться, и поелику диверсія генерала фонъ-деръ-Палена чрезъ малой Гатчинъ препятствовала Кутузову корпусу между городомъ Гатчиномъ и малымъ Гатчиномъ, на с.-петербургской дорогѣ, съ которой началось нападеніе, отступать, то и долженъ онъ былъ произвесть отступленіе чрезъ дефилею у пріората къ сторонѣ замка, и тамъ себѣ избрать позицію, гдѣ долженъ начаться второй маневръ. Расположеніе гг. генераловъ, во исполненіе высочайшаго приказа, соединено было съ такимъ искусствомъ и порядкомъ, что каждая часть войска снискала совершенное благоволеніе е. и. вел—ва, и всѣ тактики долженствовали признаться, что никогда и нигдѣ не видывали вящшаго и соотвѣтственнѣйшаго цѣли порядка по всѣмъ частямъ войска. Явное благоволеніе и благодареніе е. и. в—ва изліяли радость въ сердцахъ сихъ славныхъ и искусныхъ воиновъ; всѣ зрители были тронуты и всѣ благословляли всемилостивѣйшаго и великаго Павла, обращавшаго повсюду внимательное око во время маневра и не оставившаго посему ни единой заслуги безъ награжденія. Каждый солдатъ одаренъ и всѣ гг. генералы и полковники воспользовались преимущественною милостію, бывъ удостоены въ вечеру къ высочайшему столу е. и. в—ва, а равно удостоены къ императорскимъ столамъ штабъ-офицеры въ замкѣ, а офицеры въ разныхъ квартирахъ. Всѣ уже радуются о слѣдующихъ за симъ двухъ маневрахъ (№ 72).

— Армія генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова быть въ готовности къ выступленію въ походъ въ 24 часа по полученіи повелѣнія. Провіантскому департаменту учредить магазейны на то число войскъ во Владимірѣ и близь лежащихъ мѣстахъ (приказъ 2 сентября).

— Е. и. вел—во объявляетъ совершенную свою благодарность всей пѣхотѣ, какъ пришедшей вчерашняго числа по утру, такъ и пополудни.

11-го сентября. Е. и. вел—во соизволилъ объявить свою благодарность и похвалу генералу отъ инфантеріи Голенищеву-Кутузову и генералу отъ кавалеріи графу Палену и всѣмъ войскамъ, бывшимъ того дня (6-го числа) на маневрѣ, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка (№ 73).

— Е. и. в—во соизволилъ объявить высочайшее свое благоволеніе бывшимъ того числа (8 сентября) войскамъ на маневрахъ и командующимъ оными: генералу отъ инф. Голенищеву-Кутузову и ген. отъ кав. графу фонъ-деръ-Палену, также и всѣмъ баталіоннымъ командирамъ; нижнимъ же чинамъ пожаловалъ по рублю, по чаркѣ вина и по фунту говядины на человѣка; а притомъ высочайше объявить изволилъ, что весьма утѣшно для е. и. в—ва видѣть достиженія войска такого совершенства, въ каковомъ оно себя показало во всѣхъ частяхъ подъ начальствомъ таковыхъ генераловъ, которыхъ качества и

таланты, дѣйствуя таковыми войсками и такой націи, какова россійская, не могутъ не утвердить и не обезпечить безопасности и цѣлости государства.

11 сентября. Е. и. вел—во на маневрѣ 8-го сентября принужденнымъ себя нашелъ арестовать генералъ-маіора Томича, лейбъ-гвардіи е. и. выс—ва цес—ча Константина Павловича полку полковниковъ: Янковича, Безобразова, Леонтьева, Саврасова, Саблукова и князя Вяземскаго за безразсудные ихъ поступки во время онаго, какъ-то: 1) кавалерія шла по четыре мимо непріятельскаго фронта подъ самымъ близкимъ картечнымъ выстрѣломъ; 2) сдѣлала атаку, наѣхавъ на непріятеля ближе, нежели повелѣно было; 3) во время ретирады былъ шумъ и 4) лейбъ-гусары фланкировали противъ повелѣнія своего начальника, подъ непріятельскими батареями на картечный выстрѣлъ и во все то время такой шумъ происходилъ, что команды не слышно было.

14-го сентября. Е. и. выс—ву цесаревичу вел. кн. Константину Павловичу состоять по арміи, съ ношеніемъ общаго кавалерійскаго мундира (№ 74).

— Е. и. выс—во це—чъ и вел. кн. Константинъ Павловичъ назначенъ по прежнему шефомъ лейбъ-гвардіи коннаго полку.

— Генералъ отъ инфантеріи Повало-Швейковскій отставленъ отъ службы.

— Е. и. выс—во соизволилъ объявить особое свое благоволеніе лейбъ-казакамъ за ихъ расторопность, проворство и совершенное знаніе своего дѣла.

— Шестаго числа производила вторично маневры собравшаяся въ Гатчинѣ армія, и е. и. в—во, всемилостивѣйшій государь, видѣлъ новые опыты великихъ тактическихъ познаній главнокомандующихъ гг. генераловъ и искуство ихъ войскъ.

Г. генералъ графъ фонъ-деръ-Паленъ, который съ корпусомъ своимъ въ двухъ колоннахъ шелъ вправо и влѣво, подвигался впередъ чрезъ Конетабль по пріоратской дорогѣ и построился въ то самое время, какъ корпусъ генерала Кутузова заходилъ повзводно. Во время же марша, происходившаго съ величайшею поспѣшностью, производима была искусная съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба. Потомъ лѣвый флигель фонъ-деръ-Паленова корпуса атаковалъ сильнѣйшимъ образомъ правой флигель Кутузова корпуса и то-же самое учинилъ лѣвой Кутузова флангъ съ правымъ флигелемъ фонъ-деръ-Палена. Кутузова правой флигель долженъ былъ, по причинѣ сильной атаки, отступить, и фонъ-деръ-Паленовъ учинилъ то-же самое, дабы соотвѣтственно цѣли своей достигнуть Колпины, и весь фонъ-деръ-Паленовъ корпусъ сталъ отступать къ колпинскимъ горамъ, чрезъ что и занялъ онъ тамошній мостъ. Расположеніе къ сему отступленію и занятіе колпинскихъ высотъ было славно, и маневръ Кутузова корпуса, учинившаго съ обѣими линіями совершенной оборотъ, былъ столь сообразно цѣли производимъ, что проницательному оку ясно видимо было какъ знаніе гг. генераловъ, такъ и чрезвычайное искусство импер—кой гвардіи, и они снискали совершеннѣйшее благоволеніе его имп. вел—ва.

Дабы дать отдохновеніе войскамъ, е. и. вел—во соизволилъ приказать назначенный 7-го числа маневръ произвесть 8-го. Во время онаго гр. фонъ-деръ-Паленъ занялъ взятыя имъ въ первомъ сраженіи 6-го числа колпинскія высоты и выгодное положеніе позади Колпина, вторымъ сраженіемъ пріобрѣтенное.

Ген. Кутузовъ равномѣрно занялъ прежнее свое положеніе, которое онъ имѣлъ 6-го числа, атаковалъ лежащія по правую сторону Колпина высоты, и когда оныя потомъ стоявшимъ на нихъ двумъ батальонамъ фонъ-деръ-Паленова корпуса съ величайшимъ порядкомъ и искусствомъ были оставлены, и батальоны сіи перешли черезъ мостъ, то атаковалъ и Кутузова корпуса занятыя высоты предъ мостомъ.

Здѣсь и за мостомъ отступленіе было славно; отступавшіе баталіоны, взошедъ на равнину, составляли карре и заняли потомъ въ линіи свои мѣста. Кутузова корпусъ перешелъ мостъ и, прошедъ Колпину, деплоировалъ вправо и влѣво, столь скоро и хорошо, что каждой знатокъ долженъ назвать деплояду сію славною. Худо понятый приказъ былъ причиною, что конница сего корпуса сдѣлала ошибку, чѣмъ е. и. вел—во имѣлъ справедливую причину быть недовольнымъ, тѣмъ паче, что безъ сея ошибки всѣ 3 маневра снискали бы совершенное е. и. вел—ва благоволеніе, которое его вел—во обоимъ командующимъ генераламъ и соизволилъ оказать самыми лестнѣйшими благодареніями, а равно и благоволеніе всѣмъ прочимъ генераламъ и командирамъ. Е. и. вел—во соблаговолилъ весь корпусъ одарить, гг. генераловъ и полковниковъ удостоить къ высочайшему своему столу, а штабъ и субалтернъ-офицеровъ угощать при другихъ разныхъ столахъ.

18-го сентября. Составляется армія подъ командою генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова 2-го при городѣ Витебскѣ изъ полковъ (слѣдуетъ перечень ихъ, № 75).

— Новорожденный принцъ Мекленбургскій всемилостивѣйше жалуется лейбъ-гвардіи въ полкъ е. и. вел—ва въ капитаны.

— Изъ Вѣны, отъ 27-го августа. По высочайшему повелѣнію его и. к. вел—ва объявлено здѣшнему гарнизону, чтобъ на гауптвахтахъ отдаваемы были адмиралу Нельсону точно такія почести, каковыя отдаются иностраннымъ посламъ.

— Лит. часть въ 5 кварт. на Сергіевской улицѣ, въ д. подъ № 514, продается дворовый человѣкъ, добраго поведенія, знающій портное мастерство, также и большой коверъ, длиною въ 8, а шириною въ 6 аршинъ, и подержанная 4-хъ-мѣстная карета.

21-е сентября. Барону Унгернъ фонъ-Стернбергу, представлявшему проектъ о способѣ къ приращенію госуд—хъ доходовъ посредствомъ переплавки мѣдной монеты по вещественной цѣнѣ оной, объявляется, что сей проектъ его найденъ къ произведенію не удобнымъ и не выгоднымъ.

25 сентября. Е. и. вел-во пожаловалъ всего гатчинскаго гарнизона нижнимъ чинамъ по рублю на человѣка (№ 77).

— 17-го числа сего мѣсяца государь им—ръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ любезнѣйшаго внука своего—новорожденнаго принца Мекленбургъ-Шверинскаго Павла Фридерика, кавалеромъ Россійскаго императорскаго ордена.

— Портной Думбергъ извѣщаетъ чрезъ сіе почтенную публику, что онъ нынѣ живетъ въ Садовой улицѣ въ Покендалевомъ домѣ подъ № 29, и притомъ обѣщаетъ изготовлять платье, или мундиръ въ 3 часа.

25 сентября. Литейн. части, въ 1 кварт., противъ оранжерей графа Потоцкаго, въ каменномъ придворнаго мундкоха Псковскаго домъ подъ № 95, у отъѣзжающаго продается за 150 р. 30 лѣтъ добраго поведенія дѣвка, знающая мыть бѣлье и кушанье готовить и способная быть нянькою. Тутъ же продаются итальянскіе четверть бьющіе часы и новый розоваго сукна плащъ.

28 сентября. Е. и. вел—во высочайше повелѣть соизволилъ цесарской службы капитана-графа Депарму 1 и венеціанской службы капитана-графа Депарму 2, переименовавъ въ тит. сов—ки, опредѣлить къ смотрѣнію за шелководствомъ, перваго въ слободско-украинскую съ сѣверною частію Новороссійской, а послѣдняго—въ Кіевскую и Подольскую губерніи (№ 78).

2 октября. Генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ-Паленъ назначенъ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ и Лифляндской инспекціи инспекторомъ по кавалеріи и по инфантеріи (№ 79).

— Исключенные изъ списковъ, взятыми въ плѣнъ и безъ вѣсти пропавшими приняты въ службу съ прежнимъ старшинствомъ въ тѣ жъ полки: генералъ-лейтенантъ Сакенъ 1, генералъ-маіоръ Марковъ 1.

— Новороссійской губерніи городъ подъ названіемъ Григоріополь отнынѣ такъ не именовать, а называть его и быть ему подъ прежнимъ названіемъ того мѣста городомъ Чернымъ.

5 октября. Продается женщина 37 лѣтъ, умѣющая дѣлать сыръ и чухонское масло и которая много лѣтъ управляла скотнымъ дворомъ, послѣдняя цѣна оной 200 р.; также одна молодая корова, 3 рабочія лошади, таратайка, парныя сани, пара шоръ и хомутъ; о цѣнѣ оныхъ спросить у Владимірской подлѣ Чернышева переулка, въ д. подъ № 134, у кол—ой ассесорши Беклемишевой (№ 80).

— Въ Псковской губерніи въ господской домъ потребны мадамъ или мамзель для обученія дѣтей французскому языку, равно и капельмейстеръ.

9 октября. Мушкетерскаго Роттофа полку штабсъ-капитанъ Савицкій за особливое попеченіе о препорученной ему ротѣ, въ которой вовсе нѣсколько мѣсяцевъ не было больныхъ, въ примѣръ другимъ, произведенъ въ капитаны (№ 81).

— 4 адмир. части, въ 5 кварталѣ, въ большой Коломнѣ, на берегу рѣки Фонтанки, въ д. подъ № 391, на лѣсномъ дворѣ продаются дворовой 18 лѣтъ человѣкъ, знающій грамотѣ, частію играть на гусляхъ и годный въ рекруты, и доски за сходную цѣну, о коей спросить у хозяина.

12 октября. Е. и. вел—ва генералъ-адъютантъ Кожинъ опредѣленъ лейбъ-гвардіи въ конный полкъ командиромъ (№ 82).

— Во исполненіе высочайшаго повелѣнія, отставленныхъ 15 дня минувшаго сентября отъ службы изъ мушкетерскаго Миллера 1-го полку подпоручиковъ Ценина и Галахова никуда не опредѣлять (объявленное 19 сент. сенату генер. прок. высоч. повелѣніе).

— По полученнымъ донесеніямъ отъ тайн. сов. Калычева извѣстно стало, что римской им—ръ, намѣренъ бывъ отправить чрезвычайное посольство къ

двору е. и. вел—ва единственно для принесенія извиненій о происшедшемъ въ Анконѣ, назначилъ для сего посломъ генералъ-лейтенанта и кавалера ордена Златаго руна князя Ауерсперга. Но е. и. вел—во ни посольство, ни посла принять не соизволилъ, тѣмъ паче персону Ауерсперга по причинѣ грубостей, имъ оказанныхъ во время путешествія ея им. выс—ву великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ эрцъ-герцогинѣ Австрійской, и приказалъ все оставить безъ отвѣта.

16 октября. Гатчинскій комендантъ генералъ-маіоръ Сиверсъ, по совершенной неспособности къ службѣ, отставленъ отъ оной (№ 83).

— Отставному унтеръ-офицеру Боброву, просившему за 28 лѣтнюю службу о награжденіи его чиномъ, по высочайшему повелѣнію объявляется, что есть ли-бъ былъ изъ дворянъ, то при отставкѣ получилъ бы сіе награжденіе.

— Молдавскому протоіерею Стрельбицкому, просившему о позволеніи выѣхать изъ Могилева въ Яссы съ типографіею, книгами и однимъ служителемъ, объявляется, что на просьбу его высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Изъ перечня парижскихъ извѣстій отъ 22 сентября: хлѣбопашецъ Гесніе, 80 лѣтній старикъ, собралъ недавно передъ себя всѣхъ своихъ дѣтей, внучатъ и правнучатъ, числомъ 632 человѣка, и раздѣлилъ между ними свое имѣніе.

— Продаются книги: Емилій и Софія, или благовоспитанные любовники, съ пріобщеніемъ повѣсти уединенника, служащей продолженіемъ Емиліи и Софіи, соч. славнаго Ж. Ж. Руссо, въ пер. 1 р. 70 к. Желѣзная маска, или удивительныя приключенія отца и сына, въ 3-хъ частяхъ, въ пер. 2 р. 50 к.

— Тамъ же въ д. адмирала Чичагова продается пара темносѣрыхъ молодыхъ лошадей, на которыхъ можно ѣздить въ шорахъ и хомутахъ, и тутъ же отдается господскій человѣкъ въ кучера добраго поведенія.

19 октября. Генералъ отъ кавалеріи Репинъ исключенъ изъ службы съ отобраніемъ патентовъ за приведеніе въ исполненіе сентенціи смертной казни на Дону, вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго е. и. в-ва конфирмаціею (№ 84, высочайшій приказъ и указъ сенату 13 октября).

— Генералъ-маіору князю Горчакову 3-му вступить въ должность исключеннаго изъ службы генерала отъ кавалеріи Репина, и имѣть ему свое мѣстопребываніе въ Черкаскѣ, оставаясь инспекторомъ харьковской инспекціи.

— Шефъ драгунскаго полку генералъ-маіоръ Пушкинъ за ложный рапортъ отставленъ отъ службы. Шефъ драгунскаго полку генералъ-лейтенантъ Шрейдерсъ за неспособностію къ службѣ отставленъ отъ оной.

— Скульптору Лебрюну, просившему награжденіе за 30 лѣтнюю его при покойномъ королѣ польскомъ службу, отказывается по нелѣпости просьбы его.

— Продается книга: Опасный споръ или сколько женщинъ могутъ полагаться на вѣрность своихъ мужей, забавная и остроумная повѣсть славнаго Коцебу, съ картинкою 1 р. 10 к.

23 октября. Исключенъ изъ списковъ утопшій флота лейтенантъ Мегметъ (№ 85).

26 октября. Изъ Вероны отъ 20 сентября. Всѣмъ городамъ и деревнямъ въ Цизалпиніи данъ приказъ отъ французскаго начальства, что если гдѣ жители отважутся бить въ набатъ, то у нихъ будутъ отняты тамъ всѣ колокола безъ пощады (№ 86).

30 октября. Его и. вел-во высочайше повелѣть соизволилъ: мундиру московскаго университета быть: кафтану цвѣта темнозеленаго, камзолъ и исподнее платье бѣлые, воротникъ и обшлага на кафтанѣ малиновые, пуговицы бѣлыя въ одной половинѣ съ гербомъ имперіи, а въ другой съ атрибутами учености (№ 87).

— Еврею Мошкѣ Гершковичу, утруждавшему е. и. в—во всеподданнѣйшею просьбою о возвращеніи ему 8 лѣтней его дочери отъ монашекъ доминиканскаго ордена, отказывается потому, что она уже добровольно перекрестилась въ католицкую вѣру и принуждать ее обратиться въ первобытное состояніе—нѣтъ причины.

— Титулярному совѣтнику Карташевскому, приславшему изъ Новороссійска на выс—шее имя прошеніе, объявляется, что оное, яко не дѣльное и дерзкаго содержанія, возвращается ему съ наддраніемъ чрезъ новороссійскаго гражд. губернатора съ выс—шимъ притомъ повелѣніемъ, чтобы за дерзновенный сей поступокъ посадить его на двѣ недѣли на хлѣбъ и воду.

2 ноября. По дошедшему къ намъ доносу отъ однодворца Воронежской губерніи Микулина повелѣваемъ: тамошняго губернатора, тайн. сов. Сонцова, отрѣша отъ должности, судить въ сенатѣ (№ 88, именной указъ сенату 20 октября).

— Рижской губернской почтовой конторы экспедитора Оренса и Валкскаго почтмейстера Регенфельда, въ уваженіе долговременной и безпорочной ихъ службы безъ всякаго чина, всемил—ше жалуемъ: перваго въ коллежскаго ассессора, а послѣдняго въ титул. совѣтника.

— По сродному намъ отеческому ко всѣмъ вѣрноподданнымъ нашимъ милосердію, всемилостивѣйше дозволяемъ всѣмъ выбывшимъ изъ службы воинской въ отставку или исключеннымъ, кромѣ тѣхъ, которые по сентенціямъ военнаго суда выбыли, паки вступать въ оную съ тѣмъ, чтобы таковые являлись въ Санктпетербургъ для личнаго представленія намъ (указъ сенату отъ 1 ноября).

— Титулярному сов. Паскалю, просившему, по знанію его шести языковъ, объ опредѣленіи его къ какой либо должности, по высочайшему повелѣнію объявляется, чтобы просилъ о семъ кого слѣдуетъ (объявленіе статсъ-секретаря графа Кутайсова).

— Отставному генералъ-лейтенанту Чемоданову, просившему о принятіи его паки въ службу, или о пожалованіи ему пропитанія, объявляется, что на просьбу его высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

— Скульптору Эстейрейху, просившему о заплатѣ ему 6,000 р. за поднесенныя е. и. в—ву чрезъ оберъ-гофмаршала Нарышкина мраморные его работы бареліефы, объявляется, что высочайшее дано повелѣніе возвратить ему оные бареліефы.

6 ноября. Силу указа нашего, въ сей день сенату даннаго, разумѣя и о выбывшихъ отставкою и выключенныхъ изъ статской службы, повелѣваемъ распространить и на сихъ чиновниковъ (№ 89).

— Два изъ находящихся въ нарвскомъ портѣ аглинскія судна, когда прибыла на оныя воинская команда для заарестованія вслѣдствіе наложеннаго амбарго, сопротивляясь, выстрѣлили изъ пистолета и, сбросивъ одного россійскаго матроса въ воду, отрѣзали якорь и ушли въ море. Почему е. и. в—во и соизволилъ указать оставшееся аглинское судно въ томъ портѣ сжечь.

9 ноября. Продаются книги: Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ, 15 коп. Повѣсть одного россійскаго дворянина, удалившагося отъ свѣта (№ 90).

— Въ Малой Подъяческой, у Харламова моста, въ бывшемъ Корзинкина домѣ, продается за излишествомъ дворовой 15 лѣтъ, проворной и ко всякому дѣлу годной мальчикъ.

13 ноября. Исключенный изъ списковъ въ числѣ убитыхъ въ Голландіи гренадерскаго Данзаса полку прапорщикъ Багогевутъ, которой на мѣстѣ сраженія поднятъ замертво обернутый въ знамя, произведенъ въ подпоручики и опредѣленъ лейбъ-гвардіи въ полкъ е. и. вел—ва (№ 91).

— Приняты въ службу: генералъ отъ кавалеріи графъ Денисовъ и генералъ отъ инфантеріи Германъ [1]).

— Е. и. вел—во объявляетъ свою совершенную благодарность всѣмъ служащимъ за усердіе и вѣрность, оказанную ими въ послѣдствіи четырехъ лѣтъ царствованія государя им—ра (приказъ 6 ноября).

— Е. и. вел—во жалуетъ всему санктпетербургскому гарнизону по рублю на человѣка.

— Е. и. вел—во высочайше повелѣть соизволилъ, находящагося въ Сибири штабъ-лекаря Шилинга за искусное прививаніе оспы произвесть въ слѣдующій чинъ.

— Изъ Лондона отъ 21 октября. Въ прибывшемъ теперь въ Англію обозѣ лорда Нельсона находится также и гробъ, которой онъ приказалъ себѣ сдѣлать изъ главной мачты непріятельскаго линейнаго корабля, называемаго л'Оріаномъ, которой поднятъ былъ на воздухъ во время сраженія при Абукирѣ.

— Съ позволенія цензуры, я намѣренъ печатать въ апрѣлѣ мѣсяцѣ будущаго 1801 г. три части моихъ драматическихъ сочиненій. Въ сихъ частяхъ будетъ помѣщена піеса: Возвращеніе отца, комедія въ стихахъ, сочиненная на день восшествія е. и. вел—ва (объявленіе надвор. сов. и директора придворнаго нѣмецкаго театра Коцебу).

---

[1]) Начиная съ № 90 большинство высочайшихъ приказовъ состоитъ или въ пріемѣ вновь на службу выключенныхъ, исключенныхъ и отставленныхъ, или въ разрѣшеніи считать исключенныхъ изъ службы отставленными.

Г. С.

13 ноября. Въ Садовой улицѣ, въ Букендалевомъ домѣ, подъ № 29, у звѣринаго живописца Зеймеля, продается собраніе россійскихъ набивныхъ птицъ [1])

27 ноября. Исключенному изъ службы артиллеріи генералъ-лейтенанту Ламздорфу дать абшидъ (№ 95).

— Генералъ отъ кавалеріи графу Денисову быть шефомъ лейбъ-казачьяго полку (тамъ же).

— Адмиралу Рибасу [2]) присутствовать въ адмиралтействъ-коллегіи въ помощь вице-президента при его мѣстѣ (тамъ же).

— Генералъ лейтенатъ Котлубицкій назначенъ комендантомъ Михайловскаго замка.

— Драгунскаго Скалона полку утопшій поручикъ Головачевъ 2 выключенъ изъ списковъ.

— Разжалованный въ рядовые гарнизоннаго Маркловскаго 1 полку прапорщикъ Трухинъ всемилостивѣйше прощенъ и опредѣленъ по прежнему въ тотъ же полкъ.

— Надворному совѣтнику Зубову, всеподданнѣйше приносившему жалобу на брата своего графа Александра и дѣтей его: князя Платона, графовъ Николая, Дмитрія и Валеріана Зубовыхъ въ причиненіи ими ему разныхъ утѣсненій и раззореній, по высочайшему повелѣнію объявляется, что какъ проситель Зубовъ во вторично поднесенномъ е. и. вел—ву прошеніи показалъ, что онъ, получивъ удовлетвореніе во всѣхъ претензіяхъ своихъ съ тѣми родственниками его, помирился и всеподданнѣйше проситъ жалобу его уничтожить,— то имѣющееся по сей матеріи дѣло, зачисля рѣшеннымъ, отдать въ архивъ.

— 30 ноября. Исключенный изъ службы генералъ-лейтенантъ Тормасовъ принятъ паки въ службу, коему и состоять по арміи (№ 96).

— Е. и. в. объявилъ свою благодарность вступившему вчерашняго 15-го дня лейбъ-гвардіи е. и. выс—ва Константина Павловича полку и лейбъ-баталіону лейбъ-гусарскаго полку; нижнимъ же чинамъ пожаловалъ по рублю на человѣка, по чаркѣ вина и по фунту говядины.

— Выключенный съ лишеніемъ чиновъ лейбъ-гвардіи изъ коннаго его имп. выс—ва Константина Павловича полку штабсъ-ротмистръ Салтыковъ всемилостивѣйше прощенъ и отставленъ отъ службы тѣмъ-же чиномъ.

— Генералъ-лейтенантъ Ламсдорфъ назначенъ быть при е. и. выс—вѣ великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ.

— Отставной генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Зубовъ I принятъ въ службу генераломъ отъ инфантеріи и назначенъ директоромъ 1-го кадетскаго

---

[1]) Въ №№ 92, 93 и 94-мъ высочайшихъ приказовъ печатано не было.

[2]) Раньше № 89 состоялся 30 октября слѣдующій приказъ о Рибасѣ: отставной адмиралъ де-Рибасъ принятъ по прежнему въ службу и опредѣленъ къ исправленію кронштадтскихъ укрѣпленій.

Г. С.

корпуса, коему въ помощь опредѣленъ туда генералъ-маіоръ баронъ Дибичъ, а генералъ-маіору Клингеру оставаться по прежнему командиромъ онаго корпуса. Отставной генералъ отъ кавалеріи графъ Зубовъ 2-й принятъ въ службу и назначенъ шефомъ лейбъ-кирасирскаго е. и. в—ва полку (приказъ 23-го ноября).

— Всемилостивѣйше жалуемъ состоящихъ при строеніи Михайловскаго замка статс. сов. Литке въ дѣйств—ные ст. совѣтники; архитектора 5-го класса Бренна въ 4-й классъ; коллежскихъ совѣтниковъ Кихельбекера, Баженова и Микулина въ статскіе совѣтники и надв. сов. Краузольда въ коллеж. совѣтники.

— Для построенія Казанской церкви по конфирмованному нами плану повелѣваемъ составить особую комиссію, въ которой присутствовать президенту академіи художествъ дѣйств. тайн. сов. графу Строганову, генералъ отъ инфантеріи и генералъ-прокурору Обольянинову, тайн. сов. Карадыкину и вице-президенту помянутой академіи дѣйств. ст. сов. Чекалевскому, а производить строеніе архитектору Воронихину.

— Продается книга: Письма къ двумъ молодымъ замужнимъ женщинамъ о важныхъ предметахъ. Цѣна сей книги въ переплетѣ 1 р. 40 к.

4-го декабря. Генералъ-маіоръ Балашевъ назначенъ ревельскимъ военнымъ губернаторомъ и шефомъ гарнизоннаго полку бывшаго Маркловскаго I, а генералъ-маіоръ Маркловскій I за слабое управленіе должности по полиціи отставленъ отъ службы (№ 97).

— Ушла небольшая моська сучка съ необрѣзанными ушьми; доставившій оную 2 Адмир. части въ 3 кварталѣ въ д. подъ № 80 управителю получитъ пристойное награжденіе.

7-го декабря. Уволенъ по прошенію за болѣзнію отъ службы Балтійскаго корабельнаго флота капитанъ-лейтенантъ графъ С. Андрю по иностранству тѣмъ же чиномъ (№ 98).

— Отставной шталмейстеръ графъ Зубовъ принятъ въ службу генералъ-лейтенантомъ и назначенъ шефомъ въ гусарскій полкъ, бывшій Глѣбова.

— Генералъ-лейтенантъ Тормасовъ назначенъ инспекторомъ Лифляндской инспекціи по кавалеріи подъ генераломъ отъ кавалеріи графомъ Паленомъ, вмѣсто генералъ-лейтенанта князя Голицына 5.

— Умершій адмиралъ Дерибасъ выключенъ изъ списковъ.

— Отставному подпоручику Бѣльскому, просившему о позволеніи ему усыновить незаконноприжитыхъ имъ съ солдатскою дочерью дѣтей, или давъ имъ фамилію, опредѣлить въ службу куда благоугодно будетъ,—объявляется, что высочайшаго соизволенія на то не послѣдовало.

— Продается книга: Предтеча вѣчности, вѣстникъ смерти, здравымъ, болѣзнью одержимымъ и умирающимъ, въ пер. 1 р. 70 к.

11-го декабря. Генералъ отъ кавалеріи графъ Зубовъ 2 опредѣленъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса (№ 99).

11 декабря. Генералъ-лейтенантъ Тормасовъ назначенъ шефомъ лейбъ-кирасирскаго е. и. в. полку.

— Отставному поручику Василевскому, всеподданнѣйшими прошеніями утруждавшему покойную государыню императрицу и государя императора о возвращеніи ему, а по немъ—дѣтямъ его, незаконно яко бы упроченнаго женою его, разведенною наконецъ съ нимъ духовнымъ правительствомъ и вышедшею потомъ за другаго замужъ, собственнаго ея имѣнія прапорщику Семивскому, будто бы назвавшемуся ложно дворяниномъ и получившему чинъ обманомъ,—по высочайшему повелѣнію объявляется, что какъ бывшая жена его учиненную ею продажу имѣнія за 62,000 р. сама признала,—то будучи она въ правѣ имѣніе, ей принадлежащее, продать, а другой оное купить—ни подлогу, ни нарушенія узаконеннаго на таковой случай порядка не сдѣлала, такъ какъ и по разводѣ ея съ нимъ вышла она замужъ за другаго по позволенію, изъясненному въ опредѣленіи духовнаго правительства, почему и поднесенныя отъ него, Василевскаго, всеподданнѣйшія о томъ просьбы никакого уваженія не заслуживаютъ, коими и утруждалъ онъ покойную императрицу, равно и государя императора, не дѣльно. А есть ли онъ, Василевской, на опровержение дворянства и чина прапорщика Семивскаго имѣетъ что законное представить, то сіе предоставляется ему учинить въ томъ присутственномъ мѣстѣ, до коего сіе слѣдуетъ на основаніи законовъ. [1])

— Лондонскія извѣстія отъ 24-го октября. Три змѣи, принадлежащія, какъ думаютъ, къ роду ядовитыхъ, появились на кораблѣ Ле-Мажисіенъ, стоящемъ теперь въ Плимутѣ; длина ихъ около 7 футовъ, толщина же въ человѣческую руку; онѣ всѣ выползаютъ на палубу и тотчасъ скрываются, коль скоро кого увидятъ. Всѣ ихъ боятся, хотя онѣ по сіе время никому еще не сдѣлали ни малѣйшаго вреда. Одна изъ нихъ заползла недавно въ койку, гдѣ спалъ одинъ человѣкъ, и вышла оттуда, не тронувъ его. Полагаютъ, что онѣ вползли на корабль по канату, когда корабль сей стоялъ въ Сенегалѣ.

---

[1]) Дѣло идетъ о жалобѣ на отставнаго прапорщика Василія Ивановича Семивскаго, по поводу покупки имъ у помѣщицы Василевской имѣній въ Псковской губерніи, Великолуцкаго уѣзда, сельцо Ѳедорцево и въ Торопецкомъ — Цвѣтково и Макавѣевскаго, поступившихъ потомъ къ брату его Егору Семивскому. Первое изъ этихъ имѣній находится еще и въ настоящее время во владѣніи фамиліи Семивскихъ или, какъ потомъ стали ее писать, Семевскіе. Въ нашемъ архивѣ имѣется подлинная грамота Псковской губерніи отъ губернскаго предводителя и уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ, данная на пергаментѣ, за общимъ ихъ подписаніемъ, отъ 20 декабря 1807 г., № 101, корнету Егору Ивановичу Семивскому брату Василія Ивановича, на внесеніе этой фамиліи въ шестую часть дворянской родословной Псковской губерніи книгу.

Въ писцовой книгѣ города Торопца, изд. въ Москвѣ, 1886 г., мы нашли, что Семивскіе были въ числѣ посадскихъ людей этого города, владѣли въономъ домами, были между ними и бобыли, и они упоминаются въ числѣ горожанъ древняго града Торопца съ самаго начала XVII-го вѣка.

Родословіе фамиліи Семевскихъ напечатано въ «Родословномъ сборникѣ русскихъ дворянскихъ фамилій». Спб., 1887 г., томъ II, стр. 355—360.

Ред.

11 декабря У Рождества на Пескахъ въ домѣ придворнаго полотернаго мастера Кононова, подъ № 145, продается кучеръ, знающій шить мужскую и женскую обувь, съ женою, умѣющею шить, мыть, гладить бѣлье и кушанье готовить, кои оба добраго поведенія и отъ роду 29 лѣтъ. Цѣну объявитъ жилецъ, живущій съ хозяиномъ въ одномъ флигелѣ.

— Нѣмецкому мяснику Стріовскому, живущему на Вознесенской улицѣ, въ д. подъ № 165, потребны живые и битые медвѣди.

14-го декабря. Генералъ-лейтенантъ Тормасовъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго е. и. выс—ва Константина Павловича полку (№ 100).

— Изъ Люневиля отъ 16-го ноября. Часть прежде бывшей здѣшней капуцинской церкви, которая со времени французской революціи превращена въ соляной магазейнъ, нанята теперь танцмейстеромъ, который будетъ давать тамъ балы.

— Изъ перечня лондонскихъ извѣстій по 7-е ноября. Робертъ Ганъ, казначей военнаго корабля Лепюнсанъ, имѣя отъ роду 80 лѣтъ, женился на сихъ дняхъ на миссъ Фанни Пауль, коей отъ роду 13 лѣтъ.

— Разговоръ одной аглинской дамы съ торгующимъ моднымъ товаромъ купцомъ въ Лондонѣ:

— Государь мой, я сейчасъ пріѣхала изъ своего уѣзда; сдѣлай одолженіе, скажи, что мнѣ надобно дѣлать, чтобъ нарядиться по модѣ сея столицы?

«Извольте обождать двѣ минуты, и вы будете одѣты въ послѣднемъ вкусѣ... Сперва извольте снять свой чепецъ».

— Охотно.

«Потомъ спустите эту юпку».

— Согласна.

«Скиньте свои карманы».

— Вотъ они.

«Сбросьте косынку».

— Съ удовольствіемъ.

«Отдайте мнѣ корсетъ вашъ и пристеганные рукава».

— Все, что угодно.

«Вотъ, милостивая государыня, вы теперь въ самомъ щегольскомъ нарядѣ».

— Какъ! раздѣться, значитъ по нынѣшнему быть одѣту?—Благодарна. — (Тамъ же, разныя извѣстія).

— Продается книга: Правила для желающихъ наслаждаться долголѣтнею жизнью, цѣна 50 к. Искусство узнавать человѣческія мысли, остроумная игра цѣна 50 коп.

18-го декабря. Продаются книги: Приключенія Бониквеста, сына Целестинова, обитателя счастливыхъ странъ Интри, въ бум. 80 к. Ода е. и. вел—ву Павлу I, вѣрноподданнѣйше посвященная на случай освященія храма во имя архистратига Михаила въ новоотстроенномъ Михайловскомъ замкѣ, истекшаго ноября 8-го дня, которая удостоена высокомонаршей милости, цѣна на голл. бум. 30 к., а на лучшей александровской 40 к. (№ 101).

18 декабря Въ среду, декабря 19-го дня 1800 г., нѣмецкаго театра музыкальной дирижеръ А. Калливода будетъ имѣть честь дать на каменномъ театрѣ, съ помощью наилучшихъ виртуозовъ музыки, духовной, вокальной и инструментальной концертъ, никогда еще здѣсь неслыханной, называемой: Сотвореніе (міра), соч. Іозефа Гейдена.

— У Калинкина моста, по Фонтанкѣ, въ д. комиссара Нагоркова, подъ № 443, продается лягавая, хорошо выдрессированная собака, знающая ходить подъ ружьемъ и дѣлать комнатныя штуки.

21-го декабря. Составляются три арміи, одна подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи графа фонъ-деръ-Палена подъ Брестомъ-Литовскомъ, другая подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова, подъ Владиміромъ на Волыни, а послѣдняя подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала гр. Салтыкова 2 при Витебскѣ (№ 102).

— Подъ Пинскомъ генералъ отъ кавалеріи Орловъ I, съ 20 полками донскихъ казаковъ.

— Продаются: Ода на случай возвращенія е. и. выс—на благовѣрнаго государя цесаревича великаго князя Константина Павловича изъ Италіи и Швейцаріи въ 1800 г., цѣна 25 к. Ода на день тезоименитства е. и. выс—ва государя и вел. князя Михаила Павловича, соч. дѣвицы Ан. Волковой 1800 года, цѣна 10 коп.

— 1 Адмир. части, въ 4 кварталѣ, по Крюковому каналу продается каменной о 2-хъ этажахъ, подъ № 266, домъ и деревенская 25 лѣтъ дѣвка; цѣну всего объявитъ мѣдникъ.

— Въ Большой Подъяческой, въ д. подъ № 137, продается дворовый человѣкъ, годный въ рекруты, и новая розовая домина.

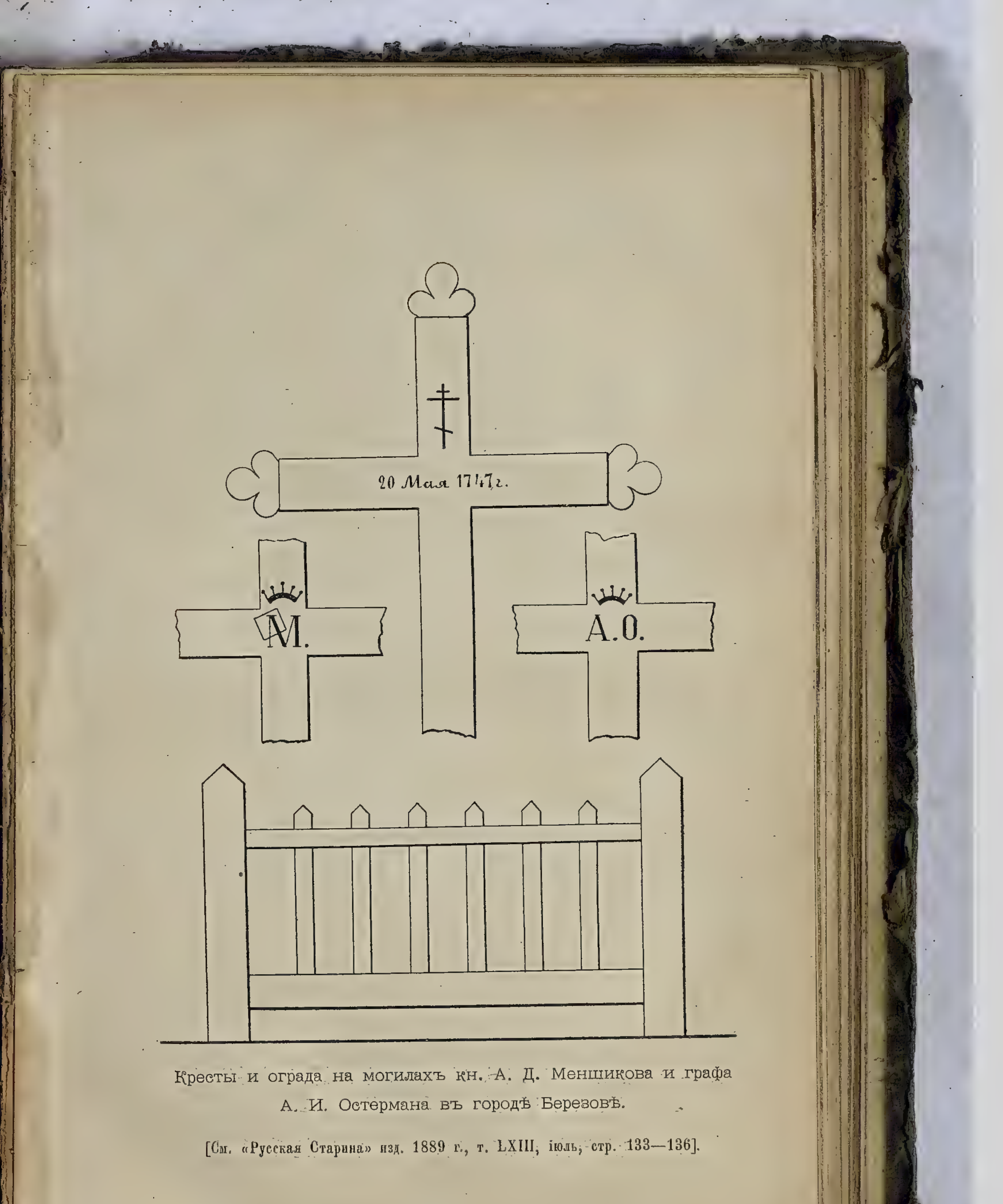
25-го декабря. Е. и. вел—во всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ кавалерами ордена св. апостола Андрея Первозваннаго г. оберъ-шталмейстера графу Кутайсова сего декабря 17-го дня, и господина генерала отъ инфантеріи, генералъ-прокурора Обольянинова, сего-же декабря 19 дня (№ 103).

— На Невскомъ проспектѣ за Аничковымъ мостомъ, въ д. подъ № 172, гдѣ аптека, у инструментальнаго мастера Гелгрена дѣлаются новѣйшаго изобрѣтенія бандажи для совершеннаго удержанія выходящихъ грыжъ и килъ.

— Декабря 29-го дня сего 1800 г., въ субботу, дана будетъ въ Кушелевомъ театрѣ, на подобіе концерта, опера: Аркадское зеркало, съ хорами Зюсмейра, ученика славнаго Моцарта и капельмейстера вѣнскаго придворнаго театра.

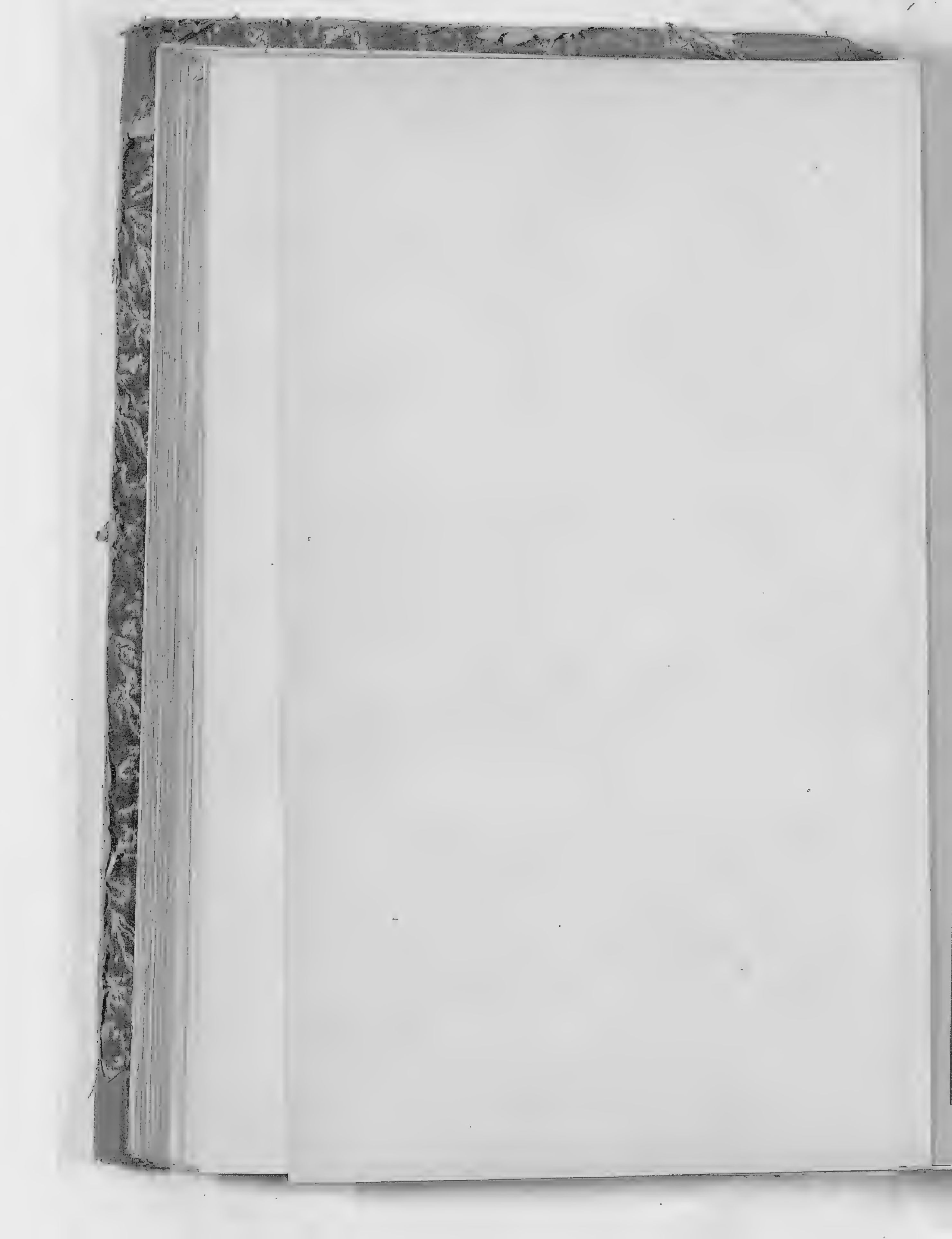
— На В. О., въ 8-й линіи, возлѣ Съѣзжей, въ д. подъ № 162, у музыкальнаго инструментнаго мастера Габрана продается организированное съ флейтами фортепіано, съ двумя перемѣнами флейтъ, съ фаготомъ и кларнетомъ, имѣющее чрезвычайный гармоническій тонъ, каковаго ни на какомъ инструментѣ произвесть не возможно.

28-го декабря. Е. и. вел—во объявляетъ свою благодарность генералу отъ артиллеріи Корсакову, за попеченіе его о снабденіи артиллерійскихъ полковъ орудіями новаго калибра (№ 104).

Кресты и ограда на могилахъ кн. А. Д. Меншикова и графа А. И. Остермана въ городѣ Березовѣ.

[См. «Русская Старина» изд. 1889 г., т. LXIII, іюль, стр. 133—136].

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. **АВГУСТЪ.** 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Взаимныя отношенія между Россіей и Пруссіей въ былыя времена. Историч. воспоминанія Георга Вебера. Переводъ съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимощукъ . . 225

II. Александръ Өедоровичъ Баггову тъ. Очеркъ его жизни съ 1831 по 1883 г. Состав. Г. К. Градовскій. 241

III. Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1833—1834 гг. 265

IV. Гавріилъ Степановичъ Батенковъ. Истор.-біогр. оч., 1790—1863 гг. 301

V. Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ. . . 363

VI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873. (Оконч.). 387

VII. Студенческія исторіи въ Казанскомъ университетѣ, 1857—1863 гг. (Оконч.). Сообщ. проф. Н. А. Өирсовъ. 421

VIII. Воспоминанія художника В. В. Верещагина. На дальнемъ востокѣ, въ Палестинѣ. 439

IX. О первыхъ шагахъ дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія. Очеркъ. Сообщ. проф. П. Е. Андреевскій 447

X. Матеріалы, замѣтки и стихотв.: Приказы и резолюціи Павла 1799—1800 гг. (457).—Н. П. Огаревъ (300, 386, 438 и 446).—Къ воспом. П. Д. Шестакова (436).

XI. Библіографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Гавріила Степановича Батенкова, гравиров. художникъ Г. И. Грачевъ.—II. Автографъ историка Георга Вебера.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" изд. 1889 г.

Двадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

VIII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го августа 1889 г.

П. А. Матвѣевъ.—Болгарія послѣ берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Спб., 1887 г., стр. 327. Цѣна 2 руб.

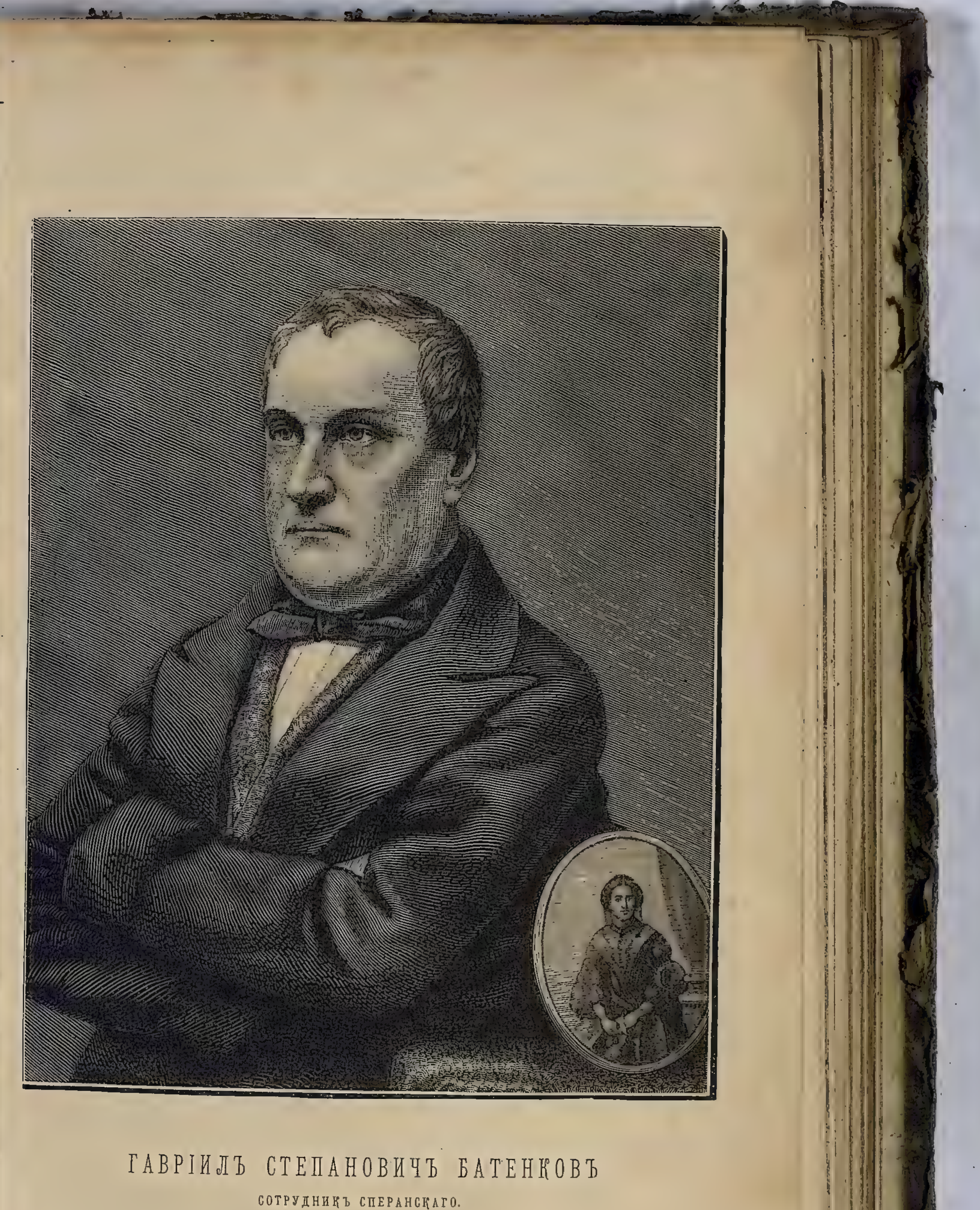
Эта книга какъ нельзя лучше доказываетъ пользу, значеніе и тотъ живой интересъ, которые представляютъ вообще талантливо изложенные труды, посвященные, по выраженію Гизо, «позавчерашней исторіи». Современная отечественная исторія, какъ извѣстно, у насъ почти вовсе еще не существуетъ, тѣмъ пріятнѣе встрѣтить въ книгѣ г. Матвѣева замѣчательно хорошо составленное обозрѣніе историческихъ судебъ созданной Россіей юной Болгаріи, обозрѣніе за время съ 1877 г. по день соединенія Восточной Румеліи (Южной Болгаріи) съ княжествомъ Болгарскимъ, т. е. до 6-го сентября 1885 года.

Авторъ этой книги — П. А. Матвѣевъ, — питомецъ харьковскаго университета, въ которомъ онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ въ 1865 г., затѣмъ членъ одного изъ окружныхъ судовъ, юристъ, извѣстный въ нашей литературѣ какъ изслѣдователь юридическихъ обычаевъ русскаго народа, и сотрудникъ И. С. Аксакова въ его патріотическо-публицистической дѣятельности,—г. Матвѣевъ два года провелъ въ Болгаріи, въ составѣ гражданскаго управленія Восточной Румеліи, совѣтникомъ юстиціи. Въ эти два года г. Матвѣевъ хорошо изучилъ страну и нѣкоторыхъ изъ ея политическихъ вожаковъ. Это непосредственное знакомство съ страною и людьми, а затѣмъ изученіе обширной литературы всего, что было печатано о Болгаріи на разныхъ языкахъ, дало возможность П. А. Матвѣеву составить о ней книгу, полную фактовъ, тщательно, критически имъ провѣренныхъ, что онъ и выполнилъ вполнѣ хорошо.

Ярко вырисовывается въ книгѣ г. Матвѣева образъ перваго князя Болгаріи— Александра Батенберга — бывшаго лейтенанта прусской службы, столь нежданно и, увы, какъ оказалось впослѣдствіи, столь неудачно поставленнаго въ челѣ Болгаріи; онъ является какъ живой человѣкъ на страницахъ разсматриваемой нами книги. Не менѣе рельефно очерчены въ ней, и также не голословно, а въ искусной группировкѣ фактовъ, всѣ главнѣйшіе дѣльцы Болгаріи, 1877 — 1885 гг., каковы Д. Цанковъ, Балобановы, Стоиловъ, Начевичъ, Грековъ, Сукнаровъ, Каравеловы, Славейковъ, Бурмовъ, Родославовъ, Хадженовъ и другіе. Русскіе дѣятели съ кн. В. А. Черкаскимъ во главѣ; кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, Эрнротъ, Хитрово, Л. Н. Соболевъ, А. С. Іонинъ и другіе очерчены вѣрно и съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ. Вообще книга П. А. Матвѣева, при ея правдивости и живомъ интересѣ, весьма полезна не только для общества, желающаго знать, какъ, что и почему сдѣлалось въ томъ юномъ государствѣ Болгарскомъ и Восточной Румеліи, каковыя были созданы на крови и костяхъ русскихъ воиновъ, но и для правящихъ сферъ, для тѣхъ крупныхъ и малыхъ дипломатовъ, какіе только имѣютъ или будутъ имѣть дѣло по отношенію къ Болгаріи. Съ нетерпѣніемъ ждемъ втораго выпуска отличнаго труда П. А. Матвѣева, въ которомъ обѣщаетъ онъ изложить Румелійскій переворотъ, Болгаро-Сербскую войну, низверженіе Батенберга, его возвращеніе въ Болгарію, вторичный отъѣздъ, затѣмъ учрежденіе и управленіе регентствомъ.

Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1886 годъ. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. II+135+32.

Отчеты этого книгохранилища, издавна составляющаго одинъ изъ предметовъ народной гордости, всегда заключаютъ въ себѣ множество интересныхъ данныхъ. Любопытно изъ этихъ отчетовъ слѣдить какъ увеличивается потребность въ чтеніи въ средѣ населенія столицы, — интересенъ ростъ перваго въ Россіи книгохранилища, пользующагося вполнѣ засл. женною славою во всемъ образованномъ мірѣ, но особенно любопытны приложенія къ отчету, которыя нерѣдко представляютъ цѣнныя для науки монографіи, замѣтки или описанія тѣхъ или другихъ книгъ, рукописей или цѣлыхъ собраній. При настоящемъ отчетѣ библіофилы и любители старопечатныхъ книгъ съ большимъ интересомъ прочтутъ замѣтки уважаемаго хранителя рукописнаго отдѣла, библіотекаря Ивана Афанасьевича Бычкова, замѣтки о пяти въ высшей степени рѣдкихъ церковно-славянскихъ книгахъ, изданія 1612, 1615 и 1629 годовъ; книги эти — мѣсяцесловъ, часословъ, молитвы, псалтирь — напечатаны

ГАВРІИЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ БАТЕНКОВЪ

СОТРУДНИКЪ СПЕРАНСКАГО.

род. 25 марта 1793 г. † 29 октября 1863 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 февраля 1889 г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ РОССІЕЙ И ПРУССІЕЙ

ВЪ БЫЛЫЯ ВРЕМЕНА.

Историческія воспоминанія Георга Вебера.

[Переводъ съ нѣмецкой рукописи, написанной имъ для журнала «Русск. Стар.» въ 1887 г.].

Въ наше время, въ московской печати, неоднократно высказывалось враждебное настроеніе противъ Пруссіи и Германской имперіи вообще. Поэтому теперь кстати было бы припомнить нѣкоторые факты, отошедшіе уже въ область исторіи и свидѣтельствующіе о томъ, что было время, когда эти двѣ монархіи и ихъ властители, въ важные моменты, шли рука объ руку и заключали между собою союзы, имѣвшіе политическое и военное значеніе и которые цѣлые десятки лѣтъ оказывали самое рѣшительное вліяніе на судьбы Европы.

Трудно исчислить всѣ послѣдствія, какія повлекъ за собою, съ теченіемъ времени, союзъ этихъ двухъ государствъ, но несомнѣнно, что, благодаря ему, былъ положенъ предѣлъ деспотизму Наполеона и создано политическое равновѣсіе, опирающееся на національныхъ началахъ и обезпечившее миръ въ Европѣ на много лѣтъ.

Между тѣмъ совершилась французская революція и раздѣлъ Польши, придавшіе политикѣ того времени совершенно иной характеръ. Эти два событія находились между собою въ нѣкоторой связи и имѣли огромное вліяніе на ходъ войны въ 1790-хъ годахъ и на общественныя дѣла Европы.

Вина за раздѣлъ польской республики пала одинаково на

всѣ три великія державы континентальной Европы. Поэтому къ Австріи, Пруссіи и Россіи можно примѣнить извѣстныя слова о трехъ паркахъ: Клото вдѣваетъ, Лахезисъ прядетъ, Атропосъ обрѣзаетъ нить жизни, и швейцарскій историкъ Іоганнъ Миллеръ былъ вполнѣ правъ, сказавъ, что, допустивъ раздѣлъ Польши, Господь хотѣлъ испытать нравственныя качества монарховъ.

Одно время было основаніе думать, что событія въ Польшѣ могутъ посѣять между Россіей и Пруссіей несогласіе и вражду. Пруссія поощряла превращеніе польской республики въ конституціонную монархію, подъ управленіемъ Станислава Понятовскаго, и связанныя съ этимъ политическія реформы. Однако, несогласіе между этими двумя государствами продолжалось не долго. Когда ничѣмъ недовольные поляки заключили Тарговицкую конфедерацію, съ цѣлью сохраненія прежняго государственнаго порядка, и обратились за поддержкой къ Екатеринѣ, въ то время и въ Пруссіи совершился политическій переворотъ. События, происходившія во Франціи, заставили всѣхъ монарховъ Европы призадуматься надъ тѣмъ, слѣдуетъ ли оказывать поддержку государству, по существу революціонному и имѣвшему такъ много общаго съ новыми французскими идеями и съ новымъ образомъ правленія, установившимся во Франціи. Поэтому полякамъ наотрѣзъ было отказано въ помощи со стороны Фридриха Вильгельма II, который въ силу своихъ монархически - рыцарскихъ взглядовъ и своихъ мистически-религіозныхъ убѣжденій считалъ въ то время борьбу съ революціей и возстановленіе законнаго престола во Франціи самымъ важнымъ дѣломъ и самой священной обязанностью всѣхъ европейскихъ монарховъ. Въ то-же время и императрица Екатерина весьма энергично и рѣшительно заявила, что борьба угнетеннаго монарха Франціи составляетъ общее дѣло всѣхъ монарховъ Европы, такъ сказать, ихъ священную обязанность. Поэтому она высказывала особенное участіе къ французской королевской фамиліи, не находила словъ, чтобы выразить отвращеніе, внушаемое ей французской революціей даже въ то время, когда революціонеры еще не заклеймили себя никакимъ преступленіемъ, и неустанно призывала всѣхъ монарховъ Европы къ крестовому походу противъ новой Франціи и ея пагубныхъ теорій, не вмѣняя, однако, себѣ въ обязанность принять участіе въ этомъ

крестовомъ походѣ. Ей казалось вполнѣ справедливымъ, чтобы всѣ прочіе властители Европы пошли съ оружіемъ въ рукахъ на защиту монархическаго принципа; такимъ образомъ ея руки были бы развязаны. Она не приняла участія въ воинственномъ союзѣ, направленномъ противъ французской революціи, но старалась внушить другимъ державамъ мысль, что, защищая консервативные интересы противъ конституціонной партіи въ Польшѣ, она служитъ тому-же дѣлу, что и тутъ приходится отстаивать законность и государственное благоустройство противъ людей, стремящихся ниспровергнуть его, и что, слѣдовательно, она также борется за консервативный принципъ. Такимъ образомъ совершился второй раздѣлъ Польши. Союзныя государства, Пруссія и Россія, двинувъ свои войска въ Польшу, заняли ее и объявили, что они вынуждены заключить ее въ болѣе тѣсныя границы, для того, чтобы подавить духъ вольнодумства, проникшій въ эту республику изъ Франціи, и тѣмъ предохранить сосѣднія государства отъ тлетворной заразы духомъ демократизма и якобинства. Второй раздѣлъ Польши состоялся лѣтомъ 1793 года, слѣдовательно въ то самое время, когда Пруссія, Австрія и нѣмецкія имперскія войска сражались на Рейнѣ и въ Голландіи съ французами, впрочемъ, безъ особеннаго успѣха, такъ какъ обѣ великія нѣмецкія державы относились другъ къ другу съ завистью и недоброжелательствомъ и не хотѣли допустить, чтобы которая нибудь изъ нихъ обогатилась хотя клочкомъ земли. Тѣмъ рѣшительнѣе была побѣда, одержанная въ Польшѣ. Въ январѣ 1795 г. три великія державы объявили, что изъ любви къ миру и къ благоденствію своихъ подданныхъ они рѣшили окончательно раздѣлить польскую республику.

Умирающій народъ вызываетъ всегда участіе и состраданіе другихъ націй; въ этомъ не было отказано и полякамъ. Всеобщее сочувствіе и симпатія сопровождали ихъ въ могилу и ихъ послѣдняя борьба за существованіе, по весьма естественному свойству человѣческаго сердца, считается доблестной борьбою противъ несправедливости и насилія, а раздѣлъ Польши почитается незаслуженной и трагической судьбою, совершившейся по волѣ непріязненныхъ державъ. Только новѣйшія изслѣдованія показали, что подобная борьба страстей и партій, подобная неспособность къ національному возрожденію и къ энергичному

подъему народнаго духа, вслѣдствіе которыхъ исторія Польши представляетъ собою вѣчную арену дикихъ страстей и демоническаго самоистребленія, проявлялись почти у всѣхъ народовъ подъ конецъ ихъ политическаго существованія.

Осложненіе дѣлъ въ Польшѣ и взаимное недовѣріе были, какъ извѣстно, причиною того, что Пруссія отстала отъ вооруженнаго союза съ Австріей и заключила съ французской республикой Базельскій міръ. Демаркаціонная линія, опредѣленная этимъ мирнымъ договоромъ, раздѣлила Германію на двѣ половины, къ югу и сѣверу отъ рѣки Майна. Это было первое кесарское сѣченіе, совершенное надъ государственнымъ тѣломъ Германіи.

Вскорѣ скончались Фридрихъ Вильгельмъ II и Екатерина II, два монарха, вступившіе на берегахъ Рейна и Вислы въ борьбу съ революціоннымъ духомъ. Въ Россіи, послѣ кончины императора Павла I, вступилъ на престолъ его доблестный сынъ, Александръ I; въ Пруссіи Фридриху Вильгельму наслѣдовалъ кроткій, миролюбивый Фридрихъ Вильгельмъ III.

Императоръ Александръ I лелѣялъ, повидимому, вначалѣ мысль вступить съ Пруссіей и Австріей въ союзъ, съ цѣлью образовать противовѣсъ превосходнѣйшимъ силамъ западныхъ державъ, въ особенности Франціи. Переписка, которой онъ обмѣнялся по этому поводу съ королемъ прусскимъ, была прелюдіей къ личному свиданію монарховъ въ Мемелѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1802 г.; это свиданіе положило начало глубокой дружбѣ, существовавшей съ тѣхъ поръ между Фридрихомъ Вильгельмомъ III и Александромъ I, дружбѣ, которую не могло поколебать даже вліяніе Чарторыйскаго, видѣвшаго въ ней помѣху къ возстановленію Польши, что было его любимой мечтою. Мы не встрѣчаемъ во всемірной исторіи другаго примѣра подобной, чисто личной, дружбы между двумя сосѣдними монархами. Она длилась почти всю ихъ жизнь одинаково, въ дни благополучія и въ дни невзгодъ, не взирая на то, что политика не всегда позволяла обѣимъ державамъ идти рука объ руку.

Мысль явиться, при тогдашнихъ запутанныхъ обстоятельствахъ, умиротворителемъ и посредникомъ между государствами, перестроивъ ихъ на новыхъ началахъ, однимъ вліяніемъ своего слова, запавшая въ голову молодаго царя, какъ нельзя болѣе

соотвѣтствовала его мягкому характеру и его гуманнымъ взглядамъ. Новосильцевъ, пользовавшійся его особеннымъ довѣріемъ, вступилъ въ Лондонѣ въ переговоры съ Питтомъ. По мысли императора, предполагалось составить новый союзъ народовъ, имѣвшій цѣлью не только ограничить стремленіе Франціи къ захвату, но и обезпечить благоденствіе и возрожденіе европейскихъ народовъ посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія земель, устраненія существовавшихъ злоупотребленій и обезпеченія священныхъ правъ народа. Реформы, предпринятыя въ духѣ времени, и участіе самого народа въ организаціи новыхъ учрежденій, должны были, по ихъ мнѣнію, положить предѣлъ всякимъ сумасбродствамъ, какъ будто французы боролись ради свободы и благоденствія другихъ націй. Питтъ, государственный мужъ Англіи, обладавшій умомъ практичнымъ, выслушалъ хладнокровно предложенія Новосильцева, но, выслушавъ ихъ, замѣтилъ, что «слѣдовало бы повременить съ мечтами о благоденствіи человѣческаго рода», а покуда домогаться лишь необходимаго и возможнаго. Ему казалось несвоевременнымъ помышлять о всеобщемъ мирѣ въ то время, когда новый императоръ занялъ своими войсками Ганноверъ и мечталъ распространить владычество Франціи надъ всѣми сосѣдними государствами. Въ Берлинѣ также не были расположены примкнуть къ народному союзу, проектированному Александромъ; миролюбивый король не желалъ лишиться преимуществъ, обезпеченныхъ за нимъ Базельскимъ миромъ. Онъ находилъ, что вліяніе и могущество Пруссіи лучше всего могутъ быть обезпечены благоразумнымъ и осмотрительнымъ нейтралитетомъ, а нѣкоторое посредничество въ дѣлахъ политики со стороны Пруссіи могло, по его мнѣнію, на первыхъ порахъ, быть полезнымъ миролюбивымъ стремленіямъ дружественнаго монарха.

Когда Наполеонъ двинулъ свои войска къ Дунаю, съ намѣреніемъ сразиться съ союзными монархами Австріи и Россіи, то Пруссія сохранила нейтралитетъ, и только когда этотъ нейтралитетъ былъ нарушенъ вступленіемъ французовъ въ прусскую область «Ангальтъ-Бейреутъ», что имѣло послѣдствіемъ Ульмскую катастрофу, тогда только удалось русскому царю, отправившемуся въ Берлинъ съ однимъ изъ братьевъ австрійскаго императора, склонить короля Фридриха Вильгельма присоединиться

къ нимъ и возобновить прежній дружественный союзъ. Въ Потсдамѣ былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго рѣшено предложить императору французовъ заключить миръ, обсудивъ главныя основы его на обще-европейскомъ конгрессѣ, который будетъ созванъ для этой цѣли; въ случаѣ отказа со стороны Наполеона, прусская армія должна была присоединиться къ войскамъ коалиціи. При этомъ въ Потсдамѣ произошла извѣстная трогательная сцена, когда монархи Пруссіи и Россіи скрѣпили свой договоръ рукопожатіемъ, въ присутствіи королевы Луизы, въ полночь, надъ могилою Фридриха Великаго. Но было уже поздно. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ произошло сраженіе трехъ императоровъ подъ Аустерлицомъ, безъ участія Пруссіи, а за нимъ послѣдовало заключеніе Пресбургскаго мира,—перваго шага къ распаденію Германской имперіи. И когда на слѣдующій годъ Пруссія вступила въ борьбу съ императоромъ французовъ, безъ помощи со стороны Россіи и Австріи, то результатомъ было ея пораженіе подъ Іеной и паденіе монархіи Фридриха Великаго. Въ кровавыхъ битвахъ на берегахъ Вислы и въ древне-прусскихъ владѣніяхъ, русскія и прусскія войска сражались съ обычной храбростью противъ превосходнѣйшаго силами непріятеля и къ ихъ общей радости битва подъ Прейсишъ-Эйлау не увѣнчалась для французовъ полной побѣдой. Въ эти роковые дни ожесточенной борьбы, происходившей на далекомъ сѣверо-западѣ и бывшей предвѣстницей возгорѣвшейся вслѣдъ за тѣмъ франко-русской войны, Наполеонъ охотно заключилъ бы съ Пруссіей отдѣльный миръ, чтобы обратить всѣ свои силы противъ Россіи, но Фридрихъ Вильгельмъ III, какъ монархъ честный и вѣрный заключенному союзу, рѣшительно отвергнулъ всѣ сдѣланныя ему въ этомъ смыслѣ предложенія, склонявшія его дѣйствовать отдѣльно отъ союзника. За то нѣкоторымъ изъ вельможъ, приближенныхъ къ Александру I, относившихся къ французамъ сочувственно, удалось, мало по малу, охладить восторженную дружбу царя къ Пруссіи, и когда кровопролитное сраженіе подъ Фридландомъ, происходившее въ іюнѣ 1807 года, склонило рѣшительно побѣду на сторону французовъ, то, судя по переговорамъ, происходившимъ въ Тильзитѣ по поводу заключенія мира, можно было ожидать, что политика петербургскаго двора приметъ впредь совершенно иное направленіе; Пруссіи пришлось испить чашу униженія до дна.

Въ Петербургѣ спокойно смотрѣли на то, что бывшій союзникъ и его народъ были принижены и обречены на гибель. Прежнія симпатіи проснулись лишь въ то время, когда дѣла приняли вновь иной оборотъ.

Послѣ свиданія Александра I и Наполеона на конгрессѣ въ Эрфуртѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1808 года, гдѣ въ полномъ блескѣ выказалась вся роскошь европейскихъ дворовъ и куда съѣхались четыре короля и 34 германскихъ владѣтельныхъ князя, чтобы изъявить свою покорность всесильному Наполеону и «увеличить его свиту», Европѣ угрожала опасность подпасть частью подъ власть Франціи, частью подъ могущество Россіи. Король Фридрихъ Вильгельмъ прибылъ также въ Эрфуртъ, съ цѣлью добиться смягченія условій мира, заключеннаго въ Тильзитѣ. Но съѣздъ могущественныхъ монарховъ разбился о могущество народовъ, чувства и страсти которыхъ не были приняты въ разсчетъ. Когда въ Эрфуртѣ, передъ «партеромъ, наполненнымъ коронованными особами», была представлена французская драма, въ которой, между прочимъ, говорилось въ стихахъ: «Какое счастье имѣть другомъ великаго человѣка», то при этихъ словахъ русскій царь протянулъ руку императору французовъ, сидѣвшему возлѣ него. Эта сцена, какъ двѣ капли воды, напоминала ту, которая произошла въ Потсдамѣ, у могилы Фридриха Великаго.

Съ эрфуртскимъ конгрессомъ настала эпоха политическихъ переворотовъ, военныхъ побѣдъ и пораженій, территоріальныхъ перетасовокъ, перемѣнъ властителей и владѣній, коимъ подобныхъ не было во всемірной исторіи со временъ Александра Македонскаго. Русскій императоръ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ шведскую Финляндію, а на югѣ отодвинулъ границу Россіи до дунайскихъ княжествъ, питая втайнѣ надежду завоевать со временемъ всю европейскую Турцію съ Константинополемъ; французскій императоръ мечталъ о возстановленіи имперіи Карла Великаго, о владычествѣ надъ всѣми государствами запада. Въ это время Пруссія какъ бы была исключена изъ общей политической жизни.

Обремененная непомѣрной военной контрибуціей, до окончательной уплаты которой прусскія крѣпости были заняты французскими гарнизонами, лишившись третьей части своихъ владѣній, имѣя въ сосѣдствѣ новую вассальную французскую область

Вестфалію, Пруссія была не въ состояніи принимать участіе въ крупныхъ политическихъ и военныхъ событіяхъ. Тѣмъ значительнѣе было возрожденіе, совершавшееся внутри самаго государства. Благодаря творческимъ способностямъ Шарнгорста, Гнейзенау и другихъ дѣятелей, военный строй Пруссіи былъ преобразованъ на болѣе широкомъ основаніи, болѣе соотвѣтствующемъ духу народа. Стараніями барона Штейна и другихъ патріотовъ совершилось полное гражданское переустройство Пруссіи, было объявлено равенство всѣхъ сословій передъ закономъ, и сознаніе собственнаго политическаго достоинства проникло во всѣ классы народа. Вновь основанный берлинскій университетъ послужилъ разсадникомъ молодыхъ людей съ идеальными стремленіями и съ основательнымъ научнымъ образованіемъ новыхъ дѣятелей для той эпохи и для будущаго, проникнутыхъ энергіей къ жизни и увѣренностью въ свои силы. Не мудрено поэтому, что когда Наполеонъ повелъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1812 года, половину Европы на востокъ, то и король прусскій былъ вынужденъ присоединиться къ союзнымъ войскамъ Франціи, съ тѣмъ, чтобы сразиться съ измѣнившимъ свою политику эрфуртскимъ своимъ союзникомъ, въ его собственныхъ владѣніяхъ. Свиданіе монарховъ въ Дрезденѣ, на которомъ присутствовали также Фридрихъ Вильгельмъ III и императоръ австрійскій Францъ, бывшій въ то время уже тестемъ Наполеона, превзошло блескомъ и великолѣпіемъ съѣздъ монарховъ въ Эрфуртѣ.

Никогда еще судьба не благоволила Наполеону въ такой мѣрѣ, никогда еще слава его не сіяла такимъ блескомъ, какъ въ эту весну. Но съ этой минуты счастливая звѣзда французскаго императора начала меркнуть. Русская имперія возстала изъ пепла горящей Москвы, подобно возродившемуся фениксу, и одновременно съ этимъ въ Петербургѣ проснулись прежнія симпатіи къ бывшему его берлинскому союзнику. Генералъ Іоркъ, заключивъ договоръ съ русскимъ фельдмаршаломъ Дибичемъ и устранивъ свой корпусъ отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ, дѣйствовалъ въ духѣ времени и сообразно симпатіямъ прусскаго народа.

Король, по своему характеру не расположенный принимать какія либо важныя и смѣлыя рѣшенія, пришелъ послѣ нѣкотораго размышленія къ убѣжденію, что насталъ моментъ возобновить прежній дружественный союзъ. Въ февралѣ 1813 года

оба монарха заключили договоръ въ Калишѣ, съ цѣлью освободить общими силами Европу отъ власти Наполеона.

Какъ извѣстно, первыя битвы подъ Люценомъ и Бауценомъ отнюдь не были успѣшны для союзниковъ. Наполеонъ въ своемъ бюллетенѣ съ прежней хвастливостью могъ кичиться побѣдою. ибо Австрія и войска Рейнскаго союза были еще на его сторонѣ. Когда въ день битвы, подъ вечеръ, оба монарха, закутавшись въ свои походные плащи, выѣхали въ поле опечаленные и озабоченные, то Фридрихъ Вильгельмъ сказалъ своему спутнику:

— Насъ можетъ спасти только помощь свыше. Если Господь, какъ я надѣюсь, благословитъ наши начинанія, то мы заявимъ передъ лицомъ всего міра, что честь этой побѣды принадлежитъ Ему одному.

Эти слова вполнѣ гармонировали съ мистически религіознымъ настроеніемъ Александра, которое было причиною возникновенія впослѣдствіи священнаго союза.

Дѣйствительно, судьба Пруссіи висѣла тогда на волоскѣ. Въ большомъ сраженіи подъ Дрезденомъ, происходившемъ 26-го и 27-го августа 1813 г., слава осѣнила еще разъ французскіе орлы и Наполеонъ могъ торжествовать, видя какъ унесли на носилкахъ смертельно раненаго давнишняго соперника его, Моро, вызваннаго Александромъ изъ Америки, черезъ посредство Бернадота. Между тѣмъ попытки къ посредничеству, сдѣланныя со стороны императора Франца и его министра, Меттерниха, не увѣнчались успѣхомъ и Австрія присоединилась къ русско-прусскому союзу. Такимъ образомъ перевѣсъ военной силы оказался на сторонѣ союзныхъ войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и самый союзъ принялъ вслѣдствіе этого совсѣмъ иной характеръ. Порывъ энтузіазма, воодушевлявшій вначалѣ Александра и Фридриха Вильгельма, вслѣдствіе присоединенія къ союзу прозаичнаго габсбургца и его дальновиднаго, но эгоистичнаго министра, совершенно измѣнилъ свой характеръ. Стремленіе къ возвышеннымъ цѣлямъ, къ благу народовъ, къ національной свободѣ и самостоятельности, къ реорганизаціи Европы на чисто національныхъ основахъ, о чемъ говорилось съ такой надеждой и съ такой горячностью въ воззваніи, обнародованномъ въ Калишѣ, уступили мѣсто цѣлямъ эгоистичнымъ и разрозненнымъ. Возвышенныя политическія идеи, искреннія и честныя стремленія

къ реформамъ, какія вызываетъ обыкновенно въ сердцахъ властителей всякій великій моментъ во всемірной исторіи, отошли на второй планъ, уступивъ мѣсто узкимъ и эгоистичнымъ планамъ. Политика мелкихъ интригъ и дипломатическихъ ухищреній пріобрѣла право гражданства въ совѣтѣ союзниковъ и внесла въ военный совѣтъ и въ дипломатію главной квартиры инертную боязнь всякихъ великихъ и энергичныхъ мѣръ, ограничивъ въ то же время стремленіе къ основательнымъ преобразованіямъ въ нѣмецкомъ государствѣ. Австрія, смотрѣвшая уже съ 1809 г. недоброжелательно на патріотическое движеніе, происходившее въ Пруссіи и въ сѣверной Германіи, съ его революціонными проявленіями, преслѣдуя лишь свои личныя цѣли, старалась воспользоваться новымъ оборотомъ дѣлъ для упроченія своего могущества. Вѣчно практичная Англія дѣйствовала точно также.

Существуетъ народное преданіе, по словамъ котораго, во время Лейпцигской битвы, когда побѣда склонилась на сторону союзниковъ, то союзные монархи, наблюдавшіе за сраженіемъ съ высоты холма, пали на колѣна, чтобы возблагодарить Бога за даруемую побѣду. Это было искренное, непритворное ликованіе по поводу побѣды, одержанной въ эту священную войну. Если разсказъ достовѣренъ, то онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ настроенію Александра и Фридриха Вильгельма; въ ихъ душахъ въ то время не угасли еще тѣ чувства, которыя привели ихъ къ братскому союзу и къ манифесту, обнародованному въ Калишѣ. Но въ эгоистичномъ сердцѣ императора Франца подобные порывы едва ли могли имѣть мѣсто. Рѣзкая разница въ стремленіяхъ великихъ державъ обнаружилась уже на вѣнскомъ конгрессѣ, на которомъ политическая карта Европы должна была совершенно передѣлаться на основаніи условій парижскаго мира. Въ отношеніяхъ Александра и Фридриха Вильгельма все еще проглядывали узы прежней дружбы. Хотя въ прусской главной квартирѣ, въ Парижѣ, можетъ быть смотрѣли иногда съ неудовольствіемъ и завистью на то, что курьеры съ наиболѣе важными депешами направлялись всегда прежде въ русскій лагерь, и что императора Александра одного прославляли какъ героя и третейскаго судью, что французы и нѣмцы смотрѣли на него и превозносили его какъ единственнаго носителя гуманныхъ и свободолюбивыхъ идей и намѣреній, клонящихся ко благу народовъ, все же на

вѣнскомъ конгрессѣ эти два монарха были еще союзниками въ глазахъ другихъ народовъ. Правда, желаніе Пруссіи включить въ число своихъ владѣній королевство Саксонское встрѣтило сильный отпоръ со стороны Австріи и планъ русскаго императора создать изъ Польши конституціонное королевство, подъ управленіемъ великаго князя Константина Павловича, чуть было не породилъ распрю среди членовъ собравшагося мирнаго конгресса и грозилъ вновь возбудить войну, когда извѣстіе о высадкѣ Наполеона въ Канѣ охладило разгоряченные умы и склонило ихъ къ согласію. Войска стояли еще подъ оружіемъ и тотчасъ открылась новая кампанія. Однако, австрійскія и русскія войска не успѣли еще переступить границу Франціи, какъ 18-го іюня 1815 г. произошло рѣшительное сраженіе при Бель-Аліансѣ и Ватерло. Въ этомъ всемірномъ сраженіи, которое всѣ три въ немъ участвовавшіе народа, англичане, прусаки и французы, называютъ различно, главное участіе принимала Пруссія, завсевавъ себѣ такимъ образомъ положеніе въ европейской пентархіи. Въ это время главная квартира русскихъ и австрійскихъ войскъ находилась въ Гейдельбергѣ, гдѣ монархи выжидали исходъ сраженія вблизи отъ театра военныхъ дѣйствій. Въ этомъ городѣ неоднократно посѣтилъ своихъ высочайшихъ союзниковъ Фридрихъ Вильгельмъ, который останавливался на довольно продолжительное время во Франкфуртѣ, проѣздомъ въ армію. Въ Гейдельбергѣ до сихъ поръ живо еще воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, которые три величайшіе монарха Европы провели въ славной нѣкогда столицѣ Пфальцграфства, куда ближніе и дальніе владѣтельные князья и вельможи, дворяне и государственные люди Германіи пріѣзжали изъявить свою покорность побѣдоноснымъ монархамъ, а народъ, радуясь окончанію войны, привѣтствовалъ повсюду вѣнценосцевъ, сулившихъ ему миръ, и съ надеждою взиралъ на будущее. Но, главнымъ образомъ, всеобщее вниманіе было устремлено на великаго монарха сѣверной имперіи, который блисталъ прелестью юной красоты и своимъ ласковымъ, любезнымъ обхожденіемъ очаровывалъ всѣхъ.

Въ Гейдельбергѣ Александръ познакомился довольно близко съ г-жею Крюднеръ, которой суждено было играть большую роль въ исторіи той эпохи. Императоръ Александръ избралъ себѣ жилищемъ живописную виллу, близь Карловыхъ воротъ (Karlsthor), у подошвы горной цѣпи, между замкомъ и Вольфсбрунномъ.

Недалеко оттуда, въ крестьянской избѣ, въ деревнѣ Шліербахъ, жила г-жа Крюднеръ, на которую онъ обратилъ вниманіе вслѣдствіе переписки, происходившей между нею и одной придворной дамой.

Юліана фонъ-Фитингофъ, родившаяся въ Ригѣ въ 1764 г. и вышедшая за мужъ за барона Крюднера, богача и дипломата, много послужившаго на русской государственной службѣ, послѣ разнообразной свѣтской жизни въ большихъ городахъ Европы и юности, проведенной не вполнѣ безупречно, искала удовлетворенія своему чувствительному сердцу, жаждавшему любви, въ мистически-религіозныхъ мечтахъ. Неудовлетворенная свѣтской жизнію, которой она предавалась всецѣло въ продолженіе многихъ лѣтъ, она думала найти исцѣленіе для своей души въ мистико-піетистическомъ образѣ мысли. Ея письма, относящіяся къ этой эпохѣ религіознаго пробужденія, экзальтированы и дышатъ страстностью, граничащею съ чувственною любовью къ Христу. Она утѣшала трудящихся и обремененныхъ, ухаживала за больными, помогала бѣднымъ и неимущимъ. Послѣ Іенской битвы баронесса Крюднеръ поѣхала въ Кенигсбергъ, въ свиту прусской королевы Луизы, и ободрила ее религіозными утѣшеніями. Когда главная квартира союзниковъ находилась въ Гейдельбергѣ, она переселилась въ этотъ городъ и тутъ явилась однажды, совершенно неожиданно, къ императору, въ ночное время, въ бѣломъ одѣяніи, съ вѣнкомъ на головѣ и тономъ пророчицы возвѣстила ему, что онъ избранъ судьбою для того, чтобы положить основаніе религіозно-христіанскому государственному строю, который долженъ лечь въ основу всей политики будущаго.

Ея слова были смѣсью религіозно-политическихъ идей, напоминавшихъ мысли, высказанныя мюнхенскимъ профессоромъ Францемъ Ксавье Баадеромъ, въ его философскихъ бесѣдахъ. Пророческія слова и фантастическая наружность г-жи Крюднеръ произвели чрезвычайное впечатлѣніе на воспріимчивую, мягкую натуру русскаго царя, тѣмъ болѣе, что они соотвѣтствовали его собственнымъ мыслямъ о высшемъ его предназначеніи и льстили его самолюбію, говоря о той роли, которая уготовлена ему свыше.

Когда императоръ отправился въ Парижъ, для обсужденія условій мира, то г-жа Крюднеръ послѣдовала за нимъ и сдѣла-

лась тамъ душою мистическаго кружка, имѣвшаго огромное вліяніе на настроеніе и образъ мыслей императора Александра. Ему льстили, говоря, что онъ, какъ второй Спаситель, избранъ Провидѣніемъ, чтобы основать новое христіанское государство и доставить торжество христіанской вѣрѣ, стоящей выше всѣхъ прочихъ религіозныхъ сектъ. Подобныя мысли, встрѣчавшія поддержку и въ другихъ приближенныхъ къ нему лицахъ, легли въ основу священнаго союза. Александръ I составилъ собственноручно проектъ этого союза, съ которымъ, по его убѣжденію, должна была возникнуть новая христіанско-политическая эра. Въ подражаніе священному писанію, повелѣвалось людямъ любить другъ друга, какъ братья, при этомъ въ проектѣ говорилось, что три монарха даютъ обѣтъ считать себя связанными узами искренней и несокрушимой братской любви, быть всегда другъ другу помощниками и защитниками, управлять подданными какъ отцы своей семьей и поддерживать въ своихъ владѣніяхъ религію, миръ и правосудіе, считая себя лишь членами одной и той же христіанской семьи, которымъ провидѣніе ввѣрило управленіе разными членами ея. Далѣе въ этомъ проектѣ говорилось, что они призываютъ прочія державы признать всѣ эти принципы и примкнуть къ ихъ священному союзу.

Король Фридрихъ Вильгельмъ III охотно изъявилъ согласіе сдѣлаться членомъ этого союза, задуманнаго въ томъ же духѣ, въ какомъ происходила нѣкогда ночная сцена надъ могилою Фридриха Великаго, въ гарнизонной церкви въ Потсдамѣ. Развѣ союзъ этотъ не являлся осуществленіемъ того, что было высказано монархами ночью, послѣ сраженія подъ Бауценомъ! «Если мы одержимъ побѣду, говорили они, то мы воздадимъ хвалу Господу, передъ лицомъ всего міра».

Гораздо сдержаннѣе отнесся къ этому предложенію императоръ Францъ, отнюдь не способный увлекаться фантазіями и дѣйствовать съ энтузіазмомъ; онъ согласился примкнуть къ священному союзу лишь тогда, когда Меттернихъ успокоилъ его увѣреніемъ, что на этотъ проектъ слѣдуетъ смотрѣть не иначе, какъ на самую безобидную болтовню. Австрійскій канцлеръ, какъ практичный дипломатъ, сразу оцѣнилъ значеніе этого акта, преисполненнаго столь возвышенными идеями и религіозными порывами, но въ то же время и неясными стремленіями, порож-

денными колеблющимся и нестойкимъ характеромъ императора Александра. Неопредѣленныя выраженія и неясныя мысли, высказанныя въ этомъ актѣ, какъ нельзя болѣе могли послужить, со временемъ, цѣлямъ реакціонной политики, поддерживающей абсолютизмъ.

Такимъ образомъ, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, три монарха подписали актъ священнаго союза, который, по мнѣнію Александра, слѣдовало сообщить только правителямъ другихъ странъ, не оглашая его народамъ, и держать его въ тайнѣ даже отъ министровъ. Мало по малу къ этому союзу примкнули всѣ монархи Европы, за исключеніемъ англійскаго принца регента, который отнесся къ нему сочувственно, но по законамъ страны не могъ подписать государственнаго акта безъ вѣдома народа, да султана, котораго императоръ Александръ устранилъ заранѣе въ виду религіозныхъ и политическихъ цѣлей, а также папы, не желавшаго принести религіозныхъ воззрѣній католической церкви въ жертву христіанско-мистическому міровоззрѣнію.

Такимъ путемъ возникъ достопамятный союзъ, котораго первая мысль запала въ душу Александра въ ту знаменательную ночь въ Гейдельбергѣ, о которой мы говорили выше. Европа болѣе десяти лѣтъ находилась подъ вліяніемъ этого союза; но реакціонныя тенденціи и стремленіе къ абсолютизму, скрывавшіяся подъ эгидою религіозно-патріотическихъ цѣлей, стяжали ему ненависть народовъ и придали всему этому дѣлу характеръ хитросплетеній и лицемѣрія. Не подлежитъ сомнѣнію, что при самомъ возникновеніи этого союза въ основу его легли сознательная неискренность и обманъ; онъ явился продуктомъ христіанско-романтичныхъ воззрѣній того времени, доведенныхъ до крайности, и носилъ на себѣ отпечатокъ духа времени и тогдашней цивилизаціи.

Революція и военный деспотизмъ Наполеона нанесли тяжкіе удары высшимъ классамъ общества, которые при обыкновенномъ теченіи жизни мало испытываютъ на себѣ бремя житейскихъ невзгодъ. Вникая глубже въ смыслъ революціоннаго движенія, съ самаго начала его до окончательнаго подавленія революціи, мы видимъ въ немъ дѣйствіе какой то высшей силы, ниспровергающей всякое беззаконное посягательство, всякую дерзкую самонадѣянность. Въ послѣдніе годы, предшествовавшіе возникновенію священнаго союза, въ Европѣ совершились событія,

поразительныя по своему величію; никогда еще человѣку не удалось выразить въ столь рѣзкихъ чертахъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ это сдѣлала сама исторія, ту мысль, что личный характеръ человѣка и его поступки суть единственные содѣлатели его судьбы; никогда до тѣхъ поръ слова Геродота о Немезидѣ и зависти боговъ не подтверждались такъ ясно и опредѣленно. Поэтому вполнѣ естественъ былъ поворотъ, совершившійся въ мысляхъ и чувствахъ общества, который вселилъ въ сердца людей богобоязнь и потребность къ религіи, вслѣдствіе чего даже въ высшихъ кругахъ прежній духъ сомнѣнія, невѣрія и свободомыслія уступилъ мѣсто набожности и религіозности.

На этой вновь освященной почвѣ возникъ романтизмъ и на ней могли развиться столь впечатлительныя и воспріимчивыя натуры, каковыми были основатели священнаго союза. Къ сожалѣнію, все присущее человѣку и все создаваемое на землѣ подвержено вырожденію и легко можетъ быть употреблено для цѣлей неблаговидныхъ. Основатели священнаго союза, точно также какъ и представители романтизма, допустили, чтобы дѣло, само по себѣ благородное, съ идеальной подкладкой, соотвѣтствующей высшей потребности человѣческаго духа, исказилось, принявъ совершенно иной мірской образъ, и стяжало всеобщую ненависть.

Съ заключеніемъ условій Парижскаго мира, насталъ конецъ вліятельному общественному положенію г-жи Крюднеръ. Но ея неспокойному, подвижному характеру надо было отыскать новое поле дѣятельности. Она отправилась въ Швейцарію; своей религіозной пропагандою внесла она тамъ раздоръ и несогласія въ семьи и въ цѣлыя общины и была, наконецъ, вынуждена оставить эту страну. Между тѣмъ въ Европѣ, при наступившемъ затишьѣ, пронеслось вѣяніе Меттерниха, заставивъ смолкнуть возбужденные умы и не оставивъ свободнаго мѣстечка для пророческихъ изліяній и религіозныхъ бредней. Восторженной мечтательницѣ былъ воспрещенъ въѣздъ въ Австрію и во Францію, и эта женщина, сдѣлавшаяся помѣхою политики, была выпровождена подъ надзоромъ полиціи въ Россію.

Но императоръ Александръ, подъ эгидою Меттерниха, вступилъ уже въ то время на путь болѣе спокойной политики. Онъ не желалъ уже имѣть дѣла съ пророчицей, которая произвела

когда то на него столь сильное впечатлѣніе въ Гейдельбергѣ.

Она отправилась прежде всего въ Ригу, мѣсто ея рожденія, а затѣмъ въ Крымъ, гдѣ поселились въ то время многіе нѣмецкіе выходцы изъ Пфальца и изъ королевства Виртембергскаго, изъ коихъ она надѣялась составить церковную общину въ своемъ духѣ. Тамъ она и скончалась 24 декабря 1824 г. Она много пережила, быть можетъ много грѣшила, но также искренно каялась въ своихъ заблужденіяхъ, поэтому къ ней можно примѣнить слова Спасителя: «ей много будетъ прощено, ибо она много любила».

Въ маленькомъ домикѣ, близь Карловскихъ воротъ, въ Гейдельбергѣ, г-жа Крюднеръ выполнила самый важный и многознаменательный подвигъ своей миссіи.

Въ слѣдующемъ году, также на югѣ Россіи, окончилъ свою тревожную жизнь императоръ Александръ. Дружественный союзъ, заключенный между нимъ и королемъ прусскимъ, существовалъ непоколебимо до самой его кончины и перешелъ преемственно къ его брату и наслѣднику, императору Николаю, укрѣпившись еще болѣе родственными узами, существовавшими между обоими дворами. Императоръ Николай питалъ къ своему тестю глубокую преданность до самой его кончины, 7 іюня 1840 года.

Гейдельбергъ, 1887 г., май.

Георгъ фонъ-Веберъ.

Переводъ съ нѣмецкой рукописи В. В. Тимощукъ.

Примѣчаніе. Знаменитый историкъ Георгъ Веберъ скончался на 81 году отъ роду, въ Гейдельбергѣ, 10-го августа нов. стиля 1888 г., въ три съ четвертью часа пополуночи. Съ небольшимъ за годъ передъ тѣмъ, именно весной 1887-го года, пишущій эти строки имѣлъ удовольствіе посѣтить старца въ его собственномъ домѣ въ Гейдельбергѣ. Веберъ былъ старикъ небольшаго роста, довольно плотный, лысый, съ большими на выкатъ глазами и улыбающимся, весьма добродушнымъ и привѣтливымъ лицомъ. Онъ много говорилъ съ нами объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи и вызвался написать свои историческія по сему предмету воспоминанія для „Русской Старины", о каковомъ журналѣ онъ имѣлъ вполнѣ ясныя свѣдѣнія. Не прошло и мѣсяца, какъ маститый историкъ прислалъ намъ въ Висбаденъ статью, дословный переводъ которой помѣщенъ нами выше. Первыя двѣ страницы рукописи были написаны рукою Вебера, остальныя рукою его секретаря. Переводъ статьи принадлежитъ постоянной сотрудницѣ «Русской Старины» — Вѣрѣ Васильевнѣ Тимощукъ. Ред.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БАГГОВУТЪ.

Очеркъ жизни его съ 1831 по 1883 г.

I.

Отъ польской кампаніи до первой восточной войны.

Записки Александра Ѳедоровича Багговута обрываются на полуфразѣ и доходятъ только до 1831 года [1]), когда автору ихъ было 25 лѣтъ и предъ нимъ лишь открывалась блестящая военная карьера, такъ славно начатая на границахъ Персіи и на залитыхъ кровью окрестностяхъ Варшавы. Послѣ польской кампаніи, А. Ѳ. Багговутъ прожилъ 52 года и военная лѣтопись не разъ еще упоминаетъ его имя. Желая, по возможности, восполнить то, что остается недосказаннымъ въ запискахъ А. Ѳ. Багговута, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1883 г., начнемъ съ воспроизведенія двухъ характеристикъ, сдѣланныхъ главнымъ военнымъ начальствомъ, по поводу отличій, оказанныхъ Багговутомъ во время персидской войны 1826—1827 гг. и въ польскую кампанію 1831 года.

Фельдмаршалъ Паскевичъ, ходатайствуя о награжденіи А. Ѳ. Багговута орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отозвался о молодомъ офицерѣ: „лейбъ-гвардіи Московскаго полка подпоручикъ Багговутъ, во все время похода отъ Карабабы къ Сердарь-Абаду и Эривани, находился

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1883 г., томъ XL, окт., стр. 111—136. Ген.-отъ-кав. А. Ѳ. Багговутъ скончался 2 мая 1883 г. въ Петербургѣ.

при полковомъ командирѣ, который свидѣтельствуетъ объ усердіи и рвеніи, съ коими онъ выполнялъ всѣ приказанія, весьма часто въ опасныхъ мѣстахъ. Въ особенности офицеръ сей отличился при осадѣ Эривани, гдѣ, бывъ посланъ ко рву, для узнанія намѣреній непріятельскихъ, исполнилъ сіе приказаніе съ полнымъ хладнокровіемъ и увидѣлъ, что персіяне задѣлываютъ брешь; при коронованіи же гласиса онъ снова былъ посланъ, подъ весьма сильнымъ огнемъ, и выполнилъ приказаніе съ отличною храбростью".

Отличныя военныя качества и доблесть, выказанныя Багговутомъ въ польскую кампанію, особенно въ сраженіи при Гроховѣ, и чрезвычайныя раны, полученныя имъ на полѣ битвы, вызвали слѣдующее представленіе графа Дибича, изложенное въ особомъ письмѣ къ управлявшему тогда главнымъ штабомъ, генералъ-адъютанту графу Чернышеву.

„По недостатку офицеровъ артиллерійскихъ, предъ сраженіемъ прошлаго февраля мѣсяца (1831 г.), прикомандированъ былъ, въ числѣ прочихъ, къ дѣйствующимъ ротамъ литовской гренадерской артиллерійской бригады, поручикъ л.-гв. Московскаго полка Багговутъ. Офицеръ сей, уже при дѣлѣ 7-го февраля, оказалъ примѣрную расторопность и мужество; въ сраженіи же 13 числа, при Гроховѣ, онъ снова отличился, не только совершенною твердостью духа и неустрашимостью, но и примѣрно-искуснымъ направленіемъ дѣйствій ввѣренныхъ ему орудій, коими не мало содѣйствовалъ къ разсѣянію и истребленію сильно напиравшаго непріятеля. При семъ, поручикъ Багговутъ получилъ тяжелыя раны: одну пулею въ голову, возлѣ уха; другую въ лѣвую ногу, выше колѣна, и еще контузію въ локоть лѣвой руки. (Пропущена еще рана пулею въ плечо и не упомянуто, что лѣвая нога была повреждена картечью, съ раздробленіемъ кости, а контузія распространялась не только на руку, но и на весь бокъ. Эти неточности весьма понятны, если принять въ соображеніе, что А. Ө. Багговутъ нѣкоторое время считался даже въ числѣ убитыхъ и самое лѣченіе его происходило въ плѣну или въ мѣстности, занятой непріятелемъ). Столь примѣрная служба (сказано далѣе, въ письмѣ графа Дибича) поручика Багговута понуждаетъ меня просить ваше сіятельство представить его въ особое государя императора вниманіе, и хотя

отличіе его не подходитъ вполнѣ подъ статутъ св. Георгія Побѣдоносца, но я, однако, считаю долгомъ, въ уваженіе полученныхъ имъ тяжелыхъ ранъ, а въ особенности на основаніи сугубаго ходатайства какъ корпуснаго командира генералъ-адъютанта барона Розена, такъ и исправляющаго должность начальника артиллеріи арміи, генералъ-адъютанта князя Горчакова, просить всемилостивѣйшее соизволеніе на пожалованіе его кавалеромъ 4 класса помянутаго ордена св. Георгія, какъ исполнившаго, съ большою пользою, препорученія, не къ прямой должности его принадлежащія".

Казалось-бы, въ виду такого ходатайства какъ главнокомандующаго, такъ и главныхъ начальниковъ арміи, а равно и въ виду полученной уже Багговутомъ высокой боевой награды (орденъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ), не представлялось препятствій къ включенію израненнаго молодаго героя въ число кавалеровъ ордена св. Георгія. Но статуты этого военнаго ордена, въ то время, такъ строго соблюдались и въ присужденіи этого боеваго отличія наблюдалась такая разборчивость, что на представленіе графа Дибича послѣдовала слѣдующая резолюція императора Николая Павловича: „Поручика Багговута произвесть въ штабсъ-капитаны, перевесть въ гвардейскую артиллерію и дать орденъ св. Анны 2 степени". На этомъ основаніи, приказомъ 1 апрѣля 1831 года, А. Ѳ. Багговутъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи 2 артиллерійскую бригаду.

Пока все это происходило, Багговутъ лежалъ израненный и ежеминутно боролся со смертью. Родные и знакомые считали его въ числѣ мертвыхъ и, не зная о чудесномъ спасеніи его, служили по немъ панихиды. Человѣколюбивое обращеніе непріятеля, искусство врача, молодость и здоровый организмъ Багговута возвратили его къ жизни. Родственникъ Багговута, полковникъ Гильхенъ, служившій прежде въ польскихъ войскахъ и управлявшій въ то время казеннымъ имѣніемъ Головейскъ, неподалеку отъ города Бѣльска, узнавъ случайно о нахожденіи раненаго въ Венгровѣ, который попеременно переходилъ изъ рукъ въ руки то нашихъ, то непріятельскихъ войскъ, прислалъ въ Венгровъ коляску, въ которой Багговутъ и былъ бережно перевезенъ въ Головейскъ, за предѣлы Царства Польскаго. Избавленный такимъ образомъ отъ превратностей военнаго времени,

Багговутъ пробылъ въ теченіи пяти недѣль въ Головейскѣ и настолько поправился, что въ первыхъ числахъ мая поѣхалъ къ гвардейскому корпусу, какъ разъ въ то время, когда гвардія сражалась съ войсками Скаржинскаго, на Наревѣ. Прибытіе Багговута къ гвардейскому корпусу служило новымъ доказательствомъ, съ какимъ рвеніемъ онъ относился къ своему служебному долгу; но слабыя еще силы и состояніе ранъ, особенно головной, не дозволили осуществиться тому рвенію, съ какимъ Багговутъ стремился возобновить свое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Для дальнѣйшаго лѣченія его отправили въ Москву, гдѣ онъ и пробылъ до конца 1831 года. Отличія, оказанныя Багговутомъ въ эту кампанію, настолько, однако, выходили изъ ряда обыкновеннаго служебнаго долга, что вызвали новыя еще награды, вскорѣ послѣ окончанія военныхъ дѣйствій. 20 декабря 1832 года Багговутъ произведенъ былъ въ капитаны, а 1 іюля 1833 года, на девятомъ году службы, въ полковники артиллеріи. При этомъ онъ былъ переведенъ въ конную артиллерію, такъ какъ рана въ ногу не дозволяла ему продолжать службу въ пѣхотѣ.

Въ наступившее послѣ польской кампаніи военное затишье А. Ѳ. Багговутъ находился при управленіи генералъ-фельдцейхмейстера и исполнялъ различныя порученія главнаго начальника всей артиллеріи, великаго князя Михаила Павловича. Великій князь зналъ А. Ѳ. Багговута еще въ Московскомъ полку и видѣлъ его въ польскую кампанію; онъ оказалъ ему самый лестный пріемъ, такъ какъ подвиги Багговута служили къ новому прославленію любимой Михаиломъ Павловичемъ артиллеріи. Съ этого же времени трудно было забыть Багговута даже тому, кто хотя разъ и мимолетно имѣлъ случай его видѣть. Вслѣдствіе своей головной раны, Багговутъ вынужденъ былъ носить черную повязку на головѣ, которая, въ видѣ вѣнка, служила прекраснымъ ореоломъ его замѣчательно красивому лицу и какъ нельзя болѣе шла къ его мужественной осанкѣ, высокому росту и статной фигурѣ. Эта почетная черная повязка не покидала Багговута уже во всю его жизнь, напоминая о его заслугахъ и невольно вселяя уваженіе и сочувствіе къ нему, которыя только усиливались при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ. Одинъ турецкій генералъ, познакомившись съ Багговутомъ, сказалъ ему слѣду-

ющее привѣтствіе, въ чисто восточномъ вкусѣ: „Рана твоя есть роза, украшающая чело твое". Когда А. Ѳ. Багговутъ былъ въ Италіи, то имѣлъ случай представиться бывшему сардинскому королю Виктору Эммануилу, которому Италія столько обязана въ дѣлѣ своего политическаго возрожденія. Викторъ Эммануилъ такъ полюбилъ А. Ѳ. Багговута, что приглашалъ его на свои охоты. Такое же уваженіе оказывали Багговуту и другіе иностранцы, въ томъ числѣ и прусскій король.

Въ частной жизни А. Ѳ. Багговутъ отличался сердечностью, гостепріимствомъ, простотою въ обращеніи; онъ былъ всегда пріятнымъ собесѣдникомъ, обходителенъ и чуждъ всякаго искательства и кичливости. Быть можетъ отсутствіе всякаго шарлатанства, скромность и прямота характера, напоминающая рыцарскія качества, и явились главною причиною, что военная карьера А. Ѳ. Багговута слишкомъ рано окончилась и не доставила ему того вліятельнаго положенія въ высшихъ рядахъ арміи, котораго онъ заслуживалъ. Между тѣмъ, какъ увидимъ, было время, когда новые военные подвиги А. Ѳ. Багговута сдѣлали имя его извѣстнымъ всей Россіи и Европѣ и когда портреты его красовались въ иллюстраціяхъ и распространялись въ народѣ не меньше, чѣмъ портреты современнаго намъ героя М. Д. Скобелева.

Въ 1837 году А. Ѳ. Багговутъ переведенъ былъ въ гусарскій Нарвскій великаго князя Михаила Павловича полкъ. Съ этой поры начинается кавалерійская служба А. Ѳ. Багговута, въ которой онъ стяжалъ славу замѣчательнѣйшаго кавалерійскаго генерала, точно также какъ прежде онъ являлся выдающимся пѣхотнымъ офицеромъ и отличнѣйшимъ командиромъ батареи. Всѣ три рода оружія, такимъ образомъ, близко были знакомы А. Ѳ. Багговуту и всѣ они прославлены были его подвигами, пріобрѣтая ему право, какъ уже сказано, на самыя высокія назначенія въ арміи.

Въ тридцатыхъ годахъ, въ жизни и дѣятельности А. Ѳ. Багговута все шло, повидимому, къ тому, чтобъ открыть ему эту военную дорогу. Такъ, въ 1839 году, на поляхъ Бородина, совершилось открытіе памятника въ ознаменованіе знаменитой Бородинской битвы. Для празднованія этого событія собраны были безсрочно-отпускные солдаты. Изъ нихъ сформированы были для смотра различныя части, подъ начальствомъ боевыхъ или

особо-заслуженныхъ офицеровъ. Полковнику А. Ѳ. Багговуту, на этомъ почетномъ сборѣ войскъ и отечественномъ праздникѣ, поручено было командованіе 1-мъ запаснымъ кавалерійскимъ полкомъ безсрочно-отпускныхъ, состоявшимъ изъ двухъ эскадроновъ гвардейскихъ и четырехъ эскадроновъ 4-й легкой кавалерійской дивизіи.

Въ февралѣ 1841 года А. Ѳ. Багговутъ былъ назначенъ командиромъ Украинскаго уланскаго полка и на этой же должности получилъ чинъ генералъ-маіора, въ 1843 году. Въ слѣдующемъ, 1844, году А. Ѳ. Багговутъ получилъ рѣдкій въ то время заграничный отпускъ, для поправленія здоровья, и въ теченіе года пробылъ въ южной Европѣ, начавъ свое путешествіе съ Константинополя. Возвратившись въ Россію, въ маѣ 1845 года, А. Ѳ. Багговутъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 2-й легкой кавалерійской дивизіи, состоявшей изъ гусарскихъ полковъ: Лубенскаго, короля Гановерскаго, и Елисаветградскаго, великой княгини Ольги Николаевны, и входившей въ составъ дѣйствующей арміи.

На этомъ мѣстѣ застигла Багговута венгерская кампанія 1849 года. Войска наши вступили въ предѣлы Австріи двумя колоннами, изъ которыхъ лѣвая находилась подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго, фельдмаршала Паскевича, графа Эриванскаго, князя Варшавскаго. Энергичное наступленіе русскихъ войскъ, произведенное не въ томъ направленіи, на которомъ укрѣпился и ожидалъ ихъ непріятель, вынудили венгровъ къ отступленію безъ боя. Только за Еперіесомъ произошло первое столкновеніе и участіе въ этомъ дѣлѣ выпало на долю генералъ-маіора Багговута, бригада котораго входила въ составъ авангарда. Около селенія Самосъ передовые казаки наткнулись на значительный непріятельскій отрядъ и стали отступать. На поддержку ихъ явился Багговутъ, во главѣ Елисаветградскаго гусарскаго полка своей бригады и конно-легкой батареи. Удачное дѣйствіе орудій и лихая атака гусаръ не только опрокинули венгерскую кавалерію, но и вынудили къ отступленію непріятельскую пѣхоту. Только наступившая темнота прекратила преслѣдованіе.

Описывая эту первую удачную стычку, А. Ѳ. Багговутъ говоритъ: „Лейбъ-эскадронъ показалъ чудо храбрости. Командиръ

его, ротмистръ фонъ-Раденъ, врубился, дошедъ до рукопашной, и изрубилъ начальника штаба мятежниковъ; 60 тѣлъ, съ страшными ранами, лежали вокругъ героевъ.

„Съ нашей стороны раненъ маіоръ Голштейнъ, легко, равно какъ и Раденъ, оба штыками; тяжело раненъ Микушевъ; одинъ гусаръ убитъ, 22 ранены, изъ нихъ 17 тяжело; 32 лошади выбиты изъ фронта. На другой день великій князь Константинъ Николаевичъ, подъѣхавъ къ полку, пожаловалъ, отъ имени Государя Императора, по червонцу раненымъ и по два червонца семи молодцамъ, отказавшимся идти въ лазаретъ, съ изрубленными головами и раненымъ штыками въ грудь и животъ. Они пожелали остаться во фронтѣ".

Наступая далѣе, въ авангардѣ, генералъ-маіоръ Багговутъ участвовалъ въ другомъ гораздо болѣе значительномъ дѣлѣ, подъ Туромъ, 8 іюля, когда венгерцы пробовали перейти въ наступленіе, угрожая правому нашему флангу. Въ этомъ сраженіи находившійся подъ личнымъ начальствомъ Багговута тотъ-же Елисаветградскій гусарскій полкъ снова дѣйствовалъ блистательно, не только отразивъ, но и опрокинувъ многочисленную непріятельскую кавалерію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что семь офицеровъ и одинъ штабъ-офицеръ полка были ранены и послѣдній изъ нихъ—смертельно.

Сраженіе подъ Туромъ было послѣднимъ актомъ участія А. Ѳ. Багговута въ венгерской кампаніи. Распространившаяся въ то время холера поразила и его. Должно замѣтить, что общее состояніе здоровья А. Ѳ. Багговута было въ то время значительно потрясено и сдѣлало его отъ природы крѣпкій организмъ воспріимчивымъ къ холерной эпидеміи. Причиною этого разстройства послужилъ слѣдующій чисто романтическій случай, какъ нельзя лучше характеризующій личность Багговута, его находчивость, энергію и самоотверженность въ критическія минуты. А. Ѳ. Багговутъ былъ женатъ два раза: съ 1832 по 1837 годъ, на княжнѣ М. С. Хованской, и съ 1839 года на Елизаветѣ Дмитріевнѣ Ермоловой, которой суждено было пережить своего мужа. Во время похода въ Венгрію жена Багговута, по возможности, слѣдовала за арміей, съ малолѣтнимъ сыномъ. На походѣ изъ Галиціи въ Венгрію А. Ѳ. Багговутъ, ѣдучи верхомъ, во главѣ своей бригады, услышалъ отчаянный крикъ. Оглянувшись, онъ

увидѣлъ, что взбѣсившіяся лошади несли прямо къ глубокому оврагу коляску, въ которой находились жена его и единственный ихъ ребенокъ. Кругомъ находились люди, но всѣ растерялись и на помощь явился одинъ Багговутъ. Онъ далъ шпоры коню и поскакалъ на перерѣзъ мчавшемуся экипажу. У самаго оврага произошло столкновеніе, отъ котораго коляска остановилась, но лошадь Багговута и онъ самъ свалились. Его подняли безъ чувствъ. Жена и сынъ, равно какъ и кучеръ экипажа, были спасены, но А. Ѳ. Багговутъ снова получилъ сильное потрясеніе всего организма и старыя раны стали опять напоминать о себѣ. Тѣмъ не менѣе, А. Ѳ. Багговутъ боролся съ недугомъ и перемогалъ себя въ первое время кампаніи. Послѣ дѣла подъ Туромъ, въ которомъ онъ участвовалъ почти больной, недугъ его окончательно осилилъ и скоро осложнился еще холерою. Вслѣдствіе этого А. Ѳ. Багговутъ вынужденъ былъ уѣхать въ Пештъ, а оттуда возвратиться въ Варшаву.

За сраженіе подъ Туромъ А. Ѳ. Багговутъ получилъ орденъ св. Станислава I-й степени, а за венгерскій походъ вообще — командорскій крестъ австрійскаго ордена Леопольда.

Послѣ венгерской кампаніи А. Ѳ. Багговутъ продолжалъ свою службу въ дѣйствующей арміи и находился во главѣ той же гусарской бригады. Въ іюнѣ 1850 года, въ числѣ выдающихся русскихъ генераловъ, А. Ѳ. Багговутъ сопровождалъ фельдмаршала Паскевича въ Берлинъ, гдѣ въ то время пребывали императоръ Николай Павловичъ и государь наслѣдникъ (впослѣдствіи императоръ Александръ II). О пребываніи своемъ въ Берлинѣ и о происходившемъ тамъ въ это время А. Ѳ. Багговутъ велъ обстоятельный дневникъ; но намъ неизвѣстно, какая участь постигла эти записки, написанныя, вѣроятно, не безъ интереса.

Мирное затишье, смотры и ученья, очевидно, не удовлетворяли кипучей и жаждавшей дѣятельности натуры А. Ѳ. Багговута. По крайней мѣрѣ, въ 1852 году, подъ предлогомъ переѣзда въ болѣе теплый климатъ, А. Ѳ. Багговутъ отпросился на Кавказъ. 20 февраля 1852 года онъ былъ назначенъ состоящимъ при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, съ зачисленіемъ по кавалеріи, и снова очутился тамъ, гдѣ за четверть вѣка передъ тѣмъ началась его боевая жизнь. Въ это время на Кавказѣ стала

выдвигаться личность князя Барятинскаго и началъ осуществляться предложенный имъ планъ покоренія воинственнаго его населенія. А. Ѳ. Багговутъ, въ отрядѣ князя Барятинскаго, получилъ подъ свое начальство кавалерію лѣваго фланга кавказской линіи, состоявшую изъ Гребенскаго, Моздокскаго и Донскаго № 19 казачьихъ полковъ и изъ двухъ сотенъ Дунайскаго казачьяго войска, съ шестью орудіями и двумя ракетными батареями. За удачныя дѣйствія противъ Шамиля, въ экспедицію 1852 г., А. Ѳ. Багговутъ получилъ золотую шашку съ алмазами и съ надписью: «за храбрость».

II.

Восточная война 1853—1855 гг.

На другой-же годъ послѣ вторичнаго прибытія А. Ѳ. Багговута на Кавказъ гораздо болѣе серьезныя обстоятельства, нежели венгерская кампанія или борьба съ горцами, доставили случай выказаться, въ новомъ блескѣ, военнымъ дарованіямъ этого храбраго генерала. Наступила тяжелая эпоха первой восточной войны, въ которой Россіи суждено было вынести тяжкіе уроки за ея внѣшнюю и особенно внутреннюю политику, со времени 1815 года. Дѣло шло уже не объ усмиреніи бунтовъ и не о поддержаніи стараго порядка въ Европѣ, а объ отстаиваніи политическаго могущества самой Россіи.

Какъ извѣстно, въ то время только очень немногіе умы сознавали слабость и отсталость Россіи. Напротивъ, для большинства. подъ казенною внѣшностью, среди застоя и безгласности, казалось даже, что именно у насъ все обстоитъ благополучно и что этому благоденствію можетъ только завидовать подавляемая и волнуемая внутренними „безпорядками“ Европа,—тотъ „гнилой западъ“, о разложеніи котораго высокопарно вѣщали у насъ въ то время. Само собою разумѣется, что относительно военнаго могущества Россіи не могло быть даже сомнѣнія и каждый, выразившій его, сочтенъ былъ бы за дерзновеннаго врага. Какъ извѣстно, ради этого военнаго могущества, въ теченіе долгихъ лѣтъ затрачивались главнѣйшія силы и средства страны. Эта мускульная сила представлялась надежнѣйшею опорою внѣшней

политики; она же была базисомъ и любимымъ дѣтищемъ, около котораго вращались почти всѣ стимулы внутренней нашей политической жизни. Этой-то силѣ и былъ нанесенъ первый ударъ, въ знаменательную эпоху войны 1853—1855 гг. Какъ бы для того, чтобъ яснѣе показать, что основы могущества и благоденствія народовъ заключаются въ умственномъ, общественномъ и политическомъ ихъ ростѣ и въ непрестанномъ слѣдованіи по пути цивилизаціи, наша армія, какъ извѣстно, выказала обычныя свои доблести. Не армія была виновата въ неудачахъ и разочарованіяхъ, нанесенныхъ Россіи войною 1853—1855 годовъ. Она попрежнему выдвинула множество храбрецовъ и подвиги ея стяжали уваженіе всего міра. Общія условія нашего положенія и затаенные грѣхи нашего самообольщенія, самообманъ, боязнь свѣта и опасная борьба противъ требованій вѣка обратили въ ничто эти подвиги. Въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя совершили все зависящее отъ нихъ, чтобъ поддержать громкую славу русской арміи и не дозволить свалить на нее одну общіе грѣхи нашей умственной и политической отсталости,—одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ и А. Ѳ. Багговуту.

Какъ болѣзнь скорѣе нападаетъ на слабый или разстроенный организмъ и серьезнѣе въ немъ развивается, такъ и важность событій, наступившихъ для Россіи въ войну 1853—1855 годовъ, прежде и яснѣе всего сказалась на Кавказѣ. Цѣлые десятки лѣтъ завоеванія и умиротворенія этого обширнаго края не принесли до 1853 г. никакихъ добрыхъ результатовъ. Притягательная сила оружія и полицейско-уголовныхъ мѣръ оказалась на дѣлѣ отталкивающею и разлагающею силою. Мы не съумѣли тогда привязать къ себѣ кавказское населеніе. Болѣе, нежели когда нибудь, оно пылало ненавистью и враждою. Ничего нѣтъ удивительнаго, что на турокъ горцы смотрѣли какъ на избавителей. Точно также понятно, что и врагъ старается бить противника въ самое чувствительное мѣсто и пользуется его слабыми сторонами. Турки и ихъ союзники сдѣлали все возможное, чтобъ возбудить возстаніе на Кавказѣ и въ Польшѣ. Двѣ громадныя арміи были обречены на бездѣйствіе. На Кавказѣ же, сверхъ того, пришлось подавлять возстаніе и явилось опасеніе, что непріятель вторгнется въ наши владѣнія и если не займетъ ихъ окончательно, то внесетъ смерть и раззореніе во все Закавказье, вплоть

до Кавказскаго хребта, совершивъ обычныя азіатскія неистовства надъ старымъ своимъ врагомъ и естественнымъ союзникомъ нашимъ армянскимъ и грузинскимъ населеніемъ. Непріятельское вторженіе угрожало и съ моря, и съ сухопутной границы. Постъ св. Николая былъ, дѣйствительно, неожиданно занятъ турками и чрезъ прибрежную полосу горцы стали безнаказанно снабжаться оружіемъ и порохомъ. На малоазіатской же границѣ собрались значительныя силы непріятеля, грозившаго занять Ахалцыхъ, Александрополь и всю Эриванскую губернію. Отвлеченныя возстаніемъ и угрожаемыя горцами, кавказскія войска могли противоставить туркамъ только самые незначительные отряды. Между тѣмъ, отъ исхода этого столкновенія зависѣла не только ближайшая судьба Кавказа и дальнѣйшій ростъ возстанія, но и рѣшимость явныхъ и тайныхъ союзниковъ турокъ поднять оружіе на Россію. Колеблющаяся Австрія могла скорѣе склониться къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ, если-бъ Россія не въ силахъ была бы справиться даже съ турками.

При такихъ-то обстоятельствахъ, 19 ноября 1853 года, почти одновременно съ знаменитымъ синопскимъ сраженіемъ, этой лебединою пѣснью славнаго черноморскаго флота, произошло не менѣе громкое и рѣшительное дѣло при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ.

Въ 25 верстахъ отъ Александрополя, тогдашней нашей пограничной крѣпости, турки собрали до 40,000 человѣкъ, въ томъ числѣ не менѣе 20,000 регулярной, правильно обученной пѣхоты, при 46 орудіяхъ. Эти силы находились подъ начальствомъ сераскира Абди-паши, который, по увѣренію многихъ, до того былъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ незначительнымъ русскимъ отрядомъ, что приказалъ заготовить веревки, чтобы вязать плѣнныхъ. Съ нашей стороны, противъ этого непріятеля, имѣлся отрядъ князя В. О. Бебутова: изъ 7,000 пѣхоты и 2,800 человѣкъ кавалеріи, при 32-хъ орудіяхъ.

На разсвѣтѣ, съ 18 на 19 ноября, поднялся нашъ лагерь и войска, отправивъ палатки и тяжести въ Александрополь, перешли пограничную рѣку Арпачай. Было свѣжее, но тихое утро. Небольшой морозъ высушилъ невылазную грязь и облегчалъ движеніе. Въ видѣ хорошаго предзнаменованія, получено было извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ княземъ Андронниковымъ

надъ турками, подъ Ахалцыхомъ. Князь Бебутовъ подъѣхалъ къ войскамъ и, обгоняя колонны, здоровался съ ними и поздравлялъ ихъ съ этою побѣдою. Громкое «ура» отвѣчало на привѣтствіе начальника. Начальникомъ всей кавалеріи этого отряда былъ генералъ-маіоръ А. Ѳ. Багговутъ.

У селенія Пирвали войска наши переправились черезъ р. Карсъ-чай и, поднявшись на возвышенность, вышли на обширное плато, со всѣхъ сторонъ замкнутое горами. Сзади ихъ бѣлѣлась снѣжная вершина Алла-геза (Божій глазъ). Лѣвѣе высился горный кряжъ Аладжи, за которымъ въ утренней, прозрачной дали, за сотню верстъ, виднѣлась безконечная цѣпь горъ и на оконечности ихъ поднимался высоко къ небу ветхозавѣтный гигантъ Араратъ, съ которымъ соединено столько священныхъ для всего человѣчества преданій и столько современныхъ суевѣрныхъ легендъ. Впереди, на заднемъ планѣ картины. виднѣлись громадные, выдвинутые вулканическою силою, холмы Караяла и Кизилъ-тапы, хорошо памятные теперь намъ, благодаря событіямъ войны 1877—1878 гг. Не доходя до этихъ двухъ возвышенностей, позади деревни Угузлы, съ полуразрушеннымъ, древнимъ, каменнымъ армянскимъ храмомъ, открылись густыя колонны турецкой пѣхоты и кавалеріи. Непріятель растянулся на протяженіи четырехъ верстъ и линія его представляла вогнутую дугу. Передъ самымъ фронтомъ турокъ, въ видѣ естественнаго прикрытія, тянулся довольно широкій оврагъ, съ крутыми берегами. Чтобъ достигнуть непріятеля, нашимъ войскамъ приходилось спуститься въ этотъ открытый для выстрѣловъ оврагъ, перейти его подъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и подняться на противоположную крутизну.

Не смотря на 17 верстный переходъ, отрядъ князя Бебутова построилъ боевой порядокъ и, безъ отдыха, началъ наступленіе. Одинъ русскій приходился на четверыхъ турокъ; непріятельскія колонны стояли густыми рядами и дугою огибали наши растянувшіяся линіи; но это были храбрые, закаленные въ бояхъ и опасностяхъ, кавказцы! Непріятель до того былъ увѣренъ въ своей силѣ, что молча встрѣтилъ это наступленіе и безъ выстрѣла двинулъ на встрѣчу намъ свои передовыя войска. Удивительное, рѣдкое зрѣлище представилось тогда участникамъ боя. Сраженіе завязывалось безъ грохота орудій и среди чистаго, не затянутаго

пороховымъ дымомъ, воздуха нѣкоторое время слышались только звуки музыки и барабана, какъ на мирномъ парадѣ. Можно было вообразить, что люди эти сходились для дружескихъ привѣтствій, а не для убійства и смерти. Но вотъ по каменистой почвѣ застучали колеса пушекъ и наши батареи выскакали на позицію, чтобъ поддержать передовые баталіоны. Вспыхнулъ клубъ дыма изъ крайняго орудія и одинокій, гулкій выстрѣлъ пронесся далеко по полю. Первое ядро перенеслось черезъ головы нашихъ войскъ и бухнуло впереди турокъ. Какъ-бы ожидая этого сигнала, двадцати-пушечная турецкая батарея, прикрывавшая правый флангъ и центръ непріятеля, разомъ открыла огонь, и туча осколковъ чугуна пронеслась по нашимъ рядамъ. Однимъ изъ отвѣтныхъ выстрѣловъ нашихъ взорванъ былъ турецкій зарядный ящикъ. Громкое „ура!“ привѣтствовало эту удачу, служившую какъ-бы предвозвѣстникомъ побѣды. Но до побѣды было еще далеко....

Пушечная пальба и присоединившіеся къ нимъ ружейные выстрѣлы стрѣлковъ разгорѣлись по всей линіи. Такъ какъ преимущество огня, благодаря числу орудій, было на сторонѣ турокъ, то князь Бебутовъ, не желая подвергать войска напраснымъ потерямъ, отдалъ приказаніе о безостановочномъ наступленіи. Цѣлью нападенія была избрана указанная турецкая батарея, около которой скопились главнѣйшія массы турокъ.

Но пока наши войска лѣваго фланга и центра двигались въ этомъ направленіи, турецкая пѣхота и кавалерія стали надвигаться и огибать нашъ правый флангъ. Нападеніе это было отбито; но турки ежеминутно обнаруживали готовность возобновить наступленіе съ лѣваго фланга, продолжая грозно стоять въ центрѣ и на правомъ своемъ флангѣ. Скоро стало ясно, что малѣйшая неудача нашихъ войскъ, наступавшихъ на 20-ти пушечную батарею, поведетъ къ общей потерѣ сраженія. Всѣ заботы начальниковъ устремлены были къ поддержанію и обезпеченію успѣха этой атаки. Вслѣдъ за первою, и вторая линія нашихъ войскъ ввязалась уже въ бой, не имѣя почти резервовъ. Движеніе продолжалось безостановочно, подъ самымъ жаркимъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ. Ряды быстро таяли; не только уцѣлѣвшіе, но и раненые шли впередъ. Къ удивленію, турки стойко держались. Перемѣшавшіеся роты и баталіоны, потерявъ многихъ

офицеровъ и начальниковъ, были уже въ двадцати шагахъ отъ непріятельской батареи, скрываясь за крутизною высоты, на которой стояли турки.

Всякій разъ, когда, переводя духъ, наши войска подымались изъ-за закрытія и бросались впередъ, картечь и тысячи пуль обдавали ихъ со всѣхъ сторонъ и пріостанавливали движеніе. Наступила та передышка боя, послѣ которой надо или побѣдить, или, послѣ новаго отчаяннаго усилія, отступить, уступая многочисленности и поддаваясь нравственной и физической истомѣ. Въ эту самую критическую минуту сраженія, когда пѣхота наша напрягала послѣднія силы, чтобъ сбить турокъ съ ихъ позиціи и завладѣть ихъ орудіями, слѣва отъ насъ и сзади непріятельскихъ колоннъ раздается громкое, побѣдное „ура“ и топотъ кавалерійской атаки. Это былъ тотъ молодецкій налетъ Багговута, который послужилъ рѣшительнымъ толчкомъ сраженія и обратилъ его въ нашу пользу.

Еще въ началѣ сраженія, начальствуя кавалеріею нашего лѣваго фланга, Багговутъ имѣлъ назначеніе поддерживать наступленіе нашей пѣхоты и обезпечивать ее отъ покушеній турецкой кавалеріи. Съ этой стороны, турки располагали нѣсколькими тысячами всадниковъ, большею частью курдовъ. Конныя толпы эти неоднократно пытались наброситься на нашъ лѣвый флангъ, но всякій разъ ихъ отгоняла кавалерія Багговута (два дивизіона нижегородскихъ драгунъ и семь сотенъ линейныхъ казаковъ, съ дивизіономъ казачьей батареи). Когда наша пѣхота приблизилась къ непріятельской позиціи, генералъ-маіоръ Багговутъ, желая обезпечить своей кавалеріи свободу дѣйствія и поддержать это наступленіе, самъ атаковалъ турецкихъ всадниковъ. Отогнавъ ихъ далеко, нѣкоторыя части нашей кавалеріи очутились съ боку непріятельскихъ пѣхотныхъ колоннъ. Быстро оцѣнивъ выгоду этого положенія и не давая опомниться непріятелю, Багговутъ приказалъ казакамъ заскакать еще болѣе въ тылъ туркамъ, а самъ съ нижегородскими драгунами ударилъ во флангъ турокъ. Хотя турецкія войска здѣсь состояли изъ низама и встрѣтили атаку стройными каре, но ничто не устояло передъ безсмертными нижегородцами. Драгуны врѣзались въ турецкіе ряды и, поддержанные казаками, проложили широкую дорогу къ непріятельской батареѣ съ тыла. Завидѣвъ каски и шашки драгунъ,

наша пѣхота подхватила побѣдное „ура!“ и бросилась на турецкія орудія съ фронта. Непріятель дрогнулъ и побѣжалъ въ безпорядкѣ; только одни артиллеристы оказали упорное сопротивленіе и всѣ были перебиты у захваченныхъ нами орудій. Довершая дѣло пораженія, кавалерія Багговута безостановочно гнала турокъ и завладѣла ихъ лагеремъ. Лѣвое крыло турокъ, хотя и пробовало оспаривать побѣду, но скоро вынуждено было, въ свою очередь, бѣжать передъ остальными нашими войсками, незамедлившими перейти въ общее наступленіе. Только наступившіе сумерки положили конецъ преслѣдованію.

Чтобъ выяснить все значеніе, которое для Башкадыкларской побѣды имѣли дѣйствія Багговута, приводимъ слѣдующую выписку изъ современнаго описанія этого славнаго для русской арміи боя. Упоминая, что турки держались очень стойко, очевидецъ говоритъ: „Ихъ артиллерія, съ хладнокровіемъ выше всякихъ похвалъ, заряжала и стрѣляла въ насъ въ упоръ даже тогда, когда мы были на 25 шаговъ отъ орудій. Нѣсколько минутъ съ обѣихъ сторонъ продолжался батальный огонь. Въ этотъ мигъ пронесся черезъ рѣчку черный значекъ генерала Багговута; линейные казаки опрокинули непріятельскихъ уланъ, а 4-й драгунскій дивизіонъ, обогнувъ турецкія линіи, сзади врубился въ нихъ. Крики обскакавшихъ непріятельскую пѣхоту драгунъ: „бросай оружіе!“— громомъ раздались по полю. Взводъ донской артиллеріи, проскакавъ по каменьямъ, гдѣ не было никакой дороги, ударилъ во флангъ картечью на 50 шаговъ. Гренадерская бригада, вздохнувъ отъ крутаго подъема, опять опустила штыки и врѣзалась во фронтъ непріятеля. Турецкая масса зашаталась и дрогнула. Задніе турецкіе баталіоны спѣшили построиться въ каре, съ орудіями по угламъ и, надо сказать, не смотря на критическую минуту, сдѣлала это построеніе съ удивительнымъ порядкомъ. Да только для старыхъ нижегородскихъ драгунъ не существуетъ никакого каре! Третій дивизіонъ пошелъ мѣрною рысью на фланговый баталіонъ. Турки встрѣтили его залпомъ и картечью на 25 шаговъ; вмѣстѣ съ грохотомъ выстрѣловъ раздалась команда „маршъ-маршъ!“ и въ ту же секунду лошадь дивизіонера [1]) была под-

---

[1]) Надо думать, что рѣчь идетъ здѣсь о храбромъ Петровѣ, впослѣдствіи генералѣ, здравствующемъ, сколько извѣстно, и до сихъ поръ. Г. Г.

нята на штыки и драгуны сидѣли уже въ срединѣ каре. Какъ стоялъ баталіонъ, такъ онъ и легъ четыреугольникомъ. Съ этой минуты правое турецкое крыло — 12 баталіоновъ и 6 эскадроновъ, уже и не пробовало держаться. Оно отхлынуло по направленію своего лѣваго фланга. Генералъ Багговутъ насѣлъ на него съ драгунами и линейными казаками и косилъ его, какъ косятъ въ полѣ траву" [1]).

Другой очевидецъ и участникъ этого боя, хорошо извѣстный читателямъ „Русской Старины", покойный Дмитрій Романовскій (впослѣдствіи генералъ и кавалеръ Георгія 3-й степени), въ слѣдующихъ словахъ передаетъ о подвигѣ Багговута: „Начальникъ кавалеріи, пользуясь тѣмъ, что непріятель обратилъ все вниманіе на атаковавшую его пѣхоту, стянулъ всю оставшуюся свободную кавалерію, скрытно провелъ ее чрезъ оврагъ, до того времени сильно обстрѣливаемый, и въ тотъ самый моментъ, когда непріятель, пользуясь своимъ превосходствомъ и утомленіемъ штурмовавшихъ войскъ, собирался нанести имъ рѣшительный ударъ, атаковалъ его съ тылу. Съ этой минуты дѣло здѣсь было рѣшено въ нашу пользу: скоро 20 непріятельскихъ орудій, находившіяся на его правомъ флангѣ и въ центрѣ, были въ нашихъ рукахъ, и войска его обращены въ бѣгство" [2]).

Башкадыкларская побѣда, 19 ноября 1853 года, обезпечила успѣхъ войны и спокойствіе на Кавказѣ почти на цѣлый годъ. Она совпала съ синопскимъ разгромомъ турокъ, эскадрою Нахимова (18 ноября), и была почтена въ Россіи особымъ торжествомъ. Въ № 270 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" было напечатано слѣдующее извѣщеніе:

„С.-Петербургъ. Отъ Двора его императорскаго величества чрезъ сіе объявляется госпожамъ статсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинамъ, фрейлинамъ, господамъ придворнымъ кавалерамъ и всѣмъ, кто ко Двору пріѣздъ имѣетъ.

„По случаю блистательной побѣды, одержанной россійскими войсками, 19 минувшаго ноября, подъ командою генералъ-адъютанта князя Бебутова, между Александрополемъ и Карсомъ, надъ

---

[1]) «Разсказъ офицера, бывшаго подъ Кадыкларомъ», «Кавказъ», 1854 г., №№ 1 и 2.

[2]) «Кавказъ», 1854 г. № 89.

турецкими войсками, предводительствуемыми сераскиромъ эрзерумскимъ, государь императоръ повелѣть соизволилъ: съѣзжаться всѣмъ вышеписаннымъ особамъ, а также гвардіи, арміи и флота штабъ и оберъ-офицерамъ, въ воскресенье, сего декабря 6-го числа, въ 2 часа пополудни, въ Зимній дворецъ, для слушанія благодарственнаго молебствія, и быть дамамъ въ русскомъ платьѣ, а кавалерамъ въ парадныхъ мундирахъ; собираться же на половинѣ государя императора".

Такое-же торжественное молебствіе, по случаю этой побѣды, было отслужено, 8-го декабря, въ Москвѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, митрополитомъ Филаретомъ, въ присутствіи тогдашняго московскаго генералъ-губернатора графа А. А. Закревскаго и другихъ высшихъ чиновъ Москвы, съ провозглашеніемъ многолѣтія „побѣдоносному, христолюбивому Россійскому воинству".

Императоръ Николай I написалъ особый рескриптъ на имя князя Воронцова (Михаила Семеновича), главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, пожаловалъ св. Георгія 2-й степени князю Бебутову и щедро наградилъ участниковъ башкадыкларской побѣды. Въ высочайшемъ приказѣ отъ 4 декабря 1853 года, между прочимъ, было сказано: „производится: за отличіе въ сраженіи противъ турокъ, 19-го ноября сего года, изъ генералъ-маіоровъ въ генералъ-лейтенанты, по кавалеріи: состоящій при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ для особыхъ порученій Багговутъ 1-й". Кромѣ этой награды, по удостоенію кавалерской думы, генералъ Багговутъ получилъ Георгія 3-й степени, за то же Башкадыкларское дѣло.

По условіямъ прежнихъ вооруженныхъ столкновеній между государствами, войны не оканчивались такъ быстро, какъ теперь, а длились нѣсколько лѣтъ, медленно развивая и истощая силы противниковъ. Восточной войнѣ 1853—1855 годовъ суждено было явиться послѣднимъ примѣромъ подобныхъ войнъ, благодаря тому обстоятельству, что на одной сторонѣ была такая могущественная военная держава, какъ Россія, а къ врагамъ ея постепенно, сначала тайно, а потомъ и открыто, присоединялись сильные союзники, которымъ суждено было доказать, что на одну матеріальную силу опасно полагаться и что внутренній застой, умственная и общественная отсталость рано или поздно наказуются. Пріостановившаяся на зиму и весеннюю распу-

тицу война возгорѣлась съ новою силою въ 1854 году. Хотя явный разрывъ съ Англіею и Франціею послѣдовалъ уже въ апрѣлѣ 1854 года [1]), но до осени борьба продолжалась только съ турками. Было очень важно возможно болѣе ослабить хотя этого врага, до столкновенія съ болѣе грознымъ непріятелемъ. На Дунаѣ это не удалось и русская армія вынуждена была, по политическимъ и военнымъ соображеніямъ, подъ вліяніемъ угрозъ со стороны Австріи, не только снять осаду Силистріи и очистить Дунайскія княжества, но и принять борьбу на русской территоріи. На Мало-Азіатскомъ театрѣ войны обстоятельства сложились для насъ благопріятнѣе. Собранныя здѣсь новыя турецкія силы опять потерпѣли рѣшительное пораженіе отъ кавказской арміи, въ тотъ самый моментъ, когда турки возобновили свое наступательное движеніе на Закавказье. Этотъ благопріятный результатъ достигнутъ былъ сраженіемъ 24 іюля 1854 года, при армянскомъ селеніи Кирюкъ-Дара.

Въ этой побѣдѣ генералъ Багговутъ опять принималъ видное участіе. Турки занимали укрѣпленный лагерь при сел. Хаджи-Вали, въ 18 верстахъ впереди Карса, и успѣли сосредоточить здѣсь до 60,000 человѣкъ. Наши силы заключались въ 18 баталіонахъ пѣхоты, 26 эскадронахъ драгунъ и 6 сотенъ казаковъ, при 56 орудіяхъ. Рано утромъ, 24-го іюля, турки вышли изъ своего лагеря, предполагая неожиданно напасть на нашъ отрядъ. Во-время предупрежденныя, наши войска не только приготовились къ борьбѣ, но и отвѣчали непріятелю встрѣчнымъ нападеніемъ. Сраженіе продолжалось съ 5 часовъ утра до 1 часу пополудни. Утомленныя боемъ и жарою, войска не могли настойчиво преслѣдовать разбитаго непріятеля, но въ рукахъ ихъ остались 15 турецкихъ орудій, съ 16 зарядными ящиками, 4 штандарта, 20 знаменъ, множество оружія и 2,018 плѣнныхъ регулярной турецкой пѣхоты.

Уронъ турокъ простирался до 10,000 человѣкъ и разстроенныя силы ихъ укрылись подъ укрѣпленія Карса, не помышляя уже о наступленіи.

Не касаясь всѣхъ подробностей этого боя, ограничимся лишь

---

[1]) Манифестъ о войнѣ съ Франціею и Англіею подписанъ 11-го апрѣля 1854 года, днемъ раньше манифеста о войнѣ 1877 года.

указаніемъ, что успѣху его, какъ въ началѣ сраженія, такъ и въ концѣ его, много содѣйствовали блистательныя атаки нашей кавалеріи, сначала на лѣвомъ, а потомъ и на правомъ флангахъ. Дѣйствіями-же кавалеріи, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, непосредственно руководилъ генералъ Багговутъ.

Въ подробномъ описаніи этого кровопролитнаго сраженія князь Бебутовъ въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ послѣднія рѣшительныя минуты боя, въ которыхъ главная роль выпала на долю Багговута:

„До конца 8 часа лѣвый флангъ турокъ былъ занятъ многочисленными массами иррегулярной кавалеріи, двумя полками уланъ, не слишкомъ опасными безъ ихъ пѣхоты, и нѣсколькими орудіями, отвѣчавшими на наши выстрѣлы. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайно многочисленная иррегулярная кавалерія, двигаясь въ обходъ оконечности нашего праваго фланга, выказала намѣренія непріятеля и заставила насъ далеко растянуть линію. Къ 8-ми часамъ турки отчасти выставили, отчасти скрыли въ оврагахъ на своемъ лѣвомъ флангѣ отъ 14 до 16 баталіоновъ, три батареи и нѣсколько уланскихъ полковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ баши-бузуки стали сильно напирать на казаковъ и милицію, съ очевидною цѣлью зайти намъ въ тылъ. Въ это время я двинулъ на правый флангъ шесть ротъ Ряжскаго полка съ дивизіономъ артиллеріи, прикрывавшихъ фербантъ и паркъ (оставшіеся затѣмъ подъ прикрытіемъ только двухъ ротъ) и приказалъ **начальнику кавалеріи, генералъ-лейтенанту Багговуту**, привести съ собою сколько оставалось еще свободной конницы и **принять начальство надъ правымъ флангомъ**[1]). Генералъ Багговутъ прибылъ на мѣсто съ дивизіономъ драгунъ его императорскаго высочества Николая Николаевича полка (**тверскіе** драгуны, доблестные сотоварищи **нижегородцевъ**), тремя донскими сотнями № 20 полка и двумя конно-ракетными командами. Дѣло было тогда въ такомъ положеніи: двѣ сильныя турецкія батареи громили фронтъ нашей кавалеріи облически, съ двухъ сторонъ; пѣхота турецкая стояла въ нѣсколько линій на близкій пушечный выстрѣлъ; огромныя толпы баши-бузуковъ и и бедуиновъ, поддержанныя регулярной кавалеріей, полкомъ пѣхоты и батареей, и сзади еще пѣхотой, обходили и тѣснили оконечность нашего праваго фланга. Они думали безъ труда

разсѣять милицію артиллерійскимъ огнемъ; но смѣлый начальникъ ея, князь Андронниковъ, умѣлъ удержать ее въ рядахъ и, все заходя вправо, противъ обходнаго движенія непріятеля, хотя съ большимъ трудомъ, но сдерживалъ его напоръ. Лѣвѣе, три сотни линейцевъ полковника Скобелева (отца Михаила Дмитріевича), содержавшія съ милиціей связь, не смотря на рѣшительность своего начальника и на самое стойкое мужество казаковъ, не могли сдѣлать шагу впередъ противъ непріятеля, вдесятеро многочисленнѣйшаго. Вполнѣ надѣясь, что драгуны полка его сіятельства генералъ-фельдмаршала (Паскевича) и батарея долго еще задержатъ натискъ непріятеля, если-бъ онъ рѣшился наступать даже всей линіей, я приказалъ генералу Багговуту обратить главное вниманіе на оконечность фланга [1]). Не было уже сомнѣнія, что непріятель подвелъ свои массы для того, чтобъ сбить нашъ правый флангъ и обойти насъ съ тыла. Нельзя было терять времени. 6 ротъ ряжцевъ поставлены въ двухъ мѣстахъ позади нашей иррегулярной конницы, какъ опорные пункты; сводно-линейный полкъ придвинутъ къ тремъ сотнямъ. Чтобъ сколько нибудь отбить непріятеля и дать себѣ просторъ, генералъ Багговутъ выдвинулъ впередъ конно-ракетныя команды, подъ прикрытіемъ трехъ донскихъ сотень. Ракеты, взвиваясь между лошадьми огненными змѣями, сразу навели ужасъ на баши-бузуковъ—они отхлынули. Пользуясь этой минутой, генералъ Багговутъ обратился къ своимъ войскамъ: „Ребята, — сказалъ онъ,—лѣвый флангъ и центръ побѣдили; очередь за одними вами; ура! царю нашему!“ Ура грянуло по полю. Три сотни полковника Скобелева, за нимъ полкъ Камкова, 3 сотни Донцовъ и конно-мусульманская бригада, поддержанные дивизіономъ драгунъ Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича полка, ринулись впередъ. Наши казаки, отплачивая туркамъ за свое вынужденное бездѣйствіе, врѣзались стремительно въ ихъ толпы, между тѣмъ какъ мусульманскіе всадники облетѣли ихъ справа. Вся масса непріятельской иррегулярной конницы, обходившая нашъ флангъ, была опрокинута сразу и бѣжала въ разсыпную. Сотни полковника Скобелева, съ частью донскаго № 20

---

[1]) До полученія этого приказанія, генералъ Багговутъ руководилъ, какъ уже сказано, блистательными дѣйствіями кавалеріи на лѣвомъ флангѣ и содѣйствовалъ пораженію лѣваго крыла турокъ.

полка, сейчасъ же заворотили правымъ плечомъ на поддерживавшій баши-бузуковъ дивизіонъ конной артиллеріи, прикрываемой регулярною кавалеріею, и, изрубивъ прислугу, выхватили изъ него три орудія. Уланскій турецкій полкъ, пытавшійся удержать преслѣдованіе, былъ мгновенно атакованъ съ фронта сотнями полковника Скобелева, донцами и дивизіономъ Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича полка, а съ фланга линейцами Камкова, и тутъ же опрокинутъ и почти весь истребленъ. Разскакавшіеся линейцы пролетѣли вслѣдъ за нимъ сквозь интервалы турецкихъ баталіоновъ. Пѣхотный турецкій полкъ, поддерживавшій обходившую насъ кавалерію, сталъ, однако же, крѣпко. Нѣсколько ротъ ряжцевъ, храбро двинувшихся на столь превосходныя силы, были удержаны батальнымъ огнемъ и турецкіе баталіоны сами пошли на нихъ въ штыки. Въ это мгновеніе дивизіонъ Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича полка налетѣлъ на нихъ, не далъ имъ даже остановиться и далеко отбросилъ назадъ. Присланные изъ подъ горы эскадроны фельдмаршальскаго (Паскевича) полка, пикинерный дивизіонъ того же полка, отправленный мною на подкрѣпленіе генералу Багговуту, казаки, дивизіонъ 6-й донской батареи и дивизіонъ линейный бросились тогда на этотъ полкъ".

Далѣе изъ описанія князя Бебутова видно, что успѣшныя дѣйствія генерала Багговута на правомъ нашемъ крылѣ были подкрѣплены войсками центра, освободившимися къ тому времени, и турки понесли окончательное пораженіе и на лѣвомъ своего флангѣ, откуда пытались охватить нашъ отрядъ. Турки, послѣ упорнаго сопротивленія, обратились въ бѣгство. „Драгуны, казаки, мусульманскіе всадники полковника Лорисъ-Меликова (Михаила Таріеловича, въ послѣдствіи графа и генерала отъ кавалеріи) и грузинская дружина топтали и рубили эти толпы. Въ первомъ часу только прекратилось преслѣдованіе, по изнеможенію людей и лошадей" [1]).

Новыя боевыя отличія, оказанныя генераломъ Багговутомъ въ сраженіи при Кюрюкъ-Дарѣ, открывали, казалось, ему путь къ еще болѣе видной и успѣшной военной карьерѣ. Донося объ

[1]) Изъ донесенія князя Бебутова отъ 19 августа 1854 года, за № 1546, помѣщеннаго въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1854 г., №№ 206 и 207.

этой побѣдѣ, князь Бебутовъ не скрылъ заслугъ Багговута и отмѣтилъ въ своей первой же реляціи, что успѣшнымъ исходомъ этого сраженія онъ обязанъ, между прочимъ, „начальнику кавалеріи, генералъ-лейтенанту Багговуту", который „переносился съ одного фланга на другой, дабы направлять кавалерійскія атаки", имѣвшія, какъ уже сказано, рѣшительное значеніе въ этомъ дѣлѣ и причисленныя къ славнѣйшимъ подвигамъ русской кавалеріи. Не смотря на все это, по странному капризу судьбы, сраженію при Кюрюкъ-Дарѣ суждено было явиться послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи боевыхъ отличій А. Ѳ. Багговута. Съ 24 іюля 1854 года „военное счастіе" какъ-бы оставляетъ Багговута и онъ лишается возможности развить свои военные таланты. Тѣ закулисныя обстоятельства и условія службы, которыя не попадаютъ въ реляціи и приказы, но оставляютъ часто глубокій слѣдъ на событіяхъ и судьбѣ отдѣльныхъ личностей, побудили А. Ѳ. Багговута покинуть Кавказъ въ томъ-же 1854 году. По крайней мѣрѣ, вся кампанія 1855 года, происходившая уже подъ начальствомъ Муравьева (Николая Николаевича), совершилась помимо участія Багговута, да едва-ли и могла-бы доставить особенно видные случаи къ примѣненію военныхъ способностей Багговута, такъ какъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на осадѣ Карса, а не на полевыхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, Багговутъ умѣлъ всегда такъ удачно опредѣлять существеннѣйшія условія побѣды и быстро, умѣло наносить рѣшительные удары противнику, не ожидая инструкцій и приказаній. Возвратившись въ Россію, Багговутъ могъ разсчитывать, что услуги его потребуются и развернутся на просторѣ на южномъ и западномъ театрѣ войны, гдѣ цѣлая армія находилась въ вынужденномъ бездѣйствіи, но въ ежеминутной готовности выступить на борьбу съ новымъ врагомъ, занимавшимъ угрожательное положеніе. На это тягостное для всякаго доблестнаго воина бездѣйствіе обреченъ былъ и Багговутъ, находясь въ рядахъ западной арміи (Паскевича) и оставаясь отдаленнымъ зрителемъ той кровавой бойни, которая почти цѣлый годъ длилась на севастопольскихъ бастіонахъ.

По заключеніи мира, Россія, отрезвленная и вразумленная горькимъ опытомъ Крымской войны, сосредоточила все свое

вниманіе на внутреннемъ развитіи и вступила на путь тѣхъ плодотворныхъ преобразованій, которыя обновили ея бытъ и должны были, въ концѣ концовъ, удесятерить ея силы и политическое вліяніе гораздо устойчивѣе, шире и вѣрнѣе, нежели самыя удачныя войны. Все военное и воинственное, по закону реакціи, отошло надолго на задній планъ, послѣ односторонняго, почти безраздѣльнаго тридцатилѣтняго господства, съ которымъ развѣ соперничало только одно полицейское тяготѣніе надъ всѣми сторонами русской жизни, не исключая умственной и нравственной. Весьма понятно, что такимъ личностямъ, какъ Багговутъ, воспитаннымъ для войны и взросшимъ среди казарменныхъ и лагерныхъ условій жизни и военно-полицейскаго бюрократизма, пришлось испытать на себѣ тягостное сознаніе, что они отжившіе, лишніе и, во всякомъ случаѣ, временно не нужные люди. Благодаря своему природному развитію, правдивости и отсутствію узкаго себялюбія, Багговутъ понялъ всю законность того направленія, въ которое вступила Россія. Онъ не могъ не раздѣлять справедливости тѣхъ идей, которыя легли въ основу преобразованій, и вполнѣ сочувствовалъ всякому шагу, предпринятому въ той цѣли, чтобъ наверстать почти полувѣковую отсталость Россіи отъ общественныхъ и политическихъ условій жизни образованнаго міра. Извѣстныя военныя реформы, встрѣченныя такою враждою со стороны огромнаго большинства истинныхъ воспитанниковъ и вскормленниковъ николаевскаго времени, не вызвали ни явной, ни затаенной вражды въ Багговутѣ. Напротивъ, съ свойственнымъ ему здравымъ смысломъ, онъ понялъ, что истинные военные интересы зависятъ отъ успѣха этихъ преобразованій. Находясь мыслью и душею на сторонѣ наступившихъ новыхъ условій жизни, Багговутъ, однако, не былъ подготовленъ къ сколько-нибудь дѣятельному въ нихъ участію. Ему оставалось играть только пассивную роль и не мѣшать, не подбрасывать камней на пути другихъ. Не будучи и не желая находиться въ рядахъ крѣпостниковъ и противниковъ обновленія Россіи и арміи, Багговутъ не могъ находиться и въ числѣ видныхъ дѣятелей преобразовательной эпохи. Багговутъ стушевался, отошелъ въ сторону.

Событія 1863 года застали Багговута въ Кіевѣ, гдѣ онъ находился въ распоряженіи командующаго войсками. Слабое раз-

витіе возстанія въ югозападномъ краѣ хотя и вызвало на короткое время Багговута къ военной дѣятельности, но, какъ участникъ гораздо болѣе грозныхъ событій 1831 года, самъ Багговутъ не могъ придавать этому дѣлу особаго значенія. На новую попытку поляковъ онъ смотрѣлъ скорѣе всего какъ на историческое, традиціонное заблужденіе, продиктованное скорѣе долго воспитаннымъ принципомъ, нежели враждою и яснымъ сознаніемъ. Онъ относился къ возстанію скорѣе съ сожалѣніемъ, какъ къ печальному событію, а не какъ удобному случаю для служебныхъ отличій и личныхъ стяжаній.

Находясь въ невольномъ бездѣйствіи, А. Ѳ. съ радостью принялъ, въ концѣ 1860-хъ годовъ, назначеніе, которое вполнѣ удовлетворяло его самолюбію, соотвѣтствовало боевымъ его заслугамъ, давало средства къ жизни и не требовало никакой умственной или нравственной ломки. Онъ былъ назначенъ военнымъ членомъ въ Капитулъ орденовъ. На этомъ почетномъ и спокойномъ мѣстѣ, произведенный въ генералы отъ кавалеріи, отпраздновавъ въ 1875 году свой 50-лѣтній юбилей и съ доброжелательною завистью слѣдя за событіями войны 1877 — 1878 годовъ — Александръ Ѳедоровичъ Багговутъ закончилъ свою жизнь 2 мая 1883 года.

Современники, съ благодарностью вспоминая о боевыхъ заслугахъ А. Ѳ. Багговута, должны оцѣнить и то, что ни въ николаевское время, ни въ послѣдніе годы минувшаго царствованія покойный не былъ ни слугою, ни приверженцемъ застоя и китайской самобытности. Остается прибавить, что въ Петербургѣ, какъ и вездѣ, домъ Багговута представлялъ всегда самый радушный, непринужденный, чуждый всякой натянутости и скуки, гостепріимный пріютъ для знакомства и дружбы.

Г. К. Град.вскій.

22 іюня 1884 г.
Спб.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1833 г. [1]).

Январь—августъ.

Январь 1. Новый годъ встрѣчалъ у Деля и провелъ нѣсколько часовъ въ пріятномъ обществѣ пепиньерокъ и классныхъ дамъ Смольнаго монастыря. Вообще онѣ очень милы и гораздо образованнѣе дѣвицъ, воспитанныхъ въ гостинныхъ.

2. По утру писалъ свою университетскую рѣчь, которую готовлю къ печати. Занимался съ полковникомъ Сутгофомъ русскою словесностью. Въ канцеляріи накопилась масса дѣлъ. Объявилъ согласіе преподавать словесность въ Аудиторскомъ училищѣ. Вечеромъ былъ съ Печеринымъ въ театрѣ. Играли оперу-водевиль: «Пажи Фридриха Втораго»—пустенькую, но довольно забавную пьесу, и «Разводъ», интрига которой хорошо ведена.

Дюръ—отличный актеръ: онъ живо и непринужденно играетъ.

Сегодня Екимовъ просилъ позволенія прочесть мнѣ переводъ свой Шекспирова «Купца». Я назначилъ ему пятницу. Былъ у меня Куторга старшій. Онъ получилъ степень доктора медицины. Это мыслящая голова, самостоятельная. Онъ намѣренъ жить по человѣчески, а не по школьному.

7. Сегодня въ 5 часовъ утра пріѣхалъ съ балу отъ Германа. Тамъ было много монастырокъ. Онѣ всѣ такъ ласковы ко мнѣ. Дѣвицы Александра Слонецкая и Эмилія Германъ мыслящія и образованныя. Бесѣда съ ними очень пріятна.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582. изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60.

Старикъ Германъ оканчиваетъ Аристиповски свое земное поприще. Онъ уменъ, любезенъ по своему, хитеръ. Съ нимъ были у меня маленькія размолвки, но теперь онъ, кажется, пересталъ на меня посягать. Тимаевъ, его помощникъ, человѣкъ добрый и съ образованіемъ, но слабъ характеромъ; ему хотѣлось, чтобы я преподавалъ словесность въ Екатерининскомъ институтѣ по его неполному руководству. Я отвергъ это и долженъ сказать, что онъ не выказываетъ никакого неудовольствія.

10. Всѣ эти дни я провелъ дома, за перепиской моей вступительной лекціи въ университетѣ, которою желалъ бы нѣсколько изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное, какъ я опасаюсь, произнесеніемъ ея или, лучше сказать, импровизаціей. Я читалъ ее въ воскресенье Галичу. Онъ очень доволенъ ею. Не нашелъ ни одной мысли, не соотвѣтствующей дѣлу. Горячо одобрилъ изложеніе нѣкоторыхъ частей ея, за то въ другихъ желалъ бы видѣть меньше рѣзкости и пылу.

11. Начались лекціи въ институтѣ. Классы почти пусты, потому что большая часть дѣвицъ больны.

Въ городѣ свирѣпствуетъ какая-то эпидемія: боль горла, головы, непріятное ощущеніе во всемъ тѣлѣ—вотъ признаки ея; впрочемъ, она не опасна.

Былъ у Штерича. Хотя ему теперь и лучше, но у него, кажется, начало чахотки. Я люблю его. Онъ благороденъ, добръ, постигаетъ все прекрасное и возвышенное; у него есть воображеніе и при томъ самое утонченное свѣтское образованіе. Обращеніе его исполнено мягкости и прелести, происходящихъ не отъ формъ, а отъ души. Онъ постигъ искусство нравиться въ его самомъ привлекательномъ видѣ, т. е. любовью склоняя къ себѣ сердца.

14. Былъ, между прочимъ, сегодня у инспектора классовъ Воспитательнаго дома, Александра Григорьевича Ободовскаго. Онъ просилъ меня взять на себя преподаваніе русской словесности въ классѣ гувернантокъ. Но я далъ уже слово инспектору Аудиторскаго училища и не имѣю больше времени.

Впрочемъ, какъ мои занятія въ Воспитательномъ домѣ могли бы начаться не раньше, какъ черезъ два мѣсяца, то до тѣхъ поръ еще многое можетъ измѣниться. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что могъ бы принести больше пользы, образуя воспитательницъ будущаго поколѣнія, нежели солдатъ.

Вчерашняя пятница была у меня бѣдна посѣтителями. Эпидемическая болѣзнь, которую называютъ гриппомъ, многихъ засадила дома. Между прочимъ, былъ Кирѣевъ, авторъ трагедіи «Тассъ». Это человѣкъ съ горячею, оригинальною душою и свѣтлымъ умомъ. Рѣчи

его отзываются горькою ироніею на жизнь вообще и на жизнь русскую въ особенности—жизнь солдатскую преимущественно. Онъ служитъ адъютантомъ у Клейнмихеля.

Ободовскій показался мнѣ человѣкомъ образованнымъ. Какъ педагогъ, онъ смотритъ на вещи яснымъ окомъ, какъ человѣкъ—онъ проникнутъ стремленіемъ сдѣлать, сколь возможно, болѣе добра на благородномъ поприщѣ, на которомъ онъ дѣйствуетъ. Мнѣ хотѣлось бы съ нимъ служить.

Сегодня меня очень порадовало въ институтѣ первое отдѣленіе. Я дѣлалъ неожиданную репетицію. Дѣвицы отвѣчали превосходно. Мнѣ кажется—главное достигнуто. Души ихъ раскрылись къ принятію тѣхъ идей, которыя я желалъ бы вдохнуть въ нихъ. Между ними и мною образовалось духовное родство, безъ котораго наставленія теряются въ воздухѣ.

Менѣе доволенъ я сегодня своею университетской лекціей «О пѣсни и элегіи». Никакъ не могу до сихъ поръ наладить своего дѣла здѣсь, по крайней мѣрѣ такъ, чтобы не чувствовать сильнаго недовольства собой.

20. Наконецъ, и меня прихватилъ гриппъ. Но такъ какъ сегодня пятница, то меня, по обыкновенію, посѣтили нѣкоторые изъ пятничныхъ завсегдатаевъ. Екимовъ читалъ свой переводъ Шекспировой драмы «Венеціанскій купецъ». Онъ оставилъ у меня эту пьесу и «Лира», котораго тоже перевелъ. Послѣдній принятъ уже на сцену. Женщина въ злодѣяніи отлична отъ мужчины. Одна предпочитаетъ дѣйствовать ядомъ, другой кинжаломъ. Такъ и должно быть. Хотя бы женщина была самъ дьяволъ, она не можетъ любить крови.

26. Въ институтѣ у меня въ классѣ былъ Виламовъ вмѣстѣ съ Гулакомъ-Артемовскимъ, профессоромъ харьковскаго университета и членомъ совѣта тамошняго женскаго института.

Я экзаменовалъ дѣвицъ. Онѣ робѣли, но отвѣчали хорошо, только говорили немного тихо. Инспектрисса замѣтила, что я не лучшихъ вызывалъ. У насъ все дѣлается для парада и показа.

Азія посылаетъ новый бичъ на Европу—какую-то язву. Говорятъ, она уже показалась въ Оренбургѣ. Это горячка тифусъ.

29. Погода ужасная. Дождь. Снѣгъ на улицахъ почти совсѣмъ исчезъ. Въ городѣ очень много больныхъ. Много также умираетъ. Это не зараза, однако, особаго рода эпидемія. Какъ бы то ни было, люди гибнутъ, какъ мухи.

Вчера до четырехъ часовъ провелъ на балу у Германа. Когда нибудь съ бала да въ могилу. Но, говоритъ поэтъ, есть упоеніе на краю бездны. У Германа между чиновниками велся продолжительный

и скучный разговоръ о наградахъ, коими осыпаны трудившіеся надъ составленіемъ свода законовъ. Звѣзды, чины, аренды и деньги посыпались, какъ градъ, на этихъ людей. Чиновники въ страшномъ волненіи: «да какъ, да за что, да почему?» и проч., и проч.; толкамъ нѣтъ конца. Слушая все это, я невольно заворачивалъ отвороты моего вицмундира, чтобы скрыть пуговицы, символъ моего чиновничества. Эти люди, впрочемъ, правы, что желаютъ креста, чина: безъ этого кто же призналъ бы ихъ за людей? Если ты хочешь отъ общества пищи сердцу или страстямъ своимъ, то долженъ предъявить ему всѣ эти блестящія бездѣлицы. Хочешь имѣть милую, образованную подругу—справься прежде съ табелью о рангахъ и тогда только приступай къ дѣлу. Уваженіе, любовь людей, все, все надо покупать вывѣскою достоинствъ, которыхъ всего чаще не имѣешь. Но ты хочешь быть свободенъ—такъ ты въ войнѣ съ обществомъ. Счастливъ, если успѣешь спасти свое тѣло отъ холода и голода. Больше ничего не требуй.

30. Вчера былъ на великолѣпномъ обѣдѣ у прекрасной вдовы полковницы Зеландъ. Тутъ было нѣсколько военныхъ генераловъ. Разговоръ ихъ о лошадяхъ и выправкѣ солдатъ показался мнѣ крайне скучнымъ. Насъ четверо: я, два Гебгарта и Лингвистъ, составляли отдѣльный кружокъ, который занимался не столько яденіемъ, сколько сужденіемъ о яствахъ и о тѣхъ, которые ѣли. Обѣдъ былъ бы очень хорошъ, если-бъ послѣдніе сколько нибудь соотвѣтствовали первымъ. Можно бы сдѣлать вопросъ: худой человѣкъ не меньше ли хорошаго соуса. Конечно, меньше, потому что худой человѣкъ не исполняетъ своего назначенія, а хорошій соусъ исполняетъ. За то сама г-жа Зеландъ сіяла красотой и радушіемъ.

Мы встали изъ-за стола въ семь часовъ и чуть не опрометью бросились изъ столовой, чтобы застать еще спектакль: въ этотъ вечеръ въ Большомъ театрѣ давали «Ричарда» въ такомъ или почти въ такомъ видѣ, въ какомъ вышелъ онъ изъ творческой головы Шекспира.

Мы помчались столь быстро, сколько позволяла кляченка Ваньки, и явились въ театръ, когда первое дѣйствіе уже оканчивалось. О, Шекспиръ, Шекспиръ! Къ какимъ варварамъ попалъ ты! На перечетъ восемь или девять человѣкъ во всемъ театрѣ (который былъ полонъ) изъявляли восторгъ: все прочее многолюдіе или безлюдіе было глухо, нѣмо, безъ рукъ: ни восклицанія, ни рукоплесканія! За то нашъ Печеринъ возвратился домой съ опухшими руками: онъ не жалѣлъ ихъ для великаго Шекспира. Нѣтъ, наша публика, рѣшительно, еще не вышла изъ дѣтства. Ей нужны куклы, полеты, пре-

вращенія. Глубины страстей, идеи искусства ей недоступны. Мнѣ стало грустно. Ко мнѣ подошелъ Кирѣевъ; я сказалъ ему:

— Кажется, публика довольна.

Онъ улыбнулся печально. Я дѣлалъ глупости, однако-жъ, говорилъ вслухъ Гебгарту:

— Объявите, пожалуйста, этимъ господамъ, которые сидятъ вотъ тамъ, въ креслахъ, что Шекспиръ начальникъ отдѣленія въ департаментѣ N. N. или что онъ поручикъ гвардіи: авось они одобрятъ вызовомъ переводчика изъ уваженія къ именитости автора.

По окончаніи пьесы едва нашлось съ дюжину голосовъ, чтобы вызвать переводчика. Онъ не скоро явился. Онъ человѣкъ образованный. Это самъ актеръ, игравшій Ричарда, Брянскій.

Февраль 11. Вчера въ пятницу былъ нашъ обыкновенный годичный пиръ. Не было Гедерштерна и Иванова, не знаю почему. Полѣновъ въ Греціи, а Поповъ въ могилѣ. Мы много вспоминали о послѣднемъ. Все было дружно по прежнему, но радость была не безъ примѣси печали.

Въ десятомъ часу мы съ Гебгардтами поѣхали на балъ къ Зеландъ. Тамъ нашли мы десятка два мущинъ и столько же дамъ. Танцовали и говорили, какъ автоматы. На балу присутствовалъ также женихъ прелестной г-жи Зеландъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Обрѣзковъ: это старикъ лѣтъ семидесяти. Чета, достойная кисти Жанена.

Мартъ 16. Сегодня провожалъ я въ могилу бѣднаго Штерича. Онъ умеръ отъ лютой чахотки послѣ шестимѣсячныхъ страданій. Я лишился въ немъ человѣка, котораго горячо любилъ и который былъ мнѣ искренне преданъ. Горькая потеря. Передъ гробомъ его несли пармскую звѣзду, полученную имъ отъ бывшей императрицы французской.

Онъ умеръ съ возвышенными чувствами христіанина. Священникъ, исполнявшій надъ нимъ обряды религіи, былъ глубоко тронутъ, особенно словами: «Одного не прощу себѣ, что я въ жизни мало старался узнать Бога и не понималъ его такъ, какъ понимаю теперь». Предчувствіе конца обнаружилось въ немъ недѣли за три. Сначала онъ тосковалъ, былъ мраченъ и безпокоенъ. Потомъ, мало по малу, началъ погружаться въ самого себя и спокойствіе осѣнило его страждущую душу. По временамъ только онъ ослабѣвалъ физически и нерѣдко впадалъ въ безпамятство. За три дня до кончины онъ созвалъ всѣхъ своихъ людей, объявилъ имъ свободу и нѣкоторыхъ наградилъ. Спрашивалъ меня, но меня не было. Позвалъ нѣкоторыхъ изъ случившихся у него пріятелей и съ ними также простился. Въ день

кончины онъ много страдалъ физически. Къ полуночи онъ началъ тяжело дышать, сказалъ:

— Теперь я засну, скажите матушкѣ, что я засну,—оборотился на лѣвый бокъ; дыханіе становилось рѣже и рѣже; къ нему подошелъ его дядя, Симанскій; руки Штерича уже были холодны; еще вздохъ—и актъ уничтоженія совершился. Никакихъ конвульсій, только, по временамъ, онъ вздрагивалъ плечомъ.

Я уже нашелъ его въ гробу. Онъ очень былъ худъ, но лицо выражало важное спокойствіе. Мы проводили его пѣшкомъ до самаго Невскаго монастыря.

Апрѣль 4. Третьяго дня я читалъ попечителю мою вступительную лекцію «О происхожденіи и духѣ литературы», которую отдаю въ печать. Онъ совѣтовалъ мнѣ вычеркнуть нѣсколько мѣстъ, которыя, по собственному его сознанію, исполнены и нравственной, и политической благонамѣренности.

— Для чего же? спросилъ я.

— Для того, отвѣчалъ онъ,—что ихъ могутъ худо перетолковать—и бѣда цензору и вамъ.

Я, однако, оставилъ ихъ, ибо безъ нихъ сочиненіе не имѣло бы ни смысла, ни силы.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, все честное и просвѣщенное такъ мало уживается съ общественнымъ порядкомъ! Хорошъ же послѣдній! На что же заводить университеты? Непостижимое дѣло! Опять велѣно отправить за границу для усовершенствованія въ наукахъ двадцать избранныхъ молодыхъ людей,—а что они будутъ дѣлать тутъ, возвратясь со своими познаніями, съ благороднымъ стремленіемъ озарить свое поколѣніе свѣтомъ истины...

...Было время, что нельзя было говорить объ удобреніи земли, не сославшись на тексты изъ Свящ. писанія. Тогда Магницкіе и Руничи требовали, чтобы философія преподавалась по программѣ, сочиненной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; чтобы, преподавая логику, старались бы въ то-же время увѣрить слушателей, что законы разума не существуютъ; а, преподавая исторію, говорили бы, что Греція и Римъ вовсе не были республиками, а такъ чѣмъ-то похожимъ на государства съ неограниченною властью, въ родѣ турецкой или монгольской. Могла ли наука принести какой-нибудь плодъ, будучи такъ извращаема? А теперь? О, теперь совсѣмъ другое дѣло. Теперь требуютъ, чтобы литература процвѣтала, но никто бы ничего не писалъ ни въ прозѣ, ни въ стихахъ; требуютъ, чтобы учили какъ можно лучше, но чтобы учащіе не размышляли, потому что учащіе—что такое? Офицеры, которые (сурово) управляются

съ истиной и заставляютъ ее вертѣться во всѣ стороны передъ своими слушателями. Теперь (1833 г.) требуютъ отъ юношества, чтобы оно училось много и при томъ не механически—но чтобы оно не читало книгъ и никакъ не смѣло думать, что для государства полезнѣе, если его граждане будутъ имѣть свѣтлую голову, вмѣсто свѣтлыхъ пуговицъ на мундирѣ.

5. У насъ уже недѣли три какъ новый министръ народнаго просвѣщенія Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Сегодня ученое сословіе представлялось ему, въ томъ числѣ и я, но представленіе это имѣло строго оффиціальный характеръ.

10. Сегодня Николай Павловичъ посѣтилъ нашу первую гимназію и (выразилъ неудовольствіе). Вотъ причины. Дѣти учились. Онъ вошелъ въ пятый классъ, гдѣ преподавалъ исторію учитель Турчаниновъ. Во время урока одинъ изъ воспитанниковъ, впрочемъ, лучшій и по поведенію, и по успѣхамъ, съ вниманіемъ слушалъ учителя, но только облокотясь. Въ этомъ увидѣли нарушеніе дисциплины. . . . Повелѣно попечителю отставить отъ должности учителя Турчанинова...

. . . .

. . . .

Послѣ сего государь вошелъ въ классъ къ священнику—и здѣсь та-же исторія. Всѣ дѣти были въ полномъ порядкѣ, но, къ несчастью, одинъ мальчикъ опять сидѣлъ, прислоняясь спиной къ заднему столу. Священнику былъ сдѣланъ выговоръ, на который онъ, однако, отвѣчалъ съ подобающимъ почтеніемъ:

— Государь, я обращаю вниманіе болѣе на то, какъ они слушаютъ мои наставленія, нежели на то, какъ они сидятъ.

Попечителю опять горе: вотъ уже третій разъ...

12. Посѣщеніе государя первой гимназіи имѣло болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ сначала казалось. Попечитель, нашъ благородный, просвѣщенный начальникъ, исполненный любви къ людямъ и къ Россіи—человѣкъ, которому недоставало только воли и счастья, чтобы занять одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ государствѣ—однимъ словомъ, Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ принужденъ подать въ отставку. Вчера онъ уже написалъ письмо къ министру.

Но вотъ черта его, лично ко мнѣ относящаяся, которая тронула меня до глубины души. Онъ позвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ:

— Ты знаешь, что я всегда видѣлъ въ тебѣ и, дѣйствительно, имѣлъ не чиновника, не подчиненнаго, но сына. Мнѣ жаль съ тобой разстаться. Но вотъ что я могу для тебя сдѣлать, насколько позволяютъ мои разстроенныя обстоятельства: когда и твоей ладьѣ въ этомъ политическомъ морѣ придется спасаться отъ мелей и камней—

спѣши ко мнѣ. Я назначилъ тебѣ изъ моего имѣнія двадцать душъ и около двухсотъ десятинъ земли. Тамъ, по крайней мѣрѣ, ты найдешь пріютъ [1]).

Я ничего не могъ сказать. Слезы покатились у меня изъ глазъ и мы горячо обнялись...

На его мѣсто хотятъ назначить графа Віельгорскаго.

16. Министръ избралъ меня въ цензоры, а государь утвердилъ въ семъ званіи. Я дѣлаю опасный шагъ. Сегодня министръ очень долго со мной говорилъ о духѣ, въ какомъ я долженъ дѣйствовать. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка государственнаго и просвѣщеннаго.

— Дѣйствуйте, между прочимъ, сказалъ онъ мнѣ,—по системѣ, которую вы должны постигнуть не изъ за одного цензурнаго устава, но изъ самыхъ обстоятельствъ и хода вещей. Но при томъ дѣйствуйте такъ, чтобы публика не имѣла повода заключать, будто правительство угнетаетъ просвѣщеніе.

Я хотѣлъ было попросить у него увольненія отъ должности правителя попечительской канцеляріей, но онъ изъявилъ свое рѣшительное желаніе, чтобы я остался еще въ этомъ званіи.

Май 4. Попечителемъ нашимъ назначенъ князь Михаилъ Александровичъ Дондуковъ-Корсаковъ. Онъ перваго мая вступилъ въ отправленіе должности. Онъ, кажется, человѣкъ благородный и образованный.

Всѣ эти дни я измученъ канцелярскими дѣлами. Я погрязъ въ нихъ и не имѣю времени для литературныхъ занятій. Такъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ текутъ, унося съ собою лучшія силы мои...

Августъ 19. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я женатъ [2]).

---

[1]) Это впослѣдствіи не состоялось.

[2]) На этомъ обрывается 1833 годъ.

1834 г.

Январь. 1. Полночь. 1834 годъ. Я возобновляю мой дневникъ, прекратившійся, было, со времени моей женитьбы. Время мое расхищено мелочными заботами канцелярской жизни. Какъ избѣжать этого? Горе людямъ, которые осуждены жить въ такую эпоху, когда всякое развитіе душевныхъ силъ считается нарушеніемъ общественнаго порядка. Немудрено, что и мои университетскія лекціи не таковы, какими бы я хотѣлъ и могъ бы сдѣлать ихъ. Правда, я слышу со всѣхъ сторонъ, что я создаю школу, что я отбрасываю отъ себя лучи свѣта—но въ моихъ глазахъ все это какъ-то тускло, нетеплотворно.

...... администрація жметъ меня въ своихъ когтяхъ и выжимаетъ изъ меня энергію. Часто приходится обдумывать лекціи только у порога университета.

Изъ всего этого выходитъ, что дѣятельность моя уподобляется нестройнымъ облакамъ, движущимся туда и сюда, по направленію вѣтра. Въ ней нѣтъ солнца истины, нѣтъ постояннаго животворнаго сіянія.

Я опять просилъ уволить меня отъ канцеляріи. Но министръ говоритъ, что я нуженъ, проситъ еще остаться. Будемъ биться до смерти.

3. Министръ призывалъ меня по дѣламъ цензуры. Олинъ написалъ похвальное слово нынѣшнему царствованію. Въ немъ расточены напыщенныя похвалы государю и Паскевичу. Эта книженка была мнѣ поручена на цензуру. Въ безвыходномъ положеніи оказывается цензоръ въ такихъ случаяхъ: по духу—такихъ книгъ запрещать нельзя, а пропускать ихъ какъ-то неловко. Къ счастью, государь на этотъ разъ самъ разъяснилъ вопросъ. Я пропустилъ эту книжку, однако, вычеркнувъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ авторъ называлъ Николая I богомъ. Государю все-таки не понравились неумѣренныя похвалы, и онъ поручилъ министру объявить цензорамъ, чтобы впредь подобныя сочиненія не пропускались. Спасибо ему!

Я сдѣланъ членомъ комитета, учрежденнаго для выработки правилъ надзора за частными учебными заведеніями. Предсѣдатель — князь (Дондуковъ-Корсаковъ); прочіе члены: директоръ Педагогическаго Института Миддендорфъ, профессоры Фишеръ и Шнейдеръ, ректоръ университета Дегуровъ. Боюсь, однако, что вся работа опять повиснетъ на моихъ плечахъ.

5. Недавно познакомился я съ Несторомъ Кукольникомъ, авторомъ драматической фантазіи: «Торквато Тассо». Это человѣкъ съ несомнѣннымъ талантомъ, но душа его пока для меня неясна. Онъ читалъ у меня на литературномъ вечерѣ свою новую драму: «Джуліо Мости». Она растянута, довольно длинна и скучна въ цѣломъ. Характеръ главнаго дѣйствующаго лица не выдержанъ, но есть сцены, исполненныя истинно драматической жизни. Кукольникъ далеко пойдетъ, если полюбитъ искусство и одно искусство — если, подобно многимъ другимъ, не попробуетъ соединить въ себѣ чиновника и поэта.

7. Баронъ Розенъ принесъ мнѣ свою драму «Россія и Баторій». Государь велѣлъ ему передѣлать ее для сцены, и баронъ передѣлываетъ. Жуковскій помогаетъ ему совѣтами. Отъ этой драмы хотятъ, чтобы она произвела хорошее впечатлѣніе на духъ народный.

Между барономъ Розеномъ и Сенковскимъ произошла недавно забавная ссора. По словамъ Сенковскаго, баронъ просилъ написать рецензію на его драму и напечатать въ «Библіотекѣ для Чтенія», разсчитывая, конечно, на похвалы. Сенковскій обѣщалъ, но выставилъ въ своей рецензіи баронскаго «Баторія» въ такой параллели съ Кукольниковымъ «Тассо», что послѣдній совершенно затмилъ перваго. Баронъ разсердился, написалъ письмо къ критику и довелъ его до того, что тотъ рѣшился не печатать своего разбора, не преминувъ, впрочемъ, сдѣлать трагику не слишкомъ-то лестныя замѣчанія. Оба были у меня, оба жаловались другъ на друга. Но съ Сенковскимъ, кому бы то ни было, опасно соперничать въ ядовитости.

8. «Библіотека для Чтенія», журналъ, издаваемый Смирдинымъ, порученъ на цензуру мнѣ. Это сдѣлано по особенной просьбѣ редакціи, которая льститъ мнѣ, называя «мудрѣйшимъ изъ цензоровъ».

Съ этимъ журналомъ мнѣ много заботъ. Правительство смотритъ на него во всѣ глаза. Ш....ны точатъ на него когти, а редакція такъ и рвется впередъ со своими нападками на всѣхъ и на все. Сверхъ того наши почтенные литераторы взбѣленились, что Смирдинъ платитъ Сенковскому 15 тысячъ рублей въ годъ. Каждому изъ нихъ хочется свернуть шею Сенковскому и вотъ я уже слышу восклицанія: — «Какъ это можно? Поляку позволили направлять общественный духъ! Да онъ революціонеръ! Чуть ли не онъ, съ Лелевелемъ, и произвели польскій бунтъ». Самъ Сенковскій доставляетъ мнѣ много хлопотъ своею настойчивостью. У меня съ нимъ частыя столкновенія. Однимъ словомъ, я осажденъ со всѣхъ сторонъ. Надо соединить три несоединимыя вещи: удовлетворить требованію правительства, требованіямъ писателей и требованіямъ своего собственнаго

внутренняго чувства. Цензоръ считается естественнымъ врагомъ писателей—въ сущности это и не ошибка.

9. Надо мною собиралась туча—я этого и не зналъ. Послѣ Ф. Ф. сдѣланъ членомъ Т. П., нѣкто въ родѣ нравственной гарпіи, жаждущей выслужиться чѣмъ бы то ни было. Онъ въ особенности хищенъ на цензуру. Ловитъ каждую мысль, грызетъ ее, обливаетъ ядовитою слюною и открываетъ въ ней намеки, существующіе только въ его низкой душѣ. Этотъ человѣкъ уже опротивѣлъ обществу, какъ холера. При прежнемъ министрѣ въ цензурѣ не проходило недѣли безъ какой нибудь исторіи, которую онъ пускалъ въ ходъ. Нынѣ вздумалъ онъ повторить прежнее. Въ первомъ номерѣ журнала «Библіотека для Чтенія» въ повѣсти Сенковскаго: «Жизнь женщины въ четырехъ часахъ», онъ привязался къ какой-то выходкѣ противъ начальниковъ канцелярій, принялъ ее за эпиграмму на себя, побѣжалъ къ Б., послалъ за Смирдинымъ, нашумѣлъ, накричалъ и уже распускалъ когти и на цензора. Къ счастью, его на этотъ разъ не послушали.

10. На Сенковскаго поднялся страшный шумъ. Всѣ участники въ «Библіотекѣ» пришли въ ужасное волненіе.

Разнесся слухъ, будто онъ позволяетъ себѣ статьи, поступающія къ нему въ редакцію, передѣлывать по своему.

Судя по его опрометчивости и характеру, довольно дерзкому, это весьма вѣроятно. У меня сегодня былъ Гоголь-Яновскій въ великомъ противъ него негодованіи.

Вотъ анекдотъ изъ нашей литературной хроники. Когда Смирдинъ выбиралъ для своего журнала редактора и не зналъ еще къ кому обратиться, является къ нему Павелъ Петровичъ Свиньинъ и, именемъ министра народнаго просвѣщенія, объявляетъ, что онъ назначенъ послѣднимъ въ редактора. На этомъ, пока, и остановилось дѣло.

Нѣсколько дней спустя, Смирдину понадобилось быть у министра.

— «Кто вашъ редакторъ?» спросилъ его тотъ.

— «Это еще не рѣшено, ваше высокопревосходительство, но Свиньинъ»...

— «Что, что», прервалъ его министръ, «неужели ты хочешь ввѣрить свой журналъ этому п.... и л.... Для меня все равно кого ты ни изберешь; это твое дѣло. Но я думаю, что журналъ твой умретъ, не родясь, какъ только публика узнаетъ, что редакторомъ его избранъ Свиньинъ».

Смирдинъ, что называется, остолбенѣлъ. Оказалось, что почтенный литераторъ просто хотѣлъ надуть его и не даромъ торопилъ заключеніемъ условій послѣ того, какъ объявилъ, что посланъ министромъ. Къ счастью, контрактъ еще не былъ подписанъ.

И сколько еще такихъ анекдотовъ изъ исторіи нашего современнаго образованія!

16. На Сенковскаго, наконецъ, воздвиглась политическая буря. Я получилъ отъ министра приказаніе смотрѣть какъ можно строже за духомъ и направленіемъ «Библіотеки для Чтенія». Приказаніе это такого рода, что если исполнять его въ точности, то Сенковскому лучше идти куда нибудь въ писаря, чѣмъ оставаться въ литературѣ. Министръ очень рѣзко говорилъ о его «полонизмѣ», о его «площадныхъ остротахъ» и проч. Примѣтивъ во мнѣ желаніе возражать, министръ круто повернулъ разговоръ и немедленно затѣмъ отпустилъ меня. Говоря по совѣсти, я рѣшительно не знаю, чѣмъ виноватъ Сенковскій, какъ литераторъ. Безвкусіемъ? Но это не касается правительства. Онъ не хвалитъ никого, а больше бранитъ, впрочемъ, его сатира общая. Конечно, я не могу поручиться за патріотическія или ультрамонархическія чувства его. Но то вѣрно, что онъ изъ боязни-ли или изъ благоразумія никогда не выставляетъ себя либераломъ. Но чему тутъ удивляться? Вѣдь и баронъ Дельвигъ, человѣкъ слишкомъ лѣнивый, чтобы быть дѣятельнымъ либераломъ, былъ же обвиненъ въ неблагонамѣренномъ духѣ.

Я сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ русской словесности.

21. Былъ у министра благодарить его за повышеніе. Я былъ принятъ очень хорошо. Со мной вмѣстѣ произведенъ въ экстраординарные профессора Устряловъ. Опять тѣ-же рѣчи на счетъ Сенковскаго. Я говорилъ въ пользу Смирдина, стараясь отклонить бѣду отъ его журнала, который все-таки что нибудь да значитъ въ кругу нашего жалкаго образованія, или вѣрнѣе полуобразованія. Министръ сказалъ, что наложитъ тяжелую руку на Сенковскаго. Кажется, ему хочется, чтобы тотъ отказался отъ редакціи.

22. Я познакомился съ редакторомъ «Телескопа», профессоромъ Надеждинымъ. Мы обѣдали вмѣстѣ у Д. М. Княжевича. Въ сочиненіяхъ его много педантства, а въ наружности и обращеніи мало замѣчательнаго. Не знаю, съ чего онъ взялъ, что я сдѣланъ членомъ «Общества любителей русской словесности» при московскомъ университетѣ: мнѣ объ этомъ ничего не извѣстно. Вчера онъ посѣтилъ меня. О «Телеграфѣ» онъ говоритъ довольно скромно и безъ брани, но жестоко негодуетъ на Кукольника, который написалъ бранчивый разборъ его рѣчи «О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ».

26. Сенковскій, наконецъ, принужденъ былъ отказаться отъ редакціи «Библіотеки». Впрочемъ, это только для виду. По крайней мѣрѣ, онъ попрежнему завѣдуетъ всѣми дѣлами журнала, хотя и напечаталъ въ «Пчелѣ» свое отреченіе. Въ публикѣ много шуму отъ

этого. Недоброжелатели Уварова сильно порицаютъ его. Онъ, дѣйствительно, въ этомъ случаѣ поступилъ деспотически. Разнесся нелѣпый слухъ, что онъ меня назначаетъ на мѣсто Сенковскаго. Благодарю покорно!

27. Сенковскій былъ у меня. Онъ заподозрилъ меня въ какихъ-то козняхъ противъ него и вскипѣлъ негодованіемъ. Я не оправдывался и не спорилъ, а попросилъ его переговорить съ княземъ (Дондуковымъ-Корсаковымъ). Тотъ объяснилъ ему все дѣло и приказанія, данныя министромъ.

Послѣ того онъ опять приходилъ ко мнѣ для примиренія.

Онъ хотѣлъ было даже оставить университетъ и ѣхать за границу. Князь возвратилъ ему просьбу и успокоилъ его тѣмъ, что буря, на него воздвигнутая, временная. Буря эта, однако, привела его въ ярость, онъ разсвирѣпѣлъ, какъ тигръ, за которымъ гонялись, уязвляя его. Онъ весь сложенъ изъ страстей, которыя кипятъ и бушуютъ отъ малѣйшаго внѣшняго натиска.

Февраль 5. Вчера былъ я съ Кукольникомъ на вечерѣ у вице-президента академіи художествъ, графа Ѳедора Петровича Толстого. Семейство его образованно и пріятно. Тамъ встрѣтился я съ Лобановымъ, который въ патріотической ярости оплевывалъ со всѣхъ сторонъ бѣднаго Сенковскаго. Что это за люди эти педанты-патріоты, которые думаютъ, что, для того, чтобы прослыть народными, достаточно кричать, кричать, кричать во все горло: «давайте, будемъ патріотами, давайте, будемъ народными!» Они забываютъ, что прежде всего надо быть человѣкомъ и при томъ честнымъ. Патріотизмъ есть плодъ чести: а гдѣ у насъ эта честь...

10. Священникъ Сидонскій написалъ дѣльную философскую книгу: «Введеніе въ философію». Монахи за это отняли у него каѳедру философіи, которую онъ занималъ въ Александро-Невской академіи. Удивляюсь, какъ они до сихъ поръ еще на меня не обрушились: я былъ цензоромъ этой книги.

Вотъ еще сказаніе о нихъ. Загоскинъ написалъ плохой романъ, подъ названіемъ «Аскольдова могила».

Московскіе цензора нашли въ ней что-то о Владимірѣ Равноапостольномъ и рѣшили, что этотъ романъ подлежитъ разсмотру духовной цензуры. Отправили. Она въ конецъ растерзала бѣдную книгу. Загоскинъ обратился къ Бенкендорфу, и ему какъ-то удалось исходатайствовать позволеніе на напечатаніе ея, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Но я надняхъ былъ у министра и видѣлъ бумагу къ нему отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, съ жалобою на богомерзкій романъ Загоскина.

15. Какъ безцѣльны всѣ эти разгадыванія промысла Божія въ дѣлахъ человѣческихъ. Мы нынѣ, между прочимъ, ломаемъ головы надъ Іоанномъ IV и Русью въ его время. Карамзинъ представляетъ его какимъ-то романическимъ тираномъ; Полевой видитъ въ немъ великаго человѣка, «могучее орудіе» въ рукахъ Провидѣнія; Погодинъ же считаетъ его просто человѣкомъ ограниченнымъ. О Руси, ему современной, не менѣе толковъ, большею частью патріотическихъ.

Она обагряется кровью, трепещетъ въ судорожныхъ стонахъ подъ желѣзнымъ посохомъ Іоанна и все время смиренно говоритъ: «такъ угодно батюшкѣ .... По дѣламъ онъ душитъ насъ, смердящихъ псовъ, грѣшниковъ».

— «Какая доблесть!» восклицаютъ наши патріоты, «удивительный, великій народъ!»

Но, право, все это гораздо проще и логичнѣе. Іоаннъ—человѣкъ, рожденный съ сильной, энергической душею, испорченный дурнымъ воспитаніемъ, развращенный возможностью все дѣлать по своей волѣ, не находящій преградъ ей ни въ законѣ, ни въ общественномъ мнѣніи—и отъ всего этого звѣрь, чудовище, сумасшедшій—сумасшедшій отъ энергіи, развившейся среди страстей, которыя нигдѣ не встрѣчали себѣ узды. Это исторія всякаго человѣка. А Русь? Русь покорная раба, до полу-смерти забитая татарами и своими князьями, потонувшая въ фатализмѣ христіанства, духъ коего былъ подавленъ буквою. Полевой, впрочемъ, знаетъ, почему оправдываетъ Іоанна: это гроза аристократовъ.

16. Московскіе ученые чудныя вещи пишутъ. Вотъ, напримѣръ, рѣчь Надеждина: «О современномъ направленіи искусства»; вотъ вступительная лекція Погодина объ исторіи, напечатанная въ первой книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Всѣ эти господа кидаются на высокія начала; имъ хочется вывести все изъ вѣчныхъ идей первообразовъ природы. Это бы ничего, если-бъ у нихъ былъ ясный умъ и ясный языкъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, мы увидѣли бы стройную систему, въ которой, если-бы и не было больше безусловной истины, чѣмъ въ другихъ системахъ, то, по крайней мѣрѣ, была бы поэзія.

Нѣтъ, они, какъ будто, стараются затмить одинъ другаго пышностью варварской терминологіи и туманнымъ краснорѣчіемъ. Надеждинъ, напримѣръ, столпъ вавилонскій почитаетъ изящнѣйшимъ произведеніемъ древняго зодчества, на коемъ почили тайны вѣковъ — первообразомъ древняго міра и проч.

Итакъ, мы безпрестанно удаляемся отъ природы и толкаемъ образованіе наше изъ общества въ школу.

Марлинскій или Бестужевъ, нося въ умѣ своемъ много, очень много свѣтлыхъ мыслей, выражаетъ ихъ какимъ-то варварскимъ нарѣчіемъ и думаетъ, что онъ удивителенъ по силѣ и оригинальности.

Это эпоха броженія идей и словъ — эпоха нашего младенчества. Что изъ этого выйдетъ? По общему закону все перерабатывается въ лучшее для будущихъ поколѣній. Но когда настанетъ это будущее?

25. Былъ на вечерѣ у Смирдина. Тамъ находились также Сенковскій, Гречъ и—недавно пріѣхавшій изъ Москвы—Полевой. Съ послѣднимъ я теперь только познакомился. Это изсохшій, блѣдный человѣкъ, съ физіономіей сумрачной, но и энергической. Въ наружности его есть что-то фанатическое. Говоритъ онъ не хорошо. Однако, въ рѣчахъ его—умъ и какая-то судорожная сила. Какъ бы ни судили объ этомъ человѣкѣ его недоброжелатели, которыхъ у него тьма, но онъ принадлежитъ къ людямъ необыкновеннымъ. Онъ себѣ одному обязанъ своимъ образованіемъ и извѣстностью—а это что нибудь да значитъ. При томъ онъ одаренъ сильнымъ характеромъ, который твердо держится въ своихъ правилахъ, не смотря ни на соблазны, ни на вражду сильныхъ. Его могутъ притѣснять, но онъ, кажется, мало объ этомъ заботится.—«Мнѣ могутъ», сказалъ онъ, «запретить изданіе журнала: что-же? я имѣю, слава Богу, кусокъ хлѣба и въ этомъ отношеніи ни отъ кого не завишу».

Онъ съ жаромъ возсталъ на Сенковскаго за его нападки на французскую юную словесность.

— «Что вы этимъ хотите сдѣлать?» сказалъ онъ ему — «у насъ не должно бы было бранить новую школу. Согласенъ, что въ ней много преувеличеннаго, но есть много и геніальнаго, а вы не щадите ничего. У васъ Викторъ Гюго наравнѣ съ какимъ нибудь бездарнымъ кропателемъ романовъ. Да при томъ, Осипъ Ивановичъ, не вы ли сами пользуетесь и мыслями, и даже слогомъ этихъ господъ, которыхъ такъ безпощадно браните».

Сенковскій отвѣчалъ, что ненависть его къ новой французской школѣ есть плодъ свободнаго убѣжденія; что онъ всего больше ненавидитъ французскихъ современныхъ писателей за ихъ вражду противъ семейнаго начала—единственнаго, которое дано въ удѣлъ человѣку!! Что касается до того, будто онъ подражаетъ французскимъ писателямъ, то это несправедливо. Еще юная словесность и не существовала, а онъ уже думалъ и писалъ, какъ думаетъ и пишетъ».

Послѣ этого Сенковскій сказалъ мнѣ, что онъ гораздо большаго ожидалъ отъ Полевого.

Полевой еще упрекалъ его за излишнія, преувеличенныя похвалы Кукольнику. На это Сенковскій ничего не нашелся сказать.

За всемъ этимъ послѣдовалъ отличный ужинъ съ отличными винами и съ неистощимымъ запасомъ анекдотовъ и каламбуровъ Греча.

27. Обѣдалъ у Сенковскаго. За столъ сѣли въ пять часовъ. Кушанье было отмѣнное, особенно вина, которыми хозяинъ много тщеславился.

Гречъ, по обыкновенію, смѣшилъ насъ своими анекдотами и эпиграммами. Сенковскій человѣкъ чрезвычайно раздражительный. Онъ за каждую бездѣлицу бѣсился на своихъ людей и выходилъ изъ себя, хотя они служили очень хорошо.

Мартъ. 16. Сегодня было большое собраніе литераторовъ у Греча. Здѣсь находилось, я думаю, человѣкъ семьдесятъ. Предметъ засѣданія—изданіе энциклопедіи на русскомъ языкѣ. Это предпріятіе типографщика Плюшара. Въ немъ приглашены участвовать всѣ сколько нибудь извѣстные ученые и литераторы. Гречъ открылъ засѣданіе маленькою рѣчью о пользѣ этого труда и прочелъ программу энциклопедіи, которая должна состоять изъ 24-хъ томовъ и вмѣщать въ себѣ, кромѣ общихъ ученыхъ предметовъ, статьи, касающіяся до Россіи.

Засимъ, каждый подписывалъ свое имя на приготовленномъ листѣ, подъ наименованіемъ той науки, по которой намѣренъ представить свои труды. Я подписался подъ статьею: «Русская словесность». Но, видя, что листъ подъ заглавіемъ «Русскій языкъ» остается пустъ, я рѣшился и тутъ подписать свое имя, тѣмъ болѣе, что меня склонялъ къ этому Д. И. Языковъ, который изъявилъ свое сожалѣніе о пустотѣ этого листа.

Пушкинъ и князь В. Ѳ. Одоевскій сдѣлали маленькую неловкость, которая многимъ не понравилась, а иныхъ и разсердила. Всѣ присутствовавшіе, въ знакъ согласія, просто подписывали свое имя, а тѣ, которые не согласны, просто не подписывали. Но князь Одоевскій написалъ: «Согласенъ, если это предпріятіе и условіе онаго будутъ сообразны съ моими предположеніями». А Пушкинъ къ этому прибавилъ: «Съ тѣмъ, чтобы моего имени не было выставлено». Многіе приняли эту щепетильность за личное себѣ оскорбленіе.

Послѣ засѣданія пили шампанское. Здѣсь видѣлъ я многихъ изъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ: Плетнева, Кукольника, Масальскаго, Устрялова, Галича, священника Сидонскаго и проч., и проч.

Сидонскій разсказывалъ мнѣ, какому гоненію подвергся онъ отъ монаховъ (разумѣется отъ Филарета) за свою книгу: «Введеніе въ философію». Отъ него услышалъ я также забавный анекдотъ о томъ,

какъ Филаретъ жаловался Бенкендорфу на одинъ стихъ Пушкина въ «Онѣгинѣ», тамъ, гдѣ онъ, описывая Москву, говоритъ: «и стая галокъ на крестахъ». Здѣсь Филаретъ нашелъ оскорбленіе святыни. Цензоръ, котораго призывали къ отвѣту по этому поводу, сказалъ, что «галки, сколько ему извѣстно, дѣйствительно, садятся на крестахъ московскихъ церквей, но что, по его мнѣнію, виноватъ здѣсь болѣе всего московскій полицмейстеръ, допускающій это, а не поэтъ и цензоръ». Бенкендорфъ отвѣчалъ учтиво Филарету, что это дѣло не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа: «еже писахъ, писахъ».

У насъ на образованіе смотрятъ, какъ на заморское чудище: по всюду устремлены на него рогатины; немудрено, если оно взбѣсится.

Апрѣль. 5. Московскій «Телеграфъ» запрещенъ по приказанію Уварова. Государь хотѣлъ сначала поступить очень строго съ Полевымъ. — «Но», сказалъ онъ потомъ министру, «мы сами виноваты, что такъ долго терпѣли этотъ безпорядокъ».

Вездѣ сильные толки о «Телеграфѣ». Одни горько сѣтуютъ, «что единственный хорошій журналъ у насъ уже не существуетъ».

— «Подѣломъ ему», говорятъ другіе: «онъ осмѣливался бранить Карамзина. Онъ даже не пощадилъ моего романа. Онъ либералъ, якобинецъ—извѣстное дѣло» и т. д., и т. д.

9. Былъ сегодня у министра. Докладывалъ ему о нѣкоторыхъ романахъ, переведенныхъ съ французскаго.

«Церковь Божьей Матери» Виктора Гюго онъ приказалъ не пропускать. Однако, отзывался съ великой похвалой объ этомъ произведеніи. Министръ полагаетъ, что намъ еще рано читать такія книги, забывая при этомъ, что Виктора Гюго и безъ того читаютъ въ подлинникѣ всѣ тѣ, для кого онъ считаетъ это чтеніе опаснымъ. Нѣтъ ни одной запрещенной иностранною цензурой книги, которую нельзя было бы купить здѣсь, даже у букинистовъ. Въ самомъ началѣ появленія «Исторіи Наполеона», сочиненія Вальтеръ-Скотта, ее позволено было имѣть въ Петербургѣ всего шести, или семи государственнымъ людямъ. Но въ это же самое время мой знакомый Очкинъ вымѣнялъ его у носильщика книгъ за какіе-то глупые романы. О повѣстяхъ Бальзака, романахъ Поль-де-Кока и повѣстяхъ Нодье онъ приказалъ составить для него записку.

Я представилъ ему еще сочиненіе или переводъ Пушкина: «Анджело». Прежде государь самъ разсматривалъ его поэмы, и я не зналъ, имѣю ли я право цензировать ихъ. Теперь министръ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи къ Пушкину на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ «Анджело» и потребовалъ, чтобы нѣсколько сти-

ховъ были исключены. Поэма эта или отрывокъ начата, повидимому, въ минуты одушевленія, но окончена слабѣе.

Министръ долго говорилъ о Полевомъ, доказывая необходимость запрещенія его журнала.

— Это проводникъ революціи, говорилъ Уваровъ, — онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи. Я давно уже наблюдаю за нимъ; но мнѣ не хотѣлось вдругъ принять рѣшительныхъ мѣръ. Я лично совѣтовалъ ему въ Москвѣ укротиться и доказывалъ ему, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ. Послѣ былъ сдѣланъ ему оффиціальный выговоръ: это не помогло. Я сначала думалъ предать его суду: это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить съ публикою—это правительство всегда властно сдѣлать и при томъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ: ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привиллегія, которую правительство можетъ дать и отнять, когда хочетъ.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ, извѣстно, что у насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены: Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ. Но да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ государя и его министровъ. Съ Гречемъ или Сенковскимъ я поступилъ бы иначе: они трусы; имъ стоитъ погрозить гауптвахтою, и они смирятся. Но Полевой— я знаю его: это фанатикъ. Онъ готовъ претерпѣть все за идею. Для него нужны рѣшительныя мѣры. Московская цензура была непростительно слаба.

10. Званъ сегодня къ Каратыгину, чтобы выслушать конецъ трагедіи Кукольника: «Ляпуновъ». Но три первые акта этого рабскаго писанія мнѣ слишкомъ опротивѣли. Я не поѣхалъ.

11. Случилось нѣчто, разстроившее меня съ Пушкинымъ. Онъ просилъ меня разсмотрѣть его «Повѣсти Бѣлкина», которыя онъ хочетъ печатать вторымъ изданіемъ. Я отвѣчалъ ему слѣдующее:

— «Съ душевнымъ удовольствіемъ готовъ исполнить ваше желаніе теперь и всегда. Да благословитъ васъ геній вашъ новыми вдохновеніями, а мы готовы».—Что сказать?—обрѣзывать крылья ему? По крайней мѣрѣ, рука моя не злоупотребитъ этимъ.

— «Потрудитесь мнѣ прислать все, что означено въ запискѣ вашей, и увѣдомьте, къ какому времени вы желали бы окончанія этой тяжбы политическаго механизма съ искусствомъ, говоря просто, процензурованья» и т. д.

Между тѣмъ, къ нему дошелъ его «Анджело», съ нѣсколькими,

урѣзанными министромъ, стихами. Онъ взбѣсился: Смирдинъ платитъ ему за каждый стихъ по червонцу, слѣдовательно, Пушкинъ теряетъ здѣсь нѣсколько десятковъ рублей. Онъ потребовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ стиховъ были поставлены точки, съ тѣмъ, однако-жъ, чтобы Смирдинъ все-таки заплатилъ ему деньги и за точки!

12. Иванъ Андреевичъ Крыловъ написалъ три слабыя басни, какъ бы въ доказательство того, что талантъ его старѣетъ. У него былъ договоръ со Смирдинымъ, въ силу котораго тотъ платилъ ему за каждую басню по 300 рублей: теперь онъ требуетъ съ него по 500 рублей, говоря, что собирается купить карету и ему нужны деньги!

14. Былъ у Плетнева. Видѣлъ тамъ Гоголя: онъ сердитъ на меня за нѣкоторыя непропущенныя мѣста въ его повѣсти, печатаемой въ «Новосельѣ». Бѣдный литераторъ! Бѣдный цензоръ!

Говорилъ съ Плетневымъ о Пушкинѣ: они друзья. Я сказалъ:

— Напрасно Александръ Сергѣевичъ на меня сердится. Я долженъ исполнять свою обязанность, а въ настоящемъ случаѣ ему причинилъ непріятность не я, а самъ министръ.

Плетневъ началъ бранить, и довольно грубо, Сенковскаго за статьи его, помѣщенныя въ «Библіотекѣ для Чтенія», говоря, что онѣ написаны для денегъ и что Сенковскій грабитъ Смирдина.

— Что касается до грабежа, возразилъ я, то могу васъ увѣрить, что ни одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ литераторовъ не уступитъ въ томъ Сенковскому.

Онъ понялъ и замолчалъ.

15. Въ странномъ положеніи находимся мы. Среди людей, которые имѣютъ претензію дѣйствовать на духъ общественный, нѣтъ никакой нравственности. Всякое довѣріе къ высшему порядку вещей, къ высшимъ началамъ дѣятельности исчезло. Нѣтъ ни обществолюбія, ни человѣколюбія; мелочной отвратительный эгоизмъ проповѣдуется тѣми, которые призваны наставлять юношество, насаждать образованіе или двигать пружинами общественнаго порядка.

Нравственное безчиніе, цинизмъ обуялъ души до того, что о благородномъ, о великомъ говорятъ съ насмѣшкою даже въ книгахъ. Сословіе людей, сильныхъ умомъ, литераторовъ, наиболѣе погрязло въ этомъ цинизмѣ. Они въ своихъ произведеніяхъ восхваляютъ чистую красоту, а сами исполнены нравственнаго безобразія. Они говорятъ объ идеяхъ, а сами живутъ безъ всякаго сознанія высшихъ потребностей духа, выставляютъ въ жизни своей самыя позорныя стороны житейскихъ страстей.

Можетъ быть, и всегда такъ было, но отъ иныхъ причинъ. При-

чина нынѣшняго нравственнаго паденія у насъ, по моему наблюденію, въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда, исполненное свѣжей юношеской силы, оно впервые вступало на поприще умственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такимъ глубокимъ безвѣріемъ, не относилось такъ цинично ко всему благому и прекрасному. Но (прежнее) объявило себя врагомъ всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, оно, однако, до того затруднило насъ цензурою, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидѣли себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются.

Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму; что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями; что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать— тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высокія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ, сдѣлались мечтами безъ всякаго практическаго значенія—а мечтать людямъ умнымъ смѣшно. Все было приготовлено, настроено и устроено къ нравственному преуспѣянію—и вдругъ этотъ складъ жизни и дѣятельности оказался несвоевременнымъ, негоднымъ; его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и солдатскія будки.

Но, скажутъ, въ это время открывали новые университеты, увеличили штаты учителямъ и профессорамъ, посылали молодыхъ людей за границу для усовершенствованія въ наукахъ.

Это значило еще увеличивать массу несчастныхъ, которые не знали куда дѣться со своимъ развитымъ умомъ, со своими требованіями на высшую умственную жизнь.

Вотъ картина нашего положенія: оно незавидно. Мудрено ли теперь, что мы, воспитавъ себя для высшаго назначенія и уничтоженные въ собственныхъ глазахъ, кидаемся, какъ голодныя собаки, на всякую падаль, лишь бы доставить какую нибудь пищу нашимъ силамъ.

Конечно, и у насъ есть люди, нынѣ дѣйствующіе въ другомъ духѣ, но ихъ очень мало и они слишкомъ безсильны, слишкомъ робки, слишкомъ недовѣрчивы къ собственнымъ, чистымъ побужденіямъ, чтобы могли перетянуть вѣсы на сторону добра; есть затворники, постники, которые рѣшились пребыть до конца вѣрными своимъ идеямъ и лучше задохнуться, чѣмъ измѣнить имъ. Но эти люди исключеніе, и они несчастнѣе первыхъ, ибо не вкушаютъ сладости, даже минутнаго забвенія. Ничего удивительнаго, если иные изъ молодыхъ людей доходятъ до самоубійства, какъ то было съ нашимъ Поповымъ.

Конечно, эта эпоха пройдетъ, какъ и все проходитъ на землѣ; но она можетъ затянуться надолго, на пятьдесятъ, на шестьдесятъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ успѣешь умереть въ этой глухой, дикой, каменистой Аравіи, вдали отъ Земли Святой, отъ Сіона, гдѣ можно жить и пѣть высокія пѣсни. Увы!

Рабы, влачащіе оковы,
Высокихъ пѣсней не поютъ.

28. Праздники. Балаганы. Леманъ. Косморама. Бродилъ въ толпѣ съ Делемъ, Гебгардтомъ и Чижовымъ. Завтракали у Фейльета... Нигдѣ душевная пустота не ощущается такъ сильно, какъ среди праздничной толпы и суеты.

Май 7. Сегодня было собраніе энциклопедистовъ у Греча. Я избранъ редакторомъ по части словесности. Всѣ довольно согласны въ цѣли и въ мѣрахъ. Одинъ Атрѣшковъ безпрестанно требовалъ поясненій. Положено начертать первоначально русскій алфавитъ предметовъ, которые подлежатъ обработкѣ.

Въ третьемъ номерѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» напечатана статья профессора философіи въ Страсбургѣ Ботэна. Онъ говоритъ, что всѣ философіи вздоръ, и что всему надо учиться въ Евангеліи.

Министръ приказалъ, чтобы профессора философіи и наукъ, съ нею соприкосновенныхъ, во всѣхъ нашихъ университетахъ руководились этою статьей въ своемъ преподаваніи.

14. Сегодня было опять у Греча собраніе литераторовъ. Состоялся выборъ остальныхъ редакторовъ «Энциклопедическаго словаря». Здѣсь встрѣтился я съ Кукольникомъ. Онъ пишетъ новую драму «Роксолана». Положено опять читать у меня «Джуліо Мости», въ исправленномъ видѣ. Онъ спрашивалъ моего мнѣнія о «Ляпуновѣ». Что могъ я сказать? По возможности меньше огорчить его моими мыслями на счетъ поддѣльнаго патріотизма. Я совѣтовалъ ему бросить службу.

Онъ со мной согласенъ. Съ удовольствіемъ, между прочимъ, замѣтилъ я слѣдующій благородный поступокъ Кукольника. «Ляпунова» своего онъ подарилъ Каратыгину, тогда какъ, судя по тому, какъ принята его «Рука Всевышняго», онъ могъ бы получить за него отъ театральной дирекціи славныя деньги. Это прекрасно съ его стороны въ такое время, когда, такъ называемые, знаменитые наши литераторы требуютъ только денегъ, денегъ и денегъ.

29. Смирдинъ истинно честный и добрый человѣкъ, но онъ не образованъ и, что всего хуже для него, не имѣетъ характера. Наши литераторы владѣютъ его карманомъ, какъ арендою. Онъ можетъ раззориться по ихъ милости. Это было бы настоящимъ несчастіемъ для нашей литературы! врядъ ли ей дождаться другаго такого безкорыстнаго и простодушнаго издателя. Я не разъ предостерегалъ его. Но есть рокъ, отъ котораго нельзя защититься—это наша собственная слабость.

30. Вотъ и конецъ мая, а только вчера, да сегодня небо и воздухъ похожи на майскіе. Я былъ на дачѣ у Александра Максимовича Княжевича и у Деля. Заходилъ на минуту къ Плетневу: тамъ встрѣтилъ Пушкина и Гоголя; первый почтилъ меня холоднымъ камеръ-юнкерскимъ поклономъ.

Іюнь. 10. Былъ на представленіи Александра, чревовѣщателя, мимика и актера. Удивительный человѣкъ! Онъ игралъ пьесу: «Пароходъ», гдѣ исполнялъ семь ролей и всѣ превосходно. Роли эти: влюбленнаго молодого человѣка, англичанина лорда, пьянаго кучера, старой кокетки, тацовщицы, кормилицы съ ребенкомъ и стараго горбуна, волокиты. Быстрота, съ которой онъ превращается изъ одного лица въ другое, перемѣняетъ костюмъ, физіономію, голосъ, просто изумительна. Не вѣришь своимъ глазамъ. Едва одно дѣйствующее лицо ступило со сцены за дверь—вы слышите еще голосъ его, видите конецъ платья — а изъ другой двери уже выходитъ тотъ-же Александръ въ образѣ другаго лица. Онъ говоритъ за десятерыхъ, дѣйствуетъ за десятерыхъ; въ одно время бываетъ и здѣсь, и тамъ. Необычайное искусство!

11. Я недавно сблизился съ однимъ молодымъ писателемъ Тимофеевымъ. Это совершенно новое и пріятное для меня явленіе. Онъ одаренъ пламеннымъ воображеніемъ, энергіей и талантомъ писателя. Доказательствомъ того служатъ его: «Поэтъ» и «Художникъ», двѣ пьесы, исполненныя мыслей и чувствъ. Онъ совершенно углубленъ въ самого себя, дышетъ и живетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ страстями, которыя служатъ для него источникомъ мукъ и наслажденій. Службой онъ почти не занимается и можетъ не заниматься, потому

что имѣетъ деньги и не имѣетъ русскаго честолюбія, т. е. страсти къ чинамъ и орденамъ. Всегда задумчивъ, съ привлекательной физіономіей. Ему 23 года. Первоначально насъ свела цензура. Я не могъ допустить къ печати его пьесъ безъ исключеній и измѣненій: въ нихъ много новыхъ и смѣлыхъ идей. Вездѣ прорывается благородное негодованіе противъ рабства, на которое осуждена бо̀льшая часть нашихъ бѣдныхъ крестьянъ. Впрочемъ, онъ только поэтъ: у него нѣтъ никакихъ политическихъ замысловъ. Онъ внушаетъ мнѣ большую симпатію. Цензурные споры наши не имѣли никакого вліянія на нашу дружескую связь. А между тѣмъ у насъ было такое дѣло, которое легко могло бы вызвать его неудовольствіе. Въ прошедшемъ году я пропустилъ его драму: «Счастливецъ». Пока она печаталась, направленіе нашей цензуры такъ измѣнилось, что эта пьеса не можетъ быть выпущена безъ дурныхъ послѣдствій для меня. Я не имѣю право ее остановить, ибо она уже вся напечатана. Тимоѳеевъ могъ бы требовать ея выпуска. Изъ этого возникъ бы шумъ, я сдѣлался бы жертвою его или же долженъ былъ бы принять на себя типографскія издержки. Тимоѳеевъ самъ предложилъ мнѣ пріостановить выпускъ его драмы. Теперь она лежитъ въ моемъ столѣ, выжидая удобной минуты выползти на свѣтъ.

12. Надняхъ я имѣлъ серьезный разговоръ съ Гебгардтомъ. Мнѣ больно видѣть, какъ этотъ благородный, богато одаренный человѣкъ расточаетъ свои силы на пустяки. Онъ читаетъ только или мелочи, или французскіе романы; не старается сдружиться съ кабинетной жизнью, не занимается предметами, которые развиваютъ умъ и укрѣпляютъ волю. Его стихія — политика. Но, какъ умный человѣкъ, онъ долженъ понять, что у насъ нѣтъ поприща для политической дѣятельности. Однако, мы можемъ и должны расширять кругъ нашей нравственной жизни.

21. Посѣтилъ меня Колмыковъ, надняхъ пріѣхавшій изъ Берлина. Онъ, въ числѣ другихъ студентовъ, былъ посланъ туда для усовершенствованія въ правахъ. Чрезъ него получилъ я письмо отъ Печорина.

Я о многомъ разспрашивалъ его. Онъ слушалъ, между прочимъ, Шеллинга. Послѣдній дѣйствительно перемѣнилъ свою систему и, какъ говорятъ въ Германіи, сдѣлалъ это только изъ желанія идти наперекоръ гегелистамъ. Побужденіе достойное убѣжденнаго философа. Въ Берлинѣ же теперь пользуется особеннымъ расположеніемъ учащейся молодежи профессоръ Гансъ. Пруссаки очень любятъ своего короля. Русскихъ вездѣ въ Германіи, не исключая и Берлина, ненавидятъ. Знаменитый Крейцеръ самъ сказалъ Колмыкову, послѣ

взятія Варшавы, что отнынѣ питаетъ къ намъ рѣшительную ненависть. Одна дама пришла въ страшное раздраженіе, когда нашъ бѣдный студентъ разъ какъ-то вздумалъ защищать своихъ соотечественниковъ.—«Это враги свободы», кричала она, — «это гнусные рабы!»

И послѣдній мой экзаменъ сошелъ не дурно. По окончаніи его мы трое: Плетневъ, Шульгинъ и я, отправились къ первому. Здѣсь составился родъ конфедераціи для противодѣйствія въ университетѣ всякому нечистому духу въ ученомъ и нравственномъ отношеніи. Мы дали другъ другу слово сохранять строгое безпристрастіе при переводѣ студентовъ на высшіе курсы и при раздачѣ ученыхъ степеней; бить, сколь возможно, схоластику и т. д. Оба мои товарища сильно вооружены противъ профессора философіи Фишера, котораго поддерживаетъ министръ.

Немного спустя, мы пошли къ князю (Дондукову) и тутъ безпристрастіе наше встрѣтило свой первый камень преткновенія: Плетневъ просилъ попечителя за плохаго студента, брата одного изъ своихъ друзей.

29. Вышелъ скучный романъ Греча: «Черная женщина». Не удивительно, что Гречъ написалъ плохой романъ, но удивительно, что Сенковскій расхваливаетъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Третьяго дня я былъ у Смирдина. Спрашиваю:

— Какъ идетъ романъ Греча?

— Плохо, отвѣчаетъ онъ, — всѣ жалуются на скуку и не покупаютъ.

Вчера же Сенковскій приносилъ ко мнѣ для процензурованія рецензію на этотъ романъ, гдѣ объявляетъ, что это новое произведеніе необычайнаго генія Николая Ивановича имѣетъ успѣхъ невѣроятный; всѣ отъ него въ восторгѣ и раскупаютъ съ такою жадностью, что скоро отъ него не останется въ продажѣ ни одного экземпляра. Провинціалы этому повѣрятъ и въ самомъ дѣлѣ бросятся покупать книгу. Авторъ и пріятель его Сенковскій объявятъ, что романъ весь разочелся и будутъ выставлять это, какъ доказательство достоинствъ романа: въ толпѣ Гречъ прослыветъ великимъ романистомъ и соберетъ деньги.

Іюль 16. Завтра отправляюсь въ путешествіе съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Цѣль этого путешествія обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерніяхъ. Гимназіи нашъ главный предметъ. Изъ Вологды мы направимся черезъ Ярославль въ Москву и оттуда уже обратно въ Петербургъ.

17. Въ Шлюссельбургѣ мы ночевали. Трактиръ здѣсь настоящій кабакъ, наполненный тараканами. Но это не помѣшало мнѣ, завер-

нувшись въ шинель, отлично заснуть. По утру мы пошли осматривать училище. По внѣшнему и внутреннему виду оно еще хуже трактира. Смотритель пьяный. Потомъ мы въ лодкѣ переѣхали въ крѣпость. Она занимаетъ цѣлый островокъ у самаго устья Невы. Насъ не пустили въ то отдѣленіе, гдѣ содержатся государственные преступники. Въ крѣпости живетъ только комендантъ съ маленькимъ гарнизономъ. Печальная жизнь. Намъ показали мѣсто заключенія императора Іоанна.

19. Мы были въ Новой Ладогѣ, гдѣ и ночевали въ училищѣ.

Новая Ладога—прескверный городишко: ничѣмъ не лучше Шлюссельбурга.

20. Лодейное Поле—пасквиль на городъ. Здѣсь нѣтъ никакого училища, да и не для кого было бы ему тутъ быть. Надъ самою рѣкой я встрѣтилъ, впрочемъ, нѣчто любопытное: памятникъ Петру Великому, воздвигнутый здѣшнимъ купцомъ Софроновымъ. Это пирамидка, въ родѣ той, что на Васильевскомъ острову въ Петербургѣ, которая называется Румянцевскою—только въ миніатюрѣ. На пирамидкѣ надпись: «На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ дворецъ императора Петра I, да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный, простымъ усердіемъ воздвигнутый памятникъ—усердіемъ спб. купца 2-й гильдіи, Мирона Софронова». Право, не дурно, ибо просто, безъ всякой риторики.

Нетерпѣливо желали мы поскорѣй доѣхать до Свирскаго монастыря, разсчитывая тамъ и нравственно, и физически отдохнуть отъ утомительнаго однообразія. Надежда наша не сбылась. Мы нашли тамъ архимандрита, мужиковатаго монаха, такого же казначея и нѣсколько другихъ монаховъ, грубыхъ и невѣжественныхъ. Мѣстоположеніе монастыря тоже обмануло наши ожиданія. Мы отслушали обѣдню, приложились къ мощамъ Александра Свирскаго, осмотрѣли ризницу, которая очень небогата, но въ большомъ порядкѣ. Показывали намъ еще гробъ, въ который былъ переложенъ преподобный Александръ тотчасъ послѣ того, какъ были открыты его мощи: это родъ корыта, выдолбленнаго въ толстомъ деревянномъ отрубкѣ, съ особеннымъ мѣстомъ для головы. Видѣли мы и посохъ святаго: отъ него осталась только половина—другая разнесена по кусочкамъ усердными богомольцами.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Олонецъ. Это не городъ по виду, а плохая деревня, раскинутая на большомъ пространствѣ по берегу рѣки. Мы остановились въ домѣ городскаго главы. Къ намъ явились смотритель училища, учителя, городничій и исправникъ. Хозяинъ человѣкъ очень гостепріимный. У него встрѣтили мы одного купца,

который держитъ у себя въ домѣ для дочерей гувернантку, бывшую воспитанницу Воспитательнаго дома. Этотъ купецъ, съ бородою, въ длиннополомъ сюртукѣ, а дочери его учатся лепетать по французски. Я пытался съ ними разговориться, но онѣ дико на меня смотрѣли или отворачивались.

Олонецъ крайне бѣдный городъ. Нѣкоторые изъ учениковъ училища утро проводятъ въ школѣ, а затѣмъ идутъ просить милостыню. Между жителями уже много кореловъ и немедленно за Олонцемъ начинается настоящая Корелія. Насъ предупреждали, что этотъ народъ очень грубъ и золъ. Но мы до самаго Петрозаводска попадали все на людей привѣтливыхъ и услужливыхъ. Живутъ они опрятно. Въ ихъ жилищахъ чистые полы и скамьи; вездѣ самоваръ и чашки, изъ которыхъ можно безопасно пить. И таракановъ мы что-то не видѣли. Здѣшніе корелы довольно зажиточны. Они занимаются разными промыслами по воднымъ сообщеніямъ, которыми оживляется вся эта довольно пустынная страна. Но въ Пудожскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ, говорятъ, они очень бѣдны; питаются древесною корой. У кореловъ свой собственный языкъ, но они всѣ довольно хорошо изъясняются по русски. Ихъ языкъ пріятенъ; въ немъ изобиліе гласныхъ буквъ.

Отъ Олонца до Петрозаводска вся мѣстность взрыта волнами океана, которыя нѣкогда покрывали ее и, удалясь, оставили на ней слѣды своихъ набѣговъ: камни и волнообразнаго вида холмы. Есть мѣста дикія, но живописныя. Безпрестанно мелькаютъ озера. Въ общемъ природа здѣсь угрюма—вездѣ лѣса, лѣса, безконечные лѣса.

22. Мы пріѣхали въ Петрозаводскъ въ три часа утра. Квартиру намъ отвели въ домѣ купца Костина. У него нашелъ я удивительный кустъ мѣсячной розы: это своего рода исполинъ. Онъ занимаетъ цѣлый уголъ большой и высокой комнаты, упирается въ потолокъ и весь покрытъ цвѣтами. Подъ нимъ можно найти защиту отъ солнца.

Въ этотъ день мы осмотрѣли классы, библіотеку и всю гимназію. Обѣдали у директора Троицкаго. Это человѣкъ не глупый и его любятъ въ городѣ. Былъ я еще у архіерея Игнатія: онъ не старъ, образованъ и очень любезенъ. Его здѣсь всѣ уважаютъ: онъ строгъ къ духовенству, но не менѣе строгъ и къ самому себѣ. Между прочимъ, встрѣтилъ я Армстронга, который познакомилъ меня съ своимъ братомъ, начальникомъ здѣшняго литейнаго завода, Романомъ Адамовичемъ, отличнымъ знатокомъ своего дѣла. Вечеромъ былъ приглашенъ на балъ къ одному изъ здѣшнихъ почетныхъ чиновниковъ: дамы танцовали съ ужимками, а кавалеры всѣ очень необразованны; ничего не читаютъ, кромѣ «Сѣверной Пчелы», въ которую

вѣруютъ, какъ въ священное писаніе. Когда ее цитируютъ—должно умолкнуть всякое противорѣчіе. Впрочемъ, молодые люди въ обществѣ вели себя вполнѣ пристойно.

23. Экзаменовали учениковъ гимназіи. Копасовъ хорошій учитель. Здѣсь еще процвѣтаетъ система заучиванія наизусть—впрочемъ, гдѣ она у насъ еще не процвѣтаетъ? Обѣдали у вице-губернатора: онъ очень скучаетъ и рвется отсюда всѣми силами. Вечеръ я провелъ очень пріятно у милой моей ученицы Александры Алексѣевны Корибутовой, институтки прошлаго выпуска. Она до слезъ мнѣ обрадовалась: грустно живется ей здѣсь. Она очень одинока. Прочія дѣвицы называютъ ее въ насмѣшку «ученою» и распускаютъ на ея счетъ разныя сплетни въ отмщеніе за ея нравственное превосходство надъ ними.

24. Осматривали семинарію. Намъ ее показывалъ самъ архіерей. Учениковъ не было, по причинѣ каникулярнаго времени. Зданіе бѣдно и неопрятно. Я долго говорилъ съ профессоромъ словесности. Это очень не глупый монахъ и знакомый съ новыми идеями. Осматривали также соборъ: онъ не отличается ни богатствомъ, ни благолѣпіемъ.

25. Армстронгъ показывалъ намъ литейный заводъ. При насъ отлили пушку. Мы все разсматривали до мельчайшихъ подробностей. Въ магазинѣ при заводѣ я купилъ нѣсколько галантерейныхъ мелочей, прекрасно сдѣланныхъ изъ чугуна. Мы обѣдали у бывшаго губернатора Логинова, а затѣмъ отправились въ дальнѣйшій путь. Когда мы проходили мимо дома Корибутовой, она стояла у окна, отирая слезы. Бѣдная дѣвушка: наше посѣщеніе дѣйствительно было для нея явленіемъ изъ другаго лучшаго міра, изъ котораго она чуть ли не навсегда изгнана. Петрозаводскъ плохой городъ, отброшенный въ глубину лѣсовъ отъ образованнаго міра: казалось бы и близко отъ Петербурга, но какъ далеко! Мѣстоположеніе, однако, красивое. Онъ на берегу обширнаго Онежскаго озера.

Большая часть Петрозаводскаго уѣзда населена корелами, принадлежащими литейному заводу: онъ владѣетъ двадцатью двумя тысячами крестьянъ. Мнѣ пришлось говорить съ нѣкоторыми: они довольны своимъ положеніемъ и не нахвалятся Армстронгомъ. Съ любовью также вспоминаютъ объ отцѣ послѣдняго, до него управлявшемъ заводомъ: называютъ его отцомъ и благодѣтелемъ.

Въ Вытегру мы пріѣхали ночью. По утру осматривали училище и нашли его въ отличномъ порядкѣ. Вытегра порядочный городокъ. Замѣчательны здѣсь шлюзы, особенно хорошо отдѣланныя со времени посѣщенія графа Толя, дѣлавшаго обзоръ всѣмъ воднымъ сообщеніямъ.

Но вотъ и Каргополь. Завидѣвъ издали куполы его многочисленныхъ церквей, мы ожидали увидѣть порядочный городъ. На самомъ дѣлѣ онъ гораздо хуже Вытегры и очень бѣденъ: дома въ немъ осунувшіеся, полуразвалившіеся. Церквей зато двадцать двѣ и два монастыря.

Въ училищѣ мы застали только одного учителя. Онъ когда-то служилъ унтеръ-офицеромъ въ Лубенскомъ гусарскомъ полку, а теперь обучаетъ русской грамотѣ. Я смотрѣлъ ученическія тетради и нашелъ, что учитель, поправляя учениковъ въ анализѣ, самъ часто ошибался въ падежахъ, склоненіяхъ и т. д.

Со въѣздомъ въ Архангельскую губернію точно теряешь слѣдъ человѣческаго существованія. Проѣзжаешь безконечныя станціи и не встрѣчаешь лица человѣческаго. Въ мрачныхъ лѣсахъ обитаетъ безмолвіе. Развѣ только изрѣдка въ глубинѣ дикаго бора раздастся трескъ сучьевъ подъ ногою медвѣдя или промелькнетъ на вѣткахъ лиственницы рѣзвая бѣлка. Станціи представляютъ изъ себя группу въ три, четыре хижины, обитатели которыхъ занимаются преимущественно охотою. Но и хлѣбопашество здѣсь тоже процвѣтаетъ. Вообще по пути отъ самаго Петербурга и до Архангельска часто встрѣчаются богатыя жатвы. Въ этихъ же мѣстахъ особенно хорошо родится ячмень.

Верстахъ въ шестидесяти отъ Холмогоръ мы заѣхали въ старинный Сійскій монастырь. Насъ очень любезно принялъ архимандритъ Веніаминъ, показавшійся мнѣ лукавымъ монахомъ. Мы здѣсь пробыли около четырехъ часовъ. Сначала осмотрѣли церковь: архитектура ея очень древняя и иконостасъ также. Потомъ архимандритъ повелъ насъ въ ризницу, гдѣ мы нашли много любопытнаго, между прочимъ, Евангеліе, до того объемистое, что его не въ силахъ поднять одинъ человѣкъ. Оно писано прекраснымъ почеркомъ и одною рукой. На поляхъ искусно иллюстрированы сухими красками всѣ главныя происшествія изъ жизни Христа. Этотъ трудъ навѣрное стоилъ большую половину одной человѣческой жизни. Преданіе приписываетъ этотъ трудъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Но чей бы онъ ни былъ—онъ въ своемъ родѣ замѣчательное произведеніе по великолѣпію и даже искусству живописи и письма и по усердію, воодушевлявшему художника. Евангеліе это не можетъ принадлежать глубокой древности: по нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ, его относятъ къ 7201 году, по старому русскому лѣтосчисленію.

Въ ризницѣ также много драгоцѣнной церковной утвари, пожертвованной бояриномъ Милославскимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Не менѣе любопытна и библіотека монастырская. Въ ней много рукописныхъ книгъ и въ томъ числѣ два Евангелія на пергаментѣ, безъ означенія года. Судя по тексту, они должны быть очень древнія: текстъ этотъ принадлежитъ къ первымъ эпохамъ славянскаго языка. Тутъ-же судебникъ Іоанна Грознаго, нѣсколько грамотъ за собственноручною подписью русскихъ царей—самая древняя Василія Іоанновича; другія: Іоанна Грознаго, его сына Θеодора, Бориса Годунова, Лжедимитрія и Владислава, польскаго королевича. На этой послѣдней означено, что она дана въ Москвѣ. Всѣ онѣ касаются частныхъ дѣлъ монастыря. Одна только имѣетъ болѣе важное историческое значеніе: это грамота Бориса Годунова о Филаретѣ Никитичѣ Романовѣ. Годуновъ предписываетъ настоятелю монастыря смотрѣть крѣпко за симъ опальнымъ старцемъ, который «лаится» и бьетъ монаховъ—однако, повелѣваетъ не дѣлать ему никакого насилія. Грамота эта, кажется, напечатана въ «Русской Вивліоθикѣ», но здѣсь ея подлинникъ. Показывали намъ мѣсто, гдѣ былъ постриженъ Филаретъ, и крестъ, который онъ носилъ на себѣ. Въ заключеніе архимандритъ открылъ ящикъ съ надписью: «Дѣла о немаловажныхъ колодникахъ», которые ссылаемы были въ Сійскій монастырь на покаяніе. Однако-жъ, изъ «немаловажныхъ колодниковъ» мы не нашли ни одного государственнаго или замѣчательнаго лица. Поблагодаривъ архимандрита за все интересное, что онъ намъ показалъ, мы продолжали путь.

30. Ночью пріѣхали въ Холмогоры. Отсюда начинаются тѣ роскошныя луга, на которыхъ пасутся извѣстныя холмогорскія коровы. Двина постепенно расширяется и, наконецъ, у Архангельска разливается въ настоящій морской заливъ.

31. Мы уже въ Архангельскѣ и остановились въ домѣ гражданскаго губернатора Ильи Ивановича Огарева, который принялъ насъ съ искреннимъ радушіемъ.

Замѣчанія въ Архангельскѣ.

31 мы отдыхали. Я собиралъ свѣдѣнія о здѣшнемъ краѣ. Губернаторъ сообщилъ мнѣ много интереснаго. Городъ раздѣляется на двѣ части: нѣмецкую и русскую. Торговля въ рукахъ иностранцевъ — сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ домѣ Бранта, состоящемъ изъ девяти братьевъ. Восемь изъ нихъ живутъ въ разныхъ частяхъ свѣта, но зависятъ отъ старшаго брата, который здѣсь пребываетъ. Капиталъ ихъ простирается до 20 милліоновъ рублей. У нихъ масса

кораблей, на которыхъ они вывозятъ изъ Архангельска ленъ, пеньку, сало, лѣсъ и привозятъ колоніальные товары.

Нѣмецкая часть города отличается опрятностью и миловидностью домиковъ. Русскіе купцы живутъ въ грязи и торгуютъ, какъ плуты. Пьянство въ большомъ ходу. Губернаторъ жаловался, что у него нѣтъ ни одного чиновника, который не былъ бы воръ, или пьяница. Онъ долженъ наблюдать за ними, какъ за испорченными дѣтьми. Чтобы они по возможности меньше пили, онъ старается ихъ держать больше при себѣ, часто заставляетъ съ собою затракать и обѣдать. Кто не явился по приглашенію, за тѣмъ ужъ приходится посылать дрожки, чтобы привести хоть пьянаго. Надо сначала его отрезвлять, а затѣмъ уже поручать ему дѣло. Въ случаяхъ сватовства, родственники невѣсты, наводя справки о женихѣ, уже не спрашиваютъ, трезвый-ли онъ человѣкъ, а спрашиваютъ: «каковъ онъ во хмѣлю?»—ибо первое почти немыслимо. Большинство и чиновниковъ, и другихъ городскихъ обывателей коснѣютъ въ невѣжествѣ.

За обѣдомъ у губернатора былъ нѣкто Горегладъ (?), по доносу жандармовъ сосланный въ Мезень. Губернаторъ взялъ его къ себѣ для разныхъ порученій. Онъ человѣкъ довольно образованный. Живя въ Мезенѣ, выучился столярному и токарному ремесламъ и изготовляетъ изъ кости прелестныя, художественныя вещицы. Онъ долго жилъ съ самоѣдами и началъ было составлять азбуку ихъ языка, но мезенскій городничій запретилъ ему это.

Августъ 1. Осматривали гимназическій домъ: онъ ветхъ и гадокъ, Были въ соборѣ, гдѣ служилъ обѣдню архіерей. Намъ показывали крестъ, сдѣланный самимъ Петромъ Великимъ и водруженный имъ на берегу Бѣлаго моря. На немъ голандская надпись, гласящая, что онъ сдѣланъ капитаномъ Петромъ.

Посѣтили мы и Соловецкій монастырь. Островъ Соловецкій имѣетъ семнадцать верстъ въ ширину и двадцать пять въ длину. Монастырь на немъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Монаховъ насчитывается болѣе ста. Замѣчательно при монастырѣ отдѣленіе, гдѣ содержатся государственные преступники. Они ссылаются сюда на безсрочное заточеніе, большею частью на всю жизнь. Нынѣ сихъ несчастныхъ сорокъ человѣкъ—между прочимъ два студента московскаго университета, за участіе въ заговорѣ противъ государя. Недавно одинъ изъ заключенныхъ, Горажанскій, сосланный въ монастырь за соучастіе съ декабристами, въ припадкѣ сумасшествія, убилъ сторожа. Каждый изъ заключенныхъ имѣетъ отдѣльную каморку, чуланъ—или вѣрнѣе могилу: отсюда онъ переходитъ прямо на кладбище.

Всякое сообщеніе между заключенными строго запрещено. У нихъ

ни книгъ, ни орудій для письма. Имъ не позволяютъ даже гулять на монастырскомъ дворѣ. Самоубійство и то имъ не доступно, такъ какъ при нихъ ни перочиннаго ножика, ни гвоздя. И бѣжать некуда — кругомъ вода, а зимой непомѣрная стужа и голодная смерть, прежде чѣмъ несчастный добрался бы до противоположнаго берега.

Между достопримѣчательностями монастыря—мечи Пожарскаго и Скопина-Шуйскаго, украшенные драгоцѣнными камнями. Здѣсь погребенъ Авраамій Палицынъ. Въ монастырской библіотекѣ много древнихъ рукописей и грамотъ. Теперь въ монастырѣ уже болѣе шести недѣль живетъ Бередниковъ, товарищъ Строева. Онъ занимается разборкой архива и выписками изъ находящихся въ немъ сокровищъ. Монахи на него негодуютъ, потому что онъ не показываетъ имъ своихъ выписокъ и извлеченій.

Архимандритъ по виду напоминаетъ тѣхъ канониковъ, надъ которыми любилъ смѣяться Вольтеръ. Онъ написалъ: «Исторію Соловецкаго монастыря», руководствуясь актами изъ его архива, но св. синодъ не пропускаетъ ее. Такъ какъ въ числѣ заключенныхъ много раскольниковъ, особенно скопцевъ, архимандриту удалось составить изъ ихъ показаній точное описаніе ихъ ересей. Въ вѣрованіи скопцевъ слѣдующій догматъ: Спаситель вторично пришелъ на землю, чтобы научить заблудшихъ. Онъ не иной кто, какъ сынъ дѣвы Елисаветы Петровны императрицы — который былъ воспитанъ въ Голштиніи, царствовалъ подъ именемъ Петра III и теперь еще гдѣ-то живетъ.

Архангельская губернія вообще богата раскольниками. Епископъ здѣшній утверждаетъ, что изъ всего народонаселенія лишь сотая часть принадлежитъ православію. Нѣкоторыя секты въ условіяхъ своей вѣры считаютъ развратъ. Ихъ безчинія доходятъ до того, что дикіе самоѣды, недавно крещенные, гнушаются вступать съ ними въ семейныя связи. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ архіерей здѣшній.

Вечеромъ мы гуляли на Елисаветовскомъ островѣ: пили тамъ чай, а по серединѣ Двины, въ лодкѣ, даже шампанское, которымъ насъ угощалъ директоръ гимназіи Ковалевскій. Двина здѣсь великолѣпна. Наша красавица Нева должна ей уступить первенство. Ширина Двины здѣсь простирается на четырнадцать верстъ. Она усѣяна островами, на одномъ изъ которыхъ, на Соломбалѣ—часть города Архангельска и адмиралтейство.

Верстахъ въ сорока отъ города, къ западу, у моря открыты цѣлебныя воды. Многіе, говорятъ, купаясь въ нихъ, получили исцѣленіе или облегченіе отъ своихъ недуговъ.

2. Обѣдали у военнаго губернатора, адмирала Галла: это честный и добрый старикъ. Осматривали адмиралтейство. Намъ показы-

вали, какъ отдѣлываются нѣкоторыя части корабля. Гигантскія ребра, гигантскія мачты! И эту громаду можетъ сокрушить, можетъ превратить въ щепы одна волна! Мы заходили къ капитану надъ портомъ. Онъ старикъ, но у него молоденькая жена, очень миленькая и живая шведочка.

7. На пароходѣ. Десять часовъ утра. Прекрасный день. Мы возвращаемся изъ Новодвинской крѣпости. Она не велика, а видъ съ нея почти такой-же, какъ съ Петрозаводской. Замѣчателенъ здѣсь дворецъ Петра Великаго: это крошечный домикъ съ четырьмя комнатками. Входы такъ низки, что Петру, при его высокомъ ростѣ, приходилось сгибаться въ дугу, чтобы попасть въ спальню или столовую. Насъ очень вѣжливо встрѣтилъ смотритель, который, по выраженію Ильи Ивановича, сопровождавшаго насъ губернатора—уже успѣлъ «тюкнуть».

Заглянули мы и въ церковь, тоже построенную Петромъ Великимъ. Она деревянная, но живопись въ ней недурна.

Пароходъ несется по Двинѣ, какъ чайка; мимо мелькаютъ острова и береговыя извилины. На встрѣчу намъ подвигается корабль на всѣхъ парусахъ; онъ тихо, величественно проносится мимо. Я не налюбуюсь широкимъ раздольемъ рѣки и чудесной погодой. Мы теперь плывемъ въ Шурну, лѣсопильный заводъ г-на Бранта...

8. Въ двѣнадцать часовъ пополудни выѣхали мы изъ Архангельска. Насъ провожалъ до заставы Илья Ивановичъ Огаревъ. Онъ отличается оригинальнымъ характеромъ. Онъ не особенно широкаго ума, не особенно образованъ, мало начитанъ, не честолюбивъ, но исполненъ честности, прямодушія и того простаго здраваго смысла, оторый видитъ вещи въ тѣсномъ кругу, но за то видитъ ихъ ясно, прямо, какъ онѣ есть. Его предшественники въ управленіи губерніей, можетъ быть, были умнѣе его, но за то и лучше умѣли соблюдать собственныя выгоды. Теперь губернія, по возможности, благоденствуетъ подъ начальствомъ двухъ простодушныхъ и добрѣйшихъ людей: адмирала Галла и гражданскаго губернатора Огарева. За послѣднимъ, кромѣ того, важная заслуга: онъ объявилъ войну ворамъ и взяточникамъ и самъ не поддается никакимъ соблазнамъ, хотя ихъ много въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Архангельскъ. Огаревъ самъ мало образованъ, но съ величайшимъ рвеніемъ заботится о просвѣщеніи— и это въ силу какого-то непреодолимаго въ немъ влеченія. И онъ, и военный губернаторъ жаловались, что всѣ ихъ представленія объ устройствѣ и благосостояніи губерніи остаются безъ всякаго дѣйствія въ Петербургѣ. Тамъ у насъ много суетятся, но заботятся только объ очищеніи бумагъ, о быстрой циркуляціи ихъ,

до сути же вещей никто не доходитъ (1834 г.). Въ прошлый голодный годъ Огаревъ благоразумными мѣрами прокормилъ всю губернію: за это ему не сказали и спасибо. «Произвелъ какую-то быстроту въ ходѣ текущихъ дѣлъ» и получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ самъ разсказывалъ мнѣ это съ досадою и прискорбіемъ. Зимой онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, съ цѣлью поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о нуждахъ своей губерніи—и не дождался этого счастья. Наконецъ, принужденъ былъ явиться къ нему въ департаментъ, въ числѣ просителей: тогда его выслушали уже ради стыда.

На первой станціи отъ Архангельска насъ ожидалъ директоръ гимназіи, Ковалевскій, съ шампанскимъ, которымъ онъ насъ за все время пребыванія нашего въ Архангельскѣ усердно угощалъ.

Въ Холмогоры пріѣхали мы вечеромъ, осмотрѣли училище и немедленно продолжали путь.

Отъ Холмогоръ до Шенкурска мы опять тонули въ пескахъ. Пренесносная дорога. Шенкурскъ—посмѣшище городовъ. Жителей, платящихъ податей, въ немъ тридцать два. Кучка полуразвалившихся деревянныхъ построекъ, брошенныхъ въ яму—вотъ городъ.

Смотритель училища привѣтствовалъ насъ рѣчью, въ которой называлъ князя (Дондукова-Корсакова) Авраамомъ и солнцемъ, а себя съ учителями и учениками «недостойными рабами его».

Другой городъ на нашемъ пути въ Вологду былъ Вельскъ. Тамъ застали мы вологодскаго епископа, Стефана, который объѣзжалъ свою епархію, съ цѣлью учрежденія тюремныхъ комитетовъ. Мы нашли его за обѣдомъ и очень веселымъ. Онъ и насъ усердно подчивалъ Донскимъ.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Верховье. Это не городъ, но лучше многихъ городовъ. Въ немъ много зажиточныхъ купцовъ, торгующихъ съ Архангельскомъ и съ Кяхтою. Между ними нѣсколько милліонеровъ, напримѣръ, купецъ Рудаковъ, въ домѣ котораго мы были и дивились его роскоши и безвкусію. За Верховьемъ есть станція, Коморовъ-Совокъ, къ которой ведетъ бревенчатая мостовая: не дай Богъ еще когда нибудь по ней прокатиться.

13. Въ восемь часовъ утра мы прибыли въ Вологду. Осмотрѣли наскоро гимназію и отправились въ деревню Ассанову, въ трехъ верстахъ отъ города, принадлежащую Дмитрію Михайловичу Макшееву. У него приготовлена была намъ квартира.

На слѣдующій день мы опять посѣтили гимназію—и на этотъ разъ уже основательно. Я экзаменовалъ учениковъ: они отвѣчали недурно изъ исторіи и словесности.

По окончаніи экзамена ко мнѣ подошелъ жандармскій полковникъ и, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, спросилъ: не знакомъ ли я съ Константиномъ Николаевичемъ Батюшковымъ?

— Нѣтъ, лично вовсе не знакомъ.

— Странно, между тѣмъ онъ часто вспоминаетъ ваше имя.

— Мое имя? Это удивительно! Да гдѣ онъ теперь?

— Здѣсь: онъ мнѣ родственникъ.

Я рѣшился навѣстить Батюшкова.

15. Заѣхалъ утромъ къ жандармскому полковнику и мы вмѣстѣ отправились къ несчастному поэту.

Когда ему объявили о моемъ прибытіи, онъ сказалъ:

— Очень хорошо: съ нимъ и Дѣва Марія придетъ ко мнѣ.

Духъ этого человѣка въ совершенномъ упадкѣ. Я прочелъ ему нѣсколько стиховъ изъ его собственнаго: «Умирающаго Тассо»: онъ ихъ не понялъ. Ихъ удивительная гармонія не отозвалась въ душѣ, нѣкогда создавшей ихъ.

Онъ говорилъ страшный вздоръ о томъ, что у него заключенъ какой-то союзъ съ Англіей, Европой, Азіей и Америкой; что онъ гдѣ-то видѣлъ, какъ кто-то влачилъ въ пыли Карамзина и русскій языкъ; вспоминалъ о какой-то Екатеринѣ Карамзиной и все заключилъ неприличной выходкой противъ англичанъ. Затѣмъ онъ быстро вскочилъ и побѣжалъ въ садъ. Мы послѣдовали за нимъ, но онъ уже больше ничего не говорилъ: былъ угрюмъ и молчаливъ. Его содержатъ хорошо. Комнаты его меблированы отлично и самъ онъ одѣтъ опрятно и даже нарядно—въ синемъ шелковомъ халатѣ и ермолкѣ на головѣ. Онъ закидывалъ конецъ халата на плечо, въ видѣ римской тоги, и все время старался принять важный, трагическій видъ.

Ужасное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня: я долго не могъ отъ него оправиться.

За обѣдомъ у Макшеева я видѣлъ еще одно замѣчательное лицо—Крюковецкаго, бывшаго диктатора Польши. Ему лѣтъ около шестидесяти. Онъ высокаго роста и прекрасной наружности. Много любопытнаго разсказывалъ онъ о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ. Виновникомъ возстанія онъ считаетъ в. кн. Константина Павловича, который раздражалъ умы насмѣшками надъ конституціей и похвальбой, что ее ничего не стоитъ уничтожить. Онъ приводилъ полякамъ въ примѣръ Карла X, говорилъ, что со всякою конституціей надо поступать, какъ тотъ поступилъ съ французскою. Когда же Карлъ за то поплатился короною, вел. кн. былъ этимъ очень недоволенъ и безпрестанно толковалъ съ приближенными поляками о томъ, что въ Польшѣ

этого не можетъ быть. Наконецъ, возстаніе разразилось и в. кн. первый удалился изъ Варшавы.

16. Я забылъ записать раньше слѣдующее. Въ Сійскомъ монастырѣ видѣлъ я портретъ какого-то архіерея, написанный масляными красками, и очень недурно, самоучкою, крестьянскимъ мальчикомъ, изъ какого-то села подъ Архангельскомъ. Ему тогда было всего четырнадцать лѣтъ. Теперь онъ учится въ академіи художествъ. Видно, родина Ломоносова не оскудѣваетъ талантами.

Кстати о Ломоносовѣ. Пріѣхавъ въ Архангельскъ, я поспѣшилъ взглянуть на памятникъ этого нашего перваго русскаго ученаго свѣтила. Я нашелъ его на засоренной площади, въ пяти шагахъ отъ полицейскаго дома. Фигура Ломоносова отлита не дурно; положеніе его величественно; лицо дышетъ вдохновеніемъ. Но геній, который подаетъ ему лиру, вовсе лишній, да и выполненъ не хорошо. Къ чему онъ здѣсь? Пусть бы Ломоносовъ просто стоялъ, какъ поставленъ, съ лирою въ рукахъ и съ возвышеннымъ челомъ. Онъ можетъ самъ за себя говорить — онъ самъ геній. Я разспрашивалъ о его родственникахъ: близкіе уже всѣ вымерли.

18. Мы пріѣхали въ Ярославль и остановились въ довольно плохомъ трактирѣ. Обѣдали у губернатора; вечеромъ гуляли по бульвару, на берегу Волги.

А. В. Никитенко.

Примѣчаніе. На этомъ прерывается дневникъ за 1834 годъ.
С. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

LII [1]).

Разладъ.

Есть много горестныхъ минутъ,
Томится умъ и сердцу больно,
Недоумѣнія ростутъ
И грудь стѣсняется невольно.
Въ душѣ вопросовъ длинный рядъ,
Все тайна—нѣту разрѣшенья,
Съ людьми, съ самимъ собой разладъ
И душатъ горькія сомнѣнья.
Но все-жъ на днѣ души больной
Есть вѣра съ силою могучей...
Такъ солнце бурною порой
Спокойно свѣтитъ изъ-за тучи.

17-го апрѣля 1840 г.

LIII.

Тамъ на улицѣ холодомъ вѣетъ,
Завываетъ мятель подъ окномъ;
Еще ночь надъ землей тяготѣетъ
И все спитъ безмятежно кругомъ.
Я одинъ до разсвѣта проснулся
И безмолвно каминъ затопилъ,
И трескучій огонь встрепенулся,
И блуждающій отблескъ разлилъ.
Тяжело мнѣ и грустно мнѣ стало
И невольно на память пришло,
Какъ мнѣ въ дѣтскіе годы бывало
У камина тепло и свѣтло.

1840 г.

Н. П. Огаревъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388, 682, 724; т. LXIII, стр. 110, 128 162. и 210.

ГАВРІИЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ БАТЕНКОВЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

Род. 1793, † 1863 г.

Въ историческихъ журналахъ нашихъ за послѣдніе годы появилось уже довольно много сообщеній о такъ называемыхъ декабристахъ и характеристикъ наиболѣе выдающихся личностей между ними. Люди эти, какъ бы о нихъ ни судить—во всякомъ случаѣ обращаютъ на себя особое вниманіе историка, являясь ему представителями умственнаго движенія въ извѣстной части русскаго общества, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Въ редакціи „Русской Старины", за двадцать лѣтъ существованія журнала, накопилось много рукописныхъ матеріаловъ о несчастныхъ событіяхъ 14 декабря 1825 года и о лицахъ, сдѣлавшихся жертвами этихъ событій. Пользуясь означенными рукописными свѣдѣніями, а равно и печатными источниками, мы представляемъ здѣсь возможно полное жизнеописаніе Гавріила Степановича Батенкова, человѣка замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ, ближайшаго сотрудника знаменитаго Сперанскаго, временнаго любимца всесильнаго Аракчеева,—которые оба весьма высоко цѣнили его выдающіяся способности, честное отношеніе къ дѣлу и необыкновенное трудолюбіе.

I.

Г. С. Батенковъ (или Батеньковъ) по происхожденію сибирякъ; родился въ г. Томскѣ (а по другимъ свидѣтельствамъ въ Тобольскѣ), 25 марта 1793 г. Отецъ его отставной оберъ-офицеръ, женатый два раза, имѣлъ кучу дѣтей, изъ которыхъ послѣднимъ былъ Гавріилъ Степановичъ. Младенецъ появился на свѣтъ въ такомъ истощенномъ состояніи, что его сочли за мертворожденнаго; разсказываютъ даже, что онъ только въ гробикѣ своемъ подалъ первые признаки жизни. Если этотъ разсказъ и отзывается чѣмъ-то легендарнымъ,—тѣмъ не менѣе, о чрезмѣрной слабости своего организма въ младенчествѣ свидѣтельствовалъ потомъ самъ Гавріилъ Степановичъ. Нервная воспріимчивость проявлялась въ высшей степени при всѣхъ особыхъ случаяхъ изъ эпохи его дѣтства, отчасти оставивъ слѣды и на всю остальную его жизнь, хотя физическое его здоровье, вообще, впослѣдствіи окрѣпло до такой степени и такъ закалилось, что не могли сломить его самыя необычайныя и тяжкія испытанія.

О слабости своей нервной системы въ дѣтствѣ самъ Батенковъ разсказываетъ, что когда, однажды, нянька внесла его въ мѣстный соборный храмъ, то онъ до такой степени испугался колоссальнаго изображенія Спасителя, что лишился чувствъ; а звукъ новаго соборнаго колокола съ такой силою подѣйствовалъ на его нѣжные органы, что навсегда разстроилъ слухъ. „Можно сказать,— писалъ впослѣдствіи самъ Батенковъ,—что колоколъ и изображеніе повредили моему воспитанію, и трудно найти младенца, которому страхъ болѣе попрепятствовалъ въ тѣлесномъ развитіи и первоначальномъ обученіи. Страхъ этотъ могъ напослѣдокъ лишить разсудка. Когда нечаянно на глазахъ моихъ выбѣжалъ изъ острога человѣкъ, закованный въ кандалы, я рѣшительно сталъ бояться желѣза, вездѣ подозрѣвалъ, что оно несносно, и одинъ видъ вблизи острожныхъ башенъ ввергалъ меня въ безпамятство“.

Можно себѣ представить, какъ на подобную натуру долженъ былъ подѣйствовать видъ страданій и крови. Сдѣлавшись однажды случайнымъ свидѣтелемъ, какъ убивали къ столу ка-

кую-то домашнюю птицу, Батенковъ навсегда получилъ отвращеніе отъ всякой животной пищи и во всю жизнь пробавлялся овощами, молочными продуктами и т. п.

Родители Гавріила Степановича были люди весьма благочестивые, такъ что ему, кромѣ частаго хожденія къ церковнымъ службамъ, приходилось и дома нерѣдко присутствовать при бесѣдахъ о жизни разныхъ подвижниковъ. Вслушиваясь въ эти бесѣды, впечатлительный мальчикъ задался мыслью подражать святымъ угодникамъ и сталъ налагать на себя разные виды воздержанія. „Важнѣе всего,—разсказываетъ самъ Батенковъ,—что я понялъ смыслъ словъ: „не будетъ конца“, обративъ это на муки во адѣ, и уединился... Мучился подолгу, и мысль сдѣлалась неотступною. Хотѣлось спастись, чего бы ни стоило, и, услышавъ о жизни св. Даніила Столпника, я разсудилъ, что это самое трудное, а потому рѣшительное средство. Вскарабкался, хотя и съ боязнію, на одинъ изъ заборныхъ столбовъ въ огородѣ, съ намѣреніемъ простоять на немъ всю жизнь. Черезъ нѣсколько минутъ закружилась у меня голова и напалъ такой страхъ, что я закричалъ во все горло. Увидѣли, сняли и дивились такой небывалой во мнѣ смѣлости; стали разспрашивать и я разсказалъ все. Отецъ не смѣялся, но сильною добротою сердца успокоилъ меня, объяснивъ, что я еще младенецъ, и не понимаю нисколько, что̀ дѣлаю. Я ему глубоко повѣрилъ и съ того времени сталъ немного рѣзвѣе и веселѣе, пересталъ задумываться“.

Глубокая и разумная религіозность оставалась, однако, до конца жизни одною изъ отличительныхъ чертъ Гавріила Степановича и служила ему важнѣйшею поддержкою при постигшихъ его впослѣдствіи невзгодахъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ:

„Впечатлѣніе младенчества успокоилось и не возмутило разсудка, но оставалось и крѣпло со временемъ, хотя и казалось заглушеннымъ въ волнахъ жизни; я почиталъ его добрымъ, какъ напоминаніе о смерти и будущей жизни, хотя оно чувствовалось совсѣмъ иначе, нежели естественная совѣсть. Оно возымѣло полное дѣйствіе уже въ мужескій возрастъ, когда житейское бѣдствіе обрушилось надо мною. Я полагалъ остатокъ дней провести въ крайнемъ смиреніи и непрестанной молитвѣ; стоялъ на

колѣняхъ передъ образомъ по цѣлымъ часамъ; боролся съ собою, не чувствуя желаемаго умиленія, и продолжалъ это дотолѣ, пока внезапнымъ осіяніемъ ума обнялъ какое мнѣ свойственно богопознаніе и вѣрованіе, увидѣлъ, что принятый мною путь есть только отрицаніе и не ведетъ ни къ чему, кромѣ изнуренія. Можно сказать, что съ того времени все врѣзавшееся мнѣ въ душу, какъ законъ — (это ось, подобная той, которая дѣлитъ наше чувство, симметрически, на правое и лѣвое), — обернулось къ нему свѣтлою, лицевою стороною. Я утвердился на ней. Впослѣдствіи, прочитавъ „Исповѣдь“ Гоголя и зная вполнѣ его состояніе, желалъ я изъяснить ему его; написалъ сряду два къ нему письма, одно, и лучшее, не дошло. На другое онъ отвѣчалъ, благодарилъ и обѣщалъ не почитать свои „Мертвыя души“ ни слишкомъ великимъ дѣломъ, ни грѣхомъ смертнымъ“.

Родителей своихъ Батенковъ лишился, повидимому, находясь еще въ отроческомъ возрастѣ. Кто занимался его домашнимъ воспитаніемъ, намъ неизвѣстно; что же касается до первоначальнаго обученія, то въ немъ, какъ кажется, главную роль играли врожденная любознательность и недюжинныя способности мальчика. Гражданской грамотѣ онъ выучился самоучкою, безъ всякаго усилія, по буквеннымъ карточкамъ; частое же присутствіе при богослуженіи и любовь къ церковнымъ пѣснопѣніямъ побудили его заняться славянскимъ языкомъ, съ которымъ онъ тоже самъ и безъ особеннаго труда освоился.

Обученье у учителей началось довольно оригинальнымъ образомъ: съ ариѳметики и татарской граматики. Писать Батенковъ началъ прямо, безъ приготовленія и, по собственному его свидѣтельству, — едва-ли не прежде всего татарскими буквами. Объяснить эту странность можно, какъ кажется, близкимъ знакомствомъ Батенковыхъ съ ссыльнымъ графомъ Салтыковымъ, большимъ любителемъ и знатокомъ татарскаго языка, конечно, весьма полезнаго при сношеніяхъ съ инородцами юго-западной Сибири и прилегающихъ къ ней киргизскихъ земель.

Любимымъ товарищемъ Гавріила Степановича, въ отроческихъ лѣтахъ, былъ одинъ молодой живописецъ. Дружба съ нимъ тоже содѣйствовала саморазвитію Батенкова и другихъ юныхъ пріятелей его. „Во время продолженія работъ,—разсказываетъ онъ самъ,—мы, незанятые, слѣдили съ любопытствомъ

и за приготовительною техникою, и за постепеннымъ проявленіемъ рисунковъ, и за красками готовящихся изображеній, и въ то же время, кто могъ, читалъ книги, а послѣ, какъ умѣли, старшіе разбирали ихъ. Живительнѣе всего были сочиненія Карамзина, Путешествіе, Аглая, Бездѣлки, иногда восторгались и парили съ Державинымъ и находили ближе къ сердцу Дмитріево-Богдановича, Долгорукова".

О пребываніи Батенкова въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ (о чемъ упоминается въ нѣкоторыхъ о немъ свѣдѣніяхъ) и въ Тобольскомъ въ Военно-сиротскомъ отдѣленіи (какъ значится въ его послужномъ спискѣ) не осталось воспоминаній; равно неизвѣстно намъ, когда и кѣмъ онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ, откуда, 21 мая 1812 года, т. е. наканунѣ великой Отечественной войны, былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 13-ю артилерійскую бригаду.

Съ этою бригадою, состоявшею въ корпусѣ генералъ-лейтенанта бар. Сакена, Батенковъ участвовалъ въ преслѣдованіи непріятельскихъ войскъ за предѣлы Россіи; въ 1813 г. былъ при занятіи Варшавы и Кракова (27 января и 1 мая); въ томъ же году, августа 7-го, находился въ дѣлѣ при г. Кренбау, гдѣ контуженъ въ лѣвое плечо; 4 октября, во время вылазки непріятеля изъ крѣпостей Витенберга и Магдебурга, спасъ и доставилъ къ нашимъ войскамъ артиллерійскіе снаряды, едва было не попавшіеся въ руки французовъ, — за что награжденъ былъ чиномъ подпоручика (по приказу 17 декабря 1813 г.). Въ 1814 г., января 7-го, въ дѣлѣ при г. Вокулерѣ, командуя двумя орудіями, дѣйствовалъ отдѣльно, со стрѣлками; 17 и 20 января участвовалъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ при Шато-Бріеннѣ и Ла-Ротьерѣ, и за отличіе въ послѣднемъ изъ сихъ сраженій награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; 24-го того же мѣсяца былъ при пораженіи французскаго отряда у с. Содронъ, а 30-го числа участвовалъ въ несчастномъ для насъ сраженіи при Монмиралѣ, которымъ временно пріостановлена была его боевая дѣятельность. Находясь въ аріергардѣ, прикрывавшемъ отступленіе войскъ Сакена, Батенковъ съ своими двумя орудіями такъ упорно и долго держался на позиціи, что былъ окруженъ непріятелемъ, получилъ десять штыковыхъ ранъ

и оставленъ замертво на полѣ сраженія [1]). Человѣколюбіе случайно наткнувшагося на него французскаго офицера, высланнаго съ командою, для уборки труповъ, спасло Батенкова отъ неминуемой смерти; онъ былъ отнесенъ въ городской госпиталь, гдѣ и пролежалъ до занятія Монмираля русскими войсками (10 февраля).

Молодость взяла свое: Гавріилъ Степановичъ поправился и вернулся въ свою батарею, гдѣ товарищи считали его убитымъ. Марта 15-го онъ уже снова участвовалъ въ дѣлѣ при Сенъ-Міэлѣ, гдѣ командовалъ двумя орудіями, состоя при корпусѣ прусскихъ войскъ, подъ командою королевскаго генералъ-маіора принца Бирона Курляндскаго. Затѣмъ, по 4-е апрѣля, находился при блокадѣ крѣпости Мецъ. При переименованіи артиллерійскихъ бригадъ (23 сентября 1814 года) Батенковъ назначенъ былъ въ легкую № 53 роту 27-й артиллерійской бригады.

Въ 1815 году войска наши были вновь двинуты заграницу. Этотъ походъ Батенкову пришлось совершить подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова. Въ составѣ другихъ войскъ нашихъ, пришедшихъ во Францію, онъ, съ 22-го по 25-е іюня, участвовалъ въ блокадѣ Меца, откуда ходилъ въ г. Вертю, а осенью возвратился въ Россію.

Надо замѣтить, что, повидимому, еще во время службы въ строю (хотя неизвѣстно въ какомъ именно году), Батенковъ сдѣлался, по обычаю того времени, членомъ масонскаго общества и состоялъ въ петербургской ложѣ „Избраннаго Михаила", въ союзѣ „Великой ложи Астреи". Тутъ же прибавимъ, что при переходѣ на службу въ Сибирь (о чемъ скажется ниже) онъ былъ въ числѣ основателей ложи „Восточнаго Свѣтила" въ Томскѣ, учрежденной въ 1818 году и принадлежавшей къ союзу той же Астреи.

Посѣщеніе масонскихъ собраній, конечно, не могло остаться безъ сильнаго вліянія на такую воспріимчивую натуру, какая была у Гавріила Степановича. Характеръ этого вліянія на людей молодаго поколѣнія (временъ Александра I) весьма удачно опредѣленъ извѣстнымъ нашимъ публицистомъ А. Н. Пыпинымъ.

[1]) Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ было сказано: «потеряны двѣ пушки со всею прислугою отъ чрезмѣрной храбрости командовавшаго ими офицера».

„Соединеніе въ ложахъ людей разныхъ общественныхъ положеній, возрастовъ, мнѣній,—говоритъ онъ,—соединеніе ихъ во имя какой-то идеи, должно было производить впечатлѣніе; мысль, что они исполняютъ какую-то програму, служатъ какимъ-то нравственнымъ и общественнымъ цѣлямъ, способна была дѣйствовать возбуждающимъ образомъ, особенно въ тогдашнее время. Событія двѣнадцатаго года и послѣдующаго времени волновали умы, и когда Россія впервые въ этихъ событіяхъ стала лицомъ къ лицу съ Европой, то враждебно, то въ извѣстномъ союзѣ, политическое возвышеніе Россіи подняло и уровень интересовъ общества; неясные зачатки общественной самодѣятельности обнаружились и въ масонскихъ ложахъ. Библейскіе дѣятели думали обновлять русскую жизнь евангельской пропагандой, масонскія ложи хотѣли работать для „благополучія человѣковъ“ усовершеніемъ нравственности. Что эти первыя пробы не были совершенно безплодны, можно судить потому, что въ ложахъ уже скоро стало сказываться броженіе, которое, не ограничиваясь отвлеченною моралью, стало искать болѣе положительныхъ началъ, примѣнимыхъ къ общественной жизни. Разныя направленія, какія были въ обществѣ, проникаютъ въ ложи и находятъ здѣсь точку опоры. Въ масонствѣ, которое до сихъ поръ служило всего болѣе религіозной мистикѣ, является новое направленіе,—политическій либерализмъ [1])“.

Къ этимъ вліяніямъ масонской ложи присоединялись другія, не менѣе, если еще не болѣе сильныя. Долговременное пребываніе нашихъ войскъ, по случаю войны съ Наполеономъ, въ западно-европейскихъ государствахъ, ознакомленіе съ тамошнимъ строемъ жизни и приравниваніе его къ нашему—все это, по свидѣтельству современниковъ и участниковъ походовъ 1813 и 1814 годовъ, имѣло возбуждающее дѣйствіе на болѣе развитую часть нашей военной молодежи, заронило въ нее новые политическіе инстинкты, и прежнія, обычныя рамки жизни для многихъ показались уже слишкомъ тѣсными. Мрачная эпоха Аракчеевщины, установившаяся почти непосредственно по возвращеніи нашихъ войскъ изъ похода, не могла, въ свою очередь, не усилить этого возбужденнаго состоянія.

[1]) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, А. Н. Пыпина. Спб., 1885 г., стр. 325.

Неудивительно, что Батенковъ, съ его пылкимъ воображеніемъ и дѣятельнымъ умомъ, вращавшійся постоянно въ кругу масоновъ и военной молодежи, охваченъ былъ волною этихъ многочисленныхъ вліяній.

По возвращеніи войскъ нашихъ въ Россію, онъ недолго оставался въ военной службѣ, и въ началѣ 1816 года (вслѣдствіе, какъ говорятъ, какихъ-то столкновеній съ начальствомъ) вышелъ въ отставку.

Замѣчательныя математическія способности помогли ему, однако, скоро найти для себя новый родъ дѣятельности: онъ поступилъ въ недавно учрежденное тогда вѣдомство инженеровъ путей сообщенія. Но и здѣсь ему сначала не повезло. Ретивое и честное отношеніе его къ дѣлу, должно быть, проявилось въ формахъ не совсѣмъ удобныхъ для нѣкоторыхъ господъ. Батенковъ былъ вскорѣ ославленъ „безпокойнымъ человѣкомъ“ и отправленъ на службу въ Западную Сибирь, съ званіемъ управляющаго X-мъ округомъ путей сообщенія (еще не открытымъ).

По врожденному характеру, Батенковъ, конечно, не могъ примириться съ бездѣятельностію, на которую былъ обреченъ, попавъ опять на свою родину въ Томскъ. За отсутствіемъ служебныхъ работъ, онъ, повидимому, направилъ свою дѣятельность на учрежденіе въ Томскѣ масонской ложи (см. выше), при которой и состоялъ въ должности секретаря. Кромѣ того, онъ, при случаѣ, занимался и предметами своей прямой служебной спеціальности; но тутъ опять ухитрился оправдать свою репутацію „безпокойнаго человѣка“. Мѣстнымъ губернаторомъ подана была высшему начальству смѣта о стоимости постройки какого-то предполагавшагося моста. Батенковъ вызвался построить его за полъ-цѣны. Подобный поступокъ, который, вѣроятно, былъ не единственнымъ въ своемъ родѣ, могъ бы при тогдашнихъ сибирскихъ порядкахъ — повлечь за собою крайне грустныя послѣдствія для молодаго инженернаго капитана. На его счастіе, около этого же именно времени (1819 г.), прибылъ въ Сибирь на ревизію знаменитый Сперанскій.

II.

Съ пріѣздомъ Сперанскаго въ Сибирь наступаетъ новая эра въ жизни Батенкова. При вопіющихъ злоупотребленіяхъ, царившихъ въ этой странѣ, — при крайнемъ недостаткѣ благонадежныхъ людей въ тамошней администраціи, для новаго генералъ-губернатора, конечно, было счастливою находкою встрѣтить человѣка не только честнаго и образованнаго, но и хорошо знакомаго съ краемъ. Есть извѣстія, что первому сближенію обоихъ названныхъ лицъ содѣйствовало то, что и тотъ и другой принадлежали къ франкъ-масонскому союзу и что Гавріилъ Степановичъ рекомендованъ былъ Сперанскому предсѣдателемъ Томской ложи, генералъ-маіоромъ Трейблютомъ. Впрочемъ, уже одна записка по части путей сообщенія, которую Батенковъ, пріѣхавъ въ Тобольскъ, представилъ генералъ-губернатору, должна была обратить на него вниманіе послѣдняго. Записка и ея сочинитель, въ которомъ тотчасъ можно было замѣтить пылкое воображеніе, творческія идеи и, вообще, блестящія дарованія, такъ понравились Сперанскому, что онъ оставилъ Батенкова при себѣ во время поѣздокъ по Сибири и пребыванія въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Послѣ окончанія занятій по своей части (изъ которыхъ главными были укрѣпленіе береговъ р. Ангары и предначертаніе работъ на китайской границѣ), Батенковъ призванъ былъ къ новымъ трудамъ по задуманному Сперанскимъ преобразованію всѣхъ существующихъ въ Сибири учрежденій. Въ этомъ дѣлѣ, Гавріилъ Степановичъ—какъ по выше указаннымъ своимъ качествамъ, такъ и по многочисленнымъ связямъ во всѣхъ слояхъ мѣстнаго населенія — былъ для Сперанскаго незамѣнимымъ человѣкомъ. Послѣдній поручилъ ему собирать отовсюду матеріалы для мѣстной статистики, сводъ и обработка которыхъ возложены были на генералъ-губернаторскаго секретаря Жуковскаго.

Во время пребыванія съ Сперанскимъ въ Иркутскѣ, Гавріилъ Степановичъ представилъ ему, въ видѣ научныхъ обозрѣній, записки о слѣдующихъ предметахъ:

1) О сухопутныхъ сообщеніяхъ.

2) Объ учрежденіи этаповъ.

3) О ссыльныхъ.

4) Объ инородцахъ.

5) О сибирскихъ казакахъ.

6) О занятіи киргизской степи Средней орды.

7) О приведеніи въ извѣстность земель въ Сибири. (Эта записка была впослѣдствіи изъята изъ общаго хода дѣлъ, передана начальнику главнаго штаба, князю Волконскому, и послужила потомъ основой производства съемокъ).

Кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ, Батенковъ занимался еще изысканіемъ пути около оз. Байкала, съ обозрѣніемъ мѣстности, и разсмотрѣніемъ дѣла о дорогѣ къ Восточному океану; также учрежденіемъ первой въ Сибири ланкастерской школы и составленіемъ для нея учебниковъ, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ геометрическій.

По возвращеніи въ Тобольскъ, довѣренные чиновники Сперанскаго, подъ личнымъ его руководствомъ, приступили къ обработкѣ собранныхъ свѣдѣній. Плодомъ ихъ занятій (продолжавшихся съ сентября 1820 по январь 1821 года) было такъ называемое: „Сибирское учрежденіе", съ принадлежащими къ нему уставами и положеніями. Сотрудники по этому дѣлу составляли особую „рабочую", независимую отъ канцеляріи генералъ-губернатора. Въ рабочей этой занимались слѣдующія лица: Рѣпинъ (впослѣдствіи сенаторъ), Вейкартъ (служившій по генеральному штабу), Буличъ (умершій въ Казани секретаремъ при генералѣ Львовѣ), Протопоповъ (служившій потомъ въ министерствѣ финансовъ) и, лично при Батенковѣ, нѣкто Текутьевъ, находившійся на службѣ въ Сибири. Составленный Батенковымъ проектъ о сухопутныхъ сообщеніяхъ въ Сибири переведенъ былъ чиновникомъ Вильде на французскій языкъ, для генерала Бетанкура, главнаго въ то время начальника этой части въ имперіи, но мало разумѣвшаго по русски. Все дѣло, вообще, велось въ глубокой тишинѣ и тайнѣ, какъ вообще производились дѣла сего рода при Александрѣ I-мъ.

Способности и трудолюбіе молодаго инженера были по достоинству оцѣнены Сперанскимъ, который включилъ его въ число своихъ приближенныхъ и, при отъѣздѣ въ Петербургъ, взялъ его

съ собою. Оттуда Батенковъ, изнуренный чрезмѣрною работою и страдавшій отъ прежнихъ боевыхъ ранъ, отправился въ четырехъ мѣсячный заграничный отпускъ для лѣченія германскими минеральными водами. Изъ заграницы онъ, повидимому, еще до окончанія срока отпуска, былъ вызванъ снова въ Петербургъ, гдѣ Сперанскій нуждался въ его содѣйствіи при изготовленіи всеподданнѣйшаго отчета по сибирскимъ дѣламъ, такъ какъ вскорѣ ожидалось прибытіе въ Петербургъ императора Александра, съ конгресса въ Лайбахѣ (1821 г.). По возвращеніи, Батенковъ былъ зачисленъ въ резервъ корпуса инженеровъ путей сообщенія. По приглашенію своего покровителя, онъ поселился у него въ домѣ, ежедневно съ нимъ видѣлся и у него обѣдалъ и, вообще, сдѣлался домашнимъ, своимъ человѣкомъ у Сперанскаго. Такая близость съ этимъ государственнымъ мужемъ, въ домѣ котораго онъ имѣлъ, кромѣ того, случай видѣться и сближаться съ цвѣтомъ тогдашней петербургской интеллигенціи (какъ, напр., съ поэтомъ Жуковскимъ, который его очень любилъ), конечно, не мало способствовала расширенію умственнаго кругозора Гавріила Степановича. Кромѣ занятій окончательною обработкою почти уже завершеннаго „Сибирскаго уложенія", особенно по киргизскимъ дѣламъ и учрежденію Омской области, онъ печаталъ разныя статьи о Сибири въ „Сынѣ Отечества", откуда онѣ переводились и въ нѣмецкіе журналы.

По возвращеніи императора Александра I изъ заграницы, ему представленъ былъ Сперанскимъ отчетъ и доложены общія черты приготовляемыхъ работъ. Тогда, по высочайшему повелѣнію, учрежденъ былъ, указомъ 28 іюня 1821 года, „Сибирскій комитетъ" изъ графовъ: Кочубея, Гурьева, Аракчеева, князя Голицына, барона Кампенгаузена и самого Сперанскаго. Производителями дѣлъ комитета были назначены Цейеръ и Батенковъ, произведенный передъ тѣмъ, по линіи, въ маіоры. Вскорѣ, однако, Гавріилу Степановичу пришлось работать одному, такъ какъ его товарищъ былъ, по болѣзни, уволенъ заграницу. За труды свои Батенковъ былъ вознагражденъ пожалованіемъ 10 т. рублей ассигнаціями, единовременно.

По утвержденіи всего „Учрежденія" (22 мая 1822 года) комитетъ продолжалъ существовать для приведенія онаго въ исполненіе. Предсѣдателемъ комитета сдѣлался всесильный графъ

Аракчеевъ. Помимо личной рекомендаціи Сперанскаго, Батенковъ, своими способностями и усидчивостью въ работѣ, не могъ не обратить на себя вниманія могучаго временщика. Аракчеевъ изъявилъ желаніе, чтобы Гавріилъ Степановичъ вступилъ на службу по военнымъ поселеніямъ и такъ какъ Сперанскій совѣтовалъ ему принять это предложеніе, то Батенковъ изъявилъ согласіе служить въ поселеніяхъ, сказавъ, что не гоняется ни за чинами, ни за знаками отличія, а хотѣлъ бы получать хорошее содержаніе; оставленный въ составѣ особой комиссіи по сибирскимъ дѣламъ, онъ былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ членомъ совѣта военныхъ поселеній и редакторомъ постановленій по сей части, съ ежегоднымъ окладомъ жалованья въ 10 т. руб. ассигнаціями [1]).

Сначала Аракчеевъ благоволилъ Батенкову, называлъ его мой математикъ; но это продолжалось недолго. Быстрые служебные успѣхи человѣка, никому дотолѣ неизвѣстнаго, не имѣвшаго никакихъ связей и, не смотря на то, сдѣлавшагося близкимъ такимъ людямъ, какъ Сперанскій и, особенно, Аракчеевъ, конечно, породили во многихъ лицахъ зависить. Въ числѣ недоброжелателей Батенкова былъ начальникъ штаба военныхъ поселеній, генералъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, которому вслѣдствіе сего долженъ былъ быть на руку безъимянный доносъ на Гавріила Степановича, послѣдовавшій за на-

---

[1]) Отправляя Батенкова къ Аракчееву, Сперанскій написалъ послѣднему слѣдующее письмо (отъ 20 августа 1822 г.):

«По назначенію вашего сіятельства, Батенковъ отправляется сегодня, чтобы явиться завтра въ Грузинѣ. Я ничего не сказывалъ ему опредѣлительнаго о будущей судьбѣ его, представилъ только ему случай пріобрѣсти знакомство и, если онъ успѣетъ, и милости ваши, замѣтивъ ему одно то съ достовѣрностію, что на настоящемъ его пути не можетъ онъ встрѣтить ничего лестнаго, въ чемъ и самъ онъ кажется мнѣ убѣжденнымъ, сколь ни велики привязанности его къ корпусу, гдѣ онъ довершилъ свое образованіе. О прежней службѣ его не излишнимъ считаю приложить послужной его списокъ. Служба его хотя и не блистательна, но довольно было дѣятельна; жаль только, что увѣчье предвѣщаетъ ему болѣзненную старость. Тѣмъ болѣе онъ долженъ употребить остатокъ молодости въ свою пользу, чтобъ не умереть на инвалидномъ содержаніи».

Въ другомъ письмѣ Сперанскаго Аракчееву (отъ 22 ноября 1822 г.) онъ, между прочимъ, говоритъ: «за Батенкова я смѣю ручаться, что онъ будетъ трудиться искренне и усердно». (Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I, сборникъ Н. Ѳ. Дубровина. Спб. 1883).

сильственною смертію пресловутой Настасьи Минкиной. Въ доносѣ этомъ, помимо сообщенія о томъ, яко-бы Батенковъ выражалъ радость по поводу означенной смерти, на него взводились обвиненія въ самыхъ гнусныхъ поступкахъ изъ видовъ корыстолюбія [1]). Наговоры Клейнмихеля принесли желанный плодъ: Аракчеевъ охладѣлъ къ своему любимцу. Когда же, въ 1825 году, болѣзнь и душевное разстройство Аракчеева, послѣ смерти его возлюбленной, подали поводъ къ слухамъ, будто-бы онъ намѣревался просить увольненія отъ всѣхъ дѣлъ, то Батенковъ, опасаясь, чтобы Клейнмихель не сдѣлался его главнымъ начальникомъ, подалъ въ отставку и получилъ ее.

III.

Оставшись не при чемъ послѣ весьма усердной и выдающейся дѣятельности, лишившись видовъ на дальнѣйшую служебную карьеру, самолюбивый Батенковъ, конечно, пришелъ въ состояніе нравственнаго раздраженія,—въ то состояніе, при которомъ слишкомъ часто, — хотя и не всегда основательно, — является склонность взваливать вину своихъ личныхъ неудачъ на существующій общій порядокъ вещей. Такимъ душевнымъ настроеніемъ не замедлили воспользоваться члены тайнаго общества, съ которыми Батенковъ, живя въ Петербургѣ, имѣлъ случай сблизиться. Первый поводъ къ такому сближенію подалъ Александръ Бестужевъ, заведя рѣчь о томъ, какія могли-бъ быть послѣдствія, если-бы Россія имѣла представительное правленіе. На замѣчаніе Батенкова о недостаткѣ людей, которые поддерживали-бы такое правленіе, Бестужевъ возразилъ, что „есть люди, которые стремятся къ тому“. Когда же Батенковъ отвѣчалъ, что и самъ онъ съ полною готовностью желалъ бы чѣмъ нибудь тому содѣйствовать, Бестужевъ сказалъ: „стоитъ только рѣшиться, и кратчайшій тому путь—заставить сенатъ, чтобы онъ объявилъ конституцію“.

Повидимому, не ранѣе какъ мѣсяца за два до злополучнаго

---

[1]) «Рус. Старина». изд. 1882 г., книга апрѣль, стр. 182—185.

мятежа 14 декабря 1825 года, Батенковъ окончательно сблизился съ членами тайнаго общества (такъ назыв. Сѣвернаго), между которыми немедленно сталъ играть замѣтную роль. Бесѣдуя со своими сообщниками, онъ возбудилъ въ нихъ надежду устроить основаніе ихъ дѣйствій въ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ было много недовольныхъ своимъ положеніемъ. По словамъ Батенкова: „Зрѣлище военныхъ поселеній и Западной Сибири, угнетаемой самовольнымъ и губительнымъ управленіемъ, общее неустройство, общія жалобы, бѣдность, упадокъ и стѣсненіе торговли, ученія, самыхъ чувствъ возвышенныхъ, неосновательность и бездѣйствіе законовъ, несуществованіе истинной полиціи, все располагало съ одной стороны не любить существующій порядокъ, а съ другой—думать, что революція близка и неизбѣжна". Однажды, когда Николай Бестужевъ (морякъ) сказалъ Батенкову, что по мнѣнію Рылѣева—„Кронштадтъ есть нашъ островъ Леонъ" (т. е. резиденція либеральнаго правленія), и прибавилъ отъ себя: „а тамъ, кромѣ картъ и билліарда, ни о чемъ не думаютъ", Батенковъ возразилъ, что, „напротивъ того, нашъ островъ Леонъ долженъ быть на Волховѣ, либо на Ильменѣ" (т. е. въ мѣстахъ расположенія военныхъ поселеній). Многіе изъ членовъ тайнаго общества цѣнили Батенкова такъ высоко, что когда зашла рѣчь о назначеніи Мордвинова и Сперанскаго членами предполагавшагося временнаго правленія и возникло сомнѣніе, чтобы Сперанскій согласился принять на себя эту должность, тогда такъ называемая „верховная дума" тайнаго общества намѣревалась избрать вмѣсто него Батенкова. Этотъ разсказъ о Батенковѣ (взятый изъ собственнаго показанія его въ слѣдственной комиссіи) помѣщенъ въ сочиненіи генерала М. И. Богдановича „Исторія царствованія императора Александра I". Въ дополненіе къ нему приведемъ изъ донесенія „Слѣдственной комиссіи" тѣ мѣста, которыя касаются кратковременнаго участія Батенкова въ тайномъ обществѣ. (Стр. 56) „Осенью въ семъ-же 1825 году другой человѣкъ (подполковникъ Батенковъ), совсѣмъ иныхъ свойствъ, но также какъ Якубовичъ не бывшій членомъ Сѣвернаго общества, а знавшій тайныя намѣренія руководителей онаго, вошелъ случайно въ дружескія связи съ Рылѣевымъ и Александромъ Бестужевымъ. Рылѣевъ рѣшился сдѣлать Батенкова однимъ изъ своихъ главныхъ пособниковъ. Бестужевъ утверждаетъ, что онъ, напротивъ,

долго подозрѣвалъ его, и слова, согласныя съ ихъ словами и образомъ мыслей, почиталъ способомъ извѣдыванія; однако же, говоря съ нимъ однажды о томъ, что̀ бы могло быть въ Россіи при новомъ образѣ правленія, онъ прибавилъ: есть 20 или 30 удалыхъ головъ, которыя для такой перемѣны на все готовы. Батенковъ отвѣчалъ: я почелъ бы себя недостойнымъ имени русскаго, если бы отсталъ отъ нихъ. Вскорѣ послѣ того Рылѣевъ, пришедши къ Александру Бестужеву, вскричалъ: какъ ты былъ несправедливъ, сомнѣваясь въ Батенковѣ! онъ нашъ. Съ сихъ поръ они обходились съ нимъ какъ съ ближайшимъ сообщникомъ, не скрывая отъ него своихъ надеждъ и умысловъ, по крайней мѣрѣ главнаго: перемѣны правленія; но на счетъ силъ и средствъ тайнаго общества, кажется, успѣли обмануть его. Батенковъ, какъ самъ показываетъ, сначала въ разговорахъ съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ искалъ одной забавы, хотѣлъ блистать остроуміемъ и смѣлыми мечтами, но потомъ, лишась выгоднаго мѣста (въ совѣтѣ военныхъ поселеній), по печальному стеченью обстоятельствъ и непріятнымъ образомъ, онъ въ волненіи оскорбленнаго самолюбія сталъ раздѣлять съ ними ихъ преступныя желанія, а мало по малу и планы, особливо познакомившись съ пріѣхавшимъ въ октябрѣ изъ Кіева княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ. Впрочемъ, какъ видно изъ собственныхъ извѣтовъ Батенкова, его всегда влекли къ таинственности и къ замысламъ дерзостнаго честолюбія, и воображеніе болѣе безпокойное, нежели живое, и высокая мысль о себѣ, и самые успѣхи по службѣ. Не знавъ еще Рылѣева и Бестужева, онъ когда-то въ дорогѣ, думая о способахъ, коими правительство можетъ оградить себя отъ покушеній враждебныхъ ему тайныхъ обществъ, и находя, что къ сему оно должно употреблять другія имъ заводимыя сообщества, сочинилъ планъ тайнаго общества противъ правительства (?) вѣроятно въ томъ, къ коему онъ несовершенно присоединился, г. Батенковъ полагалъ силы, которыя предназначалъ своему; онъ самъ говоритъ, что въ Рылѣевѣ видѣлъ не что иное, какъ агента настоящихъ сокровенныхъ правителей общества и средоточіемъ онаго считалъ главную квартиру 2-й арміи; хотѣлъ, однако же, посредствомъ связей съ здѣшними членами преобразовать по своему плану, или, буде не успѣетъ, разрушить его, разгласивъ

черезъ своихъ знакомыхъ о существованіи заговора и наименовавъ князя Трубецкаго въ числѣ злоумышленниковъ [1]). Я не подозрѣвалъ, прибавляетъ онъ, что уже стою между ними. Происшествія скоро доказали, что всѣ его предположенія были столь уже неосновательны, сколь и противозаконны; онъ ежедневно болѣе и болѣе увлекался въ сообщничество съ мятежниками; сначала содѣйствовалъ имъ только изъявленіемъ сходнаго съ ихъ мнѣніемъ образа мыслей, а послѣ совѣтами, въ коихъ иногда указывалъ умѣренность, даже нѣкоторое благоразуміе. Такъ, когда при немъ стали говорить о грабежѣ, кровопролитіи, и кто-то (Александръ Бестужевъ, какъ думаетъ князь Трубецкой) сказалъ: можно и во дворецъ забраться, то Батенковъ возразилъ съ жаромъ: сохрани Боже! дворецъ во всякомъ случаѣ долженъ быть неприкосновеннымъ, священнымъ залогомъ будущей безопасности общей. Но часто, другими словами, какъ будетъ означено ниже, онъ ободрялъ ихъ къ дѣйствію, и они считали его важнымъ для себя пособникомъ, ибо, съ своей стороны обманываясь, полагали, что г. Батенковъ имѣетъ на значительныхъ въ государствѣ людей вліяніе, котораго онъ не имѣлъ никогда. Потому льстили его чрезмѣрному самолюбію и каждое слово его казалось имъ замѣчательнымъ".

Повѣствуя о томъ, какое впечатлѣніе произведено было на членовъ Сѣвернаго тайнаго общества извѣстіями о кончинѣ императора Александра I-го, о манифестѣ, коимъ онъ назначалъ преемника державы, и о присягѣ, уже данной цесаревичу Константину, составитель „донесенія" говоритъ: „Въ своихъ совѣщаніяхъ они не скрывали терзавшей ихъ досады. Батенковъ говорилъ двумъ Бестужевымъ (Александру и Николаю): потерянъ случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣлыя 50 лѣтъ, если-бы въ государственномъ совѣтѣ были головы, то нынѣ Россія присягнула бы вмѣстѣ и новому государю, и новымъ законамъ. Теперь все для насъ пропало невозвратно. Къ досадѣ въ нихъ присоединялся и страхъ, что обществу нельзя уже будетъ существовать. Хотя Трубецкой утверждалъ, что это не бѣда, что надо лишь приготовиться содѣйствовать южнымъ, если они подымутся; однако-жъ, и онъ, съ дру-

---

[1]) Онъ для сего опредѣлялъ 1-го января и поздравительныя посѣщенія.

гими главными членами, положилъ прекратить общество, по крайней мѣрѣ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Но тутъ же, разсуждая о присягѣ 27 ноября, Батенковъ примолвилъ: „какъ легко въ Россіи произвести перемѣну! Стоитъ разослать печатные указы изъ сената. Только въ ней не можетъ быть другаго правленія, кромѣ монархическаго; однѣ церковныя ектеніи не допустятъ насъ до республики. Хоть для переходу нужна монархія ограниченная“. Когда же его сообщники замѣтили, что монарху-завоевателю легко сдѣлаться изъ ограниченнаго самовластнымъ, онъ отвѣчалъ: „Этому пособить можно: зачѣмъ имѣть мужчинъ на тронѣ? у насъ двѣ императрицы, много великихъ княгинь и княженъ“. (Стр. 61).

Отказъ цесаревича отъ престола возбудилъ новыя надежды въ заговорщикахъ, начинавшихъ было подумывать о прекращеніи существованія тайнаго общества. При вновь народившихся планахъ переворота, одинъ изъ главныхъ участниковъ заговора, князь Трубецкой, въ случаѣ успѣха, долженъ былъ принять званіе диктатора. Объ участіи Батенкова въ послѣднихъ совѣщаніяхъ заговорщиковъ „Донесеніе“ гласитъ слѣдующее:

„8 декабря онъ (Трубецкой) совѣтовался съ Батенковымъ о средствахъ для замышляемой революціи и для будущаго образованія государства; они одобрили слѣдующій, составленный Батенковымъ, планъ, если можно такъ назвать предположенія безъ связи, безъ основанія, несогласныя ни съ состояніемъ Россіи, ни съ здравыми понятіями о составѣ политическихъ обществъ.

„Воспользоваться случаемъ, чтобы: 1) Пріостановить дѣйствія самодержавія, назначить временное правительство, которое учредило бы въ губерніяхъ камеры для избранія депутатовъ;

2) стараться, чтобы были установлены двѣ палаты, изъ коихъ въ верхней члены были бы опредѣляемы на всю жизнь (хотя Батенковъ и желалъ, чтобъ они были наслѣдственные);

3) употребить на сіе войска, кои не согласятся присягать вашему величеству (императору Николаю I-му), не допуская ихъ до безпорядковъ и стремясь только въ умноженіи числа ихъ.

„Впослѣдствіи же, для утвержденія конституціонной монархіи:

„Учредить провинціальныя палаты для мѣстнаго законодательства;

„Обратить военныя поселенія въ народную стражу;

„Отдать городовому правленію (муниципалитету) крѣпость Петропавловскую (о коей Батенковъ потому говорилъ: вотъ Палладіумъ русскихъ вольностей); помѣстить въ ней градскую стражу и городской совѣтъ;

„Провозгласить независимость университетовъ: московскаго, дерптскаго и виленскаго.

„При семъ Батенковъ сказалъ Трубецкому, что если всѣ войска откажутся присягать, и его выс—во цесаревичъ вслѣдствіе того пріѣдетъ въ Петербургъ, то перемѣна въ образѣ правленія будетъ невозможна; что лучше бы сообщникамъ ихъ раздѣлиться: однимъ объявить императоромъ государя цесаревича, а другимъ показывать себя преданными вашему величеству; въ случаѣ же перевѣса первой стороны, полагалъ онъ, случится одно изъ двухъ: или 1) что ваше величество согласитесь на измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи и на учрежденіе временнаго правительства, или 2) что отложите принятіе державы, и тогда они (заговорщики), объявивъ, что чрезъ то вы отрекаетесь отъ престола, провозгласятъ императоромъ наслѣдника вашего, великаго князя Александра Николаевича.

„На это князь Трубецкой отвѣчалъ, что войскъ за нихъ вѣроятно будетъ очень мало, а изъ важныхъ людей между военными никто не захочетъ участвовать въ предпріятіи. Такъ и думать не о чемъ, вскричалъ Батенковъ.

„Но и сочиняя вмѣстѣ сіи планы для ниспроверженія порядка, они, какъ видно, во многомъ или не понимали, или обманывали другъ друга. Трубецкой и сообщники его назначали Батенкова только правителемъ дѣлъ временнаго правленія, а онъ воображалъ, что будетъ членомъ онаго, и предавался мечтамъ неограниченнаго честолюбія, въ надеждѣ быть лицомъ историческимъ; хотѣлъ членами сего правленія сдѣлать одну духовную особу, себя и, чрезъ нѣсколько времени, третьимъ князя Сергѣя Трубецкаго. Тогда, имѣя большинство голосовъ на своей сторонѣ (ибо онъ надѣялся владѣть Трубецкимъ), я говоритъ онъ, управлялъ бы государствомъ и обратилъ-бы временное правительство въ регентство малолѣтняго Александра II-го. (Изъ словъ Трубецкаго онъ полагалъ, что присяга, данная вашимъ величествомъ цесаревичу, будетъ объявлена

отреченіемъ отъ престола, а по слышанному отъ Рылѣева,— что, быть можетъ, во время замышляемаго мятежа, покусятся на жизнь вашу). Затѣмъ, продолжалъ Батенковъ, мало по малу, утвердивъ себя, получивъ силу учрежденіемъ родовой аристократіи и пріобрѣтенными черезъ то связями, я дѣйствовалъ бы по обстоятельствамъ; но если-бъ государь императоръ принялъ наши условія, то я перешелъ бы на его сторону, не взявъ мѣста во временномъ правительствѣ [1]). Впрочемъ я все худо вѣрилъ, чтобъ было что нибудь предпринято" (стр. 62—65).

Далѣе, въ донесеніи Слѣдственной комиссіи говорится, что на вечернемъ собраніи, 12 декабря, у Рылѣева, въ числѣ прочихъ заговорщиковъ находился и Батенковъ. Въ этотъ вечеръ умы ихъ, очевидно, были взволнованы до послѣдней степени. Наиболѣе отчаянныя головы провозглашали необходимость самыхъ ужасныхъ мѣръ, въ родѣ истребленія всей царской фамиліи.

На слѣдующій день—новое собраніе у Рылѣева, гдѣ обсуждались опять разныя мѣры на завтрашнее число (14 декабря), когда предполагалось произвести мятежъ, воспользовавшись недоумѣніемъ войскъ по случаю принесенія присяги императору Николаю. На томъ и другомъ собраніяхъ Батенковъ видной роли не игралъ, а сказалъ лишь Александру Бестужеву, что, „кажется, успѣхъ несомнителенъ" (стр. 71).

Въ печальной памяти день 14 декабря 1825 года Батенковъ на Сенатской площади не показывался. По донесенію Слѣдственной комиссіи: „онъ проснулся съ мыслію о своемъ будущемъ величіи какъ члена верховнаго правленія; конецъ мечтамъ положила повѣстка о присягѣ. Еще нѣсколько времени онъ старался узнать, что̀ происходитъ; искалъ Александра Бестужева, Рылѣева, который ему сказалъ, что офицеры одной батареи гвардейской артиллеріи, возмутясь, ѣздятъ съ орудіями по городу; сія ложная вѣсть его поразила, и онъ

---

[1]) Онъ (Батенковъ) думалъ также предложить корону и великому князю Михаилу Павловичу, и императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. То же думалъ и говорилъ своимъ соумышленникамъ баронъ Влад. Ив. Штейнгель, надѣясь, что императрица, не имѣя дѣтей, согласится даже при жизни своей установить правленіе республиканское.

также спѣшилъ присягнуть, забывъ о планахъ для перемѣнъ въ государствѣ, о славѣ быть въ числѣ правителей и желая только, чтобы поскорѣе переловить бунтовщиковъ. Однако же, вечеромъ, когда уже тишина и порядокъ были повсюду возстановлены, онъ заѣхалъ къ Рылѣеву и, не входя, а заглядывая въ комнату, спрашивалъ: „ну! что?“ Иванъ Пущинъ, бывшій тутъ съ нѣкоторыми другими изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади мятежниковъ, обратился къ нему до половины и сказалъ въ отвѣтъ: „да вы, подполковникъ, вы-то что?“ Увидѣвъ его и барона В. И. Штейнгеля, Г. С. Батенковъ скрылся и въ теченіи двухъ недѣль, полагаясь на краткость своихъ сношеній съ членами тайнаго общества, надѣялся избѣжать подозрѣній правительства; даже, при началѣ допросовъ, онъ долго увѣрялъ, что намѣренія заговорщиковъ были ему весьма несовершенно извѣстны; что онъ, считая ихъ невозможными въ исполненіи, почти не обращалъ на нихъ вниманія; что чувствуетъ себя виновнымъ въ однихъ нескромныхъ словахъ и дерзкихъ желаніяхъ; но множество уликъ, а можетъ быть упреки совѣсти, наконецъ, превозмогли притворство; онъ полнымъ, искреннимъ признаніемъ утвердилъ свидѣтельство другихъ“ (стр. 81).

Если на основаніи приведенныхъ здѣсь выписокъ изъ „Донесенія“ судить о личности Батенкова, то нельзя сказать, чтобы она являлась намъ въ особенно выгодномъ свѣтѣ. Батенковъ выставляется тутъ человѣкомъ болѣзненно самолюбивымъ и честолюбивымъ до наивности; онъ, не смотря на свой 32-хъ лѣтній возрастъ,—то увлекается какими-то недозрѣлыми планами, свойственными развѣ малоопытному юношѣ; то думаетъ выдать своихъ соумышленниковъ; то снова всею душою присоединяется къ ихъ планамъ, и, наконецъ, въ самую рѣшительную минуту спѣшитъ присягнуть, желая лишь, чтобы поскорѣе переловили всѣхъ бунтовщиковъ. Словомъ, обнаруживаетъ полную неустойчивость въ мысляхъ и характерѣ.

Можно не безъ основанія предполагать, что, какъ всѣ идеалисты, такъ и Батенковъ въ мечтаніяхъ своихъ о неустройствѣ государства уносился слишкомъ далеко отъ условій дѣйствительной жизни и не принималъ въ разсчетъ той обстановки, при которыхъ совершаются всѣ насильственные перевороты. Одно уже

предположеніе, что такая личность, какъ Николай Павловичъ, войдетъ въ соглашеніе съ заговорщиками относительно измѣненія государственныхъ установленій въ Россіи и учрежденія временнаго правленія, доказывало бы въ Батенковѣ сильную наивность. Что касается до самолюбія и честолюбія его, то очень можетъ быть, что они временно разрослись до чрезмѣрной степени, вслѣдствіе предшествовавшихъ служебныхъ успѣховъ и выдающейся дѣятельности при такихъ высоко стоявшихъ лицахъ, какъ Сперанскій и Аракчеевъ. Этою слабою стрункою Гавріила Степановича дѣйствительно могли легко воспользоваться другіе заговорщики, чтобы привлечь его въ свое сообщество.

Допуская всѣ эти соображенія, не слѣдуетъ забывать и того, при какихъ условіяхъ совершался судъ надъ преступниками и при какихъ обстоятельствахъ приходилось имъ давать свои показанія. Это были такого рода обстоятельства, при которыхъ смущенный или устрашенный человѣкъ легко можетъ взвести поклёпъ на самого себя, особенно если ему приходится подтверждать или отрицать смутныя или противорѣчивыя показанія его сообщниковъ.

Замѣтимъ, кромѣ того, что по совершенно исключительнымъ условіямъ того времени, при возбужденномъ состояніи умовъ и понятномъ недоброжелательствѣ представителей консервативной партіи къ тогдашнимъ либераламъ, немудрено было и судьямъ освѣтить дѣло лишь съ одной стороны, и явленіямъ случайнымъ, попутнымъ, какъ, напр., дерзкимъ словамъ какихъ-нибудь сорвиголовъ придать первостепенное значеніе.

Какъ бы то ни было, но недѣли черезъ двѣ послѣ мятежа 14-го декабря Батенковъ былъ арестованъ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а въ іюнѣ 1826 года приговоромъ верховнаго уголовнаго суда занесенъ въ 3-й разрядъ государственныхъ преступниковъ [1]), обвиняемыхъ въ томъ, что „зналъ объ умыслѣ на цареубійство, соглашался на умыселъ бунта и приготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами“.

Декабристы третьяго разряда приговорены были верховнымъ судомъ къ ссылкѣ „вѣчно“ на каторжныя работы. Наказаніе это было смягчено государемъ и замѣнено 20-ти лѣтней каторгою.

[1]) Въ этотъ разрядъ попали только двое: Батенковъ и баронъ Штейнгель.

Но не въ такомъ, а гораздо въ болѣе горькомъ видѣ пришлось Батенкову испить чашу наказанія. Вмѣсто 20-ти лѣтней каторги, гдѣ онъ все таки находился бы въ сообществѣ своихъ друзей, Гавріилъ Степановичъ выдержалъ 20-ти лѣтнее одиночное заключеніе въ крѣпости.

О такомъ видоизмѣненіи постигшей его кары существуютъ два разсказа. Судя по одному, Батенковъ не былъ сосланъ въ Сибирь въ виду того, что самъ былъ природный сибирякъ и обладалъ въ той странѣ большими связями. Другой же разсказъ, записанный, повидимому, со словъ самого Батенкова, гласитъ слѣдующее:

Бывши обвиненъ въ участіи въ заговорѣ 14 декабря 1825 года, Батенковъ былъ посаженъ въ крѣпость. Впослѣдствіи оказалось, что онъ невиненъ: тогда императоръ Николай Павловичъ приказалъ выпустить его, произвесть въ слѣдующій чинъ и дать денежное вознагражденіе. Батенковъ чрезвычайно испугался этого, думая, что заговорщики, узнавъ о царской къ нему милости, обвинятъ его въ предательствѣ, вслѣдствіе чего онъ написалъ письмо государю, въ которомъ объявлялъ, что хотя онъ и не участвовалъ въ заговорѣ 14-го декабря, но сочувствуетъ людямъ, которые замѣшаны въ немъ, и что если его выпустятъ, то онъ, Батенковъ, составитъ новый заговоръ.

Государь послалъ къ нему своего доктора Арендта, освидѣтельствовать, нѣтъ ли у него горячки; тогда Батенковъ сказалъ Арендту: «если вы скажете, что я боленъ, то пусть вы и отвѣчаете за послѣдствія моего освобожденія». — Арендтъ доложилъ Государю, что хотя пульсъ и возбужденъ, но умственной болѣзни онъ не нашелъ. Батенкова приговорили къ двадцатилѣтнему заключенію въ Петропавловскую крѣпость [1]). Этотъ послѣдній разсказъ нѣсколько расходится съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ окончательномъ приговорѣ Верховнаго суда, основанномъ на донесеніи Слѣдственной комиссіи и показаніяхъ какъ самого Батенкова, такъ и его соучастниковъ. На основаніи этихъ показаній онъ и былъ признанъ виновнымъ и подлежащимъ вышепомянутому наказанію. О другомъ какомъ либо дополнительномъ слѣдствіи, которое обнаружило бы невиновность Батенкова, намъ ничего неизвѣстно.

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1881 г., т. 2-й, стр. 438.

Можно предполагать, что или разсказчикъ что нибудь перепуталъ, или же самому Гавріилу Степановичу, за давностію лѣтъ (въ продолженіи которыхъ онъ, одно время, страдалъ психическимъ разстройствомъ), многое могло представляться не совсѣмъ такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Такъ или иначе, но исходомъ суда было — заключеніе въ крѣпость.

IV.

Сначала Батенковъ былъ отвезенъ въ фортъ Свартгольмъ (нынѣ уже несуществующій), находившійся на Аландскихъ островахъ въ Финляндіи. Фортъ этотъ, уже по самой окружающей его мѣстности, производилъ впечатлѣніе самое безотрадное: построенъ онъ былъ на голой скалѣ, выдавшейся изъ моря; самые крѣпостные верки были вырублены изъ гранита; изъ живыхъ существъ на островѣ этомъ находилось всего человѣкъ 150 солдатъ при комендантѣ и нѣсколькихъ офицерахъ. Здѣсь пришлось Батенкову высидѣть около полу-года. О душевномъ его настроеніи можно составить себѣ понятіе по написанному имъ въ это время слѣдующему стихотворенію:

ОДИЧАЛЫЙ [1]).

Я прежде говорилъ: прости!
Въ надеждѣ радостныхъ свиданій,
Мечты вилися на пути,
И съ ними рядъ воздушныхъ зданій:
Тамъ другъ привѣтливый манилъ,
Туда звала семья родная;
Изъ полной чаши радость пилъ,
Надежды свѣтлыя питая.

---

[1]) Печатаемъ по списку, сообщенному намъ въ 1860-мъ году въ Нижнемъ-Новгородѣ покойнымъ Иваномъ Александровичемъ Анненковымъ. Въ 1880 г. нами полученъ другой списокъ, не столь исправный, отъ В. О. Португалова изъ Самары. Стихотвореніе это было впервые напечатано И. С. Аксаковымъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1860 г. Ред.

Теперь прости всему на вѣкъ.
Зачѣмъ дышу безъ наслажденій?
Ужель еще я человѣкъ?
Нѣтъ!... да!... для чувства лишь мученій!...
Во мнѣ-ли оттискъ божества?
Я-ль созданъ міра господиномъ?
Создатель благъ!... Уже-ль ихъ два?
Могу-ль его назваться сыномъ?

Шмели покоятся въ дуплѣ,
Червякъ въ пыли по волѣ гнется—
И имъ не тѣсно на землѣ:
Имъ солнце свѣтитъ, воздухъ льется,
Имъ все, а мнѣ,
Едва во снѣ,
Живая кажется природа—
Ищу въ безчувственной стѣнѣ
Отзывъ подобнаго мнѣ рода.

Вотъ тамъ, туманъ густой вдали,
И буря тучами пугаетъ,
Вода одна и нѣтъ земли,
Жизнь томно факелъ погашаетъ.
Вотъ тамъ, на воздухѣ виситъ,
Какъ страшный остовъ, камень голый;
И дикъ, и пустъ, шумитъ, трещитъ
Вокругъ трущобный лѣсъ еловый.
Тамъ сѣрый свѣтъ,
Пространства нѣтъ —
И время медленно ступаетъ;
Борьбы стихій вездѣ тамъ слѣдъ—
Пустыня-сирота рыдаетъ.
И тамъ уму
Въ тюрьмѣ тюрьму
Придумалось устроить....
Легко ему
Во мракѣ тьму,
Въ тѣснинахъ—тѣсноту удвоить.
Тамъ пушекъ рядъ—
Тамъ ихъ снарядъ.
На каждомъ входѣ часовые.
Кругомъ крутятъ,
Кругомъ шумятъ,
Морскія волны лишь сѣдыя...
Куда пойти?
Кому придти
Безъ вѣдома смотрящихъ?
И какъ найти
Къ роднымъ пути?
Тутъ даже нѣтъ и проходящихъ.

Все это тамъ, друзья, для васъ,
И рѣдко вамъ на мысль приходитъ—
Все это здѣсь, друзья, для насъ.
Здѣсь взоръ потухшій лишь находитъ—
Пространство въ нѣсколькихъ шагахъ,
Съ желѣзомъ ржавымъ на дверяхъ,
Соломы сгнившей пукъ обшитый,
И на увлаженныхъ стѣнахъ
Слѣды страданій позабытыхъ!
Живой въ гробу,
Кляну судьбу,
И день несчастнаго рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь рабу
Зачѣмъ вдохнула изъ презрѣнья!...

Скажите: свѣтитъ-ли луна?
И есть ли птички хоть на волѣ?
Имъ дышутъ-ли зефиры въ полѣ?
По старому-ль цвѣтетъ весна?...
Уже-ль и люди веселятся?
Уже-ли ихъ, ихъ не страшитъ?
Другъ, другу смѣетъ повѣряться,
И думаетъ, и говоритъ?
Не вѣрю. Все перемѣнилось:
Земля вращается, стеня,
И солнце красное сокрылось;
Но можетъ быть лишь для меня!

Вотъ тамъ, весной,
Земли пустой
Кусокъ вода струей отмыла....
Тамъ глушь: полынь и мохъ густой —
И будетъ тамъ моя могила!
Ни чьей слезой
Прахъ бѣдный мой
Въ гробу гниломъ не оросится;
И на покой
Чужой рукой
Рѣсницъ чета соединится!
Не урна скажетъ гдѣ лежитъ
Души безсмертной бренна рана,
Не пышный памятникъ стоитъ,
Не холмъ цвѣтистый—влажна яма!
Кто любитъ, не придетъ туда,
Родной и другъ искать не будетъ
Ко мнѣ погибшаго слѣда:
Его могильщикъ позабудетъ!

Здѣсь имя въ гробовую тьму!...
Добра о немъ уже не скажутъ
И съ удовольствіемъ къ нему
Враги одно лишь зло привяжутъ.
Погибли чувства и дѣла,
Все доброе мое забыто,
И не осмѣлится хвала
Мнѣ приписать его открыто.
Довольно разъ,
Къ цѣнямъ у насъ
Себѣ позволить отвращенье —
Сказать... поднять чело на часъ—
И расклокочется гоненье..

Кукушка стонетъ, змѣй шипитъ,
Сова качается на ели,
И кожей нетопырь шумитъ —
Вотъ пѣснь кругомъ сырой постели!

Песокъ несется, илъ трясется,
Выходитъ паръ изъ мокроты,
И ржавый мохъ въ болото ткется —
Вотъ мнѣ привѣтные цвѣты!

Придетъ холодный финнъ порой—
И въ сердцѣ страхъ одинъ имѣя,
Смутится самой тишиной,
И скажетъ: «здѣсь пріютъ злодѣя—
Уйдемъ скорѣй, ужъ скоро ночь—
Онъ чудится и въ гробѣ смутой».
Съ коломъ въ рукахъ, въ боязни лютой,
Крестясь пойдетъ оттолѣ прочь.

О люди! знаете-ль вы сами,
Кто васъ любилъ, кто презиралъ?
И для чего надъ небесами,
Одинъ стоялъ, другой упалъ?
Пора придетъ. Нелживый свѣтъ
Блеснетъ—всѣмъ будетъ обличенье!
Нѣтъ; не напрасно данъ завѣтъ,
Дано святое наставленье:
Что Богъ любовь; и вамъ любить
Единый къ благу путь указанъ.
И тотъ, кто васъ училъ такъ жить,
Самъ былъ гонимъ, самъ былъ наказанъ.

Но чѣмъ же сердце будетъ здѣсь,
Которое любить умѣло,
И съ раннихъ лѣтъ уже презрѣло

Своекорыстіе и спѣсь,
Что будетъ око прозорливо,
Которое земли покровъ
Такъ обнимало горделиво,
И бѣги мѣрило міровъ?
Что будетъ черепъ головной
Разнообразныхъ думъ обитель?
Земля смѣшаетъ все съ землей,
Истлитъ все время-истребитель!
Но скоро-ли? Какъ для меня
Желателенъ конецъ дыханья!
Тлѣнъ благотворнаго огня
Сулитъ покой, конецъ страданья!

Но други! въ этотъ самый часъ,
Какъ кончу я мой вѣкъ печальный,
Быть можетъ трепетъ погребальный
Раздастся въ сердцѣ и у васъ!...
Или душами нѣтъ сношеній—
И чувство чувства не пойметъ?
Не нужный вамъ для наслажденій
Равно—живетъ иль не живетъ?
Уже-ль себя
Однихъ любя,
Во мнѣ лишь средство веселиться
Искали вы? и не скорбя,
Могли на вѣкъ со мной проститься?
И крови гласъ
Ужели васъ
Ко мнѣ порой не призываетъ?
И дружбы жаръ въ «прости» погасъ—
И стону хохотъ отвѣчаетъ?
Пусть такъ. Забытый и гонимый,
Я схороню въ груди своей
Любви запасъ неистощимый
Для жизни новой, послѣ сей!

Вкушайте, сильные, покой,
Готовьте новыя мученья!
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья.
Безсмертіе! въ тебѣ одномъ,
Одна несчастному отрада —
Покой въ забвеньи гробовомъ,
Во упованіи—награда!
Здѣсь все, какъ сонъ, пройдетъ. Пождемъ.
Призывный голосъ навѣваетъ.
Мы терпимъ, бремя мукъ несемъ—
Жизнь тихо теплется—но таетъ....

Май 1827 г. Свартгольмъ въ Финляндіи.

Послѣ полугодоваго заключенія въ Свартгольмѣ Батенковъ былъ снова перемѣщенъ въ Петропавловскую крѣпость; но горькая судьба его отъ этого нисколько не облегчилась. Посаженъ онъ былъ въ полутемный казематъ, имѣвшій шаговъ 10 въ длину и 6 въ ширину, при 4-хъ аршинной высотѣ; одиночное заключеніе, въ началѣ, было до того строго, что караульнымъ солдатамъ запрещено было говорить съ заключеннымъ, и на самые обыкновенные вопросы: „который часъ, какой день" и т. п., если и былъ отвѣтъ, то одинъ: „не велѣно говорить". За то ежедневно, утромъ и вечеромъ, являлся офицеръ навѣдываться о здоровьѣ и спросить, не нужно ли чего? Разговоръ ограничивался односложнымъ вопросомъ и короткимъ отвѣтомъ. Пищу, впрочемъ, подавали всегда хорошую, а какъ Гавріилъ Степановичъ не употреблялъ ни мяса, ни рыбы, то подавали преимущественно яичницу и разныя молочныя каши, бѣлый хлѣбъ, кофе, или чай, а иногда, по желанію его, и легкія виноградныя вина.

Въ первый годъ заключенія Батенковъ былъ боленъ горячкою мѣсяца четыре, но содержался въ той же камерѣ, безъ ослабленія караула; однако, уходъ за нимъ, во время болѣзни, и лѣченіе были особенно внимательны. Ежегодно, великимъ постомъ, онъ могъ исповѣдываться и причащаться, но только въ томъ же казематѣ. Читать ему давали только книги духовно-нравственнаго содержанія; позволялось и писать, но все, имъ написанное, онъ или рвалъ самъ, или отсылалъ коменданту. Главнымъ его занятіемъ было сличеніе переводовъ въ Библіи на древнихъ и новыхъ языкахъ; потребныя же для сего книги доставлялись ему черезъ коменданта, по всякому его заявленію, изъ публичной библіотеки [1]).

---

[1]) Эти послѣднія свѣдѣнія, о пребываніи въ крѣпости, извлечены нами изъ разсказа многолѣтняго сожителя Батенкова въ Томскѣ, г. Лучшева (Сибирскій Вѣстникъ 1886 г., 27 марта, № 25), и кажутся намъ достовѣрнѣе помѣщеннаго въ «Рус. Архивѣ» разсказа, гдѣ говорится, что «А. А. Елагинъ, узнавъ о заточеніи своего пріятеля, прискакалъ въ Петербургъ; не смотря на всѣ старанія, ему не удалось выпросить свиданіе съ другомъ, но ему позволили послать Батенкову библію, и Елагинъ послалъ ее на всѣхъ возможныхъ языкахъ, приложивъ даже лексиконы. Это чтеніе и изученіе языковъ было единственнымъ занятіемъ Батенкова» и т. д.

Намъ кажется весьма сомнительнымъ и даже невозможнымъ, чтобы Елагинъ, жившій въ далекой провинціи, могъ, вообще, что нибудь узнать объ

Понятно, что даже и при лучшей матеріальной обстановкѣ подобная невольная отчужденность отъ всего міра производитъ самое удручающее впечатлѣніе на всякаго человѣка, особенно же на такого, который, подобно Гавріилу Степановичу, привыкъ къ живой и усиленной умственной дѣятельности и горячо интересовался всѣми текущими событіями. Какъ ни старался онъ одолѣвать убійственную тоску одиночества чтеніемъ и писаніемъ, но эти рессурсы не могли замѣнять живаго общенія съ людьми. Умъ его сталъ по временамъ омрачаться. Онъ потерялъ счетъ времени и ему казалось иногда, что онъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ въ заключеніи, или — что нѣсколько мѣсяцевъ стоитъ на молитвѣ и въ это время не принимаетъ никакой пищи. Наконецъ, о многомъ онъ совершенно потерялъ понятіе. Даже прогулки его ограничивались корридоромъ Алексѣевскаго равелина,—конечно, въ одиночку, и подъ тѣмъ же строгимъ надзоромъ.

Памятникомъ умственныхъ упражненій Батенкова случайно сохранилась толстая, въ 40 писанныхъ листовъ, тетрадь, въ которую заносилъ онъ мысли, или, лучше сказать, обрывки мыслей, накопившихся у него въ головѣ. Предметомъ разсужденій являются тутъ вопросы политическіе, административные, философскіе.... но, увы! ознакомленіе съ этими записками приводитъ лишь къ убѣжденію, что 20-ти лѣтнее одиночное заключеніе сдѣлало свое дѣло и что стройный ходъ мозговой работы у несчастнаго узника иногда прерывался.... да и не мудрено!

участи своего друга, который, по офиціальному донесенію Слѣдственной коммиссіи, подлежалъ ссылкѣ въ Сибирь, на каторгу; да и въ Петропавловскую крѣпость заключенъ былъ лишь по прошествіи полу-года, проведеннаго въ Свартхольмѣ. Всѣ подобныя рѣшенія о политическихъ преступникахъ облекались такою тайною, что развѣ только самые крупные сановники могли знать о нихъ. Изъ того же разсказа г. Лучшева видно, что, дѣйствительно, даже и въ Петербургѣ никто изъ бывшихъ друзей Батенкова ничего не зналъ о томъ, гдѣ онъ.

V.

Съ наступленіемъ, въ 1846 году, срока его заключенію, комендантъ петербургской крѣпости, Иванъ Никитичъ Скобелевъ, доложилъ объ этомъ императору Николаю Павловичу, который приказалъ спросить Батенкова, въ который изъ городовъ Сибири онъ желаетъ ѣхать на поселеніе. Батенковъ назвалъ Томскъ. Передъ его отправленіемъ, Скобелевъ пригласилъ его къ обѣду, спросивъ, не желаетъ ли онъ съ кѣмъ либо, за этимъ обѣдомъ, повидаться; но оказалось, что большей части изъ названныхъ Батенковымъ лицъ уже не было въ живыхъ. При отъѣздѣ въ Сибирь ему вручены были тогдашнимъ шефомъ жандармовъ графомъ А. Ѳ. Орловымъ 500 р., выданныхъ по высочайшему повелѣнію, въ видѣ подъемныхъ.

Только въ началѣ марта 1846 г. добрался Гавріилъ Степановичъ до Томска, куда былъ препровожденъ при отношеніи къ тамошнему губернатору. Въ отношеніи этомъ было сказано только, что «по высочайшему повелѣнію препровождается Гавріилъ Батенковъ (безъ обозначенія званія) на жительство въ г. Томскъ, и что на обзаведеніе ему назначено 500 рублей, которые онъ и получитъ здѣсь, вскорѣ по прибытіи». Выѣхалъ онъ изъ крѣпости снабженный всѣмъ необходимымъ для зимней поѣздки, и крытая сукномъ волчья шуба, по прибытіи на мѣсто назначенія, осталась при немъ. Маршрутъ его шелъ черезъ Ярославль и Нижній-Новгородъ.

На второй станціи отъ Петербурга Батенковъ встрѣтилъ какую-то женщину и, не видавъ въ теченіи 20 лѣтъ живаго женскаго лица, обрадовался какъ малый ребенокъ, обнялъ и расцаловалъ ее. Разсказывая объ этомъ, Гавріилъ Степановичъ прибавлялъ, что встрѣченная женщина вѣроятно подумала, что онъ или безсознательно пьянъ, или сумашедшій. О сопровождавшемъ его жандармѣ онъ отзывался, какъ о человѣкѣ заботливомъ, услужливомъ и вѣжливомъ; ни на станціяхъ, ни въ дорогѣ жандармъ не показывалъ и вида конвоира, а по прибытіи въ Томскъ,

помѣстивъ Батенкова въ единственной, имѣвшейся тогда въ городѣ, гостинницѣ, на другой день уѣхалъ въ Петербургъ [1]).

Гостинница „Лондонъ", въ которой пришлось остановиться новоприбывшему поселенцу, содержалась нѣкіимъ Краулеемъ, англійскимъ подданнымъ. Условія для жительства онъ поставилъ весьма тяжелыя, въ смыслѣ денежномъ, такъ какъ конкуррентовъ у него не было; но на счастіе Батенкова, вѣсть о его прибытіи скоро разнеслась по городу; нашлись люди, когда-то его знавшіе или о немъ слыхавшіе; принявъ участіе въ ссыльномъ, они избавили его изъ когтей жаднаго трактирщика и нашли ему помѣщеніе въ домѣ одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ, по фамиліи Лучшева.

Въ семьѣ Лучшевыхъ Батенковъ обрѣлъ, наконецъ, первое тихое пристанище послѣ предшествовавшаго, многострадальнаго періода своей жизни. Первоначальная и весьма понятная растерянность его, когда онъ снова очутился среди общества, была настолько велика, что нѣкоторые считали его, сначала, помѣшаннымъ; тѣмъ болѣе, что любилъ онъ выражаться непривычнымъ для тогдашнихъ сибиряковъ книжнымъ языкомъ со вставкою ученыхъ выраженій и латинскихъ фразъ. Мало по малу, однако, съ нимъ освоились и онъ со всѣми освоился и пріобрѣлъ общее уваженіе. Семейству Лучшевыхъ, за ихъ гостепріимство, онъ старался воздать чѣмъ могъ: училъ грамотѣ дѣтей, помогалъ старшему изъ братьевъ Лучшевыхъ въ разныхъ домашнихъ постройкахъ и перестройкахъ; съ нимъ же вмѣстѣ перевезъ старый ихъ домъ версты за 4 отъ города и устроилъ тамъ дачное помѣщеніе, названное „Соломеннымъ". Здѣсь завели они небольшое сельское хозяйство и здѣсь же большую часть лѣта проводилъ Гавріилъ Степановичъ, пріѣзжая въ Томскъ раза 2 — 3 въ недѣлю.

Образъ жизни Батенкова въ Томскѣ сложился слѣдующимъ образомъ: вставалъ онъ рано и затѣмъ почти цѣлый день проводилъ на ногахъ; по праздникамъ и изрѣдка и по буднямъ

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты нами изъ разсказа г. Лучшева (см. выше) и нѣсколько противурѣчатъ статьѣ, помѣщенной въ «Рус. Архивѣ», гдѣ говорится что, «пріѣхавъ въ Томскъ, жандармъ снялъ съ него (Батенкова) казенный тулупъ и выпустилъ безъ гроша денегъ на улицу; Батенковъ, чтобы согрѣться, зашелъ въ трактиръ» и т. д.

ходилъ къ богослуженію, послѣ чего отправлялся дѣлать визиты, или принималъ гостей у себя. Читалъ онъ болѣе всего газеты, но о политическихъ дѣлахъ говорилъ мало; особенно же избѣгалъ всякой бесѣды, касавшейся происшествій 14-го декабря 1825 года, а также пребыванія его (Батенкова) въ крѣпости. Объ этомъ упоминалъ онъ лишь урывками и мимоходомъ. Прежній свой вегетеріанскій режимъ по части пищи онъ продолжалъ соблюдать неуклонно; водки не пилъ вовсе, а виноградное вино въ умѣренномъ количествѣ, и то изрѣдка; послѣ обѣда (подававшагося въ 2 часа), закуривъ сигару, ложился онъ, съ книгою или газетою въ рукахъ, на диванъ и отдыхалъ съ полчаса, а вечеръ проводилъ или за картами, или въ бесѣдѣ среди семьи Лучшевыхъ, а нерѣдко и въ другихъ знакомыхъ домахъ. Попавъ въ общество, Батенковъ любилъ заводить горячіе споры, особенно съ дамами, разговоръ съ которыми, — какъ видно изъ одного его письма,—служилъ ему пріятнѣйшимъ развлеченіемъ. Одна изъ особенностей Гавріила Степановича представляла его страсть къ купанью. Съ перваго же года своего прибытія онъ сталъ купаться въ р. Томи каждое утро, не смотря ни на какую погоду, и продолжалъ это дѣлать до самыхъ заморозковъ. Это купанье, по словамъ Батенкова, укрѣпляло его организмъ, доставляло бодрость тѣлу и духу.

Въ Томскѣ все мѣстное лучшее общество, начиная съ губернатора и архіепископа, принимало его радушно, и у него бывало запросто; онъ хорошо знакомъ былъ съ тогдашними мѣстными денежными тузами: Асташевымъ, Гороховымъ, Поповымъ и др., особенно съ первымъ, отъ котораго получалъ французскія газеты, изъ коихъ дѣлалъ обширныя извлеченія, въ переводѣ на русскій языкъ [1]).

Не смотря на радушіе, оказываемое ему томскими обывателями, Гавріилъ Степановичъ не могъ вполнѣ удовлетворяться своимъ положеніемъ. Должно полагать, что немногіе изъ этихъ добрыхъ людей стояли на высотѣ его понятій и воззрѣній на жизнь. Мелочность провинціальной жизни не давала пищи его

---

[1]) Покойный В. И. Асташевъ, сынъ добраго друга Г. С. Батенкова,—передалъ въ редакцію «Русской Старины» большое собраніе помянутыхъ извлеченій—трудъ декабриста Батенкова. Ред.

уму, требовавшему дѣятельности въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Повидимому, особенно сильно потянуло его назадъ въ Россію, когда, послѣ восшествія на престолъ Александра II, явилась надежда на прощеніе всѣхъ оставшихся въ живыхъ декабристовъ, на возможность соединиться съ когда-то близкими сердцу людьми, свидѣться съ друзьями юности—теперь, увы! такими же стариками. Являлись, можетъ быть, и мечты о какой нибудь роли въ новой общественной дѣятельности; но такія мечты, во всякомъ случаѣ, продолжались недолго.

Съ этого-же времени открылась для Батенкова возможность безцензурнаго письменнаго сообщенія, какъ съ бывшими своими товарищами по несчастію, такъ и съ позднѣйшими знакомцами. Часть переписки этой сохранилась. Приводимъ здѣсь извлеченія изъ нея, отчасти характеризующія самого Гавріила Степановича, или дающія понятіе о его житьѣ-бытьѣ послѣ освобожденія изъ тюрьмы.

Николаю Александровичу Бестужеву.

(Томскъ, 17 марта 1855 г.).

„Ты отгадалъ, что я удивился, получивъ отъ тебя письмо изъ Иркутска. Я составилъ было о тебѣ понятіе, какъ о неподвижной звѣздѣ первой величины; но вотъ пособилъ же лукавый открыть твой параллаксъ и привести тебя въ движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, мой милый Николай Александровичъ, вѣрно уже прошла пора возить насъ на показъ, и ничего нѣтъ мудренаго, если опять тебя вытребуютъ въ Адмиралтейскій музей; я и самъ туда—правду говорю—просился изъ Алексѣевскаго (равелина), и сюда прислали только для освидѣтельствованія и приложенія этикета, ибо въ самомъ дѣлѣ подъ № 5 [1]) и узнать нельзя бы было, что за вещь попала въ число этнографическихъ рѣдкостей.

„Мнѣ о себѣ сказать нечего. Домашній бытъ не стоитъ описанія; лица подъ-рядъ тебѣ неизвѣстныя; кажется, знаетъ тебя

Вѣроятно, подъ этимъ нумеромъ Батенковъ сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

зять Спафарьева по первой женѣ, маркизъ де-Траверсе, да и тотъ явился сюда черезъ четыре года на однѣ сутки. Самъ я здѣсь типически одинъ. Дня два-три въ недѣлю живу совершеннымъ аскетомъ, на дачѣ, версты за четыре; остальные дни въ городѣ, семьяниномъ и всегда съ людьми, между которыми примѣтно составляю какую-то притчу во языцѣхъ. Дряхлѣть еще не начиналъ, и потому увиваюсь около женщинъ. Я и въ самомъ дѣлѣ ихъ люблю, даже единично кое-кого; но—honny soit qui mal y pense!—все это въ качествѣ дѣда".

Изъ писемъ къ неизвѣстнымъ лицамъ.

(25 апрѣля 1855 г.).

..... „Манифестъ о насъ молчитъ [1]). Это еще нельзя признать опроверженіемъ надеждъ столичныхъ друзей на нѣчто лучшее, но я не могу предаваться рановременному увлеченію, почитая себя крѣпкимъ землѣ, продолжаю обычныя занятія и храню обычный строй мыслей. Кажется, стало, будто бы, и вверхъ, и вдаль нѣсколько прозрачнѣе, и что-то успокоительное навѣваетъ на душу, и можно думать, что такая поэзія основана на чемъ нибудь дѣйствительномъ.

„Покоряюсь и вашему замѣчанію,—безъ оглядокъ, наивно и добросовѣстно. Но простите меня еще разъ, если исповѣдуюсь, что въ чувствѣ моемъ я всегда уважаю отличіе рода, ума и заслугъ, и не думаю, чтобы это было препятствіемъ самому интимному утвержденію дружбы и искреннему изліянію чувствъ, потому что, возвышая нѣсколько тонъ, можно не выпадать изъ гармоніи.

„Могъ бы я умолчать, что съ недѣлю страдаю головною болью, простудившись въ холодной церкви; но надо чѣмъ нибудь оправдать тупость мысли и неповоротливость рукъ, не прибѣгая къ самой непріятной цитатѣ возраста и цифрѣ лѣтъ. Гласно сказалъ я, что объявлю по должной формѣ, когда удостовѣрюсь, что сдѣлался совсѣмъ старикомъ; но таковаго объявленія доселѣ еще не воспослѣдовало; итакъ, можно почитать настоящій недугъ исцѣлимымъ. Рѣзкой болѣзненности у насъ нѣтъ, но не одинъ я жалуюсь на тѣсноту въ головѣ и на ка-

---

[1]) Т. е. ожидавшійся манифестъ объ окончательномъ помилованіи.

кое-то разслабленіе; а медицина вообще безотвѣтна, когда дѣло касается атмосферическихъ или топографическихъ вліяній и ничего въ нихъ не распознаетъ, предоставляя натурѣ исправить самое себя. Я къ этому искусству и не прибѣгаю. Мнѣ лучшимъ цѣлебнымъ средствомъ служитъ веселый юморъ, беззаботность, а чаще всего тихое уединеніе, которому и намѣренъ съ сего же дня предаться до конца недѣли, за городомъ. Впрочемъ, вы и не видали Соломеннаго [1]) и я не имѣю большаго удобства распространяться объ этомъ моемъ любимомъ жилищѣ и о красотахъ тамошней мѣстности, видѣнныхъ вами только мимоходомъ.

Мундирная книга [2]) и здѣсь уже появилась, а о другихъ новостяхъ доходили только глухіе слухи. Мы даже не знаемъ, въ какой степени онѣ имѣютъ право на вѣру, и потому ни о чемъ не слышно яснаго говора, а многаго и согласить не умѣемъ. Всего, кажется, вѣроятнѣе, что крупныхъ перемѣнъ ожидать нельзя; новая воля выскажетъ себя по времени, послѣдовательно. Теперь всего желательнѣе внѣшній миръ [3]); о внутреннемъ и заботиться нечего. Само Провидѣніе примѣтно тушитъ бурю страстей и, кажется, люди начали понимать, что улучшенія не извергаются, а наступаютъ тихимъ шагомъ. Нельзя отрицать, что есть въ мірѣ и независимый отъ человѣка двигатель— нравственная необходимость, имѣющая неизмѣримую силу въ огромныхъ человѣческихъ обществахъ; но съ нею Богъ и она въ рукахъ Его; а потому и не должна (она) быть для насъ страшилищемъ, и чѣмъ менѣе мы захочемъ переломить ее по своему, тѣмъ добрѣе къ намъ будетъ, и мы можемъ даже полюбить ее".

25 іюня 1855 г.

.... „Я не могу цѣнить, изъясняетъ ли вполнѣ преобладающее въ Омскѣ воинственное стремленіе то состояніе и строй материковыхъ русскихъ силъ, которое долженствовало проявиться при нынѣшнемъ, необыкновенномъ состояніи окраинъ нашего отечества; но полагаю, что за Ураломъ вы яснѣе это почув-

---

[1]) Названіе дачи Лучшева, куда по временамъ уѣзжалъ Батенковъ.

[2]) Описаніе новыхъ формъ обмундированія, введенныхъ въ 1855 г.

[3]) Въ это время еще не окончилась тягостная для Россіи Восточная война 1853—1856 гг.

ствуете. На самыхъ заводахъ встрѣтите уже усиленную дѣятельность въ общемъ направленіи и можете услышать тонъ метрополіальной рѣчи, отъ которой наша, колоніальная, все-же имѣетъ какое нибудь различіе, въ излишествѣ или недостаткѣ, слѣдственно—на счетъ точности.

„Тамъ живетъ исторія.

„Съ самаго наступленія весны я не пользовался полнымъ здоровьемъ. Тяжесть и, по временамъ, круженіе въ головѣ, давленіе въ груди, зудъ и боль въ зажившихъ ранахъ, ломъ въ контуженномъ плечѣ—все это дѣлаетъ изъ меня сущаго инвалида, хотя, по милости Божіей, въ послѣднее время чувствую облегченіе. Прежде хворалъ я обыкновенно осенью, теперь вышло наоборотъ. Вѣрно шестидесятилѣтній человѣкъ, подобно часамъ, къ которымъ привѣшенъ длинный маятникъ, отстаетъ отъ времени, а уйти было впередъ нѣтъ никакого основанія, какъ бы ни казалось пріятнымъ послѣднее изъясненіе“......

18 августа 1855 г.

„У насъ одною рукою дергаютъ ветошь на корпію, а другою готовятъ пиръ и разные огни къ высокому празднику перваго тезоименитства царскаго: занятія похвальныя, и сочувствіе къ торжеству и скорби всякій раздѣляетъ охотно.

„И здѣсь виденъ успѣхъ общественности: наши раны не были призрѣны отъ нѣжной руки милыхъ соотечественницъ и клочекъ собственнаго бѣлья часто служилъ на все. Правду сказать, и война была быстрая, обильная событіями и передвиженіемъ, за которымъ не могло гнаться усердіе и даже долгъ. Если идти на сравненіе, то надо признаться, что полевыя, Бородинская и Лейпцигская, битвы, у которыхъ поставлены уже были Геркулесовы столбы, едва ли не уступятъ Севастопольской, убѣждающей, между прочимъ, и въ томъ, что исторія не повторяется въ явленіяхъ“...

7 октября 1855 г., на Соломенномъ.

„Бываетъ время, когда чувству человѣка предстанетъ вдругъ дурная сторона жизни во всемъ ея громадномъ безобразіи и не просіяетъ ни одинъ лучъ уму отъ благотворнаго свѣта. Душа предается справедливой скорби и негодованію, не видя ничего, кромѣ произведеній зла, организованнаго и окрѣпшаго. Отсюда

мысли о двухъ началахъ, когда сохраняется еще память добра: о сатанѣ—если ищется утѣшеніе въ религіи, и почти отчаяніе, когда нѣтъ ни того, ни другаго пособія. Кто не испыталъ подобнаго состоянія? Надобно развѣ совсѣмъ погрязнуть въ этой тьмѣ, чтобъ ея не примѣтить. Умный Гоголь не могъ вынести и потерялъ талантъ и жизнь, единожды до того коснувшись. Собственный мой опытъ въ этомъ родѣ научилъ меня выразумѣть ваше послѣднее письмо.

„Въ пылкой молодости со мною бывало это часто: тогда, обыкновенно, замыкался я въ самомъ себѣ, какъ рѣшительный эгоистъ. Но сердце всегда заставляло вспоминать, или искать что-то лучшее; итакъ, мало по малу, познаніе добра и зла стало для меня серьезною наукою и дѣятельнымъ искусствомъ, нѣкоторымъ охлажденіемъ страстнаго на нихъ взора. Но я имѣлъ большой досугъ, и не знаю, въ какой мѣрѣ методъ мой примѣнимъ къ другому. О немъ тотъ же Гоголь писалъ ко мнѣ, что онъ чувствуетъ его истину, но какъ-то не могъ ею воспользоваться на самомъ дѣлѣ.

„Человѣкъ никогда не объемлетъ всего своего знанія, всѣхъ своихъ понятій и правилъ въ одинъ нераздѣльный моментъ, умомъ и волею. Отсюда множество ошибокъ, противорѣчій самому себѣ, несообразностей и односторонняго, рутиннаго дѣйствія. А сколько еще находится (людей) въ такомъ положеніи, что нѣтъ знанія, понятій и правилъ!

„Сущая нечаянность! Вы меня вызвали на такое изъясненіе какого я и не предполагалъ; но въ письмахъ должно же быть содержаніе, и право всего лучше, когда они выражаютъ присущее чувство....

..... „Камнемъ лежитъ на сердцѣ событіе, что мы лишились силы на Черномъ морѣ — плода вѣковыхъ трудовъ и огромныхъ жертвъ. Конечно, это не колеблетъ и не истощаетъ могучей Россіи, но съ условіемъ, чтобъ не обсчитали насъ въ торговомъ отношеніи. Чудное дѣло! Никого нѣтъ умнаго ни съ той, ни съ другой стороны въ такое чреватое будущимъ время. Можетъ быть, одной дозы согласія на новый во всемъ порядокъ, сообразно съ успѣхами жизни, было бы на все достаточно—и къ утоленію жажды народовъ, и къ покою властей.“...

На Соломенномъ, 1855 г. 15 октября.

„Странна для меня нынѣшняя война, когда сравнить ее съ нашей (1812 г.), столь быстрою въ движеніи: толкутся на одномъ мѣстѣ, и обѣ стороны только томятъ другъ друга. Какъ и думать? Ужели перевелись или переучились всѣ орлы и подъ страхомъ отвѣтственности ощипали себѣ перья? — или же подъ австрійскимъ „вéтомъ" раздолье одному чугуну? Болѣе всего сходства съ Троянскою войной; но та нужна была для взаимнаго опознанія и передвиженія народовъ; а изъ этой что будетъ? Кажется, лбомъ ударились въ непостижимость судебъ? Старая дипломатія обнаружила все свое безсиліе, а создать вновь международное право—некому. Какъ же теперь заключать миръ? Хотятъ, чтобъ былъ онъ прочный, честный и справедливый, а до чего ни коснуться—нѣтъ ни прочнаго, ни честнаго, ни справедливаго, хотя философы недавно гордились, что понимаютъ исторію и разумѣютъ ея уроки. Вѣрнѣе всего, что исторія, со всею ея славою, кончилась, а потребности человѣка начали сосредоточиваться въ немъ самомъ. Можно изъ предстоящихъ громадъ вывести одно заключеніе, что онѣ необъятны нашими силами и, какъ произведеніе вѣчности, въ ней и имѣютъ свое изъясненіе. Все передъ Богомъ—стоятъ онѣ, или рушатся, и намъ, непризваннымъ къ дѣйствію, остается только созерцать и молиться. Пусть дитя растетъ и хорошѣетъ. Оно принадлежитъ поколѣнію, которое чего нибудь дождется.

„Мнѣ, по крайней мѣрѣ, все кажется позднимъ и несвоевременнымъ, даже самая старость"....

1856 г. 7 мая.

„Прекрасно вы разобрали настоящее положеніе вещей: конецъ и начало. Отъ неосторожной игры огнемъ довелось потерпѣть обжогъ и на дѣлѣ исполнить евангельскую заповѣдь: „аще око твое соблазняетъ тя" и пр.

„Жизнь и наука дѣлаютъ огромные шаги; географическія условія начинаютъ составлять статистическую цѣнность; города, рѣки, горы могутъ быть взвѣшены и выражены цифрою, входить въ формулы или занимать точки въ какомъ нибудь дѣльномъ очертаніи. Все это ведетъ къ обновленію какъ человѣка лично, въ семейномъ быту, такъ и огромную цѣлость царствъ. Когда

же будетъ ужъ свѣтло до того, что подъ густотою матеріальнаго покрова откроется Божіе бытіе, тогда дѣйствительно переправятся въ новый свѣтъ, съ жизнію, наукою и дѣлами.

„Такія, весьма недавно еще завоеванныя у мистики, мысли становятся теперь логическою потребностью.

Здѣсь виденъ возрастъ нашъ духовный,
Какъ, отрясая вещество,
Вставалъ изъ праха духъ свободный
И понялъ мысли существо.
Локтей и стопъ оставя мѣры,
Взялъ въ руки ось земныя сферы,
Потомъ ось годовыхъ путей.
И сей титанъ свой ростъ теряетъ....
Такъ напослѣдокъ умъ взлетаетъ,
Предѣловъ не нося цѣпей.

„Скоро, можетъ быть, мы увидимъ желѣзныя дороги изъ Москвы въ Одессу и изъ Курска въ Динабургъ — эти осязательныя гарантіи мирныхъ наклонностей народовъ, равныя почти самому земледѣлію, вѣрные компаніоны его, но различные отъ него широтою обзора. Сколько отъ этого произойдетъ измѣненій въ экономическомъ бытѣ Россіи! Сколько передвиженій, переселеній, перемѣщенія капиталовъ въ состояніе уже не колеблемое, а отверденное! И въ то же время родятся географическія понятія и географическія мысли въ народѣ. Дипломатія и скрытная политика кажутся уже чѣмъ-то ветхимъ, одностороннимъ, безсильнымъ, неудовлетворительнымъ, и требуется, чего бы то ни стоило, выясненіе и выраженіе народнаго и международнаго права. Но здѣсь еще нѣтъ рельсовъ, хотя близки уже мы къ открытію, пониманію и познанію космогенической и универсально-дѣятельной силы — Бога.... Безъ того, впрочемъ, и теперь никто обойтись не можетъ, хотя глубоко-несознательно.... — Скажу теперь нѣсколько словъ и на вопросъ вашъ: если сколько нибудь развяжутъ ноги, я намѣренъ водвориться у своихъ, въ Тульской губерніи, въ деревняхъ около Бѣлева. Иванъ Великій (Иванъ Александровичъ Анненковъ) приглашаетъ въ Нижній; но такъ мнѣ не приходится. Въ случаѣ же освобожденія болѣе обширнаго, — на что трудно надѣяться, — буду жить въ которой нибудь изъ столицъ, гдѣ много еще осталось близкихъ, дружескихъ симпатій“....

Къ барону Владиміру Ивановичу Штейнгелю.

1856 г. 15 апрѣля. Пасха.

„Въ сей лучшій день въ году я обращаюсь къ тебѣ, мой добрый другъ и братъ, съ сердечными желаніями и привѣтомъ. Въ юности читалъ я книгу, въ которой одинъ англійскій ученый стройно, научнымъ порядкомъ доказывалъ, что воскресеніе Христово имѣетъ всю достовѣрность событія историческаго, и съ того времени всегда мнѣ казалось непріятнымъ, что наука ничего не основала на вѣрѣ и признаніи такого великаго факта. Теперь мнѣ уже кажется, что и на это отклоненіе науки есть также воля Божія.

„Распутица въ нынѣшнемъ году не лишила насъ радости узнать о заключеніи мира, и съ этимъ извѣстіемъ прекращено было всякое правильное полученіе почтъ. Какъ велико было въ людяхъ желаніе прекращенія кровопролитій, можетъ прекрасно выразить чудная сцена, когда, въ самый день кончины, Мих. Яков. Ядринцовъ непремѣнно требовалъ показать ему тотъ листокъ, гдѣ написано о мирѣ; съ усиліемъ зрѣнія прочелъ и, перекрестясь, произнесъ уже послѣднюю молитву и благодарность.

„Есть много, мой милый другъ, удостовѣреній, что въ нынѣшнее лѣто располагаются отпустить насъ, и даже выражено желаніе увидѣть и разглядѣть. Поздненько, правда, и какъ-то не очень поспѣшно, хотя есть и оправдывающія причины. Впрочемъ, никакъ уже не такъ, чтобы выжидали, не умретъ ли кто еще.....

„Съ иркутскими нѣсколько разъ случалось перекинуться, однако, ничего не знаю о нихъ детально. Послѣдній къ нимъ отправился женихъ Зинаиды Трубецкой, молодой лицеистъ Свербѣевъ, котораго, вѣрно, и ты знаешь уже по слуху. Итакъ, дѣвицы наши всѣ разобраны и одной изъ нихъ довелось уже понести крестъ едва ли не въ ту же мѣру, какъ и родителямъ“...

16-го мая 1856 г., на хуторѣ.

„Нельзя не замѣтить, что мы довольно счастливы сохранившеюся къ намъ симпатіею старыхъ друзей, большею частію поднявшихся высоко, и можемъ похвастать, что не ошиблись въ

ихъ выборѣ. Меня всегда удивляло только ихъ безсиліе помочь намъ, хотя по всему мы съ тобою засѣли тутъ отнюдь не глубоко. Сначала мнѣ казалось вопіющею несправедливостію; потомъ кое-какъ приподнимался въ уровень; а теперь уже смѣшно было бы отталкивать отъ себя понесенный крестъ. Чудно также, какъ не могли доселѣ разобрать, что лозунгъ далеко не дѣло и не умыселъ. Весьма основательно смотришь ты на будущее. Лѣность, рутина и эгоизмъ хорошо закрылись названіями охранителей и, не умѣя сами жить, вѣроятно и другихъ не допустятъ. Какъ бы, кажется, получившимъ даровое счастіе не почувствовать благополучія, не подѣлиться имъ съ нуждающимися и не взнести къ Богу сердечнаго благодаренія?....

„Маремьяна-старица (?) позаботилась и меня успокоить на твой счетъ. Добрая баба, умная и дѣятельная. Я бы продалъ что нибудь, если-бъ имѣлъ хоть нитку не общую и не строго потребную для обыденнаго употребленія. А знаешь ли ты, что я во всю жизнь мою ничего не продалъ? Въ старой Греціи это сдѣлало-бы меня основателемъ школы. Все купленное и не вошедшее въ употребленіе, или вышедшее изъ него—я все раздаю; вообще, покупаю не для себя, а въ общину. Такъ и мысль стоитъ: завожу, чего домъ и семья требуютъ. Даже и не кормлю себя; мяса и рыбы не ѣмъ слишкомъ 30 лѣтъ и хотя дома непрерывно столъ человѣкъ на пять, на шесть, но я обѣдаю всегда въ гостяхъ, а ужинать не привыкъ. Сапоги ношу дотолѣ, пока всѣ мастеровые откажутся ихъ починивать; новые часто переходятъ къ другимъ, не бывши и надѣваны. Не люблю обновъ, особливо на головѣ и на ногахъ. Прочаго платья много; нѣтъ только шинели и больно состарѣлись шубы. Бѣлье—моя главная роскошь. А домъ требуетъ саженъ 150 дровъ, копенъ тысячу сѣна, пудовъ 700 овса и проч. по соразмѣрности; да одной услуги 10 человѣкъ на жалованьѣ и содержаніи; хотя насъ и двое, но въ прошломъ году была моя главная часть. Худо и понимаю, какъ Богъ помогалъ доселѣ“...

24 мая 1856 г. за городомъ.

„Въ апрѣльской книжкѣ „Отечественныхъ“ (Записокъ), подъ рубрикой новостей, помѣщена статья, въ которой сильный авторитетъ матеріальныхъ наукъ, знаменитый химикъ Либихъ раз-

умно, очень разумно дошелъ, наконецъ, до признанія Божія бытія и удовлетворительно выразилъ свое убѣжденіе. Хотя эта новость уже, конечно, всѣмъ извѣстна, но я желалъ бы рельефнѣе указать на нее, обрадованный чрезвычайно, ибо предметъ этотъ занимаетъ меня съ младенчества и позволяетъ теперь сказать съ Симеономъ:

Владыко, отпусти слугу
Въ родной домъ съ миромъ по глаголу;
Я видѣлъ свѣтъ, нисшедшій долу,
И указать его могу,
Языкамъ возвѣстить спасенье,
Съ Тобой Израилю общенье.

„Конечно, это только малый зародышъ, но онъ непремѣнно разростется, ибо выводитъ науку на истинное направленіе...

„Въ прошломъ году я посылалъ подобную, не пошло-глупую статью, въ которой критически разсматривалъ направленіе парижской академіи, космосъ Гумбольдта и пріемы психологіи и физіологіи, обнявъ одною мыслею и математическія явленія въ природѣ, указывая на потребность иначе изъяснить явленія эстетическія въ ней же и изслѣдовать сущность пространствъ. Древніе не могли обойтись безъ космогоніи, а для насъ еще она просто начинается имѣющимся на всѣхъ языкахъ и служащимъ основаніемъ вѣры словомъ—Богъ. Эту статью журналы не приняли, отозвавшись, что она слишкомъ серьезна и не согласуется съ научнымъ ходомъ. Меня огорчило только то, что увѣренія ихъ о свободной разработкѣ мысли, о способности и могуществѣ Россіи принять въ этомъ характеристическое участіе и пособствовать водворенію истины — весьма робки и не вполнѣ искренни. „Отечественныя Записки“ опять становятся впереди всѣхъ, но имъ нужно въ залогъ прославленное въ наукѣ имя, и что бы ни сказалъ основательнаго и добытаго великимъ трудомъ человѣкъ, не записанный въ академическомъ спискѣ,— принимаютъ (его слова), какъ импровизацію, не разсмотрятъ и не займутся. Так(овъ) ужъ ходъ науки, что всякая мысль требуетъ оффиціальнаго воплощенія, и развѣ можно провести ее путемъ яркой поэзіи.

Когда же лиры струнъ коснутся,
Проникнутъ молніей сердца,
И въ мигъ красою обовьются
Змѣеобразнаго кольца.

„Умъ крѣпнетъ: ему нельзя оставаться при прежней рутинѣ. Проходитъ старый и начинается новый міръ,—какъ было въ началѣ нашей эры; но истина тогда же высказана (была) уму въ евангеліи. Правда реакція язычества еще сильна, особливо темною ея стороною...

„Вотъ, мой другъ, я записалъ утреннія мои мысли для тебя собственно, и онѣ ловко обращаются въ бесѣду съ тобой и дружескую грамотку. Значитъ, я предчувствую, что не оскорблю твоего слуха.

„Я гощу теперь у себя; съ недѣлю еще не загляну въ городъ. Эта мѣна уединенія и общежитія стала для меня порядкомъ; но если нужно будетъ его измѣнить, то уже, конечно, въ пользу уединенія.

„Прощай, мой милый. Надеждами я не льщусь и тебя не льщу. Будь, что будетъ. Вѣдь и мы не монументы. По крайней мѣрѣ, пути намъ не дано высоко громоздиться: и тутъ Христосъ, научившій смиренію и знаменовавшій крестомъ Своимъ“...

4-го іюля 1856 г. Томскъ.

„Ты обратилъ вниманіе на слова, что насъ хотятъ видѣть. Это передали проѣзжіе, и мнѣ самому показалось что-то знакомое въ нихъ, какъ намекъ на процедуру первоначальную; однако, смыслъ подлежитъ и ограниченію. Можетъ быть, кто нибудь хотѣлъ, не опираясь слишкомъ на торжественномъ днѣ, продолжить надежду еще на неопредѣленное время, указывая на новое намѣреніе посѣтить когда нибудь Сибирь. Впрочемъ, уже ли случится такое противорѣчіе, что бѣжавшіе и подымавшіе снова оружіе получили полную амнистію, а не уклонившіеся отъ суда должны быть изъ нея исключены. Но и это до насъ прямо не относится: мы глубже въ рабствѣ, нежели иноязычники. Что бы ни было, а я употреблю все стараніе отсюда выѣхать, по крайней мѣрѣ на Иртышъ или Тоболъ. Тяжко жить здѣсь, хотя большинство и не отказываетъ въ доброй пріязни. Все разрѣшитъ Натальинъ день, хотя бы довелось сказать: вотъ тебѣ бабушка и Адріанъ!

„Меня ужасно тяготитъ отдаленіе; кажется, живу на самомъ краю свѣта, а если еще воображу Иркутскъ, то кровь леденѣетъ. И за десять верстъ нестерпимо подвинуться на востокъ“...

27-го iюля 1856 г. Томскъ.

„Настойчиво увѣряютъ серьезные люди, что въ положенiи нашемъ, около 19-го августа, непремѣнно послѣдуетъ что-то лучшее. Если нѣтъ, то упорство нашего креста, оставляя крайнюю непослѣдовательность, въ виду всѣхъ означитъ уже нынѣшнюю судьбу. Стоило только эмигрировать, чтобъ теперь же все было кончено. Бакунину, самому Бакунину,—какъ читалъ я самъ въ лейпцигской газетѣ, позволено возвратиться! Этому удивляются нѣмцы; удивляются и силѣ ходатая, кавказскаго Муравьева. Уже ли все такъ уже, что ходатайство составляетъ единственный принципъ. Узнаемъ и это...

„Востокъ былъ мнѣ и ласковъ, и тепелъ; но я все въ немъ исчерпалъ, что только было моего. Неотразимо хочется хотя приблизиться къ другой стихiи. Между прочимъ мнѣ сильно здѣсь надоѣла жадность къ деньгамъ простаго народа, оставляющаго всякое дѣло въ сторонѣ и погубившаго въ себѣ всѣ нравственныя начала. Если-бъ былъ я и богатъ, не могъ бы переносить такое состоянiе; оно еще тѣмъ хуже, что гнѣздится уже на развалинахъ. Ореолъ, блиставшiй нѣкогда надъ сибирскимъ Сентъ-Франциско, освѣтилъ только широкiй путь къ разврату и, не создавъ свѣтила, рѣзко раздѣлилъ между свѣтомъ и тьмою. Мнѣ покой нуженъ. Не разбросавъ денегъ, здѣсь нельзя ничего дѣлать. Общимъ правиломъ стало: захватить ихъ впередъ и придумывать, какъ избавиться отъ обязанности“...

Въ августѣ 1856 г. пробилъ, наконецъ, давно желанный для всѣхъ декабристовъ часъ: въ числѣ высочайшихъ милостей, объявленныхъ по случаю коронованiя императора Александра II, снята была опала съ членовъ бывшаго тайнаго общества и имъ разрѣшено выѣхать изъ Сибири. Батенковъ былъ въ числѣ воспользовавшихся этимъ разрѣшенiемъ и отправился въ Тульскую губернiю, въ деревню, принадлежавшую семьѣ его умершаго друга Елагина.

Покидая Томскъ, онъ писалъ А. И. Лучшеву, находившемуся въ то время въ Барнаулѣ:

11 сентября 1856 г.

„Вотъ, милый А. И., пишу и вамъ привѣтъ разлуки. Чрезъ двѣ недѣли здѣсь уже не буду, и сложившееся изъ душевныхъ сим-

патій семейство мое должно будетъ меня отпустить и со мною проститься. Я теперь, какъ новорожденный младенецъ, чистъ отъ всего, отъ чего только можно быть чистымъ, съ правомъ на жизнь, даже привиллегированную, и—что̀ важнѣе—свободенъ. Обѣ столицы мнѣ не гостепріимны, но не совсѣмъ и заперты. Со службою не миритъ безчиніе; но и туда есть дверь. Словомъ, я теперь юноша, недоросль и старецъ, только что поднятый изъ-подъ креста. Есть и выгода въ такомъ положеніи,—я могу не стѣснять бывшихъ товарищей и не стѣсняться ими, какъ бы высоко они ни забрались...“

Слѣдующіе отрывки взяты изъ писемъ, писанныхъ уже съ дороги и по прибытіи на новое мѣстожительство.

Тобольскъ, 1856 г. 12 октября (къ неизвѣстному).

„Сижу у моря и жду погоды. Доѣхалъ сюда еще успѣшно, не съ большимъ въ 8 сутокъ. До Абацкой буксировалъ меня контръ-адмиралъ Невельской и былъ превосходнымъ спутникомъ. Мы усердно смѣялись надъ топями Боробы и надъ проливнымъ дождемъ, питались преимущественно чаемъ. Я не послушался ни его, ни васъ, и выходитъ, что хорошо сдѣлалъ. Иванъ Великій (Анненковъ Иванъ Александровичъ ?) съ апостоломъ и евангелистомъ Матвѣемъ (Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ивановичъ ?) были уже здѣсь. Одинъ только первый возвратился, и получили мы извѣстіе, что слегъ отъ боли въ ногѣ; и немудрено было при такой ужасной дорогѣ. Не знаю, долго ли здѣсь пробуду; а чтобы пуститься далѣе, надобно было бы молодость и смѣлость барона (Владиміра Ивановича) Штейнгеля, который одинъ и отправился. Странны эти двѣ вещи: время и городъ Тобольскъ. Черезъ 36 лѣтъ все измѣнилось здѣсь, и прежде столь извѣстное мнѣ мѣсто кажется мнѣ совсѣмъ незнакомымъ. Исчислить нельзя, сколько здѣсь гнили, пустырей, развалинъ и нищеты; но столько же и обновленія, хотя оно древнюю столицу Сибири выказываетъ теперь небольшимъ русскимъ городкомъ, и почти сплошь въ заимствованномъ издали видѣ. Чувство мое облегчено только отсѣченіемъ значительной части несносной дали, въ которую я забирался, и хотя въ Сибири, но кажется мнѣ отовсюду близко. Благодарю васъ отъ всей души, что вы уважили мое нетерпѣніе.

Конечно, лучше бы было еще придвинуться до Казани, но это требовало уже смѣлости и большихъ усилій. Намѣреваюсь завернуть въ Ялуторовскъ и можетъ быть, найдутся тамъ мнѣ спутники; дорога еще длинна и, скука неизбѣжна.

Удивились мы, почему не попалъ въ амнистію находящійся въ Нарымѣ Выгодовскій [1]). Не забытъ ли онъ какъ нибудь?— а всѣмъ извѣстно, что человѣкъ мирный и кроткій. Слышалъ я о немъ, живя въ Томскѣ, но лично совсѣмъ незнакомъ. Добросердечіе ваше, конечно, приметъ и въ немъ возможное участіе"...

Наконецъ, повидимому уже въ самомъ концѣ 1856 года, Гавріилъ Степановичъ добрался до вожделѣнной цѣли своего длиннаго путешествія—до принадлежавшаго Елагинымъ села Петрищева, находящагося въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Одинъ изъ первыхъ людей, къ которымъ онъ обратился оттуда съ словомъ привѣта, былъ, конечно, старый другъ его баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгель, тоже возвратившійся въ Россію послѣ 30-ти лѣтней ссылки.

15 января 1857 г. (Бѣлевъ) с. Петрищево.

Что съ тобой, мой ангелъ, сталось,—
Не слыхать твоихъ рѣчей?

„Полагаю этотъ эпиграфъ въ наличникъ моей рѣчи, хотя, правду сказать, въ словахъ нѣтъ разницы: одно по гречески. другое по русски; но если разложить ихъ тщательно, то въ одномъ будетъ осадка грамоты, письменности, а въ другомъ— столярной работы, и полу-плеоназмъ обратится въ полный тогда только, когда испарится все содержаніе, и новый продуктъ составитъ уже говорящій столъ.

„Вся эта галиматья весьма потребна для настоящей съ тобой бесѣды, ибо въ самомъ дѣлѣ ворожить приходится, чтобъ тебя отыскать. Я не баронъ, а умѣю фантазировать. Мнѣ представляется, что ты, положивъ обѣ руки въ карманы, разгуливаешь теперь по Невскому проспекту. И въ грошъ не ставишь никого.

„Крылатая рѣчь наша могла-бы перекидываться теперь скорѣе, нежели было въ старые годы. Я получаю съ Невы письма, въ

[1]) Канцелярскій чиновникъ, тоже бывшій членъ тайнаго общества, принадлежавшій къ кружку «Соединенныхъ Славянъ».

доброе время, въ три дня и въ самое худое черезъ шесть, когда Ока ихъ перехватываетъ и бездорожица тянется отъ Малаго Ярославца до Бѣлева въ полной красотѣ.

„Но пора начать прагматическую исторію.

„Въ Тобольскѣ пробылъ я три недѣли, въ самое несносное время. Грязь и сломанная мостовая не допускали разгулья.....

„Едва успѣлъ ты исчезнуть, явясь ко мнѣ какъ тѣнь Самуила, пріѣхалъ тотчасъ Дометти (теперь у васъ онъ) и утащилъ къ себѣ обѣдать. Отсюда начался рядъ гостепріимства и привѣтовъ.....

„Чрезъ Иртышъ переправлялся еще на паромѣ, черезъ Тоболъ вовсе нельзя было. Перешедши рискою одинъ пѣшкомъ, я не рѣшился возвратиться и, оставивъ на той сторонѣ вьюкъ свой, со всѣмъ, что въ немъ было, у татаръ, уѣхалъ въ Ялуторовскъ на перекладныхъ и тамъ почти три дня дожидался.

„До Казани на вольной почтѣ проѣхалъ хорошо, кромѣ трудной переправы черезъ Каму. Далѣе долженъ былъ пересѣсть въ тарантасъ, и потому пробылъ въ бусурманской столицѣ три дня, но не скучалъ въ обществѣ университетскихъ [1]). Дотащившись до Нижняго, отдыхалъ тутъ два дня, а потомъ еще во Владимірѣ почти столько же, въ домѣ бывшаго у насъ предсѣдателя Болтина, и такъ появился въ Москвѣ.

„Здѣсь мнѣ позволено было пробыть цѣлые три дня: я просилъ лично; принятъ былъ [2]) хорошо; вспоминали Швартгольмъ и всю старину; даже выражено было сожалѣніе, что ты не видался. Наконецъ, 19 ноября (1856 г.) я прибылъ на мѣсто, и только успѣлъ это—путь рѣшительно прекратился.

„Здѣсь нашелъ я прежнюю, уже сильно испытанную, дружбу, свой домъ, свою семью; но въ то-же время засталъ похороны и втораго сына Авдотьи Петровны [3]) отъ перваго мужа. Итакъ, я не засталъ уже тѣхъ, съ кѣмъ надѣялся жить; но покой мой устроился и Богъ доселѣ насъ не оставляетъ.

---

[1]) Въ Казани Г. С. Батенковъ познакомился съ молодымъ тогда профессоромъ, извѣстнымъ и уважаемымъ Н. Н. Буличемъ. Въ 1888 году Николай Никитичъ, въ бытность нашу въ Казани, передалъ нѣсколько интересныхъ данныхъ по поводу знакомства съ Батенковымъ, оставившимъ своимъ знакомствомъ самыя пріятныя воспоминанія.

[2]) Графомъ Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ.

[3]) Елагиной, по второму браку—Кирѣевской. Ред.

„Вотъ тебѣ отчетъ.

„Бумаги твои и книги я разобралъ, какъ умѣлъ; часть была уложена, для отправки, въ ящикъ и если Петръ Николаевичъ (Свистуновъ) не затруднился, должно быть все теперь въ Нижнемъ, гдѣ онъ почему то останавливался, а можетъ быть и въ Москвѣ.

„Отзовись, сдѣлай милость, адресуя просто въ Бѣлевъ, на мое имя. Богъ да хранитъ тебя. Прощай“.

С. Петрищево, 1857 г. 14 января. (Неизвѣстному).

...... „Живу теперь въ селѣ и по сельски. Это кажется отдыхомъ и легкостію, ибо надобно признаться, что, при свѣтлой наружности, душа долго была подъ сильнымъ прессомъ,—чѣмъ и изъясняется поспѣшность моего отъѣзда.

„Правду сказать, прибавочныя откуда-то мѣры [1]) поубавили мое удовольствіе, и предреченіе ваше безъ „крючковъ“ не вполнѣ оправдалось. Но все можетъ перемѣниться, какъ уже перемѣнялось много разъ.

„Пробывъ три дня въ Москвѣ, я постоянно видѣлся съ Сергѣемъ Григорьевичемъ [2]). Какое прекрасное, благородное, точно княжеское лицо!—Во вѣкъ не забуду впечатлѣнія, которое онъ на меня сдѣлалъ......

...... „По маленьку наши выбираются и собираются; хотя и двухъ вмѣстѣ жить не будетъ. За ними, впрочемъ, и прежнія колоніи ихъ потеряютъ прежнее свое значеніе“......

4 марта 1857 г., с. Петрищево (барону В. И. Штейнгелю).

„Аукнулись и откликнулись. Вотъ все, что успѣли мы сдѣлать доселѣ, мой милый братъ. Іудеи послѣ плѣненія Вавилонскаго соединились въ стѣнахъ Іерусалимскихъ, а мы, христіане, разсѣялись во всѣ языки. Никогда пространство не было такъ поглотнымъ и разстояніе такъ безтолковымъ, какъ для насъ теперь. Уже не повернулась-ли какая нибудь ось? Здѣсь ничего не слышно ни о Кяхтѣ, ни о Нижнемъ, а бьютъ по ушамъ Одессою и Радзивиловымъ. Когда и на небо взглянешь, то нѣтъ

---

[1]) Прибавочными мѣрами Батенковъ, вѣроятно, называетъ какія нибудь стѣсненія, которымъ декабристы на первыхъ порахъ послѣ возвращенія подвергались.

[2]) Князь Волконскій. Ред.

въ звѣздахъ ни Вознесенья, ни Абалака, а Никола Гостунскій и Оптинская пустынь. Нарочно ѣздилъ въ Москву, чтобъ за какой нибудь крючекъ зацѣпить мысль, а то, пожалуй, она совсѣмъ перевернется на новый румбъ.

„Тебѣ нечего разсказывать, что я живу въ доброй и милой семьѣ и легко настроилъ всѣ струны по старому контра-пункту, но это самое и сказывается совсѣмъ въ другой мелодіи, нежели сибирскій хоръ; а жизнь непремѣнно надо складывать изъ всего, что можно было. Можно черкнуть ножичкомъ и оторваться отъ всего прежняго.... однако, сердце не перестаетъ бить свой тактъ и ни отдаленіе, ни раздробленіе не могутъ заглушить его. Отсюда слѣдуетъ, что вся перемѣна со мною послѣдовала только въ топографіи и географіи; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я, кажется, уже остолбенѣлъ до гроба и буду тянуть все тотъ же цилиндръ въ нескончаемую канитель.

„Чрезъ такое поясненіе, можетъ быть, я устраняю и вопросы, и замѣчанія, довольно законные съ твоей стороны, по причинѣ долгаго ожиданія отъ меня вѣстей. Надобно прибавить къ этому, что цѣлый мѣсяцъ, и даже болѣе, былъ я въ отсутствіи изъ дому, а теперь настала такая слякоть и распутица, что рѣшительно трудно попадать и въ Бѣлевъ; далѣе же ни мостовъ, ни переправъ до самой Калуги. Надобно отдать справедливость, что въ отношеніи путей сообщенія наши серединныя области сущая тайга, только нѣтъ въ ней ни медвѣдей, ни золота.

„Читаю я все, что читаютъ добрые люди. Кое кого и вижу изъ добрыхъ людей; добрыми людьми весьма доволенъ. Чего бы казалось лучше на старости лѣтъ? Все, однако, и на донушкѣ остающагося времени тратить безъ пользы не хотѣлось бы. Но гдѣ найти пользу, и что есть польза? Это вамъ тамъ виднѣе, какъ людямъ поляризованнымъ (sic), а мы тутъ, какъ Купидонъ съ повязкою на глазахъ, опустошаемъ только колчанъ любви, едва-ли попадая даже и въ сердце.

„Скуки, однако, до сихъ поръ не знаю. Дни сами собою смѣняются очень быстро, и трудно рѣшить, куда дѣлись длинные вечера и пресловутое „чѣмъ бы убить время“? Мы дышимъ какъ-то однимъ кислородомъ.

„Я худо умѣю вообразить настоящее твое положеніе. У адмирала и у дѣтей (?) ты удобно укладываешься въ мой кастетъ,

но, какъ необходимый атрибутъ всѣхъ тобольскихъ ландшафтовъ, мнѣ уже ни мало не понятенъ. Писали мнѣ, что ходишь по Невскому, запустивъ руки въ карманы; да тамъ-то что у тебя такое?

„Иванъ Великій (И. А. Анненковъ) звонитъ на тебя великопостную жалобу, что ты и больнаго его не посѣщаешь. Я рѣшилъ дѣло тѣмъ, что телѣги-то у него должны быть исправнѣе.

Прости, мой дорогой другъ. Обнимаю тебя крѣпко. Батенковъ"

Перебравшись на новое мѣсто жительства, но тяготясь постояннымъ—поневолѣ—проживаніемъ на чужой счетъ, Гавріилъ Степановичъ сталъ усиленно хлопотать о возвращеніи отобраннаго у него, при арестованіи въ 1825 году, имущества, и хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Источникомъ высланныхъ ему денегъ служилъ, по нѣкоторымъ разсказамъ, брильянтовый перстень, который присужденъ былъ ему въ награду незадолго до 14 декабря, но котораго онъ не успѣлъ еще получить. Цѣнность этого перстня, съ наросшими на нее процентами, составляла, къ 1857 г., около 15 т. руб. серебромъ. Другіе разсказываютъ то-же самое о серебряныхъ и золотыхъ вещахъ, отобранныхъ у Батенкова при арестованіи, и опредѣляютъ ихъ цѣнность, съ наросшими къ 1857 г. процентами, въ 6 т. р. съ небольшимъ. Такъ или иначе, но частью высланныхъ ему, по высочайшему повелѣнію, денегъ Гавріилъ Степановичъ воспользовался для покупки себѣ небольшаго домика въ Калугѣ, куда выписалъ изъ Сибири вдову одного изъ братьевъ Лучшевыхъ съ ея двумя малолѣтними сыновьями. Послѣднихъ онъ помѣстилъ въ калужскую гимназію; мать же ихъ, впослѣдствіи, вышла замужъ за совѣтника мѣстной казенной палаты.

Объ устройствѣ своемъ въ новомъ помѣщеніи онъ, между прочимъ, писалъ А. И. Лучшеву (въ январѣ 1858 г.).

.... „Наконецъ, бросилъ якорь въ Калугѣ, обзавелся крошечнымъ, но чистенькимъ домикомъ въ самомъ концѣ города, на Дворянской улицѣ, и когда пріѣхала Ольга Павловна (вдова Лучшева) съ ребятишками, прибрали наше жилье общими силами и начали продолжать именно ту самую жизнь, какая была въ Томскѣ.... По завѣщанію Петра (Кирѣевскаго, пасынка Елагиной) досталось и на мою долю перевести 28 книгъ византій-

ской исторіи, и это мнѣ не скучно, но отнимаетъ много времени“.

Въ началѣ 1859-го года разрѣшено было бывшимъ декабристамъ проживать въ обѣихъ столицахъ. И въ той, и въ другой оказалось у Батенкова еще нѣсколько старыхъ знакомыхъ. Съѣздилъ онъ нѣсколько разъ въ Москву, побывалъ въ Петербургѣ и даже въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ, въ Варшавѣ, проживалъ бывшій пріятель его Василій Васильевичъ Погодинъ. Что касается Петербурга, то тамъ завелись у него и новыя сношенія съ почтеннымъ Ѳ. Н. Муратовымъ, заправлявшимъ типографіею министерства удѣловъ. Онъ приходился сродни Гавріилу Степановичу и, кажется, по поводу какихъ-то имущественныхъ вопросовъ у нихъ и завелась переписка; видѣлись же они, сколько можно судить изъ этой переписки, всего одинъ разъ, въ 1861 г., когда Батенковъ пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Чтобы показать характеръ взаимныхъ между ними отношеній, приводимъ здѣсь выдержки изъ сохранившихся писемъ Гавріила Степановича къ покойному нынѣ Ѳедору Никифоровичу Муратову [1]).

Ноября 24. 1859. Калуга.

„Благодарю васъ душевно за поданный мнѣ голосъ и привѣтъ неожиданнымъ письмомъ вашимъ отъ 17-го числа. Оно мнѣ напомнило благодатные дни юности и дѣтства, когда еще патріархальная жизнь не подвергалась разложенію и семейныя группы обнимали и притягивали къ себѣ все родство, близкое и отдаленное.

„Не могу вдругъ припомнить и разобрать самый истокъ той вѣтви, къ которой вы принадлежите. Такъ время и другой складъ жизни смѣшали преданіе, если и было оно въ младенчествѣ не упущено, но во всю, довольно долгую, жизнь уже не повторялось. Знаю, что это со стороны моей матери. Сестра ея отца,

---

[1]) Письма эти переданы намъ Ѳ. Н. Муратовымъ незадолго до его кончины; это былъ въ высшей степени добрый, честный труженикъ, прошедшій всѣ степени типографскаго работника до положенія завѣдывающаго типографіей (фактора) включительно. Ѳедоръ Никифоровичъ Муратовъ одинъ изъ основателей кассы для вспомоществованія наборщикамъ въ С.-Петербургѣ.
Ред.

кажется, была за Пятковымъ; отъ нихъ произошла Дарья Петровна, мать Анны Осиповны.

„Не говоря о чувствахъ, имѣющихъ свое собственное право,— юридическій порядокъ отводитъ все далѣе родственниковъ по женскому колѣну и даетъ рѣшительное преимущество мужскому. Вотъ почему, полагаю я, нельзя было Аннѣ Осиповнѣ имѣть успѣха въ полученіи своего наслѣдства, равно какъ и другимъ, еще далѣе поведшимъ свои настоянія. Если бы имѣлъ я родовое имѣніе матери, дошедшее къ ней отъ отца, тогда только законъ обымалъ бы Пятковыхъ. Но какъ дѣло таковымъ не было, то моими наслѣдниками долженствовали быть родственники отца, по разсчету до 5-й степени.

„Я говорю это только для поясненія. Дѣло получило уже окончательное и невозвратное рѣшеніе. Во первыхъ: судебныя мѣста, за 16 уже лѣтъ прежде, не исполнили свое опредѣленіе. Не признавъ никого наслѣдниками по закону, не уваживъ даже моего собственнаго распоряженія относительно кредиторовъ, по недостатку формы,—которую я не могъ и сохранить,—а почитая самого меня умершимъ, признали имущество выморочнымъ и тогда же обратили цѣну его въ казну. Во вторыхъ: по особенной милости государя, имяннымъ указомъ, круглымъ числомъ, сколько благоугодно было, отдано мнѣ въ 1858 году, изъ суммъ высшихъ государственныхъ установленій, взамѣнъ взятаго въ казну, послѣ чего не можетъ быть уже никакого права отыскивать что либо въ прошедшемъ... Конечно, выданная мнѣ сумма далеко не покрываетъ моихъ долговъ, но, къ счастію моему, кредиторы мои такого свойства, что они меня и содержатъ, вотъ уже 13 лѣтъ, попечительно и внимательно, увеличивъ значительно свою фортуну при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Они и составляютъ мой дружескій и семейный кругъ. Мнѣ оставалось только имъ же и вручить все, что́ сталъ имѣть. Отъ нихъ имѣю и домикъ здѣсь. На возрастѣ 65 лѣтъ велика милость Божія, что чудомъ почти успокоенъ.

„Кажется, я вамъ высказалъ все. Желалъ бы имѣть и обѣщанное вами подробное свѣдѣніе о васъ самихъ. Послѣдній пунктъ стоитъ на 1815 году, когда я видѣлъ Анну Осиповну и дѣтей ея въ Нижнемъ“.

19 декабря 1859 г., Калуга.

„Вы напрасно воображаете меня гордымъ, который по нраву своему не отвѣтитъ на письмо даже родственника, ищущаго его ласки. Дѣло въ томъ, что я слишкомъ тридцать лѣтъ, т. е. въ лучшіе дни жизни, не писалъ ни къ кому и ничего. Поэтому совершенно отвыкъ отъ такого упражненія и не могу быть въ немъ дѣятельнымъ. По своему положенію жизни и даже по требованію разсудка желалъ бы кончить жизнь такъ, чтобы не осталось послѣ меня и строки, мною написанной. Не будучи ни ученымъ, ни литераторомъ, я не могу ничего произвести достойнаго памяти. Въ другихъ же сферахъ жизни, можно сказать, не имѣю никакого значенія....

.... „Радуюсь, что въ обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ успѣли вы образовать себя и избрали занятіе, которое доставляетъ хотя весьма умѣренную выгоду, но держитъ вблизи отъ продолжающихся успѣховъ. Предоставляю себѣ болѣе удовольствія лично познакомиться съ вами, когда буду въ Петербургѣ. Въ прошлое лѣто пріѣзжалъ я туда недѣли на три и былъ, кажется, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ вы живете. Довольно чудно и то, что вы добились обо мнѣ извѣстія; но жаль, что не прежде. Что дѣлать? Не всегда совпадаютъ наши потребности съ общимъ чертежомъ всемірнаго движенія. Давно уже замѣчаю, что моя колея отстала отъ его линій и только случайно ихъ пересѣкаетъ“.....

22 февраля 1860. Москва.

.... „Радуетъ меня направленіе ваше и степень образованія, доставшіяся, какъ и всѣмъ намъ, неимущимъ, однимъ непрерывнымъ трудомъ и даннымъ природою любознаніемъ. Знаю по опыту, что это лучше многихъ другихъ выгодъ и обѣщаетъ если не сладостную, по крайней мѣрѣ не скучную жизнь.

„Выраженныя вами относительно меня желанія похвальны и законны; но бытъ всякаго человѣка слагается по его свойствамъ, обстановкѣ и обстоятельствамъ; а я, право, не вижу ничего, чѣмъ бы изъ внутренней сокровищности слишкомъ много нужно было подѣлиться съ другими во всеуслышаніе. Въ 60 лѣтъ возраста всякое начинаніе трудно, и потому извините меня, да и не одни вы, что я останусь при своемъ мнѣніи, почитая свое поприще конченнымъ и силы на предпріятіе новаго недостаточными. Вамъ,

молодымъ людямъ, поле открыто и въ будущее двери широко распахнуты, а нашу дряхлость въ нихъ могутъ защемить и задавить, а это, конечно, немного и непріятно.

„Словомъ, мнѣ надобно уже какое-то особенное оживленіе, чтобъ заявить о своемъ существованіи, безъ того, можетъ быть, не въ мѣру уже заявленномъ. Это послѣднее обстоятельство требуетъ уже не простой болтовни, а здороваго, неоспоримо полезнаго слова, которое простымъ ухарствомъ не дается".

Августа 13-го 1860. Калуга.

„Не негодуйте на меня напрасно, Ѳедоръ Никифоровичъ,— на медленные вамъ отвѣты и, вообще, на неисправность переписки; тому есть множество причинъ, по которымъ я терплю упреки не отъ васъ однихъ. Чтобы удовлетворить по желанію, мнѣ бы довелось только и дѣлать, что писать и имѣть канцелярію. Друзья мои и знакомые разсѣяны повсюду, а иногда и совсѣмъ неизвѣстные мнѣ адресуются съ разными вопросами, обращая въ повинность долгую мою и сдѣлавшуюся любопытною жизнь. Между тѣмъ я совершенно отвыкъ писать, и браться за перо чувствую тяжкою работою....

„На мѣстѣ постоянно не живу. Весною пробылъ въ Москвѣ, а все лѣто въ Польшѣ; теперь собираюсь верстъ за сто въ деревню.... Вѣроятно буду въ Петербургѣ въ концѣ осени или зимою. Тамъ я и предполагаю лично съ вами познакомиться, и прошу принять терпѣніе"....

19 ноября 1861. Калуга.

„Не сердись на меня, мой дорогой Ѳедоръ Никифоровичъ; мы теперь уже видѣлись и столько стали знать другъ друга, чтобъ не сомнѣваться въ добрыхъ чувствахъ....

.... „Прежняя моя жизнь тамъ (въ Петербургѣ) была не совсѣмъ тѣсна; близко знакомыхъ осталось и теперь еще много, тѣхъ самыхъ или ихъ семействъ. Можно бы закружиться среди нихъ, но я, и сводя въ кучки, осенью не всѣхъ успѣлъ видѣть даже и по одному разу, а для этого единственно пріѣзжалъ уже дважды.

„Крѣпко мнѣ хочется прикатить къ вамъ изъ Москвы, чтобъ помѣститься гдѣ нибудь въ уголку и все время оставить для

самого себя; словомъ, проявить на дѣлѣ сущую анти-тезу. Въ такомъ положенiи, конечно, я могъ бы ближе ознакомиться съ вашимъ и братнимъ бытомъ и, хотя бѣденъ я средствами, послужить къ его улучшенiю; по крайней мѣрѣ, возможно и желательно приблизить его къ себѣ чувствомъ.

„Жизнь моя до старости протекла въ неволѣ. Съ отрочества отлучился я отъ родныхъ и всѣ, кого зналъ, уже давно умерли. Поэтому я призналъ своими ближними тѣхъ, у кого преклонилъ голову въ несчастiи. Много было и заботъ, многое и перенесено со мною вмѣстѣ. Такъ почти математически опредѣлилось мое настоящее положенiе и очертился кругъ, изъ котораго уже поздно и не для чего выходить мнѣ. Дай Богъ, чтобъ изъ него не выбили только нужды и шаткое время".

21 января 1862 г. Калуга.

„Спасибо вамъ за приглашенiе раздѣлить постой, но я не могу никакъ измѣнить уже твердо, самою жизнiю устроенныхъ для этого, иныхъ распоряженiй. Я не понялъ, почему вы подумали, что, поѣхавъ по желѣзной дорогѣ, могу забыть мои письменные виды. Для насъ довольно однихъ документовъ на состоянiе, но для столичныхъ управленiй всегда беремъ и особые паспорты, нужные въ другихъ мѣстахъ для полученiя подорожной. До состоянiя, въ началѣ 1859 года, царскаго указа о снятiи ограниченiя, я и не могъ жить въ столицѣ. Увлеченный большою бурею и запутанный мудреными обстоятельствами, я довольно уже, — можно сказать, — безпримѣрно, страдалъ; пора уже было дать покой. Въ настоящее же время убѣжденiя и образъ мыслей не составляютъ преступленiя и предмета розысковъ.

„Я распространился объ этомъ, чтобъ поставить васъ въ извѣстность о своемъ положенiи и удалить, можетъ быть, слишкомъ робкiе на него воззрѣнiя и толки, всегда увеличенные по мѣрѣ удаленiя отъ яснаго свѣта"....

Iюля 28-го 1863 г. Калуга.

.... „Прожилъ я цѣлое лѣто въ деревняхъ, но здоровья не поправилъ. Грудная боль и одышка усиливаются день ото дня, и отъ того стало несбыточнымъ мое намѣренiе побывать осенью

въ Петербургѣ; да и покрыть расходы на это въ настоящее время нечѣмъ.

„Удивительно, какъ Богъ помогаетъ вамъ, при средствахъ, состоящихъ въ одномъ трудѣ, совершать столько добрыхъ дѣлъ. И выходитъ, что вѣра и послушное заповѣди Христовой сердце составляютъ лучшій капиталъ.

„Да почіетъ надъ вами небесное благословеніе.

„Обнимаю васъ родственно. Батенковъ".

Письмо это было однимъ изъ послѣднихъ, которыя писалъ Гавріилъ Степановичъ; въ октябрѣ того же 1863 г. кончилось его необычайное и многострадальное жизненное поприще: онъ скончался отъ воспаленія легкихъ, на 71-мъ году жизни. Все состояніе свое онъ завѣщалъ вдовѣ Лучшева (по второму браку Цуриковой) и приказалъ похоронить себя въ с. Петрищевѣ, рядомъ съ своимъ другомъ и бывшимъ боевымъ товарищемъ, Алексѣемъ Андреевичемъ Елагинымъ,—что̀ и было исполнено.

VI.

По воспоминаніямъ, сохранившимся въ семействѣ Елагиныхъ [1]), Батенковъ въ послѣдніе годы своей жизни никакъ не могъ долго сидѣть на мѣстѣ и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выѣхать, хотя бы покататься. Когда сняли съ декабристовъ запрещеніе жить въ столицахъ, онъ нѣсколько разъ, какъ мы видѣли изъ его писемъ—побывалъ въ Москвѣ, Петербургѣ и даже Варшавѣ. Въ Калугѣ онъ сошелся съ нѣсколькими проживавшими тамъ декабристами, и тамъ же принималъ живое участіе въ трудахъ губернскаго комитета объ освобожденіи крестьянъ.

О происшествіяхъ 14-го декабря и о времени заключенія своего въ крѣпости Батенковъ—какъ уже выше сказано—вспоминать очень не любилъ, и когда заходила объ этомъ рѣчь, отъ него нельзя было слова добиться. Только одинъ разъ, еще проживая въ Сибири, онъ, въ годовщину декабрьской смуты, самъ заговорилъ о

---

1) Русскій Арх. 1881 г. кн. 3.

ней, но тотчасъ остановился и пробормоталъ себѣ подъ носъ: „ну, да случись революція тремя днями позднѣе, я уѣхалъ-бы въ Москву, и моего имени не было-бы въ этомъ дѣлѣ".

Отъ тѣхъ-же ужасныхъ годовъ заключенія въ немъ остались нѣкоторыя странности. Привыкнувъ ограничивать свою прогулку шаганіемъ по тѣсному каземату, онъ въ первые годы по освобожденіи, прохаживаясь по комнатѣ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, внезапно останавливался и поворачивалъ назадъ, какъ-бы инстинктивно чувствуя предъ собою стѣну [1]). Вслѣдствіе тѣхъ-же тюремныхъ впечатлѣній, онъ чрезвычайно тяготился тишиною. Однажды, въ Петрищевѣ, онъ сидѣлъ у камина, въ комнатѣ, гдѣ никого не было. Вдругъ слышатъ въ этой комнатѣ крики; всѣ побѣжали туда посмотрѣть, что̀ случилось: оказалось, что Гавріилъ Степановичъ совершенно спокойно сидитъ на прежнемъ мѣстѣ. „Гаврилъ Степановичъ, что съ вами?" спрашиваютъ его. — „Ничего, надо же человѣку и покричать". — Должно полагать, что къ такому же средству прибѣгалъ онъ въ казематѣ, чтобы услышать звуки хотя собственнаго голоса.

Вопреки своей неохотѣ писать что либо о собственной особѣ, Батенковъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ, написалъ, во время пребыванія своего въ Петрищевѣ и въ Калугѣ, воспоминанія о дѣтскихъ годахъ своей жизни, дополненныя разными философскими разсужденіями и мыслями о государственномъ устройствѣ. Записки эти помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ" [2]).

Заключимъ нашъ очеркъ описаніемъ наружности и характера Батенкова, какъ они изображены однимъ изъ близкихъ томскихъ пріятелей его, Прядильщиковымъ.

Гавріилъ Степановичъ былъ довольно высокаго роста, хорошо сложенъ, но, отъ преклонныхъ лѣтъ, немного сутуловатъ. Черты лица имѣлъ правильныя, нѣсколько похожія на Наполеоновскія (разумѣю Наполеона I): тотъ же лобъ, прямой носъ и подбородокъ. Взглядъ задумчивый.

Что касается характера, то рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который бы такъ умѣлъ сдерживать свои страсти.

---

[1]) Со словъ Елены Александровны Бестужевой—М. И. Семевскому, въ 1861 г.

[2]) «Русскій Архивъ» 1881 г., кн. 2.

Никогда и ни о комъ Гавріилъ Степановичъ не отзывался рѣзко, видимо со всѣми желая хранить согласіе. Бывало молодежь выводила его изъ терпѣнія выходками противъ тѣхъ порядковъ, которые Сперанскій ввелъ въ Сибири; но и тутъ Батенковъ, какъ ни былъ раздраженъ, защищался съ достоинствомъ. Въ обществѣ дамъ старикъ держалъ себя чрезвычайно любезно, хотя не отказывалъ себѣ въ удовольствіи поспорить съ прекраснымъ поломъ.

Въ молодыхъ лѣтахъ Гавріилъ Степановичъ, при блистательныхъ способностяхъ, обладалъ и замѣчательною усидчивостію въ трудѣ. Свидѣтельствомъ сему служитъ то, что, получивъ относительно скудное образованіе въ тогдашнемъ кадетскомъ корпусѣ, онъ потомъ самъ завершилъ его неустанными занятіями и не только пріобрѣлъ основательныя знанія въ точныхъ науках, но сверхъ того ознакомился съ древними: еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками настолько, что свободно дѣлалъ съ нихъ переводы на русскій. По французски и по нѣмецки онъ тоже говорилъ и писалъ. Всѣ эти познанія сохранились въ немъ и послѣ 20-ти лѣтняго заключенія въ крѣпости.

Все это пошло прахомъ! Въ силу роковымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ, Батенковъ за свое кратковременное и почти случайное увлеченіе поплатился болѣе, чѣмъ который либо изъ оставшихся въ живыхъ соучастниковъ несчастнаго событія 14-го декабря 1825 г.

***

Приложеніе.

Характеристика графа А. А. Аракчеева и М. М. Сперанскаго [1]).

[Изъ показаній Батенкова].

Ничего не было страннѣе, какъ видѣть счеты объ экономіи и сбереженіяхъ. Смѣло можно взяться доказать, что истинная экономія нигдѣ не наблюдалась и что все основано было на томъ, что смѣты были произвольны, что ревизія состояла въ одной повѣркѣ цифръ. Могу представить два важныхъ примѣра:

1) Въ военныхъ поселеніяхъ считается экономически составленныхъ свыше 20 мил. рублей. Я самъ писалъ краткій отчетъ, въ которомъ доказывалъ, что поселенія сіи не только не стоятъ государству ни копѣйки, но, прикрывъ всѣ издержки, на нихъ употребленныя, имѣютъ собственный свой огромный капиталъ. Въ существѣ не такъ. Военныя поселенія стоятъ очень много: суммами, землями, лѣсами, работою и народомъ. Ежели сдѣлать правильную оцѣнку всѣхъ пожертвованій, то, конечно, пятипроцентнымъ доходомъ съ употребленнаго капитала на неоконченное еще водвореніе какого нибудь полка 1-й гренадерской дивизіи можно было бы на вѣки обезпечить содержаніе сего полка, во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ самая цѣль поселенія обѣщаетъ одно продовольствіе провіантомъ. Огромный же капиталъ составитъ большею частью отъ снабженія провіантскаго и комисаріатскаго департаментовъ и другими средствами, кои въ крайнемъ результатѣ составляли налогъ на государство.

Осенью (1822) графъ Аракчеевъ пригласилъ меня въ Грузино, и я долженъ былъ поступить къ нему на службу.

Сперанскій далъ мнѣ слѣдующіе приказанія и совѣты:

1) Ничего никогда съ нимъ не говорить о военныхъ поселеніяхъ.

2) Ежели не хочу быть замѣшаннымъ въ хлопоты, вести себя у графа совершенно по службѣ и избѣгать всѣхъ домашнихъ связей.

3) Никогда не дать графу замѣтить, а лучше и не думать, что я могу, кромѣ него, имѣть къ государю другіе пути.

Все сіе исполнено было мною въ точности, и я нашелся въ состояніи три года быть близкимъ къ графу. Съ Сперанскимъ мы почти разстались. Лѣтомъ онъ уѣхалъ въ Черниговъ.

---

[1]) Статья эта въ рукописи озаглавлена такъ: «Критика внутренней администраціи и о казенномъ хозяйствѣ между прочимъ».

Какъ ни сильно было лицо графа Аракчеева, но поелику сталъ онъ знать меня съ портфелью статсъ-секретаря и членомъ своего совѣта, притомъ я зналъ, что ему былъ нуженъ, то и могъ принять не тотъ тонъ, какой наблюдалъ съ Сперанскимъ.

Осмѣливаюсь здѣсь сдѣлать отступленіе, представивъ кратко параллель между сими лицами:

Аракчеевъ страшенъ физически, ибо можетъ въ жару гнѣва надѣлать множество бѣдъ; Сперанскій страшенъ морально, ибо прогнѣвить его значитъ уже лишиться уваженія. Аракчеевъ зависимъ, ибо самъ писать не можетъ и не ученъ. Сперанскій холодитъ тѣмъ чувствомъ, что никто ему не кажется нужнымъ.

Аракчеевъ любитъ приписывать себѣ всѣ дѣла и хвалиться силою у государя всѣми средствами. Сперанскій любитъ критиковать старое, скрывать свою значимость и всѣ дѣла выставлять легкими.

Аракчеевъ приступенъ на всѣ просьбы къ оказанію строгостей и труденъ слушать похвалы: все исполняетъ, что обѣщаетъ. Сперанскій приступенъ на всѣ просьбы о добрѣ, охотно обѣщаетъ, но часто не исполняетъ: злорѣчія не любитъ, а хвалитъ рѣдко.

Аракчеевъ съ перваго взгляда умѣетъ разставить людей сообразно ихъ способностямъ; ни на что постороннее не смотритъ. Сперанскій нерѣдко смѣшиваетъ и увлекается особыми уваженіями.

Аракчеевъ рѣшителенъ и любитъ наружный порядокъ. Сперанскій остороженъ и часто наружный порядокъ ставитъ ни во что.

Аракчеевъ ни къ чему принужденъ быть не можетъ. Сперанскаго характеръ сильный, можетъ заставить исполнить свою волю.

Аракчеевъ въ обращеніи простъ, своеволенъ, говоритъ безъ выбора словъ, а иногда и неприлично; къ подчиненнымъ совершенно искрененъ и увлекается всѣми страстями. Сперанскій всегда является въ приличіи, дорожитъ каждымъ словомъ и кажется неискреннимъ и холоднымъ.

Аракчеевъ съ трудомъ можетъ перемѣнить видъ свой по обстоятельствамъ. Сперанскій, при появленіи каждаго новаго лица, можетъ легко перемѣнить свой видъ.

Аракчеевъ богомолъ, но слабой вѣры. Сперанскій набоженъ и добродѣтеленъ, но мало исполняетъ обряды.

Мнѣ оба они нравились, какъ люди необыкновенные; но Сперанскаго любилъ душою.

По окончаніи главныхъ сибирскихъ дѣлъ, я остался свободнымъ, искалъ связей со всѣми людьми, кои почему нибудь извѣстны, вошелъ въ кругъ литераторовъ, ученыхъ и въ первый разъ сталъ показывать въ себѣ человѣка свободномыслящаго. Съ масонами обходился какъ братъ, но не посѣщалъ ихъ ложъ.

Жизнь моя опять перемѣнилась съ поступленіемъ къ графу Аракчееву. Вліяніе Сперанскаго, кромѣ первыхъ наставленій, какъ должно вести себя, сдѣлалось весьма слабо; я находилъ токмо необходимымъ жить съ нимъ въ одномъ домѣ, чтобъ не погрязнуть въ военныхъ поселеніяхъ и не потерять себя въ мнѣніи города.

Служа при графѣ, я чувствовалъ сильное его вліяніе на мой нравъ. Оно обнаруживалось:

1) Рѣшительностію въ поступкахъ.

2) Пристрастіемъ къ формамъ.

3) Точностію и подробностію въ разсмотрѣніи дѣлъ.

4) Вспыльчивостію и нѣкоторою грубостію въ обхожденіи, чего прежде я былъ совершенно чуждъ.

Здѣсь занятія мои были совершенно энциклопедическія. Въ первый разъ сталъ я употреблять анализъ въ производствѣ и разсмотрѣніи дѣлъ.

Легко было замѣтить, что графъ Аракчеевъ желалъ совершенно отвлечь меня отъ Сперанскаго, намекалъ разговорами, частыми приглашеніями въ Грузино и тому подобнымъ. Но я далеко былъ отъ того, чтобъ на сіе рѣшиться, сколько по уваженію и любви, кои питалъ къ Сперанскому, столько же и изъ опасеній зависѣть во всемъ отъ графа Аракчеева.

Начальникъ штаба [1]) дѣйствовалъ на мой нравъ совершенно отрицательно, т. е. какъ бы указывалъ, чего не должно дѣлать. Благородный Муравьевъ, честный Персидскій, осторожный Самбургскій и умный Погодинъ поддерживали меня примѣромъ и совѣтомъ. Вообще я былъ уваженъ, съ Аракчеевымъ обращался просто и откровенно; словомъ, не было никакихъ причинъ къ унниженію моего характера, напротивъ, все его возвышало. Произведенія мои по военнымъ поселеніямъ всегда угадывали по первому взгляду, ибо они составляли нѣчто высшее. Между тѣмъ я не могъ не видѣть неустройства, которое господствовало какъ вообще въ дѣлахъ, такъ въ особенности по военнымъ поселеніямъ, и сіе склоняло опять къ новому направленію мыслей.

Такимъ образомъ я былъ извѣстенъ, уваженъ, многими любимъ, зналъ твердо дѣла, обладалъ множествомъ свѣдѣній и познаній, могъ указать нѣсколько произведеній, приведенныхъ успѣшно въ дѣйство, былъ трудолюбивъ, все, къ чему ни прикасался, возвышалъ, а настойчивостію и дѣятельностію исправлялъ и преобразовывалъ: все, что было мнѣ ввѣряемо, почиталось уже какъ бы конченнымъ. Войдя въ кругъ зятя Сперанскаго, Багрѣева, я вошелъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ связь съ молодыми людьми первыхъ фамилій и надѣялся быстро возвышаться. Вотъ мое состояніе въ концѣ 1824 года!

Но я еще не былъ испытанъ никакимъ, даже малымъ, несчастіемъ и надѣялся на себя, такъ сказать, теоретически.

Съ наступленіемъ 1825 года мысли мои приняли опять новый оборотъ. (Тутъ Батенковъ пишетъ, что у него родилась мысль о необходимости перемѣны правленія; что сія любимая мысль господствовала надъ нимъ въ теченіи всего 1825 года и что, подъ вліяніемъ оной, онъ предпринялъ: 1) написать цѣлое сочиненіе въ поученіе тѣмъ, кои занимать будутъ низшія мѣста; 2) утвердить понятіе о собственности въ военныхъ поселеніяхъ, ибо предполагалъ изъ оныхъ составить національную гвардію; 3) замѣчать и сближаться съ лицами, кои могутъ быть употреблены, открывая сначала одну токмо цѣль—утвержденіе гражданской свободы, что можно было говорить гласно; 4) прочитать всѣ извѣстныя либеральныя книги).

---

[1]) П. А. Клейнмихель, впослѣдствіи графъ и главноуправляющій вѣдомствомъ путей сообщенія.

Живя лѣто большею частію въ Грузинѣ, я обдумалъ множество административныхъ плановъ, какъ пріуготовительныхъ, такъ и тѣхъ, кои должны быть приведены въ дѣйство при новомъ образѣ правленія. Въ августѣ (1825 г.) я пріѣхалъ въ Петербургъ, для исправленія должности начальника штаба, что въ продолженіи мѣсяца отняло все мое время.

Происшествіе въ Грузинѣ (убійство Настасьи Минкиной) и внезапное отреченіе графа Аракчеева отъ дѣлъ имѣли два важныхъ послѣдствія на мою жизнь: 1) пресѣченіе пути, на коемъ служба мнѣ благопріятствовала; 2) болѣе нежели черезъ мѣсяцъ послужило поводомъ къ разговору съ А. Бестужевымъ, составлявшему вступленіе мое въ тайное общество [1]).

---

[1]) Н. Дубровинъ. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I. Спб. 1883 г. Подлинники этихъ писемъ находятся въ архивѣ канцеляріи военнаго министра.

ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМЫЕ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

въ ихъ къ нему письмахъ.

II [1]).

Ѳ. В. Чижовъ—Н. В. Гоголю.

1.

Парижъ, 31 мая 1844 г.

Мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы видѣться съ вами, Николай Васильевичъ; но какъ я не могу опредѣлительно себѣ сказать зачѣмъ, поэтому мнѣ какъ-то совѣстно предпринять путешествіе довольно значительное, при моихъ весьма незначительныхъ средствахъ. Извините, что я безъ всякаго права буду просить васъ увѣдомить меня, гдѣ вы проводите лѣто, и не будете ли случайно въ августѣ въ Кёльнѣ, или его окрестностяхъ; мнѣ надобно будетъ поѣхать въ одинъ городокъ близъ Ахена, чтобъ повидаться съ Печеринымъ [2]); можетъ быть, мы бы и съѣхались. Во всякомъ случаѣ, позвольте васъ просить написать нѣсколько строкъ, гдѣ вы и гдѣ будете въ августѣ; мои занятія удержатъ меня въ Парижѣ непремѣнно до августа. Свиданіе съ вами могло бы, можетъ быть, прояснить мнѣ многое въ отношеніи къ нѣкоторымъ общимъ нашимъ знакомымъ, особенно

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXIII, іюль, стр. 163—176.

[2]) Печеринъ—товарищъ юности Ѳ. В. Чижова, ученый и поэтъ, впослѣдствіи профессоръ, еще позднѣе католическій священникъ въ Дублинѣ. О немъ см. «Русск. Арх.», 1878, 1136; его воспоминанія были напечатаны также въ «Русск. Арх.», 1870 г., стр. 1333, и письмо къ графу Строгонову, 1870 г., стр. 2129. В. Ш.

Шаповаленки [1]), но еще скажу вамъ правду, главная причина, заставляющая меня просить васъ сказать гдѣ вы, — просто желаніе, довольно неопредѣленное, повидаться съ вами. Буду ожидать вашего увѣдомленія. Ѳедоръ Чижовъ.

2.

29 декабря (1846 г.).

Грустнымъ вѣстникомъ надобно мнѣ быть для васъ, Николай Васильевичъ, очень грустнымъ. Вотъ вамъ слова изъ письма Свербеевой [2]), сегодня мною полученнаго. «Грустная вѣсть, боюсь, какъ бы не достигла до васъ прежде моихъ строкъ. Языковъ боленъ нервической горячкой и нѣтъ никакой надежды. Силы его такъ были истощены и прежде. Вамъ, конечно, очень грустно будетъ по немъ. Кому изъ друзей его не грустно! Въ моемъ послѣднемъ письмѣ, отправленномъ 24 дек., я не хотѣла васъ опечалить вѣстью о болѣзни Языкова. Иноземцевъ еще не терялъ надежды тогда. Я плохо надѣялась [3]), мнѣ сердце говорило, что̀ угрожаетъ намъ. Петръ Михайловичъ [4]) при немъ. Александръ Михайловичъ [5]) прожилъ съ нимъ три недѣли, уѣхалъ, когда уже онъ занемогъ. Хомяковыхъ [6]) нѣтъ здѣсь; имъ писали о неминуемомъ горѣ».

Вы знали Языкова больше другихъ, вамъ придется и грустить далеко больше другихъ. Мнѣ стыдно признаваться, какъ меня поразило это, можетъ быть, и потому, что Языковъ былъ въ глазахъ моихъ святымъ человѣкомъ.

Александръ Андреевичъ [7]) грустить со мною; онъ вамъ кланяется. Онъ даетъ мнѣ надежду здѣсь васъ увидѣть, но такъ не ясно. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ болѣе чувствую необходимость васъ видѣть. Дай вамъ Богъ здоровья, оно намъ нужно. Душевно васъ уважающій

Ѳ. Чижовъ.

---

[1]) Шаповаловъ — художникъ, жившій въ Римѣ одновременно съ Гоголемъ, Ивановымъ и Чижовымъ.

[2]) Екатерина Александровна, жена кн. Д. Н. Свербеева, общаго знакомаго Гоголя, Языкова и Чижова.

[3]) Здѣсь приводятся слова Свербеевой.

[4] и [5]) Старшіе братья Н. М. Языкова.

[6]) Хомяковы (Алексѣй Степановичъ и Екатерина Михайловна, сестра Н. М. Языкова) были самыми близкими родственниками поэта.

[7]) Ивановъ (извѣстный художникъ, другъ Гоголя).

В. Ш.

3.

30 дек. Простите, что докучаю вамъ свиданіями съ вами; просто бы пріѣхать къ вамъ, но я не скрою, что и средства, и время у меня таковы, что во всякой поѣздкѣ надобно дать строгій себѣ отчетъ. Если вы рѣшительно не будете сюда, лучше было бы поѣхать во время карнавала. И безъ настоящей непріятности, онъ мнѣ не былъ бы веселъ, а теперь я не знаю, успѣю ли я до него одуматься. Вчера меня поразило извѣстіе, — сегодня входитъ глубже, и чѣмъ больше вижу, что́ мы потеряли, тѣмъ больше тоскуется. Тѣмъ или другимъ путемъ мы теряемъ все прекрасное. Напишите, Николай Васильевичъ, нѣсколько строкъ; можетъ быть, вы вашимъ уединеніемъ укрѣпили силы, вѣру въ Провидѣніе и покорность ему,—научите, какъ снискать ихъ.

Укрѣпи Богъ ваше здоровье; чѣмъ больше теряешь, тѣмъ сильнѣе чувствуешь, какъ дорого посланное намъ Богомъ.

4.

Римъ, 26-го января 1847 г.

Письмо ваше я получилъ; оно заставляетъ меня распорядиться такъ, чтобъ непремѣнно улучить время быть въ Неаполѣ. Настоящія занятія мои не позволяютъ этого дѣлать ранѣе половины марта; потомъ я пріѣду. Сдѣлайте одолженіе, писавши сюда, напишите вашъ адресъ, чтобъ скоро можно было найти васъ. Очень и очень хотѣлось бы снискать ваше доброе мнѣніе, чтобъ, опираясь на это, на многое попросить отвѣтовъ и совѣтовъ, или, по крайней мѣрѣ, мнѣній. Теперь мы нараспутіи,—большею частію идетъ такъ, какъ, кажется, должно по внутреннему голосу; но иногда этого недовольно, надобно было бы и поотчетливѣе ждать путь и ходъ. Думаешь иногда спросить совѣта, какъ-то принимаютъ такъ не радушно, такъ не по-братски, что невольно закрываешься тамъ, гдѣ нужно было бы открываться всему. Разумѣется, большею частію виноватъ самъ, — спрашиваешь не изъ искренняго желанія узнать истину, а такъ, чтобъ «себя показать и людей посмотрѣть».

Душевно васъ уважающій Ѳ. Чижовъ.

5.

Римъ, 15-го января 1847 г.

Моллеръ [1]) и Ивановъ говорили мнѣ, что вы пріѣдете въ Римъ; сегодня они получили ваши письма и отвѣчаютъ, что не знаютъ. Желаніе и очень сильное, желаніе увидѣть васъ,—зачѣмъ? опредѣлительно сказать не умѣю,—заставляетъ меня спросить васъ самихъ—не думаете-ли вы побывать въ Римѣ до апрѣля? Удѣлите нѣсколько минутъ и отвѣтьте на этотъ вопросъ. Всѣ московскіе и въ Петербургѣ Плетневъ думали, что я васъ увижу въ Римѣ, поэтому всѣ поручили мнѣ вамъ кланяться. Положительно нечего мнѣ сказать вамъ новаго. Слава Богу, все идетъ хорошо, такъ мнѣ кажется, другимъ многимъ,—что все идетъ худо. То-ли, другое-ли вѣрно, не знаю, но видно, что идетъ все впередъ и, что еще важнѣе, что ведутъ не столько люди, сколько Богъ. Если вы мнѣ напишете, потрудитесь адресовать въ Café greco (Via condotti). Истинно васъ уважающій Ѳ. Чижовъ.

6.

7-го февраля, Римъ (1847 г.).

Порученія вашего я не могъ исполнить такъ, какъ вы желали, и очень жаль мнѣ, что не удалось исполнить. Ваше письмо Моллеръ отдалъ мнѣ въ трактирѣ у Фальконе, подлѣ меня сидѣлъ Ивановъ; едва я распечаталъ, тотчасъ же прочелъ надпись на его письмѣ, не читая еще своего, и отдалъ ему. Но сколько ни случается отъ мала до велика, всегда само собою дѣла устраиваются лучше, нежели какъ мы предполагаемъ ихъ устроить. Письмо ваше сильно его разстроило; больше всего мучитъ его то, что онъ васъ заставилъ безпокоиться сильно о его положеніи. Онъ говоритъ: «намъ гораздо лучше все оставить до личнаго свиданія». Не знаю, что̀ вы писали къ нему, а знаю только то, что въ его дѣлѣ двѣ стороны, одна нравственная, заключенная въ немъ самомъ; другая внѣшняя, зависящая отъ начальства и и ихъ гадостей. Начальство скверно не отъ желанія вредить, а просто потому, что скверно; столкновенія его съ Ивановымъ еще хуже, чѣмъ съ другими, потому что неопытность его въ общественной жизни

---

[1]) Моллеръ, Ѳедоръ Антоновичъ, художникъ, жившій въ Римѣ въ одно время съ Гоголемъ. В. Ш.

вызываетъ много такого, что бы само никогда не вышло. Онъ тоже не виноватъ. Гораздо важнѣе этого внутреннее состояніе души его, на которую, какъ мнѣ кажется, надобно дѣйствовать успокоивающими средствами. Вамъ болѣе, я думаю, чѣмъ кому-либо знакомо то, какъ тяжело и какъ дорого намъ достается уединеніе. Искренно признаваясь и по собственному опыту, и по наблюденіямъ надъ многими, я подсмотрѣлъ одно,—что, оставаясь въ уединеніи все съ самимъ собой, невольно влюбляешься въ самого себя. Кто вынесетъ себя братомъ ближняго изъ уединенія, тотъ истинно высокъ въ глазахъ моихъ. Христосъ въ пустынѣ не остался безъ искусителя; гдѣ же намъ уйти отъ него? Въ два года, что я не видалъ Иванова, я нашелъ перемѣну: душа его осталась такъ же чиста, если не чище, но менѣе спокойствія, то есть еще менѣе, потому что немного было и прежде. По мнѣ тутъ человѣческаго врачеванія мало; молитва и дѣло, — покорность и овладѣніе собою,—такъ мнѣ кажется. Во внѣшней его жизни есть одна ужасная гадость, только она и можетъ заботить его. Говорилъ-ли онъ вамъ, что онъ далъ подписку въ годъ непремѣнно кончить картину,—я очень и очень боюсь, чтобъ по истеченіи года его не потревожили. Какъ вы думаете, не поговорить-ли съ Волконскимъ?[1]). Съ Устиновымъ и другими властьми я не знакомъ. Вотъ вамъ дѣло Иванова. Положеніе другихъ недавно было плоше, потому что отъ одной минуты зависѣла у нѣкоторыхъ вся будущность. Киль[2]) обходится съ ними, какъ съ солдатами, разумѣется, этимъ выводитъ изъ терпѣнія, а дальше все зависитъ отъ случая. Теперь Киля нѣтъ здѣсь и они пока покойны.

Вы мнѣ пишете о Моллерѣ,—сколько я слегка ни сталкивался съ нимъ, вездѣ ждалъ очень хорошаго человѣка, по крайней мѣрѣ въ такой степени, чтобъ любить его безъ дѣятельныхъ сношеній. Но если я съ нимъ не близокъ, это зависитъ отъ того, что при настоящемъ моемъ положеніи и внутреннемъ, и внѣшнемъ я весь отданъ какой-нибудь работѣ. Внѣ ея, я или съ старыми искренними друзьями, или съ людьми, которыхъ столкновеніе облегчаетъ мой путь къ цѣли. Не вините меня, Николай Васильевичъ,—и безъ того обстоятельства много стоили и силъ, и времени; пора смотрѣть на себя просто какъ на рабочаго и сближаться только съ тѣми, кто ощутительно или не ощутительно можетъ подвинуть работу. Я васъ не могу не уважать, а потому не хочу быть не искрененъ; наши склады совершенно различны. Я русакъ, люблю Россію, потому что она—я, а я—она—не сойтись мнѣ

---

[1]) Князь Петръ Михайловичъ, бывшій министръ двора.

[2]) Киль былъ начальникомъ русскихъ художниковъ въ Римѣ послѣ Кривцова.

В. Ш.

съ людьми, которые ее любятъ за то, или за другое и считаютъ себя ея частію. Но не въ судъ и не въ осужденіе я говорю это, а разсказываю, какъ это дѣлается внутри насъ. Мы съ Моллеромъ встрѣчаемся хорошо,—я имѣю всѣ данныя, чтобъ чтить его какъ художника, какъ добраго человѣка, и, еще очень важное, пошедшаго по пути призванія; онъ не имѣетъ причины презирать меня. Любить онъ меня не можетъ: онъ читалъ мою статью. Повѣрьте, что я никакъ въ душѣ не имѣю противъ полу-русскихъ, Богъ съ ними! — но та-же душа тянетъ къ русскимъ. Половина не по-нутру русской природѣ. Я радъ, что письмо ваше вызвало меня сказать, что какъ есть. Вы можете бранить меня, порицать, но похвалите за то, что говорю искренно. Душевно васъ уважающій Ѳ. Чижовъ.

Отчество мое Васильевичъ.

Счастливы вы, что помирились съ разлукою; знаю я, что тутъ, въ грусти, чисто эгоистическое чувство, но когда подумаю, ихъ нѣтъ, дѣлается грустно до того, что владѣть собой не умѣю.

7.

Марта 4, Римъ (1847 г.).

Николай Васильевичъ, обстоятельства, именно отправка книгъ, плохое здоровье, неимѣніе нисколько денегъ больше, чѣмъ сколько мнѣ нужно на поѣздку и приближеніе къ Россіи, а главное какая-то апатія, въ которой не умѣю дать отчету самому себѣ, лишаютъ меня возможности быть въ Неаполѣ. Такъ видно слѣдуетъ. Вмѣстѣ съ этимъ все заставляетъ меня писать къ вамъ далеко больше, чѣмъ я писалъ Прошедшее письмо, можетъ быть, вамъ не понравилось; если такъ вы сдѣлали недоброе дѣло, что не написали: «не требуютъ здоровые врача, но болящіе». Писавши объ Ивановѣ и вообще о художникахъ, вы предполагали меня выше и сильнѣе, чѣмъ каковъ я въ самомъ дѣлѣ; въ настоящую минуту не только дѣйствовать на другихъ, а дай Богъ, чтобъ и самому сколько-нибудь съ собою управиться. Но творчество намъ не дано; самъ спокойствія не сотворишь, дано одно—просить Бога, чтобъ Онъ устроилъ спокойствіе души. Дай Богъ только, чтобъ достало вѣры и чистоты для искренней просьбы, а тамъ все придетъ, что слѣдуетъ. Иванову или я что-нибудь сдѣлалъ, или его душа въ минуту сильнаго боренія. Онъ со мной совершенно посторонній, и я увѣренъ, что если онъ недоволенъ мной, то, вѣрно, я виноватъ. Вы сдѣлали бы истинно христіанское дѣло, написавъ ему что-нибудь утѣшительное; мнѣ кажется, что

душа его нуждается въ подпорѣ. Сегодня я получилъ очерки лица покойнаго Языкова и мнѣ хочется ихъ гравировать,—только слабые очерки: не похожи. При письмѣ, въ которомъ они присланы мнѣ, Галаганъ пишетъ слѣдующее,—что я считаю недурнымъ передать вамъ: «Гоголь произвелъ здѣсь необыкновенное движеніе. Вездѣ говорятъ о немъ. Вся читающая публика за него; всѣ же литераторы противъ него до ожесточенія и говорятъ, что онъ доказалъ этими сочиненіями необузданное самолюбіе и гордость, и въ этомъ они видятъ вліяніе католицизма». Самаринъ писалъ только одно, что получилъ вашу книгу, что благодаритъ васъ, хоть говоритъ: «сильно хотѣлось бы поспорить». Не знаю, читали ли вы «Сѣв. Пчелу»; если не читали и если вамъ занимательно знать ея сужденіе (очень пошлое, это я говорю безъ духа партіи), напишите, я выпишу. Вотъ вамъ все, что говорятъ; теперь позвольте же и мнѣ, какъ члену общества, говорить вамъ просто и все, что есть внутри, безъ оглядки. Не знаю, почему мысль о вашей гордости внутренней запала въ меня очень сильно, когда я былъ въ Москвѣ и читалъ предисловіе ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ». Отъ того же, что имъ сами вы вводите себя въ исключеніе, я никакъ вамъ опредѣлить не умѣю. Теперь эта мысль прошла, можетъ быть, отъ того, что въ уединеніи душѣ доступнѣе стало состояніе вашего уединенія. Отрывки, помѣщенные въ «Сѣв. Пчелѣ», произвели на меня чувство грустное, именно отъ обращенія къ самому себѣ, но ихъ тамъ очень не много. Они же дали мнѣ какъ будто бы какое-то право передать вамъ и то, какъ подѣйствовало на меня ваше сочиненіе—«Мертвыя Души». Вы этого хотите отъ всѣхъ, потому не отвергнете и меня. Въ первый разъ я прочелъ его въ Дюссельдорфѣ и оно просто не утомило, а оскорбило меня. Утомить безотрадностію выставленныхъ характеровъ не могло, —я восхищался талантомъ, но какъ русскій былъ оскорбленъ до глубины сердца. Дошло дѣло до Ноздрева; отлегло отъ сердца. Выставляйте вы мнѣ печальную сторону, разумѣется, но самолюбію будетъ больно читать, да есть истинное, а какъ же вы во мнѣ выставите пошлымъ то, гдѣ пошлость въ одной внѣшности? Чувство боли началось со второй страницы, гдѣ вы бросили камень въ того, кого лѣнивый не бьетъ,—въ мужика русскаго. Правъ ли я, не правъ ли, вамъ судить, но у меня такъ почувствовалось. Съ душой вашей роднится душа безпрестанно; много ли, всего два-три слова, какъ дѣвченка слѣзла съ козелъ, а душѣ понятно это. Русскій же, то есть русакъ, невольно возстаетъ противъ васъ, и когда я прочелъ, чувство русскаго, простаго русскаго до того было оскорблено, что я не могъ свободно и спокойно самъ для себя обсуживать художественность

всего сочиненія. Одинъ пріятель мой, петербургскій чиновникъ, первый своимъ неподдѣльнымъ восторгомъ сблизилъ меня съ красотами «Мертвыхъ Душъ», — я прочелъ еще разъ, послѣ читалъ еще, отчетливѣе понялъ, что̀ восхищало меня, но болѣзненное чувство не истреблялось. Чиновникъ этотъ не изъ средины Россіи,— онъ родился и взросъ въ Петербургѣ, ему не понятны тѣ глупости, какія у насъ взрощены съ дѣтства. Не браните меня, Николай Васильевичъ, или, пожалуй, браните, но не сердитесь за то, что я высказываю, какъ и что во мнѣ было, вамъ понятно, что я васъ не могу не уважать. Оставя уже то, что я много читалъ, слѣдовательно, не могъ не оцѣнить блеска таланта, но я былъ въ послѣднее время очень близокъ съ Языковымъ, и прежде съ нимъ сошелся; давно друженъ съ Ивановымъ, поэтому уваженіе къ вамъ взрощено у меня и другими побочными путями. Со всѣми вмѣстѣ прежде я нападалъ (все внутри меня и въ разговорѣ о васъ) на ошибки противъ языка; время научило понимать, что, судя о васъ, эти нападки мелочь; въ книгѣ—дѣло другое, ну да за то вѣдь никто, какъ вы, и указы принимаете. Вотъ вамъ, Николай Васильевичъ, столько искренности, сколько есть на эту минуту, было бы и больше, если бы вся голова не была занята другимъ дѣломъ, теперь тоже побуждало меня видѣться съ вами, чтобъ услышать ваше искреннее мнѣніе. Не знаю, не писали ли вамъ изъ Москвы, что мы съ покойнымъ Языковымъ хотѣли издавать журналъ, то есть я хотѣлъ, а Языковъ давалъ мнѣ свое имя и часть денегъ, весьма значительную. Теперь я одинъ буду, не буду столько непремѣнно, сколько есть этой неопредѣленности въ моемъ распоряженіи. Читая это, никакъ пожалуйста смотрите посторроннимъ взглядомъ,—то есть не думайте, что это предисловіе къ просьбѣ о вашемъ участіи. Языковъ повѣрялъ мнѣ ваши понятія объ участіи въ журналѣ, говорилъ, какъ вы упорно не хотѣли участвовать у Кирѣевскаго; послѣ этого, разумѣется, я никогда бы не сталъ и пытаться, потому что не имѣю ни малѣйшаго права. Не смотря на то, мнѣніе ваше для меня важно и очень важно. Мнѣ хочется составить журналъ изъ чисто оригинальныхъ статей, если только можно, и этимъ больше, нежели чѣмъ-нибудь, высказать его русское направленіе. Въ самомъ направленіи очень бы хотѣлось и больше бы, чѣмъ хотѣлось, чистоты и безвраждебности, не одной внѣшней, чтобъ только не браниться съ лицами,—это нечего и говорить,—но внутренней, какая невольно сказывается, какъ только начнешь писать. Въ душѣ моей я понимаю вполнѣ, что любовь къ Россіи не требуетъ и не вызываетъ вражды съ западомъ и вообще любовь не влечетъ за собою ненависти къ чему бы то ни было, но что же хотите, когда

она вкрадывается? Разумѣется, чѣмъ больше входишь въ себя, увѣренъ я, что чѣмъ больше обратишься къ церкви, тѣмъ менѣе будетъ вражды и тѣмъ сильнѣе укрѣпится любовь въ сердцѣ, это только и надежда. Вотъ вамъ данныя для сужденія,—прошу васъ не пренебрегите моею просьбою и отвѣчайте мнѣ, что́ вы думаете о моемъ начинаніи. Если же не хотите передать вашихъ понятій, тогда напишите, какую-нибудь напишите незначительную строку, хоть только, что вы получили письмо мое, потому что ожиданіе вашего отвѣта удержитъ меня въ Римѣ и будетъ потомъ томить. Вы, какъ сами нездоровый человѣкъ, поймете, какъ это отзывается на нервахъ, которые въ настоящую минуту у меня сильно не въ порядкѣ. Повѣрьте еще, что, писавши вамъ о Моллерѣ, я не могъ писать иначе; знаю я, что, написавши иначе, я лучше бы представилъ себя въ вашихъ глазахъ, но это было бы очень неблагородно и нечестно съ моей стороны.—Душевно васъ уважающій Ѳ. Чижовъ.

8.

12 апр. Флоренція. Письмо это [1]), какъ вы увидите, было совершенно приготовлено къ отсылкѣ, неслось на почту; но мнѣ пришло на мысль,—какое право имѣю я на такую искренность? однимъ словомъ—я не знаю васъ. Письмо ваше, сегодня мною полученное [2]), развязало мнѣ руки. Не требуйте отъ меня насильной искренности, но знайте то, что такое требованіе, какое я прочелъ въ сегодняшнемъ письмѣ, очень и очень благодѣтельно. Часто душѣ надобно бываетъ излиться. Теперь трудно было бы мнѣ писать къ вамъ, потому что я очень неспокоенъ. Изъ Москвы пишутъ безпрестанно, требуютъ моего пріѣзда наискорѣйшаго, я частію съ ними соглашаюсь. Дѣло теперь идетъ о нашемъ будущемъ журналѣ. Какимъ я его себѣ представляю,—онъ былъ бы очень и очень полезенъ. Говорить о прекрасномъ русскомъ не словомъ, а дѣломъ, показать его во всѣхъ путяхъ!... Для этого у меня отысканы кое кто, кромѣ всѣхъ вамъ извѣстныхъ; но все страшно, не въ отношеніи ко мнѣ самому, потому что я, другой, третій, мы нужны какъ орудіе. Мнѣ страшно то, что если дѣло не удастся, тогда оно сильно потеряетъ въ глазахъ общества. Можетъ быть, и это ничего не значитъ, и точно ничего

---

[1]) Т. е. предыдущее письмо отъ 4 марта, которому письмо изъ Флоренціи служитъ продолженіемъ.

[2] См. Соч. Гог., изд. Кул., VI, 364.

не значитъ въ непреложномъ порядкѣ вещей, но на своемъ вѣку все кажется, что слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь осязательное для самого себя. Наша молодежь еще сильно не зрѣла; наши зрѣлые не исключительно писатели; есть уважаемые мною писатели, для которыхъ внѣшняя оболочка мысли важнѣе души и самой мысли. Вы знаете всѣхъ нашихъ пишущихъ; я говорю о тѣхъ, которыхъ могу считать участниками благороднаго, по крайней мѣрѣ теперь, въ предначертаніи, и очень благороднаго дѣла. Пугаетъ больше всего то, что говоришь о чистотѣ, ищешь ее и думаешь быть ея проповѣдникомъ,—а какъ заглянешь въ себя въ глубинѣ уединенія и въ встрѣчахъ съ свѣтомъ, — ужасно много червяковъ и самыхъ страшныхъ, самыхъ скверныхъ. Одна надежда на Бога; дѣлать надобно, на то Онъ сотворилъ; внутреннее побужденіе указываетъ путь. Дай Богъ, чтобъ онъ не былъ ложенъ.

9.

14-го апрѣля, Флоренція, 1847 года.

Третьяго дня я получилъ письмо ваше и тотчасъ же мнѣ пришло на мысль послать то, что я писалъ къ вамъ прежде; оно писалось искренно. Желая отъ меня искренности и вообще писавши ко мнѣ, я какъ-то ощущаю, вы считаете меня чѣмъ-то сильнѣе и больше, нежели какъ я есмь. Это я говорю вамъ не изъ скромности, а изъ опасенія, что, можетъ быть, передавая себя въ минуты не дурныя, въ самомъ дѣлѣ являюсь тогда лучше. Въ настоящее время и душа и тѣло у меня въ странномъ состояніи: кажется, здоровъ и очень здоровъ, а между тѣмъ такая лѣнь, что не хочется ни читать, ни писать, ни даже думать. По внутреннему чувству я увѣренъ, что церковь могла бы имѣть на меня благодатное вліяніе, хотя и знаю, что я не сформировалъ себя такъ, чтобъ она дѣлалась для меня необходима просто безъ сужденій о ея необходимости, чтобъ я шелъ въ нее, какъ идутъ наши простые русскіе, потому что нельзя же не пойти. Скверное состояніе, говоришь одно, то-же и думаешь, то-же и чувствуешь, на дѣлѣ является другое, между тѣмъ какъ, положа руку на совѣсть, сознаешься, что не хочешь обманывать ни говоря, ни думая.

Знаю я, что по различію нашихъ природъ мнѣ легче высказывать о себѣ все, а потому легче писать; у меня все довольно не глубоко; поэтому я не буду сѣтовать на васъ, если и не получу вашихъ писемъ. Но знаете ли, что, можетъ быть, безъ нихъ иногда мнѣ трудно быть совершенно искреннимъ, не отъ того, чтобъ что-нибудь желало скрыться, а просто не высказывается. Напримѣръ, мнѣ

хотѣлось бы очень передать вамъ всѣ подробности о журналѣ, о его составѣ, о моихъ надеждахъ, о моихъ желаніяхъ, я думаю, и могъ бы принудить себя, но для этого надобно довольно большое усиліе, на которое теперь, при постоянныхъ нападкахъ, то изъ Москвы, то изъ другихъ мѣстъ,—теперь я не способенъ. Постараюсь улучить время въ Венеціи, а вы хорошо бы сдѣлали, написавши туда: вы понимаете, что ваши письма сначала просто нужны какъ свиданія людей незнакомыхъ, когда сойдешься, тамъ уже все само выскажется. Я въ Венеціи остаюсь до 1-го мая, если получу изъ Москвы непремѣнное требованіе туда пріѣхать; если же нѣтъ, тогда до 15-го, никакъ не дальше. Назадъ я не могу воротиться. Какое-то, можетъ быть, и педантское понятіе о томъ, что я, не оправдавши себя необходимостію, не могу тратить ни времени, ни денегъ, безпрестанно меня мучитъ,—а на дѣлѣ ни одна трата не оправдывается ничѣмъ. Что хотите? Положительныя науки сильно испортили цѣлость русской природы,—все одно скажу вамъ—вполнѣ русская жизнь, можетъ быть, и поправитъ ее.

Если можете подѣйствовать сколько-нибудь на спокойствіе души Иванова, сдѣлайте истинно доброе дѣло. Мнѣ очень грустно вспоминать о томъ, что я его оставилъ очень грустнымъ. Только, ради Бога, не говорите ему о нервномъ разстройствѣ, потому что и безъ того сильно мнителенъ. Какимъ путемъ поѣдете вы во Франкфуртъ,—нельзя ли тутъ съѣхаться! Душевно васъ уважающій. Ѳ. Чижовъ.

10.

Венеція, 1-го мая 1847 г.

Надобно писать къ вамъ, Николай Васильевичъ, хоть даже для того, чтобъ больше знакомить съ собою. Теперь въ Москвѣ всѣ кричатъ, чтобъ я скорѣе ѣхалъ, что дескать надобно лично переговорить о журналѣ [1]),—я не ѣду, по разнымъ важнымъ для меня причинамъ. Между прочимъ и для того не ѣду, чтобъ выгадать какъ можно болѣе уединенія. Задача журнала въ настоящую минуту такова, что когда представишь себѣ полное... куда полное! хоть даже приблизительное, рѣшеніе—и тогда голова кружится. Не знаю я, какъ для кого, но для меня такъ ясно, что мы назначены занять собою слѣдующій періодъ исторіи, какъ нельзя болѣе. Это не только ясно

[1]) Ѳ. В. Чижовъ въ концѣ 1840-хъ годовъ лелѣялъ мысль объ изданіи журнала славянофильскаго направленія. Планъ этотъ не былъ осуществленъ.
В. Ш.

въ общемъ выводѣ, но отчетливо представляется душѣ во всѣхъ частностяхъ. Бѣда та, что между представленіемъ души и изложеніемъ цѣлая бездна,—первое условіе ясности пониманія этого,—любовь такая, которая, сосредоточиваясь около своего, не допускала бы ненависти ни къ кому чужому. Въ понятіи все это такъ,—шагъ на дѣло и пошло все вверхъ дномъ. Изученіе исторіи дало мнѣ еще выводъ: кромѣ того, что мы должны быть представителями человѣчества въ грядущемъ періодѣ, именно, что мы вступимъ на человѣческое господство безъ битвы, безъ уничтоженія до насъ бывшаго, а только приведемъ все въ общее согласіе, водворимъ стойкій миръ и спокойствіе незыблемое. Мнѣ весьма важно передать вамъ эти убѣжденія, потому что они должны отразиться во всѣхъ подробностяхъ будущаго журнала,—а журналъ, со времени начала предпріятія нашего, можетъ совершенно захватить въ себя всю мою умственную дѣятельность. Итакъ въ немъ мнѣ хотѣлось видѣть русскую народность не на словахъ, а въ сущности. Проповѣдуя всѣмъ: и взглядомъ на вещи, понятіями, чувствами, самымъ выборомъ предметовъ, одно именно все русское (хоть множество будетъ статей о Западной Европѣ), онъ не долженъ быть врагомъ западу, потому что западъ есть точно такъ же, какъ Россія, орудіе Промысла, для исполненія его предвѣчныхъ законовъ. Тутъ я напередъ предвижу ужасную трудность. Сказать: это не хорошо намъ, не осуждая того, о чемъ говоришь,—ужасно трудно. Однимъ словомъ, судить, не приговаривая, очень и очень трудно. Трудно это намъ особенно потому, что, браня западъ, мы не бранимъ отступленія отъ Божескихъ предначертаній и высказываемъ собственное негодованіе за то, что мы ему подчинились; не подчиниться же не могли, виновато наше воспитаніе. Лично я вины этой не вижу; Богу больше, чѣмъ намъ, извѣстно, какими путями вести человѣка и человѣчество; нельзя рѣзко раздѣлить на два соприкасающіеся періода жизни,—тутъ въ этой невозможности я вижу историческую необходимость временнаго сліянія нашего съ Европою. Самостоятельность будущаго періода осталась въ самостоятельности нашей природы, которая въ самыя минуты необходимаго сліянія возстаетъ противъ него, потому что чувствуетъ себя неспособною носить чуждое иго. Все это въ общихъ выводахъ легко понять и все ясно представляется уму, но въ журналѣ нѣтъ общихъ выводовъ, тамъ надобно говорить статьями, слѣдовательно отдѣльными мнѣніями и фактами.

Мнѣ нечего вамъ говорить болѣе; вы поймете, какъ этотъ трудъ сильно лежитъ па моемъ сердцѣ. Понявъ, я считаю безнравственнымъ не высказывать, а начинаешь высказывать, языкъ не находитъ словъ, умъ останавливается на ходу мышленія. Разумѣется, при этомъ

чувствуешь главную причину всего; нѣтъ чистоты и искренности. Если бы Богъ далъ столько чистоты, чтобъ личности всѣ уничтожались въ дѣлѣ, тогда защита истины никогда не вызвала бы вражды, именно потому, что нѣтъ развращеннаго сердца, въ глубинѣ котораго ясно, или темно, не было бы чувства истины. Прошу васъ, Николай Васильевичъ, пишите ко мнѣ, что и о чемъ я не знаю, но прошу потому, что въ минуту внутренняго колебанія чрезвычайно какъ нужна опора. Она была у меня въ чистой и праведной душѣ Языкова, но Богу угодно было взять его; теперь въ Москвѣ моя душа не находитъ опоры. Я глубоко уважаю многихъ, но одного уваженія мало. Для ума,—да, пожалуй; а душа его не принимаетъ и имъ не удовлетворяется. Не стану обманывать васъ, можетъ быть, и ваше слово не дастъ мнѣ никакой опоры,—я васъ почти не знаю въ отношеніи къ себѣ, но это не мѣшаетъ искать. Не знаю, куда адресовать къ вамъ и потому пишу чрезъ Иванова... Какъ-то вы найдете его, а я оставилъ очень грустнымъ! Прощайте, дай Богъ вамъ здоровья и душевнаго спокойствія: когда вы его пріобрѣтете—и съ нами подѣлитесь. Душевно уважающій васъ Ѳ. Чижовъ.

Іорданъ [1]) дастъ вамъ портретъ Языкова, возьмите одинъ экземпляръ и для Жуковскаго. Мой адресъ: à Prilouki gouv. de Poltava, par Brody. Ѳ. В. Чижову. Въ Прилуки Полтавской губ., а оттуда въ село Сѣкирницы.

11.

Ромны, 16-го іюля 1847 г.

Давно надобно было бы мнѣ писать къ вамъ, но обстоятельства, именно непредвидимая поѣздка изъ Радзивилова въ Петербургъ, потомъ оттуда въ Ромны, вывела меня изъ моего обычнаго положенія. Правду сказать, я и радъ, что не писалъ. Писать хочется, чтобъ передать себя, а передать себя хочется не по вашей просьбѣ, но для того, что хочется сильно услышать, что и какъ дѣлать. Внутри есть сильный зовъ на дѣятельность; довольно внѣшней дѣятельности и вмѣстѣ еще слышнѣе внутренній голосъ, что еще рано выступать на дѣятельность общественную. Чтобъ быть искренну, надобно быть увѣрену, что искренность не объясняется дурно,—вотъ одно мое

---

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ, художникъ, впослѣдствіи ректоръ Им. Ак. Художествъ. В. Ш.

введеніе. Теперь я читаю недавно вышедшую въ свѣтъ вашу Переписку: она болѣе, чѣмъ всѣ ваши письма ко мнѣ, даетъ мнѣ какое-то право писать къ вамъ родъ исповѣди. Самъ я не понимаю настоящаго моего внутренняго состоянія: меня мучитъ то, что у меня мало работается; я не лѣнивъ и очень не лѣнивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не пишется. Не только чувствую, но какъ бы осязаю внутри, что многаго не достаетъ. Ваши письма дали этому неопредѣленному осязанію бо̀льшую ясность. Послѣ нихъ я увидѣлъ яснѣе, что у меня нѣтъ глубины ни мысли, ни чувства, и если бы не поддерживала меня не пріобрѣтенная, но просто врожденная покорность Богу, если бы я не говорилъ себѣ безпрестанно: ты избралъ себѣ поприщемъ дѣятельности—быть писателемъ, самъ ли произвольно, или это дано тебѣ, но ты уже употребилъ на приготовленіе къ тому полъ-жизни, будь имъ и служи всѣми твоими силами. Повѣрьте, если бы не это, я бросилъ-бы перо и все долгое изученіе. Научиться можно чему хотите, но откуда взять то, чтобы все привходящее извнѣ входило глубоко въ мысль и все перечувствовалось бы всею глубиною чувства. Уединеніе, которое я люблю страстно, не имѣетъ никакого дѣйствія; мнѣ пріятно оно потому, что воображеніе заноситъ Богъ знаетъ куда, тамъ живешь иногда очень и очень не безгрѣшно,—иногда живешь въ немъ христіански, но выйдешь изъ него и все пошло вверхъ дномъ. Ужъ если пошло на правду, пожалуй, и жизнь иногда идетъ порядочно, но все очень легко,—отъ всякаго вѣтерка всколышется чувство,—и тотчасъ уляжется снова покойно,—а дѣла все нѣтъ какъ нѣтъ. Начинанія огромныя, замашки велики и право, вѣрьте искренности, это дѣлается не вслѣдствіе отчетливаго самолюбія, а такъ дѣлается безъ собственнаго вѣдома. Теперь у меня дѣло идетъ о томъ, чтобъ начать издавать журналъ: думаю я уже давнымъ давно, всѣ нападали на меня, чтобъ я началъ прошлаго года, то есть съ 1-го генваря 1847 года; я отложилъ на годъ—всѣ ругали меня, зачѣмъ я поѣхалъ въ Италію; отчетливо я самъ не могъ сказать, зачѣмъ я ѣду, но чувствовалъ необходимость полнаго уединенія. Если же говорить всю правду, и къ вамъ не поѣхалъ, то есть не напрягъ всѣ силы, чтобъ ѣхать къ вамъ, именно по тому же. Что̀ я ему скажу, думалъ я, когда я самъ себѣ ничего сказать не умѣю! Пришло ли время издавать журналъ,—могу ли я вполнѣ удовлетворить тѣмъ требованіямъ, какимъ теперь долженъ удовлетворять журналистъ московскій—эти вопросы не даютъ мнѣ покоя. Начиналъ я говорить съ московскими—у нихъ много горячки, все впопыхахъ, все толкуютъ мнѣ о томъ, сколько можно собрать статей и насколько книжекъ достанетъ, а то, чего я ищу, и самъ не знаю чего, по крайней мѣрѣ, опредѣлительнаго

тоже я ни отъ кого не слышу. Вы жили, пережили внутри себя много, живете и переживаете еще много, поэтому вы можете легко понять, какъ жду я этого рѣшенія. Теперь, писавши къ вамъ, пишу, питаясь одной надеждой, авось либо вы что-нибудь мнѣ скажете. Скажите, если время мнѣ услышать, а можетъ быть просто надобно всего ждать отъ времени, просто созрѣть, чтобы узнать тайну, если даже она вся будетъ состоять въ томъ, что не дано ничего, что надобно употребить на переводы или тому подобные труды чисто вещественные, внѣшніе. Пока съ этимъ не мирится, не скажу даже самолюбіе, а внутренній голосъ. Но постороннему виднѣе. Счастливъ тотъ, кого или болѣзнь, или несчастіе привело къ истинѣ; у меня нѣтъ ни того, ни другаго. Богъ далъ мнѣ здоровье не очень сильное, однако же, такое, которое при заботахъ о немъ идетъ порядочно. Несчастій я не знаю, бѣдность моя не тяготитъ меня, слѣдовательно она не несчастіе. Откуда же мнѣ и какимъ путемъ искать истины. Молитва внѣшняя иногда минутами открываетъ что-то, но это бываетъ такъ минутно и такъ неуловимо, что почти не остается слѣда ея во мнѣ, и то правда, что я рѣдко прибѣгаю къ молитвѣ, а когда случай приводитъ къ ней, губы не шевелятся или произносятъ далекое отъ обычныхъ молитвенныхъ словъ.

Очень бы хотѣлось мнѣ передать вамъ состояніе души моей, но оно мнѣ самому темно, можетъ быть, я и навязываю на себя боренія, чтобъ чѣмъ нибудь объяснить и оправдать апатическое свое состояніе. Если можете, скажите мнѣ что-нибудь въ письмѣ на внутренніе мои вопросы. Вѣрьте еще одному, что въ дѣятельности моей всѣ внѣшнія отношенія рѣшительно подчиняются убѣжденію,—безъ этого нечего было бы и прибѣгать къ совѣту. Я еще мѣсяцъ или полтора пробуду въ Малороссіи, гдѣ адресъ мой: Ея высокоблагородію Катеринѣ Васильевнѣ Галаганъ, въ Прилуки Полтавск. губ., для передачи Чижову. Послѣ я буду въ Москвѣ; тамъ напишите мнѣ черезъ Аксакова, или черезъ Свербееву, или черезъ Шевырева. Буду ждать съ нетерпѣніемъ вашихъ писемъ, а здѣсь думаю пожить въ Густынскомъ монастырѣ близь Прилукъ, а туда тянетъ надежда—не услышу ли что-нибудь появственнѣе. Вашъ Чижовъ.

12.

16-го октября (1847 г.). Стародубъ.

Я какъ будто бы ждалъ вашего письма и какъ будто бы безъ него не могъ писать къ вамъ, а правду сказать, врядъ ли собрался бы написать, если бы ваши строки не вызвали меня изъ моего

апатическаго состоянія. Со времени отправленія къ вамъ моего письма, то есть отъ іюня мѣсяца, по сію минуту я почти не отходя былъ при постели больной и остаюсь при ней,—вотъ причина, почему мнѣ трудно было бы собраться писать, а если бы и собрался — ничего не написалось бы. Хомяковъ писалъ, что встрѣтился съ вами въ Остенде, поэтому, вѣроятно, вы слышали о тѣхъ непріятностяхъ, какія случились со мною весною [1]). Благодаря имъ, изданіе журнала не можетъ состояться до 1849 года, а при теперешнемъ моемъ положеніи и безъ нихъ оно не состоялось бы. Что касается лично до меня, я нисколько на это не ропщу, потому что я никакъ не видѣлъ необходимости спѣшить говорить во всеуслышаніе; по истинѣ говоря, самъ не знаешь, что говоришь почти обо всемъ. Это одно. Второе важнѣе этого: съ нашей стороны, по моему понятію, требуется одно, не зарывать таланта, Богомъ даннаго, какъ бы онъ малъ ни былъ, а въ остальномъ покоряться волѣ Божіей. Внѣшнія обстоятельства для каждаго изъ насъ стекаются не случайно, ими правитъ Провидѣніе; трудно понять связь ихъ, но когда прибѣгнешь къ вѣрѣ, тогда въ покорности найдешь объясненіе того, что лучше случившагося не придумаешь. Наконецъ, обращаясь къ самому дѣлу, я втайнѣ желалъ, чтобы отложилось время изданія задуманнаго мною журнала, между прочими причинами и для большаго усиленія въ языкѣ. Журналъ не даетъ времени обдумывать и перечитывать; тамъ часто должны являться скороспѣлки, я же откровенно скажу вамъ, что и не въ скороспѣломъ никогда не вижу у себя въ языкѣ и сотой доли того, чего хотѣлось бы видѣть.

Совершенно понимаю справедливость вашихъ словъ въ отношеніи сотрудниковъ [2]), но согласитесь, однако-жъ, что журналъ на своихъ плечахъ не поднимешь. Весьма и весьма благодарю васъ за указаніе двухъ—Григорьева и Малиновскаго; я ихъ не знаю, но по вашему наставленію прибѣгну къ Шевыреву. Между молодыми мнѣ нравится Самаринъ Юрій; впрочемъ, надѣюсь, что, какъ найдется дѣло, тогда и сотрудники соберутся. Переводовъ я буду избѣгать сколько возможно; сказалъ бы, что не буду вовсе помѣщать, но не скажу только потому, что пока еще на полномъ дѣлѣ не испыталъ своихъ силъ, и на буду оснуешь немного по пословицѣ: «Улита ѣдетъ, когда-то будетъ». Молодые москвичи сильно мнѣ нравятся;

---

[1]) Чижовъ намекаетъ здѣсь на доносъ на него со стороны австрійскаго правительства, когда онъ былъ въ южнославянскихъ земляхъ. См. статью о Чижовѣ И. С. Аксакова.

[2]) Гоголь совѣтовалъ Чижову больше работать самому и не полагаться на сотрудниковъ. В. Ш.

одно меня отъ нихъ немного отклоняетъ,—это ихъ вражда къ европейскому, и отклоняетъ тѣмъ сильнѣе, что я, грѣшный, и самъ чувствую ея въ себѣ довольно. А согласитесь съ тѣмъ, что на враждѣ не выѣдешь и самая вражда ясное указаніе, что видишь одну внѣшность, одно незаконное, между тѣмъ какъ во всемъ прожитомъ людьми основа всегда законна. Такъ же законна болѣзнь, какъ законно здоровье. Душевно желалъ бы, какъ вы говорите, давать читателямъ настолько, сколько самъ понимаю, пѣть, какъ поетъ бурятъ,—да слова ваши рецептъ, для котораго нѣтъ аптеки. Повѣрьте, – и нечего мнѣ выпрашивать у васъ, чтобъ вы вѣрили, вы это знаете, — говоришь часто выше своихъ понятій, никакъ не потому, чтобъ это говорилось умышленно, а именно потому, что не умѣешь съ собой сладить, — умъ за разумъ заходитъ. А для этого хорошо помолчать еще годикъ; молчаніе и уединеніе дѣла не испортятъ. Одно сильно меня утѣшаетъ, что далъ Богъ жить въ то время, когда видимо и осязательно міръ идетъ къ лучшему, и когда это лучшее ясно видишь въ русской природѣ. Трудно мнѣ было бы и перечесть, сколько разъ случалось мнѣ видѣть, какъ то, что въ минуты гордаго самодовольствія приписывалъ я своему улучшенію и считалъ исключительно своимъ собственнымъ нравственнымъ пріобрѣтеніемъ, я находилъ далеко въ лучшемъ видѣ у людей, повидимому, неспособныхъ ни къ чему порядочному. Стремленіе къ дѣятельному христіанству дѣлается часъ отъ часу болѣе общимъ, правда, что частехонько оно остается однимъ стремленіемъ, но и то уже слава Богу. Если не дастъ Богъ ничего сдѣлать лучшаго изъ предполагаемаго мною журнала, и то принесетъ пользу, что молодымъ пишущимъ будетъ возможность работать по убѣжденію. Хоть бы трудъ взялъ свое и то было бы уже большимъ пріобрѣтеніемъ. Созрѣвшее поколѣніе (я все говорю о Москвѣ) благородно, благонамѣренно, съ чистыми побужденіями, но бѣда одна, что все это никакъ не хочетъ подчинить себя труду правильному. Кажется бы и не бѣда, но на повѣрку выходитъ много бѣдъ. Все остается въ своемъ кругу и не передается другимъ. Потомъ, такъ какъ все дѣлается по вдохновенію, или по крайней мѣрѣ по призванію, то отсюда выходитъ въ дѣятельной жизни старое зло,—всѣ люди дѣлятся на вдохновенныхъ или призванныхъ и непризванныхъ. Первые считаютъ себя въ правѣ жить на счетъ другихъ; другіе не могутъ признавать ихъ первенства, не видя отъ нихъ ничего на дѣлѣ. По мнѣ призваніе призваніемъ, а трудъ трудомъ. Трудъ дѣло великое, когда самъ трудишься, какъ-то вмѣстѣ съ этимъ даешь цѣну и труду другаго; въ работѣ поденщика не видишь ничего унизительнаго, а только благодаришь Бога, что Онъ эту работу просвѣтлилъ и возвеличилъ убѣжденіемъ.

Не знаю, извѣстны ли вамъ и сколько извѣстны настоящіе наши журналы и газеты. Первые рѣшительно сборники для чтенія, почти съ перваго до послѣдняго листа наполнены переводами французскихъ романовъ и историческихъ статей, которыя въ модѣ во Франціи. Не въ судъ имъ я говорю, но передаю вамъ какъ вижу: изъ 500 страницъ часто не выберешь десяти, чтобъ прочесть въ семейномъ кругу, образованномъ, желающемъ послушать. Большинство довольно; но и тому начинаетъ наскучивать чтеніе, въ которомъ нѣтъ ни одной живой мысли. Не знаю я только каковъ «Современникъ», перешедшій отъ Плетнева къ Панаеву, Никитенкѣ и Бѣлинскому. Судя по именамъ этихъ трехъ главныхъ распорядителей, мнѣ кажется, что Петръ Александровичъ сильно погрѣшилъ, передавъ журналъ Пушкина людямъ далекимъ отъ убѣжденій покойнаго нашего поэта. Говорятъ, будто-бы въ «Современникѣ» есть стремленіе къ народности; но зная редакторовъ, я думаю, что это не задушевная любовь къ русскому, а дань настоящему требованію. Русское пошло, слава Богу, въ ходъ, потому его и стараются сбывать съ рукъ—это выгоднѣе. Изъ газетъ, кромѣ «Сѣверной Пчелы», теперь въ ходу «Петерб. Вѣдомости». По внѣшности, они лучше «Пчелы», а повникнувъ, найдешь въ нихъ петербургскаго франта. Обо всемъ говорятъ гладко, кажется, и умно, и дѣльно, въ тонѣ нѣтъ ничего непристойнаго, напротивъ, все очищено, вѣжливо и даже доведено до изысканной опрятности. а послушаешь—ничего не остается. Есть тутъ иногда и проповѣди Филарета и замѣтки Кобдена и провозглашенія о скотолюбіи, о хорошемъ обращеніи съ животными, возгласы и похвалы благотворительности. Главное стараніе быть приличнымъ и, если можно, никого не обидѣть, то есть не заѣхать въ рыло. Только не знаю, почему-то въ итогѣ видишь, что русскіе препорядочные скоты и что имъ единственное спасеніе—объевропеиться.

«Московскій Городской Листокъ», говорятъ, пустъ до крайности, я самъ его не видалъ.

Въ литературѣ нашей неповременной нѣтъ ничего новаго; можетъ быть, этому надо радоваться, но, признаюсь, невольно негодуешь, видя, что въ журналахъ читается все уже черезъ-чуръ не русское, начиная съ языка до понятій.

Вотъ вамъ все, что мнѣ извѣстно въ глуши,—думаю, что скоро буду въ Москвѣ, оттуда могу написать поотчетливѣе. Дай Богъ, чтобъ южный климатъ поправилъ васъ и прислалъ бы къ намъ, а намъ сильно, крѣпко вѣрующаго и твердо убѣжденнаго собрата. Буду продолжать писать къ вамъ въ Неаполь; въ случаѣ перемѣны жилища извѣстите меня чрезъ Шевырева. Чижовъ.

III.

Письма М. П. Погодина къ Н. В. Гоголю.

1.

Мая 6-го 1836 г.

Вѣдь это, братецъ, ни на что не похоже! Я писалъ къ тебѣ писемъ пять, неужели ни одно не дошло! Фу ты дьявольщина какая! И самъ ты виноватъ! Никогда не можешь прислать адреса! На имя Смирдина я не могъ писать, ибо ни ты, ни я съ нимъ не имѣемъ дѣла. Я и писалъ все съ попутчиками, а они, проклятые, видно.... Я еще съ одними послѣ послалъ цѣлый каталогъ книгъ, сдѣланный для меня Шаффарикомъ о славянскихъ племенахъ. Но пріѣзжай ты къ намъ и непремѣнно. Щепкинъ плачетъ [1]). Ты сдѣлалъ съ нимъ чудо. При первомъ слухѣ о твоей комедіи [2]) на сценѣ онъ оживился, разцвѣлъ, вновь сдѣлался веселымъ, всюду ѣздилъ и разсказывалъ. Надо почтить это участіе таланта. Ставить піесу я самъ тебѣ не совѣтую: я какъ-то съ годъ былъ знакомъ съ кулиснымъ міромъ, впрочемъ, какъ постороннее лицо, и убѣдился, что ничего не можетъ быть мучительнѣе, какъ кланяться директорамъ, инспекторамъ, спорить со всѣми этими сюжетами [3]) и противъ режиссера, машиниста и даже суфлера, и всѣ эти господа думаютъ еще, что они одолжаютъ бѣднаго автора, выучивая роль и ставя стулъ и проч. Нѣтъ, чортъ ихъ возьми: не ставь ни за что никакой піесы, если не хочешь попортить себѣ кровь, но ты долженъ непремѣнно разъ прочесть піесу актерамъ, а тамъ пусть дѣлаютъ, что̂ хотятъ.

Итакъ, пріѣзжай непремѣнно и поскорѣе. Мы всѣ просимъ тебя.

Еще говорятъ, ты сердишься на толки. Ну какъ тебѣ, братецъ, не стыдно! Вѣдь ты самъ дѣлаешься комическимъ лицомъ. Представь себѣ, авторъ хочетъ укусить людей не въ бровь, а прямо въ глазъ. Онъ попадаетъ въ цѣль. Люди щурятся, отворачиваются, бранятся и, разумѣется, кричатъ: «да! насъ такихъ нѣтъ!» Такъ ты долженъ бы радоваться, ибо видишь, что достигъ цѣли. Какихъ доказательствъ

---

[1]) См. въ „Русскомъ Архивѣ“, 1889 г., IV, послѣсловное примѣчаніе къ двумъ письмамъ М. С. Щепкина къ Гоголю.

[2]) Рѣчь идетъ о «Ревизорѣ».

[3]) Субъектами?

яснѣе истины въ комедіи! А ты сердишься?! Ну, не смѣшонъ ли ты? Я расхохотался, читая въ «Пчелѣ», которая берется доказать, что такихъ безсовѣстныхъ и наглыхъ мошенниковъ нѣтъ на свѣтѣ. «Есть, есть они, вы такіе мошенники!»—говори ты имъ и отворачивайся съ торжествомъ. Вотъ за это мнѣ надо тебя покупать въ стиксовой водѣ, которая протекаетъ по моимъ нынѣшнимъ владѣніямъ.

Еще я разскажу тебѣ о чужихъ краяхъ, и это будетъ полезно для твоего путешествія. Словомъ, ты вмѣсто отвѣта будешь самъ въ Москву, прямо ко мнѣ, на Дѣвичье Поле, близъ монастыря, на лѣвой рукѣ противъ будки, въ домъ бывшій князя Щербатова, а нынѣ твоего Погодина.

2.

1840 г., ноября 23 с. с.

Какъ я плачу! Виноватъ, прости меня! Признаюсь—я былъ огорченъ, я негодовалъ на тебя! Прости меня. Твоя несчастная наружность! О сердце человѣческое! Ни Шекспиръ, ни Коцебу не знаютъ тебя! И знаютъ иногда, но чужое, а не свое. И теперь вообрази, я раскаиваюсь, скорблю о тебѣ, негодую на себя, а все еще могу точно съ Петромъ воскликнуть: «Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!» «Человѣкъ есть ложь»—какъ глубоко сказалъ это Павелъ. При такихъ явленіяхъ я убѣждаюсь, что онъ искупленъ, убѣждаюсь въ первородномъ грѣхѣ. Ну какъ объяснить иначе такія чужія противныя впечатлѣнія! И это въ сторону! Успокойся, успокойся! О если-бъ ты мнѣ предсталъ, сложа руки крестомъ! Твои испытанія кончатся, только молись объ успокоеніи.

Я вижу, тебѣ надо путешествовать, чтобъ привести въ ровность твой организмъ. Ѣзди изъ конца въ конецъ, и останавливайся по дорогѣ въ городахъ на недѣлю—на двѣ, и работай.

Надѣюсь прислать тебѣ скоро на дорогу. У меня надежды много на журналъ.

Теперь я успокою Лизу. Я послалъ къ тебѣ черезъ Крив. [1]). ея подушку.

Мы всѣ здоровы и больны только твоей болѣзнію.

Больше писать теперь не могу. Цѣлую, обнимаю тебя. Успокойся, ради Бога успокойся. Все будетъ хорошо. Богъ посылаетъ испытанія. Твой М. Погодинъ.

---

[1]) Кривцовъ, Павелъ Ивановичъ, былъ начальникомъ русскихъ художниковъ въ Италіи. В. Ш.

3.

(16—28 іюня).

Благодарю тебя за участіе [1]). Ты еще не забылъ меня! Теперь мнѣ лучше, слава Богу, но восемь недѣль пролежалъ неподвижно; съ третьяго дня началъ ворочаться освобожденный отъ машины, впрочемъ, съ большою болью и неудобствами въ сочлененіяхъ ноги. Говорятъ, что это продолжится не долго. Бѣда случилась со мной среди мечтаній и самымъ страннымъ образомъ.

Я поѣхалъ въ университетъ за Шевыревымъ, который уѣзжалъ встрѣчать тѣло князя Голицына.

Ѣду спокойно на дрожкахъ и думаю: теперь я получу надняхъ увольненіе и отправлюсь на воды, съ водъ въ Копенгагенъ или какой-нибудь уголъ Варяжскаго моря писать норманскій періодъ; зиму соберу и приведу въ порядокъ всѣ изслѣдованія объ удѣльномъ періодѣ и на весну поѣду въ Кіевъ, на Днѣпръ, писать удѣльный періодъ; зимой устрою монгольское время и во вторую весну поѣду въ Сибирь, въ Монгольскія степи, какъ вдругъ дроги пополамъ, и я упалъ и переломилъ себѣ ногу въ самомъ важномъ мѣстѣ. Не загадывай далеко! Меня втащили въ сосѣднюю кондитерскую лавку (16 мая, въ 10 часу), и часа три я промучился тамъ сильно. Потомъ отвезли домой, гдѣ встрѣча была съ своими ужасная. Послѣ не чувствовалъ уже никакой сильной боли, кромѣ времени осмотра. Всѣ посѣтители были увѣрены, что перелома нѣтъ, а Иноземцевъ утверждалъ, что есть; съ нимъ согласились и Пеликанъ, Альфонскій, Севругъ. Меня положили въ тиски, въ картоны и лежалъ я до сихъ поръ. Пишу и теперь лежа. Благодарю Бога, что послалъ мнѣ терпѣніе, ни скуки, ни досады ничего не чувствовалъ ни на минуту, и теперь не понимаю, какъ могло пройти время такъ непримѣтно. А подумать о суммѣ (8 недѣльно неподвиженъ на спинѣ!) такъ беретъ ужасъ. Почти уже благодарю Бога за это испытаніе: съ одра болѣзни слышатся такія вещи, какихъ не услышишь ни съ какой каѳедры. Читалъ я Ѳому Кемпейскаго, за котораго благодарю. Я, разумѣется, зналъ его и прежде, но теперь понялъ лучше. Удивительно кроткая и любящая душа. Едва-ли есть другая книга въ мірѣ столь елейная. Прощай! Я не отвѣчалъ на твое письмо, ожидая спокойной минуты, но все еще не получилъ, я только что кончилъ свои дѣла въ университетѣ и упалъ наканунѣ отставки. Теперь я

[1]) Въ 1844 г. Погодинъ неосторожнымъ прыжкомъ съ дрожекъ повредилъ себѣ ногу.

вольный казакъ, но не смѣю думать ни о чемъ дальше своей койки. Никакой мысли о будущемъ не входитъ въ голову. Твой М. Погодинъ.

Я журналъ сдаю, но не знаю еще какъ и кому.

4.

(Февраля 12—24 1845 г.).

Горячими слезами облилъ я письмо [1]) твое, любезный другъ! благодарю, благодарю тебя за твое благодѣяніе. И всякій разъ плачу, какъ его перечитываю. Хотѣлъ отвѣчать тебѣ въ тотъ же день, хотѣлъ передать тебѣ свои ощущенія, и до сихъ поръ ничего не могу. Да, другъ мой, несчастіе поучительно. Успокоясь, сообщу тебѣ, что со мной дѣлается. Теперь прощай! Благодарю, благодарю тебя еще разъ и обнимаю крѣпко. Твой М. Погодинъ.

Дѣти здоровы.

Моя нога нѣсколько покрѣпче ступаетъ, но безъ костылей не могу.

Что Василій Андреевичъ? Мы слышали, что онъ боленъ. Сохрани его Богъ.

Сколько доставило мнѣ сладкаго удовольствія письмо его къ государю!

IV.

Александръ Васильевичъ Никитенко—Н. В. Гоголю

(по поводу «Мертвыхъ Душъ»).

Апрѣля 1 дня 1842 г. Спб.

М. Г. Николай Васильевичъ! вы, вѣроятно, уже получили рукопись вашу «Мертвыя души», отправленную изъ здѣшняго цензурнаго комитета на имя М. П. Погодина по адресу, который доставилъ мнѣ П. А. Плетневъ. Сочиненіе это, какъ вы видите, прошло цензуру благополучно; путь ея узокъ и тѣсенъ и потому не удивительно, что на немъ осталось нѣсколько царапинъ и его нѣжная и роскошная кожа кой-гдѣ поистерлась. Впрочемъ, надѣюсь, что вы отдадите также и справедливость умѣренности нашей цензуры: она всячески щадила прекрасное твореніе, которое искажать придирчивостію слишкомъ

[1]) Письмо это было отвѣтомъ на утѣшенія Гоголя—М. П. Погодина въ потерѣ первой жены Михаила Петровича Погодина.

осторожною я считалъ святотатственнымъ посягательствомъ на нашу бѣдную литературу. Совершенно невозможнымъ къ пропуску оказался эпизодъ Копейкина—ничья власть не могла защитить отъ его гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мнѣ тутъ нѣчего было дѣлать. Какъ жаль, что васъ нѣтъ здѣсь! Мѣста, которыя исключила цензура, или принуждена была замѣнить своими, вы, вѣроятно, исправили бы сами такъ, что и сѣно было бы цѣло и козы сыты; я увѣренъ, что мы легко согласились бы съ вами, на основаніи великаго правила взаимной уступчивости.

Послѣ сего оффиціальнаго изъясненія, не могу удержаться, чтобъ не сказать вамъ нѣсколько сердечныхъ словъ—а сердечныя эти слова не иное что, какъ изъясненіе восторга къ вашему превосходному творенію. Какой глубокій взглядъ въ самыя нѣдра нашей жизни! Какая прелесть неподдѣльнаго, вамъ однимъ свойственнаго, комизма! что за юморъ! Какая мастерская, рельефная, мѣткая обрисовка характеровъ! Гдѣ ударила ваша кисть, тамъ и жизнь, и мысль, и образъ—и образъ такъ и глядитъ на васъ, вперивъ свои живыя очи, такъ и говоритъ съ вами, какъ будто сидя возлѣ васъ на стулѣ, какъ будто онъ сейчасъ пришелъ ко мнѣ въ 4-й этажъ прямо изъ жизни—мнѣ не надобно напрягать своего воображенія, чтобъ завести съ нимъ бесѣду — онъ живой, дышущій, нерукотворный, Божье и русское созданье. Прелесть, прелесть и прелесть! и что это будетъ, когда все вы кончите; если это исполнится такъ, какъ я понимаю, какъ, кажется вы, хотите, то тутъ выйдетъ полная великая эпопея Россіи XIX вѣка. Радъ успѣхамъ истины и мысли человѣческой, радъ вашей славѣ. Продолжайте, Николай Васильевичъ. Я слышалъ, что васъ иногда посѣщаетъ проклятая гостья, всѣмъ, впрочемъ, намъ чадамъ вѣка сего не незнакомая,—хандра, да Богъ съ ней! вамъ дано много силы, чтобъ съ нею управиться. Гоните ее могуществомъ вашего таланта—она стоитъ самой доблестной воли. Но дѣло зоветъ, почта отходитъ—прощайте! Да хранитъ васъ свѣтлый геній всего прекраснаго и высшаго—не забывайте въ вашемъ цензорѣ человѣка, всей душой вамъ преданнаго и умѣющаго понимать васъ. А. Никитенко.

Сообщ. В. И. Шенрокъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLVII [1]).

Прощанье съ краемъ, откуда я уѣзжалъ.

Прощай, прощай моя Россія!
Еще не долго—и ужъ я
Перелечу въ страны чужія,
Въ иные, свѣтлые края.
Благодарю за день рожденья,
За ширь степей и за зиму,
За сердцу сладкія мгновенья,
За горькій опытъ, за тюрьму,
За благородныя желанья,
За равнодушіе людей,
За грусть души, за жажду знанья,
И за любовь и за друзей,
За все блаженство, всѣ страданья;
Я все люблю, всѣ святы мнѣ
Твои, мой край, воспоминанья
Въ далекой будутъ сторонѣ.
И о тебѣ не разъ вздохну я,
Вернусь—и съ теплою слезой
На небо сѣрое взгляну я,
На степь подъ снѣжной пеленой....

1840 г. Н. П. Огаревъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

VII [1]).

По сосредоточеніи, въ серединѣ іюля 1859 г. главныхъ силъ Чеченскаго отряда на Андійскій хребетъ, потребовалась усиленная перевозка туда изъ Чечни продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, и главное вниманіе гр. Евдокимова направилось, вслѣдствіе сего, на устройство удобной дороги отъ Веденя, что̀, при каменистой и пересѣченной мѣстности, представляло не малыя трудности; кромѣ того, на этомъ же пути требовалось сооруженіе укрѣпленныхъ этапныхъ пунктовъ, для склада запасовъ; затѣмъ, для предстоявшаго (согласно общему плану дѣйствій) движенія въ долину Андійскаго Койсу, надо было устраивать удобные къ ней спуски, по̀ горнымъ уступамъ, гдѣ уже нельзя было обходиться однѣми кирками да лопатами, а необходимо было прибѣгать къ пороху, для взрыва скалъ. Солдатамъ приходилось трудиться не покладывая рукъ [2]).

Князь Барятинскій, лично слѣдившій за работами, въ то же время производилъ рекогносцировки въ южномъ направленіи, и съ каждымъ днемъ могъ убѣждаться все болѣе и болѣе, что дѣло покоренія Восточнаго Кавказа быстро и неуклонно подвигается

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LX, октябрь, стр. 169—202; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXII, май, стр. 357—387; іюнь, стр. 641—660; томъ LXIII, іюль, стр. 81—100.

[2]) Подобными же работами заняты были части отряда, оставленныя въ Ичкеріи и Аргунскомъ ущельѣ.

впередъ. Заявленія покорности, приносимыя депутатами то того, то другаго горскаго общества, смѣнялись самыми утѣшительными извѣстіями объ успѣхахъ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ со стороны Дагестана и Лезгинской линіи.

Серьезнымъ препятствіемъ на пути наступленія Чеченскаго отряда могла представляться теперь лишь рѣка Андійское Койсу, переправа черезъ которую оборонялась длиннымъ рядомъ заваловъ, воздвигнутыхъ вдоль праваго ея берега и занимаемыхъ значительными непріятельскими силами подъ начальствомъ Кази-Магомы. Къ счастію, предвидѣвшееся тутъ затрудненіе устранено было удачною и замѣчательною подвигами геройской смѣлости переправою войскъ Прикаспійскаго отряда у Сагрытло (на нижнемъ теченіи рѣки). Непріятель, угрожаемый съ праваго фланга, бросилъ свои укрѣпленія и, разбившись на мелкія партіи, ушелъ далѣе, въ горы; такъ что, когда 4-го августа небольшая часть изъ войскъ Чеченскаго отряда спущена была къ аулу Конхидатль (противъ котораго нагромождены были самые сильные завалы), то препятствій къ немедленному устройству моста уже никакихъ не оказалось. Вслѣдъ засимъ, на правомъ берегу рѣки (нѣсколько выше Конхидатля) заложено было, 6-го августа, предмостное укрѣпленіе, названное „Преображенскимъ“, и съ этого дня обладаніе долиною Андійскаго Койсу могло считаться для насъ обезпеченнымъ.

10-го августа главнокомандующій, взявъ съ собою гр. Евдокимова, и въ сопровожденіи лишь небольшаго отряда изъ драгунъ, казаковъ и туземной милиціи, отправился къ войскамъ, стягивавшимся около Гуниба, куда бѣжалъ Шамиль, покинутый теперь почти всѣми своими приверженцами.

Войска Чеченскаго отряда оставлены были на занятыхъ ими мѣстахъ для продолженія и довершенія работъ по устройству дорогъ и укрѣпленій. Эти труды ихъ, — хотя не блестящіе, но плодотворные, въ смыслѣ упроченія русской власти во вновь покоренномъ краѣ,—были кн. Барятинскимъ, въ послѣдніе два мѣсяца имѣвшемъ случай лично наблюдать за ними, конечно, оцѣнены по достоинству. Нѣтъ сомнѣнія, что въ своихъ всеподданнѣйшихъ письмахъ государю онъ отдавалъ должную справедливость какъ войскамъ Чеченскаго отряда, такъ и доблестному ихъ начальнику. Подтвержденіемъ тому служитъ, что гр. Евдокимовъ,

въ самый день закладки укрѣпленія Преображенскаго, удостоенъ былъ званія генералъ-адъютанта его величества [1]).

Мы не станемъ описывать послѣдовавшихъ за тѣмъ громкихъ событій въ Дагестанѣ, такъ какъ гр. Николай Ивановичъ былъ лишь ихъ свидѣтелемъ, но не принималъ въ нихъ прямаго участія. Послѣ покоренія Гуниба и плѣненія Шамиля, на восточномъ Кавказѣ водворилось общее затишье, и нашимъ властямъ, повидимому, оставалось лишь упрочивать мирными средствами то, что̀ пріобрѣтено было силою оружія [2]). Къ сожалѣнію, дѣло пошло не такъ гладко, какъ ожидали.

По возвращеніи изъ-подъ Гуниба, начальнику Лѣваго крыла, уже сильно истомленному предшествовавшими чрезмѣрными трудами, далеко не приходилось отдыхать на лаврахъ. Новыя, многосложныя работы ожидали его, по устройству ввѣреннаго ему края, переименованнаго, въ началѣ 1860 г., въ Терскую область (равно какъ Правое крыло — въ Кубанскую область): водвореніе переселенцевъ на указанныхъ имъ мѣстахъ, устройство новыхъ казачьихъ станицъ, надѣленіе тѣхъ и другихъ земельными угодьями, проложеніе колесныхъ дорогъ по разнымъ стратегическимъ направленіямъ; наконецъ, возведеніе укрѣпленныхъ опорныхъ пунктовъ, особенно на переправахъ, въ тѣснинахъ, могущихъ преградить сообщенія, съ тѣмъ, чтобы можно было ограничить до наименьшей степени число войска въ горахъ и держать главныя силы на плоскости, гдѣ содержать ихъ было гораздо дешевле и удобнѣе. Всѣми этими работами слѣдовало торопиться, пока Кавказская армія была еще въ усиленномъ составѣ, имѣя у себя еще 18-ю пѣхотную и резервную дивизіи, возвращеніе коихъ въ Россію предвидѣлось въ скоромъ времени.

---

[1]) Кромѣ того, 5-го мая, ему объявлено было высочайшее благоволеніе.

[2]) Кн. Барятинскій, представляя военному министру соображенія свои на 1860-й годъ, между прочимъ, писалъ: «Я на сей разъ могу съ душевною радостію довести до свѣдѣнія вашего пр—тельства, что за исключеніемъ лишь Праваго крыла на всемъ остальномъ протяженіи ввѣреннаго мнѣ края военныхъ дѣйствій нигдѣ уже не предвидится. Нынѣ, съ покореніемъ всей восточной половины Кавказа, намъ открывается здѣсь обширное поле мирной дѣятельности: уже не силою оружія, но мѣрами административными и работами должно отнынѣ укрѣпляться и упрочиваться достигнутое нами, послѣ полувѣковой борьбы, господство надъ воинственными племенами Чечни и Дагестана. (Отношеніе кн. Барятинскаго къ военному министру, отъ 13-го ноября 1859 г., Воен. Уч. архивъ, отд. II, № 6610).

Гр. Евдокимовъ, соображаясь съ государственною необходимостію, повелъ дѣло круто. Съ чеченцами онъ, зная ихъ характеръ, не церемонился [1]). Послѣдніе, будучи поставлены въ совершенно новыя условія быта, прямо противурѣчившія ихъ прежнимъ привычкамъ необузданнаго своеволія, конечно, были недовольны. Неудовольствію этому не мало способствовалъ и обнаружившійся во многихъ мѣстахъ края голодъ, котораго начальство наше, не смотря на принимаемыя имъ мѣры, не могло вполнѣ устранить. Надѣленіе новыхъ ауловъ земельными угодьями, при массѣ другихъ текущихъ дѣлъ, тоже, повидимому, не вездѣ происходило соотвѣтственно потребностямъ жителей и, вѣроятно, при спѣшности работы, сопровождалось многими промахами. Лично усмотрѣть за всѣмъ начальнику края не представлялось возможности, а второстепенные и третьестепенные исполнители его распоряженій не всегда оказывались понимающими дѣло. Мусульманское населеніе Лѣваго крыла (или Терской области), неудовлетворенное въ своихъ ожиданіяхъ, а частію и подъ вліяніемъ фанатизма, стало, цѣлыми обществами, просить о разрѣшеніи переселиться въ Турцію. Гр. Евдокимовъ, лично, былъ очень доволенъ подобнымъ стремленіемъ, видя въ немъ средство избавиться отъ самыхъ безпокойныхъ и ненадежныхъ людей. Главнокомандующій, повидимому, тоже раздѣлялъ его взглядъ на это дѣло; но, когда эмиграція стала принимать слишкомъ крупные размѣры и по поводу ея возникли въ Константинополѣ щекотливые, дипломатическіе переговоры, то пришлось, по крайней мѣрѣ на время, пріостановить ее. Обманутые въ своихъ надеждахъ горцы, волею-неволею принужденные оставаться подъ властью гяура, конечно, примкнули къ рядамъ недовольныхъ.

Всѣ вышесказанныя и подобныя имъ обстоятельства представляли благодарную почву для сѣятелей смутъ. Бывшіе приверженцы Шамиля, особенно же тѣ, которые лишились прежней власти и сопряженныхъ съ нею выгодъ, стали втихомолку распространять въ народѣ разные зловѣщіе слухи и исподволь подготовлять всеобщее возстаніе. Развѣтвленія заговора простирались отъ Малой Чечни до Дагестана. Предполагалось, поднявъ весь

---

[1]) О характерѣ дѣятельности гр. Евдокимова въ покоренной Чечнѣ см. въ прилож. № I: «Извлеченіе изъ записки ген. Лорисъ-Меликова, управлявшаго въ 1863 г. Терскою областію».

народъ, перебить нѣкоторыхъ главныхъ начальниковъ (въ томъ числѣ и гр. Евдокимова), а другихъ захватить въ плѣнъ для взятія за нихъ крупнаго выкупа; нѣкоторыя укрѣпленія наши имѣлось въ виду взять штурмомъ, другія же принудить къ сдачѣ блокадою. [1]) Всѣ эти планы были, конечно, довольно фантастичны, но легковѣрныхъ чеченцевъ не трудно было убѣдить въ томъ, что̀ льстило ихъ врожденнымъ инстинктамъ и обнадеживало въ возвращеніи прежняго, дикаго своеволія.

На наше счастіе, заговоръ еще не успѣлъ вполнѣ созрѣть, какъ затаенное неудовольствіе уже обнаружило себя отдѣльными вспышками въ разныхъ пунктахъ Чечни, заставившими наше начальство насторожиться и принять энергическія мѣры для подавленія зла въ самомъ зародышѣ.

Первый взрывъ мятежа послѣдовалъ въ самомъ глухомъ углу Ичкеріи—въ аулѣ Беной. Послѣ взятія Гуниба, большая часть беноевцевъ вынуждена была, подъ угрозою русскаго оружія, покинуть свою труднодоступную мѣстность и разселиться по окрестнымъ ауламъ; но нѣсколько семей, подъ разными предлогами, осталось на старомъ мѣстѣ. Цѣлый годъ спокойствіе здѣсь не нарушалось; но въ началѣ мая 1860 г., когда лѣса одѣлись листвою, большинство выселившихся беноевцевъ вернулись къ своему старому аулу, избрали себѣ имамомъ нѣкоего Бойсунгура и дали клятву не покоряться русской власти.

Моментъ для возстанія былъ выбранъ весьма удобный: добраться въ это время года до Беноевскихъ трущобъ было почти невозможно; отъ таянія снѣговъ и отъ проливныхъ дождей рѣки разлились, дороги были размыты, да кромѣ того мятежники преградили ихъ завалами; переправиться черезъ Хулхулау и Аксай не представлялось средствъ; подножнаго корма для войсковыхъ лошадей еще не было. Начальство наше, волею-неволею, должно было на первое время ограничиться выжидательнымъ положеніемъ. Дерзость беноевцевъ, къ которымъ пристали и другіе ичкеринскіе аулы, вслѣдствіе этого временнаго бездѣйствія, возрасла и они стали нападать на наши небольшія команды, отбивать скотъ и т. п.

Вскорѣ послѣ этого вспыхнулъ бунтъ на верховьяхъ Аргуна.

---

[1]) Рапортъ ген.-ад. князя Орбеліани военному министру, отъ 4-го іюля 1860 г. (В. Уч. Арх., отд. II, № 6613). —Записка полк. Бѣлика (повидимому). Арх. гр. Евдокимова, № 61.

Одинъ изъ прежнихъ шамилевскихъ наибовъ, нѣкто Ума-Дуевъ съ бывшимъ кадіемъ Атабаемъ, возмутили Аргунское общество Дзумсой, а частію и шатоевцевъ, и произвели цѣлый рядъ хищническихъ нападеній на наши транспорты и мелкія колонны, убивали людей, угоняли лошадей; наконецъ, усилясь прибывающими изъ разныхъ аргунскихъ обществъ абреками, стали открыто нападать на команды, производившія дорожныя работы, покушались даже атаковать укрѣпленія и сторожевыя башни. Распространяясь все болѣе и болѣе къ западу, волненіе охватило остатки населенія, гнѣздившагося по верховьямъ мало-чеченскихъ рѣчекъ: Мартана, Гехи, перешло на Ассу, подняло Акинское общество, вблизи военно-грузинской дороги, и разрѣшилось цѣлымъ рядомъ кровавыхъ происшествій, стоившихъ намъ нѣсколькихъ десятковъ людей.

Лѣтомъ, когда мятежники, разбившись на мелкія шайки, всегда могли укрываться въ густыхъ лѣсахъ, преслѣдовать ихъ было весьма трудно. Въ числѣ обстоятельствъ, имъ благопріятствовавшихъ, было и то, что значительная часть нашихъ войскъ, еще въ началѣ 1860 г., переведена была въ Кубанскую область, гдѣ кн. Барятинскій имѣлъ въ виду приступить къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ [1]). Теперь, оставшіяся въ Терской области войска пришлось отрывать отъ самыхъ необходимыхъ работъ, для дѣйствія противъ хищническихъ партій; съ Кубани нужно было возвратить 20-й стрѣлковый баталіонъ и одинъ драгунскій полкъ, кромѣ того, изъ Грузіи притянуто было два полка Донскихъ казаковъ.

Благодаря цѣлесообразнымъ распоряженіямъ гр. Евдокимова и энергической дѣятельности его сподвижниковъ (въ особенности, генерала Кемпферта), мятежъ не принялъ болѣе широкихъ размѣровъ,—чего можно было опасаться, по очевидному сочувствію ему мѣстнаго населенія [2]). Тѣмъ не менѣе, много новыхъ тревогъ и огорченій долженъ онъ былъ принести отвѣтственному за

---

[1]) Въ Кубанскую область переведены были изъ Терской всѣ три драгунскихъ полка, 4 стрѣлковыхъ баталіона и 12 сводныхъ баталіоновъ изъ стрѣлковыхъ ротъ Кавказской гренадерской, 20-й и 21-й пѣхотныхъ дивизій. Они отправлены на Кубань въ теченіи февраля 1860 г.

[2]) Окончательно подавленъ былъ мятежъ лишь къ концу 1861 года, когда схвачены и подвержены были наказанію главные зачинщики.

все начальнику края, который—какъ выше замѣчено—вслѣдствіе трехгодовыхъ, непомѣрныхъ физическихъ трудовъ и душевныхъ волненій, сильно пошатнулся здоровьемъ. Еще 5-го августа 1860 г. гр. Евдокимовъ писалъ главнокомандующему слѣдующее:

„При проѣздѣ черезъ Владикавказъ, ваше сіятельство, удостоивъ выслушать просьбу мою объ увольненіи меня въ отпускъ, представили самому же мнѣ выбрать и время для отъѣзда. Желая устроить дѣла края, я не могъ воспользоваться милостивымъ позволеніемъ вашимъ весною; между тѣмъ начали проявляться признаки неблагонамѣреннаго направленія умовъ въ только что покоренныхъ обществахъ; затѣмъ возникли безпорядки, при которыхъ я уже не смѣлъ возобновлять своей просьбы. Безпорядки, обнаружившіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ, когда мы не упрочились еще на вновь занятыхъ нами пунктахъ, грозили общимъ возстаніемъ при малѣйшемъ гдѣ либо успѣхѣ мятежниковъ; но этого, благодаря Бога, не случилось, а тѣмъ временемъ все, что дѣлало положеніе наше опаснымъ, успѣло устроиться; новыя станицы и укрѣпленія кончены, или кончаются, войска сосредоточились и, вообще, край принялъ положеніе, соотвѣтственное обстоятельствамъ, такъ что теперь смѣло и безопасно можетъ ожидать обнаженія лѣсовъ, для окончательнаго водворенія порядка. Но эти полъ-года, проведенные мною въ постоянно тревожномъ напряженіи и постоянныхъ заботахъ и трудахъ, безъ сна по нѣскольку ночей сряду, окончательно разстроили мое здоровье, приготовленное уже къ тому и годами, и ранами, и предшествовавшими походами.

„Я никогда не осмѣлился бы рапортовать себя больнымъ вашему сіятельству, если бы не чувствовалъ полнаго упадка силъ, требующаго довольно продолжительнаго лѣченія и отдохновенія, вдали отъ причинъ, начавшихъ разрушительно дѣйствовать на разслабленный уже организмъ. Я знаю сколько обязанъ я вашему сіятельству, и тѣмъ смѣлѣе обращаюсь къ вашему великодушію, будучи вполнѣ увѣренъ, что вы милостиво меня выслушаете. Въ томъ душевномъ и тѣлесномъ разстройствѣ, въ какомъ я нынѣ нахожусь, дальнѣйшее пребываніе мое на занимаемомъ мною мѣстѣ не можетъ быть полезно. Мнѣ нуженъ отпускъ по крайней мѣрѣ на 6 или 4 мѣсяца. Позвольте мнѣ теперь подать просьбу на высочайшее имя, передать управленіе

краемъ кому вы прикажете и лично представить себя вашему сіятельству въ Боржомѣ или Тифлисѣ“ [1]).

Въ тотъ же день (5 августа) гр. Николай Ивановичъ писалъ начальнику главнаго штаба Кавказской арміи письмо, въ которомъ, помимо разстроеннаго здоровья, выставляетъ и другія причины, побуждающія просить его (Евдокимова) о временномъ выѣздѣ изъ Чечни.

„Основываясь на торопливомъ донесеніи начальника Ичкеринскаго округа (такъ писалъ графъ), я извѣстилъ васъ, отъ 31-го числа, о возстаніи Ичкеріи. Дѣло нынѣ оказалось далеко не такъ: только Дарго, Белгатой и Тезенъ-Кале приняли мятежниковъ, а всѣ прочіе аулы остались спокойны; да и первые, большею частію, или вовсе не раздѣляли дѣйствій мятежниковъ, или отстали отъ нихъ вскорѣ. Не знаю, какъ будетъ дальше, теперь же во всей Чечнѣ очень довольны назначеніемъ Кундухова [2]), и въ Большой (Чечнѣ), которую онъ объѣзжаетъ, его принимаютъ съ восторгомъ. На Бѣлика никто не жалуется, а между тѣмъ всѣ рады, и это навело меня на мысль: не произведетъ ли хорошаго впечатлѣнія, если бы и я хотя на время выѣхалъ въ отпускъ? Чеченцевъ занимаетъ всякая новизна. Это народъ совсѣмъ не похожій на другія племена Кавказа! Между тѣмъ и для меня это было-бы большое благо, ибо я чувствую, что если мнѣ не будетъ времени отдохнуть, то я потеряю безвозвратно сильно уже разстроившееся свое здоровье“ [3]).

Отдохнуть согласно своему желанію Николаю Ивановичу, однако, не пришлось. Время для Кавказа было слишкомъ горячее. Князь Барятинскій, имѣя въ виду самыя рѣшительныя и, къ тому же, неотлагательныя дѣйствія въ западной части подчиненнаго ему края, повидимому уже намѣтилъ, для приведенія ихъ въ исполненіе, доблестнаго покорителя Чечни, къ способностямъ и энергіи котораго онъ имѣлъ всѣ основанія питать

---

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 43.

[2]) Полковникъ Муса-Кундуховъ, назначенный въ число устроителей новаго быта чеченскаго народа, былъ самъ чеченецъ родомъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ вѣрно служилъ русскому правительству, но, по окончаніи борьбы на Кавказѣ, онъ переѣхалъ въ Турцію и во время войны 1877—78 гг., уже въ званіи паши, командовалъ турецко-черкескою конницею, понесшею рѣшительное пораженіе при Бегли-Ахметѣ.

[3]) Архивъ гр. Евдокимова, № 43.

полное довѣріе. Съ другой же стороны, главнокомандующій (самъ въ то время уже начавшій хворать) былъ сильно озабоченъ безпорядками, возникшими въ только что подчинившейся намъ странѣ. Безпокойство его на этотъ счетъ выразилось въ слѣдующемъ отвѣтѣ (отъ 9 августа) на вышеприведенное письмо гр. Евдокимова.

„М. г. гр. Николай Ивановичъ. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я изъ письма отъ 5-го августа о разстроенномъ состояніи вашего здоровья; обстоятельство это еще болѣе меня огорчаетъ потому, что вы находитесь въ необходимости отлучиться изъ Терской области въ такую минуту, когда положеніе дѣлъ грозитъ намъ опасностію. За всѣмъ тѣмъ, не желая препятствовать исполненію вашего намѣренія, я не могу, однако же, дать согласія на вашъ отпускъ прежде полученія мнѣнія вашего, кому вы полагаете поручить командованіе войсками на время вашего отсутствія. А потому прошу васъ написать мнѣ объ этомъ съ особымъ курьеромъ или, еще лучше, самимъ пріѣхать въ Боржомъ, гдѣ я намѣренъ пробыть до 20-хъ чиселъ августа и выѣхать въ Тифлисъ, самое позднее, 23-го числа“.

Должно полагать, что Николай Ивановичъ не преминулъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ кн. Барятинскаго, дабы хоть на нѣсколько дней оттохнуть отъ обременительныхъ текущихъ дѣлъ и ежечасныхъ безпокойствъ, грозившихъ въ конецъ надорвать его силы. Во всякомъ случаѣ отдыхъ его былъ чрезвычайно коротокъ, такъ какъ уже въ концѣ августа 1860 г. самъ главнокомандующій уже переѣхалъ въ г. Владикавказъ, куда, въ числѣ прочихъ старшихъ генераловъ на сѣверномъ Кавказѣ, приглашенъ былъ и гр. Евдокимовъ. Здѣсь кн. Барятинскій прожилъ около мѣсяца, для рѣшенія слѣдующихъ первостепенной важности вопросовъ: 1) покореніе западнаго Кавказа, 2) заселеніе его христіанскимъ населеніемъ, 3) новая организація Кубанской и Терской областей и 4) предположенное, въ связи съ этимъ, раздѣленіе бывшаго кавказскаго линейнаго казачьяго войска—на Кубанское и Терское [1]).

---

[1]) Интересныя свѣдѣнія объ этихъ совѣщаніяхъ находятся въ статьѣ П. С. Кравцова: «Кавказъ и его военноначальники». «Русск. Старина», 1886 г., томъ L, стр. 585 слѣд.

Прежде всего подлежалъ обсужденію самый важный вопросъ: о покореніи западнаго Кавказа.

Тогдашній начальникъ Кубанской области, генералъ Филипсонъ, человѣкъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, къ сожалѣнію слишкомъ оптимистически смотрѣлъ на закубанскихъ дикарей и, повидимому, вѣрилъ въ возможность, тѣми или другими способами, установить съ ними добрыя сосѣдскія отношенія. Графъ Евдокимовъ, всю жизнь свою вращавшійся между разными горскими племенами и отлично ихъ изучившій, смотрѣлъ на дѣло совсѣмъ другими глазами. Онъ, какъ мы знаемъ, былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что на массу горцевъ можно дѣйствовать лишь страхомъ, что на изъявляемую ими покорность вполнѣ полагаться никогда нельзя, что считать ихъ безопасными можно только тогда, когда окончательно лишишь ихъ возможности чѣмъ либо вредить намъ. Онъ, безъ сомнѣнія, отлично понималъ и то, что съ горцами западнаго Кавказа у насъ никакихъ прочныхъ мирныхъ отношеній существовать не можетъ, если оставить это населеніе на прежнихъ мѣстахъ и въ прежнихъ условіяхъ быта. Край этотъ, со времени восточной войны 1855—56 годовъ оставшійся совершенно открытымъ со стороны моря, грозилъ въ эту самую эпоху сдѣлаться удобною ареною для всякихъ политическихъ интригъ со стороны Турціи и другихъ нашихъ западныхъ благопріятелей [1]). Туда безнаказанно подвозились теперь оружіе и разные боевые припасы; туда же появлялись всякіе проходимцы-эмиссары, возбуждавшіе горцевъ противъ русскихъ и распространявшіе между легковѣрнымъ населеніемъ самые несбыточные слухи.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, гр. Евдокимовъ предложилъ свой планъ дѣйствій, состоявшій въ главныхъ чертахъ въ томъ, чтобы, постепенно тѣсня западно-кавказскихъ горцевъ, припереть ихъ къ Черному морю и, при несогласіи ихъ выселиться на при-Кубанскую плоскость или въ степныя простран-

---

[1]) «Мы должны сознаться—писалъ кн. Барятинскій,—что никогда еще не производились столь дѣятельно, какъ теперь, сношенія между кавказскимъ берегомъ и Турціею». (Предположеніе о дѣйствіяхъ въ 1860 г., на Кавказѣ. В. Уч. архивъ, отд. II, № 6610).

ства Ставропольской губерніи, изгнать ихъ въ Турцію, весь этотъ обширный край заселить русскимъ народомъ [1]).

Кн. Барятинскій вполнѣ согласился съ этимъ планомъ, такъ какъ практичность и цѣлесообразность его были слишкомъ очевидны для всякаго знакомаго съ кавказскими дѣлами и съ характеромъ отношеній къ намъ горцевъ [2]). При иномъ образѣ дѣйствій—менѣе радикальномъ—война кавказская опять должна бы была тянуться нескончаемо, тѣмъ же обычнымъ путемъ, какъ это было прежде. Между тѣмъ, довершить покореніе сѣверо-западнаго Кавказа и разъ навсегда покончить счеты съ тамошнимъ, неизмѣнно намъ враждебнымъ, населеніемъ сдѣлалось особенно важнымъ и необходимымъ послѣ только что оконченной Крымской войны и уничтоженія нашего могущества на Черномъ морѣ. Императоръ Александръ II горячо желалъ и требовалъ этого.

Кому же было естественнѣе поручить дѣло столь первостепенной важности, какъ не гр. Евдокимову—недавнему покорителю Чечни,—котораго умъ, энергія и непреклонная воля вполнѣ ручались за точное исполненіе имъ своего плана?

На выборѣ этомъ кн. Барятинскій, конечно, и остановился. Въ силу высочайше предоставленной ему власти, онъ назначилъ

---

[1]) О совѣтѣ во Владикавказѣ графъ разсказывалъ, что ему приходилось излагать свои соображенія передъ лицами, привыкшими читать послѣдовательное развитіе военныхъ операцій по планамъ и картамъ, почему передъ докладомъ онъ запасся всѣми нужными картами, заготовилъ условные знаки войскъ и станицъ и, по мѣрѣ объясненія послѣдовательнаго хода завоеванія и заселенія западнаго Кавказа, выставлялъ соотвѣтственные значки, оттѣняя ежегодное видоизмѣненіе обстановки, какъ въ расположеніи группировки войскъ, такъ и въ количествѣ заселяемыхъ пространствъ. Доложенный графомъ планъ покоренія западнаго Кавказа былъ одобренъ всѣми лицами, принимавшими участіе въ совѣщаніяхъ, и былъ тутъ же утвержденъ главнокомандующимъ кн. Барятинскимъ. По разсказу графа, ему былъ сдѣланъ лишь одинъ вопросъ Григоріемъ Ивановичемъ Филипсономъ о томъ, упразднитъ-ли онъ всѣ возведенныя укрѣпленія, на что графъ отвѣтилъ, что упразднитъ всѣ, кромѣ Григорьевскаго. (Изъ воспоминаній офицера ген. штаба, служившаго при гр. Евдокимовѣ въ Кубанской области).

[2]) Не всѣ, однако, соглашались съ воззрѣніями гр. Евдокимова, такъ что, для подтвержденія его мысли, и по его личной просьбѣ генералъ Карцовъ (имѣвшійся въ виду для замѣщенія генералъ-адъютанта Милютина и находившійся въ то время при войскахъ въ Закубаньѣ) составилъ особую записку. (См. прилож. II).

генерала Филипсона начальникомъ главнаго штаба Кавказской арміи, на мѣсто генералъ-адъютанта Милютина, призываемаго на новое служеніе—въ должность управляющаго военнымъ министерствомъ; графъ же Евдокимовъ назначался начальникомъ Кубанской области, командующимъ войсками, въ ней расположенными, и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска; вмѣстѣ съ тѣмъ за нимъ оставлены и прежнія должности: начальника Терской области и командующаго въ ней войсками. Такимъ образомъ, ему подчиненъ былъ весь сѣверный Кавказъ и предоставлена ему была полная воля располагать всѣми военными силами и средствами, по своему усмотрѣнію.

По вопросу о заселеніи западнаго Кавказа христіанскимъ населеніемъ, преимущественно казачьимъ, главнокомандующій безусловно принялъ мнѣніе генерала Филипсона, предполагавшаго начать усиленныя переселенія прежде всего цѣлыми казачьими полками, во второй линіи отъ р. Кубани поселенными.

По окончаніи совѣщаній, кн. Барятинскій съ генераломъ Филипсономъ уѣхали въ Тифлисъ, ген. адъютантъ Милютинъ—въ Петербургъ, а гр. Евдокимовъ, оставивъ для управленія Терскою областію своего помощника, кн. Святополка-Мирскаго, отправился въ Ставрополь.

Здѣсь ожидала его масса новыхъ и спѣшныхъ занятій по устройству администраціи ввѣреннаго ему обширнаго края. Первымъ дѣломъ графа было учрежденіе комитета изъ свѣдущихъ лицъ, для разрѣшенія вопросовъ по раздѣленію Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и образованію новыхъ войскъ: Кубанскаго и Терскаго. При этомъ нужно было составить новые штаты войсковыхъ правленій и войсковыхъ дежурствъ, раздѣлить пропорціонально населенію денежные капиталы, войсковые доходы и расходы, разныя оброчныя статьи, стипендіи въ учебныхъ заведеніяхъ и т. п. Возложенное на комитетъ важное дѣло окончено имъ было въ теченіи двухъ недѣль и, по утвержденіи гр. Евдокимовымъ его предположеній, они посланы были на усмотрѣніе главнокомандующаго, который тоже принялъ ихъ безъ всякихъ измѣненій. Вслѣдъ затѣмъ они были обнародованы въ приказѣ по Кавказской арміи, которымъ предписывалось привести ихъ въ исполненіе къ 1-му января наступавшаго 1861 года и открыть того же числа всѣ войсковыя учрежденія. Все это въ точности и было исполнено.

Порѣшивъ съ этимъ дѣломъ, до окончанія котораго нельзя было приступать къ выполненію прочихъ военныхъ и административныхъ предположеній, гр. Евдокимовъ долженъ былъ заняться разрѣшеніемъ другаго, гораздо болѣе важнаго вопроса—о переселеніи казаковъ на новыя линіи. Къ переселенію этому полагалось приступить въ томъ же 1861 году.

Пока въ Ставрополѣ шла вся эта административная работа, военныя дѣйствія въ Закубаньѣ шли своимъ чередомъ. Хотя значительнѣйшее изъ тамошнихъ племенъ, абадзехи, еще въ ноябрѣ 1859 г. заявили покорность и принесли вѣрноподданническую присягу, но помимо того, что мы уже знали цѣну подобнымъ заявленіямъ и обѣщаніямъ, самыя условія, которыми они въ то время обставляли свою покорность, уже не соотвѣтствовали новой системѣ дѣйствій, согласно которой рѣшено было выжить мѣстное населеніе изъ гористыхъ и лѣсистыхъ частей западнаго Кавказа и заселить ихъ христіанами. Впрочемъ, мнимо-покорныя племена не переставали тревожить наши линіи мелкими разбоями и хищничествами, сваливая затѣмъ вину на непокорныхъ, скрывали у себя нашихъ бѣглыхъ и вообще продолжали оставаться крайне ненадежными и опасными сосѣдями. Что касается до другаго сильнаго племени, шапсуговъ, жившихъ въ западной части Закубанья, то они не прекращали открыто враждебныхъ къ намъ отношеній.

Характеръ мѣстности закубанскаго театра войны представлялъ много общаго съ Чечнею: то же множество горныхъ рѣкъ и рѣчекъ, та же пересѣченная мѣстность (особенно—по предгоріямъ главнаго хребта), тѣ же непролазныя лѣсныя трущобы; да кромѣ того, на низовьяхъ Кубани,—обширныя болота (по тамошнему „плавни“), представлявшія серьезную препону для движенія войскъ. Сходствомъ мѣстности Закубанья съ Чечнею обусловливалось и сходство въ образѣ военныхъ дѣйствій. Что касается до горцевъ западнаго Кавказа, то они хотя и не подчинялись одному владыкѣ, въ родѣ Шамиля, но въ упорствѣ борьбы противъ насъ не уступали своимъ восточнымъ собратіямъ и были такими же неисправимыми и отважными разбойниками.

Въ описываемое время главныя военныя дѣйствія, на заку-

банскомъ театрѣ войны, шли, какъ и прежде, съ двухъ противоположныхъ сторонъ: восточной и западной—отъ р. Лабы и отъ р. Адагума. Дѣйствія восточныхъ отрядовъ ограничивались, до поры до времени, мирнымъ упроченіемъ нашей власти на рубежѣ земель, населенныхъ абадзехами, т. е. устройствомъ укрѣпленныхъ пунктовъ, станицъ для поселенцевъ и проложеніемъ между ними удобныхъ дорогъ. Отряды, дѣйствовавшіе въ западной части края, производя подобныя же работы, искрещивали по разнымъ направленіямъ землю шапсусовъ (преимущественно, между р. Адагумомъ и укрѣпленіями: Ильскимъ и Григорьевскимъ), раззоряли враждебные аулы, истребляли посѣвы и заставляли непріязненное населеніе удаляться въ горы.

Гр. Евдокимовъ, покончивъ съ первыми административными распоряженіями, вызванными новымъ раздѣленіемъ сѣвернаго Кавказа, немедленно предпринялъ объѣздъ нашихъ закубанскихъ станицъ и лагерныхъ расположеній войскъ, чтобы лично и на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ разныхъ пунктахъ и дать соотвѣтствующія указанія частнымъ начальникамъ, относительно раіона ихъ дѣйствій. При этомъ онъ высказывался иногда и относительно той системы дѣйствій, которой намѣренъ держаться. Такъ, при посѣщеніи (въ октябрѣ) Псебайскаго укрѣпленія, онъ вышелъ осмотрѣть заготовленный по предварительному приказанію шанцевый инструментъ. Указывая одному изъ сопровождавшихъ его кабардинскихъ князей на огромное количество лежавшихъ передъ домомъ топоровъ, лопатъ, кирокъ и т. п. инструментовъ, графъ сказалъ: „вотъ чѣмъ мы теперь будемъ воевать“ [1]).

Въ концѣ ноября 1860 г. графу пришлось въ первый разъ лично участвовать въ большой экспедиціи, предпринятой въ землю шапсуговъ. 27 числа названнаго мѣсяца онъ прибылъ въ укрѣпленіе Григорьевское, и на другой же день произвелъ рекогносцировку оттуда, по прямому направленію, на Екатеринодаръ, а 30 числа—таковую же вверхъ по р. Шебшъ.

Главною цѣлію предстоявшей экспедиціи было: проложеніе удобной и безопасной, для движенія даже малыхъ колоннъ, дороги отъ укрѣпленія Григорьевскаго до укрѣпленія Адагумскаго,

---

[1]) Кавказскій Сборникъ, томъ V, стр. 346.

по всему протяженію земли шапсуговъ. Для этого пути гр. Евдокимовъ избралъ линію южнѣе такъ называвшейся Анапской дороги, у самыхъ послѣднихъ отроговъ Черныхъ горъ, чтобы отхватить у непріятеля всю плоскость и совершенно лишить его возможности пользоваться земельными угодьями этого богатаго края.

Личное присутствіе Николая Ивановича при войскахъ продолжалось, на этотъ разъ, очень не долго, такъ какъ уже 4-го декабря онъ получилъ отъ главнокомандующаго приглашеніе явиться въ Тифлисъ. Кн. Барятинскій (въ это время уже сильно расхворавшійся) писалъ ему слѣдующую собственноручную „весьма секретную“ записку.

„Я получилъ третьяго дня письмо собственноручное отъ государя императора, которое измѣнило не только всѣ наши предположенія на будущее время, но, въ особенности, на нынѣшнюю зиму и предстоящее лѣто, ибо оно положительно и непрекословно уменьшаетъ наши военныя и денежныя средства. Государь требуетъ къ маю мѣсяцу возвращенія 18-й пѣх. дивизіи и приказываетъ ограничиться самыми ничтожными денежными средствами. Пишу вамъ собственноручно для того, чтобы сохранить секретъ покуда возможно, и требую немедленнаго вашего прибытія въ Тифлисъ, гдѣ вмѣстѣ обдумаемъ и порѣшимъ будущую судьбу Кавказа. Не буду вамъ описывать мое огорченіе; никто болѣе васъ не въ состояніи его понять и раздѣлить!—Съ полученія сего письма можете передать вашимъ подчиненнымъ приказанія, а сами отправляйтесь въ Тифлисъ, гдѣ я постараюсь не задержать васъ болѣе 5 или 6 дней.

„Положеніе Европейское все дѣлается грознѣе; много предстоитъ намъ съ вами вопросовъ рѣшить; надо быть на все готовымъ.

„Вамъ сердечно преданный кн. Барятинскій“.

Отбывая въ Тифлисъ, гр. Евдокимовъ распорядился предстоявшими до конца года дѣйствіями, которыя и повелись соотвѣтственно намѣченной имъ цѣли. „Вообще, пишетъ онъ,— дѣйствія нашихъ отрядовъ въ землѣ шапсуговъ, въ теченіе минувшаго декабря, имѣли результатомъ: 1) окончательное устройство просѣки и удобнаго во всякое время года пути отъ укр. Крымскаго до укр. Григорьевскаго, на разстояніи 74-хъ верстъ;

2) совершенное очищеніе всей плоскости между рѣками: Адагумомъ и Супомъ (свыше 2,000 кв. верстъ) отъ непріязненнаго намъ населенія. Потеря плоскости тѣмъ болѣе чувствительна для непріятеля, что здѣсь были главныя пастбища его скота и большая половина пахатныхъ земель. Все это видимо поколебало рѣшимость шапсуговъ къ дальнѣйшему сопротивленію, такъ что на другой же день послѣ движенія нашихъ отрядовъ въ горы (14 декабря) явились къ начальникамъ отрядовъ депутаты съ принесеніемъ безусловной покорности и съ просьбою дозволить имъ снова селиться на плоскости, на мѣстахъ, которыя имъ будутъ указаны. Покорность эта, хотя и частная, изъявленная лишь небольшою частью населенія (около 2-хъ т. семействъ), но ее можно признать началомъ общаго покоренія, которое, до тѣхъ поръ, пока горы не будутъ заняты нашими поселеніями, окончательно совершиться не можетъ, потому что шапсуги, какъ и всѣ черкесскія племена, не имѣютъ почти никакой общественной связи и, слѣдовательно, не могутъ быть иначе покорены, какъ по частямъ, и только тогда, когда горы у нихъ будутъ совершенно отняты. Поэтому, хотя покорившіяся семейства и утверждаютъ, что большинство населенія готово послѣдовать ихъ примѣру, если только условія, нами предложенныя, будутъ сколько нибудь снисходительны, но, принимая въ соображеніе, что до тѣхъ поръ, пока горы не заняты, горцы будутъ соблюдать эти условія только до перваго удобнаго къ возмущенію случая, я приказалъ начальникамъ отрядовъ объявить имъ, что считаю покорность только тѣхъ, которые покорятся безусловно и выселятся въ аулы на указанныя имъ на р. Кубани мѣста".

„Этимъ важнымъ результатомъ непродолжительной экспедиціи въ землѣ шапсуговъ, съ такою небольшою потерею [1]), я обязанъ разумной распорядительности и неутомимымъ трудамъ начальниковъ дѣйствующихъ отрядовъ: свиты его величества генералъ-маіорамъ: Карцеву и кн. Святополкъ-Мирскому и генералъ-маіору Бабычу. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны дѣла Промежуточнаго и Шапсугскаго отрядовъ, которые дѣйствовали въ

[1]) Съ 27 ноября по 25 декабря 1860 г. у насъ выбыло изъ строя 6 офицеровъ и 50 ч. нижн. чиновъ.

странѣ еще нетронутой, посреди большаго населенія и въ мѣстности трудно-доступной" [1]).

Административная дѣятельность гр. Евдокимова, по возвращеніи изъ Тифлиса, т. е. при наступленіи 1861-го года, должна была открыться переселеніемъ казаковъ на новыя передовыя линіи. Какъ мы уже знаемъ, переселеніе это—согласно проекту генерала Филипсона—рѣшено было производить цѣлыми полками. Осуществленіе этого проекта на первыхъ же шагахъ встрѣтило крайне-серьезныя препятствія.

Переселеніе должно было начаться съ 1-го Хоперскаго полка (въ составъ коего входило 6 станицъ), и объявленіе о семъ послѣдовало въ началѣ января. Но уже въ исходѣ этого мѣсяца начали ходить темные слухи о нежеланіи казаковъ подчиниться этому рѣшенію начальства; а въ началѣ марта явилась отъ нихъ къ гр. Евдокимову депутація, которая выставляла ему на видъ какое огромное раззореніе долженъ понести весь полкъ отъ одновременнаго его переселенія въ полномъ составѣ, и просила разсрочить это дѣло на три года. Не считая себя въ правѣ соглашаться на такую разсрочку, Николай Ивановичъ разрѣшилъ, однако, депутатамъ отправиться въ Тифлисъ, чтобы представить свое ходатайство главнокомандующему. Поѣздка эта успѣхомъ не увѣнчалась. Кн. Барятинскій—въ то время уже тяжко больной и лежавшій въ постелѣ—хотя принялъ депутатовъ и выслушалъ ихъ просьбу, но объявилъ категорически, что они должны подчиниться сдѣланному о нихъ рѣшенію, такъ какъ на то есть воля Государя. Тогда депутаты, возвратившись изъ Тифлиса, потребовали отъ своего бригаднаго командира [2]), чтобы имъ былъ предъявленъ царскій указъ, безъ чего полкъ на новыя линіи не пойдетъ, потому что, безъ верховнаго повелѣнія, начальство переселять ихъ не можетъ; если же — добавляли они — на то есть государева воля, то они готовы идти хоть на край свѣта, хотя бы пришлось черезъ это въ конецъ раззориться. Между

---

[1]) Военно-ученый архивъ, отд. 2, № 6611. б.—Журналъ воен. дѣйствій въ Кубанской области, съ 28 ноября по 30 дек. 1860 г.

[2]) Полковникъ Алкинъ, впослѣдствіи начальникъ Лабинскаго округа.

тѣмъ требуемаго высочайшаго указа заблаговременно исходатайствовать не догадались, и представить казакамъ нагляднаго выраженія царской воли было нельзя.

Одновременно съ протестомъ хоперцевъ присланы были гр. Евдокимову подобныя же просьбы отъ трехъ назначенныхъ къ переселенію черноморскихъ станицъ. Но еще болѣе серьезнымъ оказалось заявленіе представителей Черноморскаго дворянства, въ которомъ они, опираясь на жалованныя грамоты императрицы Екатерины II, находили подобное переселеніе вовсе несогласнымъ съ ихъ правами.

Гр. Евдокимовъ сначала рѣшился—по обыкновенію своему—повернуть дѣло круто. Оппозиціи приказаніямъ начальства онъ не признавалъ, привыкнувъ во время своей боевой службы къ безпрекословному повиновенію. Для надлежащаго внушенія хоперцамъ, онъ послалъ къ штабу ихъ полка—станицѣ Александровской, 3 баталіона пѣхоты и 4 эскадрона драгунъ, при 4-хъ орудіяхъ, самъ же поскакалъ въ Екатеринодаръ, для объясненій съ Черноморскимъ дворянствомъ. Тамъ всѣ его разъясненія и внушенія остались, однако, безуспѣшными: черноморцы упорно стояли на своемъ; такъ что, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія графъ приказалъ арестовать 10 наиболѣе вліятельныхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и отправить ихъ въ Ставропольскій тюремный замокъ. Мѣра эта произвела по всей Черноморіи весьма удручающее впечатлѣніе, но дѣла переселенія впередъ не подвинуло.

Высылка къ Александровской станицѣ отряда регулярныхъ войскъ тоже едва было не повела къ крайне нежелательнымъ послѣдствіямъ. Все мужское населеніе 1-го Хоперскаго полка (кромѣ офицеровъ) взялось за оружіе и приготовилось къ сопротивленію. Въ то же время пошли слухи, что и всѣ казаки, отъ Чернаго моря до Каспійскаго, всѣми этими событіями сильно возбуждены.

Положеніе дѣлъ грозило сдѣлаться критическимъ.

Графъ Евдокимовъ, которому на этотъ разъ выпала печальная доля—быть исполнителемъ чужихъ ошибочныхъ проектовъ, скоро понялъ, какъ человѣкъ умный, что, въ данныхъ обстоятельствахъ, насильственныя мѣры къ добру не поведутъ, и потому рѣшился взять на себя отвѣтственность въ отмѣнѣ или, по

крайней, мѣрѣ отсрочкѣ всѣхъ сдѣланныхъ свыше распоряженій. Онъ немедленно послалъ приказаніе высланнымъ къ Александровской станицѣ войскамъ возвратиться на свои мѣста, а хоперскимъ казакамъ велѣлъ объявить, что переселеніе цѣлымъ полкомъ вовсе отмѣняетъ, и чтобы они разошлись и занялись своими обычными хозяйственными дѣлами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявлялъ, что на переселеніе весною 1862 года будетъ испрошено особое высочайшее повелѣніе, которое и будетъ обнародовано въ свое время. То же было сообщено и въ Екатеринодаръ, для объявленія его черноморскимъ станицамъ. Мѣра эта принесла благотворные плоды: волненіе улеглось и казаки успокоились.

Еще до совершенія описанныхъ событій, кн. Барятинскій, тяжко больной, выѣхалъ въ Петербургъ и болѣе на Кавказъ уже не возвращался, а генералъ Филипсонъ, назначенный въ сенаторы, тоже выбылъ въ Россію. Временно исправляющимъ должность главнокомандующаго кавказскою арміею назначенъ былъ кн. Орбеліани, начальникомъ же его штаба—свиты е. в. генералъ-маіоръ Карцевъ.

Отправивъ въ Тифлисъ донесеніе обо всемъ происшедшемъ въ Кубанской области, за послѣднее время, гр. Евдокимовъ тотчасъ же приступилъ къ составленію новаго проекта заселенія западнаго Кавказа христіанскими жителями. Проектъ этотъ былъ сходенъ съ тою системою переселеній, которая практиковалась уже за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, при устройствѣ военно-грузинской дороги и линій: Сунженской и Лабинской; съ нею казаки были уже знакомы, и она не являлась для нихъ столь раззорительною, какъ переселеніе цѣлыми полками.

Подъ ближайшимъ надзоромъ графа новый проектъ положенія о заселеніи предгорій западнаго Кавказа былъ разработанъ генераломъ Забудскимъ [1]) и подполковникомъ Кравцовымъ [2]) въ теченіи одной недѣли; затѣмъ отправлено въ Тифлисъ, а оттуда, съ фельдъегеремъ, въ Петербургъ.

По прошествіи полутора мѣсяца, уже въ іюлѣ того же 1861 года, присланъ былъ изъ Петербурга, прямо въ Ставрополь, на

---

[1]) Начальникъ штаба Кубанской области.

[2]) Дежурный штабъ-офицеръ Кубанскаго казачьяго войска.

имя гр. Евдокимова, именной высочайшій рескриптъ, въ которомъ, въ главныхъ чертахъ, одобрялась представленная имъ система переселеній и повелѣвалось привести ее въ исполненіе, причемъ переселяемымъ пожаловано было пособіе на новое водвореніе болѣе чѣмъ вдвое противъ прежняго, а именно, вмѣсто 71 р. по 150 р. на каждое семейство.

Для выслушанія этого высочайшаго повелѣнія, были собраны 1 августа, въ станицу Михайловскую (близь Ставрополя), депутаты отъ шести линейныхъ казачьихъ бригадъ; тамъ же собралось много казаковъ изъ окрестныхъ станицъ. Послѣ торжественнаго богослуженія и благодарственнаго молебствія, гр. Евдокимовъ вышелъ къ депутатамъ и лично обносилъ предъ ними высочайшій рескриптъ, приглашая грамотныхъ казаковъ удостовѣриться въ собственноручной подписи государя. Затѣмъ онъ передалъ подлинный рескриптъ помощнику своему по управленію кубанскимъ казачьимъ войскомъ, генералу Иванову, и торжество завершилось угощеніемъ всѣхъ присутствовавшихъ [1]).

Такимъ образомъ, благодаря уму и прирожденному такту Николая Ивановича, а также его внимательности къ нуждамъ и условіямъ быта мѣстнаго населенія, всѣ эти замѣшательства кончились вполнѣ благополучно. Дѣло колонизаціи—вопреки возникавшимъ по временамъ затрудненіямъ—пошло удовлетворительно; а по мѣрѣ успѣховъ войскъ и оттѣсненія черкесовъ въ горы переселеніе стало пріобрѣтать все болѣе и болѣе обширные размѣры.

Одновременно съ работами по устройству колонизаціи ввѣреннаго ему края, гр. Евдокимовъ долженъ былъ зорко наблюдать и затѣмъ, чтобы занятія и дѣйствія войскъ велись сообразно общему плану и служили подготовкою для прочнаго устройства новыхъ поселеній.

По прибытіи подкрѣпленій съ восточнаго Кавказа, военныя силы, сосредоточенныя въ Кубанской области, достигли весьма крупныхъ размѣровъ; онѣ раздѣлялись на нѣсколько отрядовъ, часто перемѣнявшихъ свой составъ (согласно измѣненію условій

---

[1]) Кравцовъ. «Кавказъ и его военачальники», «Русская Старина», изд. 1886 г., томы L, LI.

ихъ дѣятельности) и принимавшихъ названіе, обыкновенно, отъ той мѣстности, или отъ того племени, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать; такъ, были отряды: мало-Лабинскій, Адагумскій, Даховскій, Шапсугскій и др. Каждому изъ нихъ гр. Евдокимовъ намѣчалъ особую работу; но общность всѣхъ этихъ работъ велась гармонически, къ одной конечной цѣли—очищенію сѣверо-западныхъ горъ, предгорій и лѣсныхъ трущобъ отъ мѣстнаго населенія, которому затѣмъ предоставлялось или перебираться на открытую прикубанскую плоскость, подъ нашъ ближайшій надзоръ, или же выселяться въ Турцію. На очищенной, такимъ образомъ, мѣстности, въ пунктахъ, по возможности соединявшихъ въ себѣ стратегическія и хозяйственныя выгоды, возводились руками войскъ укрѣпленные посты и станицы постепенно занимаемыя переселенцами, какъ изъ линейныхъ казаковъ, такъ и изъ крестьянъ ближайшихъ мѣстностей Россіи. Къ этой конечной цѣли гр. Евдокимовъ шелъ систематично, но неуклонно—до самаго завершенія кавказской борьбы. Съ 1861 года войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Закубаньѣ, пришлось, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, вести непрерывно кочевую походную жизнь и распроститься съ сколько нибудь продолжительными отдыхами въ штабъ-квартирахъ [1]).

---

[1]) Условія быстраго покоренія западнаго Кавказа требовали присутствія войскъ въ непріятельской странѣ въ теченіи круглаго года; готовыхъ квартиръ въ странѣ не было, такъ какъ горцы, оставляя аулы, жгли обыкновенно всѣ свои постройки. Такія условія этой своеобразной горной войны заставляли держать войска въ палаткахъ круглый годъ, и въ палящій зной, и въ зимнюю стужу. Войсковые начальники не разъ пытались упрашивать графа пускать войска въ ближайшія станицы, хотя поочередно; но графъ никогда не соглашался на такую мѣру, какъ потому, что того не позволяли условія войны, такъ, главнымъ образомъ, оттого, что люди, перемѣщенные среди зимы изъ палатокъ въ дома, повально заболѣвали тифомъ сами и заражали мѣстное населеніе. Это забытое правило не было-ли одною изъ главныхъ причинъ сильнаго развитія тифозной эпидеміи среди войскъ, дѣйствовавшихъ въ послѣднюю войну на мало-азіятскомъ театрѣ. Самъ графъ, возвращаясь изъ зимнихъ походовъ въ Ставрополь, съ перваго ночлега подъ домовою крышею, до пріѣзда въ свое ставропольское помѣщеніе, останавливался въ неотапливаемыхъ домахъ, а если таковыхъ не находилось, то, зная привычки графа, въ пунктахъ его ночлеговъ, въ приготовляемыхъ для него помѣщеніяхъ, заранѣе открывались окна. Даже по возвращеніи въ Ставрополь изъ зимнихъ экспедицій, его половина держалась съ открытыми трубами и форточками около недѣли времени. Такое распоряженіе графомъ своими личными помѣщеніями

Военныя дѣйствія въ западной части Закубанья велись безъ всякой замаскировки; какъ уже сказано, шапсуги, обитавшіе тамъ, были открыто намъ враждебны, и съ ними стѣсняться было не для чего. Такой же системы можно было держаться и относительно мелкихъ разбойничьихъ обществъ: бесленеевцевъ, шахгиреевцевъ, кизильбековцевъ и др.; но съ многочисленнымъ племенемъ абадзеховъ, которые считали себя обезпеченными предшествовавшимъ заявленіемъ покорности и нѣкотораго рода условіями, которыя заключилъ съ ними генералъ Филипсонъ, надо было держать себя, на первое время, что называется, политично. Хотя не было почти сомнѣнія въ томъ, что они принимали участіе въ хищничествахъ, производимыхъ на нашей линіи, но явнаго сопротивленія войскамъ, работавшимъ въ среднихъ частяхъ рѣкъ—Бѣлой и Лабы, они сначала не оказывали. Постепенное вдвиженіе русскихъ поселенцевъ въ ихъ край стало, однако, сильно безпокоить абадзеховъ, и все болѣе и болѣе усиливалась между ними рѣшимость противудѣйствовать этому всѣми силами и средствами. Рѣшимости этой не мало содѣйствовали происки заграничныхъ агентовъ, высаживавшихся на черноморскомъ прибрежьѣ, а также подстрекательства убыховъ, жившихъ по этому прибрежью, за главнымъ хребтомъ кавказскихъ горъ, и вѣроятно предвидѣвшихъ, что и до нихъ доберется русская рука.

Въ іюнѣ 1861 г. прибыло на восточный берегъ Чернаго моря, изъ Константинополя, тайное посольство въ составѣ трехъ лицъ: капитана турецкой службы, Смеля (родомъ убыха), Эффенди-Галана (родомъ шапсуга) и еще какого-то англичанина. Они привезли посланіе къ народамъ „адыге“ [1]), въ которомъ, объявляя себя уполномоченными отъ Англіи, Франціи и Турціи, увѣряли, что правительства названныхъ государствъ обѣщаютъ всѣмъ черкесамъ свое покровительство отъ притѣсненій Россіи, и что они силою оружія заставятъ ее признать ихъ независи-

---

вызывалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, переходя быстро изъ холодныхъ къ теплымъ помѣщеніямъ, получаются насморки, что вызывало у графа сильныя страданія, вслѣдствіе двухъ пульныхъ ранъ въ лицо, недалеко отъ носовой полости. (Изъ воспоминаній офицера ген. штаба, служившаго при графѣ Евдокимовѣ въ Кубанской области).

[1]) Этимъ общимъ именемъ назывались всѣ горцы сѣверо-западнаго Кавказа.

мость, если только черкесы, съ своей стороны, соединятъ свои усилія и составятъ общій союзъ для войны съ нами. Посольство это обѣщало удостовѣрить свои полномочія письменными документами.

Горцы, вообще легковѣрные, а въ данное время находившіеся еще въ особенно возбужденномъ состояніи, конечно, съ радостію ухватились за такую приманку. Абадзехи, недавно еще заявлявшіе намъ покорность, немедленно собрали народную сходку. Старшины ихъ, послѣ долгихъ совѣщаній и пререканій со старшинами убыхскими и шапсугскими, наконецъ, успѣли, совмѣстно съ ними, учредить центральное управленіе надъ „великимъ черкесскимъ народомъ", и хотя власть этого управленія надъ народомъ имѣла весьма неопредѣленный характеръ, но, тѣмъ не менѣе, оно заявило о своемъ существованіи, сперва начальнику Абадзехскаго отряда, полковнику Лихутину, а потомъ и самому начальнику края. Отъ перваго изъ нихъ старшины дерзко и съ угрозами требовали, чтобы онъ прекратилъ разработку дорогъ, чтобы возвратилъ выселенныхъ незадолго передъ тѣмъ бесленеевцевъ на прежнія мѣста и отвелъ войска, выдвинутыя за р. Ходзь. Требованіе это, конечно, было отвергнуто; но старшины не унимались, и когда пріѣхалъ въ отрядъ гр. Евдокимовъ, они нѣсколько разъ являлись къ нему, сначала съ угрозами, а потомъ съ просьбами, чтобы войска не входили въ земли покорныхъ абадзеховъ, не прокладывали тамъ дорогъ и просѣкъ, потому-де, что они только на этихъ условіяхъ принесли покорность государю.

Графъ, отлично зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, объявилъ абадзехамъ, что они первые нарушили данныя ими обѣщанія: 1) заключеніемъ союза съ нашими врагами, шапсугами и убыхами, 2) разбоями, совершаемыми въ нашихъ предѣлахъ, и, наконецъ, 3) тѣмъ, что вопреки условіямъ покорности удерживаютъ у себя нашихъ плѣнныхъ и укрываютъ бѣглыхъ. Теперь — заключилъ онъ — вы должны принести дѣйствительную покорность и оставить самую мысль о возможности быть только нашими мирными сосѣдями; для доказательства искренней покорности вы должны принять то управленіе и то начальство, которое надъ вами будетъ поставлено, и оказывать ему полное повиновеніе; затѣмъ— выдать всѣхъ нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ и поселиться на тѣхъ мѣстахъ, какія будутъ вамъ указаны.

Такой ультиматумъ сильно озадачилъ абадзеховъ; однако, они и тутъ еще не потеряли всякой надежды и просили дать имъ возможность отправить своихъ депутатовъ въ Петербургъ, для удостовѣренія, что помянутыя требованія предъявлены имъ съ вѣдома государя. Если — говорили они — такова дѣйствительно его воля, то мы примемъ мѣры для того, чтобы устроить это дѣло согласно нашимъ выгодамъ: одни изъ насъ уйдутъ въ Турцію, другіе исполнятъ приказанія начальства, остальные, наконецъ, которые не захотятъ ни того, ни другаго, будутъ оружіемъ защищать свою землю.

На поѣздку депутатовъ въ Петербургъ Николай Ивановичъ согласія не далъ, но разрѣшилъ имъ отправиться въ Тифлисъ, чтобы тамъ услышать отъ кн. Орбеліани подтвержденіе своихъ требованій. Не видя другаго исхода, абадзехи помирились на поѣздкѣ въ Тифлисъ, прося лишь, чтобы до ихъ возвращенія наступательныя дѣйствія нашихъ войскъ были пріостановлены.

Эту просьбу гр. Евдокимовъ согласился исполнить, имѣя въ виду, что поѣздка депутатовъ отсрочитъ непріязненныя дѣйствія горцевъ, къ которымъ они уже совершенно приготовились. Такою отсрочкою онъ разсчитывалъ воспользоваться, чтобы безъ всякой помѣхи кончить только что начатую постройку станицъ: Губской и Промежуточной, до окончанія которыхъ нельзя было предпринять дальнѣйшаго наступленія къ западу отъ укрѣпленія Хамкеты, гдѣ стояли главныя силы нашего Абадзехскаго отряда. Сверхъ того, можно было воспользоваться этимъ временемъ, чтобы довершить начатую уже просѣку сквозь дремучій лѣсъ на правомъ берегу р. Фарса—просѣку, по которой должно было открыться сообщеніе Нижне-Фарсской станицы съ новою Хамкетинскою линіею.

Къ 16-му іюля трое горскихъ старшинъ (по одному отъ каждаго племени) прибыли въ Тифлисъ; но тамъ услышали то же, что и отъ гр. Евдокимова. Видя, что дѣло ихъ не выгораетъ, они вздумали было увѣрять, что сожалѣютъ о прошедшихъ своихъ провинностяхъ передъ нами, но что теперь, установивъ общій между собою союзъ, они желаютъ заключить и общій миръ съ русскими. Тогда кн. Орбеліани, понимая, что союзъ этотъ заключенъ вовсе не для принесенія общей намъ покорности, а для соединенныхъ противъ насъ дѣйствій, однимъ словомъ—что горцы

хотятъ его провести, рѣшительно объявилъ депутатамъ, что не имѣетъ права перемѣнять высочайшей воли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оттянуть начало военныхъ дѣйствій до того времени, пока гр. Евдокимовъ успѣетъ закончить къ нимъ всѣ приготовленія, а въ особенности—до отъѣзда государя, который намѣревался прибыть на Кавказъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, — кн. Орбеліани сообщилъ депутатамъ объ ожидаемомъ посѣщеніи Кубанской области самимъ монархомъ и обнадежилъ ихъ возможностію представиться ему. Депутаты съ радостію ухватились за эту надежду [1]).

Обо всемъ происшедшемъ кн. Орбеліани сообщилъ въ Петербургъ, управлявшему военнымъ министерствомъ, для доклада государю императору. Такъ какъ донесеніе это уже не застало государя, уѣхавшаго въ Крымъ, то генералъ-адъютантъ Милютинъ отправилъ туда всѣ полученныя изъ Тифлиса бумаги, присоединивъ къ нимъ собственную записку, служащую нагляднымъ указаніемъ на то, какъ истинно-государственные люди смотрѣли, въ описываемое время, на наши отношенія къ горцамъ сѣверо-западнаго Кавказа и какой системы слѣдовало относительно ихъ держаться.

Вотъ эта любопытная записка:

„Долговременный опытъ уже достаточно научилъ насъ, какъ мало существеннаго значенія могутъ имѣть всякіе переговоры и договоры съ горскими народами, и какъ отличаются ихъ понятія о заключеніи мира отъ нашихъ требованій принесенія покорности. Въ этомъ отношеніи племена западнаго Кавказа еще менѣе чѣмъ другіе могутъ подчиниться какимъ-либо договорамъ. Если бы даже и въ самомъ дѣлѣ составился между ними союзъ, то и въ такомъ случаѣ племена эти слишкомъ привыкли къ независимости и разрозненности, слишкомъ мало знакомы съ гражданскимъ устройствомъ и властію, чтобы можно было полагаться на дѣйствительную съ ихъ стороны покорность.

„Слѣдовательно, по моему убѣжденію, прибытіе теперь депутаціи отъ такъ называемыхъ черкесскихъ племенъ не можетъ имѣть никакихъ результатовъ. Фактъ этотъ имѣетъ одно лишь то значеніе, что явно обнаруживаетъ безвыходное положеніе,

---

[1]) Воен. учен. архивъ, отд. 2, № 6615.

въ которое поставлены нынѣ племена западнаго Кавказа въ виду грознаго наступленія на нихъ нашихъ казачьихъ поселеній. Горцы видятъ близкій и неминуемый конецъ вѣковой борьбы; они чувствуютъ, что вскорѣ могущественное казачье населеніе совсѣмъ задавитъ ихъ. Они дѣлаютъ послѣднее усиліе соединиться противъ насъ и, прежде чѣмъ поднять еще разъ оружіе, дѣлаютъ попытку пріостановить напоръ нашъ. До меня дошли свѣдѣнія, будто мысль объ образованіи союза внушена черкесамъ владѣтелемъ Абхазіи, княземъ Шервашидзе, котораго постоянная политика состояла въ томъ, чтобы отдалить развязку борьбы нашей съ горцами. Переговоры въ настоящее время не могутъ имѣть другой цѣли, какъ только задержать ходъ нашего завоеванія. Быть можетъ даже есть при этомъ тайный разсчетъ—протянуть борьбу до новой Европейской войны, ожидаемой съ нетерпѣніемъ нашими врагами, внѣшними и внутренними".

„По всѣмъ этимъ соображеніямъ смѣю думать, что прибытіе черкесской депутаціи и миролюбивыя ея завѣренія не должны имѣть ни малѣйшаго вліянія на исполненіе нашего плана дѣйствій въ западномъ Кавказѣ. Мы должны настойчиво продолжать заселеніе края казаками, ибо не могу отступить отъ своего всегдашняго убѣжденія, что только вытѣснивъ туземцевъ изъ горъ и занявъ ихъ мѣста казаками можемъ прочно утвердиться въ краѣ, водворить въ немъ спокойствіе и не опасаться уже потерять Кавказъ при первомъ разрывѣ съ морскими державами".

На всеподданнѣйшей запискѣ этой, рукою генералъ-адъютанта гр. А. В. Адлерберга надписано: „Вполнѣ одобрено его величествомъ. Но на представленіе упоминаемой въ отношеніи ген.-ад. кн. Орбеліани депутаціи, во время предстоящаго пребыванія государя императора на Кавказѣ, его величество согласенъ.—Ливадія, 5 сентября 1861 г." [1]).

11-го сентября 1861 г. императоръ Александръ II, высадившись въ Тамани, посѣтилъ Темрюкъ, Екатеринодаръ, укрѣпленіе Григорьевское, Усть-Лабу, Майкопъ и лагери отрядовъ

[1]) Воен. Учен. архивъ, отд. 2, № 6615.

близь Хамкетовъ и станицы Царской, гдѣ, во время остановки на урочищѣ Мамрюкъ-очай, гр. Евдокимовъ (18-го сентября) докладывалъ ему свой планъ покоренія западнаго Кавказа. Узнавъ, что Николай Ивановичъ распредѣлилъ военныя дѣйствія на пять лѣтъ, государь замѣтилъ, что наврядъ ли западныя державы дадутъ ему столько времени для окончанія его задачи.

На замѣчаніе это графъ отвѣтилъ, что сказанный срокъ онъ назначилъ лишь въ виду могущихъ встрѣтиться препятствій; но что онъ надѣется кончить ранѣе, хотя теперь и не можетъ съ точностію опредѣлить время окончанія войны. Изложивъ затѣмъ разныя соображенія свои, онъ присовокупилъ:

„Осмѣливаюсь доложить вашему величеству, что, по окончаніи войны, на войска, ее довершившія, нельзя уже будетъ разсчитывать, — потому что всѣ силы ихъ пойдутъ на завершеніе дѣла, и они окажутся неспособными къ продолженію службы“.

При этихъ словахъ государь порывисто всталъ и воскликнулъ: „Что ты говоришь, Николай Ивановичъ! Вѣдь это ужасно!“

„Государь,—отвѣтилъ гр. Евдокимовъ,—я полагаю лучшимъ и болѣе выгоднымъ потерять на это одно нынѣшнее поколѣніе, чѣмъ затянувъ медленными дѣйствіями войну, терять постепенно,—какъ это дѣлалось до послѣдняго времени, — ежегодно значительныя силы, не достигая конечной цѣли“.

„Ну, будь по твоему!“ печально сказалъ государь.

При этомъ же докладѣ государь затронулъ вопросъ о бывшихъ безпорядкахъ въ 1-мъ Хоперскомъ полку. На это графъ заявилъ, что считаетъ себя виновнымъ въ нихъ и не можетъ себѣ этого простить, ибо, будучи уроженцемъ той мѣстности и зная хорошо бытъ казаковъ, онъ все таки поддался удобному предложенію о переселеніи одновременно цѣлыми полками, не вникнувъ ближе въ интересы переселенцевъ [1]).

Какъ бы ни судить о взглядахъ гр. Евдокимова, но вышеприведенныя бесѣды (подтверждавшіяся присутствовавшими при оныхъ лицами), во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что Николай Ивановичъ, въ случаѣ надобности, не стѣснялся безъ околичностей высказывать горькія вещи даже самому монарху,—а также

---

[1]) Кравцовъ. «Кавказъ и его военачальники». («Русская Старина» 1886 г., томы L, LI).

и то, что онъ не старался выгораживать себя тамъ, гдѣ считалъ себя виновнымъ, и не сваливалъ — какъ то дѣлаютъ многіе — вину на другихъ.

Объѣздъ государемъ Кубанской области продолжался десять дней; 21-го сентября послѣдовало отбытіе его изъ Суджукской (нынѣ Новороссійской) бухты въ Поти, на пароходѣ „Тигръ". Во время объѣзда страны ему представлены были и вышепомянутые горскіе депутаты; но отвѣтъ на ихъ представленія послѣдовалъ въ томъ же духѣ, какъ и прежніе.

Гр. Евдокимову государь выразилъ отмѣнное вниманіе и оказалъ ему новые знаки высочайшей милости. Въ виду бездѣтности Николая Ивановича, онъ повелѣлъ передать графскій титулъ и фамилію Евдокимова мужу племянницы послѣдняго, начальнику штаба войскъ Дагестанской области, полковнику Доливо-Добровольскому. Объ этой высочайшей волѣ ген. адъютантъ гр. Адлербергъ тогда же сообщилъ управлявшему министерствомъ юстиціи [1]). Кромѣ того, пожаловано было графу 7 т. десятинъ земли въ Кубанской области.

Одновременно съ симъ, въ виду предстоявшихъ графу обширныхъ и многосложныхъ трудовъ въ Кубанской области, онъ освобождался отъ завѣдыванія областію Терскою, куда былъ назначенъ особый начальникъ.

По отбытіи государя, гр. Евдокимовъ первымъ долгомъ счелъ писать своему неизмѣнному покровителю, кн. Барятинскому, который хотя и оторванъ былъ отъ Кавказа жестокою болѣзнію, но не переставалъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдить за всѣмъ, происходившимъ въ странѣ, которой онъ былъ обязанъ своею громкою славою, и главнымъ правителемъ коей онъ все еще продолжалъ считаться.

25 сентября 1861 г. графъ писалъ ему:

„Долгомъ считаю доложить в. с—ву, что государь императоръ, удостоивъ посѣщеніемъ часть Кубанской области, по прилагаемому при семъ маршруту, остался вполнѣ доволенъ какъ войсками, такъ и исполненіемъ предначертаній вашихъ касательно покоренія края. Его величество изволилъ принимать въ

---

[1]) См. Приложеніе III.

отрядѣ близъ Хамкетовъ депутацію отъ абадзехъ, шапсуговъ и убыховъ и объявить имъ, что тѣхъ, которые, при безусловной покорности, выполнятъ требованія кавказскаго начальства, приказано надѣлить землею и обезпечить будущее благосостояніе (ихъ) наравнѣ съ другими мусульманскими подданными е. в—ва. Вообще государь былъ весьма милостивъ и благосклоненъ къ тѣмъ недостаткамъ, которые не могли не быть замѣтны въ нашихъ войскахъ и въ краѣ при внезапной встрѣчѣ совершенно неожиданнаго счастья—увидѣть государя въ отдаленной нашей странѣ. Зато же, все войско и весь народъ, видѣвшій здѣсь своего царя, торжествуетъ день свиданія съ невыразимою радостью и благоговѣніемъ.

„Его в—ву понравились мѣста, заселенныя нашими станицами.

„Моего собственнаго счастія я не умѣю выразить достойнымъ образомъ. Государь, все время своего путешествія по Кубанской области, удостоивалъ меня благосклонности, какой я не смѣлъ и ожидать: объявилъ о передачѣ графскаго достоинства моей племянницѣ и о пожалованіи 7-ми т. десятинъ мнѣ. Я знаю, кому обязанъ за всѣ эти милости, и употреблю всѣ силы быть достойнымъ оказываемаго мнѣ вниманія. Покорнѣйше прошу в. с—во вѣрить этому чувству и безграничной къ вамъ преданности“.

Письмо это, повидимому, застало кн. Барятинскаго уже въ Дрезденѣ, откуда онъ, 29 октября, отвѣчалъ слѣдующее:

„Дайте мнѣ обнять васъ, передъ отъѣздомъ моимъ на югъ, любезный графъ Николай Ивановичъ, поздравить васъ съ новыми царскими милостями, столь достойно вами заслуженными, и благодарить васъ за отличное состояніе войскъ и края, удостоившихся представленія государю императору. Вниманіе его величества обозначилось великими милостями его. Я остаюсь въ полной надеждѣ, любезный графъ, что вы съ новыми силами будете подвизаться на блистательномъ поприщѣ вашемъ и удостоитесь еще новыхъ отличій.

„Я выѣзжаю надняхъ, съ положительною увѣренностію возстановить свое здоровье нынѣшнею зимою и вернуться на Кавказъ не позже апрѣля мѣсяца. Вы къ тому времени могли бы встрѣтить меня въ Поти, прибывъ туда на пароходѣ. Въ вашемъ

лицѣ олицетворяется для меня бо́льшая часть Кавказа. Вы были героемъ Дагестана и Лѣваго крыла, — теперь предстоитъ вамъ, до совершеннаго успокоенія вашего, еще украситься лаврами окончательнаго покоренія Праваго крыла. Въ твердой надеждѣ на это остаюсь вамъ преданный кн. Барятинскій [1])".

Надежды эти гр. Евдокимову суждено было снова и блистательно оправдать.

Приложеніе № I.

Извлеченіе изъ записки, поданной Великому Князю Михаилу Николаевичу генералъ-лейтенантомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, о состояніи Терской Области.

«Настоящее тревожное и неопредѣленное положеніе Чеченскаго населенія, самаго значительнаго по числу изъ всѣхъ туземныхъ племенъ Терской области и самаго безпокойнаго, заставляющее опасаться новыхъ безпорядковъ и новыхъ съ нашей стороны усилій, произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе тѣхъ крайне противоположныхъ системъ управленія, которыя область испытала въ непродолжительный промежутокъ времени.

По завоеваніи восточнаго Кавказа и взятіи Шамиля, чеченское населеніе лишилось опоры противъ нашего владычества и нѣкоторое время находилось въ неопредѣленномъ положеніи. Повидимому, оно покорилось навсегда, но въ сущности этой покорности не было, т. е. не было въ народѣ этомъ убѣжденія, что власть Шамиля неизбѣжно должна замѣниться нашею. Это выразилось тѣмъ, что нѣкоторые аулы чеченскаго племени, даже когда покорился весь Дагестанъ, не теряли какой-то смутной надежды избѣгнуть той же участи и сложили оружіе только тогда, когда дальнѣйшее сопротивленіе сдѣлалось безполезнымъ. Бывшій въ то время начальникомъ области, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ, отъ котораго не скрылось это настроеніе Чечни, видѣлъ ясно, что населеніе ея требуетъ всетаки многихъ энергическихъ мѣръ, безъ которыхъ трудно упрочить окончательное спокойствіе въ области. Поэтому онъ принялъ систему, которая обусловливалась самыми свойствами чеченскаго населенія.

Первобытное демократическое устройство чеченскаго племени, не уживавшееся ни съ какимъ понятіемъ о правѣ одной постоянной власти, ставило даже Шамиля въ необходимость управлять имъ только посредствомъ страха

---

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 43.

и періодическихъ казней лицъ, шедшихъ противъ его вліянія. Наслѣдовать такой образъ управленія мы не могли, а потому, чтобъ поставить чеченцевъ въ то положеніе, въ которомъ должны находиться побѣжденные къ побѣдителямъ и подданные къ законной власти, графъ Евдокимовъ не видѣлъ другаго средства, кромѣ того, чтобъ дѣйствовать противу чеченцевъ, какъ бы они вовсе намъ не покорялись, т. е. онъ рѣшился, такъ сказать, завоевать Чечню во время мира. Для этого онъ счелъ необходимымъ стѣснить туземное населеніе, вывести его изъ предгорій и поселить горцевъ или на открытой мѣстности малой Кабарды, или же воспользоваться тогдашнимъ движеніемъ мусульманъ на Кавказѣ и перевести ихъ въ Турцію, чтобъ этимъ средствомъ избавить область отъ безпокойнаго населенія, съ которымъ онъ не видѣлъ инаго средства справиться. Земли же, которыя должны были оставаться свободными, за уходомъ населенія, имѣлось въ виду отвести подъ поселеніе 2-го Владикавказскаго полка или оставить ихъ пустыми.

Едва предположенія эти начались приводиться въ исполненіе, какъ тотчасъ-же встрѣтили сопротивленіе со стороны народа. Чеченцы поняли къ чему клонятся эти мѣры, и сознаніе ожидавшей ихъ будущности побудило ихъ къ противодѣйствію всѣми силами. Бо̀льшая часть горцевъ, на которыхъ разсчитывали, что они уйдутъ въ Турцію,—остались. Между тѣмъ ихъ земли были уже отданы другимъ, которые, въ свою очередь, должны были очистить мѣста для казаковъ. Это обстоятельство еще болѣе увеличило уже возникшія затрудненія. Нѣкоторые, какъ напримѣръ карабулаки, не хотѣли вовсе оставить своихъ ауловъ и были готовы къ открытому сопротивленію. Затѣмъ обнаружились безпорядки въ Аргунскомъ ущельѣ и Ичкеріи. Появились значительныя шайки, сообщенія сдѣлались не безопасными, и все чеченское населеніе стало въ положеніе, грозившее общимъ возстаніемъ.

Когда дѣла приняли такой оборотъ, то, чтобъ достигнуть предположенной цѣли прежнимъ путемъ, нужно было сломить во что бы то ни стало сопротивленіе народа. Это повлекло бы къ новой, быть можетъ, продолжительной борьбѣ, которая, безъ сомнѣнія, кончилась бы въ нашу пользу и навсегда бы ужъ рѣшила вопросъ окончательнаго успокоенія Терской области. Мы хотя и съ пожертвованіями, но достигли бы цѣли, ослабивъ племя, которое признано было мало способнымъ войти въ составъ государства и стать въ ряды его подданныхъ.

Но восточный Кавказъ считался покорнымъ, и опасенія, чтобъ возникшіе безпорядки не были приняты за слѣдствіе нашихъ собственныхъ ошибокъ, принудили измѣнить принятую систему. Она остановилась на половинѣ дороги и графъ Евдокимовъ былъ отозванъ въ Кубанскую область, дѣла которой поглотили всю его дѣятельность. Помощникъ его, генералъ Кемпфертъ, хотя и дѣйствовалъ въ военномъ отношеніи удачно, но не былъ въ состояніи выполнить окончательно предначертанія графа и привести туземное

населеніе въ желаемое положеніе. Къ тому же, опасеніе продолжительныхъ безпорядковъ въ части Кавказа, которая была объявлена покорной, невыгода усилить Турцію приливомъ свѣжаго населенія и мнѣніе, что чеченцы, при гуманномъ обращеніи, могутъ измѣнить свои вѣковыя хищническія привычки и изъ полудикаго народа сдѣлаться со временемъ гражданами, восторжествовали.

Графъ Евдокимовъ окончательно устранился отъ вмѣшательства въ дѣла Терской области и передалъ ее князю Мирскому, который, на основаніи убѣжденій въ возможности успокоить Чечню другими мѣрами, принялъ немедленно совершенно обратный образъ дѣйствій».

Описавъ затѣмъ систему дѣйствій кн. Святополкъ-Мирскаго и ея послѣдствія, ген.-лейт. Лорисъ-Меликовъ замѣчаетъ: «Если бы предположенія графа Евдокимова не были остановлены на половинѣ ихъ исполненія и дѣло умиротворенія Чечни, начатое имъ въ извѣстномъ направленіи, не испытало крутаго переворота, въ послѣднее время, то, продолжая его образъ дѣйствій, быть можетъ, пришли бы къ окончательнымъ результатамъ». (Архивъ гр. Евдокимова, № 24).

Приложеніе № II.

Записка свиты Е. И. В. ген.-маіора Карцова.

«Покореніе восточной части Кавказа совершено столь блестящимъ для нашего оружія образомъ и среди обстоятельствъ столь необычайныхъ, что повторенія ихъ на правомъ крылѣ ожидать невозможно. Народы восточнаго Кавказа были утомлены и доведены до крайности, какъ успѣхами оружія, такъ и деспотизмомъ имама, ими управлявшаго. Успѣхи наши, казалось, должны были бы убѣдить ихъ въ невозможности намъ противиться, а деспотическая власть Шамиля съ одной стороны пріучила ихъ къ повиновенію, съ другой, казалось бы, должна была показать имъ всю выгоду перехода подъ власть правительства несравненно болѣе кроткаго, заботливаго и не требующаго отъ нихъ ничего, кромѣ жизни мирной и заботъ о собственномъ ихъ благосостояніи. Не смотря на это, край, намъ покорившійся, не можетъ быть названъ вполнѣ мирнымъ. До совершеннаго умиротворенія его пройдутъ еще многіе годы и вѣроятно не разъ придется намъ прибѣгать къ вооруженной силѣ, къ дѣйствіямъ, которыя хотя и не будутъ требовать особенныхъ жертвъ и усилій столь напряженныхъ, какъ въ прежнее время, но заставятъ насъ еще долго держать тамъ войска на военной ногѣ, въ готовности къ ежеминутному дѣйствію. Такое положеніе, хотя и не совсѣмъ для насъ выгодное, не можетъ быть названо опаснымъ, потому что никто изъ внѣшнихъ враговъ нашихъ не можетъ подать руки помощи этимъ народамъ и возбудить ихъ къ общему единодушному противъ насъ возстанію.

Совершенно въ иномъ положеніи находится западная часть Кавказскаго населенія. Значительное число непокорнаго ея населенія еще не испытало нашихъ ударовъ, никакая власть не тяготѣла надъ нимъ и не пріучила ее ни къ какому повиновенію, ни къ какому понятію объ общей верховной власти, слѣдовательно ничто не заставляетъ этихъ горцевъ желать подчиненія русскому правительству. Съ другой стороны, и такая покорность, какую мы приняли отъ народовъ восточной части, здѣсь, на западѣ, для насъ недостаточна. Тамъ, на востокѣ, мы разсчитываемъ мало по малу умиротворить край, дѣйствуя постепенно, мѣрами кроткими и употребляя оружіе только въ крайности, для наказанія. Здѣсь на это мы разсчитывать не должны. Допустимъ, что всѣ народы этого края принесутъ намъ теперь покорность безусловную: примутъ нашихъ начальниковъ, поселятся большими аулами, на мѣстахъ, нами указанныхъ, но останутся на земляхъ, которыя теперь занимаютъ. Можно ли надѣяться, чтобы покорность эта была продолжительна и чтобы при первой внѣшней войнѣ, съ появленіемъ непріятеля на Черномъ морѣ, особенно если въ войнѣ будетъ, хоть дипломатически, замѣшана Турція, населеніе это не возстало противъ насъ? Помогутъ ли намъ тогда наши крѣпости, полковыя штабъ-квартиры и даже дороги, проложенныя къ важнѣйшимъ пунктамъ горнаго населенія? Конечно, нѣтъ. Горцы бросятъ свои аулы, снова разсыплются по ущельямъ (здѣсь всюду удобнымъ для заселенія) и мы не только не въ силахъ будемъ отдѣлить отъ войска Кубанской области какія либо части противъ внѣшняго непріятеля, но должны будемъ усиливать ихъ или, подобно тому, какъ было въ прошедшую войну, будемъ вынуждены бросить всѣ укрѣпленія, до войны нами построенныя, а по окончаніи войны снова начинать сомнительное покореніе. Вынудить народы западной части Кавказа къ покорности гораздо легче, нежели было сдѣлать это въ восточной части: горы здѣсь гораздо доступнѣе, теченіе рѣкъ даетъ возможность отрѣзывать послѣдовательно одну часть края за другою и постепенно сгонять все населеніе въ уголъ между Чернымъ моремъ и Кубанью, а отсутствіе центральной власти лишаетъ ихъ возможности противопоставить намъ совокупныя усилія. Но такой покорности, какую принесли намъ абадзехи и даже натухайцы, намъ здѣсь недостаточно; вмѣстѣ съ принятіемъ покорности мы должны отнять у этихъ народовъ всякую возможность возстанія, не только въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, но и во время войны нашей противъ внѣшнихъ непріятелей. Что же нужно сдѣлать для этого? Исполнить предположеніе, составленное графомъ Евдокимовымъ, т. е. совершенно очистить горную полосу, занять всѣ предгорія и самыя горы, гдѣ окажется выгоднымъ, населеніемъ русскимъ, а горцевъ выселить на равнину и совершенно отдѣлить ихъ отъ горъ и отъ Чернаго моря. Безъ этого какіе бы успѣхи ни одерживали наши войска, какія бы мѣры дли управленія покорившимися народами мы ни приняли, вся ихъ покорность будетъ мечта, которая разсѣется при первомъ

выстрѣлѣ на Черномъ морѣ. Если же, вслѣдъ за отрядами нашими, по мѣрѣ того, какъ они начнутъ очищать горы, очищенныя мѣста будутъ заселяться казачьими станицами, то покореніе всей западной части Кавказа будетъ и прочно, и столько быстро, сколько правительство дастъ средствъ для заселенія».

Рукою гр. Евдокимова приписано:

«Записка эта написана генераломъ Карцовымъ въ 1860 г., въ отрядѣ близъ с. Хабль, въ зимнюю экспедицію. Я желалъ отъ него этой записки для подкрѣпленія моей мысли о необходимости заселенія всего закубанскаго края русскими—въ чемъ тогда колебалось еще высшее начальство, а Карцовъ готовился занять мѣсто начальника главнаго штаба Кавказской арміи». (Архивъ гр. Евдокимова, № 54).

Приложеніе № III.

Отношеніе гр. Адлерберга управляющему министерствомъ юстиціи, 19 сент. 1861 г., № 765. (Изъ Усть-Лабы).

«Государь императоръ, въ воздаяніе отличныхъ заслугъ генералъ-адъютанта генералъ-лейтенанта графа Евдокимова, высочайше повелѣть соизволилъ: родной племянницѣ жены его, Аннѣ Ивановнѣ, въ замужествѣ за начальникомъ штаба войскъ Дагестанской области, состоящимъ по артиллеріи полковникомъ Доливо-Добровольскимъ, съ нисходящимъ отъ нихъ потомствомъ, передать нынѣ же графское Россійской имперіи достоинство и присоединить къ фамиліи Доливо-Добровольскій фамилію графа Евдокимова.

О высочайшей волѣ этой имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащаго распоряженія къ исполненію». (Архивъ гр. Евдокимова, № 96).

И. О.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ИСТОРІИ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ГЛАВА XIII [1]).

Обнаруженіе комиссіей у нѣкоторыхъ изъ привлеченныхъ къ слѣдствію студентовъ писаній запретнаго и преступнаго содержанія.—Пасквили.—Обыскъ у вольнослушателя Золотова, результаты его и показанія Золотова относительно ихъ. — Обыски у другихъ лицъ и ихъ результаты. — Окончательное рѣшеніе правительства и университетскаго совѣта по дѣлу объ октябрьскихъ студенческихъ безпорядкахъ.

1861—1863 гг.

Одно изъ такихъ показаній, данныхъ слѣдственной комиссіи,— съ которымъ мы уже знакомы, именно показаніе вольнаго слушателя Золотова, по своей рѣзкости тона обратило особенное вниманіе комиссіи...

«Имѣя въ виду» говорится въ ея резолюціи, «что вольный слушатель Золотовъ въ отвѣтахъ своихъ рѣзко выражается о мѣрахъ и дѣйствіяхъ правительства относительно занятія университета военнымъ карауломъ и, вообще, наводитъ своимъ показаніемъ подозрѣніе на дѣятельное участіе въ безпорядкахъ», слѣдственная комиссія «заключила»: для прекращенія вреднаго вліянія на товарищей «подвергнуть Золотова домашнему аресту подъ строгимъ наблюденіемъ за его дѣйствіями со стороны мѣстной полиціи» [2]). Но Золотову «подъ строгимъ наблюденіемъ» въ своей квартирѣ не сидѣлось. Полицiймейстеръ сообщаетъ слѣдственной комиссіи, что Золотовъ «вышелъ изъ дому, не смотря на подписку, имъ данную о невыходѣ». Въ то же

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 557—576; т. LXII, апрѣль, стр. 85—186; іюнь, стр. 623—640; т. LXIII, іюль, стр. 61—80.

[2]) Д. с. к. 148.

время синдикъ Траубенбергъ представилъ въ комиссію лоскутокъ пасквиля, сорванный имъ съ фонарнаго столба. А раньше этого военный губернаторъ прислалъ въ слѣдственную комиссію пасквили, сорванные полиціей съ фонарныхъ же столбовъ. Содержаніе пасквилей, представленныхъ губернаторомъ, оказалось тождественнымъ съ содержаніемъ лоскутка, представленнаго Траубенбергомъ. Вольный слушатель Золотовъ былъ заподозрѣнъ въ фабрикаціи этихъ пасквилей. Поэтому слѣдственная комиссія доставила его показаніе и сравнила его почеркъ съ почеркомъ пасквилей. Было найдено, что почеркъ одинъ и тотъ же. Убѣдившись въ этомъ, слѣдственная комиссія опредѣлила: арестовать Золотова при полиціи и «сдѣлать самый тщательный, при соблюденіи всѣхъ установленныхъ въ законѣ правилъ, осмотръ бумагамъ въ квартирѣ Золотова, съ цѣлью отыскать въ нихъ все то, что можетъ служить къ обличенію составителя пасквилей и къ разъясненію обстоятельствъ производимаго слѣдствія» [1]). Осмотръ былъ произведенъ. 31-го октября полиц. бар. Витте представляетъ въ комиссію «рукописи и тетради, взятыя въ квартирѣ вольнаго слушателя Ивана Золотова» [2]).

Эти «тетради и рукописи», перечисленныя съ подробнымъ объясненіемъ сколько всѣхъ листовъ, сколько чистыхъ страницъ, слѣдующія:

Исторія харьковскаго кружка; Голосъ изъ Россіи; Стихотвореніе Гавриліада; Что нужно народу; Великоруссъ; Другъ мой Саша; Колоколъ; Полтора листочка исписанныхъ — mater dolorosa; Александръ Лаврентьевичъ Витберъ — тетрадка въ $^1/_8$ листа; Давно ни одна книга не производила на насъ такого впечатлѣнія—тетрадка $^1/_8$ листа на 8 листочкахъ; Названіе статей и сочиненій съ указаніемъ на автора; Церемоніалъ о водвореніи на эшафотъ государственныхъ преступниковъ; Къ молодому поколѣнію. Вслѣдъ за этимъ длиннымъ спискомъ сказано: «болѣе ничего не найдено, что симъ и записываю» [3]).

Слѣдственная комиссія, получивъ означенныя «рукописи и тетради», привлекаетъ Золотова къ отвѣту, задавъ разные вопросы.

Напримѣръ: «не писали-ли пасквилей?» Онъ отвѣчаетъ отрицательно, потому что «оскорблять человѣка пасквилемъ безчестно». «Поэтому я, заявляетъ онъ, пишущій такія (?) слова, что оскорблять человѣка пасквилемъ безчестно, не могъ составить никакого

---

[1]) Д. с. к. 257—258.
[2]) Тамъ-же, 300.
[3]) Тамъ-же, 301.

пасквиля». О лоскутѣ отвѣтъ тоже отрицательный и въ томъ же духѣ [1]). Относительно найденныхъ у него тетрадей онъ говоритъ: «изъ этихъ тетрадей нѣтъ ни одной, которую бы я самъ составлялъ». Напримѣръ: «Голосъ изъ Россіи», тетрадь въ переплетѣ съ заглавіемъ «Къ молодому поколѣнію» я купилъ на толкучемъ рынкѣ у разнощика» [2]). Или вотъ интересная судьба тетради подъ заглавіемъ: «Что нужно народу?» «Разъ вечеромъ, повѣствуетъ Золотовъ, я читалъ журналъ, недалеко отъ меня сидѣлъ какой-то студентъ, тоже читалъ. На его фуражкѣ лежала какая-то свернутая тетрадь, когда онъ пошелъ домой, вѣрно ее и выронилъ, забывъ ее... По уходѣ его я поднялъ съ полу и, прочитавши немного, началъ было списывать, но продолжать не сталъ, потому что она говоритъ противъ освобожденія крестьянъ, что будто крестьяне не освобождены. Начатую тетрадь я положилъ въ карманъ, а ту, съ которой списывалъ, положилъ на окно, гдѣ ея уже не было, когда я пришелъ на завтра въ читальную комнату». Золотовъ найдя тамъ изорванную бумагу, дѣлаетъ догадку: «вѣроятно ее кто нибудь разодралъ на частички»... Что касается тетради «Къ молодому поколѣнію», то Золотовъ ее «купилъ больше изъ-за бѣлой бумаги, какая тутъ есть» [3]).

Ему сдѣлали вопросъ: «Почему-же вы собирали тетради, трактующія противъ самодержавія и существующаго строя?» Золотовъ отвѣчалъ: «Я собиралъ эти тетради изъ любопытства». А далѣе говоритъ о томъ, что если-бъ ихъ позволено было распространить, то и тогда бы не стоило, «потому что онѣ безосновательны, не говорятъ на основаніи чего—то нехорошо, другое—нехорошо» [4]). Словомъ, Золотовъ о нихъ оказывается «такого мнѣнія, что они пишутся отъ совершеннаго бездѣлья, а авторы ихъ кричатъ и говорятъ потому, что ничего путнаго говорить не могутъ. Это мое искреннее мнѣніе» [5]), увѣряетъ онъ. Его спросили: не принадлежитъ ли онъ къ тайному обществу? Онъ отвѣчалъ:

— «Къ тайному обществу я не принадлежу. Я пріѣхалъ сюда не съ тѣмъ, чтобы быть членомъ тайнаго общества и составлять заговоры противъ правительства, котораго благодѣтельныя дѣйствія я вполнѣ цѣню; я пріѣхалъ сюда слушать лекціи; я пріѣхалъ учиться, я человѣкъ бѣдный, мнѣ ли составлять заговоры, мнѣ-ли, который вполнѣ

---

[1]) Д. с. к. 305.
[2]) Тамъ-же, 306.
[3]) Тамъ-же, 307.
[4]) Тамъ-же, 308.
[5]) Тамъ-же, 309.

цѣнитъ наше правительство, участвовать въ тайномъ обществѣ? Это было бы съ моей стороны низко, подло, клятвопреступно» [1]).

Далѣе Золотовъ сообщаетъ, что онъ знаетъ князя Вяземскаго, «какъ человѣка благороднаго, потому я не могъ рѣшиться на пасквиль». И еще разъ желаетъ убѣдить комиссію въ своей благонамѣренности слѣдующимъ образомъ: «въ тайномъ обществѣ я не могу по убѣжденіямъ моимъ участвовать, у меня нѣтъ ничего тайнаго, нѣтъ недовольства правительствомъ». Такъ, объясняясь съ комиссіей, онъ, наконецъ, приходитъ къ такому выводу: «я теперь, говоритъ онъ, каюсь, что ходилъ къ г. Янишевскому, потому что я много потерялъ черезъ это» [2]).

Прочитавъ эти благонамѣренныя рѣчи, слѣдственная комиссія опредѣлила заключить его подъ стражу въ тюремный замокъ [3]).

Во время чтенія «рукописей и тетрадей», найденныхъ у Золотова, слѣдственная комиссія нашла не только то, что большая часть ихъ писана рукою Золотова, но также и то, что въ нихъ попадаются мѣста, почеркъ которыхъ, по ея мнѣнію, походитъ на почеркъ вольныхъ слушателей—Некрасова и Хитрова [4]). Найдя это послѣднее, слѣдственная комиссія заключила: «сообщить казанскому полиціймейстеру, чтобы онъ немедленно распорядился произвести одновременно самый тщательный осмотръ бумагамъ какъ въ квартирахъ вольныхъ слушателей Некрасова и Хитрова, такъ и у студентовъ, квартирующихъ въ домѣ Темникова, съ цѣлью отыскать направленныя противъ правительства сочиненія и какія либо въ таковомъ же духѣ воззванія, а также не встрѣтится ли чего либо при осмотрѣ указывающаго на составителей пасквили, наклеенной на уличныхъ фонарныхъ столбахъ». Обыскъ въ квартирѣ Темникова предписано сдѣлать на томъ основаніи, что «изъ показанія вольнаго слушателя Комлева видно, что у студентовъ, квартирующихъ въ домѣ Темникова, заведена читальная комната, гдѣ, какъ надо полагать, также могутъ оказаться подобныя возмутительныя воззванія» [5]).

4-го ноября это новое предписаніе было исполнено: произошелъ осмотръ. Нашли у Николая Малова книгу, подъ заглавіемъ: «Сила и матерія», у дѣвушки Хавроньи Карповой, временно обязанной Слѣпцова, четыре листка «Колокола», переданные ей Слѣпцовымъ, и у бывшаго студента Петра Князинскаго въ чемоданѣ тетрадку,

---

1) Д. с. к., 308.
2) Тамъ-же, 311.
3) Тамъ-же, 312.
4) Тамъ-же, 317 и 31
5) Тамъ-же,

подъ заглавіемъ: «Вопросъ Кавелина о крѣпостномъ правѣ». Донесеніе оканчивается словами: «болѣе-же ничего подозрительнаго не найдено, что симъ и записывается» [1]). Далѣе у Ѳеодосія Некрасова найдено: «Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа» и тетрадка—«Сила и матерія»; у Платона Некрасова—тетрадка подъ заглавіемъ: «Всякая всячина» и «Что нужно народу» [2]). При обыскѣ окончившій курсъ въ семинаріи Платонъ Некрасовъ оказалъ сопротивленіе, за что и былъ арестованъ [3]).

Все забранное было тотчасъ-же представлено въ слѣдственную комиссію [4]), которая, разсмотрѣвъ «подозрительныя книги и бумаги [5]), постановила привлечь владѣтелей всего этого къ допросу, начавъ его съ Платона Некрасова [6]). Послѣдній уличилъ брата своего Ѳеодосія въ томъ, что когда полиц—ръ прибылъ къ нимъ на квартиру для обыска, Ѳеодосій сказалъ ему: «возьми изъ сюртука бумаги». Платонъ ихъ взялъ. Ѳеодосій Некрасовъ отвѣтилъ, что дѣйствительно приведенныя слова сказалъ брату, при допросѣ же не показалъ этого потому, что умолчаніемъ хотѣлъ оправдать себя [7]). Что касается тетради «Сила и матерія», то «я, говоритъ Ѳеодосій Некрасовъ, пріобрѣлъ ее покупкой на рынкѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, у разнощика». «Что нужно народу» пріобрѣтено также у разнощика [8]). Подобные же отвѣты давали комиссіи и всѣ другія лица, которыя изобличены были въ держаніи у себя писаній предосудительнаго и преступнаго содержанія [9]).

Слѣдственная комиссія по студенческимъ безпорядкамъ, натолкнувшаяся неожиданно на такіе важные факты, повидимому, устранилась отъ изслѣдованія связи ихъ съ студенческой послѣдней исторіей, на нашъ взглядъ очевидной, и спѣшила окончить порученное ей

---

[1]) Д. с. к., 331.
[2]) Тамъ-же, 332.
[3]) Тамъ-же, 334.
[4]) Сюда-же было представлено письмо Платона Некрасова къ его брату, изъ котораго видно, что въ то время, когда онъ оказывалъ сопротивленіе, съ нимъ былъ припадокъ. Д. с. к. 338 и 339.
[5]) Д. с. к., 335.
[6]) Тамъ-же, 336.
[7]) Тамъ-же, 360.
[8]) Тамъ-же, 358.
[9]) Тамъ-же, 374, 401 и 375. Такъ Маловъ, по его словамъ, не зная, что Бюхнеръ запрещенъ, разсуждалъ такъ: «Я думалъ, что если она запрещена, тогда бы были запрещены естественныя науки, потому что въ нихъ высказывается то-же, что и въ сочиненіи Бюхнера. Н. Ѳ.

дѣло о чисто студенческихъ дѣлахъ. Отобравъ показанія отъ 73 студентовъ и вольныхъ слушателей, а также отъ 4 лицъ, не принадлежащихъ къ вѣдѣнію ун—та, она, 14-го ноября, прекратила свою дѣятельность, сдѣлавъ слѣдующее постановленіе: «комиссія, признавая, что обстоятельства этого дѣла достаточно изслѣдованы, заключаетъ: представить его г. начальнику губерніи чрезъ предсѣдателя комиссіи, затѣмъ, закрывъ засѣданія, дѣйствія комиссіи прекратить» [1]. Къ тому же времени было получено Высочайшее повелѣніе, заключающее въ себѣ утвержденіе приговора университетскаго совѣта относительно исключенія студентовъ и вольнослушателей, съ тѣмъ, чтобы подвергнувшіеся оному и не имѣющіе въ самой Казани ни родителей, ни родственниковъ, были удалены изъ города, а имѣющіе таковыхъ отданы имъ на поруки» [2].

Это было исполнено и сообщено губернаторомъ попечителю 21-го ноября. Въ то-же число состоялось открытіе ун—та, о чемъ попечитель съ своей стороны увѣдомляетъ военнаго губернатора, прося его сдѣлать распоряженіе о снятіи въ Казанскомъ ун—тѣ военнаго караула» [3]. Но послѣдніе счеты были сведены только въ 1862 г., потому что результаты дѣятельности общей слѣдственной комиссіи, переданные ею черезъ предсѣдателя губернатору только 23-го октября 1862 г., поступили въ совѣтъ ун—та. Означенные же результаты были представлены въ совѣтъ ун—та по той причинѣ, «что государю императору благоугодно было дѣло о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами въ 1861 году, разрѣшить на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) предоставить совѣту ун—та обсудить во всей подробности каждое изъ показаній, данныхъ студентами относительно демонстраціи, 8-го октября, въ квартирѣ инспектора, и по мѣрѣ участія въ семъ дерзкомъ поступкѣ или по степени особаго упорства въ духѣ неизвинительнаго своеволія, сдѣлать окончательное постановленіе о раздѣленіи виновныхъ на три категоріи съ тѣмъ, что: а) главные виновники должны быть подвергнуты совершенному исключенію изъ ун—та, б) для менѣе упорствующихъ, но рѣзко оправдывающихъ поведеніе студентовъ 8-го октября 1861 г., продлить срокъ исключенія еще на одинъ годъ, и в) остальныхъ засимъ исключенныхъ изъ ун—та оставить подъ дѣйствіемъ высочайшихъ повелѣній 10-го декабря 1849 г. и 9-го ноября 1861 г. съ тѣмъ, что они, а равно исключенные по предъидущему пункту, не иначе могутъ поступить въ казанскій ун—тъ, по истеченіи срока

[1] Д. с. к., 445.
[2] Тамъ-же, 100.
[3] Д. к. п., 229.

исключенія, какъ по особому разрѣшенію совѣта ун—та [1]). Вслѣдствіе такого Высочайшаго повелѣнія совѣтъ ун—та, собравшись 24 октября 1862 года, разсмотрѣлъ «во всей подробности» содержаніе показаній, данныхъ студентами въ слѣдственной комиссіи, и опредѣлилъ: 3 студентовъ и 1 вольнаго слушателя причислить ко второй изъ категорій, указанныхъ въ Высочайшемъ повелѣніи [2]); 60 студентовъ и вольнаго слушателя—къ 3-й категоріи [3]). Въ первую категорію попали двое, какъ дважды исключенные [4]). Сосчитавъ всѣхъ исключенныхъ, мы видимъ ихъ въ количествѣ 66-ти человѣкъ.

Проф. Янишевскій подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности инспектора «по домашнимъ обстоятельствамъ», каковая просьба его была уважена: въ слѣдующей телеграммѣ статсъ-секретарь Мансуровъ увѣдомилъ попечителя: «министръ разрѣшилъ поручить профессору Чугунову исправленіе должности инспектора вмѣсто г. Янишевскаго» [5]). Счеты были сведены [6]).

ГЛАВА XIV.

Мѣры, принятыя совѣтомъ университета, къ предупрежденію студенческихъ безпорядковъ на будущее время и первая половина 1863 года.—Новыя правила для студентовъ и мотивы для нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Студенческая исторія въ лабораторіи профессора Соколовскаго въ февралѣ 1863 года.—Особое разслѣдованіе положенія дѣлъ въ университетѣ.—Заключеніе высочайше учрежденной комиссіи о состояніи казанскаго университета.—Пропаганда между студентами.—Аресты.

Въ то время, какъ производилось изслѣдованіе студенческихъ безпорядковъ, приведшее къ показаннымъ въ предъидущей главѣ результатамъ, начальство ун—та старалось изыскать мѣры къ предупрежденію студенческихъ безпорядковъ на будущее время: была назначена комиссія для выработки новыхъ правилъ. Въ руководство комиссія взяла: 1) постановленія для всѣхъ ун—товъ, высочайше утвержденныя, и 2) правила, постановленныя для с.-петербургскаго университета.

---

[1]) Д. к. п. 208.

[2]) Умнова, Кириллова Александра, Богданова Михаила и вольнослушателя Комлева.

[3]) Д. к. п. 219.

[4]) Тамъ-же, 236. Аполлонъ Матвѣевъ и Владиміръ Плотниковъ.

[5]) Тамъ-же, 5 листъ.

[6]) Попечитель князь П. П. Вяземскій, вскорѣ по окончаніи „исторіи" 1861 г. былъ уволенъ отъ должности попечителя каз. учебн. округа. Н. Ѳ.

«Сообразуясь съ различными современными условіями здѣшняго университета, комиссія признала необходимымъ допустить въ этихъ правилахъ, кромѣ незначительныхъ измѣненій въ редакціи, нѣкоторыя существенныя перемѣны, и основанія къ этимъ перемѣнамъ комиссія считаетъ необходимымъ съ полною откровенностью изложить передъ вашимъ сіятельствомъ, г. м. н. пр.». Такъ попечитель начинаетъ свое сообщеніе о результатахъ дѣятельности комиссіи. Они слѣдующіе: 1) комиссія находитъ нужнымъ упразднить въ казанскомъ ун—тѣ педелей [1]), потому что «самыя законныя требованія служителей въ аудиторіи ни въ какомъ случаѣ не будутъ пользоваться уваженіемъ отъ студентовъ, которые въ этихъ служителяхъ будутъ постоянно видѣть не иначе, какъ оскорбительный для нихъ намекъ на подчиненіе грубой, матеріальной силѣ». «Кромѣ того, присутствіе педелей въ аудиторіи во время чтенія лекцій можетъ считаться оскорбительнымъ и для самого профессора, который полагаетъ нравственное вліяніе своей личности лучшей охраной тишины и порядка въ его аудиторіи. Въ случаяхъ же, когда разсчетъ этотъ оказывается ошибочнымъ, педеля въ аудиторіи ни своими напоминаніями, ни физическою силой не возстановятъ нарушенное спокойствіе, а наоборотъ—увеличатъ только смятеніе и безпорядокъ».

«Такіе случаи были и будутъ относительно рѣдкими исключеніями, а при введеніи нынѣ составленныхъ правилъ поводы къ такимъ случаямъ сами собой устраняются»: во-1-хъ, точнымъ и неуклоннымъ наблюденіемъ за преподаваніемъ со стороны ректора, декановъ и совѣта, во-2-хъ, возможностью заявлять студентамъ свои желанія относительно учебной части и жалобы на личныя оскорбленія со стороны профессоровъ и другихъ должностныхъ лицъ; чтобы еще болѣе облегчить эту возможность и обезопасить ее отъ произвола декановъ или ректора, комиссія сочла необходимымъ: а) допускать въ такихъ случаяхъ только письменныя прошенія, которыя деканъ обязанъ передавать факультету, и б) предоставить студентамъ право переносить жалобы къ попечителю даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда прошеніе ихъ возвращено ректоромъ безъ всякаго объясненія и подписи». 2) Введеніе матрикулъ въ казанскомъ ун—тѣ комиссія признала единогласно совершенно излишнимъ и даже вреднымъ въ настоящемъ случаѣ для водворенія порядка. Принужденіе взять матрикулы безполезно раздражило-бы студентовъ и противъ начальства и противъ преподавателей ун—та, что крайне бы повредило ихъ нравственному

---

[1]) Педелей въ казанскомъ университетѣ въ то время не было, а только они проектировались. Н. Ѳ.

вліянію на своихъ слушателей. Вмѣсто матрикулъ, комиссія думаетъ ввести книгу, куда будутъ записываться проступки студентовъ послѣ предварительныхъ предостереженій: такой способъ «устраняетъ поводъ къ непріятнымъ столкновеніямъ студентовъ съ проректоромъ». 3) Что касается сходокъ, то комиссія, признавая необходимымъ «строгое исполненіе» прежнихъ правилъ, «вмѣстѣ съ тѣмъ» считаетъ нужнымъ «допустить собраніе студентовъ-распорядителей отъ каждаго факультета для совѣщанія по дѣламъ благотворительнымъ» [1]). Наконецъ, комиссія не соглашается съ цѣлесообразностью того постановленія, которое исключаетъ изъ ун—та не выдержавшихъ переходнаго экзамена. Вотъ главные пункты правилъ, цѣль которыхъ совершенно устранить поводъ къ безпорядкамъ. Высказавъ основанія, которыми руководилась комиссія при измѣненіи правилъ, установленныхъ для с.-петербургскаго университета, «она подумала и о планѣ введенія составленныхъ правилъ», и постановила: «1) дождаться утвержденія попечителя, 2) опубликовать ихъ въ казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, 3) принимать вновь студентовъ и вольныхъ слушателей не иначе, какъ по прошеніямъ, въ которыхъ будетъ заявлено обѣщаніе подчиняться и исполнять всѣ постановленныя правила. 4) Вмѣстѣ съ правилами опубликовать тѣ мотивы и основанія, которыя руководили комиссіею при составленіи ею правилъ и выразить эту публикацію въ формѣ слѣдующаго объявленія отъ лица всѣхъ членовъ комиссіи преподавателю казанскаго ун—та».

«Всѣ преподаватели императ. казанскаго ун—та убѣждены, что если не исключительнымъ, то главнымъ поводомъ къ замѣшательствамъ и безпорядкамъ, нарушавшимъ неоднократно спокойствіе университетскаго преподаванія и доходившимъ въ послѣднее время до крайнихъ предѣловъ, были невыясненныя и неустановленныя отношенія студентовъ и, вообще, слушателей университетскихъ лекцій къ цѣлямъ и порядку университ. преподаванія, а также къ самой корпораціи преподавателей ун—та. Желая выяснить эти отношенія и формулировать ихъ въ постановленіяхъ, комиссія, составленная изъ всѣхъ преподавателей ун—та, подъ предсѣдательствомъ господина исправляющаго должность попеч. к. у. о., приступила къ установленію правилъ, равно обязательныхъ для каждаго желающаго получить университетское образованіе. При составленіи этихъ правилъ, преподаватели казанскаго университета постоянно имѣли въ виду слѣдующія основанія

[1]) Далѣе рѣчь идетъ о судѣ университета, куда комиссія считаетъ нужнымъ прикомандировать синдика ун—та, о взносѣ платы, стипендіяхъ и проч. Н. Ѳ.

Ун—тъ каждогодно доставляетъ обществу извѣстное число дѣятелей—юристовъ, техниковъ, педагоговъ и вообще людей развитыхъ умственно и нравственно. Въ этомъ заключается единственная задача, цѣль и святая обязанность каждаго ун—та и только за ея неисполненіе ун—тъ отвѣчаетъ предъ судомъ исторіи, потому что это неисполненіе прямо ведетъ къ пониженію уровня общаго образованія и упадку цивилизаціи въ цѣломъ краѣ. Всѣ другія цѣли, какъ мѣшающія достиженію собственной цѣли ун—та, не могутъ быть въ немъ терпимы; для этого достиженія должны быть употребляемы всѣ мѣры и старанія, какъ со стороны преподавателей, такъ и со стороны молодыхъ людей, вступающихъ въ ун—тъ съ желаніемъ получить въ немъ силы и средства къ служенію дѣлу общества, которое въ замѣнъ даетъ этимъ дѣятелямъ «матеріальныя средства къ жизни».

Далѣе въ «объявленіи» предлагаются совѣты для успѣшнаго достиженія постановленной цѣли, какъ преподавателямъ, обязанность которыхъ «слѣдить за развитіемъ науки и употреблять всѣ старанія для удобной передачи ея слушателямъ», такъ и «молодымъ людямъ, которые обязаны цѣнить и уважать науку и прилагать всѣ свои силы къ изученію факультетскихъ предметовъ.

Наконецъ, бумага еще разъ указываетъ на правила, которыя составлены для разъясненія отношеній студентовъ къ университетскимъ преподавателямъ, и такимъ образомъ являются гарантіей спокойствія въ стѣнахъ ун—та. Все это подписано княземъ Вяземскимъ и 30 преподавателями [1]).

Гарантія имѣла силу цѣлый 1862 годъ. Въ ун—тѣ было тихо: въ этотъ годъ производилось еще разбирательство послѣднихъ безпорядковъ [2]).

Наступилъ 1863 годъ.

Въ началѣ 1863 года, 16-го февраля, передъ началомъ экспериментальной лекціи профессора Соколовскаго, когда многіе изъ студентовъ 4-го и 3-го курсовъ собрались въ аудиторію, въ темныя сѣни зданія фармацевтической лабораторіи и физіологическаго кабинета ворвалась толпа около 30-ти неизвѣстныхъ людей, замаскированныхъ париками и крестьянскимъ платьемъ. Толпа отбросила дверь передней лабораторіи. На перваго, вторгнувшагося въ нее, служитель закричалъ: «куда ты лѣзешь, мужикъ?» Ему отвѣчали, чтобы онъ

---

[1]) Дѣло к. п., 38, 39, 40, 41, 42, 43 и 44. Это все посылается м. н. пр. съ правилами для студ. 21 окт. 1861 г.

[2]) См. выше.

Н. Ѳ.

вызвалъ профессора Соколовскаго. Послѣдній вышелъ. «Едва,—сообщаетъ тотъ ректору Бутлерову,—я показался изъ дальней комнаты лабораторіи, тотчасъ издали встрѣченъ былъ безсмысленными криками, самыми неприличными, черными названіями и свистомъ. При приближеніи моемъ къ толпѣ, для узнанія лицъ, передовые закрылись воротниками, и масса быстро двинулась назадъ, такъ что бывшіе въ лабораторіи въ то-же время г. помощникъ инспектора Бондыревъ и экзекуторъ Дыховъ, растерявшіеся, не могли разузнать и предпринять мѣръ къ преслѣдованію бѣглецовъ. Принявши такое буйство за весьма нерѣдкое, къ прискорбію, явленіе въ стѣнахъ нашего ун—та, послѣ перваго естественнаго удивленія дерзости и невѣжеству, я отправился па лекцію, и по окончаніи послѣдней обратился уже словесно къ вашему высокородію и потомъ къ его превосходительству господину попечителю округа» [1]).

Началось «дѣло», приведшее къ пререканіямъ между членами совѣта, опускаемымъ нами здѣсь, какъ не относящимся прямо къ нашей задачѣ. Замѣтимъ только, что, осложнившись, дѣло совершенно запуталось. Въ Казань для распутыванья его было прислано изъ Петербурга одно изъ лицъ м—ства нар. просвѣщенія. Виновныхъ въ происшествіи и онъ не открылъ, но за то привезъ въ Петербургъ нѣкоторыя данныя о членахъ совѣта. Государю императору «благоугодно было повелѣть обсудить» вѣсти о состояніи казанскаго ун—та въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря барона Николаи. Разсмотрѣвъ ихъ, комиссія «обратила вниманіе на настоящее состояніе казанскаго ун — та, состояніе весьма грустное, ибо оно представляетъ, съ одной стороны, разладъ между профессорами, съ другой—своеволіе и разладъ между студентами».

«Не доискиваясь причинъ пререканій между профессорами, какъ мелочей, порожденныхъ личною непріязнью отдѣльныхъ членовъ факультетовъ, комиссія обсудила эти пререканія съ ихъ внѣшней стороны, т. е. формы, въ которой они проявлялись, и нашла въ ихъ проявленіи рядъ незаконностей, заслуживающихъ самаго строгаго порицанія». За «незаконности» получаютъ «строгое замѣчаніе» ректоръ ун—та Бутлеровъ, деканъ медицинскаго факультета Соколовскій, профессоръ Яновичъ и Вагнеръ и весь совѣтъ. «Что касается студентовъ, то находя, что проступки и распущенность ихъ происходятъ отъ отсутствія въ нихъ всякой привязанности къ труду, отчасти прямаго послѣдствія слабости и небрежности, съ которыми производятся испытанія какъ на право поступленія въ ун—тъ, такъ и на

---

[1]) Дѣло к. п., 9 и 10.

званія, даруемыя окончившимъ курсъ, комиссія признала необходимымъ: а) внушить экзаменаторамъ все зло, которое порождаетъ ихъ равнодушіе къ этому дѣлу и излишняя снисходительность къ экзаменующимся, и б) усилить, какъ возможно болѣе, надзоръ, чтобы означенныя испытанія производились съ законною строгостью и справедливостью. Вскорѣ засимъ профессоръ Бутлеровъ подалъ прошеніе въ совѣтъ университета объ увольненіи его отъ должности ректора университета, и, согласно этому прошенію, высочайшимъ приказомъ отъ 5-го іюля былъ уволенъ отъ этой должности [1]). Между тѣмъ студенческія исторіи продолжались, принявъ только иное направленіе. Съ этого же 1863 г. отчетливо наблюдается явленіе, раньше едва замѣтное [2]): студенты казанскаго ун—та подвергаются взысканіямъ по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ. Вотъ рядъ фактовъ. Въ 1863 г. 18-го апрѣля, въ курильной для студентовъ комнатѣ было вывѣшено объявленіе анонимное, порицавшее тѣхъ студентовъ, которые были 17-го числа на балѣ въ дворянскомъ собраніи, и заключавшее въ себѣ выраженія, направленныя противъ правительства. По почерку заподозрили студента 1-го к. юридическаго факультета Красовскаго. Онъ былъ арестованъ и признался, что авторъ объявленія—онъ. Сообщая объ этомъ министру, попечитель Стендеръ прибавляетъ, что имъ предложено объявить студентамъ о закрытіи курильной, если въ ней вновь появится какое бы то ни было объявленіе отъ студентовъ [3]). Судьба арестованнаго Красовскаго, по распоряженію мин. вн. дѣлъ, была представлена казанскимъ военнымъ губернаторомъ на усмотрѣніе главнаго начальника III отдѣленія [4]). Было опредѣлено: «исключить его изъ ун—та и выслать въ Вологодскую губернію [5]). Затѣмъ, военный губернаторъ Козляниновъ сообщаетъ попечителю, что въ городѣ Вяткѣ «при осмотрѣ вещей и бумагъ вольнослушателя казанскаго ун—та Красноперова найдена прокламація отъ русскаго центральнаго народнаго комитета: «Земля и Воля». Красноперовъ показалъ, что найденный у него экземпляръ прокламаціи этой онъ списалъ съ писаннаго экземпляра въ студентской курильной комнатѣ и что, какъ

---

[1]) Д. к. п., 18.

[2]) За исключеніемъ Бѣзднинской панихиды, на которую взглянули, какъ на политическую демонстрацію, и случаевъ обнаруженія у нѣкоторыхъ студентовъ изданій и статей запретнаго и даже революціоннаго характера,—случаевъ, указанныхъ нами въ главѣ 13-й.

[3]) Дѣло к. п., 5.

[4]) Тамъ-же, 7.

[5]) Тамъ-же, 8.

Н. Ѳ.

онъ слышалъ, былъ въ Казани и печатный экземпляръ этой прокламаціи. Онъ былъ арестованъ» [1]).

1-го мая тотъ же губернаторъ увѣдомляетъ, что «студентъ здѣшняго ун—та Жемановъ былъ арестованъ при городской полиціи и 29-го апрѣля отправленъ въ С.-Петербургъ въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи» [2]).

30-го мая онъ же сообщаетъ, что «вслѣдствіе требованія слѣдователя по вятскому политическому дѣлу, адъютанта тамошняго губернскаго штабъ-офицера корпуса жандармовъ, сего числа арестованъ по моему распоряженію и отправленъ въ гор. Вятку студентъ здѣшняго ун—та Владиміръ Полиновскій [3]).

3-го іюня исправляющій должность попечителя увѣдомляетъ ректора ун—та, что г. казанскій военный губернаторъ разсказалъ ему слѣдующее: «изъ сообщенныхъ ему слѣдственною комиссіею въ Вяткѣ свѣдѣній оказывается, что многіе студенты просятъ взять отпускные билеты тѣхъ студентовъ, которые во весь вакатъ не будутъ выѣзжать изъ Казани, съ цѣлью передать ихъ лицамъ, имѣющимъ преступныя намѣренія—производить безпорядки между крестьянами, и даже надѣялись скрасть изъ канцеляріи инспектора студентовъ печатные бланки для билетовъ, а печать заказать мастерамъ въ Казани». Сообщая объ этомъ ректору, онъ предлагаетъ ему внушить инспектору студентовъ объ осторожности, съ каковою онъ долженъ выдавать билеты [4]).

7-го іюля военный губернаторъ увѣдомляетъ попечителя, что арестованъ и отправленъ въ Вятку студентъ здѣшняго ун—та Александръ Сергѣевъ» [5]).

17-го іюля «къ производящемуся въ Вяткѣ секретному дознанію оказываются прикосновенными въ нѣкоторой степени студенты Павелъ Орловъ, Бирюковъ, Алѣевъ и Лаврскій, а потому слѣдователи находятъ до времени необходимымъ имѣть за ними самый строгій и незамѣтный полицейскій надзоръ, такъ, чтобы они не могли догадаться объ этомъ; а въ случаѣ, если кто изъ нихъ вздумалъ кудалибо выѣхать изъ Казани, то принять мѣры къ задержанію» [6]).

Приведенные факты изъ бумагъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, въ подробностяхъ не выясняются; но не подлежитъ сомнѣнію то, что они находились въ связи съ открытой тогда противоправи-

---

[1]) Д. к. п., 3.
[2]) Тамъ-же, 6.
[3]) Тамъ-же, 11.
[4]) Тамъ-же, 14.
[5]) Тамъ-же, 16.
[6]) Тамъ-же, 17.

тельственной пропагандой, главными дѣятелями которой были агенты польскаго революціоннаго комитета и, подъ ихъ вліяніемъ, нарождавшіеся нигилисты изъ русскихъ людей,—пропагандой, которая тогда, усиленно дѣйствуя въ Поволжьи, стремилась сдѣлать своими орудіями молодыхъ людей изъ университета. Эта пропаганда, между прочими увлекшая нѣсколько студентовъ и изъ казанскаго университета и вызвавшая со стороны правительства особыя, экстренныя мѣры по отношенію къ Поволжью, обозначилась явственно уже послѣ того, когда былъ высочайше утвержденъ новый уставъ россійскихъ университетовъ 1863 года.

Примѣчаніе. Въ приведенный сводъ матеріаловъ вошли свѣдѣнія, заключающіеся въ слѣдующихъ «дѣлахъ»:

1) Объ исключеніи студентовъ изъ ун—та за дурное поведеніе въ 1855 г. (№ 215).

2) Объ исключеніи изъ числа студентовъ Милованова и проч. 1856 г. (№ 66).

3) По канцеляріи инспектора студентовъ: о неприличныхъ поступкахъ студентовъ и окончившихъ курсъ, 1856 г. (№ 41).

4) О правилахъ для пресѣченія произвольнаго непосѣщенія лекцій (№ 215).

5) О неудовольствіяхъ, возникшихъ между студентами медицинскаго факультета и профессоромъ Берви (№ 37—по канц. попеч.).

6) Объ увольненіи Берви отъ службы (№ 150—канц. попеч.).

7) Объ исключеніи студентовъ за дурное поведеніе, 1858 г. (№ 47—канц. попеч.).

8) О ссорѣ студентовъ со служителями въ загородной гостинницѣ, содержимой купцомъ Меркуловымъ (№ 144—канц. попеч.).

9) По собранію бумагъ о происшествіяхъ между студентами (№ 12).

10) По собранію бумагъ о происшествіяхъ между студентами (№ 10).

11) По собранію бумагъ о нанесеніи студенту Колпакову полицейскими служителями побой 1859 г. (№ 20).

12) О происшествіяхъ, случившихся въ аудиторіи профессора Струве (канц. попеч. № 39).

13) О поступкахъ студентовъ казанск. ун—та, 1859 г. (канц. попеч. № 298).

14) Объ исключеніи студентовъ изъ казанск. ун—та за дурное поведеніе 1859 г. (канц. поп. № 84).

15) О поступкахъ студентовъ казан. ун—та 1859 г. (канц. попеч. № 81).

16) О передачѣ попечителемъ должности помощнику попечителя Ѳ. Веселаго (канц. попеч. № 97).

17) О порученіи должности инспектора студентовъ, за болѣзнію Ланге, профессору Пахману (канц. попеч. № 72).

18) Объ усиленіи мѣръ наблюденія за унив. студентами (канц. поп. № 205).

19) Объ увольненіи профессора Бутлерова отъ должности ректора (канц. попеч. № 61).

20) О бездниинской панихидѣ (канц. попеч. № 152).

21) О принятіи Умнова вновь въ число студентовъ (канц. попеч. № 163).

22) Канц. попеч. о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами 7, 8 и 9-го октября 1861 года (№ 310).

23) Совѣта у—та, о тѣхъ же безпорядкахъ (№ 79).

24) Слѣдственной комиссіи о тѣхъ же безпорядкахъ (№ 4).

25) Канц. попеч. объ увольненіи профессора Янишевскаго отъ исправленія должности инспектора студентовъ (№ 68).

26) Объ исключеніи Темникова, Христофорова, Павла Аристова и пр. (№ 5).

27) По возникшимъ непріятнымъ отношеніямъ между професс. (нѣкотор.) медиц. и физико-математич. факультета, по демонстраціи, произведенной неизвѣстными людьми (вѣроятно студентами) въ фармацевтической лабораторіи противъ профессора и декана медиц. факульт. Соколовскаго (№ 46).

28) Объ открытомъ въ гор. Казани въ Старой Горшечной улицѣ студентскомъ клубѣ (№ 60).

29) Канц. попеч. по розысканію о вывѣшенномъ въ курильной студентской комнатѣ анонимнаго объявленія (№ 124).

30) По собранію отношеній г. казанскаго военнаго губернатора, касательно студентовъ ун—та и другихъ лицъ (№ 113).

31) По канцеляріи инспектора студентовъ, со списками чиновниковъ инспектора и студентовъ всѣхъ исповѣданій для отмѣтки о бытности ихъ у исповѣди и св. причащенія (№ 17).

Сообщ. профессоръ **Н. А. Ѳирсовъ.**

Къ воспоминаніямъ П. Д. Шестакова

о волненіяхъ студентовъ въ Казани.

Въ «Воспоминаніяхъ П. Дм. Шестакова о студенческихъ волненіяхъ въ Казани», въ примѣчаніи къ стр. 124 «Русской Старины», изд. 1889 г., т. LXI, январь, было описано почти невѣроятное событіе, касающееся одного изъ декановъ казанскаго университета; хотя личность эта не названа, но дѣло касается меня, бывшаго тогда деканомъ медицинскаго факультета, въ описываемое П. Дм. Шестаковымъ время.

Во имя истины, которая всегда дорога редакціи «Русской Старины», я прошу ее выслушать et altera pars, т. е. помѣстить на страницахъ этого журнала самое существенное возстановленіе касающагося меня факта. Я вполнѣ убѣжденъ, что правдивое возстановленіе всякаго факта находитъ въ издаваемомъ М. И. Семевскимъ историческомъ журналѣ всегда теплое убѣжище.

Суть этого событія состояла въ слѣдующемъ: въ описываемое П. Дм. Шестаковымъ время я, дѣйствительно, былъ деканомъ, а г. С. доцентомъ на медицинскомъ факультетѣ; мы читали лекціи одному и тому-же курсу; студенты этого курса, какъ жаловался мнѣ упомянутый доцентъ С., не желали посѣщать его лекціи, о чемъ я тотчасъ же заявилъ студентамъ и указалъ имъ, что они обязаны посѣщать лекціи, и въ случаѣ непосѣщенія ими лекцій всякій преподаватель обязанъ увѣдомить объ этомъ кого слѣдуетъ; повторенная жалоба г. С. о непосѣщеніи студентами его лекцій прямо заставила меня сказать студентамъ, что они останутся еще на годъ на томъ же курсѣ.

Подобнаго рода съ моей стороны заявленіе сдѣлало то, что наши общіе съ г. С. слушатели, собравшись, около полудня, въ той аудиторіи, въ которой я обыкновенно читаю лекціи, попросили меня,

какъ декана, переговорить съ ними относительно посѣщенія ими лекцій упомянутаго доцента. Я пришелъ и нашелъ почти весь знакомый мнѣ курсъ. Нѣкоторые изъ собравшихся студентовъ заговорили въ моемъ присутствіи о выборѣ предсѣдателя сходки, на что я тотчасъ же заявилъ, что я предсѣдатель факультета, а потому говорить при мнѣ о выборѣ предсѣдателя составитъ полнѣйшій абсурдъ и если они будутъ упорствовать на выборѣ, то я сію-же минуту ихъ оставляю. Студенты зашумѣли и въ тотъ моментъ, когда я подошелъ къ двери, чтобы выйти изъ аудиторіи—услышалъ ударъ кулакомъ о столъ и крикъ: молчать! и студенты замолкли. Удивленный этимъ ударомъ и крикомъ, я невольно остановился и высказалъ студентамъ о дикости такого способа возстановленія тишины. Студенты стали просить меня выслушать ихъ письменное заявленіе о недоразумѣніяхъ, какъ они говорили, между ними и доцентомъ С. Во время чтенія этого заявленія я иногда останавливалъ чтеца, особенно при употребленіи неприличныхъ словъ, въ родѣ «распузыривать» и пр., и по окончаніи чтенія я рѣшительно сказалъ студентамъ, что заявленіе это, по неприличности и оскорбительности своей, не можетъ имѣть дальнѣйшаго теченія, и оставилъ аудиторію.

О всемъ вышеописанномъ я не получалъ никакихъ офиціальныхъ запросовъ и не имѣлъ ни съ кѣмъ, кромѣ доцента С., никакихъ по этому поводу офиціальныхъ объясненій; въ кругу-же товарищей-профессоровъ, для характеристики студенческихъ сходокъ вообще, тогда говорилъ и теперь говорю о вышеописанныхъ курьезахъ и упомянутой сходкѣ; съ Петромъ же Дмитріевичемъ Шестаковымъ объ этой сходкѣ даже и словомъ не имѣлъ возможности перемолвиться, а потому, въ случаѣ моей или его смерти, все описанное въ примѣчаніи къ стр. 124, въ т. LXI, безъ надлежащаго разъясненія, такъ таки цѣликомъ и падетъ на меня.

Ив. Мих. Гвоздевъ,

ординарный профессоръ судебной медицины казанскаго университета.

1889 г. мая 16-го дня.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLIX [1]).

Зимняя ночь.

Ночь темна, вѣтеръ въ улицѣ дуетъ широкой,
Тускло свѣтитъ фонарь, снѣгъ мѣшаетъ идти,
Я усталъ! а до дому еще такъ далеко...
Дай къ столбу прислонюсь, отдохну на пути.

Что за домикъ печально стоитъ предо мною!
Полунощники люди въ немъ видно не спятъ;
Есть огонь, заболтались знать поздней порою!..
Вонъ двѣ свѣчки на столикѣ дружно горятъ.

А за столикомъ сидя старушка гадаетъ,
И объ чемъ бы гадать ей на старости дней?...
Возлѣ женщина тихо младенца качаетъ;
Видно мать! Сколько нѣжности въ взорѣ у ней.

И какъ милъ этотъ ангелъ, малютка прелестный!
Онъ съ улыбкой заснулъ у нея на рукахъ,
Можетъ сонъ ему снится веселый, чудесный,
Можетъ любо ему въ его дѣтскихъ мечтахъ.

Но старушка встаетъ, на часы заглянула,
Съ удивленьемъ потомъ потрясла головой,
Вотъ цѣлуется, креститъ и будто вздохнула...
И пошла шагъ за шагомъ дрожащей стопой.

Свѣчки гасятъ, и въ домѣ темно уже стало,
И фонарь на столбѣ догорѣлъ и погасъ....
Видно въ путь ужъ пора, ночь глухая настала,
Какъ на улицѣ страшно въ полуночный часъ!

А старушка не долго побудетъ на свѣтѣ!
И для матери будетъ сѣдинъ череда,
Развернется младенецъ въ плѣнительномъ свѣтѣ,
Ахъ, Богъ вѣсть я и самъ живъ ли буду тогда.

1840. Н. П. Огаревъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА [1]).

На дальнемъ востокѣ, въ Палестинѣ.

У насъ и вообще на востокѣ національность тѣснѣе связана съ религіею, чѣмъ на западѣ; въ виду этого, фактъ повсемѣстнаго усиленія теперь католической пропаганды весьма интересенъ для Россіи. Въ южно-славянскихъ государствахъ и въ Румыніи случаи перехода изъ католичества въ православіе очень рѣдки, тогда какъ случаи обратнаго бываютъ довольно часто—католичество вездѣ, кромѣ Россіи, побѣдоносно наступаетъ на православіе. Но гдѣ паденіе православія замѣтно особенно сильно, такъ это въ Палестинѣ.

Я имѣлъ случай лично прослѣдить этотъ фактъ и сообщить о немъ покойному К., бывшему генеральному консулу нашему въ Іерусалимѣ, а также іерусалимскому патріарху Никодиму.

Первый не повѣрилъ, второй совершенно согласился, но прибавилъ обычную фразу:

— Денегъ мало, дайте больше денегъ, черезъ 10 лѣтъ я всю Палестину обращу въ православіе.

Какъ ни странны, по меньшей мѣрѣ, послѣднія слова, въ нихъ есть доля правды; дѣло пропаганды въ Палестинѣ въ значительной мѣрѣ свелось теперь на деньги; есть онѣ—есть и прозелиты; нѣтъ ихъ—нѣтъ и паствы, такъ какъ отъ постояннаго переманиванія въ разныя вѣры и толки арабы крайне испортились нравственно и переходятъ въ лоно католичества или протестантства, смотря по тому, гдѣ больше даютъ. Кромѣ денегъ, церковной пышности и проповѣди

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, ноябрь, стр. 445—468; декабрь, стр. 671—688; изд. 1889 г., т. LXI, мартъ, стр. 587—630; т. LXII, май, стр. 389—410, іюнь стр. 661—681.

дѣйствуютъ еще много школы и пріюты, и вотъ на этихъ-то послѣднихъ учрежденіяхъ сказывается несостоятельность грековъ, съ ихъ духомъ исключительности и нетерпимости ко всѣмъ другимъ православнымъ, т. е. не грекамъ. Деньги они принимаютъ отъ всѣхъ, хотя отъ сербовъ, болгаръ, румынъ и др. перепадаетъ мало—за все отдуваются русскіе кошельки—но чьихъ либо совѣтовъ или церковнослужителей, не эллиновъ, ни за что не допускаютъ.

Въ то время, какъ у католиковъ, напримѣръ, въ церквахъ и школахъ работаютъ люди всевозможныхъ національностей, включая и арабовъ, греки не допускаютъ не только русскихъ священниковъ, но даже и туземцевъ—не знаю, есть ли на всю Палестину 2—3 человѣка арабовъ священнослужителей.

Католики дѣйствуютъ дружно: впереди французы, заправляющіе пропагандою нравственно и матеріально—такъ какъ отъ нихъ, кромѣ политическаго покровительства, идутъ и значительнѣйшія пожертвованія,—затѣмъ австрійцы, итальянцы, испанцы и проч., даже нѣмцы—всѣ работаютъ дружно, деньгамъ не даютъ прилипать къ рукамъ почтенныхъ отцовъ, а на нихъ учатъ, воспитываютъ, лечатъ, строятъ, пропагандируютъ.

Греки дѣйствуютъ иначе.

— Давайте денегъ, больше денегъ, говорятъ они всѣмъ православнымъ, и не заботьтесь ни о чемъ; въ совѣтахъ, а главное въ контролѣ вашемъ, мы не нуждаемся и одни отстоимъ дѣло православія.

Хотя они и дѣйствительно отстаиваютъ его разными средствами, до борьбы въ рукопашную включительно, но результатъ далеко не оправдываетъ ихъ самонадѣянности,—уже есть обширныя мѣстности, въ которыхъ осталось всего по нѣскольку человѣкъ православныхъ, такъ что пастыри, т. е. митрополиты этихъ мѣстностей, никогда и не заглядываютъ въ свои паствы, а спокойно, безъ труда, на хорошемъ содержаніи, проживаютъ въ Іерусалимѣ.

За послѣднее время католики стали очень много строить церквей, школъ, пріютовъ, больницъ. Строятъ, напримѣръ, церковь. Является бѣднякъ арабъ, съ двумя, тремя подростками просить работы. Первый вопросъ ему:

— Ты католикъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ нѣтъ тебѣ работы.

Всякія возраженія излишни. При слѣдующей постройкѣ школы тотъ-же отвѣтъ, и многіе, чтобы заплатить подати и хоть какъ нибудь пробиться съ хлѣбомъ, выкрещиваются; болѣе стойкіе бросаются

еще за помощью предварительною къ грекамъ, но всегда безуспѣшно, а затѣмъ и къ нашему архимандриту Антонину, почтенному, много трудящемуся человѣку, не имѣющему никакихъ средствъ, но буквально заваленному такими просьбами о помощи.

— Мы издавна православные, говорятъ ему эти люди, не хотимъ мѣнять вѣры, но хоть въ петлю лѣзть съ семьею: хлѣба мало, работы нѣтъ, ребятъ учить негдѣ,—какъ быть?

Кромѣ добрыхъ совѣтовъ и пары своихъ кровныхъ меджидіе, архимандритъ, разумѣется, ничего не можетъ дать, и эти дѣйствительно забитые и загнанные люди долго-ли, коротко-ли побьются, да и перейдутъ въ католичество или протестантство, гдѣ сейчасъ же найдется всяческое участіе: работишка для взрослыхъ, помощь старикамъ, школа дѣтямъ.

Виѳлеемъ, напр., еще сравнительно недавно бывшій православнымъ, теперь сплошь почти католическій; въ деревняхъ, въ которыхъ еще 20 лѣтъ тому назадъ были лишь одни православные, теперь 25—30% католиковъ. Подъ Назаретомъ, въ огромной деревнѣ Р., жители умоляли о заступничествѣ, и просто силою втиснули мнѣ просьбу, въ которой говорили, что «они извѣрились въ грековъ, надѣются только на русскихъ, просятъ построить имъ церковь и школу»...

Вся эта процедура переманиванія въ свою вѣру деньгами и матеріальною помощью, очевидно, безнравственна, и лучше всего было бы вовсе «умыть руки» отъ такихъ дѣлъ. Но тутъ представляется такой вопросъ: пожертвованія, и очень значительныя, которыя шли, идутъ и неудержимо будутъ идти изъ Россіи въ Св. Землю, могутъ ли быть оставлены на произволъ судьбы и всецѣло довѣрены греческимъ рукамъ? Есть-ли надежда на то, чтобы греки исправились и развязали кошельки съ получаемыми изъ Россіи деньгами на дѣло школъ и пріютовъ? Нѣтъ. Значитъ, необходимо вступиться хоть тому-же Палестинскому обществу и добиться на первыхъ порахъ хоть того, чтобы 400 тысячъ рублей, посылаемые ежегодно въ патріархію съ бессарабскихъ имѣній, выдавались условно, на извѣстную, заранѣе оговоренную цѣль, подъ строгимъ контролемъ Общества. Затѣмъ надобно взять на себя трудъ широкаго оповѣщенія благочестивыхъ жертвователей Русской земли, что огромныя суммы, посылаемыя ими въ частныя руки, по большей части не достигаютъ цѣли и идутъ, главнымъ образомъ, на частныя надобности, на богатое житіе греческихъ монаховъ, не брезгающихъ мірскими благами.

Для подтвержденія сказаннаго, приведу, хоть бы всему Іерусалиму извѣстный, фактъ: въ то время, какъ патріархъ, въ рукахъ

котораго пожертвованія подвергаются нѣкоторому контролю, получаетъ на свое имя изъ Россіи лишь небольшую сумму въ нѣсколько тысячъ рублей,—настоятели отдѣльныхъ святынь получаютъ не столько по почтѣ, сколько изъ рукъ въ руки, такія большія деньги, что бывшій ключарь Гроба Господня, отошедшій на покой, нашелъ возможнымъ положить въ банкъ свою экономію въ 30,000 золотыхъ, т. е. 300 т. рублей.

Патріархъ Никодимъ, для начала своего управленія пожелавшій показать примѣръ строгости, не посмѣлъ вовсе отобрать эти деньги, а только заставилъ перевести ихъ въ другое мѣсто и исправно выплачиваетъ проценты запасливому отцу, должно быть, пропустившему черезъ свои липкіе пальцы не мало пожертвованій нашихъ легковѣрныхъ ревнителей церковнаго благолѣпія въ св. мѣстахъ.

Добро бы не было въ Палестинѣ русскихъ церквей для украшенія! Такъ вѣдь нѣтъ, ихъ нѣсколько: въ Іерусалимѣ есть церковь при миссіи и недавно трудами нашего достойнаго архимандрита Антонина возведена прекрасная церковь на Елеонской горѣ, но туда наши жертвователи или ничего не даютъ, или даютъ самую малость, а все несутъ грекамъ. За то же и надобно отдать справедливость этимъ послѣднимъ,—они ловко выманиваютъ деньги у нашихъ поклонниковъ и поклонницъ, особенно у послѣднихъ!

Придетъ поклонница на Елеонскую гору, гдѣ нашъ отецъ архимандритъ пріютитъ и угоститъ—оставляетъ 10—20 коп., такъ такъ больше у нея нѣтъ; она, вишь, издержалась и осталось у нея только на самое необходимое. Но приходитъ она же для прощальнаго поклоненія въ греческій монастырь: откуда деньги находятся! Послѣ угощенія и ласковаго разговора, ведетъ ее извѣстный отецъ Спиридонъ въ свой садъ, засаженный молодыми маслинками.

— Вотъ, моя голубушка, тебѣ передъ отъѣздомъ надобно выбрать деревцо,—любое выбирай; оно 1000 лѣтъ будетъ рости, за тебя Бога славить, а деньгами не затрудняйся, я знаю, ты, вѣрно, поиздержалась, такъ дашь, что можешь!

1000 лѣтъ негласной молитвы къ Богу отъ маслины, вѣроятно, еще родственной одной изъ тѣхъ, мимо которыхъ ходилъ самъ Спаситель, какъ тутъ устоять!

— А чего она стоитъ, отецъ? спрашиваетъ на половину уже сдающаяся женщина.

— Что съ тебя брать дорого, сказалъ, давай, что можешь, клади хоть 5 рублей.

— Ой, родной, нѣту, нѣту! всего и денегъ-то осталось 3 рубля.

— Ну, съ товаркой сговорись, пополамъ деньги, пополамъ и Божья благодать!

И вносятъ поклонницы ласковому красивому греку по $2^1/_2$ руб., изъ прибереженныхъ на крайность денегъ. Отрѣзаетъ онъ каждой по вѣткѣ, передаетъ съ церемоніею:

— Владѣй, говоритъ, она теперь твоя, твоихъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ—за всѣхъ васъ денно и нощно будемъ Бога молить.

Когда за этою поклонницею приходитъ чередъ выбирать слѣдующей соотечественницѣ нашей—сплошь и рядомъ выборъ ея падаетъ на ту же маслинку; опять отъ нея отрѣзывается вѣтвь, опять торжественно передается и проч., и проч.

— Набожны русскіе, слова нѣтъ, говорилъ мнѣ мой знакомый настоятель одного греческаго монастыря, но ужъ и просты-же, ой, какъ просты!

Одинъ изъ образчиковъ этой простоты живъ въ моей памяти.

Я рисовалъ, помню, на Сорокадневной горѣ, когда монахъ настоятель, бросившійся разсматривать въ бинокль пыль, поднявшуюся на дорогѣ, объявилъ, что «гонятъ русскихъ», и сталъ приготовлять водку, закуску, ставить самоваръ. Дѣйствительно, черезъ часъ времени, поднялись сначала кавасъ нашего консульства въ Іерусалимѣ, усатый, расшитый арабъ, а за нимъ наши запыленные, запотѣлые, измученные богомольцы.

— Гдѣ здѣсь записываются? спрашиваютъ они впопыхахъ и направляются по указанію въ пещеру, изъ которой сейчасъ-же спускаются назадъ, такъ какъ имъ данъ всего часъ времени и на всходъ на гору, и на поклоненіе. Но лучше всего то, что визитъ-то каваса былъ не спроста: онъ объявилъ монаху-настоятелю, что если тотъ не согласится дать ему половину выручки съ богомольцевъ, то ни одинъ изъ нихъ не переступитъ порога пещеры. Конечно, почтенный отецъ долженъ былъ покориться и изъ 15 руб., полученныхъ за записи «на вѣчное поминовеніе», долженъ былъ удѣлить кавасу 7 руб., да еще дать цвѣтной платокъ въ придачу. За то же, впрочемъ, и «записи» валялись потомъ по всѣмъ угламъ пещеры!

Я написалъ объ этомъ случаѣ открытаго и нахальнаго грабежа консулу; сдѣлано было разслѣдованіе: все оказалось справедливымъ, такъ какъ грекъ о. Алексѣй не счелъ возможнымъ скрыть правды—каваса хотѣли прогнать, но потомъ простили, въ виду его раскаянія (?). Надобно сказать, что кавасъ консульства получаетъ еще и съ богомольцевъ; когда же этихъ послѣднихъ идетъ большая партія, то съ ними отправляется уже одинъ изъ драгомановъ, потому что получка съ монастырей пахнетъ тогда сотнями рублей.

Въ виду постоянно существовавшей вражды между настоятелемъ нашей миссіи и консуломъ, дѣло отправки поклонниковъ по разнымъ святынямъ велось, а можетъ быть и теперь ведется, спустя рукава. Встрѣчаю, помню, большую партію, выступающую за городъ.

— Куда вы, братцы, идете?

— Къ дубу!

— Куда?

— Къ дубу!!!

Видно, что очень не велико у нихъ понятіе объ этомъ дубѣ.

Во время маслянницы и вообще по праздникамъ уже не простота, а разгулъ нашихъ богомольцевъ скандализируетъ туземцевъ: съ бутылками водки въ рукахъ, пошатываясь и ругаясь, они пристаютъ къ прохожимъ, даже къ нищимъ:

— Пей, пей, такой-сякой...

Что наши переплачиваютъ грекамъ за такъ называемыя «очистительныя обѣдни»—и сказать трудно.

— Твержу, твержу имъ, говорилъ о. Антонинъ, что нѣтъ никакихъ очистительныхъ, а только заупокойныя обѣдни—ничего не беретъ: очистительныя да очистительныя.

Въ русскую церковь для этихъ очистительныхъ обѣденъ, разумѣется, не идутъ; тамъ поминъ души не такъ угоденъ Богу, надо непремѣнно либо ко Гробу Господню, либо въ Виѳлеемъ, гдѣ священнодѣйствуютъ греки, а они за спѣхомъ и по небрежности деньги-то берутъ, а поминать-то забываютъ.

— Вѣдь изловила я, батюшка, моего, изловила! разсказывала мнѣ одна почтенная богомолица. Намедни прислали мнѣ изъ Россіи отъ сродственниковъ нашихъ 80 руб. на «очистительную обѣдню» за 20 душъ—сложились, вишь, по 4 рубля, да и послали мнѣ; смотри, пишутъ, чтобы безпремѣнно у Гроба Господня! Ну, я и передала: помяни, говорю, батюшка, порачительнѣе; да, грѣшнымъ дѣломъ, знаю, что они торопятся — приложила ему рублевку, какъ списокъ-то именъ клала въ книжку ему, все, думаю, больше постарается!

— Помянулъ? спрашиваю потомъ.

— Помянулъ, помянулъ, какъ-же, матушка, какъ слѣдуетъ, возьми свой списокъ.

Я глядь, анъ рублевка-то тамъ все и лежитъ! должно, онъ туда и не заглядывалъ.

— А что же ты, говорю, рублевку-то не взялъ?

— Какую рублевку!?

Вѣрите-ли, покраснѣлъ весь; и вижу, что не то ему досадно, что попался, а что рублевку-то упустилъ!

Впрочемъ, главный способъ вымоганія денегъ, вымоганія въ широкихъ размѣрахъ, практикуется черезъ корреспонденцію съ Россіею: каждый настоятель имѣетъ своихъ благотворителей и жертвователей, которыхъ и извѣщаетъ о неотложныхъ нуждахъ обителей. Кромѣ того, при духовныхъ лицахъ, завѣдующихъ главными мѣстами христіанскихъ святынь, есть цѣлые добровольные штаты женщинъ-секретарей, изъ русскихъ поклонницъ, которыя тамъ поселяются (не смотря на формальное запрещеніе) и онѣ цвѣтистымъ жалостнымъ слогомъ своихъ увѣщаній направляютъ пожертвованія русскихъ богатыхъ людей въ греческія руки. Тутъ подаянія льются щедро, десятками тысячъ, и, какъ я сказалъ, лишь малою частью по почтѣ, а больше изъ рукъ въ руки поступаютъ мимо вѣдѣнія патріарха, людямъ, распоряжающимся ими совершенно безконтрольно. Куда уходитъ добрая часть денегъ—можно только догадываться по извѣстнымъ всему Іерусалиму исторіямъ высылки патріархомъ то одной, то и сразу двухъ пріятельницъ того или другаго изъ греческихъ духовныхъ особъ.

Рискуя навлечь на себя неудовольствіе весьма любезнаго, ведущаго правильную жизнь, теперешняго патріарха Никодима, я говорилъ ему о необходимости хоть какого-нибудь контроля со стороны русскаго общества ежегодно жертвуемыхъ имъ суммъ, а также и о несправедливости систематическаго отстраненія русскихъ священниковъ отъ служенія при всѣхъ святыняхъ Палестины (ни одного русскаго!). Въ отвѣтъ я получилъ откровенное признаніе его блаженства, что «если онъ допуститъ ко Гробу Господню хоть одного русскаго священника, то вызоветъ этимъ открытое возмущеніе грековъ, и пастырей, и пасомыхъ». Сами-же греки еще краснорѣчивѣе добавляютъ: «да и самому-то патріарху въ этомъ случаѣ не миновать чашки худаго кофея!»

В. В. Верещагинъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

XLX [1]).

Водопадъ.

(Изъ Мюллера).

Не одну слезу изъ глазъ я
Въ снѣгъ холодный уронилъ,
И видалъ уже не разъ я,
Какъ тоску мою онъ пилъ.

Хочетъ травка выйти въ полѣ—
Вѣтеръ теплый зашумитъ,
Таетъ лёдъ и снѣгъ по волѣ
Шумной рѣчкой побѣжитъ.

Знаетъ снѣгъ мое стремленье
И куда же ты потёкъ?...
За слезой направь теченье:
Съ ней вольешься въ ручеёкъ.

Въ городъ онъ тебя потянетъ,
Съ нимъ ты въ улицы войдешь,—
Гдѣ слеза теплѣе станетъ—
Домикъ милой ты найдешь.

Н. П. Огаревъ.

1840 г.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

О первыхъ шагахъ дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія.

[На основании архивныхъ документовъ].

Читано на торжественномъ актѣ археологическаго института 14-го мая 1889 г.

Созданіемъ, въ ряду губернскихъ установленій, учрежденіемъ губерній 7-го ноября 1775 г., Приказовъ общественнаго призрѣнія русское правительство вторично встрѣтилось съ областью пауперизма, внеся новые пріемы, новыя средства, новый методъ, такъ какъ создававшееся при первой встрѣчѣ оказалось въ жизни неосуществимымъ. Не говоря о слабыхъ попыткахъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, я разумѣю подъ первою встрѣчею широкое и въ высшей степени замѣчательное по идеѣ законодательство Петра В., заключающееся въ его регламентѣ главному магистрату и въ его инструкціи земскимъ комисарамъ. Какъ и во многихъ своихъ законоположеніяхъ, въ этихъ начертаніяхъ относительно области пауперизма Петръ В. пошелъ гораздо далѣе того, до чего додумалась Западная Европа. Именно здѣсь онъ указалъ, и весьма разумно, устремить всѣ силы на предупрежденіе бѣдности, а не ограничиваться дѣломъ призрѣнія бѣдныхъ, мало достигающимъ цѣли, если нѣтъ энергическихъ мѣропріятій по предупрежденію бѣдности. Но законы Петра не осуществились и не могли осуществиться: магистраты вовсе не создались, какъ мечталъ Петръ, а на должности земскихъ комисаровъ вовсе не нашлось подходящихъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, и въ городѣ, и въ уѣздѣ дѣло пауперизма оставалось безъ почина административнаго.

Вторично съ этой областью пауперизма встрѣчается законодательство при императрицѣ Екатеринѣ II. Учрежденіемъ губерній 7-го ноября

1775 г. въ каждой губерніи создается приказъ общественнаго призрѣнія, а XXV глава учрежденія посвящена величественному изображенію многочисленныхъ функцій приказа. Теперь приказы обществ. призрѣнія во всѣхъ губерніяхъ, съ введеніемъ земскихъ учрежденій, закрыты и сдѣлались предметомъ исторіи. И историческій анализъ, воздавая, конечно, должное и стремленіямъ законодательницы и стараніямъ дѣятелей, работавшихъ въ приказахъ, изъ разсмотрѣнія почти столѣтней дѣятельности этихъ любопытныхъ установленій, придетъ несомнѣнно къ выводу, что самая идея созданія приказовъ и весь ихъ складъ не могутъ быть признаны удачными по слѣдующимъ причинамъ: 1) они сдѣланы установленіями, которыя должны распоряжаться по цѣлой губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственно завѣдывать многочисленными установленіями губернскаго города; 2) составъ ихъ не самостоятельный: подъ предсѣдательствомъ губернатора они первоначально (до позднѣйшихъ измѣненій) состояли изъ отдѣляемыхъ въ ихъ засѣданіе приказа двухъ засѣдателей верхняго земскаго суда, двухъ засѣдателей губернскаго магистрата и двухъ засѣдателей верхней расправы; 3) такому, мало удовлетворительному для административной дѣятельности, составу были поручены громадной важности дѣла — попеченіе и надзираніе объ установленіи и прочномъ основаніи: народныхъ школъ, сиротскихъ домовъ, больницъ, богадѣленъ, домовъ для призрѣнія неизлечимыхъ больныхъ, домовъ для сумасшедшихъ, работныхъ домовъ, смирительныхъ домовъ; 4) для всѣхъ этихъ важныхъ дѣлъ каждому приказу выдано изъ казначейства по 15 тыс. р., дозволено принимать пожертвованія, и для увеличенія его средствъ производить банковыя операціи на основаніи двор. банка, но съ ограниченіемъ выдавать ссуды не болѣе какъ на годъ и въ однѣ руки не болѣе 1,000 р. и не менѣе 500 рублей (1-е П. С. № 14,392).

Большой интересъ представляется въ томъ, какъ начали дѣйствовать эти новыя установленія, какіе методы и пріемы стали они создавать, чтобы не потеряться въ этой обширной, трудной и новой области. На этотъ вопросъ могутъ отвѣчать только ихъ архивы, если въ нихъ уцѣлѣли протоколы этихъ установленій. Къ сожалѣнію, научная любознательность въ этомъ отношеніи должна быть очень скромная, такъ какъ мы не съумѣли уберечь нашихъ архивовъ, да и теперь не заботимся о сохраненіи уцѣлѣвшаго.

Такъ мнѣ хотѣлось, по архиву спб. приказа обществ. призрѣнія, прослѣдить его дѣятельность за первые годы, но пришлось ограничиться изученіемъ только первыхъ шаговъ его дѣятельности, такъ какъ въ архивѣ сохранились только первыя двѣ книги его протоколовъ, обнимающія первое полугодіе дѣятельности приказа. Слѣдующая

затѣмъ книга уже относится къ 1783 г. Драгоцѣнныя же, для меня конечно, протокольныя книги за 1781 г. и 1782 г. истлѣли, сдѣлавшись достояніемъ крысъ и наводненій.

Изъ сохранившихся же протокольныхъ книгъ за первое полугодіе слѣдуетъ, что приказъ открылся 31-го мая 1780 г. и дѣйствовалъ постоянно все полугодіе, между тѣмъ въ учрежденіи о приказахъ, именно въ ст. 393, говорится: «приказъ общественнаго призрѣнія имѣетъ одинъ срокъ засѣданія въ году, а именно отъ 8-го января до Страстной недѣли».

I.

Открытіе приказа послѣдовало 31-го мая 1780 г. съ большою пышностью: всѣмъ распоряжался бывшій тогда губернаторомъ Петербургской губерніи или управляющимъ губерніею, извѣстный въ исторіи сенаторъ Дмитрій Васильевичъ Волковъ (онъ оставался губернаторомъ только до 8-го августа 1780 г., его смѣнилъ назначенный губернаторомъ поручикъ губерніи Устинъ Сергѣевичъ Потаповъ). Почетныхъ гостей, генералъ-фельдмаршала князя Голицына и многочисленное собраніе знатныхъ обоего пола особъ встрѣтили игрою на трубахъ и литаврахъ. Членомъ св. синода архимандритомъ Іоасафомъ съ прочими духовными персонами совершено молебствіе съ окропленіемъ св. водою помѣщенія. Затѣмъ, въ присутствіи всѣхъ гостей, состоялось первое засѣданіе приказа, подъ предсѣдательствомъ губернатора Волкова, изъ двухъ засѣдателей Верхняго земскаго суда—графа Христофора Миниха, с. с. Николая Леонтьева, двухъ засѣдателей губернскаго магистрата—Степана Струговщикова и Ивана Зимина, и двухъ засѣдателей Верхней расправы, Семена Волкова и Ивана Поспѣлова. Засѣданіе открылось прочтеніемъ обширной XXV главы учрежденія губерній, послѣ чего предсѣдатель, губернаторъ Волковъ, сказалъ весьма интересную рѣчь, въ которой, остановившись на разсмотрѣніи многочисленныхъ функцій, возлагаемыхъ на приказъ 380-ю статьею XXV главы, ораторъ замѣтилъ: «предметы вышеозначенные суть весьма важны и представляются первому взору въ превеликой обширности, и превеликихъ трудовъ, предусмотрѣнія и соображенія требующими........ потребно тутъ и всецѣлое отъ насъ вниманіе и прилежаніе; но впрочемъ все удобно, все легко и самый трудъ пріятенъ и радостенъ..... щедрая рука императрицы одарила сіи богоугодныя начинанія и установленія съ преизобиліемъ; великій примѣръ великой Екатерины подвинулъ такое соревнительное во всѣхъ состояніяхъ въ обоихъ

полахъ подражаніе, что мы паче обременены избытками, нежели можемъ опасаться недостатка, какъ бы далеко ни простиралось къ общей пользѣ наше усердіе». Рѣчь должна была произвести впечатлѣніе; очевидно, опытный предсѣдатель и опытный ораторъ сначала напугалъ, а потомъ успокоилъ, обнадежилъ, поощрилъ.

Затѣмъ архимандритъ сказалъ слово собраннымъ во дворѣ бѣднымъ старикамъ, вдовамъ и сиротамъ, управляющій губерніею роздалъ сиротамъ пожертвованныя одѣянія, и призрѣваемые были угощены въ особыхъ покояхъ пищею (что обошлось приказу, какъ видно изъ уплаченнаго поставщику крестьянину Нестерову, въ 40 р.; кн. II, стр. 29), а гостямъ предложенъ былъ отъ управляющаго губерніею завтракъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что и за этотъ завтракъ приказу потомъ пришлось изъ своихъ суммъ уплатить за кушанья 160 р. трактирщику Хюгету и за напитки 85 р. погребщику Радышевскому (кн. I, стр. 106).

Управляющій губерніею сенаторъ Волковъ совершенно справедливо указалъ на пожертвованія, которыя потекли въ приказъ:

1) Императрица, кромѣ 15 тыс. по общему положенію, повелѣла передать въ приказъ на его дѣла 52,659 р., собранныхъ петербургскимъ дворянствомъ и гражданствомъ на сооруженіе памятника императрицѣ (это прелестная историческая резолюція, составляющая эстетическій памятникъ, воздвигнутый себѣ Екатериною) и кромѣ того повелѣла коллегіи экономіи продолжить ежегодный отпускъ 15,417 р. на содержаніе уже бывшихъ въ Петербургѣ городскихъ богадѣленъ [1]).

2) Примѣръ государыни повліялъ на окружающихъ. Приглашенные на торжественное открытіе Приказа явились съ пожертвованіями, коихъ всего въ этотъ день было внесено 32,337 р. (Кн. Прот. I, стр. 82).

Между пожертвованіями были весьма крупныя: депутаты иностраннаго купечества внесли 5 тыс. р., такую же сумму коллежскій ассессоръ Яковлевъ, тульскій купецъ Володиміровъ 4,000 р., членъ Приказа Струговщиковъ 1,000 р., членъ губ. магистрата Роговичъ съ братомъ 500 р., духовникъ императрицы, Благовѣщенскаго собора протоіерей Іоаннъ—100 р., архіепископъ Новгородскій и С.-Петербургскій изъявилъ желаніе ежегодно доставлять 120 р. какъ проценты съ жертвуемаго имъ капитала въ 2000 р., И. И. Бецкій внесъ въ Спб. отдѣленіе Воспитательнаго Дома капиталъ, съ котораго ежегодные проценты,

---

[1]) Ср. мою статью: «Историческій очеркъ городскихъ богадѣленъ въ С.-Петербургѣ», пом. въ 2 части изд. городскимъ общественнымъ управленіемъ «Охраненіе общественнаго здравія въ Петербургѣ» 1889 г. И. А.

въ размѣрѣ 250 рублей, должны быть выдаваемы Приказу, и объ этомъ пожертвованіи извѣстилъ предсѣдателя Приказа, управлявшаго губерніею Волкова, слѣдующимъ письмомъ:

«Доброжелательствуя успѣхамъ человѣколюбивыхъ намѣреній, съ каковыми учрежденъ Приказъ общественнаго призрѣнія, при семъ препровождаю съ моей стороны помощь человѣчеству, о коемъ стараніи поручено сему благотворительному Приказу, гдѣ ваше превосходительство достойно предсѣдательствуете; сдѣланная при открытіи онаго толь нечаянно въ вашемъ поразительномъ словѣ мнѣ честь не есть причина, побудившая къ сему меня, желающаго быть всегда полезнымъ обществу единственно для пользы общества, а не для звуковъ славы; чистое удовольствіе, происходящее отъ благотворенія, какъ безъ сомнѣнія вы сами съ вашими сочленами сего благодѣтельнаго Приказа то чувствуете, есть столь сладостно, что никакое бренное утѣшеніе славы съ нимъ сравниться не можетъ и вотъ моя единая награда, которую я себѣ за всѣ мои попеченія полагалъ и въ семъ случаѣ полагаю, уповая, чтобъ быть полезнымъ благодѣтельнымъ упражненіямъ Приказа общественнаго призрѣнія я всегда должностью моею почту».

Добрыя и хорошія мысли русскаго дѣятеля XVIII вѣка! Русскіе государственные люди этого столѣтія плѣнялись идеалами. Иванъ Ивановичъ Бецкій! Сколько въ этомъ историческомъ имени историческаго добра! Онъ жилъ и энергично дѣйствовалъ во многихъ государственныхъ предпріятіяхъ, всегда вдохновляясь плѣнительнымъ идеаломъ добра, стремленіемъ доставить возможно бо̀льшее счастіе возможно бо̀льшему числу людей. Спасибо ему.

И не только въ день открытія Приказа, но и потомъ поступали пожертвованія. Между прочимъ, дворяне, по подпискѣ, собрали 3 тыс рублей. О всѣхъ принятыхъ пожертвованіяхъ Приказъ положилъ печатать въ Академическихъ Спбургскихъ Вѣдомостяхъ. Для сбора же пожертвованій устроилъ 50 кружекъ, препроводивъ ихъ преосвящ. Гавріилу, прося приказать поставить въ надлежащихъ мѣстахъ. (Кн. прот. I, 48).

II.

Храненіе полученныхъ капиталовъ представило не мало затрудненій для Приказа. Но переведенный секретаремъ Приказа опытный секретарь ревизіонъ-коллегіи Петръ Арбузовъ разрѣшилъ довольно удачно эти затрудненія: первоначально всѣ суммы были отправлены въ уѣздное казначейство, а потомъ заказали желѣзный сундукъ, создали своего казначея и начали дѣйствовать въ области предоставленныхъ Приказу банковыхъ операцій. Возможность полученія изъ Приказа ссудъ, въ которыхъ, не смотря на дѣятельность Дворянскаго Банка, весьма многіе нуждались, доставила приказу весьма скоро популярность: занять всегда было много охотниковъ. Выдача ссудъ началась уже 9 іюля: первою заемщицею (на 1000 р.) явилась жена ротмистра л.-гв. Коннаго полка княгиня Елисавета Волконская, и съ ея легкой руки операціи ссудъ пошли довольно скоро. Занимали не только посторонні лица, но въ сентябрѣ уже занялъ 1000 р. и членъ Приказа гр Минихъ. Скоро встрѣтилась и колливія банковыхъ учрежденій, представившая затрудненія по причинѣ отсутствовавшей тогда правильной ипотечной системы, которой, впрочемъ, и теперь еще у насъ нѣтъ. Именно, поручикъ Штегельманъ взялъ въ Приказѣ ссуду въ 1,000 рублей подъ залогъ своего имѣнія, но чрезъ 2 мѣсяца убѣдился, что такой ссуды ему недостаточно, и обратился въ Ссудную казну Воспитательнаго Дома (начавшую уже дѣйствовать) съ просьбою заложить это же самое имѣніе за 3,500 рублей, выдавъ ему на руки 2,500 р., а 1,000 р. Приказу для погашенія взятой у него ссуды. На послѣдовавшее предложеніе Ссудной казны Приказъ согласился (кн. II, стр. 68).

III.

Въ область открытія и завѣдыванія цѣлою обширною серіею установленій, означенныхъ въ ст. 380, предсѣдатель Приказа Волковъ вступилъ весьма энергично. По его предложенію, уже 9-го іюня, Приказъ опредѣлилъ послать запросы, какъ петерб. оберъ-полицій-мейстеру, такъ и командующимъ во всѣхъ городахъ Петербургской губерніи, чтобы немедленно доставили вѣдомости, какія изъ означенныхъ въ 380 ст. установленій имѣются въ каждомъ городѣ и уѣздѣ. Отъ оберъ-полиціймейстера петербургскаго Петра Вас. Лопухина скоро представлена была вѣдомость объ имѣющихся въ столицѣ частныхъ школахъ и богадѣльняхъ, подъ именемъ градскихъ; изъ другихъ

городовъ стали поступать донесенія, что никакихъ такихъ установленій не имѣется, за исключеніемъ г. Нарвы, магистратъ котораго увѣдомилъ (24 іюля), что въ г. Нарвѣ имѣется богадѣльня и домъ для умалишенныхъ, и съ капитала 2 тыс. рублей (образовавшагося изъ тысячи рублей, пожалованной Императрицею, и тысячи рублей, доставленныхъ ратманами) проценты идутъ на поддержку сиротъ (кн. прот. I, стр. 70).

Получивъ немногія данныя, Приказъ представилъ Правительствующему Сенату о передачѣ въ его вѣдѣніе установленій, перечисленныхъ въ ст. 380. Правительствующій Сенатъ сталъ удовлетворять частями это представленіе: уже въ іюлѣ предписалъ коллегіи экономіи передать Приказу петербургскую богадѣльню. (I, стр. 34).

Въ засѣданіи 4-го іюля Приказъ поручилъ своему члену Зимину: 1) принять въ вѣдомство Приказа пансіоны, въ столицѣ имѣвшіеся, позаботиться о поправленіи ихъ и объ употребленіи приличныхъ мѣръ по сношенію съ господами профессорами, къ чему и о пріемѣ экзамена, назначаемаго отъ господина директора Академіи; 2) о немедленномъ заведеніи въ уѣздныхъ городахъ градскихъ школъ на точномъ основаніи ст. 384 гл. XXV; 3) объ учрежденіи также богадѣленъ; 4) объ открытіи изготовленной въ Петербургѣ больницы (Обуховской) и дачѣ ей наставленія; 5) о немедленномъ учрежденіи въ здѣшней столицѣ госпиталя для леченія венерическихъ болѣзней и о пріемѣ для того дома или за Калинкинымъ мостомъ или на Васильевскомъ островѣ, призвавъ для совѣта лейбъ-хирурга Кельхена, и 6) о скорѣйшемъ учрежденіи Смирительнаго дома и дома сумасшедшихъ. (Кн. I, 33).

Нелегкія порученія возложились, такимъ образомъ, на трудолюбивѣйшаго изъ членовъ Приказа Зимина. Принятіе богадѣльни и заботы объ ея устройствѣ возложены были на другаго члена Струговщикова.

Зиминъ занялся, прежде всего, Обуховскою больницею и устройствомъ Смирительнаго дома.

Обуховская больница была уже совершенно готова, онъ ее принялъ, представилъ о всемъ Приказу, который и сдѣлалъ распоряженіе объ открытіи ея 16 августа, о чемъ и распубликовалъ въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

Устройство Смирительнаго дома не мало хлопотъ и огорченій доставило Зимину. Устроивъ домъ для заключенія въ немъ смиряемыхъ, онъ устроилъ для нихъ работы по сооруженію городскаго вала (стр. 114). Затрудненія для него являлись въ томъ, что оберъ-полицій-мейстеръ и по его представленію Нижній Надворный Судъ весьма старательно начали смирять людей и ставили Зимина въ затрудненіе,

принимать-ли всѣхъ, присылаемыхъ для смиренія, въ виду неопредѣленности закона, кто кого и какъ смирять долженъ. Отъ 5 августа 1780 г., въ 1-й книгѣ записанъ очень любопытный протоколъ Приказа.

Нижній Надворный Судъ препроводилъ въ Приказъ для безсрочнаго заключенія въ Смирительномъ домѣ взятую въ пьянствѣ и безъ паспорта солдатку Васильеву, которая показала, что она паспортъ утеряла, а подлинную личность ея удостовѣрилъ ея свойственникъ, медицинской коллегіи копіистъ Завалюнинъ. Приказъ, перечисливъ, на основаніи ст. 391 гл. XXV, всѣхъ лицъ, заключаемыхъ въ Смирительный домъ, опредѣлилъ: сообщить Нижнему Надворному Суду, «что его приговоръ о ссылкѣ въ Смирительный домъ долженъ быть основанъ по точному начертанію означенной статьи, и для того имѣетъ впредь объяснять о таковыхъ подробно презрительные поступки, и коликое время усмиреніе долженствуетъ продолжаться. А потому Приказъ и не оставитъ сдѣлать надлежащее исполненіе — а безъ означеннаго объясненія впредь таковыхъ присылаемыхъ на смиреніе принимать не будетъ» (стр. 91).

IV.

Не менѣе хлопотъ на первыхъ порахъ доставила Приказу и богадѣльня. Принявъ въ свое вѣдѣніе Василеостровскую богадѣльню, Приказъ нашелъ въ ней: 2-хъ неизлечимобольныхъ, 3-хъ дряхлыхъ, 4-хъ престарѣлыхъ, 6 отроковъ, 5 младенцевъ и богадѣленныхъ 1,694. Такъ какъ многіе изъ помѣщенныхъ въ богадѣльню объявили желаніе быть освобожденными на свое пропитаніе, при чемъ обѣщали представить росписки благотворительныхъ людей, что не допустятъ ихъ до нищенства, то Приказъ начерталъ правила о такихъ поручителяхъ, подъ росписки которыхъ могутъ быть освобождаемы богадѣленные (Кн. II, стр. 59). Но такъ какъ полиція чрезвычайно усердно захватывала нищихъ, представляя ихъ для призрѣнія, то Приказъ весьма былъ затрудненъ на первыхъ порахъ въ этой области богадѣленнаго. дѣла. Любопытно при этомъ, что явились охотники эксплоатировать богадѣленныхъ нищихъ, подавлявшихъ своимъ количествомъ средства Приказа.

Въ засѣданіи его 30 октября 1780 г. слушалось прошеніе Шлиссельбургской ситцевой фабрики содержателя Лимана, представленное его прикащикомъ, спб. купцомъ Яковомъ Москвинымъ, о томъ, «что извѣстившись онъ, господинъ Лиманъ, объ имѣющихся въ вѣдомствѣ

Приказа такихъ женщинъ, кои по состоянію и лѣтамъ долженствуютъ имѣть прокормленіе работою, приличною женщинамъ, чего ради и проситъ объ отдачѣ на означенную фабрику женщинъ — съ такимъ предувѣреніемъ, что имѣютъ быть прилично содержимы и какъ пищею, такъ и одеждою снабдѣвать не оставитъ» (о заработной платѣ, по скромности, умалчиваетъ), «а притомъ не будутъ допущены до мірскаго подаянія, и ежели обратно потребуются, то представлены будутъ во всякое время». Это предложеніе показалось Приказу очень заманчивымъ. Разсуждая, что въ Василеостровской богадѣльнѣ, за вычетомъ отданныхъ подъ росписки поручителямъ, остается еще обоего пола 1,800 человѣкъ, и по спискамъ члена Приказа Струговщикова, «Приказъ извѣстенъ, что немалое число оказалось женщинъ презрительнаго поведенія, каковыя для удержанія прочихъ отъ соблазна особо отобраны», и основываясь на ст. 387 XXV главы, счелъ себя въ правѣ распорядиться этими женщинами, согласно прошенію фабриканта, и приказалъ смотрителю богадѣльни комисару Шураеву отобрать такихъ женщинъ и списокъ ихъ представить въ Приказъ. (Кн. II, стр. 70).

V.

Въ области вѣдѣнія народнаго образованія и школьнаго дѣла Приказъ, конечно, не могъ быть во всеоружіи. Дѣло это было еще тогда въ пренебреженіи, почему Приказы и призваны къ командованію школами. Еще только чрезъ два года (7 сент. 1782 г.) состоялся указъ объ учрежденіи Комиссіи народныхъ училищъ. (1-е П. С. Зак. № 16,507). Приказъ же, получивъ отъ оберъ-полицiймейстера списокъ всѣхъ училищъ и ввѣривъ ихъ своему сочлену Зимину, дѣлаетъ первое распоряженіе о всѣхъ школахъ по поводу одного частнаго прошенія. Именно, по поводу поданнаго доношенія французской націи отъ мадамъ де-Нолтіеръ съ дочерью о дозволеніи открыть въ Петербургѣ пансіонъ на 15 дѣвицъ, при чемъ просительница подробно объяснила основанія сего пансіона и приложила свидѣтельство о своей педагогической дѣятельности отъ графа Сергѣя Павловича Ягужинскаго, въ домѣ котораго она была учительницею въ теченіе 20 лѣтъ, Приказъ сдѣлалъ такое опредѣленіе: «С.-Петербургской Императорской Академіи въ комиссію послать сообщеніе, съ тѣмъ, чтобы она благоволила чрезъ кого надлежитъ экзаменовать въ предписанныхъ наукахъ—довольно-ли онѣ знанія имѣютъ быть учитель-

ницами; касательно-жъ до прочихъ публичныхъ училищъ, здѣсь находящихся, какъ объ оныхъ въ Приказѣ имѣется реестръ, полученный отъ г. оберъ-полиціймейстера, то послать къ нему предложеніе, дабы онъ приказалъ всѣмъ повѣстить, чтобы явились въ Приказъ будущаго 7-го числа декабря и когда явятся, то имъ въ присутствіи объявить, чтобы представили о знаніи своемъ атестаты, а также приложили реестры ученикамъ своимъ съ показаніемъ коликихъ лѣтъ и въ какихъ наукахъ упражняются». (Кн. II, 79).

Послѣдующую дѣятельность Приказа до 1783 г. можно разобрать уже не по протоколамъ, а только по отдѣльнымъ сохранившимся дѣламъ.

VI.

Представивъ, на основаніи архивнаго матеріала, эти коротенькія указанія о первыхъ шагахъ дѣятельности спб. приказа общественнаго призрѣнія, я думалъ сдѣлать эти указанія напутственными для оставляющихъ сегодня институтъ его слушателей и вступившихъ опять въ него сегодня же въ качествѣ его дѣйствительныхъ членовъ. Если первые шаги дѣятельности Приказа спб. обществ. призрѣнія возбуждаютъ хотя нѣкоторый интересъ, то у меня рождается надежда, если мнѣ удастся по дѣламъ архива разобрать дальнѣйшую дѣятельность этого приказа и представить ее въ новыхъ чтеніяхъ, то и на этихъ чтеніяхъ мы опять увидимъ нашихъ слушателей въ стѣнахъ института. А для насъ всегда въ высшей степени отрадно, когда скромный институтскій залъ принимаетъ на своихъ чтеніяхъ почетныхъ гостей и бывшихъ слушателей института, какъ своихъ дѣйствительныхъ членовъ.

И. Е. Андреевскій.

14-го мая 1889 г.

Приказы и резолюціи императора Павла

1799 и 1800 гг.[1]).

1.

Въ именномъ е. и. вел—ва высочайшемъ указѣ, данномъ сенату 19-го декабря 1799 г., изображено: е. и. вел—во, по прошенію умершаго генералъ-лейтенанта Смородина, отъ 8-го сего декабря, высочайше указать соизволилъ: зятю его гарнизоннаго Демидова полку штабсъ-капитану Володимерову принять фамилію Смородиныхъ, на которую изготовивъ надлежащую грамоту, поднести е. и. вел—ву къ высочайшему утвержденію.

2.

Въ имянномъ е. и. вел—ва высочайшемъ указѣ, объявленномъ сенату 1799 г. ноября въ 16 день генераломъ отъ инфантеріи, бывшимъ генералъ-прокуроромъ и кавалеромъ Александромъ Андреевичемъ Беклешовымъ, изображено: е. и. вел—во, всемилостивѣйше дозволивъ воспитаннику умершаго бригадира Горича поручику Оричу принять гербъ и фамилію его воспитателя, высочайше указать соизволилъ поднесть на дворянство его грамоту къ высочайшему подписанію.

Марта 19-го (1800 г.). По слѣдственному дѣлу о генералъ отъ инфантеріи Штрандманѣ и прикосновенныхъ къ оному по сентенціи военнаго суда, послѣдовала высочайшая конфирмація: «а дѣло вздорное, и Штрандманъ и Юргенцъ уже не въ службѣ».

Марта 23-го. Е. и. в. усматриваетъ по присылаемымъ въ гвардію изъ полковъ людямъ, что во многихъ полкахъ оные имѣютъ позитуру болѣе сходную для кулашнаго боя, нежели приличную для солдата, что и сегодня было особенно замѣчено съ людьми изъ полку ген.-маіора Хитрово, которые были такъ задерганы, что отъ нихъ добиться слова нельзя было, что и дается къ замѣчанію всей арміи.

---

[1]) Въ дополненіе къ многочисленному собранію высочайшихъ указовъ, приказовъ и резолюцій, состоявшихся въ 1796—1801 гг. и напечатанныхъ разновременно въ «Русск. Стар.», сообщается здѣсь еще нѣсколько за 1799 и 1800 гг.

Г. С

Апрѣля 29-го. Е. и. в. дѣлаетъ выговоръ свитѣ своей по квартирмейстерской части за вѣтренность и невѣдѣніе дорогъ своего государства.

Мая 12-го. Гарнизоннаго князя Гика полку штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ, по сентенціи военнаго суда, лишается чиновъ и дворянства и написывается вѣчно въ рядовые, съ прогнаніемъ шпицрутеномъ сквозь 1000 человѣкъ.

— Въ примѣръ другимъ, дѣлается выговоръ отставленному отъ службы генералъ-лейтенанту Свѣчину 2 за выдумки, совсѣмъ несходственныя съ апробованными образцами въ обмундированіи драгунскаго полку его имени.

Іюня 11-го. Драгунскаго Обрѣзкова полку подпоручикъ Викторовъ, за посылку изъ ввѣренной ему команды трехъ человѣкъ драгунъ—красть у обывателей барановъ и муки, кои, не смѣя ослушаться, исполнили его желаніе, а онъ раздѣлилъ съ ними украденную муку, по представленію шефа, исключается изъ службы, съ лишеніемъ чиновъ и дворянства, и отсылается, какъ воръ, къ гражданскому суду.

Сообщ. Г. И. С.

Автографъ историка Георга Вебера.
(первая страница его статьи смотри выше).

Wechselbeziehungen zwischen Preußen und Rußland in früheren Jahren. Historische Reminiscenzen von Georg Weber

---

In unsern Tagen gibt sich in der Moscowitischen Presse vielfach eine feindselige Stimmung gegen Preußen und das deutsche Reich kund. Es dürfte daher zeitgemäß sein, aus der Vergangenheit einige geschichtliche Züge in Erinnerung zu bringen, wo die beiden Mächte und ihre monarchischen Oberhäupter in wichtigen Momenten Hand in Hand gingen und politisch-militärische Bündnisse schlossen, die Jahrzehnte lang für die Geschichte Europas von entscheidender Bedeutung waren.

Die französische Revolution und die Theilung Polens gingen gleichzeitig vor sich und gaben der Politik des Jahrhunderts einen neuen Charakter. Beide Er-

eigentlichen Werke in Wechselbeziehung und hatten, welche auf Rang der Reiche des in der neueren Geschichte und auf die öffentlichen Dinge in Europa u. durchgreifendsten Einfluß.

An dem Theilungsprozeß der Republik Polen trugen die drei Großmächte im Norden und Osten die gleiche Schuld. Man konnte auf Österreich, Preußen und Rußland den bekannten Gedichtvers auf die drei Parzen anwenden: Klotho beginnt, Lachesis spinnt, Atropos schneidet den Faden entzwei. Und der verstorbene Schweizer Historiker Johannes Müller hat nicht Unrecht, wenn er den Ausspruch thut: Gott wollte durch die Theilung Polens die Moralität der Großen offenbaren.

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,

императоръ всероссійскій.

Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры—$^{3}/_{4}$ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II,—Академика Сѣрякова,—предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины»—

☞ лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за **семь семикопѣечныхъ** *почтовыхъ марокъ* (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ сверткѣ.

Примѣчаніе. *Семь почтовыхъ марокъ* или *50 копѣекъ* уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполнѣ замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двадцатый. **СЕНТЯБРЬ.** 1889 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ** въ 1715—1763 гг. Гл. VI—IX. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 459

II. **Записки князя Юрія Владиміровича Долгорукова, 1740—1830.** 481

III. **Дневникъ Александра Васильевича Никитенко, 1835—1837 гг.** 519

IV. **Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера,** 1808—1858. Гл. XII—XVII. Сообщ. А. Лопатинскій 559

V. **Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ.** Воспоминанія доктора Н. А. Бѣлоголоваго, 1876—1888. 579

VI. **Іаковъ Ивановичъ Ростовцовъ:** 1. Письмо его къ кн. Е. П. Оболенскому 1858 г.—2. Письмо I. И. Ростовцова къ вел. кн. Николаю Павловичу и ихъ разговоръ 12-го декабря 1825 г.—3. Письмо кн. Е. П. Оболенскаго къ I. И. Ростовцову 1859 г. 617

VII. **Орестъ Θеодоровичъ Миллеръ:** 1. Слово проф. О. М. Ѳ. Горчакова.—2. Автобіографическія замѣтки.—3. Доска на домѣ, гдѣ онъ родился.—4. Предсмертная его статья. — 5. Очеркъ объ О. Ѳ. Миллерѣ и о немъ воспоминаніе. 655

VIII. **Андрей Александровичъ Краевскій,** † 8 августа 1889 г. . . . 709

IX. **Путевые очерки, замѣтки и наброски. Поѣздка М. И. Семевскаго по Россіи въ 1888 г.: Ростовъ-Великій.** 683

X. **Матеріалы, очерки и стихотв.:** Костяной образъ 1656 г. (718).—Н. П. Огаревъ (518 и 654).—Адріанъ Пушкинъ въ Соловецкомъ монастырѣ (640).—Т. П. Пассекъ въ 1868—1874 гг. (643).—М. Е. Салтыковъ (616).—Л. Л. Леонидовъ, † 5 августа 1889 г. (715).—**Памятники замѣчательнымъ русскимъ дѣятелямъ** (647).

XI. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Александра Васильевича Никитенко,** гравиров. В. В. Бергъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1889.

IX-я книга „Русской Старины" вышла 1-го сентября 1889 г.

Архивъ князя Воронцова. Книги XXXIV и XXXV-ыя. Москва, 1888 и 1889 гг., въ 8 д., стр. 504+502. Цѣна каждой книги по три рубля.

Весьма пріятно, что этотъ сборникъ, представившій, въ тридцати трехъ томахъ, массу драгоцѣнныхъ матеріаловъ для отечественной исторіи, преимущественно XVIII вѣка, продолжается. Относительно же редакціи его и внѣшняго вида мы могли бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній, ограничимся слѣдующими: а) многіе изъ документовъ, помѣщенныхъ въ «Архивѣ Воронцова», безъ всякаго ущерба, могли бы быть опущены, такъ ничтожно ихъ значеніе. Напр., въ настоящихъ томахъ, въ 34-мъ, помѣщена смѣсь изъ дѣлъ конференціи за время Елисаветы Петровны, разныя черновыя бумаги ея канцлера М. Л. Воронцова и нѣсколько отрывочныхъ бумагъ времени Екатерины II; изъ этой смѣси одна треть могла бы быть смѣло опущена, а въ 35 томѣ напечатана масса писемъ графа А. Х. Бенкендорфа къ кн. М. С. Воронцову, съ 1803 по 1843 гг., но до нельзя пустыхъ и безсодержательныхъ, до того, что изъ 182-хъ вошедшихъ сюда документовъ едва ли можно указать на двадцать, имѣющихъ историческое значеніе, прочіе не только не интересны, но даже ни мало не характеризуютъ ни личность Бенкендорфа, ни его время; б) письма печатаются съ громадными промежутками, точно редакторъ «Воронц. архива» хочетъ растянуть сборникъ на лишній десятокъ томовъ, въ то время, какъ если бы онъ сжалъ наборъ хотя бы въ тотъ видъ, въ какомъ печатается, напр., «Русскій Арх.», то могъ бы дать, за тѣ же три рубля, вдвое болѣе матеріаловъ, да и скорѣе закончить изданіе всего, что, по его мнѣнію, заслуживаетъ вниманія въ Воронцовскомъ архивѣ; в) для удобства справокъ надлежитъ дѣлать постраничные заголовки; г) вовсе нѣтъ надобности дѣлать ничего незначущія примѣчанія, въ такомъ, напр., родѣ: объ упоминаемомъ здѣсь лицѣ я ничего не знаю; событіе, о которомъ здѣсь говорится, мнѣ неизвѣстно, и т. п. Либо такія восклицательныя замѣтки: «любопытное показаніе»; «произошло страшное сраженіе, а NN потомъ участвовалъ въ другомъ сраженіи», и т. п. Къ чему все это?

Можно бы было отмѣтить, также какъ недостатокъ изданія, отсутствіе въ немъ переводовъ документовъ, напечатанныхъ на иностранныхъ языкахъ, а таковыхъ весьма много (почти весь 35-й томъ), но мы не указываемъ на это въ виду того, что «Воронцовскій Архивъ» покупается въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ только людьми, спеціально занимающимися и особенно интересующимися исторіей, для которыхъ хорошее знаніе иностранныхъ языковъ обязательно; если же издатель желаетъ, чтобы «Воронц. Архивъ» расходился, и если вѣрно, что на каждый томъ имъ расходуется значительная сумма, то печатаніе на иностранныхъ языкахъ бумагъ не иначе, какъ съ переводами, вполнѣ и необходимо и возможно. За всѣмъ тѣмъ крайне желательно, дабы изданіе «Воронц. Архива» продолжалось до самаго конца, т. е. пока весь этотъ архивъ будетъ исчерпанъ. Изъ матеріаловъ болѣе интересныхъ въ названныхъ томахъ укажемъ: письмо Бирона изъ Ярославля и письма Фридриха II къ нѣкоторымъ его генераламъ; письма эти были захвачены въ семилѣтнюю войну австрійцами, въ копіи сообщены русскому главнокомандующему и тогда же переведены; этотъ-то переводъ XVIII вѣка и напечатанъ нынѣ въ XXXIV томѣ «Вор. Арх.», стр. 214—256; желательно бы знать подлинники этихъ важныхъ, для исторіи той войны, писемъ, такъ какъ австрійцы, сообщая въ русскую армію копію, могли, для своихъ цѣлей, передать ее съ своими дополненіями и сокращеніями. Любопытны письма матери Екатерины II, 1760 г., къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; также письмо гр. С. Р. Воронцова изъ Лондона къ брату, какъ и вообще интересны всѣ письма этого госуд. человѣка (см. IX томъ «Вор. Арх.»); любопытно письмо гр. А. Р. Воронцова къ гр. Безбородко о политич. дѣлахъ 1794 г. и нѣкоторыя другія. **Н. Б.**

Опытъ исторіи Библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Сочиненіе Н. А. Астафьева. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. 180. (Отд. оттискъ изъ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1888—1889 гг.).

Трудъ очень хорошо составленный по первоначальнымъ источникамъ — лѣтописямъ и актамъ—и на основаніи различныхъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" будетъ выходить въ 1890 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Много портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, для „РУССКОЙ СТАРИНЫ" 1890 года, награвировано лучшими русскими художниками на мѣди и на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" будетъ по прежнему помѣщать въ 1890 г. на своихъ страницахъ, между прочими вполнѣ интересными записками (мемуарами), статьями и матеріалами, множество данныхъ для исторіи минувшаго царствованія императора Александра II Освободителя и для біографій и характеристикъ его достопамятныхъ сподвижниковъ.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ" 1890 г. принимается для **иногородныхъ** въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ", по Большой Подьяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (Невскій пр., д. № 46). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха) и **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).

[см. на оборотѣ].

Подписчики «Русской Старины», при возобновленіи подписки на этотъ журналъ на 1890 г.,—двадцать первый годъ изданія, могутъ получить, по значительно меньшимъ цѣнамъ, слѣдующія художественныя изданія:

ЧЕТВЕРТЫЙ СБОРНИКЪ гравюръ (печатается) «Русской Старины». Гравюры исполнены на мѣди проф. И. П. Пожалостинымъ и художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ.

Этотъ сборникъ будетъ продаваться подписчикамъ „Русской Старины» за **одинъ** руб. съ перес., для прочихъ лицъ **четыре** руб.

ТРЕТЬЕ СОБРАНІЕ ПОРТРЕТОВЪ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ГРАВЮРЫ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

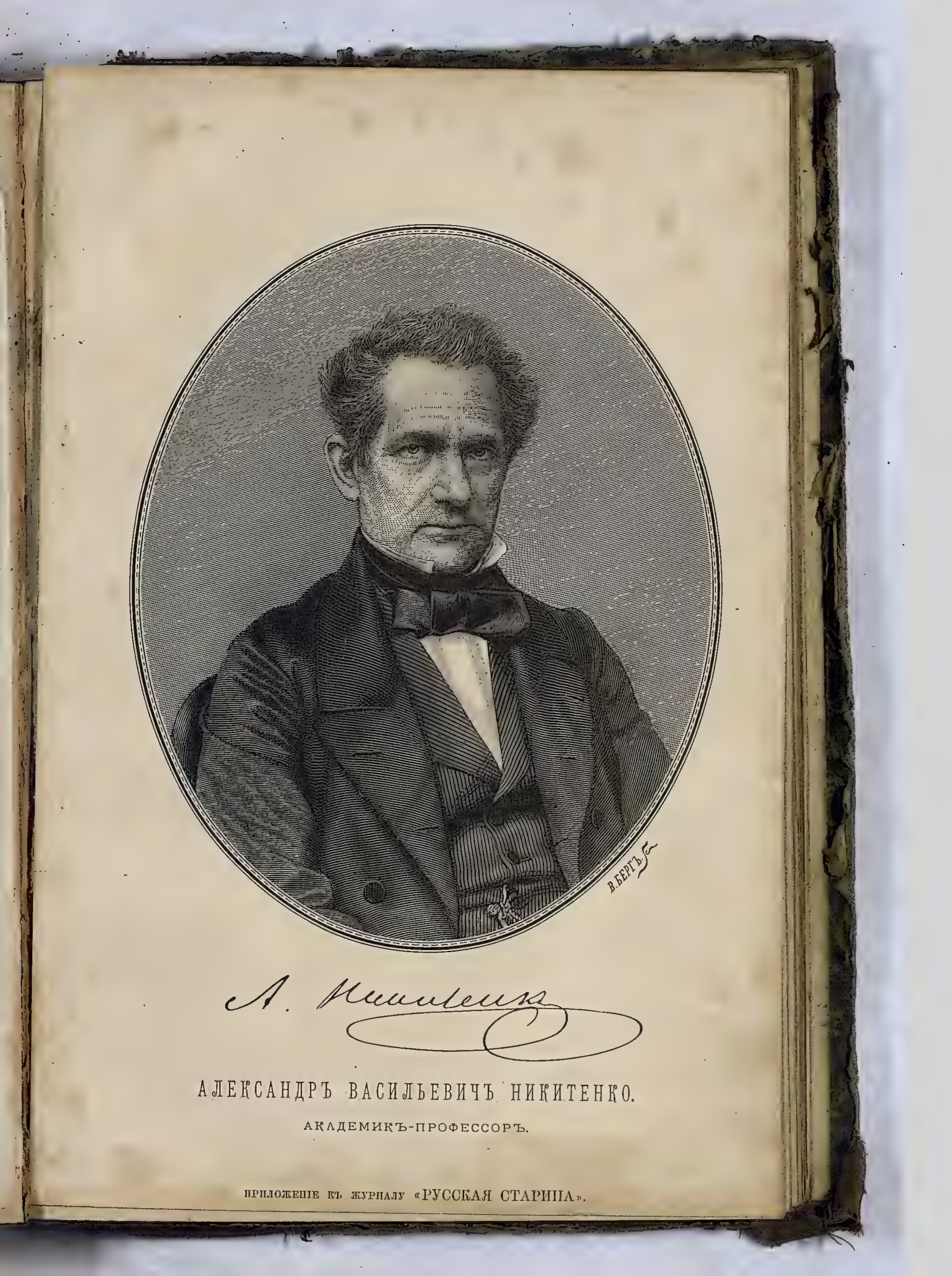
[НА ДЕРЕВѢ].

Цѣна для подписчиковъ «Русск. Старины» вмѣсто **ЧЕТЫРЕХЪ** р. **ОДИНЪ** руб. съ пересылкою.

Содержаніе **третьяго** сборника гравюръ „Русской Старины":

Владиміръ св. — П. Еропкинъ. — Графъ Тотлебенъ. — Кн. М. Щербатовъ. — А. Фигнеръ. — А. Сеславинъ. — М. Муравьевъ-Апостолъ. — Гр. В. Панинъ. — Гр. С. Строгановъ. — Я. Соловьевъ. — С. Зарудный. — Гр. Н. Евдокимовъ. — П. Зотовъ. — К. Брюлловъ, М. Глинка, Н. Кукольникъ. — М. Глинка. — М. Каченовскій. — Д. Бантышъ-Каменскій. — В. Нарѣжный. — А. Бестужевъ. — М. Лермонтовъ. — И. Аксаковъ. — Гр. Л. Толстой. — М. Розенгеймъ. — С. Макарова. — Г. Ломакинъ. — Э. Стоговъ. — Отшельникъ Ѳедоръ. — Памятникъ и барельефъ на общей могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова. — Памятникъ Славы.

Примѣчаніе. Такъ какъ третьяго выпуска сборника гравюръ имѣется 1214 экз., а четвертый томъ гравюръ, (исполненныхъ на мѣди), въ виду дороговизны ихъ тисненія, печатается всего лишь въ 2000 экз., т. е. на двѣ трети менѣе числа подписчиковъ на «Русскую Старину», то желающихъ имѣть эти сборники просятъ высылать подписныя на журналъ 1890 г. и на помянутые сборники гравюръ деньги заблаговременно.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НИКИТЕНКО.

АКАДЕМИКЪ-ПРОФЕССОРЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ГРАФЪ ГОТЛОБЪ-КУРТЪ-ГЕНРИХЪ ТОТЛЕБЕНЪ

въ 1715—1763 гг.

Матеріалы для біографіи.

VI [1]).

Въ Померанію былъ назначенъ особый корпусъ, подъ начальствомъ графа Петра Александровича Румянцова, который долженъ былъ приступить и къ осадѣ Кольберга, при помощи имѣющаго прибыть туда флота и привезенной имъ осадной артиллеріи. Увѣдомляя объ этомъ, Бутурлинъ вновь поманилъ Тотлебена на такое предпріятіе, совершеніе котораго, казалось бы, не могло не льстить самолюбію честолюбиваго генерала. Еще 10 января, 1761 г. отправляя къ Тотлебену поручика Древеса, служившаго прежде въ прусской арміи и присланнаго отъ нашего двора съ «нѣмецкимъ секретнымъ проектомъ» внезапнаго захвата Кольберга, Бутурлинъ писалъ Тотлебену: «кажется ко взятію сего города сюрпризою нынѣ и самое удобнѣйшее время настоитъ, чего ради рекомендую вамъ не упустить и гораздо точно сіе дѣло въ разсмотрѣніе взять», однако же, «на сіе предпріятіе не поступать буде окажется въономъ или неудобство времени и обстоятельствъ, или же оное съ какою отвагою сопряжено будетъ». Но Тотлебенъ отклонилъ отъ себя это порученіе.

---

1) См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, октябрь, стр. 1—34; изд. 1889 г., томъ LXII, іюнь, стр. 513—534.

«По пріѣздѣ моемъ сюда (въ Кеслинъ), доносилъ онъ 17 января, засталъ я поручика Древеса. Что до его проекта и прочихъ обстоятельствъ, то я о томъ долженъ, какъ наикрайнѣйше разсудя, вашему сіятельству обстоятельно отрапортовать; только напередъ долженствую донести, что я не безувѣренъ въ томъ, что особливо въ нынѣшнемъ времени не безъ возможности есть Кольберга сюрпризою достать»; но проектъ Древеса (взятіе Кольберга легкою кавалеріею) невозможенъ въ исполненіи. Черезъ три дня послѣ того, снова донося о неисполнимости проекта, Тотлебенъ присовокупилъ, что если бы онъ рѣшился на осуществленіе его, то «въ томъ противу всего свѣта остался бы въ безславіи; употребить же на это 7 баталіоновъ пѣхоты можно было бы, но въ силу ордеровъ Бутурлина онъ не смѣетъ двинуть ихъ ни на одинъ шагъ; кромѣ же того, армія далеко и если двинуться къ Кольбергу, то весь его корпусъ отдастся, ибо пока получитъ помощь, непріятель отрѣжетъ его отъ арміи». То же повторилъ онъ и на слѣдующій день, возвращая проектъ, а равно и въ письмѣ отъ 27 января [1]).

Въ виду этихъ отказовъ, Бутурлинъ призналъ нужнымъ отложить это дѣло до лучшаго времени, но всетаки 2 февраля прислалъ Тотлебену собственное свое «разсужденіе о извѣстной сюрпризѣ [2]), на случай, что его съ удачею и пользою можно будетъ употребить въ дѣйство» [3]). Сообщая, что оно согласно съ его намѣреніями и можетъ быть приведено въ дѣйствіе, если будетъ дана пѣхота въ помощь, Тотлебенъ донесъ, что какъ сперва надо разбить корпусъ Вернера, то о благополучномъ успѣхѣ «сюрпризы» промышлять нельзя [4]).

Когда же получено было извѣстіе о назначеніи Румянцова къ осадѣ Кольберга, то Бутурлинъ, желая, очевидно, предвосхитить взятіе этой крѣпости, возобновилъ свое предложеніе Тотлебену. «Какъ прибытіе флота, а на немъ и осадной артиллеріи, писалъ онъ 28 апрѣля, иногда замедлится, то для ускоренія произведенія высочайшаго о Кольбергѣ намѣренія, а особливо по ретирадѣ оттуда Вернера съ войскомъ, не найдете ли

---

[1]) Моск. арх. М. И. Д. № 50.

[2]) См. приложеніе I.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 411—416.

[4]) Рапортъ 3 февраля (М. арх. м. и. д. № 50).

ваше сіятельство за возможное сію крѣпость вашимъ корпусомъ и имѣющеюся при немъ артиллеріею какимъ нибудь образомъ взять, въ которомъ случаѣ, для закрытія васъ, и большая часть арміи отъ Вислы свой туръ въ ту сторону взяла бы. Важность показуемой вашимъ сіятельствомъ заслуги въ возможномъ иногда взятіи Кольберга пріобрѣтетъ вамъ достойную монаршую милость».

Но и на этотъ разъ Тотлебенъ не поддался и письмомъ отъ 2 мая 1761 г. отвѣчалъ, что еще въ февралѣ онъ указалъ обстоятельства, мѣшавшія исполненію предложенія, а теперь брать «такимъ образомъ» тяжелѣе и опаснѣе, такъ какъ въ Кольбергѣ сдѣланы новыя укрѣпленія и усиленъ гарнизонъ, да и корпусъ Вернера вблизи [1]), такъ что съ однимъ малымъ корпусомъ предпринять что либо весьма опасно и осада можетъ кончиться несчастно [2]).

Вслѣдствіе ли этого отказа, или по другимъ соображеніямъ, Бутурлинъ уже не настаивалъ на «сюрпризѣ» и сперва предписалъ Тотлебену, при приближеніи Румянцова къ Помераніи, идти къ арміи, а потомъ приказалъ сдѣлать это не прежде, какъ по занятіи Румянцовымъ названной области и при томъ прикрывая корпусъ его своими войсками. Наконецъ, ордеромъ отъ 12 іюня онъ далъ знать, что такъ какъ генералъ Гольцъ стоитъ около Кросена и Франкфурта, то чаять надо, что онъ отправленъ не для присматриванія за нашею арміею (какъ доносилъ Тотлебенъ 3 іюня, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ ему конфидентомъ, увѣрившимъ его и въ томъ, что непріятельскій корпусъ у Кольберга можно считать въ 30 т. человѣкъ), но повидимому имѣетъ соединиться съ находящимися въ Помераніи, подъ командою герцога Беверискаго и принца Виртембергскаго, войсками, коихъ тамъ, по собственному исчисленію Тотлебена, до 30 т. человѣкъ, и къ тому же, въ силу полученнаго отъ ея величества плана, въ генеральномъ совѣтѣ опредѣлено идти съ арміею прямо къ Бреславлю. Поэтому, собранный генералитетъ

---

[1]) Моск. арх. М. И. Д. № 50.

[2]) Вернеръ не только не удалялся изъ Кольберга, для дѣйствій противъ шведовъ, какъ доносилъ Тотлебенъ 18 апрѣля, но, напротивъ, пробрался въ эту крѣпость, расположивъ свои войска въ лагерѣ между нею и Керлиномъ (рапортъ Тотлебена отъ 12 мая 1761 г.). Г. Р.

единогласно постановилъ находящіеся подъ командою Тотлебена три пѣхотныхъ полка отдать подъ команду графа Румянцова, а Тотлебену съ остальными войсками идти съ поспѣшеніемъ изъ Помераніи на соединеніе съ арміею. При этомъ ордерѣ былъ приложенъ и маршрутъ, съ указаніемъ въ немъ дорогъ, которыми армія должна была двигаться съ 14 по 17 іюня 1761 г.

Но Тотлебену не суждено было исполнить это приказаніе и присоединить свой корпусъ къ арміи: 19 іюня 1761 г., онъ былъ арестованъ.

VII.

24 января 1761 года Бутурлинъ, сообщая Тотлебену дошедшія до него отъ «конфидентовъ» и дезертировъ извѣстія о непріятельскихъ движеніяхъ, просилъ его, для точнѣйшаго развѣдыванія основательности такихъ извѣстій, посылать и отъ себя надежныхъ людей, употребляя на это деньги изъ отпущенныхъ ему на чрезвычайные расходы одной тысячи рублей, а если бы ихъ не хватило, то взять еще у генералъ-провіантмейстера Маркова.

Отвѣтъ на это предписаніе былъ посланъ Тотлебеномъ лишь 19 марта, т. е. тогда уже, когда онъ вошелъ въ сношеніе съ непріятелемъ по поводу перемирія, и состоялъ въ томъ, что онъ послалъ въ Глогау и въ его окрестности вахмистра Броуна съ письмомъ къ коменданту Глогау, подъ предлогомъ забранія тѣхъ людей его команды, которые въ тѣхъ мѣстностяхъ были оставлены заложниками, но такъ какъ Броунъ долженъ былъ возвратиться не скоро, то онъ написалъ къ одному старому своему конфиденту, жиду, который и прибылъ къ нему, привезя извѣстія о расположеніи непріятеля въ Силезіи и Помераніи; «завтрешняго числа, писалъ Тотлебенъ, отправлю онаго жида обратно и какъ скоро въ Силезіи малая перемѣна сдѣлается, то немедленно отъ него получу извѣстіе».

Затѣмъ въ апрѣлѣ Тотлебенъ доносилъ Бутурлину о полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ отъ конфидента сперва изъ Лейпцига, а потомъ изъ Глогау и Кольберга; 12 мая онъ увѣдомилъ, что

наканунѣ конфидентъ прибылъ изъ Силезіи и объявилъ о намѣреніи прусскаго короля дѣйствовать сообразно движеніямъ нашей арміи, и, наконецъ, 3 іюня сообщилъ, что конфидентъ пріѣхалъ въ прошлую ночь и привезъ двѣ копіи (о турецкомъ союзѣ, какъ значится въ помѣтѣ на рапортѣ Тотлебена), полученныя чрезъ подкупъ писаря тайной канцеляріи прусскаго короля.

Частыя появленія въ лагерѣ этихъ конфидентовъ и частая же пересылка переписки Тотлебена съ прусскими генералами Вернеромъ и принцемъ Бевернскимъ не могли не возбуждать подозрѣній въ окружавшихъ Тотлебена подчиненныхъ ему лицахъ, относившихся къ нему съ недовѣріемъ и съ не любовью вслѣдствіе иностраннаго его происхожденія, пріобрѣтенной имъ славы, исторіи съ реляціею о занятіи Берлина, а быть можетъ и мѣръ строгости, которыя онъ принималъ въ это время въ отношеніи прекращенія насильствъ надъ жителями Помераніи, въ виду обѣщанія, даннаго имъ, какъ увидимъ, прусскому королю. Подозрѣнія эти были настолько сильны, что подполковникъ Фридрихъ Ашъ, назначенный Бутурлинымъ для завѣдыванія письменною частію Тотлебена, вслѣдствіе его представленія отъ 13 января, 1761 г., въ которомъ, ссылаясь на незнаніе русскаго языка, онъ просилъ прислать ему штабъ-офицера, знающаго какъ этотъ, такъ и нѣмецкій языки, оказавъ великое одолженіе, отпустивъ Аша, искусство котораго довольно ему, Тотлебену, извѣстно [1]), побуждаемый-ли, какъ объяснялъ впослѣдствіи Тотлебенъ, интриганомъ барономъ Биловымъ [2]), или же, какъ Ашъ выразился самъ, сознаніемъ долга присяги, любовью къ отечеству и совѣстью, Ашъ 16-го іюня рѣшился написать Бутурлину, что нѣкоторыя обстоятельства, происшедшія въ этомъ мѣсяцѣ, возбудили въ немъ большое сомнѣніе и онъ надѣется, что Бутурлинъ, прочитавъ это письмо, будетъ въ не меньшемъ сомнѣніи. «Кажется, что генералъ графъ Тотлебенъ поступаетъ не по долгу своей присяги и, какъ я думаю, находится въ перепискѣ съ непрія-

---

[1]) Моск. арх. м. ин. д., № 50.

[2]) Чуть ли не къ этому Билову, перешедшему въ русскую службу изъ саксонской, долженъ быть отнесенъ отзывъ современника, что «это вертопрахъ, но способный стравить между собою всѣхъ жителей земнаго шара». (Соловьевъ, т. 24, стр. 211.) Г. Р.

телемъ, но съ кѣмъ именно, сказать не знаю. Его поступки и слова, частая корреспонденція съ непріятельской стороны, съ бывшимъ прусскимъ начальникомъ въ Помераніи, генераломъ Вернеромъ, такъ что почти каждый день являются въ нашъ лагерь съ прусской стороны трубачи, а иногда и офицеры и унтеръ-офицеры, напротивъ того, когда съ нашей стороны посылаются трубачи съ письмами, то имъ приказывается ходить только до первыхъ пикетовъ. Съ прусской стороны почти всегда употребляются одни и тѣ-же трубачи, а съ нашей всякій разъ посылаются различные. Недавно берлинскій купецъ Гоцковскій пробылъ въ нашемъ лагерѣ почти три дня, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ долженъ былъ привезти графу Тотлебену изъ Берлина повара, конюха и нѣсколько чепраковъ, заплатить нѣкоторые долги и въ особенности, какъ я слышалъ отъ Гоцковскаго, графъ Тотлебенъ хотѣлъ послать къ нему эстафету, что онъ купилъ себѣ домъ съ садомъ въ Помераніи за 2 тысячи талеровъ и на это, какъ и на конный заводъ свой, получить съ непріятельской стороны письменныя сальвогарды. Онъ хочетъ купить большое имѣніе, называемое Луповъ, за 96 тыс. талеровъ. Прусскія силы въ Помераніи онъ преувеличилъ до 20 тыс., а наконецъ и до 30 тыс. человѣкъ. Важный постъ Бельгардъ въ Помераніи онъ скоро покинулъ, когда получилъ приказаніе идти въ Познань, и хотя и написалъ графу Румянцову, чтобы онъ занялъ этотъ постъ и что онъ не идетъ въ Познань согласно ордеру вашего сіятельства, но держится близь рѣки Одера. Въ каждомъ округѣ Помераніи онъ роздалъ множество сальвогардій, а когда Гоцковскій былъ въ лагерѣ при Недлинѣ, то подарилъ своему штату чепраки, а мнѣ золотые часы и обѣщалъ еще хорошую лошадь. Притворяется вдругъ весьма больнымъ, особенно когда мнѣ сомнительное пишетъ, чтобы ему никто не мѣшалъ; на другой же день онъ совершенно здоровъ и можетъ уже ѣздить. Эту кампанію онъ не съ охотою дѣлаетъ. Когда онъ ѣздилъ въ Данцигъ, то запретилъ стольпенскому почтмейстеру пересылать кому бы то ни было письма, приходящія съ берлинскою почтою, но приказалъ отсылать ихъ, въ одномъ конвертѣ, къ нему въ Данцигъ, хотя прежде онъ и приказывалъ мнѣ отправлять ихъ къ нему».

«Все это наводитъ меня на сомнѣніе, заключаетъ Ашъ, что Тотлебенъ съ какою-то фальшивостію съ нами чинитъ и я буду прилежно наблюдать за нимъ и увѣдомлять ваше сіятельство, черезъ курьера, о его поступкахъ и дѣлахъ. Я прошу только дать мнѣ на это время и писать къ нему по прежнему милостиво, чтобы онъ не возъимѣлъ никакого подозрѣнія. Не соизволите ли ваше сіятельство поскорѣе переслать требуемый имъ маршрутъ и ему написать, чтобы онъ отправилъ ружья къ вашему сіятельству. Не соблаговолите ли также ни о чемъ не спрашивать посылаемаго теперь курьера. Я надѣюсь, однако, сдѣлать все то, что только вѣрный подданный ея императорскаго величества можетъ пожелать, и чѣмъ вы весьма порадованы быть имѣете. Я сдѣлалъ проектъ какъ его въ уповательныхъ фальшивостяхъ поймать».

VIII.

Въ то время, какъ надъ Тотлебеномъ собиралась гроза, онъ не догадывался вовсе о ея приближеніи и съ которой стороны она идетъ, по самонадѣянно предполагая совершить въ тайнѣ отъ другихъ задуманное имъ предпріятіе, или считая дѣйствія свои вполнѣ безупречными, признавалъ лишь необходимымъ оградить себя отъ козней враговъ на будущее время и, ища защиты въ Петербургѣ, готовилъ жалобы на свое положеніе, какъ императрицѣ, такъ и благодѣтелю своему, канцлеру графу Воронцову.

Кажется, что ближайшимъ поводомъ къ этому послужили совѣты, данные ему въ полученныхъ имъ двухъ письмахъ. Въ первомъ изъ нихъ, отъ 23 мая (новаго стиля), никѣмъ не подписанномъ, но по внѣшнему виду напоминающемъ дипломатическую или министерскую переписку, неизвѣстное лицо сообщало, что имъ получены были слѣдующія свѣдѣнія: «мы дѣлаемъ все, что можемъ, чтобы поставить генерала Тотлебена въ спокойное положеніе и оградить его отъ шиканъ его завистниковъ. Поэтому онъ можетъ стать выше всего этого, будучи отдѣльнымъ командиромъ и завися только отъ фельдмаршала. Но не смотря на это, онъ не долженъ упускать случая постоянно

извѣщать своего покровителя, канцлера графа Воронцова, о своихъ дѣйствіяхъ».

Во второмъ же письмѣ, отъ 24 мая (новаго стиля), изъ Данцига, изъ котораго было послано и первое, такъ какъ въ послѣднемъ сказано, что авторъ втораго, генералъ-маіоръ баронъ Ридезель, прибылъ туда на пару дней, говорилось: «пользуюсь теперь вѣрнымъ случаемъ, чтобы, по порученію, данному мнѣ нашимъ министромъ графомъ Брюлемъ, сказать вамъ, что канцлеръ въ Петербургѣ не разъ высказывалъ г-ну Брассу нѣкоторое неудовольствіе на то, что въ послѣднее время вы стали забывать его, не посылая ему писемъ также часто, какъ вы это дѣлали прежде; и такъ какъ онъ всегда былъ вашимъ покровителемъ, то мой дворъ находитъ необходимымъ, чтобы вы старались пользоваться его дружбою, и что вы поступаете не совсѣмъ хорошо, пренебрегая этою корреспонденціею, которая, однако, была бы для васъ всегда полезна [1])».

Весьма вѣроятно также, что упоминаемый въ этихъ письмахъ капитанъ польской службы Зебахъ, получившій позволеніе служить подъ начальствомъ Тотлебена и привезшій если не оба, то, по крайней мѣрѣ, послѣднее изъ писемъ, передалъ ему на словахъ то, чего, не смотря на вѣрность оказіи, осторожнѣе было не писать.

Подъ этимъ-то вліяніемъ, или же вслѣдствіе того, что дѣйствительно положеніе среди завистниковъ и недруговъ было тяжело, Тотлебенъ написалъ слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

«Ваше императорское величество, на неоднократныя мои объ увольненіи меня всеподданнѣйшія прошенія, всегда и еще въ маѣ всемилостивѣйше указать соизволили, чтобъ я вѣрную свою службу еще продолжалъ и всевысочайше императорской благосклонности и милости надеженъ былъ.

«Искреннее желаніе, счастіе имѣть при славной арміи вашего императорскаго величества честь себѣ заслуживать единственно тому причиною, что россійской императорской службѣ

[1]) Черезъ того же Ридезеля Тотлебенъ сообщалъ Воронцову свѣдѣнія о дѣйствіяхъ своего отряда, а можетъ быть и другія. (Архивъ князя Воронцова, VII, 417). Г. Р.

предъ всѣми прочими въ свѣтѣ выигрышами преимущество далъ, оставляя лучше имѣніе мое въ Силезіи и Саксоніи свирѣпству непріятельскому, нежели оную оставить.

«Хотя непредвидимое изгнаніе [1]) многихъ сильныхъ враговъ и мое отъ разныхъ ранъ и немалыхъ трудностей весьма поврежденное здоровье, происходимые въ командѣ моей убытки и еще многія другія причины не только меня въ печальное состояніе, такъ что опять объ увольненіи меня, но и вовсе службу уже продолжать въ неспособность привели, однако, по всевысочайшему вашего императорскаго величества всемилостивѣйшему указу порученнымъ мнѣ корпусомъ открылъ кампанію и пока графъ Румянцовъ въ Померанію не прибылъ, противъ принца Виртембергскаго,—ссылаясь на присланные мои о томъ журналы,—всегда съ авантажемъ дѣйствовалъ. А нынѣ я, въ силу ордера фельдмаршала графа Бутурлина, въ маршѣ къ арміи, куда, съ помощію Божіею, по послѣдней мѣрѣ 23 и 26 сего мѣсяца, еще прежде, нежели армія на польскую границу прибудетъ, прибыть уповаю. А хотя я такъ худъ, что на лошади едва усидѣть могу и отсюда принужденъ ѣхать въ коляскѣ, однако, охотно и радостно послѣднее свое воздыханіе и кровь, для ревностнаго моего къ службѣ оказанія, не пощажу, только, всемилостивѣйшая государыня, не прогнѣвайтесь ваше императорское величество, что по приложенной при семъ подъ № 1 запискѣ на генералъ-фельдмаршала графа Бутурлина къ стопамъ вашимъ приложить принужденъ справедливыя свои жалобы, коимъ образомъ себя совершенно не въ состояніи предвижу всевысочайшую вашего императорскаго величества волю, да и собственную мою амбицію ко исполненію привести.

«Три пѣхотныхъ полка, которыхъ, въ силу вашего императорскаго величества указа, въ моей командѣ имѣть долженствую и всю зиму въ непріятельской землѣ провіантомъ и фуражемъ съ излишествомъ снабдилъ, принужденъ я былъ отдать, чрезъ что довольно разсудное прожектированіе захвата непріятельскихъ гарнизоновъ и магазиновъ въ Трептовѣ и Старгардѣ оставить долженъ былъ.

---

[1]) Гоненіе.

«Съ вящимъ моимъ трудомъ я легкія войска, отъ которыхъ прежде меня малыя службы оказывались, не только въ самой доброй дисциплинѣ, но и до того довелъ, что непріятеля уже не страшатся, такъ что всѣ, въ двухъ кампаніяхъ, надъ непріятелемъ полученные выигрыши небольшимъ числомъ подъ моею командою состоящими казацкими и гусарскими полками совершилъ, разбои же и прочія грабительства вывелъ. Но нынѣ за непорядки и наглости уже болѣе наказывать не смѣю и вмѣсто того получаю выговоры, отчего полки приходятъ въ непорядокъ, ордера мои уже не исполняются и полковые командиры гусарскихъ и конногренадерскихъ полковъ ропщутъ противъ меня, что разбоевъ и грабительствъ не допускаю, а сверхъ того и заговоры еще противъ меня чинятъ, и тѣмъ еще болѣе въ смущеніи нахожусь, что по всѣмъ моимъ рапортамъ у генерала-фельдмаршала довѣрія не нахожу и едва ли хотя одинъ ордеръ получилъ, которымъ бы опечаленъ не былъ.

«Генералъ-фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ по днесь отъ меня о всѣхъ непріятельскихъ движеніяхъ самыя подробныя извѣстія получалъ и я, деньгами, трудами и обѣщаніями до того дошелъ, что чрезъ двухъ жидовъ, Саббатку и Гришеля, все то, что въ королевской главной квартирѣ, въ его тайной экспедиціи и при арміи въ Саксоніи у принца Генриха дѣлается, заблаговременно узнать могу. Какія изъ этого въ предбудущей кампаніи пользы произростать могутъ, о семъ дерзнулъ въ приложеніи подъ № 2 пространно донести. Яко же и сіе не малой важности стоитъ, что я королевскія цифры (шрифтъ) получить успѣхъ имѣлъ, оныя же при семъ подъ № 3 приложить честь имѣю.

«Однако, не взирая на всѣ для славной кампаніи приготовленія, предвижу я себя еще безсчастнѣе, какъ то былъ при прежней кампаніи, хотя непріятели и пріятели мои засвидѣтельствовать должны, что только самымъ малымъ числомъ гусарскихъ и казацкихъ полковъ дѣйствовалъ. О берлинской же экспедиціи всему свѣту извѣстно[1])».

Жалоба же графу Воронцову была написана еще въ болѣе минорномъ тонѣ.

---

[1]) Упоминаемыя въ этомъ прошеніи и въ жалобѣ Воронцову приложенія, или отпуски ихъ, не нашлись между бумагами, отобранными у Тотлебена и хранящимися въ сенатскомъ архивѣ. Г. Р.

«Мнѣ бы надлежало изыскивать новые термины, чтобъ могъ я изъяснить ужасное смущеніе, до коего доведенъ. Ваше же сіятельство слишкомъ великодушны и религіозны, чтобы не быть тѣмъ тронуты.

«Пріобщенныя при семъ подъ № 1, 2, 3, 4 приложенія довольно достаточно объяснятъ вашему сіятельству тѣ сѣти, которыя были мнѣ ставлены, и главную причину жалобъ моихъ, которыя я, по справедливости, имѣю заявить на его сіятельство фельдмаршала графа Бутурлина, какъ ваше сіятельство изъ пріобщенныхъ его при семъ двухъ ордеровъ ясно усмотрѣть изволите, какимъ образомъ, подъ видомъ благочестія, хотѣли коснуться моей чести.

«Боже мой! какую кампанію стану я дѣлать и какимъ образомъ будетъ мнѣ можно изъ сего лабиринта выдти. Одни высочайшія ея императорскаго величества повелѣнія и единственно моя амбиція принудили меня еще сію кампанію служить, не смотря на сущую слабость моего здоровья. И не взирая на такое дурное воздаяніе за всѣ мои труды и вѣрныя услуги, я еще и теперь то же, чѣмъ былъ за пять лѣтъ тому назадъ, безъ малѣйшаго производства, но гораздо бѣднѣе и несчастливѣе.

«Множество моихъ недруговъ и ранъ моихъ суть только единственнымъ моимъ прибыткомъ, коимъ я себя льстить могу послѣ этой войны. Я предпочитаю любовь моего отечества и славу служить между храбрыми россіянами благополучію и счастію моей фамиліи. Напослѣдокъ я всѣмъ жертвовалъ и у меня весьма мало остается, чѣмъ бы поправить и возстановить мою упадшую фамилію. Но честь мнѣ будучи дороже, чѣмъ жизнь моя, обязываетъ меня на томъ остановиться. Ваше сіятельство, коего я почитаю за отца моего, дозволите мнѣ найти мое прибѣжище въ вашемъ сіятельствѣ.

«Хотя приложеніе подъ № 5, здѣсь пріобщенное, можетъ увѣрить ваше сіятельство о хорошихъ приготовленіяхъ, сдѣланныхъ для пользы нашей арміи и для славы ея оружія, однако-жъ, я ничего не могу успѣть во всѣхъ моихъ проектахъ, доколѣ не прибудетъ податель сего съ повелѣніемъ вашего сіятельства. Непріятель ничего предпринять не можетъ, чего бы я не зналъ. Но я въ ежеминутной нахожусь опасности, чтобы на меня не

напали мои завистники, и имѣя попеченіе объ императорскихъ интересахъ, я споспѣшествую моему несчастію.

«Князь Любомирскій мнѣ въ Гданскѣ сказывалъ, что генералъ Чернышевъ изъяснился, чтобъ меня низвергнуть и чтобъ къ тому сыскать такой удобный случай, котораго бы я избѣгнуть не могъ. Генералъ Сиверсъ, въ проѣздъ свой чрезъ Гданскъ, мнѣ тоже сказывалъ.

«Приложенное при семъ письмо подъ № 6, хотя оно и безъ имени, однако-же, усугубляетъ мой страхъ и ваше сіятельство изъ онаго и изъ прежняго приложенія усмотрите ужасное состояніе, до коего я доведенъ чрезъ мое усердіе къ службѣ ея императорскаго величества и моею амбиціею заслужить ея благоволеніе.

«Итакъ, не смотря на всѣ выгоды, которыя я себѣ представить могу въ теченіи этой кампаніи, нельзя мнѣ будетъ избѣгнуть поставленныхъ мнѣ со всѣхъ сторонъ сѣтей главнокомандующимъ арміею, его фаворитомъ и собственными моими офицерами, которые такъ разъярены противъ меня и моей хорошей дисциплины, а особенно будучи ободрены противиться тому подпорою, которая у нихъ есть въ главной квартирѣ.

«Я дрожу отъ ужаснаго состоянія, до коего я вижу себя доведеннымъ усердіемъ моимъ, кое я имѣлъ къ славѣ нашей арміи.

«Еслибъ я, по повелѣнію генерала графа Чернышева, постъ свой оставилъ, который я противъ трехъ непріятельскихъ корпусовъ подъ Берлиномъ оберегалъ, и уступилъ г. Лесси, то я былъ бы теперь генералъ-поручикъ и всѣ были бы мои пріятели. Но предпочтя всѣмъ прочимъ выгодамъ пользу ея императорскаго величества и не могши терпѣть того, чтобы Берлинъ былъ допущенъ до раззоренія и грабежа, я еще и теперь то же, чѣмъ былъ и въ 1756 году, да еще и гонимъ всѣми. И вмѣсто всѣхъ наградъ остается для меня только одно ея императорскаго величества негодованіе. Какимъ же образомъ могъ бы опровергнуть напечатанную піесу, которая была только переводомъ рапорта къ фельдмаршалу графу Салтыкову и генералу-аншефу Фермору по поводу экспедиціи взятія Берлина.

«Итакъ, мнѣ не осталось иного, какъ только послать нарочнаго подателя сего къ вашему сіятельству, чтобы сообщить

вамъ мои проекты и просить у вашего сіятельства, какъ моего отца и благодѣтеля, избавительнаго способа отъ моихъ несчастій, такъ смертельно меня угнетающихъ, какой ваше сіятельство признаете удобнымъ, чтобы оборонить отъ угрожающаго мнѣ нападенія со всѣхъ сторонъ.

«Ожидаю скораго возвращенія маіора Бринка, офицера, достойнаго благоволенія вашего сіятельства.

«Ваше сіятельство соблаговолите пожаловать апробацію, въ той крайности, до которой я доведенъ, сложить съ себя команду, какъ скоро прибуду къ арміи. Я здѣсь отдохну только одинъ день и уповаю туда поспѣть 25-го числа нынѣшняго мѣсяца, а какъ непріятель не приближается къ Познани, то его въ томъ надобно предупредить легкими войсками.

«Итакъ, я наиприлежнѣйше прошу ваше сіятельство, съ наиглубочайшимъ почитаніемъ, чтобъ исходатайствовать мнѣ позволеніе служить сію кампанію подъ начальствомъ графа Румянцова. Зная всѣ Померанскія мѣста, а особенно около Кольберга, я могъ бы довольно полезнымъ ему быть и споспѣшествовать счастливой экспедиціи.

«Сія милость и желаніе мое окончить мою двѣнадцатую кампанію съ отличіемъ выведутъ меня изъ жалостнаго состоянія какъ моего здоровья, такъ и разума.

«Я берегу у себя копію шифровъ, которыхъ оригиналъ ваше сіятельство получите вложеннымъ въ это письмо, для отдачи фельдмаршалу, чтобы, въ нужномъ случаѣ, его можно было употреблять, ежели бы непріятельское письмо удалось перехватить нашими войсками.

«Какую персону я буду представлять предъ господами австрійцами, которые сдѣлались мнѣ смертельными недругами, отнявъ у нихъ такой кусокъ, какъ Берлинъ, и не получивъ никакого увѣдомленія о томъ, что драгоцѣнное сокровище и кабинетъ великолѣпныхъ древностей, взятые въ Берлинѣ и переданные князю Прозоровскому съ описью, учиненною многими знатными офицерами, для ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей монархини, дошли до адреса вашего сіятельства. Ваше сіятельство не изволите прогнѣваться, что я у васъ о томъ освѣдомляюсь. Уже съ 6 мѣсяцевъ какъ упомянутый князь

поѣхалъ въ Петербургъ; но я о немъ послѣ того ничего не слыхалъ.

«Ежели-же, паче чаянія, проектъ о полкѣ, который я обязался набрать для службы ея императорскаго величества или для его императорскаго высочества великаго князя, почтется неудобнымъ къ приведенію онаго въ дѣйствіе, или въ томъ произойдетъ какое либо затрудненіе, то я прошу ваше сіятельство оный оставить и не допускать его ни до чьего вѣдома».

Мы не знаемъ тѣхъ обидныхъ ордеровъ Бутурлина, на которые Тотлебенъ ссылается въ своихъ жалобахъ, не считая, конечно, «секретнѣйшій» отъ 12 мая, относительно переговоровъ съ Вернеромъ, посланный, однако, въ силу даннаго свыше приказанія [1]), а не по собственной инициативѣ Бутурлина, и развѣ запросовъ по поводу перемирія. Изъ бывшей въ распоряженіи нашемъ переписки можно скорѣе вывести заключеніе если не о дружелюбномъ, то, по крайней мѣрѣ, любезномъ и всегда вѣжливомъ отношеніи Бутурлина къ подчиненному ему генералу. Такъ, въ письмѣ отъ 21 марта 1761 г., Бутурлинъ писалъ Тотлебену: «по дружбѣ моей къ вашему сіятельству, не могъ я оставить не оказать вашему сіятельству моего истиннаго сожалѣнія о вашей болѣзни, сердечно желая, чтобы сіе мое письмо нашло ваше сіятельство въ лучшемъ уже состояніи и чтобъ я при первомъ случаѣ пріятное о томъ извѣстіе отъ васъ получить могъ». Затѣмъ 23-го апрѣля онъ снова выражаетъ сожалѣніе «о продолжающемся изнеможеніи» Тотлебена. Когда же получена была резолюція на поданное между тѣмъ Тотлебеномъ прошеніе объ увольненіи отъ службы (очевидно, вслѣдствіе неповышенія въ чинѣ), то препровождая ордеръ, въ которомъ эта резолюція [2]) была изложена, Бутурлинъ всевысочайшимъ име-

---

[1]) 12-го мая 1761 г. Бутурлинъ доносилъ императрицѣ: «Всевысочайшее предписаніе я не преминулъ графу Тотлебену подать на случай чинимыхъ ему иногда съ прусской стороны хитрыхъ внушеній». М. арх. м. ю., реляціи Бутурлина.

[2]) Она выражена въ слѣдующемъ рескриптѣ Бутурлину: «Доношеніе генералъ-маіора гр. Тотлебена объ увольненіи его изъ нашей службы пріятно намъ быть не могло, тѣмъ болѣе, что оно такъ много разъ повторено, а теперь повторяется предъ самымъ началомъ кампаніи, слѣдовательно въ такое время, когда никому не позволяется просить увольненія. Вы хорошо дѣлаете, что откло-

немъ ея императорскаго величества обнадеживалъ Тотлебена, что онъ не будетъ обойденъ при первомъ генералитетскомъ производствѣ и притомъ, какъ «истинный пріятель», совѣтывалъ потерпѣть еще хоть въ кампанію 1761 г. и не оставлять службы. «Я не сумнѣваюсь, чтобъ ваше сіятельство сему моему дружескому совѣту не послѣдовали для пріобрѣтенія себѣ высочайшей е. и. в—ва существительной милости, которой вамъ вскорѣ желая, пребываю съ особеннымъ почтеніемъ». Усмотрѣвъ же изъ отвѣта Тотлебена, что онъ послѣдовалъ «дружескому совѣту», Бутурлинъ поспѣшилъ увѣдомить, что онъ отъ сердца радуется, что честь получаетъ его сіятельство, какъ толь достойнаго генерала, въ своей командѣ имѣть, обнадеживая притомъ его своею дружбою и что онъ никакимъ, иногда ему отъ кого либо чинимымъ на Тотлебена, нареканіямъ отнюдь вѣры не подастъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такъ выражаться Бутурлинъ могъ и потому, что зналъ о покровительствѣ Воронцова Тотлебену и о происходящей между ними перепискѣ; но не могъ-же онъ распространять свою любезность до того, чтобы иногда не выразить подчиненному, въ болѣе твердой формѣ, свое недовольство тѣми или другими распоряженіями или выходками, которыя позволялъ себѣ этотъ подчиненный. Такъ, узнавъ изъ рапорта Тотлебена, «что помѣщикъ Пирхъ пограбленными у него грузинскаго гусарскаго полка квартирмейстеромъ Пуртхеловымъ пожитками удовольствованъ и за то сей продерзатель написанъ вѣчно въ гусары, да сверхъ того ему же двѣсти лозановъ палкою дано, а рядовой нещадно батогами наказанъ», Бутурлинъ призналъ необходимымъ напомнить Тотлебену, что хотя люди тѣ за свои преступленія «тому и достойны, но чтобы въ таковыхъ наказаніяхъ не по артикулу» не было жалобъ, не изволитъ ли онъ впредь надъ таковыми продерзателями на основаніи правъ производить слѣдствіе и судъ и по окончаніи, сочиня экстракты.

няете отъ такого намѣренія и вы можете его обнадежить, что при первомъ производствѣ онъ обойденъ не будетъ; но при этомъ внушите ему поискуснѣе, что мы хотимъ оказывать нашу милость по собственному нашему произволенію, а частое напоминаніе и усиленное домогательство, даже требованіе увольненія замедляютъ только знаки нашей милости» (Соловьевъ, т. 24, стр. 373).

Г. Р.

представлять для разсмотрѣнія и конфирмаціи къ нему, Бутурлину, поступая такимъ образомъ не въ отношеніи однихъ лишь офицеровъ, но также и нижнихъ чиновъ [1]).

Конечно, подобное напоминаніе о соблюденіи законнаго порядка, равно какъ и приведенный выше ордеръ отъ 4 февраля, по поводу ареста Краснощекова и Перфильева, стѣсняли Тотлебена, но обижаться имъ могъ только крайне щепетильный человѣкъ, точно такъ же, какъ и указаніемъ, напримѣръ, на неполноту, «конечно, ошибкою канцеляріи», затребованныхъ свѣдѣній, или замѣчаніемъ, въ отвѣтъ на донесеніе о неимѣніи бывшими въ командѣ Тотлебена гусарами лошадей и обмундированія, что это прискорбно, такъ какъ требуемыя на обмундированіе ихъ Тотлебеномъ деньги всегда отпускались, а лошади для нихъ закупаются отъ вновь пришедшихъ казаковъ [2]).

IX.

Подполковнику Ашу, послѣ посылки имъ письма къ Бутурлину, не долго пришлось ждать осуществленія выраженнаго имъ въ концѣ того письма желанія. 18 іюня, въ лагерѣ при Бернштейнѣ, онъ встрѣтилъ еврея Саббатку и привезъ его къ Тотлебену; когда же на другой день утромъ послѣдній отпустилъ этого конфидента, приказавъ капитану Фафіусу проводить его съ казаками до непріятельской крѣпости Кюстринъ, то Ашъ задержалъ Саббатку и обыскалъ его. Обыскъ былъ удаченъ: въ сапогѣ у Саббатки оказался конвертъ безъ адреса, но за печатью Тотлебена и въ немъ точный переводъ приведеннаго нами выше секретнаго ордера Бутурлина отъ 12 іюня, 1761 г., о направленіи русской арміи къ Бреславлю, приложенный къ нему маршрутъ арміи и слѣдующая собственноручная записка Тотлебена къ прусскому королю отъ 19 іюня 1761 г. [3]):

«Вѣрный слуга получилъ сегодня, съ возвратившимся назадъ человѣкомъ, милостивое писаніе принципала своего и на-

---

[1]) Ордеръ 4 апрѣля.

[2]) Ордера 28 апрѣля и 20 мая.

[3]) Записка эта приводится нами въ современномъ переводѣ. Г. Р.

дѣется, что и самъ принципалъ письмо раба своего получилъ, которое онъ къ принцу «1086» отослать и о новыхъ перемѣнахъ «521» «864» «960» объявить не оставилъ, о которыхъ изъ находящихся при семъ приложеній обстоятельнѣе усмотрѣть можно. Вѣрный рабъ хотя и весьма боленъ горячкою, однако не престанетъ, до послѣдняго своего издыханія, принципалу служить и оказывать до гроба, что вамъ наивѣрнѣйшій «1284».

Между тѣмъ Тотлебенъ, лежавшій больной въ постелѣ, послалъ, какъ онъ показалъ впослѣдствіи, за Ашемъ, чтобы написать донесеніе о полученныхъ чрезъ Саббатку извѣстіяхъ, но онъ не явился, какъ вдругъ, около 11 часовъ, въ его комнату вошли полковники Биловъ, Зоричъ и Фуггеръ и первый изъ нихъ, держа въ рукахъ какую-то бумагу на русскомъ языкѣ, объявилъ, что хотя ему очень грустно, но по высочайшему указу онъ долженъ арестовать его.

— «Это ли награда за мою вѣрную службу»? отвѣчалъ Тотлебенъ. «Вы не можете арестовать меня. И за что?»

«За запрещенную переписку съ непріятелемъ».

Потребовавъ показать указъ и увидавъ, что бумага, которую держалъ Биловъ, была не что иное, какъ донесеніе Аша, Тотлебенъ приказалъ арестовать послѣдняго и, обратясь къ Билову и другимъ офицерамъ, сказалъ:

— «Господа! не торопитесь. Вы знаете, что у меня есть особыя приказанія на счетъ переписки съ непріятелемъ и что вся переписка эта ведется съ цѣлью нанести врагу сильный ударъ. Мы запечатаемъ всѣ мои бумаги, равно какъ и бумаги Аша, и затѣмъ я отправлюсь съ вами, подъ эскортомъ, къ фельдмаршалу, гдѣ моя невинность сразу объявится».

Затѣмъ Тотлебенъ передалъ Билову проектъ рапорта о полученныхъ чрезъ Саббатку извѣстіяхъ, для отсылки его къ фельдмаршалу, и всѣ его бумаги были опечатаны печатями названныхъ офицеровъ, которые и обѣщали придти, по обыкновенію, къ обѣду; но въ 2 часа Биловъ и всѣ командиры гусарскихъ полковъ явились снова, поставили стражу у дверей и отобѣдавъ въ сосѣдней комнатѣ, пришли къ его постели и, повторивъ, что онъ арестованъ, посадили въ его комнату офицера, съ приказаніемъ не допускать его говорить съ кѣмъ бы то ни было, и велѣли вынести письменный столъ.

— «Вы можете дѣлать, что хотите, говорилъ имъ Тотлебенъ, но испортите всю кампанію».

Немного спустя полковникъ Фуггеръ, придя къ Тотлебену, взялъ его саблю, а адъютантъ Тотлебена отобралъ его пистолеты и другое оружіе и, по приказанію Билова, 1 тыс. талеровъ, которые, какъ контрибуція, должны были того же числа быть посланы фельдмаршалу. Въ то же время Тотлебенъ успѣлъ разорвать полученный имъ секретный шифръ короля, для того, какъ онъ объяснилъ, чтобы шифръ этотъ не попалъ въ ненадлежащія руки и изъ него не было сдѣлано вреднаго употребленія.

При осмотрѣ же его бумагъ были найдены какъ указанные нами выше проекты жалобъ императрицѣ и Воронцову, заготовленные имъ 14 іюня, чтобы при первой возможности отправить ихъ по назначенію, такъ и черновое письмо его къ прусскому королю. Въ письмѣ этомъ Тотлебенъ писалъ:

«Ваше величество, въ послѣднемъ вашемъ письмѣ изволите высказывать желаніе, чтобы мнѣ служить еще одну кампанію, для облегченія вашихъ подданныхъ, требуя, чтобы доброю въ моихъ войскахъ дисциплиною я предупреждалъ всякія грабительства и опустошенія. Я нижайше прошу ваше величество вѣрить, что какъ до сихъ поръ, такъ и впредь я буду употреблять всевозможное стараніе къ отвращенію всякой наглости и способствовать всѣми силами облегченію вашихъ областей; но пока провинціальные совѣтники не будутъ оставаться въ своихъ округахъ и въ ихъ домахъ для распоряженій по требуемымъ поставкамъ, то всѣ мои старанія будутъ безполезны и недѣйствительны. И потому, не изволите ли ваше величество приказать, чтобы каждый изъ нихъ оставался въ своемъ округѣ для приготовленія надлежащихъ поставокъ, чтобъ я въ состояніи былъ наблюдать строжайшую дисциплину согласно точнымъ ея императорскаго величества повелѣніямъ и намѣреніямъ вашего величества.

«Чтоже касается до артикула о С.-Петербургѣ, о которомъ ваше величество изволите приказывать мнѣ сдѣлать предложеніе чрезъ Гоцковскаго, то я буду о томъ говорить съ фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ, когда я съ нимъ увижусь, ибо не смѣю о томъ къ нему писать.

„А что относится до другаго вопроса, который изволите дѣ-

лать мнѣ ваше величество, то я его считаю попыткою вашего величества испытать мои мнѣнія. Будучи еще обязанъ службою ея императорскому величеству и подданнымъ саксонскимъ, я былъ бы недостоинъ и той довѣренности, которою удостоиваетъ меня ваше величество, еслибы захотѣлъ сообщать о такихъ вещахъ и такой важности.

„Сказать правду, я не знаю совсѣмъ, что происходитъ въ арміи, не имѣя оттуда никакого сообщенія, ни корреспонденціи.

„По всѣмъ вѣроятіямъ, армія наша, которая теперь во всемъ находится въ добромъ состояніи, будетъ въ нынѣшнюю кампанію дѣйствовать съ бо́льшимъ напряженіемъ своихъ силъ, чѣмъ въ прошлогоднюю.

„Что новый женихъ Кольбергской дѣвственницы отступитъ въ Померанію, то правда; но ихъ и еще много. Между другими издавна и я, по справедливости, могу быть причтенъ къ числу оныхъ. Сватовство мое всегда будетъ правѣе всѣхъ. По крайней мѣрѣ, сталъ бы я о томъ спорить, еслибъ мнѣ должно было дѣлать кампанію въ Помераніи, но, по несчастію, долженъ въ непродолжительномъ времени примкнуть къ главной арміи.

«Сіе письмо дойдетъ до рукъ вашего величества чрезъ с. у. у. Вет.».

Вечеромъ 19 іюня, въ 6 часовъ, Тотлебена посадили въ его экипажъ, вмѣстѣ съ людьми его и,—согласно его выраженію,—какъ величайшаго преступника отвезли въ Ландсбергъ, а оттуда, не смотря на его болѣзнь, подъ прикрытіемъ 300 человѣкъ подъ командою арестованнаго имъ Аша и капитана Билова въ Шверинъ и черезъ Позенъ въ армію, гдѣ Ашъ пересмотрѣлъ всѣ его бумаги и, допрашивая Саббатку, билъ его жестоко [1]). Тѣ-же Ашъ и Биловъ отвезли его потомъ и въ с.-петербургскую крѣпость, причемъ Тотлебенъ долженъ былъ много претерпѣть отъ всего того, что только ихъ злоба и своевольство могли придумать для ухудшенія его положенія. Первый изъ нихъ на каждой станціи впередъ заявлялъ, что везетъ прусскаго шпіона, чѣмъ собиралъ много народа, а въ Митавѣ, гдѣ жило много родныхъ Мирбаха (зятя Тотлебена) и гдѣ были герцогъ Курляндскій и много саксонскихъ офицеровъ, нарочно

[1]) Изъ реляціи Бутурлина видно, что Саббатку допрашивали «подъ плетьми». Архивъ кн. Воронцова, VII, 386. Г. Р.

продержалъ его съ жидомъ и всею командою болѣе получаса на рынкѣ при большомъ стеченіи народа, хотя еще наканунѣ заказалъ для него квартиру [1]). Второй же поступалъ съ нимъ дурно потому, что былъ братомъ тому, который, какъ это доказывается его собственноручнымъ письмомъ, оброненнымъ капитаномъ Биловымъ въ Мемелѣ, въ комнатѣ Тотлебена, былъ душею заговора противъ послѣдняго. Въ письмѣ этомъ полковникъ Биловъ требовалъ отъ Аша половины тѣхъ «douceurs» — писалъ Тотлебенъ въ своемъ показаніи,—которыя онъ получитъ за мой арестъ, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, показать дѣло какъ оно было [2]). Кромѣ того, не было ли обѣщано полковнику Билову начальство надъ легкими войсками? И не принялъ ли его графъ Чернышевъ, когда онъ пришелъ къ арміи съ тѣми войсками, съ объятіями и со словами: «Voilà notre ennemi pris, vous aurez le commando des troupes légères [3]).»

По отправленіи Тотлебена, 30 іюня, въ Петербургъ было перехвачено письмо къ нему отъ Фридриха II, въ которомъ

---

[1]) Въ инструкціи, данной Ашу (м. арх. м. и. д. № 106), велѣно было, при провозѣ Тотлебена, знатные города всегда проѣзжать мимо и не останавливаться, а буде можно, проѣзжать ночью.

[2]) Подлинное письмо Билова отъ 1 іюля 1761 г. Тотлебенъ представилъ графу Александру Шувалову, а въ сохраненной имъ копіи его, между прочимъ, значится: «Вчера я говорилъ о васъ съ фельдмаршаломъ и онъ тутъже поздравилъ васъ маіоромъ. Прибывъ въ Петербургъ, вы можете адресоваться къ канцлеру и сказать ему, что я далъ совѣтъ Ашу какъ поступать, чтобы лучше было можно арестовать генерала. Безъ меня Ашъ могъ бы быть несчастливъ и мнѣ долженъ быть обязанъ своимъ успѣхомъ. Итакъ, и мнѣ должно имѣть участіе въ воздаяніи за то отъ ея величества. Вамъ остается сказать Ашу, что онъ долженъ говорить то, что ему извѣстно обо мнѣ, ибо я и самъ могу объявить какимъ образомъ дѣло происходило. Но остерегайтесь говорить о томъ много и знайте съ кѣмъ говорить. Мое почтеніе Ашу, чтобъ онъ не забывалъ про меня».

[3]) Показанія Тотлебена въ судѣ. Показанія эти невѣрны въ отношеніи назначенія Билова командиромъ легкихъ войскъ. Изъ протокола военнаго совѣта арміи Бутурлина видно, что Биловъ принялъ команду надъ тѣми войсками по арестѣ Тотлебена «какъ старшій полковникъ» и долженъ былъ «при томъ остаться и съ его командою къ арміи слѣдовать», впредь до прибытія изъ Помераніи генералъ-маіора Еропкина, опредѣленнаго тѣмъ же протоколомъ, подписаннымъ и графомъ Чернышевымъ, — командиромъ названныхъ войскъ. (Архивъ кн. Воронцова, VII, 396).

король писалъ, что не можетъ дать просимаго имъ имѣнія (гершафта Миличесскаго), принадлежавшаго Тотлебену и секвестрованнаго пруссаками [1]), но обѣщаетъ дать другое, равное, и отказывалъ въ просьбѣ его о разводѣ съ женою, жившею въ Силезіи, объясняя, что объ этомъ она сама должна подать прошеніе [2]).

Между тѣмъ Бутурлинъ сообщилъ нашему резиденту въ Данцигѣ, Ржичевскому, объ арестѣ и объ отправленіи въ Кенигсбергъ сына Тотлебена, получившаго, 13 мая 1761 года, отъ короля прусскаго увольнительный отъ прусской службы видъ [3]), хотя онъ уже около года тому назадъ былъ вывезенъ отцемъ изъ Берлина и былъ въ школѣ въ Данцигѣ [4]), а въ маѣ 1761 года отправленъ въ Курляндію къ Мирбаху [5]), и о наложеніи секвестра на имущество послѣдняго, а равно распорядился о принятіи подъ присмотръ купленнаго Тотлебеномъ въ Столпе дома съ конскимъ заводомъ и о распредѣленіи лошадей этого завода по полкамъ. Донося же объ арестѣ Тотлебена, счелъ долгомъ злобно, въ свое собственное оправданіе, примѣтить, что дѣйствіямъ арестованнаго надобно приписать неудачу еще зимою возможнымъ казавшагося захвата Кольберга по его

---

[1]) Моск. арх. м. и. д. № 106, 1761 г.

[2]) Соловьевъ, т. 24, стр. 386.

[3]) Прилож. къ реляціи Бутурлина 10 іюля 1761 г.

[4]) Моск. арх. м. и. д. № 50, рапортъ Тотлебена 17 января 1761 года.

[5]) Моск. арх. м. и. д. № 48, письмо къ Мирбаху. Что сталось съ этимъ сыномъ и вообще семействомъ Тотлебена, мы не могли узнать. Изъ промеморіи Тотлебена, поданной 12 февраля 1760 г. графу Фермору (моск. арх. м. и. д. № 34, 1761 г.) видно, что единственные его сынъ и дочь воспитывались въ пансіонѣ въ Берлинѣ, но въ началѣ войны, а именно въ 1756 г., тринадцатилѣтній сынъ былъ взятъ унтеръ-офицеромъ въ прусскую службу. Дочь впослѣдствіи вышла замужъ за курляндца, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника польской службы и кавалера ордена Александра Невскаго, барона Ебергарда-Христофа Мирбаха (м. арх. м. и. д. 1761 г. № 106), въ имѣніи котораго, Нейгофъ, сохранился нынѣ портретъ Тотлебена. По указанію же «Разговора въ царствѣ мертвыхъ» у Тотлебена былъ также и сынъ отъ второй жены, которая была еще жива въ 1774 г. Былъ у него и братъ, подполковникъ голландской службы, содержавшійся, въ февралѣ 1760 г., въ крѣпости Глогау. По донесенію генерала Вас. Суворова отъ 26 іюня 1761 г. сынъ Тотлебена былъ арестованъ по пріѣздѣ въ Курляндію (м. арх. м. и. д. 1761 г., № 106), а по высочайшему указу 27 января 1762 г. его велѣно было освободить изъ подъ караула и отправить въ С.-Петербургъ, въ военную коллегію, и о пріѣздѣ его донести государю (Сенатск. арх. Высоч. ук., кн. 175, л. 229).

проекту и тѣ смущенія, въ которыхъ находился графъ Румянцовъ отъ всегдашняго преувеличиванія Тотлебеномъ силъ непріятеля [1]). Характеръ Бутурлина выразился и въ томъ, что въ реляціи 19 іюня 1761 г., т. е. по полученіи указаннаго выше письма Аша, онъ доносилъ, между прочимъ: «для такого же только любопытства прилагаю присланныя мнѣ графомъ Тотлебеномъ двѣ піесы, касающіяся до союза короля прусскаго съ Портою, которое онъ, Тотлебенъ, будто за деньги, чрезъ своего конфидента, изъ рукъ писаря королевской секретной канцеляріи получилъ [2])».

Г. К. Рѣпинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 381, 386.

[2]) Моск. арх. м. ю., реляціи Бутурлина.

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ ЮРІЯ ВЛАДИМІРОВИЧА ДОЛГОРУКОВА

1740—1830.

Составитель этихъ записокъ князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ— сынъ генералъ-поручика кн. Владиміра Петровича, бывшаго въ царствованіе Елисаветы Петровны рижскимъ и ревельскимъ губернаторомъ, род. 2-го ноября 1740 г. Двѣнадцати лѣтъ произведенъ въ прапорщики, въ 1756 г. былъ уже капитаномъ въ рядахъ арміи въ семилѣтней войнѣ Россіи съ Пруссіей; въ 1767 году переведенъ маіоромъ въ л.-гвардіи Преображенскій полкъ; въ 1769 г. исполнилъ порученіе отправиться къ южнымъ славянамъ. Во время войны Россіи съ Турціей былъ въ Черногоріи, гдѣ арестовалъ самозванца Степана Малаго, назвавшагося было Петромъ III, но потомъ поставилъ его начальникомъ Черной горы;—участвовалъ въ Чесменскомъ бою (1770 г.) и въ русско-турецкихъ войнахъ 1773—1774 гг. и затѣмъ 1787—1791 гг. Скончался князь Юрій Владиміровичъ 8-го ноября 1830 г., въ чинѣ генералъ-аншефа, въ Москвѣ, на 91 году отъ рожденія.

Біографія его разсказана Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ въ его «Словарѣ достопамятныхъ людей», изд. 1836 г., т. II, стр. 305—327. Записки князя Ю. В. были печатаемы въ прежнее время въ извлеченіяхъ, между прочимъ, въ помянутомъ «Словарѣ»; нынѣ издаемъ мы ихъ цѣликомъ, по подлинной рукописи автора, доставленной въ редакцію «Русской Старины», 9-го іюля 1878 г., изъ Москвы г. Василіемъ Безсоновымъ. Рукопись писана на 22 полулистахъ толстой сѣрой бумаги, весьма связнымъ почеркомъ, съ особенностями правописанія XVIII вѣка и со многими поправками автора. Мы печатаемъ эти, вполнѣ драгоцѣнные для исторіи Екатерины II, записки одного изъ достойнѣйшихъ ея сподвижниковъ, дословно, раздѣливъ лишь текстъ на главы.

Ред.

I.

Любезная моя дочь и сердечный другъ княжна Варвара Юрьевна!

Всегда за правило поставлялъ никогда о себѣ не говорить. Изъ послѣдствія увидишь причину, что я въ первой и послѣдній повѣствую тебѣ, яко столь близкой къ моему сердцу, можетъ возьмешь участіе.

Насъ было четыре сестры и два брата. О сестрахъ ничего не говорю, ибо онѣ повышли замужъ, изъ коихъ ты трехъ лично знала, а бо̀льшая скоро по замужствѣ скончалась.

Братъ мой родился въ 738 году января 28-го, я — въ 740 ноября 2. Прежи нежели что нибудь могъ понимать, братъ мой оказывалъ ко мнѣ привязанную дружбу; кой часъ я что либо сталъ понимать, тѣмъ же образомъ ему соотвѣтствовалъ. Сія дружба до послѣдняго часа его жизни не премѣнялась, такъ что къ удивленію всеобщему служила. Къ сему можно добавить, что жены наши не только сіе разрушали, но ежели бы была возможность, еще бы и болѣе усовершили.

Что касается до воспитанія нашего, признаться долженъ, что всѣ науки, намъ преподаваемыя, были единственно начальныя, но усовершенствованы быть не могли по разнымъ причинамъ частыхъ перемѣнъ учителей и что рано были отъ оныхъ отлучены и такъ сами себѣ устроили правила.

Въ 749 году въ августѣ мѣсяцѣ насъ обоихъ записали въ унтеръ-офицеры и желанія родителя нашего были, чтобы мы въ сей части достигали добраго достоинства, слѣдственно, начавъ оное въ самомъ младенчествѣ, могли судить о ней въ худѣ и добрѣ. Въ 752 году произвели насъ, по атестату инженерной науки, въ прапорщики, опредѣливъ къ рижской инженерной чертежной. Въ 754 году досталось намъ въ подпоручики.

Вскорѣ послѣ сего дядя нашъ родной, князь Сергій Петровичъ Долгоруковъ, посланъ былъ въ Царьградъ [1]) и, по волѣ нашего родителя, взялъ съ собою моего брата дворяниномъ посольства.

---

[1]) Въ подлинной рукописи зачеркнуто: «посломъ...»

Въ 756 году родитель мой изъ губернаторовъ назначенъ генералъ-поручикомъ къ арміи. Я былъ опредѣленъ къ нему въ адъютанты капитанскаго чина. Между тѣмъ война съ Пруссіей начиналась, а родитель мой оставался при прежней должности. По волѣ его и моему желанію, я былъ отправленъ въ 757 году въ армію.

Въ 757 году въ первомъ сраженіи я былъ раненъ въ голову; въ 758 году блаженной памяти императрица Елисавета Петровна приказала, чтобы всѣхъ бывшихъ въ дѣйствительномъ сраженіи произвесть въ слѣдуемые чины, почему я произведенъ въ маіоры въ семъ году. Послѣ Цорндорфской баталіи, полкъ Кіевскій, коимъ я командовалъ, былъ отряженъ подъ начальствомъ полковника Яковлева, для осады Кольберга, гдѣ уже прежде находился генералъ-маіоръ Паленбахъ. Наши два полка были по другую сторону прежде пришедшаго корпуса; наступленіе наше было слабо, напротивъ того, защита—тверда.

По дошедшимъ слухамъ, яко-бы идетъ къ крѣпости сикурсъ, мы съ обѣихъ сторонъ отступили; но едва соединились, получили извѣстіе, что тревога фальшивая. По симъ извѣстіямъ и по совѣту нашихъ генераловъ, посланъ былъ бригадиръ со стороны Паленбаха, а со стороны Яковлева я—съ двумя ротами. По приходѣ къ форштату я получилъ повелѣніе занять наши укрѣпленія, а господинъ бригадиръ намѣренъ былъ послѣ вступить. Итакъ я, вшедъ, занялъ всѣ посты и послалъ рапортъ, что работы наши разрыты.

На разсвѣтѣ весь гарнизонъ сдѣлалъ вылазку; во время битвы я получилъ приказъ, чтобы я дѣлалъ, что заблагоразсужу, а помощи никакой не ожидалъ, по причинѣ, что по дорогѣ, ко мнѣ ведущей, ядра достаютъ. Я хотя былъ раненъ, но счастливо вылазку отбилъ и послѣднихъ ретирующихъ захватилъ въ плѣнъ. Послѣ сего я получаю повелѣніе выдти изъ форштата, ибо повелѣніе пришло [1]) отъ главнаго начальства войскамъ идти по квартирамъ.

За сіе съ непріятелемъ дѣло я былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры и съ полкомъ вступилъ на зимовыя квартиры въ городъ Маріенбургъ, подъ начальство генерала-поручика Леонтьева.

[1]) Въ подлинной рукописи зачеркнуто: «изъ главной квартиры».

Въ сіе время въ Кіевскій полкъ пріѣхали полковникъ и подполковникъ, то господинъ Леонтьевъ разсудилъ, что мнѣ въ полку дѣлать нечего, предложилъ, дабы я шелъ къ нему въ дежуръ-маіоры, на что я согласился.

Потомъ увѣдомясь, что братъ мой возвратился въ Россію, жадничась его видѣть, отпросился въ Ригу, гдѣ мой родитель былъ губернаторомъ. Въ Ригѣ свѣдалъ, что начальство надъ арміей поручено графу Салтыкову, а братъ мой съ нимъ ѣдетъ въ армію, гдѣ они и пріѣхали, а меня родитель отправилъ съ герцогомъ курляндскимъ въ Петербургъ, гдѣ я былъ отъ всѣхъ большихъ баръ принятъ отмѣнно ласково и привѣтливо, даже что канцлеръ въ одно утро прислалъ меня звать обѣдать, объявя, что императрица приватно у него будетъ кушать, гдѣ я удостоился быть представленъ ея величеству и удостоился очень милостивой и лестной для меня разговоръ ея принять.

Потомъ отправленъ былъ курьеромъ въ армію. Графъ Салтыковъ приказалъ мнѣ быть при немъ дежуръ-маіоромъ, гдѣ совершенно былъ счастливъ вмѣстѣ служить съ братомъ своимъ. По окончаніи весьма счастливой кампаніи 759 года, графъ Салтыковъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, я былъ произведенъ въ подполковники, и вся молодежь, при немъ бывшая, съ нимъ поѣхала въ Петербургъ.

Въ 760 году по возвращеніи въ армію я видѣлъ, что Невскій полкъ, въ который я былъ помѣщенъ, назначенъ въ корпусъ графа Чернышева, который тогда прибылъ въ армію, бывъ три года при цесарской арміи повѣреннымъ въ дѣлахъ отъ нашего Двора. Я зналъ, что сей разумный (генералъ) пріобрѣлъ много военныхъ свѣдѣніевъ, просилъ у фельдмаршала позволенія быть при полку, тѣмъ паче, что братъ былъ назначенъ въ корпусъ графа Румянцова оберъ-квартирмейстеромъ.

Счастливое предпріятіе быть подъ начальствомъ графа Чернышева, который, дѣлавши три кампаніи при цесарской арміи, единственъ былъ въ знаніи какъ войска водить. Признаюсь, что сія наука меня много выучила впослѣдствіи, по большому моему желанію имѣть по настоящей службѣ способнымъ по детальнымъ знаніямъ и по хорошей памяти. По симъ способностямъ я пріобрѣлъ совершенную довѣренность отъ сего рѣдкаго начальника.

Сія кампанія окончилась безъ генеральной баталіи, а только примѣчательнаго, что нашъ корпусъ былъ въ Берлинѣ, а потомъ нашъ корпусъ остановился въ Помераніи и тѣмъ прикрывалъ всю армію. Я въ сіе время былъ такъ счастливъ, что мнѣ данъ былъ корпусъ гренадеровъ, скомандированными отъ каждаго полка по одной ротѣ, коимъ я прикрывалъ корпусную квартиру и подкрѣплялъ передовыя легкія войска.

761 года нашъ корпусъ впереди арміи въ безпрестанномъ былъ движеніи, гдѣ часто мнѣ случалось быть въ дракѣ съ непріятелемъ; но важныхъ дѣлъ не случилося. Предъ окончаніемъ кампаніи король прусской съ восемьюдесятью тысячами укрѣпился лѣвымъ крыломъ къ Швейдницу, а правымъ къ Штригау [1]); противъ—была вся россійская армія и весьма знатный корпусъ цесарцевъ, подъ командою генерала Лаудона. Въ совѣтѣ положено было всему Лаудонову [2]) войску атаковать непріятельскій лѣвый флангъ, а корпусу графа Чернышева — правый флангъ; мой корпусъ былъ раздѣленъ: половиной—къ цесарцамъ, къ полковнику Дальтону въ команду, а половина его, Лаудонова, полку поступила ко мнѣ въ команду и мы должны были дѣлать главы атакъ—Дальтонъ съ цесарской стороны, а я—съ Чернышевой стороны. Мы въ совершенной радости совсѣмъ приготовились, считая, по удачѣ сей экспедиціи (что) война должна кончиться, ибо тутъ прусскій король собралъ послѣднія свои силы.

Въ день, назначенный къ атакѣ, я, будучи предъ лагеремъ, нетерпѣливо ожидалъ возвращенія Лаудона и нашего генералъ-квартирмейстера барона Елбта, кои ѣздили послѣднее открытіе дѣлать. Увидя послѣдняго изъ сихъ [3]), сказалъ ему, что „мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ и скоро ли начнемъ?» На сіе онъ мнѣ отвѣчалъ: mon cher prince George, Moscou est ataqué, изъяснивъ, что король прусскій никогда такъ сильно не укрѣплялся и что сію отчаянную атаку только можно дѣлать, если бы резиденція была въ опасности. Съ симъ наша надежда исчезла.

Вскорѣ послѣ сдѣланъ совѣтъ и опредѣлено генералу Лаудону остаться въ своей позиціи и графу Чернышеву подъ его

---

[1]) Въ подл. рук. зачеркн.: «ибо».

[2]) По зачеркнутому: «цесарскому».

[3]) Зачеркнуто: «спросилъ».

начальствомъ, а прочей всей россійской арміи идти на квартиру на Вислу.

Король прусскій, чтобы освободить Швейдницъ, отошелъ одинъ маршъ,—пропустивъ слухъ, что идетъ въ Богемію; Лаудонъ будто сему повѣрилъ, отдалъ приказъ, что по вѣрнымъ свѣдѣніямъ король прусскій идетъ въ Богемію, куда и мы должны немедля идти. Король прусской имѣлъ всегда вездѣ вѣрныхъ шпіоновъ, тотчасъ былъ увѣдомленъ, отошелъ еще одинъ маршъ. Въ ту-же ночь Лаудонъ послалъ цесарскія колонны и мой корпусъ русскихъ гренадеръ штурмовать Швейдницъ и на разсвѣтѣ сія крѣпость была наша. Дабы пруссаки не вздумали то же сдѣлать, что мы, цесарцы не могли долѣе стоять въ лагерѣ, пошли по квартирамъ, а графъ Чернышевъ, по просьбѣ Лаудона, оставался въ лагерѣ до позднѣйшей осени, гдѣ уже и снѣгъ выпадалъ, и когда удостовѣрились, что король прусскій ничего предпринять не можетъ, вступили мы въ квартиры въ графство Глацкое и я съ корпусомъ гренадеръ прикрывалъ корпусъ, расположенной по квартирамъ.

Въ концѣ сего 761 года блаженной и вѣчной памяти императрица Елисавета Петровна скончалась.

II.

Вступившій на престолъ наслѣдной императоръ Петръ Третій прислалъ (чрезъ) курьера графу Чернышеву повелѣніе, дабы онъ, оставивъ цесарцевъ, соединился съ нашей арміей на Вислѣ, куда мы и пришли—главная корпусная квартира въ Торунь, откуда графъ Чернышевъ поѣхалъ въ Петербургъ. Въ то время учреждались шефы и графъ Чернышевъ сдѣланъ шефомъ с.-петербургскаго полка и другаго Кроатскаго полка, долженствующаго быть формирований изъ кроатъ, въ Пруссіи въ плѣну находящихся.

Въ 762 году графъ Чернышевъ возвратился къ корпусу съ повелѣніемъ отъ императора Петра III слѣдовать въ соединеніе къ прусскому королю.

Дѣлая новое распоряженіе въ корпусѣ, поручилъ мнѣ въ

команду три батальона гренадеръ, пока сформируется его кроатскій полкъ, въ который меня представилъ въ полковники, и отправилъ меня къ прусскому королю съ репортомъ и донесеніемъ о числѣ войскъ, подъ его командой состоящихъ.

Тутъ долженъ сказать, что пріемъ мнѣ былъ отъ короля чрезмѣрно милостивой; все со мной разговаривая за обѣдомъ, между прочимъ, сказалъ, что онъ въ дружбѣ императора увѣренъ и будетъ стараться, дабы по отличной моей службѣ и за такое чрезмѣрно пріятное увѣдомленіе, кое я ему привезъ, безъ милости не оставилъ, сказавъ всѣмъ за столомъ сидящимъ выпить мое здоровье за такое пріятное извѣстіе, каковыхъ онъ много лѣтъ не получалъ. Потомъ отправленъ я былъ обратно, гдѣ на дорогѣ въ Познани встрѣтилъ графа Чернышева, коему вручилъ королевскія депеши.

Вскорѣ потомъ мы пришли къ королю, и онъ нашъ корпусъ смотрѣлъ и былъ обѣдъ для россійскихъ генераловъ и полковниковъ и король приказалъ и мнѣ быть, сказавъ графу Чернышеву, что онъ чаще желаетъ меня видѣть за своимъ столомъ.

И съ этихъ поръ мы всегда были въ движеніи и цесарцевъ вытѣсняли, но король, чтобы пріобрѣсть довѣренность, почти всякій день вводилъ насъ съ непріятелемъ въ дѣла, кои мы могли хорошо видѣть, но дрались передъ нами прусаки.

Наконецъ, мы такъ сошлись съ цесарцами, что нашъ корпусъ противъ цесарцевъ, они по горамъ, а мы на равнинѣ, выстрѣла на два или на три пушечныхъ выстрѣловъ [1]) и сдѣлана диспозиція королемъ: цесарцевъ съ разныхъ сторонъ атаковать. Наканунѣ сей атаки получилъ графъ Чернышевъ курьера, что императрица **Екатерина** взошла на престолъ и что со всѣми миръ; корпусъ нашъ долженъ идти на Вислу въ Торунь. Сей курьеръ пріѣхалъ ночью и графъ Чернышевъ, на разсвѣтѣ, о семъ объявилъ королю. Сія вѣсть его тронула, но онъ нашелся и просилъ графа, чтобы на тотъ день мы остались, дабы не сдѣлать какой перемѣны въ надежной удачѣ отъ атаки. Мы были свидѣтелями какъ прусаки изъ горъ выгоняли цесарцевъ, по причинѣ, что ихъ лучшія войска противъ насъ

---

[1]) Зачеркнуто: «и накану... и прика...»

стояли, не понимая, что сіе значитъ, что наши войска все передъ палатками и не трогаются; но когда прочія были выгнаты, то и наши сосѣди отретировались и мы въ ночь выступили, хотя не дѣйствуя, но много способствуя прусской удачѣ. Во время бытности нашей съ прусаками, я произведенъ въ кроатскіе полковники и король мнѣ сказалъ, что во время кампаніи онъ меня не отпуститъ, а послѣ кампаніи всѣхъ плѣнныхъ кроатъ прикажетъ мнѣ представить, и увѣренъ, что не только одинъ, но и два полка могу набрать.

Тотчасъ по отступленіи къ Торуни графъ Чернышевъ поѣхалъ въ Петербургъ, а я изъ Торуни отпросился ѣхать къ фельдмаршалу графу Салтыкову, коему я представился въ Гданскѣ, гдѣ первое его слово: „ты безъ полка, ваканціи въ первомъ и третьемъ гренадерскомъ полкахъ», чтобы я выбиралъ. На мой отвѣтъ, что сія милость для меня велика и я не выборъ, а совсѣмъ въ его милость себя поручаю, — онъ сказалъ, что меня опредѣлитъ въ первый гренадерскій полкъ, за что я изъяснилъ мою благодарность.

Скоро потомъ и графъ Чернышевъ пріѣхалъ въ Гданскъ. При первомъ свиданіи фельдмаршалъ ему сказалъ, что меня онъ опредѣляетъ въ первый гренадерскій полкъ. Графъ Чернышевъ ни подъ какимъ видомъ на сіе не согласился, говоря мнѣ весьма милостиво, чтобы я изъ его начальства не выходилъ, на что я отвѣчалъ, что за первое счастіе всегда почиталъ быть въ его командѣ, но у него въ корпусѣ ваканціи нѣтъ. На оное онъ сказалъ, что для меня оную сдѣлаетъ. Потомъ онъ взялъ меня съ собой, поѣхали въ Торунь; дорогой онъ мнѣ говорилъ, что дастъ мнѣ петербургскій полкъ.

Отвѣтъ мой былъ, что ни для чего не согласился бы, чтобы для меня вытѣснить полковника князя Прозоровскаго, съ коимъ мы связаны были не только нѣкоторымъ свойствомъ, но даже съ издѣтства дружбою.

Графъ сказалъ: «Прозоровскій любитъ гренадеръ, я ему отдамъ твои три батальона, оные должны быть сформированы четвертымъ гренадерскимъ полкомъ».

По пріѣздѣ нашемъ въ Торунь всѣ генералы и штабъ-офицеры графа встрѣтили и только что мы вышли изъ коляски, графъ обратился къ Прозоровскому: хочетъ ли онъ имѣть гре-

надерскій полкъ? Прозоровскій не зналъ что отвѣчать, отошелъ, спрашиваетъ меня, что это значитъ? Я чистосердечно ему сказалъ:

— Ты знаешь его страсть къ Петербургскому полку и поэтому онъ желаетъ, чтобы я былъ въ семъ полку.

Прозоровскій, видя, что ему рѣшиться должно, вошелъ къ графу и сказалъ, что онъ согласенъ. Въ тотъ же день отданъ приказъ меня причислить въ Петербургскій полкъ, а Прозоровскому принять мои батальоны и формировать гренадерскій полкъ.

Миръ уже былъ совершенъ и намъ велѣно идти въ Россію и нашъ корпусъ составлялъ Смоленскую дивизію, и вся армія пошла по назначенію дивизіевъ.

III.

Въ семъ 762 году мы вступили въ квартиры и наша дивизія расположилась: въ Смоленскѣ бригадный командиръ Алексѣй Михайловичъ Масловъ, а въ уѣздѣ полковникъ кн. Прозоровской съ четвертымъ гренадерскимъ полкомъ, Гротенгельмъ съ Бутырскимъ, Баннеръ съ Выборгскимъ въ Дорогобужѣ, князь Алексѣй Борисовичъ Голицынъ съ Апшеронскимъ полкомъ въ Вязьмѣ и уѣздѣ, князь Владиміръ Борисовичъ Голицынъ съ Пермскимъ полкомъ и бригадный командиръ князь Петръ Сергѣевичъ Долгорукой, полковникъ Давыдовъ съ Рижскимъ карабинернымъ полкомъ въ Рославлѣ, полковникъ Полонскій съ Рязанскимъ карабинернымъ въ Бѣлой, Текелли съ Сербскимъ гусарскимъ въ Порѣчьѣ.

Фельдмаршалъ графъ Чернышевъ сдѣланъ президентомъ военной коллегіи; подъ его начальствомъ наша дивизія управлялась генералъ-поручикомъ Нумерсомъ.

Въ 763 году, весной, вся дивизія собралась при Смоленскомъ лагерѣ.

Въ семъ лагерѣ мы получили повелѣніе быть готовымъ къ походу по причинѣ смерти короля польскаго Августа.

Вскорѣ пришло повелѣніе командировать С.-Петербургской и Апшеронской полки пѣхотные, Рязанской карабинерной и

Сербской гусарской, всѣ подъ командою князя Петра Сергѣевича Долгорукова, въ Варшаву, для выбора короля Понятовскаго; изъ прочихъ дивизій тоже войска слѣдовали. Въ Польшѣ ужъ началась конфедерація и по дорогѣ нашей къ Варшавѣ мы забавлялись битіемъ, гнаніемъ и плѣненіемъ польскихъ войскъ. Время нашего пребыванія при Варшавѣ кончилось съ коронованіемъ короля и все кончилось. Часть нашихъ войскъ расположилась: Апшеронской полкъ въ Грауденцѣ и уѣздѣ, Петербургской полкъ при генеральской квартирѣ въ Маріенбургѣ и уѣздѣ. Тутъ присоединился въ мою команду одинъ батальонъ перваго гренадерскаго полку. Рязанской карабинерной расположенъ былъ въ Диршавѣ (sic) и около.

Въ сихъ весьма пріятныхъ квартирахъ мы простояли одиннадцать мѣсяцевъ и получа повелѣніе, Смоленской дивизіи полки послѣдовали въ Россію и я съ полкомъ вступилъ на свои непремѣнныя квартиры въ Вязьму.

[1]) Графъ Чернышевъ, желая показать мой полкъ императрицѣ, расхвалилъ оной, а какъ императрица въ семъ году намѣрена была ѣхать водою въ Казань, изволила сказать:

— Прикажи с.-петербургскому полку идти въ Казань, я тамъ его увижу.

Неожиданно въ 767 году, въ началѣ, я получилъ повелѣніе моему полку идти въ Казань. Я выступилъ. Пришедъ къ Москвѣ, я расположилъ полкъ въ моей подмосковной, куда графъ Захаръ Григорьевичъ (Чернышевъ) пріѣхалъ смотрѣть, и полкъ по глубокому снѣгу дѣлалъ разныя движенія; графъ былъ очень доволенъ; пріѣхавъ въ городъ, еще болѣе мнѣ чести сдѣлалъ у императрицы и она изволила приказать, чтобы я полкъ отправилъ въ Казань, а самъ былъ готовъ имѣть счастіе въ ея свитѣ ѣхать водой.

Въ 767 году, весной, императрица изволила поѣхать въ Тверь, гдѣ мы всѣ анбаркировались на приготовленныя четыре галеры и множество прочихъ судовъ, и весьма пріятной вояжъ дѣлали. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ я испросилъ, чтобы мнѣ дозволено ѣхать къ полку и, по дозволеніи, я нанялъ лодку и прибылъ въ Казань.

---

[1]) Зачеркнуто въ подлинникѣ: «Въ началѣ 766 году...»

Ея величество удостоила смотрѣть мой полкъ съ большимъ одобреніемъ, потомъ изволила приказать моему полку возвращаться въ свои квартиры, а мнѣ слѣдовать при свитѣ водою до Симбирскова (sic). Сіе продолженіе водоплаванія произошло для того, чтобы продолжить чрезвычайное удовольствіе, кое не только она сама, но вся свита ощущала.

Изъ Симбирскова всѣ поѣхали сухимъ путемъ къ Москвѣ.

Въ сіе лѣто скончался добродѣтельной фельдмаршалъ графъ Бутурлинъ; онъ же былъ и подполковникъ гвардейскаго Преображенскаго полка. Воля императрицы сей полкъ отдать (въ) начальство графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, сдѣлать его подполковникомъ, а меня маіоромъ. Я отговаривался тѣмъ, что я съ Петербургскимъ полкомъ, пока возможно, разстаться не намѣренъ, но графъ Орловъ рѣшительно отозвался, что Преображенскаго полку не приметъ, если я не буду маіоромъ; тутъ началось ко мнѣ настоятельное требованіе; я видѣлъ, что мнѣ отдѣлаться нельзя, а притомъ, видѣвши милостивое императорское на меня вниманіе, съ горемъ рѣшился и въ мое утѣшеніе позволено мнѣ взять 150 рядовыхъ изъ моего полку и 150 выбрать изъ всей арміи въ Преображенской полкъ.

Такимъ образомъ принужденъ былъ, совершенно противъ моего желанія и склонности, переселиться въ резиденцію, гдѣ старался сей ослабѣвшій полкъ привесть въ образованіе.

Въ исходѣ 768 года императрица, для примѣру всей націи, вызваннымъ изъ Англіи докторомъ Вилиемъ, привила себѣ воспу и нѣсколько времени была въ опасности жизни.

Въ сіе время получено извѣстіе, что Порта Оттоманская объявила войну и нашъ министръ господинъ и его секретарь г. Булгаковъ посажены въ тюрьму.

Въ 769 году во всей (арміи?) сдѣлалось движеніе. Сіе побудило меня просить быть опредѣлену къ дѣйствующей арміи. Въ отвѣтъ ея величество приказала мнѣ сказать, что мое пребываніе при ней нужно.

Въ сіе время графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, находясь для леченія болѣзни въ Италіи и въ Венеціи, разговаривая (съ) славянами, венеціанскими подданными, съ нами единовѣрными, увѣрился, что они недовольны своимъ правленіемъ, также и ихъ сосѣди черногорцы, турецкіе подданные, даже греки

въ Архипелагѣ преданы двору россійскому; посему графъ Орловъ писалъ ко двору, дабы наши народы (sic) и обстоятельства дѣлать свое вниманіе, и онъ представляетъ свои услуги если присланъ будетъ флотъ и войско, но что онъ начальства не приметъ, если меня къ нему на помощь не пришлютъ. Сіе мнѣ предложено, хотя мое желаніе было быть употреблено къ извѣстному въ военномъ званіи славному начальнику графу Румянцову; но сего способа не имѣя, единственно чтобы быть въ войнѣ, согласился [1].

Въ разсужденіи критическихъ обстоятельствъ католическихъ державы, а наипаче въ Италіи, отправили меня подъ названіемъ купца Барышникова и, вмѣстѣ со мною, такимъ же образомъ, артиллеріи подполковника Лецкова, Николая Иваныча Маслова и Федора Васильевича Обухова.

Передъ отъѣздомъ имѣлъ я счастіе откланитца ея величеству въ ея кабинетѣ и чрезвычайно милостиво отпущенъ.

Такимъ образомъ, подъ именемъ россійскихъ купцовъ, отправились мы въ Италію. Доѣхавъ въ Пизу, тутъ я вручилъ бумаги графу Орлову и притомъ записку, что весьма скоро къ нему придутъ девять линейныхъ кораблей, нѣсколько фрегатовъ и пять тысячъ человѣкъ десантнаго войска. Мы ожидали скораго прибытія сего флота, но, съ одной стороны, неопытность нашихъ морскихъ начальниковъ, а съ другой—нежеланіе воевать, была причина ихъ медленности. Флотъ нашъ зашелъ въ Аглинской портъ, гдѣ простоялъ семь мѣсяцевъ, яко-бы за починкою кораблей, а самая причина, что адмиралъ все твердилъ: „авось помирятся"; по сей причинѣ мы въ недѣйствіи весьма скушно проводили (время).

Съ нами былъ братъ графа Орлова, которой по фавору брата весьма молодъ попалъ въ большіе господа. Будучи егоистомъ и чрезвычайно самолюбивъ, начитался греческой и римской исторіи, хотѣлъ равняться съ великими людьми, но, по несчастію, не имѣлъ на то способности, и его сластолюбивое житіе препятствовало лично отличиться; по моему простосердечію (мы) не могли никогда одинаково думать.

---

[1]) Далѣе въ подлинной рукописи зачеркнуто: «Весьма нужно сказать о причинѣ сей войны и ея послѣдствіяхъ...»

Въ одно утро графъ Алексѣй Григорьевичъ (Орловъ) мнѣ говоритъ, будто братъ его къ нему приступаетъ и требуетъ ѣхать въ Черную гору, но вотъ его слова:

— Ты знаешь, что братъ мой не имѣетъ способности, а притомъ всѣми ненавидимъ, то во избѣжаніе дурныхъ слѣдствіевъ возьми сію экспедицію на себя.

Я хотя видѣлъ куда сіе ведетъ и что меньшой братъ большаго обманываетъ, считая гнуснымъ отчего либо отказываться, согласился и въ нѣсколько дней собрался.

Мнѣ должно было спѣшить въ Сенигалію на ярманку, куда всѣ корабли свободно приходятъ и отходятъ. У насъ было двадцать шесть славянъ, живущихъ по разнымъ мѣстамъ въ Италіи, коимъ я приказалъ идти въ Сенигалію, явиться къ Драшковичу, съ коимъ я былъ въ перепискѣ, къ греку, съ коимъ я также былъ въ перепискѣ, и приказалъ для меня заготовить два судна для моего переѣзда, а самъ поѣхалъ въ Венецію для полученія отъ графа Моруція денегъ. Со мной поѣхали артиллеріи полковникъ Лецкой, полковникъ Герсдорфъ, маіоръ Розенберхъ, секретарь Миловской, бывшій въ нашей службѣ черногорецъ капитанъ Пламеницъ, да весьма для меня нужной человѣкъ венеціанской подданный графъ Войновичъ, уроженецъ Кастелнъвова,—на самой границѣ черногорской, человѣкъ очень вѣрной, проворной [1]) и свою родину и языкъ знающій, такъ какъ и итальянской. Еще два унтеръ-офицера гвардіи: Акиншинъ и Сиромятниковъ; оныхъ я съ собой привезъ изъ Петербурга; еще мой камердинеръ да слуга Лукезица, весьма проворенъ, но большой плутъ.

Вотъ вся моя армія, съ которой я отправился въ Сенегальскую ярманку. Остановясь въ Анконѣ, дождался свѣдѣнія, что греческое судно готово, кое возвращалося въ Аѳины, и славянская требакула, посему я пріѣхалъ въ Сенегалію и вскорѣ амбаркировался. Грекъ-капитанъ въ жестокомъ страхѣ, но принужденъ меня вести въ пустой портъ между границею турецкой и венеціанской; тутъ мы вышли на берегъ, гдѣ меня дожидался, по предварительному отъ меня увѣдомленію, славянинъ венціанской подданной Марко, изъ деревни Маина. Онъ насъ повелъ въ гору.

---

[1]) Зачеркнуто: «старо».

Въ жизнь мою не имѣлъ я болѣе трудности; мы несли на себѣ деньги, медали, порохъ, свинецъ и прочее; будучи такъ нагружены, по каменнымъ горамъ, ухвачиваясь за терновые кусты, гдѣ мы ободрали руки и даже подошвы всѣ изорвались. Въ девять часовъ мы дошли до земли Черногорской и сдѣлалось жарко, я не могъ далѣ слѣдовать, сѣлъ отдыхать въ такомъ положеніи, думая, чтобъ со мной ни случилось, не могу больше идти. По прошествіи короткаго времени привели мнѣ осла, на коемъ я продолжалъ путь до селенія черногорскаго, называемаго Черница.

Отселя послалъ повѣстить, чтобы черногорцы сбирались въ Цетинъ; сіе главное мѣсто, тутъ живетъ архіерей и губернаторъ.

Въ назначенное время я прибылъ въ Цетинской монастырь; въ сію ночь и на другой день черногорцы собрались; тутъ имъ прочли на ихъ языкѣ манифестъ и приведены къ присягѣ россійской императрицѣ; потомъ ихъ кормилъ и въ тотъ (день) распустилъ по домамъ, объявивъ, что впредь будутъ получать мои повелѣнія и, по увѣренію графа Орлова, ожидалъ прибытія флота, коего нѣсколько мѣсяцевъ напрасно ожидалъ.

Въ сіе время венеціаны, дабы оправдаться передъ турками, дѣлали разныя неистовства; одинъ разъ прислали русскихъ въ кушаньѣ отравить, что, по счастію, открылось и посланный, подъ видомъ дезертира, признался и порошокъ далъ итальянцу, который намъ стряпалъ. Сей честный плутъ сіе развѣдалъ. Въ другой разъ подкупили черногорцевъ, дабы имѣющій подъ нами порохъ зажечь, и сіе удалось намъ открыть. Наконецъ, турки публиковали, если живаго или мертваго къ нимъ доставятъ, они платятъ пять тысячъ червонныхъ. Сей убѣдительной причины мои черногорцы равнодушно перенесть не могли, и я могъ примѣтить, что они искали способа до меня добраться: первое приступили ко мнѣ, что они обижаются, что при мнѣ славяны, и требовали, чтобы я ихъ (черногорцевъ) взялъ для охраненія моей особы, и разные непріязненные слухи до меня доходили къ моему свѣдѣнію; впрочемъ, что можно было, то моя экспедиція произвела: паши окрестные Черной горы въ армію не пошли даже; босняки отговаривались, что непріятель при ихъ границахъ, и вѣрныхъ людей я только имѣлъ 26 человѣкъ, а на черногорцевъ безъ нашего войска я полагаться не могъ, а при-

томъ немного оставалось до зимы, гдѣ бы всѣ горы, какъ я выше говорилъ, занесло такъ снѣгомъ, что изъ одного двора въ другой, ни подъ какимъ видомъ, прохода не бываетъ.

Сколь (ни) невозможнымъ казалось изъ сего разбойничьяго гнѣзда вырваться, но Богъ помогъ. Я поручилъ графу Войновичу переодѣться въ славянскую одежду, идти въ турецкій городъ Антивари и стараться нанять или купить какое-нибудь судно. Сіе счастливо удалось, онъ возвратился съ тѣмъ, что пустая лодка черезъ два дня, въ ночь, изъ города выйдетъ и въ пустомъ (мѣстѣ) ту ночь простоитъ до утра. Первый мой предметъ былъ всѣхъ черногорцевъ удалить, потомъ изъ подъ караула призвалъ Степана Малова, далъ ему патентъ россійскаго офицера, нарядивъ его въ мундиръ русскаго офицера, отдалъ ему привезенный мною порохъ, сукно и прочее, оставивъ письменное повелѣніе, что до моего возвращенія поручилъ управленіе Черной горы Степану Малову. Онъ меня проводилъ до берега моря; кой часъ завечерѣло, мы пошли по горамъ, по пропастямъ, по камнямъ, по тернамъ, я бы вѣрно въ пропасть свалился, если бы привычный къ симъ мѣстамъ Степанъ Маловъ, такъ сказать, на рукахъ не вынесъ, хотя мы все шли подъ гору, прыгая съ камня на камень, держась за терны. Сей трудный походъ продолжался цѣлую (ночь). Чуть стало брезжиться, мы подошли къ берегу моря и едва можно было примѣтить въ нѣкоторомъ разстояніи наше судно; разбудили на берегу спящаго матроса и зачали на малой лодкѣ переѣзжать.

При выходѣ изъ Черной горы, славянскій патріархъ задолго передъ тѣмъ былъ долженъ для спасенія жизни укрыться съ нѣсколькими архимандритами въ Черную; просилъ меня взять его съ собою, что я и сдѣлалъ.

Радость наша была чрезмѣрна, когда мы взошли на судно, ибо если бы за чѣмъ нибудь оно не могло выйти, то стали бы мы окружены четырьмя непріятелями: черногорцами, венеціанами, турками и Адріатическимъ моремъ.

Вошедъ въ судно, отъ жестокой усталости мы нѣсколько успокоились; (но) новая гибель предстала: первое, безнадежность нашего судна, которое долгое время не было конопачено, компаса не имѣли, но что всего хуже, ни куска хлѣба, ни капли воды, а о прочихъ припасахъ и говорить нечего; тутъ должно

было прибѣгнуть къ расторопности графа Войновича: онъ на лодкѣ поѣхалъ въ городокъ, венеціанамъ принадлежащій. По обыкновенію, его стали разспрашивать, онъ сказалъ, что онъ не смѣлъ войти съ своимъ судномъ по причинѣ, что у него люди больны и есть умершіе, что онъ идетъ изъ Македоніи съ табакомъ, а отъ большихъ штурмовъ все покидалъ въ море, и проситъ, чтобы ему позволено было закупить провизію. При семъ разговорѣ нѣсколько червонцевъ графа Войновича доставили полное удовольствіе. Начальникъ ему сказалъ: „хорошо, что онъ съ больными не вошелъ въ портъ и что много доходитъ извѣстій о погибели въ морѣ судовъ отъ штурмовъ"; впрочемъ, далъ ему свободу всѣмъ снабдиться. Графъ Войновичъ пріѣздомъ своимъ насъ очень обрадовалъ и мы весьма весело слушали его разсказы, а бывшій съ нимъ славонецъ намъ сказалъ: «конте лаже, лаже—секретарь пише, пише», то есть: графъ вретъ, секретарь все пишетъ.

Напившись и наѣвшись, мы спокойно пустились къ итальянскимъ берегамъ, новая бѣда: сдѣлалась жестокая (буря) и лодочку нашу оторвало. Судно наше начало нести къ венеціанскимъ берегамъ, что для насъ было опасно; по счастію, у насъ случился матросъ, который былъ отъ роду нѣмъ, но сіе море очень зналъ. Знаками указалъ, что тутъ есть совершенно пустой берегъ, жила никакого нѣтъ и судно будетъ безопасно. Мы туда вошли, переждали бурю и потомъ достигли города Анконы. Сей городъ весьма испугался, увидя толь скверное судно набито(е) людьми; приняли насъ за разбойниковъ, но мы въ портѣ кинули якорь подлѣ дульциніотскаго корабля. Сіи морскіе разбойники испугались отъ нашего сосѣдства, отрубили якорь и пустились въ море.

Я въ Анконѣ черезъ пріятелей и чрезъ деньги успѣлъ, что насъ оставили, но заставили насъ держать сорокадневный карантинъ, посему мы всѣ переѣхали въ карантинный домъ.

По выходѣ изъ онаго, я поѣхалъ къ графу Алексѣю Григорьевичу и нашелъ его въ Пизѣ, а графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, подхвативъ флотъ, поѣхалъ въ Архипелагъ искать славы, оставя въ Ливорнѣ одинъ корабль и одинъ фрегатъ. На оныхъ мы съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ отправились въ Морею. По приходѣ, мы нашли, что первое появленіе флота россійскаго

навело такой страхъ, что турки сдали Наваринъ князю Петру Петровичу Долгорукову, который приступилъ съ двѣнадцатью русскихъ солдатъ и немалова числа грековъ.

Сіе возгордило самолюбіе, вздумали всю Грецію завоевать прежде нашего прибытія. Въ семъ намѣреніи собрали всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ солдатъ и сдѣлали высадку къ Корону, но по безначалію, ибо самъ главный начальникъ ноги на берегъ не ставилъ, и болѣе двадцати дней ни мало и ничего не успѣли.

Въ семъ положеніи мы нашли дѣла Мореи. Графъ Алексѣй Григорьевичъ поручилъ мнѣ осмотрѣть осаду; я, возвратясь, объяснилъ, что крѣпость ничего не значущая, ежели мнѣ поручатъ, я отвѣтствую завладѣть оной въ нѣсколько дней.

Тутъ графъ Федоръ Григорьевичъ горячо заспорилъ и настоялъ, чтобы осаду оставить, на что я сказалъ, что сіе всего легче, но снятіемъ осады окуражимъ весьма турокъ и мы съ такимъ малымъ числомъ къ нимъ зашли, единственно успѣховъ можемъ ожидать отъ удачъ, но рѣшительно графъ отозвался, что(бъ) войска забрать на корабли, что исполнили.

Но рѣшительнаго положенія мы никакого не имѣли; не знали, для чего пришли къ Модину, сдѣлали высадку, корабельныя скверныя чугунныя пушки на людяхъ подвезли и, казалось, довольно счастливо на третій день брешь сдѣлали, но, къ несчастью, большой корпусъ турокъ пришелъ на помощь крѣпости. Я послалъ къ нашимъ грекамъ, коихъ человѣкъ до семисотъ мною были поставлены съ правой стороны крѣпость блокировать, чтобы они перешли налѣво, дабы лѣвый мой флангъ прикрыть, но получилъ репортъ, что ни одного грека не осталось, они всѣ ушли.

Тутъ я увидѣлъ, что неизбѣжно должно уступить, послалъ небольшое число солдатъ позади занять между горъ ущелину; самъ съ достальными, перемѣняя фрунтъ, ретировался, гдѣ, будучи раненъ въ руку, продолжалъ отступленіе, потомъ раненъ въ ногу, но, по счастію, уже всѣ достигли дефилеи, въ которой турки не осмѣлились преслѣдовать.

Послѣ сей экспедиціи мы всѣ амбаркировались, мы вышли въ море, гдѣ къ намъ пришелъ контръ-адмиралъ Елфинстонъ, съ тремя кораблями, а прежде насъ было шесть линейныхъ и нѣсколько фрегатовъ. Пришло к намъ извѣстіе, что шестнадцать

турецкихъ военныхъ линейныхъ кораблей и множество разныхъ судовъ. Тотчасъ на нашъ корабль созванъ былъ совѣтъ, состоящій: два графа Орлова, адмиралъ, контръ-адмиралъ, капитанъ нашего корабля Грейгъ и я. Увидѣвъ, что начали колебаться, мы съ Грейгомъ рѣшительно сказали, что(бъ) намъ искать турецкій флотъ и атаковать. На сіе мнѣніе мы, хотя съ трудностію, вовлекли и графа Алексѣя Григорьевича.

По счастію, что мы имѣли капитана Грейга, столь искуснаго мореходца, какого желать можно. Онъ сдѣлалъ диспозицію такимъ образомъ: три корабля въ авангардѣ подъ начальствомъ адмирала, корабли: 1) Европа, 2) Евстафій, на коемъ былъ адмиралъ и графъ Федоръ Орловъ, 3) Януарій; коръ де-баталь: три корабля: 1) Три святителя, 2) Нашъ, Три іерарха, 3) Ростиславъ. Въ аріергардѣ контръ-адмиралъ Елфинстонъ: 1) Не тронь меня, 2) восьмидесяти-пушечный Всеволодъ, 3) Саратовъ. Въ предписаніи сказано, чтобы корабли между собой разстоянія имѣли не больше пол-кабельтова, шедши за однимъ отъ непріятеля на пистолетный выстрѣлъ, ложились въ линію и въ сей дистанціи, шедъ мимо непріятеля, производили пальбу.

Наканунѣ атаки Грейгъ ко мнѣ подошелъ и проситъ, чтобы я взялъ команду надъ кораблемъ Ростиславомъ, но онъ началъ меня очень убѣждать и я переѣхалъ на Ростиславъ. Генералъ Паленъ, подполковникъ Перетъ и многіе просились и со мной переѣхали. На другой день мы увидѣли турецкой флотъ въ каналѣ между острововъ при азіятскомъ берегѣ на якорѣ, но одинъ корабль капитанъ-паши въ той-же линіи, но отдаленъ кабельтовъ на шесть или нѣсколько больше.

По сигналу вступили мы въ атаку. Первый корабль Европа, пришедъ въ дистанцію, поворотилъ вдоль турецкаго флота, производилъ пальбу; за онымъ корабль Евстафій—тоже, а потомъ Януарій. Европа, пришедъ противъ капитанъ-пашинскаго корабля, увидѣлъ предъ собою мель; опасаясь потерять корабль, повернулъ назадъ. Потомъ Евстафій думалъ то-же сдѣлать, но его паруса были весьма повреждены—начало корабль дрейфовать на капитанъ-пашинскій, и думали, что будетъ ручной бой. Адмиралъ и графъ Федоръ Григорьевичъ сѣли въ шлюпку и погребли на фрегаты, стоящіе въ отдаленіи отъ флота, забывъ на кораблѣ: адмиралъ своего сына, а графъ Орловъ своего друга князя Коз-

ловскаго. Нашъ корабль сцѣпился съ турецкимъ; капитанъ Крузъ, увидя турецкій корабль пустой, послалъ на послѣдней, при немъ имѣющейся, шлюпкѣ адмиральскаго сына къ графу Алексѣю Григорьевичу съ поздравленіемъ, что онъ взялъ турецкій корабль, но когда наши взошли на корабль, увидѣли внизу дымъ и второпяхъ не старались гасить, а перебѣжали на свой корабль. Вскорѣ турецкой корабль былъ весь въ огнѣ и наши люди въ изумленіи ожидали своего жребія, какъ вдругъ турецкаго корабля мачта упала на нашъ корабль и искры упали въ крюйтъ-камеру, которая была открыта по причинѣ сраженія и мгновенно нашъ корабль подняло совсѣмъ на воздухъ и на обломки попали капитанъ Крузъ, штурма(нъ) и человѣка четыре; прочіе всѣ погибли и князь Козловскій, а потомъ и турецкій корабль сгорѣлъ и тоже на воздухъ взлетѣлъ, а турки всѣ (съ него) перебрались на берегъ. Третій корабль изъ авангарда, Януарій, еще прежде поворотилъ изъ бою вонъ.

Дѣйствіи коръ де баталіи. Первый корабль „Трехъ Святителей“ прошелъ сквозь турецкую линію, а „Три іерарха“ и „Ростиславъ“ (съ) своей стороны повернулись противъ турецкаго флота и чрезвычайную, въ ближнемъ разстояніи, произвели пальбу, которая не очень долго продолжалась и турки обрубили якоря и въ большомъ безпорядкѣ вошли въ глухой бассейнъ при Чесмѣ.

Объ аріергардѣ не велика повѣсть: онъ убавлялъ парусовъ и пришелъ, когда уже мы обложили Чесменскій бассейнъ, но отъ фанфоронства, что онъ былъ въ сраженіи, еще до насъ далеко не дошелъ—стрѣлялъ изъ пушекъ на воздухъ.

Въ сіе время, какъ нашъ корабль взорвало, графъ Алексѣй Григорьевичъ бросилъ имѣвшую въ рукахъ бриллiантовую табакерку и только выговорилъ: „ахъ, братъ!“ Скоро потомъ адмиральскій сынъ пріѣхалъ и извѣстилъ, что его отецъ и графъ Орловъ уѣхали съ корабля прежде. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, Грейгъ и я поѣхали ихъ отыскивать, нашли графа Орлова—въ одной рукѣ шпага, а въ другой ложка съ яичницей, адмирала съ превеликимъ на груди образомъ (и) большая рюмка водки въ рукахъ. Мы взяли ихъ и перевезли къ себѣ на корабль.

Тутъ опять мы съ Грейгомъ переговорили, какъ сей флотъ истребить; тотчасъ сдѣлали четыре брандера и ночью, подъ при-

крытіе корабля „Европы“, капитанъ Колкачевъ (Клокачевъ ?) вошелъ и сталъ на якорь въ самой ближней дистанціи на турецкомъ флотѣ. Еще съ перваго сраженія (турки) не опомнились и великая суматоха (была), такъ что иной корабль кормой къ намъ стоялъ. Съ нѣсколькихъ выстрѣловъ брандскугелями Колкачевъ предалъ огню весь турецкой флотъ. Къ этому вдобавокъ, изъ четырехъ брандеровъ—одинъ Ильина прицѣпилъ свой брандеръ къ фланговому турецкому кораблю, что пожаръ усугубило. Мы съ Грейгомъ на шлюпкѣ, разъѣзжая на разсвѣтѣ, увидѣли, что одинъ корабль „Родесъ“ не горѣлъ, вытащили его и привезли въ нашъ флотъ. Другой корабль хотѣли вытащить, но съ горѣлова корабля мачта на него упала и онъ загорѣлся; мы принуждены были его оставить.

Почти не можно себѣ вообразить сего ужаснаго зрѣлища, кое мы видѣли въ Чесменскомъ портѣ. Начать (съ того), что вода, смѣшанная съ кровью и съ золою, получила прескверный видъ; люди обгорѣлые, разнымъ видомъ лежащіе между обгорѣлыхъ обломковъ, коими такъ портъ наполнился, что едва на шлюпкѣ мы могли проѣзжать.

Симъ благополучнымъ успѣхомъ флотъ нашъ остался господствовать въ Архипелагѣ, а на сухомъ пути, по малости нашихъ войскъ, мнѣ казалось ничего предпринимать (было) не можно.

Большое мое желаніе быть подъ командою графа Румянцова заставило меня просить быть отпущену въ Петербургъ, на что графъ Орловъ разсудилъ меня отправить съ подробнымъ донесеніемъ къ ея величеству.

Пріѣхавъ на аглинскомъ фрегатѣ въ Ливорно, долженъ былъ выдержать сорокадневный карантинъ, что прибавя къ весьма долгому вояжу отъ безпрестаннаго безвѣтрія, уже весьма поздно осенью пріѣхалъ въ Петербургъ.

Ввечеру пріѣхавъ, прямо явился во дворецъ. Императрица изволила въ карты играть и подлѣ нея сидѣлъ принцъ Генрихъ прусскій. Кой часъ ея величество изволила меня увидѣть, встала изъ-за картъ, подошла ко мнѣ, подавъ мнѣ руку, кою я поцѣловалъ, и она удостоила поцѣловать меня въ щеку. По короткомъ со мной разговорѣ опять сѣла за карты, извиняясь передъ принцемъ Генрихомъ, что скоро отошла. Въ извиненіи изволила сказать:

— Я такъ обрадовалась, увидя князя Долгорукова, что, забывши(сь), не могла вытерпѣть".

Кой часъ отыграла, подали ей Егорьевскій (Георгіевскій) крестъ. Она ко мнѣ подошла, изволила сказать, что сей ко мнѣ посланъ, но она довольна, что онъ до меня не дошелъ, почему она имѣетъ удовольствіе сама на меня его наложить. Я сталъ на колѣна и императрица возложила на меня сей крестъ и чрезъ нѣсколько дней удостоила возложить на меня орденъ святаго Александра Невскаго.

Я зачалъ нѣкоторые приступы дѣлать, чтобъ мнѣ въ эту зиму попасть въ первую армію, но, къ несчастію, графъ Алексѣй Григорьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и сталъ очень настоять, чтобы я съ нимъ ѣхалъ въ Архипелагъ; мнѣ приказано сказать, что туда посылаются двѣ роты гвардіи Преображенскаго полка, и того-жъ 96 егерей, прежде мною сформированныхъ, Шлиссельбургскій весь полкъ, изъ командированныхъ 800 рядовыхъ, съ пристойнымъ числомъ штабъ-и оберъ-офицеровъ.

Противъ моего желанія, я долженъ былъ согласиться.

Итакъ, мы чрезъ ве (?) вмѣстѣ поѣхали въ Италію; въ Ливорно мы сѣли на корабль „Трехъ іерарховъ", поѣхали въ Архипелагъ, съѣхались со всѣмъ флотомъ и 24-го іюня праздновали годовщину сожженія турецкаго флота, гдѣ очень много шампанскаго (пили). Графъ Федоръ Григорьевичъ вздумалъ на мой счетъ пошутить тѣмъ, что мнѣ данъ Георгій третьей степени, а ему второй. Я снялъ свой крестъ и сказалъ: „все, что я по службѣ получилъ, я могу сказать, а что они, графы Орловы, если отбирать то, что они не заслужили, тогда едва останутся ли на нихъ кафтаны и что я на весь флотъ ссылаюсь, что кромѣ Грейга и меня имѣлъ ли кто участіе въ сей славной побѣдѣ".

Чувствуя послѣ, что сіе сдѣлало мнѣ графовъ Орловыхъ злодѣями и какъ у насъ довѣренность исчезла, то я болѣе былъ въ молчаніи и мы совершенно ничего не дѣлали, даже и рѣчи не было, дабы что нибудь принять (предпринять).

По полученнымъ свѣдѣніямъ, на островѣ Метелинѣ турки строили два линейныхъ корабля и одинъ фрегатъ и почти совсѣмъ были готовы. Адмиралъ сталъ мнѣ говорить съ великимъ страхомъ о сихъ корабляхъ, въ разсужденіи, что туркамъ всѣ мѣста извѣстны, то сіи корабли много вреда могутъ дѣлать нашимъ крейсерамъ.

Я ему отвѣчалъ: ихъ можно сжечь.

Адмиралъ: „весьма бы вы нашъ флотъ облегчили, ежелибъ сожгли".

Мой отвѣтъ былъ: я нынѣшній годъ ничего не предлагаю, но если мнѣ будетъ поручено, я надѣюсь съ помощію Божіею въ семъ.

Адмиралъ передалъ весь разговоръ графу, который мнѣ сказалъ: „вы беретесь турецкіе корабли сжечь"?

Мой отвѣтъ былъ, что я ни за что не берусь, а всегда что мнѣ поручено, дѣлаю, не разбирая невозможности.

Итакъ, мнѣ было поручено.

Весь нашъ флотъ сталъ на якорѣ въ отдаленіи острова Метелина. Я сдѣлалъ диспозицію: полковнику Толю съ Шлюшенбургскимъ полкомъ дѣлать десантъ съ сѣверной стороны и вести фальшивую атаку къ крѣпости [1]); полковнику Кутузову съ нѣсколькими сотнями (въ) весьма дальномъ разстояніи отъ города дѣлать десантъ съ южной стороны, принимая влѣво, и съ нимъ были албанцы; между Кутузова и города я дѣлалъ десантъ съ 30 гренадерами, подъ командою капитана Розенберха и два маленькіе единорожка, кои бомбардиры подъ командою храбраго князя Волконскаго на рукахъ несли; гвардія по берегу слѣдовала, мнѣ и Кутузову для резерва. По сигналу, отъ меня данному, съ корабля „Трехъ Іерарховъ" всѣ войска амбаркировались въ назначенныя имъ суда. По второму сигналу всѣ на морѣ въ порядокъ вытянулись. По третьему сигналу я отъ корабля отвалилъ и всѣ гребли къ назначенному имъ мѣсту. Я съ своимъ судномъ первый присталъ къ берегу, не занимаясь перестрѣлкой, хотя по горамъ много пустой пальбы производили. Кой часъ албанцы увидѣли меня на берегу, какъ пчелы ко мнѣ налетѣли, и едва князь Волконскій началъ изъ своихъ единорожковъ палить, турки къ городу побѣжали, албанцы за ними. Турки отбѣгутъ и албанцы остановятся. Я (съ) своими гренадерами и пушчонками подойду къ албанцамъ, единорожки выстрѣлять—турки побѣгутъ. Итакъ я четыре раза подходилъ къ албанцамъ и турки пробѣжали строющіе(ся) корабли. Славены заняли корабли, а мои войска

---

[1]) Зачеркнуто: «гвардіи восьмисотнаго корпуса въ далномъ разсто...»

почти всѣ вмѣстѣ сошлись и кругомъ города расположились. Хотя я не имѣлъ нужды приказывать городъ грабить, ибо албанцевъ никто отъ сего удержать не можетъ, то я будто приказалъ городъ грабить, а русскимъ войскамъ приказалъ для добычи послать команды, а отъ Метелинской крѣпости поставить бекеты. Пробывъ въ семъ положеніи еще сутки, приказалъ строющіе(ся) корабли зажечь и по совершенномъ истребленіи приказалъ всѣмъ возвращаться въ свои мѣста въ томъ порядкѣ, какъ каждый пришелъ. По прибытіи на корабль, я представлялъ изъ моихъ подчиненныхъ къ награжденію. Сіе было мнѣ отказано. Желая сдѣлать добро, (графъ) съ прочими представилъ полковника Кутузова, якобы онъ первый на берегъ вышелъ. Графъ въ Италіи велѣлъ сей экспедиціи сдѣлать картину и Кутузова назначилъ первымъ вышедшимъ, хотя онъ съ корабля ясно видѣлъ, кто первый вышелъ, и сія картина въ эрмитажѣ. Я сталъ требовать позволенія ѣхать въ Россію и получилъ фрегатъ. Съ симъ мое знакомство съ графами Орловыми кончилось. По прибытіи въ Ливорно, снисходительное тосканское правленіе, вмѣсто шести недѣль, опредѣлило мнѣ три недѣли, по окончаніи коего я нѣсколько время пробылъ въ Италіи и потомъ возвратился въ Петербургъ.

IV.

Въ сію зиму я пріѣхалъ въ Яссы, гдѣ первое мое благополучіе было увидаться съ моимъ братомъ; потомъ явился графу Румянцеву. Онъ принялъ меня весьма милостиво, опредѣливъ меня подъ свое начальство (въ) главной арміи въ Яссахъ.

Весной армія въ разныхъ мѣстахъ вошла въ лагери и мы довольно долго стояли въ недѣйствіи. Наконецъ, фельдмаршалъ разсудилъ переходить черезъ Дунай и въ одно время всѣ корпуса перешли. Намъ должно было переправляться при корпусѣ Потемкина, близь Силистріи; но какъ у Потемкина никогда ни въ чемъ порядку не было, а графъ его весьма уважалъ по его связямъ у Двора, и такъ, наша переправа медлилась.

Фельдмаршалъ говорилъ брату моему, онъ былъ у него дежурнымъ генераломъ, неудовольствіе о переправѣ, на что братъ

донесъ графу, чтобы мнѣ сіе поручить, что фельдмаршалъ и приказалъ. Слишкомъ сутки я не ѣлъ и не спалъ, и переправу кончилъ. Итакъ, вся армія была за Дунаемъ, расположенная противъ Силистріи. Турки въ большомъ числѣ имѣли въ Силистріи гарнизонъ, сдѣлали противъ Потемкина вылазку; тутъ случилось, какъ обыкновенно въ робкихъ людяхъ, просить сикурсу. Графъ меня послалъ съ двумя конными полками; я шелъ по подгорію, скрыто, и когда поровнялся противъ турокъ, вскакалъ въ гору. Турки, увидя у себя во флангѣ кавалерію, безъ памяти побѣжали назадъ и я возвратился къ свой лагерь. Послѣ этого рѣшился фельдмаршалъ атаковать Силистрію. Для сего генералъ-поручику барону Игельстрому скомандированъ былъ знатный корпусъ, который долженъ былъ вести атаку отъ рѣки. Генералъ-поручикъ Потемкинъ долженъ былъ атаковать между рѣки и Ч(Ш)умлянской дороги. Сіи атаки направлялись на ретраншаменты, закрывающіе крѣпость, но какъ должно правду сказать, что Потемкинъ былъ рѣдко большаго разума, но ни малѣйшей способности изъ военной службы не имѣлъ и корпусъ его былъ до крайности разстроенъ, такъ что сей корпусъ въ арміи прозванъ былъ мертвымъ капиталомъ.

Графъ (Румянцовъ) чрезъ моего брата приказалъ мнѣ сказать, что онъ желаетъ, дабы я на случай атаки распредѣлилъ Потемкина корпусъ. Я тотъ (часъ) туда переѣхалъ и со мной полковникъ Леонтьевъ съ Рижскимъ карабинернымъ полкомъ и нѣсколько офицеровъ. Потемкинъ чрезвычайно обрадовался и хотя онъ меня былъ старѣе, но мои совѣты принималъ какъ приказы. Первый мой предметъ былъ узнать мѣсто; для сего я поѣхалъ реконесировать (рекогносцировать) сколько можно было ближе къ ретраншаменту. По возвращеніи сдѣлалъ я диспозицію: двѣ колонны, каждая по тысячѣ человѣкъ, должны были безъ стрѣльбы идти прямо къ ретраншаменту и для того не далъ имъ пушекъ. Сего Потемкинъ, такъ какъ всѣ робкіе въ арміи надѣются на пушки, тайно отъ меня велѣлъ колонамъ взять пушки. Передъ каждою колоною было по нѣскольку стрѣлковъ, чтобы на колоны не сдѣлали нечаяннаго нападенія по причинѣ гористаго и порослаго мѣста. Съ правой стороны, въ разсужденіи не столь крутой горы, приказалъ полковнику Леонтьеву съ Рижскимъ полкомъ скакать къ ретраншаменту. На флангѣ лѣвой колоны

шли триста человѣкъ по хребту оврага, прикрывая, дабы изъ оврага, гдѣ могли турки скрываться, не было на колоны нападенія. По другую сторону оврага шли всѣ Запорожскіе казаки. На самомъ разсвѣтѣ началась атака. Командиры обѣихъ колонъ повернули къ себѣ и велѣли стрѣлкамъ идтить передъ самой колоной. Турки изъ лѣсу вдругъ ударили стрѣлковъ и вмѣстѣ колонѣ обѣ такъ опрокинули, что оныя безъ всякой своей защиты бѣжали. По счастію, что я зналъ безнадежность сего корпу(са), на открытомъ мѣстѣ вправо и влѣво поставилъ войска, которыя бѣгущихъ защитили. Что же касается до прочихъ, Рижскій карабинерный полкъ вскакалъ въ ретраншаментъ, триста человѣкъ, которые прикрывали лѣвый флангъ, вошли въ ретраншаментъ, даже запорожцы, и тѣ вошли въ ретраншаментъ. Атака барона Игельстрома была еще неудачнѣе, онъ атаковалъ разными небольшими отдѣленіями и, будучи отбиты, вездѣ должны были съ потерею отступать.

Въ сей неудачный день получили извѣстіе, что Нуманъ-паша съ большимъ корпусомъ идетъ въ помощь Силистріи. Отъ сей мы отступили и фельдмаршалъ (послалъ) генерала Вейсмана атаковать Нуманъ-пашу. Онъ, какъ обыкновенно, (съ) своимъ корпусомъ всегда имѣлъ удачу и имя свое увѣнчалъ славою. Сей день былъ послѣдній его побѣдъ, Нуманъ-паша былъ совершенно разбитъ, но армія сдѣлала чрезвычайную потерю: почти при началѣ битвы, сей храбрый, многими побѣдами прославившійся, генералъ убитъ.

Послѣ этого приказано войскамъ назадъ чрезъ Дунай переходить и мнѣ поручено армію переправлять, а корпусу Потемкина дѣлать аріергардъ, но онъ гдѣ-то досталъ нѣсколько судовъ и прежде всѣ(хъ) перебрался. На эту компанію наши генеральныя операціи кончились.

Осенью генералъ-поручикъ Унгернъ получилъ начальство корпуса бывшаго Вейсмана, который всегда былъ на лѣвомъ флангѣ; мнѣ командированъ корпусъ изъ главной арміи. Нашимъ двумъ корпусамъ приказано идти за Дунай; точнаго ничего не предписано, посему я переправился черезъ Дунай въ Гирсовѣ и скоро съ Унгерномъ соединился. Мы разсудили идти въ Королу. Свѣдавъ, что войска турецкія пришли, что имѣли въ виду за ретраншаментомъ турокъ, я послалъ наши легкія

войска обойтить правый непріятельскій флангъ. Кой часъ наши дотронули, турецкая конница бѣжала, а наши за ними въ догонку и сколько было дня, все ихъ гнали и били. Не замѣшкалась и турецкая пѣхота бѣжать, преслѣдуемая нашей кавалеріей, но по симъ гористымъ и каменистымъ мѣстамъ кавалерія предъ пѣхотой выгодъ не имѣетъ. Я взялъ егерскій батальонъ, за ними слѣдовалъ; отошедъ верстъ пятнадцать, какъ начало вечерѣть, турки засѣли на кладбищѣ, но, будучи совсѣмъ окружены, въ ту-же ночь паша со всѣмъ своимъ войскомъ сдался. Я ихъ привелъ къ нашимъ корпусамъ и на другой день съ конвоемъ отправили въ Гирсовъ, а оттуда за Дунай.

Давъ войскамъ отдохнуть, мы опредѣлили съ барономъ Унгерномъ идти къ Базарджику, куда и слѣдовали. Приближась къ сему городу, турки выѣхали противъ насъ, но едва наши легкія войска пустились ихъ атаковать, какъ всѣ изъ виду пропали и полковникъ Розенъ съ венгерскимъ гусарскимъ полкомъ и казаками ихъ (преслѣдовалъ), и я отъ него получилъ репортъ изъ Козлицъ, (лежащихъ) въ пяти часахъ ѣзды отъ Базарджика. Казалось, что сіе должно было быть концомъ нашей экспедиціи. Въ евто (время) мы получили отъ фельдмаршала ордера, въ коихъ онъ намъ, по обыкновенію своему, точнаго повелѣнія не даетъ, а пишетъ: нѣтъ ли возможности намъ сдѣлать покушеніе на Чумлу (Шумлу), гдѣ самъ визирь. Я объяснился съ барономъ Унгерномъ. Онъ сказалъ, что онъ сего предпринять не можетъ, ибо сіе его отдалитъ отъ его квартиръ, но что онъ намѣренъ идти къ Варнѣ и посмотритъ, не удастся ли ему сдѣлать какого поиска. Я отвѣчалъ: если онъ пойдетъ симъ (временемъ), то я его усерднѣйше прошу Варны не атаковать. Сія крѣпость довольно важная, а корпусъ его большею частію изъ легкихъ войскъ, и что неудача, а можетъ быть большая потеря, можетъ помрачить всю нашу экспедицію, которая до сихъ поръ такъ была удачна. Онъ обѣщалъ слѣдовать моему совѣту и только мимоходомъ Варну рекогносцировать. О моемъ корпусѣ я ему объявилъ, что, видя желаніе фельдмаршалское, коему я по службѣ всячески желаю угодить, снабдя себя въ Базарджикѣ турецкимъ провіантомъ на десять дней, думалъ симъ временемъ не только дойтить до Чумлы (Шумлы), но если Богъ поможетъ сію экспедицію кончить, тѣмъ паче, что мой авангардъ въ Коз-

лицы. Мы отправили наши репорты къ фельдмаршалу, упомянувъ о нашемъ выступленіи на другой день. Онъ приказалъ Потемкину и графу Салтыкову перейти за Дунай. Мы такъ далеко были отъ фельд(маршала), что всѣ его распоряженія совсѣмъ до насъ не доходили, даже и курьера мало (?) турки захватили.

Накануне нашего выступленія сдѣлался дождикъ и (шелъ) во всю ночь. Не знаю, къ счастію или несчастію, когда я выступилъ, то въ сихъ дефилеяхъ такая сдѣлалась дорога, что, отошедъ (верстъ?) пятнадцать, люди и лошади замучились; я себѣ вообразилъ, если сіе продолжится, то съ тѣмъ малымъ провіантомъ не только дѣлать операціи, (но) и до Шумлы дойти нельзя. Боясь войско изъ всей арміи лутшее голодомъ изнурить, рѣшился возвратиться, пославъ повелѣніе моему тожъ авангарду возвратиться. Остановясь нѣсколько дней въ Базарджикѣ, чтобы дать время корпусу барона Унгерна безпрепятственно идтить, потомъ пришелъ къ Дунаю, перешелъ назадъ.

Баронъ Унгернъ не сдержалъ своего мнѣ обѣщанія: онъ подошелъ къ Варнѣ, оную крѣпость штурмовалъ, но такъ несчастливо, что потерялъ много убитыми и ранеными, отбитъ и принужденъ ретироваться и перейти чрезъ Дунай.

Зима прошла безъ малѣйшаго дѣйствія. При началѣ весны, все войско вышло въ лагерь, а потомъ все перешло чрезъ Дунай. Главная армія стояла при Канаржи; корпусъ былъ посланъ къ Чумлѣ (Шумлѣ), прочіе корпуса были такъ разставлены, что визирь не могъ получать секурсу. Турки, увидавъ себя стѣсненными, рѣшились на мирные переговоры и весьма скоро въ Канаржи былъ заключенъ миръ.

На другой день заключенія мира мой братъ подалъ прошеніе объ увольненіи вовсе отъ службы. Я твердо положилъ намѣреніе, можетъ быть, что буду когда нибудь еще полезенъ отечеству, просился и былъ отпущенъ и оба вмѣстѣ возвратились въ Орловскую деревню, гдѣ я на покойной женѣ моей вѣнчался.

— ——

V.

Во все время нашей жизни сіе было первое время, что мы съ братомъ вмѣстѣ жили въ своемъ отечествѣ и тутъ мы узнали, что безъ нашего надзору, мы лишились всего имѣнія отъ разныхъ управленіевъ, но утѣшали насъ, что мы съ братомъ и наши жены, всѣ мы четверо составляли какъ одного человѣка. По дѣламъ нашимъ братъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ взятъ въ дружескую милость и по многимъ просьбамъ всегда былъ убѣжденъ еще остаться. Наконецъ, жена его сей разлукой весьма скучала и брату моему доставило много злодѣевъ вообще. Всѣ обстоятельства возбуждали его желаніе уѣхать и онъ противъ воли долженъ былъ долго тамъ пробыть. Наконецъ, жена его такъ сдѣлалась нездорова, что худую надежду подавала къ продолженію жизни. Получивъ отъ меня сіе несчастное извѣстіе, показавъ мое письмо, могъ выѣхать. Пріѣхавъ, нашелъ свою жену въ горестномъ состояніи и утвердительная (изнурительная) чахотка. Сіе горе намъ трудно было сносить, и при всемъ нашемъ и всѣхъ докторовъ (стараніи) чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы ея лишились. Въ первое время сія горесть привела насъ въ отчаяніе, но по нѣсколькомъ времени братъ мой сдѣлался унылымъ. Я видя, что въ Москвѣ всѣ мѣста напоминаютъ ему горесть и чтобы его занять, совѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ, тѣмъ паче, что всякую почту онъ получалъ милостивыя и дружескія письма, съ убѣдительными приглашеніями. Н. П. А. [1] наискврнѣйшій человѣкъ, который съ удовольствіемъ людей губилъ, взводя всякія лжи, и тѣмъ выслуживался, узнавъ, что братъ сбирается ѣхать, пишетъ въ Петербургъ о семъ отъѣздѣ и поручаетъ довести до свѣдѣнія, что онъ съ ужасомъ воображаетъ о послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ пребыванія К. Д. (князя Долгорукова) въ Петербургѣ.

На сіе послѣдовало запрещеніе брату ѣхать.

Послѣ этого братъ мой сдѣлался боленъ и часъ отъ часу

---

[1]) Николай Петровичъ Архаровъ?

болѣзнь умножалась. Я нѣсколько мѣсяцевъ день и ночь съ горестію долженъ былъ взирать въ лутчихъ лѣтахъ увядающаго друга и всѣми любимаго и естимованнаго (уважаемаго) человѣка.

Потомъ сдѣлано было по арміи произвожденіе и я былъ произведенъ въ генералъ-аншефы. Сіе ни мало моей горести не уменьшило; потомъ я получилъ повелѣніе сформировать два пѣхотныхъ полка. Сіе занятіе нѣсколько разсѣяло мои мысли и я, занявшись, исполнилъ порученное мнѣ дѣло, и скоро оное кончилъ.

Между тѣмъ Потемкинъ сдѣланъ фаворитомъ, президентомъ военной коллегіи, по вытѣсненіи изъ сего мѣста графа Чернышева, которой имѣлъ врожденный даръ всегда вводить вездѣ порядокъ, и можно сказать въ его начальство армейскія дѣла шли какъ по музыкальнымъ нотамъ, и всѣ и все (Потемкинъ) и немало арміи разстраивалъ по разнымъ переображеніямъ войскъ.

Гусарскіе полки, кои были всегда очень хороши, передѣлалъ въ легкоконные. Его злодѣи доводили до вышняго свѣдѣнія, что войска разстроиваются, и что изъ хорошихъ гусаръ сдѣланы скверные легкоконцы. Но Потемкинъ никогда не только не былъ дружепъ, но да онъ и мы съ братомъ не любили другъ друга. Всѣ удивились, что я получилъ повелѣніе ѣхать въ Харьковъ для командованія тамошнихъ войскъ и именно сказано всѣхъ легкоконныхъ полковъ.

По принятіи мною команды я скоро увидѣлъ, что легкоконные полки легко привесть въ хорошее состояніе, ибо полковники всѣ были лучшихъ фамилій, съ большой амбиціей и когда Потемкинъ свѣдалъ, что полки совершенно хороши, довелъ (предложилъ) императрицѣ, чтобы она на зиму поѣхала въ Кіевъ, гдѣ командовалъ фельдмаршалъ графъ Румянцевъ, оттуда весной водой пріѣхала въ Кременчугъ. Въ семъ (городѣ) по обѣ стороны улицы я разставилъ войска, потомъ мимо императрицы по взводно маршировалъ въ лагерь.

Черезъ короткое пребываніе въ Кременчугѣ государыня изволила поѣхать въ Крымъ, а я съ войсками пошелъ въ Полтаву, гдѣ я совершенно отыскалъ все, что происходило въ Полтавскую баталію, даже нашелъ и редуты, коихъ оставались знаки.

Когда императрица возвратилась въ Полтаву, угодно ей было

видѣть мѣста Полтавской баталіи. Я, чрезъ князя Потемкина, представилъ планъ [1]) и князь поручилъ мнѣ оной государынѣ объяснить и послѣ я подлѣ коляски ѣхалъ верхомъ и докладывалъ о всѣхъ мною поставленныхъ знакахъ, которые я на планѣ объяснялъ. Она изволила сказать, что отъ роду не видала такого яснаго описанія.

Чрезъ день императрица выѣхала въ поле, гдѣ я представилъ маневръ изъ всѣхъ легкоконныхъ полковъ Кутузовскаго егерскаго корпуса и трехъ баталіоновъ гренадеръ. Императрица была въ восхищеніи, пожаловала женѣ моей брилліантовый букетъ и малолѣтнюю мою дочь пожаловала въ фрейлины и, когда изволила изъ Полтавы выѣзжать, пожаловала меня въ подполковники Преображенскаго полка.

Императрица, пріѣхавъ въ Москву, изволила сказать тогдашнему начальнику Москвы Еропкину:

— „Петръ Дмитріевичъ, я видѣла легкоконные полки, ничего лучше сихъ полковъ нельзя видѣть".

А по пріѣздѣ въ Петербургъ всегдашняя въ приватной публикѣ ея конверсація была похвала легкоконнымъ полкамъ и подробное разсказываніе о Полтавской баталіи.

VI.

Вскорѣ потомъ у насъ открылась война съ турками.

Графъ Румянцевъ вошелъ въ Молдавію, а князь Потемкинъ долженъ былъ брать Очаковъ. Сей начальникъ никогда не мѣшался въ армейскія дѣла, а старался выбирать все подъ свое начальство; изъ кавказскаго корпуса привезъ генералъ-квартирмейстеръ-лейтенанта Ирмана—человѣка, который больше говорунъ, нежели дѣлецъ (былъ). Меня назначилъ быть при цесарской арміи, такъ какъ князь Линьи уже былъ при нашей, а князю Репнину поручилъ управленіе арміей. Войска собрались въ Кременчугѣ и были довольно долго безъ дѣйствія. Наконецъ, пришли къ рѣкѣ Бугу, гдѣ былъ сдѣланъ мостъ. Князь Потемкинъ все ѣздилъ въ коляскѣ; я его уговаривалъ, чтобы

[1]) Далѣе зачеркн. «которой я»...

ѣхалъ верхомъ, даже подарилъ ему лошадь, очень смирную и по его росту. Онъ меня увѣрилъ, что въ надобное время онъ сядетъ на лошадь. Онъ все опасался, что за Бугомъ очаковскіе турки на армію нападутъ. Князь Репнинъ и Ирманъ, чтобы угодить князю Потемкину, представили, чтобы мостъ спустить ниже, дабы меньше правой стороной Буга идти, что исполнили. (Извѣстно,) что всякая рѣка внизу шире, то (когда) спустили мостъ, его было недостаточно. Я хотя въ ожиданіи отправленія къ цесарской арміи былъ при своей постороннимъ человѣкомъ, но по своей волѣ берегъ осматривалъ и сказалъ, что другаго средства нѣтъ, какъ опять поднять мостъ туда, гдѣ былъ.

Ирмана посадили въ кибитку и отправили тотъ же день на Кавказъ; мостъ подняли, войска возвратили и чрезъ Бугъ перешли. Пошли къ Очакову. Тутъ князь Потемкинъ, за обѣдомъ отъ жаркаго время(ни), отъ жажды, выпилъ довольно много шампанскаго и венгерскаго, осмѣлился(и)сѣлъ верхомъ. Въ предшествіи князя Волконскаго егерскаго корпуса, противъ ретраншамента, со всѣми генералами подавался съ пальбой впередъ. Сія перестрѣлка часа два продолжалась. Я, подъѣхавъ (къ) князю Потемкину, сказалъ, что сія перестрѣлка ни къ чему не ведетъ, не прикажетъ ли привесть въ подкрѣпленіе егерей, нѣсколько батальоновъ гренадеръ и занять ретраншементъ. Какъ шампанское болѣе не дѣйствовало и время начало вечерѣть, (то) мы поѣхали назадъ и егерей отвели. Я удивился, когда намъ объявили рескриптъ всевысочайшей благодарности всѣмъ поимянно, по реляціи князя Потемкина.

Послѣ сего началась осада. Признаюсь, что мнѣ сіе время бездѣлья очень скучно казалось, я всякій день просилъ, чтобы меня отправили къ назначенному посту, но день ото дня все оставался безъ отправленія. Занимался отъ скуки—выѣзжать на перестрѣлку и часто ходилъ въ траншеи. И какъ осень начиналась и я занемогъ свойственной сему климату лихорадкой, а притомъ и вздорныя, ни къ чему не ведущія, операціи, кои чрезвычайно много людей, въ арміи людей и лошадей смерть пожирала, я сталъ настоятельно просить отпустить меня въ отпускъ, что получа поѣхалъ больной, но слышалъ, что по моемъ отъѣздѣ еще больше еролашъ и безпорядки всей арміи умножились, войско доведено было до отчаянія и турки наскучили. И

шестаго декабря штурмомъ сія крѣпость взята, а работы, отъ перваго и до послѣдняго дни, на сажень не подвинулись.

По взятіи Очакова графъ Румянцевъ, знавъ всѣ вздорныя происшествія подъ Очаковымъ, которыя должны начальнику наскучить, а притомъ, что князь Петемкинъ симъ удовольствуется, охотно согласится отстать, впутавшись не въ свое дѣло, пишетъ большія поздравленія, выхваляя все, что кн. Потемкинъ дѣлалъ. Притомъ упоминаетъ, что чрезъ такое важное пріобрѣтеніе, не находитъ онъ нужнымъ двумъ арміямъ (быть, и) предлагаетъ не угодно ли его свѣтлости надъ всѣмъ войскомъ взять начальство, такъ какъ (онъ, Потемкинъ) больше въ силахъ, по его лѣтамъ и способностямъ. Тутъ графъ (Румянцевъ) очень обманулся: — князь Потемкинъ принялъ сіе литерально и кажется судьба его возвела всѣхъ отмѣнныхъ людей вытѣснивать, представилъ къ императрицѣ, что со мнѣніемъ графа Румянцева согласенъ, что въ двухъ арміяхъ надобности нѣтъ и такъ какъ графъ согласенъ ему начальство уступить, (то) онъ на себя пріемлетъ начальство всѣхъ войскъ. Мнѣ по выздоровленіи нечего было дѣлать, какъ ѣхать опять подъ начальство Потемкина. Князю Репнину данъ былъ особый корпусъ, а мнѣ поручена была команда при князѣ Потемкинѣ, который все ѣхалъ въ коляскѣ, и я долженъ сказать, что я былъ имъ очень доволенъ, что онъ ни во что не вступался. Я повелъ войска къ Дубосарамъ на Днѣстрѣ, гдѣ ставка князя Потемкина весьма была похожа великолѣпіемъ на визирскую. Даже полковникъ Бауръ насадилъ въ аглинскомъ вкусѣ садъ. Капельмейстеръ Сарти съ двумя хорами роговой и прочихъ многихъ музыкантовъ вседневно насъ забавлялъ. Казалось, что свѣтлѣйшій князь намѣренъ былъ тутъ остаться навсегда, но тутъ полученъ рапортъ изъ-за Днѣстра отъ князя Репнина, что онъ съ корпусомъ, составленнымъ изъ бывшей Румянцева арміи, пришелъ къ Измаилу и оттуда поспѣшно идетъ назадъ. Это насъ побудило и я въ однѣ сутки, не ѣвши и не спавъ, все войско переправилъ, пошелъ въ Кишиневъ, гдѣ турецкій паша стоялъ. И только наши легкія войска показались, — турецкая конница побѣжала. Я, скакавши за казаками, увидѣлъ пѣхоту въ оврагѣ, велѣлъ драгунамъ спѣшиться и атаковать, гдѣ частію турокъ перебили, а прочихъ въ полонъ перебрали. Казаки не только конницу, но и самого пашу въ плѣнъ привели.

По нѣкоторомъ отдохновеніи мы пошли къ крѣпости Акерману, гдѣ пришедъ я разставилъ всю артиллерію, а позади оной войска. На другой день паша выслалъ мнѣ сказать, что онъ желаетъ войти въ переговоры. Я о семъ объявилъ князю Потемкину. Онъ мнѣ далъ полную власть заключить капитуляцію и въ тотъ же (день) онъ, паша, выслалъ со мной дѣлать переговоры. Я согласился весь гарнизонъ отпустить съ ихъ имуществомъ. Вся артиллерія, провіантъ, порохъ, однимъ словомъ все, что султану принадлежитъ, достается въ добычу россійской императрицѣ. На сихъ условіяхъ на другой день въ десять часовъ я крѣпость и городъ занялъ. И словно какъ бы войны не было! Наши войска съ турками обходились ласково и по вступленіи нашемъ въ тотъ же день всѣ лавки были открыты. Оставивши тутъ гарнизонъ и сдѣлавъ распоряженія, пошли мы къ Бендерамъ, гдѣ я имѣлъ подъ начальствомъ пятьдесятъ шесть тысячь войска и разными колоннами въ одну минуту, по данному отъ меня предписанію, крѣпость была обложена по обѣ стороны Днѣстра. Я съ казаками въѣхалъ въ форштадтъ; турки производили пушечную пальбу, но съ такой осторожностію, чтобы никого не убить, дабы насъ не раздражать. Посему я примѣтилъ, что крѣпость не намѣрена оборoняться. Изъ форштадта пріѣхалъ (къ) князю Потемкину; сказавъ мое примѣчаніе, испросилъ послать парламентера, что я въ тотъ же день отъ имени князя Потемкина послалъ имъ сказать, что россійское войско рѣшительно съ тѣмъ пришло, чтобы Бендеры взять. Хотятъ они безъ потери людей крѣпость отдать или намѣрены защищаться? Что по позднему осеннему времени мы не можемъ долго заниматься и въ одномъ и другомъ случаѣ въ одни сутки судьба Бендеръ рѣшиться должна. Въ отвѣтъ я получилъ, что они всѣ три паши къ намъ будутъ для переговоровъ, что послѣ обѣда они исполнили и я съ ними чрезъ переводчика до полуночи возился. Наконецъ, на такихъ же условіяхъ, какъ Акерманъ, обязались на утро, въ десять часовъ, отворить ворота. Они поѣхали въ крѣпость, а я пошелъ къ Потемкину въ кибитку, лежащаго на постели поздравилъ его съ Бендерами. Онъ меня благодарилъ виномъ славнымъ венгерскимъ, которое сегодня маіоръ Шпинцъ (?) изъ Кракова привезъ, по большой рюмкѣ, не меньше порядочнаго стакана.

На другой день по утру, въ десять часовъ, (я) пошелъ съ двумя баталіонами гренадеръ, приказавъ имъ взять съ собою въ манеркахъ воды и сухарей, дабы ни одинъ человѣкъ съ своего поста ни подъ какимъ видомъ не сходилъ. Разставилъ одинъ баталіонъ по крѣпости, а другой въ городѣ и тотчасъ лавки открылись. За сію кампанію я получилъ орденъ Святаго Андрея.

Между тѣмъ шведская война продолжалась и со всѣхъ гвардіи полковъ назначались по батальону. Я сталъ просить, что я, будучи подполковникомъ гвардіи, желаю съ гвардіей быть на войнѣ, на что государыня изволила сказать, что по моимъ заслугамъ ей не угодно, чтобы я былъ подъ командою графа Ивана Петровича Салтыкова. И такъ я опять попалъ къ Потемкину.

Между тѣмъ аглинской и прусской дворы неблагопріязневали и прусской корпусъ къ Бѣлоруссіи собирался. Я былъ посланъ въ Бѣлоруссію съ весьма малымъ корпусомъ, гдѣ я приготовлялся и занималъ нужные посты, какъ вдругъ шведская война кончилась и я ожидалъ, что корпусъ мой умножится, и я буду въ возможности дѣйствовать. Корпусъ не только прибавили, но цѣлую армію составили, но къ неудовольствію моему поручена команда графу Салтыкову.

Сіе неудовольствіе, а болѣе всего видѣлъ, что люди перваго достоинства, Румянцовъ, Чернышевъ и прочіе вытѣснены. Я же все время служилъ, никакихъ награжденій не получалъ и не желалъ, но никакой обиды не терпѣлъ. Подалъ я прошеніе уволить меня отъ службы и поѣхалъ въ Москву, гдѣ получилъ увольненіе, занялся своими дѣлами, кои чрезмѣрно были разстроены.

Я ожидалъ, что моя карьера кончилась, какъ вдругъ получаю приказаніе: по волѣ императрицы мнѣ приказано прибыть въ Петербургъ.

По пріѣздѣ моемъ мнѣ объявлено, что воля государыни мнѣ поручить начальство на мѣсто умершаго Кречетникова въ новопріобрѣтенномъ краю надъ польскимъ и россійскимъ войскомъ. Мнѣ казалось, что отъ сего отказаться нельзя. Принялъ на себя, подавъ императрицѣ прошеніе, (чтобы) вслучаѣ моей смерти жена моя имѣетъ право владѣть всѣмъ моимъ имѣніемъ, что во всей силѣ конфирмовано.

По пріѣздѣ моемъ въ Лабунъ увидѣлъ, что подрядчики ста-

вятъ по семи рублей серебромъ четверть муки на войско—цѣна, по которой по штату положенныхъ денегъ, но и экстраординарной суммы далеко не достанетъ, а между (тѣмъ я) могъ воспользоваться приближеніемъ контрактовъ, въ кое время всѣ въ Польшѣ дѣла по хозяйству оканчиваются и потому всѣ дворяне имѣютъ крайнюю въ деньгахъ нужду. Я публиковалъ, (что) кто изъ помѣщиковъ желаетъ имѣть со мной по провіанту дѣла, я плачу за все число имъ подряжающаго всѣ деньги вдругъ, по полтора рубли съ гривной серебромъ и онъ не имѣетъ надобности ставить инако, если я когда оный потребую по частямъ. Тутъ стали ко мнѣ наѣзджать и съ большимъ ихъ удовольствіемъ, ибо ихъ прежде подрядчики не допускали. Итакъ, въ короткое время, болѣе чѣмъ на годъ, на всю армію заготовилъ провіантъ, не имѣвъ ни одного магазейна.

Въ евто время я получаю отъ самой императрицы двадцать тысячь червонцевъ, съ повелѣніемъ заготовить въ запасъ на цѣлый годъ провіантъ, съ увѣдомленіемъ, что вслѣдъ за симъ я еще получу восемьдесятъ тысячь червонныхъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ изъ канцеляріи графа Зубова отставной маіоръ, подаетъ мнѣ письмо отъ правителя канцеляріи Грибовскаго, въ коемъ онъ мнѣ пишетъ, что извѣстно, что мнѣ поручена закупка провіанта, посему графъ Зубовъ приказалъ меня просить, чтобы я сей подрядъ отдалъ посланному при семъ маіору. На сіе я отвѣчалъ, что у меня личныхъ подрядовъ нѣтъ, а ставятъ дворяне и по такой цѣнѣ, по какой подрядчикамъ выгодъ нѣтъ. А господину маіору я выдалъ прогоны, просилъ ѣхать назадъ. Послѣ сей переписки не только восемьдесятъ тысячь червонныхъ я не получилъ, но и всѣ мои представленія оставались безъ отвѣта. Все сіе управленіе на меня горесть наводило, я отчаянно занемогъ и хотя мнѣ дѣлали операцію, никакого не имѣлъ облегченія. Принужденъ былъ проситься прочь, что исполнили. На мое мѣсто присланъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, а я (со) страданіемъ дотащился до Петербурга, гдѣ старый мой знакомый Иванъ Филиповичъ Бекъ чрезъ девять мѣсяцевъ леченья возвратилъ мнѣ здоровье.

По моемъ выздоровленіи государыня приказала мнѣ осмотрѣть Финляндію и донесть въ какомъ (положеніи находится) по военной части сія часть государства. Мнѣ сія страна совсѣмъ

была неизвѣстна и я съ удовольствіемъ не оставилъ ни одного мѣста, гдѣ бы не быть, ѣздя въ линейкѣ, очень много верхомъ и не мало въ рыбачьихъ лодкахъ. Возвратясь, подробно о всемъ представилъ; симъ представленіемъ императрица была довольна. Послѣ сего я сталъ проситься быть отпущенну. Чтобы меня удержать, приказано подъ моимъ предсѣдательствомъ при военной коллегіи сдѣлать комиссію, дабы сухопутныя за сраженія награжденія уравнять противъ морскихъ. Въ сію комиссію со мной опредѣлили: артиллеріи генерала Мексина (?), генералъ-поручиковъ: Михаила Ларіоновича Кутузова и князя Василія Васильевича Долгорукова. Покамѣсть въ коллегіи приготовляли намъ горницу и канцелярію, я успѣлъ все написать, какъ мнѣ удобнѣе и лучше казалось.

Когда насъ увѣдомили, что все въ коллегіи готово, мы съѣхались и я товарищамъ моимъ представилъ свой планъ. По прочтеніи я ихъ спросилъ, не угодно ли будетъ что прибавить или убавить, но они согласились точно такъ оставить. Мы подписали и отдали секретарю для переписки. Итакъ, наша комиссія въ одинъ (день) кончилась.

Потомъ я былъ отпущенъ въ Москву, гдѣ жилъ и пользовался отпускомъ, пока вдругъ получаю повелѣніе командовать Московскимъ войскомъ, а Михаилъ Михаиловичъ Измайловъ губерніею.

По принятіи команды скоро усмотрѣлъ, что въ городѣ Москвѣ укрывается много бѣглыхъ солдатъ. (Какъ) господинъ Измайловъ уѣхалъ въ Петербургъ, (то) я просилъ оставшагося начальникомъ губернатора кн. Петра Петровича Долгорукова, чтобы чрезъ полицію приказалъ въ домахъ сдѣлать (обыскъ) бѣглымъ, а я поставилъ за всѣми заставами бекеты—безпашпортныхъ ловить. Человѣкъ семьдесятъ мы нахватали, но сіе сдѣлало большой шумъ. Измайловъ, будучи въ Петербургѣ, чтобы загладить то, что въ Москвѣ бѣглыхъ принимаютъ, что солдаты бѣгаютъ отъ того, что не получаютъ провіанта, хотя государыня сама этому не вѣрила, но съ большимъ гнѣвомъ пишетъ, что я нарушаю въ Москвѣ покой жителей, а солдатамъ удерживается провіантъ. Я на другой день послалъ прошеніе и вскорѣ былъ уволенъ вовсе отъ службы.

VII.

Въ 1796 году по кончинѣ императрицы Екатерины вступилъ на престолъ Павелъ I. Сему государю я былъ душевно привязанъ по расположенію его сердца, по всегдашней его ко мнѣ милости, а наипаче по особливому его расположенію къ покойному моему брату, коего во многихъ его письмахъ удостоивалъ называть „другомъ". Тотчасъ послѣ сего восшествія получилъ я повелѣніе пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ я отъ партикулярнаго человѣка не могъ лутче быть приняту, съ коимъ вся императорская фамилія оказала мнѣ милостивый пріемъ.

Князь Юрій Долгоруковъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

LVII [1]).

Изъ Гейне.

Звѣзды съ ножками златыми
Ходатъ робкою стопой,
Разбудить боятся землю,
Что заснула въ тьмѣ ночной.

Лѣсъ стоитъ, вниманья полный,
Чутко листъ зеленый спитъ;
Отъ горы, какъ будто призракъ,
Тѣнь угрюмая лежитъ.

Но что слышу, что за звуки
Отдались въ душѣ моей?
Голосъ-ли то дѣвы милой
Или только соловей?

1840 г.

LVIII.

Сѣдая голова.

Въ мятели голова моя
Покрылась бѣлизною;
Вотъ я и старъ, подумалъ я,
И радъ былъ всей душою.
Но вдругъ слилася сѣдина,
Вновь кудри чернь покрыла
И стала юность мнѣ страшна...
Какъ далека могила!
До утра съ вечера не разъ
Въ ночь головы сѣдѣли,
А я, въ пути моемъ томясь,
Не посѣдѣлъ доселѣ.

(1839—1840.).

Н. П. Огаревъ.

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., томъ LX, стр. 469—490, 601—616; изд. 1889 г., т. LXI, стр. 336, 352, 354, 430, 556, 644; т. LXII, стр. 134, 160, 388, 682, 724; т. LXIII, стр. 110, 128, 162, 210, 300, 386, 438 и 446.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1835 г. [1]).

Январь 1. Послѣдніе дни прошедшаго года были для меня очень бурные. Я восемь дней провелъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ.

Вотъ исторія сихъ дней.

Въ XII книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», коей я цензоръ, напечатаны слѣдующіе стихи, переведенные изъ Виктора Гюго:

Красавицѣ.

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница! тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру,
За взоръ, за взглядъ единый твой!
И если-бъ богомъ былъ — селеньями святыми
Клянусь — я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

* * *

Болѣе двухъ недѣль прошло, какъ эти стихи были напечатаны, меня не тревожили. Но вотъ, дня за два до моего ареста, Сенковскій нарочно пріѣхалъ увѣдомить меня, что эти стихи привели въ волненіе монаховъ и что митрополитъ собирается принести на меня жалобу государю. Я приготовился вынести бурю.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ стр. 265—299.

Въ понедѣльникъ 16-го числа, въ половинѣ лекціи моей въ университетѣ, я получаю отъ попечителя (князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова) записку, съ приглашеніемъ немедленно къ нему пріѣхать. Въ запискѣ было упомянуто: «по извѣстному вамъ дѣлу». Ясно было, какое это дѣло. Я привелъ свои душевныя силы въ боевой порядокъ и явился къ князю спокойный, готовый бодро встрѣтить обрушившуюся на меня бѣду.

Мой добрый начальникъ съ сокрушеніемъ объявилъ мнѣ, что митрополитъ въ воскресенье испросилъ у государя особенную аудіенцію, прочиталъ ему вышеприведенные стихи и умолялъ его, какъ православнаго царя, оградить церковь и вѣру отъ поруганій поэзіи. Государь приказалъ: цензора, пропустившаго стихи, посадить на гауптвахту. Я выслушалъ приговоръ довольно спокойно. Самая тяжкая вина, за которую меня можно было корить—это недосмотръ. Слѣдовало, можетъ быть, вымарать слова: богъ и селеньями святыми — тогда не за что было бы и придраться. Но съ другой стороны, судя потому, какъ у насъ вообще обращаются съ идеями, врядъ-ли и это спасло бы меня отъ гауптвахты.

Какъ бы то ни было, надо ѣхать къ дворцовому коменданту. Первоначально, однако, я заѣхалъ домой, предупредить о случившемся мою семью, и затѣмъ отправился къ коменданту. Засталъ его за обѣдомъ. Меня ввели въ дежурную комнату. Тамъ, крупными шагами, съ нахмуреннымъ челомъ, расхаживалъ дежурный офицеръ, а на колонахъ висѣли ряды шпагъ, отобранныхъ отъ находившихся подъ арестомъ офицеровъ. Я сѣлъ. Черезъ полчаса отворилась дверь кабинета и меня позвали къ коменданту.

Признаюсь, я ожидалъ отъ него грубостей, ибо молва изображаетъ его человѣкомъ необразованнымъ. И къ этому также я приготовился. На сей разъ, однако, ошибся.

Генералъ учтиво спросилъ меня: я-ли пропустилъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» вотъ эти стихи, или Крыловъ? Онъ показалъ мнѣ ихъ.

— «Я», было моимъ отвѣтомъ.

«Государь императоръ приказалъ посадить васъ на гауптвахту».

И все. Затѣмъ я удалился. У меня спросили мой чинъ, записали, вмѣстѣ, съ именемъ, и, минуту спустя, я уже мчался на парѣ лихихъ коней по Галерной улицѣ. Меня сопровождалъ плацъ-адъютантъ, весьма вѣжливый и даже любезный. Мы говорили о погодѣ, о театрѣ. Наконецъ, я спросилъ о мѣстѣ моего заточенія.

— «На Ново-Адмиралтейской гауптвахтѣ», отвѣчалъ онъ,—«это одна изъ лучшихъ въ городѣ. При томъ же она, кажется, и не такъ далека отъ вашей квартиры».

Мы пріѣхали, вошли въ караульную, наполненную солдатами и удушливымъ табачнымъ дымомъ, и очутились въ другой небольшой комнатѣ, гдѣ находился дежурный офицеръ. Меня сдали ему. И вотъ я арестантъ. Здѣсь былъ еще одинъ арестованный, артиллерійскій офицемъ Фадѣевъ, а минуту спустя привезли и еще третьяго.

Къ счастью, за караульною комнатою оказалась еще небольшая каморка, а то намъ было бы очень тѣсно. Узнавъ, что я цензоръ, всѣ выразили удивленіе и разспрашивали о причинѣ моего ареста. Въ караулѣ на этотъ разъ былъ Крузенштернъ, сынъ знаменитаго адмирала, молодой человѣкъ весьма образованный. Онъ совершилъ, между прочимъ, путешествіе вокругъ свѣта съ капитаномъ Литке и нашимъ адъюнктомъ Постельсомъ.

Поручикъ Фадѣевъ тоже оказался очень неглупымъ и образованнымъ. Его арестовалъ на три дня великій князь (Михаилъ Павловичъ) за какую-то неисправность въ мундирахъ кадетъ, которыхъ онъ представлялъ его высочеству.

Другой арестованный офицеръ, Киселевъ, былъ очень огорченъ. Онъ служитъ уже пятнадцать лѣтъ, еще сегодня командовалъ ротою, а вотъ теперь за какую-то ошибку въ маршѣ солдатъ лишился этой роты и арестованъ неизвѣстно насколько времени.

Всѣ мои разговоры съ этими господами я велъ стоя, ибо въ комнатѣ, кромѣ негоднаго вольтеровскаго кресла для караульнаго офицера, небольшой грязной скамьи и полуизломаннаго стола, не было другой мебели.

Обѣ комнаты, намъ отведенныя, свѣтлы, но въ высшей степени неопрятны; полъ грязнѣйшій; на стѣнахъ пятна отъ сырости. Мнѣ совѣтовали послать домой за кроватью и за постелью. Я вытребовалъ только вторую и раскаялся. Мнѣ пришлось спать на гнусномъ полу, головою къ стѣнѣ, отъ которой несло плѣсенью и холодомъ. Я завернулся съ головою въ шинель и бросился на тюфякъ. Сонъ скоро заставилъ меня забыть о всѣхъ тревогахъ этого бурнаго дня.

17. По утру проснулся съ жестокою головною болью, съ платьемъ, пропитаннымъ вонью отъ клоповъ. Немедленно послалъ домой за кроватью и еще за другими кое-какими вещами. Здѣшніе мои товарищи уже обзавелись полнымъ хозяйствомъ.

Пріѣзжалъ осматривать гауптвахту плацъ-маіоръ Болдыревъ, величайшій невѣжда изъ всѣхъ маіоровъ въ мірѣ. Онъ за какую-то ошибку въ караулѣ разругалъ Крузенштерна, придрался за что-то къ сторожу и прибилъ жестоко фухтелями этого бѣднаго старика, котораго мы прозвали снигиремъ за сизый цвѣтъ его лица. Шумомъ, громомъ, площадною бранью и побоями заявивъ о своемъ начальни-

ческомъ санѣ, сей почтенный воинъ отправился отсюда прямо за карточный столъ, за которымъ, говорятъ, онъ проводитъ все незанятое службою время.

Немного спустя явился мой милый Дель съ порученіями отъ нашего князя (Дондукова-Корсакова). Онъ сказалъ мнѣ, что отъ министра поданъ докладъ обо мнѣ, гдѣ я выставленъ съ отличной стороны и гдѣ утверждается, что я пропустилъ несчастные стихи единственно по недосмотру, весьма естественному въ такихъ многосложныхъ и тяжкихъ трудахъ, каковы цензурные.

Вслѣдъ за Делемъ пріѣзжалъ и самъ князь. Онъ подтвердилъ все преждесказанное моимъ товарищемъ.

18. Пріѣзжалъ навѣстить меня самъ комендантъ Мартыновъ. Онъ обласкалъ меня, просилъ не тревожиться, говоря, что обо мнѣ очень многіе хлопочатъ. Онъ, съ своей стороны, обѣщался въ тотъ же день доложить обо мнѣ государю.

Жена пишетъ мнѣ, что мой арестъ надѣлалъ въ городѣ много шуму и что къ намъ на квартиру пріѣзжаетъ масса лицъ, съ изъявленіями своего сожалѣнія и участія. Такъ какъ большинству неизвѣстно мѣсто моего заточенія, то, говорятъ, на разныхъ гауптвахтахъ отбою нѣтъ отъ желающихъ меня видѣть.

Весь день провелъ въ разговорахъ съ Фадѣевымъ и съ караульнымъ офицеромъ Муратовымъ, который тоже къ намъ очень любезенъ.

19. Тѣ-же слухи о волненіи и всеобщемъ ко мнѣ участіи. Поутру былъ у меня Плетневъ. Фадѣеву кончился срокъ ареста; Киселевъ тоже освобожденъ. Я остался одинъ. Мало по малу, я совершенно обзавелся хозяйствомъ. Каждый день получаю изъ дома по два письма и оттуда же приносятъ мнѣ обѣдъ.

Три дня уже сижу я здѣсь и пока ничто не предвѣщаетъ еще моего скораго освобожденія. Мартыновъ дѣйствительно докладывалъ обо мнѣ государю и спрашивалъ, не благоугодно ли ему будетъ освободить меня. Государь отвѣчалъ:

— Я самъ назначу срокъ.

20, 21 и 22. Эти дни проведены однообразно, какъ и прилично въ заточеніи. По временамъ посѣщаютъ меня знакомые, но это мнѣ непріятно, такъ какъ посѣщать арестованныхъ запрещено. Нѣкоторые изъ караульныхъ офицеровъ до того простерли свою доброту и любезность, что предлагали мнѣ съѣздить домой, повидаться съ семьей. Конечно, я не согласился: они могли бы за то поплатиться. Въ числѣ посѣтителей моихъ былъ Воейковъ, а отъ князя (Дондукова-Корсакова) я получилъ премилое письмо.

Гвардейскіе офицеры, изъ которыхъ и сюда назначаются караульные, вообще люди образованные по свѣтски. Жалуются на пустоту и ничтожество своей службы. Впрочемъ, они не страдаютъ обиліемъ идей: немножко больше свободы во фронтѣ, немного меньше грубостей со стороны главныхъ начальниковъ и немного больше времени для танцевъ—вотъ всѣ ихъ понятія о лучшемъ.

23. Сегодня вечеромъ привели мнѣ новаго товарища заключенія: того самаго Муратова, который недавно былъ на этой же гауптвахтѣ въ караулѣ. Онъ сдѣлалъ ошибку по службѣ и его арестовали на двѣ недѣли. . . . . .

24. Провелъ день нескучно въ бесѣдѣ съ Муратовымъ. На освобожденіе все еще ни малѣйшаго намека. Пока я спокоенъ, ибо существованіе моей семьи обезпечено еще на мѣсяцъ.

Вечеромъ посѣтилъ насъ дежурный чиновникъ адмиралтейства, такъ называемый совѣтникъ. Онъ, кажется, ш. ..., глупъ, подлъ въ обращеніи, какъ жидъ. Съ самыми отвратительными ужимками и нелѣпыми околичностями старался онъ завести съ нами разговоръ о правительствѣ. Разумѣется, мы были насторожѣ.

25. Я, наконецъ, рѣшился попросить коменданта, чтобы мнѣ позволили повидаться съ женой, написалъ уже съ этою цѣлью письмо и только что хотѣлъ отдать его караульному офицеру для доставки по назначенію, какъ явился казакъ, съ приказомъ освободить меня. Распростившись съ Муратовымъ, пожелавъ и ему скораго освобожденія, я забралъ свои пожитки и отправился домой. Ровно восемь дней провелъ я подъ гостепріимнымъ кровомъ ново-адмиралтейской гауптвахты.

Дома меня встрѣтили какъ бы возвратившагося изъ дальняго и опаснаго странствія. Въ тотъ же день отправился я къ князю (Дондукову-Корсакову). Онъ принялъ меня съ изъявленіемъ живаго удовольствія. Отъ него поѣхалъ я къ министру и тоже былъ принятъ благосклонно: ни слова укора или даже совѣта на будущее. Онъ, между прочимъ, сказалъ:

— «И государь на васъ вовсе не сердитъ. Прочитавъ пропущенные стихи, онъ только замѣтилъ: «прозѣвалъ!» Но онъ вынужденъ былъ дать удовлетвореніе главѣ духовенства и при томъ публичное и гласное. Во время вашего заключенія онъ освѣдомлялся у коменданта: не слишкомъ ли вы безпокоитесь, и выразилъ удовольствіе, узнавъ, что вы спокойны. Митрополитъ вообще немного выигралъ своимъ поступкомъ. Государь недоволенъ тѣмъ, что онъ утруждалъ его мелочью. Итакъ, не тревожьтесь; вамъ ничто болѣе не грозитъ».

Вѣсть о моемъ освобожденіи быстро разнеслась по городу и ко

мнѣ начали являться посѣтители. Въ институтѣ я былъ встрѣченъ съ шумными изъявленіями восторга. Мнѣ передавали, что мои ученицы плакали, узнавъ о моемъ арестѣ, а одна изъ нихъ призналась священнику на исповѣди (онѣ говѣли въ это время, по обычаю, передъ выпускомъ), что она бранила митрополита за то, что тотъ жаловался на меня государю.

Я узналъ, кто былъ первымъ виновникомъ моего заключенія: это (Андрей Никол.) Муравьевъ, авторъ «Путешествія ко святымъ мѣстамъ» и неудачной трагедіи «Тиверіада». Я лично не знаю его, но изъ всего, что о немъ говорятъ, выходитъ, что это фанатикъ, который, впрочемъ, себѣ на умѣ, то есть, по пословицѣ, съ помощью монаховъ, на святости идей строитъ свое земное счастье.

Однако, онъ немного выигралъ своимъ доносомъ на меня. Въ публикѣ клеймятъ имя Муравьева, а государь черезъ Бенкендорфа уже далъ замѣтить митрополиту, что вовсе не благодаренъ ему за шумъ, который около двухъ недѣль наполняетъ столицу. Очевидно, Муравьеву, съ братіей, не того хотѣлось.

Былъ у коменданта Мартынова: онъ принялъ меня очень вѣжливо.

Однако, мнѣ ужъ надоѣло отовсюду слышать только о моемъ арестѣ: пора бы уже предать это забвенію.

Февраль 2. Новая бѣда въ цензурѣ. Въ первой книжкѣ «Библіотеки» напечатаны стихи, въ честь царя. Это плохіе стишонки нѣкоего офицера Маркова, который за подобное произведеніе уже разъ получилъ брильянтовый перстень и вѣрно захотѣлъ теперь другаго. Я представлялъ стихи министру: ни онъ, ни я не замѣтили одного глупаго стиха, или, лучше сказать, слова въ концѣ первой строфы. Авторъ, говоря о великихъ дѣлахъ Николая, называетъ его «поборникомъ грядущихъ золъ». Объ этомъ министръ узналъ вчера и далъ знать князю (Дондукову-Корсакову). Этотъ добрый, благородный человѣкъ не захотѣлъ меня тревожить въ первый день новаго года и такъ скоро послѣ постигшей меня передряги. Онъ не далъ мнѣ ничего знать, но самъ поѣхалъ къ Смирдину и принялъ рѣшительныя мѣры. Еще немного экземпляровъ было разослано по столицѣ и книжка не успѣла дойти до дворца. Тотъ часъ собрали всѣ находившіеся еще на лицо экземпляры, перепечатали въ нихъ первую страницу, гдѣ слово «поборникъ» замѣнили словомъ «рушитель» — и дѣло обошлось.

Семеновъ также сдѣлалъ промахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Сына Отечества» напечатана статья о французскихъ и англійскихъ романахъ, гдѣ (одна святая) названа «представительницею

слабаго пола». Цензоръ получилъ отъ министра строгій выговоръ. Тѣмъ пока все кончилось.

Сенковскій сдѣлалъ глупость. Онъ замѣтилъ слово «поборникъ» наканунѣ разсылки журнала, но не захотѣлъ ни самъ перемѣнить его, ни увѣдомить меня. Но хорошъ Булгаринъ! Онъ тоже замѣтилъ злополучное слово и собрался съ доносомъ къ Мордвинову (въ III-е отдѣленіе). Но его предупредили, отобравъ экземпляры журнала и замѣнивъ это слово другимъ. Онъ золъ на Сенковскаго за то, что тотъ получаетъ большія выгоды отъ «Библіотеки». Вотъ нравы нашихъ литературныхъ корифеевъ!

9. Былъ у нашего знаменитаго баснописца Ивана Андреевича Крылова. Онъ взялъ на себя редакцію «Библіотеки для Чтенія», вмѣсто Греча, который, послѣ непріятной исторіи за стихи В. Гюго и за Роберта Дьявола, отказался отъ редакціи.

Этотъ Робертъ надѣлалъ много хлопотъ Гречу. Онъ, т. е. Гречъ, помѣстилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» содержаніе этой оперы, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ на французскомъ языкѣ. Но на нашемъ театрѣ она, по распоряженію самого государя, играется съ нѣкоторыми измѣненіями. Его величество велѣлъ сказать ему за это, что еще одинъ такой случай и Гречъ будетъ высланъ изъ столицы.

Комнаты Крылова похожи больше на берлогу медвѣдя, чѣмъ на жилище порядочнаго человѣка. Все: полы, стѣны, лѣстница, къ нему ведущая, кухня, одновременно служащая и прихожей, мебель—все въ высшей степени неопрятно. Его самого я засталъ на изорванномъ диванѣ, съ поджатыми ногами, въ грязномъ халатѣ, въ облакахъ сигарнаго дыма. Онъ принялъ меня очень вѣжливо, изъявилъ сожалѣніе о моемъ арестѣ и началъ разговоръ о современной литературѣ. Вообще онъ очень уменъ. Сужденія его тонки, хотя отзываютъ школою прошлаго вѣка. Но на всемъ, что онъ говорилъ, лежалъ оттѣнокъ какой-то холодности. Не знаю, одушевлялся ли онъ, когда писалъ свои прекрасныя басни, или онѣ рождались изъ его ума, на подобіе шелковыхъ нитей, которыя червякъ безсознательно испускаетъ и мотаетъ вокругъ себя. Онъ жалуется на торговое направленіе нынѣшней литературы, хотя самъ взялъ со Смирдина за редакцію «Библіотеки для Чтенія» девять тысячъ рублей. Правда, онъ не торгуетъ своимъ талантомъ, ибо можно быть увѣреннымъ, что онъ ничего не будетъ дѣлать для журнала. Однако, онъ пускаетъ въ ходъ свою славу: Смирдинъ даетъ ему деньги за одно его имя.

11. Былъ у генерала Сухозанета. Я опредѣленъ преподавать русскую словесность въ высшіе классы артиллерійскаго училища. Сухозанетъ человѣкъ очень учтивый и пріятный, по крайней мѣрѣ,

такимъ я нашелъ его въ это свиданіе. Онъ своимъ обращеніемъ точно хочетъ опровергнуть неблагопріятные объ его характерѣ слухи.

Отъ него поѣхалъ я въ Михайловскій дворецъ представиться великому князю Михаилу Павловичу, который нынѣ принялся за учебную часть въ корпусахъ и хочетъ лично знать каждаго преподавателя.

Великій князь быстро обѣжалъ кругъ изъ чиновничьихъ фигуръ въ залѣ, гдѣ находился и я. Каждому онъ сказалъ буквально по одному слову...

15. Сухозанетъ возилъ меня въ Дворянскій полкъ. Ему хотѣлось показать мнѣ, какъ тамъ идетъ преподаваніе русскаго языка, съ тѣмъ, чтобы я придумалъ средства, какъ поднять эту часть. Жалкое заведеніе! Отсюда ежегодно выходитъ въ армію человѣкъ пятьдесятъ офицеровъ, которые едва умѣютъ подписать свое имя. Я нашелъ здѣсь странность, едва ли существующую въ какомъ-либо другомъ заведеніи въ Европѣ: объемъ науки и познанія учащихся постепенно уменьшаются, по мѣрѣ перехода учениковъ въ высшіе классы, такъ что въ послѣднемъ, выпускномъ, классѣ они доходятъ почти до нуля. Напримѣръ, по русскому языку, въ низшемъ классѣ ученики прошли до синтаксиса, въ среднемъ до нарѣчій, а въ выпускномъ они занимаются числительными именами. Въ этомъ классѣ нынѣ сорокъ пять человѣкъ: ихъ въ маѣ мѣсяцѣ выпускаютъ офицерами.

16. Сегодня былъ мой экзаменъ въ Екатерининскомъ институтѣ, въ присутствіи императрицы. Онъ былъ блистателенъ. Дѣвицы прекрасно отвѣчали на всѣ вопросы, которые имъ предлагалъ министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ. Онѣ говорили не по заученному наизусть, а легко, чисто, свободно, Василій Андреевичъ Жуковскій сказалъ мнѣ, что въ первый разъ въ жизни слышитъ, чтобы учащіеся имѣли такія познанія въ словесности и излагали ихъ такимъ чистымъ, русскимъ языкомъ. Министръ подтвердилъ то-же. Государыня изъявила свое полное удовольствіе и, уѣзжая изъ института, еще прибавила, что она болѣе всего довольна успѣхами дѣвицъ въ русской словесности. Онѣ писали сочиненія на доскахъ, въ присутствіи всѣхъ и на темы, которыя были назначаемы самою государынею и Уваровымъ. Всѣ сочиненія были очень хороши, а нѣкоторыя даже такъ хороши, что государыня приказала ихъ списать для себя и взяла съ собою. За то-же и осыпанъ я былъ сегодня со всѣхъ сторонъ вѣжливостью, любезностями и т. д. Уваровъ напомнилъ государынѣ, что я тотъ самый цензоръ, который недавно сидѣлъ на гауптвахтѣ.

17. Вчера состоялся великолѣпный балъ-маскарадъ въ домѣ

Державиной. Давали его Львовы, Державина и Бороздины. Блестящая наша аристократія! Звѣздами хоть мость мости.... Играли оперу: она шла очень не дурно; было также нѣсколько характеристическихъ кадрилей, очень красивыхъ. Гостей насчитывали до 600 человѣкъ.

21. Гоголь Николай Васильевичъ. Ему теперь лѣтъ 28, 29. Онъ занимаетъ у насъ мѣсто адъюнкта по части исторіи; читаетъ исторію среднихъ вѣковъ. Преподаетъ ту же науку въ женскомъ Патріотическомъ институтѣ. Литераторъ. Обучался въ нѣжинской безбородковской гимназіи, вмѣстѣ съ Кукольникомъ, Прокоповичемъ и т. д. Сдѣлался извѣстнымъ публикѣ повѣстями, подъ названіемъ: «Вечера на хуторѣ: повѣсти пасѣчника Паньки Рудаго». Онѣ замѣчательны по характеристическому, истинно малороссійскому, очерку иныхъ характеровъ и живому, иногда очень забавному, разсказу. Написалъ онъ и еще нѣсколько повѣстей съ юмористическимъ изображеніемъ современныхъ нравовъ. Талантъ его чисто теньеровскій. Но помимо этого, онъ пишетъ все и обо всемъ: занимается сочиненіемъ исторіи Малороссіи; сочиняетъ трактаты о живописи, музыкѣ, архитектурѣ, исторіи и т. д., и т. д. Но тамъ, гдѣ онъ переходитъ отъ матеріальной жизни къ идеальной, онъ становится надутымъ и педантичнымъ, или же расплывается въ ребяческихъ восторгахъ. Тогда и слогъ его дѣлается запутаннымъ, пустоцвѣтнымъ и пустозвоннымъ. Та-же смѣсь малороссійскаго юмора и теньеровской матеріальности съ напыщенностью существуетъ и въ его характерѣ. Онъ очень забавно разсказываетъ разныя простонародныя сцены изъ малороссійскаго быта, или заимствованныя изъ скандалезной хроники. Но лишь только начинаетъ онъ трактовать о предметахъ возвышенныхъ, его умъ, чувство и языкъ утрачиваютъ всякую оригинальность. Но онъ этого не замѣчаетъ и метитъ прямо въ геніи.

Вотъ случай изъ его жизни, который долженъ былъ бы послужить ему урокомъ, если бы фантастическое самолюбіе способно было принимать уроки. Пользуясь особеннымъ покровительствомъ В. А. Жуковскаго, онъ захотѣлъ быть профессоромъ. Жуковскій возвысилъ его въ глазахъ Уварова до того, что тотъ въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ, будто изъ Гоголя выйдетъ прекрасный профессоръ исторіи, хотя въ этомъ отношеніи онъ не представилъ ни одного опыта своихъ знаній и таланта. Ему предложено было мѣсто экстра-ординарнаго профессора исторіи въ кіевскомъ университетѣ. Но Гоголь вообразилъ себѣ, что его геній даетъ ему право на высшія притязанія, потребовалъ званія ординарнаго профессора и шесть тысячъ рублей единовременно на уплату долговъ. Молодой человѣкъ, хотя уже и съ именемъ

въ литературѣ, но не имѣющій никакого академическаго званія, ничѣмъ не доказавшій ни познаній, ни способностей для каѳедры—и какой каѳедры — университетской! требуетъ себѣ того, что самый Геренъ, должно полагать, попросилъ бы со скромностью. Это можетъ дѣлаться только въ Россіи, гдѣ протекція даетъ право на все. Однако-жъ, министръ отказалъ Гоголю. Затѣмъ, узнавъ, что у насъ по каѳедрѣ исторіи нуженъ преподаватель, онъ началъ искать этого мѣста, требуя на этотъ разъ, чтобы его сдѣлали, по крайней мѣрѣ, экстра-ординарнымъ профессоромъ. Признаюсь, и я подумалъ, что человѣкъ, который такъ въ себѣ увѣренъ, не испортитъ дѣла, и старался его сблизить съ попечителемъ, даже хлопоталъ, чтобы его сдѣлали экстра-ординарнымъ профессоромъ. Но насъ не послушали и сдѣлали его только адъюнктомъ.

Что же вышло? «Синица явилась зажечь море» — и только. Гоголь такъ дурно читаетъ лекціи въ университетѣ, что сдѣлался посмѣшищемъ для студентовъ. Начальство боится, чтобы они не выкинули надъ нимъ какой нибудь шалости, обыкновенной въ такихъ случаяхъ, но непріятной по послѣдствіямъ. Надобно было приступить къ рѣшительной мѣрѣ. Попечитель призвалъ его къ себѣ и очень ласково объявилъ ему о непріятной молвѣ, распространившейся о его лекціяхъ. На минуту гордость его уступила мѣсто горькому сознанію своей неопытности и безсилія. Онъ былъ у меня и признался, что для университетскихъ чтеній надо больше опытности.

Вотъ чѣмъ кончилось это знаменитое требованіе профессорской каѳедры. Но это въ концѣ концовъ не поколебало вѣры Гоголя въ свою всеобъемлющую геніальность. Хотя, послѣ замѣчанія попечителя, онъ долженъ былъ перемѣнить свой надменный тонъ съ ректоромъ, деканомъ и прочими членами университета, но въ кругу «своихъ» онъ все тотъ же всезнающій, глубокомысленный, геніальный Гоголь, какимъ былъ до сихъ поръ.

Это смѣшное, надутое, ребяческое самолюбіе, впрочемъ, составляетъ черту характера не одного Гоголя, но едва-ли не всѣхъ знаменитыхъ умовъ нашихъ, видавшихъ свое имя въ печати. Есть, напримѣръ, нѣкто, помѣщающій въ изданіяхъ свои годичные обзоры русской журнальной литературы. Послушайте его, какъ онъ говоритъ обо всемъ: тоже человѣкъ геніальный. Его маленькое, желчное личико надуто, какъ соленый залежавшійся огурецъ съ пустотою внутри. Только этотъ—геній другаго рода. Ни одна вещь въ мірѣ, ни самый міръ, кажется, ни одно лицо человѣческое, ни одна мысль, вышедшая изъ чужой головы, не имѣютъ счастья ему нравиться. Онъ на все смотритъ, какъ человѣкъ, исчерпавшій жизнь до дна и вполнѣ

измѣрившій холодную пустоту въ ея таинственныхъ глубинахъ. Не думайте въ разговорѣ съ нимъ обмѣняться мыслями: слушайте только его неотразимые, роковые приговоры: въ нихъ сокрыта мудрость, политика и журналистика.

24. Сегодня опять представлялся великому князю Михаилу Павловичу. Онъ нынѣ очень заботится о расширеніи учебной части въ военныхъ корпусахъ.....

Мартъ 18. Достопримѣчательное засѣданіе въ совѣтѣ университета. Въ московскомъ и другихъ университетахъ русскихъ ученое сословіе не считало предосудительнымъ брать взятки при экзаменахъ чиновниковъ. Нашъ не имѣлъ этой славы. Однако, съ нѣкоторыхъ поръ и сюда сталъ вкрадываться продажный духъ, впрочемъ, общій всѣмъ учрежденіямъ въ Россіи. Три или четыре человѣка изъ здѣшнихъ профессоровъ уже пріобрѣли извѣстность въ этомъ отношеніи, гораздо бо̀льшую, чѣмъ въ ученой своей дѣятельности. Нѣсколько другихъ сочли своею обязанностью выставить это обстоятельство передъ княземъ (Дондуковымъ) и возбудить его къ противодѣйствію: ибо чѣмъ больше общество будетъ проникнуто довѣріемъ къ нравственному достоинству ученаго сословія, тѣмъ больше вліянія будетъ имѣть послѣднее на образованіе въ Россіи. Пусть хоть оно одно въ Россіи будетъ проникнуто духомъ чести!

Князь рѣшился явиться въ совѣтъ университета, будто для совѣщанія по разнымъ дѣламъ, но на самомъ дѣлѣ, чтобы дать почувствовать всѣмъ, сколь необходимо намъ сохранить честь сословія въ этомъ отношеніи. Онъ исполнилъ это тонко и хорошо.

19. Былъ у меня (Мих. Петровичъ) Погодинъ, профессоръ московскаго университета. Онъ пріѣзжалъ сюда, между прочимъ, съ жалобою къ министру на московскую цензуру, которая ничего не позволяетъ печатать. Послѣ моего ареста она превратилась въ настоящую литературную инквизицію. Погодинъ говоритъ, что въ Москвѣ удивляются здѣшней свободѣ печати. Можно себѣ представить, каково же тамъ!

Апрѣль 7. Праздникъ Воскресенія Христова. Былъ у заутрени и обѣдни въ университетской церкви. Цѣлый день свирѣпствовала ужасная буря и мятель. Снѣгъ выпалъ такой, что ѣздятъ на саняхъ.

9. Былъ во дворцѣ для поздравленія великаго князя Михаила Павловича. Поклонниковъ было человѣкъ триста. Голубыя, синія, красныя и алыя ленты мелькали на каждомъ шагу; звѣздъ было не счесть. Великій князь со всѣми христосовался. Отъ него я поѣхалъ къ нашему министру, гдѣ повторилась та-же сцена.

Я пропустилъ первую часть записокъ герцогини Абрантесъ въ русскомъ переводѣ. Государь спросилъ у министра, правда ли это? Ему отвѣчали, что правда, но что въ этихъ запискахъ нѣтъ ничего худаго.

Видѣлся съ Лобановымъ. Онъ очень разстроенъ критикою на его трагедію «Борисъ Годуновъ», напечатанную въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Библіотекѣ для Чтенія». Трагедія плоха, но и разобрали же ее жестоко.

11. Состояніе нашей литературы наводитъ тоску. Ни свѣтлой мысли, ни искры чувства. Все пошло, мелко, бездушно. Одинъ только цензоръ можетъ читать по обязанности все, что нынѣ у насъ пишутъ. Иначе и быть не можетъ. У насъ нѣтъ недостатка въ талантахъ; есть молодые люди съ благородными стремленіями, способные къ усовершенствованію. Но какъ могутъ они писать, когда имъ запрещено мыслить? Тутъ дѣло вовсе не въ томъ, чтобы направлять умы или сдерживать еще неопредѣленные, опасные порывы. Основное начало нынѣшней политики очень просто: одно только то правленіе твердо, которое основано на страхѣ; одинъ только тотъ народъ спокоенъ, который не мыслитъ. Изъ этого выходитъ, что посредственнымъ людямъ ничего больше не остается, какъ погрязать въ скотствѣ. Люди же съ талантомъ принуждены жить только для себя. Отъ этого характеристическая черта нашего времени—холодный, бездушный эгоизмъ. Другая черта—страсть къ деньгамъ: всякій спѣшитъ захватить ихъ побольше, зная, что это единственное средство къ относительной независимости. Никакого честолюбія, никакого благороднаго жара къ вольной дѣятельности. Одно горькое чувство согрѣваетъ еще адскимъ, жгучимъ жаромъ нѣкоторыя избранныя души: это чувство—негодованіе.

21. Новое постановленіе: не представлять чиновниковъ къ ежегоднымъ денежнымъ наградамъ. До сихъ поръ каждый изъ нихъ, получая жалованье, едва достаточное на насущный хлѣбъ, всегда возлагалъ надежды на конецъ года, который приносилъ ему еще хоть треть всего оклада: это служило дополненіемъ къ жалованью и давало возможность кое-какъ перебиваться. Имѣлось въ этомъ важное орудіе поощренія, обращая дополненіе къ жалованью въ награду за особенное усердіе и труды по службѣ. Теперь этого не будетъ, такъ какъ рѣшили, что чиновники и тогда уже достаточно благоденствуютъ, если являются на службу не съ продранными локтями. Да оно и дѣйствительно такъ: вѣдь честолюбіе запрещено питать: . . . . къ чему же тутъ поощренія или награды?. . . . . Министры очень недовольны этимъ распоряженіемъ.

Май 20. Представлялся вмѣстѣ съ прочими профессорами новому товарищу министра народнаго просвѣщенія, графу Протасову. Это молодой человѣкъ лѣтъ 32-хъ, безъ физіономіи, флигель-адъютантъ. У насъ молодые люди, разъ напечатавшіе гдѣ нибудь въ журналѣ свое имя, считаютъ себя геніями; такъ же точно люди, надѣвшіе военный мундиръ съ густыми эполетами, считаютъ себя государственными людьми, наравнѣ съ Меттернихами и Талейранами.

Іюнь 13. Двумъ перкоклассньмъ живописцамъ нашимъ, Егорову и Шебуеву, заказаны образа для иконостаса церкви въ Измайловскомъ полку. Образа были написаны, одобрены назначенною для того комиссіею и поставлены въ церковь. Пріѣзжаетъ министръ имп. двора и находитъ образа не по своему вкусу: онъ ли самъ это нашелъ или какой нибудь флигель-любитель изящнаго—неизвѣстно. Только слѣдуетъ приказъ: «отдать образа обратно Егорову и Шебуеву за то, что они дурно написаны, а деньги, если оныя уже выданы имъ, взыскать съ нихъ въ казну; если же не выданы, то и не выдавать и внести это въ ихъ послужные списки».

17. Возвратились изъ-за границы студенты профессорскаго института. У меня были уже: Печеринъ, Куторга младшій, Чевелевъ. Колмыковъ пріѣхалъ прежде. Они отвыкли отъ Россіи и тяготятся мыслью, что должны навсегда прозябать въ этомъ царствѣ (крѣпостнаго) рабства. Особенно мраченъ Печеринъ. Онъ долго жилъ въ Римѣ, въ Неаполѣ, видѣлъ бо́льшую часть Европы и теперь опять заброшенъ судьбой въ Азію. По словамъ ихъ, ненависть къ русскимъ за границею повсемѣстная и вопіющая. Часто имъ приходилось скрывать, что они русскіе, чтобы встрѣтить привѣтливый взглядъ и ласковое слово иностранца. Насъ считаютъ гуннами, грозящими Европѣ новымъ варварствомъ. Профессора провозглашаютъ это съ каѳедръ, стараясь возбудить въ слушателяхъ опасенія противъ нашего могущества.

17. Князь-попечитель призывалъ меня на совѣщаніе, кого изъ возвратившихся изъ за границы оставить при петербургскомъ университетѣ. Для правъ я предложилъ Колмыкова и Рѣдкина; для исторіи Куторгу (Михаила Семеновича); для политической экономіи—Порошина; для греческой словесности Печерина; для латинской — Крюкова. Князь намѣренъ сильно настаивать, чтобы этихъ людей дали нашему университету, но мало надѣется отстоять Печерина и Крюкова. Другіе университеты тоже нуждаются въ профессорахъ. Въ министерствѣ сильно хлопочутъ объ усиленіи хорошаго состава профессоровъ по всѣмъ русскимъ университетамъ.

Попечитель, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что новое образованіе

округовъ уже скоро состоится. Университетъ устраняется отъ всякаго участія въ собственномъ управленіи. Власть сосредоточивается въ лицѣ попечителя и его совѣта.

18. Слушалъ пробныя лекціи, читанныя въ академіи Куторгою и Лунинымъ. Обѣ по части исторіи. Одинъ началъ исторію среднихъ вѣковъ, другой новую. У Куторги нѣтъ дара слова и вообще особеннаго таланта; но съ практикою онъ сдѣлается хорошимъ и полезнымъ преподавателемъ. Уже и то много, что онъ читалъ не по тетради. Въ немъ, кромѣ того, видна свѣжая, юношеская любовь къ своему предмету. Лунинъ читалъ почти все по тетради нѣсколько напыщенно и витіевато.

27. Былъ у министра съ докладомъ объ одной статьѣ для «Библіотеки для Чтенія»: онъ согласился пропустить ее. Оттуда поѣхалъ въ университетъ, гдѣ нѣсколько студентовъ правовѣдѣнія защищали диссертаціи на степень докторовъ. Эта травля ученыхъ продолжалась около пяти часовъ. Студенты всѣ изъ семинаристовъ, что очень отзывается въ ихъ пріемахъ и рѣчахъ.

Августъ 8. Ѣздилъ къ министру съ докладомъ по цензурѣ. Сенковскій хочетъ напечатать въ «Библіотекѣ для Чтенія» статью о Фридрихѣ Великомъ, гдѣ говорится, что этотъ государь основалъ новую форму правленія въ Европѣ—военное самодержавіе, что эта форма есть наилучшая, въ особенности для Россіи, въ которой она и осуществляется съ такимъ успѣхомъ.

Эту статью, какъ политическаго содержанія, надлежало представить министру. Онъ велѣлъ исключить въ ней все, относящееся къ Россіи.

Министръ Уваровъ сегодня былъ въ ударѣ говорить. Привожу цѣликомъ монологъ, который онъ произнесъ:

— «Мы, то есть люди XIX вѣка, въ затруднительномъ положеніи мы живемъ среди бурь и волненій политическихъ. Народы измѣняютъ свой бытъ, обновляются, волнуются, идутъ впередъ. Никто здѣсь не можетъ предписывать своихъ законовъ. Но Россія еще юна, дѣвственна и не должна вкусить, по крайней мѣрѣ теперь еще, сихъ кровавыхъ тревогъ. Надобно продлить ея юность и тѣмъ временемъ воспитать ее. Вотъ моя политическая система. Я знаю, чего хотятъ наши либералы, наши журналисты и ихъ клевреты: Гречъ, Полевой, Сенковскій и проч. Но имъ не удастся бросить своихъ сѣмянъ на ниву, на которой я сѣю и которой я состою стражемъ—нѣтъ, не удастся. Мое дѣло не только блюсти за просвѣщеніемъ, но и блюсти за духомъ поколѣнія. Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ отъ того, что готовятъ ей теоріи, то я исполню мой долгъ и умру

спокойно. Вотъ моя теорія; я надѣюсь, что это исполню. Я имѣю на то добрую волю и политическія средства. Я знаю, что противъ меня кричатъ: я не слушаю этихъ криковъ. Пусть называютъ меня обскурантомъ: государственный человѣкъ долженъ стоять выше толпы».

О Гречѣ онъ говорилъ очень рѣзко:

— «Я имѣю, сказалъ онъ, такое повелѣніе государя, которымъ могу въ одно мгновеніе обратить его въ ничто. Вообще эти господа не знаютъ, кажется, въ какихъ они тискахъ и что я многое смягчаю еще въ томъ, что они считаютъ жестокимъ».

Октябрь 6. Я сдѣланъ членомъ комитета, который долженъ выработать проектъ устройства военно-учебныхъ заведеній. Это созданіе Якова Ростовцева, который является главною пружиной дѣлъ по этой части. Великій князь (Михаилъ Павловичъ) его слушаетъ. Ростовцевъ дѣйствуетъ, какъ патріотъ и благородный человѣкъ. Главная мысль его: повести образованіе въ корпусахъ такъ, чтобъ гражданинъ стоялъ здѣсь выше солдата. Онъ предсѣдательствуетъ въ нашемъ комитетѣ. Онъ одаренъ свѣтлымъ умомъ и даромъ излагать свои мысли ясно и съ какою-то особенною прелестью, не смотря на то, что онъ заика.

У насъ было уже нѣсколько засѣданій. Еще отличается здѣсь инспекторъ Павловскаго кадетскаго корпуса Александръ Ѳедоровичъ Шенинъ. Это тоже человѣкъ замѣчательный. Маленькая фигурка съ кривыми ногами и насмѣшливою мефистофельскою физіономіею. Умъ его рѣзокъ и мѣтокъ. Съ этимъ онъ соединяетъ, кажется, твердую волю и искусство убѣждать то рѣзкою ироніею, то основательными доводами. Онъ сдѣлалъ много улучшеній въ своемъ корпусѣ.

30. Ожесточенныя пренія съ Сенковскимъ. Въ его повѣсти «Записки домоваго» я исключилъ нѣсколько фразъ, которыя мнѣ показались ужъ черезъ-чуръ непристойными. Онъ возсталъ, но въ заключеніе уступилъ мнѣ, однако, не столько, какъ цензору, сколько пріятелю, который убѣждалъ его со стороны вкуса и приличія. Мы разстались вполнѣ миролюбиво.

Ноябрь 23. Женскія заведенія, говорятъ старики и старушки, нынѣ не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Это особенно замѣчаютъ въ Екатерининскомъ институтѣ. Въ Смольномъ монастырѣ упадокъ нѣсколько прикрывается личнымъ благоволеніемъ государыни Александры Ѳедоровны къ начальницѣ его, г-жѣ Адлербергъ. Созданныя мѣрами чрезвычайными, подъ вліяніемъ вкуса къ просвѣщенію въ началѣ царствованія Александра I, они въ нынѣшнее (1835 г.). . . . . время могли бы поддержаться также только чрезвычайными

мѣрами. Жалованье учащимъ въ этихъ заведеніяхъ скудное. Но императрица Марія своею любезностью и вниманіемъ умѣла привлекать въ нихъ лучшихъ преподавателей, какіе въ то время могли быть въ Петербургѣ. Всѣ они были воодушевлены духомъ императрицы, одно имя которой вселяло во всѣхъ какое-то религіозное рвеніе къ долгу. Я не засталъ уже ее, но слышу это отъ каждаго, кто служилъ подъ ея начальствомъ. Конечно, и тогда были злоупотребленія; особенно дурно шла матеріальная часть. Экономы крали безпощадно и самыя мысли императрицы часто искажались исполнителями; но заведеніе имѣло то, что называется духомъ: оно жило, а не прозябало. Теперь дѣвицамъ даютъ порядочный картофель и не совсѣмъ тухлую говядину и то только по милости Николая Петровича Новосильцова, который въ качествѣ члена совѣта и человѣка добраго, хотя и не орла, обратилъ вниманіе на желудки воспитаницъ. За то образованіе вполнѣ предоставлено случаю....

Декабрь 23. На экзаменѣ въ артиллерійскомъ училищѣ познакомился я съ генераломъ Ермоловымъ, другимъ, а не тѣмъ, который былъ покорителемъ Грузіи. Это человѣкъ образованный, хотя и съ генеральскими эполетами. Такое-же пріятное удивленіе вызвалъ во мнѣ и другой генералъ — Зеддлеръ, назначенный начальникомъ аудиторской школы.

26. Въ городѣ очень много толкуютъ о новомъ балетѣ: Бунтъ въ сералѣ. Слово бунтъ, впрочемъ, замѣнено возстаніемъ. Здѣсь особенно восторгаются сценою купанья одалисокъ и военными эволюціями танцовщицъ. Послѣднія, говорятъ, доведены до nec plus ultra. Государь самъ ѣздилъ на репетицію и наблюдалъ за этимъ.

Много говорили также, а теперь уже и перестали, о томъ, какъ французскіе и англійскіе газеты и журналы разбранили извѣстную рѣчь къ польскимъ депутатамъ въ Варшавѣ. Государь велѣлъ пропустить эти журналы, на которые былъ изготовленъ отвѣтъ и напечатанъ въ петербургской французской газетѣ. Впрочемъ, журналы эти не долго вращались въ публикѣ. Теперь уже не найдешь ихъ ни въ одномъ публичномъ мѣстѣ: они отобраны полиціей.

28. Гебгардтъ старшій товарищъ мой по университету. Теперь онъ служитъ въ иностранной коллегіи и учитъ математикѣ въ Павловскомъ корпусѣ и въ частныхъ домахъ. Онъ одаренъ удивительно гибкимъ, блестящимъ умомъ и рѣдкимъ даромъ слова. Умъ его разсыпается въ тысячахъ блестящихъ искръ и каждая искра или свѣтитъ, или жжетъ. Особенно хорошъ онъ въ быстрыхъ, летучихъ, неожиданныхъ эпиграммахъ, которыми уязвляетъ пошлость и невѣжество нашего общества. Чувствуя въ себѣ силы на высшую дѣятель-

ность, онъ грустно влачитъ дни свои по темнымъ и грязнымъ закоулкамъ чиновническаго быта—и это съѣдаетъ его, ибо съ такимъ блестящимъ умомъ нельзя не имѣть честолюбія. Ему еще тяжелѣе отъ того, что онъ, по свойствамъ своего ума, не способенъ къ упорной, усидчивой кабинетной дѣятельности: ему необходимы воздухъ и пространство.

Другой товарищъ мой, Чижовъ, готовится занять въ университетѣ мѣсто профессора математики. Этотъ человѣкъ стоитъ высоко по своимъ нравственнымъ силамъ. Въ его характерѣ и умѣ гораздо больше энергіи и устоя, чѣмъ у Гебгардта. Къ этому онъ присоединяетъ еще способность подчинять свои личныя соображенія практическимъ цѣлямъ жизни. Но не знаю, способенъ ли онъ къ энтузіазму. Онъ благороденъ, однако, полагаетъ, что искусная политика жизни не идетъ въ разрѣзъ съ добродѣтелью, и что невинность должна опираться на знаніе того, что не невинно. Въ его рѣчахъ нѣтъ ни блеска, ни пылкости, но онъ выражается ясно и точно. Умъ его не разсѣкаетъ мглы съ быстротою молніи, но доходитъ до вѣрныхъ результатовъ путемъ болѣе медленнымъ, но за то и менѣе опаснымъ.

1836 г.

Январь 10. Кукольникъ читалъ у меня своего «Доминикина». Это высокое произведеніе. Здѣсь Кукольникъ является истиннымъ художникомъ: поэтомъ и мысли, и формы. Мы долго говорили наединѣ. Онъ разочарованъ дворомъ. Не знаю, искалъ ли онъ его милостей или только хотѣлъ прикрыться его щитомъ. Какъ бы то ни было, а его положеніе не завидно. Каждое произведеніе свое онъ долженъ представлять на разсмотрѣніе Бенкендорфа. Съ другой стороны, онъ своими грубыми патріотическими фарсами, особенно «Скопинымъ-Шуйскимъ», вооружилъ противъ себя людей свободномыслящихъ и лишился ихъ довѣрія. Я не говорю о проискахъ мелкой зависти, которая обыкновенно кидаетъ грязью въ таланты: талантъ не долженъ этого и замѣчать.

Интересно, какъ Пушкинъ судитъ о Кукольникѣ. Однажды у Плетнева зашла рѣчь о послѣднемъ: я былъ тутъ же. Пушкинъ, по обыкновенію, грызя ногти или яблоко—не помню, сказалъ:

— А что, вѣдь, у Кукольника есть хорошіе стихи? Говорятъ, что у него есть и мысли.

Это было сказано тономъ двойнаго аристократа: аристократа природы и положенія въ свѣтѣ. Пушкинъ иногда впадаетъ въ этотъ тонъ и тогда становится крайне непріятнымъ.

Чтеніе «Доминикина» продолжалось у меня до втораго часа ночи. Всѣ разошлись еще позже.

13. Введены новый уставъ и новые штаты въ университетахъ. Я получаю теперь 3,900 рублей (ассигн.) жалованья, вмѣсто 1,300: замѣтная разница! Но это преобразованіе, однако, многимъ дорого стоитъ. Тринадцать профессоровъ и адъюнктовъ получили увольненіе и не знаютъ теперь, куда имъ дѣться. Бутырскому оставалось года полтора дослужить до пенсіона въ пять тысячъ рублей: онъ уволенъ съ 2,000. Исключенъ также Постельсъ, человѣкъ съ дарованіями и со свѣдѣніями, совершившій путешествіе вокругъ свѣта, получившій одобреніе отъ знаменитаго Кювье. Кто же можетъ быть увѣренъ въ прочности своего положенія? Каждый изъ насъ, поневолѣ, долженъ кромѣ университета, искать другихъ занятій, чтобы вдругъ, если вздумается начальству, не остаться безъ куска хлѣба. Примѣръ Бутырскаго особенно печаленъ. Онъ служилъ долго и имѣлъ блестящую репутацію: ничто не спасло его. Министръ давно за что-то сердитъ на него. Долго недоумѣвали, какимъ образомъ уцѣлѣлъ Сенковскій. Теперь объяснилось: онъ созданіе профессора Греффе, а Греффе близкій другъ министра.

17. Вчера была моя обыкновенная пятница. Пушкинъ написалъ родъ пасквиля на министра народнаго просвѣщенія, на котораго онъ очень сердитъ за то, что тотъ подвергнулъ его сочиненія общей цензурѣ. Прежде его сочиненія разсматривались въ собственной канцеляріи государя, который и самъ иногда читалъ ихъ. Такъ, напримѣръ, поэма «Всадникъ» имъ самимъ не пропущена.

Пасквиль Пушкина называется: «Выздоровленіе Лукулла»: она напечатана въ московскомъ «Наблюдателѣ». Онъ какъ-то хвалился, что непремѣнно посадитъ на гауптвахту кого-нибудь изъ здѣшнихъ цензоровъ, особенно меня, которому не хочетъ простить за «Анджело». Этой цѣли онъ теперь, кажется, достигнетъ въ Москвѣ, ибо пьеса надѣлала много шуму въ городѣ. Всѣ узнаютъ въ ней, какъ нельзя лучше, Уварова.

Трагическое приключеніе. Сынъ знаменитаго здѣшняго портнаго Кампини отданъ былъ учиться архитектурѣ къ Тону. Ему было девятнадцать лѣтъ. Онъ познакомился съ сестрою архитектора, своего учителя, дѣвицею лѣтъ двадцати девяти и, какъ говорятъ, некрасивою. Третьяго дня онъ пришелъ къ Тону вечеромъ, спрятался у него, выждалъ время, когда дѣвушка осталась одна дома, вошелъ къ ней

въ спальню и заперъ дверь изнутри. Чрезъ нѣсколько времени въ комнатѣ послышался подозрительный шумъ; выломали двери и нашли дѣвицу Тонъ плавающею въ крови: она была поражена ножемъ въ самое сердце, а молодой человѣкъ лежалъ тутъ же, съ перерѣзаннымъ горломъ. Дѣвушка уже умерла, но Кампини былъ еще живъ. Ему зашили горло, онъ разорвалъ его и умеръ. Говорятъ, что родственники не соглашались на ихъ бракъ и они порѣшили погибнуть вмѣстѣ. Объ этомъ много толковъ и сплетенъ.

20. Весь городъ занятъ «Выздоровленіемъ Лукулла». Враги Уварова читаютъ піесу съ восхищеніемъ, но большинство образованной публики не довольно своимъ поэтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ этимъ стихотвореніемъ не много выигралъ въ общественномъ мнѣніи, которымъ, при всей своей гордости, однако, очень дорожитъ. Государь, черезъ Бенкендорфа, приказалъ сдѣлать ему строгій выговоръ.

Но дня за три до этого Пушкину уже было разрѣшено издавать журналъ, въ родѣ «Эдинбургскаго трехмѣсячнаго Обозрѣнія»: онъ будетъ называться «Современникомъ». Цензоромъ новаго журнала попечитель назначилъ Крылова, самаго трусливаго, а слѣдовательно и самаго строгаго изъ нашей братіи. Хотѣли меня назначить, но я убѣдительно просилъ уволить меня отъ этого: съ Пушкинымъ слишкомъ тяжело имѣть дѣло.

Февраль 3. Вчера въ Петербургѣ случилось ужасное происшествіе. Въ числѣ масляничныхъ балагановъ уже нѣсколько лѣтъ первое мѣсто занимаетъ балаганъ Лемана, знаменитаго фокусника, отъ котораго публика всегда была въ восторгѣ. Въ воскресенье, то есть вчера, онъ далъ свое первое представленіе. Балаганъ загорѣлся. Народъ, сидѣвшій въ заднихъ рядахъ, ринулся спасаться къ дверямъ: ихъ было всего двое. Тѣ, которые сидѣли ближе къ выходу, то есть въ креслахъ или тотчасъ за ними, дѣйствительно спаслись. Но скоро толпа, нахлынувшая къ двери, налегла на нихъ такъ, что не было возможности ихъ открывать. Огонь, между тѣмъ, съ быстротою молніи охватилъ все зданіе и въ нѣсколько мгновеній превратилъ его въ пылающій костеръ, гдѣ горѣли живые люди. Никакой помощи не успѣли подать. Черезъ четверть часа все превратилось въ уголья и въ пепелъ; крики умолкли и среди дымящихся развалинъ открылись кучи обгорѣлыхъ труповъ.

Это было въ половинѣ пятаго пополудни. Государь сдѣлалъ все, что могъ, для спасенія несчастныхъ, но было уже слишкомъ поздно. Согласно «Сѣверной Пчелѣ», погибло 126 человѣкъ;—по частнымъ, неофиціальнымъ слухамъ—вдвое больше. Да сверхъ того многіе видѣли еще огромный ящикъ, наполненный костями, собранными въ мѣстахъ,

гдѣ всего сильнѣе свирѣпствовалъ пожаръ. Ради теплоты, Леманъ обилъ большую часть балагана смоляною клеенкой и сверхъ того всѣ доски тоже были обмазаны смолой: не мудрено, что пламя такъ быстро распространилось.

Пожаръ, говорятъ, произошелъ отъ лампы, которая была поставлена слишкомъ близко къ стѣнѣ и зажгла клеенку. Я сегодня проѣзжалъ мимо и не видѣлъ уже ничего, кромѣ чернаго пятна, на которомъ еще продолжаютъ сгребать золу. Въ золѣ этой люди: они въ четверть часа превратились въ золу.

10. Оказывается, что сотни людей могутъ сгорѣть отъ излишнихъ попеченій о нихъ .... Это покажется страннымъ, но оно дѣйствительно такъ. Вотъ одно обстоятельство изъ пожара въ балаганѣ Лемана, которое теперь только сдѣлалось извѣстнымъ. Когда начался пожаръ и изъ балагана раздались первые вопли, народъ, толпившійся на площади, по случаю праздничныхъ дней, бросился къ балагану, чтобы разбирать его и освобождать людей. Вдругъ является полиція, разгоняетъ народъ и запрещаетъ что-бы то ни было предпринимать до прибытія пожарныхъ: ибо послѣднимъ принадлежитъ офиціальное право тушить пожары Народъ нашъ, привыкшій къ безпрекословному повиновенію, отхлынулъ отъ балагана, сталъ въ почтительномъ разстояніи и сдѣлался спокойнымъ зрителемъ страшнаго зрѣлища. Пожарная же команда поспѣла какъ разъ во-время къ тому только, чтобы вытаскивать крючками изъ огня обгорѣлые трупы. Было, однако-жъ, небольшое исключеніе: нѣсколько смѣльчаковъ не послушались полиціи, кинулись къ балагану, разнесли нѣсколько досокъ и спасли трехъ или четырехъ людей. Но ихъ быстро оттѣснили. За то «Сѣверная Пчела», извѣщая публику о пожарѣ, объявила, что люди горѣли въ удивительномъ порядкѣ и что при этомъ всѣ надлежащія мѣры были соблюдены. Государь, говорятъ, сердился, что дали столькимъ погибнуть, но это никого не вернуло къ жизни.

Мартъ 3. Былъ на балу у Д. М. Княжевича. Онъ праздновалъ именины жены. Домашній спектакль: играли дѣти какую-то комедію Бориса Өедорова, а взрослые комедію Шаховскаго: «Своя семья». Авторъ былъ здѣсь. Я старался не попадаться ему на глаза, ибо онъ ужасный говорунъ, хотя говоритъ вообще не дурно. За то я попался въ руки двумъ другимъ говорунамъ: цензору Семенову и литератору-академику Лобанову. Первый, впрочемъ, добродушный говорунъ и никого не оскорбляетъ. Второй другаго закала человѣкъ. Это, что называется, академикъ-парикъ и плохой поэтъ. Старая литература для него святыня, новая—ересь и сплошь мерзость. «Каждая

новая идея, говоритъ онъ, заблужденіе; французы подлецы; нѣмецкая философія глупость, а все вмѣстѣ либерализмъ», противъ котораго онъ, Лобановъ, написалъ уже рѣчь: послѣдняя, по его мнѣнію, должна понравиться правительству.

Если бы послушать Лобанова, то цензура ничего не пропускала бы, кромѣ его сочиненій «благонамѣренныхъ и солидныхъ».

Послѣ академическаго суесловія настала очередь шампанскаго. Я запилъ имъ горе этого вечера и возвратился домой ужъ около пяти часовъ утра.

10. Плюшаръ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» письмо, съ обвиненіемъ Смирдина въ томъ, что тотъ неисправно доставляетъ подписчикамъ 3-й и 4-й томы «Энциклопедическаго лексикона»: по уговору онъ долженъ ихъ разсылать. Смирдинъ, въ свое оправданіе, представилъ цензурному комитету росписку Плюшара, изъ которой видно, что эти томы имъ самимъ получены лишь въ то время, когда, по словамъ Плюшара, они должны были бы уже находиться въ рукахъ подписчиковъ. Такъ какъ Плюшаръ такою ложью, очевидно, намѣревался подорвать торговый кредитъ Смирдина, послѣдній подалъ на перваго жалобу генералъ-губернатору. Но кто настоящій виновникъ этой интриги?—Гречъ: онъ поссорился съ Сенковскимъ, захотѣлъ отомстить ему на Смирдинѣ и подбилъ Плюшара напечатать вышеупомянутое письмо. Цензоръ Семеновъ долженъ отъ этого идти въ отставку.

Апрѣль 14. Пушкина жестоко жметъ цензура. Онъ жаловался на Крылова и просилъ себѣ другаго цензора, въ подмогу первому. Ему назначили Гаевскаго. Пушкинъ раскаивается, но поздно. Гаевскій до того напуганъ гауптвахтой, на которой просидѣлъ восемь дней, что теперь сомнѣвается, можно ли пропускать въ печать извѣстія, въ родѣ того, что такой-то король скончался.

28. Комедія Гоголя «Ревизоръ» надѣлала много шуму. Ее безпрестанно даютъ—почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся. Я попалъ на третье представленіе. Была государыня съ наслѣдникомъ и великими княжнами. Ихъ эта комедія тоже много тѣшила. Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть «Ревизора». Впереди меня, въ креслахъ, сидѣли графъ Чернышевъ и графъ Канкринъ. Первый выражалъ свое полное удовольствіе; второй только сказалъ:

— Стоило ли ѣхать смотрѣть эту глупую фарсу.

Многіе полагаютъ, что правительство напрасно одобряетъ эту піесу, въ которой оно такъ жестоко порицается. Я видѣлся вчера съ Гоголемъ. Онъ имѣетъ видъ великаго человѣка, преслѣдуемаго

оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, производимое его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накопляются въ умахъ отъ существующаго у насъ порядка вещей.

29. За комедіей Гоголя на сценѣ послѣдовала трагедія въ дѣйствительной жизни: чиновникъ Павловъ убилъ, или почти убилъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Апрѣлева и въ ту минуту, когда тотъ возвращался изъ церкви отъ вѣнца, съ своею молодой женой. Это вмѣстѣ съ «Ревизоромъ» теперь занимаетъ весь городъ.

Май 10. Удивительныя дѣла! Петербургъ, насколько извѣстно, не на военномъ положеніи, а Павлова велѣно судить и осудить въ двадцать четыре часа военнымъ судомъ. Его судили и осудили. Палачъ переломилъ надъ его головою шпагу, или лучше сказать на его головѣ, потому что онъ пробилъ ему голову. Публика страшно возстала противъ Павлова, какъ «гнуснаго убійцы», а министръ народнаго просвѣщенія наложилъ амбарго на всѣ французскіе романы и повѣсти, особенно Дюма, считая ихъ виновными въ убійствѣ Апрѣлева. Вѣдь доказывалъ же Магницкій, что книга Куницына: «Естественное право», напечатанная по русски и въ Петербургѣ, вызвала революцію въ Неаполѣ. Павлова, какъ сказано, судили и осудили въ двадцать четыре часа. Между тѣмъ, вотъ что открылось. Апрѣлевъ шесть лѣтъ тому назадъ обольстилъ сестру Павлова, прижилъ съ нею двухъ дѣтей, обѣщалъ жениться. Павловъ братъ требовалъ этого отъ него именемъ чести, именемъ своего оскорбленнаго семейства. Но дѣло затягивалось и Павловъ послалъ Апрѣлеву вызовъ на дуэль. Вмѣсто отвѣта, Апрѣлевъ объявилъ, что намѣренъ жениться, но не на сестрѣ Павлова, а на другой дѣвушкѣ. Павловъ написалъ письмо матери невѣсты, въ которомъ увѣдомлялъ ее, что Апрѣлевъ уже не свободенъ. Мать, гордая, надменная аристократка, отвѣчала на это, что дѣвицу Павлову и дѣтей ея можно удовлетворить деньгами. Еще другое письмо написалъ Павловъ — Апрѣлеву, наканунѣ свадьбы. — «Если ты настолько подлъ», писалъ онъ, — «что не хочешь со мной раздѣлаться обыкновеннымъ способомъ между порядочными людьми, то я убью тебя подъ вѣнцомъ».

Военный судъ очень не понравился публикѣ. Теперь Павлова приказано сослать на Кавказъ солдатомъ съ выслугою.

Еще благородная черта его. Во время суда отъ него требовали, именемъ государя, чтобы онъ открылъ настоящую причину своего необычайнаго поступка. За это ему обѣщали снисхожденіе. Онъ отвѣчалъ:

— «Причину моего поступка можетъ понять и оцѣнить только Богъ, который и разсудитъ меня съ Апрѣлевымъ». Послѣ уже,

испивъ до дна чашу наказанія, онъ сдался на желаніе государя и ему одному согласился все открыть. Къ нему послали флигель-адъютанта. Павловъ вручилъ ему письмо къ государю, въ которомъ излагалъ все, какъ было.

28. Между моими близкими знакомыми есть нѣкто Фроловъ, молодой человѣкъ съ замѣчательными качествами. Онъ оставилъ военную службу и, по моему совѣту, поѣхалъ въ Дерптъ за систематическимъ образованіемъ. Ему предстояла ожесточенная борьба съ латинскимъ и нѣмецкимъ языками и со многими другими трудностями ученаго механизма. Все это онъ мужественно побѣдилъ. Я никого не знаю съ болѣе благороднымъ сердцемъ и умомъ, болѣе способнымъ къ высшему развитію. Вотъ что съ нимъ случилось надняхъ.

Онъ пробирался сквозь толпу въ театръ. Съ нимъ рядомъ пролагалъ себѣ путь и какой-то офицеръ. Послѣдній вдругъ обращается къ Фролову и грозно спрашиваетъ: куда онъ тянется? Фроловъ изумился, но ни слова не отвѣчалъ и продолжалъ идти вслѣдъ за другими.

— «Подите прочь отсюда», закричалъ на него офицеръ, — «или я васъ отправлю на съѣзжую».

Фроловъ оцѣпенѣлъ и, какъ самъ говорилъ, въ первую минуту не нашелся, что отвѣчать. Опомнившись, онъ бросился въ театръ на поиски за офицеромъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ скрыться. Онъ его не нашелъ, но хорошо запомнилъ лице и цвѣтъ воротника его мундира. Долго ходилъ онъ по казармамъ, отыскивая его — но напрасно. Наконецъ, наткнулся на него во время ученья, узналъ его имя и адресъ. Тогда Фроловъ явился къ нему съ двумя товарищами и призвалъ къ отвѣту. Офицеръ струсилъ и просилъ прощенія.

Каково, однако, положеніе вещей въ обществѣ, гдѣ вашъ согражданинъ можетъ грозить вамъ тюрьмою, потому только, что онъ носитъ извѣстный мундиръ и, какъ этотъ полковникъ—это дѣйствительно былъ полковникъ,—оправдывать свой поступокъ дурнымъ расположеніемъ духа—какъ это и сдѣлалъ полковникъ—или тѣмъ, что ваша физіономія не нравится ему. И это не единичный фактъ. Примѣровъ офицерскихъ дерзостей не перечесть. Недавно тоже два офицера, такъ ради смѣха, встрѣтивъ на улицѣ одного чиновника, совершили надъ нимъ грубое неприличіе. Тотъ спросилъ у нихъ: что они: сумасшедшіе, или пьяные? Они привели его на съѣзжую и оскорбленный долженъ былъ заплатить полицейскому пятнадцать рублей, чтобы тотъ отпустилъ его.

Еще: нѣсколько офицеровъ и въ томъ числѣ знатныхъ фамилій собрались пить. Двое поссорились — общество рѣшило, что чѣмъ

выходить имъ на дуэль, такъ лучше раздѣлаться такъ, кулаками. И дѣйствительно, они надавали другъ другу пощечинъ и помирились. Было положено строго молчать объ этомъ. Но одинъ изъ собесѣдниковъ не вытерпѣлъ, разсказалъ объ этомъ въ обществѣ; дѣло дошло до государя и кучка негодяевъ была исключена изъ гвардіи.

Іюль 16. Вчера мы всѣ, то есть товарищи университетскіе, давали вечеръ Полѣнову, въ честь его пріѣзда. Было много веселья. Пиръ устроился въ квартирѣ графа Головкина, при которомъ нашъ старшій Михайловъ состоитъ секретаремъ. Гамъ, шумъ и пѣсни замолкли только въ четыре часа утра. Это, право, не дурно. Надо, чтобы жизнь иногда пѣнилась.

Гебгардтъ былъ уменъ, блестящъ и любезенъ какъ всегда; Полѣновъ пѣлъ и шумѣлъ; Лингвистъ говорилъ о великихъ людяхъ; Дель игралъ въ вистъ и разсуждалъ о политикѣ; Сорокинъ ворчалъ на жизнь; Армстронгъ исправлялъ должность эхо; Чижовъ былъ благоразуменъ и тонокъ; Михайловъ старшій былъ, по обыкновенію, легокъ какъ пухъ и голосистъ какъ жаворонокъ; Михайловъ младшій, съ обычной граціей, игралъ комедіи и всѣхъ тѣшилъ. Все славные ребята, дружно думали и дружно веселились.

Здѣсь мы нашли мальчика лѣтъ четырнадцати, который въ маленькой комнаткѣ срисовывалъ копію съ картины Рубенса. Копія прекрасная: она почти кончена. Это крѣпостной человѣкъ графа Головкина. Я говорилъ съ нимъ. Въ немъ опредѣленные признаки таланта; но онъ уже начинаетъ думать о ничтожествѣ жизни, предаваться тоскѣ и унынію. Графъ ни за что не хочетъ дать ему воли. Михайловъ просилъ его о томъ тщетно. Что будетъ изъ этого мальчика? Теперь онъ самоучкою снимаетъ копіи съ Рубенса. Черезъ два или три года онъ сломаетъ кисти, бросить картины въ огонь и сдѣлается пьяницею или самоубійцею. Графъ Головкинъ, однако, считается добрымъ бариномъ и человѣкомъ образованнымъ... О Русь! О Русь!

Октябрь 9. Вчера былъ актъ въ университетѣ. Я читалъ отчетъ за прошедшій академическій годъ и рѣчь: «О необходимости философскаго или теоретическаго изученія словесности». Публика приняла и то и другое одобрительно. Когда я сошелъ съ каѳедры, меня осыпали привѣтствіями.

Вечеромъ поѣхалъ на балъ въ институтъ, который праздновалъ именины своей добрѣйшей начальницы Амаліи Яковлевны Кремпиной. Здѣсь пировалъ я до четырехъ часовъ утра. Дѣвицы весь вечеръ окружали меня тѣсною толпой и я наслаждался ихъ простодушною любезностью.

16. Цензоръ Корсаковъ, въ отсутствіе Шенина, завѣдывалъ редакціей «Энциклопедическаго Словаря». Онъ пропустилъ и велѣлъ напечатать для 7-го тома его статью: «18-е Брюмера». Гречъ подалъ въ цензурный комитетъ доносъ, что статья эта неблагонамѣренная, либеральная и вредная для Россіи, потому что въ ней говорится о революціяхъ и конституціяхъ. Статья была читана въ комитетѣ. Трусливѣйшіе изъ цензоровъ, Гаевскій и Крыловъ—и тѣ даже не нашли въ ней ничего предосудительнаго. Сверхъ того, она была пропущена самимъ министромъ. Я предложилъ въ комитетѣ вопросъ: «Должны ли мы французскую революцію считать революціей и позволено ли въ Россіи печатать, что Римъ былъ республикой, а во Франціи и въ Англіи конституціонное правленіе — или не лучше ли принять за правило думать и писать, что ничего подобнаго на свѣтѣ не было и нѣтъ?»

Крыловъ отвѣчалъ, что исторію и статистику нельзя измѣнять. Другіе цензоры согласились съ этимъ. Но предсѣдатель комитета нашелъ, что въ статьѣ «18-е Брюмера» слѣдующее выраженіе не должно быть пропущено: «Добрые французы (во время директоріи) сокрушались, видя правительство не твердымъ и повсюду во Франціи царствующее безначаліе». Онъ доказывалъ, что во Франціи тогда не могло быть ни одного добраго человѣка и что эти слова надо непремѣнно вымарать. Въ заключеніе положено было, однако, статью «18-е Брюмера» не считать зловредною.

18. Гречъ совсѣмъ поссорился съ Плюшаромъ и долженъ былъ сложить съ себя званіе главнаго редактора. Онъ дѣлалъ попытки къ примиренію, писалъ Плюшару нѣжныя письма. Но Плюшаръ отвѣчалъ, что онъ согласенъ на примиреніе только подъ условіемъ, что Николай Ивановичъ больше не станетъ писать доносовъ на «Энциклопедическій Словарь». Это положило конецъ попыткамъ.

20. Вотъ образчикъ современной нравственности. Есть здѣсь нѣкто П—въ, чиновникъ и литераторъ. Третьяго дня онъ встрѣтился гдѣ-то съ нашимъ Михайловымъ; зашелъ какъ-то разговоръ о генералѣ Михайловскомъ-Данилевскомъ, съ которымъ П—въ знакомъ.

Михайловъ: «Скажите, пожалуйста, какъ не стыдно генералу: онъ такой богатый человѣкъ, а между тѣмъ не платитъ учителямъ за уроки своимъ дѣтямъ».

Это дѣйствительно было. Онъ заключилъ условіе съ учителемъ 1-й гимназіи Лапшинымъ по 10 рублей за урокъ, не заплатилъ ему ни копѣйки и собирался еще жаловаться министру за то, что учитель хотѣлъ взять съ него слишкомъ дорого.

П—въ: «О, это неправда. Генералъ, точно, немножко скупъ; но

гдѣ надо—онъ не жалѣетъ денегъ. Вотъ, напримѣръ, я знаю случай. Сынъ его, какъ вамъ извѣстно, въ университетѣ. При мнѣ онъ пріѣзжалъ къ профессору Никитенко, просилъ его о покровительствѣ сыну и въ моихъ глазахъ подарилъ ему прекрасную табакерку, стоившую, по крайней мѣрѣ, 1,200 рублей».

Михайловъ: «Боже мой! Что вы говорите? Никитенко и взятка—это невозможно! Я знаю его двѣнадцать лѣтъ и ручаюсь, что онъ этого не сдѣлалъ».

П—въ. «Какъ вамъ угодно, а что правда, то правда».

Они разстались. Михайловъ передалъ мнѣ все это. Я знаю, что у меня есть враги, но такая подлая ложь уже превосходила всякую мѣру. И съ какою цѣлью? Человѣкъ, совсѣмъ мнѣ чужой, ссылается на факты, на собственное свидѣтельство и старается внушить ко мнѣ подозрѣніе въ самыхъ близкихъ моихъ друзьяхъ. Этимъ уже нельзя было пренебречь.

Мы порѣшили слѣдующее. Михайловъ пригласитъ къ себѣ этого господина подъ какимъ нибудь предлогомъ. А я, Полѣновъ и Гебгардтъ будемъ скрыты гдѣ нибудь въ сосѣдней комнатѣ. Михайловъ наведетъ разговоръ на меня: если П—въ повторитъ сказанное, мы всѣ явимся на сцену—и я потребую у него отчета и объясненія. А тамъ уже рѣшимъ, что предпринять.

Такъ и сдѣлали. Мы собрались въ среду утромъ. Явился и П—въ. Онъ что-то почуялъ, ибо съ первыхъ же словъ Михайлова началъ изворачиваться, утверждать, что онъ не такъ говорилъ, что онъ никогда не осмѣлился бы даже подумать обо мнѣ такъ и пр., и пр.

Я не вытерпѣлъ и вышелъ изъ засады. Онъ страшно смѣшался и готовъ былъ бѣжать. Но я рѣшительно и твердо потребовалъ у него объясненія. Онъ торжественно отъ всего отрекся и униженно извинялся. Что было съ нимъ дѣлать? Друзья мои все слышали въ сосѣдней комнатѣ и я ограничился внушеніемъ, впередъ быть осторожнѣе въ своихъ рѣчахъ. И этотъ человѣкъ не глупъ и—литераторъ.

25. Ужасная суматоха въ цензурѣ и въ литературѣ. Въ 15-мъ номерѣ «Телескопа» напечатана статья, подъ заглавіемъ: «Философскія письма». Статья написана прекрасно; авторъ ея Чаадаевъ. Но въ ней весь нашъ русскій бытъ выставленъ въ самомъ мрачномъ видѣ. Политика, нравственность, даже религія представлены, какъ дикое, уродливое исключеніе изъ общихъ законовъ человѣчества. Непостижимо, какъ цензоръ (Болдыревъ) пропустилъ ее.

Разумѣется, въ публикѣ поднялся шумъ. Журналъ запрещенъ. Болдыревъ, который одновременно былъ профессоромъ и ректоромъ московскаго университета, отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей. Теперь

его, вмѣстѣ съ Надеждинымъ, издателемъ «Телескопа», везутъ сюда для отвѣта.

Я сегодня былъ у князя (Дондукова-Корсакова); министръ крайне встревоженъ. Подозрѣваютъ, что статья напечатана съ намѣреніемъ и именно для того, чтобы журналъ былъ запрещенъ и чтобы это подняло шумъ, подобный тому, какой былъ вызванъ запрещеніемъ «Телеграфа». Думаютъ, что это дѣло тайной партіи. А я думаю, что это просто невольный прорывъ новыхъ идей, которыя таятся въ умахъ и только выжидаютъ удобной минуты, чтобы надѣлать шуму. Это уже не разъ случалось, не смотря на неслыханную строгость цензуры и на преслѣдованія всякаго рода. Наблюдая вещи ближе и безъ предубѣжденій, ясно видишь, куда стремится все нынѣшнее поколѣніе. И надо сказать правду: власти дѣйствуютъ такъ, что стремленіе это все болѣе и болѣе усиливается и сосредоточивается въ умахъ. Признана система угнетенія, считаютъ ее системою твердости; ошибаются. Угнетеніе — есть угнетеніе, особенно когда оно является слѣдствіемъ гнѣвныхъ вспышекъ ......, а не искусно разсчитанныхъ мѣръ.

28. Сегодня были созваны въ цензурный комитетъ всѣ издатели здѣшнихъ журналовъ. Тутъ были: Смирдинъ, Гинце, издатель польскаго журнала и проч. Гречъ явился прежде. Они были созваны, чтобы выслушать высочайшее повелѣніе о запрещеніи «Телескопа» и приказаніе беречься той же участи. Всѣ они вошли согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники.

Сегодня же я былъ у Греча. Онъ разсказывалъ мнѣ исторію своего отреченія отъ «Энциклопедическаго лексикона». Оказывается, что сначала Плюшаръ лягнулъ его копытомъ, а онъ потомъ только будто бы отплевался. Главная вина тутъ цензора Корсакова, который, въ качествѣ помощника главнаго редактора, вздумалъ, безъ согласія послѣдняго, помѣщать статьи въ лексиконъ. Это разсердило Греча. Корсаковъ пробовалъ когда-то свои силы въ литературѣ, писалъ забытыя трагедіи, издавалъ забытый же журналъ, потомъ долго жилъ въ деревнѣ, служилъ по полицейской части и, наконецъ, сдѣланъ цензоромъ противъ штата, по ходатайству попечителя. Это совершенный хамелеонъ. Его цвѣтъ — цвѣтъ послѣдняго, съ кѣмъ онъ встрѣтился, но это не столько изъ угодливости, сколько по легкомыслію.

Декабрь 8. Пишу диссертацію для полученія степени доктора. Сроку остается нѣсколько дней. Намъ, то-есть профессорамъ до Устава, дано право получить эту степень безъ экзамена, по одной диссертаціи, которую должно, однако, защищать публично. Эта травля

ученыхъ уже была въ университетѣ недѣли двѣ тому назадъ. Устряловъ, профессоръ русской исторіи, защищалъ свою диссертацію «О возможности прагматической русской исторіи въ нынѣшнее время». Странная задача: прагматическая исторія въ наше время, при нынѣшней цензурѣ и источникахъ, не очищенныхъ и не разработанныхъ критически—да развѣ это мыслимо? Немудрено, что Устряловъ защищался слабо противъ возраженій Плетнева, особенно Германа и Литвинова, бывшаго профессора въ виленскомъ университетѣ. Послѣдній вышелъ на арену, когда Устряловъ началъ доказывать, что Литва всегда составляла часть Россіи; попечитель испугался, какъ онъ самъ потомъ мнѣ говорилъ, чтобы не вышло соблазнительнаго спора, а потому онъ поспѣшилъ прекратить диспутъ.

Чижовъ защищалъ какую-то новую теорію Остроградскаго о равновѣсіи жидкихъ тѣлъ. Тутъ, разумѣется, я ничего не понялъ, но знатоки говорятъ, что Чижовъ на всѣ возраженія отвѣчалъ дѣльно и искусно. Плетневъ разгорячился за Карамзина. Когда будутъ у насъ спорить за идеи, а не за лица и выгоды?

10. Врончено читалъ у меня свой переводъ Шекспирова «Макбета». Очень пріятно провелъ вечеръ. Врончено человѣкъ умный и оригинальный. Онъ около трехъ лѣтъ прожилъ на Востокѣ, по порученію правительства: ему велѣно было составить маршрутъ для прохода нашихъ войскъ черезъ Малую Азію—разумѣется, секретно. Отъ него много любопытнаго узналъ я о Востокѣ, особенно о Турціи и нынѣшнемъ ея преобразованіи.

11. Участь Надеждина рѣшена: его сослали на житье въ Усть-сысольскъ, гдѣ долженъ онъ существовать на сорокъ копѣекъ въ день. Впрочемъ, это послѣднее смягчено. Когда ему объявили о ссылкѣ, онъ просилъ Бенкендорфа исходатайствовать ему вмѣсто того заключеніе въ крѣпость, потому что тамъ онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ не умереть съ голоду. Бенкендорфъ исходатайствовалъ ему вмѣсто того позволеніе писать и печатать сочиненія подъ своимъ именемъ.

Говорятъ, Надеждинъ сначала упалъ духомъ, но потомъ оправился и теперь довольно спокоенъ. Онъ съ благодарностью отзывается о Бенкендорфѣ и особенно о Дуббельтѣ. Болдырева приказано отрѣшить отъ всѣхъ должностей, то есть ректора, профессора и цензора. Говорятъ, что нашъ министръ велъ себя очень сурово въ отношеніи Надеждина.

23. Печеринъ отправился въ отпускъ за границу въ іюлѣ на два мѣсяца и до сихъ поръ не возвращается. Судя по идеямъ, которыя онъ еще здѣсь обнаруживалъ, онъ, должно быть, задумалъ

совсѣмъ оставить Россію. Это все больше и больше подтверждается. Надняхъ получилъ отъ него письмо Чижовъ: онъ заклинаетъ его прислать ему рублей пятьсотъ, а въ крайнемъ случаѣ хоть двѣсти. Но ни слова не говоритъ о своихъ намѣреніяхъ. Мы составили по этому случаю совѣтъ, то есть Чижовъ, Гебгардтъ, Полѣновъ и я, и рѣшили послать ему съ брата по 100 рублей—всего 400, для возвращенія въ Россію. Онъ теперь въ Лугано, небольшомъ городкѣ на границахъ Швейцаріи и Италіи.

26. Праздники, но я очень занятъ своей докторской диссертаціей. Она должна быть напечатана къ 29-му числу, 30-го уже разослана кому слѣдуетъ, а 31-го надо уже защищать ее. Совѣтъ, впрочемъ, уже утвердилъ меня въ званіи доктора философіи. Диссертація печатается у Смирдина. Спасибо ему: онъ велѣлъ, елико возможно, спѣшить.

30. Чтеніе и защита моей диссертаціи отложены княземъ (Дондуковымъ) и министромъ (Уваровымъ). Они считаютъ докторство мое дѣломъ рѣшеннымъ, съ тѣхъ поръ какъ совѣтъ университета меня утвердилъ въ немъ.

Былъ у министра. Онъ много говорилъ о Печеринѣ, поступкомъ котораго очень огорченъ, такъ какъ это дѣйствительно ставитъ его въ затруднительное положеніе. Какъ сказать объ этомъ государю? Кара можетъ сначала пасть на самого министра, потомъ на все ученое сословіе, а, наконецъ, и на систему отправленія молодыхъ людей заграницу. Вѣдь у насъ довольно одного частнаго случая, чтобы заподозрить цѣлую систему, и министръ боится, чтобы такъ не было и на этотъ разъ.

Новый законъ: всѣ молодые люди, окончившіе курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (лицеяхъ и университетахъ), непремѣнно должны прослужить три года въ какомъ нибудь губернскомъ присутственномъ мѣстѣ: поступать прямо въ министерство всѣмъ воспрещается. Объ этомъ много толковъ. Всеобщій ропотъ.

31. Ѣду встрѣчать Новый годъ къ Шенину, гдѣ будутъ Ростовцевъ и Шульгинъ.

Гебгардтъ на этотъ разъ мнѣ измѣнилъ. Онъ начинаетъ серьезно безпокоить меня. Онъ ведетъ мелкую, разсѣянную жизнь. Ничѣмъ не занимается, бѣгаетъ по вечеринкамъ и баламъ, гдѣ блещетъ эпиграммами и ловкостью. Жаль. Этотъ человѣкъ могъ бы усвоить себѣ другаго рода жизнь. Но почему же—могъ бы? Значитъ не могъ бы, когда не дѣлаетъ. У кого есть силы, тотъ не можетъ оставить ихъ безъ употребленія.

Прощай 1836 годъ!

1837 г.

Январь 2. Вчера встрѣтилъ Новый годъ у Шенина. Были: Ростовцевъ, Шульгинъ, Плетневъ и нѣсколько корпусныхъ офицеровъ и учителей. Было шумно.

Шенинъ умный человѣкъ. У него крѣпкая воля. Образъ мыслей его, впрочемъ, мнѣ мало извѣстенъ. Несомнѣнно, однако, то, что онъ любитъ образованіе: это доказываетъ все, что онъ говоритъ и дѣлаетъ.

Ростовцевъ сдѣлалъ много для корпуснаго воспитанія. Шенинъ ему въ этомъ содѣйствовалъ. Ростовцева можно такъ характеризовать: онъ уменъ и хитеръ для добра. Во всякомъ случаѣ онъ отрадное явленіе у насъ въ настоящее время. Онъ преобразилъ N. N. Онъ вдохнулъ въ него благородное стремленіе отличиться подвигами на поприщѣ просвѣщенія. Онъ имѣетъ на него большое вліяніе и пользуется этимъ, какъ человѣкъ честный и человѣкъ государственный. Онъ еще многое можетъ сдѣлать впереди, если только его не столкнутъ съ пути. Впрочемъ, за него общественное мнѣніе: онъ умѣетъ привлекать къ себѣ людей. Я его глубоко уважаю.

Шульгинъ, нашъ профессоръ исторіи и ректоръ, имѣетъ общій умъ. Говоритъ точно и пріятно, хотя безъ особенной силы. Но ректорство не удалось ему: онъ почти въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ попечителемъ и съ товарищами, изъ которыхъ многіе, къ тому же, старше его и по лѣтамъ, и по службѣ. Подчиненные, въ свою очередь, не любятъ его за то, что онъ не особенно съ ними ласковъ; но у него рѣдкая, похвальная черта, особенно для ректора университета: онъ не способенъ къ лести и искательству передъ сильными.

5. Вчера я поднесъ мою диссертацію князю Александру Николаевичу Голицыну, а сегодня получилъ отъ него премилое письмо. Признательность моя къ нему неизмѣнна: я обязанъ ему всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ.

20. Клейнмихель далъ мнѣ крестъ Анны 3-й степени за Аудиторское училище. Онъ былъ у насъ на экзаменѣ и свирѣпствовалъ, какъ ураганъ. Это ужасъ и бичъ для подчиненныхъ. Генералы, и тѣ трепещутъ передъ нимъ, какъ овцы передъ волкомъ. Я, впрочемъ, не могу пожаловаться: со мной онъ былъ вѣжливъ.

Надняхъ онъ приглашалъ меня къ себѣ обѣдать: совсѣмъ другой человѣкъ. Любезенъ, учтивъ, гостепріименъ — просто радушный хозяинъ. Жена его верхъ привѣтливости. Кажется, на сценѣ своей

службы онъ по системѣ облекается въ бурю, убѣжденный, что если хочешь повелѣвать, то долженъ быть звѣремъ.

21. Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ былъ Пушкинъ: онъ все еще на меня дуется. Онъ сдѣлался большимъ аристократомъ. Какъ обидно, что онъ такъ мало цѣнитъ себя, какъ человѣка и поэта, и стучится въ одинъ замкнутый кружокъ общества, тогда какъ могъ бы безраздѣльно царить надъ всѣмъ обществомъ. Онъ хочетъ прежде всего быть бариномъ, но вѣдь у насъ баринъ тотъ, у кого больше дохода. Къ нему такъ не идетъ этотъ жеманный тонъ, эта утонченная спѣсь въ обращеніи, которую завтра же можетъ безвозвратно сбить — опала. А вѣдь онъ умный человѣкъ, помимо своего таланта. Онъ, напримѣръ, сегодня говорилъ много дѣльнаго и, между прочимъ, тонкаго о русскомъ языкѣ. Онъ сознавался также, что исторію Петра пока нельзя писать, то-есть ее не позволятъ печатать. Видно, что онъ много читалъ о Петрѣ.

25. Лекціи мои въ университетѣ идутъ успѣшно. Мнѣ иногда удается увлекать моихъ слушателей. Я ратую противъ всякихъ полумыслей и полувыраженій въ литературѣ, противъ мишурнаго блеска и неестественности. Много мѣшаетъ мнѣ, конечно, незнаніе иностранныхъ языковъ: мнѣ отъ этого недостаетъ матеріала для сравненій и фактовъ для общихъ историческихъ выводовъ. Стараюсь пополнить этотъ пробѣлъ чтеніемъ всего, что переведено и переводится на русскій языкъ. А пока главная моя цѣль: согрѣвать сердца слушателей любовью къ чистой красотѣ и истинѣ и пробуждать въ нихъ стремленіе къ мужественному, бодрому и благородному употребленію нравственныхъ силъ. Если мнѣ это удастся хоть въ слабой мѣрѣ, сочту, что я не даромъ трудился.

28. Важное и высшей степени печальное происшествіе для нашей литературы: Пушкинъ умеръ сегодня отъ раны, полученной на дуэли.

Вчера вечеромъ я былъ у Плетнева: отъ него отъ перваго услышалъ объ этой трагедіи. Въ Пушкина выстрѣлилъ сперва противникъ его, Дантесъ, кавалергардскій офицеръ: пуля попала ему въ животъ. Пушкинъ, однако, успѣлъ отвѣчать ему выстрѣломъ, который раздробилъ тому руку. Сегодня Пушкина уже нѣтъ на свѣтѣ.

Подробностей всего я еще хорошо не слыхалъ. Одно несомнѣнно: мы понесли горестную, невознаградимую потерю. Послѣднія произведенія Пушкина признавались нѣкоторыми слабѣе прежнихъ, но это могло быть въ немъ эпохою переворота, слѣдствіемъ внутренней революціи, послѣ которой для него могъ настать періодъ новаго величія.

Бѣдный Пушкинъ! Вотъ чѣмъ заплатилъ онъ за право граждан-

ства въ этихъ аристократическихъ салонахъ, гдѣ расточалъ свое время и дарованіе! Тебѣ слѣдовало идти путемъ человѣчества, а не касты: сдѣлавшись членомъ послѣдней, ты уже не могъ не повиноваться законамъ ея. А ты былъ призванъ къ высшему служенію.

30. Какой шумъ, какая неурядица во мнѣніяхъ о Пушкинѣ! Это уже не одна черная заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца, но тысячи заплатъ красныхъ, бѣлыхъ, черныхъ, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вотъ, однако, свѣдѣнія о его смерти, почерпнутыя изъ самаго чистаго источника.

Дантесъ пустой человѣкъ, но ловкій, любезный французъ, блиставшій въ нашихъ салонахъ звѣздой первой величины. Онъ ѣздилъ въ домъ къ Пушкину. Извѣстно, что жена поэта красавица. Дантесъ, по праву француза и жителя салоновъ, фамильярно обращался съ нею, а она не имѣла довольно такта, чтобы провести между нимъ и собою черту, за которую мужчина не долженъ никогда переходить въ сношеніяхъ съ женщиною, ему не принадлежащею. А въ обществѣ всегда бываютъ люди, питающіеся репутаціями ближнихъ: они обрадовались случаю и пустили молву о связи Дантеса съ женою Пушкина. Это дошло до послѣдняго и, конечно, взволновало и безъ того тревожную душу поэта. Онъ запретилъ Дантесу ѣздить къ себѣ. Этотъ оскорбился и отвѣчалъ, что онъ ѣздитъ не для жены, а для свояченицы Пушкина, въ которую влюбленъ. Тогда Пушкинъ потребовалъ, чтобы онъ женился на молодой дѣвушкѣ и сватовство состоялось.

Между тѣмъ поэтъ нѣсколько дней подъ рядъ получалъ письма отъ неизвѣстныхъ лицъ, въ которыхъ его поздравляли съ рогами. Въ одномъ письмѣ даже прислали ему патентъ на званіе члена въ обществѣ мужей-рогоносцевъ, за мнимою подписью президента Нарышкина. Сверхъ того, баронъ Гекернъ, усыновившій Дантеса, былъ очень недоволенъ его бракомъ на свояченицѣ Пушкина, которая, говорятъ, старше своего жениха и безъ состоянія. Гекерну приписываютъ даже слѣдующія слова: «Пушкинъ думаетъ, что онъ этой свадьбой разлучилъ Дантеса съ своей женою. Напротивъ, онъ только сблизилъ ихъ, благодаря новому родству».

Пушкинъ взбѣсился и написалъ Гекерну письмо, полное оскорбленій. Онъ требовалъ, чтобы тотъ, по праву отца, унялъ молодаго человѣка. Письмо, разумѣется, было прочитано Дантесомъ—онъ потребовалъ удовлетворенія и дѣло окончилось за городомъ, на разстояніи десяти шаговъ. Дантесъ стрѣлялъ первый. Пушкинъ упалъ. Дантесъ къ нему подбѣжалъ, но поэтъ, собравъ силы, велѣлъ противнику вернуться къ барьеру, прицѣлился въ сердце, но попалъ въ руку,

которую тотъ, по неловкому движенію или изъ предосторожности, положилъ на грудь.

Пушкинъ раненъ въ животъ: пуля задѣла желудокъ. Когда его привезли домой, онъ позвалъ жену, дѣтей, благословилъ ихъ и поручилъ Арндту просить государя, не оставить ихъ и простить Данзаса, своего секунданта.

Государь написалъ ему собственноручное письмо, обѣщался призрѣть его семью, а для Данзаса сдѣлать все, что будетъ возможно. Кромѣ того, просилъ его передъ смертью исполнить все, что предписываетъ долгъ христіанина. Пушкинъ потребовалъ священника. Онъ умеръ 29-го, въ пятницу, въ три часа пополудни. Въ пріемной его, съ утра до вечера, толпились посѣтители, приходившіе узнать о его состояніи. Принуждены были выставлять бюллетени.

31. Сегодня былъ у министра. Онъ очень занятъ укрощеніемъ громкихъ воплей по случаю смерти Пушкина. Онъ, между прочимъ, недоволенъ пышною похвалою, напечатанною въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду».

Итакъ, Уваровъ и мертвому Пушкину не можетъ простить «Выздоровленія Лукулла».

Сію минуту получилъ я предписаніе предсѣдателя цензурнаго комитета не позволять ничего печатать о Пушкинѣ, не представивъ сначала статьи ему или министру.

Завтра похороны. Я получилъ билетъ.

Февраль 1. Похороны Пушкина. Это были дѣйствительно народные похороны. Все, что сколько нибудь читаетъ и мыслитъ въ Петербургѣ—все стеклось къ церкви, гдѣ отпѣвали поэта. Это происходило въ Конюшенной. Площадь была усѣяна экипажами и публикою, но среди послѣдней—ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатическій корпусъ присутствовалъ. Впускали въ церковь только тѣхъ, которые были въ мундирахъ или съ билетомъ. На всѣхъ лицахъ лежала печаль—по крайней мѣрѣ наружная. Возлѣ меня стояли: баронъ Розенъ, Карлгофъ, Кукольникъ и Плетневъ. Я прощался съ Пушкинымъ: «И былъ страненъ тихій миръ его чела». Впрочемъ, лицо уже значительно измѣнилось: его успѣло коснуться разрушеніе. Мы вышли изъ церкви съ Кукольникомъ.

— Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что мы все-таки подвинулись впередъ, сказалъ онъ, указывая на толпу, пришедшую поклониться праху одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ.

Ободовскій (Платонъ) упалъ ко мнѣ на грудь, рыдая какъ дитя.

Тутъ же, по обыкновенію, были и нелѣпѣйшія распоряженія. Народъ обманули: сказали, что Пушкина будутъ отпѣвать въ Исакіевскомъ соборѣ—такъ было означено и на билетахъ, а между тѣмъ тѣло было изъ квартиры вынесено ночью, тайкомъ, и поставлено въ Конюшенной церкви. Въ университетѣ получено строгое предписаніе, чтобы профессора не отлучались отъ своихъ каѳедръ и студенты присутствовали бы на лекціяхъ. Я не удержался и выразилъ попечителю свое прискорбіе по этому поводу. Русскіе не могутъ оплакивать своего согражданина, сдѣлавшаго имъ честь своимъ существованіемъ! Иностранцы приходили поклониться поэту въ гробу, а профессорамъ университета и русскому юношеству это воспрещено. Они, тайкомъ, какъ воры, должны были прокрадываться къ нему.

Попечитель мнѣ сказалъ, что студентамъ лучше не быть на похоронахъ; они могли бы собраться въ корпораціи, нести гробъ Пушкина—могли бы «пересолить», какъ онъ выразился.

Гречъ получилъ строгій выговоръ отъ Бенкендорфа, за слова, напечатанныя въ «Сѣверной Пчелѣ»: — «Россія обязана благодарностью Пушкину за 22-хъ-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности» (№ 24).

Краевскій, редакторъ Литературныхъ Прибавленій къ «Русскому Инвалиду», тоже имѣлъ непріятности за нѣсколько строкъ, напечатанныхъ въ похвалу поэту.

Я получилъ приказаніе вымарать совсѣмъ нѣсколько такихъ же строкъ, назначавшихся для «Библіотеки для Чтенія».

И все это дѣлалось среди всеобщаго участія къ умершему, среди всеобщаго глубокаго сожалѣнія. Боялись—но чего?

Церемонія кончилась въ половинѣ перваго. Я поѣхалъ на лекцію. Но вмѣсто очередной лекціи я читалъ студентамъ о заслугахъ Пушкина. Будь что будетъ!

12. До меня дошли изъ вѣрныхъ источниковъ свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ Пушкина. Онъ умеръ честно, какъ человѣкъ. Какъ только пуля впилась ему во внутренности, онъ понялъ, что это поцѣлуй смерти. Онъ не стоналъ, а когда докторъ Даль ему это посовѣтовалъ, отвѣчалъ:

— Ужели нельзя превозмочь этого вздора? Къ тому же мои стоны встревожили бы жену.

Безпрестанно спрашивалъ онъ у Даля: «Скоро ли смерть?» И очень спокойно, безъ всякаго жеманства, опровергалъ его, когда тотъ предлагалъ ему обычныя утѣшенія. За нѣсколько минутъ до смерти, онъ попросилъ приподнять себя и перевернуть на другой бокъ.

— Жизнь кончена, сказалъ онъ.

— Что такое? спросилъ Даль, не разслышавъ.

— Жизнь кончена, повторилъ Пушкинъ,—мнѣ тяжело дышать.

За этими словами ему стало легко, ибо онъ пересталъ дышать. Жизнь окончилась; погасъ огонь на алтарѣ. Пушкинъ хорошо умеръ.

Дня черезъ три послѣ отпѣванія Пушкина, увезли тайкомъ трупъ его въ деревню. Жена моя возвращалась изъ Могилева и на одной станціи, неподалеку отъ Петербурга, увидѣла простую телѣгу, на телѣгѣ солому, подъ соломой гробъ, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовомъ дворѣ, хлопотали о томъ, чтобы скорѣе перепрячь курьерскихъ лошадей и скакать дальше съ гробомъ.

— Что это такое? спросила моя жена у одного изъ находившихся здѣсь крестьянъ.

— А Богъ его знаетъ что! Вишь, какой-то Пушкинъ убитъ — и его мчатъ на почтовыхъ въ рогожѣ и соломѣ, прости Господи — какъ собаку.

Мѣра запрещенія относительно того, чтобы о Пушкинѣ ничего не писать, продолжается. Это очень волнуетъ умы.

14. Вчера защищалъ публично въ университетѣ мою диссертацію на степень доктора философіи: «О творческой силѣ въ поэзіи или о поэтическомъ геніи» и сошелъ съ поля битвы побѣдителемъ. Оппонентами моими были: профессоръ философіи Фишеръ и профессоръ русской словесности Плетневъ. Началось дѣло въ половинѣ перваго часа, а кончилось въ половинѣ третьяго. Собраніе было столь многочисленное, что произошла даже давка. Ректоръ предварительно прочелъ мою біографію. Я крѣпко держался въ моихъ окопахъ и не терялъ присутствія духа. Публика выразила свое полное удовольствіе. Но вотъ что было мнѣ особенно пріятно. Послѣ диспута, главные члены университета подошли къ присутствовавшему здѣсь Константину Матвѣичу Бороздину, прежнему попечителю, и благодарили его отъ имени университета за то, что «онъ воспиталъ и приготовилъ меня». Мой добрый покровитель и другъ былъ тронутъ до слезъ.

Вечеромъ собралось ко мнѣ человѣкъ до тридцати. Былъ ужинъ и, какъ водится, пили тосты въ честь новаго доктора.

22. Былъ у В. А. Жуковскаго. Онъ показывалъ мнѣ «Бориса Годунова» Пушкина, въ рукописи, съ цензурою государя. Многое имъ вычеркнуто. Вотъ почему печатный «Годуновъ» кажется не полнымъ, почему въ немъ столько пробѣловъ, заставляющихъ иныхъ критиковъ говорить, что пьеса эта только собраніе отрывковъ.

Видѣлъ я также резолюцію государя на счетъ новаго изданія сочиненій Пушкина. Тамъ сказано:

— Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы все найденное мною неприлич-

нымъ въ изданныхъ уже сочиненіяхъ было исключено, а чтобы ненапечатанныя еще сочиненія были строго разсмотрѣны.

30 (марта). Сегодня держалъ крѣпкій бой съ предсѣдателемъ цензурнаго комитета, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, за сочиненія Пушкина, цензоромъ которыхъ я назначенъ. Государь велѣлъ, чтобы ни были изданы подъ наблюденіемъ министра. Послѣдній растолковалъ это такъ, что и всѣ доселѣ уже напечатанныя сочиненія поэта надо опять строго разсматривать. Изъ этого слѣдуетъ, что не должно жалѣть нашихъ красныхъ чернилъ.

Вся Россія знаетъ наизусть сочиненія Пушкина, которыя выдержали нѣсколько изданій и всѣ напечатаны съ высочайшаго соизволенія. Не значитъ ли это обратить особенное вниманіе публики на тѣ мѣста, которыя будутъ выпущены: она вознегодуетъ и тѣмъ усерднѣе станетъ твердить ихъ наизусть.

Я въ комитетѣ говорилъ цѣлую рѣчь противъ этой мѣры и сильно оспаривалъ князя, который все ссылался на высочайшее повелѣніе, истолкованное министромъ. Само собой разумѣется, что оффиціальная побѣда не за мной осталась. Но я, какъ честный человѣкъ, долженъ былъ подать мой голосъ въ защиту здраваго смысла.

Изъ товарищей моихъ только Куторга, время отъ времени, поддерживалъ меня двумя, тремя фразами. Мнѣ въ помощь для цензированія Пушкина дали Крылова, одно имя котораго страшно для литературы: онъ ничего не знаетъ, кромѣ запрещенія. Забавно было, когда Куторга сослался на общественное мнѣніе, которое, конечно, осудитъ всякое искаженіе Пушкина, князь возразилъ, что правительство не должно смотрѣть на общественное мнѣніе, но идти твердо къ своей цѣли.

— Да, замѣтилъ я,—если эта цѣль стоитъ пожертвованія общественнымъ мнѣніемъ. Но что выиграетъ правительство, искажая въ Пушкинѣ то, что наизусть знаетъ вся Россія? Да и вообще, не худо бы иногда уважать общественное мнѣніе—хоть изрѣдка. Россія существуетъ не для одного дня и, возбуждая въ умахъ негодованіе безъ всякой надобности, мы готовимъ для нея неутѣшительную будущность.

Послѣ того мы разстались съ княземъ (Дондуковымъ), впрочемъ, довольно хорошо. Пожимая мнѣ руку, онъ сказалъ:

— Я понимаю васъ. Вы, какъ литераторъ, какъ профессоръ, конечно, имѣете поводы желать, чтобы изъ сочиненій Пушкина ничто не было исключено.

Вотъ это значитъ попасть пальцемъ прямо въ брюхо .... какъ говоритъ пословица.

31. В. А. Жуковскій мнѣ объявилъ пріятную новость: государь

велѣлъ напечатать уже изданныя сочиненія Пушкина—безъ всякихъ измѣненій. Это сдѣлано по ходатайству Жуковскаго. Какъ это взбѣситъ кое-кого. Мнѣ жаль князя (Дондукова), который добрый и хорошій человѣкъ: министръ Уваровъ употребляетъ его, какъ орудіе. Ему должно быть теперь очень непріятно.

Апрѣль 3. Печеринъ написалъ письмо Чижову. Онъ сообщаетъ, что рѣшился навсегда оставить Россію, что онъ не созданъ для того, чтобы учить греческому языку; что онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе идти за своей звѣздой—а звѣзда эта ведетъ его въ Парижъ.

12. Новый цензурный законъ. Каждая журнальная статья отнынѣ будетъ разсматриваться двумя цензорами: тотъ и другой могутъ исключать, что имъ вздумается. Сверхъ того, установленъ еще новый цензоръ, родъ контролера, обязанность котораго будетъ перечитывать все, что пропущено другими цензорами и повѣрять ихъ. Вчера призывалъ меня предсѣдатель для учтиваго предложенія, чтобы я самъ выбралъ себѣ товарища. Я сказалъ, что мнѣ все равно, и получилъ Гаевскаго для «Библіотеки для Чтенія».

Спрашивается: можно ли что-либо писать и издавать въ Россіи? Поневолѣ иногда опускаются руки, при всей готовности твердо стоять на своемъ посту охранителемъ русской мысли и русскаго слова. Но ни удивляться, ни сѣтовать не должно.

13. Не выдержалъ: отказался отъ цензурной должности. Въ сегодняшнемъ засѣданіи читали бумагу о новомъ законѣ. Цензоръ становится лицомъ жалкимъ, безъ всякаго значенія, но подъ огромною отвѣтственностію и подъ непрестаннымъ шпіонствомъ одного высшаго цензора, которому велѣно быть при попечителѣ.

Я сказалъ князю о моемъ намѣреніи выйти въ отставку, когда мы выходили изъ цензурнаго комитета. Разумѣется, сначала онъ удивился, потомъ посовѣтовалъ не дѣлать этого вдругъ, чтобы не навлечь на себя страшнаго нареканія въ возмущеніи.

14. Послѣ жаркаго объясненія съ княземъ, заключенъ честный миръ и пока я еще остаюсь цензоромъ. У меня съ княземъ была стычка въ цензурномъ комитетѣ по поводу новаго положенія. Онъ началъ было его защищать и не какъ предсѣдатель, а какъ человѣкъ. Я горячо возражалъ и это было поводомъ къ нашему разладу. Но дѣло получило другой оборотъ, когда онъ сегодня утромъ откровенно сознался, что самъ раздѣляетъ вполнѣ мое мнѣніе о новой мѣрѣ, но что въ комитетѣ онъ долженъ былъ говорить иначе. Онъ просилъ меня не оставлять его въ этомъ трудномъ положеніи и всегда прямо обращаться къ нему съ замѣчаніями. Мы разстались дружелюбно, заключили другъ друга въ объятія и дали взаимное обѣщаніе

дѣйствовать умѣреннѣе. Да и князю не легко! Онъ честный и благородный человѣкъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ послушенъ министру Уварову.

17. Ожидаю перваго удара колокола, чтобы отправиться къ заутрени. Я люблю праздникъ Пасхи: въ немъ много величественнаго и утѣшительнаго. А пока я сижу за письменнымъ столомъ и пишу, по порученію университетскаго совѣта, похвальное слово Петру Великому, которое должно быть готово къ 1-му мая. Срокъ не великъ. Ужъ эти заказныя сочиненія! А съ другой стороны, надо сказать правду, я лучше работаю, когда меня сожмутъ тиски необходимости. Человѣкъ слабъ и безъ тисковъ легче уступаетъ усталости.

Іюль 1. Познакомился надняхъ съ авторомъ поэмы: «Міроздание» [1]). Наружность его незначительна; цвѣтъ лица болѣзненный. Но онъ человѣкъ умный. Въ разговорѣ его что-то искреннее и простодушное. Заглянувъ поглубже въ его душу, вы смотрите на него съ уваженіемъ. Это человѣкъ много претерпѣвшій. За нѣсколько смѣлыхъ куплетовъ, прочитанныхъ имъ, или пропѣтыхъ въ кругу пріятелей—изъ нихъ два были шпіоны—онъ просидѣлъ около года въ московскомъ острогѣ и около двухъ лѣтъ въ шлюссельбургской крѣпости. Ему поставили также въ государственную измѣну собраніе нѣсколькихъ fac-simile важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, которые онъ намѣревался приложить къ біографіямъ ихъ. Въ московскомъ острогѣ онъ чуть не попалъ въ новую бѣду за перочинный ножикъ, который ему какъ-то доставилъ одинъ изъ товарищей по заключенію. У него допытывались, откуда онъ его добылъ, а онъ не хотѣлъ никого выдать. Съ нимъ очень дурно обращались, а одинъ изъ московскихъ полиціймейстеровъ грозилъ ему часто истязаніями. Въ Шлюссельбургѣ онъ отдохнулъ, потому что имѣлъ въ казематѣ кровать и столикъ; могъ пить чай, читать и писать. Наконецъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, по ходатайству братьевъ Соколовскихъ, выхлопоталъ ему свободу—и теперь его посылаютъ въ Вологду, какъ опальнаго, на службу. Онъ хорошо отзывается о Бенкендорфѣ и Дубельтѣ. Шлиссельбургскій комендантъ тоже обращался съ нимъ по человѣчески. Въ крѣпости онъ выучился еврейскому языку и сроднился съ религіознымъ образомъ мыслей, но здоровье его убито продолжительнымъ заключеніемъ, особенно московскимъ.

5. Новая потеря для нашей литературы: Александръ Бестужевъ убитъ. Да и къ чему въ Россіи литература!

Примѣчаніе. Далѣе пробѣлъ въ рукописи дневника моего отца. С. Н.

---

[1]) Владиміръ Ивановичъ Соколовскій.

Ноябрь 7. Вчера было открытіе типографіи, учрежденной Воейковымъ и К°. Къ обѣду было приглашено человѣкъ семьдесятъ. Тутъ были всѣ наши «знаменитости», начиная съ Бурнашева и до генерала Данилевскаго. И до сихъ поръ еще гремятъ въ ушахъ моихъ дикіе хоры Жуковскихъ пѣвчихъ, неистовые крики грубаго веселья; пестрѣютъ въ глазахъ несчетные огни отъ лампъ, бутылки съ шампанскимъ и лица, черезъ чуръ оживленныя виномъ. Я предложилъ сосѣдямъ тостъ въ память Гуттенберга. «Не надо, не надо», заревѣли они, «а въ память Ивана Ѳедорова».

На обѣдѣ присутствовалъ квартальный, но не въ качествѣ гостя, а въ качествѣ блюстителя порядка. Онъ ходилъ вокругъ стола и все замѣчалъ. Кукольникъ былъ не въ своемъ видѣ и непомѣрно дурачился; баронъ Розенъ каждому доказывалъ, что его драма Іоаннъ III лучшая изо всѣхъ его произведеній. Полевой и Воейковъ сидѣли смирно. «Бесѣда сбивается на оргію», замѣтилъ я первому.

— «Что же», не совсѣмъ твердо отвѣчалъ онъ, «ничего, прекрасно, восхитительно».

Я не возражалъ. Изо всѣхъ лицъ, здѣсь собранныхъ, я съ удовольствіемъ встрѣтился съ Каратыгинымъ, котораго давно не видалъ. Онъ не былъ пьянъ и очень умно говорилъ о своемъ искусствѣ.

Въ заключеніе у меня пропали калоши и мнѣ обмѣнили шубу.

Не мало упрековъ наслушался я сегодня по слѣдующему поводу. Въ послѣднемъ номерѣ «Библіотеки для Чтенія» упоминается о біографіи Фонъ-Визина, которую когда-то обѣщалъ «нѣкто князь Вяземскій» и т. д. Послѣдній жаловался министру и мнѣ съ Корсаковымъ было сдѣлано замѣчаніе отъ начальства.

— «Какъ вы пропустили статью о князѣ Вяземскомъ», слышалъ я сегодня чуть не отъ всѣхъ литераторовъ, по очереди,—«вѣдь онъ князь, вице-директоръ и камергеръ».

Декабрь 15. Къ намъ на актъ ожидаютъ государя. По этому случаю министръ намѣревается отмѣнить профессорскія рѣчи. Должны были читать: Шульгинъ «Краткую исторію университета» — и я «Похвальное слово Петру Великому». Вмѣсто того, онъ самъ будетъ говорить какую-то рѣчь—по крайней мѣрѣ собирается.

18. Ночью произошелъ пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ: онъ горѣлъ цѣлую ночь и теперь еще горитъ. Я сейчасъ (въ два часа пополудни) проходилъ по площади. Теперь горитъ на половинѣ государя, его кабинетъ и проч. На Невскомъ проспектѣ, особенно ближе къ площади, ужасная суматоха. Народъ сплошною массою валитъ

поглазѣть на рѣдкій спектакль. Изъ дворца безпрестанно вывозятъ вещи. Я встрѣтилъ государя; онъ ѣхалъ въ саняхъ и очень привѣтливо кланялся; блѣденъ, но спокоенъ. Мнѣ показалось, что физіономія его была менѣе сурова, чѣмъ обыкновенно.

А. В. Никитенко.

Сообщ. **С. А. Никитенко**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМІРА ТЕРЛЕЦКАГО,

бывшаго греко-уніатскаго миссіонера,

1808—1858.

XII [1]).

Товянскій и его секта.—Игуменья Макрина.

Въ срединѣ 1840-хъ годовъ появился въ Парижѣ пріѣхавшій изъ Литвы Товянскій. Онъ былъ мистикъ, имѣлъ много послѣдователей высказываемыхъ имъ религіозныхъ взглядовъ и, такимъ образомъ, сталъ во главѣ основанной имъ секты, отъ него же получившей свое названіе. Про этого Товянскаго разсказывали, что онъ еще на своей родинѣ былъ преданъ мистицизму, занимался магнитизмомъ, иногда ночи проводилъ на кладбищахъ и т. д. По пріѣздѣ въ Парижъ, онъ прежде всего явился къ польскому поэту Адаму Мицкевичу, котораго тогда постигло большое несчастіе: жена его помѣшалась. Товянскій пожелалъ ее видѣть, и вмѣстѣ съ Мицкевичемъ отправился въ домъ для душевно-больныхъ, гдѣ она была помѣщена. Съ полчаса поговорилъ съ ней наединѣ Товянскій и она совершенно выздоровѣла. Вслѣдствіе этого, Мицкевичъ сдѣлался горячимъ поклонникомъ Товянскаго, сталъ его ревностнымъ ученикомъ и привлекъ къ основанной имъ религіозной сектѣ многихъ польскихъ выходцевъ, между прочимъ поэтовъ Горецкаго, который, впрочемъ, вскорѣ отсталъ, Гощинскаго, полковника Рожицкаго и много другихъ. Сектанты принимали все ученіе христіанское, не отвергали таинствъ, исповѣдывались и причащались, но полагали главную суть религіи въ восторженномъ настроеніи человѣческаго духа, въ силѣ внутренняго воодушевленія, и потому они раздѣлялись на духовъ высшихъ и низшихъ. Всѣ же

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томъ LXIII, іюль, стр. 1—26.

догматическія различія христіанскихъ вѣроисповѣданій они считали маловажными, хотя выше другихъ ставили католичество; жидовъ они признавали высшими духами и принимали ученіе о переселеніи душъ. Къ сектѣ примкнулъ, между прочимъ, упомянутый выше священникъ о. Дунскій, оставившій орденъ Змартвыхвстанцевъ, очень хорошій, впрочемъ, человѣкъ, и нѣсколько французовъ. Нѣкоторое время эта секта крѣпко держалась и имѣла свою долю вліянія не только на нравственный складъ польской эмиграціи, но и на литературное направленіе; но послѣ изгнанія изъ Парижа Товянскаго и его переселенія въ Швейцарію рвеніе сектантовъ стало холодѣть, а затѣмъ и совсѣмъ остыло, когда Мицкевичъ отступился отъ этого ученія. Наконецъ, перестали и говорить о сектѣ. Разрывъ Мицкевича съ Товянскимъ произошелъ по слѣдующему случаю. Впрочемъ, за вѣрность разсказа не ручаюсь; самъ Мицкевичъ мнѣ объ этомъ не разсказывалъ; я только relata refero: 1847 или 1848 года Мицкевичъ отправился въ Швейцарію къ Товянскому, который не только предсказалъ ему близкую его смерть, но и назначилъ день и даже часъ. Мицкевичъ сталъ готовиться къ смерти, исповѣдывался и причастился; въ опредѣленный день и часъ облекся въ одежду, въ которой желалъ быть похороненнымъ, и легъ въ кровать, дожидаясь смертнаго часа. Назначенный часъ ударилъ, а, между тѣмъ, смерть не приходитъ; проходитъ четверть и другая, и, наконецъ, цѣлый часъ, а смерти нѣтъ, какъ нѣтъ..... Раздосадованный Мицкевичъ всталъ и, обличивъ Товянскаго во лжи, оставилъ его и отправился въ Римъ.

Въ 1845 или 1846 году появилась въ Парижѣ монахиня Макрина Мечиславская, выдававшая себя за игуменью уніатскаго минскаго женскаго монастыря. Она разсказывала о неимовѣрныхъ будто-бы гоненіяхъ уніатовъ и о насильственномъ ихъ обращеніи въ православіе; въ частности же она передавала о мученіяхъ, которымъ будто бы подвергались монахини ея обители. Мало образованная, не знавшая никакого другаго языка, кромѣ польскаго, не умѣвшая даже читать церковныхъ книгъ, напечатанныхъ кириллицей, что кажется неимовѣрнымъ въ уніатской игуменьѣ, своимъ простодушіемъ и врожденной ей ловкостью въ обращеніи съ людьми она съумѣла весьма многихъ сбить съ толку такъ, что даже самое невѣроятное въ ея разсказахъ принималось большинствомъ за неоспоримую истину. Была ли она избрана и подготовлена къ тому, чтобы разыграть впослѣдствіи роль мученицы, и кто ее предназначилъ для этой роли, быть можетъ, раскроетъ болѣе или менѣе отдаленное будущее; но во всякомъ случаѣ, она сдѣлалась въ рукахъ поляковъ сильнымъ и весьма дѣйствительнымъ средствомъ къ возбужденію противъ Россіи враждебныхъ чувствъ на западѣ и распространенію въ обществѣ превратныхъ сужденій о мѣропріятіяхъ русскаго правительства противъ польско-католической агитаціи. Неисчерпаемой темой ея разсказовъ послужили испытанныя ею будто бы гоненія. Она разсказывала, напримѣръ, какъ ее и

другихъ монахинь истязали и били, завязали въ мѣшокъ и, завезши на средину озера, погрузили съ головой въ воду, требуя отреченія отъ уніи; сверхъ того, она передавала о многихъ другихъ нелѣпостяхъ въ этомъ родѣ. Избраннымъ же лицамъ, и то подъ секретомъ, она сообщала о доставшихся на ея долю откровеніяхъ и даже о томъ, что она сподобилась видѣть Іисуса Христа во время гоненій. Чудеснымъ образомъ она, будто бы, бѣжала изъ темницы съ двумя монахинями въ Познанскую провинцію, а оттуда разными путями въ Парижъ. Куда же дѣвались спутницы Макрины? Этимъ вопросомъ заинтересовались даже въ Римѣ. Папа повелѣлъ вѣнскому нунцію произвести самые тщательные розыски, но ихъ нельзя было нигдѣ розыскать; вѣроятнѣе всего, ихъ и не было! Макриною, какъ въ высшей степени подходящимъ религіозно-агитаціоннымъ средствомъ, поспѣшилъ воспользоваться одинъ изъ змартвыхвстанцевъ,—ксендзъ Яловицкій, стоявшій ближе всѣхъ къ партіи Чарторыйскаго. Онъ навязался ей въ духовники, и послѣ провожалъ ее въ Римъ для представленія вновь избранному папѣ Пію IX. По пути въ большихъ городахъ, какъ въ Ліонѣ, Авиньонѣ, Марсельи и др., онъ задерживался и въ костелахъ держалъ проповѣди. Въ яркихъ краскахъ онъ разсказывалъ о претерпѣваемыхъ католиками въ Россіи гоненіяхъ и указывалъ на святость присутствующей мученицы, не понимавшей, впрочемъ, ни слова изъ расточаемыхъ ей похвалъ. Толпы слушателей наполняли церкви. Посыпались обильныя подаянія въ пользу несчастной страдалицы. Газеты подхватили благодарную для публицистики тему, подняли страшный гвалтъ и трезвонили по всей Франціи и чуть ли не по всему свѣту о варварствѣ Россіи и о свирѣпыхъ гоненіяхъ современныхъ Нероновъ и Діоклетіановъ.

Слухъ о Макринѣ и Яловицкомъ опередилъ ихъ въ Римѣ. Непогрѣшимый папа принялъ подъ свое покровительство страдалицу и помѣстилъ ее въ римскомъ французскомъ монастырѣ Sacre Coeur на холмѣ св. Троицы (monte trinita). Яловицкій остался въ Римѣ и сдѣлался постояннымъ духовникомъ Макрины. Вдругъ пошли слухи о чудесахъ и слава о нихъ распространилась широко, въ особенности между поляками. Люди стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы ея молитвами получить облегченіе въ своихъ недугахъ или испросить какихъ нибудь вещественныхъ благъ. Тогда папа назначилъ трехъ священниковъ: Яловицкаго, іезуита Рыло и одного священника изъ славянъ, воспитанника конгрегаціи de propaganda fide. Они допросили Макрину, записали ея показанія о чудовищныхъ гоненіяхъ и отпечатали на разныхъ европейскихъ языкахъ. Папское правительство позаботилось о распространеніи тысячей экземпляровъ этой брошюры. Въ отвѣтъ на это появлялись въ нѣкоторыхъ газетахъ опроверженія со стороны русскаго правительства; выяснилось впослѣдствіи, что въ Минскѣ не существовало даже уніатскаго женскаго монастыря. Однако, западный міръ желалъ быть обманутымъ, и обманъ довольно прозрачный и бьющій даже въ глаза, восторжествовалъ. Mundus

vult decipi, ergo decipiatur! Такимъ образомъ, нелѣпая басня нашла вѣру въ западной Европѣ, столь легко вооружающейся противъ православной Россіи.

Авторитетъ Макрины былъ уже внѣ всякаго сомнѣнія. Между прочимъ, и Мицкевичъ увлекся ею настолько, что когда въ 1848 г. онъ рѣшился примириться съ церковью, то просилъ Макрину избрать ему духовника. Она указала на Яловицкаго. Хотя Мицкевичъ былъ личнымъ врагомъ Яловицкаго, вслѣдствіе нанесеннаго ему имъ публично въ какомъ-то польскомъ кружкѣ оскорбленія, но рекомендація Макрины подѣйствовала: Яловицкій сдѣлался духовникомъ Мицкевича. Наконецъ, Макрина добилась неимовѣрной чести: самъ непогрѣшимый папа удостоилъ ее своего посѣщенія!

Макрина отнеслась весьма холодно къ находившимся въ Римѣ уніатскимъ іеромонахамъ, бѣжавшимъ изъ Холмской епархіи, о. о. Домбровскому и Краевскому, да и они выказывали недовѣріе къ мнимой уніаткѣ и къ испытаннымъ ею страданіямъ. Это недовѣріе подтверждалось также и тѣмъ, что она придерживалась латинскаго обряда, присутствуя въ костелѣ на всѣхъ богослуженіяхъ и причащаясь подъ однимъ видомъ. Только предо мною она жаловалась на Яловицкаго за деспотическое съ ней обращеніе; она ставила ему въ вину то, что онъ приневоливалъ ее къ латинскому обряду, наконецъ она увѣряла меня, что съ моимъ поселеніемъ въ Римѣ она окончательно возвратится на лоно уніатской церкви. Между прочимъ, она мечтала основать въ Римѣ греко-уніатскій женскій монастырь. Послушницъ она пріискала быстро: заявило желаніе поступить въ монастырь нѣсколько дѣвушекъ изъ простаго званія, а именно горничныхъ живущихъ въ Римѣ польскихъ аристократовъ, которые всѣ были безъ ума отъ Макрины. Ея мечта была уже близка къ осуществленію, тѣмъ болѣе, что нашлось помѣщеніе въ небольшомъ женскомъ монастырѣ, куда переселилась Макрина съ своими новобранками. Однако, въ непродолжительномъ времени возникли какія-то несогласія между Макриной и Яловицкимъ. По крайней мѣрѣ, я, во время моего путешествія на востокъ, получилъ въ Адріанополѣ письмо отъ Макрины, умоляющее меня возвратиться непремѣнно въ Римъ, чтобы ее вырвать изъ желѣзныхъ когтей Яловицкаго. Тогда мнѣ не до того было, да и слава Богу, потому что вскорѣ я получилъ другое ея письмо съ извѣщеніемъ, что ея колебанія прекратились; она окончательно перешла въ католичество.

Лишь только Яловицкій пересталъ руководить дѣйствіями Макрины, то прекратились и всѣ толки о чудесахъ Макрины. Вскорѣ она оказалась даже неспособной управлять общиной. Оказалось необходимымъ назначить для завѣдыванія небольшой общиной какую-то латинскую монахиню, оставивъ Макрину только номинальной настоятельницей, такъ сказать, вывѣской, необходимой для отведенія глазъ. Какъ-то въ 1850-хъ уже годахъ, пріѣхавши изъ Парижа, я навѣстилъ еще разъ Макрину. Затѣмъ я ее потерялъ изъ вида, и дальнѣйшая судьба всей латино-польской комедіи съ ней мнѣ не извѣстна.

XIII.

Новыя вѣянія въ западной церкви съ вступленіемъ на папскій престолъ Пія IX.—Проектъ возсоединенія церквей.—Аудіенція у папы.

Въ 1846 году занялъ папскій престолъ Пій IX. Съ самаго начала своего управленія западной церковью, новоизбранный папа, задумавъ помирить католичество съ распространившимися въ западной Европѣ либеральными принципами, высказалъ намѣреніе управлять церковью и папской областью въ духѣ правды, справедливости и политической свободы. Повѣяло какъ бы новымъ духомъ: зашевелились новыя идеи, стали высказываться и пробиваться наружу зародившіяся раньше мечты. Не удивительно, что при измѣнившихся обстоятельствахъ и мнѣ показалось возможнымъ привести въ исполненіе давно занимавшую меня и наполнявшую мою душу мысль о соединеніи церквей. Дѣло это великое, превышающее силы одного человѣка, требующее для своего выполненія дружной работы цѣлыхъ поколѣній и выходящее за предѣлы, быть можетъ, цѣлыхъ столѣтій, казалось мнѣ въ это время не настолько труднымъ и вполнѣ осуществимымъ. Но вѣрна ли была моя точка зрѣнія на задачи соединенія церквей? Обученный въ одностороннемъ латинскомъ богословіи, въ которомъ все истолковывалось въ пользу папства, все же противорѣчащее ему и несогласное съ нимъ или замалчивалось, или подгонялось съ іезуитской ловкостью къ ученію о главенствѣ римскаго понтификата, не чуждый отчасти римской гордости и относящійся, поэтому, съ недовѣріемъ и даже съ презрѣніемъ ко всему православному,—я смотрѣлъ на соединеніе церквей не какъ на союзъ равноправныхъ восточныхъ церквей съ западною, но какъ на присоединеніе или скорѣе подчиненіе послѣднихъ первой. Я не допускалъ даже возможности, чтобы схизматики, какъ я ихъ тогда величалъ, были въ состояніи представить какія нибудь вѣскія доказательства въ защиту своей обособленности, а тѣмъ болѣе самостоятельности. Усвоенная мною точка зрѣнія была чисто римская; я расходился только съ господствующими въ римской церкви взглядами на ея отношенія къ восточнымъ церквамъ, и, не одобряя практикуемыхъ при сношеніяхъ съ ними пріемовъ, добивался полной для нихъ внутренней автономіи съ сохраненіемъ обрядности и выработанныхъ временемъ особенностей. Оставалось только предать роившимся въ моей головѣ мыслямъ письменное выраженіе и облечь ихъ въ форму проекта. Съ этою цѣлью я заперся на 15 дней въ монастырѣ Лазаристовъ и, поработавъ усердно надъ письменнымъ изложеніемъ задуманнаго мною плана, рѣшился отправиться въ Римъ, чтобы представить его святѣйшеству готовый уже проектъ соединенія церквей.

Около половины декабря я отправился въ путь, и къ празднику Рождества Христова уже былъ въ Римѣ. Послѣ святаго Богоявленія я просилъ аудіенціи, которая и была мнѣ предоставлена въ 8 часовъ вечера.

Въ это время въ Римѣ все кипѣло: народъ, обуреваемый политическими страстями, волновался все болѣе и болѣе, а борьба партій стала принимать чудовищные размѣры. Уступки, сдѣланныя папою въ пользу политической свободы, разнуздали всѣ элементы, бывшіе до сихъ поръ подъ спудомъ. Прикрываясь именемъ папы и устраивая въ его честь разнаго рода манифестаціи, агитаторы добивались еще бо̀льшихъ уступокъ съ цѣлью низверженія существующаго порядка. Темныя личности, ставшія во главѣ движенія, зналъ отлично слабость характера папы и, поэтому, было основаніе опасаться, что ихъ происки не встрѣтятъ надлежащаго отпора и дѣйствительно, въ 1848 году, дѣла стали принимать даже угрожающій характеръ,—но всего этого я не намѣренъ касаться.

Не удивительно, что среди этихъ треволненій его святѣйшество былъ обремененъ множествомъ чисто правительственныхъ заботъ: сыпались съ разныхъ сторонъ проекты и представленія. Въ назначенный для аудіенціи вечеръ мнѣ пришлось таки порядкомъ дожидаться. Когда же меня позвали, въ 10 часовъ вечера въ кабинетъ папы, то я засталъ только нѣсколько чиновниковъ съ связками бумагъ подъ мышкой. Представъ предъ его святѣйшествомъ, я началъ излагать на словахъ всю суть моего дѣла. Прежде всего я указалъ на грустныя послѣдствія разъединенія церквей, а затѣмъ упомянулъ о томъ, что съ ихъ возсоединеніемъ нанесенъ былъ бы рѣшительный ударъ разнымъ ересямъ; дѣло распространенія христіанской вѣры по всей вселенной было бы двинуто впередъ свѣжими силами; что западная и восточная церкви по главнымъ раздѣляющимъ ихъ вопросамъ, а именно о происхожденіи Духа Святаго и о главенствѣ папы не слишкомъ отстоятъ другъ отъ друга; о желаніи соединенія обѣихъ церквей сомнѣваться нельзя, тѣмъ болѣе, что греческая церковь ежедневно молится о соединеніи церквей; наконецъ, я позволилъ себѣ замѣтить, что господствующее въ настоящее время на западѣ движеніе умовъ весьма благопріятствуетъ поднятію этого вопроса, и что, быть можетъ, Господь Богъ предназначилъ его святѣйшеству довести до благополучнаго окончанія это богоугодное дѣло, успѣшно довершить то, чего не удалось сдѣлать на флорентійскомъ соборѣ, тѣмъ болѣе, что воля божественнаго Основателя нашей церкви есть: дабы было едино стадо и единъ пастырь и дабы всѣ были, яко Отецъ и Сынъ едино суть......

Я хотѣлъ еще дальше продолжать свою рѣчь, и сказать кое-что о средствахъ къ осуществленію этого дѣла, когда папа перебилъ меня словами:

— «Дѣло это весьма важно: вдругъ разобрать его, а тѣмъ болѣе рѣшить не возможно, время уже поздное, а меня еще ждутъ другіе. Если вашъ проектъ изложенъ на бумагѣ, то подайте мнѣ его!»

«Святѣйшій отецъ», рѣшился я сказать, «дѣйствительно, этотъ проектъ у меня изложенъ на бумагѣ; но я боюсь, что при множествѣ занятій вашего святѣйшества онъ будетъ какъ нибудь заброшенъ и не будетъ удостоенъ впослѣдствіи вашего вниманія»

— «Не безпокойся; дай его сюда, я буду о немъ помнить!»

Я передалъ бумагу, и такимъ образомъ окончилось мое первое представленіе папѣ:

Главные пункты моего проекта были слѣдующіе:

1) подъ главенствомъ папы римскаго восточныя церкви должны сохранить ненарушимость своихъ обрядовъ; обряды латинской церкви не должны пользоваться никакими преимуществами предъ обрядами восточными, имъ должно быть оказываемо со стороны западной церкви всевозможное почитаніе;

2) въ коллегіи кардиналовъ должны быть члены восточныхъ церквей, преимущественно же представители греко-славянскаго обряда;

3) всѣ латинскія миссіи между восточными христіанами должны быть упразднены и замѣнены миссіями изъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣстнымъ народностямъ востока; почему необходимо въ Римѣ основать восточную миссіонерскую семинарію съ неуклоннымъ въ ней сохраненіемъ правилъ и каноновъ восточныхъ церквей;

4) главное вниманіе должно быть обращено на славянъ, пользующихся на востокѣ преобладающимъ вліяніемъ, и съ этою цѣлію долженъ быть созданъ русско-славянскій патріархатъ на правахъ другихъ патріаршихъ престоловъ;

5) всѣ нововведенія, сдѣланныя подъ вліяніемъ латинянъ по образцу римскаго обряда въ восточныхъ соединенныхъ съ Римомъ церквахъ, должны быть устранены, и такимъ образомъ возстановлена первоначальная чистота восточнаго обряда;

6) должно быть разрѣшено всѣмъ, предки которыхъ перешли въ латинство, возвратиться безъ всякихъ затрудненій на лоно прежней своей церкви;

7) должно поднять блескъ и обаяніе восточныхъ соединенныхъ съ Римомъ церквей дарованіемъ ихъ духовенству всѣхъ преимуществъ и привилегій, какими пользуется духовенство латинское, и распространеніемъ среди духовенства на Востокѣ бòльшаго просвѣщенія; почему слѣдуетъ основать въ Римѣ отдѣльную для восточныхъ языковъ типографію;

8) въ виду того, что безъ благодати Божіей нельзя разсчитывать на успѣхъ, слѣдовало бы завести братства, имѣющія цѣлью молиться о соединеніи церквей, и призвать всѣхъ католиковъ къ участію въ оныхъ;

9) наконецъ, для болѣе успѣшнаго веденія этого дѣла я просилъ для себя позволенія возвратиться къ обряду моихъ предковъ,—т. е. къ греко-славянскому.

Само собою разумѣется, что я принялся за это столь непосильное для

одного человѣка дѣло съ безъотчетнымъ увлеченіемъ; возможность неудачи представлялась мнѣ неправдоподобной. Я твердо надѣялся на согласіе римской церкви или, по крайней мѣрѣ, самого папы на мои предложенія. Тѣмъ не менѣе, уже и тогда бросались мнѣ въ глаза и даже поражали меня нѣкоторыя явленія въ римской церкви, не вполнѣ согласныя съ духомъ христіанства. Но объ этомъ теперь не время говорить.

XIV.

Княгиня Зинаида Волконская.—Епископъ Люке.—Учрежденіе Восточнаго общества.

Въ это время жила въ Римѣ княгиня Зинаида Волконская, нѣкогда великосвѣтская дама, красавица, въ гостиныхъ которой рѣшались судьбы Европы. На старости лѣтъ она перешла въ католичество и, поселившись въ Римѣ, вся предалась благочестію. Ея высокое общественное положеніе, набожность и добродѣтели снискали ей уваженіе папскаго двора. Вела она жизнь скромную, но не замкнутую; у нея въ домѣ собирались всѣ лица, отличающіяся своимъ благочестіемъ или какою-нибудь выдающеюся дѣятельностью на пользу церкви, и всѣ миссіонеры. Не смотря на свой переходъ въ латинство, она сохранила въ своемъ сердцѣ любовь къ прежнему своему обряду и своей народности. Понятно, что она не дала себя опутать сѣтями іезуитства. Однажды она сказала папѣ, котораго она обожала, что она готова возвратиться къ греко-славянскому обряду, если это принесетъ церкви какую нибудь пользу. Я былъ съ ней знакомъ и прежде, но теперь, узнавъ о моихъ предположеніяхъ, она приняла меня съ еще бо̀льшимъ радушіемъ, чѣмъ обыкновенно. Немедля она поспѣшила меня познакомить съ епископомъ Люке (Luquet), французомъ, занимавшимся точно также вопросомъ о соединеніи церквей. Люке прибылъ въ Римъ изъ Индіи, гдѣ онъ состоялъ миссіонеромъ, индійскій климатъ оказался зловреднымъ для его здоровья и поэтому онъ переѣхалъ въ Римъ въ качествѣ прокуратора миссіи. Будучи еще въ Индіи простымъ миссіонеромъ, онъ подалъ папѣ Григорію XVI записку, въ которой доказывалъ необходимость завести вездѣ народное духовенство, за что и былъ возведенъ въ санъ епископа. Новому папѣ онъ, подобно мнѣ, намѣревался изложить свои планы на счетъ занимавшей его идеи соединенія церквей.

Итакъ, мы познакомились въ домѣ княгини Волконской. Скоро мы сошлись, такъ какъ мы оба стремились къ одной цѣли почти что одинаковыми средствами. Поэтому мы рѣшили дѣйствовать сообща. Прежде всего мы условились основать общество подъ именемъ Восточнаго, члены котораго своими ежегодными взносами и молитвами содѣйствовали бы преднамѣ-

ченной цѣли. Дѣятельность общества должна была исходить, направляться, сосредоточиваться въ комитетѣ, составленномъ на половину изъ членовъ латинскаго обряда и на половину изъ членовъ восточныхъ церквей подъ предсѣдательствомъ кардинала-префекта могущественной пропаганды (congregatio de propaganda fide). Послѣдняя уступка была сдѣлана съ цѣлью предотвращенія возможнаго противодѣйствія со стороны этого учрежденія.

Комитетъ составился. Между прочими въ его составъ вошли прелаты: Корболи, секретарь конгрегаціи по особымъ дѣламъ, самый приближенный къ папѣ; Граціози, духовникъ папы; ученый французскій священникъ, впослѣдствіи епископъ Жербе (Gerbet); Феррари, помощникъ секретаря вышеупомянутой конгрегаціи; священникъ Тайнеръ; князь Шампани дэ Кадоръ (Champagnie de Cador), пэръ Франціи, и другіе. Кромѣ того, вошли въ составъ комитета находившіеся въ Римѣ епископы и священники восточныхъ соединенныхъ съ Римомъ церквей. Предсѣдателемъ былъ, какъ сказано выше, префектъ пропаганды Франсони; канцлеромъ епископъ Люке, а секретаремъ по восточнымъ дѣламъ выбрали меня, получившаго уже соизволеніе папы на возвращеніе къ обряду своихъ предковъ,—къ греко-русскому; секретаремъ по дѣламъ латинской церкви священникъ кн. Лихновскій, а должность казначея принялъ на себя кн. Кадоръ.

Такимъ образомъ, дѣла основаннаго, но еще не разрѣшеннаго общества подвигались успѣшно впередъ. Оставалось только получить какой нибудь отвѣтъ на поданную папѣ записку. Прошло уже почти три мѣсяца тягостнаго ожиданія, а между тѣмъ, о моемъ проектѣ ни слуху—ни духу. Я рѣшился опять просить аудіенціи, и какъ-то скоро получилъ ее. Представъ предъ папой, я сказалъ: «три мѣсяца тому назадъ я имѣлъ счастіе представить вашему святѣйшеству записку, касающуюся соединенія церквей, и вы соблаговолили обѣщать обратить на нее свое вниманіе»! Папа сейчасъ вспомнилъ и сталъ ее искать вездѣ между бумагами, но не могъ ее найти. Тогда онъ велѣлъ мнѣ разсказать, въ чемъ дѣло. Я изложилъ устно мой проектъ. Выслушавъ все, папа, видимо тронутый, всталъ и благословилъ начинающееся дѣло и меня столь умильно и столь чувствительными словами, что я прослезился. По желанію его святѣйшества, я передалъ ему снова проектъ, изложенный на бумагѣ.

Тѣмъ временемъ дѣла общества назрѣли уже настолько, что оказалось возможнымъ на 19-е іюня мѣсяца 1847 года собрать первое засѣданіе. Засѣданіе открылъ предсѣдатель Франсони. Началось оно съ нападокъ на общество со стороны самого предсѣдателя. Итакъ, кардиналъ Франсони выразилъ съ неудовольствіемъ и даже негодованіемъ свое несогласіе съ цѣлями общества и выставлялъ на видъ его безполезность и даже вредъ, могущій произойти отъ конкуренціи съ дѣятельностью пропаганды, но въ концѣ концовъ сдался на доводы, представленные со стороны членовъ, о пользѣ и даже

необходимости таковаго общества. Онъ обѣщался доложить папѣ объ устройствѣ комитета и цѣляхъ, преслѣдуемыхъ обществомъ. Не замедлило послѣдовать оффиціальное его утвержденіе. На второмъ засѣданіи оно уже выступило подъ именемъ «Восточнаго». Епископъ Люке напечаталъ отъ комитета воззваніе, приглашающее вѣрующихъ къ поступленію въ члены общества съ подробнымъ изложеніемъ его цѣлей. Это воззваніе разослано во всѣ католическія государства, ко всѣмъ латинскимъ и греко-уніатскимъ епископамъ, а также и мірянамъ, выдающимся по своему общественному положенію.

Открытіе Восточнаго общества и возбужденіе вопроса о соединеніи церквей побудило папу издать и разослать по всѣмъ восточнымъ церквамъ энциклику, приглашающую ихъ къ соединенію съ римскою церковью и обѣщающую ненарушимость восточныхъ обрядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, папа упоминаетъ въ энцикликѣ о составленіи въ Римѣ Восточнаго общества. Окружное это посланіе папы, составленное обыкновеннымъ оффиціальнымъ слогомъ папскихъ энцикликъ, съ чисто римскою надменностью и брасающимся въ глаза желаніемъ господства, а не, какъ слѣдовало, въ духѣ христіанской любви, не могло произвести хорошаго впечатлѣнія на восточныхъ христіанъ и вызвало только знаменитый отвѣтъ восточныхъ патріарховъ [1]).

XV.

Хлопоты по устройству миссіонерскаго заведенія.—Отъѣздъ на востокъ чрезъ Лоретто, Анкону и Корфу.

Въ поданномъ мною папѣ проектѣ предлагалось, какъ упомянуто было раньше, открытіе въ Римѣ заведенія, въ которомъ могли бы подготовляться для миссіонерства юноши, вызванные изъ тѣхъ же странъ востока, которымъ они должны впослѣдствіи посвятить свою дѣятельность. Такое заведеніе я считалъ необходимымъ для успѣха затѣяннаго мною дѣла. Поэтому я рѣшился отправиться на востокъ и въ Австрію, чтобы подыскать, если окажется возможнымъ, нѣсколько молодыхъ людей для поступленія въ открываемое заведеніе, а также и раздобыть средства, необходимыя на его устройство и первоначальное обзаведеніе. Папа заявилъ на это свое согласіе и велѣлъ пропагандѣ выдать мнѣ нужныя бумаги, паспортъ, дипломъ на миссіонера и проч. Все было готово; недоставало только денегъ на путевыя издержки. Просить папы я не хотѣлъ, чтобы этимъ не затормозить всего дѣла. Есть поговорка, что въ Римѣ даютъ сколько угодно благословеній, индуль-

[1]) Исполненный силы и достоинства отвѣтъ восточныхъ патріарховъ на «Окружное посланіе папы Пія IX» напечатанъ въ Твореніяхъ Святыхъ Отцовъ за 1848-й годъ. Л.

генцій и т. п., но о деньгахъ нельзя заикаться: все равно не дадутъ. Тогда нѣкоторые изъ моихъ друзей, а именно извѣстный польскій поэтъ Богданъ Залескій и его братъ Іосифъ, сдѣлали складчину и передали мнѣ собранные 400 франковъ. Съ этими небольшими средствами я рѣшился выѣхать. Съ своей стороны, и папа, не зная ничего о моихъ денежныхъ обстоятельствахъ, торопилъ меня къ отъѣзду. Заинтересовавшись дѣломъ, папа выказывалъ и мнѣ особенное расположеніе. Итакъ, на одной изъ аудіенцій, когда я, намекая о могущихъ мнѣ встрѣтиться опасностяхъ въ предстоящемъ пути, упомянулъ о томъ, что я оставилъ въ Краковѣ своего малолѣтняго сына чуть ли не на произволъ судьбы, его святѣйшество изволилъ сказать: «напишите немедленно въ Краковъ, чтобы его прислали сюда: я ему буду вмѣсто отца и сдѣлаю для него все, что только буду въ состояніи».

На прощальной аудіенціи папа меня благословилъ на путь двумя серебряными на черномъ деревѣ распятіями и молитвенными четками. Выѣздъ я назначилъ на 25 іюля мѣсяца. Все уже было готово. Пришло нѣсколько друзей меня проводить, когда явился почталіонъ съ денежнымъ письмомъ, въ которомъ было 600 франковъ. Эти деньги прислалъ мнѣ въ даръ на путевыя издержки мой университетскій товарищъ Антоній Витвицкій, которому я незадолго до этого отослалъ оставшіеся послѣ его скончавшагося въ Римѣ брата, извѣстнаго польскаго писателя Стефана Витвицкаго, нѣсколько тысячъ франковъ.

Еще до моего отъѣзда я отправилъ два письма: одно князю Адаму Чарторыйскому, главѣ аристократической польской партіи, а другое графу Монталамберу, одному изъ выдающихся членовъ французской католической партіи. Въ обоихъ письмахъ я изложилъ подробно о цѣляхъ затѣяннаго мною дѣла и просилъ въ первомъ изъ нихъ о предписаніи агентамъ князя въ Турціи сообщать мнѣ необходимыя для меня свѣдѣнія и оказывать мнѣ нравственное содѣйствіе, а во второмъ о сочувствіи графа съ его партіей, а въ случаѣ нужды—о заступничествѣ французскаго правительства.

Снабженный необходимыми средствами и рекомендаціями, я выѣхалъ изъ Рима вечеромъ 25 іюля 1847 г. Въ то время тамъ еще не было желѣзной дороги; я отправился въ дилижансѣ въ Анкону. Съ легкимъ сердцемъ и веселыми мыслями пустился я въ незнакомые мнѣ края!—на востокъ, хотя не столь отдаленный, но покрытый загадочной таинственностью и только отчасти затронутый вѣяніемъ западно-европейской цивилизаціи; моя будущая въ томъ краѣ дѣятельность рисовалась въ моихъ мечтахъ въ весьма привлекательномъ свѣтѣ и манила меня трудностью взятаго на себя подвига. Все это меня настраивало торжественно и располагало къ воспріятію впечатлѣній пути. Тѣмъ не менѣе, описывать посѣщенныхъ мною мѣстностей, интересныхъ по этнографическому составу населенія и его культурно-историческому быту, не стану; точно также картины природы, хотя я ими восхи-

щался не меньше другихъ, я не намѣренъ воспроизводить своимъ перомъ. Все это я предоставляю записнымъ путешественникамъ; я ограничусь только сжатымъ разсказомъ и передачей нѣкоторыхъ имѣющихъ связь съ моимъ путешествіемъ событій.

По пути я задержался въ Лоретто, славящемся чудотворной иконой Пресвятыя Богородицы. Въ великолѣпномъ громадномъ храмѣ помѣщается каменный домикъ, по здѣшнему преданію, тотъ же самый, въ которомъ проживала Пресвятая Дѣва въ Назаретѣ, перенесенный сюда чудеснымъ образомъ. По ту сторону Адріатическаго моря, возлѣ города Рѣки (Fiume), показываютъ гору, на которой этотъ домикъ остановился, прежде чѣмъ быть перенесеннымъ чудесно сюда. Здѣсь я служилъ въ первый разъ св. литургію на славянскомъ языкѣ.

Въ Анконѣ сѣлъ я на пароходъ австрійскаго Ллойда и отправился на островъ Корфу, принадлежавшій тогда Англіи, гдѣ мнѣ пришлось ждать цѣлую недѣлю другаго парохода, идущаго въ Смирну, такъ какъ тотъ, на которомъ я пріѣхалъ, отбылъ въ Александрію. Корфу, какъ извѣстно, населенъ греками, принадлежащими, въ громадномъ большинствѣ, къ православному вѣроисповѣданію; только весьма незначительная часть придерживается латинской церкви съ архіепископомъ во главѣ и нѣсколькими миссіонерами. Въ каѳедральномъ костелѣ я нѣсколько разъ служилъ обѣдню на славянскомъ языкѣ по восточному обряду, чѣмъ привлекъ въ церковь весьма многихъ православныхъ, съ любопытствомъ присматривавшихся къ невиданной ими почти-что православной обрядности при обстановкѣ католическаго храма. Вслѣдствіе этого, состоявшій при престарѣломъ архіепископѣ миссіонеръ Стелля обратился къ римской конгрегаціи пропаганды съ просьбой объ отправленіи въ Корфу миссіонера греческаго обряда. Такимъ образомъ моя мысль на первомъ же шагу на востокъ готова была оправдаться; но эта просьба не была исполнена!

Въ Корфу греческихъ православныхъ церквей много. Въ одной изъ нихъ почиваютъ нетлѣнныя мощи св. Спиридона, одного изъ отцевъ Никейскаго Вселенскаго собора. Греческіе священники были настолько любезны, что открыли раку и, такимъ образомъ, я удостоился приложиться къ святымъ мощамъ. Незадолго до моего пріѣзда, въ этой церкви случилось слѣдующее соблазнительное происшествіе: какъ извѣстно, не только латинскіе, но и протестантскіе миссіонеры стараются съ необыкновеннымъ усердіемъ завлекать въ свои сѣти православныхъ христіанъ. Одинъ изъ такихъ ревностныхъ англиканскихъ пасторовъ, прибывъ въ Корфу, вздумалъ заняться уничтоженіемъ мнимыхъ суевѣрій и даже, какъ они любятъ выражаться, идолопоклонства православныхъ корфіотовъ. Съ этою цѣлію онъ напечаталъ множество брошюръ, преисполненныхъ хулы и ругательствъ противъ православія и святаго ихъ заступника Спиридона. Въ храмовой праздникъ святаго, когда

церковь была биткомъ набита народомъ, пришелъ туда и англійскій миссіонеръ и сталъ раздавать свои брошюры. Греки охотно принимали ихъ, думая, что онѣ благочестиваго содержанія. Но какое было ихъ удивленіе, когда они, выйдя изъ церкви, нашли въ нихъ нелѣпыя хулы противъ православія и противъ святаго ихъ заступника. Городъ заволновался и ревностный миссіонеръ, быть можетъ, поплатился бы жизнію, если бы онъ не успѣлъ скрыться въ цитадель, занятую англійскимъ гарнизономъ, и съ первымъ пароходомъ не ускользнулъ бы въ свой туманный Альбіонъ. Тѣмъ не менѣе, не обошлось безъ кровопролитія. Противъ бушевавшей толпы двинуты были англійскія войска; произошла свалка и оказалось нѣсколько жертвъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Разскажу еще объ одномъ грустномъ происшествіи, случившемся за нѣсколько дней до моего пріѣзда и напугавшемъ чрезвычайно всѣхъ любителей морскихъ купаній: англійскіе солдаты выводились ежедневно изъ цитадели для купанья въ морѣ. Между ними былъ одинъ отслужившій свой срокъ и дожидавшійся только парохода для возвращенія на родину. Онъ былъ изрядный пловецъ. Во время купанья онъ отплылъ съ однимъ своимъ товарищемъ въ открытое море, и вдругъ, къ своему ужасу, они увидѣли плывшую имъ на встрѣчу огромную акулу. Единственная надежда на спасеніе была—доплыть какъ можно скорѣе до отмели, но акула была въ своей стихіи: она оказалась лучшимъ пловцомъ. Скоро она ихъ нагнала и своей ужасной пастію схватила отставнаго солдата. На поднятый его товарищами крикъ она выпускаетъ раненаго солдата, но не успѣлъ онъ отплыть нѣсколько шаговъ, какъ она его опять схватываетъ своею пастію и погружается съ нимъ въ морскую пучину. На другой или на третій день рыбаки нашли недоѣденные остатки тѣла несчастнаго.

XVI.

Путь чрезъ Сиру, Смирну въ Бейрутъ.—Караванъ европейскихъ путешественниковъ.—Терзанія голода вслѣдствіе нераспорядительности на пути.—Воздержность отъ вина турецкаго эфендія.—Разбойничье селеніе.—Пріѣздъ въ Іерусалимъ.

Чрезъ недѣлю съ первымъ попутнымъ пароходомъ я отправился въ дальнѣйшій путь. На одинъ день мы останавливались на островѣ Сирѣ, принадлежащемъ греческому королевству, гдѣ, по преданію, воспитывался Ахиллъ. Съ товарищемъ по пути, армянскимъ священникомъ, мы посѣтили латинскаго епископа, жившаго на вершинѣ высокой горы, по склону которой и дальше по берегу моря разбросанъ городъ. Вечеромъ мы отплыли въ Смирну, гдѣ

мнѣ опять пришлось дожидаться довольно продолжительное время парохода, идущаго въ Бейрутъ. Къ концу 1840-хъ годовъ рейсы не только по Адріатическому морю, но и по берегамъ Малой Азіи почти исключительно совершались пароходами австрійскаго Ллойда, и то только одинъ разъ въ мѣсяцъ, направляясь изъ Константинополя въ Бейрутъ, а оттуда въ Александрію. Въ Смирнѣ я познакомился съ драгоманомъ русскаго консула Жабою и съ служащими въ французскомъ консульствѣ. Наконецъ, подоспѣлъ давно ожидаемый пароходъ, и я понесся дальше въ Бейрутъ, котораго мы достигли послѣ пятидневнаго путешествія, задерживаясь только на нѣсколько часовъ въ Родѣ и Кипрѣ. Въ городѣ Ларнакѣ на островѣ Кипрѣ я все таки успѣлъ посѣтить монастырь францисканцевъ. Одинъ изъ монаховъ, малый весьма коренастый, разсказывалъ мнѣ о кулачной расправѣ съ греками въ храмѣ Гроба Господня, въ которомъ онъ, не смотря на святость мѣста, съ храбростію, достойною лучшей участи, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ громилъ православныхъ иноковъ.

Въ Бейрутѣ (древнемъ Беритѣ) я нашелъ д-ра Добровольскаго, моего товарища по виленскому университету, который меня гостепріимно пріютилъ у себя. При его содѣйствіи караванъ европейскихъ путешественниковъ, числомъ 11 человѣкъ, принялъ меня въ свою среду. Мы тронулись въ путь по узкой береговой полосѣ древней Финикіи утромъ въ воскресенье настолько рано, что я не успѣлъ ничего поѣсть и даже захватить чего-нибудь съ собою. На свою лошадь я усѣлся со всѣмъ своимъ багажомъ. Ѣхали мы быстрою рысью, а отъ неумѣлой укладки изъ моего багажа выпадала то одна, то другая вещь, вслѣдствіе этого мнѣ приходилось постоянно останавливаться. Неудивительно, что я все отставалъ. Между путешественниками находились два прусака: отецъ съ сыномъ. Ихъ слуга, видя мое затруднительное положеніе, смиловался и помѣстилъ мои вещи съ ихъ багажомъ, нагруженнымъ на двухъ муловъ. На половинѣ пути въ Сеиду (древній Сидонъ) мы задержались въ турецкомъ постояломъ дворѣ (ханѣ). Ѣсть не пришлось ничего, кромѣ кисточки винограда. Отдохнувъ немного, мои спутники принялись выгружать захваченные съ собою съѣстные припасы и поѣдать съ большимъ апетитомъ то, что успѣли раздобыть въ Бейрутѣ. Я ушелъ, чтобы не раздражать слишкомъ своего апетита или, вѣрнѣе сказать, не подвергать себя тяжкому испытанію отъ приступовъ терзавшаго меня уже голода. Уже стемнѣло, когда мы въѣхали въ Сеиду. Оба прусака со мною заѣхали послѣдними въ францисканскій монастырь, настоятель котораго, кромѣ роднаго италіанскаго, другаго не зналъ, а такъ какъ мои прусаки по италіански не понимали, то мнѣ пришлось быть ихъ драгоманомъ.

Настоятель сообщилъ мнѣ, что осталось только двѣ кровати. По чувству деликатности, я не хотѣлъ разлучать отца съ сыномъ, и вслѣдствіе этого, имѣя рекомендательное письмо изъ Рима къ настоятелю одного мельхитскаго

монастыря въ Ливанскихъ горахъ, рѣшился искать гостепріимства въ имѣющемся въ Сеидѣ мельхитскомъ монастырѣ. Итакъ, предоставивъ прусакамъ слѣдуемое мнѣ мѣсто, я отправился съ мальчикомъ-проводникомъ въ упомянутый мельхитскій монастырь. Но какое мое было разочарованіе, когда оказалось, что изъ монаховъ никто не зналъ другаго языка, кромѣ арабскаго, котораго я, въ свою очередь, вовсе не понималъ! Мой проводникъ, показавъ мнѣ монастырь, скрылся. Возвращаться нельзя было; приходилось во что бы то ни стало искать въ монастырѣ пріюта. Напрасно прибѣгалъ я къ мимикѣ, напрасно показывалъ арабскій адресъ письма: все ничего не помогало! Между тѣмъ, голодъ меня донималъ ужасно. Наконецъ-то отцы кое-какъ догадались въ чемъ дѣло, и пригласили одного маронита, понимавшаго италіанскій языкъ. Послѣ привычныхъ на востокѣ привѣтствій и комплиментовъ, я разъяснилъ ему свое бѣдственное положеніе, сказавъ, что весь день ничего не ѣлъ. Оказалось, что въ монастырѣ ничего, даже и хлѣба не было, такъ какъ иноковъ кормили прихожане, у себя на дому, по очереди; ночлегъ же они предоставляли мнѣ съ большой охотой. Тогда добрый маронитъ, послужившій мнѣ переводчикомъ, вывелъ меня изъ этого затрудненія, предложивъ мнѣ откушать у себя. Мы отправились къ нему. Въ первый разъ мнѣ пришлось ужинать по восточному; два или три кушанья арабской кухни показались мнѣ превосходными послѣ невольнаго поста и тряской ѣзды. Приходилось, конечно, все брать пальцами, такъ какъ ложекъ и вилокъ не полагалось. Угощеніе окончилось омовеніемъ рукъ, кофеемъ и наргиле (трубкою). Ночевать гостепріимный хозяинъ отвелъ меня къ мельхитамъ.

Утромъ мы пустились въ дальнѣйшій путь чрезъ Суръ (древній Тиръ), Кесарію, гдѣ мы нашли только торчащія стѣны и зданія построеннаго Иродомъ въ честь императора Августа, а нынѣ разрушеннаго и засыпаннаго пескомъ, города,—въ Яффу (древнюю Іоппэ). Этотъ городъ служитъ преддверіемъ Палестины. Здѣсь я нашелъ брата русскаго консула въ Смирнѣ, польскаго эмигранта Жабу, состоявшаго смотрителемъ карантина. Онъ просилъ меня остановиться на нѣсколько дней у него, чтобы, воспользовавшись моимъ пріѣздомъ, исповѣдываться съ служившими у него поляками. Я согласился. При его содѣйствіи я отправилъ нанятую въ Бейрутѣ лошадь, на небольшомъ суднѣ, къ ея хозяину. Удивительно, насколько восточные люди довѣрчивы: они обыкновенно отпускаютъ незнакомому лицу на довольно продолжительное время и довольно далеко лошадей безъ всякаго съ своей стороны присмотра, полагаясь во всемъ на честность нанимателя. Какъ разъ во время завтрака посѣтилъ Жабу пріѣхавшій въ Яффу для ревизіи карантина турецкій чиновникъ. Мы сидѣли за завтракомъ. Хозяинъ пригласилъ присѣсть и эффендія и, наливая вина въ рюмки, извинился, что не предлагаетъ правовѣрному турку напитка, разрѣшеннаго только гяурамъ. Эффендій смотрѣлъ жадно на искристую влагу; наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и, протянувъ свою рюмку,

сказалъ: «пророкъ запрещаетъ только злоупотребленіе напитками; налейте и мнѣ»!

Вечеромъ того же дня я нашелъ себѣ спутника. Въ святой городъ отправлялся французъ-фотографъ. Мы взяли себѣ почтовыхъ верховыхъ лошадей съ тѣмъ, чтобы ихъ сдать въ Іерусалимѣ на почтовой станціи. Проводникомъ нашимъ былъ арабъ, ведшій верблюда, нагруженнаго фотографическимъ аппаратомъ. Въ Рамлѣ мы искали пріюта въ францисканскомъ монастырѣ; но намъ отказали и, такимъ образомъ, намъ пришлось ѣхать всю ночь. Утромъ въ одной деревнѣ мы видѣли опустѣвшую весьма древнюю церковь, въ которой арабы держатъ ночью свой скотъ. Возлѣ этой церкви былъ ключъ воды съ водопойнымъ желобомъ. Мы хотѣли напоить своихъ лошадей, но мальчикъ-арабъ, поившій какъ-разъ свой скотъ, сталъ кричать и грозить намъ веревками, которыя держалъ въ рукахъ. Мой спутникъ хотѣлъ напугать мальчика и вынулъ пистолетъ. Смѣлый мальчикъ бросается на насъ съ веревками и громко взываетъ по арабски о помощи. Въ мигъ выбѣгаютъ изъ домовъ арабы и устремляются на насъ. Смекнувъ, что дѣло принимаетъ непріятный для насъ оборотъ, мы стегнули своихъ лошадей и помчались вскачь. Съ трудомъ мы убѣжали отъ гнавшихся за нами арабовъ. Впослѣдствіи, въ Іерусалимѣ намъ разсказывали, что это селеніе есть гнѣздо самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ. За нѣсколько дней до этого іерусалимскому пашѣ удалось поймать шейка, предводителя этого разбойничьяго гнѣзда, и это отчасти сдерживало ихъ прыть,—а то бы намъ едва ли удалось избѣгнуть ихъ рукъ.

XVII.

Прибытіе въ Іерусалимъ. — Обратный путь въ Яффу. — Эффендій полякъ въ Смирнѣ.

Въ Іерусалимѣ я остановился въ гостинницѣ патровъ францисканцевъ, которымъ римскими папами была исключительно ввѣрена духовная администрація всей Палестины и острова Кипра, почему и настоятель всѣхъ монастырей въ этомъ краѣ,—такъ называемый провинціалисъ, пользовался епископской юрисдикціей и правомъ употребленія при богослуженіи митры и жезла. Францисканцы по большей части италіанцы и испанцы, съ небольшой примѣсью французовъ, народъ вообще мало образованный и грубый, взирающій съ гордостью и презрѣніемъ какъ на схизматиковъ, т. е. православныхъ, такъ и на послѣдователей другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Они увѣряли меня, что все православное духовенство люди безъ чести и религіозныхъ правилъ, и совѣтывали мнѣ воздерживаться отъ всякаго съ ними общенія, такъ какъ они меня, какъ уніатскаго священника, способны убить

или отравить. Подъ этимъ предлогомъ патеры не позволяли мнѣ служить обѣдню въ часовнѣ Гроба Господня, какъ не принадлежавшей исключительно латинянамъ, а только на ихъ престолѣ, сооруженномъ подлѣ столба на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, явился Іисусъ Христосъ св. Маріи Магдалинѣ. Во время обѣдни, подъ вліяніемъ внушеній францисканцевъ, сначала я оробѣлъ, увидѣвъ собравшихся вокругъ престола въ довольно значительномъ числѣ православныхъ монаховъ, но, къ моему большому удивленію, они не только не выказывали никакой вражды, но даже поучали прислуживавшаго дьячка, не ознакомленнаго вполнѣ съ чиномъ обѣдни, что́ слѣдуетъ дѣлать. Странный этотъ взглядъ латинянъ на православную церковь и даже враждебное ихъ къ ней отношеніе поражали меня уже и тогда, не смотря на всѣ мои предубѣжденія противъ православія, внушенныя мнѣ богословскою іезуитскою наукою.

Пробывъ въ Іерусалимѣ одну лишь недѣлю и посѣтивъ на тотъ разъ только близь лежащія святыя мѣста, какъ Виѳанію, Виѳлеемъ, мѣсто рожденія, и пустыню св. Іоанна Крестителя, я отправился въ обратный путь въ Яффу. Оттуда я переѣхалъ на небольшомъ арабскомъ суднѣ, нагруженномъ хлѣбомъ, въ Суръ, а дальше уже сухимъ путемъ чрезъ Сенду въ Бейрутъ. Посѣтивъ въ Ливанскихъ горахъ мельхитскій монастырь, который я непремѣнно хотѣлъ видѣть, я отплылъ на пароходѣ Ллойда въ Смирну. По причинѣ появившейся въ Сиріи холеры, насъ продержали четырнадцать дней въ турецкомъ карантинѣ, въ которомъ не было ни кровати, ни постели и гдѣ нельзя было достать ничего съѣстнаго; при томъ онъ отстоялъ двѣ-три версты отъ города. Чрезъ три дня послѣ нашего пріѣзда вновь прибывшій пароходъ передалъ и своихъ пассажировъ въ карантинъ. Прогуливаться дозволялось во внутреннемъ дворѣ,—въ одной его половинѣ прибывшимъ раньше, а вновь прибывшимъ въ другой. Однажды во время прогулки обратился ко мнѣ молодой человѣкъ, въ платьѣ турецкаго эффендія, съ вопросомъ: нельзя-ли ему говорить со мною по польски? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ назвалъ себя Браницкимъ, сыномъ одного изъ извѣстныхъ богачей Украйны; онъ-де еще гимназистомъ или студентомъ, теперь не помню, принадлежалъ къ революціонному польскому обществу; власти, узнавъ о тайныхъ цѣляхъ этого общества, сослали-де его рядовымъ на Кавказъ; тамъ-де онъ бѣжалъ къ черкесамъ, которые его обратили въ раба и продали въ Турцію; принятіемъ магометанства онъ-де освободился отъ рабства, но онъ теперь кается и хотѣлъ бы снова возвратиться въ христіанство, чего, къ сожалѣнію, въ предѣлахъ Турціи сдѣлать нельзя, а средствъ для того, чтобы пробраться куда-нибудь въ Европу, у него не имѣется; почему узнавъ, кто я таковъ, онъ обращается ко мнѣ съ просьбой помочь ему. Не смотря на всю не правдоподобность разсказа этого мнимаго Браницкаго, по добротѣ душевной, я обѣщался добыть ему средства на дорогу во Францію. Вышедши изъ карантина, я поручилъ

поляка-эффендія заботамъ секретаря французскаго консульства, оставивъ ему и свою посильную лепту. Впослѣдствіи же я узналъ, что мнимый Браницкій, получивъ даровой проѣздъ на французскомъ пароходѣ и нѣсколько наполеондоровъ на руку, по отъѣздѣ изъ Смирны, на первой же пристани въ предѣлахъ Турціи куда-то исчезъ.

Въ Константинополѣ я нашелъ дружескій пріемъ въ монастырѣ паттеровъ Лазаристовъ и пробылъ у нихъ два мѣсяца. Здѣсь я получилъ отвѣты на мои два письма, отправленныя до отъѣзда моего изъ Рима—одно къ князю Чарторыйскому, а другое къ графу Монталамберу. Перваго, какъ я объ этомъ говорилъ раньше, я просилъ о распоряженіи съ его стороны его агентамъ оказывать мнѣ нравственную помощь, а другаго почти о томъ же,—объ исходатайствованіи у французскаго правительства такого же распоряженія разсѣяннымъ по всему востоку политическимъ агентамъ Франціи. Отвѣтъ Чарторыйскаго былъ весьма дипломатическій. Смыслъ его таковъ: всѣ его усилія стремились-де всегда къ сосредоточенію всѣхъ дѣйствій, относящихся къ возстановленію Польши, съ цѣлію придать имъ одно извѣстное направленіе; поэтому и его агенты могутъ мнѣ тогда только оказывать содѣйствіе, если мое предпріятіе идетъ въ согласномъ съ ними направленіи. Другими словами, не прибѣгая къ дипломатически иносказательнымъ выраженіямъ, онъ говорилъ какъ бы слѣдующее: согласись подвергнуться моему управленію и я тебѣ помогу! Разумѣется, я не могъ принять подобнаго условія. Монталамберъ же далъ мнѣ отвѣтъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя ожидать содѣйствія со стороны французскаго правительства моему предпріятію; напротивъ, оно даже готово будетъ противодѣйствовать; поэтому онъ совѣтуетъ не сообщать о моихъ намѣреніяхъ оффиціальнымъ французскимъ агентамъ на востокѣ. Сверхъ того, онъ прибавилъ, что мое предпріятіе — Божье дѣло, совѣтывалъ уповать на Бога и твердо надѣяться на то, что съ Его помощію преодолѣю всѣ препятствія, которыя долженъ встрѣтить на пути; безъ нихъ не обойдется, такъ какъ препятствія—искусъ всякаго добраго дѣла.

Въ Константинополѣ я встрѣтился съ Михаиломъ Чайковскимъ, впослѣдствіи Садыкъ-пашой, моимъ боевымъ товарищемъ по мятежу 1831 г. Чайковскій родился на Волыни, гдѣ у него было свое имѣніе, а затѣмъ примкнулъ къ польскому мятежу, служа подъ начальствомъ Карла Ружицкаго. Сдѣлавшись эмигрантомъ, онъ поселился сначала во Франціи, а затѣмъ перебрался въ Турцію. Въ Турціи былъ онъ главнымъ агентомъ князя Чарторыйскаго, въ качествѣ котораго онъ старался возбуждать среди турецкихъ славянъ вражду противъ Россіи. Одаренный поэтической фантазіей, часто уносящей его за предѣлы истины, и даромъ слова, онъ могъ вліять на умы, и на самомъ дѣлѣ сѣялъ не мало зла среди легковѣрныхъ и податливыхъ на постороннія нашептыванія славянскихъ племенъ Турціи. Сверхъ того, онъ

направилъ, и при томъ не безуспѣшно, свою агитацію на старовѣровъ, поселившихся въ Турціи и Австріи. Его стараніями буковинскіе старовѣры получили свою іерархію, во главѣ которой сталъ епископъ, или собственно митрополитъ въ Бѣлокриницѣ, юрисдикція котораго простерлась даже, конечно, тайными путями, на россійскіе предѣлы (австрійское согласіе). Чайковскій содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, введенію среди болгаръ уніатства, онъ же подыскалъ архимандрита Іосифа (Совульскаго), который согласился сдѣлаться уніатомъ и принять въ Римѣ рукоположеніе въ архіереи. Къ счастію, преосвященный Іосифъ не могъ примирить требованіе римскаго престола со взглядами и привычками своей паствы: онъ бѣжалъ въ Россію и нашелъ пріютъ въ Кіево-печерской лаврѣ. Въ самый разгаръ дѣятельности Чайковскаго русское правительство потребовало отъ Порты его выдачи, какъ выходца изъ Россіи; правительство Наполеона III отказало ему въ своемъ покровительствѣ. Тогда онъ, по совѣту, какъ говорятъ, самого султана, принялъ магометанство подъ именемъ Садыка, женился на проживавшей въ Царьградѣ дочери бывшаго профессора виленскаго университета Андрея Снядецкаго и въ скоромъ времени сталъ пашой. Во время крымской войны Садыкъ-паша составилъ изъ славянъ, а главнымъ образомъ изъ поляковъ, турецко-казачьи полки. Однако, вслѣдствіе соперничества съ полковникомъ Замойскимъ, племянникомъ Чарторыйскаго, съ которымъ онъ разошелся изъ-за руководства польскими легіонами въ Турціи, онъ началъ относиться къ польскому дѣлу не съ прежнею горячностью. Впослѣдствіи раздоры между нахлынувшими въ Турцію поляками и сближеніе съ графомъ Игнатьевымъ пошатнули его вѣру въ правоту польскаго дѣла; мало по малу онъ сталъ убѣждаться въ несбыточности польскихъ мечтаній и въ собственныхъ заблужденіяхъ,— почему и пожелалъ возвратиться въ Россію. Получивъ отъ русскаго правительства полное помилованіе, онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ и присоединился къ православію. Въ описываемое мною время Чайковскій отнесся ко мнѣ дружелюбно и принялъ меня какъ стараго товарища. Однако, впослѣдствіи, придерживаясь, по всей вѣроятности, полученныхъ отъ князя Чарторыйскаго инструкцій, онъ отдѣлался отъ меня подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ и не далъ мнѣ никакихъ поясненій и указаній, которыхъ я у него просилъ.

Во время моего пребыванія въ Царьградѣ туда прибылъ папскій нунцій, кажется, Ферріери. Между прочимъ, онъ привезъ и папскую энциклику къ восточнымъ христіанамъ. Эту энциклику, какъ сказано было раньше, папа велѣлъ обнародовать вслѣдствіе движенія, возбужденнаго нашимъ восточнымъ обществомъ. Она была сочинена римской куріей не въ духѣ братства и христіанской любви, но, напротивъ, въ духѣ папскаго властолюбія. Она же вызвала и извѣстный, отличающійся неопровержимой силой доказательства, отвѣтъ

восточныхъ патріарховъ. Этимъ все покончилось. Я посѣтилъ нунція и сообщилъ ему о намѣреніи нѣкоторыхъ армяно-григоріанцевъ завязать съ нимъ сношенія и вступить въ переговоры объ ихъ присоединеніи къ римской церкви, о чемъ я узналъ случайно. Депутація армянъ дѣйствительно явилась къ нему: но высокомѣрное и гордое обращеніе съ ними нунція отняло у нихъ всякую охоту подчиниться Риму. И мнѣ также не понравилось обращеніе этого папскаго посланника.

Вл. Терлецкій.

Сообщ. **А. Лопатинскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ МИХАИЛЪ ТАРІЕЛОВИЧЪ ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ

Воспоминанія доктора Н. А. Бѣлоголоваго

1878—1888.

I.

Обстоятельства сблизили меня за границею съ графомъ Лорисомъ на склонѣ его жизни, въ послѣдніе четыре года ея, и я считаю до нѣкоторой степени своимъ нравственнымъ долгомъ передать мои воспоминанія и кой-какія данныя о немъ русскимъ читателямъ, такъ какъ онъ представлялся личностью, далеко не заурядною, одно время очень популярною у насъ и сыгравшею видную, хотя и кратковременную, роль въ нашей исторіи послѣднихъ лѣтъ. Я отнюдь не имѣю въ виду писать его біографіи, для этого у меня нѣтъ достаточно матеріала, ни тѣмъ менѣе дѣлать анализъ и оцѣнку его служебной и государственной дѣятельности, для которыхъ еще не наступило, да и врядъ ли скоро наступитъ время, а просто намѣренъ подѣлиться моими личными впечатлѣніями и тѣми біографическими свѣдѣніями, остающимися до сихъ поръ неизвѣстными публикѣ, которыя я узналъ непосредственно отъ покойнаго при частыхъ моихъ бесѣдахъ съ нимъ.

Въ первый разъ я увидѣлъ графа еще въ апрѣлѣ 1878 года въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ по окончаніи войны и вскорѣ пожелалъ посовѣтоваться со мной о своемъ здоровьи; я былъ какъ разъ въ это время такъ занятъ, что вначалѣ отказался

было къ нему пріѣхать, за неимѣніемъ свободнаго времени, и согласился только нѣкоторое время спустя и послѣ настойчиваго повторенія приглашенія. Жилъ онъ тогда въ небольшой квартирѣ 3-го этажа дома Васильевой на Сергіевской улицѣ. Свиданье это имѣло чисто дѣловой характеръ и разговоръ нашъ ни разу не выходилъ за черту своей медицинской цѣли, но помню, что и тогда графъ очень пріятно поразилъ меня своимъ искрящимся умомъ и безъискусственной простотою обращенія. Я осмотрѣлъ его, нашелъ нѣсколько затронутыя стародавнимъ, но, повидимому, остановившимся процессомъ легкія, хроническій катарръ дыхательныхъ вѣтвей, и въ виду этого, а также наклонности къ частымъ кровохарканіямъ, сдѣлалъ нужныя медицинскія указанія для предотвращенія ухудшеній на будущее время, а затѣмъ, признавъ въ общемъ итогѣ состоянье здоровья довольно удовлетворительнымъ, распрощался,—и на этомъ знакомство наше остановилось.

II.

Слѣдующая встрѣча наша произошла въ 1884 году при совершенно иной обстановкѣ. За эти 6 лѣтъ для насъ обоихъ много утекло воды; не только въ судьбѣ графа, но и въ моей случилась капитальная перемѣна, для объясненія которой я долженъ, не смотря на нежеланіе занимать своей особой, сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ. Занимаясь не въ мѣру, т. е. не по своимъ силамъ, практикою въ Петербургѣ, я, къ концу 25-ти лѣтія своей медицинской дѣятельности, вдругъ, что называется, надорвался, почувствовалъ ясные признаки мозговаго переутомленія и лѣтомъ 1879 года выѣхалъ за границу съ надеждою, что одного года отдыха отъ утомительной практики вполнѣ будетъ достаточно, чтобы меня освѣжить и снова подвинтить на работу. Я очень скучалъ отъ этого продолжительнаго перерыва въ привычныхъ занятіяхъ и, на силу дождавшись окончанія срока, положеннаго на праздношатаніе, увѣрилъ себя, что я совсѣмъ отдохнулъ и къ сентябрю 1880 года вернулся въ Петербургъ, но едва только принялся за практику, какъ тотчасъ

же долженъ былъ убѣдиться, что моя пѣсня, какъ медицинскаго работника, была спѣта и что я безвозвратно утерялъ то нравственное равновѣсіе, которое необходимо врачу для добросовѣстнаго исполненія его обязанностей; всякій пустякъ меня не только волновалъ, но и злилъ, и я съ отчаяніемъ видѣлъ, какъ изъ невозмутимаго и очень терпѣливаго человѣка я становлюсь нервнымъ и раздражительнымъ и не въ состояніи силою воли справляться съ этимъ превращеніемъ. Когда для меня стало ясно, какъ дважды два, что далѣе я практиковать не могу, я рѣшился на радикальную мѣру и весной 1881 года выѣхалъ на безсрочное время за границу, находя, что отказаться отъ практики и вмѣстѣ съ тѣмъ не покидать Россіи было бы задачей, не разрѣшимой при моемъ характерѣ; не умѣя ни отказывать больнымъ, ни вести дѣла, спустя рукава, я заблагоразсудилъ совсѣмъ удалиться, спасая не только себя, но и моихъ многочисленныхъ паціентовъ отъ врача, утратившаго вѣру въ самого себя. Многіе могутъ найти мой поступокъ эгоистичнымъ, мнѣ же онъ представляется совсѣмъ не такимъ, но оправдываться не буду, да и притомъ здѣсь рѣчь идетъ не обо мнѣ.

Перемѣна, постигшая графа Лориса за эти шесть лѣтъ, была еще несравненно разительнѣе, и, имѣя въ виду, что она болѣе или менѣе всѣмъ извѣстна, излагать ее было бы излишне. Онъ тоже съ 1881 года былъ не у дѣлъ и тоже съ расшатанными силами мыкался по лицу западной Европы, ища возстановленія ихъ. Никакъ нельзя сказать про него, чтобы онъ переносилъ охотно и легко свое выселеніе изъ Россіи и не старался избѣжать его, такъ, зиму 1883—1884 года онъ всю провелъ въ Петербургѣ, но уже въ началѣ ея, а именно въ декабрѣ, схватилъ какую-то лихорадочную инфекціонную болѣзнь, то-ли тифъ, то-ли возвратную горячку, и къ которой, какъ осложненіе, присоединилось подострое воспаленіе верхушки лѣваго легкаго, такъ что съ декабря по 20-ыя числа апрѣля пролежалъ въ постели и, съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней, по совѣту проф. Боткина, прямо съ кровати былъ перевезенъ въ вагонъ Варшавской желѣзной дороги и отправленъ въ Висбаденъ съ тѣмъ, чтобы на зиму переѣхать въ Ниццу. Привожу этотъ фактъ, какъ доказательство, что графъ проживалъ за границей вслѣдствіе своего разстроеннаго здоровья, а никакъ не по доброй волѣ, какъ это

утверждали многіе, упрекавшіе его въ абсентеизмѣ, — и почти навѣрное можно сказать, что только благодатный климатъ юга позволилъ ему протянуть свою жизнь на нѣсколько лишнихъ лѣтъ, а оставайся онъ въ Петербургѣ,—его раньше не было бы въ живыхъ.

Вотъ послѣ этого-то его выѣзда въ 1884 году изъ Петербурга, я съ женой, въ іюнѣ, тоже попалъ въ Висбаденъ съ тѣмъ, чтобы прожить тамъ лѣто и начало осени до переселенія въ Ментону, мѣсто моей тогдашней зимовки. Просматривая однажды листокъ для пріѣзжихъ, я увидѣлъ въ числѣ русскихъ фамилій — фамилію графа Лориса и зашелъ къ нему, чтобы возобновить наше знакомство. Жилъ онъ далеко отъ меня, на противоположномъ концѣ города, занимая небольшую меблированную квартиру, содержимую петербургской нѣмкой Франкъ, и отъ нея же пользовался столомъ; вся обстановка жизни была на холостую ногу; при немъ находился только его русскій лакей, а вся семья проводила лѣто въ Гомбургѣ, въ полутора часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Висбадена, и графиня съ дочерьми изрѣдка пріѣзжала навѣстить мужа. Принялъ онъ меня очень привѣтливо, какъ стараго знакомаго, и съ этого же свиданія между нами установились сразу самыя искреннія и дружескія отношенія, чему, вѣроятно, не мало способствовало нѣкоторое сходство въ нашемъ подневольномъ скитаніи вдали отъ родины, хотя я и чувствую очевидное преувеличеніе, приравнивая мою скромную дѣятельность и незамѣтное существованіе къ такому видному кораблю, какимъ былъ гр. Лорисъ. Помню, что онъ меня встрѣтилъ словами: „я слышалъ, что вы очень скучаете, я тоже; давайте, составимъ, какъ говоритъ Шекспиръ, одно горе; вдвоемъ намъ и скучать будетъ веселѣе“; и затѣмъ съ устъ его полилась такая искренняя, скорбная рѣчь о своей безцѣльной, праздной жизни въ настоящемъ, такая откровенная исповѣдь своихъ промаховъ и ошибокъ въ прошломъ, что разстояніе, отдѣлявшее насъ, тотчасъ же рушилось, и я увидалъ передъ собой не царедворца, не важную персону, а обыкновеннаго человѣка, безъ всякой драпировки и фразъ, въ его неподдѣльной натурѣ, близко родственной мнѣ по духу, и почувствовалъ къ нему неодолимое влеченіе. Теперь, когда графа уже нѣтъ въ живыхъ, и я не разъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ могла завязаться такая дружеская

короткость, полная молодаго увлеченія, между двумя пожилыми людьми съ столь противоположными темпераментами, между графомъ съ его южной, живой и экспансивной натурой и мною, сыномъ ледяной Сибири, замкнутымъ и несообщительнымъ, между веселымъ и остроумнымъ аѳинянинномъ и суровымъ аскетическимъ спартанцемъ? я долженъ признать безъ всякаго самоуничиженія, что въ данномъ случаѣ Кавказъ покорилъ Сибирь, а не наоборотъ, и что весь дѣятельный починъ въ установкѣ правды и естественности между нами долженъ быть цѣликомъ отнесенъ къ графу. Не могу знать, чѣмъ онъ дорожилъ во мнѣ; я же въ немъ, помимо разносторонняго и пріятнаго ума, высоко цѣнилъ его человѣчность, его горячую вѣру въ прогрессъ, его простоту и честность въ отношеніяхъ. Не смотря на его типичную армянскую внѣшность, въ внутреннемъ его складѣ не было ничего инородческаго; говорилъ онъ превосходнымъ русскимъ языкомъ съ печатью литературной обработки, хотя нерѣдко уснащивалъ его разными простонародными поговорками, въ родѣ, наприм., „тара бара, крута гора“, „мели, Емеля, твоя недѣля“, и т. п., за русской литературой онъ слѣдилъ съ большою любовью, до послѣдняго времени удерживалъ въ памяти множество стиховъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др. и нерѣдко цитировалъ ихъ въ разговорѣ, любилъ также приводить остроумныя изреченія Салтыкова, котораго былъ большимъ поклонникомъ. Хотя онъ и горячо любилъ свою кавказскую родину, но любовь эта была отодвинута на второй планъ въ его сердцѣ, первое же мѣсто въ немъ занимала Россія, какъ цѣлое, и графа смѣло можно было назвать русскимъ патріотомъ въ лучшемъ значеніи слова. Ничѣмъ не отличаясь отъ русскаго образованнаго человѣка, онъ лишенъ былъ одного изъ крупныхъ національныхъ недостатковъ его, а именно, въ немъ не было того мелочнаго самолюбія, которое безпрестанно у насъ приводитъ къ тому, что умные и въ сущности совсѣмъ единомышленные люди легко готовы изъ-за самаго пустаго слова или ничтожнаго пререкательства разссориться, сдѣлаться чуть не вѣчными и непримиримыми врагами и пожертвовать, такимъ образомъ, интересами коллективнаго блага — пустой личной обидѣ, самому мелкому недоразумѣнію. Графъ же отличался, напротивъ, терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, не былъ мелочно обидчивъ и, не считая себя непо-

грѣшимымъ, всегда спокойно и внимательно выслушивалъ возраженія; это, вѣроятно, и дало поводъ обвинять его характеръ въ чрезмѣрной гибкости, податливости и даже въ азіатской хитрости, что было, по моему мнѣнію, совершенно несправедливо, ибо, охотно выслушивая всякія мнѣнія, онъ оставался, на рѣдкость, устойчивъ въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ и его нельзя было сбить съ нихъ. Терпимость же къ постороннимъ и часто враждебнымъ ему взглядамъ, напротивъ, служила лучшимъ признакомъ той ширины ума, которая и дѣлала изъ него истиннаго государственнаго человѣка, преслѣдующаго главную намѣченную имъ государственную цѣль, не позволяя отвлекать себя отъ нея никакими второстепенными препятствіями и меньше всего уколами личнаго самолюбія. По политическимъ своимъ убѣжденіямъ—это былъ умѣренный постепеновецъ, который не мечталъ ни о какихъ коренныхъ переворотахъ въ государственномъ строѣ и признавалъ ихъ положительно пагубными въ неподготовленныхъ обществахъ, но, непоколебимо вѣруя въ прогрессъ человѣчества и въ необходимость для Россіи примкнуть къ его благамъ, крѣпко стоялъ на томъ, что правительству необходимо самому поощрять постепенное развитіе общества и руководить имъ въ этомъ направленіи. Поэтому онъ былъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширеніе и бо̀льшую самостоятельность самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ общества къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ. Дальше этого его реформативные идеалы не шли и они, съ точки зрѣнія западнаго европейца, едва ли могутъ быть названы иначе, какъ весьма скромными и узкими; у насъ же реакціонная печать нашла ихъ чуть не революціонными и, окрестивъ ихъ названіемъ лже-либеральныхъ, осыпала графа глумленіемъ и презрѣніемъ, стараясь выставить его чуть не врагомъ отечества. Нельзя не добавить, что ко всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ и клеветамъ самъ онъ относился очень благодушно и незлобиво и однажды выразился по этому поводу такъ: „далась же имъ эта диктатура сердца! и неужели Катковъ серьезно думаетъ меня уязвить такой лестной кличкой, которой, на самомъ дѣлѣ, я могу лишь гордиться и особенно въ такое жесткое и злобствующее время, какъ наше? да вѣдь я бы почелъ для себя самой величайшей

почестью и наградой, если бы на моемъ могильномъ памятникѣ вмѣсто всякихъ эпитафій помѣстили только одну эту кличку".

Черезъ день послѣ моего перваго посѣщенія графъ заѣхалъ ко мнѣ на квартиру, познакомился съ моей женой и высказалъ снова такое искреннее желаніе сойтись покороче, что мы стали видаться довольно часто. Въ это лѣто себя онъ чувствовалъ настолько порядочно, что всякій день выѣзжалъ и, обыкновенно выйдя изъ экипажа, прохаживался нѣкоторое пространство пѣшкомъ. Положеніе его тогда было еще не выяснено и трудно было считать его окончательно сошедшимъ со сцены, а потому знакомствомъ его дорожили, и онъ рѣдко бывалъ дома одинъ; въ Висбаденѣ проживало много русскихъ и большинство изъ нихъ, время отъ времени, навѣщало его, а изъ старыхъ знакомыхъ не мало было такихъ, которые заѣзжали въ Висбаденъ нарочно для свиданья съ нимъ. Лечившіеся въ этотъ сезонъ въ Висбаденѣ датскій и греческій короли и пріѣзжавшій къ нимъ въ гости принцъ уэльскій также побывали у него; не разъ встрѣчалъ я въ его кабинетѣ принца нассаускаго Николая и супругу его — графиню Меренбергъ, дочь поэта Пушкина. Я, какъ человѣкъ мало общественный, не съ особенной охотой заходилъ къ графу, зная, что у него неизбѣжно наткнешься на какое нибудь новое знакомство, а потому тѣмъ болѣе бывалъ радъ, когда его ландо подъѣзжало подъ балконъ моей квартиры и онъ вызывалъ меня, чтобы узнать, дома ли я и можно ли съ часокъ поболтать? — тогда можно было съ нимъ бесѣдовать по душѣ, не стѣсняясь присутствіемъ незнакомыхъ лицъ.

Къ осени мы такъ сдружились, что когда подошло время разставаться и перекочевывать на наши зимнія стоянки, графъ сталъ поговаривать о томъ, что онъ хочетъ измѣнить Ниццѣ и поселиться у насъ въ Ментонѣ и очень огорчился, когда я возсталъ противъ этого плана на томъ основаніи, что онъ въ Ментонѣ навѣрное скорѣе соскучится. Между образомъ жизни Ниццы и Ментоны — разница огромная: первая — большой, оживленный городъ, нѣчто въ родѣ обширнаго международнаго каравансарая, вѣчно кишащаго не столько трудными больными, сколько или туристами, или страстными игроками въ рулетку, или, наконецъ, богатыми и праздными людьми, ищущими теплаго солнца и вѣчнаго лѣта въ роскошной рамкѣ живописной природы

и при всевозможныхъ удобствахъ и развлеченіяхъ большаго города,—тогда какъ Ментона есть скорѣе не что иное, какъ госпиталь, переполненный тяжелыми и почти исключительно чахоточными больными, дни которыхъ болѣе или менѣе сочтены и все вниманіе, какъ ихъ самихъ, такъ и сопровождающихъ ихъ больныхъ, поглощено леченіемъ и наблюденіемъ за уходомъ. Покуда воздухъ нагрѣвается горячимъ солнцемъ, всѣ эти изможденные болѣзнью страдальцы, изъ которыхъ $^3/_4$ приговорено къ близкой смерти, бродятъ, какъ дантовскія тѣни, по улицамъ или набережной городка или сидятъ на скамейкахъ общественнаго сада или даже посѣщаютъ другъ друга, но какъ только солнце начинаетъ приближаться къ закату, они спѣшатъ закупориться въ своихъ квартирахъ и отеляхъ, и зимой Ментона съ 4-хъ часовъ вечера превращается въ совершенно пустынный и мертвый городъ. Мнѣ при моихъ наклонностяхъ такая жизнь была совсѣмъ по вкусу, но казалось болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы графъ съ его живымъ и общительнымъ нравомъ могъ удовлетвориться такой меланхолической и однообразной обстановкой и самъ не впасть въ хандру. И онъ убѣдился резонностью этихъ доводовъ, и мы разъѣхались по своимъ зимнимъ станціямъ, условившись, что будемъ навѣщать другъ друга, такъ какъ разстояніе между Ниццой и Ментоной составляетъ не много болѣе часа ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Я такъ и устроился, что всю зиму разъ или два въ мѣсяцъ забирался въ Ниццу, обыкновенно съ женой, на полдня, успѣвалъ сдѣлать нѣсколько визитовъ и затѣмъ мы обѣдали у графа и проводили съ нимъ 3—4 часа. Семья его на эту зиму уѣзжала въ Петербургъ, а потому онъ жилъ одинъ въ небольшой, но очень удобной квартирѣ съ неизмѣннымъ своимъ лакеемъ Осипомъ, а завтракъ и обѣдъ ему приносили отъ хорошаго повара со стороны. Хозяинъ онъ былъ весьма радушный и хлѣбосольный и угощалъ насъ на славу; самъ же ѣлъ очень умѣренно и пилъ исключительно свое родное Кахетинское вино, которое выписывалъ съ Кавказа и возилъ съ собою повсюду въ путешествіяхъ. Здоровье его шло довольно сносно, и хотя онъ продолжалъ жаловаться на него и сильно кашлять, однако, старался выѣзжать и пользоваться воздухомъ и только къ намъ въ Ментону такъ-таки и не рискнулъ пріѣхать ни разу, изъ бо-

язни простудиться дорогой въ вагонѣ. Но какъ онъ ни бодрился духомъ и ни старался встрѣчать насъ весело, но ужъ самая радость эта показывала, какъ онъ сильно скучаетъ безъ семьи и безъ всякой дѣятельности. Кто-то довольно остроумно сравнилъ его пребываніе въ Ниццѣ съ положеніемъ Прометея, прикованнаго къ скалѣ и терзаемаго, но не коршунами, а воронами и сороками. Знакомыхъ у него въ Ниццѣ было много, даже черезъ-чуръ много, потому что большинство ихъ принадлежало къ тому разряду пустыхъ и безпринципныхъ русскихъ туристовъ, наводняющихъ Ниццу, для которыхъ весь житейскій интересъ сосредоточивается на переносѣ изъ дома въ домъ разныхъ сплетенъ и новостей изъ хроники монтекарлійской рулетки; графъ очень тяготился посѣтителями этого рода, а между тѣмъ отказать имъ въ пріемѣ у него не хватало мужества. Но въ числѣ его гостей бывали и такіе, приходу которыхъ онъ искренно радовался, ибо изъ бесѣдъ съ ними онъ извлекалъ много для себя новаго и поучительнаго,—и къ такимъ знакомствамъ въ описываемую зиму слѣдуетъ отнести французскаго сенатора Рено, извѣстнаго прусскаго магната графа Генкель фонъ-Доннерсмарка и еще нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей. Бо̀льшую же часть дня графъ проводилъ за чтеніемъ; газетъ, какъ русскихъ, такъ и французскихъ, онъ читалъ много и, слѣдя съ увлеченіемъ за текущею политикою, онъ почти не пропускалъ ни одного выдающагося сочиненія по политическимъ и политико-экономическимъ наукамъ, любилъ всегда потолковать по поводу прочитаннаго, потому что, ничего не беря на вѣру, относился ко всякой книгѣ критически, пропуская ея содержимое, такъ сказать, черезъ фильтръ собственнаго всегда дѣятельнаго, всегда работающаго мышленія.

———

III.

Лѣтомъ 1885 года мы снова съѣхались въ Висбаденѣ вмѣстѣ, но этотъ разъ графъ уже жилъ съ семьей, т. е. съ женой и 3 дочерьми, и два сына его, гвардейскіе офицеры, тоже пріѣзжали для свиданія съ родителями по окончаніи красносельскаго лагеря. Занималъ онъ бель-этажъ прекрасной виллы, расположенной на возвышенности и съ балкона которой можно было любоваться превосходнымъ видомъ на лежащій подъ ногами Висбаденъ и его окрестности, но графъ никогда не выходилъ на балконъ и не пользовался съ него ни видомъ, ни воздухомъ, ибо съ этого лѣта началъ все болѣе и болѣе заражаться воздухобоязнью и впадать въ самый не гигіеничный образъ жизни и все изъ страха, какъ-бы не простудиться. Страхъ этотъ принималъ характеръ своего рода маніи: мало того, что, не смотря на знойное лѣто, графъ не рѣшался снять съ себя хоть часть надѣтыхъ на себя фуфаекъ, онъ рѣдко позволялъ открыть окно въ своей спальнѣ, гдѣ и обѣдалъ и проводилъ бо̀льшую часть дня, сидя или передъ письменнымъ столомъ, или въ креслѣ посреди комнаты; бывало, придешь къ нему, просидишь часъ или полтора и уходишь съ тяжелой головой и какъ ошалѣлый отъ этой тепличной атмосферы, въ которой къ тому же столбомъ стоялъ табачный дымъ, такъ какъ графъ безпрестанно жегъ свои толстыя крученыя папиросы; выѣзды на воздухъ все становились рѣже и рѣже. Напрасны были усилія доказать несомнѣнную пагубу такого образа жизни, онъ ничего не хотѣлъ слушать, а если иногда и соглашался съ справедливостью такихъ указаній, то не въ силахъ былъ побороть въ себѣ свой безотчетный страхъ. А между тѣмъ это постоянное пребываніе въ искусственно созданной паровой ваннѣ до того избаловало его кожу, что онъ, почти не выходя изъ комнаты, то и дѣло получалъ насморкъ и обостренія кашля, и, наконецъ, въ самой срединѣ жаркаго іюля схватилъ острый суставный ревматизмъ, уложившій его дней на десять въ кровать. Замѣчу здѣсь, что во время своихъ заболѣваній онъ прямо не обращался ко мнѣ, а посылалъ за кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ врачей; дѣлалъ это онъ, прежде всего,

по своей крайней деликатности, избѣгая меня безпокоить, а частью оттого, что я, какъ врачъ объективной школы, не брался давать совѣтовъ на основаніи однихъ субъективныхъ показаній и жалобъ, а настаивалъ на непремѣнномъ изслѣдованіи органовъ; для графа же такое изслѣдованіе, связанное съ раздѣваніемъ, служило непреоборимымъ пугаломъ,—и изъ-за этого между нами всегда происходили жаркія схватки, кончавшіяся тѣмъ, что каждый сохранялъ свою прежнюю позицію. Лечась у другихъ, графъ все-таки не отправлялъ въ аптеку ни одного прописаннаго ему рецепта, не представивъ его прежде на мое одобреніе.

Лѣто, однако же, миновало для него довольно благополучно и не скучно, потому, что, кромѣ круга обычныхъ висбаденскихъ знакомыхъ, къ нему часто пріѣзжалъ кто-нибудь погостить. Къ осени мы опять распрощались, съ тою только разницею, что онъ предстоявшую зиму проводилъ съ семьей въ Ниццѣ, я же — во Флоренціи, и сношенія наши поддерживались перепискою до іюня 1886 года, когда мы снова съѣхались въ Висбаденѣ. Поселился онъ въ нагорной виллѣ предшествовавшаго года, ибо съ семьей своей болѣе не разлучался и только составъ послѣдней убавился выходомъ одной изъ дочерей графа замужъ за г. Новикова, и свадьба была отпразднована въ апрѣлѣ въ Ниццѣ. Въ это лѣто онъ непремѣнно предположилъ себѣ съѣздить изъ Висбадена въ Петербургъ, и необходимость эта сильно его тяготила и смущала опасеніемъ, какъ бы опять не расхвораться въ Петербургѣ; но онъ смотрѣлъ на поѣздку, какъ на исполненіе долга, а потому въ первыхъ числахъ іюля уѣхалъ и прожилъ въ Петербургѣ около 4-хъ недѣль; изъ этого времени часть опять-таки прохворалъ, но вернулся обратно, оживленный свиданіемъ съ множествомъ знакомыхъ и вполнѣ счастливый благополучнымъ исполненіемъ заданной себѣ задачи.

Свиданія мои съ графомъ продолжались по прежнему часто и мы такъ сжились вмѣстѣ, что я хотѣлъ было на слѣдующую зиму перебраться на зимовку въ Ниццу и даже поручилъ своимъ тамошнимъ знакомымъ пріискать для меня небольшую квартирку, какъ вдругъ одно непредвидѣнное обстоятельство совсѣмъ разрушило этотъ планъ: у меня въ Сибири умеръ братъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя его жена, оставивъ послѣ себя 10 человѣкъ дѣтей въ Петербургѣ,—и мы съ женой надумали взять

на свое попеченіе 2-хъ меньшихъ мальчиковъ, а, при такомъ внезапномъ приростѣ нашей семьи, простой экономическій разсчетъ заставлялъ насъ отказаться отъ жизни въ дорогой Ниццѣ и выбрать для нашего пребыванія болѣе скромную и болѣе подходящую подъ нашъ бюджетъ мѣстность, притомъ такую, гдѣ бы намъ можно было жить и лѣто, и зиму безъ переѣздовъ, столь неудобныхъ съ дѣтьми во многихъ отношеніяхъ. Выборъ нашъ палъ на городокъ Вевей на Женевскомъ озерѣ, въ Швейцаріи. Въ началѣ сентября дѣти были доставлены къ намъ изъ Петербурга и мы, чтобы своевременно до наступленія осени устроиться на новомъ мѣстѣ, немедленно выѣхали изъ Висбадена, разставшись съ графомъ съ большою грустью и съ неувѣренностью, придется ли намъ свидѣться—и гдѣ, и когда?

IV.

Для графа сезонъ 1886—1887 г. въ Ниццѣ вышелъ далеко неудачнымъ. Въ эту зиму въ февралѣ произошло, какъ извѣстно, на побережьи Средиземнаго моря жестокое землетрясеніе, отъ котораго сильно пострадала и Ницца и въ ней много домовъ было разрушено; послѣ главной катастрофы легкія сотрясенія продолжались долго и поддерживали панику вслѣдствіе ожиданія новыхъ несчастій, а потому всѣ пріѣхавшіе на зимовку иностранцы спѣшили уѣхать поскорѣе подальше, въ болѣе безопасныя мѣста — и городъ быстро опустѣлъ. Графъ за все это время всеобщаго труса и заразительной паники выказалъ замѣчательную неустрашимость: онъ не только не подумалъ покинуть Ниццу, не только не вышелъ изъ своего нѣсколько пострадавшаго отъ землетрясенія дома и не переселился въ палатку на площадь или за городъ, какъ это сдѣлала почти вся иностранная колонія, а остался въ своей спальнѣ, гдѣ какъ разъ треснула стѣна, къ которой была приставлена его кровать, и стѣна эта могла, при новомъ сотрясеніи, повалиться прямо на него. Но все-же онъ не могъ не тревожиться если не за себя, то за свою семью, и то-ли вслѣдствіе этой подавляющей тревоги, то-ли по другой какой причинѣ, только чрезъ 3—4

недѣли послѣ землетрясенія у графа открылось небольшое кровохарканье, протянувшееся почти два мѣсяца, не смотря на дѣятельное леченіе. Всѣхъ знакомыхъ не мало поражало то, что этотъ мужественный человѣкъ, не испугавшійся землетрясенія и покойно спавшій подъ надтреснутой стѣной, перебывавшій на своемъ вѣку болѣе чѣмъ въ сотнѣ сраженій и кровавыхъ схватокъ, терялся, какъ малый ребенокъ, когда видѣлъ въ своей мокротѣ жилку крови, и падалъ духомъ до совершенной утраты самообладанія. Такая кажущаяся непослѣдовательность человѣческой натуры встрѣчается, однако же, не рѣдко, и далеко не такъ рѣдки люди, истощенные хроническими болѣзнями, которые не только не боятся смерти, а ждутъ ея съ нетерпѣніемъ и даже иногда посягаютъ на самоубійство, но подобное равнодушіе къ жизни не мѣшаетъ имъ приходить въ отчаяніе отъ всякаго новаго болѣзненнаго припадка и преувеличивать опасное его значеніе; такое противорѣчіе, кажется, можно объяснить себѣ тѣмъ, что эти хроники боятся, какъ бы всякое новое болѣзненное явленіе не повлекло за собой не столько новыя страданія, сколько еще большее изнуреніе нравственныхъ силъ въ борьбѣ съ физическимъ недугомъ. И чѣмъ сильнѣе былъ умъ человѣка и энергичнѣе воля, тѣмъ ему труднѣе примириться съ своею зависимостью отъ капризовъ больнаго тѣла и съ прогрессивнымъ возрастаніемъ своего духовнаго безсилія; Некрасовъ очень близко выразилъ это состояніе своимъ сжатымъ стихомъ: „хорошо умереть, тяжело умирать“. Такъ было и съ графомъ; хотя кровохарканье было незначительно и врачи не предусматривали никакой опасности, онъ впалъ въ состояніе полной прострации и смотрѣлъ на себя какъ на умирающаго; онъ вызвалъ немедленно своего старшаго сына изъ Петербурга и сдѣлалъ всѣ предсмертныя распоряженія. Когда же, къ концу апрѣля, кровь въ мокротѣ исчезла, онъ тотчасъ же ободрился и вскорѣ увѣдомилъ меня письмомъ о своемъ намѣреніи провести лѣто въ Вевей и просилъ подыскать ему квартиру. Порученіе было не изъ легкихъ, потому что выборъ меблированныхъ виллъ и квартиръ въ нашемъ захолустномъ городкѣ крайне ограниченъ,—и мы съ женой рѣшили удержать для графа нѣсколько комнатъ въ одномъ изъ лучшихъ отелей, предоставляя семейству его, осмотрѣвшись, самому пріискать себѣ помѣщеніе по вкусу.

2-го іюня 1887 г. онъ пріѣхалъ съ семьей; мы встрѣтили ихъ на желѣзно-дорожной станціи и водворили въ приготовленномъ помѣщеніи. Графа я нашелъ похудѣвшимъ, но бодрымъ и очень веселымъ; все ему нравилось, и тишина, и скромная внѣшность нашего городка, и отдѣльный особнякъ изъ 4-хъ комнатъ, устроенный для него и семьи въ нижнемъ этажѣ отеля, и приготовленная для него большая комната съ большой террасой въ садъ, прилегавшій къ Женевскому озеру, и долженствовавшая служить ему спальней, кабинетомъ и салономъ. Я тотчасъ же ему высказалъ мучившую меня мысль, какъ бы онъ не соскучился въ Вевей за цѣлое лѣто, такъ какъ здѣсь нѣтъ иныхъ развлеченій, кромѣ экскурсій, не доступныхъ для него по отдаленности; общества также не имѣется, ибо это далеко не столь посѣщаемое мѣсто, какъ Висбаденъ, который кромѣ осѣдлой русской колоніи, привлекаетъ къ себѣ лѣтомъ много отечественныхъ туристовъ, какъ пунктъ, съ одной стороны, лежащій вблизи главной трактовой дороги изъ Россіи къ большинству минеральныхъ водъ,— а съ другой, по удобствамъ жизни, представляющій счастливое сочетаніе городскаго комфорта съ дачными приспособленіями для людей, желающихъ пріятно и покойно отдохнуть лѣто. Вевей же—небольшой городокъ въ 7,500 жителей, въ которомъ, кромѣ классически красиваго вида на озеро и обступившія его горы, нѣтъ ничего и даже трудно отыскать тѣнистую прогулку, ибо ближайшія окрестности сплошь воздѣланы подъ виноградники; трудолюбивые туземцы заняты постоянно своимъ дѣломъ; ни русскаго, ни международнаго общества не заводится, и если отели городка лѣтомъ и переполняются туристами всевозможныхъ націй, то этотъ бродячій народъ въ немъ не осаживается, а, проведя день, много два, спѣшитъ далѣе для осмотра другихъ живописныхъ мѣстъ Швейцаріи и смѣняется новыми толпами. На всѣ высказываемыя мною опасенія графъ отвѣчалъ съ рѣшительною увѣренностью: „э! другъ любезный, повѣрьте, никого и ничего мнѣ не нужно; всѣ эти Ниццы и Висбадены съ ихъ обществами надоѣли мнѣ до такой тошноты, что я съ наслажденіемъ мечтаю, какъ отдохну здѣсь отъ нихъ; книгъ у насъ съ вами въ волю, газетъ по-горло, буду читать, а потомъ вы не откажетесь заходить ко мнѣ почаще и станемъ бесѣдовать".

Первые три дня по пріѣздѣ прошли въ хлопотахъ о квар-

тирѣ, но послѣ тщетныхъ поисковъ ничего подходящаго не отыскалось, а потому рѣшено было, какъ самое удобное, остаться на все лѣто въ томъ отельномъ помѣщеніи, которое занято было съ пріѣзда. Графъ тотчасъ же помирился и съ этой обстановкой, и съ своимъ одиночествомъ и продолжалъ сохранять ровное и ясное настроеніе духа; только въ одномъ онъ оставался неисправимымъ—это въ своемъ безобразномъ укладѣ жизни, и короталъ дни, герметически закупорившись въ одной комнатѣ. Лѣто было изъ ряду вонъ знойное, засуха стояла такая, что всѣ ручьи и водоемы пересохли, растительность была сожжена палящими лучами и всѣ мы задыхались отъ духоты, а онъ едва ли перешелъ разъ десять на свою террасу посидѣть на воздухѣ и только однажды выбрался на небольшую городскую площадь, на которую выходилъ другой фасъ гостинницы, и тотчасъ же послалъ своего лакея оповѣстить меня о такомъ необыкновенномъ подвигѣ. Притомъ онъ страдалъ безсонницами, вѣроятно, отъ недостатка движенія, а частью и оттого, что проводилъ въ кровати болѣе половины сутокъ; проснувшись утромъ, онъ пилъ въ постели чай, читалъ свѣжія газеты, одѣвался и въ 11 часу перебирался на кушетку, поставленную въ глубинѣ комнаты и съ которой были видны въ окна прилегающая часть отельнаго сада и небольшой клочекъ Женевскаго озера; во 2-мъ часу послѣ завтрака онъ опять ложился на кровать часа на два для отдыха, а потомъ остальную часть дня не сходилъ съ своей кушетки; передъ ней стоялъ круглый столъ, на которомъ онъ писалъ свою довольно обширную корреспонденцію и тутъ же въ 12 часовъ ему накрывался завтракъ, а въ 7 часовъ—обѣдъ, такъ что и въ комнатѣ онъ ограничилъ свои движенія елико возможно.

Между нами установилось такъ, что я каждый день приходилъ къ нему около 5 часовъ и оставался почти до 7, и всегда заставалъ его полу-лежащимъ на кушеткѣ съ вытянутыми и прикрытыми пледомъ ногами. Казалось бы, трудно было придумать болѣе убійственную по однообразію обстановку для такой энергичной и дѣятельной натуры, но или графъ успѣлъ примириться съ такимъ однообразіемъ въ предшествовавшія 6 лѣтъ бездѣйствія, или же умѣлъ скрывать хорошо свои истинныя ощущенія, но только онъ не имѣлъ скучающаго вида, всегда былъ веселъ и привѣтливъ и неистощимъ на разговоры о

политикѣ и на разсказы о разныхъ событіяхъ, которыми была такъ богата его жизнь. Политическіе разговоры наши передавать не берусь, между прочимъ, и потому именно, что, случаясь изо дня въ день, они касались всѣхъ ежедневныхъ перипетій европейской политической жизни, а такъ какъ мы оба отъ бездѣлья пожирали даже до излишества великое множество газетъ, то тема эта у насъ никогда не оскудѣвала и постоянно разнообразилась.

V.

Для общей характеристики взглядовъ графа Михаила Таріеловича, могу повторить только сказанное уже мною раньше о его политическихъ убѣжденіяхъ относительно благоустроенія Россіи и развѣ прибавить, что и въ обсужденіяхъ западно-европейской политики онъ всегда оставался на точкѣ зрѣнія послѣдовательнаго либерала, строго убѣжденнаго защитника органическаго прогресса, съ одинаковымъ несочувствіемъ относившагося ко всѣмъ явленіямъ, задерживающимъ нормальный ростъ и правильное развитіе народовъ, съ какой бы стороны эти явленія ни обнаруживались, со стороны-ли нетерпѣливыхъ радикальныхъ теоретиковъ, спѣшившихъ приложить принципы, выработанные работой передовыхъ кабинетныхъ мыслителей, къ государственной жизни, или со стороны представителей реакціи, не пренебрегающихъ никакими мѣрами, чтобы искусственно задержать пробуждающееся самосознаніе народныхъ массъ, вмѣсто того, чтобы открыть ему правильные пути для его послѣдовательнаго развитія. Поэтому онъ одинаково горячо возставалъ и противъ нездороваго преобладанія, пріобрѣтеннаго радикалами на дѣла Франціи, и противъ той политики желѣза и ежовыхъ рукавицъ, какую съ такимъ успѣхомъ примѣняетъ Бисмаркъ въ дѣлахъ той остальной Европы, которая входитъ въ орбиту германскаго вліянія. Но доктринеромъ графа назвать было нельзя; отъ доктринерства его спасали его рѣдкій здравый смыслъ и та обширная и всесторонняя практическая дѣятельность, черезъ которую онъ прошелъ; онъ хорошо понималъ, что жизнь государ-

ства такъ сложна и разнообразна, что не можетъ быть уложена въ извѣстныя рамки и подчинена заранѣе составленной программѣ, а потому даже для ошибокъ людей не сочувственныхъ ему взглядовъ склоненъ былъ находить если не оправданіе, то объясненіе въ этихъ неподдающихся кабинетному предусмотрѣнію условіяхъ жизни. Помню, однажды, бесѣдуя по поводу того, какъ французскіе радикалы, начиная съ Гамбетты и кончая Флоке, лишь только достигали сами кормила правленія, неминуемо вынуждены были подмѣнивать свой яркій радикализмъ — убѣжденіями болѣе блѣдныхъ цвѣтовъ и начинали устроивать разныя уступки дѣйствительности, графъ сказалъ: „да, принципы—одно, а власть—другое, и, связавши ихъ вмѣстѣ, далеко не уѣдешь; это все равно, что запречь въ одну упряжку ломовую лошадь съ кровнымъ скакуномъ. У насъ это очень наглядно и остроумно объяснилъ покойный министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій: когда онъ изъ попечителей Московскаго учебнаго округа былъ назначенъ министромъ, то на одномъ изъ первыхъ докладовъ директоръ департамента представляетъ ему на утвержденіе три ходатайства его-же, Ковалевскаго, по званію попечителя и на всѣ три Ковалевскій - министръ кладетъ резолюцію: отказать; тогда удивленный директоръ рѣшается ему замѣтить, что вѣдь это его же собственныя ходатайства и на это Ковалевскій далъ слѣдующій отвѣтъ: „знаю, но я писалъ эти ходатайства, когда не былъ министромъ; когда стоишь внизу, то обыкновенно многаго не видишь, а какъ заберешься на верхушку горы, то горизонтъ дѣлается шире и тутъ только лучше начинаешь отличать соотношеніе предметовъ, лежащихъ у тебя подъ ногами“.

Политическихъ споровъ между нами не возникало, такъ какъ мы мало расходились въ основныхъ убѣжденіяхъ, а если иногда и встрѣчались разногласія въ мелочахъ, то графъ, не терпѣвшій мелочныхъ и праздныхъ препирательствъ, обыкновенно первый же старался прекратить ихъ миролюбивымъ образомъ. Кромѣ разсужденій о политикѣ, онъ любилъ также передавать разные эпизоды изъ всего имъ пережитаго, слышаннаго или читаннаго, много сообщалъ о Кавказѣ, не только о современномъ по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, но и изъ прежней его исторіи, почерпнутой имъ изъ источниковъ печатныхъ и не печатныхъ. Разсказчикъ онъ былъ увлекательный, умѣлъ схватить выдающуюся

сторону передаваемаго и представить такъ рельефно и обстоятельно, что, слушая его, казалось, читаешь интересно написанную книгу; при его богатой памяти, запасъ этихъ разсказовъ былъ до того неистощимъ, что рѣдкій день я уходилъ отъ него, не выслушавъ чего нибудь новаго, оригинальнаго и крѣпко теперь упрекаю себя, что не записывалъ тотчасъ же всего, оттого многое мною или позабыто, или не можетъ быть возстановлено въ той блестящей, талантливой передачѣ, которая давала этимъ разсказамъ особенный интересъ, обрисовывая лучше всего замѣчательную личность самого разсказчика. Конечно, со временемъ личность графа и вся его дѣятельность будетъ подробно и со всѣхъ сторонъ изучены будущими біографами на основаніи офиціальныхъ документовъ; я же постараюсь сообщить то немногое, что сохранилось у меня въ памяти изъ разсказовъ графа о его дѣтствѣ и ранней молодости, полагая, что и эти скудныя данныя могутъ пригодиться для выясненія образованія его характера, а также отчасти познакомить современниковъ съ его, такъ сказать, до-историческимъ періодомъ жизни.

VI.

Всѣ попадавшіяся мнѣ на глаза біографическія замѣтки о графѣ Лорисѣ рожденіе его относятъ къ 1826 году, а въ Conversations Lexicon Брокгауза, гдѣ помѣщена сжатая, но въ общихъ чертахъ вѣрная, біографія его, даже прямо указано, что онъ родился 1-го января 1826 г., а между тѣмъ въ годъ своей смерти графъ считалъ себя близкимъ къ 64 годамъ, такъ что, если только онъ самъ не ошибался, то, значитъ, онъ родился никакъ не въ 1826 г., а въ 1825 или даже въ 1824 году. Отецъ его, происходя изъ стариннаго рода армянскихъ дворянъ, занимался торговлею и имѣлъ небольшое, но обезпеченное состояніе; сыновей у него было двое,—и, будучи человѣкомъ малообразованнымъ, онъ самъ едва ли бы додумался до мысли дать имъ лучшее образованіе, если бы случай не свелъ его близко съ молодымъ горнымъ офицеромъ Вас. Вас. Клейменовымъ [1],

[1] Этого, теперь уже умершаго, В. В. Клейменова, о которомъ графъ Лорисъ вспоминалъ всегда съ глубокой благодарностію, какъ о человѣкѣ, преимущественно способствовавшемъ его образованію, я зналъ очень хорошо впо-

которому удалось уговорить Лориса отца не жалѣть денегъ и дать мальчикамъ европейское образованіе. Приглашенъ былъ опытный наставникъ и такъ какъ мальчики обладали прекрасными способностями (меньшій братъ графа кончилъ отлично высшій курсъ юридическихъ наукъ въ Петербургѣ, очень успѣшно служилъ на Кавказѣ по гражданской части, но умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ), то ученье пошло удачно впередъ и когда Михаилу исполнилось 11—12 лѣтъ, отецъ, сдавъ его на руки двумъ армянскимъ купцамъ, ѣхавшимъ по торговымъ дѣламъ въ Москву, поручилъ помѣстить его въ тамошній Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ. Тяжело было мальчику разставаться съ родными и съ роднымъ привольемъ и ѣхать въ такую сѣверную даль и къ чужимъ людямъ; онъ сильно горевалъ, а дорогой его тоска дошла до того, что у него родилась мысль убѣжать съ пути домой; въ подкладку его платья мать передъ отъѣздомъ зашила 20 рублей мелкой новенькой монетой, отчеканенной въ Тифлисѣ, гдѣ въ тѣ времена существовалъ монетный дворъ, и на этотъ-то собственный капиталъ онъ и задумалъ добраться до дому. Планъ свой онъ привелъ въ исполненіе и съ одной изъ станцій Воронежской губерніи убѣжалъ обратно по столбовой дорогѣ, тайкомъ отъ своихъ спутниковъ, но они его нагнали на 6-й верстѣ и снова засадили въ тарантасъ. Въ Москвѣ купцы остановились на Ильинкѣ, на воейковскомъ подворьѣ, какъ разъ на томъ самомъ, куда и я былъ привезенъ, только 9 или 10 годами позднѣе, и тоже 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ и тоже посторонними людьми изъ Сибири. Это случайное совпаденіе не мало потѣшало и графа, и меня, ибо выходило, что у обоихъ насъ наши первыя впечатлѣнія въ Москвѣ пріурочены были къ одной и той же обстановкѣ, и мы могли помочь другъ другу оживить свои общія дѣтскія воспоминанія и объ оживленной панорамѣ на Ильинку, виднѣвшейся изъ номерныхъ оконъ и приковывавшей наше жадное любопытство, на магазины противоположныхъ домовъ, съ ихъ яркими вывѣсками готоваго платья и съ зазывающими передъ входами сидѣльцами, и о

слѣдствіи, въ 1860-хъ годахъ, въ Иркутскѣ, гдѣ онъ въ генеральскомъ чинѣ занималъ мѣсто горнаго ревизора и пользовался очень почтенной репутаціей.

Н. Б.

широкомъ корридорѣ, выходившемъ деревянной, грязной галлереею на узкій дворъ и служившемъ одинаково намъ обоимъ мѣстомъ головоломныхъ эквилибристическихъ упражненій во время отсутвія нашихъ пѣстуновъ, то и дѣло отлучавшихся по дѣламъ, и т. д. Оба мы были въ то время дикарями, привезенными для отдачи въ западную науку изъ двухъ антиподныхъ окраинъ Русской имперіи, и всѣ эти дѣтскія впечатлѣнія, затертыя гдѣ-то глубоко въ памяти, вдругъ стали подниматься на поверхность, воскрешаемыя и подсвѣжаемыя то тѣмъ, то другимъ изъ насъ и своей наивной теплотой согрѣвали насъ, двухъ стариковъ, переброшенныхъ судьбой съ далекихъ нашихъ родныхъ мѣстъ на берега Женевскаго озера и уже сдавшихъ себя въ архивъ послѣ жизни, обильной, хотя и далеко не въ равней мѣрѣ, самыми разнообразными впечатлѣніями и превращеніями.

Въ Лазаревскомъ институтѣ Лорисъ учился очень хорошо и долженъ былъ поступить впослѣдствіи въ Московскій университетъ, но, будучи большимъ шалуномъ, до окончанія институтскаго курса попался въ шалости, имѣвшей на всю его будущность рѣшающее значеніе и вынудившей его перемѣнить мирную ученую карьеру на военную. Учитель технологъ, говоря на урокѣ о различныхъ клеяхъ, познакомилъ учениковъ съ составомъ какого-то особенно имъ рекомендуемаго клея; Лорисъ приготовилъ по данному рецепту этотъ клей, придумалъ для испытанія его достоинства намазать имъ сидѣнье стула на каѳедрѣ передъ началомъ урока одного изъ нелюбимыхъ учителей; ничего не подозрѣвавшій учитель сѣлъ, а когда хотѣлъ встать, то оказался до того приросшимъ къ мѣсту, что сбѣжавшееся начальство насилу могло его отклеить; пошло дознаніе, и когда добрались до виноватаго, то рѣшено было исключить Лориса изъ института и немедленно же отправить назадъ къ родителямъ на Кавказъ, — и, благодаря лишь заступничеству вліятельныхъ армянъ, начальство смилостивилось и, удаливъ мальчика изъ института, позволило ему для продолженія образованія переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и такимъ непредвидѣннымъ образомъ превратился въ воина.

Здѣсь потекла для него та сѣрая и мало говорившая ему жизнь, какою отличалось воспитаніе тогдашнихъ военныхъ школъ,

т. е. онъ весь отдался изученію николаевской выправкѣ, верховой ѣздѣ, мало или вовсе не заботясь о расширеніи умственныхъ своихъ познаній и, по мѣрѣ возмужанія, посвящая свои досуги кутежамъ съ товарищами, и за весь этотъ періодъ жизни Лориса трудно было бы привести что нибудь выдающееся, если бы не было его знакомства съ поэтомъ Некрасовымъ. Знакомство это относится къ 1841 или, еще вѣрнѣе, къ 1842 году, т. е. къ тому темному періоду существованія поэта, когда онъ изыскивалъ всякія средства, чтобы не быть затертымъ нищетой и безвѣстностью. Крайне нуждавшійся Некрасовъ пріютился тогда у нѣкоего профессора Беницкаго, имѣвшаго у себя нѣсколько воспитанниковъ для приготовленія въ разныя петербургскія школы; юнкеръ Лорисъ, посѣщая одного изъ этихъ пансіонеровъ, познакомился тутъ-же и съ Некрасовымъ. Какъ разъ около этого времени Лорисъ и его однокашникъ Нарышкинъ задумали нанять себѣ маленькую квартирку въ городѣ, чтобы имѣть собственный пріютъ, такъ какъ ихъ, какъ выпускныхъ юнкеровъ, отпускали не только на праздники, но позволяли отлучаться изъ школы и среди недѣли; Некрасовъ, узнавъ объ этомъ планѣ, тотчасъ же предложилъ, чтобы и его приняли въ компанію, и они втроемъ наняли себя квартирку гдѣ-то около Николаевской, въ то время грязной, въ домѣ Шаумана. Зажиточностью товарищество похвастать не могло: Лорисъ получалъ отъ родителей 25 р. ежемѣсячно, Нарышкинъ столько же, а Некрасову, въ описываемое время, отецъ ничего не давалъ и только изрѣдка, въ неправильныхъ промежуткахъ и понемногу, высылала ему мать, да кромѣ того онъ состоялъ корректоромъ въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“ Ѳ. Кони и сдавалъ въ этотъ же журналъ свои плохо оплачиваемые стихи, такъ что весь его доходъ едва ли превышалъ доходы его сожителей. Всѣ трое были очень молоды, любили весело пожить и, получивши свои небольшіе доходы, чрезвычайно быстро спускали ихъ съ рукъ и потомъ, въ ожиданіи слѣдующей получки, впадали въ меланхолію и жили отшельниками. Вотъ въ эти-то тощія недѣли и періодическія безденежья Некрасову приходилось особенно бѣдствовать и терпѣть отъ голоду и холоду, тогда какъ для его товарищей юнкеровъ школа служила спасительною пристанью, въ которой они имѣли все необходимое. Некрасовъ уже и тогда очень любилъ писать

стихи, но выше заурядности не поднимался и, по словамъ Лориса, трудно было предположить, чтобы впослѣдствіи могъ выработаться изъ него такой сильный поэтическій талантъ; однако, и тогда онъ отличался большимъ остроуміемъ и наблюдательностью, которую прилагалъ особенное стараніе развивать въ себѣ, заводя для того знакомство повсюду и съ самыми разнообразными личностями; онъ и Лориса нерѣдко увлекалъ съ собой для компаніи въ гости къ разнымъ мелкимъ чиновникамъ, жившимъ по окраинѣ Петербурга, а однажды, чисто для изученія типа, онъ свелъ дружбу съ полицейскимъ сыщикомъ, приглашалъ его къ себѣ и потомъ съ большимъ остроуміемъ изображалъ Лорису характерныя особенности своего новаго знакомаго. Остался отъ этого сожительства еще одинъ забавный эпизодъ въ памяти Лориса и который онъ передавалъ съ неподражаемымъ юморомъ: разъ, на Рождествѣ, Некрасовъ предложилъ ему отправиться, замаскировавшись обоимъ, на вечеринку къ одной чиновничьей семьѣ въ Измайловскій полкъ; они вечеромъ зашли въ костюмерную лавочку, выбрали для себя костюмы, Некрасовъ—венеціанскаго дожа, а Лорисъ—испанскаго гранда и, тутъ же переодѣвшись, оставили у костюмера свое платье и условились, что они на слѣдующее утро заѣдутъ за своимъ платьемъ и тогда заплатятъ и за костюмы. Взяли карету и отправились; еще дорогой они провѣрили свои капиталы,—хватитъ-ли ихъ на уплату за экипажъ и костюмы?—и нашли, что хватитъ; но случилось такъ, что съ вечеринки они заѣхали еще куда-то, что-то выпили и, только возвращаясь подъ утро домой, спохватились, что у нихъ не достанетъ денегъ на выкупъ платья. Лорисъ живо вспоминалъ себѣ этотъ трагикомическій день, когда они сначала бѣгали въ маскарадныхъ костюмахъ по своей нетопленной квартарѣ, тщетно стараясь согрѣться въ коротенькихъ тогахъ и въ длинныхъ чулкахъ вмѣсто панталонъ, и недоумѣвая, какъ выйти имъ изъ такого нелѣпаго положенія, и какъ потомъ, чтобы отогрѣть окоченѣвшіе члены, они рѣшили пожертвовать для растопки печи однимъ стуломъ изъ своей убогой меблировки и поддерживали огонь мочалкой, выдернутой изъ дивана, а сами разсѣлись на полу передъ печкой, на коврѣ, привезенномъ Некрасовымъ изъ деревни; скоро заговорилъ въ нихъ голодъ, а ѣсть было рѣшительно нечего и купить было не на что, и только

послѣ долгихъ переговоровъ лавочникъ, у котораго были раньше заложены двѣ серебряныя ложки, единственная драгоцѣнность Некрасова и подарокъ его матери, согласился отпустить имъ въ долгъ студени, и дожъ и грандъ благородно подѣлили между собой эту незатѣйливую трапезу. Пріятели разослали въ разные концы записки къ знакомымъ съ просьбой ихъ выручить, но отовсюду получили отказъ, и лишь къ вечеру Нарышкинъ добылъ денегъ и выручилъ ихъ изъ бѣды. Вскорѣ послѣ этого сожительство съ Некрасовымъ прекратилось, не по причинѣ какого-нибудь разлада, а просто по измѣнившимся обстоятельствамъ; Лорисъ вышелъ въ офицеры, и пріятели потеряли другъ друга изъ виду, а когда, примѣрно, года черезъ два, Лорисъ столкнулся съ Некрасовымъ на Невскомъ и послѣдній затащилъ его къ себѣ на квартиру у Аничкова моста, то дѣла поэта видимо уже стали процвѣтать: и самъ онъ ходилъ щеголемъ, и квартира его была меблирована не безъ изящества. Это было ихъ послѣднее свиданье; Лорисъ уѣхалъ вскорѣ на Кавказъ и не возвращался въ Петербургъ до 1878 года, Некрасовъ же умеръ въ 1877 году; только когда Лорисъ состоялъ уже начальникомъ Терской области, онъ получилъ письмо отъ Некрасова, въ которомъ поэтъ, напоминая ихъ прежнія отношенія, просилъ его принять участіе въ литераторѣ Благовѣщенскомъ, отправленномъ, по болѣзни, на Кавказъ, на продолжительное житье и безъ всякихъ средствъ къ существованію, и Лорисъ исполнилъ просьбу стараго пріятеля. Я нарочно разсказалъ подробно все, что зналъ о сношеніяхъ Лориса съ Некрасовымъ, потому что, съ одной стороны, фактъ этотъ можетъ послужить для біографовъ того и другаго, а съ другой, объяснить отчасти ту любовь къ поэзіи и къ литературѣ, которую питалъ Лорисъ и которая такъ гуманизировала его, не взирая на суровую и боевую его обстановку на Кавказѣ.

Служба Лориса въ мѣстѣ расположенія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, куда онъ былъ выпущенъ изъ школы, ничѣмъ не отличалась отъ обычной офицерской службы того времени и продолжалась до 1847 года, когда онъ перечислился на Кавказъ состоять при намѣстникѣ князѣ Воронцовѣ. Кавказъ свой онъ чрезвычайно любилъ, но именно какъ нераздѣльную часть Россіи, и много разъ я слыхалъ его жалобы на то, что

русское общество, вслѣдствіе присущей ему апатіи, не дѣлаетъ рѣшительно ничего, чтобы тѣснѣе привязать эту богатую окраину къ Россіи. Не могу привести его подлинныхъ выраженій, но приблизительно онъ выражалъ свой взглядъ на эти отношенія такимъ образомъ: „Правительство сдѣлало все, что могло, оно силой оружія закрѣпило Кавказъ за имперіею, но чтобы присоединеніе это обратилось въ прочную, неразрывную связь, необходимо культурное вліяніе, нужно, чтобы русскіе люди и капиталы устремились въ этотъ благодатный край и устраивались въ немъ землевладѣльцами, промышленниками, фабрикантами. Сколько разъ твердилъ я объ этомъ московскимъ купцамъ и тузамъ, слушаютъ, соглашаются во всемъ, а сами не двигаются съ своихъ крѣпко насиженныхъ мѣстъ, между тѣмъ иностранцы льнутъ къ непочатымъ богатствамъ Кавказа, какъ мухи къ меду, снуютъ вездѣ, заключаютъ съ жителями какіе-то долгосрочные контракты и понемногу все захватываютъ въ свои руки. Еще спасибо поселеннымъ въ краѣ молоканамъ; это чуть не единственные русскіе культуртрегеры, которые своимъ трудолюбіемъ и честными нравами поддерживали добрую репутацію русскаго имени, благотворнымъ образомъ повліяли на жившія съ ними о бокъ дикія племена и помогли ихъ сближенію съ Россіею, но вліяніе это слишкомъ незначительно въ количественномъ отношеніи и слишкомъ односторонне въ качественномъ, когда необходимо, чтобы русское вліяніе шло и вливалось непрерывной и широкой струей, чтобы богатства края не лежали подъ спудомъ, и разрабатывались производительно. До сихъ поръ въ Закавказскихъ губерніяхъ почти нѣтъ русскихъ собственниковъ, владѣющихъ городскими и сельскими имуществами,—и это обстоятельство не разъ вызывало удивленіе даже въ иностранной печати, за то въ этихъ губерніяхъ имѣется множество бековъ и агаларовъ изъ мусульманъ, обладающихъ превосходными землями, которыя они весьма плохо обработываютъ и готовы сейчасъ продать за безцѣнокъ; влеченія къ сельскому хозяйству они не имѣютъ, занимаются почти исключительно покровительствомъ ворамъ и разбойникамъ и тѣмъ больше всего мѣшаютъ водворенію порядка и безопасности. На Кавказѣ давно признано, что исламъ не уживается съ современною цивилизаціею, наши юридическія и нравственныя понятія идутъ часто въ разрѣзъ съ магометанскимъ вѣроученіемъ,

такъ, напримѣръ, лжесвидѣтельствованіе считается у насъ преступнымъ, по понятіямъ же мусульманина скрыть преступленіе и дать ложное показаніе въ пользу единовѣрца есть дѣло богоугодное. Вотъ почему особенно желательно, чтобы русскіе землевладѣльцы постепенною скупкою земель вытѣсняли поскорѣе этихъ крупныхъ собственниковъ бековъ и уравновѣшивали тѣмъ преобладаніе христіанскаго элемента надъ магометанскими, именно желательно, чтобы вытѣсненіе совершалось не насильственно и не правительственными мѣрами, а миролюбивымъ образомъ и собственнымъ почином предпріимчивыхъ членовъ русскаго общества. И надо спѣшить съ этимъ, время не терпитъ, и наше положеніе на Кавказѣ не только не укрѣпляется и остается подверженнымъ разнымъ непредвидѣннымъ случайностямъ, а мы своею инертностью отчуждаемъ все болѣе и болѣе симпатіи кавказскихъ народовъ къ Россіи, ибо симпатіи эти въ прежнія времена, пожалуй, были горячѣе и искреннѣе. Когда я въ 1840-хъ годахъ вернулся на Кавказъ, то мои соплеменники приходили въ восторгъ оттого только, что я совсѣмъ усвоилъ русскія манеры и отлично говорилъ по русски; помню, какъ въ армянскомъ и грузинскихъ обществахъ меня упрашивали нарочно говорить по русски и заслушивались, какъ музыки, моей правильной и чистой рѣчи".

Повѣствованіе о службѣ графа Лориса на Кавказѣ, его военныхъ походахъ и гражданской дѣятельности съ 1878 года на Волгѣ, въ Харьковѣ и Петербургѣ не входитъ въ планъ моего разсказа; тутъ мнѣ трудно что нибудь прибавить къ напечатаннымъ уже сообщеніямъ А. А. Скальковскаго, Писарева и др., и надо надѣяться, что эти отрывочныя свѣдѣнія дополнятся впослѣдствіи другими близкими очевидцами этой дѣятельности и, еще позднѣе, будутъ сгруппированы и обработаны полнѣе и объективнѣе будущими безстрастными исторіографами съ привлеченіемъ и архивныхъ документовъ. Добавлю только, со словъ самого графа, что переѣздъ на Кавказъ послужилъ счастливой перемѣной для его самообразованія и для примѣненія его способностей къ практической дѣятельности. Намѣстники — князь Воронцовъ, а послѣ него графъ Муравьевъ-Карсскій—отличили эти способности молодаго человѣка и стали давать ему сложныя и трудныя порученія, которыя отвлекли Лориса отъ

пустой и свѣтской жизни и пробудили интересъ къ болѣе живымъ и развивающимъ умъ вопросамъ. Кромѣ того у него былъ въ Тифлисѣ двоюродный братъ — докторъ Ю. Ѳ. Ахвердовъ, человѣкъ весьма образованный и серьезный, отъ котораго тоже не ускользнули богатые задатки натуры Лориса, и онъ настойчиво сталъ уговаривать его больше читать, чтобы расширить свой умственный горизонтъ. Докторъ имѣлъ свою отборную библіотеку, и въ числѣ первыхъ книгъ, предложенныхъ имъ для прочтенія, были „Мемуары Альфьери", и Лорисъ съ признательностію вспоминалъ, какое сильное впечатлѣніе произвели на него эти „Мемуары", какъ съ тѣхъ поръ онъ пристрастился къ книгамъ и сталъ почерпать изъ нихъ и болѣе осмысленный взглядъ на жизнь, и самое чистое наслажденіе. Съ этимъ вмѣстѣ и служебная карьера Лориса шла быстро впередъ, и война 1854—1855 годовъ застала его уже съ такой прекрасной репутаціей, что по сдачѣ Карса ему поручена была трудная должность коменданта Карсской крѣпости. Передъ началомъ войны онъ былъ помолвленъ съ княжной Ниной Ивановной Аргутинской-Долгорукой и теперь изъ Карса выпросилъ себѣ 2-хъ недѣльный отпускъ, обвѣнчался и вернулся на свое комендантство съ молодой женой. Бракъ этотъ былъ идеально счастливый; скромная, необыкновенно кроткая графиня сдѣлала для Лориса семейную жизнь такою пристанью, въ которой онъ всегда увѣренъ былъ найдти отдыхъ и спокойствіе послѣ своихъ походовъ и разныхъ житейскихъ треволненій, — и для нея теперь, конечно, самое величайшее и невознаградимое горе, что ей суждено было пережить своего мужа послѣ тридцати-трехъ лѣтняго супружескаго счастія. Дѣтей отъ этого брака, какъ я упомянулъ выше, осталось пятеро.

VII.

Возвращаюсь къ нашей совмѣстной Вевейской жизни. Трудно было помириться съ ея безлюдьемъ и монотонностью живому уму графа и онъ, кромѣ постояннаго чтенія, старался найти еще себѣ какую нибудь пищу; такъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Вевей, надумалъ онъ было устроивать у себя въ Кубанскомъ имѣньи стеклянный заводъ, имѣя въ виду, что это производство составляетъ на Кавказѣ насущную потребность, ибо до сихъ поръ вся стеклянная посуда привозится туда изъ Новороссіи и даже чуть ли не изъ еще болѣе отдаленныхъ губерній; обложилъ себя русскими и французскими руководствами; вступилъ въ знакомство съ швейцарскими стеклянными заводчиками и весьма дѣятельно списывался по этому поводу съ управляющимъ его имѣньемъ; нѣсколько недѣль продолжалось его увлеченіе этимъ планомъ, пока, наконецъ, онъ не убѣдился, что заочно нельзя устроивать солидное предпріятіе; къ тому же его собственныя средства были недостаточны для правильной постановки дѣла, а пріискивать компаньоновъ въ Россіи посредствомъ переписки тоже было совсѣмъ неудобно. Потомъ онъ схватился за мысль поднять культуру плодовыхъ деревьевъ въ своемъ имѣніи, разузнавалъ письмами въ Бордо о наиболѣе подходящихъ для Кавказа сортахъ и, помнится, отправилъ черенки къ управляющему; но всѣ эти поиски за дѣломъ приводили его въ концѣ къ грустному сознанію, что всѣ его затѣи—не серьозныя предпріятія, а скорѣе походятъ на праздную забаву, зло подсмѣивался надъ собой и своимъ безсиліемъ быть хоть малымъ полезнымъ своему краю и не безъ горечи восклицалъ: „аль у сокола крылья связаны? аль пути ему всѣ заказаны?“.

Такъ прошли іюнь и іюль — самые глухіе мѣсяцы въ томъ отношеніи, что я составлялъ для графа почти единственнаго собесѣдника въ Вевей. Кромѣ меня въ эту пору довольно часто его навѣщалъ извѣстный Нубаръ-паша, всесильный египетскій эксъ-министръ; онъ только что былъ свергнутъ съ поста, который занималъ очень долго, отправился путешествовать по Европѣ и прожилъ въ Вевей 2 или 3 недѣли съ женой, съ своей

дочерью, бывшей замужемъ за другимъ египетскимъ министромъ Тиграномъ-пашею, и съ маленькой прелестной внучкой. Нубаръ питалъ большое уваженіе къ графу и охотно посвящалъ его въ тайны египетской государственной жизни и въ тѣ интриги, какія разыгрывались англичанами съ цѣлью забрать страну совсѣмъ въ свои руки. Графъ же цѣнилъ въ Нубарѣ умнаго и интереснаго собесѣдника, но съ августа же наша резиденція значительно оживилась, стали появляться и знакомые земляки, отбывшіе свои курсы минеральныхъ водъ, и около графа образовался небольшой кружокъ симпатичныхъ ему людей, съ которыми онъ любилъ коротать время.

По мѣрѣ приближенія отъѣзда въ Ниццу его привязанность ко мнѣ дѣлалась крѣпче и нѣжнѣе; онъ безпрестанно возвращался въ разговорѣ къ предстоявшему мнѣ на зиму одиночеству въ Вевей и пытался меня уговаривать на переѣздъ или съ нимъ въ Ниццу, или хоть въ другой людный центръ, гдѣ была бы возможность съ кѣмъ нибудь отводить душу.

— „Я то и дѣло думаю о васъ и мучусь за васъ: ну какъ вы проведете цѣлые 8 мѣсяцевъ совсѣмъ одни въ такой трущобѣ? и мнѣ вы будете сильно недоставать въ Ниццѣ, и весной я снова буду рваться съ нетерпѣніемъ къ вамъ; но около меня все же будетъ нѣсколько человѣкъ, съ которыми такъ или сякъ я буду убивать время, а вы вѣдь въ этомъ одиночномъ заточеніи разучитесь говорить! Право, поѣдемъ съ нами!"

Хотя я самъ съ большою грустью ждалъ разлуки съ графомъ, однако, наотрѣзъ отказывался покинуть Вевей и имѣлъ на то солидныя причины, а именно: для меня внѣшнія удобства вевейской жизни (ея дешевизна, возможность жить круглый годъ безъ переѣздовъ, умѣренный климатъ при отсутствіи дѣтскихъ эпидемическихъ болѣзней и т. п.) заставляли цѣнить себя выше, чѣмъ всевозможныя развлеченія большихъ и шумныхъ городовъ; къ тому же я уже успѣлъ привыкнуть къ окружавшему меня безлюдью и мертвенной тишинѣ и мнѣ не легко было ломать установленный уже строй жизни и снова пуститься на шумъ и сутолоку, давно потерявшіе для меня всякую привлекательность. Графъ соглашался съ моими доводами до того, что самъ начиналъ высказывать мысль—нанять и себѣ большую квартиру въ Вевей, устроить ее со всѣми удоб-

ствами и зазимовать, но разубѣдить его въ непрактичности такого плана было не трудно, такъ какъ между его положеніемъ и моимъ была огромная разница: ему и южный климатъ былъ необходимъ для здоровья, и его матеріальныя средства допускали безъ затрудненія переѣздъ въ Ниццу, и самъ онъ былъ несравненно живѣе и общительнѣе меня, такъ что для него отсутствіе всякаго общества было бы весьма чувствительно, а вѣчный tête-à-tête между нами, людьми, лишенными всякой живой дѣятельности, неизбѣжно, въ концѣ концевъ, надоѣлъ бы ему своимъ однообразіемъ, и, наконецъ, жестоко было бы съ его стороны зарывать съ собой въ такомъ угрюмомъ мѣстѣ, какъ Вевей, свою семью, особенно молодыхъ дочерей. На такихъ разсужденіяхъ планъ вевейской зимовки скоро проваливался. Иногда на графа передъ отъѣздомъ находили мрачныя думы о томъ, что онъ постепенно дѣлается хилѣе и слабѣе и что онъ можетъ не пережить зимы; тогда я, замѣтивъ, какъ успокоительно дѣйствуютъ на него мои увѣренія въ противномъ, начиналъ трунить надъ его страхомъ, сводить все на ипохондрію и т. п. Помню, какъ послѣ одного изъ такихъ разговоровъ онъ сказалъ съ шутливымъ отчаяніемъ: „ну, есть ли на свѣтѣ болѣе несчастнѣйшій человѣкъ, чѣмъ я, и котораго бы болѣе преслѣдовала людская несправедливость? И будучи на верху карьеры и почестей, я ничѣмъ не воспользовался отъ государства, и остался по прежнему съ весьма, какъ вы знаете, ограниченными средствами; рускія же газеты недавно распространили извѣстіе, что я покупаю обширное помѣстье за границей; я имѣю претензію на репутацію хорошаго полководца, потому что одержалъ нѣсколько побѣдъ, велъ цѣлую военную кампанію и взялъ крѣпость Карсъ, которую считали неприступной, а вотъ Османъ-бей [1]) оспариваетъ

---

[1]) Османъ-бей очень бойкій турецкій авантюристъ, бывшій маіоръ турецкой службы, бѣжавшій въ Россію и отчасти извѣстный въ русской литературѣ, издалъ въ Италіи небольшую книжку на французскомъ языкѣ съ описаніемъ своихъ похожденій въ Россіи и сношеній съ нашими государственными людьми; это очень поверхностный памфлетъ, наполненный всякою бранью, въ которомъ, между прочимъ, достается и гр. Лорису и говорится, что взятіемъ Карса Россія обязана автору этой книги, состоявшему тогда переводчикомъ при штабѣ Кавказской арміи. Графъ вспомнилъ объ этомъ господинѣ потому, что за нѣсколько недѣль до приведенныхъ словъ Османъ-бей пріѣзжалъ

мои военныя заслуги и увѣряетъ, что Карсъ взялъ вовсе не я, а онъ—Османъ-бей; наконецъ, я жалуюсь, что я боленъ и страдаю, а вы, мой Брутъ, и въ этомъ не хотите мнѣ вѣрить и обзываете меня ипохондрикомъ".

Однако, въ общемъ итогѣ графъ остался очень доволенъ своимъ Вевейскимъ пребываніемъ и въ 20-хъ числахъ сентября 1887 г., въ сравнительно бодромъ видѣ, пустился въ обратный путь въ Ниццу. Зима тамъ вышла не изъ удачныхъ по причинѣ дождей и необычныхъ холодовъ и хотя онъ провелъ ее сносно, безъ явныхъ обостреній своей болѣзни, но почти не выѣзжалъ, хандрилъ и скучалъ и съ февраля 1888 г. началъ уже радоваться въ письмахъ, что приближается время перекочевки въ Вевей, а 1 іюня я встрѣтилъ его на станціи при выходѣ изъ вагона и вмѣстѣ съ нимъ доѣхалъ до отеля, гдѣ онъ жилъ въ предыдущемъ году и гдѣ для него было приготовлено прежнее помѣщеніе. Здѣсь, въ той же самой комнатѣ и при томъ же самомъ освѣщеніи, въ которыхъ я привыкъ его видать ежедневно нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, мнѣ особенно легко было замѣтить во внѣшности графа значительную перемѣну, происшедшую за это короткое время: морщинъ и складокъ на лицѣ и сѣдины въ волосахъ почти не прибавилось, а между тѣмъ все лицо поблѣднѣло и осунулось, а въ его прекрасныхъ и всегда ласково улыбавшихся глазахъ появлялись по временамъ, не смотря на радость нашей встрѣчи, какой-то несвойственный имъ мрачный блескъ и угрюмая сосредоточенность. Я приписалъ перемѣну эту утомленію отъ 24 часовой ѣзды по желѣзной дорогѣ, да и самъ онъ жаловался на крайнюю усталость и попросилъ поскорѣе ему устроить постель, чтобы отдохнуть. Но и на завтра, когда я зашелъ утромъ навѣдаться о немъ, онъ предпочелъ не встать съ кровати, хотя былъ гораздо веселѣе и безъ умолку разсказывалъ о своихъ зимнихъ впечатлѣніяхъ отъ новыхъ знакомствъ съ людьми и съ прочитанными книгами; только на третій день онъ одѣлся и перебрался на свое прежнее облюбованное мѣстечко на кушеткѣ въ углу комнаты, и наши свиданія снова пошли, какъ заведенная машина; съ точностью хронометра

въ Вевей и добился, чтобы графъ или принялъ, или далъ ему что нибудь на бѣдность, а когда не успѣлъ ни въ томъ, ни въ другомъ, то прислалъ графу ругательное письмо и скрылся изъ нашихъ мѣстъ. Н. Б.

являлся я къ нему, и оба мы съ равнымъ нетерпѣніемъ ежедневно ждали этихъ часовъ встрѣчъ, ибо разговоръ нашъ никогда не страдалъ недостаткомъ матеріала и служилъ намъ обоимъ чуть не единственнымъ развлеченіемъ въ окружавшей насъ очень однообразной жизни. „Удивляюсь я", говорилъ графъ, „какъ мы съ вами разрѣшаемъ отлично почти не разрѣшаемую задачу: говоримъ, говоримъ каждый день, а все далеко не можемъ вычерпать нашъ разговорный фондъ, и всегда послѣ вашего ухода я вспоминаю, что не успѣлъ и половины затронуть того, о чемъ хотѣлъ было потолковать". Однако, я находилъ, что въ этотъ пріѣздъ онъ охотнѣе отдается воспоминаніямъ о прошломъ и не съ прежнимъ увлеченіемъ занимается текущими событіями, хотя и продолжаетъ читать множество газетъ; онъ и самъ неоднократно высказывалъ, что сталъ гораздо равнодушнѣе ко всему происходящему и объяснялъ это тѣмъ, что настоящія теченія, такъ ярко и опредѣленно вырисовывающіяся въ европейской жизни, этотъ періодъ отступленія вспять ему крайне несимпатичны и что онъ совсѣмъ разочаровался въ скорой перемѣнѣ къ лучшему, до которой ему навѣрное не дожить. Взамѣнъ того, онъ все болѣе углублялся въ наблюденіе за ходомъ одолѣвавшихъ его недуговъ, я чаще заставалъ его въ мрачномъ духѣ, и разные мои способы, чтобы развлечь его или ободрить медицинскими аргументами, оказывались уже менѣе успѣшными, чѣмъ въ прежнее время. Мысль о близкой смерти все чаще и чаще возвращалась въ его рѣчахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе овладѣвали имъ заботы о томъ, чтобы семья его могла прожить безбѣдно послѣ его смерти, и онъ рѣдкій день не былъ этимъ занятъ. Кромѣ семьи, еще сильно озабочивала его участь устроеннаго имъ во Владикавказѣ ремесленнаго училища, носящаго его имя; это тоже было близкое его сердцу дѣтище, обязанное не только ему своимъ происхожденіемъ, но и дальнѣйшимъ процвѣтаніемъ, благодаря постоянной заботливости графа о немъ; его очень радовалъ возраставшій успѣхъ школы, улучшеніе и расширеніе программы преподаванія, но такъ какъ годичный расходъ на училище дошелъ уже до 18,500 р., то у него рождался страхъ, что послѣ его смерти училище не будетъ встрѣчать прежней поддержки и будетъ падать, а потому онъ

старался заинтересовать въ немъ кой-кого изъ своихъ богатыхъ знакомыхъ, завѣщая имъ заботы о немъ.

Всѣ эти предсмертныя распоряженія и заботы не могли не настраивать его печально; притомъ и лѣто выдалось холодное и сырое, пріѣзжихъ никого не было, и въ довершеніе всего мнѣ встрѣтилась необходимость для здоровья семьи переѣхать изъ Вевей въ горы. Чтобы не покидать надолго графа, я рѣшилъ ограничить свое отсутствіе самымъ короткимъ срокомъ, а именно двумя недѣлями, и вмѣстѣ съ тѣмъ перебраться куда нибудь по близости, такъ чтобы это не помѣшало мнѣ навѣщать его по временамъ изъ моей новой резиденціи; наконецъ, горный отель, куда я переѣхалъ, былъ соединенъ съ Вевейскимъ отелемъ графа телефономъ, и мы условились переговариваться при помощи его, особенно если встрѣтится что нибудь экстренное. Моя отлучка продолжалась съ 17-го іюля по 1-е августа, и за это время я успѣлъ побывать два раза у графа; онъ скучалъ, сильно хандрилъ и жаловался на общую слабость и безсонницу, а во второе мое посѣщеніе, 28 іюля, на ревматическую боль въ лѣвой рукѣ, которую онъ приписывалъ тому, что въ одинъ изъ жаркихъ дней посидѣлъ на своей терассѣ съ Нубаръ-пашей, заѣхавшимъ проѣздомъ по Швейцаріи снова навѣстить его. Я особеннаго значенія этой жалобѣ не придалъ и уѣхалъ, обѣщая черезъ 3 дня совсѣмъ вернуться, но уже въ самый день моихъ сборовъ къ обратному выѣзду въ Вевей меня утромъ вызвали къ телефону отеля, и графиня-дочь сообщила мнѣ, что папа очень боленъ и ждетъ меня съ нетерпѣніемъ. Въ тотъ же вечеръ я перебрался въ Вевей и пошелъ тотчасъ же къ графу. Онъ дѣйствительно расхворался не на шутку, и хотя внѣшнее проявленіе болѣзни—такъ называемый опоясывающій лишай (herpes Zoster, Zona), находившійся на лѣвой ладони и перешедшій потомъ на предплечіе и плечо, самъ по себѣ не могъ внушать серьезныхъ опасеній, но въ виду сильнаго истощенія больнаго и, главное, полной неизвѣстности относительно истиннаго состоянія легкихъ и другихъ внутреннихъ органовъ, а потому при невозможности своевременно предотвратить всякія осложненія, слѣдовало быть очень осторожнымъ въ предсказаніи. Графъ казался очень возбужденнымъ отъ довольно значительной лихорадки, постоянно стоналъ отъ болей и совсѣмъ упалъ духомъ;

съ трудомъ можно было уговорить его обнажить всю руку, чтобы прослѣдить на ней размѣщеніе группы лишайныхъ пузырьковъ. Лѣчившій его вевейскій врачъ сдѣлалъ все нужное для облегченія больнаго, но привелъ его въ отчаяніе, предупредивъ, что болѣзнь можетъ протянуться около 6 недѣль; я постарался его успокоить и на первый разъ успѣлъ въ томъ.

Нѣтъ надобности подробно передавать послѣдовательный ходъ болѣзни; скажу только, что онъ былъ полонъ тревогъ для окружавшихъ и очень мучителенъ для больнаго по причинѣ сильныхъ пароксизмовъ невралгическихъ болей въ лѣвой рукѣ, безсонныхъ и возбужденныхъ ночей, довольно сильной лихорадки, замѣчавшагося по временамъ упадка сердечной дѣятельности и т. п. Все это приводило графа въ самое тяжелое психическое угнетеніе; иногда онъ терялъ всякое самообладаніе, раздражался ничтожнымъ пустякомъ и при мнѣ не однажды повторялись сцены, послѣ которыхъ я возвращался домой, разбитый печальнымъ зрѣлищемъ этого свѣтлаго ума и мощной воли, изнемогавшихъ на моихъ глазахъ въ борьбѣ съ болѣзнью. Мои тревоги усиливались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что никакъ нельзя было признать удовлетворительною всю постановку леченія, а между тѣмъ всѣ усилія исправить ее были напрасны. Какъ иностранный врачъ, по законамъ Швейцаріи, я не имѣлъ права лечить графа, а потому долженъ былъ для соблюденія формальности передать его одному изъ туземныхъ врачей, на что графъ, отлично понимая необходимость такой передачи, безпрекословно согласился съ условіемъ, чтобы я руководилъ леченіемъ и чтобы безъ моего согласія не предпринималась никакая врачебная мѣра. Такъ дѣло и уладилось, но и при этихъ условіяхъ мое руководительство оставалось больше номинальнымъ и очень меня мучило: не смотря на довѣріе графа ко мнѣ, я никакъ не могъ уговорить его хоть разъ дать себя изслѣдовать фундаментально, чтобы опредѣлить истинное состояніе его внутреннихъ органовъ и выяснить, нѣтъ ли причинной связи между этимъ состояніемъ и столь безпокоившей больнаго сыпью, что мнѣ казалось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Но отпоръ со стороны графа былъ такъ рѣшителенъ, мои настоянія до того раздражали его, что я, ради нашихъ отношеній, вынужденъ былъ уступить ему и вести леченіе съ завязанными глазами; напрасно я

ему доказывалъ, до какой степени онъ вредитъ и самому себѣ и насилуетъ меня, ставя въ странное положеніе врача XVIII столѣтія, имѣющаго въ своемъ распоряженіи для заключенія о ходѣ болѣзни—наружный видъ больнаго, его субъективныя жалобы, пожалуй, изслѣдованіе его пульса, языка и т. п.; даже для измѣренія температуры тѣла графъ ни разу не согласился поставить себѣ термометръ подъ мышку, а опредѣлялъ лихорадочное состояніе, держа шарикъ термометра между большимъ и указательнымъ пальцами здоровой руки. Понятно, что въ такихъ потемкахъ значительно съуживалась самая задача леченія и приходилось только заботиться о поддержаніи силъ и правильности отправленій, доступныхъ врачебному наблюденію, и, главное, успокоивать моральное психическое возбужденіе больнаго. Ему не разъ казалось, что ему жить остается всего нѣсколько дней, онъ умолялъ меня не дать ему умереть въ гостинницѣ, а перевезти поскорѣе на частную квартиру и т. п. Особенно памятенъ мнѣ вечеръ 17 августа 1888 г., когда я, пришедши въ условленный часъ въ отель, встрѣтилъ поджидавшую меня въ коррядорѣ графиню всю въ слезахъ и съ словами: „ему совсѣмъ плохо; ступайте къ нему поскорѣе“; онъ привѣтствовалъ меня необычно-мрачнымъ взглядомъ и слабымъ пожатіемъ руки и сталъ говорить тихимъ, торжественнымъ голосомъ: «ну, прощайте, дорогой мой; я чувствую, что конецъ мой приходитъ и я вижу васъ въ послѣдній разъ; дайте же мнѣ поблагодарить васъ за дружбу и за всѣ заботы обо мнѣ“, и далѣе въ этомъ родѣ. Признаюсь, сильно сжалось у меня сердце и отъ этихъ словъ и отъ тона, съ какимъ они произносились, но убѣдившись наскоро, что ихъ ничто не оправдывало, я справился съ собою и, засмѣявшись, замѣтилъ въ отвѣтъ, что заявленіе этой предсмертной благодарности онъ смѣло можетъ отложить до болѣе подходящаго времени и сталъ его убѣждать, что все теченіе болѣзни не только не указываетъ на смертельную опасность, а напротивъ предвѣщаетъ близкое поправленіе; объясненіе это его успокоило, вскорѣ онъ разговорился, а черезъ четверть часа мы, какъ ничего не бывало, болтали уже о постороннихъ предметахъ. Но приступы такой отчаянной безнадежности въ своемъ поправленіи возвращались чаще и чаще, не смотря на то, что всѣ болѣзненные припадки видимо дѣлались слабѣе; онъ самъ

не могъ не замѣчать этого улучшенія и часто просилъ извиненія въ невольныхъ нервныхъ вспышкахъ, съ которыми не можетъ совладѣть, и однажды сказалъ: „есть чье-то извѣстное изреченіе, истину котораго я испытываю теперь на себѣ: потеряешь состояніе—не бѣда, потеряешь здоровье—и то даже не бѣда, а вотъ когда потеряешь самую энергію жить, тогда пиши совсѣмъ пропало". При наблюденіи этихъ вспышекъ и во мнѣ сложилось такое безотрадное убѣжденіе, что хотя графъ и выйдетъ благополучно изъ настоящаго заболѣванія, такъ какъ ему постепенно становилось лучше и онъ могъ уже съ постели переходить на кушетку, но съ такими расшатанными нервами, которыя будутъ отравлять постоянно его дальнѣйшее существованіе. Все это мнѣ такъ больно было видѣть, такъ меня волновало, что я ходилъ дома самъ не свой, не досыпалъ ночей, а между тѣмъ старался являться къ графу всегда въ маскѣ невозмутимаго спокойствія и этимъ спокойствіемъ поднимать его упавшую энергію. Наконецъ, я не выдержалъ этого напряженія и свалился; по счастію, это случилось уже въ концѣ августа, когда состояніе графа настолько поправилось, что онъ могъ обойтись безъ моихъ медицинскихъ совѣтовъ и когда изъ Петербурга пріѣхалъ одинъ изъ близкихъ друзей графа, а также и его младшій сынъ, такъ что прекращеніе нашихъ ежедневныхъ свиданій не было особенно ощутимо. Пролежалъ я ровно недѣлю и, какъ только всталъ, первый выходъ мой былъ къ графу; нашелъ я его въ относительно лучшемъ видѣ, по прежнему на кушеткѣ и по прежнему обложеннымъ газетами: лишай подсохъ и исчезъ, появился аппетитъ и пищевареніе совершалось болѣе правильно, но этимъ улучшеніе и ограничилось, потому что пароксизмы невралгическихъ болей въ рукѣ продолжались и зачастую лишали его сна, а небольшое повышеніе температуры, получаемое даже при несовершенномъ измѣреніи ея между пальцами, учащеніе перебоевъ въ сердцѣ и появленіе крови въ мокротѣ и т. п. указывали, что нарушеніе легочнаго процесса все еще не вступило въ періодъ хроническаго затишья. Онъ по прежнему не въ силахъ былъ справляться съ наплывомъ тяжелыхъ предчувствій, и даже пріѣздъ кой-кого изъ старыхъ знакомыхъ только отчасти развлекалъ его и онъ замѣтно легче утомлялся разговорами; правда, иногда и теперь случалось, что, увлекшись

бесѣдой, онъ забывалъ о болѣзни, оживлялся, глаза загорались своимъ мягкимъ блескомъ, остроумная и шутливая рѣчь его радостно электризовала присутствующихъ, ибо напоминала имъ прежняго Лориса, но это продолжалось недолго, и онъ снова впадалъ въ свое сумрачное настроеніе.

Какъ только онъ почувствовалъ, что набрался достаточно силъ для совершенія обратнаго переѣзда на югъ, то началъ торопиться въ путь, боясь, чтобы новое ухудшеніе не задержало въ Вевей до холоднаго времени, и 17 сентября уѣхалъ, а на слѣдующій день извѣстилъ меня депешею, что благополучно добрался до своей зимней квартиры. Послѣдовавшія затѣмъ письма отъ него были довольно успокоительны: въ Ниццѣ онъ замѣтно пріободрился, сталъ выѣзжать на прогулки, и даже чаще чѣмъ въ предыдущія зимы, и только жаловался, что лѣвая рука все продолжаетъ его сильно мучить. Послѣднее его письмо ко мнѣ было отъ 11 декабря 1888 года и ничѣмъ не предвѣщало близкой опасности, а потому полученная мною лаконическая депеша отъ $^{12}/_{24}$-го декабря, сообщавшая о его кончинѣ, поразила своею неожиданностью. Изъ дошедшихъ до меня впослѣдствіи подробностей о предсмертной болѣзни графа знаю только, что онъ слегъ въ постель $^{5}/_{17}$-го декабря, по причинѣ усиленія кашля и появленія лихорадочнаго состоянія, очень страдалъ отъ безсонныхъ ночей и силы его быстро падали; встревоженная семья уговорила его призвать на консультацію нѣмецкаго врача, состоявшаго при виртембергскомъ королѣ, зимовавшемъ въ Ниццѣ, но было поздно. Консультація состоялась въ 4 часу дня $^{12}/_{24}$ декабря, за 5 часовъ до смерти, и графъ даже въ эти послѣдніе часы своей жизни остался вѣренъ своей антипатіи къ медицинскимъ осмотрамъ; напрасно докторъ-консультантъ склонялъ его допустить къ изслѣдованію груди, графъ отвѣчалъ: „не сегодня, любезный докторъ, а завтра, если только буду живъ; если же нѣтъ....“ и онъ пожалъ плечами. А въ 8 ч. 40 мин. того-же вечера для него наступилъ вѣчный покой, къ которому онъ перешелъ въ полномъ сознаніи.

Россія лишилась въ лицѣ его одного изъ даровитѣйшихъ, безкорыстнѣйшихъ и преданнѣйшихъ своихъ сыновъ и можно лишь искренно и не въ оскорбленіе живущимъ пожелать ей побольше такихъ!

Можетъ быть, многіе изъ безстрастныхъ читателей этихъ страницъ найдутъ, что онѣ написаны въ слишкомъ хвалебномъ тонѣ и спросятъ меня: „да неужели же графъ не имѣлъ никакихъ недостатковъ?"—Несомнѣнно имѣлъ, отвѣчу я; на то онъ и былъ человѣкъ съ нервами, плотью и кровью, а потому ничто человѣческое ему не было чуждо, но прошу помнить, что я даю не характеристику графа, а только свои личныя воспоминанія о немъ, — въ моихъ же личныхъ впечатлѣніяхъ его мелкіе недостатки и слабости съ избыткомъ вознаграждались его богатыми достоинствами, и не столько поражалъ въ немъ его обширный, свѣтлый умъ, сколько благожелательное сердце, которое въ этомъ 60 лѣтнемъ старцѣ, не смотря на точившую его медленно болѣзнь и пережитыя превратности, не зачерствѣло и сохранило горячую вѣру въ человѣчество и чисто юношескую чуткость къ проявленіямъ всего честнаго и благороднаго въ окружающей жизни. Какимъ онъ остался въ моей памяти, такимъ я и старался передать его здѣсь насколько съумѣлъ.

Н. А. Бѣлоголовый.

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ

У его гроба.

На вѣкъ его сомкнулись очи,
Потускло гордое чело
И мракомъ безразсвѣтной ночи
Орлиный взоръ заволокло.
Онъ бодро шелъ путемъ терновымъ
Всю жизнь, нашъ славный богатырь,
Карая зло могучимъ словомъ,
Свой вѣщій взоръ бросая въ ширь.
Добра и правды свѣточъ яркій,
Высокой чести идеалъ,
Любившій Русь любовью жаркой,
Онъ въ ней неправду бичевалъ.
Его карающее слово
Не смолкнетъ и въ дали вѣковъ:
Оно потомкамъ будетъ ново,
Какъ свято было для отцовъ.
Высоко-нравственныя рѣчи,
Не увядая, будутъ жить,
Звучать, какъ колоколъ на вѣчѣ,
И совѣсть дремлющихъ будить.
Своей отчизной повсемѣстно
Онъ будетъ чтимъ, какъ доблій сынъ.
Свершивъ земной свой подвигъ честно,
Почи, великій гражданинъ!
И у довременнаго гроба
Пускай замолкнутъ навсегда
Людская ненависть и злоба,
Былая зависть и вражда!

Н. Кельшъ.

10-го мая 1889 г.
Коломна.

ІАКОВЪ ИВАНОВИЧЪ РОСТОВЦЕВЪ.

I.

Письмо его къ князю Евгенію Петровичу Оболенскому (бывшему декабристу).

18-го ноября 1858 г. С.-Петербургъ.

«Любезный другъ Евгеній! Тридцать пять лѣтъ я люблю тебя и уважаю. Ни годы, ни страшныя событія не измѣнили нашихъ отношеній. Какъ я дорожилъ твоимъ мнѣніемъ въ декабрѣ 1825 года, такъ я дорожу имъ и теперь.

Еще годъ тому назадъ, 29-го октября 1857 года, ты мнѣ писалъ: «вопреки тридцатидвухлѣтней разлуки, я хранилъ и храню тѣ-же чувства любви и уваженія, которыя ты внушилъ мнѣ съ первыхъ дней нашего знакомства; я вѣрю и вѣрилъ въ чистоту твоихъ намѣреній и побужденій и потому чувства мои къ тебѣ не измѣнились и не измѣнятся; я всегда съ любовью слѣдилъ за твоею дѣятельностью государственною и сочувствовалъ вполнѣ общественной пользѣ, которую ты постоянно имѣлъ въ виду».

Прошлою зимою, когда пріѣзжалъ я обнять тебя въ Калугѣ, съ какимъ наслажденіемъ провели мы нѣсколько счастливыхъ часовъ, говоря о прошломъ и о настоящемъ: 14-е декабря, освобожденіе крестьянъ, счастіе и прогрессъ Россіи были главными темами нашего разговора. Между прочимъ, ты замѣтилъ мнѣ важный, по твоему мнѣнію, пропускъ въ книгѣ барона (М. А.) Корфа, который не упомянулъ ни слова, что я пошелъ къ покойному государю (Николаю Павловичу), предупредивъ тебя о томъ за нѣсколько дней.

Ты удивился равнодушію моего отвѣта, что я не желаю безпокоить барона Корфа возстановленіемъ этой истины и что мнѣ нужно только одобреніе моей совѣсти.

Нѣсколько недѣль тому назадъ мы опять съ тобой свидѣлись; бесѣды наши были такъ-же теплы и чисты. Между прочимъ я тебѣ обѣщалъ прислать поясненія на то, что обо мнѣ печатаютъ въ изданіяхъ Герцена. Въ то время я изъ нападокъ на меня зналъ немногія; вернувшись въ Петербургъ, я, чтобы сдержать слово, досталъ всѣ нумера и «Колокола» и «Полярной Звѣзды», и буду очищать предъ тобою статью за статьею.

Герценъ не только не знаетъ меня какъ человѣка духовнаго, онъ не знаетъ меня даже въ лицѣ. Вѣроятно, я ему нуженъ, и еще буду нуженъ, какъ субъектъ, который, по его мнѣнію, представляетъ принципъ, противъ котораго онъ воюетъ.

* * *

Зачну съ критики самого Герцена на описаніе 14-го декабря барона Корфа.

Я и тутъ, и въ другихъ мѣстахъ, представленъ и доносчикомъ, и Іудою. Одинъ только ты, другъ Евгеній, стоялъ между мною и событіемъ 14-го декабря 1825 г.

Съ 5-го или 6-го декабря 1825 г., не помню, ты началъ говорить со мною объ отреченіи в. к. Константина Павловича и о предположеніяхъ воспрепятствовать в. к. Николаю Павловичу царствовать; кромѣ тебя мнѣ объ этомъ не говорилъ никто; до самаго происшествія я не зналъ о существованіи общества, не зналъ потому, что объ этомъ ты ничего мнѣ не говорилъ.

Чрезъ нѣсколько дней я сказалъ тебѣ, что предостерегу великаго князя о могущемъ быть возмущеніи; ты долго, дружески, меня отъ этого отговаривалъ; назвалъ меня энтузіастомъ, сумасбродомъ и, видя мою настойчивость, обнялъ меня и сказалъ:

— «Я не пророкъ, а пророчу тебѣ крѣпость и тогда ты принудишь насъ по неволѣ идти освобождать тебя».

Потомъ, въ продолженіе трехъ дней отъ 9-го до 12-го декабря, ты два раза меня спрашивалъ: «видѣлъ-ли я великаго князя», и оба раза я отвѣчалъ: «еще не видалъ».

12-го декабря, вечеромъ, я, наконецъ, у великаго князя былъ; я отдалъ ему мое письмо и имѣлъ съ нимъ разговоръ (помѣщенные, слово въ слово, въ описаніи барона Корфа).

13-го въ пять часовъ вечеромъ-же я отдалъ тебѣ, у тебя въ кабинетѣ, въ присутствіи Рылѣева (который мнѣ никогда ни о какихъ замыслахъ не говорилъ), переписанные мною и письмо, и разговоръ.

Рылѣевъ прочелъ все это въ слухъ; кончивъ, онъ тебѣ сказалъ:

— «Обними его, какъ самаго честнаго человѣка; убѣж-

денія наши различны, но онъ дважды жертвовалъ жизнію, идя къ великому князю и придя къ намъ».

И ты меня обнялъ.

И вы, съ вашей стороны, дѣйствовали со мною также, какъ высокочестные люди, какъ истинные рыцари.

До 14-го декабря и послѣ 14-го декабря (до 26-го февраля) я, отказавшись отъ настоятельнаго требованія государя переѣхать въ Зимній дворецъ, остался жить въ Коломнѣ, въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ происходили совѣщанія, въ нижнемъ этажѣ, возлѣ наружныхъ дверей на улицу, одинъ съ старикомъ деньщикомъ.

Послѣ событія 14-го декабря меня ни о комъ ничего не спрашивали.

Я не донесъ ни на кого; цѣною своей жизни я желалъ спасти всѣхъ.

Я дѣйствовалъ безъ успѣха, можетъ быть и неразумно, но дѣйствовалъ открыто, по убѣжденію и съ самоотверженіемъ.

* * *

Въ одной изъ книжекъ «Голоса изъ Россіи» непріязненно сравниваютъ русскія военно-учебныя заведенія съ іезуитскимъ орденомъ, говоря, что у іезуитовъ все для церкви, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ все для царя.

Молю Бога, для блага отечества, чтобы и всегда такъ было.

Войско—орудіе правительства; въ военно-учебныхъ заведеніяхъ—духъ войска. Несчастіе тому государству (монархическому, конституціонному или республиканскому), гдѣ войско станетъ впереди правительства: тогда оно само сдѣлается правительствомъ, и еще какимъ: правительствомъ матеріальной силы, гнета, насилія и произвола! Если наши военно-учебныя заведенія пошли бы иначе, то надобно ихъ уничтожить.

* * *

Въ «Колоколѣ» № 20, подъ заглавіемъ статьи: Черный кабинетъ выставленъ эпиграфъ:

«Совѣсть нужна человѣку въ частномъ домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ высшее начальство». «Іаковъ Ростовцовъ».

Могъ-ли я написать подобную пошлость? Я написалъ слѣдующее:

«Въ союзѣ общежитія совѣсть навыкаетъ къ положительной оцѣнкѣ дѣяній каждаго человѣка; управляя дѣйствіями воли человѣка, она не имѣетъ власти подчинить себѣ, въ одной и той-же степени, волю всѣхъ людей, общество составляющихъ; въ общежитіи неизбѣжна борьба различныхъ волей и потому, чтобы охранить обще-

ство отъ разрушенія и утвердить въ немъ порядокъ нравственный, необходима еще и другая сила, кромѣ силы совѣсти, и другой законъ, кромѣ ея законовъ.

«Эта другая сила—есть совѣсть общественная: верховная власть.

«Что совѣсть для внутреннихъ побужденій человѣка и для дѣяній его неизобличенныхъ и неизслѣдимыхъ, то власть верховная для явныхъ изслѣдимыхъ его дѣйствій. И та, и другая суть равно орудія Провидѣнія: посредствомъ этихъ орудій оно правитъ судьбами человѣчества; совѣстію караетъ или награждаетъ оно человѣка за его дѣла безгласныя; чрезъ верховную власть караетъ или награждаетъ за его гласныя, внѣшнія дѣянія; законъ совѣсти, законъ нравственный обязателенъ человѣку какъ правило для его частной воли; законъ верховной власти, законъ положительный, обязателенъ ему какъ правило для его общественныхъ отношеній». (Наставленіе для образованія воспитанниковъ в. у. з. 1848 г., стр. 137—138).

На основаніи этого моего изложенія профессоръ Кавелинъ, бывши начальникомъ учебнаго отдѣленія штаба военно-учебныхъ заведеній, написалъ, пять лѣтъ спустя, подробное вступленіе, которое напечатано въ курсѣ законовѣдѣнія, составленномъ для военно-учебныхъ заведеній.

Вотъ изложеніе г. Кавелина:

«Законъ совѣсти недостаточенъ для огражденія между людьми нравственнаго порядка......

«Уставы общежитія установляютъ для совѣсти тѣ основы, на которыхъ зиждется общество.

«Во всякомъ случаѣ она (совѣсть) остается силою частною и не можетъ подчинить себѣ въ одной и той-же степени волю всѣхъ людей, составляющихъ общество....

«Чтобы оградить общество отъ разрушенія и утвердить въ немъ нравственный порядокъ, другая необходима сила, кромѣ силы совѣсти......

«Эта другая сила есть совѣсть общественная, или верховная власть»......

(Учебныя руководства для в. у. з. Руководство законовѣдѣнія 1-го спеціальнаго класса, 1853 г., стр. 26 и 27).

* * *

Въ «Полярной Звѣздѣ», книжка III, статья: «Былое и думы»., глава 2, стр. 104, въ выноскѣ напечатано:

«Съ производствомъ въ чины и съ пріобрѣтеніемъ силы при дворѣ мѣняются буквы въ имени; такъ, напримѣръ, графъ Строгановъ остался до конца дней Сергѣемъ Григорьевичемъ, но князь Голи-

цынъ всегда Сергій Михайловичъ. Послѣдній примѣръ производства по этой части мы замѣтили въ извѣстномъ по 14-му декабря генералѣ Ростовцовѣ. Во все время царствованія Николая Павловича онъ былъ Яковъ, такъ какъ Яковъ Долгорукій, но съ воцареніемъ Александра II онъ сдѣлался Іаковъ — такъ какъ братъ Божій».

Отъ самой молодости я всегда подписывался «Іаковъ», я считалъ, можетъ быть и ошибочно, что человѣкъ не имѣетъ права измѣнять имя, данное ему при крещеніи. Въ разговорѣ я всегда называлъ себя Яковомъ, а подписывался всегда Іаковомъ.

По кончинѣ великаго князя Михаила Павловича мнѣ возвращены всѣ мои къ нему письма. Нѣкоторыя изъ нихъ, съ 1835 по 1849 годъ (въ числѣ 77), были переданы мною въ штабъ военно-учебныхъ заведеній; подо всѣми, безъ исключенія, подписано Іаковъ Ростовцовъ.

(Они находятся во 2-мъ отдѣленіи штаба въ дѣлѣ подъ № 1,128).

На Смоленскомъ кладбищѣ погребенъ мой сынъ, умершій въ 1844 году; на памятникѣ написано:

«Младенецъ Исія, сынъ генералъ-маіора Іакова Ростовцова».

Я не былъ тогда ни генералъ-адъютантомъ, ни начальникомъ главнаго штаба.

* * *

Въ «Колоколѣ» № 6, въ статьѣ «La regatta передъ окнами Зимняго дворца», напечатано:

«Государь не велѣлъ, чтобъ въ гражданскія учебныя мѣста назначали воспитателей изъ военныхъ, какъ было при Николаѣ. «Петербургскія Вѣдомости», говоря объ этомъ умномъ и дѣльномъ распоряженіи, осмѣлились похвалить его. Іаковъ Ростовцовъ донесъ государю, что статья въ «Вѣдомостяхъ» оскорбительна памяти покойнаго государя, оскорбительна для военнаго вѣдомства, что, наконецъ, такое выраженіе сочувствія новымъ распоряженіямъ есть какъ бы осужденіе старымъ» и проч., и проч.; все это разсказано въ видѣ насмѣшливаго анекдота и, наконецъ, прибавлено, что я велѣлъ отставить учителя Басистова, написавшаго эту статью, и Басистова отставили!

Дѣло было вотъ какъ:

Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1857 года № 171, въ фельетонѣ, было, между прочимъ, высказано мнѣніе, что учебныя заведенія не могутъ идти удовлетворительно, если начальствованіе надъ ними и воспитательная часть поручаются людямъ военнымъ. Въ доказательство этого мнѣнія приведено описаніе безпорядочнаго состоянія одной англійской военной школы, гдѣ административная и

воспитательная части находятся въ рукахъ людей военныхъ, «которые (какъ тамъ сказано) пріобрѣтаютъ свои педагогическія свѣдѣнія въ казармахъ и конюшняхъ».

«Читая эти строки, прибавляетъ авторъ статьи, мы невольно вспомнили то сочувствіе, съ какимъ былъ встрѣченъ у насъ высочайшій указъ, которымъ отмѣнялось опредѣленіе военныхъ воспитателей въ гражданскія учебныя заведенія».

Я пропустилъ бы все это безъ вниманія, но меня офиціально увѣдомили, что статью эту написалъ служащій въ моемъ (военно-учебномъ) вѣдомствѣ. Я испросилъ у государя дозволеніе спросить у исправлявшаго тогда должность министра народнаго просвѣщенія князя Вяземскаго: кто статью эту написалъ? Оказалось, что ее написалъ учитель русской словесности 2-го московскаго кадетскаго корпуса Баснстовъ.

Одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ общественнаго воспитанія я считалъ и считаю единодушіе и единомысліе воспитателей; во все время нахожденія моего въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній я сознавалъ главнымъ моимъ усиліемъ сливать воспитателей военныхъ съ воспитателями гражданскими и вообще всѣхъ воспитателей между собою. Я всегда старался, чтобы всѣ воспитатели дѣйствовали на дѣтей одною (согласованною) любовію; иначе какое было бы несчастное положеніе этихъ огромныхъ, просто скажу—чудовищно соединенныхъ массъ, этихъ бѣдныхъ кадетъ, которыхъ нравственно и ежеминутно коробила бы другая огромная масса воспитателей, другъ другу непріязненныхъ.

Для водворенія утраченнаго согласія во 2-мъ московскомъ корпусѣ я былъ, по совѣсти, обязанъ предложить г. Баснстову, отличному преподавателю, котораго я всегда цѣнилъ, котораго цѣню и теперь, оставить занятія его въ корпусѣ.

Это и не повредило ни его службѣ, ни учебнымъ его правамъ, ни его денежнымъ интересамъ: онъ остался, по прежнему, преподавателемъ въ другихъ заведеніяхъ (кромѣ только 2-го московскаго корпуса).

Если-бы подобную статью написалъ офицеръ военный противъ сословія учителей гражданскихъ, я поступилъ бы и съ нимъ точно также.

(Ходъ всего этого можно видѣть въ Главномъ штабѣ в. у. з. 2-ое отдѣленіе, дѣло 1857 г., № 996).

* * *

Въ «Колоколѣ» № 2-й напечатано:

«Въ комиссіи, составленной въ 1856 г. для обсужденія новаго

положенія о срокахъ службы, одинъ изъ членовъ открыто говорилъ противъ просвѣщенія, а въ протоколѣ, подъ которымъ подписались Бибиковъ, Игнатьевъ, Анненковъ, Ростовцовъ и Норовъ, есть слѣдующая фраза: «хотя справедливость требовала бы, однако...»

Бибиковъ членомъ этой комиссіи не былъ и подобнаго протокола я не припомню.

Если бы даже такой протоколъ и дѣйствительно существовалъ, какому же укору могутъ подвергаться означенныя слова? Если бы тутъ дѣйствительно было что либо дурное, то издатель «Колокола», конечно, не преминулъ бы выписать всю фразу.

Развѣ въ государственномъ совѣтѣ не можетъ быть изреченій подобныхъ хоть слѣдующему: «по закону слѣдовало бы подвергнуть подсудимаго тяжкому взысканію, но принимая въ соображеніе его молодость и неопытность...» и проч., и проч. Развѣ такіе обороты противны статуту государственнаго совѣта, которому поставлено въ обязанность судить и по закону, и по совѣсти?

Мое мнѣніе по этому дѣлу было слѣдующее (его раздѣляли и всѣ члены комитета, кромѣ А. С. Норова):

«Настоящія законоположенія о чинопроизводствѣ несправедливы для службы и вредны для просвѣщенія, и положеніе 1834 года, можетъ быть полезное въ свое время, оказывается нынѣ анахронизмомъ. Оно раздѣлило гражданскихъ чиновниковъ на двѣ касты: какъ бы опричныхъ и опальныхъ; оно сдѣлало изъ науки спекуляцію и окончательно увлекло въ службу гражданскую всѣхъ людей просвѣщенныхъ; человѣкъ образованный не остается теперь ни купцомъ, ни фабрикантомъ, ни помѣщикомъ—всѣ идутъ въ службу.

«Просвѣщеніе будетъ только тогда окончательно полезно, когда оно не сосредоточится исключительно въ службѣ гражданской или на поприщѣ какомъ бы то ни было, но благотворнымъ свѣтомъ своимъ обниметъ всѣ слои общества: и торговлю, и фабричность, и сословіе собственно помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ; обниметъ сихъ послѣднихъ, ради благосостоянія ихъ крестьянъ и улучшенія сельскаго хозяйства.

«Потому для блага государственнаго и общественнаго предлагаемыя нынѣ преобразованія отлагательства не терпятъ, и всякое исключительное поощреніе просвѣщенія въ пользу одного какого либо сословія будетъ уже нынѣ для Россіи не только не полезно, но вредно.

«Пора отречься намъ отъ такого односторонняго взгляда; пора намъ почтить науку; пора намъ сознать, что она не должна быть средствомъ личныхъ разсчетовъ, а цѣлію развитія силъ государственныхъ, въ обширномъ смыслѣ этого значенія. Если мы останемся

въ колеѣ, которая тащитъ просвѣщеніе только чиновничьими привиллегіями, то Россія впередъ не пойдетъ ни по торговлѣ, ни по мануфактурной промышленности, ни по улучшенію земледѣлія и быта крѣпостныхъ крестьянъ.

«Много было толковъ объ уничтоженіи чиновъ; если-бъ это предположеніе состоялось, то всѣ привиллегіи, дарованныя учебнымъ аттестатомъ, рушились бы однимъ ударомъ; но подобная мѣра признается несвоевременною: можетъ быть, Россія до этого еще не дозрѣла, но, съ другой стороны, злоупотребленіе чиновничьихъ привиллегій, какъ привиллегій касты, будто бы во имя святое науки, признается также великимъ зломъ.

«Однимъ словомъ, любя пламенно отечество и науку, я желалъ бы, чтобъ наука благотворнымъ своимъ вліяніемъ обняла не одну касту, а все отечество; чтобы ни одно чиновничье сословіе, но всѣ силы государственныя получили въ наукѣ жизнь и опору, и чтобы не одинъ только чиновникъ, но и фабрикантъ, и купецъ, и техникъ, въ обширномъ примѣненіи этого названія, и помѣщикъ оставались бы, и за полученіемъ учебнаго аттестата, на своихъ полезныхъ мѣстахъ, не увлекаемые тщеславіемъ; однимъ словомъ, чтобъ жизненные соки просвѣщенія не стремились къ одному члену тѣла, а распространялись по всему тѣлу.

«На основаніи этихъ убѣжденій, признаю полезнымъ и своевременнымъ предоставить наукѣ теченіе болѣе свободное; но не рѣшаясь на предложеніе мѣръ хотя раціональныхъ, но крутыхъ, ограничиваюсь предложеніемъ только мѣры переходной, и потому полагаю права учебныхъ заведеній оставить неприкосновенными и учениковъ этихъ заведеній утверждать, на основаніи учебныхъ ихъ аттестатовъ, прямо въ чинахъ отъ 14-го до 8-го класса включительно, но дальнѣйшее производство ихъ основывать уже не на школьныхъ заслугахъ, а на заслугахъ служебныхъ, предоставляя усердію, умственнымъ способностямъ, знанію дѣла, нравственности общественной и государственной одинаковыя права и одинаковое возмездіе. Оставляя лицамъ перваго разряда тѣ-же права, которыми они нынѣ пользуются, у нихъ ничего не отнимается; предоставляя имъ право на утвержденіе, при самомъ вступленіи на службу, прямо въ чинахъ отъ 14-го до 8-го класса включительно, охраняются ихъ благородные и почтенные труды и успѣхи, и все-таки усвоиваются за ними огромныя преимущества по службѣ противу лицъ, менѣе ихъ образованіемъ осчастливленныхъ.

«Затѣмъ было бы въ высшей степени справедливо всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ-сослуживцевъ двигать по служебной лѣстницѣ равномѣрно.

«Повышеніе въ чины гражданской службы зависитъ отъ занятія штатныхъ должностей, а потому каждый начальникъ, если будетъ онъ дѣйствовать по совѣсти, отдастъ преимущество достойнѣйшему, при равныхъ же условіяхъ нельзя не предпочесть чиновника болѣе образованнаго».

(Мнѣніе это напечатано и находится въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта Департамента Законовъ 1856 г., № 36).

* * *

Въ № 20 «Колокола» намекаютъ, что я принималъ участіе въ увольненіи Кавелина отъ должности преподавателя государя наслѣдника.

О дѣлѣ Кавелина я ничего не зналъ; о немъ я, вмѣстѣ съ другими министрами, узналъ отъ самого государя; ссылаюсь въ этомъ, кромѣ моей совѣсти, на самого государя, на великаго князя Константина Николаевича, на князя А. Ѳ. Орлова, кн. В. А. Долгорукова, Е. П. Ковалевскаго, В. П. Буткова и Л. П. Суковкина; это долженъ знать и кн. А. М. Горчаковъ.

Для письменнаго же доказательства, что я въ увольненіи Кавелина не участвовалъ, переписываю для тебя, слово въ слово, письмо ко мнѣ бывшаго наставника наслѣдника цесаревича, почтеннаго Владиміра Павловича Титова, въ отвѣтъ на мое къ нему письмо изъ Вильдбада, въ которомъ я писалъ, что меня огорчилъ петербургскій слухъ, дошедшій ко мнѣ за границу, якобы я довелъ до свѣдѣнія государя императора статью Кавелина о крѣпостномъ вопросѣ.

«Стутгардтъ, 10-го (22-го) сентября 1858 г.

«Письмецо ваше изъ Вильдбада, почтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ, получено мною въ Кисингенѣ къ самому концу моего лечебнаго курса. Проѣзжая Франкфуртъ, я слышалъ, что, посѣтивъ Висбаденъ, вы направились уже къ сѣверу, и не знаю, гдѣ найдетъ васъ мой отвѣтъ. Во всякомъ случаѣ, отраднымъ долгомъ поставляю отозваться и увѣрить, что истинно цѣню столь радушный знакъ вашей ко мнѣ внимательности и доброжелательства. Будьте спокойны на счетъ петербургскихъ слуховъ и толковъ. Я всегда дорожилъ ими мало, а подъ конецъ и вовсе пересталъ слушать: до такой степени привыкъ находить едва ложку правды въ бочкахъ пустой суеты и сплетней. Впрочемъ, могу удостовѣрить, что въ моемъ присутствіи никто не приписывалъ именно вамъ доведенія реченной статьи до высочайшаго свѣдѣнія. Авторъ поступилъ безъ такту и снаровки, тиснувъ ее въ такое время, когда многія страсти и предразсудки были въ довольно свирѣ-

номъ разгарѣ. Если бы онъ или цензоръ меня спросили, я, конечно, отсовѣтовалъ бы первому печатать, а послѣднему пропускать. Не менѣе того жалѣю о тѣхъ людяхъ, которые изъ этого журнальнаго промаха вывели нѣчто страшное, въ родѣ злаго умысла и почти государственнаго преступленія. Строгость столичной официіальной публики произошла, очевидно, не отъ самаго содержанія, а отъ множества постороннихъ обстоятельствъ. Когда страсти простынутъ, люди просвѣщенные и имѣющіе счастье пользоваться доступомъ у великодушнаго государя, какъ, напримѣръ, вы и Е. П. Ковалевскій, конечно, найдете случай и удобство поправить дѣла автора: ибо въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что безъ важной вины онъ понесъ довольно важный ущербъ отъ всей этой случайности, которую вы справедливо называете несчастною. Онъ пылокъ, опрометчивъ и вездѣ будетъ себѣ вредить. Но ученому его таланту полезно открывать дѣятельность и я убѣжденъ въ томъ, что благосклонною откровенностью всего легче держать его въ уздѣ.

«Душевно желаю вамъ, достопочтеннѣйшій Яковъ Ивановичъ, добраго здоровья, и буду издалеча радъ вашимъ успѣхамъ. Особливо же почту себя счастливымъ, если бы когда въ чемъ могъ содѣйствовать къ вашему удовольствію за границею. Располагайте мною и вѣрьте истинному уваженію вамъ преданнаго В. Титова».

* * *

Въ № 26 «Колокола» помѣщено стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Іакову Ростовцову въ день его юбилея, 23-го декабря 1856 года».

Стихотвореніе это наполнено желчью и неправдою. Тутъ я называюсь и Іудою, и Геростратомъ, и губителемъ военно-учебныхъ заведеній, и проч., и проч.

Какъ идутъ военно-учебныя заведенія, лучше ли противу прежняго или хуже, судить объ этомъ дѣло не мое. Если они идутъ дурно, то, конечно, любезный Евгеній, это происходитъ или отъ причинъ, отъ меня независящихъ, или отъ моего неумѣнья, но уже, конечно, Богъ мнѣ свидѣтель, не отъ моего нежеланья.

Впрочемъ, объ этихъ стихахъ я долѣе и говорить не стану; но считаю себя обязаннымъ дать тебѣ отчетъ по выноскѣ, помѣщенной подъ стихами.

Выноска:

«Іаковъ Ростовцовъ вздумалъ, два года тому назадъ, отпраздновать свой юбилей. Для этого онъ приказалъ своей канцеляріи написать во всѣ подвѣдомственные ему кадетскіе корпуса приглашеніе о присылкѣ «добровольныхъ пожертвованій на устройство предполагаемаго торжества въ честь любимаго начальника». Въ этой же бумагѣ

было сказано, что директоры корпусовъ могутъ жертвовать не менѣе 100 р., баталіонные командиры не менѣе 50 р., штабъ-офицеры 25 р., оберъ-офицеры 10 р. и кадеты не менѣе 25 коп. сер. Вмѣстѣ съ тѣмъ штабъ военно-учебныхъ заведеній отнесся также бумагою ко всѣмъ командирамъ гвардейскихъ полковъ, напоминая, что большая часть гвардейскихъ офицеровъ получила образованіе подъ начальствомъ Іакова Ивановича, и также назначая размѣръ пожертвованія по чинамъ.

«Всѣ русскія газеты за два мѣсяца до назначеннаго дня юбилея возвѣстили о немъ особыми статьями, присланными отъ имени Ростовцова (?) на бланкахъ его канцеляріи.

«Денегъ, однако, собрано было мало. Полковые командиры, объявляя приглашеніе офицерамъ, прибавляли, что лично отъ себя они не даютъ ни гроша; бо̀льшая часть лицъ, служащихъ въ вѣдомствѣ Ростовцова, предоставляла дѣлать вычетъ изъ жалованья не свыше суммы, назначенной къ пожертвованію: многіе смѣло отказывались бѣдностью; кадеты начисто отказывались. На пополненіе неизбѣжныхъ расходовъ пришлось захватить изъ казенныхъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе военно-учебныхъ заведеній.

«Не смотря, однако-жъ, на такой видимый неуспѣхъ затѣи, ни въ комъ не возбудившей участія, были заранѣе приготовлены описанія блистательнаго торжества, и Ростовцовъ аппробовалъ ихъ для напечатанія въ «Русскомъ Инвалидѣ» и въ «Сѣверной Пчелѣ».

«Наступилъ день юбилея. Ростовцовъ съ утра былъ мраченъ, пріѣхалъ на обѣдъ еще мрачнѣе; по окончаніи его тотчасъ-же уѣхалъ домой, сказавшись больнымъ, и тогда-же, подъ видомъ скромности, запретилъ посылать въ газеты описанія, которыя наканунѣ казались ему достаточно краснорѣчивыми. Никто изъ участвовавшихъ въ обѣдѣ не понималъ, почему этотъ тщеславный человѣкъ, не пропускающій ни малѣйшаго случая высказать свою важность, въ самый день своего торжества походилъ на мокрую курицу; въ городѣ носились различные слухи; газеты промолчали объ юбилеѣ, какъ будто его не было. А вся причина заключалась въ томъ, что въ Ростовцовѣ на одно мгновеніе пробудилась совѣсть, пробудилась же она вслѣдствіе того, что рано утромъ, въ день своего юбилея, онъ получилъ печатаемое здѣсь стихотвореніе, которое поэтому пріобрѣтаетъ уже историческое или, пожалуй, характеристическое значеніе».

О праздновaніи моего юбилея я узналъ только за три дня отъ помощника моего, генералъ-адъютанта Путяты. Я этимъ огорчился (я пожалѣлъ бѣдныхъ офицеровъ, которымъ трудно дѣлать пожерт-

ванія). Я упрашивалъ Г. А. Путяту празднованіе юбилея отмѣнить, но онъ нашелъ это уже невозможнымъ; онъ сказалъ, что всѣ приготовленія уже сдѣланы и что все это утверждено уже государемъ. Какія распоряженія дѣлалъ по этому случаю штабъ, я не зналъ, разумѣется, не долженъ былъ знать.

Въ юбилеѣ участвовали изъ военно-учебныхъ заведеній только тѣ, которыя находятся въ Петербургѣ: ни московскія, ни губернскія военно-учебныя заведенія къ участію въ юбилеѣ не были приглашаемы. Гвардейскіе офицеры приглашены были не Г. А. Путятою, но по собственному высочайшему повелѣнію; всѣ они безъ различія чиновъ (генералы и офицеры) внесли по десяти рублей.

Кадетъ къ пожертвованіямъ на юбилей, разумѣется, никогда и не приглашали.

Многіе гвардейскіе полковые командиры въ юбилеѣ участвовали, офицеровъ гвардейскихъ полковъ было 203.

Ни одна изъ русскихъ газетъ, не только за два мѣсяца до юбилея, но и никогда о юбилеѣ этомъ предварительно не возвѣщала.

Денегъ, къ искреннему моему сожалѣнію, набрано было много, такъ что не только не тронули казенныхъ суммъ (чего бы не пропустилъ и контроль), но изъ юбилейныхъ денегъ осталось 2,262 р.; ихъ возвратили оберъ-офицерамъ военно-учебныхъ заведеній, по 6-ти рублей на каждаго.

Описаній блистательнаго торжества, заранѣе приготовленныхъ для напечатанія, я, разумѣется, мой другъ, не читалъ.

Въ день юбилея я мраченъ не былъ; напротивъ, я былъ счастливъ и очень растроганъ, я видѣлъ, что меня любятъ, любятъ многіе и искренно.

На обѣдѣ было 619 человѣкъ. По окончаніи обѣда я тотчасъ домой не уѣхалъ, а оставался довольно долго; больнымъ не сказывался; посылать описаніе торжества въ газеты для напечатанія я дѣйствительно не желалъ и настоятельно просилъ этого не дѣлать; мнѣ хотѣлось, чтобы праздникъ мой имѣлъ характеръ семейный.

Стихи получилъ я не въ день юбилея, а утромъ, на другой день; стихи меня не взволновали; клевета можетъ оскорбить, но не огорчить [1]).

Справедливость всѣхъ означенныхъ фактовъ можно видѣть въ

---

[1]) Между прочимъ, въ стихахъ этихъ говорится, что я былъ другомъ Рылѣева; я Рылѣева зналъ и уважалъ; но тебѣ, ближе чѣмъ кому либо, извѣстно, что я не только не былъ ему другомъ, я даже не былъ съ нимъ близокъ. І. Р.

самомъ дѣлѣ о юбилеѣ, въ штабѣ в. у. з., во 2-мъ отдѣленіи, дѣло подъ № 1,487.

* * *

Въ нумерахъ «Колокола», 6, 11, 19, 20 и 22, меня, какъ картечью, осыпаютъ бранью; называютъ меня доносчикомъ на своихъ друзей (6 и 20), малограмотнымъ, наружно либеральнымъ, врагомъ государева плана (19), личнымъ врагомъ государя, врагомъ Россіи (20), Эспинасомъ, новымъ Аракчеевымъ (22), іезуитомъ, наконецъ, разбойникомъ и пр., и пр., а военно-учебныя заведенія разсадникомъ рабства (?) (22). Тамъ говорятъ, что я, вмѣстѣ съ другими членами, какъ называютъ они, Чернаго кабинета (Орловъ, Панинъ, Ростовцовъ, Муравьевъ, Долгоруковъ), противодѣйствую всему образованному, что тріумвиратъ, правящій Россіею (Панинъ, Муравьевъ и Ростовцовъ), ведетъ Россію прямо къ революціи, что если прольется кровь въ Россіи, такъ виноваты въ ней будутъ они, враги крестьянъ (?), что они систематически преслѣдуютъ всякое печатное слово (20) и пр., и пр.

Среди этой безотчетной брани, на меня взводятъ и обвиненія положительныя. Такъ, пишутъ, что я веду войну противу министра внутреннихъ дѣлъ и добиваюсь его мѣста, противодѣйствую освобожденію крестьянъ, преслѣдую всякое свободное слово, и въ лицѣ преподавателя Баспстова и въ лицѣ профессора Кавелина гнету всякую просвѣщенную мысль, лишаю ихъ мѣстъ и клевещу на нихъ государю.

Объ этихъ двухъ лицахъ объяснено мною выше; изъ остальнаго же справедливо только одно, что я, какъ тамъ сказано, призвалъ на совѣтъ М. П. Позена.

Мнѣ, какъ члену комитета, поручено было обдумать проектъ програмы занятій губернскихъ комитетовъ; я началъ работать и совѣтовался со многими; неожиданно пріѣхалъ въ Петербургъ М. П. Позенъ, человѣкъ истинно государственный и образованный помѣщикъ. Пріѣздъ его очень меня обрадовалъ; я, дѣйствительно, обратился къ нему и за совѣтомъ, и за наставленіемъ.

Если было бы въ Петербургѣ десять такихъ Позеновъ, я обратился бы ко всѣмъ десяти; въ дѣлѣ столь важномъ, въ дѣлѣ святомъ для отечества и для меня я былъ бы преступникомъ, если-бъ довѣрилъ безусловно своему одностороннему мнѣнію.

Сначала споры мои съ М. П. Позеномъ довели было насъ до разрыва, что извѣстно было и государю, и князю Орлову.

Заслуга обработки програмы, особенно въ развитіи подробностей, принадлежитъ, конечно, болѣе Позену, чѣмъ мнѣ; объ этомъ я тогда же докладывалъ и государю императору, и предсѣдателю государ-

ственнаго совѣта, и сообщалъ моимъ товарищамъ и статсъ-секретарю Буткову.

Проектъ програмы былъ разсмотрѣнъ сначала особою коммиссіею, въ составѣ которой былъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ и всѣмъ комитетомъ.

Въ программѣ было сдѣлано много измѣненій.

Слѣдовательно, дурна ли она или хороша, я не смѣю принять за нее на себя одного: ни заслуги, ни укора.

Во всякомъ случаѣ, програма далеко подвинула вопросъ и была благодѣтельна для крестьянина и удобна для комитетовъ.

Критикъ, разбиравшій программу въ «Колоколѣ», не замѣтилъ двухъ услугъ, оказанныхъ ею дѣлу освобожденія: 1) вслѣдствіе программы крестьянинъ дѣлается лично свободнымъ немедленно по утвержденіи положеній, не ожидая, какъ предполагалось прежде, выкупа своей усадьбы, что отсрочило бы его освобожденіе на долгое время.

2) Крестьянину предоставлено программою право безсрочнаго пользованія усадьбою; выкупъ ея поставленъ ему въ право, а не въ обязанность, и на неопредѣленный срокъ.

При томъ крестьянину предоставлена возможность купить усадьбу не по указанію, а по собственному избранію, гдѣ кто захочетъ.

Вообще въ дѣлѣ столь важномъ, столь многообразномъ и, долженъ сказать, въ дѣлѣ столь поспѣшномъ не могло не быть и ошибокъ: какой же трудъ человѣческій быть безъ нихъ можетъ? Конечно, главный комитетъ воспользуется всѣми дѣльными замѣчаніями самаго Герцена; но ни онъ, ни другіе не могутъ еще знать дальнѣйшихъ видовъ правительства: только по совокупному ихъ обнародованію можно будетъ судить безошибочно о трудѣ цѣломъ.

Что же касается до моихъ личныхъ убѣжденій въ настоящемъ вопросѣ, то они тебѣ ужъ очень извѣстны. Болѣе подробное ихъ развитіе ты найдешь въ Извлеченіи изъ моихъ всеподданнѣйшихъ писемъ, которыя при семъ тебѣ посылаю. Пришли мнѣ на него твою резолюцію; не забудь, что это только канва и многое, очень многое въ немъ еще не полно и должно быть весьма улучшено и тщательно обработано; многое и не могло быть напечатано, отчего и трудъ этотъ вышелъ трудомъ отрывочнымъ.

Крестьянину возвратить его человѣческія права, обезпечить ему, до окончательнаго рѣшенія вопроса, вѣрный кровъ и вѣрный хлѣбъ, и дать ему всѣ пособія сдѣлаться поземельнымъ собственникомъ; помѣщику охранить неприкосновенность правъ его собственности; государству упрочить спокойное разрѣшеніе этого пожизненнаго

для него вопроса—вотъ въ чемъ моя программа (программа извлеченія).

Что же касается приписываемаго мнѣ противодѣйствія министерству внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому вопросу, то я былъ бы въ высшей степени человѣкъ безнравственный, если бы изъ видовъ получить должность министра внутрен. дѣлъ принесъ въ жертву не только благо, но даже спокойствіе моего отечества.

Быть министромъ внутреннихъ дѣлъ я не желалъ и не желаю. Назначеніе меня въ эту должность есть выдумка, чья—не знаю. До этой минуты государь ни самъ лично, ни чрезъ кого либо не изволилъ ни слова не только говорить, но и намекать мнѣ объ этомъ.

Выдумка эта получила, однако-же, такую общую гласность еще въ началѣ мая нынѣшняго года, что я, испугавшись этого назначенія, къ которому рѣшительно не считаю себя способнымъ, неожиданно испросилъ у государя дозволеніе уѣхать въ отпускъ за границу, на четыре мѣсяца; я желалъ видѣть больнаго моего сына, кстати и самому полечиться, но главная моя надежда была въ томъ, что если бы государь и дѣйствительно имѣлъ подобную мысль, то въ 4 мѣсяца это могло бы измѣниться.

Если-бъ я, дѣйствительно, добивался мѣста министра внутреннихъ дѣлъ, то, конечно, любезный другъ, изъ Петербурга не уѣхалъ бы, по справедливому правилу: les absents ont toujours tort.

* *
*

Ну, другъ мой, пора и кончить.

Всѣ эти статьи присланы Герцену изъ Петербурга, всѣ онѣ писаны, какъ мнѣ извѣстно, однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Лицо это состояло, нѣсколько лѣтъ, подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ. Всѣ выдумки на меня суть произведенія его ко мнѣ непріязни. Чѣмъ заслужилъ я эту непріязнь или, правильнѣе сказать, ненависть, не знаю; я всегда съ нимъ былъ ласковъ и довѣрчивъ.

Послѣднее свиданіе мое съ нимъ состояло въ томъ, что онъ приходилъ благодарить меня за доставленіе ему значительнаго, высшаго противу прежняго, мѣста внѣ моего управленія.

Всѣ эти анонимныя его клеветы принимаю я съ полнымъ спокойствіемъ, не скажу, однако-же, другъ Евгеній, чтобы со спокойствіемъ безотчетнымъ, нѣтъ, со спокойствіемъ пріобрѣтеннымъ.

Конечно, у меня много и ошибокъ, и грѣховъ, какъ у человѣка; но помыслами и дѣйствіями гражданскими жизнь моя чиста: всѣ онп истекали изъ убѣжденія.

На всякое обвиненіе въ винѣ умышленной я отвѣтъ дамъ. Молю Бога жить такъ и впредь, до смерти.

Богъ и исторія разберутъ: кто судьбы своего отечества ставилъ себѣ цѣлью и кто средствомъ.

Пока, кажется, все.

Желаешь-ли ты, благородный мой другъ, чтобы я сообщалъ тебѣ и впредь подобные отчеты? Нападки на меня (или клеветы) будутъ и впредь, будутъ потому, что я всегда былъ и буду всегда прогрессистъ-консерваторъ, положеніе срединное, а потому и самое трудное, но, смѣю думать, настоящее для человѣка, дѣйствительно любящаго свое отечество.

Обнимаю тебя объятіями дружбы, любви и уваженія. І. Ростовцовъ».

Подписавъ уже это письмо, получилъ я еще нумеръ «Колокола» (только что присланный въ Петербургъ). Тутъ порицаютъ меня, что я даю религіозное воспитаніе военнымъ юношамъ, и называютъ меня, въ смыслѣ брани и укора, пропагандистомъ православія.

Я написалъ слѣдующее о преподаваніи Закона Божія:

«Изученіе Закона Божія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ не должно быть наукою: пусть воспитанники воспринимаютъ его не столько умомъ, столько сердцемъ; цѣль преподаванія имъ Закона Божія слѣдующая:

«Утвержденіе въ любви къ Богу, въ православной вѣрѣ, въ безусловной преданности своему государю, въ безкорыстной любви къ своему отечеству, въ полномъ самоотверженіи долгу, службы и чести и во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ: семейныхъ, гражданскихъ, воинскихъ.

«Какъ ученіе сердца, Законъ Бога слишкомъ сиденъ и слишкомъ глубокъ въ своемъ Божественномъ указаніи, чтобы нуждаться (не для богослововъ) въ обыкновенныхъ системахъ наукъ человѣческихъ.

«Посему и изложеніе этого ученія (для военно-учебныхъ заведеній) должно быть просто; оно должно быть основано на собственныхъ словахъ и дѣйствіяхъ божественнаго нашего Учителя, на изреченіяхъ и подвигахъ пророковъ, апостоловъ и великихъ отцовъ нашей церкви.

«Изъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта юноша долженъ утвердиться сознательно только въ главной идеѣ: въ безпредѣльной и никогда неизмѣнявшейся любви Творца къ человѣку и въ той отеческой заботливости, съ которою Онъ постепенно, по возрасту и по силамъ человѣчества, озарялъ и просвѣщалъ его святымъ Своимъ ученіемъ; какъ сначала Божественною Своею благодатію дѣйствовалъ Онъ только на одного человѣка, потомъ на нѣсколькихъ людей и на

нѣсколько семействъ, потомъ на цѣлый народъ, для божественнаго ученія Имъ избранный, и, наконецъ, уже на все человѣчество.

«Исторія Вселенской церкви должна представить картину постепеннаго и быстраго распространенія ученія Спасителя и показать, какъ, подъ божественнымъ Его вліяніемъ, человѣчество духовно перерождалось и становилось совершеннѣе и въ чувствахъ, и въ понятіяхъ, и какъ возникли и утвердились въ немъ высокія христіанскія, дотолѣ неизвѣстныя, добродѣтели.

«Исторія отечественной церкви должна разсказать: какъ восприняли мы святое ученіе; какъ до сего часа остались мы, русскіе, неизмѣнно вѣрны постановленіямъ церкви Вселенской; какъ вѣра и церковь наши поддерживали насъ въ годины скорбей и политическаго уничиженія и какъ спасали они отечество наше въ эпохи бѣдствій, грозившихъ ему конечнымъ разрушеніемъ.

«Собственно такъ называемое христіанское нравоученіе также не должно составлять для военно-учебныхъ заведеній особо сочиненной науки: оно должно проникать весь осмилѣтній кадетскій курсъ, отъ самаго низшаго класса до самаго высшаго, служить выводомъ изъ всѣхъ поименованныхъ выше отдѣловъ Закона Божія и изъ Катихизиса православной церкви: всѣ христіанскія добродѣтели и человѣческіе пороки должны быть объясняемы собственными словами Спасителя, святыхъ Его апостоловъ, святыхъ Его угодниковъ и великихъ учителей церкви; всѣ они дѣйствовали не только словомъ, но и дѣломъ; всѣ они были не только учители, но и герои; кадеты должны знать не только сущность ихъ ученія, но и великія черты ихъ воинственно страдальческой жизни, дабы не только учились они по ихъ ученію, — но и старались дѣлать по дѣламъ ихъ.

«Божественное же ученіе и земная жизнь самого Христа Спасителя есть полный курсъ и высочайшій образъ нравственнаго совершенства.

«Неограниченная преданность Его волѣ Отца, Его покорность земной власти, какъ данной свыше, чувства Его къ святой Его Матери, къ воспитателю, къ братьямъ, друзьямъ, ученикамъ, великодушіе Его ко врагамъ, Его терпѣніе, кротость, милосердіе, наконецъ, неуклонное исполненіе Имъ, въ продолженіе всей земной Своей жизни, возложеннаго на Него долга—до пожертвованія этому долгу самою жизнію, въ мукахъ, оскорбленіяхъ и истязаніяхъ, когда воспитанники все это поймутъ сердцемъ—то и цѣль изученія Закона Божія будетъ ими достигнута».

(Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. 1849 г., стр. 21—24).

II.

Письмо подпор. л.-гв. Егерскаго полка Ростовцова къ в. кн. Николаю Павловичу и ихъ разговоръ.

«Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчавъ иногда ваше доброе ко мнѣ расположеніе, думая, что люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную, не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами, горя желаніемъ быть, по мѣрѣ силъ моихъ, полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи, наконецъ, въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей важный поступокъ. Не почитайте меня коварнымъ доносчикомъ, не думайте, чтобъ я былъ чьимъ либо орудіемъ, или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности,—нѣтъ. Съ чистою совѣстію я пришелъ говорить вамъ правду.

«Безкорыстнымъ поступкомъ своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, вы сдѣлались предметомъ благоговѣнія, и исторія, хотя бы вы никогда и не царствовали, поставитъ васъ выше многихъ честолюбцевъ; но вы только зачали славное дѣло; чтобъ быть истинно великимъ, вамъ нужно довершить оное.

«Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола. Слѣдуя рѣдко доброму влеченію вашего сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ вашимъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражили. Для вашей собственной славы погодите царствовать.

«Противу васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи.

«Пользуясь междуусобіями, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша, можетъ быть и Литва, отъ насъ отдѣлятся; Европа вычеркнетъ раздираемую Россію изъ списка державъ своихъ и сдѣлаетъ ее державою азіятскою, и незаслуженныя проклятія, вмѣсто должныхъ благословеній, будутъ вашимъ удѣломъ.

«Ваше высочество! Можетъ быть, предположенія мои ошибочны; можетъ быть, я увлекся и личною привязанностью къ вамъ, и любовію къ спокойствію Россіи, но дерзаю умолять васъ именемъ славы отечества, именемъ вашей собственной славы—преклоните Константина Павловича принять корону! Не пересылайтесь съ нимъ курье-

рами; это длитъ пагубное для васъ междуцарствіе и можетъ выискаться дерзкій мятежникъ, который воспользуется броженіемъ умовъ и общимъ недоумѣніемъ. Нѣтъ, поѣзжайте сами въ Варшаву или пусть онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; излейте ему, какъ брату, мысли и чувства свои; ежели онъ согласится быть императоромъ—слава Богу! Ежели же нѣтъ, то пусть всенародно, на площади, провозгласитъ васъ своимъ государемъ.

«Всемилостивѣйшій государь! Ежели вы находите поступокъ мой дерзкимъ—казните меня. Я буду счастливъ, погибая за Россію, и умру, благословляя Всевышняго. Ежели же вы находите поступокъ мой похвальнымъ, молю васъ, не награждайте меня ничѣмъ; пусть останусь я безкорыстенъ и благороденъ въ глазахъ вашихъ и моихъ собственныхъ! Объ одномъ только дерзаю просить васъ — прикажите арестовать меня.

«Ежели ваше воцареніе, что дастъ Всемогущій, будетъ смирно и благополучно, то казните меня, какъ человѣка недостойнаго, желавшаго, изъ личныхъ видовъ, нарушить ваше спокойствіе; ежели же, къ несчастію Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня вашею довѣренностію, позволивъ мнѣ умереть, защищая васъ.

«12-го декабря 1825 г.».

Минутъ черезъ десять Николай Павловичъ позвалъ Ростовцова въ кабинетъ, заперъ тщательно за собою обѣ двери и, взявъ его за руку, обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ, со словами:

— Вотъ чего ты достоинъ, такой правды я не слыхалъ никогда.

«Ваше высочество, сказалъ Ростовцовъ, — не почитайте меня доносчикомъ и не думайте, чтобы я пришелъ съ желаніемъ выслуживаться.

— Подобная мысль, отвѣчалъ государь,—недостойна ни меня, ни тебя. Я умѣю понимать тебя.

Потомъ онъ спросилъ, нѣтъ ли противъ него заговора? Ростовцовъ отвѣчалъ, что никого не можетъ назвать, что многіе питаютъ противъ него неудовольствіе, но люди благоразумные въ мирномъ воцареніи его видятъ спокойствіе Россіи, наконецъ, что хотя въ тѣ пятнадцать дней, когда на тронѣ у насъ лежитъ гробъ, обыкновенная тишина не прерывалась, но въ самой этой тишинѣ можетъ крыться возмущеніе.

Нѣсколько помолчавъ, государь продолжалъ:

— Можетъ быть, ты знаешь нѣкоторыхъ злоумышленниковъ и не хочешь назвать ихъ, думая, что это противно твоему благородству—и не называй! Мой другъ, я плачу тебѣ довѣренностію за довѣренность!

Ни убѣжденія матушки, ни мольбы мои не могли преклонить брата принять корону; онъ рѣшительно отрекся, въ приватномъ письмѣ укоряетъ меня, что я провозгласилъ его императоромъ и прислалъ мнѣ съ Михаиломъ Павловичемъ актъ отреченія. Я думаю, что этого будетъ достаточно.

Ростовцовъ настаивалъ на необходимости, чтобы цесаревичъ самъ прибылъ въ Петербургъ и всенародно, на площади, провозгласилъ своего брата своимъ государемъ.

— Что дѣлать, возразилъ государь,—онъ рѣшительно отъ этого отказывается, а онъ мой старшій братъ! Впрочемъ, будь покоенъ. Нами всѣ мѣры будутъ приняты. Но если разумъ человѣческій слабъ, если воля Всевышняго назначитъ иначе и мнѣ нужно погибнуть, то у меня шпага съ темлякомъ: это вывѣска благороднаго человѣка. Я умру съ нею въ рукахъ, увѣренный въ правости и святости своего дѣла и предстану на Судъ Божій съ чистою совѣстію.

— Ваше высочество, сказалъ Ростовцовъ, — это личность. Вы думаете о собственной славѣ и забываете о Россіи: что будетъ съ нею?

— Можешь ли ты сомнѣваться, чтобы я любилъ Россію менѣе себя; но престолъ празденъ: братъ мой отрекается, я единственный законный наслѣдникъ. Россія безъ царя жить не можетъ. Что-же велитъ мнѣ дѣлать Россія? Нѣтъ, мой другъ, ежели нужно умереть, то умремъ вмѣстѣ!—Тутъ онъ обнялъ Ростовцова и оба прослезились. Этой минуты, продолжалъ онъ,—я никогда не забуду. Знаетъ ли Карлъ Ивановичъ (Бистромъ), что ты поѣхалъ ко мнѣ?

— Онъ слишкомъ къ вамъ привязанъ, я не хотѣлъ огорчить его этимъ, а главное, я полагалъ, что только лично съ вами могу быть откровененъ на счетъ васъ.

— И не говори ему ничего до времени: я самъ поблагодарю его, что онъ, какъ человѣкъ благородный, умѣлъ найти въ тебѣ благороднаго человѣка.

— Ваше высочество, всякая награда осквернитъ мой поступокъ въ собственныхъ глазахъ моихъ.

— Награда тебѣ—моя дружба. Прощай!

Онъ обнялъ Ростовцова и удалился. Слѣдующій день, 13-го декабря, послѣдній все утро провелъ на службѣ, потомъ списалъ письмо свое и разговоръ съ государемъ и, послѣ обѣда, отдалъ ихъ, въ присутствіи Рылѣева, своему товарищу, на которомъ сосредоточивались всѣ его описанія [1]).

[1]) Оба эти документа найдены были послѣ въ числѣ ихъ бумагъ. 18-го декабря 1825 г. государь объявлялъ Ростовцову нѣсколько разъ свою волю, чтобы онъ переѣхалъ жить во дворецъ; онъ осмѣлился отказаться въ присутствіи

(Восшествіе на престолъ императора Николая I. Составлено барономъ Корфомъ. Изд. 5-е, для публики 3-е, 1857 г., стр. 113—119).

III.

Письмо Е. П. Оболенскаго І. И. Ростовцову.

Генваря 1-го 1859 г. Калуга.

Сегодня вечеромъ мнѣ твой милый и любезнѣйшій капитанъ Черногубовъ передалъ пакетъ, тобою посланный, любезнѣйшій другъ Іаковъ Ивановичъ, и все тобою обѣщанное было предо мною. Сердечно поблагодарилъ тебя за твой добросовѣстный трудъ въ опроверженіе статей Герцена. Отпустивъ твоего милаго капитана на отдыхъ, я принялся за чтеніе и теперь только, т. е. въ 1-мъ часу ночи, принимаюсь за перо, чтобы тебѣ сказать нѣсколько задушевныхъ словъ. Во-первыхъ, скажу тебѣ, что если бы при первомъ появленіи статьи Герцена на книгу Корфа я имѣлъ возможность написать о тебѣ, въ отношеніи 14-го декабря, то, что я знаю о твоихъ дѣйствіяхъ, и о томъ, что и мною и тобою сохранилось въ свѣжей памяти, я бы это исполнилъ какъ долгъ и обязанность честнаго человѣка обличить клевету и ложь. Но если бы даже это было возможно, то нравственное чувство не позволило бы это исполнить; тридцатилѣтняя твоя дѣятельность государственная должна опредѣлить твой характеръ; никакой Герценъ не можетъ его очернить. Твоя государственная дѣятельность можетъ подвергаться критикѣ и осужденію; ея не избѣгли ни Пальмерстонъ, ни Россель въ нынѣшнія времена; о прежнихъ не стану вспоминать — они безчисленны. Плоды твоей дѣятельности у всѣхъ передъ глазами: въ памяти у каждаго состояніе корпусовъ въ былыя времена; пусть сдѣлаютъ сравненіе съ нынѣшнимъ ихъ положеніемъ—и тогда пусть произнесутъ праведный судъ. Пусть критикуютъ и нынѣшнее ихъ положеніе: если замѣчаніе справедливо, ты, безъ сомнѣнія, обратишь вниманіе на недостатокъ и сдѣлаешь то, что нужно для исправленія. Но что-же касается до твоей личности, то слова Герцена не тебя оскорбляютъ, а того, который, сидя на островѣ, нападаетъ на личность, а не на дѣла. Я понимаю, что тебѣ пріятно было прочесть, въ моемъ письмѣ

многихъ, пожелавъ остаться въ томъ же положеніи, въ которомъ дотолѣ находился, и въ исполненіи этого желанія ему помогъ флигель-адъютантъ В. А. Перовскій. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Михаилу Павловичу. Баронъ М. А. Корфъ.

къ тебѣ, чувство неизмѣннаго уваженія и любви, а мнѣ пріятно было тебѣ ихъ выразить. Наши отношенія требовали этого размѣна обоюдныхъ чувствъ. Но слова Герцена падутъ въ море забвенія и достойнаго сожалѣнія. Я читалъ «Колоколъ» до № 12 и нашелъ много желчи, а мало любви. Но пусть пишетъ и онъ: наши общественныя язвы глубоки, пусть раскрываютъ ихъ, онѣ скорѣе залечатся.

У меня нѣтъ довольно досуга, чтобы разобрать дѣльно и добросовѣстно каждую изъ статей его пера, тобою выписанныхъ, и взвѣсить истинный смыслъ опроверженія; но если найду, что могу принести хотя малую частицу пользы моими замѣчаніями, то напишу и передамъ тебѣ на обсужденіе.

Теперь обращаюсь къ извлеченію изъ твоихъ писемъ по крестьянскому вопросу. Ты отчасти сообщилъ мнѣ содержаніе ихъ, при послѣднемъ моемъ свиданіи въ Москвѣ. Теперь могу только тебѣ сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ, общихъ замѣчаній, которыя просятся подъ перо. Во-первыхъ, голосъ большинства помѣщиковъ почти единогласно утверждаетъ, что невозможно отпускать крестьянъ безъ того количества земли, коимъ они нынѣ пользуются отъ помѣщика. Если уменьшить это количество хотя однимъ вершкомъ, они почтутъ себя въ кровной обидѣ. Ты замѣняешь этотъ недостатокъ добровольнымъ соглашеніемъ помѣщика съ крестьянами, касательно выкупа сими послѣдними поземельнаго ихъ налога, и помощи имъ или чрезъ опекунскій совѣтъ, или чрезъ банкъ. Если эта финансовая операція совершится, тогда благо будетъ и крестьянамъ, и помѣщикамъ; но для блага крестьянъ необходимо, чтобы тягости, на нихъ налагаемыя выкупомъ земли, были по возможности облегчены. Если теперь на крестьянахъ государственныхъ имуществъ насчитываются милліоны недоимокъ, то съ нашими что тогда будетъ? Далѣе скажу тебѣ, что твоя мысль объ уѣздныхъ начальникахъ и генералъ-губернаторахъ поставитъ всю Россію въ осадное положеніе; но осадное положеніе есть мѣра чрезвычайная, которая принимается въ случаяхъ видимой и чрезвычайной опасности. Здѣсь никто ея не предвидитъ и, кажется, ее и въ будущемъ предвидѣть нельзя. Кромѣ того, неужели ты думаешь, что твои гвардіи штабъ-офицеры и всѣ лица, тобою поименованныя, назначаемыя для занятія мѣстъ уѣздныхъ начальниковъ, найдутъ сочувствіе мѣстныхъ жителей и въ особенности мѣстнаго дворянства? Но если не будетъ сочувствія, не будетъ и пользы, тобою ожидаемой. Впрочемъ, это мѣра государственная—пусть ее обсудятъ люди государственные; мое же желаніе я могу тебѣ выразить откровенно: пусть то высокое довѣріе, которое вызвало дворянское сословіе къ содѣйствію въ благодѣтельной государственной реформѣ, вѣнчается полнымъ

довѣріемъ въ исполненіи того новаго Положенія, которое вызоветъ къ гражданской жизни милліоны нашихъ братьевъ.

Пусть крестьяне получатъ защитника своихъ правъ въ мировомъ судьѣ, ими лично избираемомъ; но пусть новыя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ установятся самою жизнію, но не принудительною властью, которая равно будетъ тяготѣть и надъ помѣщикомъ, и надъ крестьяниномъ.

Наше дворянское сословіе обновится, когда обязательныя отношенія крѣпостнаго права прекратятся; но нравственныя узы, соединявшія крестьянское сословіе съ своимъ помѣщикомъ, умиротворятъ обоюдныя ихъ отношенія и постепенно приведутъ въ уровень пользы обѣихъ сторонъ. Сверхъ того, самостоятельное положеніе дворянскаго сословія въ этомъ вопросѣ будетъ первымъ шагомъ къ мѣстному самоуправленію, которое составляетъ одну изъ необходимыхъ потребностей нашей гражданской жизни.

Если ты обратишь безпристрастный взглядъ на дѣйствія многихъ комитетовъ, то увидишь, что мысль государя, вызвавшая комитеты, вызвала къ жизни и мысль, и слово. Сколько прекрасныхъ личностей ты найдешь между членами комитетовъ, сколько свѣтлыхъ головъ, которыя съ пользою могутъ и теперь быть вызваны на поприще государственной дѣятельности.

Но пора окончить мое письмо; оно далеко не полно, но теперь всего не могу высказать, и по недостатку времени, и по незрѣлости мыслей, вызванныхъ и статьями Герцена, и нынѣшнимъ вопросомъ. Когда приведу въ порядокъ, тогда сообщу тебѣ; затѣмъ прощусь съ тобою.

За Цебрикова сердечно благодарю.

Новый годъ начался; какъ не пожелать тебѣ отъ души благословенія Божія въ семейномъ твоемъ бытѣ, свыше вдохновенія въ твоей общественной дѣятельности и свѣтлаго взгляда на цѣль нынѣшней реформы, которая состоитъ не столько въ улучшеніи матеріальномъ, сколько въ нравственномъ возрожденіи, какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословія.

Да благословитъ Господь новое лѣто плодами новаго древа, насаждаемаго на родной нашей почвѣ роднымъ нашимъ государемъ. Твой Евгеній Оболенскій.

АДРІАНЪ ПУШКИНЪ ВЪ СОЛОВЕЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ

въ 1866—1881 гг.

Въ прекрасной статьѣ М. А. Колчина «Ссыльные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв.», напечатанной въ «Русской Старинѣ» изд. 1887 г., говорится, между прочимъ, объ арестантѣ Адріанѣ Пушкинѣ, бывшемъ въ заточеніи въ Соловецкомъ монастырѣ. Въ нашей печати много писалось о его дѣлѣ (напр., А. С. Пругавинымъ). Намъ удалось познакомиться съ архивомъ Соловецкаго монастыря лѣтомъ 1886 г. Въ Соловкахъ познакомились мы и съ М. А. Колчинымъ, который заявилъ намъ, что дѣла объ арестантахъ послѣдняго времени въ его изслѣдованіе не войдутъ. Въ виду этого мы разсмотрѣли дѣла съ 1860 по 1883 г. (въ этомъ году выпущены послѣдніе арестанты) и изъ нихъ самое интересное дѣло было Адріана Пушкина, который пробылъ въ Соловецкомъ монастырѣ 15 лѣтъ.

По высочайшему повелѣнію, пермскій мѣщанинъ Адріанъ Пушкинъ, 10-го ноября 1866 г., за свои религіозныя убѣжденія былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Въ монастырь онъ прибылъ только 12-го іюня 1867 г., такъ какъ дорога была дальняя. Изъ бумаги, присланной о Пушкинѣ, не видно, въ чемъ состояли его убѣжденія. Мы узнаемъ ихъ только изъ просьбы жены его, поданной государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ, 16-го декабря 1868 г. Ходатайствуя за мужа, жена его говоритъ, что Пушкинъ хотѣлъ соединить церкви и въ теченіи 9-ти лѣтъ онъ работалъ надъ этимъ вопросомъ. Самъ Пушкинъ говоритъ о своихъ убѣжденіяхъ въ прошеніи, въ которомъ онъ проситъ о возвращеніи ему его картины «Знаменіе царствующей вѣры». По его словамъ, экземпляры этой картины находятся у государя императора (съ ноября 1862 года), въ св. Синодѣ, у генерала Лошкарева и у пермскаго преосвященнаго Неофита и

въ архангельскомъ статистическомъ комитетѣ. Пушкину была возвращена его картина изъ архангельскаго комитета.

«Жилъ Пушкинъ недурно въ Соловецкомъ монастырѣ», говорили намъ монахи; такъ какъ на содержаніе его отпускалась порядочная сумма. Изъ дѣла видно, что на содержаніе Пушкина было ассигновано 48 руб. въ годъ по высочайшему повелѣнію. При дешевизнѣ жизни въ Соловецкомъ монастырѣ и при невзыскательности монаховъ, эта сумма была порядочная. Заключеніе въ острогѣ больному Пушкину было тяжело и, желая освободиться отъ него, онъ въ 1868 г., 5-го октября, подаетъ просьбу о помилованіи и раскаивается въ своихъ заблужденіяхъ, объясняя ихъ помраченіемъ своего разсудка. Соборъ монастыря (состоящій изъ настоятеля, намѣстника, казначея, ризничьяго, благочиннаго и духовника) постановилъ ходатайствовать объ освобожденіи Пушкина (1868 г. 15 октября). Оберъ-прокуроръ св. синода, 31-го января 1869 г., увѣдомилъ соборъ, что онъ оставляетъ Пушкина на короткій срокъ въ монастырѣ и разрѣшаетъ ему гулять въ виду его болѣзни. Послѣ ходатайства о Пушкинѣ, въ монастырѣ была получена бумага отъ архангельскаго губернатора (отъ 30-го октября 1868 г.), въ которой онъ сообщаетъ настоятелю, что онъ ходатайствовалъ о возвращеніи Пушкина на родину. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ маѣ 1869 г., архангельскій губернаторъ проситъ у настоятеля монастыря свѣдѣній о Пушкинѣ, чтобы вновь возбудить ходатайство о его освобожденіи. И это ходатайство губернатора не увѣнчалось успѣхомъ. Родственники Пушкина все-таки не отчаявались въ его освобожденіи и по просьбѣ одного изъ нихъ, Кузнецова, о немъ собирались свѣдѣнія. Вотъ что пишетъ о Пушкинѣ архангельскому губернатору настоятель Соловецкаго монастыря (28-го мая 1880 г.): «Остается при своихъ убѣжденіяхъ о религіи, не посѣщаетъ храма Божьяго, не бываетъ у исповѣди и св. Причастія и упоренъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Когда я взошелъ къ нему и спросилъ его, отчего у него въ комнатѣ нѣтъ святой иконы, то онъ, указывая мнѣ на лобъ, сказалъ: вотъ тутъ все, что нужно, и началъ высказывать такія убѣжденія, что страшно и весьма вредно для другаго слушать». Архимандритъ въ этомъ донесеніи говоритъ, что Пушкинъ никогда не крестится и не считаетъ это необходимымъ дѣлать. При этомъ архимандритъ добавляетъ, что никакія убѣжденія не дѣйствуютъ на Пушкина. Въ дѣлѣ приложены отчеты архимандрита о Пушкинѣ, которые онъ посылалъ въ св. синодъ. Изъ этихъ отчетовъ мы видимъ, что въ 1868 г. Пушкинъ говѣлъ, а въ 1869 г. въ мартѣ возвратился къ прежнимъ убѣжденіямъ, которымъ и не измѣнилъ. Передъ самымъ его освобожденіемъ, вотъ что пишетъ

архангельскому преосвященному соловецкій настоятель 31-го декабря 1881 г.: «Пушкинъ прежнихъ убѣжденій и въ разговорахъ раздражителенъ». По словамъ настоятеля, у него въ концѣ 1881 г. была цынга. По высочайшему повелѣнію, 3-го октября 1881 г., Пушкину замѣнено наказаніе житьемъ въ Архангельскѣ, подъ надзоромъ полиціи. 25-го ноября Пушкина освободили, а въ слѣдующемъ году онъ умеръ въ Архангельскѣ, въ больницѣ.

Въ дѣлѣ Пушкина есть одно обстоятельство, которое мы не могли себѣ объяснить изъ дѣла Соловецкаго монастыря. 19-го іюля 1880 г. архангельскій губернаторъ сообщилъ настоятелю Соловецкаго монастыря, что до него дошли слухи, что Пушкина хотятъ освободить воровскимъ способомъ и что у него въ Женевѣ есть поклонники и даже свой печатный органъ. Губернаторъ проситъ усилить надзоръ за Пушкинымъ. Отвѣчая на эту бумагу, о. архимандритъ говоритъ, что надзоръ за Пушкинымъ хорошъ, а къ этимъ слухамъ онъ относится недовѣрчиво.

1888 г. 18-го февраля.

А. Θ. Селивановъ.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ПАССЕКЪ

въ 1868—1874 гг.

Въ ряду многочисленныхъ друзей, искренно любившихъ и почитавшихъ Т. П. Пассекъ,—эту замѣчательно умную женщину и даровитую писательницу,—былъ князь Николай Алексѣевичъ Орловъ.

Доблестный воинъ, кровью и тяжкими ранами своими, при осадѣ Силистріи въ 1854 г. полученными,—ознаменовавшій служеніе свое государю и отечеству, затѣмъ представитель Россіи—сначала въ Брюсселѣ, а потомъ въ Парижѣ, князь Николай Алексѣевичъ съ высокими качествами истиннаго рыцаря соединялъ умъ государственный, безпредѣльно преданный идеямъ обожаемаго имъ государя Александра II въ дѣлѣ обновленія и преобразованія всего внутренняго строя Россіи; князь Николай Алексѣевичъ Орловъ принялъ живое участіе въ этихъ преобразованіяхъ: ему, между прочимъ, принадлежатъ двѣ въ высшей степени замѣчательныя всеподданнѣйшія записки, въ 1858 году написанныя, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи и объ устраненіи разныхъ стѣсненій въ положеніи и бытѣ раскольниковъ и евреевъ.

Оба эти документа имѣли благотворныя послѣдствія: Высочайшій указъ 17 апрѣля 1863 года вычеркнулъ изъ быта русскаго народа—плети, клейма, шпицрутены-палки, а вторая записка повела къ нѣкоторому облегченію въ стѣснительныхъ условіяхъ положенія старообрядцевъ, а частью и евреевъ.

Обѣ записки съ согласія покойнаго кн. Н. А. Орлова, еще при жизни его, напечатаны А. В. Головнинымъ на страницахъ «Русской Старины» изд. 1881 года, томъ XXXI, стр. 75—102.

Вообще личность кн. Н. А. Орлова одна изъ замѣчательныхъ въ ряду сподвижниковъ Государя-Освободителя. Тѣмъ интереснѣе письма кн. Н. А. Орлова къ Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ, исполненныя глубокаго чувства дружбы и уваженія къ этой женщинѣ и участья къ ея семейству и къ ея дѣламъ.

Приводимъ здѣсь семь изъ таковыхъ писемъ. Упоминаемыя въ нихъ лица суть: Владиміръ Вадимовичъ Пассекъ—покойный сынъ Татьяны Петровны, и ея племянникъ Ипполитъ Александровичъ Пашковъ; упоминается также супруга Влад. Вадимовича Пассекъ, Елена Евфиміевна, и ея сынъ—тогда еще малютка. Ред.

1.

Чегельникъ. 27 сентября 1868.

Вотъ вамъ и карточка моя, добрѣйшая Татьяна Петровна; мнѣ совѣстно, что до сихъ поръ не послалъ ее вамъ; но я былъ до такой степени заваленъ разными хозяйственными дѣлами и заботами, что не могъ взяться за перо. Душевно благодарю васъ за милое письмо. Изъ разговора Володи съ А. Вас. вижу, что послѣдній придумаетъ что нибудь для него. Во всякомъ случаѣ, я не потеряю изъ виду нашей цѣли и Господь поможетъ все устроить къ лучшему. Великую вы истину сказали: «изученіе самого себя, природы и самаго ея Творца», вотъ главныя и существенныя познанія. Книга «О самопознаніи» Джона Месона отлично излагаетъ это. Рекомендую вамъ ее. Она была издана, въ русскомъ переводѣ, еще не такъ давно въ Москвѣ и, кажется, еще встрѣчается въ продажѣ. Она была для меня лучшимъ чтеніемъ во всѣ минуты горькія и сладкія.

У меня порядочно было хлопотъ, въ особенности здѣсь. Въ подольскомъ краѣ все такъ спутано, что ничего не разберешь. Надѣюсь, однако, все скоро кончить и черезъ недѣли три быть въ Брюсселѣ. Обнимаю душевно Володю, Ипполита и цѣлую ваши ручки. Вашъ другъ Н. Орловъ.

2.

Парижъ. 16 (28) апрѣля 1873.

Благодарю васъ отъ души за письмо, мой добрый другъ. Еще болѣе благодарю за ваши записки, которыя читаю съ жадностью.

Я заваленъ работою; но, слава Богу, здоровъ. Не пускайте Ипполита въ славянскія земли. Теперь не время туда ѣздить. Здоровье его можетъ пострадать безъ всякой пользы. Пусть онъ поѣздитъ по Европѣ. Это мой искренній, душевный совѣтъ. Обнимаю заочно Володю и малютку. Цѣлую ручки его жены и обнимаю васъ. Вашъ другъ Н. Орловъ.

3.

Гейдельбергъ. 21 іюля н. ст. 1873.

Возвращаю вамъ, мой добрый другъ, письмо (М. И. Семевскаго) редактора «Русской Старины». Г. Лонгиновъ доходитъ до полнаго безумія въ дѣлахъ печати [1]). Я слышалъ о немъ неимовѣрные разсказы.

Я здѣсь проѣздомъ изъ Дармштата и надняхъ буду опять въ Парижѣ. Обнимаю Володю и цѣлую ручку милой его жены. Посовѣтуйте имъ побыть нѣкоторое время въ Швейцаріи. Это страна благодатная и они найдутъ ее цѣлебною въ тѣлесномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Оканчиваю письмо, потому что долженъ ѣхать въ Вильбадъ къ князю Горчакову, а оттуда жариться въ знойный Парижъ. Обнимаю душевно васъ и Ипполита.

Вашъ другъ Н. Орловъ.

4.

Парижъ. 17 (29) сентября 1873 г.

Скажите, мой добрый другъ, многоуважаемому Михаилу Ѳедоровичу Раевскому [2]), что я не могу принять участія въ подпискѣ на вѣнскую церковь. Я содержу на свой счетъ православную церковь въ Брюсселѣ, хотя тамъ и не живу. Туда назначается новый священникъ и я теперь устраиваю его квартиру. Все это лишаетъ меня возможности дѣлать пожертвованія другимъ церквамъ.

Отъ души радуюсь успѣхамъ Володи. Да поможетъ ему Господь и въ дальнѣйшихъ трудахъ.

Я сильно простудился въ послѣднее время и думаю поѣхать на нѣсколько недѣль на югъ Франціи, съ женою и дѣтьми. Обнимаю отъ души васъ и Володю и кланяюсь его милой женѣ. Вашъ другъ Н. Орловъ.

Душевный поклонъ почтенному отцу Раевскому.

5.

Парижъ. 6 (18) іюня 1874.

Благодарю, добрѣйшая Татьяна Петровна, за присылку «Крестоваго календаря». Кончина моего тестя помѣшала мнѣ отвѣтить на милое ваше письмо.

---

[1]) Лонгиновъ запретилъ печатаніе записокъ Т. П. Пассекъ; послѣ его смерти запрещеніе было немедленно снято министр. внутр. дѣлъ А. Е. Тимашевымъ. Ред.

[2]) Мих. Ѳедоров. Раевскій, священникъ (нынѣ покойный) при церкви русскаго посольства въ Вѣнѣ. Ред.

Я такъ разстроенъ, что едва могу писать. Бѣдная жена въ страшномъ положеніи. Молю Господа послать ей утѣшеніе и твердость. Меня не въ чему помѣщать въ календарь. Родословная моя не длинна. Она заключается въ формулярномъ спискѣ моего отца. Обнимаю душевно васъ и Ипполита.

Вашъ другъ Н. Орловъ.

6

Парижъ. 9 (21) іюля 1874.

Благодарю васъ отъ всей души, добрѣйшая Татьяна Петровна, за ваши теплыя, задушевныя строки. Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, что перемѣна мѣста и воздуха можетъ имѣть самое благотворное вліяніе на бѣдную мою жену. Она съ дѣтьми поѣхала въ С. Морицъ, въ Граубинденѣ. Желѣзистыя воды и чистый альпійскій воздухъ лучше всѣхъ леченій городскихъ докторовъ. Я же здѣсь въ настоящей жаровнѣ и повидимому знойная атмосфера дѣйствуетъ невыгодно на политическое настроеніе умовъ. Просто Вавилонское столпотвореніе. Обнимаю васъ и Ипполита. Когда напишите Володѣ поклонитесь ему отъ меня и милой его женѣ.

Вашъ другъ Н. Орловъ.

7.

Брюссель 7 (19) августа 1874.

Возвращаю вамъ письмо Огарева (Н. П.), милый другъ. Кажется, тутъ ничего нельзя сдѣлать. Это, воистину, грустная старость. Я здѣсь на короткое время. Послѣ завтра буду въ Парижѣ. Въ Россіи не буду нынѣшній годъ; но въ Чегельникѣ я перемѣнилъ управленіе. Женѣ гораздо лучше. Воздухъ и воды С. Морица имѣли самое благотворное вліяніе на ея здоровье и очень много содѣйствовали здоровью дѣтей. Обнимаю душевно васъ и Ипполита. Вашъ другъ Н. Орловъ.

Сообщ. **И. А. Пашковъ.**

Памятники замѣчательнымъ русскимъ дѣятелямъ

Проекты и пожеланія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1889 года совершилось въ Одессѣ событіе, рѣдко встрѣчающееся въ лѣтописяхъ русской жизни и, по моему мнѣнію, недостаточно оцѣненное нашей печатью. Событіе это—открытіе памятника Пушкину. Въ самой возможности постановки памятника славному поэту нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, но, принимая въ соображеніе извѣстную тугость русскихъ людей къ увѣковѣченію памяти великихъ представителей отечественной литературы, а въ частности также и то обстоятельство, что та-же самая Одесса дала у себя въ результатѣ сбора во «всероссійской подпискѣ» на памятникъ Гоголю счетомъ 3 руб. сер., приходится поневолѣ изумляться и искать разгадки причины ея необычайной щедрости относительно Пушкина. Но если я скажу, что Одесса обязана осуществленію идеи о памятникѣ Пушкину исключительно энергіи и твердой воли нѣсколькихъ лицъ, то никто какъ вы, г. редакторъ «Русской Старины», доказавшій въ сборѣ на памятникъ Волынскому, къ какимъ результатамъ приводитъ стойкое преслѣдованіе намѣченной цѣли, не пойметъ и не оцѣнитъ лучше совершившагося факта.

Воздавая должное усердію и настойчивости тѣхъ немногихъ лицъ, благодаря которымъ увѣковѣчивается на Руси память ея великихъ гражданъ, и уповая, что добрый примѣръ такихъ просвѣщенныхъ иниціаторовъ найдетъ себѣ достойныхъ подражателей и въ будущемъ, я рѣшаюсь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившагося въ Одессѣ торжества и изъ желанія внести и свою скромную кроху въ общее дѣло, предложить на обсужденіе нѣкоторые, давно задуманные мной, проекты памятниковъ ожидающимъ своей очереди славнымъ дѣятелямъ русскимъ. Начну съ Одессы, какъ подавшей мнѣ

мысль къ изложенію на страницахъ «Русской Старины» моихъ соображеній по этому предмету, а затѣмъ уже перейду и къ столицамъ.

I.

Проекты памятникамъ ген. Іосифу де-Рибасу и импер. Екатеринѣ II-й для г. Одессы.

Въ Одессѣ имѣются въ настоящее время на лицо три памятника: два ея бывшимъ правителямъ — дюку Ришельe и кн. М. С. Воронцову и одинъ, открытіе котораго послѣдовало въ 1889 г. — Пушкину. Кромѣ того, вскорѣ произойдетъ закладка въ Александровскомъ паркѣ памятника-колонны императору Александру II.

Постановка всѣхъ этихъ монументовъ дѣлаетъ несомнѣнно большую честь чувству благодарной памяти города къ возвысившимъ его и Россію дѣятелямъ. Одесса въ этомъ случаѣ, надо сказать, являетъ собой пріятное исключеніе въ спискѣ русскихъ провинціальныхъ городовъ. Въ другихъ странахъ, какъ извѣстно, нѣтъ почти города, который не былъ бы украшенъ памятникомъ своего именитаго согражданина, прославившагося на томъ или другомъ поприщѣ (въ Америкѣ имѣется даже памятникъ выростившему картофель), а у насъ, къ сожалѣнію, рѣдко какой городъ отличается своей отзывчивостью на этотъ счетъ. Но тѣмъ-то страннѣй представляется пробѣлъ, замѣчаемый на площадяхъ Одессы въ отсутствіи двухъ прямо обязательныхъ для нея памятниковъ, а именно: генералу Іосифу де-Рибасу, взявшему 14 сентября 1789 г. приступомъ турецкую крѣпостцу Хаджибей (на мѣстѣ нынѣшней Одессы), и императрицѣ Екатеринѣ Великой, въ царствованіе которой совершилось это историческое событіе и которая 22 августа 1794 г. повелѣла на покоренной ея скипетру землѣ заложить городъ и портъ, переименовавъ Хаджибей въ Одессу.

Вотъ чьи имена невольно вспоминаются и должны являться при мысли о предстоящемъ чествованіи столѣтія Одессы, такъ какъ благодаря имъ она имѣетъ нынѣ возможность праздновать свой вѣковой юбилей, и вотъ кого должна прежде всего имѣть въ виду образовавшаяся при городской управѣ комиссія, цѣль которой—обсудить способъ и программу празднованія покоренія Хаджибея и основанія Одессы.

Обращаясь къ вопросу о выборѣ мѣста для этихъ памятниковъ, я полагаю, что, по связи своей къ упомянутымъ именамъ, подходящія для нихъ мѣста сами собой подсказываются. Такъ, памятнику

де-Рибасу подобаетъ стоять не въ иномъ какомъ мѣстѣ, какъ только на улицѣ его имени, въ пожертвованномъ имъ городу саду, на мѣстѣ. гдѣ нынѣ находится цвѣтникъ. Памятникъ этотъ долженъ быть памятникомъ-фонтаномъ, съ бюстомъ или фигурой генерала на вершинѣ. Такого рода памятнику гораздо осмысленнѣе быть именно здѣсь, въ центрѣ города, чѣмъ, напримѣръ, недавно открытому фонтану-памятнику Пушкина на приморскомъ бульварѣ, гдѣ эффектъ водяныхъ струекъ умаляется видомъ большой морской водяной массы, а воздухъ и безъ того достаточно освѣжается сосѣдствомъ моря. Къ тому же, въ томъ же казенномъ саду, предстоитъ необходимость перемѣщенія нелѣпо поставленнаго тамъ въ сторонкѣ фонтана, на середину сада, гдѣ ему подобало бы быть и прежде и гдѣ теперь онъ будетъ какъ нельзя болѣе у мѣста.

Что касается до памятника Екатеринѣ II, то его мѣсто очевидно на Екатерининской улицѣ, въ садикѣ того же имени, вмѣсто имѣющагося тамъ фонтана, лицомъ къ дому Катакази. Памятникъ имени великой императрицы долженъ быть само собой грандіознѣе памятника полководца де-Рибаса. Онъ можетъ имѣть въ основаніи своемъ также фонтанъ, такъ какъ и тутъ мѣстность подходящая для этого, при томъ долженъ оставаться съ трехъ сторонъ окруженнымъ садомъ, съ лицевой же стороны долженъ имѣть непремѣнно открытую площадку, съ загибомъ въ садъ къ подножію памятника.

Такимъ образомъ, наиболѣе соотвѣтственнымъ разрѣшеніемъ предложенной комиссіи задачи, по вопросу о празднованіи двухъ одесскихъ юбилеевъ, было бы слѣдующее:

1) Ознаменовать день столѣтняго завоеванія генералъ-маіоромъ де-Рибасомъ Хаджибея хотя-бы освѣщеніемъ мѣста и торжественной закладкой камня съ надписью будущему ему памятнику (при чемъ не должны быть забыты и его сподвижники—полковникъ Хвостовъ, секундъ-маіоръ Воейковъ, артиллеріи маіоръ Меркель и др.), на сооруженіе котораго ассигновать отъ города извѣстную сумму денегъ и въ тотъ же день, т. е. 14 сентября сего 1889 г., объявить подписку среди гражданъ и конкурсъ на представленіе проекта, и

2) Ко дню столѣтняго юбилея г. Одессы, т. е. къ 22 августу 1894 г., испросить высочайшее соизволеніе на разрѣшеніе воздвигнуть въ Одессѣ памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II и озаботиться заблаговременной подготовкой всего необходимаго для осуществленія этой мысли къ надлежащему сроку [1]).

[1]) Предложенія эти сходятся съ сдѣланнымъ на этотъ счетъ заявленіемъ почтеннымъ головой г. Одессы Г. Г. Марозли, и въ этомъ же смыслѣ была подана ему авторомъ записка. Е.

II.

Проектъ памятника Ломоносову для С.-Петербурга.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ С.-Петербургская Дума постановила наименовать садъ у Чернышева моста—Ломоносовскимъ [1]). Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени и Петербургъ, гдѣ протекла благотворная для России дѣятельность великаго Ломоносова, гдѣ покоится прахъ его и откуда, по словамъ поэта:

Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ,

не сдѣлалъ ничего болѣе для увѣковѣченія памяти могучаго русскаго генія, одно имя котораго есть русское народное знамя въ области мысли, слова и науки и у котораго, по словамъ другаго поэта:

Какъ Русь сама, широкъ былъ геній
И всеобъемлющъ умъ его,
И на листахъ его твореній
Не позабыто ничего . . . .

Было бы, поистинѣ, недостойно столицы и внушало бы глубокое сожалѣніе, если бы такое, болѣе чѣмъ скромное, отношеніе ея къ памяти Ломоносова тѣмъ только и ограничилось. Удачно положенное начало, напротивъ того, вызываетъ невольно на мысль о довершеніи дѣла постановкой подобающаго ему памятника. Мѣстомъ для такого памятника могъ бы послужить тотъ же переименованный садикъ. Здѣсь, въ виду министерства народнаго просвѣщенія, обществъ русскихъ литераторовъ и географическаго, 6-й гимназіи, вблизи коммерческихъ училищъ, двухъ театровъ, народнаго апраксинскаго училища, консерваторіи, театральнаго училища и, наконецъ, того управленія, которое, по словамъ указа, подписаннымъ Царемъ Освободителемъ въ день столѣтняго поминовенія Ломоносова 6 апрѣля 1865 г., имѣло прямою цѣлью «дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства»—было бы совсѣмъ кстати и у мѣста возвышаться

---

[1]) Съ удовольствіемъ вспоминаемъ, что это наименованіе дано красивому этому садику—по нашему предложенію, сдѣланному нами, какъ гласнымъ спб. городской думы, въ одномъ изъ ея засѣданій. Кстати замѣтимъ, что слѣдовало-бы этотъ садикъ нѣсколько расширить, такъ какъ размѣръ площади и объѣздовъ вокругъ садика вполнѣ это допускаетъ. Ред.

и памятнику родоначальнику русскаго творчества. Указывая на этотъ пунктъ столицы, я не имѣю въ виду отдавать ему исключительное предпочтенiе передъ другими, но считаю его наиболѣе подходящимъ къ сказанной цѣли, да и нѣтъ вѣдь такого мѣста на Руси, гдѣ бы неумѣстенъ былъ памятникъ Ломоносову [1])!

Что касается до воспроизведенiя самаго памятника, то нельзя не пожелать ему, чтобы онъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми, которые, можно сказать, уродуютъ Архангельскъ и Москву. Въ первомъ Ломоносовъ, обращенный дикой фантазiей художника въ какого-то гладiатора въ римской тогѣ, внушаетъ одно недоумѣнiе для русскаго человѣка, во второй жалкiй бюстъ его въ университетскомъ садикѣ возбуждаетъ досаду въ прохожемъ, особенно при мысли, что бюстъ этотъ красуется передъ тѣмъ первымъ русскимъ университетомъ, мысль о созданiи котораго принадлежитъ ему-же, Ломоносову. Наиболѣе подходящею моделью для памятника Ломоносову могла бы послужить, по моему мнѣнiю, та картина Венецiанова, въ которой художникъ изобразилъ его молодымъ рыбакомъ, обувающимся въ лапоть и готовящимся покинуть родину и идти въ далекiй путь для выполненiя своего призванiя. Выраженiе лица парня полно отваги, мысли, увѣренности въ себѣ и свѣтлой надежды. Вотъ настоящiй Ломоносовъ, пластическое олицетворенiе генiя въ своемъ первобытномъ, народномъ образѣ, и вотъ какого памятника недостаетъ ему, чтобы полюбиться всѣмъ отъ мала до велика и стать такимъ же популярнымъ, какимъ теперь безподобный памятникъ «дѣдушки Крылова». Оригиналъ упомянутой картины Венецiанова находится въ Эрмитажѣ. Для полноты впечатлѣнiя, эффекта и контраста ради, можно было бы вставить въ пьедесталъ памятника еще и бюстъ его же, Ломоносова, въ томъ его изображенiи, въ какомъ онъ сталъ извѣстенъ всѣмъ впослѣдствiи, по достиженiи апогея своей славы; но основная фигура памятника, казалось бы, должна быть непремѣнно взята цѣликомъ съ картины Венецiанова.

---

[1]) Мы слышали, что друзьями и почитателями нашего знаменитаго путешественника Н. М. Пржевальскаго предполагается въ этомъ садикѣ воздвигнуть ему памятникъ. Для полученiя средствъ на сооруженiе этого памятника предполагается испросить высочайшее разрѣшенiе на подписку во всей имперiи.
Ред.

III.

Проектъ памятника Александру Николаевичу Островскому въ Москвѣ.

Въ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей въ Москвѣ обсуждается, сколько мнѣ извѣстно, вопросъ о способѣ увѣковѣченія памяти А. Н. Островскаго. Это вызываетъ во мнѣ живѣйшее желаніе подѣлиться моими соображеніями и на этотъ счетъ.

Начну съ того, что относительно собственно главнаго вопроса—о томъ, какого рода памятникомъ подобаетъ достойнымъ образомъ увѣковѣчить память Островскаго?—какъ мнѣ сдается, не можетъ даже возникать разнорѣчія во мнѣніяхъ и вопросъ этотъ самъ собой разрѣшается понятнымъ отвѣтомъ—театромъ его имени. Какимъ, спрашивается, инымъ болѣе подходящимъ способомъ мыслимо вѣрнѣе выразить представленіе объ Островскомъ, какъ не храмомъ искусства которому онъ посвятилъ всю свою жизнь и въ заботахъ о процвѣтаніи котораго въ своемъ отечествѣ застигла его смерть? Считаю, поэтому, выраженіе народной признательности къ заслугамъ покойнаго писателя въ видѣ театра-памятника наиболѣе желательной, и думаю, что всякая иная форма не могла бы достигнуть удачнѣе задуманной идеи объ увѣковѣченіи памяти Островскаго.

Послѣ такого разрѣшенія главнаго вопроса, подлежитъ разрѣшенію еще одинъ не менѣе важный вопросъ о томъ,—гдѣ въ самой Москвѣ слѣдуетъ быть этому театру-памятнику? И на этотъ вопросъ готовъ и самъ собой напрашивается невольный отвѣтъ: мѣстомъ этимъ должна быть, очевидно, та часть Москвы, откуда почерпалъ свои безсмертные типы покойный драматургъ и которая по сіе время ждетъ своего театра, т. е. Замоскворѣчіе. Здѣсь именно, а не гдѣ либо въ иной части Бѣлокаменной, слѣдуетъ по праву горѣть яркимъ свѣтомъ просвѣтленія театру Островскаго съ бюстомъ его или фигурой на фронтонѣ. Отражая въ себѣ какъ въ зеркалѣ и бичуя всѣ темныя и неприглядныя стороны дикаго домостроя, театръ этотъ, продолжая живой рѣчью со сцены довершать благое дѣло именемъ Островскаго, достигалъ бы, такимъ образомъ, двойной цѣли своего назначенія—какъ памятника и какъ школы для смягченія народныхъ нравовъ.

Вотъ основныя мысли моего проекта монумента Островскому.

Обращаясь затѣмъ къ частностямъ, слѣдуетъ пожелать, чтобы театръ имени Островскаго былъ прежде всего образцовымъ народнымъ театромъ для всей Россіи—первымъ въ Москвѣ; чтобы на

сценѣ его подвизались и развивались русскіе молодые таланты; чтобы по наружному виду своему и внутренней отдѣлкѣ онъ соотвѣтствовалъ содержанію даваемыхъ въ немъ пьесъ автора ихъ, взятыхъ имъ изъ сюжетовъ русской жизни, т. е. чтобы театръ этотъ былъ въ стилѣ русской архитектуры; чтобы въ немъ, какъ въ музеѣ, было собрано все, что имѣетъ отношеніе къ тому, въ честь котораго онъ сооруженъ, такъ, между прочимъ, чтобы въ фойе его были вывѣшены портреты лучшихъ исполнителей ролей пьесъ Островскаго, какъ-то: Садовскаго, Шумскаго, Васильева и проч., и наконецъ, чтобы мѣстность, гдѣ будетъ находиться проектируемое зданіе, была по возможности центральной и не застроенной, дабы вокругъ можно было развести скверъ, и настолько возвышенный, чтобы верхняя часть онаго съ статуей Островскаго выдѣлялась изъ массы построекъ и виднѣлась съ того пункта Кремля, гдѣ будетъ воздвигнутъ памятникъ императору Александру II, въ царствованіе котораго подвизался покойный драматургъ на славу русской сцены. Если помимо всего сказаннаго принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что самое наименованіе театра, само по себѣ, послужитъ поводомъ для ежедневныхъ напоминовеній о славномъ имени, путемъ печати, въ газетныхъ замѣткахъ, рецензіяхъ и афишахъ,—то полагаю, что лучшаго способа къ увѣковѣченію незабвеннаго драматурга въ народной памяти едва ли возможно измыслить.

Выражая свое душевное пожеланіе счастливому почину общества русскихъ драматическихъ писателей въ столь достохвальномъ дѣлѣ, я глубоко убѣжденъ, что подписка, для сбора необходимой суммы къ приведенію въ исполненіе задуманнаго національнаго театра имени Островскаго, вызоветъ горячее сочувствіе всей Россіи; Москва же, какъ ближе всѣхъ заинтересованная въ этомъ случаѣ, откликнется, конечно, на первый призывъ, отводомъ ли необходимаго мѣста, или инымъ болѣе удобнымъ для себя способомъ.

Анатолій Егоровъ.

Одесса.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

LI [1]).

Изъ Фауста.

Тюрьма. Въ стѣнѣ образъ Всескорбящей Божіей Матери; передъ нимъ кружка съ цвѣтами. Гретхенъ (ставитъ свѣжіе цвѣты въ кружку).

Воззри Ты,
О Всескорбящая!
На скорби сердца моего.
Съ сердечной мукой
Въ тоскѣ взираешь
На смерть Ты Сына Твоего.
Къ Отцу взираешь
И все вздыхаешь
И за Себя и за Него.
Кто пойметъ
Какъ жжетъ
Все тѣло мнѣ тоской?
Какъ сердце бѣдное страдаетъ,
О чемъ трепещетъ, какъ желаетъ
Открыто для Тебя одной.
Куда нейду—тоскою,
Тоской, тоской одною
Вся грудь моя полна;
Слеза все льется, льется, льется,
А сердце такъ и рвется!
Я стеклы у окошка
Слезами орошала,
Когда по утру рано
Цвѣты Тебѣ срывала.
Когда лучи дневные
Въ окно мнѣ заблестѣли —
Ужъ я, полна мученій,
Сидѣла на постелѣ.
Спаси! не дай мнѣ смерть! не дай позоръ!
Склони Ты,
О Всескорбящая!
На скорбь мою пречистый взоръ.

(До 1840 г.). Н. П. Огаревъ.

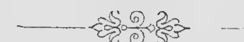
[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

родился 4-го августа 1833 г.
въ Гапсалѣ

ОРЕСТЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ

профессоръ С.-Петербургскаго университета.

I. Памяти О. Ѳ. Миллера. — Слово о. М. И. Горчакова. — II. Автобіографическія замѣтки. — III. Доска на домѣ, гдѣ онъ родился. — IV. Предсмертная его статья. — V. Очеркъ и воспоминаніе объ О. Ѳ. Миллерѣ.

скончался 1-го іюня 1889 г.
въ С.-Петербургѣ.

«Русская Старина» 1889 г. томъ LXIII,
кн. IX, сентябрь.

I.

Памяти О. Ѳ. Миллера.—Рѣчь о. М. И. Горчакова.

Мы имѣли истинное удовольствіе тридцать лѣтъ (1859—1889) знать столь внезапно и преждевременно, 1-го іюня 1889 г., сошедшаго въ могилу профессора Ореста Ѳедоровича Миллера и вмѣстѣ съ многочисленными его почитателями глубоко опечалены его кончиною.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ людей, при одномъ имени котораго въ представленіи каждаго, кто только мало-мальски его зналъ или о немъ слышалъ, являлось неразрывное представленіе о добрѣ, о высокой честности, о сердцѣ, горячо любившемъ все, что только вело къ добру.

Объ Орестѣ Ѳедоровичѣ много уже сказано въ различныхъ органахъ печати, сказано прямо отъ сердецъ, исполненныхъ чувства любви и глубокаго уваженія къ этому благороднѣйшему, гуманному дѣятелю, въ каковыхъ такъ нуждается русское общество и которыхъ, увы, далеко не такъ много, чтобы кончина людей, подобныхъ О. Ѳ. Миллеру, не составляла бы весьма тяжкой утраты для всего русскаго общества...

О. Ѳ. Миллеръ родился въ Гапсалѣ 4-го августа 1833 года.

Здѣсь, на мѣстѣ его родины, 3-го іюля 1889 г., собрались почтить его память общею молитвою въ храмѣ Божьемъ многіе изъ его почитателей и почитательницъ, равно учениковъ и ученицъ, прибывшихъ на лѣтніе мѣсяцы въ Гапсаль (Эстляндской губ.). Одинъ изъ друзей покойнаго Ореста Ѳедоровича и въ теченіи многихъ лѣтъ товарищъ его по службѣ въ университетѣ, достоуважаемый профессоръ, протоіерей Мих. Ив. Горчаковъ, сказалъ глубоко прочувствованное слово. Приводимъ его вполнѣ, какъ возможно полную, всестороннюю и въ высшей степени вѣрную характеристику покойнаго профессора и незабвеннаго общественнаго дѣятеля О. Ѳ. Миллера. Ред.

— «Мы собрались совершить поминовеніе по скончавшемся рабѣ Божьемъ Орестѣ Өедоровичѣ Миллерѣ. Неожиданно поразила его преждевременная смерть. Его рановременную кончину оплакиваетъ множество его учениковъ, учеиицъ, сослуживцевъ, сотрудниковъ и другихъ лицъ, цѣнившихъ его труды, заслуги и задачи его жизни.

Жизнь покойнаго представляетъ богатое содержаніе назидательныхъ уроковъ съ церковной каѳедры.

Болѣе тридцати лѣтъ жизни покойнаго протекло въ непрерывныхъ трудахъ для русскаго народа, сдѣлавшихъ его имя извѣстнымъ во всей просвѣщенной Россіи и за ея предѣлами,—въ земляхъ славянскихъ. Дѣятельность его была исключительно духовная, умственная и нравственная. Онъ дѣйствовалъ своими убѣжденіями посредствомъ преподаванія, публичнаго слова, перомъ, печатью, благотворительностію, личнымъ соучастіемъ къ судьбамъ ближнихъ. Его дѣятельность была живая, отражавшаяся въ жизни и въ настроеніи тѣхъ, среди которыхъ и для которыхъ она совершалась. Жизненное значеніе дѣятельности покойнаго не прекратилось съ его смертію,—оно сохранится и продолжится многіе, многіе годы, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и вѣчно—въ исторіи русской науки и литературы.

Покойный былъ выдающееся въ послѣднія 30-ть лѣтъ въ нашемъ отечествѣ лицо, какъ ученый, профессоръ и преподаватель, писатель, общественный дѣятель и какъ представитель особаго типа рѣдкихъ людей въ исторіи всякаго народа.

Покойный нашъ собратъ и долголѣтній сотоварищъ былъ беззавѣтно преданъ цѣлямъ русской науки—исторіи русской литературы. Его преданность наукѣ сопровождалась плодоносными трудами его ученой дѣятельности. Въ изслѣдованіи русскихъ народныхъ былинъ, въ которыхъ выражалось древнѣйшее самосознаніе русскаго народа, русскаго народнаго духа, съ его идеальными представленіями, воззрѣніями и стремленіями, покойный Орестъ Өедоровичъ не имѣлъ и до сихъ поръ не имѣетъ равнаго себѣ труженика. Въ этомъ предметѣ своей дѣятельности покойный, открывъ новые матеріалы, указалъ новые пути изслѣдованія, новое содержаніе для выясненія русской мысли, русскихъ идеаловъ древности въ ихъ историческомъ строго народномъ развитіи. Пропитавшись, такъ сказать, еще съ молодыхъ лѣтъ духомъ русскаго стариннаго народнаго эпоса,—началами древняго вѣчеваго, дружиннаго, христіанско-общиннаго склада русской жизни, покойный выслѣживалъ, выяснялъ и растолковывалъ не только учащимся, но и русскому обществу (въ публичныхъ лекціяхъ) движеніе и развитіе русскаго самосознанія въ теченіи всей исторіи народа,—самосознанія,

выражавшагося въ идеалахъ литературы и въ теоретическихъ воззрѣніяхъ. Съ точки зрѣнія своихъ основныхъ воззрѣній на движеніе русской литературы онъ разъяснилъ множество частныхъ вопросовъ, относящихся къ древнему періоду нашей исторіи. Своеобразно, согласно съ основными началами своихъ русскихъ, истинно христіанскихъ, воззрѣній, онъ научно располагалъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и чтеніяхъ всѣхъ писателей новаго и новѣйшаго времени и современныхъ намъ, на основаніи содержанія и свойствъ ихъ идеаловъ.

Въ продолженіе тридцатилѣтней учебной службы покойный прошелъ едва ли не всѣ виды и ступени преподавательской дѣятельности. Онъ былъ учителемъ, преподавателемъ, профессоромъ въ женскихъ и мужскихъ, въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какъ преподаватель, онъ всегда дѣйствовалъ съ искреннимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ, съ воодушевленіемъ, увлеченіемъ и горячностію: нерѣдко онъ и самъ увлекался, и слушателей увлекалъ предметомъ своего преподаванія. При всей горячности къ своимъ занятіямъ, онъ всегда былъ и готовъ, и способенъ содѣйствовать своимъ слушателямъ въ разъясненіи и усвоеніи необходимаго,—указать, что они требовали отъ него. Онъ заботился занятія своихъ учениковъ и ученицъ поощрять, облегчать и укрѣплять; таланты отыскивалъ и направлялъ къ труду; всегда стоялъ за открытіе людямъ, способнымъ къ занятіямъ наукою и литературою, возможности путей и средствъ къ продолженію ихъ занятій, нерѣдко помогалъ имъ совѣтами, указаніями, ходатайствомъ предъ начальствомъ и товарищами, стойкостію проведенія своихъ предположеній, книгами, наконецъ, своими матеріальными средствами. Близость и доступность покойнаго учителя къ ученикамъ не имѣла разстоянія.

Какъ писатель, покойный отличался трудолюбіемъ и плодовитостію. Будучи человѣкомъ живымъ, сердечнымъ, онъ былъ весьма отзывчивъ на явленія общественной—русско-народной и славянской—жизни и мысли, на вопросы литературы и на событія въ народахъ. Его отзывъ на всякій болѣе или менѣе важный случай въ жизни, общественной мысли и литературѣ выражался печатнымъ словомъ. Одинъ перечень его печатныхъ произведеній составляетъ цѣлую книжку. За недѣлю до кончины имъ издано сочиненіе. Не болѣе какъ за пять дней до его смерти, не имѣвшей ни малѣйшаго предвѣстника, мнѣ пришлось посѣтить его въ его болѣе чѣмъ скромномъ жилищѣ и найти его пишущимъ разборъ нѣкоторыхъ сочиненій знаменитаго во всемъ свѣтѣ русскаго писателя, къ глубокому сожалѣнію, уклоняющагося отъ своего призванія и даннаго ему отъ Господа дарованія въ прак-

тическую жизнь, для него неподходящую, и въ занятія, къ которымъ онъ не подготовленъ ни образованіемъ, ни воспитаніемъ, ни складомъ своего таланта. Покойный надѣялся своимъ отзывомъ указать писателю его заблужденія въ дѣлахъ, за которыя браться не его дѣло и призваніе. Но еще важнѣе трудъ, надъ которымъ покойный слагалъ главныя свои силы за послѣднее время: это—составленіе и окончательное изготовленіе учебника по исторіи русской литературы. Не дай Господи, чтобы упомянутые труды покойнаго затерялись въ посмертныхъ его останкахъ!

Покойный былъ общественный дѣятель. Его общественная дѣятельность была практическая и теоретическая. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ разныхъ обществъ, совѣтовъ и комитетовъ благотворительныхъ, ученыхъ и учебныхъ. Въ каждомъ изъ такихъ учрежденій онъ оставлялъ послѣ себя замѣтные слѣды своего участія, вліянія, значенія. Какъ теоретическій дѣятель въ обществѣ, покойный былъ неподражаемымъ выразителемъ настроенія и чувствъ, не только разныхъ обществъ, но всего русскаго народа въ торжественныхъ собраніяхъ и въ важныхъ случаяхъ народной жизни. Покойный былъ горячій патріотъ, другъ славянскихъ народностей. Онъ до такой степени былъ переполненъ горячими убѣжденіями, созданными на изученіе русскаго и общеславянскаго народнаго духа, что онъ неспособенъ былъ молчать тамъ, гдѣ открывался случай выразить народную мысль, славянское чувство, общественное требованіе. Онъ умѣлъ и высказываться: онъ обладалъ выдающимися свойствами своеобразнаго ораторскаго таланта.

Покойный, какъ человѣкъ, былъ представитель особаго типа людей, въ высшей степени симпатичнаго, благороднаго. Онъ отличался безграничнымъ благодушіемъ, добротою, беззавѣтною прямотою, честностью, искренностію, идеальною чистотою своихъ стремленій, голубинымъ беззлобіемъ и безстрашіемъ въ выраженіи своихъ мыслей, чувствъ, стремленій. Всю свою жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ сознательно ею располагать, онъ обращался въ идеалахъ, выраженія которыхъ онъ отыскивалъ въ литературныхъ произведеніяхъ, составлявшихъ предметъ его неустанныхъ занятій, и въ теченіяхъ жизни народа. Онъ проникся идеалами, сдѣлался совершеннымъ идеалистомъ по своимъ убѣжденіямъ и стремленіямъ. Но онъ старался проводить свои искреннія убѣжденія, свои завѣтныя народныя, христіанскія нравственныя стремленія въ дѣйствительную жизнь, и отыскивать осуществленія идеаловъ въ реальной жизни: онъ былъ реальный идеалистъ въ собственномъ значеніи словъ. Какъ таковой, онъ былъ непрактиченъ въ жизни, въ современномъ, но въ добромъ значеніи

словъ. Своимъ душевнымъ настроеніемъ и своими отношеніями къ людямъ онъ напоминаетъ первыхъ христіанъ. Подобно имъ, онъ всѣми силами души былъ преданъ опредѣленнымъ вѣрованіямъ, чаяніямъ, надеждамъ: его убѣжденія были искренни, чисты, нравственны, идеальны. Онъ не могъ не выражать ихъ по совѣсти въ жизни, въ словѣ. Онъ не думалъ, не вѣрилъ, чтобы его убѣжденія и стремленія могли признаваться за недозволенныя. Онъ не могъ отступать отъ нихъ. Онъ готовъ былъ принять за нихъ мученическій вѣнецъ, но никогда, кажется, не предполагалъ, чтобы въ наше время можно было за его убѣжденія принять таковый. Онъ самъ не способенъ былъ причинить кому нибудь зло, непріятность; по своему благодушію, не думалъ, чтобы и другіе рѣшились причинить ему таковое. Самую непріятность, ему наносимую за его дѣйствія, онъ принималъ съ благодушіемъ, хотя и съ глубокимъ, болѣзненнымъ огорченіемъ въ сердцѣ, мужественно, по христіански, переносимымъ въ молитвенномъ обращеніи къ Богу. Это—несомнѣнно.

Покойный, будучи самъ основательно убѣжденнымъ человѣкомъ, уважалъ свободу мнѣній и убѣжденій другихъ людей. Онъ любилъ встрѣчу разныхъ мнѣній и убѣжденій; весьма охотно выслушивалъ и стороннія, и дружескія противорѣчія его собственнымъ убѣжденіямъ и воззрѣніямъ. Но онъ не былъ равнодушенъ къ убѣжденіямъ, по его мнѣнію, невѣрнымъ, ошибочнымъ и въ особенности, по его мнѣнію, въ практическомъ отношеніи вреднымъ. Онъ бодро вступалъ съ таковыми воззрѣніями въ споръ; въ спорѣ былъ горячъ, но никогда не дозволялъ себѣ злости.

Занимая около 20 лѣтъ мѣсто, въ буквальномъ смыслѣ, рядомъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, я могу свидѣтельствовать, что покойный былъ товарищъ вѣрный, надежный, искренній, стойкій за общіе интересы, въ вопросахъ правды, справедливости и права.

Мы совершаемъ поминовеніе о покойномъ на мѣстѣ его родины. Онъ былъ гапсалецъ. По стремленіямъ въ своей жизни, въ своихъ отношеніяхъ къ общему отечеству, онъ, уповаемъ, есть предтеча того русскаго настроенія, которое съ недавнихъ временъ проявилось въ Эстоніи и съ каждымъ годомъ усиливается въ мѣстномъ населеніи, стремящемся къ единенію съ великимъ русскимъ народомъ въ жизни общаго отечества. Дай Богъ, чтобы разныя секты и настроенія въ Эстонскомъ краѣ слились въ общій потокъ любви къ Россіи и единства духа въ союзѣ христіанскаго мира.

Въ частной жизни покойный отличался строгою нравственностію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ аскетъ, во всемъ и всегда умѣренъ, никогда не допускалъ никакихъ излишествъ, былъ госте-

пріименъ, добродушенъ, милосердъ къ нищимъ, снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ, кротокъ, миренъ.

Въ заключеніе скажемъ: Орестъ Ѳедоровичъ и при жизни занималъ видное мѣсто въ классѣ лицъ, къ которому онъ принадлежалъ по задачамъ и призванію своей жизни, и по смерти сохранитъ за собою почетное мѣсто въ исторіи своей науки и общественнаго настроенія. Но нѣтъ человѣка на землѣ, который бы не согрѣшилъ, хотя бы и одинъ день былъ житія его на землѣ. Помолимся объ усопшемъ рабѣ Божьемъ Орестѣ, да вселитъ его Господь въ селеніе праведныхъ въ вѣчномъ Его Царствіи.

II.

Замѣтки О. Ѳ. Миллера.

Приводимъ изъ книги «Знакомые»,—альбома издателя-редактора «Русской Старины», нѣсколько автобіографическихъ замѣтокъ, собственноручно внесенныхъ О. Ѳ. Миллеромъ:

1.

«Миллеръ, Орестъ Ѳедоровичъ, родился 4-го августа 1834 г., въ г. Ревелѣ [1]). На четвертомъ году, послѣ смерти родителей, привезенъ въ С.-Петербургъ къ дядѣ своему, Ивану Петровичу Миллеру, не зная ни слова по русски; черезъ годъ не зналъ уже ни слова по нѣмецки и позже выучился съизнова у нѣмецкаго учителя. Къ университету готовился дома, живя съ дядей въ Варшавѣ. Кончилъ курсъ въ 1855 г., въ с.-петербургскомъ университетѣ. Въ 1858 году за книгу: «О нравственной стихіи въ поэзіи» удостоенъ степени магистра и сдѣлался на нѣсколько лѣтъ «притчею во языцѣхъ.» Въ 1870 году за «Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса» получилъ степень доктора. Съ 1863 года читаетъ лекціи съ с.-петербургскомъ университетѣ».

(1873 г.).

(Альбомъ «Знакомые», стр. 31).

---

[1]) Это ошибка: Орестъ Ѳедоровичъ родился 4-го августа 1833 г., въ городѣ Гапсалѣ. Ред.

2.

«Миллеръ, Орестъ, родился 1833 г. въ Ревелѣ, умретъ неизвѣстно гдѣ и въ которомъ году».

(1874 г.).

(Альбомъ «Знакомые», стр. 110).

3.

«Мы живемъ въ такое время, когда за всякое, не только сфальшивленное, но и недоговоренное слово приходится отвѣчать передъ Богомъ. Ор. Миллеръ.

11-го февраля 1888 г.»

(Альбомъ; «Знакомые», стр. 363).

Примѣчаніе: «Очеркъ научной дѣятельности профессора О. Ѳ. Миллера», составленный И. А. Шляпкинымъ, изд. въ Спб. въ 1889 г.; онъ заключаетъ въ себѣ полный перечень его научно-литературныхъ трудовъ и описаніе празднованія XXV-ти-лѣтняго его юбилея (4-го января 1886 г.).

III.

Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ ошибся двукратно, указавъ въ въ нашемъ альбомѣ на Ревель, какъ на мѣсто своего рожденія. Онъ родился въ Гапсалѣ, маленькомъ и хорошо извѣстномъ многочисленнымъ его посѣтителямъ приморскомъ городкѣ Эстляндской губерніи. Въ бытность нашу лѣтомъ 1889 г. въ Гапсалѣ, мы познакомились съ живущей тамъ, съ самаго своего рожденія, одной изъ тетушекъ покойнаго Ореста Ѳедоровича, баронессой Юліей Ивановной Унгернъ-Штернбергъ. Приводимъ, между прочимъ, сообщенныя ею замѣтки о дорогомъ ея племянникѣ и его фамиліи.

О. Ѳ. Миллеръ былъ сыномъ надворнаго совѣтника, чиновника таможеннаго вѣдомства Фридриха Миллера (Ѳедора Петровича), состоявшаго на службѣ въ Эстляндской губерніи и проживавшаго, въ годъ рожденія сына, въ Гапсалѣ, въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ родителямъ его жены, рожденной баронессы Аделаиды Егоровны Унгернъ-Штернбергъ.

Предокъ О. Ѳ. Миллера былъ выходецъ изъ Швеціи; дѣдушка его съ отцовской стороны, Петръ Миллеръ, служилъ въ одномъ частномъ банковомъ учрежденіи въ С.-Петербургѣ, а съ материнской стороны—дѣдъ,

баронъ Густавъ (Егоръ) Унгернъ--Штернбергъ, былъ писатель, поэтъ, печатавшій свои произведенія, и директоръ народныхъ училищъ въ Эстляндской губерніи.

День рожденія Оскара-Ореста Миллера, 4-е августа 1833 года, былъ днемъ кончины его матери, а три года спустя скончался и его отецъ. Оба они оставили по себѣ самую добрую память въ средѣ своихъ близкихъ и знакомыхъ, что, между прочимъ, видно и изъ надписей на плитахъ, покрывающихъ до настоящаго времени ихъ могилы на лютеранскомъ кладбищѣ въ Гапсалѣ.

Въ сопровожденіи о. М. И. Горчакова мы посѣтили могилы родителей Ореста Ѳедоровича. При этомъ на правой плитѣ мы прочитали:

Hofrath Friedrich von Müller,
† d. 19 Jul. 1836, alt 41 Jahr.

War dein Glaube im Tode so gross,
Wie dein Leben, in Liebe für die Deinen
Beglückend, dann muss, Heil dir! deine
Seligkeit unendlich seyn.

На другой плитѣ начертано:

Adelaide von Müller, geb. Baron. Ungern-Sternberg,
geb. d. 5 Febr. 1805, † d. 4 Aug. 1833.
Liebend und geliebt hienieden
Nur zu früh
Für uns geschieden.
Math. 5. V. 8.

Сиротка Оскаръ (таково было первоначальное имя Ореста Ѳедоровича, родившагося въ лютеранской вѣрѣ) не долго оставался въ Гапсалѣ у своихъ дѣдушки и бабушки. Родной дядя его съ отцовской стороны, Иванъ Петровичъ Миллеръ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, служившій въ артиллеріи, не имѣя дѣтей, взялъ къ себѣ и усыновилъ малютку. Самая нѣжная любовь соединила добрыхъ Ивана Петровича и его супругу, рожденную Чирикову, съ усыновленнымъ ими ребенкомъ. На 15-мъ году жизни, Оскаръ, по желанію обожаемой имъ пріемной своей матери, перешелъ въ православіе и получилъ имя Ореста. Получивъ прекрасное домашнее образованіе, О. Ѳ. завершилъ его въ с.-петербургскомъ университетѣ, изъ котораго, какъ мы уже видѣли изъ его автобіографической замѣтки, онъ вышелъ со степенью кандидата въ 1855 году.

Лѣтомъ 1862 года онъ посѣтилъ свой родной городокъ Гапсаль. Дѣдушки и бабушки его уже не было на свѣтѣ (дѣдъ умеръ въ 1847 г.,

бабушка — въ 1857 г.). До самой ихъ кончины О. Ѳ. писалъ къ нимъ, посылалъ свои рисунки и первые, еще юношескіе, литературные опыты. Послѣ кончины ихъ тѣ-же добрыя родственныя сношенія сохранялъ онъ съ дядей своимъ по матери, старымъ воиномъ, подполковникомъ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ, доживавшимъ свой вѣкъ также въ Гапсалѣ, вмѣстѣ съ своей достойной супругой Юліей Ивановной, рожденной Черновой. Въ 1862 году О. Ѳ. посѣтилъ въ Гапсалѣ какъ свою тетушку, такъ и двухъ сестеръ, пріѣзжавшихъ сюда пользоваться купаньями. Всѣхъ сестеръ было у него три. Одна, Ида, замужемъ за д. ст. сов. Крогіусомъ, родомъ финляндецъ (мужъ † 1889 г., жена ранѣе умерла); вторая сестра Альма замужемъ за барономъ Майделемъ, нынѣ вдова и мать студента, бывшаго послѣдніе годы питомцемъ своего дяди Ореста Ѳедоровича, у котораго онъ и жилъ, и третья сестра Юлія, живущая нынѣ въ дворянскомъ пріютѣ въ Ревелѣ. Сестры взросли у графини Сиверсъ, рожденной баронесы Икскуль. Нѣжный сынъ названныхъ своихъ родителей (оба они уже умерли, старушка Екатерина Миллеръ † 1884 г.), Орестъ Ѳедоровичъ былъ самый заботливый братъ и дядя-отецъ для своихъ племянниковъ. Вообще этотъ человѣкъ весь жилъ для другихъ. Все, что сказано по этому поводу въ некрологахъ, памяти его посвященныхъ, въ высшей степени справедливо. Въ 1862 г., прямо изъ роднаго своего городка Гапсаля, Орестъ Ѳедоровичъ проѣхалъ за границу и тамъ въ университетахъ берлинскомъ и гейдельбергскомъ, а также въ Прагѣ, въ теченіе долгаго тамъ пребыванія, онъ окончательно приготовилъ себя къ той ученой и профессорской дѣятельности, которой затѣмъ съ такою честью и достоинствомъ предался.

IV.

Домикъ, въ которомъ родился О. Ѳ. Миллеръ, одинъ изъ старѣйшихъ въ Гапсалѣ, этомъ чистенькомъ, уютномъ городкѣ; ему т. е. этому дому, считаютъ болѣе ста лѣтъ; онъ находится на углу, Большой Морской (такое громкое названіе принадлежитъ узенькой улицѣ, параллельной главному приморскому бульвару) и Дѣвичьяго переулка. Домикъ или, вѣрнѣе, два домика не одинаковой высоты, но тѣсно прижавшіеся другъ къ другу, деревянные, одноэтажные, на каменномъ фундаментѣ; всего восемь оконъ по фасаду; часть стѣны каменная; домъ низенькій, выкрашенъ желтою краскою, съ бѣлыми ставнями... Къ меньшему домику прилегаетъ небольшой тѣнистый садикъ. Самый видъ домиковъ напоминаетъ добрую старину

нѣмецкихъ честныхъ, благочестивыхъ бюргеровъ. Сохранилась въ меньшемъ домикѣ та же самая спаленька за перегородкой, направо отъ главнаго входа, въ которой родился нашъ прекраснодушный, съ его нѣжною, чистою душою, Оскаръ-Орестъ Миллеръ.

Въ бытность нашу лѣтомъ 1889 года въ Гапсалѣ намъ пришла мысль увѣковѣчить память профессора Миллера прибитіемъ на этомъ домикѣ доски съ подобающей надписью. И вотъ мы внесли въ Гапсальскую городскую думу (чрезъ г. городскаго голову) слѣдующее, подписанное многими лицами, предложеніе:

«1-го іюня 1889 г. въ С.-Петербургѣ скончался Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ.

«Въ теченіи двадцати семи лѣтъ (1863—1887 гг.) покойный былъ профессоромъ русской словесности въ с.-петербургскомъ университетѣ и имѣлъ счастіе при этомъ преподавать словесность Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ. Миллеръ извѣстенъ какъ педагогическою, такъ и обширною литературно-ученою дѣятельностью. Его имя, какъ слависта, горячаго патріота и высоко гуманнаго общественнаго дѣятеля, извѣстно не только въ Россіи, но далеко за ея предѣлами, во всѣхъ земляхъ славянскаго міра.

«Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ родился 4-го августа 1833 года, въ Гапсалѣ, на углу Большой Морской улицы и Дѣвичьяго переулка, въ домѣ своего дѣда, по матери, у своихъ родителей Фридриха Петровича и Аделаиды Егоровны Миллеръ, рожденной баронессы Унгернъ-Штернбергъ. Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ наслѣдникамъ А. фонъ-Пфеферъ.

«Желая сохранить память достойнѣйшаго дѣятеля О. Ѳ. Миллера въ его родномъ городѣ, мы, по соглашенію съ опекунами малолѣтнихъ владѣльцевъ помянутаго дома, покорнѣйше просимъ Гапсальскую городскую думу сдѣлать постановленіе о дозволеніи намъ прибить къ сему дому доску съ надписью:

«Въ семъ домѣ
4-го августа 1833 года родился
ОРЕСТЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ,
с.-петербургскаго университета профессоръ (1863—1887 гг.),
изслѣдователь русской литературы, славистъ и патріотъ.
Скончался въ С.-Петербургѣ 1-го іюня 1889 г.

Предложеніе это подписали, между прочими лицами, профессора: Н. А. Астафьевъ, о. М. И. Горчаковъ, В. И. Сергѣевичъ;

тайные совѣтники: Лимоніусъ и М. И. Семевскій; отст. генер.-лейтенанты Гоштофтъ и Венцель; г-жа Чернецкая; также мѣстные священникъ, учитель мѣстной русской школы, нѣсколько студентовъ и курсистокъ, бывшихъ слушателей и слушательницъ покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера, и другія лица.

1-го августа 1889 г. въ засѣданіи Гапсальской городской Думы было доложено это предложеніе и о результатахъ этого доклада М. И. Семевскій поставленъ въ извѣстность нижеслѣдующимъ къ нему письмомъ мѣстнаго городскаго головы г. Мирзалиса:

«Гапсальскаго городскаго головы, г. Гапсаль, Эстляндской губ., августа 4-го дня 1889 г. № 306. Его Пр—ву г. Тайному Совѣтнику М. И. Семевскому.

«Гапсальская городская дума въ засѣданіи своемъ 1-го августа сего года постановила разрѣшить внесенное вашимъ превосходительствомъ, подписанное 20 лицами, предложеніе относительно прибитія памятной доски въ г. Гапсалѣ къ дому, въ которомъ родился профессоръ Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, и уполномочить городскаго голову принести вашему превосходительству благодарность, о каковомъ постановленіи при семъ слѣдуетъ выписка изъ протокола.

«Исполняя возложенное на меня столь лестное порученіе, имѣю честь выразить вашему превосходительству именемъ Гапсальской городской Думы благодарность за принятіе вашимъ превосходительствомъ на себя иниціативы увѣковѣчить въ родномъ городѣ память извѣстнаго далеко за предѣлами великаго своего отечества сына города Гапсаля, изслѣдователя русской литературы, слависта и патріота, Ореста Ѳедоровича Миллера.

«Почтительнѣйше прошу и проч. Городской голова К. Мирзалисъ».

[Переводъ съ нѣмецкаго].

Выписка изъ протокола засѣданія Гапсальской городской Думы

1-го августа 1889 г.

Доложено предложеніе о дозволеніи прибить къ дому наслѣдниковъ А. фонъ-Пфейферъ доску съ надписью въ память профессора Ореста Ѳедоровича Миллера.

Прочтено предложеніе, подписанное 20-ю лицами и внесенное чрезъ г. городскаго голову тайнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ, о прибитіи доски къ дому, въ которомъ родился профессоръ О. Ѳ. Миллеръ, доски съ надписью: «Въ семъ домѣ, 4-го августа 1833 г., родился Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, с.-петербургскаго университета профессоръ

(1863—1887 гг..), изслѣдователь русской литературы, славистъ и патріотъ». Гласный г. Рудольфъ фонъ-Гернетъ сказалъ, что внесенное въ городскую Думу настоящее предложеніе, безъ сомнѣнія, послужитъ къ чести города, такъ какъ въ немъ навсегда почтена будетъ память заслуженнаго ученаго, профессора и слависта Ореста Ѳедоровича Миллера. Въ виду этого, гласный г. Рудольфъ фонъ-Гернетъ полагалъ, что предложеніе о постановкѣ доски принять и выразить благодарность тайному совѣтнику М. И. Семевскому, какъ лицу, принявшему на себя починъ въ этомъ дѣлѣ.

Собраніе Думы единогласно приняло заявленіе гласнаго Рудольфа фонъ-Гернета и постановило:

1) Разрѣшить просителямъ прибить доску къ дому наслѣдниковъ г-жи А. фонъ-Пфейферъ, на Большой Морской улицѣ за № 65, съ слѣдующею надписью: «Въ семъ домѣ, 4-го августа 1833 года, родился Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, с.-петербургскаго университета профессоръ (1863—1887 гг.), изслѣдователь русской литературы, славистъ и патріотъ».

9) Уполномочить г. городскаго голову К. Мирзалиса выразить именемъ городской Думы благодарность тайному совѣтнику г. Михаилу Ивановичу Семевскому за починъ настоящаго представленія объ увѣковѣченіи памяти заслуженнаго дѣятеля профессора Ореста Ѳедоровича Миллера въ его родномъ городѣ.

Городской голова К. Мирзалисъ.
Городской секретарь А. Бергъ.

V.

Согласно изложенному постановленію Гапсальской Городской Думы, помянутая выше доска нами заказана въ С.-Петербургѣ, изъ бѣлаго мрамора съ вызолоченною на ней врѣзанными буквами надписью; по изготовленіи оной доска будетъ доставлена въ Гапсаль и прибита на стѣнѣ дома, въ которомъ родился Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ.

М. С.

20-го августа 1889 г.
г. Гапсаль.

О. Х. Агренева-Славянская: Описаніе русской крестьянской свадьбы, съ текстомъ и пѣснями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными. Въ 3-хъ частяхъ. Часть первая. Описаніе всѣхъ обрядовъ со дня сватовства и до дня свадьбы. Москва 1887 г. Часть вторая. Описаніе всѣхъ обрядовъ свадебнаго дня. Тверь 1887 г. Часть третья. Плачи и причитанія по умершимъ и по рекрутамъ; стихи великопостные; былины и легенды; старинныя пѣсни и величанія; сказки, загадки, пословицы и прибаутки (съ текстомъ и мелодіями). Тверь, 1889 г.

Не трудно замѣтить по заглавію, которое мы выписываемъ, со всею подробностью, что передъ нами собственно не одно, а два изданія. Первыя двѣ части составляютъ одно цѣлое—«Описаніе русской крестьянской свадьбы», но эти слова уже положительно не могутъ служить заглавіемъ и для третьей части. Эта послѣдняя имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе, заключая въ себѣ описаніе русскихъ крестьянскихъ похоронъ съ соотвѣтственными пѣснями, а равно и собраніе различнаго рода пѣсенъ и даже инаго устнословеснаго матерьяла. Надо, съ другой стороны, замѣтить, что мелодіи, на которыя указано только въ заглавіи третьей части, приложены ко всѣмъ пѣснямъ и въ первыхъ двухъ частяхъ, что и составляетъ особенно цѣнное достоинство настоящаго труда. А затѣмъ между двумя первыми частями (которыя положительно слѣдовало бы соединить въ одну, что вполнѣ подходило бы и къ ихъ объему), и вполнѣ самостоятельною третьею замѣчается опять и та разница, что весь пѣсенный матеріалъ двухъ первыхъ, какъ и самое описаніе обрядовъ, заимствованы исключительно у крестьянки Олонецкой губ. Ирины Андреевой Ѳедосовой (портретъ которой приложенъ къ той части вмѣстѣ съ портретомъ г-жи Агреневой-Славянской), матеріалъ же третьей части, кромѣ того, и отъ нищей Ульяны изъ Петрозаводска, мѣщанки Чуевой

родомъ изъ Шуи, Натальи Семеновой, крестьянки Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда, отъ няни Марьи Ивановны и другихъ.

Главною вкладчицею всѣхъ трехъ книгъ остается Ирина Ѳедосова, и въ лицѣ ея тотъ отдаленный сѣверный край, котораго народно-поэтическія сокровища были открыты покойнымъ П. Н. Рыбниковымъ, составившимъ, можно сказать, эпоху въ изученіи русскаго устно-словеснаго творчества своимъ знаменитымъ сборникомъ (по преимуществу былинъ), вышедшимъ въ 4 частяхъ въ 1861—1867 гг. Сокровищъ Олонецкаго края хватило и на громадный сборникъ покойнаго А. Ѳ. Гильфердинга, появившійся въ 1872 г. подъ заглавіемъ «Онежскія былины»; изданъ подъ редакціей П. А. Гильтебрандта. Этими сокровищами воспользовался и многоуважаемый Е. В. Барсовъ для своего превосходнаго сборника «Причитаній сѣвернаго края», одною изъ главныхъ вкладчицъ котораго была та-же самая Арина Ѳедосова. Слѣдуетъ замѣтить, что Е. В. Барсовъ воспользовался богатымъ запасомъ ея памяти ранѣе (т. е. когда и самая диковинная ея память была еще свѣжѣе и крѣпче). Преимущество сборника г-жи Славянской заключается въ размѣщеніи пѣсенъ, перемежающихся у нея соотвѣтственными обрядами, такъ что въ итогѣ получается цѣлая свадебная драма, а главнымъ образомъ въ приложеніи къ нимъ мелодій. Мы полагаемъ, что и для самой издательницы эти послѣднія представлялись главнымъ дѣломъ, а потому она и не нуждалась въ томъ изобиліи всевозможныхъ варіантовъ, къ какому должны стремиться изданія, предпринятыя съ иною цѣлію.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ, помѣщенныхъ у О. Х. Славянской, преобладающею остается стародавняя основа, напоминающая о той порѣ, когда бракъ былъ вполнѣ подневольнымъ. Во многомъ ясно слышатся тутъ еще отзвуки насильственнаго увоза невѣсты, во многомъ той сдѣлки между женихомъ и ея родителями, которая выражалась выкупомъ ея у нихъ, являющимся дальнѣйшею формою развитія брака «звѣринской» поры, такъ возмущавшей Нестора, но до сихъ поръ сохраняющей свой глубокій слѣдъ и въ пѣснѣ, и въ обрядѣ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ дѣйствительности бракъ въ той мѣстности, гдѣ записаны пѣсни, совершается по обоюдному соглашенію жениха съ невѣстою. (Стр. 83 части 2-ой).

Указавъ на это послѣднее обстоятельство, издательница, кажется намъ, нѣсколько противорѣчитъ себѣ, объясняя въ концѣ 2-ой части «тѣ чувства ужаса дѣвушки при намекѣ на замужество, которыя цѣликомъ вылились въ свадебныя пѣсни», тяжелымъ положеніемъ, въ самомъ дѣлѣ ее ожидающимъ въ семьѣ «богоданныхъ» родителей, т. е. родителей жениха. Такое положеніе, конечно, можетъ быть, но его можетъ и вовсе не быть, а пѣсня должна обязательно на него указывать. Подобное несоотвѣтствіе обрядовой старины съ жизнію чувствуется самимъ народомъ. Сознаніе его и заставляетъ гостей прерывать продолжительное голошеніе передъ самымъ отправленіемъ невѣсты

къ вѣнцу неоднократно повторяемыми словами: «полно ужъ тебѣ томить-то насъ». Но это не помогаетъ и обрядовое голошеніе продолжается.

Какая отдаленная старина выступаетъ передъ нами въ обращеньи невѣсты къ причесывающимъ ее подругамъ! Приведемъ, напримѣръ, слѣдующую ея просьбу:

Ужъ ты вплети, сестриценька родимая,
Вплетите пятьдесятъ мнѣ ножичковъ булатныихъ,
Ты шестьдесятъ вплети булавочекъ каленыихъ;
Кто вѣдь примется тогда за вольну мою волюшку,
Принаколетъ тотъ себѣ да бѣлы свои рученьки;
Расплетать станутъ мою русу густу косыньку
И отрѣжутъ свои бѣлые то палечки—
И отступятся отъ вольной моей волюшки. (Ч. II, стр. 23).

Оригинальнымъ видомъ острастки жениху съ его «хоробрымъ» поѣздомъ (какъ нерѣдко называется онъ въ свадебныхъ пѣсняхъ другихъ сборниковъ), видомъ, отзывающимся уже не доисторическою стариною (какъ многое въ обрядовой поэзіи), а позднѣйшею историческою жизнію, является въ другой пѣснѣ обращеніе невѣсты къ подруженькамъ:

. . . повышейте вы синюю мнѣ завѣску...
Вы повышейте-тко краснымъ вотъ золотомъ...
Вы повышейте царя да со царицею...
Устрашится тотъ злодѣй нашъ большій сватъ.

И тутъ же, въ томъ же самомъ варьянтѣ, являются, даже еще ранѣе, на той же самой занавѣскѣ «земская изба со старостой» въ одномъ уголочкѣ, «управа со исправникомъ» въ другомъ (ч. II, стр. 87), т. е. принадлежности уже новѣйшей поры, примкнувшія къ стародавней основѣ, вполнѣ сохранившей, однако, основной свой смыслъ.

Въ высшей степени характерны и тѣ пѣсни, которыми обмѣниваются между собою староста со стороны невѣсты и жениховъ дружка. Первый указываетъ на то, что невѣста «повернулась бѣлой колпицей», а второй замѣчаетъ на это про жениха, что онъ «повернулся яснымъ соколомъ».

Староста: Повернулась она бѣлой горностаюшкой.

Дружка: Стрѣлялъ онъ тамъ по горностаюшкѣ.

Староста: Повернулась она уловной рыбинькой.

Дружка: Бралъ онъ плутьевки серебряны
Изловить да бѣлу рыбиньку.

Староста: Обернулась она лебедушкой.

Дружка: Снаряжался онъ скорешенько
Изловить хотѣлъ лебедь бѣлую...
Какъ пустилъ въ нее онъ тятевкой,
Пустилъ пухъ ея по поднебесью,
Ранилъ въ сердце свою лебедь бѣлую [1]). (II, 42—45).

Положеніе какъ женихова поѣзда, такъ и самого жениха (не говоря уже о сватѣ), при господствующемъ характерѣ пѣсенъ, становится иногда просто критическимъ, когда, напримѣръ, поется въ его же присутствіи:

У остудника чужайника
Во избѣ нѣтъ рукомойничка,
На стѣнѣ нѣтъ Богородицы.
На болота ходя, моются,
На лопату Богу молятся,
Они пнямъ да прилагаются (прикладываются, II, 50).

Не особенно ловко жениху и въ ту минуту, когда невѣста такимъ образомъ описываетъ жениху его мать:

Быдто свирѣпо-свирѣпая,
Быдто ладожко сердитая.

Или же когда она грозитъ:

Я не буду тебя слушаться
Почитать твоихъ родителевъ;
Я вѣдь дѣвушка да не дешовая,
Моя волюшка вѣдь не грошовая;
Я вѣдь дѣвушка въ пятьсотъ рублей,
Моя воля въ цѣлу тысячу.

Тутъ своего рода эпическое преувеличеніе. На самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Ирины Ѳедосовой, выкупъ, который, по стародавнему обычаю и до сихъ поръ платится женихомъ за невѣсту, сводится на сумму отъ 25 до 100 р., сумму, служащую затѣмъ родителямъ невѣсты для угощенія свадебныхъ гостей. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается тотъ добровольный

---

[1]) Мы приводимъ только самыя основныя черты, опуская эпическія подробности пѣсенъ. О. М.

сборъ съ поѣзжанъ жениха, на который отвѣчаютъ соотвѣтственными размѣру пожертвованнаго подарками со стороны невѣсты, и совершенно уже особымъ сборъ съ жителей той деревни, въ которой живетъ невѣста, производимый во время гулянья ея съ подружками передъ свадьбою. Этотъ послѣдній имѣетъ значеніе мірской подмоги, т. е. отзывается уже общиннымъ бытомъ. Замѣчательна въ совершенно опять особомъ смыслѣ черта, приводимая въ самомъ началѣ изданія: «высмотритъ парень дѣвушку, поиграетъ съ ней на бесѣдкахъ, сговорится и возьметъ съ нея, какъ залогъ, въ знакъ того, что она пойдетъ за него замужъ: серьги, бусы или какую нибудь другую ея вещь. Если дѣвушка парню залога не дастъ, онъ и свататься не станетъ». Это отзывается уже совсѣмъ измѣнившимся строемъ жизни—добровольнымъ согласіемъ невѣсты.

При преобладаніи того матеріала, который записанъ отъ Ирины Ѳедосовой, издательница очень кстати помѣстила, въ концѣ третьей части своего труда, краткую характеристику этой любопытной личности, относящуюся къ той поздней порѣ ея жизни, когда г-жа Славянская съ нею познакомилась. «Ирина Ѳедосова, сказано тутъ,—женщина за 80 лѣтъ, совершенно сѣдая и сгорбленная, но полная энергіи и ума. Живетъ она дома тѣмъ, что поетъ на свадьбахъ, голоситъ на похоронахъ и тѣшитъ молодежь на сговорахъ и въ праздничные дни. Память у этой старухи изумительная и рѣчь красивая и оживленная. Она до такой степени проникнута духомъ старинной поэзіи, что при всякомъ удобномъ случаѣ говоритъ экспромты, складъ которыхъ совершенно напоминаетъ распѣваемыя ею старинныя пѣсни». Для образца вслѣдъ затѣмъ и приводятся такіе экспромты Арины Ѳедосовой, пропѣтые ею въ домѣ Славянскихъ въ видѣ величанія отдѣльныхъ членовъ ихъ семьи. Они въ своемъ родѣ любопытны, какъ свидѣтельство объ умѣніи народныхъ пѣвцовъ пользоваться старымъ поэтическимъ запасомъ для всевозможныхъ примѣненій къ современной дѣйствительности.

Похоронные и рекрутскіе плачи, помѣщенные у г-жи Славянской, еще менѣе, чѣмъ ея плачи свадебные, не только по количеству, но большею частью и по качеству могли-бы соперничать съ тѣми, которые напечатаны были Е. В. Барсовымъ (на сборникъ котораго мѣстами и попадаются у г-жи Славянской ссылки). И тутъ опять все преимущество изданія, нами теперь разбираемаго,—въ мелодіяхъ.

Особый отдѣлъ составляютъ у г-жи Славянской «великопостные стихи», къ которымъ не безъ основанія относитъ она и былины, такъ какъ пѣніе ихъ дѣйствительно допускается народомъ и въ великомъ посту. Но на первомъ планѣ должны быть тутъ поставлены такъ называемые «духовные стихи» (не легенды, подъ которыми собственно разумѣется уже прозаическая передача духовныхъ сюжетовъ народной поэзіи). Къ нимъ, т. е. духовнымъ

стихамъ, должны быть отнесены у г-жи Славянской первые №№ занимающаго насъ теперь отдѣла (3-го въ 3-ей части). Подъ № 1 помѣщенъ стихъ, представляющій нѣкоторое смѣшеніе «Сна Богородицы» съ «Милостивою женою», при преобладаніи первой темы; стихъ своднаго характера, изобилующій эпическими анахронизмами. Подъ № 2 находимъ мы довольно замѣчательный по своимъ особенностямъ, хотя и не очень подробный и не вездѣ точный, варьянтъ стиха «о голубиной книгѣ». Не особенно важны варьянты стиховъ о двухъ Лазаряхъ, Егоріи храбромъ и змѣѣ, Царѣ Кудріянищѣ и Егріѣ, объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, о Пустынѣ, помѣщенные подъ № 3, 4, 5, 8 и 11-мъ. Заслуживаетъ вниманія довольно загадочный по своему содержанію стихъ о Праведномъ Василіи (№ 6), отчасти же и стихъ о происхожденіи поста въ пятницу (№ 7), еще же болѣе не то стихъ, не то былевая пѣсня «Изъ временъ татарскаго полона» (№ 9), съ которою тѣсно связана и другая, являющаяся своеобразнымъ отрывкомъ пѣсни довольно распространенной и обыкновенно печатаемой въ сборникахъ подъ заглавіемъ «Татарскій полонъ» «(Доставалася теща зятю». У г-жи Славянской она начинается иначе; помѣщена подъ № 10). Несомнѣнную цѣну имѣетъ варьянтъ стиха объ Аникѣ воинѣ и смерти, въ которомъ эта послѣдняя называетъ себя прекрасною—совершенно соотвѣтственно приданному ей тутъ образу, который выдерживается до конца (№ 13).

Затѣмъ слѣдуютъ двѣ большихъ былины о Добрынѣ съ Алешей Поповичемъ и о Чурилѣ съ женой Бермяты (№ 14 и 15). Варьянтъ объ извѣстномъ похожденіи Добрыни, записанный, какъ и большая часть пѣсенъ этого отдѣла, все отъ той же неистощимой Ирины Ѳедосовой, замѣчателенъ многими чертами, особенно же тѣмъ, что слѣдуетъ тутъ за проходящею через множество и другихъ варьянтовъ жалобою Добрыни на свое богатырское призваніе. Тутъ эта жалоба смѣняется вотъ какими гуманными соображеніями:

Какъ же мнѣ не заступиться за родныхъ своихъ,
За родныхъ собратьевъ, сердцу близкихъ,
За своихъ братьевъ, за весь бѣлый свѣтъ?
. . . .
Какъ наѣхали поганы люди супостатные,
Они рѣжутъ, бьютъ моихъ собратіевъ......
Не сидится мнѣ здѣсь безъ работушки,
Имъ помочь идти—одна заботушка.

Черта, прекрасно дорисовывающая образъ богатыря, наиболѣе близкаго по характеру къ Ильѣ Муромцу. Жаль только, что стихъ тутъ, какъ и кое

гдѣ еще, не совсѣмъ выдержанъ, потому ли, что память измѣнила пѣвицѣ, потому ли, что пѣсня не довольно точно записана. Довольна интересна сибирская быль о Ермилѣ Тимофеичѣ, сохранившаяся въ видѣ уже не пѣсни, а прозаическаго сказа и записанная на Уралѣ отъ дружковъ [1]. Знаменитый покоритель Сибири, являющійся, какъ извѣстно, и въ былинахъ въ качествѣ богатыря малолѣтка, представителя совсѣмъ новаго богатырскаго поколѣнія, въ нашемъ сказѣ представляется колдуномъ (чѣмъ и объясняется тутъ его успѣхъ въ Сибири). Сдѣлавшись сибирскимъ царемъ, онъ бьетъ челомъ Ивану Васильевичу Грозному и обязывается выплачивать ему дань; скорая же измѣна Ермаку судьбы, до сихъ поръ ему ворожившей, и объясняется именно тѣмъ, что «не дѣло вольному казаку въ холопство идтити».

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ третьей части (IV-мъ) подъ общимъ заглавіемъ Старинныя народныя пѣсни, помѣщены пѣсни самаго различнаго рода и содержанія, нѣкоторыя изъ нихъ, правду сказать, оказываются совсѣмъ не старинными, а носящими на себѣ уже видимый отпечатокъ такъ называемой «Городской цивилизаціи» (№ 6, 7, 8, 10, 13, 15, 20, 23, 28, 29). Таковы-же, замѣтимъ тутъ кстати, и нѣкоторыя изъ пѣсенъ, распѣваемыхъ передъ свадьбою во время хороводовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе женихъ съ невѣстою. (Часть I, №№ 10—17).

Къ отдѣлу V-му отнесены всего двѣ пѣсни—волочебная и величальная, Про первую въ скобкахъ почему-то сказано: колядовская бѣлорусская, тогда какъ, сколько намъ извѣстно, колядки строго отличаются въ Бѣлоруссіи отъ волочебныхъ пѣсенъ: первыя поются на Рождество, вторыя на Пасху. Что касается пѣсни, озаглавленной величальною, то она и по содержанію, и по формѣ представляется намъ какою-то загадочною, полукнижною. Гдѣ именно и отъ кого записаны эта и волочебная пѣсни, не сказано.

Послѣдній отдѣлъ (VI), заключающій въ себѣ различную смѣсь: сказки, (т. е. собственно тутъ одна въ протяжной пѣсенной формѣ и этимъ интересная), загадки, пословицы и прибаутки, по нашему мнѣнію, могъ-бы и не входить въ изданіе О. Х. Агреневой - Славянской,—уже по одному тому, что въ этомъ отдѣлѣ нѣтъ проходящей черезъ всѣ остальные характерной особенности этого изданія, придающей ему главную цѣну—мелодій.

Объ этихъ послѣднихъ вообще мы, къ сожалѣнію, не судьи. Между тѣмъ эта сторона изданія находится въ связи съ тѣмъ, въ чемъ заключается

---

[1] Ямщиковъ, какъ пояснено въ примѣчаніи. Замѣтимъ, что большая часть мѣстныхъ малопонятныхъ словъ объяснена у г-жи Славянской, нѣкоторыя, однако же, оставлены безъ объясненій, а именно: тарица, чваковатый, пятничка.

О. М.

сущность народно-артистической дѣятельности О. X. Агреневой-Славянской и ея вполнѣ заслуженнаго передъ русскимъ обществомъ мужа, которому и посвящено настоящее изданіе, предпринятое въ ознаменованіе его 25-ти-лѣтняго юбилея [1]). Впрочемъ, эта сторона ихъ совмѣстной дѣятельности давно уже нашла себѣ настоящихъ цѣнителей.

Ор Ѳ. Миллеръ.

Спб., май 1889 г.

---

[1]) Отпразднованнаго въ Москвѣ, съ большимъ торжествомъ, въ апрѣлѣ 1887-го года; тогда вышли въ свѣтъ и двѣ первыя части изданія О. X. Агреневой-Славянской. О. М.

ПАМЯТИ ОРЕСТА ѲЕДОРОВИЧА МИЛЛЕРА

† 1-го іюня 1889 г.

I.

Не стало Ореста Ѳедоровича Миллера. Болѣзненно отозвалась эта потеря въ сердцахъ многихъ тысячъ его слушателей и слушательницъ, учениковъ и ученицъ. Мѣсяцъ предъ своей кончиной Орестъ Ѳедоровичъ былъ участникомъ въ погребеніи «великаго писателя земли русской»; живо чувствовавшій всякое общественное горе, какъ и всякую общественную радость, Орестъ Ѳедоровичъ произнесъ трогательную рѣчь надъ могилой М. Е. Салтыкова - Щедрина, и вотъ нѣтъ уже и О. Ѳ. Миллера. Русское общество не одинаково, конечно, отнеслось къ этимъ двумъ смертямъ. Писатель, извѣстный всему читающему люду въ самыхъ дальнихъ уголкахъ Россіи, и ученый профессоръ, труды котораго знаетъ лишь небольшой сравнительно кругъ людей, интересующихся исторіей литературы,—величины несоизмѣримыя. Не только ученые труды, не только многочисленныя статьи покойнаго по историко-литературнымъ вопросамъ, не они одни даютъ ему право на общественное вниманіе. Если не по литературному таланту, то въ другомъ отношеніи Миллеръ можетъ быть поставленъ рядомъ съ Салтыковымъ: по отзывчивости его ко всему, что волнуетъ общество, по страстному негодованію, каковое вызывало въ немъ все мертвящее и отживающее, по горячей любви ко всему молодому и хорошему, покойный профессоръ не уступалъ геніальному сатирику. Онъ не имѣлъ громадной аудиторіи Щедрина, но и въ своей, менѣе многочисленной, но горячо сочувствовавшей ему, Орестъ Ѳедоровичъ умѣлъ воплотить въ живое слово тотъ святой огонь, который горѣлъ въ немъ; самъ молодой, быть можетъ по чувствамъ болѣе молодой, чѣмъ громадное большинство его слушателей, онъ увлекался самъ и увлекалъ своихъ многочисленныхъ слушателей, страстно указывая имъ на служеніе чистымъ идеаламъ добра и красоты. Четверть вѣка съ величайшею честью работалъ онъ на каѳедрѣ. Онъ въ яркой картинѣ изображалъ

своимъ слушателямъ развитіе русской литературы, сближая постоянно изученіе прошлаго съ самыми насущными вопросами настоящаго. При этомъ онъ всегда оставался вѣренъ самому себѣ. Одно время его нѣсколько славянофильскіе взгляды возбуждали къ себѣ слишкомъ сильную неприязнь въ бо́льшей части студенчества, и его аудиторія бывала почти пуста. Но Миллеръ былъ слишкомъ серьезный ученый и слишкомъ искренній служитель науки, чтобы смутиться этимъ. Настала другая пора. Оресту Ѳедоровичу, по его собственнымъ словамъ не боявшемуся прежде молодежи, нечего было бояться кого бы то ни было; понятно, что онъ не могъ въ угоду другимъ понизить тонъ своихъ лекцій. Въ 1883-мъ году онъ долженъ былъ покинуть каѳедру и отказаться, такимъ образомъ, отъ дѣла воспитанія молодежи, которому онъ былъ преданъ въ теченіи всей своей жизни. Выброшенный жизнью за бортъ, лишенный возможности работать на любимомъ поприщѣ, онъ глубоко страдалъ. Совсѣмъ отказаться отъ работы и почивать на лаврахъ онъ, конечно, не могъ; но литературный трудъ, которому онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, кажется, мало его удовлетворялъ. Его утѣшала только искренняя привязанность къ нему со стороны дорогаго ему студенчества, ясныя доказательства которой онъ видѣлъ особенно въ послѣдніе годы жизни.

Но не только живаго и талантливаго профессора оплакиваемъ мы въ немъ. Онъ былъ тѣмъ въ жизни, что проповѣдывалъ на лекціяхъ. Не было такого дѣла, если оно было честное и хорошее, которому Орестъ Ѳедоровичъ отказался бы помогать; а когда онъ брался за что нибудь, онъ отдавался тому всей душой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ средѣ студенчества возникла мысль основать научно-литературное Общество, которое могло бы, до нѣкоторой степени, объединить студентовъ на почвѣ научныхъ занятій. Членами его были студенты (до 200 человѣкъ), предсѣдателемъ Орестъ Ѳедоровичъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ Миллеръ занимался имъ; онъ весь погружался въ дѣла Общества, не пропускалъ почти ни одного засѣданія, выслушивалъ со вниманіемъ подъ-часъ дѣтскіе рефераты, съ самою горячею любовью руководилъ спорами и чтеніями. Изъ самихъ студентовъ не многіе такъ дорожили Обществомъ, какъ его предсѣдатель.

Студенты хорошо знали дорогу въ скромную квартирку своего друга; не только филологи, но и юристы, и естественники, и математики шли къ нему за совѣтомъ, за помощью въ научныхъ-ли занятіяхъ, въ жизненной-ли невзгодѣ, и рѣдко кто уходилъ отъ него безъ утѣшенія или помощи. Постигнетъ-ли студента какая бѣда, Орестъ Ѳедоровичъ хлопочетъ за него и нерѣдко удавалось ему спасти отъ гибели или, по крайней мѣрѣ, облегчить участь несчастнаго.

Въ томъ, что касается готовности помогать деньгами, Орестъ Θедоровичъ едва ли имѣлъ себѣ равнаго; зарабатывая довольно много, онъ жилъ чрезвычайно скромно, готовый отдать послѣднiй рубль всякому нуждающемуся.

Таковъ былъ Орестъ Θедоровичъ до самой смерти, и оставленiе каθедры въ университетѣ не помѣшало ему остаться тѣмъ же другомъ молодежи; къ нему, по прежнему, стекались толпы студентовъ, кто за денежною помощью, кто за совѣтомъ въ научныхъ занятiяхъ, кто просто чтобы отвести душу, и шли къ нему знакомые и незнакомые. Другаго такого профессора не было въ с.-петербургскомъ университетѣ; были, быть можетъ, и болѣе глубокiе ученые и болѣе талантливые ораторы, но не было человѣка, который бы понималъ такъ хорошо, какъ Орестъ Миллеръ, что дѣло профессора не оканчивается, когда онъ сходитъ съ каθедры. И не было другаго профессора, смерть котораго чувствовалась бы такъ болѣзненно, не смотря на то, что покойный почти уже два года не числился профессоромъ. Тѣмъ болѣе теперь.

Была пора, когда молодой поэтъ и публицистъ могъ говорить:

Въ какомъ-то радостномъ волненьи
Я каждый разъ внимаю вѣсть
О томъ, что въ старомъ поколѣньи
Еще успѣла жизнь отцвѣсть.
Чьей смерти прежде трепеталъ я,
Тѣхъ стариковъ ужъ нѣтъ давно.
Что въ старомъ мiрѣ уважалъ я,
Давно все мной схоронено.
Ликуй же смерть въ странѣ унылой!
Въ ней все отжившее рази,
И знамя жизни надъ могилой,
Надъ грудой труповъ водрузи!

Теперь не то. Одинъ за другимъ сходятъ съ арены руководители общества, все представители стараго поколѣнiя, и не видать никого изъ молодаго, кто могъ бы ихъ замѣнить. Умеръ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, умеръ О. Θ. Миллеръ.

Природа мать! Когда бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала мiру,
Заглохла-бъ нива жизни!

Одинъ изъ многихъ.

9 iюня 1889 г.

II.

Полагая, что редакція «Русской Старины» заинтересована въ собираніи всего, что относится къ характеристикѣ недавно скончавшагося Ореста Ѳедоровича Миллера, такъ много и самоотверженно потрудившагося для русскаго просвѣщенія, представляю небольшую о немъ замѣтку.

Состоя въ 1883 г. студентомъ петербургской духовной академіи, я въ числѣ немногихъ принималъ особенное дѣятельное участіе въ пополненіи только что основанной въ ней передъ тѣмъ студенческой читальни и библіотеки. Такъ какъ сумма, составлявшаяся исключительно изъ взносовъ студентовъ, получалась очень скромная, то мы вынуждены были обращаться къ нѣкоторымъ редакціямъ и авторамъ съ просьбой о доставленіи намъ ихъ изданій безплатно. Между прочимъ, рѣшено было обратиться съ этой просьбой и къ нѣкоторымъ профессорамъ университета, а такъ какъ Орестъ Ѳедоровичъ и у насъ извѣстенъ былъ какъ другъ студенчества, то мы сочли за лучшее прибѣгнуть къ его помощи. Сходить къ нему выпало на мою долю.

Въ половинѣ декабря, часовъ въ шесть вечера, я позвонилъ въ его скромную квартиру (онъ жилъ тогда въ Эртелевомъ переулкѣ) и не успѣлъ еще передать свою одежду докладывавшей обо мнѣ служанкѣ, какъ ко мнѣ вышелъ самъ хозяинъ. Полагая, по примѣру нашихъ профессоровъ, что мнѣ здѣсь же въ передней и придется имѣть съ нимъ объясненіе, я хотѣлъ было уже приступить къ нему; но Орестъ Ѳедоровичъ, любезно поздоровавшись со мной, сейчасъ же повелъ меня чрезъ единственную, кажется, просторную въ его квартирѣ комнату, гдѣ сидѣла за работой предупредительно раскланявшаяся мнѣ старушка,—въ свой узенькій, съ тремя потертыми креслами у письменнаго стола, весь уставленный полками съ книгами и съ единственнымъ украшеніемъ—громаднымъ бюстомъ Ѳ. М. Достоевскаго, кабинетъ. Здѣсь онъ усадилъ меня въ кресло и только тогда освѣдомился, что̀ меня привело къ нему.

Излагая свою просьбу, я, между прочимъ, замѣтилъ, что намъ особенно трудно заводить читальню и библіотеку, потому что духовные студенты особенно бѣдный народъ.... «Не говорите! перебилъ меня Орестъ Ѳедоровичъ,—и вездѣ нынче учащіеся—по большей части, народъ бѣдный... Что касается моихъ сочиненій, то какія найду—къ вашимъ услугамъ»... И онъ бросился разыскивать свои книжки и оттиски и, передавая ихъ одинъ за другимъ мнѣ, между прочимъ,

простодушно замѣтилъ: «Плохо идутъ мои сочиненія! Вотъ только публичныя лекціи по литературѣ хорошо расходятся, и ихъ-то у меня какъ разъ нѣтъ ни одного экземпляра. Придется вамъ подождать, а я непремѣнно постараюсь ихъ гдѣ нибудь добыть и тотчасъ же доставлю вамъ... Да не ужъ-то въ вашей академической библіотекѣ нѣтъ ихъ»? Когда я подтвердилъ, что дѣйствительно нѣтъ, и потомъ сталъ объяснять, что именно слишкомъ-то спеціальный составъ этой библіотеки и вызываетъ насущную потребность дополнить ее студенческою, то Орестъ Ѳедоровичъ такъ одушевился, что когда потомъ я выразилъ наше желаніе имѣть сочиненія и другихъ профессоровъ университета, онъ самъ предложилъ свои услуги переговорить на счетъ этого съ ними. Такъ пробесѣдовавши съ нимъ больше получаса, я, наконецъ, сталъ прощаться. Онъ любезно проводилъ меня въ переднюю и не вышелъ изъ нея до тѣхъ поръ, пока за мной не затворена была дверь на лѣстницу.

Наканунѣ новаго года, вечеромъ, я получилъ отъ Ореста Ѳедоровича самую любезную записку, въ которой онъ поздравлялъ насъ между прочимъ, съ новымъ годомъ. Назавтра мы хотѣли было, въ свою очередь, поздравить его съ новымъ годомъ, но отчасти потому, что ни у кого изъ насъ не оказалось визитной карточки, главнымъ-же образомъ потому, что отношенія Ореста Ѳедоровича съ перваго-же взгляда положительно не мирились со всякою офиціозностью, въ концѣ концовъ мы успокоились на томъ, что поблагодарю его за поздравленіе и отъ насъ, студентовъ, поздравлю его я, когда пойду къ нему за лекціями.

На этотъ разъ—кажется, числа 4 января—я также явился къ нему вечеромъ и также встрѣченный Орестомъ Ѳедоровичемъ въ передней и проведенный въ кабинетъ, засталъ здѣсь—теперь рѣшительно не помню—кого-то изъ молодыхъ профессоровъ. Орестъ Ѳедоровичъ тотчасъ же представилъ насъ одинъ другому и, усадивши меня между собой и своимъ гостемъ, заговорилъ о новыхъ порядкахъ въ нашей академіи, начавшихся въ ней послѣ выхода изъ нея бывшаго нашего ректора И. Л. Янышева, при чемъ отзывался о послѣднемъ съ самымъ глубокимъ уваженіемъ... Не желая отнимать у О. Ѳ. много времени, я скоро спросилъ у него о лекціяхъ. Вручая мнѣ ихъ, онъ опять просилъ передать моимъ товарищамъ его обѣщаніе при первой возможности похлопотать за насъ среди профессоровъ и опять проводилъ меня до тѣхъ поръ, пока я вышелъ.

Больше я не видался съ Орестомъ Ѳедоровичемъ. Не знаю, удалось ли ему переговорить съ профессорами, но ни отъ одного изъ нихъ мы ничего, кажется, потомъ не получали. Не смотря на это,

искреннее сочувствіе, которое мы встрѣтили у Ореста Өедоровича, его записочка, вывѣшанная на нѣкоторое время въ читальнѣ вмѣстѣ съ другими документами, касавшимися послѣдней, произвели на многихъ изъ насъ, помню, глубокое и самое отрадное впечатлѣніе. Мы въ первый разъ увидѣли профессора не спеціально какого-нибудь учебнаго заведенія, а профессора въ самомъ широкомъ—общественномъ смыслѣ этого слова,—профессора вездѣ, гдѣ только представлялась почва для распространенія просвѣщенія. Несомнѣнно, помимо всякихъ взглядовъ и убѣжденій, въ самой нравственной личности покойнаго О. Ө. Миллера чрезвычайно симпатично выразилась знаменитая эпоха прошлаго царствованія, столь плодотворная, столь гуманная въ исторіи развитія русскаго общества и столь славная вообще въ исторіи русскаго народа.

В. Тухомицкій.

20 іюня 1889 г.

О подпискѣ на памятникъ Н. В. Гоголю.

Общество любителей россійской словесности, состоящее при императорскомъ Московскомъ университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1-го мая по 1-ое іюня 1889 года къ казначею Общества поступили собранныя съ Высочайшаго соизволенія, пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю, отъ тридцати пяти лицъ и учрежденій, шесть тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ восемь рублей $53^1/_2$ копѣйки, а всего съ прежде поступившими: сорокъ тысячъ четыреста девяносто девять рублей $54^1/_4$ копѣйки (40,499 руб. $54^1/_4$ к.).

Казначей общества **А. Носъ.**

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И НАБРОСКИ.

Поѣздка по Россіи въ 1888 г.

IV [1]).

Ростовъ Великій.

«Какъ бы издали идущее эхо, духъ предшествующихъ поколѣній еще и понынѣ звучать будетъ изъ собираемыхъ въ Ростовѣ книгъ и предметовъ».
«Яросл. Епарх. Вѣд.», 1884 г., № 45.

I.

Едва-ли какой либо другой городъ изъ великороссійскихъ уѣздныхъ городовъ производитъ болѣе сильное и болѣе пріятное впечатлѣніе на любителя древностей и святынь, какъ Ростовъ Великій. Мы, по крайней мѣрѣ, провели въ немъ трое сутокъ чрезвычайно пріятныхъ...

Небольшой, нынѣ уѣздный, городъ, съ его историческимъ прозваніемъ Великаго, Ростовъ лежитъ между такими значительными городами, соединенными желѣзною дорогою, что въ него, казалось бы, не для чего было бы и заѣзжать; между тѣмъ, каждый изъ русскихъ, кто мало-мальски интересуется отечественною стариною, непремѣнно долженъ здѣсь остановиться на пути въ Ярославль или изъ Ярославля въ Москву.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 421—448; изд. 1889 г., томъ LXII, апрѣль, стр. 221—262; май, стр. 489—511.

Описывать сколько нибудь подробно древности и святыни этого города, одного изъ древнѣйшихъ на Руси, не приходится: описанія ихъ составляютъ уже порядочное собраніе книгъ, брошюръ, журнальныхъ статей и газетныхъ сообщеній; но обойти и полюбоваться его достопамятностями—полная и весьма пріятная необходимость. И даже нечего для этого перелистывать груду напечатаннаго о Ростовѣ; здѣсь, въ этомъ городѣ, съ его 12,000 жителями, вы найдете нѣсколько лицъ, не только горячо любящихъ отечественную старину, связанныхъ между собою общею имъ любовью и жаждою къ труду по розысканію и возстановленію памятниковъ древности и святынь, но и людей весьма свѣдущихъ въ отечественной археологіи и исторіи вообще и мѣстной въ особенности,—обратитесь къ нимъ и вы найдете весьма обязательныхъ руководителей, прекрасно знающихъ дорогой имъ Ростовъ въ его памятникахъ старины.

Этотъ совѣтъ мнѣ дали еще въ Москвѣ, повторили въ Троице-Сергіевой лаврѣ, и я, рано утромъ, выйдя изъ вагона и взявъ, въ виду Ростова, извощика, направилъ его прямо къ одному изъ помянутыхъ ростовскихъ археологовъ, ни мало не сомнѣваясь въ самомъ добромъ, радушномъ пріемѣ. Я и нашелъ таковой у Ивана Александровича Шлякова, въ его небольшомъ, свѣтломъ, щегольски выстроенномъ домикѣ.

Членъ реставраціонной комиссіи по возстановленію древнихъ памятниковъ Ростовскаго кремля, членъ-казначей комитета управленія ростовскаго музея церковныхъ древностей, членъ московск. археол. и историческаго обществъ—И. А. Шляковъ представляетъ собою весьма отрадное явленіе русскаго самородка, пытливый къ знаніямъ умъ котораго рано направился къ изученію отечественной старины. Купецъ по происхожденію, г. Шляковъ (род. въ 1844 г.) прошелъ полный курсъ высшаго въ его родномъ городѣ Ростовѣ учебнаго заведенія, какимъ оказалось уѣздное трехъ-классное училище, и былъ отправленъ родителями въ Москву, въ качествѣ бухгалтера, въ одну изъ частныхъ банкирскихъ конторъ. Десять лѣтъ провелъ молодой человѣкъ за конторкой, счетами и письмомъ, но эти десять лѣтъ онъ не убилъ на одну мертвящую, сухую работу съ цифрами, выкладками и записями. Его тянуло въ музеи, библіотеки и всякаго рода хранилища памятниковъ древностей и предметовъ искусствъ, и на немъ, г. Шляковѣ, какъ бы въ живѣ исполнилось то, что часто говорятъ объ образовательномъ значеніи доступныхъ народу музеевъ: они возбудили въ ростовскомъ купчикѣ-конторщикѣ жажду знанія, они дали ему духовную пищу, они, живо заинтересовавъ его, подвигнули на знакомство съ людьми науки: гг. Румянцевъ, Забѣлинъ, покойный Ив. Данил.

Мансветовъ и другіе наши почтенные ученые археологи обратили доброе вниманіе на любознательнаго ростовца, и вотъ изъ него выработался знатокъ памятниковъ древняго зодчества, искусный рисовальщикъ ихъ, знатокъ старинныхъ рукописей, монетъ, и проч. предметовъ старины. Въ 1877 г. Иванъ Александровичъ оставляетъ конторскую свою службу, возвращается въ родной городъ Ростовъ человѣкомъ начитаннымъ, пріобыкшимъ къ труду умственному; его скоро отличаютъ здѣсь земляки; онъ—гласный городской думы, затѣмъ гласный уѣзднаго и губернскаго земскихъ собраній... Трудясь на пользу общественную, г. Шляковъ сближается съ нѣсколькими образованными ревнителями отечественной старины и исторіи—таковы его земляки: уважаемый общественный дѣятель Д. А. Булатовъ, неутомимый изслѣдователь, собиратель памятниковъ, письма и печати, писатель и издатель А. А. Титовъ, И. А. Вахрамѣевъ (ярославецъ)—обладатель превосходнаго собранія старинныхъ рукописей въ Ярославлѣ, и съ нѣкоторыми другими лицами; сплачивается, такимъ образомъ, кружокъ лицъ, къ которымъ, въ 1882 г., обратилось императ. моск. археолог. общество съ порученіемъ заняться реставраціей Бѣлой Палаты и другихъ древнихъ зданій и храмовъ ростовскаго кремля... Этотъ кружокъ лицъ, съ почтеннымъ во главѣ и, увы, уже покойнымъ начальникомъ Ярославской губерніи В. Д. Левшинымъ, составили ядро ученаго общества въ созданномъ ихъ просвѣщенною энергіею учрежденіи «Ростовскаго музея церковныхъ древностей». Уставъ этого музея утвержденъ въ началѣ 1885 г. святѣйшимъ синодомъ. Уставъ состоитъ всего изъ шести статей, силою которыхъ этотъ музей поставленъ подъ покровительство преосвященнаго ярославскаго.

§ 2: «Музей собираетъ и хранитъ предметы древне-русскаго церковнаго зодчества и служитъ цѣлямъ братства св. Димитрія Ростовскаго, изложеннымъ въ уставѣ братства», а «братство располагаетъ, по силѣ своего устава, всѣхъ просвѣщенныхъ лицъ къ доставленію въ музей древностей, рукописей, книгъ, крестовъ, сосудовъ» и проч.

§ 3: Музей состоитъ подъ наблюденіемъ моск. археол. общества. Управленіе музеемъ ввѣрено комитету подъ предсѣдательствомъ ярославскаго губернатора изъ членовъ московск. археолог. общества, живущихъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ (§ 4). Комитетъ приглашаетъ и другихъ лицъ къ участію въ своихъ трудахъ съ званіемъ членовъ почетныхъ и членовъ сотрудниковъ (§ 5). Комитетъ устраиваетъ публичныя засѣданія и научныя чтенія о мѣстныхъ церковныхъ и гражданскихъ древностяхъ (§ 6).

Итакъ, мы дожили до того времени, когда и на Руси, въ ея уѣздныхъ городахъ, возникаютъ музеи, группируются мѣстные обы-

ватели въ общества, посвящаются средства, трудъ и знаніе на труды по изысканію и возстановленію памятниковъ старины; неправда ли, какое отрадное явленіе, но, увы, едва ли пока не единичное, и уже, навѣрное, не выходящее изъ десятка, по отношенію ко многимъ сотнямъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, и это на пространствѣ необъятнѣйшей Россіи! Господи, думается, когда видишь такое доброе начинаніе, да еще давшее быстро прекрасный плодъ, каковой дали реставраціонная комиссія въ Ростовѣ и его музей древностей,—да почему же все это и здѣсь, и въ другихъ древнихъ градахъ нашей матушки Руси не получило свое бытіе задолго до нашего времени? Я уже не говорю о вѣкѣ Екатерины II, когда блескъ ея царствованія преуспѣвалъ прежде всего въ проявленіяхъ внѣшняго могущества Россіи, а внутри лишь въ столицахъ и очень немногихъ главныхъ городахъ намѣстничествъ—насаждались разсадники знанія, а Русь уѣздная, провинція, все болѣе и болѣе стягивалась крѣпостными путами, но позже, въ царствованіе Александра I, въ эпоху Николая Павловича, въ особенности въ его время, когда самъ государь несомнѣнно проявилъ любовь къ памятникамъ отечественной старины, разрѣшая учрежденіе археолог. общества, археограф. комиссіи, разрѣшая отпускъ средствъ изъ государственнаго казначейства на возстановленіе или поддержку древнихъ храмовъ, стѣнъ кремлевскихъ въ Москвѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Псковѣ и проч., — почему тогда уже не начинали возникать, по частному почину, общества мѣстныхъ ревнителей, для возстановленія отечественной святыни и древностей? Почему? Да потому, что правительство все брало на себя, обывателю или обществу не предоставлялось права на самодѣятельность даже въ области такой охранной, консервативной науки, какова археологія. Гдѣ бы выискался въ тогдашнее суровое время губернаторъ, который, подобно В. Д. Левшину въ Ярославлѣ, въ 1880-хъ годахъ, рѣшился посвятить столько личнаго труда и энергіи на дѣло возстановленія Кремля и храмовъ въ Ростовѣ? Не убралъ ли бы его Перовскій или Бибиковъ (министры прежняго времени), какъ губернатора, не своимъ дѣломъ занимающагося; а мысль объ учрежденіи въ уѣздномъ городѣ ученаго общества!... не вызвала ли бы она усиленной дѣятельности со стороны губернскихъ корреспондентовъ графа А. Х. Бенкендорфа или его преемника по шефству надъ жандармами графа А. Ѳ. Орлова... Да, въ то время и думать не приходилось въ провинціи ни о чемъ подобномъ, что мы встрѣтили теперь въ Ростовѣ Великомъ, а въ результатѣ таковаго запрета — утрата для науки многихъ десятковъ лѣтъ! Рушились въ это время памятники старины, растаскивалось невѣжествомъ многое, что послу-

жило бы къ уясненію отечественной археологіи и исторіи... Надо было полное возрожденіе всего государства Россійскаго, рядомъ реформъ Царя-Освободителя произведенное, дабы изъ рядовъ мѣстныхъ обывателей, земцовъ, вышли, наконецъ, мѣстные любители и знатоки родной старины. И они выходятъ, они вышли, и какую прекрасную службу они сослужили отечественной наукѣ и еще болѣе сослужатъ, когда обстоятельства тому будутъ благопріятствовать. Въ добрый, добрый часъ!.....

Пойдемте же, однако, въ кремль Великаго Ростова.

II.

Кремль стоитъ по серединѣ города, на ровной мѣстности, лишь съ западной стороны нѣсколько возвышенной; это группа церквей и зданій, за высокою зубчатою стѣной, съ 10 башнями; кремль окруженъ двойнымъ землянымъ валомъ; валъ сооруженъ для защиты отъ непріятеля въ царствованіе Михаила Өедоровича, т. е. именно въ ту эпоху, когда послѣ всевозможныхъ бѣдствій, испытанныхъ ростовцами въ «смутное и нуждное время 1608—1612 гг.», городъ ихъ уже никогда затѣмъ не видѣлъ подъ своими стѣнами непріятеля. Въ кремль ведутъ нѣсколько воротъ и на однихъ изъ нихъ, желѣзныхъ, мы увидѣли множество эмблемъ или символовъ, съ затѣйливыми надписями, какъ то было въ обыкновеніи въ XVIII вѣкѣ. Эти эмблемы относятся къ 1740—1750 годамъ, ко времени нахожденія во главѣ ростовской митрополіи Арсенія Мацѣевича, прославившагося своею злосчастною борьбою въ вопросѣ объ отнятіи у монастырей имѣній. Нѣкоторыя изъ подписей на эмблемахъ весьма курьезны: «Да знаетъ правительствовать».—«Пою только для изъявленія печали своея».—Цапля: «Желалъ бы всѣхъ ихъ истребить».—«Звонъ его не для него самого» и т. п.

Предъ нами въ кремлѣ прежде всего подъемлется Успенскій соборъ—одна изъ древнѣйшихъ святынь въ Великой Россіи, такъ какъ каменный храмъ этотъ, заложенный еще въ XII вѣкѣ великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ и затѣмъ обрушившійся вслѣдствіе дурной постройки, былъ вновь начатъ кн. Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1214 г. и достроенъ въ 1230 г. княземъ Василько Константиновичемъ, убитымъ впослѣдствіи татарами на берегахъ Сити. Само собою разумѣется, что въ теченіи 659-лѣтняго своего существованія этотъ храмъ, — по плану и наружному виду копія собора въ городѣ Владимірѣ,—потерпѣлъ всѣ тѣ бѣдствія, какія вынесъ и весь

Ростовъ: его обдирали татары, его разрушалъ пламень великихъ пожаровъ (1408 и 1730 гг.), въ него вторгались тушинскіе воры и польско-литовскіе разбойники (1609 г.), не жалѣли его и свои православные, какъ, напр., одно изъ его украшеній—полъ изъ привознаго краснаго мрамора, которымъ въ 1280 г. мѣстный епископъ усталъ полъ собора, былъ увезенъ въ XV вѣкѣ въ Москву и нынѣ находится въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Рядъ замѣчательныхъ святителей-іерарховъ, которыхъ мы видимъ во главѣ ростовской епархіи, вплоть до XVIII вѣка, до перенесенія каѳедры епископской въ Ярославль (въ 1777 году), не щадили ни средствъ, ни заботъ для возстановленія Успенскаго собора и прочихъ святынь города Ростова; особенною заботливостью и искусствомъ въ этомъ отношеніи отличался митрополитъ Іона Сысоевичъ (занимавшій этотъ постъ 39 лѣтъ, съ 1652 по 1690 г.), настоящій зодчій, страстный къ постройкамъ и большой знатокъ этого дѣла. Ему принадлежитъ сооруженіе едва ли не всего, что теперь заботами гг. Левшина, Шлякова, Титова, Булатова, архіерея Іонаѳана и друг. либо обновлено, либо и возстановлено изъ развалинъ въ кремлѣ Ростова Великаго. Между прочими зданіями, Іона воздвигъ близъ собора оригинальную колокольню, звонъ колоколовъ которой, будучи замѣчательно музыкальнымъ, составляетъ гордость ростовцевъ.

Въ 1884 году причтъ передѣлывалъ въ соборѣ старый чугунный полъ. Не будь въ Ростовѣ такихъ любителей и ревнителей старины, каковы гг. Шляковъ, Титовъ и Булатовъ, работа произведена была бы какъ обычная ремонтная работа; но эти любознательные люди слѣдили за ней, хотя бы незванные и непрошенные причтомъ, и вотъ что разсказываетъ А. А. Титовъ: «Войдя, однажды, во время перекладки пола въ предѣлѣ св. Леонтія (епископъ въ Ростовѣ около 1051 г., убитъ язычниками въ 1073 г.), мы увидали на стѣнѣ, подъ снятыми плитами, слѣды фресокъ; руками стали выбирать мусоръ на томъ мѣстѣ, и фрески являлись все яснѣе и яснѣе». Тогда изыскатели наши бросились съ ходатайствами къ начальнику губерніи, къ архіерею и, съ дозволенія одного и благословенія другаго, «стали расчищать находившійся подъ поломъ мусоръ и дѣлать выемку наваленной тамъ земли и кирпича. Вслѣдствіе этого оказались на лѣвой сторонѣ, при входѣ въ предѣлъ, на глубинѣ 3-хъ аршинъ, фрески съ изображеніемъ св. Игнатія (епископъ въ Ростовѣ 1212—1288 гг.) и возлѣ этого изображенія отъ главнаго алтаря спускалась на $3^1/_2$ аршина каменная лѣстница. При дальнѣйшихъ раскопкахъ, на той же глубинѣ трехъ, трехъ съ половиною аршинъ, открылся каменный полъ, абсида алтаря съ кирпичнымъ престоломъ и, наконецъ, на правой сторонѣ, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наверху стояла серебряная

рака св. Леонтія, почти наравнѣ съ поломъ, оказалась каменная гробница, которую прислалъ князь Андрей Боголюбскій (болѣе 700 лѣтъ тому назадъ) для новооткрытыхъ мощей святителя. Надъ гробницей оказались слѣды такого же свода, въ видѣ ниши, какъ и на противоположной сторонѣ; на стѣнѣ превосходно сохранилось изображеніе св. Леонтія и часть тропаря угоднику». Живопись и буквы относятъ наши ростовскіе изыскатели къ XVII вѣку, къ дѣятельности все того-же обновителя и зиждителя храмовъ и зданій въ г. Ростовѣ—Іоны Сысоевича. Къ 1730 г., ко времени весьма лютаго пожара, испепелившаго внутренность Успенскаго собора, относятъ, такъ сказать, погребеніе Леонтьевскаго предѣла подъ грудами мусора, на которомъ, на $3^1/_2$ аршина выше прежняго пола, настланъ былъ полъ новаго предѣла; его, вѣроятно, тогда же, въ 1730 г., сравняли, быть можетъ для удобства богослуженія, съ главнымъ алтаремъ. Теперь этотъ древній предѣлъ вышелъ изъ своей 150-ти-лѣтней могилы и съ какою любовью, съ какими заботами онъ возрожденъ на умиленіе и восторгъ людей полныхъ благочестиваго почитанія святынь и древностей! Члены основанной подъ предсѣдательствомъ покойнаго В. Д. Левшина комиссіи, гг. И. А. Вахрамѣевъ, Д. А. Булатовъ, И. А. Шляковъ, А. А. Титовъ и друг. соревновали между собою [1]). На помощь имъ явились указанія весьма свѣдущаго въ церковно-старинномъ зодчествѣ предсѣдателя московскаго архитектурнаго общества Н. В. Никитина, проектъ котораго и былъ принятъ въ основаніе при возрожденіи древняго предѣла. И онъ возникъ въ мельчайшихъ подробностяхъ живописи, орнаментики, во всѣхъ подробностяхъ алтаря, до послѣдней лампады или подсвѣчника, во вкусѣ XVI—XVII столѣтій. Благодаря въ особенности усердію, любви къ дѣлу и знаніямъ ближайшаго распорядителя работъ И. А. Шлякова, который изо дня въ день, въ теченіе цѣлаго года, не оставлялъ своего поста, пещерный храмъ св. Леонтія былъ возстановленъ замѣчательно скоро и 29-го сентября 1885 г. торжественно освященъ.

Ростовцы съ гордостью воспоминаютъ о посѣщеніи ихъ главнаго храма, во время производства еще помянутыхъ работъ, великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, который, съ величайшимъ вниманіемъ обозрѣвъ всю эту святыню, изволилъ сказать:

— «Мало такихъ древнихъ памятниковъ на Руси»!

Мы не станемъ, однако, перечислять здѣсь всѣ остатки святой

---

[1]) Съ 30-го іюля по 28-е августа 1884 г. комиссія дѣлала раскопки, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ростовскаго предводителя дворянства Д. А. Булатова, который велъ и протоколы засѣданій комиссіи.

старины въ Успенскомъ соборѣ и въ его пещерномъ и другомъ придѣлахъ. Это лучше насъ сдѣлано уже нѣсколько разъ. Изъ многихъ описаній вообще святынь Ростова мы въ особенности рекомендуемъ нашимъ туристамъ и паломникамъ небольшую книжечку Андрея Александровича Титова, неутомимаго и даровитаго писателя въ области исторіи, этнографіи, археологіи и даже статистики его роднаго Ростовскаго края. Книжечка эта — «Ростовъ Великій. Древніе памятники и историческія святыни»—вышла въ Москвѣ, въ 1888 г. (ц. 15 коп.); на 76 страницахъ она заключаетъ въ себѣ замѣчательно полный, обстоятельный и положительно интересный разсказъ. Итакъ, отошлемъ читателей къ этой книжечкѣ и направимся къ другимъ церквамъ Ростовскаго кремля.

Этихъ церквей пять, всѣ онѣ старинныя, всѣ онѣ возродились изъ полуразвалинъ въ послѣднія пять—шесть лѣтъ. Въ этихъ церквахъ, созданныхъ зодчимъ іерархомъ Іоною (въ 1670-хъ годахъ) и его ближайшимъ преемникомъ митрополитомъ Іоасафомъ, необыкновенно интересны каменные иконостасы, каменные шатры на столпахъ надъ царскими вратами и клиросами, голосники въ стѣнахъ—старинный способъ усиленія звука, раскраска стѣнъ событіями изъ библейской и евангельской исторій и изъ жизни мѣстныхъ святыхъ, клейма которыхъ окружены прекраснымъ живописнымъ орнаментомъ. Любопытна также наружная окраска одного изъ этихъ храмовъ (Пресвятой Богородицы) разноцвѣтными трехъ-угольниками; въ храмѣ Спаса на сѣняхъ иконостасъ также каменный, а амвонъ отдѣленъ отъ церкви каменными арками, что въ связи вообще со всею весьма красивою внутренностью церкви дѣлаетъ общій ея видъ чрезвычайно своеобразнымъ и интереснымъ. Храмъ св. Григорія Богослова, все въ той же кремлевской оградѣ, возобновленъ на пожертвованныя крестьяниномъ Ростовскаго уѣзда Иван. Алексѣев. Рулевымъ средства 5.000 руб. всего онъ пожертвовалъ на возстановленіе Кремля до 7.000 руб.) и добавочныя Ростовскою гражданкою Ел. Дмитр. Мальгиной; храмъ возобновленъ подъ главнымъ наблюденіемъ А. А. Титова и торжественно освященъ 28-го октября 1884 г.; храмъ этотъ служитъ нынѣ прекраснымъ памятникомъ святой старины, когда къ нему примыкалъ въ древности Григорьевскій монастырь Затворъ, изъ-подъ сѣни котораго вышелъ на проповѣдь христіанства св. Стефанъ, епископъ Пермскій.

На мѣстѣ бывшаго здѣсь древняго деревяннаго храма, 218 лѣтъ тому назадъ возникъ большой каменный пятиглавый, съ шатровою колокольнею; храмъ былъ созданъ въ эпоху строителя іерарха Іоны Сысоевича. Но объяло это превосходное сооруженіе пламя великаго

пожара 1730 года, испепелившаго громадную часть Ростова и весь кремль, и вотъ храмъ св. Григорія Богослова, въ концѣ прошлаго столѣтія, уже представлялъ не только полное разрушеніе, но и оскверненіе въ мѣстѣ святѣ. Въ немъ помѣстился курень и даже бойня. «Окна были выбиты, разсказываетъ А. А. Титовъ, иконостасъ нарушенъ, желѣзныя двери и связи выломаны и проданы; своды нѣкоторые дали глубокія трещины, а нѣкоторые почти провалились»... Любовь къ старинѣ, хотя не столь часто, какъ бы то слѣдовало, но въ данной мѣстности бываетъ иногда преемственна изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ и по отношенію къ этому храму: лѣтъ тридцать тому назадъ, одинъ почтенный ростовецъ И. И. Храниловъ (купецъ, бывшій соборный староста, сынъ крестьянина, умеръ въ 1865 г.), оставившій добрую память по своей любви и ревности къ мѣстнымъ святынямъ, предпринялъ нѣкоторое возобновленіе полуразрушенныхъ кремлевскихъ храмовъ, коснулся этой церкви и привелъ ее въ приличный видъ. Усердіе и заботы, въ наше уже время, А. А. Титова довершили это возрожденіе до мельчайшихъ подробностей знаменитаго храма [1]). Не будемъ передавать подробностей: заѣзжайте въ Ростовъ, посѣтите эту церковь и вы увидите, что это за прелесть—возрожденный, во очію старины, памятникъ XVI—XVII вѣковъ.

Было и было весьма не мало ревнителей благолѣпія храмовъ на святой Руси. Десятки, сотни тысячъ издерживали наши брадатые личные и почетные граждане, именитые купцы на храмы Божіи, но вотъ что бѣда: если бы при мѣшкахъ денегъ, которыя они расходовали, была бы у нихъ хоть крошечка знанія или, по крайней мѣрѣ, довѣрія къ людямъ науки, знатокамъ древняго церковнаго зодчества и вообще искусства, сколько бы было возстановлено и содѣлано въ области зодчества поистинѣ прекраснаго! А то давно уже замѣчено, что наши ревнители благочестія въ ихъ возобновленіи и подновленіи старинныхъ церквей, алтарей, образовъ, вообще всего, что напоминаетъ сѣдую древность, были зачастую хуже татаръ, хуже сподвижниковъ тушинскаго вора, отъ хищныхъ рукъ которыхъ все же оставались цѣлыми хотя бы стѣны, двери, окна, крыши... Между тѣмъ и это нерѣдко рушилось и видоизмѣнялось подъ ударами строителей и возобновителей въ два послѣдніе вѣка, не озаренныхъ свѣтомъ знанія...

Ну, да объ этомъ много уже было говорено и писано, и дастъ

[1]) Въ тайникѣ, подъ алтаремъ Спасской на сѣняхъ церкви, служившемъ прежде помѣщеніемъ для богатѣйшей ризницы Ростовскихъ іерарховъ, находится древле-хранилище А. А. Титова — собранныя имъ книги и рукописи. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ изъ Ростова хозяина, мы познакомились съ этимъ замѣчательнымъ собраніемъ только по его печатнымъ «охраннымъ каталогамъ».

Богъ не безъ пользы, такъ какъ теперь во-очію изъ толщи того же купечества проявляются гг. Титовы и Шляковы, которые, кромѣ ревности къ святынѣ, въ дѣло ея возстановленія вносятъ и личное знаніе, и уваженіе къ ученымъ авторитетамъ. Такъ, напр., и въ настоящемъ случаѣ, при возрожденіи храма св. Григорія Богослова, г. Титовъ обратился къ вице-президенту императорскаго московскаго археологическаго общества, В. Е. Румянцеву; затѣмъ онъ съумѣлъ найти средства, вызвалъ пожертвованія, приложилъ свои собственныя, и вотъ предъ вами храмъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ построенъ, 220 лѣтъ тому назадъ, митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ, съ сохраненіемъ измѣненій, произведенныхъ однимъ изъ его преемниковъ первой половины XVIII вѣка—Арсеніемъ Мацѣевичемъ.... Церковь прелестна: въ виду всей этой необыкновенно умѣло обновленной живописи, всѣхъ этихъ лѣпныхъ украшеній XVII вѣка, въ виду этого алтаря, въ виду царскихъ вратъ,—наиточнѣйшаго снимка съ вратъ, рѣзанныхъ въ XVI-мъ вѣкѣ, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, и понынѣ украшающихъ церковь Іоанна Богослова на рѣкѣ Ишнѣ, близь Ростова,—вы такъ и чувствуете себя какъ бы среди молящихся предковъ вашихъ за 200, за 300 лѣтъ тому назадъ.... Спасибо вамъ, гг. Титовы и Шляковы, дай Господи, чтобы поболѣе васъ было на святой Руси, и чтобы громадныя средства, какія русскіе люди охотно издерживаютъ на поддержку святыни, такъ же умѣло расходовались бы отнынѣ, какъ то сдѣлано въ кремлевскихъ храмахъ города Ростова.

III.

По возобновленной старинной галлереѣ переходимъ мы въ Бѣлую Палату. Не болѣе пяти лѣтъ тому назадъ газетная молва о ней облетѣла всю Россію. До 1883 года на Руси, конечно, внѣ Ростова, вовсе не знали, что за валами и каменною оградою кремля этого города существуетъ весьма изящное, въ архитектурномъ отношеніи весьма замѣчательное, двухъ-вѣковое зданіе—Бѣлая Палата. Это зданіе и въ самомъ Ростовѣ было забыто, заброшено, съ примыкающими къ нему княжескими теремами, представлявшими полныя развалины съ растущими на нихъ кустами и деревьями. Но въ 1883 году объ этомъ памятникѣ старины свѣдали русскіе люди изъ множества газетныхъ сообщеній, прочли о торжествѣ освященія и открытія Бѣлой Палаты, и вотъ изъ года въ годъ она привлекаетъ подъ свою сѣнь десятки, сотни путешественниковъ и туристовъ, заѣзжающихъ

нарочно въ Ростовъ Великій, дабы обозрѣть сокровища старины, собранныя въ Бѣлой Палатѣ. Скажемъ же и мы о ней двѣ-три странички.

Во первыхъ, что̀ такое Бѣлая Палата? Это особое зданіе, сооруженное близь бывшаго митрополичьяго дома (нынѣ въ немъ духовное училище), созданное, въ 1670-хъ годахъ, Іоною Сысоевичемъ—«для пришествія государева», и, дѣйствительно, палата принимала въ своихъ стѣнахъ императрицу Екатерину II въ 1763 году, когда это государыня, укрѣпляя за собой престолъ, на который она такъ внезапно взошла, являя всѣ знаки благоговѣйнаго отношенія къ народнымъ святынямъ, пріѣзжала въ Ростовъ на церемонію переложенія мощей святителя Димитрія въ новую раку, сооруженную ея предшественницей Елизаветой Петровной.

Кто бывалъ въ Грановитой Палатѣ въ Москвѣ, тотъ легко представитъ себѣ Бѣлую Палату въ Ростовѣ; она во многомъ ее напоминаетъ. Особенно красивы ея своды, искусно сведенные съ четырехъ угловъ къ одному столпу, стоящему посреди палаты, «серьги» въ красивыхъ окнахъ,—тайнички и печуры, родъ комнатокъ и шкапчиковъ въ ея толстѣйшихъ стѣнахъ... Вообще вся палата съ примыкающей къ ней Отдаточной—родъ большихъ сѣней, общимъ видомъ своимъ является зданіемъ величественнымъ. Вотъ ужъ впрямь—превосходное помѣщеніе для собранія въ ней памятниковъ старины. Беремъ «Путеводитель по Ростовскому музею церковныхъ древностей»—(Ярославль, 1886 г.), очень хорошо составленный Ѳедоромъ Афанасьевичемъ Бычковымъ, молодымъ, трудолюбивымъ изыскателемъ Ростовско-Ярославской старины,—и переходимъ съ нимъ отъ витринъ къ витринѣ, отъ предмета къ предмету... А ихъ не мало. Въ годъ изданія «Путеводителя» было въ музеѣ около 3,000 нумеровъ, а два года спустя, когда мы обходили музей, было уже въ немъ до 4,900 предметовъ [1]). Вотъ тутъ и толкуй о равнодушіи русскихъ людей къ своей старинѣ: нѣтъ, видно русскіе люди охотно отзовутся на кличъ людей науки,—возьмись только они за дѣло съ любовью и умѣньемъ, да не остывай въ нихъ энергія къ разъ начатому хорошему дѣлу; а то вѣдь русскіе люди съ жаромъ берутся за что либо, да жаръ-то этотъ... Постойте, однако, этого рода разсужденіе совершенно не у мѣста подъ сводами Бѣлой Палаты, гдѣ уже на каждомъ квадратномъ аршинѣ что нибудь интересное останавливаетъ посѣтителя: во первыхъ, насъ пріятно поразило здѣсь множество приношеній самихъ устроителей музея и ихъ ростовскихъ согражданъ:

[1]) Музей открытъ для осмотра ежедневно отъ 9 до 3 часовъ пополудни; особенно лѣтомъ всегда можно въ немъ встрѣтить посѣтителей.

гг. Титовъ, Шляковъ, Булатовъ, Вахрамѣевъ, братья Кекины и друг. не только взывали и усердно собирали отъ другихъ, они сами принесли въ даръ родному музею предметы несомнѣнно важные для исторіи или археологіи, и въ то же время несомнѣнно весьма для нихъ дорогіе. Такъ, напр., товарищъ предсѣдателя комитета управленія музея Бѣлой Палаты и княжихъ теремовъ въ Ростовѣ Великомъ, Дмитрій Александровичъ Булатовъ... но позвольте три, четыре строчки о немъ. Д. А.—представитель старинной дворянской фамиліи, по матери—потомокъ знаменитаго боярина, князя Василія Васильевича Голицына († въ ссылкѣ въ 1713 г.), по отцу—внукъ одного изъ доблестныхъ военныхъ и административныхъ дѣятелей эпохи Александра I (см. въ «Русск. Стар.» изд. 1874 г., кн. VII и VIII, біографію Мих. Булатова),—Д. А. род. въ 1837 г. Получивъ воспитаніе въ одномъ изъ военноучебныхъ заведеній, онъ уже съ 1866 г. оставилъ гвардейскій лейбъ-гусарскій полкъ и всецѣло посвятилъ свои силы, здоровье и лучшіе годы жизни своему родному Ростовскому уѣзду: мировой судья, затѣмъ предводитель дворянства, гласный, предсѣдатель земской управы—Д. А. явилъ въ себѣ одного изъ тѣхъ многихъ честныхъ, благородныхъ общественныхъ дѣятелей 1860—1870 годовъ, которые ввели на Руси, въ плоть и кровь народа, благія и великія реформы Александра II... Исполать имъ, этимъ русскимъ людямъ; безъ нихъ самыя реформы остались бы мертвою буквою [1]).

Д. А. Булатовъ, дѣятельный членъ комитета по устроенію и управленію музея въ Ростовѣ, принесъ ему въ даръ, между прочимъ, собраніе замѣчательныхъ деревянныхъ складней, собраніе старинныхъ фамильныхъ иконъ, изъ которыхъ нѣсколько принадлежало къ божницѣ кн. В. В. Голицына; предъ ними клалъ поклоны и возносилъ моленія просвѣщенный бояринъ,—отправляясь въ походъ на крымскихъ татаръ или мечтая не болѣе и не менѣе какъ объ освобожденіи крестьянъ, и это за 200 лѣтъ до того, какъ настала эта свобода для крѣпостныхъ рабовъ! Кромѣ собранія древнихъ иконъ, складней, крестовъ, Д. А. пожертвовалъ музею всю свою библіотеку,

---

[1]) Заглянули мы какъ-то въ одинъ изъ докладовъ Д. А. Булатова ростовскому земству за 1887—1888 гг. и остановились предъ любопытною цифрою: по ростовской земской аптекѣ — расходъ въ прежніе годы былъ свыше 11 т. руб., а со вступленія Д. А. въ должность предсѣдателя управы таковой уменьшился до 456 руб. 79 к. въ годъ.

Въ послѣдующемъ году по другимъ статьямъ земской расходной смѣты сбереженія превысили 40 т. руб. Такъ сбережены интересы ростовскаго земства. Вотъ чѣмъ и сильно земство! Рано или поздно, но оно всегда приставитъ къ дѣлу людей честныхъ и берегущихъ трудовыя деньги народа.

1,164 тома (изъ нихъ множество богословскихъ и историческихъ книгъ), коллекцію древнихъ римскихъ и восточныхъ монетъ (до 400 экз.), живописные портреты царственныхъ особъ, между прочими, инокини Сусанны, въ міру царевны Софіи Алексѣевны, царевича Алексѣя Петровича, принцессы Анны Леопольдовны, царицы Авдотьи Лопухиной и другихъ; собраніе грамотъ, актовъ, столбцовъ, автографовъ замѣчательныхъ лицъ; А. А. Титовъ, И. А. Шляковъ, И. А. Вахрамѣевъ, А. П. Ивановъ и друг. подарили нѣсколько живописныхъ портретовъ людей достопамятныхъ въ исторіи Ростовскаго края, церковныхъ сосудовъ, образовъ, рѣзной деревянный крестъ, актовъ, монетъ (И. А. Шляковъ) и проч. А. Л. Кекинъ принесъ въ даръ собраніе серебряныхъ чарокъ, жалованныхъ въ XVII и XVIII вѣкахъ его предку.

Но кромѣ устроителей музея, явилось, если не ошибаемся, до двухъ сотъ разныхъ жертвователей, вкладчиковъ и вкладчицъ въ Музей [1]); конечно, главную массу достопамятныхъ предметовъ составляютъ старинныя вещи, доставленныя изъ церквей и монастырей Ярославской епархіи по приглашенію архіепископа Ярославскаго Іонафана, дѣйствовавшаго при самомъ сочувственномъ отношеніи оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева къ устроенію музея церковныхъ древностей въ г. Ростовѣ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода сообщилъ Ростову Великому высокознаменательныя, дорогія строки, начертанныя Государемъ Императоромъ на докладѣ о возстановленіи Бѣлой Палаты: «весьма утѣшительно, что этотъ древній памятникъ поддерживается; благодарить жертвователей».

Таковое высокое вниманіе Державнаго Вождя Россіи придало вящую бодрость и энергію ростовцамъ и они въ четыре года создали у себя такой музей, для котораго должно было бы понадобиться десятки лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ 5,000 предметовъ, въ него поступившихъ (въ 1883—1888 гг.), посѣтитель находитъ до 23 преинтересной работы рѣзныхъ царскихъ вратъ, изъ нихъ пятеро XVII вѣка; напрестольные кресты (XVI и XVII вв.), слюдяные фонари, весьма древніе антиминсы (имѣется, напр., 1579 г.), священническія облаченія, евангелія, церковныя древнія хоругви, дароносицы (напр. желѣзная XVI в.), потиры деревянные XIV в., брачные вѣнцы XVII вѣка, нѣсколько предметовъ, принадлежавшихъ св. Димитрію Ростовскому, отличные портреты его отца и его самого, а также митрополитовъ Іоны Сысоевича, Арсенія Мацѣевича, до четырехъ портретовъ царицы

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ пожертвованій перечислены въ отчетѣ музея. Напр., ростовская дворянка Л. И. Назимова пожертвовала болѣе 1,000 томовъ книгъ историческаго содержанія.

Евдокіи Лопухиной,—имѣвшей въ современномъ ей ростовскомъ архіереѣ Досифеѣ — вѣрнѣйшаго своего сторонника [1]); любопытный живописный портретъ Пугачева. Портретъ этотъ писанъ на холстѣ (9 верш. и $6^1/_2$ вершк.); на немъ подпись: «Подлинное изображеніе бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева». — Емелька изображенъ въ шубѣ и бѣлой рубахѣ, волоса—разрядкой, по раскольничьи. Очень интересенъ надгробный памятникъ XV вѣка,—поставленный въ 1459 году надъ могилою Ильи Степановича Дьякова, погребеннаго при одной изъ церквей въ Ростовѣ. Это каменный крестъ съ превосходно сохранившеюся длинной надписью, которая есть не что иное, какъ цѣлое завѣщаніе покойнаго. Крестъ поставленъ отцомъ надъ сыномъ; на крестѣ отецъ, между прочимъ, весьма четко, на многіе вѣка начерталъ:

«...и азъ многогрѣшный, Стефанъ Дьяковъ, постави крестъ сей надъ гробомъ сына своего, и далъ есми по немъ Великому Воскресенью (церкви) двѣ деревни: Волково Строзорливыхъ, да Яблоково Лисицыныхъ, и съ тѣхъ деревень попу съ дьякономъ половина жита, черницамъ Воскресенскимъ половина жита. Далъ есмь Великому Воскресенью въ домъ 10 р., попу 6, дьякону 4, а приказываю дому Воскресенья смотрити господину Ивану Дмитріевичу зятю, и Алексѣю Поліевктовичу, и его сыну Роману. А кто похощетъ изъ дому Воскресенія то взяти, или тѣ деревни купити, или продати сильно, съ тѣмъ имѣю судъ во второе пришествіе предъ самымъ Христомъ. А по сыну моемъ Ильѣ по вся субботы, поютъ два попа съ дьякономъ и весь родъ нашъ поминаютъ».

Въ числѣ многихъ дарохранительницъ въ музеѣ имѣется нѣсколько особо интересныхъ оловянныхъ, двухъ-ярусныхъ, XVII в.; вообще сосу-

---

[1]) Досифей погибъ за нее мученическою смертію, колесованный въ Москвѣ, на Красной площади, 17 марта 1718 года. А. А. Титовъ передаетъ объ этомъ замѣчательномъ архіереѣ слѣдующее преданіе: въ Троицкомъ Варницкомъ Ростовскомъ монастырѣ, въ концѣ XVII вѣка, былъ инокъ Стефанъ; святость жизни его и прозорливость вызывали къ нему благоговѣйное уваженіе земляковъ, которые считали его за святаго. Въ мірѣ это былъ Абрамъ, холопъ боярина Лукіана Лопухина. Абрамъ былъ очень друженъ съ другимъ слугой того же боярина Діомидомъ Глѣбовымъ. По сонному видѣнію Абрамъ предсказалъ Діомиду, что онъ будетъ епископомъ, а затѣмъ его казнятъ, и уговаривалъ его никуда не уходить отъ своего господина. Много лѣтъ спустя послѣ сего—ростовскій епископъ Досифей (бывшій холопъ—Діомидъ Глѣбовъ) 1715 года 29 октября, въ день преподобнаго Авраамія, служа въ Богоявленскомъ монастырѣ, встрѣтилъ Стефана; тотъ узналъ въ епископѣ своего друга и родственника и сталъ уговаривать Досифея отказаться отъ каѳедры и удалиться простымъ монахомъ въ Соловецкій монастырь; но епископъ Досифей не послушалъ его—и менѣе чѣмъ черезъ три года въ страшныхъ истязаніяхъ испустилъ духъ на Красной площади, въ Москвѣ.

довъ церковныхъ нѣсколько, при чемъ имѣются деревянные потиры XVI вѣка, украшенныя древнѣйшею живописью деревянныя чаши; образа—самой разнообразной живописи, нѣкоторые рисованы красками и золотомъ по шелку. Собраніе крестовъ хотя значительно уступаетъ по количеству собранію Тверскаго музея, но и тутъ имѣются рѣдкіе экземпляры, равно литыя иконы, складни и мѣдные кресты; многіе изъ нихъ найдены при раскопкахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Ростовскаго уѣзда. Интересно собраніе церковныхъ, иногда весьма отдаленной старины, мѣдныхъ чашъ (XVI в.), подсвѣчниковъ и лампадъ, съ замѣчательными ажурными украшеніями... Мы, впрочемъ, напрасно будемъ пересчитывать предметы церковныхъ древностей, находящіеся въ Ростовскомъ музеѣ: обстоятельный перечень ихъ выдержалъ уже два изданія въ «Описаніи» хранителя этого музея, свящ. В. Мансветова (Ярославль, 1889 г., изд. 2-е дополненное). Изъ этого описанія видно, что изъ 23-хъ старинныхъ царскихъ вратъ, имѣющихся въ музеѣ, пять принадлежатъ XVII-му, а одни врата даже XVI столѣтія (вышина 2 аршина 9 вершковъ)... Все это какіе превосходные образцы для современныхъ художественныхъ воспроизведеній старины!... Древніе шитые покровы, воздухи, пелены, — которыми обладаетъ музей, восходятъ до XVII, даже до XVI-го вѣка, вышитыя на нихъ священныя изображенія, съ соотвѣтственными надписями, весьма иногда замѣчательны [1]). Что и говорить, изъ тысячелѣтняго бытія Россійскаго государства, какія либо триста лѣтъ не Богъ вѣсть что за старина; за рубежемъ, въ Германіи, зайдите въ любой музей и вамъ десятками покажутъ не только металлическіе или деревянные предметы первыхъ десяти вѣковъ христіанской эры, но въ архивахъ вы увидите грамоты и акты XII, XI, даже X вѣка; въ этомъ я самъ убѣдился въ 1887 году, при посѣщеніи многихъ архивовъ и музеевъ Германіи; но у насъ на Руси, въ этомъ по преимуществу «деревянномъ» царствѣ, гдѣ такъ часто все пылало изъ конца въ конецъ въ ея городахъ, а что не догорѣло, то сокрушено многовѣковымъ невѣжествомъ, приходится и предметы XVII в. считать весьма старинными, а XVI вѣка даже очень и очень старинными.

Собраніе рукописей Ростовскаго музея, не смотря на недавнее его

---

[1]) Особенный интересъ для исторіи представляетъ покровъ, шитый золотомъ по шелковой (палеваго цвѣта) матеріи, съ изображ. Св. Авраамія Ростовскаго. Покровъ этотъ былъ возложенъ на раку преподобнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ IV, послѣ возвращенія имъ изъ Казани, — при построеніи имъ въ монастырѣ соборнаго храма.

основаніе (28-го октября 1883 г.), уже имѣетъ описаніе. Оно вышло въ 1886 г. (оттискъ изъ «Ярославск. Губ. Вѣд.») и представляетъ одинъ изъ множества трудовъ А. А. Титова. Изъ 150 ти (къ 1888 г. церковно-славянскихъ рукописей, принадлежащихъ музею, г. Титовъ обращаетъ вниманіе на Синодики (№№ 9 и 10) одного изъ бывшихъ близъ Ростова монастырей и сельской церкви; въ этихъ синодикахъ вписаны многіе роды ростовскихъ князей и родъ Воронцовыхъ, а также на рукопись № 75, писанную Волковымъ, секретаремъ митрополита Арсенія Мацѣевича, каковой Волковъ умеръ въ глубокой старости въ Ростовѣ и оставилъ много разсказовъ и легендъ въ народѣ о святости и мученичествѣ своего патрона іерарха.

Рукописи описаны заботливо, нерѣдко по листамъ; по времени написанія, онѣ не восходятъ далѣе XVI вѣка, къ каковому относятся: Служебникъ (№ 2), молитвенникъ (№ 11), октоихъ (№ 13), трефологъ (№ 3). Прочія рукописи состоятъ, между прочимъ, изъ списковъ разныхъ сочиненій Дмитрія Ростовскаго,—дневникъ, описаніе путешествія и письма княгини Ирины Урусовой, рожденной Хитрово,—и множество житій святыхъ, «словъ», сборниковъ богослужебныхъ и проч., преимущественно въ спискахъ XVIII вѣка.

Документы, принадлежащіе музею, также уже въ 1886 г. имѣли своего описателя, въ лицѣ ярославскаго молодаго ученаго М. А. Липинскаго. Описаніе это, подобно предъидущему, помѣщено въ «Ярославскихъ Губ. Вѣд.» и такъ-же издано отдѣльнымъ оттискомъ. Въ это описаніе вошло 256 актовъ; но кромѣ 300 свитковъ, въ музеѣ уже было въ 1888 г. до 1,020 актовъ; древнѣйшій изъ описанныхъ относится къ 1578 г. и состоитъ въ копіи съ жалованной грамоты Кириллову-Бѣлозерскому монастырю на рыбныя ловли; послѣдній, по времени, актъ 1795 г.; въ ряду судныхъ актовъ, какъ имѣющіе особенный интересъ, г. Липинскій указываетъ въ описанномъ имъ собраніи на акты губнаго дѣлопроизводства (№№ 21—33), въ виду незначительности количества актовъ этого рода, имѣющихся въ распоряженіи науки. Какъ ни сжато описаніе г. Липинскаго, представляющее нерѣдко лишь простой перечень актовъ, тѣмъ не менѣе оно обстоятельно, вполнѣ облегчая справки и закрѣпляя настоящее собраніе за музеемъ; желательно, чтобы и дальнѣйшія поступленія актовъ въ это собраніе были, время отъ времени, описываемы и непремѣнно таковое описаніе, подобно труду г. Липинскаго, было-бъ издано. Что касается до порядка укладки и храненія актовъ, монетъ, коллекцій крестовъ, серегъ и проч. предметовъ, то мы совѣтовали бы почтеннымъ о. В. Мансветову, А. А. Титову и И. А. Шлякову снестись съ зиждителемъ тверскаго музея А. К. Жизневскимъ,

который, какъ мы уже говорили выше въ нашихъ замѣткахъ [1]), довелъ до совершенства порядокъ устроенія и размѣщенія тѣхъ и другихъ коллекцій, входящихъ въ составъ музея; это, впрочемъ, не значитъ, чтобы въ Ростовѣ эти собранія не были бы приведены въ надлежащій порядокъ, напротивъ, они даже весьма обстоятельно описаны; такъ, напр., описаніе монетъ—исполнено И. А. Шляковымъ вполнѣ хорошо, но въ тверскомъ музеѣ—А. К. Жизневскій примѣнилъ для раскладки монетъ особыя изобрѣтенныя имъ доски; для развѣски крестовъ, серегъ и предметовъ уборовъ замѣчательны особые, также по его мысли устроенные, шкапчики-витрины; для храненія актовъ столбцовъ—опять-таки совершенно особаго вида шкапы, съ гнѣздами, словомъ, въ Твери имѣются въ этомъ отношеніи весьма остроумно придуманныя помѣщенія, которыя мы и рекомендуемъ Ростову Великому и другимъ городамъ, гдѣ только имѣются музеи, перенять, что легко и сдѣлать, списавшись съ Тверью...

Осматривая въ Бѣлой Палатѣ тайнички, въ которыхъ также размѣщены различные предметы древностей, мы нашли въ одномъ изъ нихъ, точно въ кельи вновь заточенную, изображеніе злосчастной царицы Евдокіи Лопухиной. Она изображена инокиней, съ книгой, и подъ портретомъ надпись: «Царица Евдокія Ѳеодоровна, жена первая Петра I». Эта личность, по ея трагической судьбѣ своего сына и своихъ сторонниковъ и друзей, всегда будетъ интересовать историковъ и читателей... Присутствіе нѣсколькихъ живописныхъ портретовъ царицы-инокини въ Ростовскомъ краѣ весьма понятно: въ монастыри этого края направляла царица Авдотья—инокиня Елена—свои паломничества изъ Суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря; здѣсь принимали ее хотя со смертнымъ страхомъ, но съ большимъ сочувствіемъ...

На видномъ мѣстѣ, при самомъ входѣ въ Бѣлую Палату изъ Отдаточной, висятъ портреты достойнѣйшихъ гражданъ города Ростова, Е. И. и В. И. Королевыхъ. Живя, по своимъ торговымъ дѣламъ вдалекѣ отъ родины, въ Томскѣ, эти ростовцы первые откликнулись на дѣло славное въ родномъ городѣ и пожертвовали 4,000 руб. для возобновленія зданія Бѣлой Палаты и около 4,000 руб. на приспособленіе въ Бѣлой Палатѣ музея и книгохранилища, на устройство витринъ и шкафовъ.

---

[1]) «Русская Старина» изд. 1888 г., августъ.

IV.

Узенькимъ переходомъ, со ступеньками, переходимъ мы изъ Палатъ въ бывшіе княжіе терема; сооруженные еще въ XVI в., они въ XVIII вѣкѣ совершенно развалились послѣ пожара 1730 г. Въ 1883 г. покойный В. Д. Левшинъ розыскалъ въ Госуд. банкѣ пожертвованный еще въ 1850-хъ годахъ ростовцами капиталъ на возстановленіе Кремля ихъ города—всего съ процентами до 5,000 руб., и на этотъ капиталъ терема ростовскихъ князей возстановлены во вкусѣ XVI в.: орнаменты на стѣнахъ, печи, стулья, двери, замки, ключи, словомъ, рѣшительно все, до послѣдней мелочи, выполнено по рисункамъ И. А. Шлякова, которые исполнены съ предметовъ тѣхъ вѣковъ, видѣнныхъ имъ въ московскихъ и другихъ музеяхъ. Изъ оконъ теремовъ (въ началѣ XVIII в. здѣсь была греко-латинская школа) можно видѣть подвальный этажъ бывшихъ нѣкогда въ Кремлѣ обширныхъ Красныхъ палатъ. Это также, нѣкогда превосходное, сооруженіе 1670-хъ годовъ митрополита Іоны Сысоевича, у котораго были и средства созидать грандіозныя сооруженія, такъ какъ во власти ростовскихъ владыкъ были вотчины съ 16,000 душъ крестьянъ! Такъ либо иначе, но «Красная Палата» погибла, но не отъ пожара, а отъ вандализма, и притомъ въ недавнее время, въ 1840-хъ годахъ. Зданіе было въ казенномъ вѣдомствѣ, поступило отъ него въ распоряженіе откупщика (желательно бы увѣковѣчить его фамилію), и вотъ онъ продалъ кирпичъ, камень, связи желѣзныя и весь матеріалъ древняго сооруженія, каковой матеріалъ пошелъ на постройку лавокъ желѣзнаго ряда... Разсказъ современника о разрушеніи этого памятника русскаго зодчества сохранился въ записи очевидца, кажется, того-же И. И. Хранилова, о которомъ мы упоминали выше.

«Красная Палата» была также сооружена для пришествія государева, и въ ней пировалъ, по преданію, Петръ Великій, въ бытность его въ Ростовѣ. Палата состояла изъ обширной залы, на высокомъ подвальномъ этажѣ, и покрыта была сводами, красиво сходившимися на одномъ каменномъ посреди столбѣ.

«...На стѣнахъ, сводахъ, простѣнкахъ, откосахъ оконъ и на столпѣ помѣщены, пишетъ въ 1840 г. очевидецъ, разныя изображенія красками изъ церковной исторіи и лики святыхъ, работы аль-фреско. Они такъ были новы, какъ будто недавно вышли изъ-подъ кисти художника,—и изображенія тѣ, сброшенныя сверху вмѣстѣ со стѣнами, разрушенныя отъ паденія въ разныхъ частяхъ, но не потерявшія еще

своихъ значеній, навели на меня вящшее уныніе. Мнѣ пришла мысль, что было время, когда предстоящіе предъ ликами святыхъ, изображенныхъ въ разрушаемой храминѣ, съ благоговѣніемъ взирали на нихъ, знаменовали себя знаменіемъ креста и, быть можетъ, лобзали ихъ съ вѣрою. Что-же нынѣ? Тѣ-же изображенія, тѣ-же лики святыхъ, но сброшенные на землю, и въ какомъ положеніи! Одно лишенное ногъ, другое имѣетъ лишь корпусъ безъ главы, третье, упавъ, встало головою внизъ. Если бы надо было изобразить картину мученичества, оставалось лишь списать: нельзя найти употребленія вѣрнѣе и ближе къ подлиннику. Не могъ я удержаться отъ слезъ...»

Эти слезы обывателя Ростова, простаго гражданина, человѣка на мѣдныя деньги воспитаннаго, слезы надъ развалинами памятниковъ древняго искусства въ своемъ родномъ городѣ — служатъ, поистинѣ, залогомъ любви, горячей любви къ старинѣ; а гдѣ еще бьется сердце этою любовью, тамъ настанетъ время, когда варварство, содѣянное въ Ростовѣ въ 1840 году, на вѣки вѣковъ отойдетъ въ область преданія! И въ Ростовѣ оно уже отошло: горячія слезы добрыхъ и умныхъ гражданъ пали на хорошую почву; въ молодомъ поколѣніи обывателей Ростова явились Булатовы, Шляковы, Титовы, Мансветовы, и вотъ обновилась святая старина и Ростовъ яркою звѣздою возсіялъ предъ русскими людьми своими памятниками древняго отечественнаго зодчества и вообще искусства. И это дѣло уже не заглохнетъ въ немъ. Ручательствомъ въ томъ служитъ то образованіе, какое получаютъ юнѣйшіе изъ согражданъ Ростова...

V.

Пригласилъ меня И. А. Шляковъ на торжество годичнаго акта въ городское приходское училище, въ которомъ онъ состоитъ попечителемъ. Училище производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Просторъ, свѣтъ, всѣ удобства; дѣльные, хорошо подготовленные учитель и 2 учительницы (въ училищѣ три отдѣленія), мальчуганы (до 150 человѣкъ) такіе бойкіе, разумные... Въ голову не придетъ, слушая стройное здѣсь пѣніе древнихъ духовныхъ кантовъ св. Димитрія Ростовскаго, глядя на эти чистенькія личики, на эти свѣтящіеся разумомъ и развитіемъ глаза, что это—дѣти нерѣдко городскихъ бобылей, бѣднѣйшихъ посадскихъ, тяжкимъ трудомъ на огородахъ и въ лачугахъ за станками добывающихъ хлѣбъ насущный [1]). Раздавали подарки; давали

[1]) Жаль, что весьма скудно вознаграждается трудъ наставника. Онъ получаетъ 19 руб. въ мѣсяцъ. На эти деньги только только что не умрешь съ голоду.

ихъ во множествѣ, книжечки, да сборнички картинокъ и преимущественно изъ русской исторіи, дешевенькія, раскрашенныя, но весьма не дурныя народныя московскія изданія. Ай да Москва! видно и впрямь пошолъ спросъ на отечественную исторію, что поставщики съ Никольской улицы стали печатать, повторяю весьма не дурно, цѣлые сборники и альбомы картинокъ и портретовъ изъ области родной исторіи.

Глядя на эту школу, съ увѣренностью можно сказать, что изъ нея не только не выйдутъ невѣжды 1840 года, продавшіе на сломъ Красную Палату, но выйдутъ достойные граждане, которые съ благоговѣніемъ будутъ чтить древности и святыни роднаго города.

Въ этихъ видахъ, между прочимъ, слѣдовало бы учениковъ и ученицъ учебныхъ заведеній города Ростова, время отъ времени, приводить, въ сопровожденіи свѣдущихъ толкователей, въ мѣстный музей древностей и, въ возможно интересномъ изложеніи, знакомить ихъ съ родною стариною, по памятникамъ, здѣсь собраннымъ...

Для возстановленія всѣхъ достопамятностей Ростова работы еще осталось много и гг. Булатову, Титову, Шлякову и друг. остается еще потрудиться и потрудиться [1]). Поддерживайте ихъ, граждане Ростова, въ особенности тѣ, кто трудомъ или удачей нажили изрядныя денежки! Раскинуты вы по всему лицу земли русской; торговля, фабричная, заводская ли промышленность, вообще разные промыслы какіе увлекли васъ вдаль отъ святаго Кремля вашего роднаго города, но по присущей каждому русскому любви къ его родному городу, вспоминая о немъ, жертвуйте на возстановленіе и поддержку его памятниковъ старины. Въ нихъ должна быть ваша личная гордость и слава... Ими восторгаются не одни земляки ваши, но всѣ, кто ихъ видитъ... Такъ, напр., въ декабрѣ 1887 г. сюда пріѣзжалъ изучать памятники старины геніальный русскій художникъ В. В. Верещагинъ и двѣ, три превосходныя картины, навѣянныя ему видомъ Кремля Ростовскаго, уже были, въ апрѣлѣ 1888 г., на выставкѣ его картинъ въ Парижѣ.

---

[1]) Плановъ и предположеній у нихъ много. И. А. Шляковъ показывалъ намъ прекрасные рисунки входа въ Бѣлую Палату, проектъ на возстановленіе древней Всѣхсвятской церкви, упраздненной въ XVIII столѣтіи, и рисунки шкафовъ для книгохранилища и проч. На одномъ изъ рисунковъ г. Шлякова мы прочли одобреніе знаменитаго художника В. В. Верещагина.

VI.

Отмѣтимъ еще одно весьма отрадное явленіе въ Великомъ Ростовѣ. Должно быть вовсе не случайно и, во всякомъ случаѣ, весьма къ мѣсту, епископомъ Угличскимъ нареченъ и хиротонисанъ (29 апрѣля и 1 мая 1888 г.) одинъ изъ самыхъ ученыхъ духовныхъ лицъ изъ всей Россійской іерархіи, именно архимандритъ одного изъ московскихъ монастырей Амфилохій, причемъ мѣстомъ постояннаго пребыванія его назначенъ Ростовъ, а въ немъ Яковлевскій монастырь, гдѣ почіютъ мощи св. Дмитрія Ростовскаго.

Ростовцы приняли іерарха съ величайшимъ восторгомъ; возликовали они уже и потому, что самое нареченіе въ епископы было впервые въ тысячелѣтней исторіи этого города совершено (29 апрѣля 1888 г.) въ стѣнахъ кремля Ростовскаго. Амфилохію, отличному знатоку древне-греческаго, древне-славянскаго и латинскаго языковъ, принадлежатъ сотни рефератовъ и сообщеній, помѣщенныхъ въ изданіяхъ ученыхъ обществъ, трудовъ въ области церковной археологіи и исторіи, и многотомныя изданія по древнѣйшимъ греческимъ богослужебнымъ книгамъ. Притомъ, и по личнымъ качествамъ этотъ епископъ человѣкъ весьма симпатичный, 70-ти лѣтній, бодрый, живой, привѣтливый, исполненный отзывчивости на все доброе, не стѣсняющійся и писать, и говорить отъ сердца съ полною искренностью, епископъ Амфилохій быстро пріобрѣлъ расположеніе ростовцевъ [1]). Мы посѣтили его преосвященство въ его келіяхъ, въ Яковлевскомъ монастырѣ [2]); обстановка его покоевъ самая монашеская, простота—дохо-

---

[1]) Преосвященный Амфилохій (Казанцевъ)—сынъ причетника Калуж. губерніи, род. въ 1818 г. Питомецъ московской духовной академіи (1845 г.) онъ былъ архимандритомъ въ трехъ послѣдовательно монастыряхъ. За ученое изслѣдованіе пандекта Антіоха XI вѣка награжденъ, въ 1863 г., Демидовской преміей и избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ. Въ 1883 г. получена имъ полная Ломоносовская премія за изданіе Галичскаго евангелія (въ 4 томахъ), писаннаго въ 1044 году и провѣреннаго о. Амфилохіемъ съ 50 древнѣйшими списками, въ томъ числѣ и съ новымъ завѣтомъ, писаннымъ рукою св. Алексія, митрополита московскаго. За ученое описаніе рукописей новоіерусалимской библіотеки—получена имъ Уваровская премія; эта премія была имъ получена и за другой трудъ—(кандаларь XII вѣка) и проч. и проч.

[2]) Ризница этого монастыря находится надъ сводомъ главной церкви въ обители и заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ предметовъ, напр. почетный дипломъ, поднесенный Св. Дмитрію отъ Кіевской академіи въ 1705 г. напечатанный черною краскою на холстѣ. Здѣсь-же, кажется, я видѣлъ часы-луковицу, принадлежавшіе отцу генералиссимуса Суворова; здѣсь же множество вкладовъ графини Анны Алексѣевны Орловой.

дящая до бѣдности; все украшеніе состоитъ въ живописныхъ портретахъ: со стѣнъ глядатъ лики іерарховъ стараго Ростова и глядятъ они на книги и рукописи, заполонившія столы келій ихъ преемника-труженика въ области отечественной науки, церковной археологіи...

Застали мы его преосвященство за новыми розысканіями о трудахъ св. Дмитрія Ростовскаго по рукописямъ этого же Яковлевскаго монастыря; надо было видѣть съ какимъ восторгомъ, обычною ему скороговоркою, повѣствовалъ его преосвященство объ открытіи имъ того факта, что житіе св. Гурія (трудъ митрополита казанскаго Гермогена, впослѣдствіи патріарха) несомнѣнно правлено св. Дмитріемъ Ростовскимъ [1]).

— «Вотъ, говорилъ еп. Амфилохій, указывая рукопись, собственноручныя поправки Димитрія! Самъ чудотворецъ впослѣдствіи, а здѣсь исправлялъ сказаніе о чудесахъ св. Гурія».

Да, ростовцамъ посчастливилось! И епископъ-то достался имъ ученый археологъ, большой знатокъ старины и родной исторіи.

Выйдемте, однако, изъ келій и музеевъ: поклонимся мощамъ св. Димитрія († 1709 г.), воистину святаго подвижника православной церкви въ эпоху великаго Петра, и пройдемся по валамъ и улицамъ Великаго Ростова.

VII.

Городъ очень чистенькій; его валы, обтянутые дерномъ, правильными бастіонами разбиты; на его обширныхъ полянахъ, въ послѣднія два съ половиной столѣтія, ежегодно собирается громадный съѣздъ торговцевъ на знаменитую нѣкогда ярмарку, причемъ обороты (нынѣ значительно упавшіе) доходили до 10 милліоновъ рублей. Городъ имѣетъ до 28 хорошо содержимыхъ храмовъ, хорошенькій городской садикъ, водопроводъ, проведенный верстъ за девять,—это даръ городу его почтеннаго гражданина, брата головы Кекина [2]),—все это дѣлаетъ Ростовъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ городовъ Россіи.

---

[1]) Преосвященный Амфилохій сообщилъ намъ оттиски вновь открытыхъ имъ писемъ Димитрія Ростовскаго, отпечатанныхъ въ «Московск. Церковн. Вѣдомостяхъ» 1888 г., а въ октябрѣ 1888 г. выслалъ намъ въ «Русскую Старину» не изданное еще, имъ открытое въ рукописной книгѣ Яковлевскаго монастыря, слово святителя Димитрія Ростовскаго, сказанное 15 августа на праздникъ успенія пресвятыя Богородицы.

[2]) Бочка воды прежде стоила въ Ростовѣ 1½ руб., теперь ее привозятъ отъ водопровода за 5 и 3 копѣйки. На счетъ г. Кекина реставрирована часть развалившейся стѣны, примыкавшей къ княжимъ теремамъ, и возстановлена упавшая башня. Въ этой башнѣ устроена городская читальня.

Оставляя Ростовъ Великій, мы препорядочно нагрузили нашъ дорожный сундукъ печатными трудами мѣстныхъ археологовъ и историковъ; все это большею частью тисненія ярославскихъ типографій, изданія чистенькія, на хорошей бумагѣ, нерѣдко украшенныя порядочными виньетками и политипажами. Назову нѣкоторыя изъ этихъ брошюръ, отнюдь не претендуя на полноту нашего перечня, такъ какъ мы заносимъ въ него лишь то, что у насъ подъ рукой:

I. Протоколъ торжественнаго собранія 28 окт. 1884 г. въ г. Ростовѣ Великомъ. Ярославль, 1888 г., въ 8 д., стр. 62.

Собраніе было по случаю освѣщенія церкви древняго Григорьевскаго монастыря-затвора и открытія возстановленныхъ «Княжихъ Теремовъ».

II. Отчетъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей за 1885—1887 годы. Составленъ секретаремъ музея А. А. Титовымъ, Ярославль, 1888, въ 8 д., стр. 24, съ 2-мя рисунками возстановленной части Кремлевской стѣны и виньеткой. Изъ этого отчета, между прочимъ, видно, что въ 1886 г. музей церковныхъ древностей былъ осчастливленъ вниманіемъ Наслѣдника Цесаревича. Его высочество соизволилъ пожаловать въ пособіе музею изъ собственныхъ суммъ—1.000 руб. Всего съ этими деньгами неприкосновеннаго капитала музей къ 1888 г. имѣлъ 2,400 руб. [1]. Членовъ общества при музеѣ состояло къ 1889 г. до 200 лицъ. Отчетъ интересенъ, между прочимъ, по перечисленію въ немъ множества пожертвованій русскихъ людей въ его сокровищницу — разныхъ предметовъ старины. Это явленіе въ высшей степени пріятное и служитъ новымъ свидѣтельствомъ—какъ у насъ откликаются къ поддержкѣ каждаго подобнаго учрежденія, разумно поставленнаго. Дай только Богъ, чтобы оно не перешло въ вѣдѣніе одного какого либо сословія или вѣдомства, но чтобы Ростовскій музей—былъ въ вѣдѣніи лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества, преимущественно близко бы стоялъ къ земскимъ и городскимъ мѣстнымъ учрежденіямъ, живой непосредственный интересъ которыхъ поддерживать таковое учрежденіе, какъ составляющее гордость и славу роднаго города.

III. Ростовскій Кремль и новѣйшія реставраціи его. Статья А. А. Титова. Оттискъ изъ «Вѣстника Литературнаго», Москва, 1885 г., стр. 25.

IV. Знаменательные для Ростова дни 29-го апрѣля и 1-го мая 1888 года. Оттискъ изъ «Яросл. Губ. Вѣд.», въ 8 д., стр. 16.

Въ брошюрѣ подробно описано нареченіе архимандрита московскаго Данилова монастыря Амфилохія во епископа угличскаго, викарія ярославской епархіи. Нареченіе совершено московскимъ митрополитомъ Іоанникіемъ—въ Бѣлой Палатѣ ростовск. Кремля, совмѣстно съ архіепископомъ ярославскимъ Іонафаномъ. Хиротонія епископа Амфилохія совершена 1-го мая, въ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ.

V. Изъ Ростова Великаго. Нареченіе и хиротонія архимандрита Амфилохія во епископы угличскаго, викарія ярославской епархіи. Брошюра въ 2 столбца, 8 д., 7 стр.

---

[1]) Въ концѣ 1888 г. Ростовскому музею пожертвованъ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, большой капиталъ. На эти средства возстановлены своды и подвальные этажи древнѣйшаго въ рост. кремлѣ храма Іоанна Богослова (бывшаго Іоанновскаго монастыря).

VI. Путеводитель по ростовскому музею церковныхъ древностей. Состав. Ѳедоръ Аф. Бычковъ. Изд. Ив. А. Вахрамѣевъ. Ярославль, 1886, въ 8 д., стр. 25+27, съ двумя политипажами.

Обстоятельное, хотя и сжатое обозрѣніе; въ приложеніи весьма интересна замѣтка о ростовскихъ колоколахъ и звонахъ и описаніе 10-ти камертоновъ знатока музыкальной акустики города Ростова, о. протоіерея Аристарха Израилева, пожертвованныхъ имъ въ ростовскій музей церковныхъ древностей.

Въ виду того, что въ послѣдніе три года коллекціи музея весьма увеличились, желательно, дабы Ѳ. А. Бычковъ дополнилъ, а И. А. Вахрамѣевъ издалъ «Путеводитель» вторымъ тисненіемъ.

VII. Описаніе церковной утвари и предметовъ богослужебныхъ, а также и царскихъ вратъ, хранящихся въ музеѣ. Состав. хранитель музея, свящ. В. Мансветовъ. Изданіе второе. Ярославль, 1889 г., въ 8 д., стр. 53.

VIII. Описаніе рукописей ростовскаго музея церковныхъ древностей. Сост. А. А. Титовъ. Ярославль, 1886 г., въ 8 д., стр. 92+3.

IX. Описаніе собранія документовъ, принадлежащихъ музею. Составилъ М. А. Липинскій. Ярославль, 1886 г., въ 8 д., стр. 28.

X. Ростовскій Кремль и возстановленіе его зданій. Графа М. В. Толстаго. Москва, 1887 г., въ 4 д., стр. 11, съ политипажами. Оттискъ изъ журнала «Воскресный День».

Примѣч. Графу М. В. Толстому принадлежитъ весьма полное, давно уже отпечатанное, едва ли не въ двухъ изданіяхъ, описаніе святынь и древностей Ростова-Великаго, задолго до возстановленія въ немъ Кремля и до учрежденія въ немъ музея.

XI. Ростовъ Великій. Древніе памятники и историческія святыни. А. А. Титова. Москва, 1888 г. Изд. г. Шибанова, въ м. 8 д., стр. 76. Цѣна 15 к.

Очень хорошо, весьма полно и съ большимъ знаніемъ составленный обзоръ исторіи и достопамятностей Ростова.

XII. Ростовскіе владѣтельные князья. А. В. Экземплярскаго. Ярославль, 1888 г., въ 8 д., стр. 65.

Дѣльная монографія, основанная на лѣтописяхъ и актахъ.

XIII. Кекинскій лѣтописецъ. А. А. Титова. Ярославль, 1887 г., въ 8 д. Это дневникъ не безъинтересный ростовскаго гражданина, Михаила Алексѣев. Кекина, веденный съ 1838 года.

XIV. Путевыя замѣтки о памятникахъ древнерусскаго церковнаго зодчества. Ив. Ал. Шлякова. Ярославль, 1887 г., въ б. 8. д., стр. 43, съ 7-ю большими рисунками и планами древнихъ церквей, исполненныхъ авторомъ.

Очень дѣльная брошюра, съ большимъ знаніемъ древняго русскаго церковнаго зодчества, иконописи и рукописныхъ памятниковъ составленная. Въ нее вошли статьи: Спасская ружная церковь, что на площади въ г. Ростовѣ. Древняя деревянная церковь въ селѣ Марковѣ, Ростовскаго уѣзда. Воскресенская на Дебрѣ церковь въ городѣ Костромѣ и Борисоглѣбскій, что на Устьѣ, монастырь Ростовскаго уѣзда.

Рисунки весьма хороши, нѣкоторые отпечатаны красками,—весь трудъ исполненъ заботливо, съ видимою любовью къ дѣлу.

XV. Статья Ив. Богословскаго: «Послѣднія событія изъ земной жизни Господа Іисуса Христа, по изображенію художественныхъ памятниковъ, хранящихся въ ростовскомъ музеѣ церковн. древностей». Москва, 1887 г.

XVI. Ростовскій уѣздъ и городъ Ростовъ. Москва, 1859 г., въ м. 8 д., 70 стр., И. И. Хранилова. Для своего времени очеркъ не дурной; здѣсь интересны замѣтки о нравахъ обывателей Ростова.

XVII. Св. Леонтій, епископъ ростовскій. Листокъ въ 4 стр., изданъ отъ Совѣта братства св. Димитрія Ростовскаго.

XVIII. О поученіи св. Леонтія, епископа ростовскаго, къ попамъ. Сообщеніе арх. Амфилохія (Оттискъ изъ «Моск. Епарх. Вѣд.» 1888 г.).

XIX. О обновленіи храмовъ ростовскихъ и раскопкахъ въ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ («Яросл. Епарх. Вѣд.», ноября 5-го, 1884 г.).

Комитетъ, стоящій во главѣ управленія музея церковныхъ древностей въ Ростовѣ, съ любовью и энергіею къ ввѣренному его заботамъ хранилищу древностей и святынь, распространяетъ печатныя сказанія о житіяхъ и дѣяніяхъ святителей ростовскихъ, печатаетъ много статей и замѣтокъ въ «Яросл. Губернск. и Епархіальн. вѣд.» и отдѣльными оттисками о достопамятностяхъ Ростова, распространяетъ въ обществѣ фотографическіе снимки, малые и большіе, съ древнихъ зданій и храмовъ ихъ города, въ томъ видѣ, какъ они были до возобновленія и какими явились послѣ реставраціи, а также исполняетъ фотографическіе снимки съ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ, собранныхъ въ Бѣлую Палату и княжіе терема. Все это продолжается не годъ, не два, а уже болѣе пяти лѣтъ, такъ что съ увѣренностью можно сказать, что этимъ господамъ невѣдомо общее свойство русскихъ людей горячо за все доброе приниматься и скоро остывать къ нему.

VIII.

Въ послѣдній день пребыванія въ Ростовѣ я встрѣтилъ, въ Кремлѣ, осматривающимъ его достопамятности, А. Н. Тар—ча, студента Технологическаго института. Молодой человѣкъ, третій уже годъ сряду, каждое лѣто дѣлаетъ экскурсіи по Россіи, при чемъ обозрѣваетъ все достойное обозрѣнія. Вотъ примѣръ, заслуживающій подражанія для нашей молодежи. Сколько мы видимъ въ высшихъ классахъ и курсахъ петербургскихъ учебныхъ заведеній (напр., въ лицеѣ, училищахъ правовѣдѣнія и коммерческихъ, въ университетѣ) людей достаточныхъ, которымъ ничего бы не стоило дѣлать, за счетъ своихъ родителей, поѣздки по Россіи въ вакаціонное время; но они предпочитаютъ нерѣдко, оставаясь въ Петербургѣ, тереться въ толпѣ праздныхъ посѣтителей Аркадіи, Ливадіи, толочься на площадкѣ вокзала въ Павловскѣ, и, короче сказать, безъ пищи для ума и безъ отдыха для тѣла, убивать вакаціонное свободное

время. Было бы весьма хорошо и наставникамъ, и родителямъ отправлять своихъ юныхъ птенцовъ (отъ 16 и выше лѣтъ) дѣлать самостоятельныя экскурсіи по своему отечеству. Какъ бы пригодились эти прогулки для расширенія умственнаго кругозора и развитія знаній юношей.

IX.

Переходя далѣе къ нашимъ замѣткамъ о другихъ городахъ, сообщимъ еще нѣсколько словъ о позднѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ Ростовскаго музея—ко времени печатапія этихъ замѣтокъ, т. е. къ августу мѣсяцу 1889 года. По свѣдѣніямъ, къ этому времени нами собраннымъ, въ музей поступило много новыхъ приношеній. Въ особенности много поступило предметовъ церковной старины изъ Костромской епархіи, преимущественно изъ города Макарьева, по распоряженію, нынѣ уже покойнаго, епископа костромскаго и галичскаго Александра. Куплены на средства музея рѣзные изъ дерева кресты и иконы, поступившіе къ продавцу изъ скитовъ сѣверной Россіи; принесены въ даръ музею, между прочими предметами: коллекція превосходнѣйшаго греческаго письма иконъ — даръ епископа угличскаго Амфилохія, который подарилъ также всѣ свои многочисленныя изданія (въ бархатныхъ переплетахъ) и бóльшую часть своей обширной библіотеки. Собраніе актовъ увеличилось приношеніями граматъ изъ собранія И. А. Вахрамѣева. Д. А. Булатовъ, братья Кекины, А. А. Титовъ, И. А. Шляковъ и друг. также продолжаютъ обогащать музей новыми приношеніями: живописныхъ портретовъ историческихъ лицъ, коллекцій монетъ, головныхъ старинныхъ женскихъ уборовъ и предметовъ быта XVII и XVIII вѣковъ; эти послѣдніе поступаютъ въ особый отдѣлъ музея, въ княжескія палаты. Жаль только, что въ перечнѣ предметовъ, поступившихъ въ Ростовскій музей церковныхъ древностей—за минувшій, со времени бытности нашей въ Ростовѣ, годъ, мы не находимъ уже предметовъ церковной старины изъ Ярославской епархіи. Между тѣмъ, какъ мы слышали, въ этой губерніи, у торговцевъ разнымъ старьемъ, зачастую еще попадаются старинныя мѣдныя лампады (кандилы), металлическіе вѣнцы XVII вѣка, съ оригинальными орнаментами и т. п. Было бы лучше, еслибы эти предметы прямо попадали въ музей, безъ посредства торгашей. А въ церковныхъ чуланахъ и ризницахъ Ярославской епархіи еще много такихъ «не нужныхъ» предметовъ.

М. И. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КРАЕВСКІЙ.

Родился 6 февраля 1810 г., † 8 августа 1889 г.

Сошелъ въ могилу человѣкъ, составившій себѣ обширную извѣстность дѣятеля, глубоко, искренно преданнаго самымъ живымъ интересамъ образованнаго русскаго общества, каковые интересы онъ оживлялъ и поддерживалъ своими изданіями и непосредственнымъ своимъ служеніемъ отечеству.

А. А. Краевскій родился въ Москвѣ, 6 февраля 1810 г.; пятнадцати лѣтъ поступилъ онъ тамъ же въ университетъ, окончилъ въ немъ курсъ кандидатомъ и уже въ 1828 году, т. е. 18 лѣтъ отъ роду, выступилъ на литературное поприще въ „Московскомъ Вѣстникѣ", издававшемся М. П. Погодинымъ.

Съ 1831 года Андрей Александровичъ переселяется въ С.-Петербургъ. Здѣсь въ литературныхъ и педагогическихъ кружкахъ скоро замѣтили его умъ, трудолюбіе и добросовѣстное отношеніе ко всему, за что онъ принимался. Андрей Александровичъ сблизился съ В. А. Жуковскимъ. П. А. Плетневымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и А. С. Пушкинымъ, и послѣдній настолько полюбилъ его, что ввѣрилъ ему, въ первый же годъ изданія своего журнала „Современникъ", непосредственный трудъ по составленію книгъ этого литературнаго сборника.

— „Бывало Александръ Сергѣевичъ уѣдетъ изъ Петербурга, разсказывалъ намъ Плетневъ и подтверждалъ покойный Краевскій,—срокъ выпуска книги подходитъ и поэтъ шлетъ пору-

ченіе составить ее. Краевскій отправляется къ Пушкину въ кабинетъ и выбираетъ изъ поступившихъ къ нему рукописей что получше и поинтереснѣе, при этомъ пишетъ и къ самому поэту и требуетъ отъ него собственныхъ его вкладовъ въ журналъ".

На извѣстныхъ въ свое время литературныхъ вечерахъ В. А. Жуковскаго, въ плеядѣ блестящихъ представителей того времени русской словесности, А. А. былъ принимаемъ весьма радушно. Извѣстна тѣсная дружба, соединившая его потомъ съ геніальнымъ М. Ю. Лермонтовымъ.

Съ 1834 г. по 1837 г. А. А. былъ помощникомъ редактора „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія". Въ 1838 году онъ дѣлается собственникомъ и издателемъ газеты: „Литературныхъ Прибавленій" къ „Русскому Инвалиду". Съ января 1839 г. появляются подъ его редакціею „Отечественныя Записки", быстро занявшія первенствующее положеніе въ тогдашней русской литературѣ. На страницахъ этого журнала, на ряду съ блестящими критическими статьями и историко-литературными монографіями В. Г. Бѣлинскаго, имѣвшими громадное вліяніе на развитіе всего русскаго общества, печатались труды лучшихъ русскихъ писателей того времени, во всѣхъ родахъ словесности и науки. На страницахъ этого же журнала появились дивныя произведенія друга Краевскаго—М. Ю. Лермонтова. Въ 1843—1848 гг. А. А. редактировалъ „Русскій Инвалидъ"; съ 1852 г. по 1862 годъ включительно мы видимъ А. А. соредакторомъ (вмѣстѣ съ Очкинымъ) „Петербургскихъ Вѣдомостей", каковую газету онъ съумѣлъ сдѣлать весьма распространенною; успѣхъ ея положилъ основаніе и къ его собственному матеріальному благосостоянію. Съ 1863 года, Краевскій основалъ свою собственную газету „Голосъ", которую и продолжалъ до самаго ея прекращенія въ февралѣ 1883 г. Газета эта, умѣренно либеральнаго направленія, привлекла, въ лучшіе годы ея существованія, множество самыхъ даровитыхъ сотрудниковъ. Тутъ были люди всѣхъ профессій, были и самые видные государственные дѣятели, и все это горячо сочувствовало реформамъ незабвеннаго Царя-Освободителя. Будущій историкъ найдетъ въ „Голосѣ" драгоцѣнный матеріалъ для изложенія событій внутренней жизни нашего отечества за время послѣднихъ семнадцати лѣтъ царствованія

Александра II; не было ни одной правительственной въ ту эпоху мѣры, ни одного проявленія общественной самодѣятельности, ни одного мало-мальски заслуживающаго вниманія событія въ Россіи, которыя не находили бъ себѣ не только откликъ, но и всестороннее обсужденіе на столбцахъ „Голоса". Надо замѣтить, что А. А. Краевскій отличался замѣчательною способностью привлекать къ себѣ наиболѣе даровитыхъ сотрудниковъ и лично вести и давать жизнь редактируемому имъ органу. Закаленный житейскимъ опытомъ, онъ съ замѣчательною твердостью выносилъ всѣ невзгоды, какія выпадали на него и руководимое имъ дѣло, не говоря уже о нападкахъ литературныхъ собратій, каковыхъ вынесъ онъ на своемъ вѣку едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ литературные русскіе дѣятели за все текущее столѣтіе. А между тѣмъ, кто особенно долженъ былъ быть ему признателенъ, такъ это мы всѣ—работники пера.... Андрей Александровичъ—первый, который создалъ независимые и вполнѣ вліятельные учено-литературный („Отечественныя Записки") и политическій органы („Голосъ"); онъ первый, который въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, давалъ множеству лицъ хорошій литературный заработокъ. Онъ безусловно первый по времени, который отличался замѣчательною, истинно образцовою, добросовѣстностью и акуратностью въ отношеніяхъ къ своимъ многочисленнымъ сотрудникамъ... А сколькимъ изъ нихъ, или ихъ семействамъ, онъ оказалъ въ тяжкіе дни горькой нужды — самую существенную поддержку!... И эти добросовѣстность и акуратность Краевскаго вошли почти въ пословицу и, во всякомъ случаѣ, были всегда примѣромъ для двухъ—трехъ поколѣній русскихъ редакторовъ и издателей [1]).

То-же трудолюбіе, ту-же добросовѣстность въ выполненіи принимаемыхъ на себя обязанностей, ту-же умѣлую сдержанность, тотъ-же тактъ и ту-же глубоко-искреннюю любовь къ просвѣ-

---

[1]) Съ полною признательностью къ памяти А. А. Краевскаго должно сказать, что онъ былъ однимъ изъ основателей «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» (1859 г.), членомъ комитета котораго состоялъ многіе годы; равнымъ образомъ «Общества поощренія художествъ», «Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ», «Прибалтійскаго братства», «Общества пособія учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ» и другихъ. Во всѣ эти общества онъ внесъ много матеріальныхъ пожертвованій, личныхъ трудовъ и заботъ объ ихъ преуспѣяніи.

щенію, каковыя отличали его съ самаго начала литературно-издательской дѣятельности, внесъ Андрей Александровичъ въ свои труды на службѣ по общественному управленію столицы... Еще въ 1860-хъ годахъ былъ онъ избранъ гласнымъ С.-Петербургской городской Думы. Здѣсь особенно привлекъ его вниманіе и заботы вопросъ о народномъ образованіи. Во всѣхъ комиссіяхъ городскаго управленія, обсуждавшихъ все, что относилось до этого вопроса въ 1860—1870 годахъ, былъ онъ непремѣннымъ участникомъ.

Наконецъ, въ 1877 году, городскія училища въ С.-Петербургѣ переданы изъ министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе Думы. Осуществилась любимая мечта А. А. Краевскаго и онъ всей душой предался заботамъ объ излюбленномъ дѣлѣ.

Въ іюлѣ того года возникла изъ гласныхъ петербургской думы особая исполнительная комиссія (изъ семи членовъ) для завѣдыванія училищами и организаціи всего этого дѣла... Пишущій эти строки имѣлъ честь войдти, вмѣстѣ съ А. А. Краевскимъ, тогда же въ составъ этой комиссіи и былъ почти непрерывнымъ свидѣтелемъ неусыпныхъ заботъ Андрея Александровича и того глубокаго сочувствія, каковое онъ вносилъ въ это святое дѣло... Съ 1879 г., послѣ внезапной кончины перваго предсѣдателя комиссіи Ѳ. Ѳ. Эвальда, А. А. Краевскій былъ избранъ Думою на его мѣсто, и съ тѣхъ поръ онъ оставался предсѣдателемъ комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ до послѣдняго дня своей жизни.

Со слезами на глазахъ вспоминаемъ мы въ эту минуту— этого всегда искренно уважаемаго нами маститаго старца, который всю душу полагалъ на служеніе дѣлу народнаго образованія и величайшій успѣхъ вѣнчалъ его усилія и заботы...

16 ничтожныхъ школокъ, въ 1877 г. съ 300 учащимися, преобразились, въ теченіе 12 лѣтъ, въ 256 училищъ, почти съ 13,000 учащимися обоего пола... При этомъ надо было организовать все сложное хозяйство этой обширной части съ полумилліоннымъ бюджетомъ въ общей смѣтѣ городскаго управленія. Конечно, А. А. имѣлъ и въ этомъ дѣлѣ сотрудниковъ; число ихъ изъ семи (въ 1877 г.) возросло до двадцати двухъ (въ 1889 г.) членовъ комиссіи, имъ предсѣдательствуемой; тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ признаетъ, что организаторскимъ способностямъ А. А. Краевскаго, его такту, выдержанности, настойчивости, его

поразительной добросовѣстности и трудолюбію, а всего главнѣе, его искренней преданности дѣлу народнаго образованія городское училищное дѣло въ С.-Петербургѣ весьма много обязано своимъ поистинѣ блестящимъ развитіемъ и превосходнымъ современнымъ положеніемъ...

Самое присутствіе А. А. во главѣ комиссіи, человѣка, вызывавшаго полное довѣріе, вызывало сочувственное отношеніе къ дѣятельности этого учрежденія со стороны городской думы.

И какимъ великимъ утѣшеніемъ служилъ трудъ по народному образованію этому маститому старцу, во всѣхъ величайшихъ невзгодахъ, выпавшихъ на его долю: было у него два сына, Александръ и Евгеній, прекрасно образованные, любимые всѣми, кто ихъ зналъ, и они, одинъ за другимъ, въ мужествѣ лѣтъ—сошли въ могилу въ 1882-мъ и въ 1883-мъ годахъ [1]).

Было у него созданіе его многолѣтней литературной и публицистической дѣятельности—газета, имъ основанная и имъ руководимая—«Голосъ», къ которому прислушивались не только десятки тысячъ его читателей въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами, и вотъ 13-го февраля 1883 года газета прекращена.

Но эти удары не сокрушили старца: онъ спѣшилъ въ комиссію по народному образованію и въ заботахъ истинно отеческихъ о тысячахъ учащихся и сотняхъ учащихъ искалъ и находилъ онъ себѣ утѣшеніе...

Миръ твоему праху, старѣйшій русскій журналистъ и общественный дѣятель! Ты сослужилъ добрую, плодотворную службу отечеству и имѣлъ великую усладу въ послѣдніе годы своей жизни видѣть блестящій разцвѣтъ самаго дорогаго для тебя дѣла народнаго образованія.

М. И. Семевскій.

Гапсаль.
12 августа 1889 года.

Примѣчанія: I. Приводимъ изъ нашего «Альбома: Знакомые» автобіографическую, собственноручную замѣтку А. А. Краевскаго:

— «Я родился въ Москвѣ, 6 февраля 1810 года, и живу до сихъ поръ. Вотъ все, что могу самъ сказать о себѣ. Что касается моей біографіи,

---

[1]) Старшій сынъ служилъ дѣлопроизводителемъ въ государственной канцеляріи, въ чинѣ д. ст. сов.; былъ женатъ на прекрасной, весьма образованной особѣ; — второй, кандидатъ университета, бойкій, остроумный и даровитый, былъ помощникомъ отца въ составѣ редакціи «Голоса».

такъ сказать внѣшней, то она напечатана во многихъ русскихъ и иностранныхъ словаряхъ, равно какъ и въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, даже съ портретами; внутренняя же моя біографія заключается въ тѣхъ милліонахъ листахъ, которые я написалъ или проредактировалъ и издалъ въ теченіи своей пятидесяти-лѣтней литературной дѣятельности: въ «Московскомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Прибавленіяхъ Литературныхъ» къ «Русскому Инвалиду», «Литературной Газетѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и проч.

Андрей Краевскій.

2-го марта 1882 г. Альбомъ «Знакомые», стр. 143.

II. Въ газетахъ появились довольно обстоятельные некрологи А. А. Краевскаго. Отмѣтимъ здѣсь «Новости» 1889 г. № 217, августа 9-го; «Новое время» 9 авг. 1889 г. № 4829; «Herold» 10 авг. 1889 г. Ред. «Русской Старины» озоботится дать своимъ читателямъ портретъ А. А. Краевскаго, въ гравюрѣ на мѣди, и надѣется еще возвратиться къ этой истинно почтенной личности.

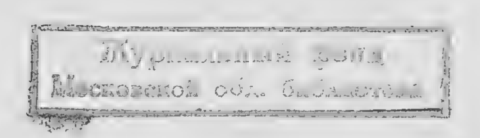
Ред.

Къ замѣткамъ о Троицкой Лаврѣ.

[«Русская Старина», изд. 1889 г., май].

Насъ просятъ сдѣлать поправку о томъ, что профессоръ Н. И. Суботинъ живетъ на посадѣ не въ собственномъ домѣ, какъ сказано въ нашихъ замѣткахъ, а въ домѣ, принадлежащемъ духовной академіи или Лаврѣ. Исправляемъ нашу обмолвку; въ ней какъ бы сказалось пожеланіе, дабы достойный профессоръ, болѣе четверти вѣка трудящійся перомъ и словомъ и сослужившій большую службу отечеству, жилъ бы, хотя подъ старость лѣтъ, подъ собственною кровлею.

Ред.

ЛЕОНИДЪ ЛЬВОВИЧЪ ЛЕОНИДОВЪ

род. 18-го апрѣля 1821 г., умеръ 5-го августа 1889 г.

Въ лицѣ скончавшагося нынѣ бывшаго артиста императорскихъ театровъ Леонида Львовича Леонидова — русская сцена потеряла послѣдняго ветерана наилучшаго, самаго блестящаго ея періода.

Петербургское общество еще недавно, 2-го марта 1888 г., присутствовало на юбилейномъ спектаклѣ маститаго артиста, вполнѣ по заслугамъ его чествовало и ничто не предвѣщало намъ, что пройдетъ съ небольшимъ годъ и бодрый, веселый, остроумный старикъ-артистъ сойдетъ въ могилу.

На страницахъ „Русской Старины" (изд. 1888 г., томъ LVIII, стр. 217—272) напечатана полная біографія Л. Л. Леонидова и указаны его заслуги въ исторіи русскаго театра. Выйдя изъ Театральнаго училища въ 1839 г., Леонидъ Львовичъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ выполнялъ (съ 1843 по 1854 г.) многія роли въ трагедіяхъ и историческихъ драмахъ на московской сценѣ, раздѣляя эти роли съ славнымъ Мочаловымъ. Въ 1854 г. Леонидовъ перешелъ на петербургскую сцену и здѣсь былъ умнымъ и талантливымъ артистомъ въ плеядѣ превосходнѣйшихъ русскихъ артистовъ, каковые когда либо были на этой сценѣ, таковы: Сосницкій, Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ, Григорьевъ, Каратыгинъ и друг. Когда эти артисты, его друзья и товарищи по искуству, сошли одинъ за другимъ въ могилу, Л. Л. Леонидовъ сдѣлался старѣйшимъ

и наиболѣе уважаемымъ товарищемъ новаго поколѣнія, въ рядахъ котораго мы видимъ нѣсколько несомнѣнныхъ дарованій.

Личный характеръ благороднаго, искренняго и добраго Леонида Львовича вызывалъ чувства общія къ нему любви, пріязни и глубокаго уваженія.

Театръ онъ любилъ горячо; совершенно чуждый зависти, онъ всегда съ удовольствіемъ отдавалъ каждому должное; злорѣчія и интриги онъ во всю свою жизнь не зналъ, любилъ добродушную шутку и охотно излагалъ ее въ своеобразныхъ стихотвореніяхъ, эпиграммахъ и посланіяхъ. Воспоминанія его о театрѣ интересны, и „Русская Старина“ съ большимъ удовольствіемъ сообщила и сообщитъ еще отрывки изъ разсказовъ этого ветерана нашей сцены....

Въ настоящее время приведемъ нѣсколько шутокъ-стихотвореній Леонида Львовича изъ изданныхъ и неизданныхъ томовъ альбома редактора „Русской Старины“—„Знакомые“:

1.

Въ Альбомъ.

Прощаясь съ публикою и сценою родною,
Мнѣ память дорога излюбленныхъ ролей:
Не сѣтуйте на то, что съ русской стариною
Я къ вамъ являюсь вновь—въ прощальный юбилей.
Я съ доброй стариной судьбу полвѣковую
Въ театрѣ раздѣлялъ съ любовью и трудомъ,
И нынѣ праздную въ немъ свадьбу золотую
И всѣмъ почтившимъ пиръ—бью низменно челомъ!

Юбиляръ Леонидовъ.

1888 г., марта 2-го, на сценѣ Александринскаго театра.

2.

Я, русской сцены ветеранъ,
Классическимъ удѣломъ,
Послѣдній я изъ могиканъ,
Съ трагическимъ отдѣломъ.

3.

Многоуважаемому М. И. Семевскому.

Разстался я съ кулиснымъ свѣтомъ,
Замолкъ мой театральный шумъ,
Живу въ тиши, анахоретомъ,
Безъ Музъ—печаленъ и угрюмъ.
Изъ драматичнаго героя,
Съ афишнымъ первенствомъ лица,
Вникъ, средь домашняго покоя,
Въ роль благороднаго отца.
На амплуа второмъ—семейномъ,
Въ нуждѣ житейской суеты,
Исчезли съ пиромъ юбилейнымъ
Тщеславья лавры и цвѣты...
Все разлучилося со мною,
Нѣтъ прежнихъ пѣсенъ и ролей, —
И только «Русской Стариною»
Я оживаю въ память дней!
Въ ней вспоминаю, какъ бывало
На сценѣ жить стремился я...
И выходъ номера журнала
. . . . . дорогъ для меня...

1839 г. 2-го апрѣля день моего выпуска на службу, 1889 г. 2-го апрѣля мое сердечное посланіе къ вамъ.

Душевно преданный сотрудникъ Л. Леонидовъ.

Костяной образъ креста Господня

1656 г.

Въ одной изъ комнатъ Меншиковскаго дворца, нынѣ комнатъ музея (или, какъ называли прежде, музеума) 1-го кадетскаго корпуса, хранится костяной образъ креста Господня, интересная копія съ того креста, который былъ сдѣланъ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, по заказу патріарха Никона, въ Палестинѣ, въ 1656 году.

Работа этой копіи (костянаго образа) замѣчательна своею художественною отдѣлкою: кромѣ лицъ, помѣщенныхъ около креста (царей и царицъ Константина, Елены, Алексѣя Михаиловича, Маріи Ильиничны и патріарха Никона), всѣ реликвіи, кресту принадлежащія, со всѣми ихъ надписями, и всѣ орнаменты этого образа отличаются самою нѣжною и изящною ажурною работою. Происхожденіе этого образа, къ сожалѣнію, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Что же касается до его прототипа, съ котораго сдѣлана эта копія, то вотъ нѣкоторыя сохранившіяся о немъ свѣдѣнія [1]): «тщаніемъ и усердіемъ патріарха Никона», крестъ сдѣланъ былъ въ Палестинѣ, въ 1656 г., изъ кипариснаго дерева, мѣрою въ вышину, ширину и толщину во всемъ подобный кресту Христову (длиною 4 арш., поперечное дерево 3 арш. безъ 3 вершк., титла аршинъ безъ вершка, подножіе аршинъ, ширина 5 в., толщина 2 в.) и украшенъ серебрянымъ и золотымъ окладомъ. Въ этомъ крестѣ помѣщены св. мощи, числомъ до трехсотъ, съ лѣтописными и вырѣзанными ихъ изображеніями.

Крестъ этотъ былъ отправленъ изъ Москвы въ 1657 г. въ монастырь (получившій названіе Ставрасъ Крестный) на о. Кій, находящійся въ заливѣ Бѣлаго моря. По указу ц. Алексѣя Михаиловича, крестъ сопровождала во всю дорогу рота драгунъ съ командующими офицерами; съ обозомъ слѣдовали орудія (100 чугунныхъ большихъ и малыхъ пушекъ), везли порохъ, снаряды, бердыши и барабаны и проч., предназначавшіеся монастырю, на случай защиты его отъ нападенія непріятеля.

Сообщ. А. И. Савельевъ.

---

[1]) Ист. Росс. Іерархіи, т. IV.

„РУССКАЯ СТАРИНА" въ изд. 1889 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Записки князя Юрія Владиміровича Долгорукова, 1740—1830 . . . . 481—517

II. Дневникъ проф. академика Александра Васильевича Никитенко, 1830—1837 гг. Сообщ. С. А. Никитенко 27—60; 265—299; 519—558

III. Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера, 1808—1858. Сообщ. А. Лопатинскій . . . . 1—26; 559—578

IV. Студенческія волненія въ Казани 1882 г. Воспоминанія П. Д. Шестакова. (См. „Русскую Старину" изд. 1889 г., книга январь).

Замѣтка къ Воспоминаніямъ. Сообщ. профес. И. М. Гвоздевъ. 436—437

V. Графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Воспоминанія доктора Н. А. Бѣлоголоваго, 1876—1888 гг. 579—615

VI. Воспоминанія художника В. В. Верещагина: На дальнемъ востокѣ, въ Палестинѣ . . . . . 439—445

Изслѣдованія.— Историческіе и историко-біографическіе очерки.— Переписка, разсказы, матеріалы, замѣтки.

стр.

I. Костяной образъ креста Господня, 1656 г. Сообщ. А. И. Савельевъ 718

II. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Письма къ нему Боева, Баклановскаго и Леонтьева въ 1677 г. Сообщ. А. Востоковъ . . . . 129—132

III. Историческія могилы въ гор. Березовѣ кн. Меншикова и гр. Остермана. Сообщеніе И. Воропая и разсказъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго . . . . . . 133—136

IV. Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. Гл. VI—IX. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій . . . . 459—480

V. О первыхъ шагахъ дѣятельности с.-петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія. На основаніи архивныхъ документовъ. Читано на торжественномъ актѣ Археологическаго института 14 мая 1889 г. Сообщ. директоръ арх. института, проф. И. Е. Андреевскій 447—456

VI. Петербургская старина. Новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1799 и 1800 гг. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. . . . . 211—224, 457—458

VII. Взаимныя отношенія между Россіей и Пруссіей въ былыя времена. Историческія воспоминанія Георга Вебера. Переводъ съ нѣм. рукописи В. В. Тимощукъ. 225—240

VIII. Александръ Ѳедоровичъ Багговутъ. Очеркъ жизни его съ 1831 по 1883 г. Сообщ. Г. К. Градовскій . . 241—264

IX. Свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ въ 1820—1843 гг. Сообщ. С. И. Погодина. . 137—158

X. Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ. Записка, представленная имъ генералъ-адмиралу е. и. в. великому князю Константину Николаевичу въ 1850 г. (о сношеніяхъ съ Японіею) . . . . 177—182

стр.

XI. Гавріилъ Степановичъ Батенковъ. Историко-біографическій очеркъ. Род. 1793 г. † 1863 г. . . . 301—362

XII. Іаковъ Ивановичъ Ростовцовъ: 1. Письмо его къ князю Евгенію Петровичу Оболенскому (бывшему декабристу) 18-го ноября 1858 г.—2. Письмо І. И. Ростовцова къ вел. кн. Николаю Павловичу и ихъ разговоръ 12-го декабря 1825 г.—3. Письмо князя Е. П. Оболенскаго къ І. И. Ростовцову, 1-го янв. 1859 г. . . . 617—639

XIII. Василій Өедоровичъ фонъ-деръ-Лауницъ, † 1863 г. Замѣтка къ его характеристикѣ. Сообщ. В. Ф. Зеге-фонъ-Лауренбергъ . . . . 183—186

XIV. Бѣлая монахиня въ Пензѣ въ началѣ 1860-хъ годовъ. Сообщ. А. А. Кирѣевъ . . . . 193—194

XV. Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ, 1861—1863 гг. Сообщ. проф. Н. А. Өирсовъ. 61—80; 421—435

XVI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг. Историко-біографическій очеркъ по бумагамъ фамильнаго его архива и прочимъ матеріаламъ. Гл. VII. Состав. и сообщ. И. И. Ореусъ . . 81—109; 387—420

XVII. Къ вопросу о болгарскомъ ополченіи 1877—1878 гг. Сообщ. Д. Г. Анучинъ . . . . 195—202

XVIII. Адріанъ Пушкинъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1866—1881 гг. Сообщ. А. Ө. Селивановъ . . 640—642

XIX. Когда и гдѣ положено основаніе общества Краснаго Креста. Историческая справка. Сообщ. А. О. Таборовскій . . . . 190—192

XX. Памятники замѣчательнымъ русскимъ дѣятелямъ. Поректы и пожеланія. Сообщ. А. Е. Егоровъ . . 647—653

XXI. Археологическій институтъ въ 1888—1889 учебномъ году. Извлеченіе изъ отчета. . . . . 205—209

XXII. Путевые очерки, наброски и замѣтки. Поѣздка по Россіи въ 1888 г. М. И. Семевскаго: IV. Ростовъ Великій. 683—708

Исторія русской литературы.

стр.

I. Николай Платоновичъ Огаревъ. Его стихотворенія, 1839—1840 гг. . . 110, 128, 162, 210, 300, 386, 438, 446, 518, 654

II. Вилія. (Переводъ г. Кавелина изъ «Конрада Валленрода», поэма Мицкевича) . . . . 203—204

III. Друзья и знакомые Николая Васильевича Гоголя въ ихъ къ нему письмахъ: Ю. Ѳ. Самаринъ. — Ѳ. В. Чижовъ.—М. П. Погодинъ.—А. В. Никитенко въ 1836—1847 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ. . 163—176, 363—385

IV. Татьяна Петровна Пассекъ:

1. Замѣтка къ ея характеристикѣ. Сообщ. Н. А. Огарева-Тучкова. . . . . 187—189

2. Письма къ ней кн. Н. А. Орлова, 1868—1874 гг. Сообщ. И. А. Пашковъ. . . . . 643—646

V. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. У его гроба. Стихотв. Сообщ. М. Кельмъ 616

VI. Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ:

1. Памяти О. Ѳ. Миллера. — 2. Автобіографическія его замѣтки. — 3. Доска на домѣ, гдѣ онъ родился. — 4. Предсмертная статья его, посвященная разбору книги о русской крестьянской свадьбѣ.—5. Очеркъ объ О. Ѳ. Миллерѣ и о немъ воспоминаніе. Сообщ.: профес. о. М. И. Горчаковъ, баронесса Ю. И. Унгернъ-Штернбергъ, В*** и В. Тухомицкій . . . . 655—682

VII. Андрей Александровичъ Краевскій, род. 6 февраля 1810 г., † 8 августа 1889 г. Ред. . . . 709—714

VIII. Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг. Сообщ. В. Е. Якушкинъ . . . . 111—127

Исторія искусствъ въ Россіи.

I. Василій Андреевичъ Каратыгинъ.

1. Первый дебютъ В. А. Каратыгина на сценѣ. Письмо бар. В. И. Штейнгеля. Сообщ В. Надпорожный. 159—160

2. Послѣдніе дни жизни В. А. Каратыгина. Письмо А. М. Каратыгиной къ директору театровъ А. М. Гедеонову. Сообщ. А. А. Кирѣевъ. . . . . 160—161

II. Леонидъ Львовичъ Леонидовъ, род. 18 апрѣля 1821 г., † 5 августа 1889 г. . . . . 715—717

Портреты и рисунки.

I. Портретъ Гавріила Степановича Батенкова, гравир. художн. Г. И. Грачевъ.
(При стр. 225).

II. Портретъ Александра Васильевича Никитенко, гравиров. художн. В. В. Бергъ.
(При стр. 459).

III. Портретъ Константина Ивановича Домонтовича, гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 1).

IV. Автографъ историка Георга Вебера.
(При стр. 458).

V. Кресты и ограда на могилахъ кн. А. Д. Меншикова и графа А. И. Остермана въ городѣ Березовѣ.
(При стр. 224).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Исторія Тверской духовной семинаріи. Ко дню 150-лѣтняго юбилея семинаріи. Сост. препод. Владиміръ Колосовъ. Изд. иждивеніемъ архіепископа Саввы. Тверь, 1889, въ б. 8 д., стр. X+464. (На оберткѣ VII-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).
2. Празднованіе 150-лѣтняго юбилея Тверской духовной семинаріи 16-го февраля 1889 г. Состав. преподав. семинаріи, В. Колосовъ. Тверь, 1889 г., въ 8 д., стр. 96. (Тамъ-же).
3. Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи. Изданіе Спб. губерн. земства. Спб. 1882—1889, въ б. 8 д. Десять выпусковъ. (Тамъ-же).
4. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Сост. В. Зелинскій. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Москва, 1887—1888 гг. (Тамъ-же)
5. Русская критическая литература о произведеніяхъ графа Л. Н. Толстаго. Состав. В. Зелинскій. Три части. Москва, 1888 года. (Тамъ-же).
6. Проф. Мих. Бобржинскій. Очеркъ исторіи Польши. (Dzeije Polski w Zarysie). Переводъ съ 3-го польскаго изданія подъ редакціей проф. С.-Петербургскаго университета Н. И. Карѣева. Спб., 1888 г., томъ I, въ 8 д., стр. II+292. Изд. Ф. Пантелѣева. (Тамъ-же).

7. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія.—Монографіи и критическія статьи А. П. Пятковскаго. Въ двухъ частяхъ. Второе дополненное изданіе. Спб., 1888, въ 8 д., стр. 298+355. (Тамъ-же).

8. Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб., 1888 г., въ б. 8 д., стр. XVI+559+72+101+VI. (Тамъ-же).

9. Сочиненія М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Томъ первый. Губернскіе очерки.—Невинные разсказы.—Изданіе автора. Спб., въ б. 8 д., стр. VI + 564. (Тамъ-же).

10. Систематическій каталогъ дѣламъ сибирскаго приказа московскаго коммисарства и другихъ бывшихъ учрежденій по части промышленности и торговли, хранящимся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Тутъ-же дополненія къ каталогу дѣламъ департамента внѣшней торговли, изданному въ 1877 году.—Составилъ начальникъ сего архива Н. Кайдановъ. Спб., 1888 г., въ б. 4-ю долю, стр. 10+208. (Тамъ-же).

11. П. А. Матвѣевъ.—Болгарія послѣ берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Спб., 1887 г., стр. 327. (На обертке VIII-й книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).

12. Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1886 годъ. Спб., 1888 г., въ 8 д., стр. II+135+32. (Тамъ-же).

13. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Томъ III, съ портретомъ автора. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. 343. (Тамъ-же).

14. Очерки, наброски, воспоминанія В. В. Верещагина. Съ рисунками. Спб., 1883 г., въ 8 д., стр. 155. (Тамъ-же).

15. Архивъ князя Воронцова. Книги XXXIV и XXXV-ыя. Москва, 1888 и 1889 гг., въ 8 д., стр. 504+502. (На обертке IX книги «Русской Старины» изд. 1889 г.).

16. Опытъ исторіи Библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Сочиненіе Н. А. Астафьева. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. 180. (Отд. оттискъ изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1888—1889 гг.). (Тамъ-же).

17. Вл. Сорокинъ. Разсказы о Петрѣ Великомъ. Изданіе второе, съ картинами и портретомъ Петра Великаго. Спб., 1889 г., въ м. 8 д., стр. 158. (Тамъ-же).

18. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданные Императорскою академіею наукъ подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина, адъюнкта академіи. Томъ III. Годъ 1713-й. Книга I (январь — іюнь). Спб., 1887. (Тамъ-же).

19. О. Х. Агренева-Славянская. Описаніе русской крестьянской свадьбы, съ текстомъ и пѣснями. Въ 3-хъ частяхъ. Часть I. Москва, 1887 г.—Ч. 2. Тверь, 1887 г.—Ч. 3. Тверь, 1889 г. (См. IX книгу «Русской Старины» изд. 1889 г., стр. 669—676).

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,

императоръ всероссійскій.

Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

ГРАВЕРЪ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры—3/4 аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II,—Академика Сѣрякова,—предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины»—

☞ лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина“, могутъ получить за **семь семикопѣечныхъ** *почтовыхъ марокъ* (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ сверткѣ.

Примѣчаніе. *Семь почтовыхъ марокъ* или *50 копѣекъ* уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполнѣ замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину“.

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.

историческихъ изслѣдованій и монографій. Въ немъ четыре отдѣла: I) Библія рукописная: 1) Первые два вѣка (X—XII). 2) Время монгольскаго ига. II. Славянская библія печатная: XVI и XVII столѣтій. III. Вѣкъ Петра Великаго: 1) Царствованіе Петра. 2) Время послѣ Петра Велик. IV. Наше время. 1) Россійское библейское общество. 2) Тридцатилѣтіе по закрытіи Россійскаго библейскаго общества (1825—1855 гг.). 3) Русск. библія (1855—1875 гг.). 4) Общество для распространенія Священнаго Писанія въ Россіи (1863—1886 гг.).

Книга эта возбуждаетъ живѣйшій интересъ и такъ какъ все количество ея оттисковъ почти сполна разошлось, то желательно видѣть второе изданіе, при чемъ надо надѣяться, что она будетъ принята въ библіотекахъ всѣхъ среднихъ и высшихъ, духовныхъ, свѣтскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній. Составитель книги, уважаемый профессоръ историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ, есть одинъ изъ основателей и въ теченіе болѣе четверти вѣка безсмѣнный предсѣдатель «Общества для распространенія Священнаго Писанія въ Россіи», — Общество это занимаетъ прочное и весьма видное мѣсто въ ряду самыхъ благотворныхъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ и дѣятельность его снискала не только уваженіе во всей Россіи, но и признательность Америки: библейское Общество этой страны ассигновало въ распоряженіе помянутаго нашего общества значительную ежегодную субсидію. Съ 1863 по 1888 гг. включительно обществомъ распространено 1,233,000 экз. Священнаго Писанія (Библій, Новыхъ Завѣтовъ, Евангелій, Псалтирей), въ томъ числѣ 85,000 экз. подарено, частью уступлено по уменьшенной цѣнѣ — въ школы, богадѣльни, больницы, тюрьмы и бѣднымъ людямъ. Число участниковъ въ дѣлѣ общества до 1,300 лицъ; всего израсходовано на это святое дѣло съ 1863 г. до 1889 г.—256,000 р.

Вл. Сорокинъ. Разсказы о Петрѣ Великомъ. Изданіе второе, съ картинами и портретомъ Петра Великаго. Спб., 1889 г., въ м. 8 д., стр. 158. Цѣна 45 коп.

То обстоятельство, что авторъ много занимался въ свое время преподаваніемъ и, между прочимъ, въ сообществѣ своего друга, незабвеннаго педагога и человѣка, Ѳ. Ѳ. Резевера, былъ горячимъ дѣятелемъ въ спб. воскресныхъ школахъ, въ первую эпоху ихъ учрежденія въ 1860-хъ годахъ, безъ сомнѣнія, отразилось на изложеніи этой книги. Она именно отличается весьма живымъ и нагляднымъ разсказомъ человѣка, пріобыкшаго преподавать и вообще имѣть дѣло съ дѣтьми и взрослыми слушателями. Книжечка очень полезна для ученическихъ библіотекъ вообще и для народныхъ школъ въ особенности. Она пересыпана кстати и умѣло переданными письмами царя, легендами, народными пѣснями и позднѣйшихъ поэтовъ стихами о Петрѣ I и его времени, и украшена недурными политипажами. Книжечку эту мы особенно рекомендуемъ для публичныхъ чтеній народу и солдатамъ.

Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, изданные Императорскою академіею наукъ подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина, адъюнкта академіи. Томъ III. Годъ 1713-й. Книга I (январь — іюнь). Спб. 1887.

Изданіе это въ высокой степени важно для исторіи эпохи Преобразователя Россіи. Первые томы изданы подъ ред. покойнаго Н. В. Калачова, настоящій выпускъ изданъ подъ ред. Н. Ѳ. Дубровина. Въ первую книгу III тома вошло 430 постановленій Петровскаго сената, этого собранія его птенцовъ, дѣятельныхъ, неутомимыхъ его сотрудниковъ. И чего, чего только не касался этотъ сенатъ! Онъ вѣдалъ рѣшительно все въ государственной жизни и внутренно-хозяйственномъ бытѣ тогдашней юной Россіи. Чтеніе книги этой, печатаемой мелкимъ шрифтомъ, въ два столбца, интереснѣе всякой цвѣтистой исторіи Петра Великаго; нигдѣ такъ не вырисовывается этотъ государь-работникъ, государь-хозяинъ, какъ въ распоряженіяхъ этой артели его вѣрныхъ, усердныхъ слугъ, возведенныхъ въ званіе сенаторовъ... Дивишься только, какъ къ изданію этихъ драгоцѣннѣйшихъ «постановленій» эпохи Петровскихъ реформъ не было приступлено у насъ полъ-вѣка и болѣе лѣтъ тому назадъ, до того оно важно и необходимо.

М. С.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1890 г.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА.**

Въ Москвѣ — въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова), **Н. Печковской** (Петровская линія). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани— **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магаз. **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.— Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., (*45 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., 12 книгъ (*52 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., 12 книгъ (*50 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., 12 книгъ (*31 экз.*), съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 книгъ (*41 экз.*), съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1883 г., 12 книгъ (*5 экз.*), съ 17 портрет., 9 руб.
„Русская Старина" 1884 г., 12 кн., изд. второе (*87 экз.*), съ портр., 9 руб.
„Русская Старина" 1885 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1888 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
„Русская Старина" 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

3 р
ВЕРЕЙСКОЙ ЗЕМСКОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ
№ По католоту 18....г.

